

СФЕРА ЕВРАЗИИ

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1885–1921) — одна из самых ярких и неоднозначных фигур гражданской войны в России и Монголии. Будучи противником революций и либерализма, поставив своей целью реставрацию монархий и традиционного общественного устройства, своей бескомпромиссной борьбой он оставил яркий след в истории обеих стран. Попытка восстановить монархии вооруженным путем, создать в Евразии Срединную империю — наследницу державы Чингисхана, методы борьбы, личные качества и убеждения Унгерна не оставляют равнодушными тех, кто интересуется историей. Однако большинство первоисточников пока оставалось “за кадром”.

БАРОН УНГЕРН В ДОКУМЕНТАХ И МЕМУАРАХ

СФЕРА ЕВРАЗИИ

БАРОН УНГЕРН В ДОКУМЕНТАХ И МЕМУАРАХ

СФЕРА ЕВРАЗИИ

**БАРОН УНГЕРН
В ДОКУМЕНТАХ И МЕМУАРАХ**

СОСТАВИТЕЛЬ И РЕДАКТОР С.Л. КУЗЬМИН

**ТОВАРИЩЕСТВО НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КМК
МОСКВА ❖ 2004**

Серия “СФЕРА ЕВРАЗИИ”

Редакторы серии: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов

С.Л. Кузьмин (сост.). Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2004. 661с., 42 фотографий, 6 илл. в тексте.

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1885–1921) — одна из самых ярких и неоднозначных фигур гражданской войны в России и Монголии. Будучи противником революций и либерализма, поставив своей целью реставрацию монархий и традиционного общественного устройства, своей бескомпромиссной борьбой он оставил яркий след в истории обеих стран. Попытка восстановить монархии вооруженным путем, создать в Евразии Срединную империю — наследницу державы Чингисхана, методы борьбы, личные качества и убеждения Унгерна не оставляют равнодушными тех, кто интересуется историей. Однако большинство первоисточников пока оставалось “за кадром”.

Данная книга — собрание материалов о бароне Унгерне (свыше 150 документов на 6 языках, в том числе биографические сведения, письма, донесения, приказы, допросы и т.д., а также 28 мемуаров современников). Подавляющее большинство из них публикуется впервые. Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на жизнь и деятельность барона Унгерна и отказаться от ряда стереотипов, сложившихся в отечественной и зарубежной литературе.

Книга адресована гуманитариям, в первую очередь историкам, востоковедам, этнографам, политологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей.

S.L. Kuzmin (compiler). Baron Ungern in documents and memoirs. Moscow: KMK Scientific Press. 2004. 661 p., 42 photographs and 6 illustrations in the text.

Baron Roman Fedorovich von Ungern-Sternberg (1885–1921) is one of the most extraordinary persons of the civil war in Russia and Mongolia. One of the bitterest enemies of revolutions and liberalism, aimed to restoration of monarchies and traditional social order, he left a noticeable track in the history of the both countries. The attempts to restore monarchies by armed hand, to create the Middle Empire as the heritage of the Chenghis Khan's country, as well as Ungern's military methods and personal views excite interest of many people interested in history. However, a majority of sources still remained unavailable. This book is a collection of materials on Baron Ungern. It includes more than 150 documents, including biographical data, letters, messages, orders, interrogations etc., as well as 28 memoirs. Large majority of them are first published. These materials allow reader to have a new insight into the life and activity of Baron Ungern, and to give up many stereotypes formed in literature. The book is addressed to humanitarians and, first of all, historians, orientalists, ethnographers, political scientists, as well as all readers interested in history.

Составитель и редактор: С.Л. Кузьмин
Комментарии: Е.А. Белов, С.Л. Кузьмин

ISBN 5-87317-164-5

© Т-во научных изданий КМК,
издание, 2004

“Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма”

(Дхаммапада, I, 5)¹

¹ Дхаммапада — знаменитый сборник изречений Будды, одна из канонических книг буддизма. Цит. по изд.: Дхаммапада (пер. В.Н. Топорова). Самара: Агни, 1998, с. 84

Деятельность барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга и его роль в истории

Вот уже почти сто лет личность барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга не оставляет равнодушными не только историков, но и всех, кто интересуется Гражданской войной в России, Монголией и Маньчжурией. Барон Унгерн был одной из самых ярких и неоднозначных фигур Белого движения. Его попытка победить революции в России и Китае, восстановить монархии, создать в Евразии Срединную империю — наследницу державы Чингисхана, его личные качества и убеждения — все это до сих пор окрашено теми или иными оценками, иногда положительными, но чаще отрицательными.

Первые книги и статьи об Унгерне были написаны еще в первой половине прошлого века, “по свежим следам”, но уже тогда мнения резко разделились — как среди красных, так и среди белых. Затем почти полвека деятельность Унгерна в СССР оставалась неисследованной. В отечественной литературе сформировались стереотипы, хорошо известные по учебникам истории и энциклопедиям. Основу этим стереотипам заложил известный партийный идеолог Е.М. Ярославский. При подготовке первого издания “Истории Гражданской войны” в 1925 г. было принято решение, что военную часть главы об Унгерне должен писать К.А. Нейман, воевавший с белыми, а политической стороной дела займется Ярославский, выступавший обвинителем на суде над бароном (РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л. 10). Лишь в 1993 г. появился документальный роман Л. Юзефовича “Самодержец пустыни” — несомненно, наиболее реалистичное из беллетризованных произведений об Унгерне (хотя и не лишенное неточностей). Эта книга, написанная прекрасным языком, читается с увлечением. Появились статьи об Унгерне, радио- и телепередача (художественный фильм “Исход”, снятый давно, еще в 1967 г., с тех пор почти не шел).

Количество публикаций в последние годы растет. Как и раньше, большинство их содержат резкие, часто — просто неверные суждения, но первоисточники остаются “за кадром”. Однако именно они необходимы для объективной оценки личности барона Унгерна и его вклада в историю.

Потому у автора этих строк возникла идея опубликовать первоисточники, касающиеся Унгерна. В процессе работы появилось сразу несколько книг, причем почти одновременно. Несомненно, лучшая из них — монография Е.А. Белова (5.11.1929 – 17.4.2004), опубликованная в 2003 г. После ее выхода в свет я поделился своими соображениями с Евгением Александровичем, и он с энтузиазмом погрузился в работу, хотя был уже болен. К сожалению, внезапная смерть прервала работу Евгения Александровича, но он успел написать часть комментариев к первоисточникам. Обсуждая концепцию будущей книги, мы с радостью убеждались в том, что наши подходы и оценки в основном совпадают. Хочется надеяться, что предлагаемая книга послужит памятью о замечательном ученом и человеке.

Задача этой книги — не детальный анализ деятельности Унгерна (он имеется в кн.: Белов, 2003), а публикация первоисточников, позволяющих читателю сделать самостоятельные выводы. Большинство архивных документов публикуются здесь впервые, а приводимые статьи и книги представляют библиографическую

редкость. Все материалы разделены на два раздела: (1) документы и (2) мемуары современников. Однако большинство документов и мемуаров о военных действиях не приводится: их очень много, и публикация их без специального анализа не позволит составить целостной картины. Тем более что основные публикации легко доступны, и читатель может сам ознакомиться с ними (Цибиков, 1947; Чойбалсан, 1952; Кислов, 1931, 1964; Белов, 2003; и др.).

Ниже представлены только те материалы, которые непосредственно касаются барона Унгерна: его биографии, идеологии, философии, целей, деятельности и т.п. По возможности опущены сведения, которые дублируются в других работах. В первую очередь, сокращения сделаны в тех материалах, которые были опубликованы ранее. Это — единственные критерии, по которым проводились сокращения. Не приводятся также чисто художественные произведения (А. Хейдок, А.И. Несмелов, Сергеев и т.п.). По этой же причине опущены беллетризованные мемуары поэта и новеллиста Б.Н. Волкова (1894–1954) и, в значительной степени, книга Ярославского. Последняя вполне доступна в России, а мемуары Волкова желающие могут найти в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Эти мемуары пока не публиковались. Правда, на шмуцтителе книги М.И. Демиденко (2004) значится: “Записки поручика Волкова”. В действительности, это сочинение самого Демиденко. Оно составляет достойную конкуренцию произведениям Ярославского по тенденциозности, но не по уровню знакомства с материалом.

Приводимые ниже документы и мемуары снабжены ссылками и комментариями. Грамматика и орфография, по возможности, адаптированы к современному русскому языку; адаптированы и унифицированы термины, транскрипции имен и титулов, а также географические названия. В документах все изменения, внесенные составителем, помещены в квадратные скобки, купюры — в угловые скобки, вычеркнутые в оригиналах фрагменты — в фигурные скобки (приводятся только в важных случаях). В мемуарах квадратные скобки используются только в названиях.

Большинство использованных архивных документов — пронумерованные копии. В тексте они условно обозначены как “оригиналы” (это слово при ссылке на архив опущено). В тех же случаях, когда архивный документ представляет собой первый экземпляр или авторскую копию, он обозначается как “подлинник” (указывается при библиографическом описании).

Использованы следующие фонды: АВПРФ — Архив внешней политики РФ; Архив Гуверовского института, США; ГАНО — Государственный архив Новосибирской области; ГАРФ — Государственный архив РФ; Государственный архив Эстонии; ГМСИР — Государственный музей современной истории России; ЗХА — Военный архив Монголии; Минусинский региональный краеведческий музей им. И.М. Мартыанова; МУА — Монгольский государственный архив; РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота; РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства; РГАСПИ — Российский государственный архив социальной и политической истории; РГВА — Российский государственный военный архив; РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив; ЦМВС — Центральный музей вооруженных сил; собрание М.Ю. Блинова. Сокращения: ф. — фонд, оп. — опись, д. — дело, п. — папка, л. — лист, с. — страница.

Для понимания взглядов Унгерна особенно ценны его письма, захваченные красными в Урге. В основном это машинописные копии из архива Азиатской конной дивизии. Судя по рукописным пометкам, Унгерн просматривал письма после перепечатки и делал свои вставки. Ниже эти письма даются по копиям из РГВА с правкой по подлинникам из АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47. Очень важны также протоколы допросов барона красными: он не скрывал своих убеждений и говорил откровенно. Однако к ним нужно относиться с известной критичностью, особенно к скомпонованным и отредактированным текстам: в них встречаются противоречия и неверные сведения, возможно, вставленные позже. Для понимания личности Унгерна и его роли в истории важны и другие документы, а также мемуары как его сторонников, так и противников.

Хочется надеяться, что первоисточники позволят читателю сделать собственные выводы, не навязанные со стороны. В пределах каждого раздела документы и мемуары группируются, по возможности, в хронологическом порядке. Это позволит читателю следить за развитием событий.

Чтобы облегчить восприятие этих разнородных материалов, их надо предварить кратким очерком жизни и деятельности барона Унгерна.

* * *

Унгерн-Штернберги — один из древних немецких родов. Согласно преданию, этот род ведет начало со времен вождя гуннов Аттилы, в жилах Унгерн-Штернбергов течет кровь гуннов, германцев и венгров — отсюда, так сказать, “кровенный” интерес к Востоку (Оссендовский, 1925). Члены этого рода участвовали в войнах, были крестоносцами. Примерно в начале XII века из Венгрии в Галицию переселились два родных брата де Унгариа, оттуда они с семьей переселились в Прибалтику (Лавров, 1942). В то время, когда Прибалтикой владел Ливонский орден, де Унгариа становятся баронами Унгернами. Среди них были странствующий рыцарь, алхимик, пираты... Официальным родоначальником был Ганс фон Унгерн, живший в XIII веке (Акунов, 2003). В этом столетии род разделился на германскую и ливонскую ветви. Во времена шведского владычества в Прибалтике один историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии “Штарнберг”, отыскав какое-то родство рода с чешским графом Штарнбергом (Лавров, 1942). Баронское достоинство было пожаловано Унгерн-Штернбергам шведской королевой Христиной в 1653 г. (Кузнецов, 2004). В XVI и XVII столетиях бароны Унгерн-Штернберги владели замками в Латвии и Эстонии, и с их жизнью связано немало сказаний и легенд.

Основоположник русской ветви дома Унгерн-Штернбергов — барон Рено (Лавров, 1942). Их род внесен в дворянские матрикулы всех трех прибалтийских губерний Российской империи (Акунов, Кузнецов, 2003). Он преданно служил царю и отечеству. На вопрос: “Чем отличился Ваш род на русской службе?” Р.Ф. Унгерн-Штернберг ответил: “72 убитых на войне!” (“Советская Сибирь”, № 199 (559), 1921, с. 1).

Среди предков Р.Ф. Унгерна были не только военные. Его отец занимался виноделием в Крыму и даже оставил книгу на эту тему; был в его роде и философ, также оставивший научный труд. Однако Романа не вдохновляли такие примеры — он мечтал о рыцарских подвигах во имя монархии и традиционного общественно-го уклада, близкого к позднему средневековью Европы. Вероятно, следствием это-

Герб баронов Унгерн-Штернберг (рис. П.Ф. Космолинского; по: Акунов, Кузнецов, 2003).

го и стала его склонность к партизанским действиям, нелюбовь к формализму и, в какой-то мере, к армейской дисциплине. По словам Р.Ф. Унгерна, его дед был в Индии, где и стал буддистом (Оссендовский, 1925). Позже к этому учению примкнули его отец и он сам.

Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг родился в австрийском городе Грац 29 декабря 1885 г. по новому стилю (разночтения в дате рождения в разных документах связаны с переводом даты из юлианского календаря в григорианский и из старого стиля в новый — об этом см.: Юзефович, 1993). Его назвали тройным именем Роберт-Максимилиан-Николай, по традиции дворянских немецких семей. Позже он изменил имя и отчество на Романа Федоровича по отцу, Теодору-Леонгарду-Рудольфу фон Унгерн-Штернбергу. Последний развелся с матерью Роберта, Софи-Шарлоттой фон Вампфен, когда ребенку было пять лет. Через три года она вторично вышла замуж — за барона О.Ф. Гойнинген-Гюне, от которого родила сына и дочь. Семья постоянно проживала в г. Ревель (теперь Таллин). Дом отчима Роман считал родным, он там останавливался, приезжая на родину, даже после того, как его мать умерла в 1907 г. (Юзефович, 1993). Есть сведения, что его отец был убит в 1906 г., во время беспорядков в разгар революционного движения в Прибалтике (Лавров, 1942). Это заложило в сыне ненависть к революциям и либерализму.

В Ревеле Роман учился в частном пансионе Савича, в одной из гимназий, откуда был исключен за плохое прилежание к учебе и многочисленные школьные проступки. В 1903 г. отчим определил его в Морской кадетский корпус в С.-Петербурге. Однако Роман и там вел себя своевольно, поведение было неровным, в результате в феврале 1905 г. отчим был вынужден забрать его оттуда (Бочаров, 2003). В Морском корпусе он окончил курс младшим гардемаринном (РГВИА, ф. 2137, оп.

1, д. 138, л. 16–21об.). С началом Русско-японской войны Р.Ф. Унгерн поступает вольноопределяющимся в 91-й пехотный Двинский полк, затем переходит в 12-й Великолуцкий полк. Участвовал в походах против Японии, но в сражениях не был (РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об.) — видимо, активные боевые действия закончились к тому времени, как он прибыл в Маньчжурию (Лавров, 1942). За участие в Русско-японской войне получил светло-бронзовую медаль и звание ефрейтора.

В 1906 г. Р.Ф. Унгерн был переведен в Павловское военное училище, которое окончил в 1908 г. По окончании полного курса наук был произведен в хорунжие в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, поскольку не захотел служить в пехоте. Кузен Романа, Арвид Унгерн-Штернберг объяснял это тем, что он мечтал служить в кавалерии, а выпускнику пехотного училища это можно было реализовать только в казачьем полку. То, что он выбрал именно Забайкальское казачье войско, объяснялось слухами о новой войне с Японией, а также тем, что забайкальцами тогда командовал родственник Унгерна, генерал Ренненкампф фон Эдлер (Юзефович, 1993). Там Унгерн отлично освоил верховую езду и приемы конного боя — благодаря своей целеустремленности и учителю, сотнику Оглоблину (Голубев, 1926).

1-й Аргунский полк, в котором нес службу Унгерн, стоял в Даурии. Здесь, у границы Монголии и Китая, особенно проявился его интерес к северному буддизму и Центральной Азии. К этому же периоду, видимо, относится и безуспешная попытка Унгерна создать орден военных буддистов, в котором он ввел безбрачие, отказ от женщин, удобств и излишеств — что, однако, не было принято его единомышленниками (Оссендовский, 1925). “Чтобы дать возможность русскому человеку тешить свою буйную натуру”, Унгерн допустил свободу потребления алкоголя, гашиша и опиума. Впоследствии барон не только сам отказался от алкоголя и наркотиков, но и строго наказывал за пьянство своих подчиненных.

В 1910 г. Унгерн участвовал в трех карательных экспедициях в Якутской области. В том же году перевелся в 1-й Амурский казачий полк, а через два года был произведен в сотники за выслугу лет (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.). Считается, что его перевод в другой полк был связан с дуэлью, после которой совместная служба противников стала невозможной (Юзефович, 1993). Однако в воспоминаниях Голубева (1926) этот эпизод изложен по-другому: во время попойки Унгерна оскорбил приятель, но тот отказался не только вызвать последнего на дуэль, но даже потребовать извинения, вследствие чего офицерский суд чести предложил им перевестись в другие полки.

Унгерн выехал к месту новой службы в 1-й Амурский полк, в Благовещенск. Заклучив пари, весь путь (900 верст) он проделал верхом в сопровождении лишь своей охотничьей собаки, следуя по кратчайшему направлению через хребет Большой Хинган охотничьими тропами (Князев, 1934, 1942). Этот переход, по-видимому, надолго остался в памяти его сослуживцев.

В период службы с 1910 по 1912 гг. Унгерн заведовал пулеметной командой, командой разведчиков, участвовал в обучении переселенцев, военно-конской и повозочной переписи и т.д. (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.). За выслугу лет был произведен в сотники. В это время он зарекомендовал себя как отличный наездник, человек, интересующийся военным делом, пользующийся симпатиями това-

рищей (РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 25–26). В аттестации отмечалось, что Унгерн интересовался литературой — причем не только военной, но и “общей”, чему способствовало знание нескольких иностранных языков — немецкого, английского, французского. Позже он изучил также монгольский, бурятский и китайский языки.

Из документов и мемуаров видно, что Унгерн хорошо разбирался не только в военном деле, но и в философии, религиях, политике, обычаях монголов и китайцев и т.д. Намного позднее, уже в Монголии, несмотря на нехватку информации, он высказывал суждения, опережавшие то время: что коммунизм — это форма религии и он будет уничтожен, что либерализм разрушает традиционное общество, что рано или поздно Советская Россия совместно с революционным Южным Китаем пойдет на Северный Китай, что после 1920-х гг. уже не будет возможности объединить всю Монголию и восстановить монархию в Китае, что неизбежна война США с Японией и т.д. Поэтому нельзя согласиться с П.Н. Врангелем (1991), писавшим, что Унгерн имел “узкий до чрезвычайности кругозор”.

В период службы Унгерна в Приамурье (видимо, в 1913 г.) у него произошла ссора с другим офицером, в которой последний ранил его шашкой в голову, вследствие чего барон вынужден был уйти и из этого полка (Голубев, 1926). По другим источникам, это ранение Унгерн получил еще в бытность в Аргунском полку, и именно это стало причиной его перевода в Амурский полк (Князев, 1942; Лавров, 1942). П.Н. Врангель (1991) сообщает, что от сабельного удара у барона на всю жизнь остался шрам, причем рана вызвала временами сильные боли, которые, возможно, стали причиной приступов ярости и жестокости. Так или иначе, 4 июля 1913 г., находясь в Благовещенске, он подал прошение об увольнении в запас (РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 14).

За два года до этого, в 1911 г. в Китае вспыхнула Синьхайская революция, которая привела к свержению монархии. В 1912 г. в Западной Монголии произошло народное восстание против китайского господства. Монголы изгнали китайцев из г. Кобдо, и Кобдосский округ присоединился к Внешней Монголии (Халхе). В народном движении против китайских оккупантов важную роль играл Дамби-Джамцан, или Джа-лама, астраханский калмык, военный и религиозный деятель Западной Монголии. В августе 1912 г. Джа-лама участвовал во взятии г. Кобдо монголами, а затем постепенно распространил свою власть на часть Кобдосского округа.

Борьба монгольского народа вызвала сочувствие Унгерна. Еще не получив официально отставки, он отправился в Монголию в поисках подвигов — что было удостоверено бумагой от командования. Унгерн собирался присоединиться к Джа-ламе. Ехал он в одиночестве, не взяв с собой ни продовольствия, ни постели, ни запасной одежды. Прибыв в Кобдо, он просил русского консула В.Ф. Любу разрешить ему службу в монгольских войсках. Однако и консул, и начальник русского отряда в Кобдо полковник Казаков отнеслись к добровольческой затее Унгерна отрицательно и не пустили его на службу к монголам (Бурдуков, 1969). Унгерн был прикомандирован в качестве сверхштатного офицера к конвою русского консула. В Кобдо он вел замкнутый образ жизни и, видимо, был взыскательным командиром (Серебрянников, 1936). Находясь в Монголии, Унгерн изучал монгольский язык (возможно, также китайский), обычаи монголов и буддийскую религию, по-видимо-

му, завел тесные контакты с ламами. Е.А. Белов (2003) на основе сообщения П.Н. Врангеля (1991) о том, что в Кобдо Унгерн предводительствовал монгольской конницей, предположил, что, числясь в отряде русских казаков, он фактически служил у Джа-ламы. Документальных свидетельств этого нет, но не исключено, что барон встречался с Джа-ламой. Правда, впоследствии Унгерн разочаровался в нем и стал считать коварным и вредным человеком. Голубев (1926) сообщает, что барон командовал отрядом хунхузов против китайцев в борьбе за независимость Монголии.

Приказ о зачислении Унгерна в запас Забайкальского казачьего войска последовал лишь 13 декабря 1913 г. (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.). После этого он выехал в Ревель, но когда именно, точно неизвестно.

Началась Первая мировая война. 19 июля 1914 г. Унгерн был призван по мобилизации в действующую армию, в 34-й Донской казачий полк. Воевал в Восточной Пруссии и на Юго-западном фронте. Там полностью проявились его страсть к войне, хладнокровие, авантюризм и верность долгу. Унгерн многократно проявлял необычайную храбрость и героизм, много раз бывал в боях. Участвуя в партизанских рейдах казаков в составе отряда особой важности, он подолгу находился в тылу противника, выполняя самые опасные задания командования (Хорошилова, 2002). Этому способствовало отличное знание немецкого языка: немецкий и русский языки для него были одинаково родными, причем по-русски он говорил с едва уловимым акцентом (Князев, 1942). Не раз Унгерн ходил резать проволочные заграждения противника, однажды был сильно ранен, остался висеть на заграждении, и был спасен своими казаками (Голубев, 1926). Он хорошо освоил методы партизанской войны, которым отдавал предпочтение и позже — в Монголии и Сибири.

С февраля 1914 г. по сентябрь 1916 г. Унгерн был ранен пять раз, но при этом или оставался в строю, или возвращался в строй с незалеченными ранами (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.; РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 11). За это время он был награжден пятью орденами, в том числе орденом Св. Георгия 4-й степени (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.). Эту награду он получил за то, что во время боя 22 сентября 1914 года (старого стиля), “находясь у ф. Подборек, в 400–500 шагах от окопов противника, под действительным ружейным и артиллерийским огнем, давал точные и верные сведения о местонахождении неприятеля и его передвижениях, вследствие чего были приняты меры, повлекшие успех последующих действий” (цит. по: <http://george-orden.nm.ru>). Этот орден Унгерн особенно ценил и носил до конца жизни: перед расстрелом он изгрыз его зубами, чтобы орден не достался большевикам. Будучи скромным человеком, барон не рассказывал об обстоятельствах боя, за который получил столь высокую награду: “Ведь ты там не был и с обстановкой незнаком”, — говорил он (Князев, 1934).

Получив аристократическое воспитание и будучи офицером, Унгерн тем не менее разделял все тяготы военной жизни простых казаков: спал на полу в одном помещении с ними, ел из одного котла и т.д. По оценкам командиров, он служил образцом для офицеров и казаков, и в боевом отношении всегда был выше всякой похвалы. В сентябре 1916 г. за боевые отличия был произведен в есаулы.

Вскоре после этого произошло событие, оставившее заметный след в жизни Унгерна. Оно отражено в материалах военного суда (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138).

В октябре 1916 г. барон со своим товарищем Артамоновым получили от командира полка отпуск в г. Черновцы. Днем пили спирт, а в ночь на 22 октября пришли в гостиницу “Черный Орел”, где Унгерн в свое время лежал раненым. Барон потребовал от швейцара номер, швейцар отказал, требуя удостоверение от коменданта города. Унгерн рассердился, хотел ударить швейцара шашкой в ножнах, но промахнулся и разбил стекло, а швейцара ударил рукой. Далее он отправился в комендантское управление, потом туда же пришел и Артамонов. Последний требовал разрешения на номер от дежурного по управлению Загорского. После настойчивых требований, Загорский позвонил коменданту, подполковнику Трещеву, который разрешения на номер не выдал. В это время в комнату вбежал Унгерн и крикнул: “Кому тут морду бить?!” На следствии он объяснил, что принял Загорского за другого адъютанта, тоже прапорщика, который обычно препятствовал при выдаче удостоверений на номер в гостинице, и который в свое время хотел его, раненого, удалить из “Черного Орла”. Унгерн крикнул: “А, сволочь, прапорщик!” и замахнулся на него рукой, а когда тот отвел его руку и попытался уйти, барон ударил его шашкой в ножнах по голове. Вызванный старший адъютант нашел Унгерна дремлющим в кресле и арестовал его. Загорский написал рапорт, делу был дан ход, и его рассмотрел Общій корпусный суд при штабе 8-й армии.

Однако блестящая аттестация, героизм на войне и ходатайства командования повлияли на приговор суда: 22 ноября 1916 г. Унгерн был приговорен к заключению в крепости на два месяца с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. В тот же день было выдано предписание о его немедленной отправке в свою часть. В начале 1917 г. Унгерн, вероятно, был отправлен в резерв чинов.

Впоследствии, после пленения красными, этот эпизод описывался по-другому: что за избиение комендантского адъютанта он получил три года тюрьмы, но наказания не отбывал ввиду революции 1917 г. Эти неверные сведения впоследствии фигурировали на судебном процессе над ним в Новониколаевске и стали общепринятыми в советской литературе. Е.А. Белов (2003) первым обнаружил эту фальсификацию и верно объяснил ее пропагандистскими целями: мол, Унгерн — пьяница и драчун, которого Советская власть освободила из крепости, а он, неблагодарный, борется с ней.

В 1917 г. Унгерн отправился во Владивосток, а оттуда попал на Кавказский фронт (“Советская Сибирь”, № 199 (559), 16 сентября 1921, с. 1). Там, в районе оз. Урмия, он воевал в составе 3-й Забайкальской отдельной казачьей бригады — в Нерчинском полку (Лавров, 1942). Видя развал, охвативший армию под влиянием революции, барон вместе со своим другом и сослуживцем, Г.М. Семеновым (будущим атаманом) решил испробовать добровольческие формирования с тем, чтобы оказать моральное воздействие на русских солдат (Семенов, 2002). Унгерн взял на себя организацию добровольческой дружины из местных жителей — ассирийцев (айсаров), и приступил к этому в апреле 1917 г. Под началом Унгерна ассирийцы показали себя очень хорошо, но на положение фронта это не оказало влияния. Чтобы спасти положение, Унгерн и Семенов стали обдумывать создание бурятско-монгольских конных корпусов, причем барон предложил эту идею, а Семенов взялся за ее реализацию (Лавров, 1942).

Ссылаясь на свидетельство Альфреда Мирбаха, мужа сводной сестры Унгерна, Л. Юзефович (1993) предполагает, что в 1917 г. барон уехал в Ревель, а в августе того же года через этот город проходила Уссурийская дивизия, которая двигалась на революционный Петроград. Здесь Унгерн мог присоединиться к ней вместе с Мирбахом и своим сводным братом Максимилианом Гойнинген-Гюне. Отсюда они, вместе с сестрой Унгерна, решили ехать в Иркутск. По Юзефовичу, в связи с началом Гражданской войны, их планы изменились, и Унгерн решил пробираться в Китай. Мирбах с женой и братом хотели составить ему компанию, но, в связи с риском, отправились назад в Ревель. Унгерн уехал к своему другу, тогда еще есаулу Семенову, который, получив от военного министра полномочия, начал формирование отрядов в Забайкалье для борьбы с революционными войсками в России.

В декабре 1917 г. Унгерн и Семенов всего с семью казаками разоружили деморализовавшийся русский гарнизон ст. Маньчжурия численностью 1500 человек. Вскоре Семенов назначает Унгерна комендантом г. Хайлар. В гарнизоне велась активная революционная пропаганда, большинство офицеров были распропагандированы большевиками. В январе 1918 г. Унгерн, командуя взводом, разоружил Хайларский гарнизон численностью 800 штыков. Разоружение было произведено в течение не более двух часов и настолько безболезненно, что заседавший в это время гарнизонный комитет даже не подозревал о случившемся (Семенов, 2002). За это Унгерн был награжден вторым орденом Св. Георгия 4-й степени (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 48).

В Хайларе в отряд Унгерна вступили представители харачинов — воинственного племени из Внутренней Монголии. Это были остатки монгольских повстанцев, боровшихся против Китая, которых возглавлял князь Фушенга. В 1918 г. они участвовали в боях с большевиками на линии Забайкальской железной дороги (Серебренников, 2003). Впоследствии, боясь усиления влияния Фушенги, русские хотели его арестовать, но он упредил их, подняв восстание летом 1919 г. на станции Даурия. Восстание было подавлено, Фушенга погиб, часть его людей бежала на север Халхи, где они были вероломно перебиты китайцами. Однако затем Унгерн вновь принял на службу харачинов. Последние воевали на его стороне вплоть до разгрома Азиатской конной дивизии.

В июле — августе 1918 г. в Сибири была свергнута Советская власть. Атаман Семенов, поддерживаемый Японией, установил свою власть в Забайкалье. Свою ставку он утвердил в Чите, Унгерна отправил на станцию Даурия. Эта станция была важным опорным пунктом между Читой и Маньчжурией, власть над которым позволяла контролировать железнодорожное сообщение между Россией и Китаем. Унгерн построил около станции Даурия военный городок и военное училище для подготовки офицерских кадров. Семенов патронировал создание временного правительства, представлявшего так называемое Объединенное монгольское государство со столицей в Хайларе, в которое должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Бурятия и Барга. Временное правительство собирались разместить на станции Даурия. В связи с этим, Семенов приказал Унгерну сформировать Инородческую дивизию (Белов, 2003). Хотя Унгерн относился к этому правительству отрицательно и не поддерживал с ним отношений, приказ он выполнил (при помощи

ряда высших офицеров). В ноябре 1918 г. Семенов присвоил Унгерну звание генерал-майора. Стараниями барона эта дивизия впоследствии стала одним из самых боеспособных соединений Белой армии.

История ее создания и организационная структура вкратце такова (Егоров и др., 1998, с. 184–185).

Отдельная конная туземная бригада была сформирована 1 сентября 1918 г. в составе 2-го и 3-го Даурских (3-й вскоре получил наименование Хамарский) конных полков и артиллерийской батареи (приказ по особому Маньчжурскому отряду № 210 от 23 сентября 1918 г.). Приказами по войскам 5-го Приамурского корпуса № 2 и 5 от 11 и 19 октября 1918 г. бригада была развернута в отдельную Туземную конную дивизию и переименована в Иногородскую. Приказом войскам отдельной Восточно-Сибирской армии № 41 от 8 декабря 1918 г. отдельная Иногородская и формировавшаяся Бурятская конные дивизии были сведены в Туземный конный корпус, а штаб отдельной Иногородской конной дивизии переименован в штаб Туземного конного корпуса (приказ по корпусу № 71 от 29 марта 1919 г.). Приказом войскам отдельной Восточно-Сибирской армии № 157 от 12 мая 1919 г. корпус переименован в Азиатский, и из названия Иногородской дивизии, в связи с вхождением ее в корпус, исключалось слово “отдельная”. На основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего № 470 от 28 мая 1919 г. отдельная Восточно-Сибирская армия была реформирована в 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус, а входившие в армию корпуса — в дивизии. Приказом войскам 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса № 1 от 18 июня 1919 г. управления корпусов, в том числе Азиатского, были обращены на формирование управлений дивизий. Из частей Азиатского корпуса была сформирована Азиатская конная дивизия в составе трех бригад: двух конных (1-я — Даурский и Хамарский, 2-я — 1-й и 2-й Бурятский полки) и Иногородской конно-артиллерийской. Приказом помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 193 от 22 сентября 1919 г. Хамарский полк был переименован в Татарский. Приказами помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 302 от 11 октября и № 398 от 6 ноября 1919 г. Азиатская конная дивизия была расформирована и из ее состава сформированы две отдельные конные бригады — Азиатская (1-й Татарский (бывший Татарский) и 2-й Татарский (бывший 2-й Бурятский) конные полки) и Монголо-Бурятская (Бурятский — бывший 1-й Бурятский и Даурский конные полки). Приказом помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 388 от 1 ноября 1919 г. при бригаде был сформирован Азиатский конно-артиллерийский дивизион.

На основании приказа главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа № 131 от 5 февраля 1920 г., приказом по Азиатской конной дивизии № 1 от 7 февраля 1920 г. Азиатская конная бригада была переименована в Азиатскую конную дивизию. В ее состав вошли две бригады: 1-я — 1-й и 2-й Татарские конные полки, Монгольский конный дивизион; 2-я — 1-й и 2-й Бурятские и Монголо-Бурятский конные полки, Азиатский конный артдивизион. В состав 2-й бригады вошла отдельная Бурятская конная бригада (сформировалась на основании приказов войскам Забайкальского военного округа № 109 от 6 декабря и

походного атамана Дальневосточных казачьих войск № 77 от 22 декабря 1919 г.). Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины № 231 от 18 марта 1920 г. дивизия подчинялась непосредственно главнокомандующему, а с 21 мая 1920 г. — командующему Дальневосточной армией (приказ его же № 467 от 23 июня 1920 г.). Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины № 67/А от 7 августа 1920 г. дивизия была переформирована в партизанский отряд. В августе 1920 г. отряд самовольно ушел к границам Монголии в район г. Акша, в начале сентября вступил в нейтральную зону, и приказом войскам Дальневосточной армии № 463 от 29 сентября 1920 г. был исключен из состава армии. После перехода на территорию Монголии отряд вновь стал именоваться Азиатской конной дивизией. Командир бригады, дивизии, корпуса: генерал-майор (затем генерал-лейтенант) фон Унгерн-Штернберг Роман Федорович. Начальник штаба: подполковник Акцинов Владимир, Генерального штаба полковник Жуковский Евгений. Место дислокации штаба: ст. Даурия.

На 10 апреля 1920 г. численность Азиатской конной дивизии была следующей: 105 офицеров, 1233 конника, 365 пехотинцев при 8 орудиях и 13 пулеметах (Белов, 2003). В дивизии служили представители 16 национальностей: русские, буряты, монголы (включая харачинов), татары, башкиры, китайцы, японцы и др. Дивизия формировалась на добровольной основе. Жалованье различалось в зависимости от званий, наград и т.д. Представители разных народов и конфессий могли отмечать свои национальные и религиозные праздники, в которые освобождались от службы. Учитывая тесные связи с сопредельной монгольской территорией и, очевидно, предстоящий поход в Монголию, Унгерн ввел на обязательной основе изучение монгольского языка, причем лично контролировал его знание.

В Азиатскую дивизию записывались самые разные люди, в том числе с низкими моральными качествами. В подавляющем большинстве они были гораздо ниже Унгерна по своему уровню, им были чужды его религиозные, монархические и панмонгольские взгляды. Он видел это и чувствовал себя одиноким среди подчиненных. Отсюда жестокое, часто презрительное отношение к ним. Постепенно на важные должности в ближайшем окружении Унгерна выдвинулись люди с наклонностями палачей, но слепо преданные барону, поскольку их жизнь и благосостояние всецело зависели от него (Сипайло, Бурдуковский и т.п.). В своем войске Унгерн поддерживал железную дисциплину, основанную как на страхе наказаний, так и на заботе о личном составе. Последний был обеспечен лучше, чем во многих других белых частях. Барон бросил пить сам и неукоснительно преследовал пьянство в своей дивизии (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 18; Шайдицкий, 1963).

Сам Унгерн был человеком исключительного бескорыстия и честности, заботившимся о своих подчиненных. Он не тратил на себя почти ничего, и все отдавал на свою дивизию — даже свое личное имущество считал имуществом дивизии (Кислицин, 1936). От других он тоже требовал бескорыстия и самоотверженности в борьбе с большевизмом. Когда белые в Сибири начали терпеть поражения от Красной армии, многие поехали в Маньчжурию, спасая не только себя, но и свое имущество (а часто пытались вывезти казенное под видом собственного).

Войска не получали достаточной денежной поддержки от командования. Поэтому Унгерн без колебаний стал останавливать поезда и реквизировать имущество.

Показательный пример — его приказ реквизировать товар бывшего Омского правительства А.В. Колчака, как никому не принадлежащий (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 56–58). Продолжая традиции особого Маньчжурского отряда Семенова, Унгерн во время карательных операций грабил местных жителей, подозревавшихся в связях с большевиками. Реквизированное поступало непосредственно в распоряжение дивизии или продавалось, в том числе с аукционов или через цепочки посредников. Унгерн был хорошим организатором, но не любил формализм и излишне доверял своим помощникам. Поэтому отчетность в его дивизии оставляла желать лучшего. Нередко он просто бросал в печь документацию как тормозящую “живое дело”. Многие его помощники с размахом злоупотребляли этим. “Ни журналов, ни записей в дивизии не существовало. У Унгерна по этому поводу было своеобразное понятие. Деньги истрачены — значит их нет, а если их нет — то и не для чего их записывать” (Голубев, 1926, л. 113). Приказы он тоже предпочитал отдавать устно, а не письменно.

Станция Даурия пользовалась зловецей славой. Пропуск поездов сопровождался обысками, конфискациями, расстрелами и другими конфликтами. Здесь производились не только реквизиции, но и выявление агентов красных, социалистов, “сомнительных элементов”. Они арестовывались и нередко расстреливались в ближайших сопках. К заключенным применялись пытки. Расстрелы производились с грубыми нарушениями законности. Занимались этим всадники комендантского эскадрона под командой офицеров и по приказанию командира этого эскадрона — подполковника Лауренца (Шайдицкий, 1963). Впоследствии Лауренц сам был расстрелян по приказу Унгерна. Трупы в сопках оставляли на земле, в добычу диким зверям (возможно, использовался способ погребения, применявшийся в Монголии и Тибете). Бывший офицер Азиатской конной дивизии Ольгерд Ол-ич писал: “С наступлением темноты кругом на сопках только и слышен был жуткий вой волков и одичавших псов. На эти сопки, где всюду валялись черепа, скелеты и гниющие части обглоданных тел, и любил ездить для отдыха барон Унгерн “ (цит. по: Белов, 2003, с. 28). По словам того же офицера, волки бывали настолько наглы, что в дни, когда не было расстрелов и пищи для них, они забегали в черту казарм (Юзефович, 1993). Сам Унгерн держал волков в своем доме на чердаке (Кислицин, 1936). Во время ночных прогулок в сопках он обязательно проезжал мимо места, где жил филин, его любимец, и слушал его уханье. Один раз, не услышав его и решив, что этот филин заболел, барон якобы вызвал дивизионного ветеринара и велел ему немедленно найти и лечить филина в сопках. Все эти рассказы внушали ужас.

Сложилось мнение, что Унгерн — человек безумный или, по крайней мере, со странностями. Странности его характера и вспышки ярости, действительно, для многих имели роковые последствия. Однако говорить о сумасшествии не приходится: просто мировоззрение Унгерна не укладывалось в стандарты мышления европейца XX века. Кроме того, безумец вряд ли смог бы командовать дивизией и провести ряд успешных военных операций.

В феврале 1919 г. Унгерн отбыл в служебную командировку. Согласно приказам по дивизии, вместо него временное командование дивизией принял на себя подполковник Усачевский (приказ № 35 от 14 февраля 1919 г. на основании приказа № 34 от 14 февраля 1919 г., §1 — РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 36). Далее, согласно приказам, ею

временно командовали Шадрин, Жуковский и другие офицеры. Унгерн вернулся из командировки и в командование дивизии заступил 29 сентября 1919 г. (приказ № 183 от 29 сентября 1919 г., §1 — РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 215). Возможно, в период этой командировки он длительное время пробыл в Пекине, о чем пишет в одном из писем. Там он мог наладить контакты с рядом влиятельных китайских монархистов.

Во время этой командировки, 16 августа 1919 г. (Юзефович, 1993) Унгерн вступил в свой первый и единственный брак. Он женился на европейски образованной маньчжурской принцессе Цзи из рода Чжанкуй, родившейся в 1900 г. в Пекине (Лавров, 1942; Шайдицкий, 1963). Бракосочетание прошло по христианскому обряду в Харбине, маньчжурка получила имя Елены Павловны Унгерн-Штернберг. Общались они с супругом на английском языке. Брак носил политический характер: ее родственником был генерал, командовавший китайскими войсками на западном участке Китайско-Восточной железной дороги, а в Маньчжурии Унгерн рассчитывал создать базу для снабжения дивизии. Кроме того, Унгерн вынашивал планы создания Среднего Царства во главе с маньчжурским императором. Вскоре после бракосочетания Унгерн вернулся к себе в Даурию. Его супруга, прожив некоторое время неподалеку, на станции Маньчжурия, вернулась в родительский дом. Приданого Унгерну она не принесла — напротив, барон оформил на нее через своего доверенного, поляка К. Гижицкого, вклад в одном из харбинских банков. Незадолго до похода на Монголию Унгерн развелся с ней (Юзефович, 1993). Этим (вероятно, чисто формальным) браком и ограничилось общение Унгерна с женщинами. Мемуаристы сообщают о его стеснительности, избегании женского общества и женоненавистничестве. В период похода в Монголию барон накладывал на женщин немногим менее жестокие наказания, чем на мужчин. Он неизменно увеличивал меру взыскания провинившемуся, если женщина ходатайствовала за него (Князев, 1934). Вероятно, у него были какие-то проблемы в общении с женщинами. Однако неверны предположения, будто Унгерн был гомосексуалистом: во всех документах и мемуарах не содержится даже намек на это. Между тем некоторые мемуаристы стремились подчеркнуть отрицательные качества Унгерна и, разумеется, не пропустили бы такую подробность. Постоянно находясь в гуще своих солдат и офицеров, он не смог бы скрыть этот порок, если бы таковой имел место (Белов, 2003).

Вскоре после командировки Унгерна ситуация в Забайкалье стала меняться. С октября 1919 г. белые в Сибири постепенно отступали на восток под ударами Красной армии. Части Семенова пополнялись колчаковскими солдатами и офицерами. В феврале 1920 г. остатки бывшей 2-й Сибирской армии генерала В.О. Каппеля во главе с генералом С.Н. Войцеховским вошли в Читу, столицу Забайкалья. Между каппелевцами и семеновцами нарастали разногласия. Даже при совместной службе они старались держаться раздельно. Каппелевцы создали Чрезвычайную комиссию по расследованию противозаконных действий Семенова и подчиненных ему лиц (в том числе Унгерна), которая собрала обширные материалы на эту тему. Барон платил им взаимностью. Вскоре после его ухода в Монголию, каппелевцы провели расследование деятельности Унгерна в Даурии и собрали материалы о жестокостях, творившихся на подконтрольной ему территории. В 1920 г. Унгерн думал

об отъезде в Австрию, но не получил визы (ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60). Возможно, это было связано с угрозой ареста и суда (Юзефович, 1993).

Наступление Красной армии делало все более сложным положение белых в Забайкалье. Япония сократила поддержку атаману Семенову, видя его поражения от красных. К концу 1920 г. остатки армии Колчака были окончательно разгромлены. Семенов был назначен главнокомандующим всех белых войск Сибири и Дальнего Востока. Под ударами красных он вынужден был отступать на восток.

В своих мемуарах Семенов (2002) объяснял уход Унгерна к монгольской границе, его попытки захвата Дальневосточной республики (ДВР) и деятельность в Монголии неким тайным планом, разработанным им — Семеновым. Согласно этому плану, якобы, Семенов собирался создать в Монголии базу для борьбы с Коминтерном. Войска Унгерна должны были стать авангардом, за которым должна была выступить Дальневосточная армия атамана. Будто бы для отвода глаз Семенов объявил о бунте Унгерна. Эти объяснения человека, претендовавшего на роль лидера Белого движения на Дальнем Востоке, кажутся “хорошей миной при плохой игре”. Имеющиеся материалы опровергают их. Для Семенова было бы логичнее создавать базу для последующей борьбы в Маньчжурии, куда отступал он сам, и где было лучшее обеспечение материальными и людскими ресурсами. Кроме того, Унгерн после ухода в Монголию действовал независимо от Семенова и не координировал с ним свой поход на Сибирь.

В действительности, Семенов согласовал с Унгерном другой план — а именно, что Азиатская дивизия уйдет из Даурии, но будет наступать через Акшу — Троицкосавск на Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), столицу ДВР (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19). В случае успеха Унгерн, возможно, намеревался идти далее в район Иркутска — Нижнеудинска — Красноярска, чтобы поднять там восстание против большевиков (“Заря” (Харбин), 30 сентября 1920, с. 5).

Согласно этому плану, 7 августа 1920 г. Азиатская конная дивизия была преобразована в партизанский отряд. 15 августа Унгерн с небольшим отрядом направился к западу от Даурии в городок Акша недалеко от монгольской границы. По дороге к Унгерну присоединились Татарский полк во главе с его старым другом, Б.П. Резухиным, и Анненковский полк (Макеев, 1934). В Даурии остались китайская сотня, японская сотня и обоз (Белов, 2003). Позже они также присоединились к Унгерну, но часть китайцев, видимо, дезертировала. Сообщали даже, что, в расчете на восстание против коммунистов, интендантство раздавало крестьянам продукты и товары (“Заря” (Харбин), № 39-140 (7 октября), 1920, с. 3). Отряд Унгерна пополнялся добровольцами, среди которых было много недовольных Семеновым за его новую политику. Барон расплачивался золотом — не только со своими добровольцами, но и с населением (“Военная мысль” (Харбин), № 2 (27 сентября) 1920, с. 2).

Из Акши отряды барона двинулись на Троицкосавск, по дороге захватив трофеи, в частности, золото (“Свет” (Харбин), № 441, 21 октября 1920, с. 2). Были заняты Нарсун, Мангут и, наконец, Кыра. Однако красные партизаны 12 октября выбили оттуда белых и взяли большие трофеи (“Дальневосточная республика” (Верхнеудинск), № 135, 19 октября 1920, с. 1).

Тогда Унгерн решил пройти на Троицкосавск через территорию Монголии, чтобы обезопасить свой правый фланг от натиска красных (Князев, 1937). Здесь он

вышел к р. Керулен, которая впадает в озеро Далай-нор во Внутренней Монголии. Вероятно, это породило слухи, будто отряд барона пошел на это озеро, или вообще пропал (“Русский голос” (Харбин), 21 сентября 1920, с. 2). Теперь к Унгерну стали присоединяться монгольские отряды. Чтобы попасть в Троицкосавск, следовало перейти хребет Хэнтэй, но это оказалось невозможным для артиллерии. Единственный путь лежал значительно западнее, через столицу Внешней Монголии — Ургу (ныне Улан-Батор). Небольшой бурятский дивизион был послан Унгерном из Монголии в сторону Мензы с тем, чтобы соединиться с ним в Троицкосавске. Как потом выяснилось, он был почти полностью уничтожен красными (Князев, 1937). Положение красных в Забайкалье укреплялось, и Унгерн понял, что без поддержки Семенова ему не пробиться к Верхнеудинску. Между тем Семенов под ударами красных все дальше откатывался на восток. Унгерн принял решение начать реставрацию монархий с Монголии.

Автономия Внешней Монголии, зафиксированная тройственным Кяхтинским соглашением 25 мая 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией, была уничтожена в 1919 г. республиканским руководством Китая, которое вынудило правительство Внешней Монголии просить президента Китая об упразднении автономии. Указ президента вышел 2 декабря 1919 г. (АВПРФ, ф. 0111, оп. 3а, п. 24а, д. 2, л. 100–100об., перевод). Этот акт был незаконным, так как противоречил Кяхтинскому соглашению. В Ургу был послан генерал Сюй Шучжэн во главе 12-тысячного войска и со штатом чиновников. Сюй заставил отречься от престола теократического монарха Внешней Монголии, главу ее Буддийской церкви (Богдо-гэгэна) Джебцзундамба-хутухту VIII. Договоры автономной Монголии были аннулированы, в крупных городах поставлены китайские гарнизоны, по всей Халхе разосланы китайские чиновники. Последние выколачивали из населения не только уже аннулированные старые долги, но и фантастические проценты, набежавшие за годы автономии. Население обязали снабжать оккупационные войска продовольствием, скотом и т.д. В Монголии их называли гаминами (от кит. гэмин — революция; отсюда же название Республиканской партии “Гоминьдан”). Кроме того, гоминьдановские чиновники, офицеры и солдаты старались выбить как можно больше незаконных доходов, прибегая к открытому грабежу и мародерству. Все это легло тяжким бременем на монгольское население. Гнет китайских республиканцев стал гораздо тяжелее правления маньчжурской монархии.

Летом 1920 г. японофильская группировка Аньфу, к которой принадлежал Сюй Шучжэн, потерпела поражение от чжилийской группировки бэйянских милитаристов в Китае (Белов, 2003). Сюй Шучжэн был отозван в Пекин, а власть в Халхе взял начальник Ургинского гарнизона генерал Го Сунлин. Оккупанты стали вести себя еще более разнузданно. Чтобы запугать монголов, Го Сунлин арестовал Богдо-гэгэна, но это только усилило недовольство. Пекинская администрация отправила в Ургу сановника Чэнь И, который уже занимал эту должность в 1917–1919 гг. в связи с тем, что был одним из членов китайской делегации при подписании Кяхтинского соглашения. Он освободил Богдо-гэгэна, но поместил его под арест в Зеленый дворец на берегу р. Тола, около священной горы Богдо-ула. Чэнь И хотел восстановить в оккупационных силах порядок и аннулировать Кяхтинское соглашение мир-

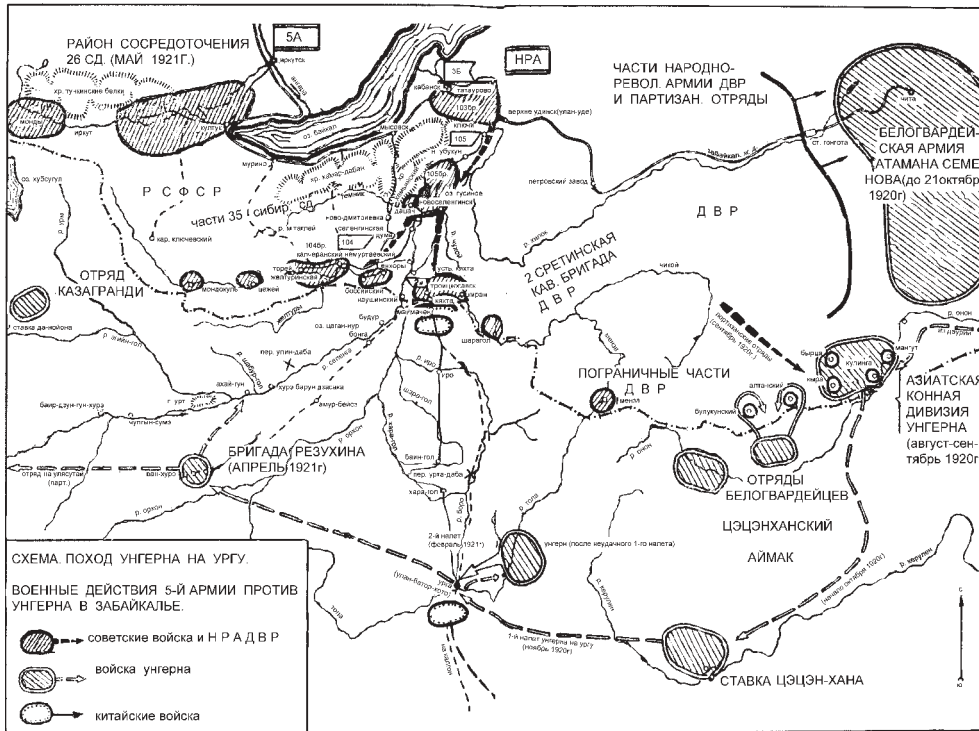
ным путем. Но его власть была скорее номинальной. Го Сунлин не хотел ему подчиняться, разнuzданные китайские солдаты тем более. Оккупационную администрацию насквозь пронизывала коррупция. Поэтому жалование солдатом выплачивалось с задержками, на что последние отвечали неподчинением и грабежами населения. Гамины грабили и убивали всех, кого могли и от кого рассчитывали что-то получить. К ним плохо относились даже китайские купцы.

Все это усиливало недовольство монголов, однако сил для борьбы у них было недостаточно, а Советская Россия не могла оказать быстрой и эффективной помощи из-за опасений конфликта с Китаем. Поэтому движение Унгерна в сторону столицы Монголии порождало надежды на освобождение. Первым к нему присоединился Лувсан Цэвэн, владетельный князь пограничного хошуна Сан-бэйсэ. Хан Цэцэнханского аймака провел мобилизацию среди молодых аратов, из которых был создан отряд под командой Лувсан Цэвэна, присоединившийся к Унгерну (Белов, 2003).

От Керулена Унгерн пошел юго-западнее, на Акшинский тракт, и остановился на реке Барун-Тэрэлдж, притоке Толы, в 32 км от Урги. Темой переговоров был пропуск китайцами войска барона через Ургу на Троицкосавск. Однако это был лишь предлог. Прекрасно зная, что Урга занята революционными войсками, Унгерн приказал доложить, что он — монархист, который дерется со всеми социалистами, к какой бы национальности они ни принадлежали (Князев, 1937), предложил китайцам сложить оружие и влиться в его войско (Голубев, 1926). Это был прямой и сознательный вызов многократно превосходящему противнику. Китайские власти сильно встревожились. С 24 октября с севера Монголии, из Маймачена (Кяхтинского) началась спешная отправка войск в Ургу, причем для ускорения отправки китайцы насильственно мобилизовали лошадей, в том числе у русских граждан (“Дальневосточная республика” (Верхнеудинск), № 144, 29 октября 1920, с. 1).

Войско (как его предпочитал называть сам барон) не было подготовлено к долгому стоянию под Ургой. Численность китайского гарнизона, по разным источникам, составляла от 7 до 16 тыс. человек, в то время как в войске Унгерна (включая присоединившихся монголов) было около тысячи человек (Князев, 1937а, б; Белов, 2003). Поэтому барон рассчитывал на внезапность нападения. Он выступил вечером 26 октября 1920 г. Подойдя к Урге, Унгерн в темноте остановил свои отряды и в одиночестве ушел на разведку. По воспоминаниям Н.Н. Князева (1937), командиры “самоопределились”, каждый занял свою позицию. С рассветом гамины атаковали унгерновцев и, после упорного боя, выбили их с позиций. Барон отвел свои войска на 16 км от Урги, но китайцы не решились его преследовать.

Белые простояли около недели, пополняя конский состав, готовясь к новому штурму (Князев, 1937). Их разъезды вели разведку, причем Унгерн, как всегда, делал это лично и объезжал передовые позиции. 2 ноября он вновь повел свой отряд на Ургу. После трехдневных боев белые сумели сбить гаминов с возвышенностей вокруг Урги и отбросить их к центру города. Однако резервы Унгерна к этому времени истощились, запас патронов подошел к концу, пулеметы замерзли, а люди, часто не имевшие даже огня для обогрева и воды, совершенно измотались. Унгерн вынужден был отступить. Его потери убитыми, ранеными и обмороженными составили 65% личного состава, причем офицерский состав потерял одними убитыми 40%.

Поход Р.Ф. Унгерна на Ургу (по: Белов, 2003).

В течение 20 дней положение Азиатской дивизии оставалось очень тяжелым: не было даже соли и муки, остро не хватало зимнего обмундирования. Все тяготы Унгерн разделял с простыми казаками. Чтобы поправить положение, он послал на тракт Урга–Калган сотню с приказом задерживать все китайские караваны и отправлять в войско. После этого питание улучшилось. Готовясь к новому штурму Урги, дивизия вооружалась, пополнялась людьми и предметами снабжения, расширялось сотрудничество с монголами. По-видимому, в этот период Унгерн принял монгольское подданство. Происходили стычки с китайскими отрядами. Например, 20 января 1921 г., по сведениям советского агента, унгерновцы и монголы “разгромили якобы 2 китайских полка численностью до 2 тыс. человек” (РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 807 — цит. по: Белов, 2003).

После неудачных попыток Унгерна взять столицу Монголии, гамины стали усиленно готовиться к обороне. Было мобилизовано около 2 тыс. мирных китайцев. Китайские власти сгоняли мирное население, в том числе и русских, на фортификационные работы, проводились массовые реквизиции (Першин, 1933). Арестовывались простые араты (пастухи), монгольские феодалы, ламы, русские колонисты и эмигранты. Аресты фактически превратились во взятие людей в заложники с целью вымогательства выкупа. Монголы, буряты и русские умирали, не выдержав невыносимых условий содержания, пыток и издевательств тюремщиков-гамин.

Многие русские бежали из Монголии в пограничную слободу Кяхту. Но 13 ноября 1920 г. красные, выйдя из Троицкосавска, внезапно захватили Кяхту и учинили там грабеж и расправу (Случайный, 1921). Позже, под предлогом борьбы с белыми, разъезды красных вместе с китайцами проникли в Монголию на 96 км от границы, до р. Иро, где совместно разграбили заимки русских колонистов и арестовали нескольких казаков, бежавших из Забайкалья. Агенты красных действовали в Урге. Еще в 1919 г. здесь побывал с особой миссией И.М. Майский, собравший важные сведения о стране (Майский, 1959). Очевидно, влияние русских революционеров в Урге было достаточно сильным: орган самоуправления русской колонии — Городская дума контролировалась красными, над ней подняли флаги ДВР, красные поддерживали связи с китайскими властями и т.д.

Обстановку в Урге барону докладывали его агенты из монголов. Через них же Унгерн подогревал панические настроения среди китайцев. Большое впечатление на ургинцев произвел следующий эпизод (Першин, 1933). Среди бела дня в город, находившейся на осадном положении, проник лично Унгерн в своем ярком монгольском халате, на любимой белой кобыле. Проехав до дома Чэнь И, он слез с лошади, подошел к себе одного из солдат охраны и приказал ему держать лошадь за повод, а сам обошел вокруг дома, внимательно все осмотрел, сел на лошадь и, не торопясь, поехал обратно. Проезжая мимо тюрьмы, он увидел часового, спавшего у ворот. Такое нарушение дисциплины возмутило барона и он, слезши с лошади, несколько раз ударил часового ташуром и пояснил, что он, барон Унгерн, самолично его наказал за это. Когда часовой, наконец, поднял тревогу, барон был уже далеко. Хотя эта история и похожа на легенду, она не является таковой. Доказательство этому — многократно документированная отвага и склонность Унгерна в одиночку вести разведку.

31 января Азиатская конная дивизия повела новое наступление на Ургу и, после ожесточенного боя, сбила китайцев с первых позиций. Политически важным актом было похищение 1 февраля Богдо-гэгэна из-под домашнего ареста, которое осуществил Тибетский отряд Унгерна во главе с бурятом Тубановым. Во время похищения другие отряды Унгерна вели бои с гаминами под Ургой, чем отвлекали их внимание от похитителей. Вместе с Богдо-гэгэном была освобождена и его жена (Чойбалсан, 1952). Иногда с горы Богдо-ула белые обстреливали Ургу из орудий, а ночью на восточной вершине священной горы зажигали большие костры. Отблеск этих костров деморализующе действовал на китайских солдат, везде искавших влияние потусторонних сил (Першин, 1933). Кроме того, гаминь боялись, что к Унгерну подошли подкрепления и барон окружает город.

Решающее наступление на Ургу началось 2 февраля 1921 г. Гаминь во главе с комдивом Чу Лицзяном не выдержали натиска и бежали на север. Окончательно Урга была очищена от оккупантов 3 февраля 1921 г., после того, как было сломлено упорное сопротивление остатков китайских войск, укрепившихся в торговой части города — Маймачене и в некоторых зданиях самой Урги. Чэнь И с другими чиновниками на 11 автомобилях также уехал на север и 5 февраля приехал в другой Маймачен (Кяхтинский), откуда направился в Троицкосавск (Белов, 2003). Там у него состоялись встречи с представителем Наркомата иностранных дел О.И. Макстенок и начальником гарнизона Катерухиним.

Отступая на север, гамины грабили и убивали местное население, независимо от подданства и национальности. В феврале и марте деморализованные китайские войска “кочевали” в районе Ибицька и в треугольнике рек Иро–Орхон, время от времени терпя поражения от унгерновских отрядов (Белов, 2003). Чэнь И с чиновниками и Го Сунлин уехали в Китай, а Чу Лицзян со штабом находился на севере, в Маймачене. Там же скопились тысячи китайских беженцев, многие из которых пробрались на территорию ДВР (“Советская Сибирь” (Омск), № 46 (415), 2 марта 1921, с. 2).

Когда Урга была взята, из тюрьмы были выпущены русские, монголы и другие, арестованные по политическим мотивам или для вымогательства. В столице Монголии Унгерн захватил около 2 тыс. винтовок, 4 орудия, золото и серебро китайского банка на сумму 400 тыс. мексиканских долларов, а также имущество китайских фирм на 30 млн. долларов (РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 174, л. 48об.). Сразу после захвата города начались погромы и поджоги, однако барон пресек их, устроив публичную казнь мародеров. Но, по-видимому, полностью исключить грабежи он не успел, и часть имущества из лавок и двух ургинских банков успели растащить. Унгерн запретил грабежи и мародерство и распорядился не причинять вреда китайским купцам. За это купцы даже организовали банкет в его честь, однако он не любил подобных торжеств и на банкет не пошел.

В городе постепенно восстанавливался порядок, жизнь входила в мирную колею. Однако сразу после штурма начались аресты, пытки и убийства евреев, революционеров и всех, кто сочувствовал Советской власти. Комендантом Урги был назначен подполковник Л. Сипайло, начальник контрразведки Унгерна, патологический садист и, по-видимому, психически ненормальный человек. По Ф. Оссендовскому (1925), таким способом он мстил за то, что большевики жестоко пытали его в тюрьме, а когда ему удалось бежать, умертвили всю его семью. Подручным Сипайло был молодой капитан Безродный. Функции палача выполнял и Е. Бурдуковский, вестовой Унгерна. Вопросы суда, расправы и толкования приказов Унгерна, фактически, были отданы на откуп Сипайло. Последний широко пользовался этим для личного обогащения и удовлетворения своих садистских наклонностей. Унгерн в ряде случаев останавливал расправы, но это удавалось далеко не всегда. Наказывать же Сипайло барон не хотел потому, что тот всецело от него зависел — а значит, был надежен, а также по причине какого-то предсказания, о котором упоминает Оссендовский. Всего при Унгерне в Урге было убито 150–200 человек, в том числе почти все евреи — около 50 человек (очевидец Першин, 1933, считал эти цифры преувеличенными). Были зарублены сочувствовавшие коммунистам доктор-бурят С.Б. Цыбыктаров и священник о. Ф.А. Парняков, некоторые предприниматели и другие лица.

Тем не менее, освобождение Урги от китайских войск было воспринято, в целом, положительно как монголами, так и иностранцами. На сторону Унгерна перешли многие монгольские князья, выпущенные из тюрьмы, в том числе — такие известные, как Тогтохо-гун и Хатан-Батор Максаржав (впоследствии перешедший на сторону революционеров). В его войско вступили многие белые офицеры и солдаты, находившиеся в Урге.

После захвата города, Унгерн созвал группу князей и высших лам и предложил восстановить автономное правительство Монголии (Чойбалсан, 1952). Коро-

нация духовного главы Монголии, Богдо-гэгэна, была проведена 22 февраля 1921 г. с большой пышностью. Унгерн произнес перед собравшимися речь на монгольском языке, в которой напоминал о былой славе монголов — потомков Чингисхана и заверил, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Богдо-гэгэна (Хитун, 1975). Теперь он получил титул Богдо-хана, то есть хана всех монголов. Согласно указу Богдо-хана, Унгерн получил высший княжеский титул цин-вана со степенью хана, Резухин, Жамболон и некоторые другие командиры — титул цин-вана с присвоением различных званий (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 91а–92). За взятие Урги атаман Семенов присвоил Унгерну звание генерал-лейтенанта (Голубев, 1926, л. 140). С этого времени барон стал носить монгольский халат с погонами генерал-лейтенанта и орденом Св. Георгия, монгольскую шапку и ичиги. Прочим офицерам отличия были присвоены монгольским военным министерством. Кроме того, Богдо-гэгэн распорядился неукоснительно исполнять приказы Унгерна, касающиеся окончательного изгнания гаминов из Монголии.

В документах, где перечисляются титулы Унгерна, нет даже намек на то, что он — “бог войны”. Это упоминается лишь в мемуарах европейцев. Не исключено, как предположил Л. Юзефович (1993), что какие-то ламы, видя военные успехи и жестокость Унгерна, могли неофициально объявить его гневным божеством-охранителем буддийского учения (докшит). Правда, неясно, кем именно из этой группы божеств его считали монголы. Махакалой его называют лишь в современных книгах (Юзефович, 1993; Ломакина, 2003; Демиденко, 2003). Надо отметить, что в Тибете место бога войны занимает докшит Джамсаран (Неклюдов, 1992). В Монголии этот докшит был избран покровителем монастырей в Урге (Позднеев, 1887) — столице Монголии, освобожденной Унгерном от китайцев.

11 февраля было получено донесение, что по Калганскому тракту к Урге движутся китайские войска с караваном — видимо, запоздалое подкрепление бывшему ургинскому гарнизону. Против них был послан Резухин и уничтожил их почти полностью в 4–5 км от Урги (Голубев, 1926).

В марте 1921 г. было сформировано правительство автономной Монголии. Его сформировал Богдо-хан. Унгерн не принимал участия в его создании: в это время он был в походе к Чойрын-сумэ (Белов, 2003). Поэтому неточно расхожее мнение, будто правительство было сформировано Унгерном. Более того, в Ургинское правительство вошли лица, примыкавшие к Монгольской народной партии (впоследствии Монгольская народно-революционная партия) и ориентировавшиеся на РСФСР (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102). Потому неудивительно, что впоследствии Ургинское правительство с легкостью отвернулось от Унгерна и приняло сторону революционеров.

В начале марта 1921 г. Унгерн двинул часть своих войск к Чойрын-сумэ (250 км от Урги), где находилась крупная группировка китайских войск. Под командованием Унгерна объединенные силы русских и монголов численностью 1 тыс. человек 11–13 марта (Лавров, 1942) разгромили многократно превосходившие их китайские войска и захватили до 8000 винтовок, снаряды, патроны и проч. (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.). В Ургу барон вернулся на автомобиле, оставив для охраны границы монгольский отряд.

В марте 1921 г. г. Маймачен на севере Монголии (теперь Алтан-Булак) был взят отрядом Д. Сухэ-Батора, и туда переехало из Троицкосавска Временное народное правительство Монголии, сформированное при поддержке РСФСР. Оно ставило задачей организацию народной революции, изгнание китайских войск и белых, а также достижение Монголией полной независимости. Сфера влияния Народного правительства постепенно расширялась.

Остатки гоминьдановских войск, теснимые как отрядами Азиатской дивизии, так и красными монголами, по-видимому, сгруппировались и попытались пробраться западнее Урги на юг — в Китай. 12 марта, когда Унгерн еще воевал в районе Чойрын-сумэ, монголы сообщили, что китайские войска ушли из-под северного Маймачена (Лавров, 1942). В ночь на 15 марта навстречу им из Урги выступил Резухин. В районе уртона № 4 китайцы были обнаружены и атакованы. 18 — 20 марта шли тяжелые бои. Успех склонялся на сторону китайцев, имевших большой перевес. Унгерн, вернувшись ночью 18 марта в Ургу из Чойрын-сумэ и узнав, что Резухин на Улясутайском тракте сражается с китайцами, утром отправил туда отряд чахаров и позднее присоединился к ним. В ночь на 21 марта он встретил отряд гаминов, причем один поскакал в китайский лагерь и предложил сдаться, был обстрелян, а затем встретился с китайским полковником и договорился об условиях сдачи (Лавров, 1942). Однако часть китайцев ушла. Их догнали и перебили. 23 марта Унгерн соединился с Резухиным, который все еще вел бой. В ночь на 24 марта китайцы отступили, белые их преследовали и разгромили окончательно. В плен было захвачено 4000 человек во главе с генералом Джа-у, много было убито, захвачены пулеметы и обоз (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28). Видимо, именно этот бой описан Оссендовским (1924) и в агентурном донесении в штаб 5-й армии, где отмечается, что было убито более тысячи китайцев (Белов, 2003).

В борьбе против гаминов и красных Унгерн придавал большое значение Западной Монголии и Урянхайскому краю, как тогда называлась Тува. Консолидация западных районов с центральной и восточной частями Халхи были необходимы для создания единой Монголии. Кроме того, важно было присоединить Внутреннюю Монголию и Баргу. Как справедливо полагал Унгерн, подходящий момент был именно тогда — в период нестабильности и слабости Китая. Хотя монголы в большинстве своем поддерживали Унгерна, подходящий момент удалось использовать лишь в Западной Монголии. Руководители белых отрядов, действовавших там (Кайгородов, Казанцев, Казагранди, Шубин), признали над собой власть барона, некоторые лишь номинально. Совместно с монголами белые изгнали оттуда китайцев. К середине апреля 1921 г. китайские войска были в основном изгнаны из Халхи (Белов, 2003).

Восстановление Унгерном автономии Внешней Монголии произвело большое впечатление как в России, так и за рубежом. Газеты обсуждали возможность создания Монгольской империи. В Тибете и Синьцзяне усилилось антикитайское движение. В широких слоях населения Монголии и Забайкалья росли симпатии к Унгерну. В приграничных районах Забайкалья распространялись преувеличенные слухи о его успехах, отмечались контрреволюционные заговоры, брожение и недовольство Советской властью (РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 174, л. 32–55об). В Синьцзяне и на западе Монголии действовали крупные отряды белых. По всем этим причинам, руководство

Коминтерна стало опасаться создания единого контрреволюционного фронта от Восточного Туркестана до Маньчжурии (АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192). Кроме того, Коминтерн тревожила внутривосточная ситуация в ДВР. Но, что наиболее важно, создались уникальные условия для достижения Монголией полной независимости.

Восстановив автономию Монголии, Унгерн заботился не только об оборонно-способности, но и об экономике страны (Лаврентьев, 1925; Оссендовский, 1925; Першин, 1933; Alioshin, 1941; Юзефович, 1993; Козлов, 2003 и др.). По его инициативе был выпущен внутренний заем на двести пятьдесят тысяч долларов (впоследствии был полностью погашен), в Урге учреждена военная школа, налажены радиосвязь и типография, устроены мастерские — швейные, сапожные, шорные, ремонтные. Налаживалось налогообложение и устанавливались импортные пошлины. Планировались проведение в Ургу водопровода с чистой горной водой, создание национального банка, чеканка монеты, выпуск банкнот и облигаций. Был принят целый ряд мер к защите торговли. В Урге по приказу барона были очищены и дезинфицированы все улицы и площади, построены мосты, созданы газета, больница, ветеринарная лаборатория, школы. Оссендовский утверждает даже, что было организовано автобусное сообщение между отдельными частями города.

Унгерн лично не участвовал в управлении Монголией — этим занималось правительство Богдо-хана. Он занимал должность главнокомандующего. Но, несомненно, давал советы министрам и участвовал в составлении некоторых внешнеполитических посланий Монгольского правительства. Однако министры сами решали, что отправлять, а что нет. Обстановку в стране контролировали именно монголы. Поэтому неверно считать пребывание дивизии Унгерна в Монголии оккупацией, а его самого — диктатором.

После окончательного разгрома китайцев, Унгерн стал готовиться к наступлению на РСФСР. Поход планировался на позднюю весну, когда будет достаточно корма для лошадей. Существует точка зрения, согласно которой сам поход Унгерна в Монголию был частью крупномасштабной операции белых русских войск Восточной окраины против ДВР, в которой Монголия и монголы не играли ключевой роли (Кручинин, 2002). Однако документы не подтверждают это. Действия Унгерна в Монголии и поход на Сибирь были частью его плана создания Срединной империи и восстановления монархий. Координация Азиатской конной дивизии с белыми отрядами, действовавшими на Дальнем Востоке, практически отсутствовала. Но барон, по-видимому, собирался использовать их действия и наступление Японии для реализации своего плана.

Сведения о положении в Сибири Унгерн получал в основном от беженцев и перебежчиков, от своих агентов в Маньчжурии и из средств массовой информации (то есть опять же через третьи руки). Те, кто бежал из Сибири, естественно, говорили о тяготах жизни при большевиках и недовольстве населения. Поэтому барон считал, что Советская власть там слаба и вторжение в Забайкалье вызовет повсеместное восстание. В результате войско быстро увеличится — поэтому не важно, какова будет его численность на момент вторжения. По-видимому, Унгерн что-то слышал о восстаниях в Сибири, брожении и заговорах против большевиков и т.п. Но эти события имели локальный характер и быстро подавлялись властями. По-ви-

димому, агентура Унгерна в Сибири отсутствовала. Поэтому реальную обстановку там он не знал. Тем более, у него не было точных сведений о дислокации и состоянии частей Красной армии.

С другой стороны, ресурсы Монголии не позволяли обеспечить длительное содержание Азиатской дивизии, ее пополнение живым составом и вооружением для дальнейших походов. Согласно указу Богдо-гэгэна, проводилась мобилизация населения и реквизиции скота (Ширендыб, 1963; документы с претензиями разных лиц см. в кн.: Балжиргарам, 1980). Это легло тяжким бременем на монголов и русских. Вливание разнородных элементов в дивизию расшатывало ее монолитность, а долгое стояние на месте деморализовало (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19; ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60). Подчинение Унгерну разрозненных белых отрядов в Монголии и отправка офицеров в некоторые районы для “наведения порядка” усилили произвол, расправы и реквизиции от имени барона — в том числе без его ведома и вопреки его приказам. Отношение населения к Унгерну стало ухудшаться.

Важным фактором было усиление Монгольской народной партии и Временного народного правительства. Красные монголы контролировали часть северной Монголии и, хотя Унгерн не признавал их серьезным противником, в союзе с Красной армией они представляли для него опасность. Ургинскому правительству со стороны РСФСР был, фактически, предъявлен ультиматум о необходимости сотрудничества с революционерами для разгрома белых. Правительство Богдо-гэгэна лучше Унгерна владело информацией. Дело шло к установлению власти красных в Монголии на фоне растущего недовольства населения Унгерном. Это вынудило Богдо-гэгэна искать сближения с руководством Монгольской народной партии. Вероятно, Богдо-гэгэн предвидел не только скорую победу революции в Монголии, но также ликвидацию старых общественных институтов и уничтожение религии. Стараясь уменьшить потери, ургинское руководство круто изменило политический курс, что соответствовало планам Коминтерна.

Одновременно с отъездом из Урги барона, готовившегося к походу на Сибирь, оттуда выехал премьер-министр Монголии Джалханцза-хутухта. Не раскрывая своих замыслов Унгерну, он направился в Западную Монголию для расширения тайного сотрудничества с красными. Есть сведения, что этот политик собирался наладить контакты с революционерами еще накануне своего назначения премьером (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102).

Унгерн вряд ли знал о планах высшего ургинского руководства. Поход советских частей в Монголию он считал для себя выгодным (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 125). Но это понимали и красные. Им было политически и тактически выгоднее завлечь Унгерна к границе и разгромить его там, чем вводить крупный контингент в Монголию и переносить бремя довольствия и фуражировки войск на местное население (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101а, д. 9, л. 42–46). Ситуация развивалась по сценарию красных. В связи с ослаблением своих позиций в Монголии, Унгерну оставалось или уходить оттуда, или наступать на север. Превентивный удар по Сибири, в случае успеха, позволил бы ему найти достаточные ресурсы для войск, укрепить свое положение и предотвратить революцию в Монголии.

Унгерну, в отличие от большинства его соратников, в случае поражения уходить было почти некуда. В Китае его ожидал арест за победы над китайскими вой-

сками. Большевиков он считал главными врагами и с ними не искал компромиссов. Барон писал письма феодалам, генералам-монархистам и другим влиятельным лицам в Маньчжурии, Монголии, Синьцзяне и других регионах, но так и не смог создать массовое монархическое движение. Связей в регионах бывшей Маньчжурской империи (Синьцзян и Тибет), в то время не контролировавшихся центральным правительством Китая, он не успел наладить. Оставалась лишь Внешняя Монголия — но она быстро уходила из-под контроля монгольских сторонников барона.

По-видимому, Унгерн подготовил себе на случай поражения место, где мог бы укрыться, чтобы собирать силы для продолжения борьбы (ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 3, л. 95–98об.). Это место находилось к юго-востоку от Урги, то есть на границе с Внутренней Монголией, где у него было много союзников. Другим подходящим районом Унгерн считал Западную Монголию и Туву, где действовало несколько белых отрядов. Но это было бесперспективно: красные быстро устанавливали там свой контроль. В Маньчжурии и Синьцзяне, которые контролировались Китаем, надолго укрепиться тоже не удалось бы, как это не удалось другим соединениям белых. Сколь ни парадоксально, единственной перспективой для Унгерна был Тибет, который еще долго оставался независимым буддистским государством и куда он в свое время писал Далай-ламе. Там деятельность барона должна была встречать понимание и поддержку. Возможно, Унгерн понял это — но слишком поздно.

Незадолго до похода в Сибирь, по требованию Унгерна, проводились многочисленные гадания. Очевидно, многие из них указывали на гибельность этой кампании для барона. Гадания продолжались и во время похода: при Азиатской конной дивизии для этого состояли монгольские ламы. По-видимому, Унгерн и сам догадывался об опасности своего начинания. Но он был фаталистом и не боялся будущего, а спокойно следовал своей карме.

Перед походом на Сибирь, Унгерн провел ряд подготовительных мероприятий помимо мобилизации (Белов, 2003). Он собирался устроить свою главную базу на востоке от Урги, в Цэцэнханском аймаке, и даже распорядился отремонтировать дорогу Урга–Хайлар, но затем избрал Ван-хурэ, провел туда телеграфную линию и создал запасы продовольствия, мануфактуры и боеприпасов. Завершив подготовку, Унгерн выехал из Ван-хурэ в Ургу 8 мая. Финансовые ресурсы Азиатской дивизии (на 19 мая 1921 г.) составляли 225 тыс. советских рублей, 1,5 млн. сибирских рублей, 5,5 млн. читинских бон, более 10 млн. керенок, около 1,5 млн. николаевских рублей, 17,6 тыс. долларов, а также серебро и золото. Часть средств перед походом была спрятана. По-видимому, некоторые из этих знаменитых кладов Унгерна обнаружили, остальные ищут до сих пор.

21 мая 1921 г. барон издал известный приказ № 15, который подготовили Ф. Осендовский, готовившийся уехать в Маньчжурию, и начальник штаба дивизии К. Ивановский. Этот приказ содержал обоснование борьбы с Советской властью, цели и план наступления. Главной целью похода было восстановление абсолютной монархии в России во главе с Михаилом Александровичем Романовым (по-видимому, Унгерн не знал, что великий князь Михаил Александрович к тому времени был уже убит большевиками). Кроме того, приказ служил пропагандистским целям (например, барон писал, что подчиняется атаману Семенову, хотя фактически это

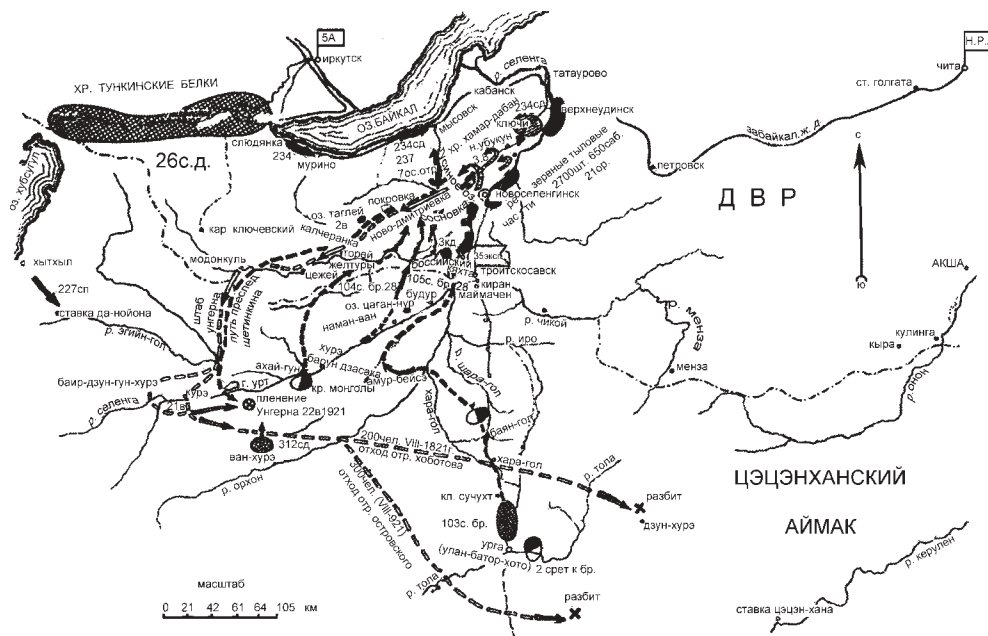
было не так). На допросах Унгерн отмечал, что приказ имел целью координацию действий мелких отрядов, действующих разрозненно в Монголии. Таким способом он хотел расширить фронт наступления на Сибирь с юга. Крайняя жестокость Унгерна и его антисемитизм нашли отражение и в этом приказе.

В архивных и литературных источниках содержатся разные сведения о численности войск Унгерна и его союзников в Монголии. Белов (2003), проанализировав эти данные, пришел к выводу, что всего в подчинении у барона к этому времени находилось не более 7 тыс. сабель, из которых 2 тыс. составляли союзники. Основными из них были Казагранди, Казанцев, Кайгородов, Шубин, бурятско-русские и монгольские отряды. Не доверяя колчаковским офицерам, Унгерн назначал на высшие командные должности бывших урядников, известных ему своей храбростью и личной преданностью, а опытных офицеров ставил под их команду. Штаба и разведки фактически не имел. Все решения принимал сам, а в бою лично командовал даже отдельными сотнями. В связи с этим, дивизия Унгерна напоминала партизанский отряд. По Кислову (1931, 1964), она имела 20 пулеметов и 12 легких орудий. Пулеметы и орудия были также у союзников Унгерна. Дивизия включала 4 полка, разделенные на 2 бригады. Во главе одной из них стоял сам Унгерн, во главе другой — Резухин. Они должны были с двух сторон охватить треугольник между реками Селенга и Чикой в Забайкалье, а оттуда наступать на Сибирь. Союзным Унгерну белым отрядам предлагалась действовать по обстановке, в целом руководствуясь приказом № 15.

Поход Унгерна на Сибирь и его разгром Красной армией описаны многократно и в деталях, в том числе участниками боевых действий. Наиболее подробные описания есть у Кислова (1931, 1964), Макеева (1934) и Белова (2003). Вкратце, события развивались так.

Советское руководство, оказывая помощь Монгольской народной партии и Временному правительству в подготовке революции, сосредоточило в Забайкалье значительные силы. Весной 1921 г. командование 5-й армии перебросило в Забайкалье 35-ю Сибирскую стрелковую дивизию. В мае началась переброска 5-й Кавалерийской дивизии из Западной Сибири. К началу боевых действий три бригады совместно с одним кавалерийским полком и конным партизанским отрядом П.Е. Щетинкина расположились на территории ДВР рядом с границей Монголии. В дивизию входило 7760 бойцов при 24 орудиях и примерно 150 пулеметах. Сама граница с Монголией охранялась частями Народно-революционной армии ДВР общей численностью 700 бойцов. Активные действия советских частей разрешались только в случае выхода белых за границы Монголии. Кислов отмечает, что внутри Монголии была запрещена даже войсковая разведка. После того, как части Унгерна прорвались в Сибирь, был сформирован Экспедиционный корпус, вступивший в Монголию. В него вошли 35-я дивизия совместно с отрядом Щетинкина и отдельным кавалерийским полком под командованием К.К. Рокоссовского — впоследствии знаменитого военачальника Великой Отечественной войны. Командующим корпусом был назначен К.А. Нейман, бывший прапорщик царской армии.

Азиатская конная дивизия двинулась на север. Первым, 20 мая, выступил Резухин. Унгерн выступил позже, с главными силами в 3 тыс. сабель прошел по трак-

Разгром Р.Ф. Унгерна красными (по: Кислов, 1964).

ту Урга — Троицкосавск и начал скрыто сосредотачивать войска южнее Маймачена у монгольской границы. В Урге он оставил отряд Немчинова в 300 сабель, занявший позицию севернее города, а сотня русских казаков в Урге осталась охранять Богдо-гэгэна. Комендантом города был назначен Сипайло, там же осталась контрразведка. Белов приводит архивные данные, согласно которым в разведку из русских и китайцев, оставленную Унгерном в столице Монголии, входили, в частности, барон П.В. Витте, являвшийся в 1917 г. советником правительства Автономной Монголии по финансам, и В.Г. Габрик, бывший драгоман русского консульства. В Урге состоялись православные и буддийские службы о даровании победы барону.

Отряды Тапхаева и Тубанова в 500 сабель перешли границу ДВР и 22 мая заняли п. Менза. 31 мая бригада Резухина подошла к станице Желтуринская. 1 июня Резухин начал бои со Щетинкиным и, понеся большие потери, разгромил его, захватив 2 горных пушки и 7 пулеметов. Одновременно белые из отряда Казагранди, численностью около 300 сабель, заняли п. Модонкуль на границе, примерно в 120 км западнее Желтуринской. В тактических действиях белые использовали быстроту маневра, внезапность нападения, точечные удары, охват флангов в бою. В ночь на 5 июня Резухин внезапным ударом захватил п. Боссийский и продвинулся на северо-восток до Дарастуйского дацана. Здесь Резухин узнал, что далее, в районе с. Сосновка, красные сосредоточили значительные силы, Унгерн попал в трудное положение и связи с ним нет, а отряд Казагранди выбит из Модонкуля. Поэтому 8 июня Резухин начал отступать той же дорогой и ушел на территорию Монголии. Однако, в результате преследования красными, он вынужден был отходить все дальше на юго-восток, и не смог соединиться с бригадой Унгерна.

Наступление бригады Резухина должно было отвлечь силы красных от бригады Унгерна, которая должна была нанести главный удар на Кяхту – Троицкосавск. Двигаясь на Кяхту, Унгерн собирался сначала разгромить части Монгольской народной партии во главе с Сухэ-Батором, а затем двигаться на север. Однако проводники подвели его, и он вышел сразу к Троицкосавску. Части Красной армии совместно с Народно-революционной армией ДВР отбили его атаки, и он отступил на правый берег р. Селенга.

Нападение Унгерна на Сибирь, наконец, дало предлог РСФСР для масштабного вторжения в Монголию — тем более что Временное народное правительство просило об этом еще в апреле. Решение о военной помощи монголам в ликвидации Унгерна было принято Политбюро ЦК РКП(б) 16 июня, а 22 июня нарком иностранных дел Г.В. Чичерин сообщил Дальбюро о скором вторжении в Монголию. В качестве важнейшей задачи было поставлено занятие столицы — Урги. Туда решено было направить 5-ю Кавалерийскую дивизию, 103-ю Стрелковую бригаду и части Монгольской народной партии. Границу с Монголией должны были охранять 104-я стрелковая бригада и отряд Щетинкина. Их было недостаточно в случае повторного наступления Унгерна на Сибирь. Командующий 5-й армией А. Матиясевич понимал это и докладывал начальнику штаба помглавкома по Сибири Ф.Н. Афанасьеву, но его не послушали, в связи с распрями в верхах 5-й армии.

В приказе по советским войскам и воззвании ЦК Монгольской народной партии подчеркивалось, что советские войска вводятся только для борьбы с Унгерном, как друзья и освободители монгольского народа.

Перегруппировка войск Экспедиционного корпуса завершилась 26 июня, а 27 июня он пересек границу. Дорогу на Ургу красным преградили Монгольский и Чахарский отряды и пришедшая к ним на подмогу из Урги русская сотня (Голубев, 1926). Эти соединения были малочисленны и вооружены гораздо хуже красных. Они были разбиты и бежали. А в Урге уже готовились к входу красных частей. Вооруженные монголы взяли город под контроль. Штабисты Унгерна, захватив ценности, на автомобилях бежали на восток, а вскоре из Урги ушли и остатки его войск во главе с полковником Циркулинским. Народно-революционная армия ДВР и полк Сухэ-Батора вошли в Ургу, а в следующие два дня вступили главные силы. Вместе с ними прибыло и Временное народное правительство во главе с Д. Бодо.

Занятие красными столицы Монголии имело важное политическое значение. По сообщениям прессы, народ встретил это событие ликованием. Учитывая авторитет Богдо-гэгэна среди монголов и предвидя будущий разгром Буддийской церкви революционерами, Унгерн советовал ему перенести свою ставку на запад Монголии в Улясутай, чтобы создать там новый политический центр. Копия этого письма сохранилась в советских архивах. Однако Н.Н. Князев (1942) цитирует письмо, в котором Унгерн укоряет Богдо-гэгэна за “переход в красный лагерь” и предрекает ему гибель от большевиков. Правитель Монголии проигнорировал совет барона, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы с красными.

Хотя еще 26 июня войсковая и авиаразведка красных доносили о том, что бригада Унгерна отступает на запад, а не на Ургу, оставив на тракте Троицкосавск–Урга лишь слабый отряд Немчинова, главные силы корпуса продолжали двигаться

на Ургу, несмотря на трудности в снабжении продовольствием, обувью и обмундированием. Между тем, белые успешно провели перегруппировку, Унгерн соединился с Резухиным и готовил новое наступление на Сибирь. Лишь в середине июля против него были брошены 104-я и 105-я бригады красных. Но барон избегал сражений на монгольской территории и вновь двинулся в Сибирь. Численность его войска было около 4 тыс. человек конницы. Основную силу преследовавших его частей Красной армии составляла пехота. Конница барона была очень маневренна, могла делать суточные переходы до 80 км и двигаться по труднодоступной местности. Поэтому Унгерн не боялся пехоты. В результате красные не смогли настичь Азиатскую дивизию.

24 июля Унгерн вновь вышел на советскую территорию в долине р. Джиды. Барон двигался на восток вдоль долины этой реки, разрушая телеграфные линии, расстреливая советских и партийных работников и захватывая пленных. Несмотря на появление Унгерна, местные жители не поднимали восстаний против большевиков, хотя частично вступали в его отряды. Например, в Селенгинской думе к нему присоединилось несколько десятков бурят. 31 июля барон подошел к Гусиноозерскому дацану. Здесь он разбил батальон красных. Одному из полков белых удалось захватить Новоселенгинск и вплотную подойти к п. Убукун, всего в нескольких десятках километров от Верхнеудинска. Унгерн находился в районе Гусино озера несколько дней. Он убедился, что массовой поддержки со стороны местных жителей нет, красные войска на его сторону не переходят, в районе Верхнеудинска его ждет отпор, а японцы не наступают на ДВР и воспользоваться этим нельзя. 4 августа белые начали спешный отход в Монголию.

Красные наседали, сражались отважно, войско Унгерна несло тяжелые потери, сам он был ранен. В рядах дивизии нарастали деморализация и дезертирство. Но он не привык проигрывать, от долгой обороны у него сдавали нервы. Унгерн привык к активным действиям, к битвам и наступлению. Поражение озлобило барона: он бил своих офицеров и приказывал их казнить чаще, чем когда-либо. Занимая населенные пункты, белые убивали коммунистов и партизан вместе с семьями, сжигали дома, расстреливали и вешали попавших в плен красных командиров, политработников и евреев.

Отходу Унгерна на юг помешала подошедшая 105-я бригада советских войск. В результате он повернул на запад. Бросив в пути обоз, 14 августа он ушел на территорию Монголии у п. Модонкуль.

Судя по документам, Унгерн собирался уйти в Западную Монголию и Туву, где были другие белые отряды, поднять казахов, алтайцев и тувинцев на борьбу с красными. Но затем он решил пробиться в Тибет. Вероятно, Унгерн понял, что плохо подготовил наступление. В России, вопреки ожиданиям, не было такого хаоса, как при Временном правительстве А.Ф. Керенского, Красная армия представляла не сборище банд, а регулярную дисциплинированную силу (ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60). Партизанские методы ведения войны на этот раз подвели барона.

Глобальные планы Унгерна по созданию Срединной империи — наследию государства Чингисхана — были недоступны как русским белым, так и их монгольским союзникам. Они воспринимали лишь более простые цели: белые надеялись

вернуться к нормальной жизни, а монголы, кроме того, освободиться от китайского господства. Им не хотелось воевать дальше или уходить в Тибет. По-видимому, большинство белых не понимали и не разделяли мировоззрения Унгерна, монгольские верования и обычаи были им чужды. Белые хотели уйти в Маньчжурию, где у многих были семьи, а затем в Приморье. Договориться об этом с Унгерном было невозможно. Кроме того, после поражений его жестокость к собственным офицерам усилилась. Пока барону сопутствовала удача, палочную дисциплину терпели: ее воспринимали как неизбежное условие поддержания порядка и боеспособности дивизии. Но теперь ситуация изменилась. Офицерская верхушка организовала заговор против своего командира. Целью было убийство Унгерна: заговорщики понимали, что барон им не подчинится.

Во главе заговора встали полковники Хоботов, Костромин, Островский, Очиров, подполковник Евфаритский, адъютант Унгерна есаул Макеев, поручик Виноградов, доктор Рибо, войсковой старшина Львов, поручик Озеров, штаб-ротмистр Частухин и др. Многие из них получили свои звания и назначения от самого Унгерна. Заговорщиков поддержали оренбургские казаки — сказался прием в Азиатскую дивизию белых из других отрядов, имевших другой взгляд на цели и методы борьбы. Участники заговора предложили командиру второй бригады — Резухину присоединиться к ним. Резухин остался верен Унгерну — своему другу и командиру, и был убит. Командование резухинской бригадой перешло к заговорщикам, и они позаботились о том, чтобы это не стало известно барону. Очевидно, заговорщики заручились и поддержкой части солдат другой бригады.

Заговор офицеров против Унгерна привел к его пленению красными. Впоследствии заговорщики, понимая это, старались переложить свою вину на других, доказать, что они сами не покушались на жизнь Унгерна, пытались списать на него все убийства и жестокости, а с себя снять ответственность. Примечательно, что именно руководители заговора и сочувствовавшие им офицеры оставили самые яркие обличения барона, тогда как гражданские лица и даже коммунисты — участники разгрома Унгерна пишут более спокойно.

Непредвзятые сведения об обстоятельствах пленения Унгерна содержатся в его собственных показаниях на допросе (ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60) и донесениях пленивших его красных (РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 205–209; РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л. 26, 14об.–15).

Согласно донесению Щетинкина, в ночь на 19 августа барон узнал о заговоре. Сам Унгерн на допросах указывал 21 августа, а его врач Рибо — 18 августа. Лежа в палатке вечером, барон услышал выстрелы и решил, что это разъезд красных. Выйдя из палатки, он обнаружил, что красных нет, а его бригада самовольно снялась с лагеря и ушла на восток, тогда как он собирался идти на запад. Чтобы узнать причины ухода бригады, он догнал ее, но был встречен пулеметным огнем. Догадавшись о заговоре, Унгерн уехал к Монгольскому дивизиону, которым командовал князь Бишерельту Сундуй-гун. На следующее утро с монголами направился на запад. Монгольский дивизион барон считал наиболее преданным, но к этому времени он, очевидно, также был вовлечен в заговор. Пройдя несколько верст, Сундуй-гун попросил барона дать ему спичек, чтобы прикурить. Когда тот полез в карман

за спичками, князь обхватил Унгерна руками сзади, выше локтей, и повалился вместе с ним на землю. Монголы неожиданно бросились на него, связали руки, посадили в крытую повозку (или обратно на лошадь) и, вместе с пленным, повернули на восток (или на север).

Вскоре разведгруппа Щетинкина встретила монголов с Унгерном и захватила их в плен в местности Дацан-Бурулджи, в районе горы Гурт в долине Тариалан. Один из красноармейцев заглянул в повозку и спросил Унгерна, кто он такой. Барон назвал себя. Точная дата пленения Унгерна неясна. Он был схвачен утром 20 августа (РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 205–209) или 22 августа (допрос Унгерна: ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60; Троцкий, 1924). Впоследствии Сундуй-гун подчеркивал свои заслуги в пленении барона и заявлял, что монголы связали его для того, чтобы доставить к красным (Балжиргарам, 1980). Это сомнительно: очевидно, они собирались доставить барона в уходившую в Маньчжурию бывшую бригаду Резухина, но напоролась на красный разъезд, попали в плен, а потом оправдывались.

После короткого допроса, Щетинкин продолжил преследование белых. Пленные 90 монголов и Унгерн (отдельно) были отправлены под конвоем на советскую территорию. По дороге барон дважды пытался покончить с собой, но безуспешно. Он был доставлен в Троицкосавск, затем в Иркутск и Новониколаевск (ныне Новосибирск). При перевозке Унгерна были приняты особые меры предосторожности.

Лишившись начальника, Азиатская конная дивизия стала уходить на восток, в Маньчжурию. Унгерновскую бригаду возглавил Островский, резухинскую — Хоботов. После победы заговора и отмены телесных наказаний дивизия быстро деморализовалась. Происходило массовое дезертирство. В полном порядке ушли Бурятский и Монгольский отряды, на советскую территорию бежало много казаков. Были случаи использования фальшивых красноармейских документов (“Власть труда” (Иркутск), № 53 (412), 31 августа 1921, с. 1). Началось мародерство. Пришлось восстановить телесные наказания, и мародерство прекратилось (Gizycki, 1929; Макеев, 1934). Отступая и неся потери в боях с частями Красной армии и монгольских революционеров во главе с Сухэ-Батором, остатки Азиатской дивизии численностью несколько сот человек во главе с Хоботовым, Островским и Костроминым ушли в Маньчжурию. Гижицкий (Gizycki, 1929) сообщает, что, по тайному приказу Богдо-гэгэна, монголы снабжали их продовольствием и лошадьми, а также своевременно сообщали о движении крупных отрядов красных. Несколько десятков унгерновцев, бежавшие из Урги, сдались китайцам на границе Внутренней Монголии.

Макеев описывает долгие переговоры в Хайларе с китайским генералом Чжан Куню, побратимом и старым союзником Унгерна. В результате белые сдали оружие, а китайцы дали им продовольствие и деньги. Пробыв в Хайларе 12 дней, на специальном эшелоне они направились в Приморье. На одной из промежуточных станций китайские солдаты попробовали окружить эшелон, но безоружные белые бросились на них, отобрали винтовки и обратили в бегство. Наконец, эшелон прибыл в Приморье, в то время занятое иностранными интервентами и белыми. В Гродеково семеновцы устроили торжественную встречу. На седьмой день прибывшие были по 20–30 человек распределены по разным приморским частям. Азиатская конная дивизия прекратила свое существование.

Через несколько дней после пленения Унгерна, 24 августа, уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел РСФСР по Сибири и Монголии, уполномоченный Коминтерна и член Реввоенсовета 5-й армии Б.З. Шумяцкий известил об этом телеграммой Чичерина. Уже через день В.И. Ленин предложил Политбюро ЦК РКП(б) провести суд над Унгерном с максимальной скоростью и расстрелять, если доказанность полнейшая (“в чем, по-видимому, нельзя сомневаться” — Ленин, 1954, с. 110). Эти формулировки не соответствуют современным правовым нормам. И не только современным. 17 января 1920 г. ВЦИК и Совет народных комиссаров приняли постановление об отмене смертной казни в отношении врагов Советской власти. Остается заключить, что Ленин не хотел, чтобы “публичный суд” воспользовался этим постановлением и оставил Унгерна в живых (Белов, 2003).

По-видимому, красные обращались с Унгерном вежливо. Это было важно для организации показательного судебного процесса. 27 августа, 29 августа, 1, 2 и 7 сентября состоялись допросы. Барон заявил, что войско ему изменило, дело проиграно, и он будет отвечать на вопросы откровенно. Сопоставление допросов с другими материалами показывает, что это соответствует действительности. Более того, создается впечатление, что Унгерн хотел взять на себя вину подчиненных — возможно, на случай их пленения красными. В то же время, хотя допросы — один из важнейших документов по Унгерну, им нельзя доверять слепо. Возможно, большевики могли что-то неверно понять, отдельные ответы барона интерпретировать выгодным для себя образом, а некоторые сведения, важные для пропаганды, вставить в протоколы позднее. Отсюда некоторые ошибки, особенно в аскомпонованном и отредактированном тексте допросов.

Заключение по делу Унгерна было опубликовано в газете “Советская Сибирь” 13 сентября. Затем эта газета до 20 сентября публиковала материалы показательного процесса. Сибирским ревкомом (по согласованию с Москвой) был создан Революционный трибунал, в который вошли: председатель Сибирского отдела Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР Опарин (председатель), Габишев, Гуляев, Кравченко и Кудрявцев. Защитником стал бывший присяжный поверенный Боголюбов, общественным обвинителем — Ярославский. Суд состоялся 15 сентября в театре “Сосновка” в Новониколаевске и продолжался пять часов. Как и на допросах, Унгерн отвечал на вопросы прямо и определенно, держался спокойно, с большим достоинством, и признал все обвинения, кроме связи с Японией. Обвинительная речь Ярославского, наряду со справедливыми обвинениями Унгерна в убийствах, пытках, антисемитизме и т.д., содержала ложные утверждения и огульную пропаганду против дворянства и религии. Адвокат Боголюбов, чтобы избавить Унгерна от расстрела, объявил его ненормальным и предлагал заключить в изолированном каземате, где он будет вспоминать об ужасах, которые творил. От последнего слова барон отказался.

Суд признал Унгерна виновным в попытке вооруженного свержения советского строя в пользу захватнических планов Японии и восстановления монархии, проведении в жизнь панмонгольского плана создания Срединного азиатского государства, массовых убийствах и пытках и приговорил его к расстрелу. Барон воспринял это равнодушно. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Могила Унгерна неизвестна. В соответствии с постановлением Новосибирского областного

суда от 25 октября 1998 г., приговор оставлен без изменения, в реабилитации отказано (письмо № 10/А-2664 от 17.06.04 Центрального архива Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ).

Когда весть о расстреле барона пришла в Ургу, Богдо-гэгэн приказал служить о нем молебны во всех монастырях и храмах Монголии (Юзефович, 1993).

Уже при жизни Унгерн стал легендарной личностью. Поэтому его пленение и смерть породили много легенд — например, о том, что его захватили и выдали красным китайцы, или что он избежал плена, сумел бежать из тюрьмы в Новониколаевске и т.д. Все это маловероятно.

* * *

Какой вклад внес барон Унгерн в историю?

Самая распространенная оценка его деятельности отразилась в революционной песне: “Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон”. Унгерн был, пожалуй, самым последовательным монархистом среди вождей Белого движения. По его собственным словам, он сражается за создание Срединной империи, за восстановление царей, какой бы национальности они ни были (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об.). Фактически, Унгерн боролся за идею империи — остальные вопросы (национальный, религиозный и т.д.) имели для него второстепенное значение. “Кажется, из монархистов только я один на целом свете”, — говорил барон (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 14). По его мнению, “царь должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне класса, должен быть равнодействующей между существующими в государстве классовыми группировками”, должен опираться на аристократию и крестьянство, каждый из этих классов без другого жить не может, а буржуазия может лишь сосать соки из государства и доводит его до революции (ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60).

Таким образом, Унгерн отрицал не только революции и социализм, но и буржуазно-либеральные ценности. Эти ценности стали основой общественного строя Запада, а в России произошла социалистическая революция. Поэтому барон стал ориентироваться на Восток, на Центральную Азию, где господствовали отношения традиционного общества, а монархические идеи были близки значительной части населения. Соответственно, главной целью Унгерна стало создание панмонгольской Срединной империи. Он надеялся, что отсюда традиционное общество удастся распространить и на Запад. Его попытка не удалась как в силу объективных, так и субъективных причин — но безумной ее считать нельзя. Она могла бы в той или иной форме воплотиться в жизнь при других обстоятельствах — в частности, если бы идея образования такого государства завладела общественным сознанием народов Центральной Азии, а местные феодалы сплотились и действовали бы с такой же целеустремленностью, как Унгерн. Во всяком случае, одну монархию барону реставрировать удалось. Это была теократическая монархия Внешней Монголии.

Монголия рассматривалась Унгерном как плацдарм для создания панмонгольского государства во главе с маньчжурским ханом. Это иногда трактуют как стремление вернуть Монголию под власть Китая. С этим трудно согласиться. Унгерн стремился к восстановлению державы Чингисхана, куда Китай входил лишь как ее часть. Маньчжурская династия Цин еще недавно была одной из самых могущественных в Азии,

причем маньчжуры этнически ближе к монголам, чем к китайцам. Хотя маньчжуры к тому времени в большой степени утратили свою этническую самобытность, приняли китайские обычаи, язык и т.д., с точки зрения европейца они все же рассматривались не как китайцы, а как “восточные татары”, то есть одно из монгольских племен (например, Гюк, 1866). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что Унгерн посылал письмо “к вождям киргизского народа” (казахам) о необходимости объединения всех племен и верований монгольского корня. Следовательно, он придерживался широкого взгляда на родственные отношения тюркских и монгольских народов.

Внешняя Монголия долго находилась под властью маньчжурской династии. После Синьхайской революции в Китае монгольская автономия просуществовала лишь несколько лет и была уничтожена китайскими милитаристами, нарушившими трехстороннее Кяхтинское соглашение. Сами монголы не имели достаточно сил, чтобы восстановить свою автономию или предотвратить бесчинства гаминов. Советское руководство в то время не имело четкого плана в отношении Халхи, но войска вводить не решалось, чтобы не обострять отношения с Китаем. В результате именно Унгерн изгнал китайские войска и восстановил автономию Внешней Монголии, не боясь реакции Китая.

В тот период правительство РСФСР, Ургинское правительство и барон Унгерн придерживались курса на восстановление автономии Монголии: первое — в составе республиканского Китая, последние — в составе Маньчжурской империи (которую еще предстояло реставрировать). За полную независимость выступала Монгольская народная партия, поддерживаемая Советским правительством. И, если вначале советские руководители старались направить МНРП в сторону автономии, то после ее прихода к власти они поддержали курс на полное освобождение от китайского господства.

Гоминьдановское руководство Китая не оставляло надежды вновь оккупировать Внешнюю Монголию. Правительство РСФСР не решалось на широкомасштабную военную операцию. В качестве возможного сценария обсуждался ввод советских войск или партизанских отрядов на небольшую территорию на севере Халхи для разгрома белых, если они туда пойдут. Основные надежды возлагались на вооружение монгольских революционеров и постепенное расширение контролируемой ими территории.

Трудно сказать, чем все это могло бы завершиться, учитывая агрессивные приготовления гоминьдановцев и военный перевес Китая над Монголией. Кроме Монголии, ни одна страна, в свое время захваченная Маньчжурской империей, так и не смогла восстановить свою независимость от Китая: нигде больше не было той уникальной ситуации. Попытка Тибета отстоять свой суверенитет привела к его “мирному освобождению” Китаем с последующими разрушениями, зверствами и постепенной ассимиляцией населения.

Советское руководство решилось на ввод крупных соединений в Халху лишь после того, как Унгерн дал тому законные основания своим походом на Сибирь. Затем монгольское революционное руководство попросило советские войска задержаться, чтобы оно могло окончательно победить врагов. Однако истинная причина этой просьбы была, по-видимому, другая: избежать китайской интервенции. Хотя в то время силы Северного Китая были скованы военным противостоянием с Южным, было

ясно, что позже ситуация изменится. Продолжая рассматривать Монголию в качестве своей территории, Китайское правительство еще много лет посылало ноты Советскому правительству о недопустимости договоров, заключаемых СССР с МНР, осуществляло провокации на границе (например, в 1928 г. китайские вооруженные отряды делали набеги на МНР из Барги). Во всяком случае, именно поддержка СССР обеспечила сохранение независимости Монголии. В период правления в Советском Союзе И.В. Сталина, Китай признал, наконец, независимость МНР.

В Монголии внедрялась советская модель развития. Благодаря этому удалось сохранить суверенитет, но религия и традиционная культура подверглись разрушению.

В последние годы появились соображения о том, что большинство монгольских революционеров стремились к созданию демократического, а не социалистического правительства (например, Sandag, Kendall, 2000). Это ничто иное, как дань современной вестернизации. В действительности, демократия не является ни универсальным, ни наилучшим вариантом общественного устройства. В мире все еще существует цивилизационный плюрализм, который обедняется в результате глобализации. Традиционное общество (каковым была и Монголия) опирается на другой набор ценностей, чем современный Запад. Имеющиеся материалы говорят о стремлении монгольских революционеров к независимости страны и социальной справедливости — но не к демократии в западном понимании.

Таким образом, Унгерн не только восстановил автономию Внешней Монголии, но и сыграл ключевую роль в достижении ею полной независимости. Государство Монголия стала последним островком независимости тибето-монгольской цивилизации, оплотом мира и стабильности в Центральной Азии, самым надежным и стратегически важным союзником СССР. И, хотя план восстановления монархий в Азии и Европе не удался, это была самая яркая попытка восстановить традиционное государственное устройство — попытка, не имевшая аналогов в новейшей истории.

Унгерн был крайне жесток даже для своего времени — может быть, именно потому его называли богом войны? В книге И.И. Ломакиной (2003) эта идея получила широкое развитие в сочетании с детальным описанием жестокостей других лиц, пытавшихся оправдать их буддийской религией. Обобщая, автор делает вывод, что любая вера во благо, но “ламаизм — вера особая, вобравшая в себя мудрость Степи, и вряд ли ее до конца нутром поймут европейцы” (Ломакина, 2003, с. 361). Получается, что для буддизма (кстати, одной из официально признанных традиционных религий РФ) сделано исключение среди разных вероучений?.. Далее следуют рассуждения о варварстве Степи (то есть всей кочевой цивилизации Евразии) — а заодно и социалистического прошлого нашей страны...

В задачу этой книги не входит анализ публицистики. Можно лишь отметить, что культ гневных божеств в северном буддизме и тантрические ритуалы направлены на духовную практику самосовершенствования и не включают убийства или мучения живых существ (см., например, Позднеев, 1887; Далай-лама XIV, 1991). Хотя некоторые и считали Унгерна богом войны, барон не был провозглашен им официально. Что же касается “жестокостей ламаизма”, то полезно вспомнить историю инквизиции, арабского халифата и т.д. Варварство пытались оправдать авторитетом разных религий и апеллировали к тем или иным их положениям. Не толь-

ко буддист Унгерн был жестоким. В этом его превосходили многие офицеры его дивизии, считавшие себя христианами или мусульманами (например, Сипайло, Безродный, Мухаметжанов и др.). Некоторые из них не стеснялись списывать на Унгерна собственные преступления.

Сам Унгерн хотя и стал буддистом, одновременно остался христианином. Это естественно для буддизма, самой веротерпимой из мировых религий. Вообще, исповедование сразу нескольких религий типично для жителей ряда стран Востока (Япония, Китай и т.д.). Унгерн с уважением относился и к другим религиям. Он справедливо считал, что существует одно Божественное начало, а религиозные учения отражают различия представлений о нем разных народов.

Таким образом, жестокость коренится не в религиях. Следует посмотреть шире и сравнить противоборствующие стороны в один и тот же период.

В ходе Гражданской войны (как в России, так и в Монголии) взаимное ожесточение росло. Достаточно, например, сопоставить деятельность Унгерна до революции и после; деятельность адмирала Колчака как исследователя Арктики, затем участника Русско-японской войны и, наконец, Верховного правителя Сибири; деятельность В.И. Ленина, который после октября 1917 г. до лета 1918 г. выступал за мирное развитие революции, а Гражданскую войну, по примеру Великой французской революции XVIII в., ратовал за “красный террор” (Белов, 2003).

В стремлении одолеть врага, Унгерн проявлял все больше жестокости. Поэтому в отечественной литературе его принято называть бандитом, а его отряды — бандами. Впрочем, эти эпитеты до сих пор применяют и к другим соединениям белых.

Но разве не тем же занимались красные? Достаточно вспомнить красный террор, карательные отряды (например, под командованием Аркадия Гайдара или М.Н. Тухачевского), продотряды, кампанию по “раскулачиванию” крестьянства. Вот, например, какие новости из России можно было прочитать в газете для детей русских колонистов в Монголии: “Прокурорский надзор сообщил Верховному правителю о трагической судьбе пермского духовенства: архиепископ Андроник закопан в Мотовилихе живым в землю; епископ Феофан после истязания утоплен в проруби после многократного погружения в воду; черниговский архиепископ Василий, прибывший в Пермь с двумя спутниками для выяснения участи Андроника, изрублен шашками. К донесению прокурора приложен список 52 лиц черного и белого духовенства, принявших мученическую кончину, которой предшествовали издевательства и пытки” (“Юный колонист” (Урга), № 6, 20 (7) апреля 1919, с. 2). Уже после того, как Унгерн был взят в плен, 20 сентября 1921 г., командующий 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом издал приказ № 1350 — как бы отчасти списанный с унгерновского приказа № 15: “Семьи не явившихся бандитов [к ним причислялись и белые — С.К.] арестовывать, имущество конфисковывать <...>. Граждане, которые не сдадут вовремя продналог, <...> будут приравнены, как бандиты, к врагам Рабоче-Крестьянской власти” (РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 1873, л. 22) — следовательно, расстреляны. А в 1932 г. карательный отряд чекистов вторгся в Баргу и истребил от 150 до 300 мирных колонистов в казачьих поселках, причем многие семьи уничтожались поголовно (Майер, 2003). Красный террор охватил всю Россию. Пытки, казни и репрессии, применявшиеся большевиками, по жестокости не уступа-

ли унгерновским, а по размаху намного превосходили их (см., например, Мельгунов, 1990). Неудивительно ожесточение белых против красных и сочувствовавших им.

Монгольские революционеры под давлением советского руководства тоже “закручивали гайки”. Сопrotивление искусственному насаждению коммунизма в Монголии нарастало. В результате начались массовые репрессии в отношении монгольского народа — в первую очередь, Буддийской церкви и феодалов. Кульминацией этого стало закрытие всех монастырей в Монголии к концу 1930-х гг., их почти полное разрушение и разграбление, массовые расстрелы лам, разгром своеобразной монгольской культуры, ликвидация аристократии, репрессии в отношении широких слоев населения (см., например, Дамдиндорж, 1990; Баттогтох, 1991). Масштаб этих потерь во много раз превзошел потери по вине Унгерна.

Существует немало свидетельств о зверствах в России интервентов из демократических стран Запада (а не только Японии и Китая — о чем обычно пишут). Эти свидетельства сейчас принято замалчивать. Но демократические интервенты оставили здесь кровавый след — в том числе и в азиатской части (см., например, Мельчин, 1950; Гаркушенко, 1952; Эмасов, 1953; Серебrenников, 2004). Недостойно вели себя в Сибири и чехословацкие союзники белых, сначала поддерживавшие А.В. Колчака, а затем предавшие его при поддержке западных союзников (Серебrenников, 2004).

Таким образом, жестокость на совести всех противоборствующих сторон. Ненависть порождает в ответ еще большую ненависть противника. Ее нельзя оправдать — но таковы были исторические реалии начала XX века, и возлагать всю ответственность на какую-то одну сторону неверно. Однако чем лучше мучительная смерть тысяч мирных жителей от агрессии некоторых современных демократических правительств против “диктаторских” государств ради “прав человека”? А ведь это события не столетней давности, а нашего гуманного времени!

Революционеры, большевики, социалисты и сочувствующие им были для Унгерна на одно лицо. Он считал их разрушителями монархий, веры, обычаев, законов, достоинства и порядка. А евреев считал движущей силой революций. На этом основывался антисемитизм Унгерна. Потому он приказывал истреблять коммунистов и евреев. Ориентируясь на средневековые методы борьбы, он велел уничтожать главных врагов поголовно, вместе с семьями — и этот варварский приказ претворялся в жизнь. Однако некоторые агенты Унгерна в Маньчжурии были евреями (например, крещеный еврей Л. Вольфович, брат которого находился в Азиатской дивизии). Но времена меняются. Сейчас в либеральных кругах за антисемитизм принято ругать как раз бывшее коммунистическое руководство СССР...

Через много лет после суда и расстрела, Унгерна стали обвинять в фашизме. Примечательно, что этого обвинения нет даже в книге Цибикова (1947), где затрагиваются преступления фашистов. Но в последних публикациях об Унгерне (например, Ломакина, 2003; Демиденко, 2004) оно встречается регулярно — пишут, что он был предшественником фашизма или даже первым фашистом в русском варианте. Аргументы следующие: антисемитизм, массовые убийства евреев, жестокость, отрицательное отношение к интеллигенции, абсолютная преданность, пьеса про него в гитлеровской Германии (там, кстати, весьма ценили и композитора Р. Вагнера)...

Поскольку это обвинение стало почти общепринятым, остановимся на нем подробнее.

Антисемитизм не идентичен фашизму. Достаточно вспомнить римских императоров династии Флавиев, разрушивших Иерусалим и истреблявших евреев, массовое уничтожение и выселение евреев из средневековой Испании и некоторых других стран Запада и т.д. С другой стороны, не следует забывать, что именно фашизм в форме нацизма (национал-социализма), с его идеологией превосходства “белой”, “арийской” расы повинен в массовом истреблении как евреев, так и многих других народов — в том числе русского.

Имеются разные определения фашизма. Согласно точке зрения, принятой в СССР, фашизм выражает интересы наиболее агрессивных сил империалистической буржуазии; его важнейшие признаки — применение крайних форм насилия над трудящимися; воинствующий антикоммунизм; шовинизм, расизм; широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики; максимальный контроль за общественной и личной жизнью граждан; разветвленные связи с достаточной частью населения, не относящейся к правящим классам и способность активизировать эту часть в интересах эксплуататоров. В центре фашистской идеологии — идеи военной экспансии, расового неравенства, “классовой гармонии”, вождизма, всевластия государственной машины (БСЭ, т. 27, М., 1977, с. 222).

В либеральном обществе фашизм понимается сходным образом, но несколько шире: это правое, националистическое, тоталитарное движение или правительство. Его ключевые особенности — примат государства, подчинение воли индивидуума общей воле народа, выраженной государством; полное повиновение харизматическому вождю, олицетворяющему государство; прославление военной силы, битв и завоеваний при опорочивании либеральной демократии, рационализма и буржуазных ценностей; элемент мистицизма обычно наполняет фашистские взгляды на святость государства или расы (New Encyclopaedia Britannica, vol. 4, Chicago etc., 1993, p. 691).

Общими в обоих определениях являются расизм, насилие, примат государства, безоговорочное подчинение вождю, идеи военной экспансии, тотальный контроль личности. Очевидно, именно совокупность этих признаков отличает фашизм — в том числе, кстати, и от коммунизма (Гордон, 1996). Поэтому термин “красно-коричневые” — нонсенс. Зато идеи превосходства “белой расы”, окрашенные в современной России идеологией англо-саксонского нацизма, враждебны русскому народу и объективно служат интересам тех сил за рубежом, которые стремятся к окончательному развалу нашей страны по национальному признаку.

Насколько соответствовали идеология и деятельность Унгерна приведенным выше критериям? Государственное регулирование Унгерн вообще не обсуждал; на место вождя ставил традиционный идеал монарха; военную экспансию рассматривал не как цель, а как средство восстановления империи; ни одну расу не считал избранной; тотальный контроль личной или общественной жизни не осуществлял. Отрицательно относился не ко всей интеллигенции, а только к общественно-политической и либерально-бюрократической, а также к буржуазии. Мистика Унгерна в корне отличается от фашистской. Последняя коренится не в буддизме, а в теософии (см., например: Повель, Бержье, 1991).

Таким образом, Унгерн не был ни фашистом, ни предшественником фашизма в любой форме.

А вот деятельность в пользу Японии инкриминировалась Унгерну гораздо раньше, еще со времен Гражданской войны. Такие обвинения содержатся во многих донесениях Советскому правительству из Монголии и Маньчжурии (например, АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34 и т.д.). Они широко использовались красными в пропагандистских целях при борьбе с Унгерном (см., например, Советско-Монгольские отношения, 1975). Начало этому положила его служба у атамана Семенова, которого поддерживала Япония. Анализ документов показывает, что эти обвинения (впервые появившиеся в политсводках 1921 г.) основаны не на фактах, а лишь на геополитических построениях, наличии в дивизии Унгерна японцев и ведомостей о жаловании этим японцам (как, впрочем, и представителям других национальностей).

Е.А. Белов (2003) первым показал, что обвинения Унгерна в поддержке Японией следует считать результатом советской пропаганды 1920-х гг., объяснявших затяжной и жестокий характер Гражданской войны в России помощью империалистических держав, оказываемой контрреволюции. К этому можно добавить, что даже в период службы в Даурии Унгерн действовал автономно от японофила Семенова и не выполнял никаких заданий в пользу Японии. Более того, его попытка вторгнуться в ДВР вызвала отрицательную реакцию японцев (“Заря” (Харбин), № 139 (5 октября) 1920, с. 3). Сам Семенов относился к планам Унгерна отрицательно, а барон, будучи в Монголии, не пытался восстановить связь с ним.

Панмонгольские взгляды Унгерна часто рассматривались как доказательство его сотрудничества с японцами, которые тоже заявляли о стремлении создать панмонгольское государство. Однако из документов видно, что планы Унгерна и Японии различались и не были связаны. В отличие от японцев (стремившихся создать марионеточное государство на территории Маньчжурии, Бурятии, Внутренней и Внешней Монголии), Унгерн хотел создать гораздо более обширное евразийское государство, причем без участия Японии. Японцы не оказывали материальной поддержки барону. Японский отряд служил в его дивизии на тех же основаниях, что и другие отряды. Нет никаких доказательств того, что японцы контролировали деятельность Унгерна, участвовали в стратегическом планировании и т.д. Японские солдаты не были на особом положении: например, на них телесные наказания накладывались так же, как и на остальных. На допросах сам Унгерн отрицал связь с Японией. Наконец, примечательны высказывания большевика Рейхберга, председательствовавшего на дебатах по докладу Неймана о разгроме Унгерна: “Хотя мы не располагаем достаточным количеством документов, но знаем, что у Унгерна был с Семеновым единый план на 1921 г. против Советской России... документов больших нет, но указания имеются” (РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л. 10об.).

По вопросу о борьбе против Советской власти наши соотечественники все еще разделены на два лагеря: одни полностью одобряют результаты Октябрьской социалистической революции 1917 г., другие считают ее бедствием. Но противоположности сходятся. Считается, что немалая часть Белого движения объективно способствовала западной экспансии в России (Кара-Мурза, 2002). Это те, кто опирался

на интервентов и видел будущее России в безоговорочном европоцентризме, ориентации на либеральную, западную модель общественного развития — то есть примерно в том, что сейчас называют глобализацией. В сущности, к глобализации, хотя и другого типа, стремились те большевики, кто разжигал мировую революцию. Но с конца 1920-х гг. руководители СССР отказались от этой концепции в пользу восстановления и укрепления государства. Так же, как представители белых, которые придерживались имперских, монархических идей, они боролись за централизованную, единую, многонациональную державу, идущую своим собственным путем, основанным на исторических традициях государственности. Угрозу этим традициям составляет претендующий на мировое господство тоталитарный либерализм с его всеобщей нивелировкой. Победивший советский строй показал свою эффективность в пору тяжелых испытаний середины XX века: он позволил отстоять главное — единство и независимость страны, восстановить и модернизировать ее, сделать великим евразийским государством.

Скоро уже сто лет, как взаимная ненависть разделила белых и красных. В современном мире эти понятия стали условностью. Но ненависть и взаимные обвинения продолжают разделять людей. Чтобы преодолеть это, надо отказаться от идеологических стереотипов, анализировать историю беспристрастно, на основе документальных свидетельств и мемуаров, в контексте конкретной исторической ситуации. Все это в полной мере относится и к такой сложной личности, как барон Унгерн.

ЛИТЕРАТУРА

- Акунов В.В., Кузнецов Н.А. 2004. Белый бог войны: барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и Азиатская конная дивизия // *Доброволец*. № 2. С. 19–27.
- Балжиргарам Б. (сост.) 1980. Эх орноо харийн дайснаас бурэн Чулуулсун нь (баримтын эмхтгэл) 1920–1924. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Баттогтох С. 1991. Нууц хуйвалдаанас нугалаа завхралд. Улаанбаатар.
- Белов Е.А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф.
- Бочаров А. 2003. “Поведение продолжает ухудшаться” // *Источник*. № 4. С. 66–70.
- Бурдуков А.В. 1969. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука.
- Врангель П.Н. 1991. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): Кн. 1. Б.м. (М. – Пенза).
- Гаркушенко А. 1952. Злодеяния американо-английских империалистов в Средней Азии в 1918–1920 гг. // *Сталинский сокол*. № 115, 16 мая 1952.
- Голубев. 1926. Воспоминания. Пекин (рукопись). Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA, DK254/U7G662.
- Гордон Л. 1996. Фашистский режим, фашистское движение, фашистская угроза // *Нужен ли Гитлер России?* М. С. 138.
- Гюк Е.Р. 1866. Воспоминания о путешествии по Татарии. СПб.-М.
- Далай-лама XIV. 1991. Буддизм Тибета. М.-Рига: Нартанг-Угунс.
- Дамдиндорж Д. 1990. Хар хэргийн амьдгэрч (туухэн найруулал). Улаанбаатар.
- Демиденко М.И. 2004. Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета. М.: Яуза — Эксмо. С. 5 — 252.
- Егоров Н.Д., Пульченко Н.В., Чижова Л.М. (сост.) 1998. Путеводитель по фондам Белой армии. М.: Русск. библиогр. общ. – Вост. лит.
- Кара-Мурза С.Г. 2002. Советская цивилизация. Кн. 1. М.: Эксмо-Пресс.
- Кислицин В.А. 1936. В огне гражданской войны: мемуары. Харбин: Наш путь.

- Кислов А. 1931. Ликвидация Унгерна // Война и революция. № 3. С.30–50.
- Кислов А. 1964. Разгром Унгерна. М.: Воениздат.
- Князев Н.Н. Легендарный барон // Луч Азии (Харбин). № 2, 1934, с.13–17; № 34/6, 1937а, с.7–9; № 36-8, 1937б, с.19–20.
- Князев Н.Н. 1942. Легендарный барон. Харбин: изд. часть Главного бюро по делам российских эмигрантов.
- Козлов П.К. 2003. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. СПб: Наука. С.57.
- Кручинин А.С. 2002. “Монгольский поход” барона Унгерна: к вопросу о подлинных целях и путях реализации // Вестн. молодых ученых. Т.5. Сер. историч. науки. Вып. 1. С. 65–71.
- Кузнецов Н. 2004. Барон Унгерн и Азиатская конная дивизия. // Демиденко М. Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета. М.: Яуза-Эксмо. С.253–280.
- Лаврентьев К.И. 1925. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин (рукопись). Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Maria Vrangels' Collection, Folder 16, Box 14, p.1–43.
- Лавров С. 1942. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай (рукопись). Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 48014-10.V, p. 1–141.
- Ленин В.И. 1954. Полное собрание сочинений (изд. 5). Т.44: июнь 1921 – март 1922. М.: Политиздат. С.110.
- Ломакина И.И. 1999. Комментарии // Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни.
- Ломакина И.И. 2003. Грозные Махакалы Востока. М.: Яуза-Эксмо.
- Майер В. 2003. Славный сибиряк. // И.И. Серебренников. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ-Ермак. С.5–45.
- Майский И.М. 1959. В старой и новой Монголии. М.: изд. Вост. лит.
- Макеев А.С. 1934. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоизд. А.П. Малык и В.П. Камкина.
- Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.168–172.
- Мельгунов С.П. 1990. Красный террор в России. М.
- Мельчин А. 1950. Зверства и мародерство американских интервентов на Советском Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. // Блокнот агитатора (Главное политуправление ВМС СССР). № 5. С.42–48.
- Неклюдов С.Ю. 1992. Чойджины // Мифы народов мира: энциклопедия. Т.2. М.: Сов. энциклопедия. С.632.
- Оссендовский Ф. 1925. Звери, люди и боги. Рига: книгоизд. Г.Л. Биркен.
- Першин Д.П. 1933. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века (рукопись). Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA, колл. Д.П. Першина.
- Повель Л., Бержье Ж. 1991. Утро магов. М.: Миф.
- Позднеев А. 1887. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб: тип. Имп. АН.
- [Семенов Г.М.] Атаман Семенов. 2002. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ.
- Серебренников И.И. 1936. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий 1919–1923. Харбин: изд. М.В. Зайцева.
- Случайный. 1921. В осажденной Урге // Русское обозрение (Пекин). № 5. С.148–199.
- Советско-Монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. 1975. Москва–Уланбаатар.

- Троцкий Л. 1924. Как вооружалась революция. Т.3(1). М.
- Хитун С.Е. 1975. Дворянские поросята (рукопись). <http://www.ldn-knigi.narod.ru>.
- Хорошилова О. 2002. Войсковые партизаны Великой войны. СПб: Европ. дом.
- Цибиков Б. 1947. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бур.-Монг. госиздат.
- Чойбалсан Х. 1952. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд. иностр. лит.
- Шайдицкий В.И. 1963. На службе Отечества. Сан-Франциско.
- Ширендыб Б. 1963. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор.
- Эмасов Л. 1953. Кровавый путь американских оккупантов в Забайкалье в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Байкал. № 7. С.115–150.
- Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак.
- Alioshin D. 1941. Asian Odyssey. London – Toronto – Melbourne – Sydney: Cassell and Co., Ltd.
- Gizycki K. 1929. Przez Urjanchaj i Mongolje. Lwow – Warszawa: wyd. Zakladu Nar. im. Ossolinskich.
- Michalowski W.St. 1977. Testament barona. Warszawa: Ludowa Spoldzielnia Wyd.
- Sandag S., Kendall H.H. 2000. Poisoned arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941. Boulder, Co: Westview Press.

С.Л. Кузьмин

БЛАГОДАРНОСТИ

Хотелось бы принести искреннюю благодарность за любезное содействие в поиске, использовании и копировании документов сотрудникам Архива внешней политики РФ; Государственного архива РФ; Государственного музея современной истории РФ (особо — И.М. Глухой и Т.Н. Еремеевой); Минусинского регионального краеведческого музея им. И.М. Мартыанова (особо — Л.Н. Ермолаевой и Е.М. Лясковской); Российского государственного архива литературы и искусства; Российского государственного архива социальной и политической истории; Российского государственного военного архива; Российского государственного военно-исторического архива; Центрального архива Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ; Центрального музея вооруженных сил; Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова; Eesti Ajalooarchiv (Тарту, Эстония); Hoover Institution on War, Revolution and Peace (Стэнфорд, США); а также Леону и Нине Дотан за разрешение использовать текст рукописи С.Е. Хитуна с их Интернет-сайта; М.Ю. Блинову за разрешение использовать материалы из его собрания; Ж. Оюунчимэг за переводы и консультации по монгольскому языку, топонимике и истории; Р.В. Новицкому за переводы с польского языка; Е.С. Кузьминой за редактирование карт; Д.В. Гельтману (С.-Петербург) и Д.В. Логунову (Манчестер, Великобритания) за помощь в получении литературы; Ж. Цогнэмэху (Улан-Батор, Монголия) за помощь в получении материалов на монгольском языке.

ДОКУМЕНТЫ

Период до Гражданской войны

[УЧЕБА Р.Ф. УНГЕРНА В МОРСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ]

Прошение отчима Р.Ф. Унгерн-Штернберга барона О.Ф. Гойнинген-Гюне директору Морского кадетского корпуса о приеме Р.Ф. Унгерн-Штернберга в корпус, 1 августа 1902 г.

Желая определить на воспитание в младший специальный класс Морского кадетского корпуса пасынка моего барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга, я, нижеподписавшийся барон О.Ф. Гойнинген-Гюне, имею честь препроводить при сем метрические свидетельства о рождении и крещении его и другие документы, о получении которых прошу уведомить. Если по принятии Романа Федоровича в корпус начальство одного признает нужным исключить его вследствие дурного его учения или поведения, а также вследствие появления болезней, которые препятствуют службе на флоте, то я обязуюсь по первому требованию корпуса без замедления взять его обратно на свое попечение.

Барон [подпись:] Оскар Федорович Гойнинген-Гюне
РГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 8586, л. 1, подлинник.

Из аттестационной тетради Р.Ф. Унгерн-Штернберга, 1903–1905 гг. (с сокращениями)

- 1) *Время и место рождения.* 10 января 1886 г.
- 2) *Вероисповедия.* Лютеранского.
- 3) *Время зачисления в корпус, с обозначением № приказа по М.К.К.* 5 мая 1903 года № 125.
- 4) *Разряд зачисления по содержанию в корпусе и последовавшие перемены.* На казенный счет.
- 5) *Где получил воспитание до зачисления в М.К.К.* В частном пансионе Савича.
- 6) *В какой класс М.К.К. поступил.* В младший специальный класс.
- 7) *Общественное положение отца кадета при поступлении в М.К.К.* Дворянин-помещик.
- 8) *Сословное происхождение.* Потомственный дворянин.

Сведения о лице, определившем кадета в корпус, и последовавшие перемены

Имя, отчество и фамилия. Оскар Федорович барон Гойнинген-Гюне.

Общественное положение. Владелец имения, потомственный дворянин.

Отношение к кадету. Отчим.

Место жительства. Эстляндской губ. Ревельского уезда имение Ервакант.

Лицо, взявшее годовой билет на право брать кадета в отпуск. Алиса Ивановна Детлинг, содер[жательница] пансиона.

Отношение к кадету [неразборчиво]

Место жительства. СПб, Васильевский остров, 10 линия, д. 25. Билет взят 18 ноября 1903 г.

Год, месяц и число. Хронологический перечень проступков кадета. Воспитательная мера

1903 г. Августа 2. Курил ночью в палубе. 3 суток строгого ареста <...>

Октября 13. Несмотря на приказание постричься в отпуск, вернулся из отпуска с длинными волосами.

Октября 14. Бегал по классному коридору. Без отпуска 2 очереди.

1904 10 янв. Поздно встал. Суб[бота] без отп[уска].

17 февр. Самовольно вышел из фронта. 1 сут. ареста <...>

15 мая. Курил в палубе, лежа на койке. Стр[огий] арест на 2 сут.

2 июня. Стоя при вахт[енном] начальнике, уходил со своего места и на замечание вахт. начальника: “Куда Вы все уходите, несмотря на то, что Вам мною приказано быть на шканцах” — отвечал: “Я не рассылный, чтобы стоять на одном месте”. Стр. арест на 3 сут. и ставить на время отдыха на шканцы в течение месяца. <...>

15 июля. Курил в палубе, будучи дежурным по палубе. Стр[огий] арест на 3 сут.

17 июля. Будучи арестован, убежал из карцера и гулял по шканцам, пока часовой уносил посуду от обеда. Продолжен арест на 1 сутки.

Подполковник Тыртов

октября 9. При выходе кадет на двор на утр[еннюю] гимнастику, проходя мимо лестницы в офицерский коридор, вышел из фронта и одевался на ней. 1 оч[ередь] без отп. <...>

Ноября 16. Курил в постели в 11,5 вечера.

Ноября 18. Выслан из класса за драку с товарищем. Не был на веч[ернем] уроке Зак[она] Божия. Идя во фронте, держал руку в кармане. Стр[огий] арест на 3 сут.

ноября 26. В отсутствие дежурного офицера сидел на диване и курил папиросу. Стр[огий] ар[ест] на 1 сут. <...>

Ноября 29. Был на гимнастике не в своем отделении.

Декабря 2. Испачкал стол чернилами и на замечание преподавателя ответил: “Я делаю это по привычке”. Стр[огий] арест на 3 сут.

1904. Декабря 3. Просил дежурного оф[ицера] разрешения выйти из класса и, не получив разрешения, встал и вышел. Написано родителям.

Декабря 14. Выслан из класса на уроке кораб[ельной] архи[тектуры]: во время ответа урока, которого не знал, на замечание преподавателя: “Выше объяснение не понятно” ответил: “Очень жаль”. Стр[огий] арест на 2 сут. [...]

1905 г. Январь 6. Явился из отпуска в ботинках на пуговицах; потерял отпускной билет. 2 очереди без отпуска.

Январь 15. Уклонялся от утренней гимнастики.

Января 18. Потушил лампочку в курилке перед входом офицера. Строг[ий] арест на 1 сутки.

Январь 25. Выслан из класса за то, что в то время, когда помощн[ик] инсп[ектора] делал замечание, смеялся. Строг[ий] арест на 1 сутки.

Январь 28. Был в ботинках с пуговицами.

Февраль 6. Дурно стоял в церкви.

Лейтенант Павлинов

Краткое содержание постановлений Учебно-воспитательного совета.

1904 г., мая 5. Оставлен на второй год в младшем специальном классе.

Капитан 2 ранга Баль

1905, февраля 8. Предложено родителям барона Унгерн-Штернберга, поведение которого достигло предельного балла (4) и продолжает ухудшаться, взять его на свое попечение в двухнедельный срок, предупредив их, что, если по истечении этого времени означенный кадет не будет взят, то он будет из корпуса исключен.

1905 г. 18 февраля. Приказом по корпусу № 49 барон Унгерн-Штернберг, взятый по прошению на попечение родителей, из списков исключен.

Физическое развитие кадета соответствует возрасту, природные свойства организма и состояние здоровья, с указанием телесных недостатков и недугов, требующих особого внимания; время более или менее продолжительного пребывания в лазарете, на летней санитарной станции и в отпуску по болезни с указанием самой болезни.

1903 г., авг. 12. Физически развит правильно и отклонений от нормы не замечалось.

Лейтенант Есаулов

Основные черты и особенности характера кадета, с указанием свойства его отношений: а) к основным требованиям нравственности, б) к установленным в корпусе правилам для кадет и к налагаемым на них обязанностям и в) к внешним требованиям благовоспитанности.

1903 г., авг. 12. Очень хороший кадет, но ленив, очень любит физические упражнения и прекрасно работает на марше. Не особенно опрятен.

Лейтенант Есаулов

1905, январь. Весьма плохой нравственности, при тупом умственном развитии; правила корпуса не исполняет упорно, неопрятен, груб.

Павлинов

Нравственное положение кадета в семье

1905, январь. Имеет плохие отношения с отчимом.

Аттестация за кампанию

Год 1903

1904

Рота

2

3

Поведение

Очень хорошее

Посредств[енное]

Исполнение служебных обязанностей

Очень исправен

Мало исправен

В занятиях

Мало прил[ежен], мало вним[ателен]

Мало прил[ежен], мало вним[ателен]

Степень способности к морской службе

Способ[ен], распор[ядителен]

Мало способ[ен], мало распор[ядителен]

Время и обстоятельства выхода кадета из М.К.К. с обозначением № приказа по М.К.К.

12 февраля 1905 года взят на попечение родителей по их просьбе вследствие заключения Учебно-воспитательного совета 8 февраля. Приказом от 18 февраля за № 49 исключен из списков корпуса.

РГАВМФ, ф. 432, оп. 2, д. 2162, л. 1об.–2об., 5об.–7об., 8об., 9об., 10об.–11об., 14об., подлинник. — Цит. по: Бочаров А. 2003. Поведение продолжает ухудшаться // Источник. № 4. С.66–70.

Прошение барона О.Ф. Гойнинген-Гюне директору Морского кадетского корпуса, 17 февраля 1905 г.

Желая по домашним обстоятельствам взять пасынка моего барона Романа Унгерн-Штернберга, кадета 1 роты, из вверенного Вашему Превосходительству Морского кадетского корпуса, покорнейше прошу об увольнении его на мое попечение.

Барон О.Ф. Гюне

РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 7260, л. 13, Подлинник, машинопись. Подпись: автограф. — Цит. по: Бочаров А. 2003. Поведение продолжает ухудшаться // Источник. № 4. С.66–70.

[Документы Р.Ф. Унгерна перед отставкой в 1913 г.]

Всепресветлейший Державнейший, Великий Государь Император Николай Александрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший.

Просит сотник Амурского казачьего генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полка Роман Федорович барон Унгерн-Штернберг о нижеследующем:

Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать военную Вашего Императорского Величества службу, и потому всеподданнейше прошу: к сему

Дабы повелено было уволить меня в запас. Город Благовещенск июля месяца 4 дня 1913 года. К поданию надлежит по команде. Сие прошение со слов просителя печатал писарь высшего оклада штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии Павел Косицын. Прощению Амурского казачьего генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полка сотник барон [подпись:] Роман Унгерн-Штернберг руку приложил.

РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 14, подлинник.

**Послужной список сотника Амурского казачьего генерал-адъютанта графа
Муравьева-Амурского полка барона Унгерн-Штернберга**

Составлен 22 мая 1913 года.

Послужной список сотника Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга.

I. Чин, имя, отчество и фамилия.	Сотник Роман Федорович барон Унгерн-Штернберг		
II. Должность на службе.	Младший офицер 3-й сотни		
III. Ордена и знаки отличия	Имеет Светло-бронзовую медаль за поход в Русско-японскую войну.		
IV. Когда родился.	10-го января 1886 года.		
V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.	Из потомственных дворян Эстляндской губернии.		
VI. Какого вероисповедания.	Евангелическо-лютеранского.		
VII. Где воспитывался.	Общее образование: В Морском кадетском корпусе, военное в Павловском военном училище окон[чил] по 2-му разряду.		
VIII. Получаемое на службе содержание.	Получает в год: Жалования...804 руб. Квартирных...284" Приамурских суточных...108" Добавочных к жалованию...180 Фуражных на одну строевую лошадь по утвержденным ценам.		
IX. Прохождение службы. Когда на службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия; Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.			
Поступил на службу в 91 пехотный Двинский полк на казенное содержание на правах вольноопределяющегося 1-го разряда.	Годы	Месяцы	Числа
	1905	мая	10
Служба считается на основании Приказа по Военному ведомству 1896 года № 137 с...	"	сентяб.	1
Переведен на пополнение войск Наместника Дальнего Востока	"	мая	29
Прибыл на пополнение 12 пехот[ного] Великолуцкого полка и зачислен в 9-ю роту	"	июня	8
ефрейтором	"	нояб.	14

Предписанием Главного Управления военно-учебных заведений от 19 сентября 1906 года за № 24030 переведен на службу в Павловское военное училище юнкером рядового звания, на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в младший класс	1906	октяб.	24
Переименован в юнкера унтер-офицерского звания	1908	мая	7
Приказом по Забайкальскому Казачьему войску от 7-го июня 1908 года зачислен в войсковое сословие этого войска с припиской к высылку Усть-Карынскому прик[азом] по училищу 10-го июня 1908 г. №162	"	июня	7
По окончании полного курса наук Высочайшим приказом произведен в хорунжие в 1-й Аргунский полк Забайкальского Казачьего войска со старшинством	"	июня	15
Прибыл в 1-й Аргунский полк и назначен младшим офицером 2-й сотни	"	июля	27
В составе 2-й сотни выступил на ст. Соболино для содействия гражданским властям	"	сентяб.	22
Прибыл из командировки	"	декаб.	2
Высочайшим приказом, состоявшимся в 28 день февраля 1910 года переведен в Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк, впредь до выезда из полка к новому месту служения числился прикомандированным, приказ по полку № 83-10	1910	мар.	4
Исключен из списков полка	"	апреля	27
Вр[еменно] заведовал пулеметной командой	с "	июня	4
	по"	"	20
Назначен начальником команды разведчиков 1-й сотни. Прик[аз] по полку № 281	"	октябр.	8

Назначен в войско для обучения переселенцев	1911	август	1
Командирован на военно-конскую и повозочную перепись, Прик[аз] по полку № 152	1912	мая	31
Прибыл из командировки	1912	июля	3
Младшим офицером 3-й сотни	"	сентяб.	17
Высочайшим приказом в 5-й день октября 1912 года произведен в сотники	"	октябр.	30
Со старшинством	"	июня	15
X. Бытность вне службы: а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) по плену: когда и где взят и когда возвратился на службу, и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.			
В 28-ми дневном отпуску сверх указанного поверстного срока, с сохранением содержания с...	1908	июня 18	
Прибыл...	"	июля	27
В 6-ти месячном отпуску с...	1911	октяб	28
Прибыл из отпуска...	1912	марта	21
IX. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания	Холост.		
XII. Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женою недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное.	Сведений не имеется.		
XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно: по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.	Не подвергался.		
XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства.	Участвовал в походах против Японии, в сражениях не был. Особых поручений сверх прямых своих обязанностей не имел.		

В службе означенного обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Командир полка, полковник [подпись]
Полковой адъютант, сотник [подпись]
РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об., подлинник.

Аттестация за 1911 год

Чин, имя и фамилия... хорунжий Роман барон Унгерн-Штернберг.
<...> Службу знает и относится к ней добросовестно. К подчиненным нижним чинам требователен, но справедлив. Здоровьем крепок. Ездит хорошо, в седле очень вынослив. Умственно развит хорошо. Интересуется военным делом. Благодаря знанию иностранных языков, знаком с иностранной литературой. Толково и дельно ведет занятия с разведчиками. Прекрасный товарищ. Открытый, прямой, с отличными нравственными качествами, он пользуется симпатиями товарищей.

Общее заключение: Вполне годен к строевой службе и заслуживает выдвижения.

Подлинное подписал командир сотни подъесаул Кузнецов

Заключение аттестационного совещания. К строевой службе годен. К командованию сотней не подготовлен.

Подлинное подписал: председатель совещания полк[овник] Вертопрахов

Решение утверждающего аттестацию начальника: “К службе годен”.

Подлинное подписал: командир полка полковник Раддац

Верно: Полковой адъютант сотник [подпись]

РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 25–26, подлинник.

Аттестация за 1912 год

Чин, имя и фамилия... хорунжий Роман барон Унгерн-Штернберг.
<...> Строевую службу знает и приобрел в ней известный опыт. Ездит хорошо и лихо, интересуется кавалерийским делом. В большой степени увлекается и склонен к походной жизни. Умственно развит очень хорошо, интересуется не только военной, но и общей литературой, чему много способствует знание нескольких иностранных языков. В нравственном отношении безупречен, между товарищами пользуется любовью. Обладает мягким характером и доброй душой.

Общее заключение: Хороший.

Подлинное подписал: командир 1-й сотни есаул Кузнецов

Решение утверждающего аттестацию начальника: “удовлетворительный”. К занимаемой должности годен.

Подлинное подписал: командир полка полковник Раддац

Верно: Полковой адъютант сотник [подпись]

РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 27–28, подлинник.

Штаб 10 Сиб[ирской] Стр[оевой] Дивизии

Получено 10 июль 1913

Часть 4 № 2773

Представление об зачислении в запас по Забайкальскому казачьему войску сотника Амурского казачьего генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полка барона Унгерн-Штернберга

Приложения: Всеподданнейшее прошение сотника барона Унгерн-Штернберга

Послужной список

Представление начальствующих лиц об увольнении от службы

Командир полка

Представляя при сем начальнику 10-й Сибирской стрелковой дивизии всеподданнейшее прошение сотника Амурского казачьего генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полка барона Унгерн-Штернберга, прошу ходатайства:

1. О зачислении названного обер-офицера в запас по Забайкальскому казачьему войску согласно его прошению по домашним обстоятельствам.

2. Прав на награждение его чином и мундиром не выслужил.

3. Прав на пенсию он не выслужил.

4. Сотник барон Унгерн-Штернберг за невыслугою установленного срока на производство в следующий чин и на награждение его мундиром не удостоивается означенных наград.

5. Выслугою лет он не приобрел права на пенсию.

6. Взысканиям, соединенным с ограничением прав по службе не подвергался.

7. Со времени подачи прошения о зачислении в запас состоит в полку налицо при исполнении своих служебных обязанностей.

8. Закон: ст.ст. 767 и 768 кн. VII Св.В.П. 1869 года изд. 2.

Командир Амурского казачьего генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полка, полковник [подпись]

7 июля 1913 года. № 2820. Город Благовещенск.

Вр. и.д. полкового адъютанта хорунжий [подпись]

РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 15, подлинник.

Вх. 3915 Отдел 3 Стол 4 27 ноября 1913 № 1040

3-е Отделение "4" стол вх. № 4308/28 XI

Высочайший приказ 13 декабря 1913

Справка

Представлен к зачислению в запас сотник Амурского казачьего полка барон Унгерн-Штернберг (Роман).

Аттестован за 1911 г. к службе годным, за 1912 г. удовлетворительным. Причислен к войсковому сословию Забайкальского каз[ачьего] войска.

По закону, к зачислению в запас по Забайкальскому казачьему войску препятствий не встречается.

Генерал-майор Петерсон

Шт[абс] капит[ан] Чудский

РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 38, подлинник.

[Допрос Р.Ф. Унгерна 26 октября 1916 г. в Черновцах]**Протокол № 2 допроса обвиняемого [неразборчиво], октября 26 дня, гор. Черновицы**

Военный следователь штаба 8 армии допрашивал сего числа ниже поименованного в качестве обвиняемого с [неразборчиво] 455–459 ст.ст. Уст.в.судеб., и он показал:

Роман Федорович, барон Унгерн-Штернберг, 29 лет, лютеранского вероисповедания, есаул 1-го Нерчинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, живу при своей части, под судом и следствием не был.

Я признаю себя виновным в предъявленных ко мне обвинениях, изложенных в постановлении от 25 сего октября и мне прочитанном (обвиняемому прочитано приемное постановление). Не помню точно, какого числа, но несколько дней тому назад я и мой товарищ подьесаул Артамонов получили от командира полка отпуск в гор. Черновцы на три дня. Приехали мы сюда на автомобилях с каким-то генералом поздно ночью и [неразборчиво] направились в гостиницу “Черный Орел”. В этой гостинице я лежал раненным недели две. Швейцар гостиницы отказался дать нам номер без удостоверения коменданта города. Я решил наверху отыскать известного мне лакея: не найдя, я спустился вниз. Там уже был городской и три патрульных нижних чина; подьесаула Артамонова не было. Швейцар чего-то тут увивался, кричал, что это безобразие. Я сильно рассердился и хотел ударить его шашкой в ножнах, но промахнулся и разбил стекло в дверях. Я не помню, чтобы ударил швейцара рукой по лицу. В тот день я пил спирт, но в таких количествах, что не был в состоянии опьянения; где был подьесаул Артамонов, не знаю. В гостинице были свободные номера, но нам не позволили оставить там даже своих вещей. Я отправился в комендантское управление. Поднимаясь по лестнице, я услышал громкий возбужденный разговор подьесаула Артамонова, очевидно, с комендантским адъютантом и понял, что адъютант не дает удостоверения на номер. Там, в комендантском управлении, есть адъютант, который хотел меня раненого удалить из гостиницы “Черный Орел”, и я к нему за это питал неприязненное чувство; этот же адъютант, фамилии его не знаю, обычно устраивает всяческие препятствия при выдаче удостоверений на право занять номер в гостинице. Зайдя в комнату, где разговаривал подьесаул Артамонов с адъютантом, я настоящего принял за того именно адъютанта, к которому у меня было враждебное чувство. Приблизившись, я, насколько помню, сказал: “Кому тут морду бить”, возможно, что сказал и “а, сволочь прапорщик”. Адъютанты, как тот, к которому у меня была вражда, так и тот, который стоял передо мною, как раз были в чине прапорщика. Услышав мои слова, адъютант стал пятиться назад и заслонять лицо руками. Тогда я махнул на него своей шашкой в ножнах; но ударил ли я его, не помню, не чувствовал, возможно, что задел кончиком ножны. Твердо помню, что рукой, с целью нанести удар по лицу, я на него не махивался. Адъютант куда-то ушел. Я сел в кресло переждать, что будет дальше; подьесаул Артамонов тоже ждал. Явился другой адъютант и арестовал меня, при-

чем сам отстегнул мою шашку. Я страшно сожалею, что оскорбил не того адъютанта, который отличается своим некорректным отношением к офицерам, а другого, и вообще сожалею о случившемся. Особенно мне неприятно то, что я оскорбил человека, который ничего худого мне не сделал и которого я раньше даже не видел. Ничего больше показать не имею. Показание мне прочитано и записано верно.

[подпись:] есаул бар. Унгерн-Штернберг.

[печать:] И.д. следователя прапорщик [подпись]

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 67–68, подлинник.

[Обвинительный акт по делу Р.Ф. Унгерна в 1916 г.]

Обвинительный акт по делу об есауле I Нерчинского казачьего полка бароне Унгерн-Штернберге.

В ночь на 22 октября 1916 года в гостиницу “Черный Орел”, в г. Черновицах, явились 2 неизвестных офицера с требованием об отводе им номера. На отказ швейцара гостиницы Ивана Домогацкого отвести номер без разрешения коменданта города один из офицеров, бывший в явно нетрезвом виде и оказавшийся впоследствии есаулом I Нерчинского казачьего полка бароном Унгерн-Штернберг, приказал, тем не менее, отпереть свободный номер и на вторичный отказ швейцара Домогацкого ударил последнего рукою по лицу; затем тот же офицер выхватил свою шашку из ножен, когда же Домогацкий убежал, то ударил шашкою в ножнах по окну в конторе и разбил одно стекло.

Вслед за изложенным, часов около 2 ночи в управление коменданта города Черновиц, в Буковине, явился подъесаул I Нерчинского казачьего полка Артамонов с требованием выдать ему разрешение на занятие номера в одной из гостиниц города.

Дежуривший в означенную ночь по комендантскому управлению прапорщик Загорский, имея сведения, что все номера в гостиницах заняты, отказал подъесаулу Артамонову в выдаче им разрешения. Вследствие настойчивых требований подъесаула Артамонова прапорщик Загорский обратился по телефону к коменданту города подполковнику Трещеву, который просимого разрешения на номер выдавать не велел. Во время дальнейших объяснений подъесаула Артамонова с прапорщиком Загорским раздался шум быстро бежавшего по лестнице человека, в комнату вбежал есаул барон Унгерн-Штернберг и возбужденно крикнул: “Кому тут морду бить?!” Увидев прапорщика Загорского, есаул крикнул: “А, сволочь прапорщик!” и, бросившись к названному обер-офицеру, очевидно, с целью нанести ему удар по лицу, замахнулся на него рукой. Прапорщик Загорский, защищаясь, отстранил этот удар своей правой рукой и, заявив: “Господин капитан, Вы оскорбляете офицера”, повернулся, чтобы уйти от него, тогда барон Унгерн-Штернберг, замахнувшись, ударил своей шашкой в ножнах прапорщика Загорского по голове около правого уха.

Старший адъютант коменданта города Черновиц прапорщик Лиховоз, вызванный на место происшествия, нашел есаула барона Унгерн-Штернберг дремлющим на кресле и, отстегнув у него шашку, арестовал его.

Вышеизложенное удостоверяется рапортом прапорщика Загорского на имя коменданта города Черновиц от 22 октября сего года за № 15 и показаниями опрошенных на предварительном следствии свидетелей, того же прапорщика Загорского (л.д. 6), подьесаула Артамонова (л.д. 14), прапорщика Лиховоза (л.д. 15 оборот), мастерового старшего разряда Козьмы Бобровского (л.д. 8об.), рядового Дмитрия Городнего (л.д. 10об.) и швейцара Ивана Домогацкого (л.д. 10об.)

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого по ст.285 Улож. о Наказ. есаул барон Унгерн-Штернберг, признавая себя виновным в предъявленном ему обвинении, объяснил, что будучи ранен пролежал ранее 2 недели в гостинице “Черный Орел” в Черновицах, откуда его хотел удалить один из адъютантов комендантского управления прапорщик; прибыв в гостиницу “Черный Орел” ночью 22 октября, он сильно рассердился на швейцара, который не хотел пускать его в свободную комнату и замахнулся на него шашкой в ножнах, но промахнулся и попал в оконное стекло, которое разбил; швейцара гостиницы рукою по лицу, сколько помнит, не бил, в означенный вечер действительно пил спирт, но в состоянии опьянения не был. Придя затем в комендантское управление, он услышал громкий возбужденный разговор подьесаула Артамонова с комендантским адъютантом прапорщиком и, узнав, что тот отказывается выдать разрешение на занятие номера в гостинице, действительно, сколько помнит, сказал: “Кому тут морду бить”. Затем, предполагая, что адъютант тот именно офицер, который ранее чинил ему неприятности, сказал обращаясь к нему: “А, сволочь прапорщик!” и затем замахнулся на него своей шашкой в ножнах, но не помнит, ударил ли его или нет, но возможно, что задел кончиком ножен (л.д.12).

Письменных сведений на есаула Романа Федоровича Унгерн-Штернберга в деле не имеется.

На основании изложенного есаул I Нерчинского казачьего полка барон Унгерн-Штернберг обвиняется:

1) в том, что в ночь на 22 октября 1916 года, во время войны, в городе Черновицах, напился пьяным до потери приличествующего воинскому чину вида, что предусмотрено 190 ст. Воин[ского] Уст[ава] о Нака[заниях],

2) что тогда же и там же, явившись в гостиницу “Черный Орел” с требованием об отводе ему номера, на отказ швейцара гостиницы Ивана Домогацкого отвести таковой, ударил Домогацкого рукою по лицу и ударом своей шашки в ножнах разбил стекло в окне, что предусмотрено 192 ст. того же Устава,

3) что вслед за изложенным в пунктах 1 и 2, явившись часов около 2 ночи в управление коменданта города Черновицы и увидя находившегося при исполнении служебных обязанностей дежурного комендантского адъютанта прапорщика Загорского, с целью оскорбить последнего, закричал, обращаясь к нему: “А, сволочь прапорщик!”, что предусмотрено 1 ч. 121 ст. того же Устава и

4) в том, что непосредственно вслед за изложенным в предыдущем пункте и при тех же обстоятельствах с целью нанести удар тому же прапорщику Загорскому, замахнулся на него рукою, когда же удар тот был отстранен последним, то ударил его по голове шашкою с ножнах, что предусмотрено 2 ч. 121 ст. того же Устава.

За означенные преступные деяния есаул барон Унгерн-Штернберг, на основании 1335, 1336 и 1339 ст.ст. Уст.Военно-Суд. предан общему корпусному суду при штабе VIII армии Командующим названной армией.

Составлен 15 ноября 1916 года. Штаб VIII армии.

Военный прокурор Общего корпусного суда при Штабе VIII армии, подполковник [подпись:] Дуденевский

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 2–3, подлинник.

[Послужной список Р.Ф. Унгерна в Первую мировую войну]

Копия

Послужной список состоящего в I-м Нерчинском Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полку Забайкальского казачьего войска, есаула запаса того же войска Романа Федоровича Унгерн-Штернберга.

Составлен ноября 16 дня 1916 года

Послужной список состоящего в I-м Нерчинском Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полку Забайкальского казачьего войска, есаула запаса того же войска Романа Федоровича Унгерн-Штернберга

I. Чин, имя, отчество, фамилия.	Есаул Роман Федорович барон Унгерн-Штернберг.
II. Должность по службе.	Младший офицер.
III. Ордена и знаки отличия.	Имеет ордена: Светло-бронзовую медаль за Русско-Японскую войну в 1904–1905 г.г., Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, Св. Анны 4-й степени с надписью: "за храбрость", Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.
IV. Когда родился.	1887 года декабря 28 ¹ .
V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.	Из дворян Эстляндской губернии.
VI. акого вероисповедания.	Лютеранского
VII. Где воспитывался.	В морском корпусе окончил курс младшим гардемаринном. Павловское военное училище по второму разряду.
VIII. Получаемое на службе содержание.	Получает в год: жалованья 1080 руб. Добавочного жалованья по приказу В.В. 1909 г. за № 1 — 300 руб. Полевые порции по 2 руб.50 коп. в сутки Фуражные деньги на две строевых лошади военного времени по утвержденным ценам.
IX. Прохождение службы. Когда в службу поступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправлен и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения	

Вольноопределяющимся в 12-м Великолуцком полку	Годы	Месяцы	Числа
	905	фев.	
Командирован в училище	906	окт.	
По окончании курса наук в Павловском военном училище по 2-му разряду, Высочайшим приказом в 15-й день июля 1908 года произведен в хорунжие в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска	908	июля	15
Находился в трех карательных экспедициях с...	910	июня	5
по (Якутской области)...	-"	окт.	6
Пожалована Светло-бронзовая медаль за войну с Японией в 1904–1905 гг.			
Высочайшим приказом, состоявшимся в 5-й день октября 1912 года, произведен в сотники за выслугу лет...	912	окт.	5
Со старшинством...	-"	июля	15
Высочайшим приказом от 6-го февраля 1910 года переведен в 1-й Амурский казачий полк	910	фев.	6
Прибыл и зачислен в списки полка и сотни младшим офицером	910	май	
Согласно поданного на Высочайшее имя прошения уволен в запас с зачислением по Забайкальскому казачьему войску...	913	дек.	13
По объявлении мобилизации, призван на службу в 34-й Донской казачий полк в действующую армию...	914	июля	19
Приказом войскам 5-й армии от 2-го февраля 1915 года за № 119, за отличие в делах против неприятеля, оказанное 26 октября 1914 года, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст.	915	фев.	2
Прибыл в прикомандирование к 1-му Нерчинскому полку Забайкальского казачьего войска, на театр военных действий	914	дек.	5

Приказом войскам 1-й армии от 5-го июня 1915 года за № 871, за отличия в делах против неприятеля, награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью "за храбрость"	915	июня	5
Назначен Командующим 5-й сотней на законном основании, каковую должность принял...	-"	сент.	6
Вследствие командирования в отряд особой важности Северного фронта сдал эту должность...	-"	-"	27
Приказом войскам 5-й армии от 27-го декабря 1915 года за № 518, за отличия в делах против неприятеля, награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (прик[аз] по полку № 8-16 г.)	915	дек.	27
Высочайшим приказом, состоявшимся в 12-й день ноября 1915 года, за отличия в делах против неприятеля, награжден орденом Св. Равноап[остольного] и Велик[ого] Князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом	915	ноября	12
Прибыл из отряда особой важности в полк и назначен в 1-ю сотню младшим офицером	916	авг.	15
Высочайшим приказом в 8-й день мая 1916 года, за отличия в действиях против неприятеля, утверждено пожалование орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью "за храбрость"	-"	мая	8
Назначен вр[еменно] командующим 1-й сотней, каковую и принял	-"	авг.	12
Высочайшим приказом, состоявшимся в 3-й день сентября 1916 года, на основании приказа по В.В. 1915 г. за № 681 правил В.ст.1-а, произведен в подьесаулы	916	сент.	3
Таковым же приказом в 4-й день сентября 1916 года, за боевые отличия произведен в есаулы	916	сент.	4
Со старшинством	-"	авг.	22

Приказом войскам IX-й армии от 6-го сентября 1916 года за № 425, за отличия в делах против неприятеля, награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом	-"	сент.	6
Сдал 1-ю сотню	-"	окт.	12
Назначен младшим офицером в 1-ю сотню	-"	октябрь	12
X. Бытность вне службы <...>			
В отпусках не был.			
В запасе находился с...	1913	дек.	13
по...	1914	июля	14
XI. Холост или женат <...>			
	Холост		
XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или приобретенное	В 1908 году приписан к сословию Забайкальского казачьего войска		
XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям <...>	Не подвергался		
XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства.	<p>В походах и делах против неприятеля находился в 1904 и в 1905 годах</p> <p>В настоящую войну в походах и делах против неприятеля находится с 1914 июля 19</p> <p>Был ранен:</p> <p>У дер. Залесье в бою с германцами 1914 дек 0 (прик[аз] по полку 1914 года № 404)</p> <p>При объезде позиции на участке Унержиж 1915 февр. 15 (приказ по полку 1915 года № 49)</p> <p>В бою с германцами у ф. Столоповщина -" сент. 24 (приказ по полку 1915 г. № 272)</p> <p>В бою на высоте 1478 (в Карпатах) остался в строю 1916 авг. 22 (прик[аз] по полку 1916 года № 236)</p> <p>В бою в районе корчмы Яничг ранен и остался в строю 1915 июля 9</p>		

Участвовал в следующих боях:

При взятии со взводом в конном строю передового укрепленного пункта и удерживал его до подхода пехоты 1914 г. сент. 22

В боях в районе Млавы-Цеханов с... -"- дек. 5 по... -"- -"- 9

В районе Швендры-Равдзяны с... 1915 мая 5 по... -"- -"- 9

Под м. Пепеляны с... -"- -"- 10 по... -"- -"- 26

В районе д. Ивашки и под м. Шакиново с... -"- -"- 26 по... -"- -"- 28

В набеге генерал-майора Крымова в глубокий тыл противника с... -"- июня 4 по... -"- -"- 6

У д. Эйнары -"- авг. 2

У мызы Крестьянишки -"- -"- 16

В бою у фольварка Столповщина с... -"- сент. 22 по... -"- -"- 24

У фольварка Комаровщизна -"- окт. 6

На высотах 1477, 1677, 1765 и 1695 в Лесистых Карпатах 1916 г. июля 3

В бою на перевале Дил в Лесистых Карпатах -"- -"- 29

-"- у дер. Сарата-Южная -"- -"- 30

На высоте 1478 (Дил) -"- авг. 22,

При обороне участка на высотах 1339 и 1453 с... -"- -"- 10 по... -"- -"- 15

на высоте 947 -"- июля 26

В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному знаку.

П-п вр. командующий полком полковник Маковкин

Верно: Полковой адъютант прапорщик

[печать]

Итого в сей копии пронумеровано шесть (6) листов. Ноября 16 дня 1916 г. Действ[ующая] армия.

Полковой адъютант прапорщик [подпись]

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об., подлинник

[АТТЕСТАЦИИ Р.Ф. УНГЕРНА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ]

Кому: Председателю суда при 8 армии

1916 г. 18 ноября 12 час “_” мин. № 6503 из Бивалари 19 нояб. 1916 вход. № 3630

Карта “2” в дюйме

1 Нерчинского Е[го] И[мператорского] В[ысочества] Н[аследника] Ц[есаревича] казачьего полка есаул барон Унгерн-Штернберг — безукоризненной доблести и храбрости офицер; пять раз ранен; после каждого ранения возвращался в полк с незалеченными ранами и, несмотря на это, нес безукоризненно боевую службу. Во всех случаях боевой службы есаул барон Унгерн-Штернберг служил образцом для офицеров и казаков, и этими и другими горячо любим. Лично преклоняюсь перед ним как пред образцом служажки Царю и Родине.

До совершения проступка есаул барон Унгерн-Штернберг был почти в течение целой недели в непрерывной разведывательной службе. О всем вышеизложенном доношу Вашему П[ревосходительст]ву.

Командующий Уссурийской конной дивизией генерал-майор [подпись]

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 11, подлинник.

<...> Есаул барон Унгерн-Штернберг два года на моих глазах несет службу во вверенном мне полку. За это время нравственный облик его обрисовался вполне и потому он известен: как хороший товарищ, любимый офицерами, и как начальник,

всегда пользовавшийся обожанием своих подчиненных и как офицер — корректный, честный и преданный долгу. В боевом отношении он всегда был выше всякой похвалы. Его боевая служба — это сплошной подвиг на славу России. Самой лучшей его боевой характеристикой является то, что его первой боевою наградой был орден Св. Георгия 4-й ст. А затем он был представлен к восьми [? — неразборчиво] очередным наградам до Георгиевского оружия и чина войскового старшины включительно, минуя награды очередные. Им получены на войне два чина и пять ран. В двух случаях ранения он остался в строю и лечил свои раны, неся боевую службу. В остальных трех случаях ранения был эвакуирован, но каждый раз возвращался в полк с незалеченными ранами, боясь пропустить интересные боевые дела полка. Этот офицер участвовал в десятке атак, доведенных до удара холодным оружием, [неразборчиво], всегда горел жаждой новых боевых подвигов.

Вр. команд. 1-м Нерчинским Е.И.В.Н.Ц. полка З.К.В.

18/XI-1916 г. [печать] полковник [подпись:] Маковкин

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 13, подлинник.

Телеграф В-Полевая телеграфная контора № 100
Председателю соединенного суда корпусов 8. армии
106. Петрограда 27208.71.19/11.20.28
Принята 20/XI го 1916 г. [печать]
от б/ № 74
Принял [подпись]

Командир первого Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска просит телеграфировать Вам: сообщаю аттестацию на есаула вверенного мне полка барона Унгерн-Штернберга. Офицер выдающийся во всех отношениях, беззаветно храбр, рыцарски благороден и честен, по выдающимся способностям заслуживает всякого выдвижения.

Командир 1/го Нерчинского ЕИВ Наследника Цесаревича флигель-адъютант полковник барон Врангель. 28370 и.д. дежурного генерала главного штаба генерал-майор Архангельский

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 30–31, подлинник.

[ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ Р.Ф. УНГЕРНА В 1916 Г.]

Приговор вошел в законную силу двадцать четвертого числа ноября месяца 1916 года и срок отбывания наказания подсудимому должен считаться с 1 дня задержания для исполнения приговора

Председатель суда, генерал-майор [подпись:] Гречко

1916 года ноября 23 дня, в 14 час. дня приговор сей объявлен в присутствии военного прокурора, подполковника Дуденевского, при секретаре суда, кол[лежском] ас[ессоре] Игнатовиче, при бытности подсудимого, есаула барона Унгерн-Штернберга, причем мною было объявлено участвующим в деле лицам, в какой срок и в каком порядке они могут обжаловать приговор, и предъявлен протокол

судебного заседания {зачеркнуто: “ветеринарн. оф. Марданова”, надписано: “есаула барона Унгерн-Штернберга”}

Председатель суда, генерал-майор подпись Гречко

Приговор

по Указу Его Императорского Величества, 1916 года ноября 22 дня, Общий корпусный суд при Штабе VIII-й армии, под председательством председателя суда, генерал-майора Гречко, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали:

Временные члены:

полковники: командир 8 радиотелеграфного дивизиона Вотяков и 125 пехотного Курского полка Волков, при военном прокуроре подполковнике Дуденевском и при секретаре суда, кол[лежском] ас[ессоре] Игнатовиче, слушал дело об есауле 1 Нерчинского казачьего полка бароне Романе Унгерн-Штернберге, преданном Общему корпусному суду при Штабе VIII армии Командующим названной армией, согласно 1335, 1336 и 1339 ст.ст. Воен. суд. уст. по обвинению в деяниях, предусмотренных 1 и 2 ч. 121, 190 и 192 ст. ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4.

По имеющимся в деле письменным сведениям, подсудимый есаул 1 Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Роман Федорович барон Унгерн-Штернберг происходит из дворян Эстляндской губ., родился 28 декабря 1887 года, окончил курс Павловского военного училища; имеет ордена Св. Анны 4 ст. с надписью “за храбрость”, Св. Георгия 4 степени, Св. Станислава и Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст. и Св. Анны 2 ст. с мечами и бантами, в первый офицерский чин произведен 15 июля 1908 года; в есаулы 4 сентября 1916 года; под судом не был.

Рассмотрев дело, суд признал подсудимого, барона Романа Унгерн-Штернберга, виновным: 1) в том, что в ночь на 22 октября 1916 года, во время войны, в гор. Черновицы, напился пьяным до потери приличествующего воинскому чину вида; 2) в том, что тогда же и там же, явившись в гост[иницу] “Черный Орел”, получив отказ на свое требование об отводе номера от швейцара этой гостиницы Ивана Домогацкого, ударил его по лицу а затем ударом шашки в ножнах разбил стекло в окне; 3) что вслед за изложенным во втором пункте, явившись в Управление коменданта г. Черновиц около двух часов ночи и, увидя находившегося там при исполнении служебных обязанностей дежурного комендантского адъютанта, прапорщика Загорского, с целью оскорбить его, закричал: “А, сволочь, прапорщик” и 4) что непосредственно вслед за изложенным в предыдущем пункте и при тех же обстоятельствах, с целью нанести удар тому же прапорщику Загорскому, замахнулся на него рукой, когда же этот удар был отстранен последним, то ударил его по голове шашкой в ножнах.

Обращаясь к определению деяний, в совершении которых признан виновным подсудимый, есаул барон Унгерн-Штернберг, и назначению ему наказаний по закону, суд нашел: 1. Деяние, указанное в 1 пункте, составляет пьянство, т.е. проступок, предусмотренный 190 ст. XXII КИ СКП 1869 г. Поступок этот влечет дисциплинарное взыскание. Согласно 33 ст. Дисц.Уст., суд назначил подсудимому за это деяние пять суток ареста на гауптвахте. 2. Деяние, указанное во 2 пункте, составляет бес-

честие, т.е. преступление, предусмотренное 1 ч. 192 ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4. По обстоятельствам дела суд назначил подсудимому содержание на гауптвахте в течение одного месяца. 3. Деяние, описанное в 3 пункте, составляет оскорбление словами дежурного офицера во время исполнения им служебных обязанностей, т.е. преступление, предусмотренное 1 ч. 121 ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4. За это деяние суд назначил подсудимому заключение в крепости с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. 4. Наконец, деяние, описанное в 4 пункте, составляет оскорбление дежурного офицера во время исполнения служебных обязанностей действием, т.е. преступление, предусмотренное 2 ч. 121 ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4. За это деяние суд, по обстоятельствам дела, назначил подсудимому заключение в крепости на восемь месяцев, т.е. по нижней мере 1 ст. 25 XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4 с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. Согласно 152 ст. Улож. о Нак. [неразборчиво], суд назначил подсудимому это наказание и по совокупности совершенных им преступлений. Приняв затем во внимание принимаемые судом уменьшающие вину обстоятельства: отличный отзыв начальника подсудимого о его служебных и нравственных качествах и участие в походах и боевых действиях, отмеченное боевыми отличиями, суд, согласно 89 ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4, назначенное подсудимому наказание понизил на две степени и, перейдя к нижней мере 3 ст. той же 25 ст. XXII КИ, окончательно определил подсудимому заключение в крепости на два месяца с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе, указанных в 27 ст. той же книги.

На основании изложенного и 25, 89, 1 и 2чч 121, 190 и 1ч 192 ст.ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4, 33 ст. Дисц. Уст., 152 ст. Улож. о Нак. Уч. и исправ. и 910 ст. Военсуд. Уст., Общий корпусной суд при Штабе VIII армии постановил: подсудимого, есаула 1 Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга, 29 лет от роду, за пьянство, бесчестие и оскорбление дежурного офицера словами и действием во время исполнения сим последним служебных обязанностей — подвергнуть заключению в крепости на два месяца с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе, указанных в 27 ст. XXII КИ СКП 1869 г. изд. 4.

[надписано в тексте: “Роман Федорович барон Унгерн-Штернберг”; “с мечами и бантами”].

Председатель суда генерал-майор [подпись:] Гречко
РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 40–41об., подлинник.

[ПРЕДПИСАНИЕ ОБ ОТПРАВКЕ Р.Ф. УНГЕРНА В ЧАСТЬ]

Председатель Общего корпусного суда VIII-й армии
22 ноября 1916 г. Коменданту города Черновиц.
№ 4652 Штаб армии.

Сообщая, что состоящий в Вашем распоряжении есаул 1-го Нерчинского казачьего полка барон Унгерн-Штернберг подлежит немедленному отправлению в свою часть.

Генерал-майор [подпись:] Гречко

Верно: Секретарь суда, коллежский асессор [подпись] Игнатович

РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 43, подлинник.

[УВОЛЬНЕНИЕ Р.Ф. УНГЕРНА В РЕЗЕРВ ЧИНОВ В 1917 Г.]^{2]}

ЦАКА, д. 190–072, с. 775, 878. Копия. Прилож[ение] 1-е. Приказ по В.В. 1912 г. № 480.

Какой части войск: 1-го Нерчинского Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полка Забайкальского казачьего полка.

Секретно. Аттестация за 1917 года. Чин, имя и фамилия: есаул Роман барон Унгерн-Штернберг <...>

Офицер в боевом отношении выдающийся, беззаветно храбр, отлично ориентируется в обстановке, энергичный, знающий психологию подчиненных и умеющий на них влиять. Здоровья выдающегося. В нравственном отношении его порок — постоянное пьянство, причем в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира. За пьянство отчислен в резерв чинов по несоответствию, согласно постановлению старших офицеров полка, мною утвержденному.

Командир полка флигель-адъютант полковник барон Врангель (далее документ заклеен).

Верно: Вр.и.д. полкового адъютанта сотник [неразборчиво]

РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2209, л. 1–1об.

Период Гражданскую войны в России и Монголии

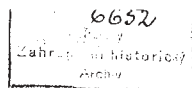
[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА Г.М. СЕМЕНОВУ 7 АПРЕЛЯ 1918 Г.]

Дорогой Семен,
пожалуйста, прочти мое письмо.

Квартира в Ман[ьчжурии]^{3]} из трех комнат с обстановкой и кухней для е[...]ли нашлась, взята на имя Дзыно^{4]}. Адрес сообщу позже. Не болтай только. За французским паспортом послал Спиржуна. Деньги у меня опять есть. Нужны ли тебе на личные дела?

Посылаю тебе прошения и жалобы золотопромышленников Нерчинского округа для прочтения союзным атташе. Надо послать Кабанова туда, его родина, 10 человек и 100 винтовок итальянки ему даю, дай ему только автомобиль довести все это и еще хоть настоящих 5 казаков. Как только он там совдеп разгонит, всего красногвардейцев там 60–70 человек, передаст он распорядительную власть Варламову, а военную Зоркальцеву. Деньги отсюда будут. Зато реквизиция не малая, там должна быть много. Помощи из Читы едва ли будет из-за рек и т.д., а потом они разбросаются.

Опарина отправь с японцем к [харачинам]^{5]} Танненфу через Цицикар; он перекрыт. Купец в Цицикаре взял на 2-х, в том числе переводчика паспорта. {Денег на это все удовольствие у меня нет.} Деньги, ты говорил, что дал японцу 20,000. Отправляй их, наконец.

Дорогой Антон

Пришлось опять писать. Тельце было пришло.
 Кунцунг №2 (Тау-инг-), писемные условия которого
 показывал Тельце, показывая открытые карты.
 Он сказал, что пока они идут с нами по направлению
 Луцзинская бригада (имеет Тямов-но-инг)
 взбудновала и ушла от Луцзинга к
 нам, ~~но~~ его люди ^(сели в арест) ~~пришли к нам~~
 все они кавалеры с пушками и снарядами.
 Сейчас они прошли более 150 миль; далее
 направлены Тямов-но-инг и т.д. Их все очень
 плохо вооружены. Притом им надо было
 пройти сунгунтун. Сроки пребывания в этих местах
 будут 1-2 месяца. Никаких авиации не видно
 говорят, что Тельце показывал его как победит
 всем их доведет до Тельце. Только 1000 м. вон
 на уличной расклин, первоначальн. и т.д.
 Тельце сам не ст. Китайцы приедут на
 сей от них гавадиссе, чтобы захватить их.
 Нам Аурой и Хариний превращены, куда придет
 не захватывай их. Если китайцы пошлют их
 Луцзинга по Тямов-но-инг, Хариний 91

во Франкфурте освобождаются и могут прийти
 к нам также скупуются. Если же не
 помнят войну туза, то надо изумительно
 доверять и Тибетом прилежно заняться от нас.

И прочее сам раскритиковать мозгами.

Вообще мое мнение: этот план надо
 рассмотреть чтобы китайцы войну на Тибет
 сунуть войнам от башкирским, а Манчжурии
 и Кореей в Тибетом от Китая. Кантонская
 война должна быть в виду Японии.

Завтра дам изумительно телеграм. Это и
 когда можно увидеть фран. и др. ^{управляющим} ~~французам~~.

2) Другое дело изумительно. Они обещали
 наконец дать 100 тыс. барнута, но теперь этот
 план как китайцы Тибет не пойдут туда, то
 и они будут изумительно войну на Тибет.
 Главная опасность не только, а там туземцы
 Манчжурские и прочие тибетцы. Зубы не
 могут их изумительно не давать изумительно
 винтовом, а также их изумительно стоит и
 если в оставшихся войну много изумительно
 винтовки то и Манч. из 100 барнута война
 справиться можно. Прощайте.

Похоже комитет изумительно изумительно
 пожелает Вермонта и Яковом ~~во Франкфурте~~
 изумительно. ^{П. Унгерн}

27/1/18

Крыжановского надо обождать пока проводник вернется. Этим деньги надо будет дать. Но не раньше 10–14 дней его можно отправить. Ш[а]роглазов обещает от 100–120 руб. каждому пешему монголу, который нанимается к нему, но это слух. Если это правда, то горе ему. Кабанов вечером у тебя будет, не слушайся, если будет просить много казаков.

Что твоя Маша⁶? Не засни ты опять.

Твой Унгерн.

Пишу по твоему делу.

7 IV [19]18 [неразборчиво] Телеграмму жене отправил Иркутск.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 1–1об., подлинник.

[ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА Г.М. СЕМЕНОВУ 27 июня 1918 г.]

Дорогой Семен.

Приходится опять писать. Теперь более приятное. Хунхуз⁷ № 2 (Тау-линг), письменные условия которого показывал тебе, наконец, открыл карты. Он сказал, что пока он тут с нами торговался, Мукденская бригада (генерал Танг Магуй) взбунтовалась и ушла от Мукдена к нам, его люди 2000 примкнули к ним (семью его арестовали), все они конные с пушками и пулеметами. Сейчас они прошли более 150 верст; далее направление Танненфу и т.д. Их всех около 10000 вооруженных, пройти им надо более 1000 верст сухопутом. Срок прибытия [в] окрестности Даурии 1–2 месяца. Никаких авансов не взял, говорит, что ты наградишь его, как подобает, если их доведет до тебя. Только 1000 руб. всучили на здешние расходы, переводчика и т.д.

Теперь сам не спи. Китайцы примут наверно все от них зависящее, чтоб задерживать их. Маньчжурские и [харачинские]⁸ переговорщики когда придут, не задерживай их. Если китайцы пошлют их Цицикара на Танненфу полки, [харачины] эти в Цицикаре освободятся и смогут придти к нам также сухопутом. Если же их пошлют воевать туда, то, имея определенный договор с тобою, присоединятся с ними. И прочее сам раскинь мозгами.

Вообще мое частное мнение, что именно надо стремиться, чтобы китайские войска на твоей службе воевали с большевиками, а маньчжуры и [харачины] и [торгоуты]⁹ с Китаем. Комбинация эта должна выгодна быть и для Японии. Завтра дам определенную телеграмму, где и когда можно видеть ман[ьчжурских] и [харачинских] уполномоченных.

2) Дауры¹⁰ меня изводят. Они обещали наконец дать 100 кон[ных] баргут¹¹, но говорят что, так как китайцы тебе не подчиняются, то и они будут самостоятельно воевать на Даурии. Главное столкнуть их отсюда, а там пускай Ш[а]роглазов с ними торгуется. Здесь не смогу их обезоружить: не дают обратно винтовок, а так их меньше станет и, если я у оставшихся возьму силой обратно винтовки, то в Мань[чжурии]¹² со 100 баргут[ами] всегда справиться можно. Прохвосты.

Под каким-нибудь предлогом верни мне, пожалуйста, Веремеева и японскую банку варенья.

Преданный Унгерн.

27 VI 18

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 2–2об., подлинник.

[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому¹³ 17 сентября 1918 г.]

П.П. Малиновскому
17 сентября 1918 г. Даурия

Многоуважаемый Павел Петрович!

Благодарю Вас за Ваши два письма. Дышат они непоколебимою верою в успех. В последней моей поездке в Читу я эту веру потерял. Стыдно сознаться, но будьте уверены, что когда мы сговаривались, я не думал, что возврата к наклонной плоскости не будет. Пока время есть, меняйте краску. Пассивность и апатия некоторых лиц губят все. Может спасти неожиданная внешняя встряска. Просить извинения, что затянул Вас в это дело, не стану все равно. Вам легче не станет. Если хотите, действуйте дальше, буду пока здесь всячески содействовать.

Здешнему князю¹⁴ нечего ехать; домашнего дипломата пошлю верхом туда. Надо мне Оглоблина видеть и поклон ему.

Преданный Вам полковник барон Унгерн

ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 8, л. 8–8об. — Цит. по: Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак. С.223.

[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому 11 ноября 1918 г.]

П.П. Малиновскому
11 ноября 1918 г. Даурия

Многоуважаемый Павел Петрович!

Прошу Вас устроить еще одно дело в Харбине. Поинтересуйтесь у Константина Попова подробностями программы международной конференции в Филадельфии¹⁵, а также выясните, какие имеются возможности для посылки на нее делегатов. Нужно послать туда представителей Тибета, Бурятии и т.д., одним словом — Азии. Я думаю, что мирная конференция уже не будет иметь никакого смысла, если она откроется раньше, чем кончится война. Присутствие наших представителей на конференции может оказаться чрезвычайно плодотворным. Послы от Бурятии в течение месяца, а послы от Тибета в течение двух месяцев будут готовы к отъезду. Об этом деле совершенно забыл, поэтому прошу ответить мне срочно, иначе буду сильно занят. Конечно, таким образом, чтобы никто не узнал, что мы тут и пальцем шевельнули! Далее, попробуйте заинтересовать Вашу супругу лозунгом: Женщины всех стран, образуйтеесь! Ей следует написать письмо дуре Панкхурст¹⁶; поскольку на Западе женщины имеют равные права с мужчинами, они должны прийти на помощь своим сестрам на Востоке. Последние уже созрели для этого, но не имеют вождей. Вожди новой России, как, например, Семенов, мечтают лишь о том, чтобы своих любовниц уравнивать в правах с «евнухами».

В Харбине нужно организовать небольшую общину индусок, армянок, японок, китайнок, монголок, русских, полек, американок. Почетной председательницей должна быть госпожа Хорват¹⁷ или супруга посла в Пекине или в Токио. Газета должна объявлять об этом раз в месяц на разных языках. Благодарю за Вашу работу, которая отнимает у Вас день и ночь, боюсь, однако, что не долго еще буду Вам досажать. Политические дела занимают меня целиком.

Преданный Вам полковник барон Унгерн

Michalowski W.St. 1977. Testament barona. Warszawa: Ludowa Spol. Wyd. С.26, обратный перевод с польского из книги: Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак. С.224.

[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому 30 ноября 1918 г.]

Многоуважаемый Павел Петрович!

Ваши проделки с Поповым при участии Контеньева, касающиеся окраски, слишком явны. Сейчас Вы должны как-нибудь сделать невозможное возможным и отчеканить монеты из вольфрама. В Чите находится около 3000 пудов. Договоритесь о цене и размерах. Может быть, сможете использовать для этого машины из Японии, которыми чеканят маленькие монеты, или закончите новые. Заплатите за них вольфрамом. Тиснение: герб — двуглавый орел наверху, герб и стоимость монеты с обратной стороны. Арифметические действия: 1 единица серебра + 1 единица золота; впрочем, на Ваше усмотрение. Замысел печати бумажных денег, в состав которых будет входить вольфрам, бессмысленный. Ценность монеты следует определять по китайским, французским и русским. Вы должны познакомиться с инженерами Муйсаковским и Никитиным (Никитин является владельцем отеля “Маньчжурия”). Гадалка предсказала Вам суд в Монголии, поэтому поезжайте дальше до Верхнеудинска. Делайте при помощи малого “Черного”. Попрошу спустить его в горы Хай, так будет лучше. Постарайтесь убедить г-на Томилина, чтобы в Высшем суде в Харбине давал показания в мою пользу. Кстати, хочу определить парня в колледж в Японии или Тяньцзине. Сколько это стоит? Попрошу прислать два чистокровных жеребца с моим венгром в Даурию для командирской сотни и для есаула Танаева. Конечно, нужно будет приготовиться к отправлению подвод и коней: Чаншук, Чин, Дзя, Туин, и соответствующий эскорт. Будет считаться, что кони закуплены японцами. Еще хочу Вас озадачить — мне нужны два хороших управляющих. Выслан Вам воз № 24. Как Ваши дела? Не теряйте отваги — уже недалеко наша победа! Пожалуйста, пришлите много конвертов и листов бумаги. Пока союзники будут между собой ругаться — все будет хорошо. Извините за столько просьб и поручений.

Преданный Вам, барон Унгерн

Michalowski W.St. 1977. Testament barona. Warszawa, Ludowa Spol. Wyd. С. 26–27 (обратный перевод Р.В. Новицкого).

[Наложение Р.Ф. Унгерном взыскания на офицеров]

Приказ

по отдельной конной Инородческой дивизии

<...> 22 января 1919 г. <...>

§ 17. Часть строевая.

§ 1. На солдатском спектакле 19-го января произошел возмутительный случай: сразу же по приходе на спектакль некоторые из офицеров напились и затеяли скандал, который потом перешел в драку. На первый раз я ограничился арестом одного из командиров полков на 7 суток, а других участников на 3 суток, двоих же был вынужден предать суду. Предупреждаю, что на будущее время за подобные поступки я буду привлекать виновных к суду по всей строгости законов военного времени. Нужно помнить, как должны теперь быть охраняемы от всяких нареканий офицерские погоны. <...>

Подписал начальник дивизии, полковник барон Унгерн-Штернберг

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 18.

[НАГРАЖДЕНИЕ Р.Ф. УНГЕРНА ВТОРЫМ ОРДЕНОМ Св. ГЕОРГИЯ 4-й СТЕПЕНИ]

Приказ
по отдельной Иностранческой конной дивизии
3 марта 1919 года
Военн[ый] гор[одок] Даурия
№ 45 <...>

§ 6. Генерал-майор Унгерн-Штернберг (Роман) по постановлению Георгиевской думы на основании ст. 8 и 33 Статута награждается орденом Св. Великомученика Георгия 4-й ст. Особого Маньчжурского отряда за то, что, командуя взводом в январе 1918 года, разоружил Хайларский гарнизон в составе батальона.

Справка: Приказ отдельной Восточно-Сибирской арм. № 61 § 3.

<...> Подлинный подписал начальник Дивизии подполковник Усачевский

С подлинным верно: старший адъютант подъесаул [подпись]

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 48.

[НАЛОЖЕНИЕ Р.Ф. УНГЕРНОМ ВЗЫСКАНИЯ НА ВРАЧА ИЛЬИНСКОГО]

Приказ по отдельной Азиатской конной бригаде № 21
20-го декабря 1919 года. Военн[ый] гор[одок] Даурия
По строевой части: <...>

§ 8. Две недели тому назад врач Ильинский был мной арестован за те же самые упущения, которые были сегодня при обходе бригадного лазарета. Ныне вновь его арестовываю с содержанием на гауптвахте на один день и две ночи. Посмотрю, кому надоест раньше: мне ли сажать, ему ли сидеть. Ко всему этому, врач Ильинский, хотя и учился в университете, но элементарную физику совершенно забыл и утверждает, что при топке печей каменным углем герметические дверцы не должны закрываться вплотную, а для достижения большей нагреваемости печей нижние дверцы должны быть обязательно открыты.

Но я не унываю и надеюсь служить совместно с врачом Ильинским до тех пор, пока он не научится хорошо работать и со рвением относиться к своим обязанностям.

Бригадному врачу коллежскому советнику Бережкову ставлю на вид небрежное отношение к службе подчиненного ему врача Ильинского.

Подлинный подписал: генерал майор барон Унгерн

С подлинным верно: за старшего адъютанта поручик [подпись]

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 310.

[ПРИКАЗ Р.Ф. УНГЕРНА ОБ ИЗУЧЕНИИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА]

Приказ по отдельной Иностранческой конной дивизии
16-го января 1918 года. воен[ный] гор[одок] Даурия
№ 12
по части строевой

§ 1. Уроки по изучению монгольского языка г.г. офицерами посещаются не аккуратно. Вчера, 15-го января на уроке было всего лишь два офицера. Предписы-

ваю обучающему, зауряд-есаулу Солдатову вести дневник, отмечая отсутствующих на уроке. Предупреждаю, что за непосещение уроков буду наказывать как за уклонение от службы.

15-го февраля произведу проверку знаний по монгольскому языку. <...>

Подлинный подписал начальник дивизии, полковник барон Унгерн-Штернберг

С подлинным верно: И[сполняющий] об[язанности] старшего адъютанта есаул [подпись:] Лихачев

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 13–13об.

[Приказы об освобождении от занятий по случаю монгольского и татарского праздников]

Приказ по отдельной Иногородческой дивизии № 19

23 января 1919 года. военный городок Даурия

По части строевой

§ 1. Завтра, 24 января по случаю монгольского праздника, занятий в частях Дивизии не производить.

Подлинный подписал начальник Дивизии полковник барон Унгерн-Штернберг

С подлинным верно: старший адъютант есаул [подпись:] Лихачев

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 20.

Приказ по отдельной Азиатской конной бригаде № 249

15-го декабря 1919 года. Военн. гор. Даурия

По строевой части <...>

§ 3. 16 и 17 сего декабря по случаю магометанского праздника “Байрам Гашура”, т.е. “Смерть Магомета”, занятий в частях Бригады не производить.

Подлинный подписал: начальник Бригады генерал-майор барон Унгерн

С подлинным верно: за старшего адъютанта штабс-капитан [подпись]

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 305.

[Из приказа о создании Азиатской конной дивизии]

Приказ по отдельной Азиатской конной дивизии № 1

<...>7 февраля 1920 г. <...>

§ 1. Вверенная мне Бригада переименовывается в Азиатскую конную дивизию в составе двух бригад: 1-ая бригада: 1-й Татарский конный полк, 2-й Татарский конный полк и Монгольский конный дивизион, 2-ая бригада: 1-й Бурятский конный полк, 2-й Бурятский конный полк, Монголо-Бурятский конный полк, Азиатский артиллерийский дивизион, отдельная Бурятская бригада.

Справка: Приказ Наштаверха 1919 г. 61, приказы Помкомвойсками Приамурского военного округа 1919 г. за №№ 85, 86, 87, 120, 21 (три) и 24.

Основание: телеграмма атамана генерал-лейтенанта Семенова за № 0560/а.

§ 2. Приказом Главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа на меня возложены обязанности инспектора войск иногородческих формирований.

Справка: телеграмма генерал-лейтенанта атамана Семенова за № 0560/а.
Подлинный подписал: генерал-майор барон Унгерн
РГВА, ф. 39454, д. 7, оп. 1, л. 47.

[РЕКВИЗИЦИИ, ПРОВОДИВШИЕСЯ Р.Ф. УНГЕРНОМ В ДАУРИИ]

М.Ю. Прокурор Читинского окружного суда
апреля 1 дня 1919 г. № 3900 г. Чита

В Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию противозаконных действий б.командира 5-го Приамурского корпуса полковника Семенова и подведомственных ему лиц

1 января 1918 года на ст. Даурия начальником отдельной Иногородческой дивизии были задержаны из Иркутска в Маньчжурию в поезде № 4 под видом китайской миссии и под охраной чешских солдат 72 китайца. Произведенным затем 2 января в присутствии управляющего Шарасунским таможенным постом осмотра багажа задержанных, в постелях, одежде, чемоданах и посуде с двойными днами были обнаружены скрытыми 6525888 руб. кредитными билетами. Деньги эти начальником Иногородческой дивизии у китайцев были отобраны.

Переписка по поводу отобрания денег была препровождена начальником Иногородческой дивизии генеральному консулу в Харбине и от последнего поступила ко мне. Мною переписка предложена 24/II с.г. за № 2207 мировому судье 6 уч. Читинского окр. суда для производства предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 2 п. отд. II и отд. I указа 15 ноября 1914 г. (Собр. узак. № 2923).

Ввиду отсутствия в переписке сведений о том, куда были сданы отобранные у китайцев деньги, сведения по этому вопросу были запрошены мной от начальника Иногородческой дивизии. На мой вопрос начальник штаба названной дивизии, отношением от 25 марта 1919 года за № 1145 уведомил меня, что указанные выше деньги израсходованы на нужды Дальневосточной отдельной армии. Об изложенном имею честь представить на распоряжение.

И.д. прокурора [подпись]

Секретарь [подпись]

ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 184, подлинник.

1919 года марта 20 дня в г. Чите

Член Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля<...> Иннокентий Хрисанфович Шароглазов, 36 лет, войсковой старшина, начальник войскового штаба Забайкальского казачьего войска <...>.

В деятельности особого Маньчжурского отряда играли большую роль так называемые реквизиции, которые процветали первое время после ликвидации большевизма и продолжают и теперь. Приходит какой-нибудь отряд в станицу или село. Кто-либо укажет, что такой-то — большевик. Указанное лицо арестуется, подвергается порке, а его имущество реквизируется. <...> В июле месяце по инициативе Таскина, когда он был во Временном забайкальском правительстве, был рекви-

зирован бароном Унгерном по правому берегу Аргуни у жителей скот в количестве 8000 баранов и тысяча лошадей и около 400 рогатого скота. Таскин предполагал, что вырученными от продажи скота деньгами будут удовлетворены пострадавшие от большевизма. Скот этот продавался в Хайларе, но куда пошли деньги, неизвестно.

ГАРФ, ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 135.

Бывший начальник гарнизона поселка Маньчжурии генерал-майор Казачихин 20/десятого года¹⁸ № 150 гор. Харбин. Председателю особой следственной комиссии по реквизициям, произведенным на ст. Маньчж[урия].

Ваше Превосходительство,

представляя в копиях только часть случайно находящихся со мной документов, из-за одной бумаги пришлось взять весь шивок. Так как я поехал в Харбин по поручению барона Унгерна, который до его возвращения из похода дал мне поручение и разрешил лечение сломанного ребра и ревматизма, для исполнения поручения я четыре раза в это лето приезжал в Харбин. Просмотревши мои документы, Вы познакомились с этой обстановкой, при которой приходилось служить, где приказывали беспрекословно исполнять.

Жалование мы получаем только от барона, да и мне было приказано изыскать источники, откуда брать его, ввиду хронического безденежья у барона Унгерна в дивизии.

Теперь скажу о бароне Унгерне — человеке [живого]¹⁹ дела, боевом, органически не терпящем никакой канцелярии и бумаг, бросающем их в печь или жгущем, как тормозящие живое дело. Он приказал все бумаги отправлять в Даурию, которые шли из Читы ко мне. Достаточно посмотреть на его канцелярию. Чины от начальника штаба до писарей включительно менялись, как в калейдоскопе. Долго сидеть — надоедает писать. Станешь просить предписание — в ответ: “Вам бумагу — хорошо, Вам пошлют {бумаги целый букет}”²⁰. Такой ответ получил и полковник Шарыстанов — живой свидетель. Барон все на словах приказывает, и всегда мне говорил, что не я главное лицо во всех этих реквизициях, а он, барон, и за все ответит, а [я] лишь потому подписываю, что живу в Маньчжурии, где находится товар, и что я раз получаю жалование, то обязан не разговаривать, а исполнять. Именно он приказывал реквизировать товар, принадлежащий бывшему Омскому правительству, как никому не принадлежащий. На мои рапорта я или вовсе не получал ответа, или через офицеров, и вообще писание велел сократить, так как всю ответственность он берет на себя. Затем он велел избавить его от хозяйственных вопросов, а с этими вопросами обращаться к коменданту дивизии, полковнику Краснокутскому, и исполнять его все просьбы, так как у барона очень много дела. Чтобы ближе познакомиться с поручением барона, хотя с одним, я укажу на телеграмму № 2741, где барон просит достать 6500000 руб., скорей пойти в день, разрешая мне продать все что угодно и как угодно, но только скорей, и уже приехал офицер за деньгами. Этим он брал ответственность за какой угодно грех.

Впрочем, если войти в положение барона, сознавая по части борьбы с большевиками, нужно было удовлетвориться всем, иначе бунтуют, что было в Даурии, и бегство чуть ли не целых частей, уводили лошадей, как это сделала одна батарея,

уводя всех орудейных лошадей, которых за большие деньги собрали по одной, и целая часть исчезла. Все это заставляло барона ни с чем не считаться. Слова барона — что не время теперь канцелярией заниматься, когда отечество погибло. Надо создавать его, помогая атаману, осталась лишь узкая 400-верстная ж.д. полоса до Читы, да и ту прерывают большевики. А ведь одевать, снабдить, вооружить и прокормить тысячи людей и лошадей в течении почти года при современной дороговизне что-нибудь да стоит. Источником для этого была лишь только реквизиция, ею даже долги платили и покупали на нее. Потом барон кормил рабочих ж[елезно]дорожных и вдов в Даурии, раздавая им и бурятам-казакам мануфактуру. Свидетель сейчас живой, свидетель — интендант дивизии полковник Краснокутский. При нем как раз и были реквизиции, без которых дивизия давно бы развалилась. Достаточно взглянуть на прилагаемую копию с части письма п. Краснокутского ко мне, все они проникнуты призывом о помощи. Денег хронически не было, довольствия, одежды тоже нет, на это же живет дивизия, если барон хотел иметь ее. Барон неоднократно, да и теперь не откажется подтвердить: все реквизиции и все, что я делал, исходило от него. Зная барона 10 лет и веря ему, [скажу, что] он не из тех, что будет прятаться за чужую спину, и я уверен и теперь — он не откажется. Мне лишь приказывали исполнять, и даже в упрек поставлено, что я, старый командир полка, не знаю, что не тот отвечает, кто исполняет, а кто отдает приказания. В случае неисполнения мне грозил расстрел или арест. Я знаю, барон словами не играет, что и было, когда я позвонил не исполнить приказания барона, свидетель сотник Еремеев²¹. Ему приказано меня арестовать, и только я упросил барона не подрывать моего авторитета. Я почти 25 лет офицером и ни разу не сидел под арестом. При аресте барон сказал мне, что “при повторении он меня пошлет в сопки”, то есть на расстрел. Легко ли так служить старому офицеру и служить, потому что некуда голову приложить? Ограбленный и арестованный большевиками, я не имею средств к жизни.

Я, конечно, не мог за всеми уследить. Прошу прочесть мои рапорта. Я приказывал поручику Петрову, он всем заведывает. Я приказывал ему сдавать под расписку. Иногда я спрашивал его, берет ли он расписки, на что получал утвердительный ответ; должен сказать, я очень доверяю поручику Петрову. Прослужив с ним два года, может быть в этом моя ошибка, ни разу его не проверял, ввиду его малоопытности. Реквизированных товаров я почти не видел. Приходил из Даурии паровоз, прицеплял вагон с товарами и увозил его. Свидетелей могу представить. В июле месяце с.г., когда атаман был в Маньчжурии и сказал, чтобы я был в стороне от реквизиции, я просил его дать мне письменное приказание, чтобы я мог его показать барону, так как атаман знает барона, что он ни на что не смотрит, а для меня было основание. Атаман или не обратил на мои слова внимания, или считает довольным словесное приказание. [В] моем положении не сделать — барон расстреляет, а сделать — атаман может приказ отдать и расстрелять.

Я получил приказ от барона раздать муку и другой товар родственникам и вдовам убитых солдат и служивших в отрядах. Барон даст мне удостоверение, я сам хотел идти к нему в отряд, да болезнь помешала. Ничего я не взял, и ничего у меня не было. Правда, был дом, и его пришлось продать. Не на что жить было. Этот дом даже закладывал, когда в дивизии денег не было, свидетель — генерал Жуковский, оставшийся за бароном.

Исполняя различные приказания барона, и я в свою очередь доверял ему. Раз он говорит, так и будет. Документы разбросаны везде, и их надо собрать. Я признаю себя виновным в небрежном отношении и излишней доверенности, но надо знать, сколько было у всех за работы, что видно из моего рапорта. Теперь у начальника гарнизона, как мне казалось, одних адъютантов 13 человек, да не такая работа, как у барона, а нас вместе со мной было 5 человек. Если вникнуть в телеграмму барона № 2741, где мне представляется право [на] все, что угодно и как угодно, лишь бы скорей, то, конечно, вполне можно допустить, что он не станет стесняться никаким грузом. И эта телеграмма может служить основанием, что барон в минуту безденежья не остановится ни перед чем, а безденежье в дивизии было хроническое, достаточно десять бумаг одного интенданта Краснокутского, не говоря о словесных просьбах его. Да это знаем мы, служившие в Комендантском управлении в Маньчжурии и чины, служившие в Даурии. Даже жалование чинам комендантского управления велено мне изыскивать где-нибудь. А покупка снаряжения и материала, за которыми был послан полковник Краснокутский, она требовала денег, за неимением которых пришлось только часть купить. Несмотря на массу реквизированного материала, цены ввиду безденежья не давали хорошую пользу. Распродажей завеловал поручик Петров. Причем покупка снаряжения произошла так.

Приблизительно в мае полковник Краснокутский был послан в Харбин, с каким поручением — купить снаряжение. С ним вместе уехал техник Оия, состоящий на службе в дивизии. Барон почему-то приказал полковнику Краснокутскому все деньги передать Оия, которого, к слову сказать, барон выпорол, за это Оия и отомстил барону: взял деньги [и] бежал. Краснокутский, оста[лся] без денег, которых в Даурии не было, и о покупке не могло и быть и речи; весьма важны предметы, которые барон очень ценил. Надо несколько десятков тысяч иен или золотом и, кроме того, платить срочный долг — всего около ста тысяч. Полковник Краснокутский возвращается из Харбина в Даурию и дает мне бумагу, что, по распоряжению барона Унгерна, реквизировать все товары, идущие на запад, и продать их с аукциона. Сношение это за № 851 я представить не могу сейчас, но оно есть у меня. На основании этого был реквизирован, не помню, какой товар, мне приносит сношение таможенное агентство, на нем стоят номера накладных, я подписываю по незнанию, чей товар и какой — ведал этим поручик Петров. Помню, в продаже был чай и кофе. Так как в Маньчжурию приехал Краснокутский, от имени барона подтвердил продажу товара, так как продавцы снаряжения из Харбина [дали] семь дней сроку и им дали телеграмму, что деньги привезут.

На торгах, как всегда, [о]казалась [давка]²² покупателей, больше²³ 14-ти руб. за пуд кожи никто не давал. Тогда при этом поручик Петров объявил торги несостоявшимися и предложил подать заявление. Выгодную цену предложил некий Шевченко. Но у него не было денег в данный момент, и он предложил заплатить в Харбине. Я этого человека не знал, но за него поручился служащий барона чиновник Дайнов. Шевченко вместе с полковником Краснокутским поехали в Харбин. Шевченко, увидя, что он дорого дал за кожу, отказался от нее. За кожу в Маньчжурии покупатели давали шесть иен, вместо денег кожей, на что тот согласился, а меня Краснокутский просил отправить ее. Я согласился, но так как я не сам отправлял кожу, поручик

Петров мне доложил, что даже за казенный груз берут тариф, то он считает, что все равно, написал по недоумению не от начальника гарнизона, а именно от меня. Кожа значилась в расписке у продавца. Если кожу отправить на имя продавца снаряжения, то он, получивши кожу, может не отдать товара. Я же вид[ел] пример Шевченко, а не посоветовавшись со мною, Петров сделал не на Краснокутского большого человека, а на меня. Причем не хочу обвинять Петрова, нам и в голову не пришло, что-нибудь может из этого выйти, продавая кожу с публичного торга. Есть бумаги, значит, она не моя. Реквизирована по приказанию барона. В Харбине кожу отнял русский консул, она [там] и сейчас находится. Полковник Краснокутский опять остался без денег, а за кожу эту он должен заплатить был. У него есть условия, на котором я подписался, что вышлю кожу. Пока шло дело с кожей, денег все равно не хватило бы на покупки все[го]. Полк[овник] Краснокутский сообщил сношением от 23-го июня за номером 4711 ко мне, которое не представлено, но оно у меня. Я приведу выдержку из него: “ввиду необходимых средств для покупки товара, с ведома начальника дивизии и начальника штаба, прошу Вас реквизировать и продать с аукциона все, что подлежит реквизиции в поселке Маньчжурия”. На основании этого поруч[иком] Петровым было реквизировано и продано, сам я не могу сказать, был ли я в Маньч[журии], вернее, я был в Харбине, так как по делам барона Унгерна 4 раза ездил в Харбин, а сношение в таможеню мною на всякий случай было подписано заранее и передано поручику Петрову. Что он продавал и сколько, я, конечно, не знаю, поручил комиссии все торговое производство, находится все отчасти у меня, не в тюрьме конечно, а копия с рапорта поруч[ика] Петрова за № 273 о том, что он не мог продавать с торгов, ввиду обычных сдачек, при сем прилагается. Китайцы на торги не ходят, а ходят евреи или кавказцы, так как вся торговля принадлежит этим трем национальностям, и моментально [утраивают] сдачку, что было при продаже кожи. Да к тому же в то время товару было много, а продавать некому, банки ссуды под товар не дают, приходилось обращаться к комиссионерам. Денги поруч[ик] Петров переслал Краснокутскому — расписки есть у меня. Копии представляются, но не все расписки, которых нет у меня, а потому представить не могу. Представляю удостоверение по реквизиции о приказании барона Унгерна № 4933.

Время шло, а у полковника Краснокут[ского] денег не хватало. Письмом от 6-го/VII месяца полков[ник] Краснокут[ский] опять просит посылку ускорить кожи, выслать деньги скорее, так как при всем желании денег достать не мог и реквизировать было нечего. Время шло, Краснокутского торопили, тогда Краснокутский послал барону шифрованную телеграмму с простой, ввиду неимения денег и не откуда достать, то разрешить ему, Краснокутск[ому], реквизировать хлопок. На что получил следующий ответ: “Действуйте сами дальше”. Кроме того, я был в Харбине, от поручика Петрова, Краснокут[ский] получил записку такую: что к поручику Петрову приехал из Даурии чиновник Дзыно и передал ему, что барон разрешил реквизировать 26 вагонов хлопка. Я же не знал, что он реквизировал и сам я не хожу в агентство, а сужу лишь по докладной и разрешению на реквизицию хлопка. Краснокутский получил от барона по телеграмме за № 1209 и 4063 от 20/VII месяца и 21/VII, тогда как мне барон предписал реквизировать весь хлопок 24/VII месяца. На основании телеграммы барона полков[ник] Краснокутский двумя сношени-

ями от 20/VII № 879 на мое имя просит так (привожу выдержку части, касающейся хлопка)” 1. 879. Вследствие полученной мною сего 20 июля от генерала Унгерна депеши относительно изыскания средств на покупку снаряжения, прошу Вас немедленно и не обращая внимания ни на кого реквизировать на ст. Маньчжурии хлопок и продать его. Этот хлопок я указал в своей депеше генералу Унгерну, как единственный источник, могущий дать нам необходимые средства для покупки снаряжения. Причем сообщаю, всякое промедление в этом деле будет связано с потерей снаряжения и ответственность за это всецело ляжет на Вас”. Второе сношение за № 897. “Вследствие полученной депеши от генерала Унгерна за № 1209 от 21 июля и не имея возможности прибыть на ст. Ман[ьчурия] для ликвидации 26-вагонов хлопка, прошу Вас не отказать принять на себя эту обязанность и вырученные деньги привезти мне в Харбин”. Сношение эти у меня, но сейчас я их не могу представить. Никакие китайские войска не мешали, а просто когда узнали, что приехал хозяин хлопка, я доложил барону и он велел опять реквизицию снять.

Я был в полной уверенности, что все реквизируемое доходит до Даурии. Приезжают из Даурии офицеры от полковника Краснокутского и передают благодарность за разный товар. Значит, получено. Я не бежал в Харбин, а приехал по поручениям барона и лечиться, правда, барон послал меня в Японию или Китай и хотел дать средства. Если бы я бежал, то не в Харбине надо оставаться. Если меня не арестовали, а просто бы вызвали — я бы приехал. Мне 50 лет (пятьдесят), куда бежать? Все, что мною сделано — по распоряжению барона и на нужды дивизии, я себя считаю [обязанным] исполнять всякие поручения, ибо он мне давал кусок хлеба, и благодаря ему я был сыт, да и если бы не исполнил, мне грозило наказание — нелегко служить. Была бы возможность, конечно, ушел бы, а то ни пенсии, ни средств нет, а у меня жена, племянники — надо их содержать.

О вышеизложенном прошу Ваше Превосходительство довести до сведения атамана²⁴, пусть он войдет, если не в мое положение, то ради семьи моей.

Приложение: Вся переписка. Я полагал, что начальник тюрьмы заверит копии, но он отказался категорически, и я должен представить хотя не заверенные, но, во всяком случае, проливающие свет, но, ручаюсь, все документы у меня.

Генерал-майор Казачихин

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 56–58.

Краткая характеристика барона Унгерна по рапорту генерал-майора Казачихина — начальника гарнизона пос. Маньчжурия от 20/V-20 года за № 150

По словам генерала Казачихина, барон Унгерн, генерал-лейтенант, по-видимому, бывшей Колчаковской или Семеновской банды. Человек живого дела. Не терпит никакой канцелярии и ко всем бумагам относится небрежно и даже бывают случаи, что бумаги, хотя и делового характера, бросает в печь и сжигает их. Если кто-либо спрашивает какую либо бумагу или предписание — в ответ получает: “Вам бумагу — хорошо”, это делалось только на словах. Что же касается снабжения своей части, как продовольствием, снаряжением, обмундированием, вооружением и деньгами — этих средств у него не было, тогда он, пользуясь тем, что район Монго-

лии²⁵, где размещалась его часть, является богатым рынком, он отдавал категорические приказы конфисковать и реквизировать все, что попадает под руки своим помощникам и продавать почем бы то ни было, дабы улучшить положение своей части. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что барон Унгерн — человек непостоянный, или человек без завтрашнего дня.

Казачихин — генерал, по-видимому, Колчаковской банды, всю свою жизнь провел на военной службе, у барона служил начгаром поселка Маньчжурия, вернее сказать, был снабженцем барона. Казачихин, человек, который вечно плачет и ссылается на барона, якобы он его заставляет реквизировать, конфисковать, продавать и грабить все, что попадает под руки.

Краснокутский — полковник, по-видимому, бывшей Колчаковской банды, является комендантом дивизии или дивизионным интендантом, человек, который всецело старался только улучшить свое положение и занимался тоже реквизицией и торговлей, как Казачихин, Парамонов, Федоров, Кимов и др., и являлись прямыми помощниками барона во всех грабежах и торговлях.

Сотрудник Разведупра Штасиба [подпись]

10/VIII [19]21 г.

РГВА, ф.16, оп. 3, д. 222, л. 55.

УСЛОВИЯ НАЙМА ДОБРОВОЛЬЦЕВ В АЗИАТСКУЮ КОННУЮ ДИВИЗИЮ [В СЕНТЯБРЕ 1920 Г.]

Деньги выдаются исключительно валютой, все добровольцы разделяются на три категории.

1) Все молодые казаки, нигде раньше не обучавшие[ся], при поступлении на службу обязуются прослужить четыре месяца. Приводят с собой коня с седлом, а также обязаны иметь шубу, ичиги, белье, папаху и прочее. Единовременная выдача производится через станичного атамана: 50 рублей за коня и седло, 75 руб. за обмундирование и 50 р. семье. Жалованье 7 руб. 50 коп. в месяц.

2) Строевые казаки старых сроков службы при тех же условиях получают то же пособие одновременно и по 7 руб. 50 коп. жалованья. Срок службы три месяца.

3) Казаки, окончившие учебную команду, урядники и приказные, или произведенные в Японской или Германской войнах, получают то же пособие и жалованье по 10 руб. в месяц [неразборчиво].

4) Добровольцы, получившие Георгиевские кресты в Японской и Германской войнах, получают за каждый крест по 5 руб. в месяц.

5) За каждое увечье и тяжелое ранение, влекущее за собой неспособность к труду или смерть, получают 1000 рублей пособия одновременно. За повреждение костей единовременное пособие 300 рублей. За кожное и мышечное ранение по 100 рублей.

Примечание: степени ранения определяются комиссией врачей.

Казаки, не имеющие никакого обмундирования, получают на приобретение такового 75 рублей.

Казаки, не имеющие коня и седла [неразборчиво] не получают.

Выдача единовременного пособия семье производится ст. атаманом: при поступлении 20 руб., по истечении 1-го месяца 10 руб. и в конце 3-го месяца 20 рублей.

Начальник Азиатской конной дивизии, генерал майор [подпись:] бар. Унгерн
“ сентября 1920 года. гор. Акша

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 39, подлинник (копия в РГВА).

[БЛАГОДАРНОСТЬ Р.Ф. УНГЕРНУ ОТ СТАНИЦЫ МАНГУТСКОЙ]

Чита. Командарму Д/В²⁶ Даурия. 5 октября 1920 г.

Главкомандующий приказал сообщить, что Мангутская станица 14 сентября вынесла приговор принести благодарность начальнику Азиатской дивизии барону Унгерну за освобождение от большевиков и ходатайствовать об оставлении в станице Мангутской 12 Кавполка для гарнизонной службы.

Начальник строевого отдела ставки Главкоманд. Генштаба
полковник [подпись:] П. Леткин

РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 64, л. 8–8об.

[ДЕЗЕРТИРСТВО КИТАЙСКОГО ОТРЯДА ОТ Р.Ф. УНГЕРНА]

В расположение частей Народно-революционной армии, в районе Мензинской станицы, на днях вышел полковник-китаец, заявивший, что он начальник отряда в 150 человек, ушедшего от барона. Далее он сообщил, что его отряд находится в тайге, в нескольких днях пути, абсолютно без всего, в крайне бедственном положении, и просил помощи.

“Дальневосточная республика” (Верхнеудинск), № 145, 30 октября 1920. С.1.

[ТЕЛЕГРАММА В.И. ЛЕНИНУ ОБ ОПАСНОСТИ УСПЕХОВ Р.Ф. УНГЕРНА В МОНГОЛИИ]

<...> 31/X/[19]20. Москва, Кремль, Ленину. Копия: Наркоминдел, Чичерину, Омск, Предсибревкому Смирнову.

Иркутск, 31 октября 1920 г. По полученным сведениям, после разгрома китайских войск, Урга взята бароном Унгерном²⁷ и около 3000 бойцов, к нему спешат в числе 3000–6000 остатки семеновских войск, выгнанных из Читинского района. Послу взятия Урги, Унгерн, действующий, конечно, [не расшифровано] Японии, попытается завладеть и Западной Монголией в районе Урга, Улясутай, Кобдо, Чугучак, собирая к себе разбросанные по всей русско-монгольской границе многочисленные белогвардейские шайки, иногда значительной силы, являющиеся остатками войск Анненкова, Дутова, Колчака. Одновременно Унгерн, несомненно, использует антикитайское автономистское настроение Монголии для привлечения их в ряды своих войск. Задача Унгерна, судя по предыдущим аналогичным попыткам Семенова — возглавление независимой от Китая Монголии с подчинением японскому протекторату. Китай обнаруживает бессилие справиться наличными силами с Унгерном и остановить его распространение по Монголии, поэтому пограничные

провинциальные китайские власти обратились к ДВР с предложением ввести в любом месте Монголии войска ДВР и РСФСР для совместной с китайскими войсками ликвидации белых. Одновременно к нам обращаются находящиеся в Иркутске представители разных групп Монголии (в том числе один представитель Хутухты²⁸, высших князей и высших лам), другой представитель чиновничьей группы среднего ламства, третий представитель Народно-революционной партии Монголии. Они учитывают фактически происшедший разгром наличных китайских войск и невозможность по местным условиям подхода подкреплений из Китая, и рассчитывают поэтому на возможность по ликвидации белых банд восстановления нарушенной китайцами автономии Монголии, опираясь на свои [данные] Нарревпартий полномочия.

[В] Троицкосавск прибыл командированный из занятой белыми Урги нарочный и сообщил. 1) Белые распространяют слухи, что ведут борьбу за автономию Монголии; 2) однако, даже высшие круги князей и лам, учитывая разгром белых в Забайкалье, пока не поддерживают Унгерна, очевидно, не рассчитывая на его долговечность и опасаясь, что объединение с Унгерном вызовет столкновение не только с Китаем, но и Советроссией, к которой они обратились за помощью через своих делегатов; <...>

Ввиду изложенного, считаем, что отказ Советроссии от активного участия может привести к следующему. 1) В случае успеха Унгерна, высшие монгольские круги, изменив ориентацию, сформируют с помощью Унгерна правительство автономной Монголии под фактическим протекторатом Японии. 2) Мы будем поставлены перед фактом организации новой белогвардейской базы, открывающей фронт от Маньчжурии [до] Туркестана, отрезающий нас от всего Востока. <...>

Член РВС 5 Позерн, Предвостсекции Буртман <...>

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 53.

[Приказ В.И. Шорину о содействии Китаю в борьбе с Р.Ф. Унгерном]

Телеграмма (шифрованная) серия Г. Помглавкому по Сибири тов. Шорину.
Почто-телеграмма Наркоминдел тов. Чичерину. Москва 4/XI-[192]0 г. 19 ч.

Белогвардейскими войсками барона Унгерна занята Урга и китайские войска оказались не в силах воспрепятствовать этому вторжению, ввиду чего пограничные китайские власти обратились к нам с просьбой о помощи для совместной ликвидации белых. В согласии с Наркоминделом, приказываю Вам оказывать полное содействие Китаю и, войдя в пределы Монголии, разбить и уничтожить войска барона Унгерна. [О] Ваших предложениях [об] этой операции и какими силами намечено ее выполнение, а также сроки начала донести. № 6528 оп 1477 ш

Главаком Каменев Военком Гиршфельд Наштаревсовет Лебедев 4/XI-20 г.
зашифровал [подпись]

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 1.

Записка по прямому проводу И.Н. Смирнова В.И. Ленину о нежелательности борьбы с русскими белогвардейцами на территории Монголии

Ранее 6 ноября 1920 г. Москва Кремль Ленину

Член Рев[воен]совета 5 Позерн, сообщая, что Китай просит нашей помощи против захвата, инспирируемого Японией²⁹, русским генералом Унгерном Урги, запрашивает мое мнение.

Полагаю, что наше вмешательство в монгольские дела на стороне Китая вызовет нежелательное в настоящих условиях столкновение с Японией. Считают лучшим, не входя активно ни силами ДВР, ни (нашей — М.М., В.П.) армии, дать развиваться конфликту, предоставив временно событиям идти своим порядком.

Позерну рекомендую снестись с Вами.

Ваше мнение не откажите сообщить. № 421/б.

Подсигривкомма

ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 122, Автограф И.Н. Смирнова. — Цит. по: Малышева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.152.

[ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СВЯЗИ С ЗАХВАТОМ ЧАСТИ МОНГОЛИИ УНГЕРНОМ]

29 ноября 1920 г. В Мон[гольско-] Тиб[етский] отдел Сек[ции] Вост[очных] Нар[одов]³⁰

В связи с выступлением барона Унгерна, в Монголии создано совершенно новое положение, чем было летом текущего года. Вся восточная окраина Халхи, Цэцэнхановский аймак занят отрядом Унгерна, который наводит ужасы на монголов, отбирая у них лошадей, скот и прочее, производя разные произволы и насилия, свойственные бандам.

Урга объявлена на осадном положении, в ней сосредоточены главные силы китайцев. Все западные аймаки Халхи и Кобдо-Улястайский округ наводняются китайскими войсками, которые занимают более или менее крупные населенные пункты.

Китайцы воспользовались выступлением Унгерна, чтобы, приписав монголам причину этого выступления, окончательно поработить Монголию и подавить всякое желание к независимости. Террор и притеснения, производимые китайцами, приняли жесточайший характер. Арестованы и арестовываются все видные лица и общественные деятели Монголии. В настоящее время находятся под арестом: Бодо, Джалханца, Шанцзотба (глава Шабинского ведомства), Да-лама, Пунцаг-До, князь: Цэцэн-хан, Манлай-ван, Хатан-Батор-ван, Тогтохо³¹ и многие другие. Из членов Народной и чиновничьей партии арестованы Жигмид-гун, Жамьян-гун, Гомбодшин, Лувсан Жансан и другие. Арестованные подвергаются жестоким пыткам, как, например, Манлай-ван, Хатан-Батор, Жигмид-гун, причем последний не вы-

держал и, выдав, что [Хутухта] послал 7 человек в Советскую Россию, умер. Первый обвиняется в соучастии в выступлении Унгерна.

Богдо настойчиво отрицает посылку представителей в Советскую Россию и держится по отношению китайцев довольно вызывающе. В Урге почти ежедневно производятся у монголов, бурятов и русских обыски, аресты и сопряженные с ними вымогательства, похищения и тому подобный произвол. Ламство буквально терроризировано: арестовано много видных лам, были случаи погромов храмов и расстрела лам во время богослужения, религиозные обряды в храмах не исполняются, пользование духовными инструментами (сан, хунчерек, бурэ, бишхур) запрещено. В небывалых [для] Монголии размерах отбираются лошади, верблюды, скот, седла и прочее, в случае отказа применяются жесточайшие репрессии.

В общем, монгольское население сильно терроризировано, но ненависть их к китайцам дошла до крайних пределов. Умы и рядовых монголов, и крупных князей заняты сильнейшим желанием освободиться от ига китайцев, и ждут помощи от Советской России. Организованной работы в этом направлении в широком масштабе не ведется. Деятельность Нар[одной] партии осложнена террором китайцев. Бодо уехал вглубь Монголии, Доксом скрывается недалеко от Урги и поддерживает связь с Ургинской организацией, в которой руководителями являются Дондым, Догаржап, Галсан и буряты Балсанов, Юмиаров и Балыков. Признают необходимым усилить организационную работу, используя все возможности, сообразуясь с местными условиями, и нуждаются в инструктировании и руководстве их деятельности.

Сложившиеся обстоятельства говорят за необходимость объединения всех кругов Монголии для нахождения выхода из создавшегося положения, иначе неизбежны неорганизованные выступления, что, не достигая цели, несомненно, усилит репрессии китайцев и может навлечь серьезные осложнения и бедствия для Монголии.

Для более точной и подробной информации отправлены в Ургу курьеры. Чойбалсан и Сухэ-Батор ждут средств. При участии их, Бекзеева, Ванчикова и представителя Нар[одной] партии из Маймачена устроено совещание о планах работы в связи с новым положением, которые были совершенно иначе представлены в информациях, получавшихся в Иркутске до моего выезда от Макстенека, который перерабатывал и изменял информацию и материалы, передаваемые ему Бекзеевым и Ванчиковым, вследствие чего сообщалось и в Секцию не все, что сделано, или неправильные сведения, как, например, взятие Урги белыми и так далее, чего фактически не было, и о чем знали Ванчиков и Бекзеев, которые в этом смысле и давали свои информации.

На этом совещании, учитывая создавшееся положение, пришли к заключению, что монголы в настоящее время должны добиваться только провинциальной автономии, входят в состав Китайской республики, которая должна вывести свои войска, принесшие большие бедствия монголам, и назначает своего генерал-губернатора в Монголии. Это может быть достигнуто только при помощи Советской России, которая совместно с ДВР должна использовать создавшееся положение и на почве реальных экономических и политических интересов начать дипломатические и военные переговоры с местными и пекинскими китайскими властями, которые под этим давлением и в противовес антимонгольской политике Сюй Шучжэна³², нахо-

дящегося в Японии и подстрекающего белых против них, будут вынуждены признать, что для умиротворения Монголии необходимо удовлетворить требования ее.

Учитывая крайне враждебное настроение монголов к китайцам, представляющее благодатную почву для авантюристов, как Унгерн, необходимо усилить агитацию в пользу Советской России не только среди демократических кругов, но и среди высших князей и ламства, для того, чтобы оторвать их от белых и лишить последних всякой моральной и физической почвы в Монголии. Для чего необходимо обращение к авторитетным князьям и ламам от имени авторитетной советской организации.

Для ослабления сил белых и китайцев, необходимо добиваться их столкновения между собою (такова политика китайцев по отношению к красным и белым). Нужно послать людей в Баргу, для того, чтобы оттуда через монголов и бурятов проникнуть в отряд Унгерна и узнать необходимые сведения. Возможно разложение отряда Унгерна путем посылки людей от Татарской и Башкирской республик и авторитетных бурят-монгольских организаций с обещанием полной амнистии всем татарам, башкирам и бурятам, которые оставят отряд Унгерна. Причем нужно использовать их национальные чувства в сторону защиты независимости Монголии, под флагом Монгольской армии. Также необходимо принять меры к разложению Китайской армии, для чего использовать существующий антагонизм между солдатами (солдаты старой регулярной армии), гаминами (войска Сюй Шучжэна) и боязнь ими зимних походов. Точно так же для внесения раскола среди китайцев в Монголии возможно использовать существующий антагонизм среди военных и коммерческих кругов, недовольство коммерсантов и фермеров обложением их для содержания войск. Для этой работы должны быть приглашены соответствующие люди, знакомые с языком и письменностью.

Возможна организация монгольских отрядов, особенно из чахаров³³, для партизанско-разбойничьих действий в тылу китайцев в Гоби, что должно иметь громадное значение в смысле перерыва сношений с Калганом и Пекином и препятствия продвижению новых сил. Необходима обработка иностранной прессы на Дальнем Востоке (Пекин, Шанхай и др.) в пользу Монголии, выставляя наружу весь произвол и насилие, производимые китайцами.

В общих чертах, сообщая наше мнение, прошу в срочном порядке сообщить мне Ваши заключения и дать важные директивы. <...>

С подлинным верно: Секретарь Монголо-Тибетского отдела Секц. Вост. Народов Георгий Данчинов

ПАНО³⁴, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 2–2 об. Заверенная копия. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.168–172.

<...> [Из] Иркутска, № 696206 <...>

Получена 24/XI [19]20 г. Расшифрована 25/XI/[19]20 г.

Москва, Карахану. Омск, Сибревкому Смирнову

Положение Монголии, согласно полученных информации, рисуется в следующем виде. Главная часть сил Унгерна, имевшая задачей овладеть Ургой, после се-

рьезного боя с китайскими войсками в окрестностях Урги, оставив около 300–600 убитых, отошла приблизительно на 40–50 верст восточнее Урги. Отдельные небольшие отряды унгреновцев разбросаны в разных направлениях с целью военной разведки, отвлечения китайских сил, обнаружения фуража, также отбора частей в пунктах заготовок наших центросоюзников. Замечается направление в район Урги отдельных шакк белых, бродивших по одной [пропущено]. По всему видно: устанавливаются связи для общего плана действий. По сведениям, однако, еще не проверенным, незначительная часть семеновских, каппелевских отрядов, выбитых из Забайкалья, направляется вглубь Монголии для подкрепления сил Унгерна. Эти семеновские, каппелевские отряды насчитывают в общем от 4 до 6 тысяч человек. Соединившись с Унгерном, они представляют кулак около 10000 человек. После соединения этих отрядов возможность вторичного нападения на Ургу и захвата последней вероятна, если к тому моменту китайские войска не получат солидного подкрепления.

Китайские власти Урги, в связи с общей остротой положения, главным же образом, в связи с открыто намечающейся работой Монголии, особенно представителей Народно-революционной партии, производят аресты, порки, истязания. Обвиняя более передовых чиновников, князей и членов Нарревпартии в сношениях с русской советской властью, что монвласти вновь арестовали 12 человек Нарревпартии. Выеха[ла] в Россию монгольская делегация, также ее задачи китайцам известны. В информации подчеркивается, что монгольское и русское население в районе Урги терроризируется, ограбляется китайскими солдатами, дезертирами, причем дезертирство массовое. Китайско-ургинское количество, также другие элементы, живущие за счет монгол, учитывая возможность вторичного нападения Унгерна на Ургу, также видя возмущение монгол и подмечая скрытую подготовку организации последне[го], требует [от] центрального Китайского правительства назначения в Монголию генерала и увеличение войск. Китайские власти относятся к русским чрезвычайно подозрительно, боясь проезда для руководства монголами русских большевиков, паспорта для проезда в Ургу в последнее время не выдают.

Побег из японского посольства в Пекине бывшего директора Монголии, [ярого] японофила и приверженца аньфуистов — ген. Сиотсишкя, определенно связывается Монголией для вступления в связь с Унгерном и семеновцами, дабы завладеть Ургой, укреплением в Монголии поставить заслон влиянию Советской России. По мнению некоторых членов Монгольской Народно-революционной партии, возможность такой ситуации не исключена, если принять во внимание общее положение Китая, разделенного на части, управляемые на свой страх и риск отдельными генералами типа Сю[я] Маленького, вышедшего из школы продажных аньфуистов. Такое мнение представителей Нарревпартии не лишено основания и должно строго учитываться. Несамостоятельно семеновцы и Унгерн, руководимые и снабженные японцами от купленной теми же японцами суммы, представляют японскую ширму Монголии. Как Вам уже сообщалось, Кяхта, красные казармы заняты войсками ДВР. По только что полученным сведениям, между арестованными по подозрению в связи с русскими находится Богдо, глава Монголии, Цэцэн-хан и др. Урга от боев не пострадала. № 3333

Замуполнаркоминдел Гапон

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, н. 192, д. 52187, л. 2.

**[ОЦЕНКА СИЛ МОНГОЛЬСКИХ КНЯЗЕЙ
ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АВТОНОМИИ МОНГОЛИИ]**

Гончаров Н. Докладная записка Сиббюро ЦК РКП(б) в ЦК РКП(б) о работе по линии Коминтерна на Дальнем Востоке, 4 декабря 1920 г.

<...> Монголия. Движение за автономию остается в прежних пределах: князьки не способны организовать сильного противодействия китайцам со стороны кочевого туземного населения. Японцы действуют осторожно, не желая разжигать против себя озлобления китайцев. Народно-революционная партия очень слаба. <...> ПАНО³⁴, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 27–28, об., заверенная копия. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1995. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск. С.167.

[ПИСЬМО Л. ВОЛЬФОВИЧА³⁵ Р.Ф. УНГЕРНУ ОТ 24 НОЯБРЯ 1920 Г.]

Ваше Превосходительство,

Ваше письмо от 24/XI-20 года из Толы было получено в Хайларе 12/I-21 г. и доставлено Малецким³⁶, Жучем³⁷ и мною генералу [Чжан Куню]³⁸, которому я и прочел его. Генерал [Чжан Куню] по прочтении сказал нам, что Вы ему брат, и он сам за Вас отрубит голову каждому (подлинные слова). На мою просьбу об ответе генерал сказал, что он свяжется с Семеновым³⁹ и, по приезде войск[ового] старшины Львова, пошлет Вам ответ.

Семенова окончательно выгнали из Забайкалья в середине сентября 20 года, когда войска вошли в Маньчжурию, сдав оружие частью китайцам, частью японской миссии. Корпус Молчанова⁴⁰ еще пробивался из Даурии. Семенов уже удрал из Гродеково, не назначив заместителя. Большевиков не пустили в Маньчжурию ни с оружием, ни без оружия, пока все не было эвакуировано в Гродеково. Семенов, пожив 5 дней в Гродекове, удул на Владивосток, где пробыл три дня и уехал на японском крейсере в Порт-Артур. Вчера получил письмо от брата из Гродеково, в котором сообщает, что Семенов по достоверным данным прибудет в Гродеково в конце января с.г. Я был у Савельева 2 месяца тому назад. Взял у него 800 р., письмо к Вам и сунулся из Хайлара в Монголию но, ввиду Самбейского разгрома⁴¹, должен был драть назад. Письмо Савельева отправил с бурятом. Если не получили, то вот его приблизительное содержание. Савельев сообщает, что атаман уехал в Японию и что Начглавковерхом он, Савельев. Затем, что атаман хотел из Японии послать Вам сто тысяч иен.

Теперь о положении здесь. Самое важное — это то, что Чжан Куню лишился маньчжурского трона, передав его ген. Чжан Хуаньпыню (Чжан Корявый), а сам съехал на его помощника. Полк. Янчжо, бывший продолжительное время наштаба в Маньчжурии, теперь от Чжана Корявого съехал на помощника наштаба.

Теперь о Вашем наследстве и наследниках. Все маньчжурские склады были арестованы китайскими властями по заявлению еврея Гоберника из Читы, у которого будто бы Вы отобрали большое количество скота в Монголии. Никитин⁴² не растерялся и предъявил иск на Вас в 35000 рублей. Евтин⁴³, кроме того, что успел ликвидировать сам в свою пользу, а частью с Никитиным в компанию, — остальное со спокойной совестью проморгал. Дзыно имеет в Маньчжурии какие-то свои

личные склады, на которые и живет, всюду пользуясь Вашим именем. Кончит тюрьмой. Федотьев, выжав всех, что мог, и заодно запродав за бесценок арестованные склады в Маньчжурии американцам, окончательно удул от преследования в Йокогаму. Коротков на днях скончался в Харбине. Цыдыпов держит со мною постоянную связь. Буряты кочуют из Монголии (бежавшие от красных в мокроту с разрешения китайцев) немного южнее ст. Джаромте, где живет Цыдыпов. Последний, вероятно, будет играть большую роль. Движение бурят, формирование частей, и война их с большевиками со стороны Монголии, а весной будет с санкции Китая. Буряты просят меня не ездить никуда, чтобы через меня сноситься с генералом [Чжан Куню], который ко мне хорошо относится. Я уступил просьбе Цыдыпова и никуда не тронусь отсюда без особой важности. Здесь в Хайларе Марков, Евсеев, Евгин, Дзыно, Нарышкин у которого живет Малецкий, Бирюков, Бакашев, Таскин, Мацевский, Пиншин. Положение личное скверное. Я загнал по настоянию генерала [Чжан Куню] его же торговой фирме скот, который Вы передали Дзыно, на содержание равную часть дал Малецкому, заплатил Жучу за прокорм (скот стоял у него на заимке три месяца) и в итоге пришлось лишь по 800 долларов. Впереди, конечно, ничего отрадного. Прошу, если будете отвечать, узаконить распоряжением ликвидацию и узаконить какой-нибудь источник средств.

На Тапхаева⁴⁴ охотились китайцы, приписывая ему Самбейский разгром. Живу у Жуча на его иждивении, буду стараться поддерживать связь с Вами. Семенов сейчас в Дайрене, был в Токио у микадо. Хорошо принят. В Мукдене был у Чжан Цзолия⁴⁵. Ходят упорные слухи, что с войной японцы займутся оккупацией Забайкалья. Во Владивостоке смещен генерал Оой, буферный, и на его место назначен сторонник активной оккупации Забайкалья. Фамилии не знаю. Отношение Чжан Цзолия, со слов генерала [Чжан Куню], к Вам отличное, Чжана Корявого среднее, Янчжо к Вам, известно, плохое. Из войск атамана Семенова при эвакуации много рассосалось по всем станциям. Многие с охотой едут группами в Сов[етскую] Россию, где поступают в ряды Красной армии. В Даурии стоят мадьяры, на Мацевской — 14 полк из Иркутска. Якимов⁴⁶ стоит в Манкечере. Забайкальские большевики против верхнеудинских, которые упорно не дают вводит коммунизм в Забайкалье. На Краснощекова⁴⁷ из них никто положиться тоже не может, ибо ему никто — ни свои, ни чужие не доверяют. Известный Вашему Превосходительству л-ц⁴⁸ уверяет и о большем, о чем лично передаст Вам податель сего. Советую подумать — все равно окупится.

Преданный Вам слуга, [подпись:] Лева

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 81–82; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 14–14об.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНУ О ГРАБЕЖАХ, ПРОИЗВОДИМЫХ ОТ ЕГО ИМЕНИ]

Начдиву. 25/XII – 1920 г. Хошун Ачиту-вана, [Сан-бэйсэ]

Проезжая дорогой в [Бревен-хийд], Хурха Сан-дзасак, [Сан-бэйсэ] везде слышал, [что] вахмистр, именующий себя прапорщиком Галипов[ым], пользуясь Вашим именем, без разбору угоняет табуны, производит реквизиции и проч.

Им убит в пьяном виде урядник Очирков, командированный Вами собирать имущество, принадлежащее правительству. Галипов воспользовался удостоверени-

ем, выданным Очиркову, стал формировать отряд из всякой рвани и грабит население. Якобы на основании этого удостоверения им сожжены и разграблены китайские в Сан-дзасаке, Шино-булаке, Сан-бэйсэ и других местах. Угнаны табуны из хошунов Джо-вана и собственный Эрдэни-гуна⁴⁹. В Сан-бэйсэ им вырезаны под видом гаминов все китайские торговцы в числе 208 человек. За товаром этих торговцев он отправился со своим отрядом (около 50 человек). Буряты сообщили мне, что он хотел напасть на меня, дабы воспользоваться имеющимся у меня оружием.

Это же он хотел сделать с подполковником Лауренц. 24 декабря я встретился с ним в ставке [Сан-бэйсинского] князя (в 40 вер. на севере Сан-бэйсэ). Узнав от монгол, что в Сан-бэйсэ находится подполковник Лауренц, я ночью вышел в Сан-бэйсэ и утром 25 соединился с подполковником Лауренц. Вслед за мной через несколько часов пришел Галипов с отрядом. Подходя к нашему расположению, отряд Галипова разделился и стал охватывать нас. На эти явно враждебные действия мы изготовились к бою. Помощник Галипова первый выстрелил в нас. Ответным выстрелом он был убит и ранен один бурят. Раненый выразился про себя: “Довольно мы грабили”. К нам на помощь собрались монголы под командой [Цэвэн-тэргуна] (чахар), и шайка Галипова была разогнана.

Приехавшие из Маньчжурии [сказали], что эта резня (в Сан-бэйсэ) бароновцами, как называла себя галиповская шайка, произвела крайне невыгодное впечатление для Вас среди китайских кругов, даже предполагалась отправка в Сан-бэйсэ китайских войск. Кроме того, действия Галипова возбуждали монгол против Вас. Просьба о присылке китайских войск в Сан-бэйсэ маньчжурскими китайскими властями отклонена и запрошен Пекин.

По сведениям бурят и монгол, Галипов в одном месте грабил, а в другом продавал награбленное. Ставка Галипова находится в районе Мыкерич, Могойтуй Ундурбон.

[Под]полковник Лауренц, для точной разведки положения на местах, выезжает в Хайлар, вероятно, в Харбин, и вернется обратно при помощи Цэвэн-тэргуна и Монголии — Вана [?], через последнего Вам будет направляться донесение. 24/XII [под]полковник Лауренц выслал Вам газеты и информацию.

Войсковой старшина [подпись неразборчива]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 7–8об., рукописный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 64–64а.

[Приказ по Азиатской конной дивизии после взятия Урги]

копия с копии.

Приказ по Азиатской Конной дивизии

гор. Урга — 12 февраля 1921 г.

§ 2.⁵⁰ Воспрещаю производство самочинно без разрешения коменданта города арестов (кроме евреев), обысков и реквизиций.

§ 3. Евреев, имеющих от меня записки, приказываю не задерживать.

§ 4. Глупее людей, сидящих в штабе дивизии, нет, приказываю никому, кроме посыльных, не выдавать три дня продуктов.⁵¹

Начальник Азиатской конной дивизии генерал-майор Унгерн

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 14; РГВА, ф. 39494, оп. 1, д. 9, л. 11.

[ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ Р.Ф. УНГЕРНА ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ УРГИ]

После захвата Урги Унгерн освободил многих заключенных, в числе которых оказались члены революционного кружка Жамьян-гун, Жигмиддорж и Хатан-Батор Максаржав⁵².

Видя явное преимущество Унгерна, крупные монгольские князья и ламы еще 27 января направили к нему делегацию в составе эрдэнэ-шандзодбы Дашжава, Джалханза-хутухты Дамдинбазара, дархан-чин-вана Пунцагцэрэна, эрдэнэ-жонон-вана Ширниндамдина, да-чин-вана Цогбадраха, сужэгт-вана Доржпалама, Хатан-Батор Максаржава (из Сайннойонханского аймака) для обсуждения будущего государственного устройства Монголии.

Ширендыб Б. 1971. История Монгольской Народной Революции 1921 года. М. С. 152.

“Я ставлю своей целью, — заявил им барон Унгерн — восстановление трех монархий: русской, монгольской и маньчжурской. Пока что я изгнал китайцев, незаконно захвативших Ургу⁵³. Следует теперь вновь восстановить автономное Монгольское правительство... Необходимо выбрать счастливый день для восшествия на трон, пригласить Богдо-хана с его супругой в Ургу, и вновь организовать пять министерств”.

В тот же день крупные князья и ламы поехали в монастырь Маньчжушри поздравлять Богдо с восстановлением автономии и приветствовать монгольского командующего Лувсан-Цэвэна, охранявшего Богдо. Вскоре Богдо был перевезен в Ургу, и 15 числа первого весеннего месяца 11 года “Многими Возведенного” (21 февраля 1921 г.)⁵⁴ вновь возведен на ханский трон.

Чойбалсан Х. 1952. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд. иностр. лит. С.34.

В состав правительства восстановленной Унгерном автономной Монголии вошли: Джалханза-хутухта — премьер-министр и министр внутренних дел, Шанзав Дашцэвэг — министр иностранных дел, Бишерельту-ван Доржцэрэн — военный министр, Лувсан-Цэвэн — министр финансов, бэйсэ Чимэддорж — министр юстиции и Хатан-Батор Максаржав — главнокомандующий монгольскими войсками⁵⁵.

Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. М. С.152.

[УКАЗ БОГДО-ГЭГЭНА О ПРИСВОЕНИИ Р.Ф. УНГЕРНУ И ЕГО СПОДВИЖНИКАМ МОНГОЛЬСКИХ ТИТУЛОВ И СТЕПЕНЕЙ]

Сообщение Монгольского военного министерства на имя Дающего Развитие Государству Великого Героя и Великого Князя Дархан-Хошой в степени Хана, Генерала Барона.

Ныне полученное отношение Министерства внутренних дел следующего содержания.

По случаю возведения на прежний законный престол Богдо-Гэгэна и Эхэ-Даггини⁵⁶, 15 числа [1-й] луны 11 года правления Многими Возведенного, в этот день последовал прилагаемый к сему Милостивейший Указ.

Сообщается о сказанном военному министерству для руководства и исполнения сего Милостивейшего Указа. К сему министерство считает нужным присовокупить содержание сего Ургинскому Эрдэнэ-Шанцзодбе⁵⁷ и председателю сейма Тушетуханского аймака.

Во исполнение Милостивейшего Указа, препровождаются копии сего Указа дающему развитие государству Герою Джанджину⁵⁸ Генералу Барону и весьма заслуженному Батор-Генералу Резухину для руководства и исполнения. Одновременно доводить о сем до сведения сановникам в Улясутае, Кобдо и председателям Сеймов Цзасактуханского и Сайннойонханского аймаков и других двух дурбетских⁵⁹ аймаков.

25 числа 1-й луны 11 года правления Многими Возведенного
Копия Милостивейшего Указа

Указ Просветителя Веры, дающего блаженство живым существам, спасения и благословения всем, драгоценнейшего ламы Вачир-Тара Джебцзундамбы, ведающего религией и государством, блистательного подобно лучу солнца и имеющего 10000-летний возраст святого Цээн Хана.

Я, Джебцзундамба-Лама, Внешней Монголией был возведен на трон и моим попечением был установлен самостоятельный строй правления, а затем по тройному соглашению Китая, Монголии и России, Монголия получила автономные права, таким образом, велением Неба Монголия управлялась самостоятельно. Неожиданно, вследствие насилий, неподобающих действий со стороны революционных китайских чиновников, офицеров и солдат, Монголия утратила временно права и подверглась разным стеснениям, но, благодаря молитвам ламы, обладающего Тремя Сокровищами⁶⁰, а равно благочестию народа, объявились знаменитые генералы-военачальники, воодушевленные желанием оказать помощь желтой религии, которые, прибыв, уничтожили коварного врага, взяли под свою охрану Ургу, восстановили порядок и прежнюю государственную власть, почему сии генералы-военачальники, действительно, заслуживают великого почтения и высокой награды.

По высоким заслугам награждаются:

Русский Генерал Барон — [титолом] потомственного великого князя Дархан-Хошой Цин-вана в степени Хана, ему предоставляется право иметь паланкин зеленого цвета, красно-желтую курму, желтые поводья и трехочковое павлинье перо с присвоением звания Дающий Развитие Государству Великий Батор-Генерал Джанджин.

Генерал Резухин — [титолом] потомственного великого князя Цин-вана с личным правом иметь красновато-желтую курму, желтые поводья, трехочковое павлинье перо с присвоением звания Весьма Заслуженный Генерал-Джанджин.

Помощник Генерала-Джанджина Жигмит Жамболон — [титолом] Потомственный Великий Князь Цин-ван с личным правом иметь красновато-желтую курму, черновато-красные поводья и трехочковое павлинье перо, с присвоением звания Искренне Старательный Джанджин.

Монгольский Джанджин Тайчжи первой степени Лувсан-Цэвэн — [титолом] Потомственный Великий Князь Цин-ван с личным правом иметь красновато-желтую курму, черновато-красные поводья и трехочковое павлинье перо с присвоением звания Весьма Знаменитый Джанджин.

Хичиенгуй Батор-гур Най-данчиба, принимая участие в сказанном деле по собственному почину мобилизовал моих подданных, чем увеличил силы нашей армии и, равным образом, он сам прежде и ныне проявил большую бодрость и старание над очищением страны от врагов-китайцев, а посему награждается [титолом] Потомственный Великий Князь Цин-ван и с личным правом иметь красновато-желтую курму, красновато-желтые поводья и трехочковое павлинье перо, с присвоением звания Распространитель Могущества-Джанджин.

Батор-гун Джамц-бэйсэ в степени бэйлэ с личным правом носить двухочковое павлинье перо.

Прочие же офицеры, солдаты, ламы, князья и чиновники, проявившие доблесть, по представлении подлежащих командующих войск об их заслугах, через военное министерство будут особо награждены.

Переводчик штаба Дивизии чиновник В. Кондаков
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 47, л. 67–68об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 91а–92.

[Из указа Богдо-гэгэна о необходимости исполнения распоряжений Р.Ф. Унгерна, касающихся военных действий против китайских милитаристов]

В феврале 1921 г. Богдо-гэгэн издал указ о необходимости беспрекословного исполнения распоряжений Унгерна на территории Монголии. В этом указе говорилось:

“Реставратор Монгольского государства, великий богатырский полководец, дархан цин-ван в степени хана — генерал барон Унгерн имеет выдающиеся заслуги в деле разгрома гаминов и восстановления нашего государства, искренне проявляя особые усилия. Поэтому правители местных уделов, чиновники и араты должны оказывать ему всеобщее уважение и немедленную помощь в деле мобилизации в армию и реквизиции скота для разгрома китайских милитаристов на разных участках границ Монголии, с честью выполняя приказы цин-вана барона Унгерна. За невнимательное отношение к его приказам и нарушение их виновные будут строго караться”.

МУА, ф. Период оккупантов, полит. раздел, гр. 40, св. 50. — Цит. по: Ширендыб Б. 1963. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор. С.224.

[Объявление Р.Ф. Унгерна о мобилизации бурятов и эвенков]

Объявление

Главнокомандующий Азиатской конной дивизией, сайд⁶¹, генерал, барон Унгерн доводит до сведения бурят и тунгусов, проживающих в пределах Монголии нижеследующее.

Благодаря внутренним междоусобиям, приведшим управление страной в полное расстройство, невозможно ожидать в скором будущем упорядочения дел и восстановления порядка в России. Не забывайте “Бичикту цаган чилагу”! Вы, буряты,

тунгусы, находясь в настоящее время под покровительством и милостью Богдо-эцэн-хагана, должны придти на помощь общему делу защиты страны и границ.

Вследствие чего приказываю всем мужчинам, начиная от 19 лет регистрироваться в тех хошунных управлениях, в пределах коих проживают. Молодые люди от 19-летнего возраста до 25 лет, немедленно явившись в Ургу, должны обучаться военному делу и таким образом не только заменить престарелых солдат, находящихся в рядах войск, но и, начиная от 25 лет, все способные носить оружие обязаны поступить в ряды воинских частей, отправляемых каждая в свои родные хошуну в распоряжение начальников халхасских частей.

Буряты и тунгусы! Не будьте паразитами на чужом теле. Немедленно присоединяйтесь к монгольским войскам. Родители и родные дезертиров и вообще ослушавшиеся настоящего приказа будут предаваться смертной казни, а имущество будет конфисковано.

1921 года февраля 14 дня. Год белой курицы 1-й луны 7 числа
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, папка 104, д. 34, л. 9 (перевод); МУА, улс турийн 1-р ангийн 2-р булгийн 70-д (цит. по кн.: Чимид У. 1957. 1921 оны ардын хувьсгалын туухэнд холбогдох баримт бичгууд (1917–1921). Улаанбаатар. С. 78–79, монг. текст.

[РАССКАЗЫ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ УРГИ В ФЕВРАЛЕ 1921 Г.]

Телеграмма № 97 от 15 февраля [1921 г.]
Гапону Иркутск из Троицкосавска от Макстенка

Вчера прибыла [из] Урги партия русских беженцев 31 человек, главным образом демократический элемент, служащие, рабочие, члены горуправления. Дорогой все разграблены, раздеты, обморозились, многие расстреляны китсолдатами, в том числе председатель горуправы Парняков⁶², директор коммерческого училища Мониц. Монгольское население притрактовой полосы, по показаниям беженцев, отступающими китвойсками перебито поголовно. По последним сведениям (еще не проверенным), китвойска отступили от Маймачена, где стояли несколько дней. В Маймачене расклеены китайские анонимные прокламации, осуждающие гражданские власти о сдаче Урги, очевидно исходящие из военных кругов. Отрядом Д.В.Р. занят Шамар [в] двадцати верстах [южнее] Маймачена, для координации действий сообщите, что предпринимается Совроссией. Примите срочно курьером подлинник письма Хутухты или факсимиле печати. Бимбаев освобожден 14 февраля.

Борисов, Макстенек
РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 64–64об.

[ЧЭНЬ И О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ПОБЕДЫ Р.Ф. УНГЕРНА]

Переговоры представителя РСФСР с правителем Урги, Улясутая и Кобдо, сановником Чэнь И

[Неразборчиво] сего февраля состоялось по моему предложению свидание с Чэнь И в Маймачене по вопросам, вытекающим из создавшегося положения в Монголии. После почетной встречи, оказанной мне представителями киткомандования и обмена приветствиями, приступлено было к обсуждению возникших вопросов.

К вопросу о беженцах. Одним из первых вопросов, наиболее острых, являлся вопрос о дальнейшей судьбе большого количества скопившихся китайских беженцев в Маймачене. Выяснилась безусловная необходимость эвакуации беженцев через территорию ДВР. Всего беженцев, по словам Чэнь И, в Маймачене в настоящее время около десяти тысяч. Определилось также необходимость снабжения беженцев хлебом, каковой должен быть предоставлен китбеженцам по пути их продвижения в Верхнеудинске.

К вопросу о количестве пленных. По словам Чэнь И, в плен Унгерну попало лишь небольшое количество китсолдат и, как он полагает, не более 200 человек. Но, кроме этих пленных, в больницах Урги находится значительное количество раненых и больных китсолдат, которых унгернцы вывели и беспощадно расстреливали из пулеметов.

О неподчинении комсоставу. С не меньшей откровенностью Чэнь И сообщил о том, что быстро развившиеся события явились причиной многих прискорбных явлений. Так, например, более 3000 китсолдат побросали при своем отступлении свои винтовки и патроны. Кроме того, артиллерия потеряла 4 легких орудия в полном порядке и [пропуск] тяжелых, затворы у каковых удалось забрать с собой. Единственно, чем не удалось воспользоваться неприятелю — это арсенал, каковой удалось сжечь со всем содержимым.

О захвате Унгерном наличности в Ургинском банке. Мне жаль, продолжал Чэнь И, что Унгерну удалось захватить часть золота и серебра в слитках в Ургинском банке, стоимость какового определяется приблизительно в 400000 долларов. Бумажные же деньги, захваченные Унгерном, не имеют ценности, ибо они еще при первом его нападении были испорчены путем особой машины, при посредстве каковой обрезаются №№ серий кредитных билетов, и эти обрезанные №№ серий доставлены в Маймачен. Кроме указанных сумм, в руки унгернцев попало также имущество частных лиц и в виде разных товаров на сумму приблизительно в 30000 долларов.

Разногласия в киткомсоставе и неподчинение комсоставу отдельных боевых единиц. Предельно верный и вместе с тем оригинальный ответ дал Чэнь И на мой вопрос, почему киткомандование не приняло решительных мер к ликвидации Унгерна непосредственно после октябрьских боев. Чэнь И указал, что между киткомандованием была такая же согласованность в действиях, какую Вы знаете в басне Крылова “Лебедь, рак да щука”. Для иллюстрации неподчинения частей командному составу Чэнь И привел случай с одним отрядом в 2000 человек, стоявших вблизи Урги, и который, получив боевой приказ, не только его не исполнил, но, прибыв в Ургу и забрав имущество отряда, удалился, не выпустив ни одного патрона в сторону Унгерна.

О хаотическом отступлении от Урги. В таких условиях, конечно, не могло быть и речи об отступлении в порядке, и вся армия направилась в хаотическом состоянии, в зависимости от случайных обстоятельств, в трех различных направлениях. Первый отряд направился на северо-восток, второй на юго-запад и третий на север.

О дальнейших планах борьбы с Унгерном. Конечно, заявил почтенный старец Чэнь И, наша борьба с Унгерном последними неудачами не закончена и, несомненно, она будет возобновлена предстоящим летом и будет продолжаться до окончательной ликвидации монгольско-унгернской ориентации.

Общая локализация китвойск. В настоящее время, заявил Чэнь И, наши войска находятся на южном берегу реки Хары, некоторые же части находятся по реке Иро, тыловые же части направляются северо-западнее Урги. Кроме того, имеются также отдельные отряды между реками Орхоном и Селенгой.

О вводе войск в пределы Монголии для ликвидации белых банд. Он довольно дипломатично уклонился [от ответа] на поставленный в определенной форме вопрос о том, какие меры надлежит принять Совроссии для ликвидации белых банд. Чэнь И не считает для себя возможным рекомендовать Совроссии какие-либо мероприятия в целях ликвидации белых банд в Монголии в предела[x] 25-верстной полосы, ибо этот вопрос должен быть разрешен в Пекине после его личного доклада, для каковой цели он, Чэнь И, предполагает спешно выехать из Маймачена.

Об официальном согласии китвластей [на] право Совроссии ввести свои войска в Монголию для борьбы с белыми. Официально же киткомандование не будет препятствовать продвижению советских войск по Монголии и вне пределов 25-верстной полосы для уничтожения белогвардейских банд, действующих в Монголии. Несмотря на свое заявление, что киткомандование будет смотреть на ввод войск в Монголию сквозь пальцы, Чэнь И все же на конкретное мое заявление, что нам необходимо ввести наши войска в северо-западную часть Монголии для ликвидации отряда Комаровского, хозяйничающего в районе Ван-хурэ, Чэнь И дал отрицательный ответ.

[Относительно] согласия китвластей разрешить Совроссии ввести свои войска для ликвидации отряда Комаровского. Только после моего указания, что в таком случае Совроссия будет рассматривать такое отношение со стороны китвластей, как укрывательство белых, Чэнь И, после совещания с начальником штаба, сановником Лу Паньтао, согласился на ввод русских войск в Монголию для ликвидации отряда Комаровского.

О главнейших причинах ургинской катастрофы. В заключение беседы, Чэнь И указал, что главной причиной ургинской катастрофы является оппозиционное настроение лам, имеющих значительное влияние на монгольское население, сыгравшее решающую роль под Ургой. Теперь, конечно, он постарается использовать их влияние на монгольские массы точно также как и свое влияние на монгольского бога Богдо-хутухту.

На этом и закончилась наша беседа, причем Чэнь И два раза изъявил желание отдать визит мне, на что я согласился.

Троицкосавск, <...> февраля 1921 года. Уполнаркоминдел РСФСР в Троицкосавске [подпись]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145, подлинник.

[ПРОСЬБА ЧЭНЬ И ПРЕДСТАВИТЕЛЮ РСФСР Ф.И. ГАПОНУ О ПОМОЩИ КИТАЮ ПРОТИВ Р.Ф. УНГЕРНА]

<...> Имею честь известить о получении Вашего письма относительно восстания в Урге, за что я, сановник, приношу глубокую благодарность. Так как Кяхта есть район, имеющий первостепенное значение для взаимной торговли, с давних времен порядок и спокойствие на каждой стороне охранялись соответствующими

властями, но в случае возникновения важных событий и дел, имеющих взаимные интересы, для помощи общей охраны вырабатывались по общему соглашению временные меры, которые проводились в жизнь. По справкам дела значится, что 14-го января 1920 года Китайская республика по случаю беспорядков в Троицкосавске получила от местного городского самоуправления почтенного Государства письменную просьбу нашему Государству о командировании войск через границу для проживания и охранения порядка, а по успокоении вывести войска обратно. Тогда местные низшие власти, принимая во внимание дружбу и пользу двух государств, а также заинтересованность в сохранении порядка, спокойствия на местах, немедленно исполнили просьбу согласно решения правительства. Ныне по случаю разбойного восстания на нашей территории нарушенное спокойствие угрожает достигнуть границ Кяхты. Так как интересы русских и китайских торговцев и населения, живущих в Маймачене и Урге, взаимно тесно связаны, то подобного рода потрясения могут вредно отразиться на обоих [сторонах, поэтому я] спешно командировал к почтенному представителю Совроссии чиновника, считая долгом просить, приня[в] во внимание многосторонние торговые интересы, ввиду важности создавшихся обстоятельств, о вводе военного отряда вдоль русской границы к югу на пространстве 50 китайских ли (25 русских верст) по территории монгольского Тушэтухановского аймака на помощь для совместной охраны от смут, а по ликвидации – отозвать обратно. Об этом сообщил письменно начгару Троицкосавска, также представителю Совправительства великого Российского Государства [в] Троицкосавске, ожидая появления и благодеяния в деле охранения спокойствия на пограничной территории двух древних дружественных Государств.

Главный правитель сановник Чэнь И. 19 февраля <...>
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 43–43об.

**[ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИБРЕВКОМА И.Н. СМИРНОВУ О ТЕЛЕГРАММЕ
 ЧЭНЬ И С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЫ С Р.Ф. УНГЕРНОМ]**

Из Иркутска 1 марта 1921 г. Омск Сиббюро Смирнову

Передаю условно ответ, переданный мной через Макстенка ургинскому наместнику Чэнь И 27 февраля на его обращение от 19 февраля.

Нами получено от своего представителя в Троицкосавске сообщение о том, что Вы, Высокий Сановник, официально в письменной форме обратились через него к Правительству Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с просьбой о вводе военных отрядов Красной армии вдоль границы Маймачен – Кяхта – район монгольского Тушэтухановского аймака, в целях совместной с китайскими войсками охраны порядка, спокойствия китайского и русского населения этого района и защиты многосторонних русско-китайских торговых интересов от разграбления и чинимых всячески безобразий вторгнувшихся в пределы Монголии и даже захвативших Ургу преступных банд барона Унгерна и других русских монархистов, реакционеров, противостоять силам которых китайские войска, находящиеся в этих пунктах, оказались не в состоянии.

Вполне разделяя Вашу, Высокий Сановник, точку зрения на характер действий шаек бандита Унгерна и прочих выброшенных рабочими и крестьянами России за пределы своей трудовой республики старых царских тунейцев, которые везде и всюду, где они еще имеют возможность бродить, занимаются одним — грабежами, насилиями и расстрелами мирного населения, — я уполномочен от имени Правительства РСФСР сообщить Вам, что войска Красной армии, несмотря на понимание нарушения торговых интересов и вообще мирной жизни населения обоих Республик в указанном в Вашем обращении районе, не могут быть введены на упомянутый выше участок, как являющийся территорией Дальневосточной республики, права и территориальные границы которой Правительством Советской республики с ДВР договорно установлены и надлежаще уважаются. Соответственно с этим Вы, Высокий Сановник, по всем вопросам о совместной охране района Кяхта — Маймачен имеете обратиться к надлежащим властям ДВР.

Учитывая те безмерные бедствия, которые претерпевает население районов действия банд Унгерна, бедствия, результат которых сказывается в сотнях и тысячах ограбленных, разутых, обмороженных, подвергающихся насилию,двигающихся в паническом страхе лавиной к русской границе, почитаю приятным долгом от имени РСФСР довести до сведения китайского населения, китайских властей вообще и Вашего, Сановник, в частности, что трудовая Российская Советская республика является страной самой совершенной социальной и политической терпимости и действительного миролюбия и представляет политическим беженцам и жертвам белогвардейщины право убежища, обеспечение безопасности и всякую готовность пойти навстречу облегчению их положения и устройству. Подпись № 167".

Замуполкоминтерна

ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 10–11об., телеграфный бланк. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.207–208.

**ИНФОРМАЦИЯ И.Н. Смирнова Б.З. Шумяцкому о позиции
НАРКОМИНДЕЛА по вопросу привлечения Китая
к борьбе с Р.Ф. УНГЕРНОМ**

3 марта 1921 г. Запиской по прямому проводу
Красноярск Предгубисполкома Березовскому для обязательно вручения члену Ревсовета 5 Шумяцкому.

Передаю вчерашний разговор с Янсоном⁶³ по вопросу предложения нам китайского сановника оказать помощь против Унгерна и Монголии. Коллегия Наркоминдел считает возможным предпринять поход против орудующих в Монголии белых банд вплоть до Урги. Поход должен быть направлен исключительно против белых, причем РСФСР ни в какой мере не посягает на суверенитет Китая над Монголией.

Передачу этой операции ДВР Коллегия считает неприемлемым, так как поход, косвенно направленный против Японии, может осложнить взаимоотношения буфера с Японией, что при настоящих условиях нежелательно.

Я изложил наши соображения по поводу занятия Кяхты и образования Нар[одно-] революционной партией в Маймачене Революционного правительства и своей армии, а также, что поход на Ургу при теперешней обстановке нежелателен, что мы считаем целесообразным завлечь Унгерна ближе к нашим границам и там ему нанести поражение, а преследование предоставить монголам. Янсон считает, что Коллегия найдет эти соображения правильными и указывает, что даже в случае образования Рев[олюционного] правительства Монголии не следует нарушать суверенитета Китая. № 110/б.

Предсибревкома

ГАНУ, ф. 1, оп.2-а, д. 24, л. 43–43 об., автограф И.Н. Смирнова. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С. 210.

[ДОНЕСЕНИЕ БАИР-ГУНА⁶⁴ Р.Ф. УНГЕРНУ]

перевод с монгольского

Донесение Баир-гуна на имя начальника Азиатской конной дивизии от числа 6, 3-й луны 2-го [года] правления Многими Возведенного

Вами было приказано мне вернуться со своими войсками на север в местность Хадасон-гол и встретить идущих из Кяхты гаминов, с которыми, прежде чем вступить в бой, мне было предложено войти в переговоры о сдаче ими оружия. Во исполнение сего распоряжения, мы, не успев заменить своих изнуренных лошадей, спешно выступили из кумирни Тушэту-ванского хошуна и, приложив все усилия и старания, двигались день и ночь. 29 числа 2-й луны днем в северо-восточной части местности Сангийн-далай, в местности Бугудур-Цаган-Тэметын-усу встретили появившихся с разных сторон гаминов, которые непрерывно бежали с места военных действий отрядами человек по 200–300. Так как у нас оружие было плохое и патронов не было, то среди нас создалась тревога. Однако мы, уповая на Ваше счастье и добродетель, были вынуждены прибегнуть к разным средствам и ухищрениям. Прежде всего, мы послали письмо с предложением сложить оружие начальнику двух передовых отрядов. Командир батальона Ма Хуапай и командир роты Шэн Чэнцзай добровольно и без всяких возражений сдались. Вслед за сим стали снова непрерывно прибывать гамины и численность их превысила наши войска, тогда я послал Вам письмо с просьбой о присылке подкрепления, но не знаю, получили ли Вы это письмо. В тоже время с позиции отделились 5 моих солдат и до сих пор не вернулись, и что с ними случилось, я не знаю. После этого в разное время сдалось офицеров и солдат всего около 1000 человек, подробные имена и численность их представляю дополнительно. Сдавшиеся офицеры и солдаты сдержали свое слово, и ни один из них не оказал вооруженное сопротивление. Они просили меня передать Богдо-хану нижеследующее заявление.

“Среди нас есть много маньчжуров, которые при Цинской династии пользовались ее милостью. Эти люди в свое время воевали с революционерами, но, так как государственная власть перешла в руки революционеров, во главе коих стал коварный Юань Шикай⁶⁵, то ученые, сановники и войска вынуждены были им подчиниться. Таким образом, нас небольшая кучка людей, была вынуждена поступить на

службу темного революционного правительства и, стоя несколько лет на службе, мы не получали жалование. В данное время наше высшее начальство ради спасения своих жизней нас бросило на произвол судьбы. Будучи притесняемы в течение нескольких лет революционным правительством, мы полагаем, что нам все-таки не удастся воспользоваться случаем восшествия на престол Богдо-хана, чтобы быть полезными для Цинской династии, а посему мы, движимые единым желанием, решили с искренним намерением потрудиться ради Богдо-хана подобно преданной хозяину собаке или лошади и при этом полагаем, что, если нам придется умереть за Богдо, то души наши все-таки спасутся. О сказанном просим доложить Богдо, и не найдет ли он возможным оставить нас на службе в войсках и под командой Баир-гуна”.

Я, Баир-гун, перед сдачей гаминов письменно сделал предложение им, что в случае сдачи оружия лица, желающие уехать домой, будут отправлены, желающие могут остаться в Монголии и заниматься хлебопашеством, или могут остаться на службе.

Но некоторые гамины этому [не] доверились, разбежались, и мне не удалось их догнать и захватить. Так как сразу уже было дано обещание оставить гаминов заниматься хлебопашеством и служить в войсках, то, ходатайствуя об исполнении сего сообщения, при этом всякую ответственность я принимаю на себя. Я так полагаю, что если в этот раз удовлетворить желание этих 1000 китайцев, то данный случай может в будущем принести для Монголии пользу в международных взаимоотношениях. Донося о сказанном на усмотрение высокого сановника, ходатайствую сделать доклад Богдо-эцзэн-ули, не найдете ли Вы возможным удовлетворить ходатайство китайцев по поводу их желания служить в войсках. К сему считаю нужным добавить, что согласно Вашего распоряжения, я двинулся на Хадасун-гол и Лаху, но в пути встретился с гаминами, благодаря чему мне не удалось дойти до указанного места. Сейчас я держу направление на Ургу, прошу дать мне инструкции, войти ли мне с этими гаминами в Ургу, или ждать около Урги особых распоряжений. *АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 72–72а; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 43–44.*

[Письмо Р.Ф. Унгерна А.П. Кайгородову⁶⁶]

Начальнику отряда Кайгородову.

Урга мною взята. В ближайшем будущем буду развивать наступление на Советскую Россию. Зная Вас, как человека, посвятившего жизнь свою на борьбу с большевиками и зная Ваш авторитет среди населения Алтая, для пользы общего дела нашего прошу согласовать свои действия с моими, выходя из непогрешимого военного закона, что только в единении сила.

Прошу Вас для обеспечения Вашего тыла с получением сего письма, оставив в Алтае только одни кадры, для облегчения будущего Вашего наступления вглубь Алтая, со всеми находящимися в Вашем распоряжении силами занять Улясутай, уничтожив здесь всех китайских революционеров, не затрагивая, однако, для пользы нашего общего дела освобождения родины, самолюбия находящихся здесь высших китайских властей. Для чего необходимо послать за Вашей подписью прилагаемое при сем письмо в Шара-сумэ⁶⁷ губернатору, который ярый монархист. Я вошел в сношение с нашими отрядами, перешедшими границу Китая в районе Чугучака, и последние займут город Кобдо, почему Вам необходимо будет наладить связь с ними. По

занятии Улясутая, прошу немедленно связаться со мной через мой штаб в г. Урге, и получите дальнейшие указания о совместной с Вами работе. Если Вам нужны деньги, оружие, боевые припасы — все [может] быть запрошено Вами через мой штаб, отказа не будет. Для облегчения будущего наступления в Россию, прошу принять все меры к тому, чтобы довести недовольство местного населения Советской властью до крайних пределов, все это можно сделать путем усиленной агитации, а самое главное — лишить население всех предметов первой необходимости, как-то: продовольствия, мануфактуры, привозимых в Советскую Россию из Монголии; вот почему прошу Вас немедленно прекратить этот подвоз, реквизируя все товары, идущие из Монголии в Советскую Россию в Вашем районе действий. Зная Вашу любовь к родине и глубокий патриотизм, я искренно уверен, что отзоветесь на мой горячий призыв для совместной со мной работы для освобождения дорогой для нас родины — Матушки России. [О] последующем Вашем решении прошу безотлагательно меня уведомить, дав краткую ориентировку о положении дел на Чикойском тракте.

Остаюсь готовый к услугам,

искренно преданный Вам

генерал-майор Унгерн

г. Урга, февраля “...” дня 1921 г. С копией верно

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА ЧЖАН КУНЮ 16 ФЕВРАЛЯ 1921 Г.]

Начальник Азиатской конной дивизии.

16 февраля 1921 г. №... [Чжан Куню]

Ваше Превосходительство,

Ваше всегдашнее доброе отношение ко мне дает мне право и смелость обратиться к Вам с настоящим письмом.

Из только что случайно полученных газет я вижу, что против меня ведется сильная агитация против войны якобы с Китайским государством. Думаю, что, зная меня, Вы не сможете предположить, чтобы я взялся за такое глупое дело. Когда я от Вас уехал, то сначала воевал против большевиков, где впервые встретился с двумя сотнями войск генерала Чу Лицзяна⁶⁸, соединившимися с большевиками и действовавшими против меня. По перехваченной у них переписке видно было, что, в случае прохода моего на Кяхту через Яблоновый хребет, все войска генерала Чу Лицзяна должны действовать против меня, о чем в свое время были посланы донесения атаману Семенову.

Из этого Ваше Превосходительство ясно усмотрите, что я вынужден был, дабы избежать двух противников, двинуться на Ургу. Конечно, я сделал это без ведома и разрешения атамана Семенова. После нескольких неудач я взял Ургу, причем взял 12 орудий, 14 пулеметов и забрал богатые склады боевых припасов. Войска генерала Го Сунлина отступили на Кяхту и соединились с большевиками.

Зная меня, Вы, конечно, отлично понимаете, что против китайцев я никогда не стал бы воевать; что же касается монголов, почувствовавших свободу, то мною приняты все должные меры для уничтожения их попыток отделиться от Китая⁶⁹.

Произведенные большевиками в Ачитуванском хошуне и городке Ургон грабежи и убийства 200 мирных китайцев, якобы моими солдатами — совершенная неправда. Этот отряд, состоявший из бурят-большевиков, был разбит. Начальники Галипов и Батуев попали в плен и расстреляны, а остатки ушли, часть на север за Байкал, а часть на юг в Узумчин⁷⁰.

Как Вам известно, мое желание разъединить войско Го Сунлина с большевиками мне не удалось, удастся ли теперь в соединении с мобилизованными монголами их разбить, знает одно Небо. Но знаю и никогда не забуду, что в трудные минуты 1918, 1919 и 1920 годов Ваше Превосходительство меня не оставили, смею думать, что и в настоящем 1921 году Вы меня не бросите.

Вспоминая Ваши всегда любезные приглашения и наши беседы о европейцах, я хочу только напомнить Вашему Превосходительству мое всегдашнее убеждение, что ожидать света и спасения можно только с Востока, а не от европейцев, испорченных в самом корне даже до молодого поколения, до молодых девиц включительно.

Возможно, что это письмо до Вас не дойдет, так как есть слухи, что будто Вы уехали с Кит[айско]-Восточн[ой железной] дороги. Но, ежели Вы его получите, то очень просил бы Вас сообщить, где Вы теперь находитесь, дабы Вам мог выслать излишек орудий. Снарядов я, к сожалению, не могу выслать, так как их недостаточно много у меня.

Не могу не думать с глубоким сожалением о том, что многие китайцы могут винить меня в пролитии китайской крови, но я полагаю, что честный воин обязан уничтожить революционеров, к какой бы нации они ни принадлежали, ибо они не что иное, как нечистые духи в человеческом образе, заставляющие первым делом уничтожать царей, а потом идти брат на брата, сына на отца, внося в жизнь человеческую одно зло.

Сейчас все мои стремления направлены на север, куда я пойду, чтобы скорее выбраться в пределы России. В Халхе мною приняты строгие меры для прекращения грабежей китайских купцов, а главные купцы-жиды уничтожены, от чего может только выиграть торговля Китая.

Прошу Ваше Превосходительство принять мои заверения в моих искренних чувствах к Вам глубокого уважения и дружбы.

Генерал-майор

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 15–15об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 25–26.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Чжан Куню⁷¹ 2 марта 1921 г.]

Ваше Превосходительство,

недавно через американца Гунтеля я имел смелость отнять Ваше драгоценное время, послав Вам извещение о событиях в Урге.

Теперь в дополнение к письму довожу до сведения Вашего Превосходительства о дальнейшем. Войска [Го Сунлина]⁷² и [Чу Лицяна]⁷³ ушли сначала на север к красным, но, по-видимому, с ними не сошлись. Произошли какие-то недоразумения из-за грабежей, и теперь они повернули к западу. По-видимому, они пройдут на Улясутай, а затем на юг в Синьцзян. В Урге образовалось Монгольское правительство, которое, безусловно, признает [сюзеренитет]⁷⁴ Китая.

Из газет мне известно, что в Калгане беспорядки, но, к сожалению, не имею пока никаких подобных сведений оттуда. Во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Алтайском округе, по-видимому, тоже начались беспорядки. Надо использовать эти беспорядки, не теряя времени, направив их военное выступление не к бесцельной борьбе с китайскими войсками, а к восстановлению маньчжурского хана. В нем они видят великого и беспристрастного судью, защитника и покровителя всех народностей Серединного Царства.

Необходимо действовать под общим руководством главы всего дела. Пока его нет, ничего не выйдет. Необходим вождь, вождями могут быть только популярные лица, каковым в настоящее время является высокий Чжан Цзолинь. Дать толчок к признанию народами этого вождя не представит особой трудности. Я, к сожалению, в настоящее время без хозяина. Семенов меня бросил, но у меня есть деньги и оружие.

Вашему Превосходительству известна моя ненависть к революционерам, где бы они ни были, и потому понятна моя готовность помогать работе по восстановлению монархии под общим руководством вождя генерала Чжан Цзолиня. Сейчас думать о восстановлении царей Европы немыслимо из-за испорченности европейской науки и вследствие этого народов, обезумевших под идеями социализма. Пока возможно только начать восстановление Серединного царства и народов, сопровождающихся с ним до Каспийского моря, и тогда только начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится, а если нет, то надо и его покорить.

Лично мне ничего не надо, я рад умереть за восстановление монархии, хотя бы даже и не своего государства, а другого. Я позволяю себе писать все это Вашему Превосходительству так откровенно и прямо, так как глубоко верю Вам и знаю, что Вы всем сердцем сочувствуете мне и искренно преданы нашему общему делу, а Вашим большим просвещенным умом виднее возможность скорого осуществления великих монархических начал, ведущих народы к спасению и благу.

Еще раз смею повторить, что я предлагаю свое подчинение высокому и почитаемому Чжан Цзолиню.

Взяв в Урге склад и оружие, прошу Ваше Превосходительство принять все мои запасы и интендантство в Хайларе себе и расходовать их по Вашему усмотрению.

Ожидая от Вас хороших известий, шлю Вашему Превосходительству свое глубокое уважение, преданность и сердечные пожелания успеха.

Генерал-майор

Прошу Вас не верить полковнику Лауренцу⁷⁵, он хотя и ранен, но бежал. Верьте сотникам Малецкому, Еремееву и Никитину из Маньчжурии.

Генерал-майор

город Урга. Марта 2 дня 1921 года. № 489

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 25–25об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 29–30.

[Письмо А. Погодаева Р.Ф. Унгерну]

Дорогой Роман Федорович,

посылаю к Вам нарочных — поручика Кржеминского и прапорщика Пушкирева, я хочу быть Вам чем-либо полезным. На днях здесь были агенты Чжан Цзолиня, которые явились почему-то сразу ко мне и просили помочь им открыть, каким

образом большевики сносятся с Югом, и поймать одного или двух из курьеров, что я им и выполнил с успехом в 3 дня. Кроме того, агенты все время интересовались Вашими делами и положением, насколько я смог, я им объяснил. Мое объяснение настолько, по-видимому, им понравилось, что они просили меня во что бы то ни стало написать это в письме генералу Чжан Цзолиню (копию письма я Вам прилагаю). В то же время, начальник гарнизона Маньчжурии Лям Пань⁷⁶, ставленник Чжан Цзолиня, все время добивается разными путями узнать, в каких отношениях Вы с генералом Чжан Цзолинем и, если бы Чжан Цзолинь попросил бы Вас выйти из Урги, то что Вы ему ответите?

Надо сказать, что китайцы страшно обеспокоены вашими успехами. Пекин дал распоряжение немедленно двинуть войска на Ургу и два генерала, как Цзао Куня, так и Чжан Суна⁷⁷. Несмотря на то, что Пекин уже уговаривался с красными о взаимных действиях против Вас, Чжан Цзолинь заявил, что в дела Монголии просит никого не вмешиваться и отверг всякие предложения красных и Пекина благодаря тому, что я здесь был оставлен при китайцах секретным агентом и совместными действиями наводил порядок здесь в Манчжурии. Я, по-видимому, вошел в их доверие старого штаба, но не генерала Чжан Х[уань]пыня. Поэтому, посылая нарочных, я думаю, что могу быть Вам чем-либо полезен и прошу меня точно инструктировать, как поступать мне: намекнуть ли полковнику Лям Паню относительно того, что он может ехать к Вам на переговоры, или это совершенно лишний вопрос. Вслед за нарочными посылаю Вам три (3) пулемета и немного патронов. Посылаю все это с содействиями Лям Паня и его адъютанта Шан Фугуана, по-русски Гвоздева.

В Маньчжурии большевики продают не только двуколки, ружья, патроны, пулеметы, но даже можно купить трехдюймовые пушки, продают это все те из большевиков, которые уже покончили или кончают с красными, и выбираются от них. Если у Вас есть нужда в чем-либо из оружия или патронов, присылайте деньги, я буду Вам постепенно отправлять. Также сообщите, нужны ли люди, какой состав — офицерский или казачий, или оба вместе.

Относительно дел атамана твердо сказать не могу. Я около месяца ничего не получал. Экстренная подготовка ведется, но на днях вернется отец из Порт-Артура, куда его вызвал атаман, и я срочно сообщу Вам последние новости. В Забайкалье, несмотря на создавшееся Учредительное собрание, царит террор, а после объявления мобилизации вся молодежь бежит в Монголию, старики же записываются в добровольцы в коммунистические полки, чтобы иметь винтовку в руках и вовремя постоять за себя, так как их совершенно раздели и обобрали товарищи коммунисты. Кстати, сегодня пришло известие, что от Тюмени, Акмолинска, Томска и [по] всему Уралу идут крестьянские восстания и Чита в большой тревоге.

Злостью дня у нас — это борьба двух партий: Чжан Цзолиня и противников, первый не соглашается на открытие границы⁷⁸, второй настаивает; чем кончится, пока неизвестно. На Ваше имущество наложен арест Губерником и, в противовес ему, чтобы это имущество не попало в руки жидов, наложили арест Беллино и Колумбо. Приехал Мордохович и остался недоволен тем, что Губерник наложил арест, так как пострадавшим является он, Мордохович, а не Губерник. Он обещал мне представить все документы о том, что Губерник давно выделен из дела и не имеет

права так поступать. Об этом прошу также меня инструктировать, так как Евтин в этом деле шляповат. Еще раз прошу полнее меня во всем инструктировать, а по выполнении я могу явиться к Вам с докладом. Моим посланным прошу дать немного денег, чтобы дать им возможность пока безбедно жить и работать здесь в Манчжурии. У меня здесь нет ни копыя, и поддержать никого не могу, т.к. в данный момент еле перебиваюсь сам.

Шлю наилучшие пожелания, готовый к услугам

[подпись:] есаул Андрей Погодаев

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 74–74об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 67–68.

[ПИСЬМО А. ПОГОДАЕВА ЧЖАН ЦЗОЛИНЮ]

документ №5 копия. Письмо к Чжан Цзолиню

Ваше Сиятельство,

ведя переговоры с Вашими агентами Гоу Хаушан[ом] и Лун Дицзи, давая им нужные сведения, я понял из разговоров о непонимании некоторых обстоятельств, а потому считаю своим священным долгом сообщить Вам нижеследующее: на днях бароном Унгерн[ом] была занята Урга, а злонамеренные люди распускают слухи, что барон поднял оружие против Китая. Зная барона давно, служа с ним много лет, я более чем уверен, что этого не могло быть. Опишу Вам по слухам обстоятельство, предшествовавшее этим событиям. Из Троицкосавска в Ургу пробралось более 300 человек коммунистов, большевиков — русских и китайцев. В течение не особенно большого времени почти весь китайский гарнизон был развращен; началось неподчинение офицерам, грабежи и даже убийства, и вот часть, оставшаяся верной китайским властям (кажется, все северяне), снеслись с бароном и общими усилиями были выбиты из Урги бунтующие войска⁷⁹.

[подпись:] Погодаев.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 80, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 69.

[ПЕРВАЯ НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОНГОЛИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ РСФСР⁸⁰]

Комиссару иностранных дел великой России

11 года 1-й луны 15 числа Его Святейшество Богдо-Джебцзундамба-хутухтахан вновь вступил в свои законные права, о чем Монгольское Правительство с радостью извещает Правительство великой России.

Монгольское Правительство позволяет себе напомнить Правительству великой России, что Россия всегда покровительствовала монгольскому народу и помогала ему добиваться автономии Монгольского государства. Монгольское Правительство заверяет, что свободный монгольский народ всегда останется любящим и дружественным великому российскому народу, всегда относившемуся к нему доброжелательно.

Монгольское Правительство полагает, что и теперь необходимо установить добрососедские отношения между великим русским и монгольским народами, тесно соприкасающимися границей на тысячи верст и связанными взаимными торговыми интересами.

Монгольское Правительство позволяет себе обратить внимание Правительства великой России, что в 1919 году китайскими генералами Сюй Шучжэном и Го Сунлинем дерзко были попораны права Монголии, затем, несмотря на попытки Китайского Правительства восстановить законный порядок, генералы Го Сунлинь и Сюй Шучжэн (соединившиеся с частью русских) ввели на территории Монголии войну, разоряя и грабя мирных жителей. Дерзость этих генералов и взбунтовавшихся солдат дошла до того, что они посягнули на самого Богдо-хутухту-хана, арестовав Его Святейшество, чем нанесли кровную обиду не только монголам, но и всем правоверным многомиллионным ламаистам от востока и до запада.

В настоящее время эти генералы с их войсками, попиравшими закон, права и правду, изгнаны с помощью русских, которые, как мы знаем, с Вами во вражде, из столицы Монголии. Вся Монголия теперь торжественно празднует счастливые дни освобождения, восстановления законных своих прав.

Монгольское Правительство слышало, что Правительство великой России сочувствует автономным государствам и стремится к самоопределению народностей, а потому полагает, что Правительство великой России разделит радость и поймет чувства, которыми воодушевлен монгольский народ после освобождения своего повелителя и восстановления Его Святейшества в своих законных правах.

Монгольское Правительство полагает, что враждебные Российскому Правительству русские войска не могут мешать дружественным отношениям России и Монголии, тем более что эти войска уходят на запад.

Монгольское Правительство слышало, что великий российский народ испытывает нужду в скоте, и полагает, что скорейшее заключение торговых договоров между Правительством великой России и Монголией будет желательно и принято обеими сторонами.

Монгольское Правительство будет счастливо, если представители Правительства великой России придут в Ургу для переговоров и заключения договоров, ибо оно полагает, что добрососедские отношения будут крепнуть и развиваться при открытии свободной торговли в обоих соприкасающихся государствах.

Монгольское Правительство питает надежду и полагает, что великий российский народ будет и впредь также дружествен монгольскому народу, а его Правительство, получив настоящее извещение и предложение, изыщет способ войти в тесное общение с Правительством Монголии для пользы и сближения двух великих соседних народов.

По уполномочию Его Святейшества Богдо-хутухта-хана

Председатель Совета министров

город Урга, марта дня 1921 года

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 41-42.

**[ПРОЕКТ ОТВЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР
НА НОТУ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОНГОЛИИ]**

Троицкосавск Борисову 928/III 30/III-21

Халха: Предложите Правительству послать Хутухте тысяч десять долларов на его личные нужды, тысяч пять мы наберем здесь, остальные изыщите на месте. От себя

пошлите ему же ценные подарки вроде парчи [с] указанием, что подарки от Наркоминдела. При вручении подарков следует устно передать, что правительство дружественной страны отнесется одобрительно [к] избранию Хутухты правителем всей Монголии и окажет благоустройству Монголии всемерное содействие, но это содействие задерживается присутствием [в] Монголии вора Унгерна и содружеством с ним некоторых монгол, и что дальнейшее пребывание Унгерна, угрожающее спокойствию приграничных районов, заставит, [к] сожалению, дружественную страну выступить не только против Унгерна, но и идущих с ним монгол самым решительным образом.

29 марта [1921 г.] Бородаевский

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 156.

[ОТВЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР НА НОТУ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОНГОЛИИ]

Троицкосавск. Борисову

<...>Халха. От Карахана⁸¹ получена телеграмма, предназначенная для передачи Хутухте, следующего содержания:

Обращение его [к] нам [о] помощи: мы не считаем возможным вступать в какие бы то ни было сношения с монгольскими организациями в Урге до тех пор, пока в этих организациях будут присутствовать белогвардейцы, которые стремятся использовать монгольскую борьбу за освобождение для своих монархических целей, для борьбы против Советроссии. Мы боремся за освобождение всех народностей, будем рады, если монгольский народ добьется своего освобождения, но мы убеждены, что истинные цели контрреволюционеров, окруживших ургинскую монгольскую организацию, совершенно противоположны нашим стремлениям, поэтому можем лишь посоветовать ургинским монголам, если они искренно желают сблизиться с Советроссией, скорее прогнать из Монголии русских контрреволюционеров, белогвардейских, семеновских офицеров во главе с Унгерном, известным чингинским истязателем, который подвергал истязаниям русских рабочих и крестьян. Советская Россия не может примириться с тем, что белогвардейские банды находятся на пограничной территории и поэтому, если монголы сами не удалят белогвардейцев, мы предпримем военные меры к полному уничтожению этих банд. Это нами будет сделано независимо от того, в какой части Западной или Восточной Монголии эти банды находятся. Предупреждаем об этом монгольское население, слагаем с себя ответственность, если вместе с белыми грабителями от действий наших войск пострадают и монголы, которые находились в сношениях с русскими контрреволюционерами⁸².

Сообщите содержание этой телеграммы Бодо и попросите передать ее через надежного человека Хутухте. Было бы хорошо, если бы передача содержания телеграммы произошла одновременно с передачей ему подарков, о которых Вам было протелеграфировано.

5 апреля. Бородаевский <...>

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 169.

**[ПРОЕКТ ВТОРОЙ НОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОНГОЛИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУ РСФСР⁸³]**

Комиссару иностранных дел великой России

Марта дня 1921 года Монгольское Правительство отправило дружественную ноту на имя Вашего Превосходительства с извещением о вступлении Его Святейшества Богдо-Дамба-хутухта-хана вновь в свои законные права. В этой ноте Монгольское Правительство выразило желание о начале переговоров по заключению торговых договоров с Правительством великой России, прислало своего представителя с предложением отправить для переговоров монгольского сановника в Россию к ее Правительству.

Я считаю необходимым высказать Вам некоторые свои соображения по поводу присылки Вашего представителя без документа.

Прежде всего, я полагаю, что правительства всех государств света на ноту отвечают нотою, что такой порядок установлен с древнейших времен между дружественными друг к другу народами и их правительствами. Не считая возможным скрыть от Вашего Превосходительства мое личное мнение, я позволю себе обратиться Ваше просвещенное внимание на мое опасение. Как бы Правительство монгольского народа не усмотрело недостаточно доброжелательного к нему отношения Правительства русского народа вследствие неполучения до сего времени соответствующей заверительной ноты. Кроме того, я также позволю обратиться Ваше внимание на то, что в ноте Монгольского Правительства от марта, отправленной Русскому Правительству по указанию Его Святейшества Богдо-гэгэна, были заверения, что монгольский народ всегда доброжелателен и дружителен русскому народу.

Я полагаю также, что настоящее законное Монгольское Правительство всегда в готовности отправить своего сановника для торговых дружественных переговоров к Русскому Правительству, если такое желание будет выражено общепринятой между всеми государствами нотой, соответствующей достоинству монгольского и русского народов.

Имея достаточные данные о том, что настоящее Русское Правительство желает вести международную политику открыто, отрицая тайные договоры и соглашения от народа, я позволю себе, пользуясь настоящим случаем, также совершенно откровенно высказать Вашему Превосходительству некоторые свои соображения по текущему моменту.

Монгольский народ во главе со своими князьями боролся за свое освобождение и восстановление поправленных Китайским Правительством законных прав Его Святейшества Богдо-гэгэна и законных прав своих князей.

Монгольский народ свято чтит своего богоданного Богдо-гэгэна и своих издавна поставленных князей, чтит свои обычаи, свои законы и свои исторические устои. Ими монгольский народ исстари счастливо, дружно, без вражды между собою жил, и ими будет жить, мирно совершенствуясь по пути, вышеуказанному Богом.

Со слов монгол, уехавших от <...>⁸⁴

Я знаю, что монголам, находящимся в пределах России и около границы, стараются внушить совершенно несвойственные монгольскому народу понятия. Эти

понятия принесут лишь вред и создадут взаимную вражду среди монгольского народа. До моего сведения дошло, что будто бы эти монголы, забывшие религию, даже образовали какое-то лже-монгольское правительство⁸⁵. Я вынужден совершенно откровенно высказать Вашему Превосходительству, что эти безумные монголы и лица, им покровительствующие, есть враги монгольского народа, враги свободной Монголии, враги того, что свято чтит каждый честный и правоверный монгол. Его Святейшество и наши князья вели всегда нас по пути религии, добра и чести, охраняя наше достоинство, наши исторические, веками сложившиеся обычаи и законы. Монгольский народ и его законное Правительство сознает, понимает, что процветание и развитие государства может быть только при доверии народа к Правительству при взаимной дружбе народа между собою, при почитании веками сложившихся обычаев и устоев, что взаимная вражда ведет к гибели государства, к потере чести и достоинства народа.

Я знаю, что монгольский народ, его Правительство искренне желает поддерживать истари сложившиеся доброжелательные отношения к русскому народу, поэтому всякое покровительство русских, оказываемое какому-то незаконному самочинному монгольскому правительству, будет принято как недоброжелательное отношение к только что вновь освобожденному монгольскому народу и Правительству.

Считаю также необходимым обратить Ваше внимание на то, что международные законы и обычаи не предоставляют права соседнему государству вмешиваться во внутренние взаимоотношения и политику его соседа, оказывая покровительство одной части его населения во вред другой, и вряд ли такое отношение может быть принято доброжелательно законным Правительством Монголии.

Не могу также не отметить того факта, что присылка в качестве русского представителя монгола, отпавшего от законного своего Правительства, по моему мнению, является чрезвычайно странным и непонятным. Во всяком случае, это событие не может рассматриваться как проявление дружелюбного отношения Русского Правительства к Монгольскому Правительству.

Высказывая Вашему Превосходительству настоящие мои соображения, я позволю себе думать, что Вы отнесетесь к ним с соответствующим вниманием и окажете свое благосклонное содействие устранению могущих возникнуть недоразумений и к установлению столь желательных добрососедских отношений, ведущих к пользе русского и монгольского народов.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 37–39.

[Нота правительства Монголии правительству Китая]

Передано есаулу Жамболону 2/III [1921 г.] на монгольском языке.

11 года 1 луны 15 числа Его Святейшество Богдо-Джебцзундамба-хутухта, хан Монголии, вновь вступил в свои законные права, о чем Монгольское Правительство, признавая суверенитет великого Китая, извещает Китайское Правительство. Монгольское Правительство поздравляет Китайское Правительство с избавлением от взбунтовавшихся войск генерала Го Сунлиня, которые попирали права высшего китайского сановника и нарушали законы Китая. Монгольское Правительство глу-

боко сожалеет, что стоявший за интересы Китая и его суверенной Монголии высший сановник Чэнь И был насильственно увезен Го Сунлином, [Чу Лицзяном]⁸⁶ в их войска из Урги. Монгольское Правительство письмом просит высокоуважаемого сановника Чэнь И возвратиться в Ургу и вновь вступить в свои законные права.

Монгольское Правительство заверяет Китайское Правительство, что факт открытия военных действий против войск генерала Го Сунлина и [Чу Лицзяна] не является попыткой отделиться от великого Китая или нарушить договорные отношения, а только лишь желанием восстановления своих законных прав и оказания помощи Китайскому Правительству против непокорных ему войск, учинивших насилие над высшим китайским сановником, арестовавших Его Святейшество Богдо-хутухтухана и позволивших грабежи мирного китайского и монгольского населения.

Монгольское Правительство сознает, что монгольский народ исторически неразрывно связан с судьбами Срединной монархии и что Автономная Монголия только под суверенитетом Китая может процветать и улучшать свое благосостояние. Монголы неоднократно пытались доводить до сведения Пекинского Правительства свои желания и нужды, но, к сожалению, до центральной власти ничего не доходило, а оставалось в руках военного управления, враждебного Китайскому Правительству.

Монгольское Правительство желает точно выяснить Китайскому Правительству все события, произошедшие на территории Монголии в последнее время, дабы неправильные и неверные сведения не дошли до Китайского Правительства, не повредили бы дружеским отношениям двух народов Срединного Царства.

Еще в сентябре месяце в горах около Алтана, откуда берут начало все реки, на русской территории были бои отряда барона Унгерна с войсками генерала Го Сунлина, затем в той же местности войска последнего соединились с красными, перешли монгольскую границу. Более трех месяцев эта война шла с переменным успехом на территории Монголии, причем все время монголы были беспомощными зрителями этой войны, разорявшей их страну, но в причинах и следствиях которой они были заинтересованы.

Монголы просили китайских генералов возвратить им оружие, чтобы прекратить эту войну, удалить русские войска и не быть в руках [Сюй Шучжэна]⁸⁷, в то время воевавшего против Китайского Правительства в Пекине. Ответа на их просьбу не было, тогда монголы вошли в связь с командующим русскими белыми войсками, чтобы точно выяснить его дальнейшие намерения. Командующий отрядом заверил монгол, что ведет борьбу не против законного Китайского Правительства, а против русских большевиков, объединившихся с войсками Го Сунлина и [Чу Лицзяна].

Совершенно естественно, что монголы не могли оставаться зрителями, когда на их земле ведется борьба, когда китайские военные власти посягнули на их главу, Его Святейшество Богдо. Монголы должны были избрать путь, наиболее соответствующий их достоинству и соответствующий историческим интересам Срединной монархии. Этот путь был один — выступить на борьбу с отрядом барона Унгерна против войск генерала Го Сунлина, попиравших права Китайского Правительства и чинивших грабежи и насилие.

Теперь, когда Монголия избавилась от генерала Го Сунлина и его войск, пребывание русских войск, как и всяких других, совершенно нежелательно, поэтому Монголь-

ское Правительство вошло в переговоры с начальником отряда бароном Унгерном, получило согласие и достаточные заверения об уходе его с отрядом на север. Монгольское Правительство настаивало перед бароном Унгерном на возвращении убытков, причиненных войною китайским купцам, но получило отказ, мотивированный тем, что китайские взбунтовавшиеся войска генерала Го Сунлина нанесли гораздо большие убытки китайским, русским купцам и другим мирным жителям Урги и Монголии.

Монгольское Правительство позволяет себе обратить внимание Китайского Правительства, что оно в течение всего 1919 г. вело переговоры с законным представителем Китайского Правительства Чэнь И об урегулировании взаимоотношений и более тесном единении Монголии и Китая. Эти переговоры были осенью 1919 года прерваны [Сюй Шучжэном] и его подчиненным, генералом Го Сунлином, которые арестовали законного представителя Китая Чэнь И и посредством ультимативного требования к Монгольскому Правительству и самому Его Святейшему Богдо-хутухта-хану, поддержанного военной силой, заставили не только отказаться от всех законных прав, но и подписать акт якобы своего добровольного отречения от них, причем печать к акту отречения была приложена не лично Богдо-хутухта-ханом и не по его распоряжению.

Монгольское Правительство знает, что Китайское Правительство не одобрило действий [Сюй Шучжэна] и его генералов, отозвало его самого и после его бегства назначило крупную премию за поимку его, а сановника Чэнь И восстановило в своих правах. К сожалению, надеждам монгол, что с приходом Чэнь И восстановится законный порядок и будет намечено военное управление Монголией, не суждено было осуществиться, ибо сановник Чэнь И не располагал лояльными китайскими войсками, не в силах был подчинить своей законной власти генералов Го Сунлина и Чу, враждовавших между собой и монголами, рассоривших мирное местное население китайское и монгольское.

Монгольское Правительство полагает, что Монголия в настоящую минуту находится в том же самом состоянии, в каком находилась в 1919 году в момент переговоров своих с сановником Чэнь И [о] более тесном взаимодействии Монголии и Китая.

Монгольское Правительство ясно видит и сознает то тяжелое финансовое положение, в котором Монголия теперь находится из-за действий генералов [Сюй Шучжэна] и Чу, а также жестокой войны с двумя последними в продолжении 5 месяцев.

Монгольское Правительство знает, что финансовая помощь невозможна и отдает себе отчет в том, что такая помощь может исходить только от Китая.

Монгольское Правительство верит, что Китайское Правительство не будет зрителем надвигающегося голода, со всеми страшными его последствиями, а протянет первое руку помощи своему брату, помогающему восстановить законный порядок, изгнать генералов, враждующих между собою и нарушивших интересы и Китая, и Монголии. Монгольское Правительство позволяет себе с радостью отметить тот факт, что восстановление попорченного китайскими генералами законного порядка было приветствовано всем населением Урги и китайскими торговыми старшинами, которые видят в нем залог к восстановлению торговли и промыслов, важных для Китая и монгольского населения⁸⁸.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 34, л. 7–9; ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 47, л. 58–61; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 34–36.

[УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ Р.Ф. УНГЕРНА В МОНГОЛИИ В ФЕВРАЛЕ 1921 Г.]

Из Иркутска <...> Получена 2/2/[19]21 г. <...>

Москва, Карахану, копия: Интернационал Бергу для Бронштейна, Абрамсона⁸⁹

События в Монголии, по последним данным, идут, как намечалось секцией⁹⁰ в предыдущих сообщениях. Отход националистических элементов, контакт их с Унгерном, следовательно — и с Японией — уже почти совершившийся факт, конкретно выражающийся в форме вооруженной и иной помощи Унгерну. Благодаря [Монгольской] Народно-революционной партии, в силу неполучения оружия, определенных указаний с нашей стороны, ограничивающейся лишь организационно-агитационной работой, протекающей в чрезвычайно ненормальных условиях, под двойной угрозой со стороны китайских властей, объединившихся русско-монгольских реакционеров, [пропуск] промежуточных слоев — начинает принимать опасно широкий характер. По проверяемым сведениям, прославившийся еще в [190]7-ом — [190]8-ом гг. кровавой борьбой против маньчжуров, другой не менее известный партизан, Баир-тайджи, герой освобождения в 1910 г. Западной Монголии, недавно заявив сочувствие Народно-революционной партии и готовность [встать] во главе вооруженных сил партии, примкнул к Унгерну, объявивш[ему себя] перешедш[им] [пропуск] в монгольское подданство. Беженцы-буряты Урги, прибывшие недавно из Забайкалья, передают, что не менее известный партизан Монголии [Дамби-Джамцан]⁹¹, выданный в свое время императорской России за оппозицию в русской империалистической политике Монголии, затем сосланный царским правительством в Якутскую область, имеет связь с Унгерном.

По вине китайских репрессий и технического бессилия Народно-революционной партии для организации своих военных сил, Унгерн, выкинувший лозунг национального освобождения Монголии, объявивший ответный террор китайцам, оказывающий наглядно своими операциями против китайцев под Ургой, возобновленными в середине января, свои заверения, обещания, разбрасываемые с аэропланов среди населения, поддержанный видными князьями, как Цэцэн-хан, старыми партизанскими вождями, будет представлять, уже представляет в настоящий момент в Монголии единственный центр, куда невольно направляются взоры расстреливаемых и разграбляемых монгольских масс. Если в ближайшем году этому центру не будет противопоставлен другой центр, несомненно, с каждым днем будет расти, захватывать [пропущено] массы. Нет сомнения, что в дальнейшем нашем бездействии произойдет раскол Нар[одно-]революционной партии, отход ее умеренного крыла, может быть даже изменение ориентации всей партии.

Усиление Унгерна в Монголии приобретает, помимо международного значения, внутренний опасный характер для нас, в связи с политическим положением Дальневосточной республики. По последним достоверным сведениям, положение Забайкальской области критическое. В Учредительное собрание проходит явно черносотенный учредительский элемент: кулаческо-реакционное, старообрядческое крестьянское Прибайкалье, насчитывающее 50000 душ, организовало кадет[ско-]эзровский крестьянский союз, пытается войти с связь с реакционными элементами бурят-монгол. В районе Троицкосавска были вооруженные выступления этих

крестьян. Выступления подавлены. Пограничное население Монголии настроено явно семеновски, несомненно, имеет связь с Унгерном. Благодаря неопределенности политической линии правительства Дальневосточной республики, полному игнорированию партийно-советских течений бурят, монгольской интеллигенции, в руководящих национальных органах бурят-монгол наблюдается засилье эсэровско-буржуазных элементов, энергично ведущих антипартийную, антисоветскую работу.

Положение Амурской области, бывшей красно-партизанской, почти аналогичное с положением Забайкалья. Более твердое положение в Приморской области объясняется непосредственностью давления Японии. В конечном итоге, Учр[едительное] собрание Дальневосточной республики может не дать большинства нашей партии, или незначительное большинство, что должно еще более осложнить положение Востока. Выводы из предыдущих сообщений остаются в силе. Необходимые меры приобретают еще более срочный неотложный характер, в частности, необходимо немедленно предписать Реввоенсовету 5 срочную высылку Нар[одно-]революционной партии возможно большего количества винтовок, пулеметов, легких пушек, командирований, инструкторов, и принять меры по вопросу дальнейшего снабжения.

Замуполкоминлдел Гапон

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, н. 192, д. 52187, л. 6.

Сообщение И.Н. Смирнова и Б.З. Шумяцкого Г.В. Чичерину об угрозе РСФСР со стороны Р.Ф. Унгерна

г. Омск 25 февраля 1921 г. Москва Наркомотдел Чичерину

В связи с движением Унгерна в Монголии, угрожающего уже нашим границам на линии Кяхта–Маймачен, опирающегося на Японию и ориентирующегося на часть владетельных, реакционно настроенных, совершенно непопулярных монгол[ских] князей, создается возможность с помощью партизан[ских] отрядов Монгольской нар[одно-]рев[олюционной] партии, снабдив их оружием и воен[ными] инструкторами, занять пограничную с нами часть Монголии и провозгласить там действительную независимость Монголии, вовлекая этим часть беднейшего и среднего монгольского элемента и мелких князей, ориентирующихся на Совет[скую] Россию, на борьбу с иноземным нашествием белогвардейских банд Унгерна. Этим самым будет разрешен вопрос об охране русско-монгольской границы и возможность нашего проникновения в Монголию путем создания в ней власти Монгол[ьской] нар[одно-]рев[олюционной] партии, ориентирующейся на Сов[етскую] Россию.

Одновременно сообщаем, что отступающие к нашим границам под напором Унгерна деморализованные кит[айские] войска и кит[айские] сановники обратились официально к Гапону, как представителю РСФСР, о совместной охране границ и снабжении их оружием, огнеприпасами. По этому поводу считаем необходимым, чтобы Гапон официально ответил кит[айскому] сановнику, что с подобной просьбой надлежит обратиться в ДВР, как граничащей с Монголией, вместе с тем представляя им полное право убежища и свободу следования в Сов[етскую] Россию как политбеженцам, одновременно с сим соответствующие указания нами сделаны в этом направлении ДВР. Полагаем, что иного решения по данному вопросу

быть не может, ибо теперь налицо благоприятные условия для закрепления нашего влияния в Монголии и полная возможность таким путем создать заслон против Унгерна из Монголии, который мы в силу международных условий и слабости воен[ных] сил 5 армии сами там создать не можем.

Просим срочного ответа и такого же срочного предложения Дальбюро согласовать свои действия с этим планом, так как вследствие срочности вопроса и наличности реальной угрозы вторжения Унгерна в Кяхту, мы уже встали перед лицом необходимости дать разрешение 5 армии и руководимой Даль[не]вост[очным] секретариатом Коминтерна Монгольской нар[одно]-рев[олюционной] партии немедленно приступить к исполнению настоящего плана. № 24/А.

Предсибревкома Смирнов

Уполкоминтерна Дальвостока Шумяцкий

И.Н. Смирновым дописано: Копия Предсовнаркома Ленину

ГАОУ, ф. 1, оп. 2а, д. 24, л. 34, отпуск; ПАОУ, ф. 1, оп. 2, д. 12-а, л. 1, копия. — Цит. по: Малышева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.204–205.

**Записка по прямому проводу И.Н. Смирнова и Б.З. Шумяцкого
Г.В. Чичерину о создании Монгольского государства и включении
в него Урянхайского края**

2 марта 1921 г. Москва Наркоминдел Чичерину. Копия Предсовнаркому Ленину.

В соответствии с принятым Вами осенью решением оказать реальную помощь Монгольской нар[одно-] рев[олюционной] партии в деле восстановления независимости полагали бы необходимым, чтобы независимая Монголия включала в свой состав и Урянхайский край⁹². Таким путем легче осуществить цели освобождения Монголии, так как Нар[одно-]рев[олюционная] партия сделает одновременно переворот не только в Северной, но и в Западной Монголии. Нам же это даст усиление влияния на Монголию, не связывая рук, ибо в Урянхае в любой момент могут пойти на отделение от Монголии, если международное ее положение станет складываться не в нашу пользу. Включение Урянхае в состав предприятия укрепляет наши силы и придаст определенную устойчивость правительству, образованному Нар[одно-]рев[олюционной] партией.

Конкретный план организации Монголии предлагаем такой. Объединенная Монголия объявляется трудовой народной республикой и все ее части на основании федерации слагаются в единое целостное государство с единым аппаратом военного и хозяйственного управления и иностранных сношений и с федеральными сеймовыми органами управления внутреннего. Для окончательного оформления по завоеванию власти созывается Великий Освободительный съезд всех пяти сомонов Внешней и Внутренней Монголии, на котором вырабатывается Конституция страны. Правительство конструируется из пяти лиц, из состава наиболее надежных членов Нар[одно-] рев[олюционной] партии во главе с ее лидерами Бодо и Чойбалсаном, в состав которого входит и один популярный урянхаец. Правительство называется Советом народного управления объединенной Монголии.

Мы считаем, что осуществление этого плана даст нам возможность силами Монголии начать борьбу с Унгерном. Полагаем, что формального признания независимой объединенной Монголии с нашей стороны не надо, так как иначе это свяжет в отношении Урянхая. Торговать же с объединенной Монголией мы можем начать и без признания, сразу же по завоевании власти Нар[одно-]рев[олюционной] партией и даже в процессе борьбы за нее. Просим дать немедленный ответ относительно Урянхая: включать или нет его в эту комбинацию. № 103/б.

Предсибревкома Смирнов

Уполкоминтерна Шумяцкий

ГАНУ, ф. 1, оп. 2а, д. 24, л. 40. Отпуск. — Цит. по: Малышева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.208–209.

[ВЛИЯНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ МОНГОЛИИ Р.Ф. УНГЕРНОМ НА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТИБЕТЕ]

Тибет: положение обостряется.

Владивосток, 5-4. По поводу положения Тибета китайская газета пишет, что правительство получило телеграмму Чжан Цзолиня от оккупационного комиссара Сычуань Скирских пограничных округов, согласно которой положение внутреннего и внешнего Тибета в связи с монгольскими событиями обостряется. По предложению Хутухты, Далай-лама и Паньчен-лама⁹³ лама обменялись телеграммами с делегатами ургинских властей. Детально разработан заговор против центрального правительства. Недавно оба ламы встретились в Калхассе⁹⁴ для обсуждения положения. Ими решено было ввести в Тибете самоуправление и двинуть войска в Сычань-Абим⁹⁵ к границам. В ответ правительство просит генерала разобраться в степени приверженности лам к правительству, сообщая об общем положении, чтобы в случае восстания правительство могло двинуть в Тибет войска.

“Советская Сибирь” (Новониколаевск), № 76 (445), 9 апреля 1921. С.2.

[СВОДКА О ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И МОНГОЛИИ НА МАРТ 1921 Г.]

М.В.Д. Нач. Прибоблот. Госполитохр. Д.В.Р. 19 марта 1921 г.

Двухнедельная информационная сводка Прибоблотдела госполитохраны за время с 1-го по 15-е марта включительно

Иркутск Берман

<...> Троицкосавский район: Настроение населения данного района — рабочих, крестьян, служащих и инородцев в связи, с одной стороны, [с] Учсобрание[м], с другой — занятие[м] Урги и авантю[рой] Унгерна приподнятое, каждая группировка — в свою сторону, резче видно кого, куда влечет. Контрреволюционеры воспряли духом и ждут, не дождутся Унгерна. Часть погранично-казачьего населения в лице Унгерна видят своего спасителя. Несчастное чиновничество, каковым являет-

ся большинство населения города Троицкосавска, наплывшего из разных концов, спасаясь от большевиков, Унгерна боится, также не переваривает коммунистов, и все свои чаяния возлагает на Учсобрание. Крестьянство все, нерасслоившееся все еще, благодаря буферной обстановке, ждет от Учсобрания всех земных благ и всяких свобод; понятно, всякая группа понимает свободу по-своему. <...>

Троицкосавский район: По сведениям, в Троицкосавске существует нелегальная противоправительственная организация — партия чисто монархическая, численность неизвестна. Социальный состав — местная буржуазия. Отношение [как] к власти, так и к партии коммунистов враждебное. Замечались воззвания к восстанию против существующей власти. Лозунг — борьба против коммунистов. Популярностью среди населения среди буржуазного класса пользуется в широком масштабе. Среди бедноты доверия не встречает. Цели организации — насадить противоправительственные группировки по данному району. Некоторые агенты занимаются скупкой оружия, часть организации открыта, участники организации арестованы, главари скрываются. <...>

Верхнеудинский район: Среди рабочих данного района распространяются ложно провокационные слухи, что будто Унгерн взял Троицкосавск и в скором времени займет Верхнеудинск и Иркутск. Вышеупомянутые провокационные слухи распространяются агентами правых партий в большинстве случаев. Ведется антиправительственная агитация бывшими офицерами и добровольцами Белой армии. <...>

Троицкосавский район: По полученным сведениям, в городе Троицкосавске имеется организация нелегальная. <...> Провокационные слухи, как и везде, распространяются в самом широком масштабе. В связи с развитием успеха бароновских войск во Внешней Монголии, имеют благоприятную почву слухи самых нелепых смыслов, что будто барон взял Мысовую, Култук и наступает на Иркутск.

Баргузинский район: <...> Среди крестьян и кулачества и др. ведется усиленная провокация, распространение ложных слухов об успешном походе барона Унгерна на советские войска и намерении Японии воевать с Совроссиею <...>

Петро-Заводский район: По поступившим сведениям, в районе Петро-Заводска ведется широкая агитация против Р.К.П. как орган[а], стоящего у власти и не умеющего работать в продовольственном направлении. Среди большинства населения возникает вопрос о декрете, не признающем частной собственности, в то время как сами коммунисты отбирают чужое и для себя, в первую очередь, и грабят. В большинстве случаев, как говорят, виноваты комиссары-евреи. Отношение населения к партии Р.К.П. враждебное. <...> Коммунисты очень плохо ведут политику: если бы они были хороши, не было бы барона Унгерна и Восточного фронта. <...> Среди населения из уст в уста передаются ложные слухи о сдаче какой-то советской дивизии барону без боя. <...> По поступившим сведениям, в районе существует заговор, количество участников в заговоре незначительно. Социальный состав — добровольцы Белой армии и офицерство. <...> Ожидают барона Унгерна, установлена слежка. <...>

По агентурным данным, в двух первых боях под Ургой у Унгерна убитых 150 человек, обмороженных 30 человек. <...> Отступили на речку [Тэрэлдж], где стояли 8 дней, потом поднялись выше по той же речке. Здесь к ним присоединились 70 чахаров из отряда полковника Архипова и 80 человек русских, почти все без винто-

вок. Барон с ними всегда был вместе. Приказы он издавал часто словесные, а писанные рукой очень редко. Его личный палач — прапорщик Евгений Бурдуковский. <...> Сам барон — генерал-майор, как командир большими силами не может быть, ибо допустил массу ошибок, и как человек ненормальный. У него штаба не имеется, а действует один самостоятельно. Приказы Семенова, которые получал в Акше, рвал, и ругал Семенова нецензурными словами. <...> У барона связь только с монголами, так что он посредством монгольских князей знает, что творится в окрестности на расстоянии 200 верст. С Семеновым, Хайларом и Маньчжурией связей не имел. Даже Акша и Менза не знал, что заняты красными. <...>

После первой осады [Урги бароном] О.А. Парняков познакомился с председателем военно-полевого суда Ю Ин, через которого областная управа имела возможность снабжать продуктами заключенных, где была часть красных. Деньги собирались по подписным ластам, собирали 700–800 долларов, которые больше всего подписывали евреи. Флаги ДВР, привезенные тов. Юриным, приняты ими же, были китвластями сняты на третий же день после первой осады. Товарищ Парняков, посоветовавшись с нач. предуправой Поповым, поднял их, которые висели до занятия Урги Унгерном. Поднятие флагов толковалось как признание Китайской республикой ДВР и это имело сильное впечатление на противников ДВР. Между первой и второй осадой прошло много времени, но, несмотря на промежуток и все хлопоты о пропусках на Калган и Кяхту, наши представители демократических организаций китайцам в пропусках отказывали. Буржуи же с американцами устраивались. <...>

Подлинную подписали: Нач. Приоблотдела Госполитохраны Букау

Нач. Информреготделения Виноградов

С подлинным верно: Делопроизводитель Информотделения

Настоящая сводка рассылается: Гупро, Иргубчека, Облком Верхнеудинск, Троицкосавск и Баргузинск для прочтения

РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 174, л. 32–55об.

[Письмо подполковника Лауренца Р.Ф. Унгерну 1 февраля 1921 г.]

Начальнику Дивизии. 1 февраля 1921 года. г. Ургон

В Урге в настоящее время находится Мэрэн-Дугартан⁹⁷ с войском, большинство бурят, мобилизует монгол. Приехал вчера Джа-тусулакчи со своими монголами, остается здесь.

Буин-Ульзы-захиракчи переехал сегодня и говорит, что Цыбена поймать не мог. Цыбен уехал два дня до приезда Дугар-Мэрэна в Ургон, прячется он по всей вероятности у баргутов, с ним один баргут-лама, который накануне отъезда Цыбена приехал со стороны Хайлара, куда его отправлял Цыбен на разведку. Цыбен был предупрежден, что его Дугар-Мэрэн должен арестовать, и всячески стремился втянуть меня и офицеров оставшихся после полковника Львова в предполагаемую перестрелку с Мэрэном. Увидев, что мы ему помогать не будем, он поздно уже в темноте уехал, была пурга, куда неизвестно, может быть, поедет с бумагами дальше Хайлара.

[Под]полковник Циркулинский и я скрылись с ними у Галипова, чтобы лучше выехать оттуда. Хотели ехать на Хайлар, но из-за сильного снега вернулись. В Ур-

гон вернулся и Цыбен. Что Цыбен делал до нашей встречи у Галипова, не знаю. В дороге мы все время удерживали его от всяких выходов. Освобождению арестованных помешать не могли, сделал он это, не предупредив нас.

Атаман, по последним известиям, в Никольске⁹⁸. В Маньчжурии порядок только в Никитинском, живут и комиссары и генералы. Все, кто приезжает из Забайк[альской] обл., туда ни за что не возвращаются. Беженцев в Маньчж[урии] кормят, говорят, будут кормить до мая. В Маньчж[урии] говорят, что идет дивизия японцев.

Ив. Арт. Деревцов живет у Пастухова на низах Керулена, бывает и в Маньчж[урии]. Колобов уже давно сидит под арестом у китайцев за убийство конокрада-большевика, говорят, что есть надежда, что выпустят.

Положение жидов в Маньчжурии очень плохое, переезжают в Харбин, заготовили много мяса, купить никто не покупает, а у большевиков золота нет. Точно знаю, что положение Мордоховича очень не важное. Он, говорят, наложил арест на Ваше интенданство. В газетах писали, что взято, кроме того, и передано китайцам 36 бочонков пороха Азкондивизии, и что Евтин старался выхлопотать их, но ему это не удалось.

Посылаю Вам шесть коробок папирос Лопото, их тут немного у татарина-торговца.

Подполковник [подпись:] Лауренц

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 9–12, рукописный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 63–63об.

[Письмо подполковника Лауренца Р.Ф. Унгерну 7 февраля 1921 г.]

Начальнику Дивизии. 7 февраля 1921 года. гор. Ургон

Беженец из Кулусутая Алексей Зябликов (был в Даурии у Вас с монголами относительно табуна Манлай-вана). Предлагает Вам для отряда ичиги и сапоги, образец ичиг вам препровождается. Стоимость: одна пара ичиг с доставкой в Ургу приблизительно 8 руб. золотом, 1 пара сапог казенного образца 10 рублей зол. приблизительно, в зависимости от партии (обувь Хайларского завода, Читинского, Акулова). Обувь уже готова. Зябликов послал уже за 100 пар ичиг и некоторое количество сапог, как казенного, так и русского образца лучшего качества с острыми носками, стоимость последних до 15 руб.зол. Если Вам нужны винтовки с патронами, то здесь можно наладить покупку их или обмен на лошадей и т.п. Монголы Манлай-ванского хошуна имеют много трехлинеек, кроме того, у них винтовки от каппелевцев. Меняют они одну винтовку на 100 патронов, между собой на хорошего коня т.е. 25–85 юан-ген. Мне говорили, что около Кулусутая большевики продают винтовки по 25 рублей. В Маньчжурии много оружия. Готовы в одном месте 18 револьверов и воз винтовок. Зябликов берется их доставить в Ургон. Всяких медикаментов в Маньчжурии очень много после прихода войск. Доктор Бережков⁹⁹ практикует в Маньчжурии. Большевики продолжают аресты семеновцев: так, увезли недавно двух абогайтуйцев и арестовали 25 человек шакханцев, из них человек 5 служивших ранее в Даурии. Мэрэн говорит, что Вам нужен бензин, можно попробовать достать из Маньчжурии. Ниже по [Керулену]¹⁰⁰ на сто и верст 30 в сторону должны быть табуны и скот Мордоховича, Гороховского и др. жидов. Они накоси-

ли сено и даже возят в Маньчж[урию]. Есть тут хорошие монголы, которые дадут точные данные. Прилагаю одну газету, их здесь почти нет.

Подполковник [подпись:] Лауренц

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 39–40 об, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 70.

[ПИСЬМО ВОЙСКОВОГО СТРАШИНЫ ТЕЙХАЕВА¹⁰¹ Р.Ф. УНГЕРНУ]

Его Превосходительству Роману Федоровичу.

Шлю Вам душевный привет и желаю Вам блестящего успеха в целях, главное — здоровья. Я с женой скитаемся по Монголии, бросив на произвол судьбы все свое благосостояние. Борьба за общественность наградила меня многочисленными врагами, с которыми связал свою судьбу. Она может быть опорой, поддержкой [в] стремлениях общества, но может быть оказаться также и свинцовой гирей, приковылающей к месту, стесняющей каждое мое движение. Кроме смерти все испытываю. Найдан Дамидинович был арестован и увезен большевиками в Читу, судьба его неизвестна, здоровье мое не совсем хорошее. Если благоволите считать меня нужным, то смогу служить Вам.

В ожидании благоприятного распоряжения, с приветом

Войсковой старшина Тейхаев

[Сан-бэйсэ]¹⁰² 11/II-1921 г.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 62.

[ПИСЬМО А. КОСТРОМИНА¹⁰³ Р.Ф. УНГЕРНУ]

Дорогой Роман Федорович,

шлю Вам и Вашему войску привет, желаю успеха и здоровья. Я атаманом назначен его представителем [в] Маньчжурию [и] Хайлар. Приехал сюда 10 февраля 1921 года.

По дороге из Порт-Артура я встретился с полковником Львовым, узнал малость кое-что о Вас, и поспешил сообщить кое-что о нашей армии и ее положении. 1) Части армии пришли и стоят в Уссурийском крае, идет между главковерхами грызня, но, слава Богу, понемногу дела улаживаются. Атаман ведет переговоры [с] иностранцами и по последним данным выясняется, что приходят к кое-какому соглашению. Я устраиваю беженцев, которых [в] Маньчжурии и Хайларе и за Аргунию тысяч 12, понемногу вооружаю, веду разведку [в] сторону красных, собираю сведения, где они и сколько их, что они намерены делать, и вот 12 февраля я получил сведение, что отряд [Каландарашвили]¹⁰⁴, который стоит от Нолосутая до Мензы, намерен [в] половине марта двинуться к Урге на помощь китайцам, осажденным в Урге.

Сегодня я виделся с ламой Цыбен[ом], который уговорил ехать раньше Пекина в Порт-Артур, с ними отправляю [в] качестве сопровождающего Цыдыпова¹⁰⁵, они 15 февраля выезжают из Хайлара. Роман Федорович, я устраиваю с Вами связь, которая будет числа 20 февраля закончена. Все сидящие главковерхи в Хайларе о Вашем существовании забыли. Я помогаю полковнику Евтину выручить арестованные вещи, склады, но вся беда в том, что на них намерен наложить руку генерал Бирюков, хотя у меня есть бумажка от атамана забрать от него все, но под этим подразумевается все имущество, кроме Вашей Азиатской дивизии. Сегодня я отправляю в [Порт-]Артур человека просить денег, чтобы купить для Вас патроны.

Если пришлют, то куплю и отправлю, а также есть один аэроплан. Со мною вместе работают полковник Пешкин, есаул Еремеев, Жуч, войковой старшина Рожнев, я в марте пошлю его [неразборчиво].

Привет от атамана и атаманши [и] меня всем знакомым.

12/II-21 года гор. Хайлар

Искренне уважающий Вас, Костромин

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 12–13а, рукописный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 15.

[ПИСЬМО Г.М. СЕМЕНОВА Р.Ф. УНГЕРНУ 28 ФЕВРАЛЯ 1921 Г.]

Письмо 28/II (Ванданов¹⁰⁶)

Японцы жмут на людей с долгами, иначе отбирают в Хунчуне недвижимость. Сокращение армии.

Экспедиция под командой сына генерала Чжан Цзолина, [19]21 г. Состав: 341 кавалерист со 180 лош., 525 артиллер. с 4 пуш., 4 сн. ящ., 600 снар., 233 лошади, 350 шт. пехоты; пулем[етная] рота в 139 чел. 18 февраля она прибывает в Харбин. С уходом председателя Сов[ета] министров и всего кабинета возможно, что Цао Кун будет в оппозиции Чжан Цзолиню.

Япоша строит свои планы в Маньчжурии и в полосе отчуждения КВЖ[Д] на Мнх. и Чжан Цзолине, стремится поддержать нас. С американцами веду переговоры о принципе открытых дверей в Монголии. От Найман-вана¹⁰⁷ и Барги у меня есть уже согласие. Найман-ван начинает движение к Халхин-голу, я ему дал средства и директивы двинуться по сосредоточении в твое распоряжение. Он уверен в 3000 всадников.

Политика Ам[ерики] выжить Японию с материка. Признание независимой Монголии — Ирландией, Амер[икой] и Мексикой. Чжан Цзолинь решил воевать с большевиками вместе со мной, если помогут японцы. Адрес мой — Ирдени Алмаз Вачир. Обмун[дирование] — оружие — гарантия на 5 лет. Баргут[ам] дано распоряжение мобилизовать, идти в твое распоряжение. Большевики хозяйничают на юге Китая, и захватили часть Илийского края¹⁰⁸. Анненков в провинции Ганьсу, думаю его направить в Кобдо, Федоров продал, украл, о чем знает Жуковский.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 16–16а, рукописный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 40.

[ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА А.К. ЕРЕМЕЕВУ 1 МАРТА 1921 Г.]

Сотнику Еремееву. С Алексеевым

Посылаю Вам настоящее письмо с ... примите его приветливо, но будьте с ним осторожны, не доверяйтесь. Не верьте также Лауренцу, о чем сообщите генералу [Чжан Куню]¹⁰⁹.

У меня большой недостаток в специалистах-техниках. Немедленно разыщите и отправьте в Ургу:

1) Инженера, начальника участка, который пилил дрова и гнал скипидар на Оловянной {ему известен способ выработки стеклянных пуль и поэтому его присутствие здесь является крайне необходимым}.

2) Электротехника, который строил электрическую станцию в Даурии. Им обоим посылаю зоры¹¹⁰ на проезд на уртонских¹¹¹ лошадях до Урги. По этой уле¹¹² они могут ехать на переменных лошадях, меняя их в любой юрте Халхи.

3) Оба Эповых, оба косил[и] у меня сено.

4) Бережкова, если он не обуржуился.

5) Слесарей 1 и 2 руки из числа безработных и голодающих. Им — слесарям — купите верблюдов и отправьте сюда.

Передайте Никитину Аркадию Николаевичу, что его приезд в Ургу является также очень желательным. Вместо себя оставьте Малецкого; последнему я вышлю денег: предупредите его, чтоб он не тратил их на юбки.

Я нуждаюсь в порохе и патронах. Пусть Колобов попробует организовать скупку и отправку патронов, пустых гильз трехлинейных, пороха и бертолетовой соли. Хотя лучше было бы сделать это через [Чжан Куню]. Бертолетова соль должна иметься в Харбине. Какая на ней цена? Мне требуется, по крайней мере, полмиллиона патронов. Сохранились ли холостые патроны? Хорошо было бы их оставить мне. Где Тымынза, нельзя ли его с сотней солон¹¹³ нанять и поручить ему доставку мне этих припасов? Все расходы уплачу наличными деньгами — серебром.

Пощупайте [Чжан Куню], не приедет ли сюда начальник хунхузов, его знакомый, бывший полковник? Что желает Чжан Цзолинь? Хорошо бы через [Чжан Куню] начать торговлю. Барыши пополам. Получил ли [Чжан Куню] мое письмо, в котором я предлагал ему орудия? Когда ему выслать 2 орудия 1900 г., 1 орудие 1877 г. и 1 горное орудие, 1 пулемет? Все мои склады передайте [Чжан Куню] в подарок. Если Чжан Цзолинь считает себя в состоянии войны со мной, конфискуйте все, кроме медикаментов.

В настоящее время в Урге исправно работает радиостанция. Хорошо было бы связаться и переговорить мне лично с [Чжан Куню]. Он это может сделать со станции между Хайларом и Хинганом, около Хингана ближе к Хайлару. В случае его желания сделать это, пусть эта станция предварительно пытается в течение 2–3 дней вызвать мою станцию азбукой Морзе медленным темпом, позывами: “уг, уг, уг” трижды, затем повторяя каждое слово. Вызовы должны производиться в 12 ч. дня по ургинскому времени. Семенову об этом не говорите.

Если Гр. в Пекине, то возьмите заимообразно у Жуча 2000 золотом или серебром денег, или у Аркадия Николаевича и пошлите их ему. Пусть с удвоенной энергией начнет работать. Хотел бы выслать деньги также Вам 300 и Малецкому 500 рублей золотом, но посылка денег может Вас скомпрометировать. Лучше уж одолжиться Жучу. Деньги я ему возвращу немедленно.

[Чжан Куню] сказать, что беспроволочный телеграф может только работать с вышеназванной станции, и только раз или два всего. Она испорчена. Сами приезжайте ко мне, без семейства. Шифр пришлите свой новый. Нужны артиллеристы — офицеры хорошие, удалые, знающие.

1/III [1921 г.] № 487

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 5–5а, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 79–80.

[ПИСЬМО А.К. ЕРЕМЕЕВА Р.Ф. УНГЕРНУ]

Литер “А”.

Ваше Превосходительство,

Ваше письмо получил 15/III-21 г. н. ст. Все Ваши приказания постараюсь исполнять. Инженер Шванковский на службе в копиях на Чжалайноре, постараюсь

уговорить. Коровяков служит в Харбине, обременен семьей, возможно не пойдет. Эповых обоих, Маркова слесаря вышло на днях. [Чжан Куню] ушел с войском, с двумя пушками воевать с теми хунхузами, о которых я вам писал с Львовым. Связи генерал с Хайларом никакой не держит. Ехать к нему — карантин в Цицикаре 15 дней из-за чумы, да и не пропустят. Стало труднее связываться. Китайцы здорово давят. Числа 8/III-21 г. Циркулинского, выехавшего к вам из Маньчжурии, арестовали в 25 верстах от города, посадили, говорит пытаются. Нанял Нарышкина освободить, так как он дружен с Чжан Хуаньпынем. Результаты пока неизвестны. Патронами и бертолетовой солью буду действовать через атамана. Что делать с машинами? Везти на них до первого уртона на Буире¹¹⁴ — много шуму, можно попасться. Склады до сих пор не освобождены. Гражданские власти, арестовавшие их, почти не считаются с военными, так что [Чжан Куню] ничего не сможет сделать для их освобождения. Никитин пока в Маньчжурии. Должен на днях выехать по поручению Чжан Хуаньпыня к Чжан Цзолиню. К Вам, наверное, пока не поедет. С Марковым отправлю свой шрифт.

Сотник Еремеев. 21 марта н. ст. [19]21 г. г. Хайлар
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 36, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9.

[ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА А.К. ЕРЕМЕЕВУ 26 МАРТА 1921 Г.]

марта 26 дня 1921 г. Копия. Сотнику Еремееву.

Сто раз буду Вам писать, чтобы Вы приезжали. Оставьте за себя Малецкого, как для связи с генералом [Чжан Куню], так и для устройства дел. Львов пишет, что атаман Семенов перевел деньги. Покупайте на них трехлинейные патроны (японских не надо), пустые гильзы, главным образом капсюли, снаряды трехдюймовые и порох.
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 64, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 88.

[ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО ЛИЦА¹¹⁵ Р.Ф. УНГЕРНУ]

Кому: Начальнику Азиатской дивизии
Куда: Действующая армия
Время: 20 марта 1921 года.

В Хайлар прибыл 15 марта. Письма мною были переданы в этот же день. [Чжан Куню]¹¹⁶ в начале марта уехал преследовать сильную партию хунхузов, появившихся между Цицикаром и станцией Аньда. Письмо ему до сих пор не отправлено; Еремеев говорит, что на чумном карантине в Цицикаре придется сидеть 14 дней, если ехать без разрешения китайского штаба, и он ждет сопровождающего китайца, с которым повезет письма 23 марта.

Генерал [Чжан Куню] хотел здесь передать власть монголам и с войсками перейти к ним на службу. Генерал Чжан Цзолинь ведет с Пекином переговоры о даровании Монголии куцей автономии. Барга ждет инструкций из Урги и готовится к войне, когда подрастет трава. Ши Угурда — враг китайцев, раньше держался выжидательно, боясь харачинов. Атаман Семенов усилил работу среди бурят и старается влиять через бурят на Баргу. У него премьером опять генерал Афанасьев, и

вынырнул Волгин, для обработки оставшихся Ваших, с деньгами был послан Костромин. Костромин 16 уехал к атаману в Порт-Артур, я его не видел.

В Маньчжурии и в Хайларе были расклеены прокламации с призывом к еврейскому погрому. Это и сведения газет Маньчжурии о том, [что] якобы в Урге были уничтожены поголовно все евреи с семьями, создало еврейско-китайский блок, занимающийся вылавливание унгерновцев.

По дороге в [Сан-бэйсэ]¹¹⁷ в 20 верстах от Маньчжурии был арестован с медикаментами Циркулинский. На днях его жестоко пытали. В Хайлар прибыли из Харбина и Маньчжурии две партии для уничтожения базы: китайцев 8, русских 4 и еврей 1. Ими арестован в Маньчжурии доктор Бережков и еще три человека, фамилии не знаю. Колобов отправлен в Советскую Россию. Видел Цыдыпова — он крайне убит, считает самого себя виновным (неприездом) в том, что мечта работать в Монголии разлетелась. Тапхаев скоро появится здесь. Когда я раньше видел его, то твердо убедился, что он фанатик и вполне преданный Вам человек. Кто-то здесь раньше его поездки к Вам убеждал его не ехать к Вам, а прейти к атаману, запугивая расстрелом. За [Сан-бэйсэ] ему передали тоже. Отправляю письмо, а не еду сам, так как, если выеду на верблюдах, завтра же буду арестован. Вчера была полиция и справлялась обо мне. За мной наблюдают, чтобы я не уехал; монгола, с которым приехал, водили в китайскую полицию.

Марков выедет дней через семь. Дзыно будет нюхать месяца полтора, чем пахнет, письмо его посылаю. Посланный к Вам солдат, алтайский калмык, пошел по убеждению в 1 полк, безусловно честный, хорошо говорит по-монгольски, знает Кобдинский и Улясутайский районы идеально, хотел поехать к Вам, когда не пахло “жареным”, но не имел возможности. Сейчас ему предложили поступить на китайскую службу, на большее жалование, но он не хочет служить, считая долгом быть не у китайцев, а явиться на службу к Вам. Еремееву сообщил о том, что отправляю с оказией человека.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 56–57, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 71–71об.

[ПЕРВОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ЮГОЦЗУР-ХУТУХТЕ¹¹⁸]

Начальник Азиатской конной дивизии
...1921 г. №... Письмо Югоцзур-хутухте

Ваше Святейшество,

в дополнение к моему письму, теперь, после совершившегося важного события — взятия Урги, я считаю необходимым поделиться с Вами некоторыми моими соображениями о будущем.

Все то, о чем я говорил Вам во время нашего, к сожалению, короткого знакомства около Хайлара, начинает уже осуществляться, и при дружном содействии в будущем князей Внутренней Монголии и цзянцзюней¹¹⁹ Северного Китая и Маньчжурии должно воплотиться в действительность.

При Вашей святости, дипломатических способностях и огромном опыте в сношениях с дикими племенами Внутренней Монголии, Ваше участие необходимо, так как оно принесет решительный успех в нашем общем деле. Вы являетесь глав-

ным соединительным мостом между халхасцами, монголами Внутренней Монголии и баргутами.

В данное время, взяв в Урге значительное количество орудий, винтовок и боевых припасов, и с мобилизованными халхасцами я имею твердую надежду с Божьей помощью окончательно разбить отступившие на север революционные китайские войска, соединившиеся с русскими уланами¹²⁰. В то время, пока мы заняты уничтожением этих войск, я думаю, что Ваше необходимое содействие должно выразиться во что бы то ни стало, не теряя времени: во-первых, войти в сношение с главою монархистов Шэн Юнем¹²¹ в Тяньцзине или с его заместителем, во-вторых, войти в сношение с Ару-Харчийн-ваном¹²² и Найман-ваном как с самыми надежными и влиятельным князьями для поднятия восстания во Внутренней Монголии в пользу маньчжурского хана, и, в-третьих, теперь же установить связь с главарями магометан как с наиболее преданными монархистами, тем более, что князь Шэн Юнь пока действовал нерешительно и вяло.

Ввиду изгнания китайских революционеров из Тибета¹²³, Урги, восстановления Богдо в ханских правах и принимая во внимание, что большинство цзянцзюней Северного Китая и Манчжурии – монархисты, я считаю, что магометане никогда не отстанут и успех в деле установления законного наследника Серединного государства при общем дружном усилии обеспечен.

То огромное значение, какое имеет восстание во Внутренней Монголии, совершенно ясно всякому, но не только само [восстание]¹²⁴, но даже пущенный о нем слух может остановить присылку революционных войск в Халху. Не следует также забывать о тяжелом денежном положении Китая, которое не даст ему возможность снарядить и послать большее количество войск.

Необходимо, тем не менее, всегда помнить, что отделение от Китая Монголии есть пустая мечта, которая в таком важном и серьезном деле, как восстановление законного императора, недопустима. Народы Азии издавна составляли Серединное государство, и по обычаю и по всему народы ее ближе всех подходят друг к другу. Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в древнее время, то этому всегда есть противовес — союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Манчжурии, Шаньдуна.

Не будучи вполне точно знаком с бытом и образом мыслей внутренних монгол, я тем не менее позволяю себе высказать Вам некоторые свои соображения, ошибочность которых в случае Ваших возражений готов признать. По моему мнению, необходимо при согласии на восстание установить точно следующее:

- 1) Место сбора войск.
- 2) Начало военных действий.
- 3) Назначение военачальника.
- 4) Средства и продовольствие.
- 5) Вооружение.

Не откажите также точно выяснить и сообщить мне, как присоединятся внешние монголы — отдельными автономными группами или совместно с халхасцами, или же по старому маньчжурскому праву¹²⁵.

По вопросу о месте сбора войск полагаю, что самое лучшее у Вас. Неоднократно мне приходилось слышать мнение о сборе войск около Урги, но это неправильная мысль. Напрасно внутренние монголы думают, что Халха существует для обогащения чахарских солдат. С военной же точки зрения, даже и в том случае, если бойцов соберется мало, все же слухи, дошедшие до революционных войск, направленных против Урги, заставят их остановиться, так как нельзя и предположить, чтобы кто-либо повел свои войска, имея сбоку знаменитых чахарских всадников. Уже одна эта угроза может заставить избежать кровопролития. Кроме того, имеет важное значение дальность расстояния железной дороги до места сбора. При таком дальнем расстоянии надо много времени, чтобы революционные войска дошли до места сбора.

Время сбора самое удобное, когда в ваших местах появится зелень.

Если Ваше Святейшество возьмет на себя труд организовать и командовать войсками, то это во всех отношениях было бы самое лучшее. Выбор начальника вопрос чрезвычайно серьезный и от него всегда зависит успех дела. Следует избегать назначения стариков, курящих опий, и ванов, которым хотя по праву и принадлежит командование над войсками, но, к сожалению, часто совершенное незнакомство их с военным делом может принести только вред.

Обращаю особое внимание, что теперь китайские войска уже не те, которые были лет 10 тому назад и умеют сражаться, а многие начальники умеют и хорошо управлять войсками в бою.

Добыть средства трудно. Думать, что кто-нибудь их предоставит — красивый сон. Никакое государство в действительности не даст. Добывать надо самим. Надо агитировать среди народа и теперь же указывать на то, что только при хане, при старых законах жилось хорошо, что богатеть мирно можно только в благоустроенном государстве, что право на существование имеет только тот, кто проливает кровь свою за родину, за государство или отдает на борьбу свое достояние, своих коней, свои стада. Богатые должны помнить, что их дальнейшее благосостояние зависит от помощи, которую они окажут теперь в борьбе с революционерами. Как на один из побочных источников, я могу лишь указать на прикочевавших к Вам бурят Душиангинского аймака, то есть русских революционеров. От них надо брать скот, деньги и все имущество, а их уничтожить. Это самим Провидением посланный дар.

Оружие с Божьей помощью надеюсь достать около Кяхты: там есть патронный завод, а все поселки кругом вооружены и сдадут охотно оружие, так как не хотят сражаться. Не откажите сообщить мне относительно вооружения; по моим сведениям, имеются во Внутренней Монголии не более 10–15 тысяч винтовок. Кроме этих моих соображений, осмеливаюсь обратить Ваше внимание на то, что не следует призывать Узумчин, Горлос, а также Баргу, это слишком удлинит фронт и тем самым ослабит наши силы.

Из высказанных мною соображений достаточно ясно видно, что с востока нам нечего опасаться, ибо там китайские генералы-монархисты, которые и если вынуждены будут действовать против нас, то, во всяком случае, будут действовать медленно и нерешительно. На западе — [Ли Чжанкуй]¹²⁶, также известный монархист, с которым я уже пытаюсь войти в переговоры. На севере мои войска. Таким образом, для революционных войск получается треугольник, а это большая угроза для них и представляет общую опасность для их положения.

Еще раз настаиваю и усердно прошу Вас возможно быстрее войти в связь с [монархистами]¹²⁷. Тогда, даже при исполнении теперь хотя бы половины высказанных мною Вам соображений, и принимая во внимание денежное состояние Китая, должно твердо рассчитывать на успех. Дело большое. Временные неудачи всегда возможны, поэтому, когда Вы соберете у себя достаточное количество войска, я мог бы, в случае неудачи, отступить с остатками халхасцев к Вам, где оправился бы и, соединившись с Вами, стал продолжать начатое святое дело под Вашим руководством.

Посылаю Вам от себя Норгол-гуна, который, хотя и служил у китайцев, но по моим сведениям, безусловный монархист, доказательством сему служит полная его осведомленность в монархических делах, чего непосвященный никоим образом знать не может. Если у Вас явятся какие-либо подозрения, то прошу вернуть его обратно под каким-либо предлогом. Для устранения каких либо недоразумений посылаю нашего общего знакомого...

Смею заверить Вас, что совместно предпринятое нами великое дело борьбы с поборниками зла — революционерами, за правду, истину и добро принесет великое благо человечеству и свет Востока, быть может, в недалеком будущем начнет мерцать над гнилым Западом и воссияет над всем миром.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 45–46об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 104–107.

[Письмо Югоцзур-хутухты Р.Ф. Унгерну]

Перевод с монгольского.

Югоцзур-хутухта Галсандаши, почтительнейшее свидетельствуя свое почтение начальнику Азиатской конной дивизии, генералу барону, надеется, что Ваше драгоценное здоровье вполне благополучно и все государственные дела идут хорошо.

Я, хутухта, благодаря молитвам Богдо-хана, вполне здоров. Посланное Вами, милостивейшим и ученым генералом, письмо получил.

Ныне Вами занята Урга, религия восстановлена и расширена, и водворено спокойствие монгольского народа. Узнав о такой великой заслуге и славе, я весьма обрадовался. Таким образом, Ваша слава возвысилась наравне [со] священной горой Сумбур-ула¹²⁸, и сделанное Вами доброе дело распространится, подобно лучу солнца, по всему миру.

По слухам, в данное время во Внутренней Монголии находятся китайские солдаты, почему в этот раз не представляется возможным снестись по известному делу. Если же получится известие об отсутствии там солдат, то я постараюсь, согласно указаний, снестись. Если же прибудет представитель для обсуждения больших государственных дел, то я не замедлю отправить его к Вам. Я, хутухта, молюсь только о ниспослании благополучия Богдо-хану, преследуя цель помочь религии и народу, постоянно молюсь Трем Сокровищам и стараюсь исполнять установленные требы. Однако считаю нужным засвидетельствовать, что я обладаю слабыми способностями и образованием.

Свидетельствуя свое почтение, прилагаю при сем хадак¹²⁹.

Перевел переводчик штаба, чиновник [подпись:] Кондаков

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 44, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 23.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА АРУ-ХАРЧИЙН-ВАНУ]

Письмо [Ару-Харчийн-вану].

Ваше Превосходительство,

зная о том глубоком уважении среди племен Внутрен[ней] Монголии, которыми Вы пользуетесь, также Ваших взглядах и веря в Ваши дипломатические дарования и огромный опыт, я позволяю себе настоящим письмом поделиться с Вами той радостью, какой наполнено в настоящее время мое сердце. 3 февраля н.с. взята Урга и восстановлен законный властелин Монголии, святой Богдо. Это великое событие, весть о котором разнеслась по всему Серединному Царству, а может быть, и за пределы его, требует и соответствующих последствий: энергичной и самоотверженной работы всех монархистов Востока. Пока я с мобилизованным халхасцами преследую отступившие на север революционные китайские войска, соединившиеся с русскими большевиками, и с Божьей помощью надеюсь их разбить окончательно, осмеливаюсь думать, что Вы в это время подготовите восстание во Внутрен[ней] Монголии в пользу маньчжурского хана.

Имея в виду изгнание китайских революционеров из Тибета и Урги, восстановление в своих законных ханских правах Богдо и принимая во внимание, что большинство цзяньцзюней Северного Китая и Маньчжурии — монархисты, а также что западные магометане не отстанут в деле восстановления законного наследника в Серединном государстве, нельзя упустить время и следует действовать быстро и решительно.

Нельзя также упустить из вида тяжелое денежное положение Китая, которое не даст ему возможности снарядить и послать большое количество войск. Необходимо, тем не менее, всегда помнить, что совершенное отделение от Китая монгол есть пустая мечта, которая в таком важном деле, как восстановление законного императора, недопустима. Народы Азии издавна составляли Серединное государство, и по обычаю и по всему народы ее ближе всех подходят друг к другу. Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в старое время, то этому всегда есть противовес — союз Тибета, Синяцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии и Шаньдуна.

То громадное значение, какое имеет восстание во Внутренней Монголии, конечно, ясно Вашему Превосходительству, но не только восстание, но даже пущенный о нем слух может остановить присылку революционных войск в Халху.

Осмеливаюсь думать, что Ваша деятельность должна выразиться в том, что Ваше Превосходительство, не теряя времени, войдете в сношение, во-первых, с Его Святейшеством [Югоцзур]-хутухтой и Найман-ваном, как надежными и влиятельными людьми во Внутренней Монголии, и затем с главой монархистов Шэнь Юнем в Тяньцзине или его заместителем, установите связь с главарями магометан, как наиболее преданными монархистами на западе. Также прошу Вас точно выяснить и сообщить мне, как могут присоединиться внутренние монголы — отдельными автономными группами с халхасцами, или же по старому маньчжурскому праву.

Не будучи точно знаком с бытом и образом мыслей внутренних монгол, я тем не менее позволяю себе высказать Вам некоторые свои соображения, ошибочность которых, в случае Ваших возражений, я готов признать. По моему мнению, необходимо при согласии на восстание установить точно следующее.

- 1) Место сбора войск.
- 2) Начало военных действий.
- 3) Назначение военачальника.
- 4) Средства и продовольствие.
- 5) Вооружение.

По вопросу о месте сбора войск полагаю, что самое лучшее — у Вас. Неоднократно мне приходилось слышать мнение о сборе войск около Урги, но это неправильная мысль. Напрасно внутренние монголы думают, что Халха существует для обогащения чахарских солдат. С военной же точки зрения, даже в том случае, если бойцов соберется мало, все же слухи, дошедшие до революционных войск, направленных против Урги, заставят их остановиться, так как нельзя и предположить, чтобы кто-либо повел свои войска, имея сбоку знаменитых чахарских всадников. Уже одна эта угроза может заставить избежать кровопролития. Кроме того, имеет важное значение дальность расстояния железной дороги до места сбора. При таком дальнем расстоянии надо много времени, чтобы революционные войска дошли до места сбора. Время сбора самое удобное, когда на ваших местах появиться зелень.

О выборе начальника я также просил сообщить Его Святейшеству [Югоцзур]-хутухте. Обращаю особое внимание, что теперь китайские войска не те, что были лет 10 тому назад и умеют сражаться, а многие военные начальники умеют и хорошо управлять войсками в бою.

Добыть средства трудно. Думать, что кто-нибудь их представит — красивый сон. Никакое государство в действительности ничего не даст. Добывать надо самим. Надо агитировать среди народа и теперь же указывать на то, что только при хане, при старых законах жилось хорошо, что богатеть мирно можно только в благоустроенном государстве, что право на существование имеет только тот, кто проливает кровь свою за родину, за государство, или отдает на борьбу свое достояние, своих коней, свои стада. Богатые должны помнить, что их дальнейшее благосостояние зависит от помощи, которую они окажут теперь в борьбе с революционерами. Как на один из побочных источников, я могу лишь указать на прикочевавших к Вам красных бурят Душиангинского аймака, то есть русских революционеров. От них надо брать скот, деньги, и все имущество, а их уничтожайте. Это самим Провидением посланный дар.

Оружие с Божьей помощью надеюсь еще достать около Кяхты, рассчитываю взять запасы: там есть патронный завод, а все поселки кругом вооружены и, надеюсь, сдадут оружие, так как не хотят воевать. Не откажите сообщить мне относительно вооружения: по моим сведениям, во Внутренней Монголии не найдется пока более 10–15 тысяч винтовок. Кроме этих моих соображений, осмелюсь обратить Ваше внимание на то, что не следует призывать Узумчин, Горлос, а также и Баргу. Это слишком удлинит нам фронт и тем самым может ослабить наши силы. Хорошо бы войти с ними в соглашение, по которому они бы оставили нападения во Внутренней Монголии, а действовали бы в Китае. Если же это не удастся сделать, то присылайте их ко мне, я найду им дело в России.

Хочу также обратить просвещенное внимание Вашего Превосходительства на то положение, в котором могут попасть революционные китайские войска: на вос-

токе — китайские генералы-монархисты, которые, если и вынуждены будут действовать, [то] медленно, да и к тому же связь с ними мною устанавливается. На западе — Ли Чжанкуй, также известный монархист, с которым я вхожу в переговоры, с севера — мои войска. Таким образом, получается треугольник, который представляет большую опасность для революционных войск.

Имейте в виду, что Китаю неоткуда ожидать помощи, и из того затруднительного финансового положения, в котором он находится уже около 40 лет, вряд ли сейчас кто-либо в состоянии его вывести. После страшной кровопролитной и тяжелой войны, обессиленные европейские союзники залечивают свои раны и заняты своими внутренними революционными распрями. Единственно не обессиленные государства — Америка и Япония, могли бы оказать поддержку Китаю, но их интересы так взаимно противоположны, что ежели одно из них пойдет помогать, то другое станет вредить. Поэтому и их нам опасаться нечего.

Еще раз настаиваю и усердно прошу Ваше Превосходительство возможно быстрее войти в связь с монархистами, тогда, даже при исполнении теперь хотя бы половины высказанных мною соображений и принимая во внимание денежное состояние Китая, должно твердо рассчитывать на успех. Дело большое. Временные неудачи всегда возможны, поэтому, когда Вы, Ваше Превосходительство, соберете у себя достаточное количество войск, я мог бы в случае неудачи отступить с остатками халхасцев к Вам, где оправился бы и, соединившись с Вами, стал продолжать начатое святое дело под Вашим руководством. Посылаю Вам от себя Норгол-гуна, который, хотя и служил у китайцев, но, думаю, верный человек, доказательством ему служит полная его осведомленность в монархических делах, чего не посвященный ни коем образом знать не может. Если у Вас явится какое-либо подозрение, то прошу вернуть его ко мне обратно под каким-либо предлогом. Для устранения каких-либо недоразумений посылаю нашего общего знакомого.

Смею заверить Ваше Превосходительство, что совместно предпринятое нами великое дело борьбы с поборниками зла — революционерами, за правду, истину и добро принесет великие блага человечеству, и свет Востока, быть может, в недалеком будущем начнет мерцать над гнилым Западом и воссияет над всем миром.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 1–2а, неполный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 45–48.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Найман-вану]

Начальник Азиатской конной дивизии
марта 26 дня 1921 года 26 числа 2-й лун[ы] № 584. г. Урга
Найман-вану или его заместителю при войске

Ваше Превосходительство,

я узнал что Вы идете к Халхин-голу и что Ваше войско получило оружие от Чжан Цзолиня. Цели и намерения ваши мне пока неизвестны, я позволяю себе сказать Вашему Превосходительству о том, что произошло и что случилось здесь. После взятия Урги китайцы отошли на Кяхту, но там после размолвки с красными вынуждены были двинуться через Тушэту-ван в Сунит к Хух-хото¹³⁰. Здесь я отбил у них 12 пушек, 16 пулеметов, много оружия и боевых припасов.

Чэнь И остался в Кяхте с частью войск, но там произошла новая неожиданность: монголы ближайших к границе хошунов Тушэтухановского аймака под влиянием и наущениями красных образовали какое-то новое правительство¹³¹, получили от красных оружие и совместно с ними дали бой под Маймаченом (Кяхтинским) китайцам, где и разбили их. Часть китайцев идет теперь на юго-запад, а другая часть, соединившись с красными монголами, двинулась на Ургу. Из Чойрына и Удешедшие сюда китайские войска мною разбиты и отступили на юг. В Улясутае китайцы сдали оружие монголам. У [Югуцзур]-хутухты — Найдэн-[ван], который собирает там войско. Цель его — восстановление маньчжурского хана.

Вероятно, Вам известно, что Южный Китай заключил договор с большевиками против Северного Китая. Надо теперь ожидать, да уже и видно, что большевики будут наступать не только на Харбин и Мукден, но и в сердце Сев. Китая через Калган на Пекин. Напрасно китайские начальники думают, что войска красных не пройдут Гоби, в России есть такие же места, и их начальники отлично знают, как надо проходить пустыни. Разумеется, один из первых ударов красных будет на Монголию.

Я не знаю условия, на которых Вы получили оружие, но позволяю себе высказать мое мнение, что нам следовало бы соединиться. Этим значительно увеличится численность наших войск, да, кроме того, мелкая кавалерия, что представляет из себя Ваше войско, не может воевать с пехотой продуктивно. Легкой кавалерии выгоднее всегда наступать на глубокий тыл противника (портить жел. дороги, спускать с рельс поезда, портить телеграф, тыловые склады и т.д.). Мне думается, что следовало бы делать набеги западнее Селенги, там железная дорога близко [от] границы и хорошие корма. Ежели Вы будете близко от меня, то могу выдавать жалование солдатам.

Очень было бы хорошо, если Вы, Ваше Превосходительство, выгнали душиангинских бурят сюда, число их около 600 юрт. Они совершенно развращены большевиками и распространяют их подлое учение. Я тут их кончу, а стада отберу для войск. Вы знаете, до какой степени быстро распространяется и прививается к людям большевистское учение. Люди слабы и рады отнимать чужое добро.

Вы, Ваше Превосходительство, знаете, что моя цель — это восстановление царей. Выгоднее всего начать это великое дело с Востока, монголы для этой цели — самый надежный народ, так как они помнят, как хорошо им жилось при маньчжурском хане. Я вижу, что свет идет с Востока и принесет счастье всему человечеству.

Я прожил восемь месяцев в Пекине¹³², где познакомился видными деятелями монархистов, фамилии которых писать не могу, но Вы их, конечно, сами знаете. Если Вы их запросите, то узнаете от них мой образ мыслей, и что это не пустые слова с моей стороны, [хотя] ум человеческий несовершенен.

Возможно, что сам Бог направил так, что теперь придется вести борьбу с красными. Китай должен будет теперь вооружить монгол для этой борьбы и, если с Божьей помощью окончим борьбу удачно, то это оружие можно употребить для восстановления Цинского хана.

Письмо посылаю через Леву Вольфовича, который ранее вел переговоры с Вашим Превосходительством.

Шлю Вашему Превосходительству свои наилучшие пожелания и буду весьма счастлив совместно с Вами вести борьбу за великую цель — восстановление маньчжурского хана, и достигнуть скорого и хорошего конца на благо народам Серединого Царства.

Я буду огорчен, если на это письмо Ваше Превосходительство не сообразовываете мне ответить.

Генерал-лейтенант

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 27–28об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 18–19.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Чжан Куню 26 марта 1921 г.¹³³]

Начальник Азиатской конной дивизии.

Марта 26 дня 1921 года,

№586. город Урга.

Ваше Превосходительство,

с большой радостью узнал, что Вы, Ваше Превосходительство, не изменили свое хорошее отношение ко мне. Это для меня чрезвычайно приятно, так как Ваше Превосходительство знает, какие теплые чувства я питаю к нему и как высоко ценю его ко мне расположение и доверие. Мне, конечно, незачем уверять Вас, что я преследую лишь одну цель — восстановление царей. Эта цель так же дорога и близка Вам, как и мне. Позволю себе пожелать Вашему Превосходительству полного и скорого успеха в Цицикаре, я буду счастлив получить от Вас хорошие вести.

Ко мне поступили предложения от некоторых лиц, которыми, по моим предположениям, Вашему Превосходительству угодно будет самому воспользоваться. Поэтому я с сим пока уклоняюсь от всяких переговоров. К сожалению, люди, которые будто бы помогают, в Хайларе часто оказываются невероятно глупы, и я прошу Ваше Превосходительство проверить, предварительно удостоверившись, действуют [ли они] по моему приказанию или лично от себя¹³⁴.

По перехваченным радиотелеграммам мне стали известно, что Южный Китай заключил договор с большевиками против Северного Китая. Теперь у нас с Вами одни общие цели. Вероятно, большевики будут наступать по двум направлениям железной дороги и через Монголию и Калган в сердце Северного Китая — Пекин.

В настоящее время красные монголы, красные буряты, красные китайцы и большевики, соединившись, вместе совершенно разбили войска Чэнь И в Маймачене и теперь наступают в Ургу. Результат наступления пока еще не выяснился. По выяснении обстоятельств, я тотчас же доставлю себе удовольствие известить Вас о ходе военных операций.

Желая полного успеха Вашему Превосходительству во всех Ваших делах, шлю свои приветы и твердо верю, что Вы меня не бросите, тем более что скоро настанет время вместе рука об руку бороться с нашими злейшими врагами. Я думаю, что происходящие переговоры на ст. Маньчжурия — обычный прием, чтобы затянуть дело и отвлечь внимание¹³⁵.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 65, 65а.

[ПЕРВОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ПАЛТА-ВАНУ¹³⁶]

Начальник Азиатской конной дивизии
1921 года №...
Палта-вану

Ваша Светлость,

с глубокой радостью спешу поделиться с Вами о событиях последних дней. Но прежде, чем уведомить Вас о свершившихся событиях, мне хочется от всего сердца поздравить Вас с избавлением от смерти. Я с грустью слышал [о] покушении на отравление Вас Вашими родственниками, чем глубоко возмущался.

[Поздравляю]¹³⁷ Вас также с получением законного наследства и утверждением Вас в законных правах. Смею Вас заверить, что Вашей судьбой я очень интересуюсь, не только как высоко симпатичной мне личностью, но и как человеком одинаковых со мною взглядов, от которого я ожидаю больших дел и теперь и в будущем. В последующем позволю себе, как старший и долго воевавший, дать Вам некоторые дружеские советы, которые, я надеюсь, Вы примете с должною вдумчивостью, как просвещенный и образованный князь.

3 февраля н.с. с.г., после невероятных трудностей, я взял город Ургу. Революционные китайские войска отступили на север и мои воины совместно с халхасскими их преследуют. В Урге мною взято много орудий, оружия и боевых припасов, не считая большого количества ценностей. Богдо восстановлен в своих законных правах, а счастливая Халха радостно приветствует и с востока, и с запада святого повелителя.

Вот факты, огромное значение которых Вы, как умный человек, учтете и также разделите со мной и мою искреннюю радость. Со своей стороны я сделал все, что мог — очередь за Вами. Вспомните предсказания лам, говорящих о предстоящей выдающейся Вашей деятельности на западе.

Перед Вами открывается теперь поле широкой деятельности, но я боюсь, что Вы, как молодой энергичный человек, и теперь с большой властью, можете слишком увлечься, не учтя своих обстоятельств холодным рассудком. Это может быть благодаря Вашей молодости, Вашему пылу. Потому я и позволяю себе, как старший по возрасту и искренне дружески к Вам расположенный, предупредить Вас.

Прежде, чем приступить к делу, войдите в связь с алтайским губернатором (Ли Чжанкуй) и другими Вашими соседями, проверьте и установите их образ мыслей, твердость их убеждений. Никогда не забывайте, что единственно верный путь к предстоящему успеху — это восстановление маньчжурского хана, не смущайтесь возражениями и сомнениями, что в старые времена императоры иногда держали сторону Китая и что это может быть и теперь. Ведь, как я говорил, всегда этому можно противопоставить союз автономных государств, союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии и Шаньдуна.

Не забывайте, что Ваши подданные — ламаиты, а соседи — магометане. Вам необходимо избрать равнодействующую, общую между ними дорогу, дабы ни в чем не сталкивались интересы отдельных народностей и не нарушались их исторические заветы и традиции. Обратите также Ваше просвещенное внимание на дунган¹³⁸, могущих быть хорошими помощниками в деле восстановления царей, не упускайте из

вида и русских магометан, которые близки к дунганам по своему мировоззрению. По непроверенным слухам, Джа-лама, кажется, коварный и вредный человек.

Вы знаете меня, я не допускаю мысли, чтобы Вы подумали, что мною руководят какие-либо побочные интересы, хотя я и женат, как Вам известно, на маньчжурке. Государства крепили своими монархами и их верными помощниками — аристократами. У нас, аристократов, одна идея, одна цель, одно дело — восстановление царей. Как погибает человечество на Западе под влияниями социалистических и анархических учений, так воскресает человечество на Востоке, хранящее в своих сердцах священные устои монархизма. Оканчивая письмо к Вашей светлости, еще раз хочется сказать Вам, что время настало, что нельзя упустить такого момента, как восстановление Богдо, весть о чем разнеслась по всему Срединному Царству; поэтому не теряйте ни минуты. Бог Вам поможет в святом деле. Я верю, что сбудутся предсказания лам, и Вы сделаете то великое, что предначертано Вам Повелителем Вселенной.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 43–44об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 97а–98.

[ВТОРОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ПАЛТА-ВАНУ]

Начальник Азиатской конной дивизии
27 апреля 1921 г. №... гор. Урга
Палта-вану

Ваша Светлость,

со времени моего последнего письма Вам прошло два месяца. Тогда я с глубокой радостью спешил поделиться с Вами чрезвычайными событиями, важность значения которых Вы, как умный человек, разумеется, учли и обратили на них Ваше просвещенное должное внимание. Настоящим письмом я хочу осведомить Вашу Светлость о ходе последующих событий за эти два месяца.

Уж вся Халха теперь очищена от революционных китайских войск. Кобдинский округ, куда посланы войска, также желает присоединиться, и не сегодня – завтра там также не будет ни одного гамина. Все революционные китайские войска, отступившие на север, а затем повернувшие на запад, окончательно разбиты, а остатки их сдались в плен. Таким образом Халха освобождена совершенно, и Его Святейшество Богдо-гэгэн со своим представительством уже работают на пользу и благо монгольского народа и маньчжур, внутренние монголы и другие восточные, западные и южные соседи с завистью смотрят на счастливую освобожденную Халху во главе с ее законным священным повелителем.

По всем данным, автономия Монголии, завоеванная с такими трудностями и жертвами, теперь легко пройдет, так как Китайское правительство вынуждено будет ее признать, отчасти благодаря очень тяжелому финансовому положению, а также благодаря раздорам, смутам и распрям внутри страны. Во Внутренней Монголии и Маньчжурии работа по восстановлению династий движется вперед и, быть может, недалеко то время, когда и над Срединным Царством засияет свет и разольется всеобщее счастье его народов.

Вы, Ваша светлость, конечно, сами видите и чувствуете, что теперь пора приступить к работе, к большой самостоятельной работе, к борьбе за великие цели и

задачи Востока. Необходимо действовать совместно, решительно, необходимо соединиться, нельзя теперь терять ни минуты.

Надо иметь в виду и воспользоваться и тем, что в Китае избран президент, известный революционер-большевик, доктор [Сунь Ятсен]¹³⁹. Очевидно, что от такого правительства, во главе которого стоит большевик, нельзя ожидать ничего хорошего для Монголии и Тибета. Очевидно, что подлое революционное учение Запада, приносящее человечеству столько вреда, проникло в Китай. Необходимо теперь же начать действовать, чтобы спасти народы Востока от гибельных революционных учений и пагубных идей гнилого Запада.

Верный к тому путь — объединение автономных Монголии, Тибета и Синцзяна в крепкий федеративный союз и последующее восстановление Цинской династии. Только этим путем можно охранить великие устои и проблемы Востока, охранить честь и достоинство его народа, охранить обычаи, предания и заветы.

Понимаю, что ни Барга, ни Малые и Большие Узумчи[ны] не подчиняться беспрекословным халхасским министрам, но такое подчинение можно всегда избежать, учредив сейм из избранных князей из аймаков и сеймов Внутренн[ей] Монголии. Такой сейм под покровительством молитв Его Святейшества Богдо-хана будет решать вопросы всех кочевников, определять величину албы¹⁴⁰ и согласовывать действия аймачных и других сеймов. Внутренние же свои дела малые сеймы будут разрешать сами у себя вполне самостоятельно, со своими обычаями. Место, где должен собираться большой сейм — это там, где будет Богдо-хан.

Зная просвещенные взгляды Вашей Светлости по этому вопросу, я глубоко уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее, примите все меры и не упустите благоприятно сложившихся обстоятельств, начав действовать и работать на пользу святого дела. Богдо-гэгэн восстановлен — начало положено, теперь необходимо продолжать работу и употреблять все усилия, чтобы довести до конца великое дело, предначертанное самим Небом. Я помню предсказание лам, указывавших на предстоящую исключительную будущность и значение Ваше на западе и верю в то, что это должно совершиться.

Шлю Вашей Светлости мои горячие пожелания успеха в предстоящих Вам трудах и еще раз заверяю Вас в моем самом теплом и сердечном чувстве, которое я неизменно к Вам питаю. Не забывайте моих советов, которые я позволил себе дать Вашей Светлости в прошлом письме. Советую с алтайским губернатором объединиться. Лучше иметь друга, чем врага.

Прошу не отказать сообщить мне Ваши соображения, возможно ли объединение Монголии путем создания центрального сейма.

Генерал-лейтенант

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 41–42об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 93–95.

[Письмо Лувсан-Цэвэна¹⁴¹ Р.Ф. Унгерну]

перевод с монгольского

Его Превосходительству генералу Барону и Жамбал-нойону¹⁴²

Доношу, что виделся с Хулун-Бирскими начальниками и устроил дела. Вследствие прекращения движения по железной дороге до сих пор находился в Хайларе,

только теперь хочу выехать из Хайлара. До Пекина придется мне сделать три остановки по 7 дней (карантинный срок) для медицинского освидетельствования. Цэндэ-гун¹⁴³ обещал помочь мне по силе возможности. Из Пекина от Фу Шана получено письмо, в котором высказывает свою радость по поводу очищения г. Урги от китайских войск. Хулун-Бирские власти, а также все монгольское и маньчжурское население радуются. Из Пекина было предложено [Чжан Цзолиню] и [Чжан Куню] послать войско по Керулену через ставку Сан-бэйсэ, но последние отказываются. Здешние начальники говорят, что пошлют патроны, когда растает снег. Ваши приказания исполняю в точности. Из четырех нойонов виделся с тремя. Генерал Мациевский¹⁴⁴ и другие говорят: “Хорошо, что ты приехал и твои дела устроятся”.

Подпись: Цэвэн, 1 луны 18 числа.

Дополнение. Прошу Вас, обоих начальников, оказывать покровительство моей семье.

Переводчик штаба дивизии прапорщик перевел [подпись:] Балеагов
переведено 24 марта 1921 года

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 13, подлинник.

[ПЕРВОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ЦЭНДЭ-ГУНУ]

Начальник Азиатской конной дивизии
марта дня 1921 г. №... г. Урга. Цэндэ-гуну

Ваше Превосходительство,

уж два года, к большому моему сожалению, я не виделся с Вами, но я постоянно вспоминаю и думаю о Вас. Весьма сожалею, что теперь Вас тут нет, так как хорошо знаю, какой Вы умный и опытный сановник. Сердечно благодарю Ваше Превосходительство за память обо мне и за присланную карточку, которая доставила мне большое удовольствие.

Как и следовало ожидать, война из Западной Европы переносится теперь на Восток. Красные уже завоевали полсвета и будут распространяться к востоку. По дошедшим до меня сведениям, Юг Китая заключил союз с большевиками против Севера. Вероятно, разыграется война на полях Маньчжурии, и к этому надо быть готовым. С сожалением думаю, что, пока китайские начальники сговорятся и соединятся, разразится над ними гроза.

Я слышал, но не знаю, насколько это верно, что Найман-ван двинулся со своими хошунами и цириками¹⁴⁵ на Халхин-гол. Думаю, если баргутам пока и не братья за оружие, то, во всяком случае, необходимо держать связь и быть наготове, что в случае нужды была бы взаимная поддержка. Надо предполагать, что красные будут наступать не только по железной дороге и через Монголи[ю] в самое сердце Китая через Калган на Пекин. Я позволю себе предостеречь Вас от душиангинских бурят, которые совершенно испорчены красными и уже сделались большевиками. Они в числе 600 юрт перекочевали в Баргу. Необходимо их оттуда выгнать сюда. Я их тут кончу, а скот отберу для войска. Я знаю, что многие буряты мечтают об изгнании китайцев из Барги. По моему мнению, это неправильно, надо поддержать с ними хорошие отношения.

Я позволю себе только высказать свое мнение, а не даю Вам совет. Я думаю, что с генералом [Чжан Куню] надо держать самые добрые отношения, так как нельзя упускать из вида, что, если будет восстановлена Маньчжурская династия, то вопрос этот разрешится сам собою.

Совершенно напрасно многие рассчитывают на Японию, думаю, что там также началось разложение внутри, среди войск и народа. Она сама должна покончить еще с этим злом и только тогда может быть деятельным помощником в борьбе с красными. Подтверждением моего взгляда служит нерешительность их действий.

Вам, конечно, известно, как ужасно подлое большевистское учение и как быстро оно укореняется. Вся Россия теперь страдает, брат пошел теперь на брата, сын на отца, все обеднели, голодают, забыли Бога. Вы знаете, что моя цель, мои стремления – это восстановление царей. Надо начать с востока, монголы для этого очень удобны, так как они не забыли еще, как им хорошо жилось при маньчжурском хане. Я знаю и верю, что свет придет с Востока и принесет счастье всему человечеству.

Шлю Вашему Превосходительству привет и самые добрые пожелания успеха во всем и надеюсь получить от Вас ответ.

Генерал-лейтенант

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 24–24об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 82–83.

[Письмо И. ШЕМЕЛИНА¹⁴⁶ Р.Ф. УНГЕРНУ 7 МАРТА 1921 Г.]

7/III-21 г. Хайлар

Дорогой барон,

поздравляю тебя с успехом. Я тоже скоро буду воевать. Амурские казаки и крестьяне выбрали меня войсковым атаманом (крестьяне хотят быть казаками). Для дела нам надо иметь связь. Я уеду из Хайлара в апреле. Личная просьба к тебе: если можешь, вышли мне срочно 5000 рублей, я тебе верну, меня здорово подвела квартира, за которую пришлось уплатить все, что имел.

Твой Шемелин

Пиши об обстановке.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 18а, рукописный подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 66.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА И. ШЕМЕЛИНУ 26 МАРТА 1921 Г.]

копия. Письмо генералу Шемелину, атаману Амурского казачьего войска.
г. Урга, 1921 г. марта 26 дня.

Дорогой Илья,

ты не наказной атаман Амурского войска, а болван. 24 марта получил от тебя письмо от 7-го марта. В своем ли уме ты писал его, прося выслать 5000? Посылаю тебе 1000 долларов, а до твоих расходов на квартиру мне нет дела, можешь хоть целые дворцы снимать, но для этого денег не дам. Если останешься не у дел, приезжай — прокормлю.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 20, подлинник (л. 21 — черновик); РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 12.

[Письмо Р.Ф. Унгерна неизвестному лицу¹⁴⁷]

город Урга, 1921 г. марта 26 дня. копия

Ваше Превосходительство,
 тронут твоим письмом. Времена, вероятно, плохие, что оказалась трезвая минута написать письмо. Если получатся для меня деньги, покупай и присылай мне трехлинейные патроны (японских не надо), капсулы, пустые гильзы и пороху, а также вещества для производства пороху здесь.

Рабинович, хотя и друг, но повешу, как жида, если он перейдет границу Монголии.

Автомобили держи неисправными: Монголия не настолько еще окрепла, чтобы кормить дармоедов.

Лучше сообщи, где жидовский скот, дам за него процент.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 19, подлинник (л. 21 — черновик); РГВА, ф. 39454, оп. 4, д. 9, л. 12.

[Письмо неизвестного лица Р.Ф. Унгерну]

Многоуважаемый Роман Федорович,

30 октября 1920 года по приказанию Чжан Цзолия арестованы оба брата. Наш приятель обещал много, но делает мало, объясняя отсутствием средств, а главное — новым препятствием в лице генерала У Пэйфу¹⁴⁸. Одна часть республиканцев требует посылки против Вас У Пэйфу, но он не хочет уходить, опасаясь, что с его уходом совершится переворот. Другая часть настаивает на посылке Мукденских войск. Но Чжан Цзолинь отказывается, боясь потерять влияние в столице, и со своей стороны рекомендует поставить во главе экспедиции Чжан Сюня¹⁴⁹, дав ему одну дивизию Мукденских войск и одну дивизию Пекинских, против этого восстанет часть республиканцев и У Пэйфу, опасаясь, что Чжан Цзолинь не ослабит этим своих войск усилится. Однако этот план возможен быть исполненным. В таком случае мне обещано, что Чжан Сюнь пригласит меня советником и через меня свяжется с Вами, чтобы выработать совместный план действий. Возможно, что будет выставлен другой кандидат. Дам знать, кто пойдет против Вас.

Альбертсен, Стефен и Ко опубликовали очень выгодные для Вас сведения, если будете писать мне, не упоминайте моего имени, адреса. Пусть Рукьер запомнит мою фамилию, а об адресе справится по русской почте.

Ваш преданный слуга.

Ваш знакомый (земляк) на почте просит передать, что его дочь служит в 310 полку 104 бригад[ы] 34 дивизии, если она попадет, то не откажите как-нибудь переправить ее домой.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 99.

[Доклад полковника Евтина Р.Ф. Унгерну]

Доклад заведующего семьями Азиатской конной дивизии
 Его Превосходительству генерал-лейтенанту барону Унгерну.

В дополнение первого моего доклада, посланного с полковником Львовым, докладываю, что гражданскими китайскими властями по доносу жида Гоберника и его

припешниками была установлена слежка за подполковником Циркулинским, который, несмотря на предложение ехать в Монголию через Хайлар, ввиду опасности, поехал из Маньчжурии, где недалеко от поселка был пойман и арестован. Подполковник Циркулинский вез с собою медикаменты, которые были конфискованы. В связи с арестом подполковника Циркулинского, был арестован врач Бережков, который делал выписку медикаментов и подлежал аресту, как ходатайствующий об отпуске медикаментов. Китайские власти предъявили обвинение в пособничестве Вашему Превосходительству в военных действиях против китайского народа. Так как доказательств никаких в пособничестве не оказалось, арестован не был, а что касается медикаментов, то отговорился тем, что эти медикаменты везли для продажи населению в Сан-бэйсэ.

Все арестованные теперь освобождены под денежный залог. Усиленно распространяются жидами слухи, что все офицеры-бароновцы будут арестованы, но пока что сидим спокойно на местах. Китайское правительство отдало распоряжение никому не давать пропуска в Монголию и местной гражданской властью установлено наблюдение за выезжающими из полосы отчуждения в Монголию. Колобов все еще сидит; об освобождении его из-под стражи хлопочет общественное самоуправление Маньчжурии, но все безрезультатно. Жиды из Маньчжурии и Хайлара усиленно готовятся к бегству в Палестину, уже выехало семей 8 – 10, причиной бегства, по слухам, ожидание наступления монгол на Маньчжурию и Хайлар.

Семьи все время живут в вагонах на станции Голенки, не доезжая 30 верст до гор. Никольск-Уссурийска. Раздал семьям пособие, которое мною получено в сумме 2000 рублей от атамана Семенова. Все они со слезами упрашивали меня ходатайствовать о перевозке их на жительство в Хайлар, так как они все страшно измучились, живя в скотских вагонах с детьми. Не получая от Вас на мой доклад ответа, в котором просилось о высылке мне 6000 рублей на семьи, я обратился к атаману, но вот уже месяц, а ответа нет. Семьи все время просят о скорейшей перевозке, ввиду беспокойного положения в Уссурийском крае, где бродят шайки хунхузов, руководимые большевиками.

Средства можно было бы найти, продав все имущество, взятое у Дзыно Еремеевым, состоящее из 101 быка, 22 лошадей, 19 телег со сбруей, 10 верблюдов, разного имущества, вывезенного моим распоряжением из Маньчжурии на сумму около 4000 рублей, всего этого имущества будет на тысяч двенадцать, одно только препятствие, что трудно теперь все это продать, ибо в народе нет денег.

За последнее время из Забайкалья большими волнами перебрасываются беженцы от большевистской мобилизации, вообще от ненавистного большевистского режима; весь этот люд еще больше предъявил предложений своего труда, даже за кусок хлеба, но работы никакой нет, и нет едва ли будет, так как полный застой по всем отраслям коммерции и промышленности. Ко мне много обращается офицеров, чиновников и солдат, служивших в Азиатской дивизии, с просьбой об организации какой-либо работы, от которой можно было бы иметь кусок хлеба. Ввиду этих просьб, я начал трудовую артель, пока в 30 человек надежных лиц, для рыбного промысла на озере Буир, что может осуществиться [при разрешении] Ургинской власти на право:

1) ловли рыбы (желательно арендная плата самая минимальная, приблизительно от 5 до 10 копеек за пуд пойманной рыбы). На участке от устья реки Халхи[н-гол] при

впадении в Буир вправо и влево по берегу Буира на 15 верст, вглубь озера на 25 верст, и ловлю рыбы в самой реке Халхе на 35 верст от впадения в Буир вверх по реке;

2) пользоваться правом косить траву на 20 верст по Халхе по обоим берегам до 5 верст от реки в сторону, платой за скошенную десятину по 50 коп.;

3) право рубки леса в верховье реки Халхи, для построек и на дрова, плата за куб дров 1 рубль, за бревно 3-саженное 30 коп., независимо от толщины, но не менее 4 вершк[ов] в верхнем отрезе, меньше на 4 верш[ка] толщины считаются как жерди по 5 коп. со штуки независимо от длины;

4) право охоты на коз, зверя и птиц платой 3 рубля с ружья в год.

Такого рода арендное условие за подписью глав Ургинского правительства составить на мое имя на 20 лет без права передачи другому лицу. На первоначальное оборудование требуется 10 тысяч рублей. Артель обязуется в течение года, главным образом в зимний период, сдать для войск в Забайкалье неограниченное количество пудов рыбы разных пород — сазана, щуки, сома по ценам за пуд, существующим в поселке Маньчжурия со скидкой 20%, причем рыба будет артелью доставляться на одну из железнодорожных станций от Хайлара до Маньчжурии, где уже будет производиться ... с выдачей сдатчику квитанции. Выделение на первоначальное обзаведение деньги будут выплачены в течение двух лет.

Если Ваше Превосходительство признает проект возможным осуществить, то условие Ургинского правительства, деньги необходимо выслать возможно спешно, так как артель в первых числах должна выехать на Буир для заготовки леса для жилых зданий.

Кончая писать этот доклад, ко мне пришел с запиской войскового старшины Циркулинского г-н Бородавкин, представитель группы видных общественных и коммерческих деятелей Западной Сибири, который обратился ко мне, чтобы я написал Вам с их предложением услуг устройства транспорта от Хайлара или Маньчжурии до Урги, прикрывая это дело коммерческой работой в Монголии. Если это Вашему Превосходительству, по обстоятельствам, транспортное дело нужно, то необходимо для группы иметь сведения, в каком количестве пудов минимально можно ожидать перевозку грузов в город. Господин Бородавкин высказался, что все члены группы знакомы с работой в Монголии, их это устраивает в этом отношении, что они могут быстро восстановить связь через Урянхайский край со станицами Сибирского казачьего войска, что для общего дела борьбы с красными, он полагает, будет иметь большое значение.

В заключение сего прошу не отказать Ваше Превосходительство в скором ответе, как на первый, так и на настоящий доклад, а именно, в переводе на семьи 6000, на выкуп из-под ареста Колобова 10000 руб., и о нашем согласии или несогласии образовать артель для ловли рыбы на Буире.

[подпись:] полковник Евтин
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 37 об. – 38 об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 31–33.

[Письмо П. Дзыно Р.Ф. Унгерну]

Хайлар, 8 марта 1921 года

Ваше Превосходительство!

В предыдущем письме, сданном мною сот[нику] Еремееву для отправки с пол[ковником] Львовым, я не доложил Вам факта, который имел если не решающее, то

по крайней мере очень крупное влияние на дело открытия рыбных промыслов, не будь этого факта, я с уверенностью могу сказать, что промысла были бы взяты.

Дело в следующем. Вы приказали на уплату Акчурина за подводки взять деньги у А.Н. Никитина, всего причиталось к уплате Акчурина 1480000 с лишним долларов. У пол[ковника] Евтина, по его словам, осталось из данных на уплату Вам Акчурина денег только 6000 или даже 5000 руб. зол[отом], доллар тогда стоил 1 руб. 65 коп. на золото. Никитина в Маньчжурии после ухода подвод не было, монголы же стали просить об уплате денег за перевозку, поэтому пол[ковник] Евтин впредь до приезда из Харбина Никитина с деньгами, недостающими для расплаты с монголами, сумму взял заимообразно из сумм выручки склада, мне же дал записку к Никитину на получение от него нужной для расчета суммы. По приезде Никитина из Харбина, пошел к нему с запиской Евтина за деньгами. Никитин ни больше, ни меньше как вместо денег послал меня к е...й матери и прогнал из дому, если бы это было с глазу на глаз, то я просто бы разбил ему физиономию, но это произошло в присутствии двух других лиц, например: Миколадзе, Почекунина и т.д., при которых Никитин хотел показать себя “маленьким бароном” (так он сам себя называет). Я в долгу перед Никитиным не остался — сказал ему пару теплых слов и ушел. Деньги от Никитина нужно было получить и в виду Вашего приказания уплатить за подводки долларами с тем, чтобы получить обратно золото, но так как Никитин долларов не дал, то в уплату за подводки осталось золото. Вся сумма уплаты за подводки легла на выручку склада, что и не дало возможности своевременно взяться за промысла, а потом уже не было денег, на месте в Маньчжурии — вся выручка получалась ген. Федотьевым в Харбине. Между прочим, Никитин, когда я попросил у него деньги по записке Евтина, сказал, что не он должен платить дивизии, а наоборот, ему дивизия должна 35000 долларов. Со слов пор[учика] Чжо, адъютанта ген. [Чжан Куню], я знаю, что в ту поездку в Харбин Никитин получил за сало 11000 долларов.

По поводу “сальной истории”: у Никитина с И.И. Колобовым вышла размолвка, закончившаяся чуть не скандалом. Вскоре после Вашего отъезда, Никитин получил от Вас письмо с приглашением ему ехать туда к Вам, с этим письмом и было ж ему работы: по целым дням бедняга бегал не только по всем номерам своей гостиницы, а и по всей Маньчжурии и рассказывал всякому встречному, что Вы приглашаете его себе помощником, просил у каждого совета, принять ли предложение Ваше или отклонить. Тут, на грех, да и еще при людях попал ему Колобов, к нему как к доброму обратился Никитин с новостью и просьбой дать ему дружеский совет, в порыве чувств он даже хотел прочитать все письмо Колобову, но ограничился лишь выдержками. Колобов — ни слова в ответ, и лишь на повторенную несколько раз просьбу дать совет ответил: “Что ж, поезжай, знать, у барона снова завелось сало, а ты по этому делу специалист”. Финал, заключительная сцена гоголевского “Ревизора” с Никитиным в роли Городничего и гомерический хохот присутствовавшей публики, а бессовестный Колобов повернулся и, как ни в чем не бывало, пошел, так и оставив Никитина с открытым ртом.

Затем я, желая хотя бы чем-нибудь быть полезным Вашему Превосходительству, хочу предложить Вам свои услуги в деле доставки Вам, если Вы в чем-нибудь

нуждается таком, что можно приобрести здесь. Все нужное под видом товара для торговли в Монголии на Буире, туда может отправить Акчурин, который ежегодно посылает на Буир громадные партии товаров для обмена на шерсть у монголов, вообще для продажи, это никому не бросается в глаза, там же у него громадные складочные помещения. На Буир нужно лишь будет прислать подводы за всем, что нужно, равно как и все, что имеется для ликвидации, можно послать туда же.

Если мое предложение найдете приемлемым, то прошу указать, в чем ощущается нужда — все, исключая оружие, может быть доставлено на Буир, но нужны деньги — здесь, в Хайларе, положительно ни у кого денег нет. Цены на сырье небольшие, но потребность в нем есть.

Жду Ваших распоряжений.

Глубоко Вашему Превосходительству преданный, Ваш покорный слуга [подпись:] Дзыно

Сот[ник] Еремеев сообщит Вашему Превосходительству полученные мной сведения о готовящемся со стороны Совдепов на Вас покушении, хотя эти сведения и полученные не из очень-то надежного источника, но все может быть.

[подпись:] П. Дзыно

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 47, л. 34–35об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 74–75об.

[ПЕРВОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ПРАПОРЩИКУ МАЛЕЦКОМУ]

Прапорщику Малецкому

Ведите мои дела в Хайларе. Мне нужны трехлинейные патроны, трехлинейные пустые гильзы, капсули, порох и трехдюймовые снаряды. Закупайте и высылайте.

Урга 1921 г. марта

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, д. 235, н. 192, л. 77; ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 47, л. 23.

[ВТОРОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ПРАПОРЩИКУ МАЛЕЦКОМУ]

Прапорщику Малецкому.

Командирую в Хайлар Котельникова для некоторых покупок. Окажите содействие. Устройте ему заем у Никитина или Колобова. Деньги возвратятся от продажи отправляемых грузов. Помогите продать их. Из выручки дайте сопровождающему груз и 10% [Чжан Куню].

Урга 1921 г. марта.

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, д. 235, н. 192, л. 77; ф. 0111, оп. 2, н. 104, д. 47, л. 22

[ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА НАЙДЕН-ВАНУ¹⁵⁰ 10 АПРЕЛЯ 1921 Г.]

Найден-вану

Ваше Сиятельство,

на днях высылаю Вам ружья: 150 русских, 50 китайских, 200 японских, и 100 бердан, русских патронов ни одного, по 150 на винтовку китайскую, по 200 на японскую, по 200 на бердану, русские патроны завоюйте сами; кроме того, посылаю два

пулемета по 1200 патронов и один пулемет Шоша. Надеюсь, что далее сами сумеете приобрести войною гораздо более.

Я только что возвратился из похода против гамин, которые шли от Кяхты, думая пробраться на юг между Ургой и Дзаин-шаби¹⁵¹. Мне удалось их окружить, несмотря на огромное количество, и только благодаря тому, что часть монгольских сотен прозевала, не все попали в плен. Во всяком случае, взято в плен около 4000, во главе с генералом Джа-у, очень много убитых, захвачено оружие, пулеметы и обоз. Из Уляса-туя и Дзаин-шаби получены известия, что там китайские войска сдали оружие; таким образом, на западе все теперь благополучно, на востоке также все идет хорошо.

Я получил сведения, что генерал [Чжан Куню] еще не сговорился с хунхузами в Китае, но теперь хочет во что бы то ни стало добиться губернаторского поста в Цицикаре. В Барге, имею основания предполагать, что ухэриды зашевелятся и начнут действовать против Китая.

Из перехваченных телеграмм радио и газет видно, что Китай в настоящее время не может выслать войск против Халхи. Теперь там выборы нового президента, кроме того, Чжан Цзолинь отказывается посылать свои войска в Халху. Во Внутренней Монголии тоже, по-видимому, началось серьезное движение против Китая. Да и вообще, пока улягутся внутренние раздоры в Китае, пройдет много времени. Поэтому теперь нельзя спать, надо работать и работать, не упуская ни одной минуты и надо, не откладывая, собирать сотни, обучать и быть готовыми ко всякой случайности, дабы монгольские войска могли во всякое время смело встретить врага. Необходимо иметь в виду и использовать благоприятный момент, чтобы быть спокойным за будущность Монголии и будущность Маньчжурской династии.

Вероятно, Вы слышали кое-что о красных монголах. Дело в том, что большевики успели развратить небольшую часть монгол аймака Тушэту-хана и, соединившись с ними, думают, по-видимому, вести войну с Китаем. Их цель — повредить автономии Халхи, поссорить с Китаем и распространить среди монгол вредную большевистскую религию, чтобы потом, воспользовавшись слабостью монгол, ограбить и захватить стада и табуны себе. Прошу Вас не брать в свои войска монгол, имеющих отношение к красным: остерегайтесь их, эта зараза хуже оспы и чумы.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы поговорили с [Югоцзур-хутухтой] по поводу возможного предложения ему поста военного министра. Очень хорошо было бы, если бы он это предложение принял. Мне думается, человек [он] надежный и любящий свою родину и могущий принести пользу на этом посту.

Знакомый мне и верный генерал [Чжан Куню] воюет сейчас с китайскими хунхузами. Начальник хунхуз, кажется, японец Намаки. Не можете ли Вы как-нибудь снести с ним письменно или другим путем, указав, что Вы воюете за восстановление Маньчжурской династии? Следовало бы Намаки перетянуть на свою сторону, указав также, что, соединившись, вместе образуется грозная сила, борющаяся за одну цель. Прошу не забыть войти в связь с Найман-ваном и во что бы то ни стало с [Ли Чжанкуем].

Прошу Ваше Сиятельство не забыть сообщать мне все имеющиеся у Вас новости. Шлю Вам добрые пожелания успеха во всех делах.

Передайте мои добрые пожелания [Югоцзур-хутухте] и Леве Вольфовичу.

Генерал-лейтенант

10/IV [1921] На монгольском языке.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 26–26об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28.

[ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА НАЙДЕН-ВАНУ 27 АПРЕЛЯ 1921 Г.]

Найден-вану.

Ваше Сиятельство,

посылаю Вам одно орудие образца 1877 года и к нему снаряды, солдаты у орудия халхасцы, бывшие худжирбулунские¹⁵². Начальником я назначил прапорщика Ульцзя. Также посылаю пулемет Шоша с 600 патрон[ами], второй автомобиль и части к первому.

Насан-Тогтохо¹⁵³ примите к себе на службу. Он, несомненно, лучше [Джамц-гуна]¹⁵⁴. [Джамц-гун] — старая баба. Не он командует солдатами, а солдаты им. Мне надоели вечные жалобы на грабеж, изнасилование женщин и пр. Разоружил их. Керуленским и участвовавшим в боях под Ургой оставил оружие. Если желаете остаться в хороших отношениях со мной и продолжать дело объединения Монголии, при побеге их отсюда не принимайте, пока не пройдете Узумчин. Причина Вам известна.

Китай видит свое безвыходное положение и хочет начать переговоры с Монгольским правительством. Поэтому до начала их обязательно нужно присоединить оба Узумчина к Халхе и стараться всеми правдами перетянуть на свою сторону Внутреннюю Монголию. Не ленитесь, пишите письма во все концы. Урянхайский край, Кобдо, торгоуты, дурбеты намерены присоединиться к Халхе. Начальник внутренних хошунов, а также и вышеназванные хошуну развитее и более понимают в политике. Потому попытка подчинить их халхасцам — пустая трата времени. Предлагайте им объединение Монголии под заведыванием сейма, то есть собрания представителей всех аймаков под покровительством молитв Богдо-хана. Причем во внутренних делах им должно быть предоставлено самостоятельное управление местным сеймом.

Не можете ли Вы мне достать влиятельное в магометанском кругу лицо? Я послал бы его для переговоров насчет маньчжурского хана в Синьцзян.

Еще раз повторяю, что во всех Ваших словах и письмах должна быть ярко выражена мысль, что объединение монгол должно совершаться во имя идеи правды, чести и добра, торжества религии, ради укрепления законного властелина Монголии — святого Богдо и восстановления Цинской династии как символа торжества этих идей.

27/ IV [1921 г.]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

[ВТОРОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ЦЭНДЭ-ГУНУ]

Письмо Цэндэ-гуну. 27/IV-[1921 г.]

Дальность расстояния и обстоятельства не позволяют увидеться с Вами, обменяться мыслями и позаимствовать мудрые заветы Вашего Сиятельства. Приходится ограничиться лишь письмами, в которых трудно, конечно, охватить все вопросы, выдвигаемые жизнью. Ярче всего стоит вопрос о красной опасности.

Революционное учение начинает проникать в [верный]¹⁵⁵ своим традициям Восток. Ваше Сиятельство своим глубоким умом понимает всю опасность этого разрушающего устои человечества учения и сознает, что путь к охранению [от] этого зла один — восстановление царей. Единственно, кто может охранить правду, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми — революционерами — это цари. Только они могут охранить религию возвысить веру на земле. Но люди стали корыстны, наглы, лживы, утратили и потеряли истину, и не стало царей. А с ними не стало и счастья, и даже люди, ищущие смерти, не могут найти ее. Но истина верна и непреложна, а правда всегда торжествует и, если начальники будут стремиться к истине ради нее, а не ради каких-либо своих личных интересов, то, действуя, они достигнут полного успеха и Небо ниспошлет на землю царей.

Самое наивысшее воплощение идеи царизма — это соединение божества с человеческой властью, как бы[ли] Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старые времена, Русские Цари. За последние годы оставались во всем мире условно два царя: это Англия и Япония. Теперь небо как будто бы смиловалось над грешными людьми, и возродились цари в Греции, Болгарии и Венгрии, и 3 февраля 1921 г. восстановлен Его Святейшество Богдо-хан. Это последнее событие быстро разнеслось во все концы Срединного Царства и заставило радостно затрепетать сердца всех честных его людей и видеть в нем новое проявление Небесной благодати.

Начало в Срединном Царстве сделано, не надо останавливаться на полдороге. Нужно трудиться и, путем объединения автономных Внутренней Монголии, Синьцзяна и Тибета в один крепкий федеративный союз, провести великое святое дело до конца и восстановить Цинскую династию до краев Внутренней Монголии и Барги. Объединение монголов началось, и это надо довести до конца.

Понимаю, что ни Барга, ни Малые, ни Большие Узумчи[ны] не подчиняются бестолковым халхасским министрам, но такого подчинения можно всегда избежать, учредив сейм из избранных князей из аймаков и сеймов Внутренней Монголии. Такой сейм под покровительством молитв Его Святейшества Богдо-хана будет решать вопросы всех кочевников, определять величины албы и согласоваться с действиями аймачных и других сеймов. Внутренние же свои дела малые сеймы будут разрешать сами у себя вполне самостоятельно, согласуясь со своими обычаями. Место, где должен собираться большой сейм — это там, где будет Богдо-хан.

Вашему Сиятельству, конечно, известно, что [Чжан Куню] — монархист, поэтому, понятно, всячески следует избегать столкновений и недоразумений с ним и его войсками. Но гражданские китайские власти — это революционеры, последователи черного сатаны, они под маской не существующей фантастической свободы, под личиной добра и обещаниями разных благ развращают нравственность людей, портят их, а народ вследствие этого бездействует и страдает. Примеры — Россия и Южный Китай.

Вас не должно удивлять, что я ратую о деле восстановления царя в Срединном Царстве. По моему мнению, каждый честный воин должен стоять за честь и добро, а носители этой чести — цари. Кроме того, ежели у соседних государств не будет царей, то они взаимно будут подтачивать и приносить вред од[но] другому.

Я уже обо всем этом писал [Югоцзур-хутухте]. Но Вас, как опытного и выдающегося дипломата, убедительно прошу снести с Большим [Узумчином]¹⁵⁶ и внутренними монголами, дав понять им, что теперь нельзя упускать время, а пришла пора

действовать решительно, ибо начало положено: Богдо-хан восстановлен, и надо присоединяться. Я был бы чрезвычайно счастлив, если бы Вы приехали и взяли на себя дипломатическую сторону всего этого дела. Тогда я заранее предчувствую успех.

Китай идет на уступки, ибо он поставлен в такое положение внутренними смутами и затруднениями в деньгах. Нельзя только упустить время, так как второго такого случая не будет.

За земными благами не стоит гнаться. Ваше Сиятельство, чем могу, тем помогу. Я знаю, что Вы поможете в этом деле [не] из-за честолюбия, что такое чувство не может Вами руководить, ибо Вы монархист. Я знаю, что Вы стоите и будете стоять за вечную правду, добро и благо людям и верю, что само Небо с высоты смотрит на Вас, ждет от Вас борьбы за честь и святую религию, дабы [ниспослать на]¹⁵⁷ Ваше потомство свои неисчислимыя благодеяния на вечные времена.

Шлю Вашему Сиятельству мои наилучшие пожелания успеха в делах и льщу себя надеждою повидаться с Вами.

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84–85об.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Л. Вольфовичу]

Начальник Азиатской конной дивизии
11 апреля 1921 года. № 690, гор. Урга

Леве Вольфовичу.

Посылаю письмо на имя начальника хунхузов. Примите меры к передаче его по назначению. Если позволит обстановка, то было бы желательно, чтобы Вы сами доставили ему это письмо. По имеющимся у меня сведениям, начальником хунхузов состоит Намака японец, но может быть, и китаец, во всяком случае, он состоит на японской службе. Он со своим войском должен находиться между Цицикаром и ст. Аньда.

Нельзя ли через него отправить на восток ценный груз? Из Хайлара, по слухам, грузы китайцами не пропускаются ни в Халху, ни из Халхи, туда посылать груз нельзя, и мне представляется наиболее удобным отправить его по маршруту на Нензешань, или куда укажет начальник хунхузов. Из вырученных денег одна третья часть выручки должна поступить [Чжан Куню], а хунхузам можно дать десять – двадцать процентов. Джалханца-гэгэн уезжает в Урянхайский край, а [Югоцзур] должен поехать сюда вместо Маньчжуши-хутухты¹⁵⁸, но еще не определено.

Генерал-лейтенант

Достаньте Жуча на эти дела. Может быть, и я сам приеду.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 88–88об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 24. Есть английский перевод: Letters captured from Baron Ungern to Mongolia. Reprinted from Peking and Tientsin Times (Original orthography and style maintained). 1921. Washington.

[Письмо Р.Ф. Унгерна] начальнику отдельного отряда войск, действующих в провинции Цицикар¹⁵⁹

Ваше Превосходительство,

Небо располагает нами, и ни один человек не знает заранее, как повернутся его дела, как и когда ему будет хорошо, а когда плохо. Потому-то так драгоценна бывает поддержка в трудную минуту. Как отрадно чувство, когда заранее знаешь,

от кого можно ожидать помощи, и как тяжело сознание, когда видишь [неразборчиво], что неоткуда ожидать поддержки, когда знаешь, что сам виноват в этом, ибо в свое время пренебрег другими, отвергнув, что могло принести обильные плоды. Эти плоды в трудную минуту могут быть в сто раз драгоценнее, чем та небольшая услуга, которая в свое время почти ничего не стоила.

Мои караваны в скором времени будут проходить по Вашим местам и, хотя сами по себе они не представляют очень крупной ценности, но, тем не менее, имеют для меня довольно большое значение. Я очень хотел бы, чтобы Вы пропускали их и оберегали от могущих быть неприятностей. Этим Вы сделаете мне большое удовольствие и окажете большую услугу, которую, конечно, я не забуду.

Есть хорошая пословица: гора с горою не сходятся, а человек с человеком сойдутся. Сам содержа войско, я отлично знаю, что для них и Вашему Превосходительству нужны деньги, а потому я всегда готов предоставить в распоряжение Ваше одну десятую часть денег, вырученных от продажи моих караванов. Вы, конечно, постоянно имеете большие дела с китайскими фирмами, а потому было бы очень желательно, чтобы Вы прислали ко мне в Ургу или по месту моего нахождения своего представителя, с которым мы и договорились бы о совместном приобретении средств для содержания наших войск.

Ваше Превосходительство, вероятно, слышали обо мне, но, может быть, Вам не ясны дела борьбы, которую я веду. Я сражаюсь с врагами всего человечества, революционерами. Это люди, которые пренебрегли всеми небесными и человеческими законами, у которых нет религии, нет царей, нет чести, нет ничего святого. Вы знаете, что теперь в России брат пошел на брата, сын на отца, все друг у друга грабят, все голодают, все забыли Небо. Я считаю, что каждый честный человек обязан теперь вести борьбу против этих ужасных людей, религия которых, как страшная зараза, распространяется по всему миру. Эта зараза хуже чумы и холеры.

Вам теперь понятно, почему я воевал против войск [Го Сунлиня]¹⁶⁰, который так предательски изменял Ли Чжанкую и прошлым году. Нам, честным военным, [неразборчиво] надо всем взяться за оружие и вести борьбу за великое дело, за восстановление Среднего Царства, за восстановление царей, какой бы национальности они ни были. Я знаю, что только восстановление царей спасет теперь испорченное Западом человечество.

Как Земля не может быть без Неба, так и государства не могут быть без царей. Я твердо верю, что свет идет с Востока, где не все еще люди испорчены Западом, где еще свято, в неизменном состоянии хранятся великие начала добра и чести, посланные людям самим Небом.

Я думаю, что в самом непродолжительном времени получу ответ от Вашего Превосходительства, который доставит мне приятное удовольствие.

Желаю Вам [неразборчиво]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об., подлинник.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Ли Чжанкую]

Начальник Азиатской конной дивизии

Мая дня 1921 г. №

Ваше Превосходительство, генерал Ли Чжанкуй.

Слышно было о Вашей плодотворной деятельности и о Ваших крепких монархических взглядах, и еще два года тому назад [я] посылал Вам письмо, но оно по оплошности и недобросовестности посланника, вероятно, не дошло.

Я знаю и верю, что только с Востока может идти свет, единый свет для существования государства на началах правды, этот свет — восстановление царей. Европейская культура принесла столько зла для государств и Востока, что пора вступить в борьбу и дать совместный отпор на долгие времена.

Мне известно, что большинство [цзяньцзюней]¹⁶¹ — монархисты. Вам они тоже известны, а потому я не пишу их имена. Знаю и твердо уверен, что, вступив с ними в переговоры, Вы поможете нашему общему делу — делу борьбы со злом революционных учений, с противниками чести, правды и добра. Нам всем надо объединиться и сделать это скорее — ибо время настало. Я уверен, что восстановленная Халха нам поможет в этом святом деле и успех будет обеспечен. Необходимо теперь же дать толчок к выступлению против общих врагов за великие цели, за великую правду Востока.

Возьмите на себя почин в этом деле, и я со своим войском с радостью помогу Вам. Вы сами знаете, что только совместная, строго обдуманная борьба принесет скоро плоды и даст радость и покой человечеству восстановленных монархий. Цари — охранители религий, о чем человечество стало забывать.

Пространства, нас разделяющие, так велики, что разбросанные действия не принесут должных плодов, помочь же Вам присылкой оружия и всего необходимого не в состоянии по этой же причине, но у меня все есть и в большом количестве. Если Вы найдете какой-либо способ получить от меня военные припасы или что другое необходимое, то все, чем я располагаю, с радостью предоставлю в Ваше распоряжение и отдам Вам.

Необходимо вступить в связь с магометанами и найти способы разяснить [вред] розни, существующей между ламаитами и магометанами. Нельзя забывать, что Вы один во всей вселенной. Я хотел бы, [чтобы] Вы прислали ко мне, кто [неразборчиво] из почетных алтайских киргиз, через кого я мог бы установить связь с алтайскими монголами и магометанами. Необходимо сделать это теперь же, чтобы предупредить повторение 1910 года, когда алтайские магометане были направлены против монгол. Надо предупредить о возможном выступлении шарасуменского (алтайского) губернатора.

Вероятно, различные слухи обо мне дойдут до Вашего Превосходительства, а потому, пользуясь случаем, я хочу Вас заверить, что мною руководит единственная и главная цель — это борьба с разрушителями великих человеческих устоев, борьба за правду и свет, идущий с Востока, борьба за восстановление царей.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 83–84об.

[Мнимое письмо Р.Ф. Унгерна В.И. Анучину¹⁶²]

Василию Ивановичу Анучину.

Высокоуважаемый гражданин,

на мою долю выпала высокая честь, на основании прилагаемых мандата и писем, доложить Вам и просить Вас о нижеследующем.

Советская власть изжила сама себя, разлагается и тянет за собою в пропасть все наше государство. Ее крушение будет очень болезненно для всех граждан России, ждать естественной смерти этой власти — значит принимать участие в сознательном разрушении России, а потому нужно или с большевиками мирно договориться об их уходе от власти, или сбросить их силою, третьего выхода нет.

Мы отнюдь не желаем пролития крови, а потому и завели переговоры, которые в настоящее время достигли следующих результатов. Москва соглашается представить Сибири полнейшую самостоятельность, ей безразлична даже форма правления в Сибири, исключая самодержавие. Границей является Уральский водораздел. Но Москва требует: 1. Чтобы по всей российской Сибирской границе бессрочно не устанавливалось таможенных сборов, и чтобы Сибирь в течении двух лет ежегодно бесплатно доставляла для России 300 миллионов пудов угля, 100 миллионов пудов пшеницы, 50 мил. пуд. мяса, 50 мил. пуд. жиров и 50 мил. пуд. рыбы. Полагая, что никакое будущее сибирское правительство не сможет принять подобных условий, мы тоже категорически отказались от разговора о подобной контрибуции и заявили через уполномоченного Львова о том, что в конце апреля начнем организованное наступление по всем фронтам, а до того времени будем напоминать [о] себе периодическими набегами. Так или иначе, но через два месяца в Сибири Советская власть не будет существовать, следовательно, на первое время необходимо организовать какую-то новую, дабы страна не попала в еще более худшее состояние анархии, смуты и еврейских погромов.

Мы все, стоящие с оружием в руках, мы только честные солдаты, на обязанности которых лежит только выбросить вон разлагающийся труп большевизма. Среди нас нет талантов, которые могли бы справиться с государством, тем более в такое исключительно трудное время. Да если бы и оказались среди нас подобные люди, то они не могут взять власти во избежание нареканий, чтобы и про нас не сказали, что мы добиваемся не спасения государства, а только власти для себя, подобно большевикам. Поэтому все руководители наши единогласно и все войсковые части, в которых этот вопрос уже обсужден (семь восьмых состава), тоже единогласно порешили:

1) Просит[ь] Вас, Василий Иванович, во имя Вашей многократно проявленной любви к родине, во имя тех страданий, которые Вы потерпели ради этой любви — просит[ь] Вас принять на себя тягостное бремя управления Сибирью на первое время. Форма правления, состав правительства и персональное приглашение представляются на полное Ваше усмотрение.

2) Просим Вас учесть наше страстное желание видеть Вас президентом республики Сибири, или председателем Совета Министров, в зависимости от конституции. Мотивы нашей просьбы таковы.

а) Вы за смертью Г.Н. Потанина¹⁶³ — единственный человек, широко популярный в Сибири. Вас знают буквально от Урала до Камчатки и от Монголии до Ледовитого океана.

б) При последних передвижениях наших частей по Сибири мы осведомились, что Вас знают и о Вас любовно вспоминают в самых глухих деревнях.

в) С вашим именем сильно считаются и Вам лично готовы доверять наши друзья-американцы, как это Вы видите из писем [190]1–3–5 г[одов]. К Вам с глубоким уважением относится наш враг В. Ленин (письмо 7-е).

д) Ваша идея об Азиатской федерации имеет много друзей и горячих сторонников в Корее, Монголии, Китае и в Индии.

е) Вы — единственный, который может объединить вокруг себя многих.

ж) Ваш отказ повлек бы за собою все ужасы министерской чехарды жадных до власти, но ни на что творческое не способных людишек. Мы умоляем Вас и скоро приедем лично умолять: пожалейте родину и спасите ее.

Глубоко преданный, готовый верой послужить Вам, Василий Иванович, Унгерн. Мандат и письма благоволите или уничтожить, или возвратить с подателем сего.

С подлинным верно:

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 110–111.

[ОТВЕТ В.И. АНУЧИНА НА МНИМОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА]

Гражданину Унгерну.

Уважаемый гражданин,

оставаясь при мысли, что применением насилия можно породить новое насилие, что штыком и пулеметом можно только разрушать, но не создавать — я, естественно, не могу разделять надежд на вооруженное восстание, хотя бы и успешное.

По существу переданного Вами предложения, я считаю долгом дать категорический ответ и сообщить, что я абсолютно не пригоден на предлагаемую роль и отказываюсь от нее по той причине, что я совершенно отошел от политической деятельности с намерением никогда к ней не возвращаться.

Надеюсь, что моей родине я еще сумею послужить, но в совершенно иной сфере деятельности.

В. Анучин. 15 марта 1921 года

С подлинным верно: Уполномоченный по политпартиям (подпись)

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 112.

[ВОЗЗВАНИЕ К ГРАЖДАНАМ РОССИИ О ВОССТАНИИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ]

Русский гражданин, неужели ты еще не очнулся от того дурмана, который напустили на тебя большевики? Неужели ты все еще идешь с тем, кто тебя грабил, разорил, превратил некогда свободного в арестанта какого-то самозванного правительства; неужели ты все еще не видишь тот позор, то обнищание, которого ты достиг благодаря большевикам?

Нет, настало время, твои глаза должны прозреть: ты не можешь не видеть, что у тебя ничего нет, куда ж это все девалось? Как это случилось, что у тебя ничего не стало? А дело очень простое. Ни одно государство до сих пор не признает и никогда не признает большевиков, ни одно государство не войдет с Советской Россией и не будет вести торговли. Советская Россия обречена на верную гибель, если только сам народ не поймет это вовремя.

Вы заперты сейчас со всех сторон, вы доедаете и допиваете последнее, помните, что вы ниоткуда не получите ни одного зерна, ни одной тряпки, ни одного ломаного гроша. Вы обречены на полную гибель, если не сбросите со своей шеи

проклятых насильников. Мы, бежавшие от преследования большевиков, сплоченные сейчас твердой и сильной властью, закликаем вас Богом живым пожалеть несчастную и всем нам дорогую матушку Россию, которая лежит сейчас изнасилованная, голая, больная и голодная и умоляюще смотрит на вас. Она хочет сказать вам: “Сыны мои милые, что вы сделали со своей матерью, я погибаю. Помогите”. Но она молчит, потому что не может ничего сказать.

Настоящим воззванием мы призываем всех, кому дороги их семьи и их семейные очаги, помочь нам освободить несчастную нашу родину от тех врагов, разбойников и грабителей, которые стоят сейчас во главе России и правят нами повсюду.

Мы поведем наступление сразу со всех концов, сил у нас для этого больше, чем хватает, но вы должны тотчас же присоединиться и идти с нами против наших общих врагов. По свержении большевизма, вы скоро получите все: и хлеб, и одежду, и обувь, и скот, и машины, и вообще все, что вы имели до революции. Во всех иностранных портах уже давно заготовлено для будущей белой России все необходимое. Это необходимое ждет только переворота, чтобы хлынуть в Россию. Если вы хотите остаться теми арестантами, коих вы из себя сейчас представляете, не имея возможности свободно двигаться никуда; если вы хотите питаться и одеваться какими-то карточками вместо настоящего хлеба и одежды; если вы не хотите иметь своего собственного ни от кого не зависимого хозяйства, то есть своего любимого гнездышка, которое имеют даже птички; если вы хотите рождаться и умирать позвериному — тогда оставайтесь с большевиками на свою погибель. Если же вы хотите иметь все то, что вы имели до революции и жить так, как прежде жили, тогда не задумывайтесь и не дожидайтесь, чтобы вас прокляли ваши дети, а присоединяйтесь к нам при первом мощном нажиме Белой армии.

Знайте, что мы победим, потому что с нами правда, а следовательно и Бог. Итак, к нам друзья, вперед!

Осведомительный отдел Штаба отдельного конного Урянхайского отряда генерала барона Унгерна

РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 48–48об.

[УСЛОВИЯ НАЙМА ДОБРОВОЛЬЦЕВ В АЗИАТСКУЮ КОННУЮ ДИВИЗИЮ В 1921 Г.]

Условие

Мы, нижеподписавшиеся... выдали настоящую подписку начальнику Азиатской конной дивизии в нижеследующем:

1. Мы поступаем добровольцами на военную службу в Азиатскую конную дивизию на срок 4 месяца, считая со дня заключения сего условия.
2. Обязуемся сражаться как в Монголии, так и за ее пределами, где будет указано и с кем прикажут.
3. Обязуемся беспрекословно подчиняться назначенному над нами начальнику-командиру и исполнять все требования и приказания, как и прочие войска Дивизии.
4. До окончания срока службы не имеем права уволиться и просить увольнения.
5. При поступлении на службу получаем по шестьдесят (60) рублей золотом или билонным серебром (по существующему курсу 123 рубля 40 копеек).

6. Размер жалованья должен определяться в зависимости от исполнения обязанностей, а именно: всадникам — 15 рублей, даргам — 18 рублей, заводным — 25 рублей, вахмистрам — 28 рублей и командирам сотен — 30 рублей золотом или билонным серебром (по существующему курсу: 15 рублей золотом — 30 рублей 85 копеек билонном; 18 рублей — 37 рублей 02 коп., 25 рублей — 59 руб. 41 коп., 28 руб. — 65 руб. 58 коп и 30 рублей — 69 руб. 59 коп.).

7. В случае похода или в какое-либо другое тяжелое время мы не имеем права заявлять претензий.

8. Сверх полагаемой по Дивизии нормы продовольствия, обмундирования и пр. не имеем права требовать никаких дополнительных выдач.

9. В случае смерти кого-либо из нас в боях или от ранений, полученных в боях, наши законные наследники или лица, бывшие на нашем иждивении, вправе получить пособие в размере 300 рублей золотом или билонным серебром (по существующему курсу 617 рублей).

10. При потере трудоспособности от ранений мы вправе лично получить пособие в том же размере.

11. Пособие, полученное за потерю трудоспособности, в случае последующей смерти потерпевшего, проистекшей от того же ранения, подлежит зачету при получении пособия родственниками.

12. За всякое полученное в боях легкое ранение потерпевший вправе получить вознаграждение в размере 100 рублей золотом или билонным серебром (по существующему курсу 205 рублей 66 копеек).

13. По истечении срока службы, желающие могут, по согласованию с начальником Дивизии, остаться в рядах войск Дивизии на условиях сего договора.

14. Во всех случаях причитающихся нам платежей мы согласны получать не золотом, а равноценной валютой, хотя бы билонным серебром, долларами и пр. монетой, какие будут находиться в обращении.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 1, п. 104, д. 47, л. 6–6об.

[ВЕРБОВКА В МАНЬЧЖУРИИ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В АЗИАТСКУЮ КОННУЮ ДИВИЗИЮ]

Донесение 27 апреля 1921 г. Корреспондент “Таймс” сообщает, что в Хайларе белогвардейцами организовано вербовочное бюро, куда из приаргунских станиц отправляется немало добровольцев, прельщаемых заманчивыми обещаниями. По прибытии отправляются в Монголию к Унгерну. Корреспондент “Таймс” сообщает, что в планы Унгерна входит захват главных пунктов КВЖД, в частности, станций Маньчжурия, Хайлар, Цицикар, Харбин, Жэхэ.

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 13.

[ПРЕДСКАЗАНИЕ СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ ЛУБСАН БАЛДАН ЕШЕ¹⁶⁴]

Предсказание священнослужителя Просветленного¹⁶⁵ Лубсан Балдан Еше в местн[ости] Гадан Пубаран, находящейся в ведении Далай-ламы.

Молюсь тебе, всемогущий великий Лама¹⁶⁶, распространитель божественных законов в [Шамбал-Галабе]¹⁶⁷. К тебе обращаю мои правдивые слова.

В северном направлении существует Шамбал-Галаба, место наивысшего пространства великой религии, где постоянно и главным образом возносятся моления к божеств[ам] бодисада¹⁶⁸ и Гал-дзагда. Рай этот далеко превосходит место Чжанжил-Намжил-Хан-Оан, там имеется храм площадью в 12 бэр, со всех 4 сторон украшенный драгоценностями. А вокруг него расположены 900000000 построек. Леса и сады его превосходят по своей красоте небесные сады и леса. Среди всего этого виднеются два больших и малых обиталища божеств и место спасения высших могущественных существ. Обиталища эти раскрашены драгоценностями. На востоке и на западе от рая имеются два моря с ласкающей взор поверхностью и [на]полненных драгоценностями, размер их по 12 бэр.

Ты, великий Лама, живущий в этом рае среди его обитателей, богатых и постоянно пребывающих в молитве, по истечении 4 лет с сего момента, приняв титул Рыгдын-Дагба-Хана¹⁶⁹, победишь войска лалу¹⁷⁰, но когда повсеместно распространится святая религия, не забудь данную тобою раньше клятву и возьми меня главным над твоими последователями. Когда же великий Божественный Лама, верхом на каменном коне, сильном как ветер и с коротким копием в руках, пронзит сердце лалу, призови меня в число своих друзей. Войска твои будут из различных национальностей. У тебя будет 40000 больших слонов диких, 4000000 слонов бешеных, много войск, и пронзишь в сердце богатыря лалу. В то же время, Хану Мандуй пронзит острым оружием сына Дарнай Дава-Чамбы.

Твоих 12 сильных крепких гениев¹⁷¹ совершенно уничтожат всех злых гениев лалу, твои слоны уничтожат слонов [лалу], лошади же твои побьют твоих лошадей, а твои золотые колесницы [побьют колесницы] [лалу]. Твои пособники усмирят покровителей лалу, уничтожив совершенно влияние [лалу], и когда настанет время повсеместного распространения святой религии — ты возьми меня к себе приближенным. После проповеди тобою в течение многих лет религии, ты 22 числа средней весенней луной в год лошади, при великолепном пении собравшихся богатырей и волшебниц, займешь место великого божества, и тогда возведи меня в божество.

Переведено с тибетского языка 24 марта 1921 г., г. Урга

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 70–70а; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 100–101.

[Ослабление позиций Р.Ф. Унгерна в Монголии в марте 1921 г.]

[Телеграмма] из Иркутска. Получена 17/3/21 г. Расшифрована 19/3/21 г. Москва, Чичерину, Коминтерн, Ковецкому, Карахану, Янсону, Ленину

В дополнение к переданной Вам информации, сообщаю определенно достоверную информацию о положении дел в Урге и настроениях Хутухты и тех кругов монгол, которые около него группируются. Хутухта накануне прихода Унгерна посылал в Сов. Россию двух гонцов с просьбой о помощи, которые, очевидно, были перехвачены кем-то в пути. Монголы, первое время отдавшись обаянию переворота, ныне под влиянием насилий [в] Монголии, по снабжении их прод[овольственным] фуражом, разочаровались в Унгерне, чему способствовало малое наличие у Унгерна собственных сил, всего без монгол около 2000 человек и японцев — около 100 человек. Все евреи и многие русские в Урге вначале китайцами, а затем бело-

бандитами перебиты. Монгольская нар[одно]-рев[олюционная] партия считает, что настроения Урги для ее деятельности весьма благоприятны, что представляется полностью возможным для целей революционной работы использовать Хутухту, что западные аймаки Монголии находятся пока совершенно вне влияния Унгерна, и Нар[одно]-рев[олюционная] партия бросает туда работников. Она послала навстречу отрядам Унгерна агитаторов с целью разложения монголов, находящихся в его отрядах. Монгольская нар[одно]-рев[олюционная] партия западнее Желтуры объяв[ила] и производит мобилизацию 6 очередей монгол. В общем, положение таково, что в борьбу за освобождение Монголии втянуты уже сами монголы, с их помощью мы сможем легче справиться с бандами Унгерна.

Уполкоминтерна Шумяцкий
 АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 7.

**[Из “Воззвания” к монгольскому народу, выпущенного членами
 кружка монгольских революционеров в Маймачене]**

“Мы, представители партии, поднялись на борьбу потому, что монгольские князья и ламы, в чьих руках находится власть, не пойдут на такой шаг, они могут только угнетать монгольский народ. Они ослабили мощь государственной власти и в конце концов продали страну, отдав монголов в рабство китайским милитаристам. Наша партия поднялась на борьбу против гаминов и послала своих представителей в Страну Советов с просьбой оказать помощь угнетенным аратам, помочь восстановить автономию и независимость страны и добиться свободы для аратских масс. Как уже известно, Советская Россия обещала свою помощь.

Некоторые недалековидные монгольские князья и ламы выступают на стороне белогвардейца Унгерна, изгнанного из своей страны и не находящего себе пристанища, мобилизуют в его банды мирных аратов, в то время как этот палач вовсе не думает о восстановлении независимого монгольского государства. Наша партия не может терпеть такого положения. Она объявляет о создании Народной армии для борьбы с бароном Унгерном и гаминами. Мы хотим освободить Монголию и установить народную власть”.

“Воззвание” было разослано в караулы, расположенные на западе и востоке от Кяхтинского Маймачена. Оно послужило руководством в агитационной работе среди аратских масс.

Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. Москва. С.174–175.

**[ОБРАЩЕНИЕ ЦК МНРП О ПРИЕМЕ В КОМИНТЕРН
 И БОРЬБЕ С Р.Ф. УНГЕРНОМ]**

11 марта 1921 года ЦК Монгольской народно-революционной партии обратился к Коминтерну с просьбой “принять ее в число симпатизирующих партий” и в подтверждение революционного характера этой партии сообщил Дальневосточному секретариату Коминтерна следующий текст своего заверения:

“Настоящее заверение вручается вам для передачи руководящим органам Коминтерна в следующем:

1. Центральный Комитет нашей партии, штаб ее войск неизменно должны изолировать от отряда Унгерна и вообще от русских белогвардейцев всех монголов и монгольские отряды, присоединявшиеся к ним.

2. Войска нашей Монгольской народной партии ни в коем случае не перейдут на сторону белогвардейцев и присоединившихся к ним монголов.

3. Наша организация всячески будет стараться распространять идеи нашей партии среди всех кругов монгольского народа с установлением прочной ориентации на Коминтерн.

В подтверждение вышеизложенного вручаем настоящее письмо.

Командующий войсками Сухэ-Батор, председатель ЦК Монгольской наррев-партии Данзан, члены ЦК: Лосол и Дамба, члены штаба войск этой партии: Гун Билэксайхан, Ильгун Батор, Бэйсэ Сумья. Белой луны 27 число (март 1921 года)".

Вскоре Монгольская народно-революционная партия была принята в число "симпатизирующих" Коминтерну партий и с этого момента, совпавшего с победами Монгольской революции и освобождением столицы страны — Урги (ныне Улан-Батор), начала уже легально развивать свою деятельность и стоять свое самостоятельное государство путями, отличными от путей развития капиталистических государств, но еще и не социалистическими.

Советско-Монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. 1975. Москва–Улаанбаатар. С.452.

[ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА МОНГОЛИИ]

Совещание, состоявшееся 30-го дня средней весенней луны монгольского года "белой курицы", по европейскому летосчислению 13 марта 1921 г., на котором присутствовали: ... главнокомандующий армией Сухэ-Батор... начальник штаба армии Народной партии Билэгсайхан... представитель Народной партии Чойбалсан, представители армейских частей, хошунов и шаби: Пунцаг, Хас-Батор, Равжир, Дашцэвэг, Баярт, Лувсан, Жорон, Наваан, Далай, Дамдинсүрэн, Содномдаш... обсудило и констатировало следующее: народные массы Монголии, не будучи в состоянии долее терпеть гнет гнаминов — китайских захватчиков, повсеместно поднялись на борьбу с оружием в руках с целью свержения ига китайских милитаристов и создания своего самостоятельного государства. Но когда уже был близок час освобождения¹⁷² {аратские массы} были дезориентированы. Монгольские князья, как-то: Цэвэн Тэргун, Тогтохо-тайджи, Дугар-Мэрэн и другие недаленовидные и не разбиравшиеся в смысле событий прошлого, [настоящего] и будущего люди — вступили в сговор с белобандитом и разбойником бароном Унгерном. Воспользовавшись темнотой и отсталостью населения Монголии, Унгерн, прикрываясь лозунгом освобождения монгольских народных масс от гнета китайских милитаристов, внезапно ворвался в город Хурэн¹⁷³ и захватил власть в свои руки. Бесчисленными грабежами и убийствами Унгерн терроризировал трудовое население. И хотя Богдо-хан был восстановлен на троне, власть оказалась в руках одного барона Унгерна, ставшего диктатором. Правительство оказалось не способно управлять государственными делами монгольской нации. Оно сформировано по принуждению, а не доброволь-

но. В его состав были насильственно введены некоторые известные монгольские деятели¹⁷⁴.

Целью вооруженного восстания народа является, во-первых, освобождение родины от ига китайских милитаристов, а также очищение ее от захватчиков, вторгнувшихся из других государств, во-вторых, создание правительства, способного защищать интересы монгольского народа и развивать его культуру. Для осуществления задачи освобождения монгольской нации от иностранной зависимости следует стремиться к завоеванию и расширению прав трудящихся и укреплению народной власти.

Совещание постановляет: создать такое правительство, которое вступит в дружеские отношения с соседними государствами. Совещание избирает монгольское Народное временное правительство в составе семи членов. В состав его включаются Сухэ-Батор, Билэгсайхан, Чойбалсан (и др.). Вновь избранному правительству поручается распределить обязанности между своими членами и создать соответствующие отделы.

Кроме того, совещание поручает Временному правительству осуществить следующие ближайшие задачи: освободить страну от китайских милитаристов, очистить ее от русских белогвардейских отрядов и от всех прочих вооруженных банд, от шаек воров и грабителей и обеспечить тесную связь между монгольским народом и дружественными народами соседних государств.

Совещание поручает Временному правительству созвать Великий хурал народных представителей Монголии для избрания постоянного правительства и принятия основных законов.

МУА, ф. 1, оп. 1, л. 1. — Цит. по: Насанбалжир Ц. (сост.). 1960. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1954 гг.: Документы. М.: Наука. С.9–11.

[ОБРАЩЕНИЕ ВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К НАСЕЛЕНИЮ МОНГОЛИИ]

К аратам, ламам и князьям всей Монголии!

Освободим свою страну от ига иностранных оккупантов!

Изгоним вооруженных бандитов, рыскающих по нашей земле, грабящих наш народ и сеющих смуту!

Установим на нашей земле порядок и спокойствие!

...Мы, семь человек, по совету почетных и мудрых людей нашей страны, были избраны членами Временного правительства Монголии. Нам поручено созвать представителей от населения всей страны и открыть Великий Хурал, который должен обсудить и решить все государственные дела, избрать постоянное правительство независимого монгольского государства, издать необходимые законы.

Отныне вся власть принадлежит монгольскому народу, а распоряжения иностранных захватчиков не имеют никакой силы.

Временное народное правительство приложит все свои силы для освобождения аратских масс. Мы верим и будем верить, уповая на предопределение Неба, в великое и прекрасное будущее монгольского народа. Вы все без исключения видите, какие безграничные страдания приходится переживать Монгольскому государству. Вы, мудрецы и интеллигенты, справедливые мужи и смелые богатыри, должны понять значение переживаемого момента и помочь добиться для нашей страны счастливого будущего.

Русские белогвардейцы во главе с бароном Унгерном, пытавшиеся установить у себя на родине, в России, жестокую власть эксплуататоров, были изгнаны из ее пределов своим же народом. Воспользовавшись острым недовольством монгольского населения произволом китайских милитаристов, белобандиты выдвинули лозунг — освобождение Монголии из-под жестокого гнета гаминов и создание самостоятельного Монгольского государства. Прикрываясь этим лозунгом, они вторглись на нашу землю, заняли Ургу, захватили власть в свои руки и терроризируют все население.

Исходя из этого, Народное правительство, следуя принципам справедливости, призывает вас изгнать из пределов нашей страны безнаказанно бесчинствующих белобандитов, полностью очистить от них нашу родину.

Временное правительство ставит перед собой следующие задачи: освободить родину от гнета китайских милитаристов, уничтожить вооруженные банды белогвардейцев, орудующие в нашей стране, и тем самым обеспечить спокойствие в стране. Наше правительство гарантирует полную безопасность жизни и сохранность имущества мирным иностранным гражданам: русским, китайцам. Пусть каждый свободно занимается своим делом. Представители народа всей Монголии созовут Великий Хурал, который обсудит важнейшие государственные дела и изберет постоянное правительство независимого Монгольского народного государства.

Вторая луна 11 года Многими Возведенного (март 1921 г.)

Чойбалсан Х. 1952. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд. иностр. лит. С.55–56.

**[ЦИРКУЛЯР МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УРГИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ**

ПРОТИВ ВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 28 МАРТА 1921 Г.]

<...> Объявляется для общего сведения с целью разъяснить следующее. 19-го числа среднего весеннего месяца с.г. председатель Совета министров сообщил министру внутренних дел Высочайшее повеление, в котором сказано: В тот момент, когда китайские войска гамины, устранив наших монголов военной силой, захватили власть и всячески угнетали, благодаря милости Трех Высших Драгоценностей и благодаря силе веры многих желтых и черных (духовенства и мирян), командующий русскими белыми войсками генерал барон и прочее, свидетельствуя глубокую дружбу между Россией и Монголией, из уважения к Тройному соглашению, предводительствуя Белой армией боя, вошел в столицу Ургу, разбил жестоких гаминов и восстановил спокойствие и порядок в стране, ввиду чего находящиеся в Урге ваны и гуны, хутухты и ламы после совещания между собой возвели на престол хана, установили автономное управление и отправили ноту с особым посланным к комиссару по иностранным делам России, свидетельствуя глубокую дружбу между Россией и Монголией. В силу этого, все дела между Россией и Монголией должны остаться по-прежнему исключительно за правительством. Между тем, как слышно, недавно в районе Кяхты Сухэ-Батор, Данзан, Бейба, [Сумья] и прочие лица, назвавшись Моннарреволюционной партией, без директив правительства, под предлогом проведения переговоров [с] русскими властями из окраинных хошунов мобилизовали представителей и цириков; в опубликованной декларации говорится, что, согласно

революционным методам, они намерены главным образом уважать права народной массы. Это, несомненно, означает намерение, противоположное монархическому управлению. Ведь даже в великих странах это крайне трудно проводимо, а о том, как провести среди такой некультурной малой народности, как наша Монголия, и говорить не приходится. Кроме того, в исторических памятниках с древних времен и до сих пор ясно излагается, что, как только появление внешних врагов совпадает с внутренними неурядицами, то наступает гибель государства.

Наша Монголия, едва-едва освободившись от жестокости гаминов, успела лишь восстановить свое автономное монархическое управление. Если в этот момент, когда желтые и черные, высшие и низшие, объединившись, не стоят на страже, выставив общие силы навстречу жестоким врагам — тогда следует опасаться, как бы наших сил не оказалось слишком мало. Если в этот момент выступит Революционная партия, то не только можно разрушить государство, но и можно довести дело до уничтожения религии и нации всей Монголии до [огорчительных бедствий]¹⁷⁵. Теперешняя Монгольская народная партия как бы является другом жестоких китайских гаминов, все же лица, которые помогают этой партии, в то же время помогают врагам Монголии, государственный [пропуск в оригинале] не может им дать никакой пощады. Тем не менее, упомянутых чиновников да простолюдинов, входящих в эту партию, с самого начала [есть] искреннее намерение освободиться скорее из-под власти жестоких китайских гаминов и восстановить Монгольское государство. Но, находясь [далеко] от центра, не зная о положении дел в последнем, а также своеобразно [пропуск в оригинале] тактику революционных партий, они, по-видимому, по недоразумению опубликовали декларацию. Об этом факте я очень сожалею. Ввиду изложенного, настоящее мое желание — внушить и разъяснить, повелеваю опубликовать для общего сведения и тем самым скорее избавить монгольскую массу от моря страданий, объединить все силы от высших до низших слоев и, на страже [от] жестоких врагов укрепляя устои государства, защищать религию и [народ].

Руководствуйтесь таковым моим истинным стремлением, согласно сему повелению. Настоящее разъяснение публикуется на всеобщее сведение, и пусть каждый следует ему. Того ради объявляется.

Многими Возведенного 11 года второй луны 20 число.

Печать Министерства внутренних дел <...>

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 196.

[Приказ Р.Ф. Унгерна о передаче в Азиатскую дивизию иконы Иннокентия Святителя]

Управление коменданта города Урги
12 апреля 1921 г. № 477 вх. № 6
Командиру первой батареи полковнику Дмитриеву

Начальник дивизии приказал: икону Иннокентия Святителя, хранящуюся у меня и найденную вахмистром Алексеем Чистяковым (мой ординарец) при разборке китайского хлама в день коронации Богдо-хана 22 февраля и в день обретения мощей Иннокентия Святителя, передать в батарею, хранить, и следовать означен-

ной иконе во всех походах, как совпадение двух великих торжеств монгольского и русского народов. Отдать, кроме того, в приказе.

Подполковник [подпись:] Сипайлов

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 12, подлинник.

[ПРИКАЗ Р.Ф. УНГЕРНА О БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ]

Управление коменданта города Урги

14 апреля 1921 года № 508 город Урга

Командиру батареи полковнику Дмитриеву

Начальник Азиатской дивизии приказал принять самые энергичные меры к недопущению появления всадников, а тем более офицеров на улицах в пьяном виде. Виновные будут арестованы и выпороты, не считаясь со званием.

Подполковник [подпись:] Сипайлов

Делопроизводитель чин. воен. вед. [подпись]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 11, подлинник.

[МЕРЫ РКП(б) ПО РАЗЛОЖЕНИЮ ВОЙСК Р.Ф. УНГЕРНА]

Запрос Сиббюро ЦК РКП(б) на агитационную литературу¹⁷⁶ для разложения войск барона Унгерна

26 марта 1921 г. Москва ЦК РКП

Уполкоминтерна Востбюро в Иркутске просит о срочном издании воззвания к башкирам и татарам, находящимся в белогвардейских отрядах Унгерна в Монголии о даровании им амнистии и обеспечения возвращения на родину.

Ввиду настоятельной необходимости принять меры отвлечения башкир и татар от Унгерна, просим срочно предложить Башкирскому и Татарскому бюро изготовить такие воззвания и в достаточном количестве выслать их Уполномоченному в Иркутск. № 81/сек.

Секретарь Сиббюро ЦК РКП

ПАНУ, ф. 1, оп. 9, д. 8-а, л. 22об., отпуск. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С.221.

Выписка из протокола заседания ЦК РКП(б) о мерах по разложению войск барона Унгерна в Монголии

г. Москва 31 марта 1921 г.

Слушали: О воззвании к башкирам и татарам, находящимся в белогвардейских отрядах Унгерна в Монголии.

Постановили: Башкирскому и Татарскому обкомам предложить дать согласие и поручение в Омск и Иркутскому уполномоченному Сиббюро издать за подписью Баш[кирского] и Тат[арского] обкомов воззвание к башкирам и татарам, находя-

щимся в бандах барона Унгерна в Монголии, с обещанием им амнистии и содействия возвращения на родину. (Согласие на амнистию подтвердить в Политбюро).

Секретарь Цека — Молотов

ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 29, подлинник. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С. 221.

Требование Б.З. Шумяцкого к Сиббюро ЦК РКП(б) об организации работы по агитации среди башкир, татар и казахов в белогвардейских частях барона Унгерна

Из Иркутска 21 апреля 1921г. Омск Сиббюро

Срочно войдите в сношение с Татарской и Башкирской республиками о срочном издании воззвания к татарам и башкирам, находящимся в отрядах Унгерна, о даровании им амнистии и обеспечении им возвращения на родину и высылке этих воззваний в достаточном количестве в Секретариат. Предложите Юсупову, председателю киргизско-татарской секции, немедленно послать согласно условию с нашим представителем Ишидоржиным литературу и агитатора для работы разложения отрядов Унгерна. № 525.

Уполкоминтерна Шумяцкий

ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 21, дешифрант. — Цит. по: Мальшева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сиб. хронограф. С. 225–226.

[Письмо Р.Ф. Унгерна В.М. Молчанову 18 мая 1921 г.]

Начальник Азиатской конной дивизии

мая 18 дня 1921 г. № 957. г. Урга. Генералу Молчанову

Ваше Превосходительство,

с восторгом и глубоким удивлением следил я за Вашей деятельностью и всегда вполне сочувствовал и сочувствую вашей идеологии в вопросе о страшном зле, каковым является еврейство, этот разлагающий мировой паразит. Вы вспомните беседу, которую мы вели с Вами под дождем, касаясь очень близко этого важного предмета. Потом времена изменились, и с тревогою и болью в сердце получал известия о Вас и болел душою за Вас.

Теперь с восхищением узнаю, что Вы вновь в деле с нашим врагом и что красные имеют перед собою такого испытанного и бесстрашного противника. В настоящее время Вам удастся осуществить свой план действий в отношении евреев, от которых даже на семя не должно остаться ни мужчин, ни женщин.

Я выступаю на север и, таким образом, мы с Вами опять будем рука об руку бороться против ваших общих ненавистных врагов. В добрый час.

Примите уверения в моем глубоком и искреннем к Вам уважении и преданности.

Генерал-лейтенант

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 65, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 13.

[Письмо Р.Ф. Унгерна К. Грегори¹⁷⁷ 20 мая 1921 г.]

Начальник Азиатской конной дивизии
Мая 20 дня 1921 г. № 986. гор. Урга

Осведомляю Вас для сведения и руководства о происходящем в Монголии. В настоящее время в пределах Монголии нет более китайских революционных войск, они в главной своей части разбиты и уничтожены, частью бродят. Идет усиленная работа по объединению Внешней и Внутренней Монголии, по присоединению к общему Монгольскому государству племен Восточной и Западной Монголии. Работа идет успешно, и я уверен в благом результате правительства Богдо-хана и моих стараний в этом направлении. В настоящее время обращено особое внимание на восточно-монгольские области, которые должны явиться надежным оплотом против натиска революционного Китая, а затем будут приняты меры для присоединения Западной Монголии. По одобренному плану, присоединяющиеся области не будут подчинены власти Совета министров в Урге, но сохранят в целости и неприкосновенности самостоятельность аймаков, свои законы и суды, административно-общественную структуру, составляя лишь в военном и финансово-экономическом отношении одно целое в виде оборонительного союза, находящегося под благословением Богдо-хана. Цель союза двоякая. С одной стороны, сделать ядро, вокруг которого могли бы сплотиться все народы Монгольского корня; с другой — оборона военная и моральная от растлевающего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности во всех ее душевных и телесных проявлениях. За Кобдосский район я спокоен, так же, как и за урянхайский народ (древние тубы, сойоты), которые охотно присоединятся сюда, испытав одни гнет Китайской республики, другие — тяжелую руку китайских революционных коммунаров и коммунаров-большевиков.

Следующи[м] этап[ом] организованной работы в Азии, работы, идущей под лозунгом “Азия для азиатов”, является образование Серединного Монгольского Царства, в которое должны войти все монгольские народы. Я уже начал сношения с киргизами и отправляю письмо влиятельному деятелю Алаш-Орды, бывшему члену Государственной думы, очень образованному киргизскому патриоту, потомку наследственных ханов Букеевской орды (от Иртыша до Волги) А.М. Букей-хану¹⁷⁸. Необходимо Вам действовать в этом направлении на Тибет, Китайский (Восточный) Туркестан и, особенно в первую очередь — [Синьцзян]¹⁷⁹, причем следует найти таких влиятельных лиц в названных областях, к которым можно персонально обратиться, избегая обращения к безличному целому — в виде ли какого-то мало нам известного по своему составу и политической физиономии правящему органу, или к народу во всей его полноте. Это было бы бесцельным и вредным, сразу открывая наши планы и цели.

Необходимо подчеркнуть во всех сношениях необходимость спасения Китая от революционной смерти путем восстановления маньчжурской династии, так много сделавшей для монгол и покрывшей себя исторической славой. Очень необходимо втянуть в начатое дело китайских магометан, для которых связь наша с киргизами-единоверцами может служить реальным мотивом для переговоров. Но и здесь нужны опре-

деленные, надежные и влиятельные среди своих лица, через которых и надлежит действовать. Развейте в этом направлении большую энергию и на месте выясните наилучшие точки соприкосновения и совместной работы, поставив меня о том в известность.

Я начинаю движение она север и на днях открою военные действия против большевиков. Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами, и когда я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — преданных и честных людей, я перенесу свои действия на Монголию и союзные с нею области для окончательного восстановления династии Цинов, в чем я вижу меры борьбы с мировой революцией.

Будущее России, разбитой морально, психически и экономически до основания, ужасно и не поддается никакому прогнозу. Она единодушно восстанет всей своей массой против революционного духа. От западных государств ожидать теперь этого не приходится. Там стремятся лишь возможно более простым способом защитить от захвата революционными массами капиталов и иного имущества, не входя в круг действия идей — вопросов морального свойства. Отсюда вывод — революция одолеет, и [произойдет] падение культуры высшего продукта под натиском грубой, жадной и глупой черни, захваченной безумием революции и уничтожения; неизбежному процессу содействует — ускоряя, углубляя его — международное еврейство. Философия их религии — око за око, зуб за зуб, проводится в жизнь, а принципы талмудических надстроек, говорящих о допустимости всех средств: лишь бы восторжествовал гонимый людьми-гоями Богом избранный народ, лишь бы он умножился подобно звездам на небе и песку морскому — дают евреям планы и методы действий в области разложения и разрушения народов и государств¹⁸⁰. Переговорите об этих вопросах со старцем-философом и сообщите мне его мысли. Внимательно следите за деятельностью еврейских капиталистов в пределах Вашей работы. Думаю, что Вы скоро столкнетесь с этим вездесущим, хотя часто и невидимым врагом.

Прошу Вас воздействовать на Фу Шана¹⁸¹, на соучастника курения опиума в вагоне, которому я пишу отдельно от себя об этом, чтобы он послал мне опытного монгола-дипломата, который крайне мне необходим. Я бы более всего желал иметь при себе Ц.Г. Нужен мне также срочно умный представитель от главы объединенных китайских магометан с директивами от него. Необходимо через того же Фу Шана повлиять на богатых князей, генералов-монархистов и купцов, чтобы они приобрели типографию и начали издавать хорошую газету, агитируя за реставрацию монархии под скипетром Цинов. Вы, конечно, учитываете значение этого мероприятия. Если у Вас явится возможность говорить по радиотелеграфу, то вызывайте нашу станцию в 9 часов утра по харбинскому времени позывными Ж.У.Т. Шифр “Восток” при сём прилагается.

Генерал-лейтенант барон Унгерн

Не спите, раскачивайтесь, что делает мой гадащик — все вышло точь-в-точь. Здешние говорят хорошо. Чахар, посланный к Вам, застрявший у Семенова — грабитель и мерзавец. Не верить ни слова. Верить во все[м] профессору этому¹⁸². Толкните самого жирного генерала на работу.

Уважающий Вас, барон Унгерн.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17.

[Письмо Р.Ф. Унгерна вождям казахов]

Письмо начальника Азиатской конной дивизии к киргизам¹⁸³.

Вожди киргизского народа,
по воле Всевышнего Бога мне было суждено помочь правителю Халхи, Его Святейшеству Богдо-хану, свергнуть власть китайских революционеров-большевиков и довести дело объединения всех областей Внешней и Внутренней Монголии в единую великую Монголию.

Я ни на один день не прекращал борьбы с разрушителями и осквернителями России и всех народов и государств, с большевиками-коммунистами. Они захватили власть и над значительной частью киргизского народа и судьба его жизни, его имущества, веры и чести будет такова, как судьба русского народа.

Сражаясь рука об руку с монгольскими племенами и подвергая вместе с ними опасности жизнь свою и моих войск за независимость Монголии, я сблизился с монгольским народом, понял его веру, обычаи и его заветные, горячие, благодарные думы о судьбе их родины. Вот почему я обращаюсь к вам, единоплеменникам моих боевых соратников-монголов, с этим посланием, веря, что вы поймете меня.

Зная хорошо Запад, где родились гибельные учения большевизма и коммунизма, зная западную культуру, оценивая пользу и вред, идущие оттуда, я явно вижу, что монгольским племенам, где бы они ни жили, грозит смертельная опасность, как со стороны русской, так и со стороны китайской революции, для которой уничтожение порядка, истинных законов и обычаев веры, а затем и самых народов, зараженных чумою революции, является главной целью.

Киргизы России уже разорены большевиками. Монголия испытала гнет беззаконий, чинимый китайскими революционерами-большевиками. Надо опасаться и начать борьбу не только одним оружием, пока еще не поздно, пока еще осталось, что спасти, пока есть силы для борьбы.

Я продумал план этой борьбы. Он одобрен Святейшим Богдо-ханом и лучшими людьми Монголии. Борьба эта в объединении всех племен Внешней и Внутренней Монголии, управляемой ныне Богдо-ханом и его правительством в Урге¹⁸⁴. Дальнейшая задача — соединение всех племен и верований Монгольского корня в одно независимое, могущественное Срединное государство, которое будет, как ветвь огромного дерева, питаться от могучего древнего древа верной прежним заветам Срединной Империи, [возглавляемой]¹⁸⁵ императором из кочевой Маньчжурской династии, носительницы веры, верности и любви ко всем [народам] Великого Монгола¹⁸⁶.

Для этого нужен общий совет и обсуждение великой задачи. Призываю вас к совместной работе. Опасность очень велика. Она быстро идет вперед, медлить нельзя. Вы уже пострадали. Впереди вас ждут еще более тяжелые испытания. Поэтому призываю вас ответить на мое послание немедленно, когда и куда вблизи от границы могут быть [посланы] доверенные люди для свидания¹⁸⁷ с вашими представителями. Помните, что промедление часто равно смерти.

Призываю на вас благословление великого Бога.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 90–90об., подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, л. 50–51.

**[ПРОЕКТ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ МОНГОЛИИ КАЗАХАМ¹⁸⁸]**

Письмо к киргизам от председателя Совета министров.

Родные нам по крови, хранящие свято прежние крепкие заветы, киргизские вожди и старейшины,

из свободной от чужеземного, тяжелого ига, объединенной Монголии шлю вам братский привет и молю Бога о ниспослании счастливой и славной жизни киргизскому народу на многие века.

Великое счастье выпадает на мою долю известить вас, что вся Монголия от востока до запада, и от севера до юга сбросила с себя незаконную, как самое тяжкое преступление против божеских и человеческих законов и тяжкую, как свинец, власть китайских революционных вожakov, захвативших в свои руки власть над древним Цэ-синем бывшей великой Срединной Империи, где наши общие предки пролили море своей крови и где они в течение веков укрепляли старейшую в мире культуру, веру и истину, и где они, подобно тому, как в безбрежном океане сливаются все реки, соединяли воедино верования, надежды и справедливые желания всех монгольских народов и племен. Революционеры Южного Китая, посягнув на верховную власть маньчжурской династии Цин, кровь от крови монгольской и плоть от плоти нашей, ввергли недавно великую страну в пучину невыносимых страданий, лишений и бездействий, истощая ее междоусобной войной, голодом и мором — таким наказанием Небо гневается за безверие, предательство и злобу коварных и преступных людей.

У этих злых людей два лица — одно улыбающееся, с хитрыми устами, говорящими о счастье народов; другое мрачное и злобное, грозящее народам разорением, бесконечным кровопролитием, гибелью и смертью. Эти люди с двумя лицами с лживой кротостью ягненка и с хищной злобностью голодного бешеного волка на ваших глазах разрушили Российскую Империю, превратили Китай в место кровавой бойни, безысходного голода и черной смерти. Прошли они в нашу сторону на наши земли, по которой шел, неся свой крепко веками закованный меч против богоотступников, великий вождь всех монголов Чингисхан и другие богатыри, рожденные нашими женщинами на нашей древней и славной земле. Мы видели, что за революционерами — этими коварными, как ядовитые змеи, злыми людьми идут к нам неверие, нищета, преступления — и справедливо, хотя и сурово карающий Божий гнев.

Мы из Богдо-хурэ¹⁸⁹, с благословения святейшего Богдо-хана, кликнули клич тревоги и призыва. Как эхо в горных ущельях, он пронесся по всей Монголии, от края на край нашей земли, все поняли нашу тревогу, все откликнулись на наш призыв. Все племена и области, дальние и близкие, поднялись, поручили себя молитвам Богдо-хана и милости Неба и общими силами сбросили с себя ненавистную Богу и народам власть насильников и разрушителей веры, обычаев, законов, достоинства, порядка и души монгольского народа. Монголия объединилась.

Святейший Богдо-хан восстановлен в свои законные права, страна готова начать жизнь по вере, истине и добру. Народ стремиться к крепким разумным порядкам, дающим силу, богатство и счастье. Независимая Монголия и ее правительство

понимают, что сила в единении всех единомышленников, помня славные века Срединного Царства и высокопросвященную и богоугодную власть маньчжурской династии, давшей славных и могучих императоров, владевших всей Азией и удививших народы Запада развитием культуры, не разрушившей, как это случилось на Западе, а укрепившей веру, добрые обычаи и ненарушимые законы, мудро управляющих делами и думами честных и верных народов Монгольского корня.

Вожди и старейшины киргизские! У вашего народа, как у славной ветви великого монгольского дерева, общие с нами помыслы, общие надежды и стремления, и ваше доброе сердце радостью забьется, когда вы услышите о близком времени восстановления Срединного Царства, где киргизскому народу, раскинувшемуся на необъятном пространстве, предназначается самой судьбой почетное и славное место. Вы поймете, вы чуткой душой своей и глубоко вдумчивым умом своим постигнете, что необходимо возрождение великого Срединного Царства, связанного узами кровного родства и общностью прежней, еще не забытой славы монгольских народов и племен.

Вы посмотрите на Запад, оглянитесь на его прошлое, где он в огне и крови и в дерзкой безумной борьбе человека с Богом. Запад дал человечеству науку, мудрость и могущество, но он дал в то же время безверие, безнравственность, предательство, отрицание истины и добра. Разве вы не знаете, вожди народа киргизского, как с грохотом, проклятием и рыданием разрушались и гибли великие государства Запада, дробились и снова соединялись для того, чтобы вновь распасться и исчезнуть?

Теперь преступные коммунисты стараются поднять во всех государствах Запада и Востока кровавый бунт, разбивают и жгут все, что было сделано до них, уничтожают миллионы людей и открывают дорогу беззаконным преступлениям и страшной смерти от голода и небывалых болезней. В этом пожаре среди убийства и разрушения гибнет все, до чего дошел ум и воля человека. Там, на Западе, началась гибель целых царств, и смерть истребляет целые народы.

Желать ли и нам, монголам, такой участи? Желать ли и нам того, чтобы наши и ваши степи покрылись костями монголов и чтобы на наших землях рыскали бы лишь голодные и хищные звери, не встречая ни людей, ни скота? Мы, монголы независимой Монголии, мы хотим и будем бороться со смертельной опасностью, грядущей с Запада от коммунизма, мы хотим спасти великие и славные монгольские народы и племена, каким бы языком они не говорили и какому бы божеству они не поклонялись бы. Это спасение лишь в возрождении Срединного Царства, куда стекаются все те народы, колыбелью которых была наша древняя монгольская земля ее безграничными степями и недоступными горами.

Мы, ветви и отпрыски Великого Монгола¹⁹⁰, сумеем взять от Запада все, что нужно Срединному Царству и для его могущества, богатства и счастья, но мы также сумеем сохранить в чистоте нашу веру, обычаи чести и любовь к правде, добру, народу и родной земле. Перед нами огромная и славная работа, за которую нас добром помянут сотни и тысячи счастливых монгольских поколений.

К вам наш привет. Вслушайтесь в него, примите наш горячий призыв спасти монголов в разжигаемом пожаре, нашу надежду и нашу веру в успех предпринятого дела. Мы верим в то, что ваши души и ваш ум подскажут вам благое решение. Мы не сомне-

ваемся в этом, а потому мы просим вас срочно сообщить место и время, где и когда наши люди могут встретиться для совета и решения с вашими представителями.

Молим для вас о милости Неба. И да ниспошлет свое вам мудрое решение, а нам благоприятный отклик на наш призыв, подсказанный нам любовью ко всем монголам, к их прежней славе, и доблести, и стремлением к добру и единой истине. Да будет с вами Бог.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 17–18; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 52–54.

[ПИСЬМО МОНГОЛЬСКОГО САНОВНИКА КАБУК-САУРСКОМУ ВАНУ¹⁹¹]

Кабук-Саурскому вану.

Ваше Сиятельство,

вероятно, до Вас дошли уже вести о восстановлении автономии Халхи и восстановлении Его Святейшества Богдо-гэгэна в своих законных правах. Вам, как владельческому вану Кабук-Саура, очевидно, понятна и приятна Вашему сердцу радость, которую теперь переживает монгольский народ, когда его глава, его священный повелитель, восстановлен [в] закон[ных] ханск[их] своих правах. Мы, монголы, жили много лет под властью Китая и нам было легко, пока во главе был святой Богдыхан, когда была Цинская династия. Но в последнее время, когда над нами властвовало революционное Китайское правительство, терпеть было невозможно. Попирались наши обычаи, наши права и наши законы, нас грабили черные революционные китайские войска и обирали китайские чиновники. Только теперь, после освобождения, мы ясно видим, какому позору нас подвергало революционное правительство, как попирало нашу честь и наши священные обычаи и права. Мы чувствуем теперь, как жилось нам при Цинской династии и как без нее. Теперь в Китае избран президентом революционный большевик [Сунь Ятсен]¹⁹². От такого правительства можно ожидать только плохое. Если ранее китайцы свои обещания не исполнили, то теперь тем более ждать от них нечего: эти злодеи большевики не признают Бога-Неба, отнимают табуны, стада и имущество в свою пользу. Все то, что дорого и свято каждому честному человеку, честному народу, ими осмеяно и поругано. Это подлая религия идет с Запада и дошла уж до Китая. Вашему Сиятельству очевидно, что теперь происходит в бывшей великой Российской монархии. Вы знаете, что там восстал брат на брата, сын на отца, все враждующие ненавидят друг друга, забыли Бога, отнимают друг от друга последнее имущество, все голодают. Там теперь нет Белого Царя, его убили, а народом правят революционеры-большевики.

Если Вы хотите сохранить свою власть, если Ваш народ дорожит Богом, честью и своим имуществом, то необходимо избавиться от революционного Китайского правительства и помочь восстановлению Синьцзяна, восстановлению Цинской династии. Только в этом спасение от злой религии большевиков.

Мы освободились, теперь вы сговаривайтесь с монархистами и начинайте борьбу против зла. Один Бог для людей, мы с вами одинаковые кочевники, у нас одинаковые интересы и много общих обычаев и преданий. Надо всем нам объединиться, всем народам Срединного Царства выступить на борьбу против зла, за великие ус-

той и заветы Востока, за добро, за честь и за предания народов. Присоединяйтесь к нам, мы вам поможем и вас поддержим.

И великое будет счастье, когда мы достигнем великих задач, указанных самим Небом.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 33–33об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 72–72об.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Цзасаку-хану¹⁹³ 8 мая 1921 г.]

Письмо начальника Дивизии Цзасаку-хану. 8/V. № 952

Ваше Сиятельство,

в прошлый раз я уже имел честь просить Вас не отказать мне в дружеской помощи для пользы дорогого для сердца монгольского князя, любящего свою веру и народ больше жизни, дела — в отправке с надежным и расторопным гонцом моих писем на запад. Теперь я вновь обращаюсь к Вам с такой же просьбой и прошу не отказать отправить новые письма.

Письма важные, и от успешного и быстрого их получения будет зависеть ускорение удостоившегося с благословения святейшего Богдо-хана дела объединения Внешней и Внутренней Монголии и присоединения к общему ядру дальних западных областей.

Вашему Сиятельству, потомку великих и славных монгольских вождей, близки счастье и слава великой Монголии, а потому я уверен, что Вы окажете помощь и на этот раз и будете ревностным сотрудником святейшего Богдо-хана и его правительства, радеющих всем своим сердцем великому святому делу спасения веры и чистоты народа.

Да благословит Вас Бог и сохранит Ваше здоровье на долгие годы.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 52, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 86.

[Письмо Р.Ф. Унгерна Цзасаку-хану 15 мая 1921 г.]

№ 932 15/V-21 г. Цзасаку-хану

Ваше Сиятельство!

Счастлив был получить от Вас письмо, сердечно благодарю Вас за доброе внимание и искреннее отношение ко мне. Всем известна Ваша приверженность к Его Святейшеству Богдо-хану, Ваш жизненный опыт и ум, потому я был уверен, что Вы мне окажете содействие по передаче письма русским в Гучэне.

В Халхе русские сделали, что могли, и теперь надо их отправить домой — там много работы в борьбе против большевиков, настало время браться за дело и поступать в действующие отряды. Отсылайте их и не очень балуйте своей добротой, а то они сядут Вам на шею.

Сообщаю Вам вести о Китае. Кантон выбрал своего президента-большевика, доктора Сунь Ятсена, и в скором времени, вероятно, произойдет война между Пекинским правительством и им. В провинциях Китая идут бунты солдат. Пекинское правительство без денег и принуждено сократить свои войска. Радуюсь, что ближайшие хошуну Внутренней Монголии решили примкнуть к Халхе и в данное вре-

мя организуют войска. Бог поможет объединению монгол. Благоденствие народов не в богатстве, а в охранении своей религии, вере в Бога.

Сожалею, что огромные расстояния не позволяют нам встретиться и передать Вам лично мою благодарность. Теперь, уходя из пределов [Халхи], прошу не отказаться принять от меня скромный подарок: он будет памятью обо мне. Будет приятно, если Вы не откажетесь писать мне о себе, а также и делиться со мною сведениями, полученными Вами из Синьцзяна, Гучэна, Чугучака, Кульджи¹⁹⁴ и других мест.

Шлю Вам сердечный привет, пожелание успеха во всех Ваших делах, да сохранил Бог Ваше здоровье.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 51, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 49.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА ДЖАЛХАНЦЗА-ХУТУХТЕ¹⁹⁵]

Начальник Азиатской конной дивизии

Мая дня 1921 г. № ... город Урга.

Министру-президенту Джалханцза-хутухте

Ваше Святейшество,

посылаю Вам выписки из последних донесений с запада, из которых Вы усматриваете о неурядицах, происходящих в Кобдинском округе и Урянхае между монголами, алтайскими киргизами, урянхайцами и русскими.

Мне думается, что следует скорее распространить там влияние Монгольского правительства, так как сами урянхайцы начинают тяготеть к русским, надо оттуда гнать русских. Войска же урянхайские надо отправлять или вслед за ушедшими из Кобдо и стоящими теперь в Цаган-Тунке¹⁹⁶ китайскими войсками, или через [Сайнонханский]¹⁹⁷ аймак в [Улангомский]¹⁹⁸ сейм, где оставались войска [Го Сунлина]¹⁹⁹, так как около [Гучэна]²⁰⁰ китайцы его не пропустили.

Ваш жизненный опыт, глубокий ум и дипломатические способности поручую тому, что Ваше Святейшество с помощью Бога установите добрые отношения в Кобдинском округе между алтайскими киргизами, урянхайцами и монголами. Мне думается, что только Вы сумеете закрепить власть Монгольского правительства путем назначения надежных и преданных чиновников на этих местах.

Примите во внимание, что на юго-востоке — [Югоцзур-хутухта], на северо-востоке — Хухын-хутухта²⁰¹, на севере — Дарха-лама, и только запад остается без верного и преданного слуги Богдо-хана, если Вы теперь оттуда уедете. Поэтому я позволю себе усиленно Вас просить остаться пока вблизи этих мест.

Там возникает целый ряд вопросов и недоразумений, которые необходимо быстро разрешить. Кто же, кроме Вас, пользующегося таким авторитетом, пониманием государственных задач, может это сделать? Только желание пользы для Халхи заставляет меня писать обо всем этом, и что я не вижу другого выхода для дела. Мною, Вы знаете, не могут руководить другие цели. Никакая интрига не может меня касаться. Нет никого, кроме Вас, кто бы мог сделать это большое и важное дело. Министров хороших нельзя найти для такого большого дела, тем более что с присоединением внутренних монгол дело увеличится. Справиться будет невозможно. Все равно, как мы и говорили с Вами, придется перейти к аймачной системе, а

здесь иметь только представителя. Таким образом, значение министров центрального правительства в будущем отпадает. Что касается поста председателя Совета министров, то пока это менее важно для Халхи, чем закрепление ее окраин и установление добрых отношений между ею народами.

[Маньчжушри-хутухта]²⁰² справится с лежащими на нем обязанностями, зная Ваше желание и понимая то направление, которое Вы дали Монгольскому правительству.

Я позволю себе описать Вам мою мысль совершенно откровенно только потому, что я всегда желаю только пользы Халхе и монгольскому народу. Не подумайте, что мною руководят какие-либо иные мысли и цели. Вы, Ваше Святейшество, я думаю, знаете о том искреннем и сердечном чувстве и глубоком уважении, которое я к Вам питаю и потому, конечно, мне верите. Если Вы не согласны со мной и полагаете, что Ваше пребывание в Урге более необходимо, то сообщите мне, и это я постараюсь ускорить.

Здесь деятельность правительства вошла в нормальную колею. Сегодня прибыл в Ургу [Югоцзур-хутухта]. Хатан-Батор-ван отправился на запад, ему в подчинение вошел Ванданов, где он и что делает сейчас, не знаю. От своих военачальников получаю донесения, что они сформировались и готовы к походу. Казанцев²⁰³ уже выступил в Самгалдай-хурэ, Кайгородов сидит еще в Кобдо, а Чумагин все еще в Улангоме. Они избаловались гостеприимством Монгольского правительства. Гоните их — пора и честь знать.

По сообщению [Югоцзур-хутухты], все ближайшие чахарские хошуны Внутренней Монголии, за исключением Большого Узумчина, присоединяются. Все председатели сеймов, князья и большие ламы с ним и Найден-ваном обменялись хадаками. От Узумчина же приезжал к [Югоцзур-хутухте] главный гэгэн²⁰⁴ и ширэтуй²⁰⁵ и передавали, что весь хошун готов присоединиться к Халхе, но противодействует захиракчи²⁰⁶, который является старшим братом князя.

Дариганга окончательно присоединилась [к Халхе], они отказались исполнить требование гаминов мобилизовать лошадей верблюдов, и изъявили желание перейти в подданство Богдо-хана.

Из Китая поступают такие сведения: в Тяньцзине собралась конференция, которой, между прочим, приняты следующие решения. Министр финансов выпускает специальные казначейские облигации на 5 миллионов долларов. Чжан Цзолинь принимает ответственность за исход Монгольской экспедиции. Генерал Ван Чунян принимает ответственность за переговоры с представителями провинций в целях изоляции [Сунь Ятсена]. Также решено распустить лишние войска и расходы военные сократить. Пекинские банки неожиданно отказали правительству в финансовой поддержке. Провинции [Гуйчжоу, Юньнань, Хунань, Чжэцзян, Сычуань, Фуцзянь]²⁰⁷ уведомили правительство о своем решении не считаться с постановлениями Тяньцзинской конференции. В провинциях Китая очень беспокойно, идут бунты солдат.

Как видно, наше правое дело находит поддержку как на востоке, так и на западе.

Посылаю Вам человека, знающего киргизский язык. Его я снабдил письмами к киргизским старшинам от Вашего имени. Он ознакомит Вас с содержанием этих писем и Вы, я надеюсь, подтвердите их и отправите его по назначению. Вслед за этим человеком пошлю Вам торгоута.

Шлю Вашему Святейшеству сердечные пожелания успеха в предстоящих делах и верю, что с помощью Бога вы сделаете все то, что, принесет в будущем счастье и благоденствие халхасскому народу и радость Его Святейшеству Богдо-хану.

Да хранит Бог Ваше здоровье и укрепит Вашу мудрость.

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 53–54, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 20–22.

**[ПИСЬМО ДЖАЛХАНЦЗА-ХУТУХТЫ УПОЛНОМОЧЕННОМУ
СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА]**

От премьер-министра, министра внудел и уполномоченного (по приказу Богдо-хана) по установлению и укреплению западной окраины Монголии, самади-бакши Джалханцза-хутухты
Уполномоченному Советского правительства.

В настоящее время разбойники бандита барона Унгерна деморализованы и для полной ликвидации их посланные Советским правительством войска под главенством Фальского, Цэвэна и прочих, прибывшие к моему местонахождению, были приняты с наилучшим почетом. Кроме того, с ними же прибыли мобилизованные 500 человек монгол. Мобилизацию и вооружение их вполне одобряю, чтобы совместными усилиями ликвидировать белые казачьи банды, дабы водворить порядок и благоденствие. Кроме того, если впредь в Монголии будут происходить подобные бедствия, то по каждому такому случаю будем обращаться за помощью к Совроссии для защиты. Мы вошли в соглашение с прибывшим тушмэлом (представителем) о том, что для питания войска выдавать по фунту мяса, собранного у монгол, на бойца, представлять им временно палатки, топливо и подводы. Доводя до сведения Вашего, г. уполномоченный Совправительства, о вышеуказанной весьма радостной встрече наших монгол с русскими войсками и взаимопомощи, надеюсь, что и впредь будет оказываться подобная помощь.

11 год Всеми Возведенного (30/VI) месяца

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101а, д. 9, л. 4.

[ВТОРОЕ ПИСЬМО Р.Ф. УНГЕРНА ЮГОЦЗУР-ХУТУХТЕ]

[Югоцзур-хутухте].

Ваше Сиятельство,

Найден-ван, возможно, Вам передал о моей неудачной попытке иметь счастье видеть Вас. Всею душой стремился обменяться мыслями с Вами, святым и самым энергичным деятелем в Монголии.

Не могу не поделиться с Вами, что местные министры доводят меня до отчаяния своей неподвижностью тела и ума. Джалханцза-хутухта уехал в Урянхайский край и Кобдосский округ. Маньчжушри[-хутухта] только что принял должность и не ориентир[ует]ся. Но обстоятельства не ждут. По газетным сведениям видно, что Китай хочет начать переговоры с Халхасским правительством.

Смею уверить, что все надежды Джалханцзы-хухухты и Маньчжушри на использование в данное время полученных успехов для объединения всей Монголии

обращены на Вас. Поэтому прошу обратить просвещенное внимание Вашего Святейшества и приложить все меры к присоединению Узумчина добром или оружием и связаться, таким образом, с другими хошунами. Если теперь этого не сделать, вряд ли когда-нибудь наступит другой такой удобный момент. Урянхай, Кобдо, дурбеты, [торгоуты] намерены присоединиться, может быть, хошуны не захотят подчиниться установившемуся Монгольскому правительству, но они охотно пойдут совместно, если им пообещать, что Монголия будет управляться доверием командированными от всех аймаков лицами под покровительством молитв Богдо-хана. Возможно, что неплохо было бы указать, за подписью Вашего Святейшества, что монголы однородны, что это одна семья, связанная единством религии, обычаев и традиций, что чем больше населения, тем меньше платить албы (в России на каждого человека приходилось 5 рублей в год); чем больше единения, тем несокрушимее военная сила и т.д.

Но успех будет тогда, когда идея правды, чести и добра и делаемое нами должно совершаться не ради каких-либо мелких экономических материальных интересов и финансового расчета, а во имя вечных непреложных идей торжества чистоты и святости религии и [творческой]²⁰⁸ деятельности Богдо-хана и маньчжурского хана. Только во имя этих предвечных идей богоугодно жертвовать кровью своих единоверцев и лиц, хотя инаковерующих, но верных принципам истины и правды. Эти цели могут быть достигнуты только путем объединения всех ламаит-буддистов под властью Богдо-хана и под покровительством единого законного правителя народов Азии.
РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 55–55об.

[Приказ Р.Ф. Унгерна № 15 о наступлении на Сибирь²⁰⁹]

Приказ русским отрядам на территории советской Сибири
мая 21 дня [нового стиля] 1921 года
№ 15. г. Урга

Я — начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн — сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — особенностью государственных начал. Пока не коснулись России к ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной Империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасываясь от бунта с царями-самозванцами к анархической революции, и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству,

разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916–17 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин земли русской, Император Всероссийский Михаил Александрович, видевший шатание народное и словами своего Высочайшего Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опаматования и выздоровления народа русского.

2. Силами моей дивизии, совместно с монгольскими войсками, свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков, уничтожены их вооруженные силы, оказана посильная помощь объединению Монголии и восстановлена власть ее законного державного главы, Богдо-Хана. Монголия по завершении указанных операций явилась естественным исходным пунктом для начавшегося выступления против Красной армии в советской Сибири. Русские отряды находятся во всех городах, хурэ и шаби²¹⁰ вдоль монгольско-русской границы. И, таким образом, наступление будет происходить по широкому фронту (см. п. 4 приказа).

3. В начале июня в Уссурийском крае выступает атаман Семенов, при поддержке японских войск или без этой поддержки.

4. Я подчиняюсь атаману Семенову²¹¹.

5. Сомнений нет в успехе, т. к. он основан на строго продуманном и широком политическом плане.

По праву, переданному мне, как военачальнику, не покладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком фронте, приказываю начальникам отрядов, сформированных в Сибири для борьбы с Советом Народных Комиссаров:

1. Начальникам малых отрядов, существующих отдельно и готовящихся к борьбе, подчиняться одному командующему сектором, который и объединяет действия отдельных отрядов. Неподчинение повлечет за собой суровую кару.

Примечание. Отряды численностью до 150 человек, не считая нестроевых и семьи, при приближении на 40 верст к другим отрядам, должны объединиться в своих действиях под общей командой единоличного начальника; отряды, численностью 150–300 чел. — в 100-верстном радиусе, отряды численностью в 300–500 чел. — в 200-верстн[ом] радиусе, отрядам, не оставившим борьбы с красными и имеющим старую организацию — руководствоваться своими распорядителями.

2. Установить связь между боевыми единицами и действовать по общему плану, сообразуясь с временем и направлением начавшегося наступления (см. п. 4 приказа).

3. При встрече действующих отрядов, численностью более 1000 чел. с отрядами одинаковой или большей численности, действующими против общего врага, подчинение переходит к начальнику, который вел непрерывную борьбу с советскими комиссарами на территории России, причем не считаться с чином, возрастом и образованием.

Примечание. Пункту 3-му настоящего приказа подчиняются и командующие секторами.

4. Выступление против красных в Сибири начать по следующим направлениям: а) Западное — ст. Маньчжурия, б) на Монденском направлении, вдоль Яблонового хребта, в) вдоль реки Селенги, г) на Иркутск, д) вниз по р. Енисею из Урянхайского края, е) вниз по р. Иртышу. Конечными пунктами операции являются большие города, расположенные на магистрали Сибирской ж. д. Командующим отдельными секторами соображаться с этими направлениями и руководствоваться: в Иркутском направлении директивами полк[овника] Казагранди²¹², в Урянхайском — атамана Енис[ейского] Каз[ачьего] войска Казанцева, в Иртышском — есаула Кайгородова.

5. Командующие секторами назначают срок для общего выступления всех отрядов под своим руководством. Пока, за дальностью расстояния, я лишен возможности карать, а потому на ответственность командующих секторами и командиров отрядов возлагается прекращение всяких трений и разногласий в отрядах (рыба с головы тухнет). Помнить, что поколения будут благословлять или проклинать их имена.

6. Заявить бойцам, что позорно и безумно воевать лишь за освобождение своих собственных станиц, сел и деревень, не заботясь об освобождении больших районов и областей. Считать такое поведение сохранением преступного нейтралитета пред Родиной, что является государственной изменой. Такое преступление карать по всей строгости законов военного времени.

7. Подчиняться беспрекословно дисциплине, без которой все, как и раньше, развалится.

8. При мобилизации бойцов пользоваться их боевой работой, по возможности, не далее 300 верст от места их постоянного жительства. После пополнения отрядов нужным по количеству имеющегося вооружения кадром новых бойцов, прежних, происходящих из освобожденных от красных местностей, отпускать по домам.

9. Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковывать.

10. Суд над виновными может быть или дисциплинарный, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что по мере совершенного упадка нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой. Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия изменились. Нет “правды и милости”. Теперь должны существовать “Правда и безжалостная суровость”. Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. Помнить, что пред народом стал вопрос “быть или не быть”. Единоличным начальникам, карающим преступников, помнить об искоренении зла до конца и навсегда, и о том, что справедливость — в неуклонности суда.

11. На должности гражданского управления в освобожденных от красных местностях назначать лиц лишь по их значению и влиянию в данной местности и по их действительной пригодности для несения службы этого рода, не давая преиму-

щества военным, но считаясь при назначении с бедственным состоянием и прежним служебным положением просителя.

12. За назначение несоответствующих и неспособных лиц, ответственным является начальник, сделавший назначение.

13. Привлекать на свою сторону красные отряды, особенно из разрядов мобилизованных и рабочие батальоны.

14. Не рассчитывать на наших союзников-иностранцев, переносящих подобную же революционную болезнь, ни на кого бы то ни было. Помнить, что война питается войной, и что плох военачальник, пытающийся купить оружие и снаряжение тогда, когда перед ним находится вооруженный противник, могущий снабдить боевыми средствами.

15. Продовольствие и др. снабжение конфисковывать у тех жителей, у которых оно не было взято красными. У бежавших жителей брать продовольствие по мере надобности. Если поселок, занятый белыми, дает добровольцев и мобилизованных бойцов, он обязан дать своим людям продовольствие и другое (кроме боевого), снаряжение на 3 месяца, что и поступает в интендантскую часть отряда безвозвратно.

16. В случае переполнения отряда людьми, не имеющими вооружения, отправлять их на полевые работы, непременно домой, в освобожденные области.

17. За отрядом не возить ни жен, ни семей, распределяя их на полное прокормление освобожденных от красных селений, не делая различий по чинам и сословиям и не оставляя при семьях денщиков.

18. Мне известно позорное стремление многих офицеров и солдат устраиваться при штабах на нестроевые должности, а также в тыловые войсковые части. Против этого необходимы самые неуклонные меры пресечения. В штабы и на нестроевые должности назначать, по возможности, лиц, действительно неспособных к бою, каковым носить, в отличие от строевых офицеров и солдат, поперечные погоны. Организуемые, по мере надобности, тыловые войсковые части, необходимые для военных операций, должны существовать, но не следует переполнять их излишними чинами. Желательнее всего замещать должности в тыловых частях, бежавшими от большевиков и пострадавшими от них поляками, иностранцами и инородцами, с их согласия. Местные жители отнюдь не должны назначаться на указанные должности.

Примечание. Строевыми считать только тех, кто непосредственно участвует в боях. Чины тыловых войсковых частей (интендантство, комендантская часть, саперная, служба связи, штабы и т. п.), хотя и имеющие вооружение, не считаются строевыми. В интендантство избегать назначать военных; по возможности, назначать имеющих многолетний опыт доверенных фирм, а также бежавших купцов, лично ведших свои дела и показавших на опыте свой талант.

19. В случае необходимости отступления, стягиваться в указанных выше направлениях военных операций (п. 4 приказа), в сторону ближайшего сектора, прикрывая собою его фланг.

Народами завладел социализм, лживо проповедывающий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба.

Нужен мир — высший дар неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. XI)²¹³, предсказавший жестокое время гибели

носителей разврата и нечестия и пришествия дней мира: “И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не разумеет сего никто из нечестивых, а мудрые разумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней”²¹⁴.

Твердо уповаю на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу.

Начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн
АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22, типографский оттиск; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6; опубликован в кн.: Носков К. 1930. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин. С.69–75; Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак. С. 230–233.

[Из интервью Богдо-гэгэна после выступления Р.Ф. Унгерна на Сибирь]

26 мая Монгольское телеграфное агентство (МОНТА) сообщило о положении в Урге и, в частности, об ответе Богдо-хана на вопрос о его отношении к Монгольской народной партии. Халхасский правитель заявил: “Мои убеждения расходятся с убеждениями членов партии — и не потому, что мои взгляды верны, а их лживы, и наоборот, а потому, что всякий век имеет свои убеждения и взгляды. Пусть люди нового века творят свое новое дело, а людям старого века пора думать о своих загробных делах” (*РГАСПИ, ф. 465, оп. 152, д. 2, л. 4*). В телеграмме МОНТА Дальневосточному секретариату Коминтерна от 27 мая сообщалось, что Богдо-хан хранит глубокое молчание по поводу событий в Монголии. На вопросы о положении в стране он лаконично отвечает: “Через три месяца все устроится” (*РГАСПИ, ф. 465, оп. 152, д. 2, л. 5*). — *Цит. по: Белов Е.А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф. С.129.*

[Причины расхождения монголов с Р.Ф. Унгерном]

Да-лама, очень влиятельный в ламских кругах, говорил [после ухода Унгерна из Урги для похода на Сибирь]: “Несмотря на заявление Унгерна о невмешательстве во внутренние дела Монголии, получается обратное явление. Унгерн старается использовать все материальные ресурсы Монголии и втянуть ее в войну с красными” (*Телеграмма начальника штаба и военкома 35 дивизии, ЦГАКА²¹⁵, ф. 185, оп. 9, л. 967, ч. II, л. 363*). <...>

В сводке штаба 5-й армии и ВСВО указывалось, что по сведениям, “подтверждающимся сообщениями из других источников, монголы, как ламы, князья, так и простонародье, в период борьбы с китайцами смотрели на Унгерна как на освободителя от засилья и насилия китайцев и, как только могли, оказывали ему поддержку. Но, когда китайцы были изгнаны и Унгерн стал откровенно захватывать власть,

живую силу и народные богатства Монголии в свои руки, и в своих целях борьбы с Совроссией, в целях чуждых для монголов в целом, монгольский народ — и князья, и ламы, и простонародье стали выражать недовольство, перешедшее в последнее время в открытый протест” (ЦГАКА, ф. 185, оп. 8, д. 694, л. 32–39) — Цибилов Б. 1947. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бур.-Монг. госиздат. С. 111–112.

Москва <...>

Уполкоминтерна Шумяцкому для Бекзеева. Из Маймачена 21/VI-[19]21 г.

Ваша телеграмма через Иркутск получена 16 июня. Отвечаем [по] пунктам Вашего запроса:

1) [По] сведениям, привезенным Данзаном из Урги, проверенным дополнительно [по] другим источникам и показаниям пленных монгол и перебежчиков, во время последних боев настроения Урги рисуются следующим образом. Богдо, все духовенство ориентируется на Нарревпартию и Россию. Всем этим Унгерн своими насилиями, реквизициями, убийствами и самовластием окончательно надоел и стал невыносимым. Особенно оппозиционно настроены ганданские²¹⁶ ламы. Ургинский рынок отражает настроения низов. Последнее формулируется крылатой фразой: “Отчего же медлят и не идут гнать барона красные дзолики?”. Настроение правящего духовенства в лице шанцзотбы выражено пылким бурятом Мункуевым заверением, что его мысли и симпатии остаются прежними. Почти все князья отошли от Унгерна, не принимая активного участия, ждут, не дождутся китайских войск. У них в конце апреля было тайное совещание, не выяснено. После совещания все князья разъехались по хошунам. Ургинская группа Нарревпартии предполагает новую измену со стороны княжества в смысле нового призыва китайцев. Таково было настроение монгол в начале мая, то есть накануне выступления Унгерна. Причины падения влияния Унгерна указаны выше, и они отмечались в бытность Вашу в Кяхте. Из ряда общих фактов, убивших влияние Унгерна на монгол, можно указать новые примеры самодержавия Унгерна в Монголии, выразившиеся смещением [Хатан-Батора] и назначением вместо него главкомом и военмином Монголии русского [Жамболона], бароновского фаворита. В данный момент, в связи с поражением Унгерна на всех фронтах, необходимо считать, что его влияние сведено до нуля и, если он еще будет держаться, то только силой штыков своих русских частей, которых он сумел увести с фронтов в большей или меньшей сохранности.

2) Ургинская группа Нарревпартии, располагаясь [...] ²¹⁷. Наши националисты типа Доксома обвиняются в России [в] несвоевременном исполнении своих обещаний, в непринятии мер к ликвидации белых, они также не принимают активного участия в делах партийных и общественных. Нумокрет типа Нондупа ведут прежнюю работу. Последний командует личной охраной Богдо <...>

3) <...> При группе Унгерна находились [Дарха-лама]²¹⁸, двое чойджинов для околпачивания монгол [...] ²¹⁹.

Борисов

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 20.

**[Из приказа командования 5-й армии в связи
с вводом советских войск в Монголию]**

Военные действия на монгольской границе начали не мы, а белогвардейский генерал и бандит барон Унгерн, который в начале июня месяца бросил свои банды на территорию Советской России и дружественной нам Дальневосточной республики. Подтянув свои резервы, мы отогнали Унгерна от границ РСФСР, ликвидировали прорыв Резухина и нанесли им чувствительное поражение...

Красные войска, уничтожая барона Унгерна, освобождают многострадальный монгольский народ... они вступают в пределы Монголии не врагами монгольского народа, а его друзьями и освободителями. Каждый народ имеет право строить свою жизнь, как он этого хочет, как захочет большинство народа. Освобождая Монголию от баронского ига, мы не должны и не будем навязывать ей порядки и государственное устройство, угодные нам²²⁰. Великое народное собрание всего монгольского народа само установит формы государственного устройства будущей свободной Монголии.

Вместе с нами идут рука об руку красномонгольские части, восставшие против поработителей своей родины, Народно-революционное правительство новой, свободной Монголии и представители Народно-революционной партии. Наша задача только помочь монгольскому народу сбросить со своей шеи ярмо баронского произвола. Когда мы убедимся, что со стороны Монголии нашим границам уже не угрожает опасность со стороны белогвардейских банд, наши войска покинут пределы Монголии...

При продвижении в глубь Монголии наши красные части должны являть собой высокий образец настоящих воинов-освободителей. Монгольский народ на деле должен убедиться, что мы пришли как друзья, а не как враги...

Для установления дружественных отношений наши красные войска будут действовать в полном согласии с Народно-революционным правительством Монголии. Во избежание всяких трений и нежелательных недоразумений между Красной армией и монгольским народом, при всех крупных воинских соединениях будут следовать официальные представители Народно-революционного правительства Монголии и представители Народного комиссариата иностранных дел...

Мы должны с уважением относиться ко всем обычаям и нравам монгольского народа, должны бережно относиться к их религиозным убеждениям, к их храмам и реликвиям, к их национальным чувствам... Время и новый уклад свободной Монголии даст возможность самому монгольскому народу постепенно изжить все, что связано было с его бесправным положением в настоящем и прошлом... Наши политработники не должны сами вмешиваться в общественную жизнь страны, сменять старые власти и назначать новые. Это дело представителей Народно-революционного правительства Монголии.

ЦГАКА, ф. 185, оп. 8, д. 726, л. 1, типографский оттиск. — Цит. по: Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. Москва. С. 254–255.

[Руководство к действиям Красной армии на территории Монголии]

кому [неразборчиво; копия?:] Наркоминдел, Чичерину
Москва, 17 июня [19]21 года, 3 часа

Военно-политическая обстановка требует энергичного преследования и разгрома банд Унгерна в Монголии. При проведении этой операции монголами РВСР

приказывает принять к руководству: 1) при вводе войск РСФСР и ДВР на территорию Монголии безусловно держаться как принципа китайского суверенитета над этой территорией, так и программы самоопределения, национального освобождения Монголии; 2) в силу изложенного в пункте первом, в случае встречи с китайскими властями и китайскими отрядами следует относиться к ним как к союзникам, интересы которых соблюдаем, когда ведем борьбу против банд Унгерна²²¹; 3) при вводе наших войск в Монголию действовать в полном согласии и воентакте с Народно-революционной армией Монголии, с особенным вниманием относиться к нравам, быту и взглядам монгольских масс, ни в чем не оскорбляя их национального и религиозного чувства, в особенности бережно относясь к буддийским; 4) при отдельных действующих наших частях войск ДВР должны быть представители от Временного монгольского революционного правительства; 5) красные монгольские части составят особую Красную монгольскую армию с главкомом во главе, назначенным Временным революционным монгольским правительством; 6) красные монгольские части, учитывая нежелание драться с беломонголами, не привлекать к участию в операции как активные действующие части, а использовать их как меру политического воздействия; 7) местные средства Монголии могут быть использованы только через местных представителей Временного революционного монгольского правительства; 8) отбитое у Унгерна захваченное у жителей имущество не считать трофеями, возвращать владельцам-монголам через войсковых и местных представителей Временного монгольского правительства; 9) взятых в плен беломонгол, а также отбитые у Унгерна орудия и вооружение передавать в Красную монгольскую армию, в частности, представляется желательным передать на вооружение красно-монгольских частей уже захваченные в боях на территории РСФСР и ДВР в сражениях орудия; 10) внимательнее относиться к колонистам Монголии из русских — могут и не быть причастными к унгерновскому движению; и 11) при вводе наших войск и войск ДВР в Монголию должно быть выпущено воззвание к монголам о наших целях движения для борьбы с Унгерном, согласно пунктов первого, второго и третьего настоящей телеграммы; 12) об отданных распоряжениях донести. № 162/ш

Зам Предреввоенсовета Республики [подпись — Скиянский?]

Главком [подпись — Калишев?] Расшифровал [подпись]

Передано Штарм 5 лично члену РВС 5 т. Грюнштейну передал 19/VI-11-2

[подпись]

РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 72–73об.

[Об отношении Экспедиционного корпуса к китайским войскам в Монголии]

Телеграмма Военсовету Нарревармии ДВР, Предреввоенсоветресп т. Троцкому, Предсовнаркома т. Ленину, Главкому т. Каменеву, Секретарю ЦК РКП т. Молотову, Наркоминдел Чичерину, копия Командарму 5
Новониколаевск, 12 августа [1921 г.] тчк 932/Оп

Реввоенсовет войск Сибири предлагает Вам никаких сведений [о] расположении наших войск киткомандованию не давать и не входить никакие соглашения с китко-

мандованием [по] вопросам операций китвойск [на] Ургу впредь до получения указаний Центра, каковы запрошены. [В] общем, Реввоенсовет Сибири относится совершенно отрицательно [к] операции китвойск [на] Ургу, которая не даст никаких выгод, только спутает наши отношения к Монголии и Китаю, почему Вы должны [в] ожидании указаний Центра относиться к этой операции крайне сдержанно не оказывать киткомандованию никакого содействия а также противодействия, вести непрерывно самую тщательную разведку о движении и силах китвойск на Керулен и Ургу. [О] получении и Ваших распоряжениях и имеющихся сведениях точно донести. Нр 935/Оп

Предреввоенсовет войск Сибири Смирнов, члены Афанасьев, Давыдов, Врид, Наштасиб Михайлов

РГВА ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 140–140об.

[ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА К НАСЕЛЕНИЮ МОНГОЛИИ]

Красные войска Российской Социалистической Федеративной Советской Республики вступили на территорию Монголии, но монгольский народ не должен опасаться за свою судьбу: не врагами, а друзьями-освободителями идут наши войска в пределы Внешней Монголии.

Красные войска несут войну не монгольскому народу, а убийце барону Унгерну, восставшему против власти русских рабочих и крестьян. Русский трудовой народ, как и все народы, хочет быть сильным и свободным, хочет сам распоряжаться своей судьбой... Унгерн, враг русского трудового народа, побитый в открытом бою, побежал в Монголию, продался японцам, которые не хотят видеть Россию сильной и свободной страной, захватил обманным путем власть в Монголии и начал опять готовить поход на Россию...²²² Наши красные войска будут действовать в полном согласии с Народным революционным правительством Монголии и с Народной революционной монгольской Красной армией. Между нашими войсками и монгольским народом не должно быть никакой вражды. Русский народ хочет жить в дружбе и взаимном уважении с монгольским народом...

Монгольский народ! Другом и освободителем вступает на твою территорию Красная армия, другом и братом встретишь ты ее, и помоги ей уничтожить Унгерна и освободить Монголию.

МУА, ф. 1, оп. 2, л. 75, типографский оттиск. — Цит. по: Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. Москва. С. 254–255.

Обращение Реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной армии на территорию Монголии

21 июня 1921 г.

Красные войска рабоче-крестьянской России вступают в хошуны монгольского народа как его друзья. Вместе с ними вступили в родные пределы войска освобождающийся от врага Монголии, которой новое Народное монгольское правительство несет избавление от всех притеснений, тягот и иностранного ига.

Рабочие и крестьяне России протягивают руку братской симпатии угнетенному до сих пор монгольскому народу. Им безусловно и окончательно чужды какие бы то

ни было завоевательные помыслы, они не хотят навязывать своего господства никакому народу и хотят жить в мире и дружбе со всеми другими народами земли, свергнув у себя, в своих собственных пределах, гнусное иго кровавого царизма — этого врага и угнетателя собственного народа, как и всех живших под его властью, свергнув точно так же иго кровопийцев и эксплуататоров — помещиков и капиталистов.

Рабочие и крестьяне России желают видеть братский монгольский народ свободным от всякого иностранного гнета. Уже больше трех с половиной лет трудящиеся массы России ведут героическую борьбу против прежних угнетателей народов России — царских генералов, помещиков и капиталистов, которым оказывали помощь Англия, Франция, Япония и другие империалистические великие державы. Разбитые доблестными красными войсками рабоче-крестьянской России, остатки контрреволюционных банд царских генералов и офицеров искали себе убежища в соседних странах, и в их числе барон Унгерн со своими кровожадными бандами, отступив в беззащитную Монголию, где ему оказали поддержку слуги жадных до завоеваний японских генералов и жадных до наживы японских капиталистов, стремящихся поработить монгольский народ. Изгнанные из России банды бывших царских слуг принесли монгольскому народу тяжкий гнет, поборы и всякие притеснения, они насильственно заставляют вступать в свои войска сынов монгольского народа и принуждают их проливать кровь за своих поработителей.

Царский генерал, насильник и преступник, кровожадный барон Унгерн обманывает слишком легковерный монгольский народ и старается представить его в глазах свою власть как законную, между тем как в действительности его господство в Монголии есть голое насилие и зло, имеющее конечным результатом бесконечные бедствия для монгольского народа и его истребление. Царский генерал барон Унгерн стремится к тому, чтобы при помощи обманутых и угнетенных монголов вести войну против братского трудящегося народа России, не сделавшего монгольскому народу никакого зла. Он заставляет сынов монгольского народа проливать свою кровь для того, чтобы снова поработить рабочих и крестьян России, наложить на них иго гнусной царской власти. С этой целью коварный обманщик барон Унгерн идет на всякие уступки японским генералам и капиталистам и продает монгольский народ Японии, которая пошлет в Монголию сборщиков податей для выжимания всех соков из монгольского народа и военных инструкторов с бичами в руках для превращения сынов монгольского народа в безгласных рабов, безответных служащих Японии. Ее агенты и слуги будут вас обирать и истязать, будут подвергать вас и ваши семейства всяким насилиям и сделают из вас своих рабов. Они захватят недра Монголии, отберут у вас лучшие земли и поселят там своих разжиревших японских капиталистов. Из родной вам Монголии они сделают вторую Корею.

Вот к чему ведет гнусная власть японского клеветы, коварного и кровожадного царского генерала барона Унгерна. Это наш злейший враг, в то же время он злейший враг монгольского народа. Он напал на нас со своими полчищами, эти незаконные банды вторглись в пределы Советской России и братской Дальневосточной республики, принося с собой насилие и бедствия.

Рабочие и крестьяне России вместе с братским народом Дальневосточной республики были принуждены защищаться против напавшего на них насильника и,

преследуя убегающего врага, которого они должны на будущее время обезвредить, они вступили на вашу монгольскую землю. Они вступили для того, чтобы нанести смертельный удар угнетателям и тем помочь вам освободиться от тяжелого ига.

Войска рабоче-крестьянской России и Дальневосточной республики не останутся в Монголии больше, чем это будет нужно для нанесения окончательного удара общему врагу, царскому генералу, кровожадному барону Унгерну. Они помогают монгольскому народу наладить свое собственное свободное управление и построить свою свободную жизнь и свое благоденствие. В братском союзе с монгольским народом рабочие и крестьяне России стремятся к одной цели — борьбе против угнетателей других народов.

От имени правительства РСФСР даем вам торжественное обещание, что мы не причиним монгольскому народу никакого зла и не будем посягать на его самостоятельность, на его свободу и его права. Пусть свободный монгольский народ живет, процветает и развивается у себя в своих собственных хошунах, в братской связи с дружественным китайским народом и освободившимся от всех угнетателей народом России, [которые] будут жить и развиваться [в] своих собственных пределах как союзники и друзья монгольского народа, развивая рядом с ним добрососедские с ним отношения, ни в чем не стесняя его свободы и его независимости.

Мы вам торжественно обещаем, что красные войска рабоче-крестьянской России и братской Дальневосточной республики не будут чинить вам никаких обид и что за все, что вы будете им продавать, вам будет немедленно полностью уплачено.

Пусть монгольский народ доверит и [с] открытой душой встречает идущие к нему с братским чувством войска трудового народа России и Дальневосточной республики, они помогут монгольскому народу зажить новой свободной жизнью, пользоваться большим благосостоянием и вступать в семью свободных, образованных, процветающих народов мира, они помогут народу Монголии взять в собственные руки свою судьбу.

Да здравствует освобожденная, самоопределяющая свою судьбу, народная Монголия! Да здравствует союз свободных народов, освобожденных от иностранного гнета и от порабощения насильников и угнетателей всякой чужеземной власти!

ЦГАСАБ ф. 16, оп. 1, д. 4, лл. 17–17 об., заверенная копия. — Цит. по: Советско-Монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. 1975. Москва–Улаанбаатар. С.14–17.

[ДЕЙСТВИЯ КРАСНОЙ АРМИИ И НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ МОНГОЛИИ ПРОТИВ Р.Ф. УНГЕРНА]

<...> 21 июня 1921 г.

Для широкого осведомления: наступление Красной армии и Нарревармии вглубь Монголии для окончательной ликвидации унгерновских банд и полного изживания белогвардейской авантюры продолжается. Захваченные Унгерном скот, грузы, припасы возвращаются нашими частями законным владельцам через Нарревправление. Принимаются меры широкого оповещения населения Востмонголии о цели продвижения наших частей — освобождении Монголии от захватчика Унгерна, в чем Нарревправление и наши части ожидают полного содействия и поддержки всего монгольского народа. Частям Красной армии отдан строжайший приказ ника-

ких реквизиций у населения не производить, всякое самовольничанье по отношению к населению будет строго караться. Во все районы наступления посылаются наши представители для информирования о событиях. При советских частях Красной армии будут утверждены представители Нарревправительства для полного контакта. Нами установлена связь с Нарревправительством, находящимся в Маймачене...

ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС²²³. Коллекция, д. 15, л. 3, стеклографированный экз. — Цит. по: Советско-Монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. 1975. Москва–Улаанбаатар. С.14–17.

[ОБРАЩЕНИЕ ЦК МНРП к народу Монголии относительно Красной Армии]

Центральный комитет Монгольской Народной Партии обращается к народным массам Монголии.

В настоящее время совместно с нашей Народной армией выступают части Красной армии великой Советской России, прибывшие оказать нам помощь. Монголы! Не бойтесь их, ибо они ничего общего не имеют ни с белогвардейцами Унгерна, ни с гаминами, которые занимаются только грабежами и убийствами. Красная армия преследует великую цель оказания помощи угнетенным народам всего мира в деле их национального освобождения без различия национальности и религии. Поэтому ее нельзя сравнивать с армиями империалистических государств, которые стремятся лишь к хищническому захвату чужих земель, имущества, людей и скота.

Красная армия выше всего ставит интересы народных масс, она борется за то, чтобы полностью ликвидировать разбойничьи банды белогвардейцев, и никогда не позволит причинять страдания аратским массам Монголии. Красная армия вернется в Россию, как только покончит с унгерновскими и другими бандами. Мы призываем все население Монголии сохранять полное спокойствие и заниматься своим мирным трудом. Нет никаких оснований для недоверия и беспокойства. Все, кто будут сеять панику, бросать свой скот и убегать, будут привлекаться к строгой ответственности.

Об этом своевременно доводим до вашего сведения.

20-го дня 5-й луны 11 года Многими Возведенного [25 июня 1921 г.].

Комитет наук МНР, сектор истории, № 301. — Цит. по: Насанбалжир Ц. (сост.). 1960. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1954 гг.: Документы. М.: Наука. С.19.

[ОБСТАНОВКА в УРГЕ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ ЕЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ]

[Телеграмма] получена и расшифрована 12/7/21 г. Москва, Чичерину

Передаю информацию из Урги: до входа наших войск [в] Ургу Хутухта через глашатаев на площадях, базарах города призывал народ встретить радушно Красную армию, указывая, что красные идут, как друзья и никому не причинят вреда. Седьмого числа [июля] в пяти верстах от города Красное Монгольское Пр[авительств]во, наши части были встречены начальником дворцовой гвардии Хутухты (член Нарревпартии), [который] и приветствовал от имени Хутухты. Весь город был наполнен гарцующими всадниками в праздничных халатах. Пр[авительств]во, начдив,

военком, начбриг получили от Хутухты шелковые шарфы в знак его дружбы. Беспременно являются представители монастырей. 9 июля старое правительство передало свою власть Нарревпра[вительст]ву.

Замуполкоминтерна Минскер
АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 317, д. 54775, л. 28.

Чита, 15-7 (Сиброста). Приехавшие из Урги в Маньчжурию коммерсанты передают, что Революционное правительство автономной Монголии начинает приобретать широкие симпатии монгол.

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 155 (515), 26 июля 1921. С.2.

Копия телеграммы Мск Наркоминдел Востдел

<...>²²⁴ Второе: Ургинская контора Внешторга по распоряжению коменданта Сипайло под непосредственным наблюдением служащего Панькова. Все бумаги уничтожены, ценности разграблены. Все служащие торгово-финансовой конторы Лаврова, также часть мясотдела выступили добровольцами в ряды барона. Убиты служащие: Рябкин, Пеняев, Церветков, Христофоров. <...>

Третье. Вчера близ Ости Маймачена был монгольский праздник. Народы чувствовали занятие Урги. Присутствовали члены правительства, красных командиров, а также тысячная толпа населения ближайших хошунов.

12 июля НР Макстенек
АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 27.

[ИЗ ГРАМОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА БОГДО-ГЭГЭНА ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ УРГИ КРАСНЫМИ]

При передаче власти Временному народному правительству Монголии, старое Правительство, организованное еще руками разбойника Унгерна с одобрения Хутухты, обратилось к монгольскому народу со следующей грамотой: “Белая партия барона Унгерна и войска его в настоящее время потерпели жестокое поражение от войск Народно-революционного правительства и Советской России, а посему они разбегаются, ища спасения, во все стороны, творя убийства, грабежи, опустошения и мобилизуя для усиления своих войск, при помощи разных способов и обмана, монгол. А посему повелевается всем местным властям принять предупредительные меры к недопущению опустошений и насилий со стороны остатков банд разпутного вора барона Унгерна и уничтожения их”.

“Власть труда” (Иркутск). № 526 (402), 17 августа 1921. С. 1.

[ПРИКАЗ РЕВВОЕНСОВЕТА МОНГОЛЬСКОЙ АРМИИ О РАЗОРУЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ]

Приказ Революционного военного совета Монгольской нарревармии № 8
30 июля 1921 года г. Урга

§1. Во время отступления банд Унгерна последними брошено оружие, скот, лошади, продфураж и различное военное имущество, каковое попало в руки мирных жителей и до сих пор находится у них.

Реввоенсовет приказывает:

Населению города Урги и ее окрестностей в трехдневный срок, с объявления настоящего приказа, сдать в отдел снабжения Монгольской армии все огнестрельное и холодное оружие: винтовки, пулеметы, револьверы, шашки, пики и тесаки. (Сдаче не подлежат кремневки и гладкоствольное охотничье оружие).

2) Населению аймаков и хошунов в тот же срок, по получении настоящего приказа на местах, сдать хошунному управлению, а последние через аймачные управления в Отдел снабжения Монголармии.

3) Лица, коим известно местонахождение складов оружия, военного имущества, продфуража, гуртов скота и табунов лошадей, ранее принадлежавших Унгерну, в тот же срок обязаны сообщить в Отдел снабжения Монголармии.

4) Аймачным и хошунным властям и Ургинской милиции строго следить за выполнением настоящего приказа.

5) Виновные в неисполнении настоящего приказа будут привлекаться к ответственности и караться по всем строгостям закона военного времени — вплоть до расстрела.

Аймачным и хошунным управлениям о получении настоящего приказа донести в Реввоенсовет.

Главком Сухэ-Батор

П.п. Реввоенсовет: члены: Алтан-гэрэлэ

член и Наштарм Эрдэни Доржи

С подлинным верно: Помнаштарм

ЦМВС, документальный фонд, № 4/16629.

[Письмо Р.Ф. УНГЕРНА БОГДО-ГЭГЭНУ 19 июля 1921 г.²²⁵]

Письмо главнокомандующего (джанджина) барона Унгерна.

В настоящее время, узнав о положении дел вообще и в особенности о Жамболоне²²⁶, мне чрезвычайно стыдно не только перед богдо-ханом, но перед последним простым монголом, и было бы лучше, если б поглотила меня земля. О том, что нужно делать в будущем, ведают только особы высокого происхождения. Мне, простому смертному, неведомо поведение Бога. Думая умом простого человека, полагаю, что занятие Урги русскими красными войсками весьма опасно для Богдо-хана, Маньчжуши²²⁷ и других праведных чиновников. Наконец они²²⁸ всех ограбят и оставят нищими. Так они делают не только в России, но и в других многих государствах. А потому, по моему мнению, будет лучше, если Богдо-хан на время переедет в Улясутай. Таков сон Богдо-хана о передвижении на запад и обратно алтан-вачира²²⁹. Так как население Тушэтухановского аймака не испытало на себе законы и порядки красных, то мне направляться в г. Ургу опасно. В настоящее время для меня лучше вступить в пределы России и увеличить свои силы надежными войсками, которые не будут поддаваться обману красной партии. Увидев это, красные, боясь быть отрезанными, наверное, вернутся обратно. Правительство Сухэ-Батора и другие будут легко ликвидированы, если не будет помощи красных. Сущность и задачи красной партии знают немногие люди, а также немногие им верят. Эта партия

является тайной еврейской партией, возникшей 3000 лет тому назад для захвата власти во всех странах и цели ее теперь осуществляются²³⁰. Все еврейские государства тайно и явно пошли за ней — осталась только Япония. По заветам нашего Бога, Он должен услышать мучения и страдания народа и разбить голову этого ядовитого змея. Это должно случиться в 3-м месяце этой зимы. Этот завет был дан свыше 2000 лет тому назад, а потому монгольскому народу осталось недолго ждать, кроме того, если всякий человек не будет заблуждаться и сумеет сохранить свои веру и обычаи, то Бог смилостивится над ними и не допустит распространения грабежей и насилий красных. Это видно из наблюдений над жизнью других народов, а потому монголов, не отдалившихся от [веры] и обычаев, Бог не оставит. Настоящим подтверждаю перед Богдыханом²³¹, что пока я буду жив, всегда буду следовать приказаниям Богдыхана и, не жалея жизни, буду ему помогать. Если распространяются злые слухи, что я, выгнав гаминов и сопротивляясь красным, вызвал вхождение их в Монголию, то это не правда, потому что красные для распространения своих законов должны были, вне зависимости от этого, войти в религиозную и богатую Монголию. Это было видно из того, что они заняли Кяхту, обманывая гаминов, что хотят разбить меня, Унгерна.

Еще раз повторяю мое личное мнение, что было бы лучше Богдо-хану с надежными людьми передвинуться на запад. Дальнейшее многословие считаю излишним.

Генерал барон [подпись по-русски: Унгерн²³²]

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6–7; с сокращениями опубликовано в газете "Советская Сибирь" (Новониколаевск). № 165 (525), 6 августа 1921. С.2.

[Планы и намерения Р.Ф. Унгерна после занятия Урги красными]

Из разведывательной сводки штаба 5-й армии и ВСВО о военном положении в Монголии после освобождения Урги

№ 4. 1 августа 1921

Унгерн: планы и намерения.

По документальным данным от 27 июня (письмо Унгерна Богдо-хану) и по данным перебежчика-переводчика из штаба Резухина, Унгерн опасается направляться в Ургу, не думая там найти сочувствия среди населения. Однако, не оставляя своих планов борьбы с Советской Россией, он намеревается пойти на север в Советскую Россию, увеличить там свои силы надежными частями и тем самым принудить части экспедиционного корпуса к возвращению обратно в Советскую Россию. После чего может легко быть ликвидировано Монгольское революционное правительство. В то же время Унгерн настойчиво советует Богдо-хану перенести центр управления Монголии из Урги на запад, в Улясутай. Обещая и впредь следовать его приказаниям и не оставлять его без своей помощи, верит, что в течение трех зимних месяцев большевики будут разбиты наголову.

По другим данным, перебежчика монгольского военачальника и взятого в плен штаб-капитана Толстого от 17 июля, Унгерн, по соединении с Резухиным, намерен двинуться через [хурэ]²³³ Дзаин-гэгэна на Улясутай, если последний не занят крас-

ными войсками, в противном случае обходным движением, минуя Ургу, пробраться в Маньчжурию. Намерение Унгерна пробраться в Маньчжурию подтверждались приказом Семенова Унгерну — с остатками войск двигаться в Маньчжурию (сообщение ДАЛЪГА от 15 июля)²³⁴...

Советско-Монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. 1975. Москва–Улаанбаатар. С.30–31.

**[ИЗ СВОДКИ СВЕДЕНИЙ ПО РУССКО-ИНОРОДЧЕСКОМУ ПАРТИЗАНСКОМУ
ОТРЯДУ БЕЛЫХ ВОЙСК ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ОБЛАСТИ
СО 2 ПО 20 АВГУСТА 1921 Г.²³⁵]**

Красные продолжают свою преступную деятельность в Монголии. Не имея возможности по каким-то причинам направить в пределы Монголии крупные силы, достаточные для борьбы с “белыми бандами”, красные не оставляют своих попыток использовать для борьбы с этими “бандами” население Монголии, на которое действуют в нужном направлении словом и серебром. Распространяются самые бессодержательные, нелепые воззвания, такого же характера, как в свое время в России — с лукавыми, невыполнимыми обещаниями, призывами к борьбе с “угнетающими Монголию белыми бандами” (заодно достается китайцам). Особенно усиленно распространяется № 4 газеты “Монгольская правда”, специально издаваемой в Иркутске для Монголии и переполненной, как и вообще все коммунистические “Правды”, угрозами и всевозможными ругательствами по адресу нас, белых. Всячески чернят и обливая грязью всех “контрреволюционеров”, красные преподносят монголам, под разными приправами, свои первосортные коммунистические блюда, которые должны так же осчастливить монгол, как русских. Газета наполнена призывами вроде следующих:

“Монгольский народ, не поддавайся хитрому обману твоего злейшего врага, японского прислужника и лакея, выгнанного русскими с родины, разбойника и наглого грабителя — вора Унгерна и всех скотов-тунеядцев, действующих заодно с ним. Настала желанная пора освобождения и объединения монгольского, русского и китайского народов в единый братский союз. Пришло время изгнать всех кровопийц-тунеядцев, сосущих народную кровь, преступных врагов-грабителей, и твердо взять власть в народные руки”.

Серебренников И.И. 1933. Tientsin. Материалы по истории рассеяния белых армий в Китайском Туркестане, Монголии и Маньчжурии. — ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 6, л. 8об. — 9.

[ТАКТИКА КРАСНЫХ ПО РАЗГРОМУ Р.Ф. УНГЕРНА]

<...>Иркутск, Секретариат Коминтерна, Шумяцкому

[На] Вашу телеграмму 698/728 сообщаем, что нами 5 марта были даны утвержденные коллегией и с согласия Реввоенсовета инструкции Смирнову, также через него Вам, согласно которым должна была быть направлена в Монголию экспедиция партизанскими отрядами из войск РСФСР для борьбы [с] Унгерном, формальным основанием для чего должно было служить обращение местных китвластей. [В] доп-полнение к этому как основному, санкционировалось предложение Смирнова о не-

обходимости широко использовать формируемые монгольские отряды для преследования, также для операций [в] тыл белых. Операции должны были производиться исключительно силами РСФСР, выгораживая ДВР. В это время должна была происходить нелегальная подготовка монгольских сил, которые выступают лишь после успешных операций наших войск. Учитывая Ваши сообщения о слабости 5-й армии и невозможности произвести ее силами глубокое вступление в Монголию, считаясь с начавшимся уже выступлением отрядов Нарревпартии, полагаем, что изложенные нами директивы приходится изменить и продолжать действия в направлении, наменном Вами в переговорах по прямому проводу. Санкционируя немедленное выступление отрядов Монгольской нарревпартии, считаем необходимым, чтобы эти выступления были направлены не против китайцев, а против русских белых и Унгерна²³⁶. Следует добиться немедленного разрыва между ургинскими монголами и Унгерном. Выступление монголоторядов не должно сопровождаться широкими декларациями, провозглашающими Монгольскую республику. Наша помощь и связь с Монгольской нарревпартией должна сохраняться, безусловно, в тайне. Монголпартия на нашей территории должна быть формально нелегальной. Нр. 907/2.

Замнаркоминдел Карахан

29-го марта 1921 года.

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 11.

Товарищу Г.В. Чичерину

Уважаемый товарищ,

на Ваш № 11/2775 сообщаю, что сущность моей позиции в вопросе о воен действиях нашей армии в Монголии изложена мною в телеграмме Сибфронту, посланной недели две тому назад и в копии посланной Наркоминделу через Востотдел. Эта телеграмма гласит:

“Первое. Теперь, когда наш план Монгольской операции, построенный в феврале совместно с Вам на принципе завлечения противника при помощи красномонгол ближе к границам для нанесения ему здесь сокрушительного удара советскими частями начал реализоваться, полагаю, что своевременно уже поставить и другой вопрос — [о] характере наших операций при преследовании противника. Будучи сторонником осторожной тактики и учитывая трезво трудность нашего движения в Монголии [из-за] отсутствия дорог, продовольствия, фуража, могущих перессорить нас с монголнаселением, я в большей степени учитываю еще и то, что может предпринять в отношении обороны противник и что мы, безусловно, должны предусмотреть — а именно, что Унгерн под удар преследующих его наших частей подставит не свой белобандитский кадр, а мобилизованных им монгол, чтобы заставить нас устроить избиение младенцев и, тем самым, вызвать в монголах на две трети мужского населения, находящегося в армии Унгерна — ненависть к Красармии и Совроссии²³⁷. В этих целях нашим частям надлежит иметь при себе красномонгольские части, которые должны выдвигаться в нужный момент против беломонгол в целях их разложения не силой оружия, а политически. Когда это вынудит противника снова вводить в воен действия свои основные русские белобандитские

кадры, которые наши части должны снова начать беспощадно бить, чтобы как можно скорей лишить Унгерна основы его военорганизации — русских белобандитов”.

Из этого Вы можете заключить, что я был прав в своих расчетах и в отрицании возможности и целесообразности в январе, феврале, марте, апреле и мае движения на Ургу, и насколько мой план, принятый тогда помглаврокомом Сибири — завлечь Унгерна поближе к нашим границам и тогда начать ему наносить удары — был построен правильно с учетом наших реальных возможностей. Я не отрицаю теперь необходимости активных действий со стороны наших войск, ибо это составляет задачу осуществления вышеприведенного плана, но, безусловно, полагал бы необходимым даже и теперь вести эти операции так, чтобы, ведя ликвидацию противника, делать это не под флагом большой глубокой операции, а под флагом активной обороны. Ведь нам важна не форма, а суть дела.

С коммунистическим приветом, [подпись:] Шумяцкий 4/VI [19]21 г.
АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 15–15об., подлинник

[ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ РАЗГРОМА Р.Ф. УНГЕРНА КРАСНЫМИ]

Г.В. Чичерину

Уважаемый товарищ Георгий Васильевич,

теперь мы можем уже подвести и некоторые итоги нашей монгольской работы.

От подпольной Народно-революционной партии мы уже пришли к Народно-революционному правительству Монголии, как к правительству общенациональному, ибо с принятием Джалханцзы, первой персоны после Ургинского хутухты и определенно все время бывшего во вражде с белыми, от Народно-революционного правительства мандата на наместничество в Западной Монголии и Кобдинском аймаке, и с открытыми им там военными действиями против белых, власть Нарреврительства стала действительно властью национальной, общемонгольской.

Военные итоги. Основная идея нашего военного плана борьбы с Унгерном в Монголии сводилась к тому, чтобы ликвидировать его не путем необычайно трудного в местных условиях похода на Ургу, похода, который при наличии конного врага и необычайной слабости нашей конницы, очевидно, обещал превратиться в игру “в кошку с мышкой”, обещал взвалить на монгол бремя тягот перевозки сотен тысяч пудов военных и продгрузов, бремя довольствия и фуражировки невиданного в Монголии количества людской массы и обозов. Так как эта сторона “похода на Ургу” была чревата большими политическими последствиями и угрожала нас поссорить или просто попортить наши отношения с Монголией, то пишущий эти строки и выдвинул зимою 1920 г. другой план борьбы с Унгерном уже не путем похода на Ургу, которая для нас и противника была лишь простой географической точкой и особой ценности для исхода операций не представляла, а путем завлечения врага к нашим границам, дабы именно он испил бы до дна чашу возложения тягот на монгольское население в виде мобилизации, подводной и друг[их] повинностей. Средством завлечения Унгерна к нашим границам по этому плану были красномонголы и наше нежелание двигать свои части на Ургу. Противник три месяца старался нас туда завлечь (с февраля по июнь), но мы выдержали искушение, хотя порою, как,

например, когда он в апреле перешел к р. Иро и уже был в 20–18 вер. от Троицко-савска, это искушение скорей ввязаться в драку у наших военных работников было необычайно велико.

Как известно, с этим спокойным тоном боролись и активные руководители политики ДВР, также увлекаясь мыслью о походе на Ургу. Однако действительность оправдала правильность нашего расчета: противник был завлечен к нашим границам, даже за нее, мы выиграли этим время, сосредоточив на Троицко-савском плацдарме целых две дивизии, и только благодаря этому получили возможность обрушиться на врага, когда это оказалось нам выгодно, и начать его преследовать, имея впереди себя, благодаря нашей тактике и разумной политике с красномонголами, отступающего противника и впереди его – враждебный тыл.

Началась вторая стадия борьбы с Унгерном и естественное нарастание сил красных монгол. Однако наше сибирское и местное командование, понукаемое буферной дипломатией, во время моего отсутствия на Конгрессе Коминтерна, все же дело преследования противника превращает опять-таки в пресловутый “поход на Ургу”, снижает туда глубоко на юг все наши военные силы и дает тем самым конному противнику — для которого Урга [роли] религиозной Мекки вовсе не играет, для которого базами снабжения и поддержки является Маньчжурия, Хайлар — вывернуться и пойти гулять по нашим тылам вдоль нашей границы, которые мы своим “походом” обнажили, имея в виду или вырваться на Селенгу и на Хайлар, или, в противном случае, отойти в Западную Монголию, что он теперь, очевидно, и делает. Но противник, как и следовало ожидать, видя наше общее движение на Ургу, не стал вовсе за нее цепляться, и еще за несколько дней до подхода к Урге наших частей оставил ее без боя, или, как говорят монголы, “мотнул хвостом”. Загнав почти все наши силы, а главное — конницу в Ургу, мы, столкнувшись с фактом быстрого появления противника в нашем тылу — в долинах рр. Джида и Селенги — были уже не в силах ответить на его дерзкий рейд сокрушительным ударом конных сил, и начали операцию на селенгинском плацдарме резервами пехоты на конного противника. <...> Таковы итоги наших военных операций в Монголии (к 8/VIII), если их брать в части, касающейся борьбы с Унгерном, как с частью нашей дальневосточной опасности.

Политические итоги. Что же дала нам полугодовая военная и политическая (международная) борьба и работа в Монголии?

1. Во-первых, мы создали себе в лице монгольских масс определенных друзей, связавших судьбу своего национального объединения и отчасти даже существования с Советроссией.

2. Мы создали для себя в лице освобождающейся Монголии союзника, который прикрывает самые уязвимые места нашей тысячеверстной границы: это долину р. Селенги, Джида, Дархаткурены, и Кошагач.

3. Мы получаем уже возможность начать наши мирно-хозяйственные отношения с Монголией. Даже в обстановке боевых действий мы уже получили возможность развернуть закупку скота в пределах программы 1917 г. Мы имеем огромное предложение от монгол кож, шерсти, конского волоса и другого сырья, в течение 3 лет не имевшего еще сбыта. Пока взять это сырье, вследствие ограниченности ва-

лютных и контрвалютных ресурсов у местных наших органов Внешторга и Центросоюза мы еще не сумели, но эти возможности непреходящи и все равно при их наличии столь необходимое нам сырье от нас не уйдет — и будет нами взято разумной политикой, политикой сотрудничества с Временным монгольским правительством.

4. Пекин, руками Чжан Цзолия подготовлявший монгольскую экспедицию, благодаря счастливой в данном отношении случайности в успехе южан и необходимой переброске туда сил северян, вынужден сейчас развинтить гайки своей непримиримости, открывая тем самым лучшие перспективы для соглашения, удовлетворяющего национально-освободительные устремления монгол. <...>

В ожидании Вашего ответа и директив,
с коммунистическим приветом, [подпись:] Б. Шумяцкий
12 августа 1921 г., № 438, Иркутск

АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, н. 101а, д. 9, л. 42–46, подлинник; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 10–14.

Г.В. Чичерину 10-IX-[19]21 г.

Уважаемый Георгий Васильевич,

пишу Вам из Монголии по дороге в Ургу. У меня за это время накопил[ся] ряд наблюдений, которыми я считаю необходимым поделиться с Вами.

Первое. Пленение Унгерна означает полный крах японского плана ударить нас путем монгольского обхвата по тылам и по левому флангу нашего будущего Дальневосточного театра. Судите сами, в случае удачи, Унгерн, то есть те, для кого и на кого он работал, получил бы разрыв нашей коммуникации на восток в самом слабом ее месте — на Селенге, и ДВР была бы поставлена тем самым под двухсторонний удар и с фронта, и с востока, и с тыла, и с юго-запада, лишаясь не только единственных источников снабжения в Совроссии, но и свободы маневрирования, так как в таком случае ее фронт разбился бы на три изолированных участка: 1) Верхне-Амурский, 2) Мензо-Акшинский и 3) Верхнеудинский. Это не только выбило бы из нашего строя 2 буферных дивизии, лишив нас фланговой защиты ими, но и поставило бы армию ДВР перед фактом полного распыления ее сил на три разбросанных на тысячи верст друг от друга плацдарма, и путем лишения их связи и единства командования, превратило бы ее части в партизанские. Это был бы самый тяжкий исход монгольской кампании нынешнего года. Но, как говорят, “не было счастья, да несчастье помогло”.

Так и вышло сейчас. Мы растрепали на удивление крепко спаянную и значительную по числу (около 7–8 тысяч сабель) конницу Унгерна. Больше того, мы окончательно вывели ее из строя. В изнурительных для нас и, в еще большей степени, для Унгерна боях на Селенге, на Джиде и на Эгийн-голе мы лишили противника не только живой силы <...>, но мы в большей степени убили врага политически, убили его вес среди монгольского населения, убили его связи с монархическим движением Китая, как с агентурой империалистической Японии и, что особенно важно, с самой Японией, ставившей в нынешней весенней и летней кампании ставку на Унгерна²³⁹. Не даром этот наймит японцев в отныне историческом приказе от 21 мая сего года писал: “Я предпринял движение на большевиков при поддержке Японии”²⁴⁰. Вот почему провал унгерновского наступления есть не только провал его

попыток изолировать ДВР от РСФСР, не только ликвидация угрозы нашему левому флангу, нет, это больше. В перспективе борьбы с мировым окружением это прорыв единого империалистического фронта с востока и наш выход на восток, к нашим естественным тамошним союзникам. Пусть Чжан Цзолинь будет вне круга этой освободительной борьбы, пусть он вместе с остальной китайской реставрацией будет против нее, все равно в этой нашей победе симпатии широких кругов Китая будут с нами и за нас. Они в нас, а не в Чжан Цзолине и не в других столпах северной китайской военщины будут видеть силу, способную бескорыстно и даже бесплатно (а не так, как Чжан Цзолинь, который соорудил за два миллиона лан, собранных шанхайским, тяньцзинским и калганским купечеством “монгольскую экспедицию”) ликвидировать белых в Монголии, их угрозы Калгану и другим важным районам Китая.

Быстрота и дешевизна (вернее, почти даром) ликвидации вооруженных сил барона Унгерна — вот что приобретет Совроссии симпатии со стороны не только широких масс Китая, но, главным образом, со стороны его деловых кругов. А при их поддержке, при поддержке этой широкой национальной буржуазии, курс внешней политики Китая волей-неволей должен будет выровняться и, как никогда более, приблизиться к активной ориентации на Совроссию. Надо только не упустить этот момент и постараться путем широчайшей политической и дипломатической кампании в Китае, используя для этой цели больше всего доступную для нашего воздействия радикальную и либеральную прессу, интеллигенцию Китая, зафиксировать внимание этой страны на роли Совроссии как избавительницы Китая от ужасов нового военного иноземного нашествия, не предвещающего ничего лучшего, кроме оккупации и реставрации проклятой Цинской династии. <...>

С коммунистическим приветом, Б. Шумяцкий

Урга, 10 сентября 1921 г.

АВП, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 42–46.

[ОЦЕНКА БОЛЬШЕВИКАМИ ПАНМОНГОЛЬСКИХ ВЗГЛЯДОВ Р.Ф. УНГЕРНА]

<...> сентября 1921. Тов. Шумяцкому

Уважаемый товарищ,

мы только что получили от Вас отправленное месяц тому назад сообщение об Унгерне, Урянхайском крае и Монголии. Материалы Унгерна надо будет изучить и широко использовать. Они дают чрезвычайно яркую картину того употребления, которое может быть сделано из панмонгольского национализма.

Надо к этой новой разновидности шовинизма относиться с осторожностью и бдительностью. Вообще, наша тактика повсюду должна заключаться в том, чтобы способствовать самостоятельному развитию и политическому выделению отдельных национальностей. Тела, как Татарская и Башкирская республики стоят гораздо ближе к массам и гораздо легче становятся орудиями господства трудящихся масс, с установлением интеллигентских верхушек. Между тем всякие стремления к соединениям национальностей в большие расовые или религиозные объединения переносят центр тяжести в буржуазную интеллигенцию. Это мы проделали в Средней Азии и надо с этим опытом считаться на Дальнем Востоке. Во всей нашей

деятельности, при нашем тесном контакте с национально-освободительными движениями на Востоке, мы должны способствовать самоопределению близко стоящих к массам непосредственно национальных единиц, и мы не должны создавать почву для развития идеологии больших расовых и религиозных объединений. Панмонголистские экскурсы Унгерна чрезвычайно ярко это иллюстрируют. Что касается урянхайского вопроса, мы, кажется, исполнили все то, чего Вы требовали. Сиббюро приняло Ваши тезисы и мы со своей стороны отсюда присоединились к тому, чтобы предоставить Урянхайский край, как поле деятельности Нарревпартии. Я послал по проводу воззвание к урянхайскому народу, соответствующее принятым Сиббюро тезисам. Я послал точно такой же ответ монгольскому министру Бодо, который Вы, несомненно, уже получили.

С коммунистическим приветом.

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 49.

**[ПРОСЬБА ВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕ ВЫВОДИТЬ
ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ ИЗ МОНГОЛИИ]**

Из Иркутска. Получена и расшифрована 12/7/[19]21 г. Москва, Чичерину.

От имени Времнарревправительства Монголии по его настоятельной просьбе передаю следующее. Нарревправление Монголии официально обращается к Правительству РСФСР с просьбой не выводить части Совармии из пределов Монголии до момента окончательной ликвидации угрозы со стороны общего врага, в настоящее время укрепившегося в восточных степях. Нарревпр[авительст]во вынуждено обратиться с этим заявлением к правительству РСФСР еще и потому, что Монголия ... не закончена организация (?). Обстоятельство доказывает необходимость оставления Соввойск для сохранения безопасности на территории Монголии и границах РСФСР. Времнарревпр[авительст]во Монголии выражает уверенность, что Пр[авительст]во РСФСР, учтя серьезность положения и взаимную заинтересованность [в] ликвидации общего врага, удовлетворит настоящее обращение. Члены Моннарревправительства Вохо, Волоксай хан.

Замуполкоминтерна Минскер

АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 317, д. 54775, л. 28.

[АГРЕССИВНЫЕ ПЛАНЫ ЧЖАН ЦЗОЛИНЯ В МОНГОЛИИ]

The Peking Daily News [перевод]. Вх № 739 12/V[19]22.

Правительство получило телеграмму от генерала Чжан Цзолия, в которой он указывает на всю важность немедленного возвращения обратно Урги и уничтожения растущего влияния русских. Краткое содержание телеграммы следующее: "Когда русское правительство посылало экспедицию в Монголию, то было заявлено, что, как скоро будут подавлены беспорядки в Урге, город будет возвращен обратно китайским властям. Но теперь оно пользуется различными предложениями, чтобы сохранить контроль над Ургой и Кяхтой. Мы отмечали уже эту неискренность и, очевидно, нельзя надеяться на то, что монгольская территория будет освобождена рус-

ским правительством добровольно. Донесения разведки показывают, что советское правительство вместо того, чтобы отзывать свои войска, посылает каждый день все новые и новые отряды солдат в Монголию и заключило секретные договоры с монгольским военным министерством, достигнув военного соглашения. В одном из этих договоров обусловлено: 1) что министерство обязано пригласить русских в качестве высших военных советников; 2) что все монгольские войска должны обучаться, руководиться и контролироваться русскими офицерами; 3) что русские должны снабжать монгольские войска оружием и аммуницией; 4) что русские и монголы должны действовать сообща во всех военных операциях против китайского нашествия; и 5) что в Урге должен быть учрежден военный институт под контролем и руководством русских для подготовки монгольских офицеров для армии Живого Будды²⁴¹. Живой Будда потерял свою независимость и выполняет то, что ему диктуют русские, которые являются настоящими правителями Монголии, так как они получили контроль над департаментом финансов и внутренних дел монгольского правительства. Замечено, что, хорошо устроившись в Урге, русские начали пропаганду большевизма и коммунизма по всей стране.

Поэтому совершенно необходимо не терять времени в предъявлении требования об освобождении местностей, занятых теперь русскими силами. Промедление грозит стать роковым для всей страны, потому что гибельное учение пустит глубокие корни в Монголии, где оно может всегда найти почву для приложения. Обращаюсь к центральному правительству с ходатайством потребовать от российского представителя в Пекине безусловной сдачи Урги и Кяхты. Затем войска трех восточных провинций должны быть посланы, чтобы уничтожить контроль русских над различными монгольскими городами. Если русский представитель откажется слушать разумные доводы или будет настаивать на каком-нибудь тяжелом условии, пусть Правительство вышлет его из страны.

Я решил отправить экспедицию для борьбы с русскими узурпаторами. [Фуцзян] должен мобилизовать два вооруженные дивизии, Гирин — одну вооруженную дивизию, [Хэйлунцзян] — одну вооруженную дивизию, Джехол — одну смешанную бригаду, Суйан — одну смешанную бригаду и [Чахар] — одну смешанную бригаду войск для экспедиции. Совершенно необходимо, чтобы русская армия очистила свои укрепленные пункты в Монголии, иначе не удастся положить конец волнениям в ближайшем будущем. Сумма, требующаяся на расходы, связанные с экспедицией — более 5000000 долларов, из которой я покрою 3000000 дол., а остальная сумма должна быть доставлена центральным правительством. Если центральное правительство останется бездейственным, я слагаю с себя ответственность за потерю монгольской территории”.

По получении вышеприведенной телеграммы, правительство имело несколько заседаний для обсуждения проблемы; министерство иностранных дел начало переговоры с русскими о сдаче Урги и Кяхты.

Перевела З. Мосина

[ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЛЕНЕНИЯ Р.Ф. УНГЕРНА]

Полевой штаб [неразборчиво] Добровольческого партизанского отряда
Реввоенсовет 5 и Уполкоминтерн Д.В.Р.

Доклад

Распоряжением Р.В.С. от 20 марта с/г. за № 2576 я был назначен начальником Красного добровольческого партизанского отряда, состоящего из Осотрядов 9 и 11, одного взвода Легарддива итальянских пушек и части выделенных из 104 и 105 бригад (всего около 400 человек). Означенный отряд целью своего формирования имел ликвидацию белобанд в пределах Монголии. <...>²⁴²

По сведениям, полученным от захваченного разведкой пленного, банда Унгерна всеми силами, кроме банды Резухина в количестве 1000 сабель, имеет дневку в 10–15 вер[стах] юго-западнее перекрестка хошунной границы с трактом переврз [?] у гор[ы] Багад-ула на Куре Чулгын-сумэ. Как видно из приказа Унгерна Резухину, захваченного у пленного ординарца, Унгерн об участии Резухина²⁴³ не знал, а также связи с его бандой не имел. В приказании говорилось следующее: “1 эк. Резухину. С получением сего немедленно со всеми войсками присоединяйтесь ко мне, я имею дневку и полагаю, что завтра буду стоять в пади, что в 1-й вер. юго-западнее кумирни Бурулджин (на карте нет), скота больше не берите, я поймел связь с Батор-ваном. Ген. лейт. барон Унгерн”. Ввиду неясности обстановки, не зная точного месторасположения банды Резухина, я вынужден был остановиться в 10–15 верстах от расположения банды Унгерна и ограничиться высылкой усиленной разведки во всех направлениях. С рассветом 19/8, пр[отивни]к повел усиленную разведку в направлении моего движения, при столкновении разведки пр[отивни]ка с моим сторожевым охранением был взят в плен офицер-завхоз одного из полков Унгерна (который ехал навстречу отряду), вероятно, будучи посланным из группы Унгерна к Резухину, оставлен[ой] Унгерном на р. Эгийн-гол, не знал, что последняя после расправы с Резухиным проследовала другой падью.

Из подробного опроса пленного выяснилось, что в ночь на 19/8 в лагере Унгерна было совершено нападение на последнего с целью его уничтожения, но вследствие темноты ночи по ошибке обстреляли палатку его личного адъютанта, какового и убили и с ним 3-х солдат. В этом деле пленный участие не принимал, так как во время обстрела он двигался в группу Резухина. О недовольстве среди банды Унгерна он знал и даже состоял участником в организации по уничтожению Унгерна и Резухина. Подробности покушения на Унгерна, а также и результатов его он также не знал, как не знал и об убийстве Резухина. Повод недовольства среди бандитов к своим вождям вырос на почве не осуществившихся обещаний Унгерна, как он говорил. Что, по выходе на Совтерриторию, население и войска красных будут переходить на его сторону и что они пойдут занимать Иркутск и соединятся с японцами, наступающими якобы на Верхнеудинск.

Выяснив опросом точное расположение Унгерна, я всем отрядом двинулся к месту его дневки, имея целью, воспользовавшись в его банде разложением, захватить его. Двигаясь по дороге к месту его расположения, были захвачены 12 банди-

тов-монгол, от которых новых сведений получить не удалось. Двинулись дальше, захватили еще одного пленного — унтер-офицера бурята, который показал, что Унгерн связан и отправлен с его Монголдивизионом в штаб Резухинской банды, тем временем разведгруппа отряда в числе 17 чел., двигающаяся вперед, заметила беспорядочную группу конных чел. до 80, которые, стоя на месте, были чем-то заняты. Разведчики лихим налетом атаковали группу и, захватив, таковых обезоружили. В числе захваченных пленных в этой группе оказался сам барон Унгерн, при подходе наших разведчиков последний, будучи связанным и узнав красных, подавал команду рассыпаться в цепь и отражать атаку, крича во весь голос: “Красные идут, в цепь!” Растерявшиеся монголы от неожиданности парализовались, что и способствовало захвату всех без потерь. К этому моменту подоспел и я с отрядом. Кратко опросив Унгерна, я тотчас же снарядил конвой в числе 20 чел. и отправил с ними пленных и Унгерна в Штабриг 104 с наказом для конвойных, в случае попытки со стороны бандитов произвести нападение и отбить Унгерна, расстрелять последнего в голову, его во что бы то ни стало доставить в Штабриг 104, сам же продолжал движение за группой Унгерна на расстоянии 10 верст, где еще были захвачены 14 чел., при коих были 2 двуколки, несколько десятков винтовок, пулеметные ленты и около 2000 патронов.

Пройдя затем немного далее, остановился на кормежку лошадей, здесь принял решение пойти вслед за Резухинской группой, которая, как выяснилось разведкой, не пошла вслед за Унгерном, а взяла направление по другой пади на перевоз Ямуни и кумирни Монты. Допуская возможность движения банды по следам Унгерна, в случае удара на нее имевшего подойти к тому времени к кумирне Монты 312 полка и Красномонгольского отряда тов. Давыдова и учитывая опасность своего движения за группой Унгерна, возможность быть окруженным обеими группами и учитывая малочисленность своего отряда, я решил изменить направление, чтобы преследовать банду Унгерна, сосредоточив внимание за бандой Резухина. Пройдя в новом направлении до 30 верст, в ночь на 20/8 обнаружил разведкой засаду противника на высотах у реки Селенги. Обстрелянная залповым огнем разведка без выстрела отошла на 5 верст назад, оставив противника в полном неведении о значении своего появления. В 8 час. 20/8 я всем отрядом повел наступление на занятые противником высоты. По занятии части высот выяснил, что обоз противника, гурт скота, табун лошадей с 3-мя орудиями переправились за Селенгу на правый ее берег. Высланный мной в расположение противника сводный эскадрон 104 брг. был допущен до 50 шаг. противником, [который] очевидно принял их за своих, как конвоирующих Унгерна. <...>

В Модонкуле получил приказ немедленно расформировать отряд, влить таковой целиком в Кавполк 35, самому же немедленно отправиться в V Штакор экспедиционный. Вернувшись 24/8 к отряду, сдал таковой согласно приказу Комкавполка 35, а сам же 26/8 отправился в с. Торей к месту нахождения базы и Штабрига 104 и далее, согласно предписания Штабрига 104, в Троицкосавск в распоряжение Комкора экспедиционного.

Начотряда он же военком [подпись:] Щетинкин²⁴⁴

Начштаба [подпись]

РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 205–209.

[К.А. Нейман:] Теперь о пленении Унгерна. В материалах представляется, что это сделал Щетинкин; правильное сказать — что основная группа, которая шла за Унгерном, разведчики 104 бригады и 35 кав. дивизии, они нагнали Унгерна, когда его бойцы уже его связали и они не могли даже очухаться, когда наши пришли и забрали его в плен. Если бы мы не пленили Унгерна, его войска его наверное бы убили, как и Резухина. <...>

[Черемисинов:] После того, как он прошел 2 и 3 проход, возник вопрос — куда идти. Вот как рассказывал об этом на суде Унгерн: он хотел вести войска к басмачам и сказал об этом офицерам. Вечером же они убили Резухина. Когда настала ночь, ночлег располагался так: от одной бригады до другой на расстоянии 1–2 верст. Когда поднялась стрельба в бригаде Резухина, Унгерн встал, накинул халат и пошел на выстрелы. Когда он пришел туда, все уже было кончено. Когда он пришел назад к своей палатке, раздался выстрел. Он не пошел в свою палатку, а ушел в расположение Монгольского дивизиона, а рано утром эта бригада поднялась и ушла, а монголы его связали. Тут явился монгольский князь, с которым Унгерн разговаривал и назвал его дураком. Он шел в направлении на север, а Унгерн знал это направление и говорил, что это было неправильно.

Примерно через сутки, около полудня, произошла встреча с разведкой кавалерии, причем Унгерн не знал, кто это был. Встреча носила боевой характер. В это время он лежал связанный в повозке, а по окончании схватки услышал, что кто-то подошел и шарит в повозке, думая, что там лежат кули. Он окликнул его, а тот, в свою очередь, спросил его: “Кто ты?” Унгерн отвечал: “Генерал-лейтенант барон Унгерн”. Тогда пришедший отскочил и зарядил винтовку, а потом побежал сказать своим. После этого прибыла целая группа и Унгерн был взят в плен.

РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л. 26, 14об. – 15.

<...> Преследующая противника кавалерийская группа Щетинкина, настигнув после ряда боев в районе горы Урт ядро унгерновских банд, 21 авг. в 5 час. утра захватила в плен барона Унгерна со всей его свитой и тремя знаменами, с охраной в 90 монгол, находящихся под командой монгольского князя Айридриньей. <...> 24 августа из Молотуля Унгерн отправлен под конвоем в Троицкосавск. <...> 27-го августа из Троицкосавска в Верхнеудинск на пароходе привезена личная охрана Унгерна, в 90 человек, в том числе поп. Бандитов перевозят в Совроссию. <...> На днях ожидается привоз в Верхнеудинск под усиленным конвоем бандита Унгерна для отправки в Совроссию.

Телеграммы газеты “Прибайкалье”, 27 августа 1921 г. — РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2211, л. 23, типографский оттиск.

Объяснение Сундуй-гуна²⁴⁵ о том, как он состоял в войске барона Унгерна и потом задержал его

Я, Бишерельту Сундуй-гун, вместе со многими монгольскими солдатами из Тушэтуханского и Сайн[нойон]ханского аймаков был захвачен бароном из жестокой, бандитской белой русской партии и был под мучительным гнетом. Мне, Сундую, в феврале 1921 г. был приказ от Военного министерства и главнокомандую-

щего о том, чтобы я произвел мобилизацию 2000 солдат в обеих частях Тушэтуханского аймака и командовал ими в районе местности Тосон при русском бароне — главнокомандующем. В это время приехал главнокомандующий — русский барон и показал мне тот приказ министерства и главнокомандующего, и ругался, почему я не мобилизовал солдат и, если я их не мобилизую, то он вместо солдат мобилизует самих нойонов и лиц, облеченных властью — поэтому солдат надо собрать; на этом барон уехал. В то время, когда я собирался провести мобилизацию, временно исполняющий обязанности председателя правительства Монголии, главнокомандующий Сухэ-Батор распространил манифест о том, что наша Монголия должна освободиться от иностранного гнета, потому в районе города Кяхты уничтожены китайские гаминь, но часть их разбежалась, и наши монгольские солдаты должны их уничтожать, где только встретят, и я, узнав это, подумал, что у нас в Монголии должна быть одна власть, а не две. В связи с тем, что барон собирает так много солдат, я стал подозревать, что он хочет захватить всю Халху, и я стал подумывать, не лучше ли мне оставить затею мобилизовать солдат, но, по неоднократному требованию министра обороны и охраны границ Балжинням-бэйсэ и главнокомандующего, я вынужден был следовать этому приказу, не задумываясь о его сути, под угрозой строгого наказания, и отослал мобилизационный приказ в хошун цин-вана Жамбалдоржа, но при этом тайно послал сопроводительную бумагу о том, чтобы не собирали солдат. С уже собранными 400 солдатами я направился на юг за гаминями и догнал солдат министра Балжинняка. Тут министр Балжинням-бэйсэ приказал мне со всеми монгольскими солдатами идти на запад, чтобы по пути присоединиться к русско-монгольскому отряду генерала Резухина. Следуя приказу через хурэ Дайчин-вана соединиться с ним, Сундуй-гун подумывал, не податься ли назад, и приказал солдатам отдохнуть, а сам несколько раз ночевал в хурэ. Однажды пришел человек от русского командира Казагранди, разузнавал, что да как, и я на следующую ночь ускакал с солдатами по дороге на запад, в хошун Ахай-гуна Лувсанхайдава, в местности Духнарсе встретил генерала Резухина, он расформировал наших монгольских солдат по нескольким русским отрядам, а меня лично поставил под команду русского командира-буряты, мы пошли в сторону границы через Хавтгай-харул, чтобы воевать. Я, Сундуй, был во главе многих монгольских солдат, мы не хотели воевать за пределами своей страны, и мы написали разрешительное письмо правительству и тайно отправили через человека, который приносил нам молоко. Когда мы это письмо отправили, нас заставили воевать за границей, но мы сопротивлялись, тогда белые нас окружили и убили 4 человека; генерал Резухин, ругаясь, сказал, что ваша жизнь в моих руках, и заставил нас воевать. Он сказал, что, если кто-то будет сопротивляться, он будет их обстреливать из пулемета, после этого мы вынуждены были под гнетом белых идти за пределы русской границы, воевать и убивать, и участвовали много раз в боевых действиях. Но вскоре, когда мы были на стоянке на западном берегу Селенги, пришло письмо из Военного министерства, в котором был приказ мне и Резухину о том, что я, Сундуй-гун, и монгольские солдаты должны нести в Духнарсе караульную службу. Узнав об этом, Резухин очень сердился и сказал, что, если кто-то еще раз тайно напишет подобное письмо — того сразу расстреляют. Когда пришел барон Унгерн, он не разобрался, кто виноват, а кто нет,

он утопил, сжег и повесил многих монгольских солдат. Вернувшись после нескольких вылазок на русскую территорию, не достигнув успеха, занимался мародерством среди бедных слоев населения монголов и бурятов. Барон с 1800 солдатами 15 сентября отделился и ушел в район р. Бурулжун отдохнуть на два дня. Я, Сундуй-гун и бурят Авид, примерно с тремя сотнями монгольских и бурятских солдат, не выдержав унижений и деспотизма барона, который ненавистен как у нас в стране, так и за рубежом, решили его физически уничтожить или схватить, чтобы отдать в руки властям Советской России и этим выразить дружбу двух народов.

Когда наступила ночь, в 10 час. поставили солдат на местах в полном вооружении с лошадьми, и я, Сундуй и бурят Авид, а также другие 8 человек тихо подошли к палатке барона. Он сидел, согнув колени, в глубокой задумчивости. Как раз в то время, когда дали сигнал, чтобы его схватить, он вдруг его услышал и убежал, рукой откинув задний полог палатки, вскочил на своего коня, которого держал наготове в кустах, и бежал на северо-восток. Несколько солдат бросились вдогонку, но не имели успеха. После этого русские солдаты из партии барона стреляли из пушки, и мы, монголы, потеряли 2 человека. Хотя в ту ночь погнались за бароном, но не поймали, и решили дождаться рассвета. Утром на стоянке была такая картина: с вечера все разбросано, солдаты баронской партии все покинули место стоянки, бросили там телеги и артиллерию и дезертировали на юго-восток. Все белые и даже бурят Авид разбежались, кто куда, осталось несколько монгольских солдат; мы с ними решили присоединиться к солдатам Хатан-Батор-вана и держать путь на юго-запад. Во время этого перехода кто-то из солдат сказал, что там, вдали, на склоне горы увидел всадника — может быть, это барон? Мы с Дэмидом и Лувсан-Очиром, остановив остальных солдат, стали звать всадника, но, сколько ни звали, он не реагировал. Тогда я, Сундуй, один ускакал в сторону всадника и догнал его — это был барон; барон встретил меня недружелюбно и держал наготове оружие. Тогда я, Сундуй, решил схитрить, сказав: “Великий главнокомандующий, Ваши русские солдаты хотели Вас и меня убить, мы с ними сражались за Ваше спасение и стали Вас искать вместе с оставшимися несколькими монгольскими солдатами, вот я Вас нашел, и прикажите присоединиться к главнокомандующему”.

После таких слов, он стал мне немного верить, и мы ускакали к остальным солдатам. Подъехав к нам, он уговаривал и убеждал тотчас идти вместе с солдатами во владения Джалханца-ламы на запад, и спрашивал, кто знает, как идти дальше на запад? Мы с солдатами, Дэмидом и Лувсан-Очиром указали дорогу неверно, и двинулись втроем. В это время барон держал оружие наготове, потому я размышлял, какую хитрость применить, чтобы он убрал свое оружие. Я вдруг попросил спички, чтобы закурить. Когда он полез в карман за спичками, я с солдатами заломил руки барона, внезапно много солдат навалились на него и связали руки и ноги. Когда барон спросил меня, почему я его арестовал, я, Сундуй-гун, сказал ему, что ты, барон, командовав многими монгольскими солдатами, вынудил их воевать вне Халхи и они погибали в сражениях из-за таких русских, как ты с твоим Резухиным, которые провозгласили для халхасской земли мирную жизнь и процветание буддийской религии, но на самом деле внесли вражду между государствами и они стали враждебны друг другу, как огонь и вода, разделили братьев, родителей с детьми,

а солдат, которые в мыслях и действиях были с вами, вы так угнетали, что пришел конец их терпению, и поэтому мы отдадим тебя в руки властей Советской России, и будем открывать дружбу между двумя народами, и мы, незначительный народ монголов, будем бороться за свое освобождение.

Услышав, что поблизости красные, мы отправили к караульным эвенка Гомбожава, который говорит по-русски, чтобы он предложил приехать за бароном. Двое караульных солдат ему не очень поверили, но сказали, что если это правда — то хорошо, а если нет — то расстреляем на месте. И 30 красных русских солдат с посланцем приехали на встречу с монголами. Когда они помахали белым флагом, я, Сундуй, вышел вперед, рассказал о ситуации, и передал барона господину командиру, и они нас поблагодарили, отобрали все оружие, а потом накормили. После этого нас с бароном перевезли в местность Модонкуль, под охраной 10 солдат перевезли в Кяхту, после допроса 16 дней держали в тюрьме. После этого меня отправили к правительству Хурэ. Где и когда конфисковали солдатских лошадей, повозки и оружие, каждый солдат сам доложит.

ЗХА, ф. 1, т. 3, хн. 19, конверт 2, подлинник. — Цит. по: Балжиргарам Б. (сост.) 1980. Эх орноо харийн дайснаас бүрэн Чулуулсун нь (баримтын эмхтгэл) 1920–1924. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, с. 67–72 (перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг).

[ЗАПРОС О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ПЛЕННОГО Р.Ф. УНГЕРНА]

Помглавкому по Сибири

Копия Наштаресп, 20 августа [19]21, 15 ч. 30 мин.

По приказанию Главкома прошу срочно телеграфировать, где в данное время находится пленный Унгерн и как идет преследование остатков Унгерна, отходящих в направлении на Ургу. нр 68/1.

Помнаштаресп Шапошников

Военком Гусев

РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 212об.

[ТЕЛЕГРАММА О ВЗЯТИИ В ПЛЕН Р.Ф. УНГЕРНА И ОКОНЧАНИИ ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 5-й АРМИИ]

Наштасибу, комдиву Байкальского, Красномонгольскому правительству через Штадив 35

25/VIII 1921 21ч. 30 м. Иркутск 25 августа 1921 года

Комкорэкспед, Начдиву 26, Красномонгольскому правительству, Начдиву Байкальского, Наштасибу, Наштаглав, пра Пабригом 147 отд Начвосо, 5 м ЗНП 3 аб Чусоснабарму, Начснабарму, Начпобарму, Начштарм, Начгарарм, Начвоздухфлотсиб, Начбронесиларм, Начпродарм, Начсособотдела, Инспаргарм, Инскаварм. Противник в районе горы Урт достигнут, разбит, Унгерн со всею своею свитой и тремя знаменами взят в плен. Остатки этой группы противника числом около 1000 сабель прорываются в направлении на Улясутай. Другая группа противника около 500 сабель, трудным горным районом, без дорог, обойдя с востока ставку Дайчин-вана,

уходит в южном направлении. Летняя кампания и возложенная на армию задача окончена. <...>

Командарм 5 Матиясевич

Член РВС 5 Грюнштейн и замчен РВС Косич, наштарм 5 Любимов

РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 296–296об.

Следствие и суд в Новониколаевске

[РЕШЕНИЕ Политбюро ЦК РКП(б) о суде над Р.Ф. УНГЕРНОМ]

Протокол № 55а постановления Политбюро ЦЕКА РКП от 27.VIII.[19]21 года

Опрошены по телефону члены Политбюро: тт. Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Молотов, Сталин<...>

Слушали: 29 августа с.г. 2. О предании суду Унгерна (телеграмма Предсибревкома Смирнова, предложение т. Ленина)

Постановили: Предложение принять: “Обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять” <...>

Пп. секретарь Цека В. Молотов

С подлинным верно: Е. Шерлина (подпись)

РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 195, л. 1.

Выписка из протокола № 55а <..>²⁴⁶ [подпись:] Молотов. Копия с копии. Копия № 047740.

Предсовнаркома Ленину, предреввоенсоветресп. Троцкому. Телеграмма. Зап. по пр[ямому] пр[оводу].

Сообщаю: по дважды проверенным сведениям, полковник Резухин убит своими восставшими частями, барон Унгерн 22 августа был окружен нашим авангардом и вместе со своим штабом взят в [п]лен. Под сильным конвоем Унгерн препровождается в Новониколаевск, где предполагается предать [его] суду отделения Верхтрибвцик Сибири по обвинению в измене. Суд буд[ет] иметь большое политическое значение. Прошу Вашего заключения. № 999/в.

Предсибревкома Смирнов

Мск Кремль 26/8-[19]21 г.

Заключение Владимира Ильича, переданное по телефону для Политбюро. “Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять”²⁴⁷.

Верно: Е. Шерлина.

Пометка рукою Троцкого: “Бесспорно. Троцкий”. Пометка технического секретаря ПБ: Сталин не возражает, Каменев и Зиновьев согласны.

Верно [подпись:] С. Чечулин. Подлинная передана в Институт Ленина²⁴⁸.
РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 178, л. 5.

Протокол № 56а. Заседание Политбюро ЦЕКА РКП от 4.IX.[19]21 г.

Опрошены по телефону члены Политбюро: тт. Каменев, Ленин, Сталин, Молотов. <...>

Слушали: Политбюро от 5.IX.21 г. 2. Просьба Сиббюро об оставлении Унгерна для следствия и суда над ним в Сибири.

Постановили: 2. Просьбу удовлетворить. <...>

Подлинный подписал секретарь ЦК В. Молотов

С подлинным верно: Е. Шерлина [подпись]

РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 197, л. 1.

Выписка из протокола № 56а <...>²⁴⁹ [подпись:] Молотов

[от руки:] И. Чичерину/Политбюро Т. Молотову.

Телеграмма К-41. Выписка [из] протокола П.Б. № 511, п. 9. Москва, ЦК РКП, ВЧК Дзержинскому, Реввоенсовет Складскому. Дело №[неразборчиво]. Из... Без пор. нр.

[от руки:] за — Молотов, за — Каменев, за — Сталин.

Обсудив телеграмму Реввоенсовета о направлении Унгерна [в] Москву для следствия и суда, Сиббюро ЦК РКП, представительство ВЧК Сибири и Реввоенсовет Сибири постановили: просить ЦЕКА, тов. Дзержинского и Реввоенсовет республики оставить Унгерна для следствия и суда над ним в Сибири. Мотивы: 1) С Унгерном вела тяжелую борьбу Сибармия, внимание которой приковано к делу Унгерна, и суд над ним здесь создаст соответствующее настроение. 2) Унгерн является притягательным центром белобандитского и белогвардейского движения, суд над Унгерном явится большим ударом по бандитизму [в] Сибири. 3) Борьба с Унгерном была близка и понятна рабочим и крестьянам Сибири и суд над ним будет иметь здесь большое общественное значение, в отличие от Москвы, где Унгерна знают немногие лишь [по] газетным сообщениям и где суд пройдет незаметно. Если Москва признает необходимым следствие и суд над Унгерном [в] Сибири усилить кем-нибудь из Москвы, Сиббюро возражать не станет.

Секретарь Сиббюро Ходоровский, представитель ВЧК Павлун[овский] и член Реввоенсовета Сибири Давыдов

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 180, л. 3–3об.

[ДОПРОС Р.Ф. УНГЕРНА 27 АВГУСТА 1921 Г. В ТРОИЦКОСАВСКЕ]

Опрос военнопленного начальника Азиатской конной дивизии генерала барона Унгерна.

(Опрос производил 27 августа 1921 г. в Штакорте экспедиционного комкор т. Гайлит в присутствии бывш. комкора т. Нейман, начпоарма т. Берман, наштакора т. Черемисинова и представителя Коминтерна при Монгольском правительстве т. Борисова).

1) Генерал-лейтенант барон Унгерн — 32 лет, сын помещика Эстляндской губ., участвовал добровольцем в Русско-Японской войне. Образование получил в Морском кадетском корпусе и в Павловском военном училище, которое окончил в 1908 году. Вышел в казачьи войска. До войны служил в полку, которым командовал барон Врангель. За пьянство был предан последним суду²⁵⁰. В Русско-Германскую войну служил во 2 армии. За участие в походе в Восточную Пруссию получил орден Св. Георгия 4-й ст., который в настоящее время носит на груди.

2) На вопрос, может ли он отвечать откровенно, сказал: “Раз войско мне изменило — могу теперь отвечать вполне откровенно”.

3) В плен попал совершенно неожиданно, подозревает заговор на себя одного из командиров полков, полковника Хоботова, следствием какого заговора на него было произведено покушение. Вечером 21 августа, лежа в своей палатке, вдруг услышал стрельбу. Подумал, что какой-нибудь разъезд красных. Выйдя из палатки, отдал распоряжение выслать разъезд, затем поехал возле расположения своих войск. Проезжая мимо пулеметной команды, вновь услышал выстрелы и по ним узнал, что это стреляют по нем, после чего поехал к своему монголдивизону. Проехав с последним версты 3–4, был внезапно схвачен монголами за руки и связан, монголы повезли его связанного назад к отряду по старым видным следам. Дорогой Унгерн заметил, что они взяли неверное направление и сказал монголам, что они могут наткнуться на красных. Монголы не верили. Встретившийся затем разъезд в 20 всадников красноармейцев бросился на них лавой с криками: “Ура” и требованием бросить оружие. Оружие было брошено и весь отряд монгол со связанным Унгерном попал в плен. Узнав красных, монголы растерялись. Разъезд повел пленных с каким-то обозом. Один из красноармейцев спросил Унгерна, кто он такой, и, услышав ответ, растерялся от неожиданности. Придя в себя, бросился к остальным конвоирам, и все они сосредоточили все свое внимание на пленном Унгерне.

4) Живым в плен попал вследствие того, что не успел лишить себя жизни. Пытался повеситься на поводе, но последний оказался слишком широким, бывший с ним всегда яд за несколько дней перед тем был вытряхнут денщиком, пришивавшим к халату пуговицы. В минуту пленения сунул руку за пазуху халата, где был яд, но такового не оказалось.

5) Разложения своих войск и заговора против себя и Резухина совершенно не ожидал.

6) Численности своей дивизии определить точно не может. Штаба у него не было, всю работу управления исполнял сам и знал свои войска только по числу сотен. Пулеметов действующих имел более 20, орудий горных — 8, считая захваченные им в бою у дацана Гусиноозерского. Весь его отряд состоял из 4 полков Азиатской конной дивизии и монгольского дивизиона.

7) Разделение на 2 бригады в районе реки Эдин-гол произошло само собой, для удобства управления в походе.

8) Последним намерением Унгерна было уйти на запад, но большинство его отряда, состоявшее из жителей востока, выражало недовольство предстоящим им походом: их влекло на восток. В этом, собственно, Унгерн и видит главную причину разложения своего войска.

9) На вопрос, действовал ли он в Монголии самостоятельно или в контакте с кем-нибудь и с кем именно, Унгерн ответил, что действовал вполне самостоятельно и связи в полном смысле слова ни с Семеновым, ни с японцами не имел. Хотя у него и была возможность установления связи с Семеновым, но он сам этого не хотел, так как Семенов никакой активной и материальной помощи ему не давал, ограничиваясь одними советами.

10) Себя подчиненным Семенову не считает. Признавал же Семенова официально лишь для того, чтобы оказать этим благоприятное воздействие на свои войска.

11) Имея в Урге радиостанцию, Унгерн получал информацию, перехватывая телеграммы и агитсообщения из Читы и Харбина.

12) По взятии Урги писал Семенову, но ответа от последнего не получил.

13) На вопрос, что побуждало его вести борьбу с Советской Россией и какие цели он преследовал в этой борьбе, Унгерн отвечал, что боролся за восстановление монархии. Идея монархизма — главное, что толкало его на путь борьбы. Он верит, что приходит время возвращения монархий. До сих пор все шло на убыль, а теперь должно идти на прибыль, и повсюду будут монархии, монархии, монархии. Источник этой веры — Священное Писание, в котором, по его мнению, есть указания на то, что это время наступает именно теперь. Восток неизменно должен столкнуться с Западом. “Белая” культура, приведшая европейские народы к революциям, сопровождавшаяся веками всеобщей нивелировкой, упадком аристократии и прочее, подлежит распаду и замене “желтой” (восточной) культурой, образовавшейся 3000 лет тому назад и до сих пор сохранившей в неприкосновенности основы аристократизма вообще. Весь уклад восточного быта чрезвычайно симпатичен ему во всех подробностях, вплоть до еды. Пресловутая “желтая опасность” не существует для Унгерна. Он говорит, наоборот, о “белой опасности”, об опасности европейской культуры с ее спутниками — революциями. Изложить свои идеалы в виде сочинений Унгерн никогда не пытался. Не считает себя на это способным.

14) Унгерн заявляет себя человеком, верующим в Бога и Евангелие и практикующим молитву. Предсказания Священного Писания, приведенные Унгерном в приказе его № 15, захваченном в боях под Троицкосавском, он считает своими убеждениями. Приказ составлен Ивановским и Оссендовским.

15) Цель издания приказа № 15 — объединение отдельных мелких партий, оперирующих в пограничных районах Монголии. Кроме того, целью издания этого приказа было укрепление дисциплины в его войсках и внушение представления об организованности и объединенности его действий с другими противниками Советской власти. Особых надежд на этот приказ Унгерн не возлагал.

16) Начав свои действия под Даурией, Унгерн отошел от нее под давлением партизанских частей Лебедева.

17) После отхода от Даурии, имел намерение через Акшу пройти в район Хингана, где и вести борьбу против партизан. Узнав же, что Семенов из Читы “вылетел”, решил по этому плану не действовать, тем более что имевшиеся в его отряде пушки вследствие гористой местности в этом районе пройти не могли.

18) К этому времени в его отряде было до 800 русских казаков 4 отдела Забайкальского казачьего войска.

19) Поход на Ургу был предпринят с целью восстановления в Монголии власти маньчжурского хана.

20) По занятии Урги, Унгерн писал Кайгородову, Бакичу, Анненкову²⁵¹, имел намерение связаться с Семеновым, но из всего этого ничего не вышло. Кайгородов приказ Унгерна № 15 опротестовал.

21) Во время пребывания в Урге, Унгерн был три раза у Хутухты; первый раз по случаю взятия Урги, второй раз — по случаю предстоящего похода на [Чойрын-сумэ]²⁵² и последний раз без определенной цели. Хутухта любит выпить и у него еще имеется старое шампанское.

22) Политического влияния в Монголии Унгерн, по его словам, не имел. Такое сосредоточивается в руках Хутухты. Однако, обладая войском, Унгерн, очевидно, имел в глазах Хутухты известное значение.

23) После совещания с Хутухтой, Унгерн лично руководил операцией на [Чойрын-сумэ] и Калган, и разбил китайцев. Дойдя вплоть до китайской границы, Унгерн на автомобиле возвратился в Ургу. В этой операции побежденные китайцы отдали Унгерну много добычи (до 8000 винтовок, снаряды, патроны и проч.).

24) Деятельность в Урге полковника Сипайло, выражавшаяся в расстрелах, убийствах, конфискациях, была Унгерну известна, так же, как и его пьянство. О насилиях его над женщинами Унгерн не знает и считает эти слухи вздорными.

25) Отрицательное отношение Унгерна к ургинскому купечеству из русских основано на мысли, что это люди нехорошие, ибо хорошим людям и в России можно хорошо прожить.

26) Костюм монгольского князя (шелковый яркий халат) носил с целью на далекое расстояние быть видным войску. Привлечь этим костюмом симпатии монгольского населения цели не имел. Хутухтой был пожалован Унгерну титул монгольского князя. Унгерн был женат на китайке, с которой в последнее время развелся.

27) На вопросы о побуждениях его к жестокости со своими подчиненными Унгерн отвечал, что он бывал жесток только с плохими офицерами и солдатами и что такое обращение вызывалось требованием дисциплины, как он ее понимает. “Я сторонник палочной дисциплины (Фридрих Великий, Павел I, Николай I)”. Этой дисциплиной и держалось все войско. Теперь он не сомневается, что без него остатки его войск все разбегутся.

28) Переход к активным действиям на Советскую Россию и ДВР Унгерн принял ввиду того, что в последнее время он со своим войском стал в тягость населению Монголии. Все интендантства и запасы перед началом операции отправил в Ван-хурэ, имея в виду в случае неудачи двигаться на запад.

29) Разухин действовал на территории России по заранее выработанному плану. Общей задачей обоих отрядов являлось занятие плацдарма в виде треугольника, образуемого рекой Чикой, Селенгинском и смежной с Совроссией территорией. Частной задачей Резухина было, действуя на территории Сов. России, приковать к ней войска 35-й дивизии и разбить их. Задачей же отряда Унгерна было уничтожение переправ на реке Чикой и Селенге на вышеуказанном плацдарме. Выполнение этой операции приняло, однако, неожиданный оборот. Уничтожив переправы на р. Чикой, Унгерн с отрядом имел намерение продолжать выполнение задуманного

плана и от пос. Усть-Киран и Киран пошел было на Усть-Кяхту. Но о месторасположении последней имел неверные сведения. По ним значилось, что Усть-Кяхта находится в 8-ми верстах от Усть-Кирана. Шедший впереди отряда 1-й полк наткнулся на части ДВР и вступил с ними в бой. Остальные части отряда участия в этом бою не принимали, так как не могли своевременно подойти из-за усталости лошадей. Когда остальные силы отряда были двинуты Унгерном в нужном направлении, то натолкнулись здесь на части 103 бригады, с которыми завязали бой, имея в виду выполнение первоначальной задачи. Унгерн мог бы не принять этого боя, но не сделал этого принципиально. В боях Унгерн принимал непосредственное участие, зачастую находясь в передовых цепях, и под Троицкосавком был ранен. После поражения под Троицкосавком части Унгерна отступали весьма поспешно и беспорядочно и были сильно расстроены. Резухин, действуя на советской территории, на Селенгинск не пошел, так как части 35 дивизии, расположенные по реке Джиде, угрожали его тылу. Отступление в пределы Монголии Резухин произвел в полном порядке и в бодром настроении.

30) Отойдя в район Ахай-гун, Резухин прислал Унгерну донесение и просил указаний о дальнейших действиях. Унгерн приказал ему оставаться на месте. Отойдя на линию реки Иро, Унгерн решил идти на присоединение к Резухину. К этому его побуждало, во-первых, то, что он предполагал, что красные будут наступать на Ургу и в этом случае он займет фланговое положение, во-вторых, в прилегающей к Ургинскому тракту местности были плохие корма и, в-третьих, соображения о необходимости единого непосредственного руководства всем отрядом.

31) Не видя в Хутухте средства для упрочения своего влияния на монгол, Унгерн, уходя из Ургинского района, не взял его с собой и вообще он не нуждался в политической прочности своего положения в Монголии, надеясь исключительно на военное счастье, всегда ему сопутствовавшее и только теперь изменившее. Оставшиеся на Иро части в случае наступления красных на Ургу должны были идти также на присоединение к Резухину.

32) О нашем наступлении в ургинском направлении Унгерн узнал, когда был сосредоточен на правом берегу реки Селенга и когда наши части достигли уже линии Урмуктуй. О намерении красных войск, наступавших на Ургу, Унгерн не знал. Предполагал цель наступления захват муки, имеющейся в большом количестве на Хара-голе.

33) Дальнейшие действия Унгерна заключались в активности на русской территории. О политическом положении и настроении жителей он знал от беженцев, которые уверяли его, что, стоит ему только появиться на русской территории, как немедленно же начнутся восстания против Советской власти. Унгерн надеялся, что при его появлении даже части Красной армии будут переходить к нему.

34) Перебежчики, плененные и местные жители говорили также о движении японцев, о занятии ими Читы и походе на Верхнеудинск. Находясь на реке Селенги в районе Ахай-гуна, Унгерн выжидал подтверждения усиленных слухов о наступлении японцев.

35) Когда части 105 бригады повели наступление на расположение войск Унгерна с фронта, от пленных получены сведения о движении 104 бр[игады] во фланг,

он, ожидая выхода отряда Щетинкина в тыл, отошел на 20 верст к устью пади Шабар-гол. На вопрос, почему он не желал обороняться, Унгерн ответил: “Я не могу обороняться — у меня нервы не выдерживают”. Атаковать 105 бригаду ему не было возможности по условиям местности (с одной стороны река Селенга, с другой — скалы, занятые красными войсками).

36) Унгерн был всегда уверен, что мы с пехотой никогда не сумеем его изловить, и пехотных частей не боялся. Тыла или базы, к которой он был прикован, у него не было. Ненужные обозы заранее были отправлены им на запад. “Я,” — говорит Унгерн — “ни к чему не был привязан и всей своей кавалерийской массой мог воевать в любом направлении и любое время”. Ему странно было наше намерение окружить его пехотными частями.

37) Исходя из соображений перехода частями Экспедиционного корпуса к активным действиям в Монголии и продолжающего якобы наступления японцев, Унгерн решил перейти на нашу территорию, имея целью соединение с японцами в районе Верхнеудинска. При этом он рассчитывал на поддержку населения Джидинской и Селенгинской долин. Во время пребывания Унгерна в улусах Боргойских, пролетевший аэроплан был определенно сочтен им за японский. Жители Селенгинска утверждали, что на происходившем недавно митинге красные говорили, что Унгерн идет заодно с японцами и что его войска являются их боковым отрядом. Все это вместе взятое давало пищу уверенности Унгерна в наступлении японцев. Убедившись по выходе в район Гагустай – Нижний Убукун, что японцев нет, и что в районе Верхнеудинска его ждет отпор, Унгерн повернул обратно в Монголию, намереваясь пройти туда примерно через Желтуринский. Встретившиеся Унгерну на пути части 105 бригады не помешали бы ему уйти в Монголию, если бы не автобронетанковый отряд, который в момент атаки и начавшегося перевеса на сторону Унгерна неожиданно спустился в горы и, подойдя вплотную, обстрелял конницу Унгерна пулеметным огнем. Монголы в панике бросились бежать в направлении пади Иро. Задержать бегущих не представлялось никакой возможности и пришлось невольно отступить по Иройской пади.

38) Повернув обратно в Монголию, Унгерн возымел намерение уйти через всю Монголию на юг. Объясняет это решение тем, что убедился в необходимости дать здесь пережить “красоте” и предупредить “красноту” на юге, где она только начинается. Зарождающуюся на юге “красноту” он видит в революции, совершавшейся в Южном Китае и борьбе его с Северным Китаем.

39) Присутствие в своем отряде японцев Унгерн объясняет добровольным их вступлением. Всего японцев насчитывалось у него до 70 человек. Из них большинство бежало. Оставшиеся 30 чел. до последнего времени находились в отряде.

40) На вопрос об организации своего питания, объяснил, что пользовался своим скотом, каковым он считает скот, взятый у Центросоюза. Скота у местных жителей не отбирал. Кроме того, у него было 150000 золотом.

41) На вопрос о причинах его ненависти к евреям, отвечал, что считает их главными виновниками совершившейся русской революции.

42) Агентуры в нашем расположении не имел.

43) Управлял своими войсками единолично и непосредственно путем отдачи приказаний лично или через ординарцев.

44) Расстрел в Новодмитриевке 2-х семей (9 человек с детьми) был совершен с его ведома и по его личному приказанию. Также по личному его приказанию была уничтожена семья в Капчарайской, о чем в Штакоре сведений не было. На вопросы о побуждении к расстрелу детей Унгерн ответил буквально: “Чтобы не оставлять хвостов”.

45) Захваченные в дацане Гусиноозерском комсостав 232 полка и политработники были расстреляны также по его личному приказанию. По его же приказанию был расстрелян попавший к нему в плен у Шабортуй помначштабрига 104 тов. Каннабих.

46) В дацане Гусиноозерском за грабеж обоза Унгерн выпорол всех лам.

47) Полковник Архипов был повешен Унгерном в районе Корнаковки за присвоение денег; полковника Казаградни отдал приказ Сухареву расстрелять за то, что тот якобы служит и ему и красным. О приведении этого распоряжения в исполнение не знал.

48) Унгерн считает неизбежным рано или поздно наш поход на Северный Китай в союзе с революционным Южным и, говоря, что ему теперь уже все равно, что дело его кончено, советует идти через Гоби не летом, а зимой при соблюдении следующих условий: лошади должны быть кованы, продвижение должно совершаться мелкими частями, с большими дистанциями для того, чтобы лошади могли добывать себе достаточно корму, что корма зимой там имеются, что воду вполне заменяет снег, летом же Гоби непроходима ввиду полного отсутствия воды.

49) На все без исключения вопросы отвечает спокойно.

На опросе присутствовали и показания опрошенного Унгерна записали:

Начальник Разведотделения Штакора Экспедиционного Зайцев.

Адъютант Комкора Герасимович.

с подлинным верно: секретарь Разведотдела [подпись]

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.; машинописная копия с нее, с рядом ошибок, имеется в ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 7–13.

[Допросы Р.Ф. УНГЕРНА 29 АВГУСТА 1921 Г. В ТРОИЦКОСАВСКЕ²⁵³]

Допрос Унгерна, бывшего начальника 1-й Азиатской конной дивизии, произведенный 29 августа в г. Троицкосавске

Вопрос. Является ли лозунг “Азия для азиатов” в Вашей программе лишь лозунгом политическим и дипломатическим, или он был связан с обстоятельством, которое Вы приняли от какой-либо иностранной группировки?

Ответ. Большевизм не может развиваться у кочевников, всех кочевников надо объединить в одну группу. Я имею в виду все кочевые народы. Вот почему в основу создания Срединного Монгольского Царства (до Каспия) клал объединение всех кочевников, и киргизов в том числе. С этой целью я, действительно, делал попытки через монгольского премьер-министра Джалханцза-хутухту и через других влиятельных лиц снести со всеми народами, происходящими от монгольского корня и собственноручно написал два проекта обращения к вождям — ханам и бекам Киргизии. В одном из этих обращений я указал на необходимость связаться с потомком древнего киргизского хана и видным киргизским политико-общественным деятелем

лем Букейхановым, которого лично никогда не знал, а был лишь о нем слышан как о влиятельном среди киргизов человеке и бывшем руководителе в 1917–19 гг. Алаш-орды. Кроме того, в тех же целях объединения кочевников, как оплота монархии против заразы большевизма, я усиленно старался связаться через лично знакомых мне китайских генералов-монархистов Ли Чжанкуя и [Чжан Куню] и поднять на борьбу с проникающей революционной заразой массы китайцев-мусульман. Но из всех этих попыток ничего не вышло.

Вопрос. Какова роль Японии в этом движении и Ваша связь с ней?

Ответ. Япония прямого отношения к моему движению не имела. Правда, я сам лично делал попытку связаться с одним из влиятельных среди китайских хунхузов — японцем Намаки, но мне это не удалось. С другой стороны, мне писал однажды письмо майор японской армии Уэда, в котором он запрашивал меня, где находятся служившие в моем отряде японцы. Более реальной связи с японцами я не имел и не мог иметь, так как они были против меня. Взятие Урги было против интересов Японии, которая помогала армии китайских республиканцев. Вообще, Японию нельзя рассматривать как нечто целое, единое. Я не рассчитывал на не[е] и полагал, что освобождение от заразы революционных идей может придти только от кочевых народов и народов Китая. Конечно, японцы не прочь были использовать меня, но им это не удавалось.

Вы спрашиваете меня об отрядах японца Намаки. История их такова. В Гиринской провинции недавно был один из китайских губернаторов, который из-за чего-то поссорился с Чжан Цзолинем и отложился от него с верными ему кит[айскими] частями. К ним присоединились остатки мятежных войск Мына. Они стали тогда вместе делать набеги на Кит[айско-]Восточную жел. дорогу. Их действиями руководил япон[ский] офицер Намаки, имевший резиденцию в районе ст. Аньда. Органической связи с этими хунхузскими частями я не имел, не имел в виду их использовать.

Вопрос. Были ли Вы с связи с Семеновым с момента Вашего ухода (в августе 1920 г.) из состава его армии, именуемой армией Северо-Восточной окраины?

Ответ. От Семенова я не ушел, а от меня ушли. Конфликт возник между нами из-за одного гурта скота, который я у него перехватил. Прямой связи с Семеновым не имел и мог иметь только при условии, если бы он давал мне деньги. А раз не давал — то и не мог мною командовать. Конечно, в своих операциях я рассчитывал на совместное выступление и с японцами, и с Семеновым, но, как видно, в обоих случаях ошибался в расчетах. Семенов несколько раз делал попытки со мной связаться, особенно после взятия мною Урги, но, как я уже сказал, эта связь была платонической.

Вопрос. Знали ли Вы о предложении, которое сделал Советской России в августе 1920 г. Семенов – принять на себя задачу вышиба Японии с материка за 100 миллионов иен?

Ответ. Нет, не знал, но мне это не кажется странным, ибо Семенов — умный человек. На Ваш вопрос, что понимаю под термином “умный”, отвечаю: расчетливый, понимающий выгоды. Однако уверяю Вас, что теперь я понимаю многое из того, о чем не догадывался раньше, то есть что меня бросили. Я полагаю, что Семенов вполне искренно делал свое предложение, [рассчитывая], вероятно, что ему дадут у большевиков хорошее место.

Вопрос. В какой мере была примирима Ваша политика поддержки за независимость Монголии с Вашей связью и стремлением опереться на монархический элемент Китая?

Ответ. О суверенитете Монголии я и не думал. О независимости говорил в том смысле, имея в виду, что это просто только лозунг. Я мыслил судьбу Монголии только в подчинении маньчжурского хана, на основе так называемого маньчжурского обычного права, как видимость самостоятельности. Это бы вполне удовлетворило верхи монголов. Я полагал, что под началом маньчжурского хана должен был бы создаться такой круг: Монголия, Тибет, Китай и все кочевые народы Сибири и среднеазиатских владений. К утверждению такого порядка была направлена вся моя переписка с внешним миром. Я об этом несколько раз писал китайским генералам-монархистам Ли Чжанкую, [Чжан Куню] и другим, доказывая им необходимость начать спасать человечество от гибели возрождением крепкого оплота культуры — царей. Я действительно указывал на необходимость привлечь к этой работе монархических интеллигентов, купцов, и начать издание большой монархической газеты для агитации за монархию. Я об этом писал многим вождям наших инородцев, особенно мусульманам и происходящим от монгольского корня. Ответы на эти обращения, как я Вам уже сказал, я не получил.

Вопрос. Ваше влияние на направление Монгольского правительства и его внешней политики во время Вашего пребывания в Урге.

Ответ. На монгол я особенно не жал и в их работу не старался вмешиваться. Помогал лишь советами, ибо они очень медлительны в своих действиях и решениях, и, если ищешь пользы дела, то их приходится всегда раскачивать. Да, я вспоминаю, я писал им проект ноты Советскому правительству, который предлагал установить добрососедские отношения, не делая их ответственными за мои действия. Но Советское правительство на эту ноту не ответило, а прислало к Хутухте какого-то монгольского ламу, который пригрозил Хутухте опасными последствиями, которые могут получиться, если тот стал бы поддерживать меня. Я, кажется, написал для монгол тогда вторую ноту, в которой, хорошо не помню, но как будто говорил о неудобстве и о необычном порядке отношений через монгола, а не официально. Вообще же я старался быть подальше от монгольских дел. Конечно, поскольку мои войска находились в Монголии, мне приходилось вмешиваться в вопросы управления и часто расправляться с плохими людьми, с ворами и аферистами. Я приказал расстрелять бывшего начальника Монгольской экспедиции Гея²⁵⁴ — он был аферист, я расстрелял Казагранди — он был вор, и многих им подобных. У Гея денег металлическ[их], о которых Вы говорите, вовсе не оказалось, были сущие пустяки.

Вопрос. Откуда Вы черпали средства для содержания своих войск?

Ответ. Средств у меня было вполне достаточно, так как я в Урге захватил весь серебряный запас китайского банка, а у китайских войск — большой обоз с разными продуктами, обмундированием и припасами.

Вопрос. Вы же взяли в Урге только около 230 пуд. серебра. Как же Вы могли на такую сравнительно небольшую сумму содержать свою дивизию в течение 6-ти месяцев и еще рассылать средства в разные места на организацию пополнений, в Маньчжурию и Китай?

Ответ. Нет, уверяю Вас, средств у меня было вполне достаточно, и от иностранцев я таковых никогда не брал. В Китай я послал лишь средства в Пекин г. Грегори, давал ему кое-какие поручения. Но это сущие пустяки.

“Дальневосточная правда”. № 206, 25 сентября 1921. С.3 — РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15 (машинописная копия).

Копия опроса Унгерна, произведенн[ого] тов. Шумяцким, членом Реввоенсовета, Военной комиссией и командованием корпуса 29/8-2 года [29 августа 1921 г.]

1) Атаман Семенов не имел такой идеи, как Унгерн, и является вообще не идеалистом.

2) Когда Унгерн имел связь с Семеновым, то последний навязывался к нему с разного рода советами помощи, и какой-либо пользы Унгерн от Семенова не получал, почему решил прекратить с ним всякую связь. Собственно, существенных советов Семенов Унгерну не оказал; один из них с тем, чтобы не брать бурят одного из западных хошунов, другим предупреждал, чтобы Унгерн не делал зверств, остальные советы Семенова барон как бы забыл или не предавал им значения.

3) Шифр для связи с Семеновым у Унгерна был, но не применялся.

4) [О том], что Семенов объявил Унгерна вне закона, он официальных сведений не имел, но знал это по слухам.

5) Связь с западными белыми отрядами Казанцева, Кайгородова и других имел редко, подчиненными их себе считал. Подчинение было основано на военной силе Унгерна, зная, что он значительно сильнее всех западных отрядов. Путем угрозы расстрелом подчинил себе все отряды, численность их была в среднем 200/100 чел., пулеметы и орудия, которые Унгерн сам посылал этим отрядам. Точно количество не сказал, но определил по [неразборчиво].

6) Войска ДВР Унгерн не считает боеспособными, исходя из опыта борьбы с ними в районе Акши.

7) Части Советской республики, в частности, 35 див[изии], Унгерн, по его словам, мог бы разбить в любой момент, так как представлял довольно сильную и весьма подвижную массу, он мог всегда заставить наши части то разъединиться на части, то сосредоточиваться всеми силами.

8) Унгерн учитывал, что долго вести с нашими войсками борьбу не мог из-за недостатка средств.

[9] Наши части считал обладающими хорошими ресурсами, находясь в Урге, и вообще считал гораздо выгоднее для себя войну вести [в] пределах Монголии, почему возразил, что если бы весной мы первые начали наступать на Ургу, то, кроме выгоды ему, ничего [бы] не принесли.

10) Революционности монгол не верит и красномонгольские части за противника не считает, указывая на факт перехода красномонгол на его сторону в районе Иро.

11) Создание независимого Монгольского ханства Унгерн не имел в виду. Монгольское ханство должно быть под суверенитетом Китайской империи.

12) Спасение мира, по его убеждениям, должно произойти из Китая.

13) В революционность вообще Китая также не верит, называя ее денежной²⁵⁵. Что касается его победы и связи с большевиками, Унгерн не верит и даже уверен, что этого произойти не может.

14) В походе на [Чойрын-сумэ] Унгерн захватил 1200 верблюдов, груженных разными жизненными предметами.

15) Средств от Японии и Семенова Унгерн не получал, единственно, чем пользовался, это серебром, взятым в Маймаченском банке в сумме 200000 билонного²⁵⁶ серебра.

16) После отступления от Иро на Селенгу писал Хутухте с тем, чтобы он ехал из Урги на запад в [Ван-хурэ]²⁵⁷.

17) Унгерн выразился, что, находясь на реке Селенге перед походом на Совтерриторию, о стратегическом положении не думал.

18) Что большинство его действий были ошибками, этого Унгерн не отрицает.

19) Одной из причин своего отступления Унгерн считает, что большинство офицеров его отряда были жители востока, тогда как намерения его были идти на запад.

20) Вообще, за политическую прочность своего отряда Унгерн совершенно не боялся, беря в плен красноармейцев, Унгерн был уверен, что они не повлияют на солдат отряда.

На [допросе] присутствовали и записали:

[неразборчиво] начальника Разведывательного отделения Штакора [неразборчиво] Штадива 35 Зайцев

Секретарь члена РВС 5 Шумяцкого Байс

Верно: Помначразведотдарм 5 [подпись]

С копии верно: Секретарь Разведотд. [подпись: Шестаков]

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 125.

[ГЛАВНЫЕ ИТОГИ ПЕРВЫХ ДОПРОСОВ Р.Ф. УНГЕРНА]

Принял <...> Баринов. Записка по прямому проводу для немедленного вручения Москва Предреввоенсоветресп тов. Троцкому

Н[ово]Николаевск, 30 августа. 29 августа вечером на специальном пароходе Унгерн отправлен из штаба Экспедиционного корпуса из Троицкосавска [в Верхнеудинск, Иркутск и далее в Н[ово]Николаевск после опроса, проведенного лично членом Реввоенсовета 5 тов. Шумяцким. Личность Унгерна никаких сомнений не вызывает, прибытие Унгерна в Иркутск ожидается 2 сентября и не позже 8 сентября [в] Н[ово]Николаевск. Из допроса Унгерна выяснилось: после выхода Унгерна из кольца наших частей первый и второй полки были при Унгерне, третий и четвертый при генерале Резухине, те и другие были деморализованы. Узнав о заговоре в первом и втором полках, генерал Унгерн передал командование ими Резухину, сам же отправился принимать третий и четвертый полки, не дойдя до которых узнал, что и там есть заговор против него, остановился с личной охраной, не зная, что делать, и в этот момент был взят в плен нашими частями. В то же самое время в первом и втором полках заговорщики во главе с командиром второго полка полковником Хоботовым убили Резухина. Дальнейшая обстановка следующая: отряд полковника Хоботова начал переправу через Селенгу и переправлялся в ставку Дайчин-вана, уничтожая и

сжигая все, что его стесняло. Группа Хоботова на переправах через Селенгу была настигнута и потеряла большую часть убитыми, 200 ранеными и утонувшими, остатки из нее из 300 человек, подходя к Дайчин-вану, наткнулись на батальон 312 полка и бросились далее на восток. Выяснив, что Урга занята крупными нашими частями, этот отряд пересек тракт Троицкосавск – Урга, прервал на несколько часов нашу телеграфную связь, ушел на восток, преследуемый частями Сретенской бригады, делая по 50–60 верст в сутки. Унгерн утверждает, что его части разложились окончательно, так как они держались авторитетом его и Резухина. [В] настоящее время пятая Кавдивизия выдавливает мелкие шайки оставшихся разбитых бандитов. По прибытии Унгерна [в] Верхнеудинск, Иркутск и Н[ово]Николаевск, донесу. вр 116/ск.

Зампредревкома войск Сибири [подпись: Чуцкаев]

Член Реввоенсовета войск Сибири [подпись: Давыдов]

РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 298.

[ДОПРОСЫ Р.Ф. УНГЕРНА 1 И 2 СЕНТЯБРЯ 1921 Г. В ИРКУТСКЕ²⁵⁸]

Иркутск, 4 сентября 1921

Опрос военнопленного начальника Азиатской кондивизии генерала-лейтенанта барона Унгерна, произведенного Штарм 5 и начразведотрядом 5 1-го и 2-го сентября 1921 г.

1. Биография. Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, имеет от роду 34 года, происходит из дворян Эстляндской губ., острова Даго²⁵⁹. В детстве бывал за границей, юношей, по окончании кадетского корпуса, добровольцем был на Японской войне, где дослужился до чина ефрейтора. Затем поступил в инженерное военное училище, но через несколько недель вышел и поступил в Павловское военное училище, по окончании которого поступил младшим офицером первого Аргунского полка. Во время Германской войны был в составе Нерчинского полка Уссурийской кондивизии, за бой в Пруссии получил Георгиевский крест. В 1917 году при правительстве Керенского был произведен в войсковые старшины, в том же году полевым судом был приговорен к трем годам крепости за избиение комендантского адъютанта, но наказание не отбывал ввиду революции осенью 1917 года²⁶⁰. С фронта уехал в Забайкалье и находился у атамана Семенова, который поручил ему формирование Иностранческой кондивизии. Здесь вел борьбу с партизанами, получая определенное вознаграждение от Семенова. Главным ядром иностранческой дивизии были [харачины], буряты и китайцы. При Семенове получил чин полковника, а затем и генерала. В 1920 году пытался уехать на родину в Австрию, но не получилграничной визы. В это же время был в. такой [очевидно, пропуск].

2. Характеристика Унгерна. Высокого роста, тонкий – сухой, держится прямо. Небольшая голова, высокий лоб, большие светло-рыжие усы, опущенные книзу, серые глаза, на лбу рубец, полученный на востоке на дуэли, светлые редкие волосы. Одет в потертый желто-красный монгольский халат с генеральскими погонами. Подпоясан кушаком, на груди Георгиевский крест, обут в монгольские ичиги. Верит в Бога, как протестант, по-своему считает Бога, как добро, противопоставляет ему зло. Признал себя фаталистом и сильно верит в судьбу. Заражен мистицизмом и придает большое значение [в] судьбе народов буддизму. Считает себя призванным

к борьбе за справедливость и нравственное начало, обоснованное на учении Евангелия. Свои жестокости и террор в отношении людей не считает противоречивым учению Евангелия. Спокойно говорит о расстрелах, убийствах, казнях разных степеней и всевозможных наказаниях.

3. Обстоятельства пленения. Взят в плен был утром 22 августа с.г. в местности Дацан-Бурулджи. Свое пленение считает результатом офицерского заговора в его войсках. 21 ночью в его палатку было сделано несколько выстрелов, которые он принял за стрельбу разезда красных. По выявлении оказалось, что красных не было, а вторая бригада, во главе которой он находился, без его приказа ушла в восточном направлении, в то время как он намеревался двигаться в западном. Чтобы выявить причины ухода войск, он поехал вслед за ними, догнал их, но определенного объяснения не получил. Проезжая в это время мимо пулеметной команды, услышал несколько выстрелов, сделанных по нем. Он догадался, что против него заговор и быстро поехал обратно к своей монгольской сотне и с ней пошел на запад. Пройдя несколько верст, монголы неожиданно бросились на него, связали ему руки, посадили обратно на коня и повернули на восток. Пройдя несколько верст, отряд встретился с разездом красных человек в 12, после коротких разговоров, монголы, побросав винтовки, повели Унгерна к Щетинкину. Унгерн предполагает, что монгольская сотня неожиданно встретилась с красными. Намерение монгол сознательно привести Унгерна красным не допускает, предполагая, что против него были только офицеры, солдаты были на его стороне. Заговор против него офицеров объясняет тем, что большинство из них жители Дальнего Востока и не хотели идти в Западную Монголию.

4. Выход Унгерна из Даурии в Монголию. Свой уход в Монголию 1920 г. Унгерн объясняет случайностью и судьбой. Осень 1920 г. Семенов разработал план наступления на Верхнеудинск и далее на запад. Унгерну была дана задача с Азиатской [конной]²⁶¹ дивизией перейти через Яблоновый хребет и наступать на Троицкосавск. По дороге Унгерн растерял часть своих солдат и вынужден был бросить пушки. Выйдя в Акшинский район, Унгерн узнал, что Семенов из Читы вылетел, почему решил на Троицкосавск не идти, а пошел в Монголию. В это время у него было только 800 человек.

5. Деятельность в Монголии. Выйдя в Монголию, Унгерн решил бороться с китайцами, которых он считал революционерами, за освобождение Монголии. Было ли у Унгерна такое намерение раньше, он не объяснил. К прежнему правительству “Объединенной Монголии”, которое было создано Семеновым в Чите, он относился отрицательно, считая членов правительства пустыми людьми и ни в какие отношения с ними не входил²⁶². Главной целью своей деятельности в Монголии считает борьбу за объединение всех монгольских народов, под главенством маньчжурского хана. Идеей фикс Унгерна является создание громадного средне-азиатского кочевого государства от Амура до Каспийского моря с выходом в Монголию, он намеревался осуществить этот план. Созданию этого государства в основу он клал ту идею, что желтая раса должна воспрянуть и победить белую расу. По его мнению, существует не желтая опасность, а белая, которая своей культурой вносит разложение в человечество. Желтую расу он считает более жизненной и более способной к государственному строительству и победу желтых над белыми считает желательной,

неизбежной. При осуществлении этих своих стремлений Унгерн не считал китайцев своими врагами, а в Монголии воевал лишь с китайцами-революционерами. Чтобы привлечь внимание к своим планам широких масс желтой расы и кочевников Средней Азии, он писал письмо Пекинскому правительству, Чжан Цзолиню, киргизским ханам на Алтай, джурбедским князьям, тибетскому Далай-ламе и другим. Но ответа ни от кого не получил. Семенов отнесся к его планам отрицательно. Первоначально Унгерн решил объединить монгол, опираясь главным образом на восточные аймаки и выбросив лозунг борьбы за освобождение Внешней Монголии от Китая. Успех своих действий против китайцев видит, во-первых, в присоединении к нему монгол-чахар и других народностей Восточной Монголии и, во-вторых, в малой боеспособности китайских войск. Китайского солдата он ставит выше китайского офицера. В этой борьбе с китайцами он полагает, что ему сопутствовало военное счастье всегда. Освободив от китайцев Ургу, он предоставил право самим монголам создавать свое правительство, а сам отправился на Калганский фронт с целью закончить изгнание китайцев из Монголии. Во внутреннюю жизнь Монголии Унгерн не вмешивался и иронически относится к Монгольскому правительству. Свое невмешательство при полной к тому возможности объясняет “неохотой” вмешиваться. С Хутухтой видался два-три раза, о своих планах создания кочевого государства с ним не говорил, считая его мелочным человеком и неспособным воспринять широкие идеи. Роль Хутухты в создании Монгольского правительства и управлении страной считает ничтожной и полагает, что министры действовали от его имени и за него подписывали распоряжения. Когда китайцам было нанесено под [Чойрын-сумэ]²⁶³ окончательное поражение, Унгерн счел возможным и необходимым отправиться обратно в Ургу, чтобы подготовиться к войне с Совроссией и ДВР, считая, что с их стороны ему всегда угрожает опасность. Во время борьбы с китайцами захватил у них много оружия, до 4 тысяч винтовок, несколько десятков орудий, точно не помнит, много патронов, продовольствия, обмундирования, снаряжения и прочее. В Урге им было захвачено до 200 тысяч рублей серебра. Эти средства дали ему возможность чувствовать себя самостоятельным и продолжать войну дальше. Войск к этому времени у него насчитывалось 66 сотен, 4–5 тысяч, точно не помнит, большинство которых монголы, чахары и проч., русских было несколько сотен. Расстрелы населения Урги и особенно евреев, которых он считает виновниками революции, объясняет необходимостью избавиться от вредных для себя элементов. Все расстрелы производились с его ведома и по его приказанию полковником Сипайло. Заподозренных в неблагонадежности уничтожал с семьями, вплоть до малолетних детей, чтобы “не оставлять хвостов”, по его собственному выражению. Избиение всего мужского населения поселка Мандал сначала отрицал, а затем сознался, что это было сделано с его ведома. Расстрелы и казни считает необходимыми.

6. План борьбы с Совроссией. В мае месяце стал чувствовать, что дальнейшее его нахождение в Урге поведет не только к разложению его войск и вызовет вражду монгол, к тому продовольствие стало на исходе. Ввиду этого, оставив 100 чел. на Калганском фронте, с остальными войсками, объединив всех белогвардейцев Монголии, решил идти на Совроссию. Пользуясь своей силой, он присоединил [к] себе отряды Казагранди, Шубина, Тубанова²⁶⁴, Казанцева и Кайгородова. Анненкову,

Бакичу писал, но ответа не получил, из-за дальнего расстояния подчинить [их] себе не мог. Чтобы придать большее значение своему походу, издал приказ № 15. Приказ этот составлен был начальником штаба Ивановским и профессором Оссендовским. Унгерн жалеет, что в этом приказе не было самого главного — относительно движения желтой расы, по его мнению, об этом говорится где-то в Священном Писании, но найти ему не могли. Белая раса должна двинуться на желтую, из них часть на кораблях и на огненных телегах. Белая раса соберется вкупе. Будет бой, в конце концов, желтая осилит, потом будет Михаил²⁶⁵. Унгерн отрицает, что под Михаилом разумелся Михаил Романов, и что Михаил, указанный в Священном Писании, ему неизвестен. На вопрос — кто уполномочил его отдавать приказание всем отрядам, действующим на Советтерритории против Соввласти, — ответил, что право сильного и отрицал в этом какое бы то ни было участие Семенова и союзников. Относительно выступления одновременно Семенова в Уссурийском крае известно было лишь из читинских радио, и предварительного соглашения по этому вопросу будто бы не было. Ссылка же на подчинение Унгерна Семенову сделана была лишь в целях поднятия авторитета его, Унгерна. Отрицает органическую связь с белыми на Советтерритории, и приказ № 15 пытался передать лишь через Казагранди. Серьезного значения не придавал, заметив, что “бумага все стерпит” и что приказ этот писал “юрист Ивановский”. При своем движении на Совроссию большие надежды возлагал на восстание населения; агитации за монархию и великую неделимую Россию не вел и к судьбе России безразличен, так как, во-первых, не патриот, во-вторых, сторонник желтой расы и допускает оккупацию России Японией²⁶⁶. Главную свою цель в борьбе с Совроссией видел в борьбе “со злом”, выраженном в большевизме, формулируя борьбу “плюсов и минусами”, подразумевая под плюсом свою идею, под минусом — большевизм. План завоевания Сибири был рассчитан на несколько лет и мог совершиться только при широком сочувствии населения, допускающая, во-первых, проникновение буддизма в среду русских в Сибири и, во-вторых, участие Японии, которая могла придти в Сибирь только временно. По уходе Японии с территории Сибири здесь должна была разыгаться борьба “плюсов с минусами”. Точное значение терминов “плюс и минус” Унгерн не объяснил, придавая им религиозно-мистическо-политическое значение²⁶⁷. Ближайшую перспективу Унгерн видел в выходе на границу Совроссии, а дальнейшее должно было развиваться в зависимости от обстоятельств. В случае успеха, определенного государственного устройства Унгерном не предусматривалось, предполагалось лишь устроить внутреннюю жизнь по рекам. Правительство не намечалось: по словам Унгерна, “правительство всегда найдется”; наступление на Совроссию должно было вестись широким фронтом, главным образом по рекам. Первое, западнее Маньчжурии должен был наступать отряд какого-то бурята (фамилии Унгерн не помнит), второе — в Акшинском направлении — отряд Тубанова, наступление этих двух отрядов должно было носить демонстративный характер. Третье, главный удар должен был нанести сам Унгерн двумя полками на Троицкосавск. Четвертое, ему должен был помочь с Селенги с 2 полками Резухин. Вместе они должны были захватить треугольник, образуемый слиянием рек Селенги и [Чикоя]²⁶⁸. В дальнейшем действовать по обстановке. Пятое, в Иркутском направлении по Тункинской доли-

не должен был действовать Казагранди с Шубиным. На эту группу Унгерн возлагал большие надежды, так как Казагранди заверил его, что переход красных войск на его сторону “пустяк”, а население все пойдет за ним. Шестое, в Урянхае по Енисею должен был действовать Казанцев, мобилизовав в Урянхае сойот. С Кобо в Бийском направлении должен был действовать Кайгородов. На Кайгородова Унгерн возлагал большие надежды ввиду того, что слышал о больших восстаниях на Алтае. Наступление должно было начаться одновременно. Неудача своего плана Унгерн объясняет тем, что неправильно был информирован о Советской России, а также неисполнением его приказов отдельными начальниками. Казагранди он считал состоящим на советской службе, а потому приказал его расстрелять. После своего пленения полагает, что больше планы его осуществить некому и в Монголии останутся только отдельные мелкие отряды. Происхождение упомянутых в конце приказа чисел 1290 и 1330 объясняет тем, что 1290 дней должно было пройти с момента издания декрета о закрытии церквей до начала борьбы и 1330 дней до освобождения от большевиков.

7. Троицкосавская операция. Перед Троицкосавской операцией Унгерн располагал 3300 чел., из коих точную цифру бойцов не помнит, при 6 орудиях, число пулеметов не помнит, также не помнит числа, когда происходили действия. Дав задание Резухину двигаться по Желтуре на Усть-Кяхту, сам направился в обход Троицкосавска через Киран и Усть-Киран, также на Усть-Кяхту. Неудача этой операции объясняет тем, что, во-первых, были усталые кони и он не ожидал встретить быстрого сопротивления, и во-вторых, не зная местности, он доверился проводникам, которые его уверили, что от Кирана до Усть-Кяхты всего 8 вер. Появление частей Кр[асной] армии было для него неожиданным, он вынужден был, понеся большие потери и получив ранение сам, быстрым маршем уйти обратно. Кроме потерь в эту операцию, он разоружил часть своих войск. Численность их не помнит, оказавшихся не боеспособных. Обратно на Ургу не пошел потому, что в этом направлении пойдут красные, к тому же в Урге не было продовольствия. Оставив заслон на р. Иро, с главными силами он пошел на присоединение к Резухину на Селенгу. О частях Кр[асной] армии во время той операции имел смутное представление и отрицает агентурной разведки.

8. Селенгинская операция. Широкий и до конца продуманным планом и намерением Селенгинская операция не [была]²⁶⁹. Свое движение на Совтерриторию из районов Охойдуна считает ошибкой, как стратегической, так и политической. Стратегической потому, что Джидинская долина представляет из себя опасный для него коридор и потому, что он не знал о присутствии в этом районе больших сил красных. Главные надежды возлагал на восстания населения Джидинской долины и на движение японцев на Верхнеудинск. О первом ему много говорили будто бы беженцы, о движении же японцев передавали подробные сведения. Будто японцы заняли Читу, Петровский завод и наступают на Верхнеудинск. Унгерн, присоединив к себе восставшее население, намеревался оказать помощь, переправиться через Селенгу, а в дальнейшем действовать согласно общего плана по указанию японцев. На вопрос, пожелало бы население присоединиться к японцам, Унгерн ответил, что японцы покорили бы его. Противоречия своей агитации за восстание против

большевиков и создание русской монархии в завоевании России Японией не [видит], так как [не] считает себя русским патриотом и, наоборот, сторонником желтой расы. И к тому же японцы, как островитяне, не могут долго оставаться на материке. О движении японцев на Верхнеудинск уверяли будто бы плененные красноармейцы, и только в районе дер. Дмитриевка Унгерн понял ложность своего положения: население не восстало и к нему не примкнуло, японцы совсем не наступают. Отряд 150 чел., оставленный им в верх[овья] Джида с целью завербовки добровольцев, собрал только 25 человек, причем из них через 2–3 дня все разбежались, а с ними вместе разбежалась и часть оставленного отряда. Здесь Унгерн, по собственному его выражению, совсем пал духом, однако, чтобы не внести разложения в своей части, решил продолжать свой поход на север по бурятскому [направлению]²⁷⁰. Однако и здесь он не нашел сочувствия среди <.....>²⁷¹ и вынужден был повернуть обратно. Идти на Мысовск и переправляться через Селенгу намерения совсем не имел. Во время движения по Совтерритории расстрелял несколько семей коммунистов, плененных красноармейцев вливал в свои части или распускал. Были случаи, когда оставлял на командных должностях коммунистов-красноармейцев. При движении на Совтерриторию имел на довольствии 2600 чел., бойцов 2400. Потери в боях этой операции считает незначительными. Во время боев 29 на Темнике действовало 4 сотни 3 полка. От [Гусиноозерского дацана]²⁷² действовал второй полк, из которого 4 сотни после 2-часового боя взяли дацан в конном строю и затем преследовали батальон красных на несколько верст. Столкновение Унгерна с нашими частями в районе дер. Дмитриевка было совершенно неожиданно. Он полагал, что здесь только отряд Щетинкина. Тем не менее, уверен, что он разбил бы здесь всю нашу пехоту, как и вообще в любом месте. В бою принимали участие 2 и 4 полки, отчасти 3 полк. Наша пехота, по словам Унгерна, уже начала поспешно отступать, и он видел, как рубили построики орудий, как вдруг появились броневики, спутали все его карты, и он вынужден был отступать. Потери в этом бою точно не знает. В дальнейшем намеревался отступить в Зап. Монголию или Урянхай. Продовольствия на Совтерритории захватил очень мало, у жителей ничего не брал. В [Гусиноозерском дацане] было зарыто несколько винтовок, число не помнит. Винтовки были лишние, и этим цели никакой не преследовал. В арьергарде при отступлении шел 3 полк. При выходе на Монголию для удобства управления Унгерн разделил свои войска на 2 бригады, во главе первой встал Резухин, во главе второй — сам. Точную численность при выходе с Совтерритории не знает, также не имел штаба и учета не вел. После своего пленения полагает, что все его войска разбегутся по домам; часть в Монголию, часть постарается уйти в Маньчжурию, в частности Хайлар, где, они предполагают, имеются питательные пункты. После него и Резухина в войсках его не осталось никого, кто бы мог в дальнейшем им[и] руководить. Неудача своей Селенгинской операции объясняет судьбой.

9. Дальнейшая судьба белогвардейского движения в Монголии. По мнению Унгерна, обречена на полную неудачу. В Монголии нет больше организации, ни отдельного лица, кто бы мог бы объединить все это движение. Уверенно это говорит о всех, подчиненных ему начальников отрядов не знает, лишь Бакича. Оставшиеся в Монголии отряды будут действовать мелкими частями и, возможно, разбегутся. Монголы ни к кому из них не присоединятся, так как они признают лишь сильных.

10. Войска и средства Унгерна. Все войска под непосредственным командованием Унгерна именовались Азиатской конной дивизией. Состав дивизии был различен; перед походом на Совроссию состоял из 16 наций, из которых главные: русские, монголы, буряты, китайцы, чехи, татары, японцы. В начале было до 75 чел. Все они вступили к нему добровольно по найму в Урге. К операциям против Совроссии их осталось человек 25, остальные были потеряны в боях. Присутствие регулярных японских отрядов Унгерном отрицается. Русские состоят преимущественно из казаков 4 Забайкальского отдела. Численность войск различна была в разные моменты: при выходе из Даурии 300, в момент Ургинской операции 66 сотен, около 5 тыс. чел., в момент Троицкосавской операции 3300, Селенгинской 2400, штаба фактически у Унгерна не было, начштаба Ивановский существовал номинально, да и тот остался в Урге. Троицкосавская и Селенгинская операции были произведены совсем без штаба. Свой командный состав Унгерн считает весьма плохим, указывая, что ему неоткуда было брать хороший командный состав, все его полковники в действительности являются только урядниками. На вопрос, не может ли дело Унгерна продолжить <...>²⁷³, последовал отрицательный ответ, с указанием, что “урядник останется урядником”. Командный состав Унгерна настолько низок по своему развитию, что Унгерн собственноручно бил их. Поименно Унгерном подтверждается командный состав, отмеченный нашими сводками. Вооружение дивизии Унгерна вполне хорошее, винтовки преимущественно 3-х лин[ейные] с избытком, патронов достаточное количество. В Селенгинскую операцию на каждую винтовку по 200 патрон, которые расходовались весьма экономно. Во время Селенгинской операции имелось свыше 20 действующих пулеметов преимущественно сист[емы] Максима, сколько их было раньше, не помнит. При выходе из Даурии орудий было 6, из коих 2 потерял под Ургой. Затем отобрал у китайцев 14 или 17 и 3 орудия у нас, 5 орудий потерял под Троицкосавском, 6 горных орудий имел во время Селенгинской операции, одно орудие отправил Казанцеву и одно Казагранди, остальные оставил под Ургой и у чахар. Снаряжение было захвачено в достаточном количестве у китайцев. В Торее из захваченного кооператива выдал всем по рубашке, продовольствием был сначала обеспечен, мяса было в достаточном количестве, муку и рис захватил у китайцев. Последнее время мука была на исходе, паек русским был 4 ф. мяса без муки. При выдаче муки, мясная порция соответственно сокращалась, для монгол был чингисхановский паек: 3 барана в месяц, причем мясо шло в пищу, шкура на приобретение предметов первой необходимости, походных кухонь и котлов не было, котелки были. Пищу приготавливали солдаты сами. В момент наступления на Советроссию базой снабжения был Ван-хурэ. Нахождение базы в Хайларе Унгерном отрицается. Также отрицается получение оттуда вооружения, снаряжения и продовольствия. Обоз состоял из 11 подвод, в Селенгинской операции обоз в 80 верблюдов. В момент движения на Цтейскую под начальством Баранова был отправлен “от греха” в районе Дзаин-[гэгэн]. Обоз был будто почти пустой, ценностей в нем не имелось. Денежные средства в сумме 200 тысяч были захвачены в Урге у китайцев. Отрица[ет] наличие в кассе иностранной валюты и золота, однако, ознакомленный с документами о состоянии кассы на 18 мая, дал неудовлетворительные объяснения. Никакого постороннего источника получения средств

будто не было. Никаких инженерных и технических частей не имел. Полевых радио не было. Связь внутренняя и внешняя поддерживалась только курьерами. Разведслужба, как штаб, организована не была за неимением подходящих лиц. Сипайло руководил лишь контрразведкой, которая имела задания внутреннего характера, главным образом, добывание средств и розыск евреев-большевиков. Для руководства заграничной агентурой Унгерн считает его малопригодным. Допускается ведение агентразведки командирами полков, а самостоятельной войсковой разведки в частях Унгерна также не было. Специальных разведывательных эскадронов и команд не было. Консостав набирался из монгольских лошадей, причем предпочтение отдавалось лошадям керуленским. Во время Селенгинской операции при обратном отходе менял лошадей у крестьян. Средние переходы делались по 60 верст, после чего лошади выпускались на подножный корм. Новых тактических приемов Унгерном не принималось, старый устав также не соблюдался, действовать по-казенному отвык. Переправы через реки производились впла[вь] и вброд, артиллерию переправлял на дохлых быках, предварительно вздувшихся на солнце, связанных затем по два или по несколько штук. Дисциплина в войсках Унгерна до чрезвычайности строгая, палочная в буквальном смысле слова. Унгерн собственноручно бил палкой не только солдат, но и командиров полков. Такую дисциплину Унгерн считает единственно правильной. Наказания строжайшие — от сажания на крышу и деревья до сожжения на костре включительно. На крышу сажался даже полковник Сипайлов. Настроение войск Унгерна, по его словам, было воинственное и бодрое. Разложение приписывает только офицерам. Подчиненные Унгерну отряды и монголы официально определенной организации не имеют, а значились просто отрядами. Наименование кавбриг части Казагранди Иркутского полка Шубина Унгерн считает стремлением рисоваться. Все свои войска Унгерн никогда не пытался формировать в корпус, а также не было дивизии Резухина, а было лишь у него два полка Азиатской конной дивизии. Численность отрядов в Монголии, подчиненных Унгерну, ему неизвестна.

11. Связи и взгляды на международные отношения с выходом Унгерна из Даурии. Связь с Семеновым была порвана, и Унгерн считал себя самостоятельным. О приказе Семенова об исключении Унгерна из состава войск ему неизвестно, в своих планах, намеренных действиях в Монголии Унгерн будто был самостоятелен и никаких указаний и содействий ни от кого не получал. С Семеновым имелась возможность поддерживать связь по радио, но Унгерн восстановить ее не пытался, объясняя это тем, что сейчас же посыплется советы, приказания, указания и т.д. Все это ему не нужно, а что нужно, денег, не дадут. Раза два-три Семенов присылал Унгерну своих курьеров и уполномоченных, один раз с просьбой не вмешиваться в дела Восточной Монголии и не трогать скот беженцев, родственников Семенова, другой раз просил передать пакеты Кайгородову и кому-то еще, но Унгерн отослал их обратно, предложив с каждым пакетом присылать 30 тыс. рублей денег. Этим все связи с Семеновым ограничились. С Чжан Цзолинем не ответил. Лично [он]²⁷⁴ с Чжан Цзолинем не знаком. Отношение Семенова с Чжан Цзолинем натянутое и неблагонадежное для Семенова. Чжан Цзолинь будто считает Семенова виновником захвата Китая и Манчжурии. Чжан Цзолинь будто ярый противник японцев и

раньше действовал против них совместно с генералом У Пэйфу, с которым затем из-за чего-то рассорился. На вопрос: почему бы Унгерну не воспользоваться помощью японцев и союзников, отвечал, что для него неинтересны их приказания. О стремлении Японии захватить Монголию Унгерну ничего неизвестно. Указывает, что у Японии было намерение захватить Сибирь вплоть до Урала. Допускает и считает неизбежным войну между Японией и Америкой, причем Англия будто будет на стороне Японии²⁷⁵. Вообще же Унгерн о международном положении будто осведомлен плохо, только из читинских радио. В своих действиях в Монголию считает себя вполне самостоятельным и всякую связь с какими бы то ни было [государствами] отрицает. Отрицает конкретную связь с Хайларом, допускает, что он мог бы найти там некоторое содействие, например, в лице коммерсанта Жуч. О деятельности Мациевского в пользу Унгерна ничего не знает. Связь с тылом Совроссии не имел. О восстаниях против большевиков и настроение населения узнавал от беженцев, от пленных и случайных лиц.

12. Взгляды на Совроссию и Красную армию. О Совроссии — по временам Керенского, представляя полнейший хаос. Также о Красной армии, которая казалась сбродом банд. В боях убедился, что Кр[асная] армия представляет из себя вполне регулярную дисциплинированную силу, особенно хорош комсостав, красноармейцев слабее. Удивляется, что из малого элемента удалось создать регулярную армию, хотя допускает, что дисциплина Кр[асной] армии сильно поддерживается Трибуналом. Не понимает в Совроссии народную власть и твердо убежден, что власть непременно перейдет к евреям, так как славяне не способны к государственному строительству и единственно способные люди в России — евреи. Полагает, что народ в России мельчает, как физически, так и нравственно, что ведет к вырождению. На вопрос — как Вы смотрите на коммунистов, ответил: “Это есть своего рода религия: не обязательно, чтобы был Бог, во многих религиях, а особенно, если Вы знакомы с религиями восточными, религия представляет из себя правила, регламентирующие порядок жизни и государственное устройство. То, что основал Ленин, есть религия. Я не согласен с тем, что люди в большинстве случаев воюют за свою якобы истерзанную родину. Нет, можно воевать только с религиями”²⁷⁶. Унгерн полагает, что коммунизм будет уничтожен. В действиях Кр[асной] армии отмечает не пассивность стремления, даже пехоты, действовать активно и преследовать противника. О наших частях, несмотря на слабую информацию и разведку, кое-что знал. Знал о 35 дивизии. Некоторые сведения о 26 дивизии и о штабе армии. ДВР войска считает слабыми и мало боеспособными.

13. Политическое кредо Унгерна. Монархист, признает единственный государственный строй — автократическую монархию. “Я смотрю так: царь должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне класса, должен быть равнодействующей между существующими в государстве классовыми группировками. Обычный взгляд на демократию неправильный. Она всегда была в некотором роде оппозиционна. История нам показывает, что аристократия именно по большей части убивала царей. Другое дело, буржуазия, она способна только сосать соки из государства и она-то довела страну до того, что теперь произошло. Царь должен опираться на аристократию и на крестьянство. Один класс без другого жить не могут. НР 127/инф. ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[РЕГЛАМЕНТ ПЕРЕВОЗКИ Р.Ф. УНГЕРНА НА ПАРОХОДЕ]

Г. Общие обязанности²⁷⁷.

1. При движении парохода, ни под каким видом не давать возможности прогулки барона по палубе (как верхней, так и нижней).

2. Ни в коем случае не впускать одного барона в ватер-клозет и уборную, а приставлять к нему в это время, кроме часового, стоящего у дверей, еще не вооруженного красноармейца.

3. Всему составу конвоя внушить необходимость доставления пленного живым, откуда должны вытекать все остальные действия конвоя.

4. Не разрешать вести с пленным какие бы то ни было разговоры и не допускать в его присутствии колкостей и грубостей, направляемых по адресу пленного.

5. Смену караулов у постов производить по требованиям устава Гарнизонной службы.

Подлинную подписали:

Вр. и.д. Начальника штаба 35 Сибирской стрелковой дивизии Г. Марнот

Вр. и.д. Военного комиссара штаба И. Сиротин

С подлинным верна: Старший помощник начальника штаба 35-й Сибирской стрелковой дивизии по административной части [подпись]

Вр. и.д. Военный комиссар штаба дивизии [подпись] Печать

РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 337.

**[ТЕЛЕГРАММА Л.Д. ТРОЦКОМУ ОБ ОТПРАВКЕ
Р.Ф. УНГЕРНА В НОВНИКОЛАЕВСК]**

Москва Предреввоенсоветресп т. Троцкому Копия: Наркоминдел т. Чичерину Копия: Главкому т. Каменеву

Новониколаевск, 1 сентября 1921 г. Сегодня утром Унгерн доставлен в Штарм 5, допрошен, сегодня же отправляется в Новониколаевск, куда прибудет пятого сентября. № 122/сен.

[Подпись неразборчива]

РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 333.

[РАПОРТ О ПРЕПРОВОЖДЕНИИ ПЛЕННОГО Р.Ф. УНГЕРНА]

Разведывательный отдел

Штаб 5 армии

Вост. Сиб. Воен. окр.

2 сент. 1921 г. № 182/рс. Начразведупрасиб

Рапорт

При сем препровождается пленный генерал-лейтенант барон Унгерн и два опросных листа опроса, произведенного в Штабе экспедиционного корпуса 27 и 29 августа. Лист опроса в Штарме 5 будет представлен дополнительно.

Приложение: Два опросных листа.

За вр. начразведотдарм [подпись]

РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 329.

ДОПРОС Р.Ф. УНГЕРНА 7 СЕНТЯБРЯ 1921 Г. [В НОВНИКОЛАЕВСКЕ]

Присутствовали: тов. Чуцкаев, Давыдов, Афанасьев, Мулин, Бежанов, Вележев и Павлуновский

Афанасьев. Из допроса в 5 армии видно, что Вы указывали, что в мае месяце в Урге Вы замечали признаки разложения в Ваших войсках. Какие признаки?

Давыдов. Когда Вы заметили, что началось разложение, Вы решили двинуть войска на Советскую Россию. Чем Вы это объясняете?

Унгерн. Нет, меня не так поняли. Я считаю, когда войска стоят долго, всегда замечаются признаки разложения. Стали появляться пьянство, грабежи — единичные случаи, видно было, что застоялись.

Бежанов. Вы говорите, что с целью поднять дух ваших войск, Вы решили начать движение на Советскую Россию. Почему Вы рассчитывали поднять этим дух?

Унгерн. Вообще движение для войск полезно. Если есть работа, то деморализации не может быть.

Афанасьев. Значит, Вы рассчитывали, что начало военных действий поднимет дух?

Унгерн. Масса побочных есть причин...

Афанасьев. Но Вы смотрели на это, как на одну из причин?

Унгерн. Да.

Афанасьев. Может быть, Вы сможете привести совокупность причин?

Унгерн. Очень много. Продовольствие. Затем я стал думать, что монголы уже не [те], что дело я сделал там, а теперь пора и честь знать. Потом все русские беженцы, им приходилось воевать с китайцами, им не нравилось это, им хотелось идти на Советскую Россию, опять на свою сторону.

[Бежанов]²⁷⁸. Когда Вы стали знать картину постепенного завоевания Советской России, был у Вас определенный план, по которому Вы должны были идти?

Унгерн. Сперва была картина такая, что население будет охотно присоединяться, при чем, когда я был уже на территории Советской республики, у меня было полное убеждение, что Чита уже взята японцами. Я пошел по левому берегу Селенги.

Афанасьев. Вы начали свои операции, имея у себя известное количество сил. Вы знали, что Советская республика вынесла уже много войн, и Красная армия проявила значительную стойкость против более сильного противника. Начав поход, Вы рассчитывали получить только людской материал, но мог быть целый ряд надобностей в смысле снабжения, вооружения, снаряжения. Как Вы рассчитывали удовлетворить эти потребности?

Унгерн. Самое главное затруднение в людском материале, но у меня было представление, что это как пороховой погреб. Что стоит только начать, и люди будут присоединяться.

Давыдов. А какие сведения у Вас были?

Унгерн. От беженцев, от Кайгородова, от беспроволочного телеграфа читинского. Ясно было, что будут присоединяться.

Афанасьев. Значит, у Вас было убеждение, что будут присоединяться?

Унгерн. Да, я был уверен. У меня было убеждение, что Семенов не может идти, потому что Советская власть сговорилась с Китаем не пропускать Семенова.

Давыдов. А как же Вы знали, что Советская власть сговаривается о том, чтобы не пропускать Семенова, а в то же время думали, что японцами занята Чита?

Унгерн. Потому что были сведения, что в Читу пропуска нет, что сдают японцам все города, летают аэропланы — точно не могу сказать, откуда сведения, чуть ли не письма приходили.

Давыдов. А не было ли сведений, что на митингах были выступления...

Унгерн. Да, начало было такое, что на митингах в Селенгинске выступали ораторы, которые говорили о миролюбии Советской власти и о том, что теперь будет война — Китай, Америка, Россия с одной стороны, Япония, Англия и какая-то маленькая держава, кажется Румыния — с другой. А потом говорили, что меры все приняты и ничего нельзя сделать, и надо воевать с Японией.

Давыдов. Вы рассчитывали постепенно завоевывать Советскую Россию или затягивать срок?

Унгерн. Я на эту тему даже не думал. Двигался потому, что необходимо двигаться куда-нибудь, а с другой стороны у меня русские войска были ненадежны.

Афанасьев. Значит, вопрос о Советской России порождался сам собой?

Бежанов. Во время наступления на Троицкосавск действия Ваших отрядов и отрядов Резухина имели разрозненный характер?

Унгерн. Нет, не разрозненный. У меня кони ужасные были, я ушел на юг. План был согласован, но одновременные действия замедлились.

Бежанов. А когда Вы делали налет на Троицкосавск, Вы знали, что части Резухина уходят?

Унгерн. Нет, сведений не было. Я шел не на Троицкосавск, а на Кяхту.

Давыдов. Чем объясняется, что связь была нарушена?

Унгерн. Громадное расстояние, посыльные не могут так скоро доехать.

Бежанов. Значит, Вы пользовались исключительно конными нарочными?

Унгерн. Да.

Бежанов. После налета на Троицкосавск Вы знали, что красные пойдут на Ургу. Откуда у Вас были эти сведения?

Унгерн. Раз человека раздражить, понятно, он пойдет.

Бежанов. Значит, это было Ваше предположение?

Унгерн. Потом, уже я знал, когда они были на <...>²⁷⁹.

Афанасьев. На чем у Вас основывалась такая уверенность? Пока Вы сидели в Урге, Вас совершенно не трогали, почему Вы думали, что мы непременно ответим Вам ударом? Вы считали, что наши части не боеспособны и будут сдаваться, а вывод делаете такой, что если их раздражить они пойдут драться. Здесь вопрос существенный: Вы оставляете Ургу без боя, а она имеет привлекательность, как политический центр.

Унгерн. Да, но я не твердо себя чувствовал. Кроме того, вопрос о политическом значении Урги отпадает. Если бы был большой успех в Советской России, тогда власть сама собой укрепились бы. А так я чувствовал, что они²⁸⁰ тянут на другую сторону.

Бежанов. То есть как на другую сторону?

Унгерн. На сторону Советской республики.

Давыдов. А почему Вы так потеряли авторитет в Урге?

Унгерн. Кормиться надо. Это трудно выразить... Если бы я мог прокормиться сам или на них шапки-невидимки надеть...

Давыдов. Вы деньги откуда получали?

Унгерн. Из банка. Из Китайского банка. Около 200 тысяч или полмиллиона.

Давыдов. В одном из показаний сказано, будто бы взяли 150 тыс. золотом.

Унгерн. Это раньше, когда я воевал на Восточном фронте. А потом я перешел к Яблоновому [хребту].

Бежанов. Когда вы сосредоточились в районе Барун-дзасака и знали, что Урга занята красными, Вы не думали пойти на Ургу?

Унгерн. Нет, я уже знал, что они идут на конкурент. Гораздо выгоднее было... Весь план был расстроен. Надо было новые подводы.

Давыдов. Почему Вы свернули к Резухину на Селенгу, а не пошли на Маньчжурию?

Унгерн. Я не мог к китайцам подходить. Хотя я воюю с революционными китайцами, но все равно я не мог, и без согласия Чжан Цзолиня нельзя это было делать. Китайцы арестовывали всех кто попадался. В Хайларе был арестован Циркулинский, который был ранен.

Давыдов. А после Урги Вы получали пополнение из Маньчжурии, у Вас были свои материалы?

Унгерн. Нет, Вы ошибаетесь, ни одного патрона не получал.

Давыдов. Там был генерал Мацевский.

Вележев. А где сейчас Мацевский?

Унгерн. Не знаю.

Давыдов. А Евтин?

Унгерн. Евтин — это мой.

Давыдов. Он ликвидировал склады?

Унгерн. Он был в Хайларе. То есть, потом он был в Маньчжурии.

Вележев. Он ликвидировал склады, и об этом знали даже в печати. Его судьба была такая же, как и Мацевского. Значит, у Вас была связь с Маньчжурией и Хайларом?

Давыдов. Склады в Маньчжурии были очень большие. Маньчжурские склады Евтина должны были вполне обеспечить. Вы говорите, что не получали ни одного патрона, ни обмундирования, а ведь эти склады были под начальством Евтина.

Унгерн. Когда Циркулинский ехал обратно, он должен был пробраться ко мне и попался.

Вележев. Это было после февраля, во время второго наступления?

Унгерн. Мне трудно восстановить. Я все лунными месяцами считал.

Вележев. У нас имеются сведения, что движение по Керуленскому тракту было настолько оживленным, что мы могли организовать там движение курьеров. Где находится профессор [Осендовский]²⁸¹?

Унгерн. Он был очень короткое время.

Вележев. Там есть показания довольно вещественного характера, в виде верблюдов. Там были мелкие отряды, он²⁸² их использовал, очевидно, по Вашему приказанию. Все это свидетельствует, что у Вас была связь и, очевидно, довольно реальная, с Маньчжурией и Хайларским районом.

Унгерн. Нет, это кажущееся, и я все время замечал, что газеты поднимают шум. Я, кажется, на 1200 верблюдах вывез из Урги около 4000 винтовок, патронов, берданок, а сколько я отобрал на улицах! У меня не было в них никакой нужды. Мне это было ни к чему. Если что мне было нужно, так это трехдюймовые снаряды.

Давыдов. Куда Вы все это вывезли?

Унгерн. Я снабжал Кайгородова, Казагранди, Казанцева, Кузнецова.

Бежанов. Когда Вы соединились с бригадой Резухина, после набега на Троицкосавск, какой дальнейший план у Вас был?

Унгерн. Сперва я сидел, никуда не двигался. Затем стали приходить сведения, что японцы двигаются, а потом я начал войну на левом берегу Селенги и тут развоёвался. Очень трудно сказать, потому что я вообще считаю, что решение должно быть очень ясным, чтобы как обухом по голове, и мне казалось, что теперь пора действовать, что слабая сторона у вас в Советской России.

Бежанов. Каково состояние было Ваших бригад и Резухина?

Унгерн. Очень хорошее.

Бежанов. Несмотря на то, что была неудача под Троицкосавском?

Унгерн. Там я разогнал половину войска. Русские там совсем не участвовали. Всего было 50 человек русских, но и они не ходили [в бой].

Вележев. Были там казачьи войска?

Унгерн. Были Оренбуржцы, бежавшие от вас, когда Каппель²⁸³ отступал, когда он сам ушел через Верхнеудинск, они оттуда попали на юг.

Вележев. Какую они роль сыграли в последнее время?

Унгерн. Не могу сказать, потому что я не был там, но из разговоров я понял, что они и убили Резухина.

Бежанов. В момент, когда вы соединились и перешли на левый берег Селенги, Вы знали какие части действуют?

Унгерн. Да, знал. Потому что я взял пленных.

Афанасьев. А что наши части движутся на Ургу и в частности кавалерия?

Унгерн. Да, о кавалерии знал плохо, но говорили, что двигается кавалерия и донцы.

Бежанов. А говорили, что из района Урги кавалерия перебрасывается к Селенге?

Унгерн. Это я знал.

Бежанов. Значит, сведения поступали более-менее достоверные?

Унгерн. Да.

Афанасьев. Почему, когда Вы находились в районе <...>²⁸⁴, Вы действовали очень нерешительно и отходили по Селенге почему-то без сопротивления. Когда Вы соединились с Резухиным, первое время Вы не могли переправиться, потому что был разлив, и когда наши части перешли в наступление на [Кулустай]²⁸⁵, у Вас были объединены обе бригады, Ваша и Резухина, Ваши части продолжали отход вверх по Селенге.

Унгерн. Это корма. Из-за кормов. Просто кочевал.

Афанасьев. Значит, Вы за этот период не хотели принять боя?

Унгерн. Если бы вы меня не растревожили, я бы не стал...

Афанасьев. Значит, Вы определенно выигрывали здесь время.

Бежанов. Переход от Селенги на Джидинскую долину.

Вележев. Вы шли на Джиду по тракту. Каким образом Вы проделали этот маршрут?

Унгерн. Тропы там есть. Вообще во всей Монголии есть тропы. Нет ни одной пади, где нельзя пройти, но это зависит от энергии, а то всюду можно пройти, нужно только вырубать по сторонам, чтобы телеги могли проходить.

Афанасьев. Вы знали этот район?

Унгерн. Нет, я там был в первый раз, я только раз проехал на пароходе.

Афанасьев. Значит, Вы действовали по общим соображениям?

Унгерн. Нет, я боялся только, [что] справа откуда-нибудь придет какая-нибудь кавалерия, поэтому я решил уйти.

Бежанов. Какую Вы себе ставили цель при набеге на Гусиное озеро и Верхнеудинск?

Унгерн. В Верхнеудинск я не собирался, а если на Мысовую...

Давыдов. Вы на Мысовую хотели?

Унгерн. Нет, я увидел, что делать было нечего, потому, что я не могу набрать добровольцев. Нужно было уходить, чтобы войска не стали деморализоваться. Поэтому я решил отойти на север на Гусиное озеро и к Селенгинску, к тем местам, где должны быть самые верные казаки, которые раньше служили, но их нисколько не пришло. Поэтому я сразу повернул и вышел.

Бежанов. А когда Вы были в районе Селенгинской думы, у Вас не было намерения двигаться на восток?

Унгерн. Нет.

Давыдов. Если бы я очутился в таком положении, я непременно стремился бы уйти на другой берег Селенги — к Мысовску. Вы толкнулись туда, но там стояли наши отряды?

Унгерн. Нет, я мог там пройти сколько угодно. Но раз у меня нет солдат, нет живой силы — тут расчет не оправдался, нужно было только под благовидным видом оттуда выбраться.

Бежанов. А какое было состояние войск в это время?

Унгерн. Хорошее, все время хорошее.

Бежанов. Упадка дисциплины не было?

Унгерн. Нет, конница не боится пехоты, им хоть миллион пехоты.

Вележев. Вы говорите, что признаков разложения нет в Ваших войсках. Когда Вы двигались в Джидинскую долину, Вы должны были проводить мобилизацию.

Унгерн. Нет, в это время я мог сколько угодно проводить мобилизацию, потому что ни одного солдата там не было.

Бежанов. Таким образом, не подтверждаются сведения, что мобилизационные пункты расположились...

Унгерн. Нет, когда я послал туда сотню, то оказалось, что человек 20 таких, которые раньше служили, к ней присоединилось, но за границу с нами совсем ник-

то не пришел. А увеличился я сильно за счет красноармейцев. Но когда и они увидели, что я шел через границу в Монголию, они стали бежать. Пока действовали на нашей территории, все-таки держались, а тут поголовно начали бежать.

Бежанов. Обратный маршрут после боев из Новодмитриевки в Джидинскую долину был Вами избран лично или совместно с Резухиным, Вы избрали через Покровку?

Унгерн. Это было раньше решено. Резухин и два полка были уже там и обязаны были быть там.

Афанасьев. Резухин какую роль играл, в чем выразалось его участие в этих операциях?

Унгерн. Он только послушный, он слушался. Я тогда не хотел вообще сражаться. Я думал только, что там щетинкинская или какая-нибудь маленькая кавалерия наступает. Было страшно туманно. С вечера началась перестрелка, я думал, что это маленькая разведка, и чтобы она нам не мешала, я начал войну, а Резухину сказал, чтобы он сзади зашел. А когда туман рассеялся, остановить нам [войско] было уже трудно.

[Бежанов]. А в расчеты Ваши не входило принять бой?

Унгерн. Нет, нам сообщили, что бригада выходит из Монголии по 9, по 15 человек.

Давыдов. Оперативные вопросы Вы решали единолично, или с участием Резухина?

Унгерн. Трудно Вам сказать. Да, единолично. Резухин мог сделать то, что ему прикажут. Ему нужно приказать, что нужно сделать, тогда он действительно пойдет и ляжет, или сделает. Сам он не мог...

Вележев. Резухин забайкалец?

Унгерн. Кажется, Тверской губернии. Ко мне он попал — его французы вывели из Казани, чтобы он формировал...

Бежанов. Когда вы шли обратным маршем по Джидинской долине, у Вас не было намерения двинуться на север?

Унгерн. Раненые связывали ужасно. Ужасно трудно доставать проводников. То ли эти старики вывелись, то ли они испортились, но достать их было очень трудно.

Афанасьев. Почему после этих боев в Новодмитриевке у Вас было впечатление, что не все идет гладко, точнее, для Вас было ясно, когда Вы у Новодмитриевки столкнулись с крупными частями, что Вас припирают с юга? Меня интересует вопрос: Вы шли на Чатуй. У Вас был путь свободный к югу, но Вы свернули на [Джиду], тогда как Вы могли этим путем пойти к Желтуре.

Унгерн. Здесь много причин. Это зависит от того, устал человек или не устал. Я думал, что если пойду к Желтуре, мне перережут путь, а у Желтуры очень трудно вести наступательную войну, а кроме того, я думал, что если бы [Каландарашвили]²⁸⁶ пошел через Модонкуль, а там я уже шел, там ужасно трудная дорога...

Афанасьев. Вы уже определенно тогда не желали уходить на Улясутай?

Унгерн. Нет, нам сказали, что туда пришли не то японцы, не то тибетцы, точно я узнал уже, когда я в плену был. Моя задача была выйти на большое расстояние. Я выходил из перестрелок, чтобы не загромождаться ранеными.

Бежанов. У Вас большое количество было раненых?

Унгерн. Нет, на 47–50 подводах везли раненых, где по одному, где по два.

Давыдов. Врачебный персонал у вас был?

Унгерн. Был.

Давыдов. А сколько докторов?

Унгерн. Один доктор.

Давыдов. Кто такой?

Унгерн. Рябухин. Когда переправились через Селенгу, там не было новых боев, шли обозы и прикрытия к обозам выше по реке, а два полка с Резухиным на следующий день — ниже по реке.

Бежанов. А Вы где находились?

Унгерн. Я шел с обозом, обоз и два полка, и у Резухина два полка. Расстояние около 20–25 верст.

Вележев. Почему Вы пошли с 3 и 4 полком, Вы раньше ходили с 1 и 2?

Унгерн. Я всегда менял. Потому что больше на себя надеялся. Надо подтягивать войска.

Бежанов. Где и когда был убит Резухин?

Унгерн. Я только узнал уже, когда меня мимо провели, когда я был связан, это у переправы [Эцзин-гол]. Я свернул на запад, а они все стремились на Восток, офицеры и командный состав, и тут это началось.

Бежанов. Почему Вы настаивали на движении на запад, тогда как они были против этого?

Унгерн. Там все съедено, кроме того, я держался дальше от китайцев, дальше от железной дороги. Надо было выиграть время.

Бежанов. Значит, весь командный состав тянул на восток?

Унгерн. Да, мне говорили, что надо идти на восток, что об этом говорит весь командный состав.

Давыдов. Что они под этим понимали — соединение с Семеновым?

Унгерн. Да, они так рассчитывали. Ведь это от разведки зависит.

Бежанов. Когда Вы отступали, Вы знали, что Улясутай занят?

Унгерн. Нет.

Бежанов. А знали Вы, что там красное партизанское движение?

Унгерн. Я знал, что оно в Урянхае.

Бежанов. А если бы Вы знали, что в Улясутае такое движение?

Унгерн. То я пошел бы.

Бежанов. Значит, Вы от [Эцзин-гола] повернули прямо на Урино, около горы Урт?

Вележев. В конце июля, когда Вы отправили обоз, было у Вас намерение идти на Улясутай?

Унгерн. Нет.

Вележев. Кто у Вас командовал обозом? Толстой или Толстых — Вам лицо известное?

Унгерн. Командовал Баранов.

Вележев. Когда Вы послали Баранова, какое у Вас было намерение? Он шел в Улясутай, он шел почти не прикрытый, что же — Вы думали бросить обоз монголам?

Унгерн. Обоз особой ценности не представлял, верблюды, кони присталые, я не думал, что краснота у монголов будет так сильно развиваться в этом месте. И сам не думал идти в это место.

Вележев. А что Вы считаете причиной того, что создался и назрел этот офицерский заговор против Резухина и против Вас?

Унгерн. Один командир полка²⁸⁷ много возомнил о себе и воспользовался этим. Я совершенно ничего не знал. Я несколько раз подъезжал к ним, и даже когда началась стрельба по палатке, я думал, что где-нибудь красный разъезд, я среди солдат был и приказывал.

Давыдов. По-видимому, офицеры самостоятельно организовывали этот заговор, солдаты в нем участия не принимали.

Унгерн. Кроме оренбургских казаков.

Давыдов. Когда они по палатке стреляли, почему они тогда Вас не убили?

Унгерн. Может быть, не хотели. Один из них, который командовал, он, очевидно, очень нехорошо себя чувствовал, потому что боевой порядок был на запад, на меня, а не туда, откуда красные могли придти, а когда я спросил солдат, что вы бунтуете — нет, говорят, ничего. И шагом мимо них проехал, сказал, что нельзя идти на восток, потому что голод будет. Очевидно, что-нибудь было в пулеметной роте, потому что, когда я проехал там, никого из офицеров не было. Когда я проехал, они стали кричать: “Стреляй! Стреляй!” Я все еще думал, что где-нибудь красный разъезд, а потом чаще стали стрелять, я попал в такой уголок, тогда и я увидел, в чем дело. В пулеметной команде красные были и потом комиссары были, некоторые очень хорошие, хорошо дрались, я их потому взял.

Давыдов. А что представляет из себя Хоботов?

Унгерн. Он казак, урядник, служил у Резухина в Германскую войну. Резухин его и вытасчил понемногу. Он в последнее время сильно хвастаться стал. Он храбрый, но в последнее время он стал мнить о себе. Обыкновенно, когда приходится наступать, приходится командиру идти вперед. Его никогда нельзя было упрекнуть, чтобы он прятался, или что-нибудь. И пушки тоже он брал.

Афанасьев. 8 пушек.

Унгерн. ... Когда я приехал и спросил, он сказал, что был посланный от штаба, но не мог сказать, кто. Я считаю, что это было подложно.

Вележев. Сказано, что участвовал в перевороте Ваш личный конвой, который Вам был предан.

Унгерн. Это ошибка. У меня никогда не было конвоя, даже двух человек, это добровольцы-хайларцы, они только случайно стояли недалеко от полка. Там был один инструктор русский, и один монгол мне о нем сказал, что этот русский — плохой человек, что он сказал, меня надо убить. Но я думал, что это не может повлиять на монгол, так как они верны своим князям.

Давыдов. Кто у Вас командовал артиллерией?

Унгерн. Дмитриев.

Давыдов. А кто из кадровых офицеров?

Унгерн. Кадровых нет офицеров совсем. Один Резухин был у меня. У меня было порядочно кадровых, но вернувшихся из Монголии и т.д. Сипайлов — телеграфист.

Афанасьев. Вы платили жалование солдатам и офицерам?

Унгерн. Когда было. Из захваченных средств. Потом продавал китайское имущество. Солдатам 7,50 серебром, офицерам 20, 25–30.

Давыдов. Относительно пайка говорили, что часто Ваши войска получали 4 фунта мяса, обходясь без хлеба.

Унгерн. Это было, когда не было муки.

Давыдов. Как это отражалось?

Унгерн. Ничего. Наоборот, когда стали жить на хлебе, стало хуже. Раньше было несколько случаев выпадения кишки, и только. Да еще без соли. Каждому выдавалась соль на руки, он сам разводил в чашке и туда это мясо толкал, толкал.

Вележев. Откуда Вы брали хлеб?

Унгерн. Брали зерном. Там повсюду мельницы есть, в Урге была мельница.

Вележев. Вы национализировали мельницы. Все мельницы были национализированы, все аймаки были взяты на учет. Ваши начальники снабжения отбирали у монголов и мололи.

Унгерн. Это церковная мука, очевидно, была. Потом, когда монголы увидели, что мука брошена, они стали ее брать. Возьмут первого попавшегося китайца на улице и говорят, что это ее хозяин.

Вележев. Также Вы и швейные машины позабирали в Урге.

Унгерн. Да.

[Бежанов]. Недостатка вооружения не было?

Унгерн. Нет.

[Бежанов]. Относительно приобретения лошадей и скота.

Унгерн. Часто с красноармейцами.

Давыдов. Была при Вас радиостанция?

Унгерн. Да.

Давыдов. Она работала на передачу, или на прием?

Унгерн. И так, и так. Телефона при ней не было. Работали почтовые чиновники, их обучили.

Давыдов. Вы пробовали передавать что-нибудь?

Унгерн. Хотел, но не передавал.

Давыдов. Почему?

Унгерн. Потому что последствия ужасны... Не ужасные, но много, все хотят приказывать.

Давыдов. Почему Вы не пытались говорить с Читой, с Иркутском?

Унгерн. Если бы я мог говорить, то и монголы бы стали говорить с Китаем, так что об этом я молчал.

Давыдов. Кому она принадлежала?

Унгерн. Об этом вопроса не было, но я ее держал.

Вележев. У Вас было несколько монгольских отрядов, которые были подчинены Вам в Керулене. Вы держали с ними связь. Какой интерес представлял Керулен?

Давыдов. Вы имели связь, имея маньчжурские склады, какую связь Вы держали, если Вы отрицаете пополнение регулярно людьми?

Унгерн. За все время один офицер приехал, и то я подозревал, что он был подослан вами или Семеновым.

Вележев. Евтин эти склады продавал, почему Вы ими не интересовались?

Унгерн. Но как вывезти? Я оттуда ни одного рубля не получал. Приехали 2 полковника Сибирских войск, и я их отослал обратно.

Вележев. Вам наверно говорили, что Евтин эти склады продает?

Унгерн. Я, откровенно говоря, о них совсем не думал, а что они целы, это для меня новость.

Афанасьев. У вас были русские, монголы, буряты. Что их спаивало?

Унгерн. Дисциплина.

Афанасьев. Вы указали, что у Вас было около 16 национальностей, таким образом, самый разношерстный состав и в нем только небольшое ядро русских, которых, может быть, какая-нибудь идея еще двигала. Каким стимулом руководствовались остальные?

Унгерн. У них психология совсем другая, чем у белых, у них высоко стоит верность, война солдат, это почетная вещь, и им нравится сражение. Только теперь, за последние 30 лет выдумалось, чтобы воевать за какую-нибудь идею. Быть послушным — вот и все, и никаких разговорчиков не могло быть.

Вележев. У нас создается впечатление, что у Вас было вроде кадра. Для карательных мер был Сипайлов. Был Резухин, а другие были периферией, которая разбухла и монголами и японцами темного происхождения. Было ли у Вас такое ядро, связанное прежней службой или судьбой, тем, что нельзя было безнаказанно вернуться на советскую территорию?

Унгерн. Вернее следующее. Я их так не разделял. Явился человек — значит, служи, получай повышение и так далее. Это можно отнести только к русским. Из всех народов самые антимилитаристские — это русские и их заставить воевать может только то, что некуда деваться, кушать надо.

Вележев. Когда Вы вели сражение, откуда Вы брали кадры технически обученные, без которых нельзя воевать?

Унгерн. Я взводных обучал, а в Урге была знаменитая бригада, остаток старого режима²⁸⁸.

Вележев. Подробно объясните относительно ядра, привязанного к Вам судьбою и технического ядра, которое может разбухать. Вы занимались мобилизациями и довольно часто, чтобы бросать в бой, их надо обучить.

Унгерн. Я приказывал записывать, кто храбрый, и тех обучал.

Вележев. Я напомним Вам [19]18 год, я тогда знал Вас по Забайкалью, еще до падения Советской власти.

Унгерн. Я тогда сидел в Хайларе, потом прибыл в Чахар. В Акше не стояло никаких частей.

Афанасьев. Когда Вы вели бой на Калганском фронте, Вы часть своих сил оставили там, до 1000 чел.?

Унгерн. Нет, человек 300–400 потом мобилизовались, теперь не знаю. С мая месяца я потерял с ними всякую связь. С ними остался [Мэрэн Дугарчжаб], а там около 1000 верст расстояние.

Афанасьев. Почему Вы там их оставили?

Унгерн. Китайцы стали набеги делать, коней брали. С мая больше ничего не слышал.

Афанасьев. Как Вы думаете, что с этой группой?

Унгерн. Никакого представления не имею.

Афанасьев. Не помните ли Вы, что они направились на соединение с Вами?

Унгерн. Нет, там все красные — значит и они красные.

Вележев. Но так ли настроена эта группа, которую Вы бросили на юг?

Унгерн. Эта группа не сознательная. Они пойдут туда, где ихние. Относительно Хатан-Батора — он всегда красный был.

Вележев. А военные качества какие?

Унгерн. Слабенький он. Он не хошунный князь, а так как Хутухта не имеет решающего голоса в мелочах — он большие вещи может проводить, а мелкие не может — то Батора не признали и он страшно обиделся, потом он получил назначение командующего округом. Он князь, но не особенно верный Хутухте.

Афанасьев. Как у Вас поддерживалась связь с Кайгородовым, с Казангради?

Унгерн. С Кайгородовым более регулярно, а с остальными нет, с Бакичем не было совсем, с Михайловым²⁸⁹ нет, с Шубиным раз.

Давыдов. Шубин к Вам присылал в Ургу одного или двух офицеров?

Вележев. Имеете ли Вы связь со своими старыми соратниками в Забайкалье? Вы посылки к ним отправляли и т.д. И посылка 10–12 человек в Селенгинский район из Монголии. Было это с разведывательной или с политической целью? Кого Вы посылали в мае в июне в Селенгин[ск]?

Унгерн. Нет, никого не посылал.

Вележев. С Забайкальем была какая-нибудь связь, с населением?

Унгерн. Нет, может быть, Резухин посылал.

Вележев. Не помните, мы имеем письмо Резухина к одному из Забайкальцев нашей пограничной охраны.

Унгерн. Я даже не знал, что там есть Забайкальцы. Офицер. Если связь была, то через Казагранди. Я не мог найти человека, который вел бы это дело. Мною подписана бумага?

Вележев. Нет, не Вами. А политическую связь Вы пытались держать. Вы понимаете, что подчинены Семенову, а Михаил II в монархической прессе вполне определенное имя, и то обстоятельство, что в Ваших войсках знамя трехцветное с именем Михаила II, следовательно, у Вас была идея, хотя бы подсобная, Вы не имели таких связей ни с правыми, ни с к-д, ни с с-р²⁹⁰?

Унгерн. Нет, кажется, из монархистов только я один на целом свете.

Вележев. Значит, вы отрицаете существование такого письма?

Унгерн. Может быть к Букейхану писал.

Вележев. Казачихин Вам, конечно, известен, может быть, Вы писали частные письма?

Унгерн. Я, например, даже не знаю, кто из них к какой партии принадлежит, и что из себя представляет.

Давыдов. А [Оссендовский]²⁹¹, который Вам редактировал приказы, Вы не интересовались его убеждениями?

Унгерн. Нет, я ему приказал, и он написал.

Давыдов. Его убеждениям этот приказ не отвечает²⁹²?

Унгерн. Я его не спрашивал.

Афанасьев. Вы, кажется, воевали на своем веку порядочно и знаете, что этот приказ является совершенно необычным по общему своему строению, и боевые приказы должны быть по своей форме несколько иные, они должны затрагивать практические вопросы. Очевидно, он совпадал и с Вашей психологией и с психологией Ваших бойцов?

Унгерн. Он не был написан для моих солдат, а для начальников монгольских отрядов²⁹³.

Афанасьев. Думали ли Вы, что он будет распространяться помимо Ваших войск и попадет населению?

Унгерн. Да.

Афанасьев. Я думаю, что разбираться в такой отвлеченно-философской штуке, как этот приказ, для них слишком трудно. Значит, он попадает в среду населения и предназначается для этого.

Унгерн. Мне говорили, что если бы они знали, как теперь это называется, психологическое лицо, то они могли бы присоединиться к Кайгородову и другим.

Вележев. Вы знали состав населения — казаки и инородцы. Не рассчитывали ли Вы, что этот приказ приспособлен к настроению населения? Трудно предположить, чтобы казаки преодолели чувство своего превосходства над желтыми.

Унгерн. То к “ходи” (китайцам), а к монголам никогда этого не было. Гораздо большие чувства превосходства у монголов над бурятами. Лучше назначить казака, говорящего по-монгольски, чем бурята.

Вележев. Значит, нельзя провести параллель между Монголией и китайцами?

Унгерн. Нет.

[Бежанов]. Когда мы соединились и бросили свои силы на Ургу, если бы мы сосредоточили их по Селенге, приняли бы Вы бой?

Унгерн. Нет. Место неподходящее, я бы начал уходить.

Вележев. По Вашим намерениям и согласно Вашей идеологии, которую некогда было, может быть, обдумать, необходимо было охватить всю эту Монголию, даже, очевидно, в пределах царства Чингисхана. Вы подчинили себе Кайгородова, Казанцева; Бакича — не удалось. Что им теперь оставалось, и на что теперь они могут рассчитывать?

Унгерн. Судьба играет роль. Приказ остается бумагой.

Вележев. Вы считаете, что Ваша судьба не отразится на их?

Унгерн. Морально отразится.

Мулин. Как Вы оценивали Красную армию до соприкосновения с нашими частями?

Унгерн. Хуже.

Мулин. А что Вы приписываете неудаче Ваших налетов на Троицкосавск?

Унгерн. Прежде всего, я не хотел на Троицкосавск.

Вележев. Какие показания дают красноармейцы?

Унгерн. Сначала не дают, а потом, когда обживутся в своей среде, они начинают давать.

Вележев. Какое Ваше отношение к семеновщине и такому громадному явлению, как Советская Россия? Как Вы перед лицом такого явления оцениваете семеновщину?

Унгерн. То, что Семенов начал делать, было искренно и начал он хорошо, но потом примазалась всякая шантрапа, стали окружать его всякие трусы, которые заморочили ему голову. Там порядочного человека совсем нельзя найти.

Вележев. Его стремления по отношению к Советской России, как Вы оцениваете?

Унгерн. Я теперь не знаю, последнее время очень далеко от него стоял.

Мулин. С Кайгородовым какие у Вас отношения были к июлю месяцу? Принимали ли Вы какие-нибудь репрессивные меры по отношению к Кайгородову?

Унгерн. Нет.

Мулин. А не посылали ли Вы в июле месяце сотника Захарова его арестовать?

Унгерн. Нет, это о Казагранди.

Вележев. Казагранди расстрелян.

Унгерн. Он плохо воевал, потом грабежи...

Давыдов. А у Вас было предположение, что он сносится с красными?

Унгерн. Он отвиливал от войны. Я его один раз видел. Он юрист, кажется.

Мулин. Вы получали письма от Хутухты?

Унгерн. Нет, я не получал, я сам ему писал.

Мулин. Но Вы получали письма от Югоцзура²⁹⁴, Вы ему ответили в каком духе?

Унгерн. Я ответил, что невыгодно идти на Ургу.

Мулин. Во время Вашей остановки на Селенге, Вы закупали оружие и часть военного снаряжения?

Унгерн. Нет, этого не было, так как не было войны.

Мулин. Где Ваш адъютант?

Унгерн. Он дня за два сбежал. Он оренбургский казак.

Мулин. Это Бурдуков?

Унгерн. Нет, Бурдуков скот пасет.

Мулин. У нас есть сведения, что Вы отправляли часть наших пленных обратно, чем Вы это объясняете?

Унгерн. А куда их девать, оставлял тех, которые могли хорошо ездить верхом.

Мулин. Обычно Вы не имели принципа отпускать здоровых людей?

Унгерн. Это зависит от того, сколько коней, здоровы ли кони.

Мулин. Не было ли у Вас сведений, что присоединяется к Вам Борисов, из отряда Шубина?

Унгерн. Он не доехал. Точно я не могу сказать, но слышал, что их расстреляли.

Мулин. Шубин и Ермаков получили от Вас производство?

Унгерн. Потому, что они все время просились в офицеры.

Мулин. Какого Вы мнения, способны ли к военной организации монголы?

Унгерн. Да, это у них есть. Китайцы и они — вековые враги.

Давыдов. Если бы Монголия была под протекторатом Китая, это было бы для нее ударом?

Унгерн. Нет, но она мечтает о старых порядках до [19]14 года²⁹⁵.

Мулин. Вы ставили к ним инструкторов для обучения. Составляли ли они крепкие дисциплинированные части?

Унгерн. Да, гораздо лучше, чем татары. Все зависит от начальника. Если начальник впереди, они впереди. А у русских начальник может сам оставаться [по]зади, только должен указывать.

Мулин. Какое впечатление Ваше о Хутухте, об его способностях, является ли он пешкой в руках тех людей, которые его окружают?

Унгерн. Своих людей он здорово держит в повиновении.

<...>²⁹⁶

Вележев. Что за юнкера?

Унгерн. Я одно время пробовал отмечать.

Мулин. На реке Иро Вы забрали много народу и поставили их в части, из них вышли хорошие солдаты?

Унгерн. Я их отправил обратно. На севере Монголии они уже начали разваливаться.

Мулин. Как Вы вели себя по отношению к китайцам по Селенге?

Унгерн. Не трогать.

Мулин. Там были разрушены целые деревни, находили целые груды черепов.

Унгерн. Может быть, это Казагранди. С ним у нас всегда из-за этого и выходило [разногласие].

Мулин. Какое Ваше впечатление от пехоты и нашей конницы?

Унгерн. Даже обидно видеть, до чего русские дошли: мелкие, маленькие ростом.

Афанасьев. Чувствовали Вы нажим наших частей?

Унгерн. Скорость у меня была большая.

Афанасьев. А знали Вы, что на Желтуре у нас часть?

Унгерн. Думать-то я думал...

Давыдов. Имели ли Вы представление об организации наших больших штабов?

Унгерн. Я думал, что это как при Керенском, в поездах. Я думал, что это уже анархия... Я в первый раз вижу... Я с буфером все время воевал. Получались белые газеты, но там говорится, что в Красноярске женщин по карточкам выдают и всякие подобные сведения.

Вележев. Вы этому верили?

Унгерн. Все может быть.

Давыдов. После занятия Урги, Вы занялись чисткой Урги от политически вредных элементов. Из каких соображений исходил Сипайлов, уничтожая эти элементы?

Унгерн. По соображению Сипайлова, вероятно, это были красные. Вообще в Урге были красные раньше, чем в России.

Мулин. Вы в смысле мобилизации были довольно беспощадны. Вы ставили инженеров в машинисты, и они работали. Кому Вы давали отсрочки? В Урге целая категория лиц, совершенно годных к военной службе.

Унгерн. Зубной врач у меня нигде не служил, купцы.

Мулин. Значит, отсрочками пользовались, кому Вы давали разрешение?

Унгерн. Я сам построил их и смотрел. Кто мог пригодиться, тех и брал.

Давыдов. А какие системы наказания Вы применяли?

Унгерн. Смертную казнь.

Давыдов. Всех видов?

Унгерн. Нет. Вешали и расстреливали.

Давыдов. А применяли ли Вы монгольский способ бить до тех пор, пока не отлетят куски мяса?

Унгерн. Нет, тогда он помрет...

Мулин. А Вы еще сажали на лед?

Унгерн. На лед.

Мулин. На крышу?

Унгерн. На крышу.

Мулин. Женщин, которых Вы заподозрили в сочувствии к нам?

Унгерн. Да тоже.

Мулин. Вы все время чувствовали, что у Вас все время была духовная связь с частями?

Унгерн. Да, все время.²⁹⁷

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.

[О доставке Р.Ф. УНГЕРНА в Новониколаевск, ДОПРОСЕ и ПОДГОТОВКЕ СУДА]

Записка по прямому проводу

Замвоенкомдиву 13 Кавалерийской тов. Чернышеву для немедленного вручения
Предсибревкома тов. Смирнову

Н[ово]Николаевск 7 сентября 1921 года. Сегодня в час ночи привезли Унгерна, который сдан представителю ВЧК тов. Павлуновскому. Военный допрос снят в одиннадцать часов. Из Москвы получено разрешение судить Унгерна [в] Сибири. Суд состоится 13–15 числа сего месяца. Не предполагаете ли Вы прибыть к этому времени Новониколаевск? НР 1223.

Член Реввоенсовета войск Сибири Давыдов

РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА Р.Ф. УНГЕРНА в ШТАСИБЕ, ШТАРМЕ 5 и ШТАБЕ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА²⁹⁸

Биография. Генерал-лейтенант Роман Феодорович барон Унгерн фон-Штернберг, 34 лет, происходит из дворян Эстляндской губернии (сын немецкого помещика с острова Даго). В детстве был за границей. Юношей, по окончании кадетского корпуса, участвовал в качестве добровольца в Русско-Японской войне, во время которой получил звание ефрейтора. По окончании войны поступил в Военно-инженерное училище в Петрограде, откуда через несколько недель вышел и перевелся в Павловское военное училище, по окончании которого в 1908 году был выпущен младшим офицером в первый Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, а затем перевелся в Нерчинский; между прочим, был предан командиром полка – бароном Врангелем суду за пьянство²⁹⁹.

Во время Германской войны Унгерн находился в составе Нерчинского полка Усурийской конной дивизии и за участие в походе в Восточную Пруссию и за отличие в боях получил орден Георгия 4-й степени, который и до сего времени носит на груди. В 1917 году при правительстве Керенского был произведен в войсковые старшины. В том же году за избиение комендантского адъютанта был приговорен к

трем годам крепости, но наказание не отбывал, ввиду Октябрьской революции³⁰⁰. Осенью 1917 года уехал с фронта в Забайкалье, где находился у атамана Семенова, который поручил ему формирование Иностранческой конной дивизии. Здесь же впоследствии вел борьбу с партизанами, получая от Семенова определенное вознаграждение. При Семенове получил чин полковника, а затем генерала. В 1920 году пытался уехать на родину, но не получил заграничной визы.

Внешность и характеристика. Выше среднего роста, сухощавый, держится прямо. Небольшая голова, высокий лоб, курносый; большие светло-рыжие усы опущены книзу, глаза серые, на лбу рубец, полученный на Востоке на дуэли, волосы редкие и светлые. Одет в старый желто-красный монгольский халат с генеральскими погонами, обут в монгольские ичиги.

Выдает себя за фаталиста, заражен несколько мистицизмом и считает себя призванным к борьбе за справедливость. Жесток в обращении с теми, против кого ведет борьбу и в выборе средств борьбы неразборчив, применяя к своим врагам в широком масштабе смертную казнь и тяжелые наказания. В психическом отношении не совсем нормален. По своим политическим убеждениям — ярый монархист. Как военный — обладает большим боевым опытом, но как организатор отнюдь не может быть признан за человека с широким государственным горизонтом. Дисциплину в войсках ставит выше всего, требует слепого повиновения, сторонник палочной дисциплины. Решения созревают в голове Унгерна быстро и вслед за тем, недолго думая, он начинает проводить их в жизнь, не взвешивая последствий и всех обстоятельств. В общем, создается впечатление, что Унгерн — авантюрист.

Поход в Монголию. Осенью 1920 года Семенов разработал план наступления на Верхнеудинск и далее на запад. Унгерну была дана задача со своим отрядом (Азиатская конная дивизия) перейти через Яблоновый хребет и наступать на Троицкосавск. По дороге Унгерн растерял часть своего отряда, насчитывающего до 800 человек казаков 4-го отдела Забайкальского казачьего войска, и вынужден был бросить пушки.

Выйдя из Акшинского района, Унгерн узнал, что Семенов из Читы “вылетел” (на аэроплане), почему решил на Троицкосавск не идти, а двинулся в Монголию, имея, по его словам, целью своей деятельности борьбу против революционного Китая за объединение всех монгольских народов в одно грандиозное Средне-азиатское кочевое государство от Амура до Каспийского моря, под главенством маньчжурского хана, но под суверенитетом “неревolutionционного Китая”.

В основу плана создания государства он положил идею о неизбежном столкновении Востока с Западом и неминуемой победе желтой расы и ее 3000-летней культуры, до сих пор сохранившей в неприкосновенности основы аристократизма вообще, над расой белой с ее культурой, характеризующейся всеобщей нивелировкой, упадком аристократии, являющейся следствием склонности белой расы к революциям. Ввиду этого, с точки зрения Унгерна, может идти речь лишь о “белой” опасности, а не “желтой”, так как история неизбежно ведет к распаду белой культуры и замене ее желтой.

Эта основная идея Унгерна, которую он, по его словам, никогда не пытался изложить в виде сочинения, считая себя к тому неспособным, вполне согласуется с

его монархическими убеждениями, опирающимися на Священное Писание, предсказывающее наступление времени возвращения монархий. Эта монархическая идея, главным образом, толкнула его на путь борьбы против Советской России.

В Монголии Унгерн воевал не против Китая, так как считает, что спасение мира в Китае, в революционность которого он не верит, а против китайских революционеров, противников его панмонгольской идеи. Чтобы привлечь внимание к своему плану широких масс желтой расы и кочевников Средней Азии, он писал Пекинскому правительству, Чжан Цзолиню, киргизским ханам на Алтай, дербетским князьям, тибетскому Далай-ламе и другим, но ответа ни от кого не получил. Вообще, свои планы и проекты мало продумывал и затрудняется изложить их в связной форме.

Для выполнения своего плана Унгерн первоначально решил объединить монгол, опираясь, главным образом, на восточные аймаки и выбросив лозунг борьбы за освобождение Внешней Монголии от китайского владычества. Отсюда и вытек ближайший план его: захват столицы Внешней Монголии — Урги.

В конце октября прошлого года Унгерн подходит в Урге и пытается взять ее, но, отбитый китайскими войсками, отходит в северо-восточном направлении. В феврале текущего года, разбив наголову деморализованные китайские войска, он берет Ургу, захватив в последней значительные денежные средства (около 1/4 миллиона китайских долларов), оружие (несколько десятков пушек, до 4000 винтовок и патроны), много продовольствия, обмундирования и снаряжения. Урга превращается в базу Унгерна, обеспечив ему свободу действий и открыв, таким образом, перед ним широкие перспективы.

Успех своих действий против китайцев Унгерн видит, во-первых, в присоединении к нему различных монгольских народностей в Восточной Монголии и в малой боеспособности китайских войск, а также в собственном военном счастье, которое сопутствовало ему до самого последнего момента.

В захваченной Урге Унгерн установил систему беспощадного террора, напоминаящую далекие времена великих азиатских завоевателей. Расстрелы населения и особенно евреев, которых он считает виновниками революции, Унгерн объясняет необходимостью избавиться от вредных для себя элементов. Все расстрелы производились с его ведома и по его приказанию полковником Сипайло, деятельность которого была ему известна и им одобрялась. Заподозренные в неблагонадежности уничтожались вместе с семьями, вплоть до малолетних детей, чтобы не оставлять, как выражается Унгерн, “хвостов”, причем виды казней и пыток были чрезвычайно разнообразны: сожжение на костре, повешение, расстрелы, сажание на лед, порка до обнажения покровов до костей и т.п. Таким образом, была произведена “чистка” Урги от политически вредных, по мнению Унгерна, элементов, причем вредность и [ее] степень устанавливалась безапелляционно полковником Сипайло.

Во внутреннюю жизнь Монголии Унгерн не вмешивался и это невмешательство при полной к тому возможности объясняет просто “неохотой” вмешиваться. Занятый войной и будучи человеком, мало сведущим в политике, он политического влияния в чисто монгольских делах, по его словам, не имел, и таковое сосредоточивалось в руках Хутухты, человека мелочного, не способного воспринять широкие

идеи, почему Унгерн во время своих посещений его и не говорил с ним о своем плане создания грандиозного кочевого государства.

Роль Хутухты в создании монгольского правительства и управлении страной Унгерн считает ничтожным и полагает, что политикой руководили за его спиной и от его имени министры. Впрочем, Унгерн утверждает, что Хутухта “здорово” держит в своих руках лам. Однако, не имея никакого политического влияния в Монголии, Унгерн очевидно, имел в глазах Хутухты известное значение, что выразилось в пожаловании ему Хутухтой княжеского титула. Не видя в Хутухте средств для упрочения своего влияния в Монголии, Унгерн и не взял его, уходя из Ургинского района на территорию Советской России, надеясь лишь на свое военное счастье, и только во время эвакуации Урги писал ему письмо с предложением переехать в [Ван-хурэ].

Освободив от китайцев Ургу, Унгерн предоставил право самим монголам создавать свое правительство, а сам отправился на Калганский фронт с целью закончить изгнание китайцев из Монголии. Здесь, под [Чойрын-сумэ], где он лично руководил операцией, им было нанесено окончательное поражение китайским войскам, причём было захвачено у последних до 8000 винтовок, снаряды и патроны.

Дойдя вплоть до китайской границы, Унгерн на автомобиле возвратился в Ургу, чтобы подготовиться к войне с Советской Россией и Дальневосточной республикой, считая, что с их стороны ему всегда угрожает опасность. Кроме того, переход к активным действиям Унгерн предпринял и потому, что в последнее время он со своими войсками стал в тягость населению, ввиду отсутствия в районе Урги продовольствия, да и монголы к тому времени изменились по отношению к нему (“монголы уже не те”). Помимо этого, уже в мае месяце Унгерн стал чувствовать, что дальнейшее его нахождение в Урге поведет к разложению войск, так как войско вообще разлагается при бездействии (“застаивается”). Движение на Советскую Россию, думал Унгерн, остановит начавшуюся деморализацию его войск и поднимет дух. К походу его побуждали и находившиеся в его отряде русские беженцы, которые не хотели воевать против китайцев, а стремились идти “на свою сторону”.

В силу указанных причин Унгерн, оставив 1000 человек монгол на Калганском фронте, с остальными войсками решил идти на Советскую Россию. Пользуясь своей силой и влиянием, он присоединил к себе отряды Казагранди, Шубина, Тубанова, Казанцева и Кайгородова, хотя связь с ними была слабая, редкая и основывалась она исключительно на превосходстве Унгерна над остальными в отношении военной силы. Анненкову и Бакичу писал, но ответа не получил и за дальностью расстояния подчинить их себе не мог.

Чтобы придать большое значение своему походу, Унгерн издал приказ № 15, который был написан номинальным начальником его штаба военным чиновником Ивановским и профессором Оссендовским, которому он приказал писать, совершенно не спрашивая — соответствует ли содержание этого приказа его убеждениям. Необычную форму этого приказа Унгерн объясняет необходимостью для него выявить свое “политическое лицо”, что требовалось от него белогвардейцами Западной Монголии, для решения вопроса об окончательном объединении вокруг него. Кроме того, целью издания этого приказа было внушение подчиненным ему войскам представления об организованности и объединенности его действий с другими противниками

Советской власти. С этой же целью Унгерн в этом приказе объявил о своем подчинении Семенову, используя имя последнего для укрепления его, Унгерна, авторитета, хотя на самом деле действовал совершенно самостоятельно в полном смысле этого слова и вне всякой зависимости от последнего. Приказ этот был написан не для его солдат, не для забайкальского населения, а для начальников его монгольских отрядов. Серьезного значения этому приказу он не придавал, но сожалеет, что в нем не был затронут самый главный вопрос относительно “движения желтой расы”.

План наступления против Советской России был рассчитан на несколько лет и мог совершиться только при широком сочувствии населения и при поддержке Японии, сведения о выступлении которой были для него настолько несомненными, что он считал фактом захват японцами Читы и распространение их в западном направлении, а во время своего похода на советскую территорию принимал наши аэропланы за японские. О стремлении Японии захватить Монголию ему ничего неизвестно, но известно стремление ее захватить Сибирь до Урала.

Ближайшей целью Унгерн имел поход на границу Советской России, а дальнейшее должно было развиваться в зависимости от обстоятельств. В случае успеха определенного государственного устройства Унгерном не предусматривалось, предполагалось лишь устроить внутреннюю жизнь “по рекам”, правительство не намечалось, так как, по словам Унгерна, правительство всегда найдется.

Наступление на север должно было вестись широким фронтом, главным образом, по рекам, причем Унгерн рассчитывал на переход красных войск на его сторону и на всеобщее восстание населения Сибири против Советской власти. У Унгерна создалось представление, что Советская Россия – пороховой погреб и, что “стоит только начать, и люди будут присоединяться”. Особенно он надеялся на поддержку жителей Джидинской и Селенгинской долин; сведения же о несочувствии к нему населения были слишком редки. Кроме того, он думал, что в Советской России “хаос, как при Керенском”. На Иркутскую группу Унгерн возлагал большие надежды, так как Казагранди заверил его, что переход красных войск на его сторону – “пустяк”, а население все пойдет за ним. В Урянхее по Енисею должен был действовать Казанцев, мобилизовав в Урянхее сойот, в Кобдо-Бийском районе должен был действовать Кайгородов, на которого Унгерн возлагал большие надежды ввиду того, что слышал о больших восстаниях на Алтае. Всю эту неправильную информацию он получал от Кайгородова, беженцев, пленных и перебежчиков.

Наступление должно было начаться одновременно. Во всех своих намерениях, планах и действиях против Советской России и Д.В.Р. Унгерн был совершенно и вполне самостоятелен и никаких указаний и содействия ни от кого не получал.

С выходом из Даурии связь с Семеновым была порвана, и с тех пор Унгерн считал себя самостоятельным. Он имел возможность поддержать связь по радио, для чего имелся шифр, но восстановить эту связь не пытался, объясняя это тем, что “сейчас же посыпятся советы, указания, приказы, а что нужно — денег не дадут”. Таким образом, активной и материальной помощи Семенов ему не давал и ограничивался советами, тем не менее, по взятии Урги, Унгерн написал Семенову, но ответа не получил.

К его планам Семенов относился отрицательно и был человеком безыдейным. Раза два–три Семенов присылал своих курьеров и уполномоченных: один раз с

просьбой не “вмешиваться в дела Восточной Монголии и не трогать скот беженцев” (родственников Семенова), другие разы просил передать пакеты Кайгородову и кому-то еще, но Унгерн отослал обратно, предложив с каждым пакетом присылать по 30 тысяч рублей денег. Этим вся связь с Семеновым и ограничивалась. Кроме того, Унгерн изменил свое отношение к семеновскому делу, говоря: “То, что Семенов начал делать — было искренне и начал он хорошо, но потом примазалась всякая шантрапа, стали окружать его всякие [труссы]³⁰¹, которые заморочили ему голову, там порядочного человека нельзя найти”, так что в последнее время Унгерн, по его словам, очень далеко стоял от Семенова. Он совершенно не думал о совместном наступлении с Семеновым, так как предполагал о соглашении Советской России с Китаем не допускать Семенова в Забайкалье. Ни с Хайларом, ни с Маньчжурией прочной связи не имел и о деятельности в его пользу генерала Мациевского ему ничего неизвестно. Точно также Унгерн отрицает всякую и в какой бы то ни было форме связь с какими бы то ни было белогвардейскими организациями на территории Советской России, не имел и агентуры, а о восстаниях в Советской России узнавал от беженцев или случайных лиц. Не находился ни в какой связи ни с одним из иностранных государств; нахождение в его войсках японцев (до 70-ти человек) объясняется добровольным их к нему присоединением. Пытался завязать сношения с Чжан Цзолинем, которому написал письмо, оставленное без ответа, и которого считал ярым противником японцев и Семенова. Чжан Цзолин считает Семенова главным виновником захвата японцами Китая и Маньчжурии.

Что касается связи и сношений с политическими партиями Советской России, Унгерн заявляет, что он плохо в них разбирается, и связь с ними считает совершенно бесполезной и излишней.

Троицкосавская операция. При наступлении на Советскую Россию, согласно планам, Унгерн и Резухин должны были действовать одновременно, причем общей задачей был поставлен захват плацдарма в треугольнике, образуемом реками Чикой и Селенгой и смежной с Советской Россией территорией. Частная задача Резухина — наступая в Желтуру, отвлечь на себя и разгромить часть 35 дивизии, задача Унгерна — удар на Усть-Кяхту и уничтожение переправ на реках Чикой и Селенга. Общая численность войск Унгерна и Резухина перед началом операции достигала 3300 сабель при 6-ти орудиях.

Но расчеты на согласованные удары обеих колонн не оправдались и колонна Унгерна, наступавшая в общем направлении на Усть-Кяхту, с одной стороны, вследствие неправильной ориентировки и с другой — вследствие сильного утомления конского состава, отстала и, наткнувшись в районе пос. Киранский на части Средненской кавбригады Д.В.Р. и на части 103 бригады 35 дивизии, вынуждена была вступить с ними в бой, в результате которого потерпела неудачу, причем в это время Унгерн по причине плохой связи (только конные посыльные) с колонной Резухина не знал, что последний также разбит и уже отходит от Желтуры на Селенгу.

В период наступления Унгерн начал отходить на Ургу, но, дойдя до долины реки Иро и считая, что красные пойдут на Ургу, повернул на запад и направился к реке Селенге на присоединение к Резухину. Разведывательных данных о движении наших войск на Ургу Унгерн вначале не имел, но считал, что мы обязательно туда

пойдем — “раз человека раздражить, понятно, он пойдет” — так объяснял Унгерн уверенность в движении красных войск на Ургу. Оставление Урги без боя Унгерн объяснил тем, что к этому времени Урга для него потеряла уже политическое значение, и он не мог себя там твердо чувствовать. “Если бы был большой успех в Советской России, то власть сама собой укрепилась бы, а так я чувствовал, что они (то есть монголы) тянут на другую сторону”, то есть на сторону Советской России.

После соединения с Резухиным и в период пребывания на левом берегу Селенги в расчеты Унгерна не входило вступать с нами в бой, так как здесь местность, по его словам, неблагоприятная для действия конницы, а главное ему нужно было искать хороших пастбищ для коней, что и заставило его постепенно отходить вверх по левому берегу Селенги. Обороняться Унгерн не хотел, так как это не в его духе.

Движение с реки Селенги в Джидинскую долину для удара нашим тылам Унгерн предпринял, с одной стороны, вследствие необходимости пополниться добровольцами, что он рассчитывал сделать в Джидинской и Селенгинской долинах, где, как он говорит, “самые верные казаки”, а с другой, вследствие поступивших к нему подтверждений о продолжающемся наступлении японцев на Верхнеудинск. Кроме того, он, по-видимому, опасался нашего наступления и флангового удара от Селенги. Маршрут, по которому он от реки Селенги прошел Джидинскую долину, Унгерн не помнит и сказал, что “в Монголии везде можно пройти, в каждой пади есть тропы, нужно только вырубать, чтобы проходили повозки, нужна энергия”.

После боев под Гусиным озером, когда определилось, что красные войска на сторону Унгерна не переходят, а население относится к нему равнодушно, он понял, что расчеты его не оправдались, и решил начать отход в Монголию.

Из показаний Унгерна видно, что переправляться на правый берег р. Селенги он не хотел, так как движение в Маньчжурию в его расчеты не входило, вследствие враждебного к нему отношения китайцев. Между прочим, это была одна из причин крупного разногласия Унгерна с его офицерами, которые в большинстве стремились уйти в Маньчжурию, где были оставлены их семьи, и это обстоятельство послужило в дальнейшем одной из причин офицерского заговора против Унгерна.

Начало отхода из района Гусиное озеро Унгерн не признает, как результат окружения его нашими войсками, так как считает, что он с конницей имел преимущество перед нашей пехотой и всегда мог уйти из-под ударов в любом направлении — “коннице не страшны миллионы пехоты”.

Бои 5 августа у Н[ово]дмитриевки в расчеты Унгерна не входили, хотя у него и была полная уверенность разбить части 105 бригады, но вследствие того, что его разведывательные части втянулись в перестрелку с нашими частями, он считал неудобным уходить и дал бой, окончившийся для него неудачно, вследствие ввода нами в бой броневиков.

Маршрут для отхода по Джидинской долине в Монголию Унгерн избрал лично, мобилизация в этом районе не удалась, казаки не шли, и свои ряды Унгерн пополнял отчасти пленными красноармейцами, часть которых отпускал обратно, а часть (которые могли хорошо ездить верхом) оставлял у себя, но при переходе границы пленные красноармейцы бежали от него. Предпочел отходить по Джидинской долине, а не на Желтуру, предполагая, что в Желтуре его могут отрезать и,

рассчитывая, что, таким образом, он избежит дальнейшего столкновения с нашими войсками и преследования, так как не ожидал, что мы сумеем догнать его по Джиде. Одно время была мысль двинуться на север на Тунку, но от этой идеи Унгерн быстро отказался, так как не было хороших проводников по горным тропам. Отступая на запад, Унгерн вначале не предполагал двигаться на Улясутай, о занятии Улясутая красномонголами не знал, но на вопрос — пошел бы он туда, зная, что город занят красномонголами, ответил, что пошел бы, рассчитывая справиться с ними.

Обстоятельства пленения. Унгерн был пленен утром 22 августа, когда находился на переправах через Селенгу в районе западного устья р. Эцзин-гол. 21 ночью по его палатке было сделано несколько выстрелов, которые он принял за стрельбу разезда красных, но это его предположение оказалось неправильным — красных поблизости не было. Вторая бригада, которой командовал Унгерн, без его приказа снялась с бивака и ушла в восточном направлении. Унгерн, узнав об этом, догнал бригаду и, желая выяснить причину ее отхода, получил ответ, что бригада выступила, так как получила с каким-то ординарцем приказ о движении; между тем Унгерн никакого приказа не отдавал. В это время, проезжая мимо пулеметной команды, Унгерн подвергся обстрелу и тогда понял, что против него заговор и вернулся к своей монгольской сотне и двинулся с ней в западном направлении. Но, пройдя несколько верст, монголы внезапно набросились на него, связали и повернули на восток. Вскоре встретили разезд красных в 20 человек, который с криками “ура” лавой бросился на монгольскую сотню, монголы побросали оружие и вместе с Унгерном были взяты в плен. Разезд был из отряда Щетинкина.

Причинами офицерского заговора Унгерн считает, с одной стороны, нежелание командного состава идти на запад и, с другой — интриги, которые вел против Унгерна Хоботов, которого Унгерн, хотя и признает храбрым, но считает недалеким и выскочкой — “урядник и останется урядником”.

В момент пленения у Унгерна было желание лишиться себя жизни, но он не нашел яд, который постоянно был с ним, попытка повеситься на поводе не удалась.

Из опросов Унгерна выяснилось, что он в оружии не нуждался, винтовки были в достаточном количестве, так как им в Урге у китайцев было захвачено до 4000 трехлинейных винтовок и бердан, орудий было сначала 6, часть их захвачена у китайцев в боях, а затем артиллерия его усилилась еще на два орудия, захваченных в боях в районе Гусиное озеро, ощущался недостаток в легких снарядах. Что касается довольствия, то выяснилось, что временами, когда не было хлеба, он выдавал войскам по 4 фунта мяса ежедневно, причем, по его словам, такое питание не отражалось вредно на здоровье, довольствовался местными средствами, денежный фонд 200000 серебром, захваченный им в Маймаченском банке у китайцев. Жалованье платил нерегулярно, когда были деньги, то выдавал солдатам в месяц 7 р. 50 к., офицерам от 20 руб. до 30 руб. серебром.

Дисциплину в войсках поддерживал самыми строгими мерами, сторонник палочной дисциплины и как идеал дисциплины считает дисциплину времен Фридриха Великого и Николая I.

На вопрос: какой идеей Унгерн объединил все национальности, которые были в его отряде при движении на Советскую Россию, Унгерн ответил, что, за исключе-

нием русских, у остальных — монгол — совсем иная психология, что они любят войну вообще, у них весьма почетное звание воина, “вообще это за последние 30 лет выдумки, чтобы воевать за какую-нибудь идею; быть послушным — вот и все, и никаких разговоров не может быть”.

Унгерн считает неизбежным рано или поздно наш поход на Северный Китай в союзе с революционным Югом, говоря, что ему теперь все равно, что его дело кончено. Он рекомендует идти через Гоби зимой, так как в это время снег заменяет воду, а летом нельзя пройти из-за отсутствия воды, при этом советует передвижения совершать небольшими частями с достаточными дистанциями для того, чтобы лошади могли добывать себе корм, и лошади должны быть подкованы.

Как общий вывод из допроса Унгерна, создается впечатление о полной оторванности действующих в Монголии белогвардейских отрядов и организаций от реальной жизни. Не будет преувеличением сказать, что они давно пережили себя, превратились в ничтожные бандитские шайки, различные только по численности, одинаково внутренне разложившиеся, держащиеся сплоченно лишь только в силу обстановки, чтобы не быть добычей окрестного населения, которое они объединяют. Единственное зло, на которое они способны — это грабежи приграничной полосы, питание бандитских шаек, действующих на нашей территории и грабеж наших торговых экспедиций Внешторга, направляемых в Монголию.

Среди монгольских банд Унгерн был наиболее заметной фигурой, как по прошлой деятельности, так и по числу находящихся у него людских и материальных ресурсов, и мог поэтому служить ядром для объединения вокруг него (при случайном успехе) прочих белых объединений.

ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[Ход суда над Р.Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г.]

15 сентября назначается в слушание дело барона Унгерна, по обвинению его в контрреволюционном выступлении против Советской власти и зверствах. Дело будет слушаться в здании театра “Сосновка” в 12 ч. дня.

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 196 (556), 13 сентября 1921. С.4.

Дело барона Унгерна, по обвинению его в контрреволюционных выступлениях против Советской власти и зверствах, будет слушаться 15 сентября в здании театра “Сосновка” с 12 ч. дня.

Заключение по делу бывшего начальника Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта Романа Федоровича барона Унгерна фон Штернберга

Следствием установлено, что Унгерн являлся проводником части панмонгольского плана, выдвигаемого Японией, как одно из средств борьбы с Советской Россией (заявление японского министра иностранных дел Учида в японском парламенте об идее образования нового государства из самоуправляющихся под протекторатом Японии, Маньчжурии, Монголии, Тибета и “некоторых русских дальневосточных областей”).

С этой целью Унгерн вступил в сношения со всеми выдающимися монархическими кругами и правителями Китая, Монголии, Кир[гизского] края, составлял и рассылал письма и воззвания к отдельным главарям белогвардейских отрядов: Кайгородову, Анненкову, Бакичу, хунхузским шайкам, состоящим на службе Японии, а также видному деятелю киргизского национального движения – бывшему члену Государственной думы Букейханову, эсэру Анучину и т.д.

Наряду с этим, Унгерн, при содействии Семенова, китайских и монгольских монархистов, организует армию, с помощью которой пытается овладеть Монголией, опираясь на которую, он мог бы развернуть в широком масштабе борьбу с Советской властью и революционным Южным Китаем.

Заняв Ургу, Унгерн, опираясь на Монголию, как на базу формирования и снабжения, в мае 1921 года повел наступление на Советскую Россию и на Дальневосточную республику: наступление Унгерна должно было явиться частью общего плана наступления на Советскую Россию с Востока, а именно, поддерживаемого Японией Семенова, Чжан Цзолиня и Унгерна.

При наступлении войсками Унгерна в отношении населения Советской России (в качестве системы покорения), применялись методы поголовного вырезания (вплоть до детей, которые, по заявлению Унгерна, вырезались на тот случай, чтобы не оставалось “хвостов”). В отношении большевиков и “красных” Унгерном применялись все виды пыток: размалывание в мельницах, битье палками по монгольскому способу (мясо отставало от костей и в таком виде человек продолжает жить), сажание на лед, на раскаленную крышу и т.д.

Ввиду всего вышеизложенного, постановлением Сибревкома от 12-го сентября с.г. бывший начальник Конно-Азиатской дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн фон Штернберг передается суду Революционного трибунала Сибири по обвинению:

1) В проведении захватнических планов Японии, выразившихся в попытках создания Среднего азиатского государства, свержении власти Дальневосточного правительства в Забайкалье.

2) В организации свержения Советской власти в России и, в частности, в Сибири, с восстановлением в ней монархии, причем на престол предполагалось посадить Михаила Романова.

3) В зверских массовых убийствах и пытках а) крестьян и рабочих, б) коммунистов, в) советских работников, г) евреев, которые вырезались поголовно, д) вырезании детей, е) революционных китайцев и т.д.

Представитель ВЧК по Сибири: Павлуновский.

Верно: Секретарь Представитель ВЧК: (подпись).

Постановление

1921 года, сентября 12 дня Сибирский революционный комитет, рассмотрев расследование, произведенное представительством В.Ч.К. по Сибири о контрреволюционной деятельности и зверствах гражданина Унгерна-Штернберга и находя в этом расследовании достаточные основания для предания его революционному суду, постановил:

Согласно обвинительного заключения представительства В.Ч.К. по Сибири, гражданина Унгерна-Штернберга предать суду Чрезвычайного революционного трибунала в составе: председателя предсидотдела Верхтриба В.Ц.И.К. тов. Опарина и членов: Габишева, Кудрявцева Ивана, Кравченко и Гуляева.

Зам. Предсидревкома Чуцкаев.

Управляющий делами Сибревкома Данцис.

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 197 (557), 14 сентября 1921. С.1.

Суд назначен на 12 часов дня 15 сентября в саду “Сосновка”. Еще задолго до открытия суда в саду толпится народ. Большое помещение театра, где должен происходить суд, переполнено. Преобладают мужчины. Больше всего рабочие и красноармейцы. В зале большое оживление. Слышатся расспросы: “Каков он из себя, когда будут судить?” Тут же спуют фотографы с аппаратами.

Начало суда

Входит ревтрибунал. Все встают. Председатель суда Опарин открывает заседание. Вводят подсудимого. Унгерн в желтом монгольском халате с генеральскими погонами, высокого роста, с рыженькой бородкой и большими казацкими усами. Выглядит немного утомленным, но держится довольно спокойно. На вопросы отвечает достаточно искренне. Говорит тихо и кратко.

Допрос Унгерна

Председатель суда задает вопросы.

— К какой партии принадлежите?

— Ни к какой.

— До революции какую должность занимали?

— Войскового старшины.

— От Семенова какой чин получили?

— Генерал-лейтенант.

Зачитывается заключение следствия по его делу (см. “Советская Сибирь”, 197).

Председатель суда. Гражданин Унгерн, признаете Вы себя виновным по всем пунктам обвинения?

Обвиняемый. Да, за исключением одного: обвинение в связи своей с Японией.

Далее слово предоставляется общественному обвинителю.

Обвинитель. Обвиняемый, прошу более подробно рассказать о своем происхождении и связи между баронами Унгерн-Штернберг германскими и прибалтийскими.

[Унгерн.] Не знаю.

[Обвинитель.] У Вас были большие имения в Прибалтийском крае и в Эстландии?

[Унгерн.] Да, в Эстландии были, но сейчас, верно, нет.

Обвинитель. Сколько лет Вы насчитываете своему роду баронов?

[Унгерн.] 1000 лет.

Обвинитель. Один из Ваших родственников судился вместе с Мясоедовым за измену?

[Унгерн.] Да, дальний родственник.

Обвинитель. Чем отличился Ваш род на русской службе?

[Унгерн.] 72 убитых на войне!

Обвинитель. Когда служили у Врангеля?

[Унгерн.] В первом Нерчинском полку.

[Обвинитель.] Знаете ли Вы, что в одном документе сказано о том, что Вы страдаете таким пороком, как пьянство? Судились Вы за пьянство?

[Унгерн.] Нет.

Обвинитель. А за что судились?

Унгерн. Избил адъютанта коменданта.

Обвинитель. За что?

Унгерн. Не представил квартиры.

Обвинитель. Вы часто избивали людей?

Унгерн. Мало, но бывало.

Обвинитель. Почему же Вы избili адъютанта, неужели только за квартиру!

Унгерн. Не знаю, ночью было.

Из дальнейших расспросов выясняется, что Унгерн был в [19]17 году послан во Владивосток, а потом снова ездил с Кавказским полком на фронт, и к моменту октября [19]17 г. очутился снова в Забайкалье, где Семенов в то время организовал бурятские отряды.

(Продолжение завтра).

* * *

В 5 час. 20 мин. вечера 15 сентября Чрезвычайным революционным трибуналом объявлен приговор по делу барона Унгерна-Штернберга, коим последний приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и никакому обжалованию не подлежит.

(Подробности процесса будут опубликованы завтра).

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 199 (559), 16 сентября 1921. С. 1.

Допрос Унгерна (продолжение)

Во время образования Советской власти Унгерн был в Чите. Начиная уже с декабря месяца занимался формированием отрядов для борьбы с Советской властью за монархию.

Обвинитель. Есть ли какая-нибудь общность или разница в действиях Ваших и Семенова?

Унгерн. Да — я формировал отряды для борьбы за монархию, а Семенов — за Учредительное собрание. Я был уверен, что Учредительное собрание перейдет в монархию.

На вопрос обвинителя: “Что же Вы хотели установить в этой борьбе, какой порядок и какой строй?”, Унгерн отвечает, что он стремился к военной диктатуре.

Обвинитель. Что же Вы понимаете под военной диктатурой?

Унгерн. Единоличное командование, а единоличное командование приведет к монархии.

Далее обвиняемый говорит, что он служил Семенову, а Семенов Колчаку. На Семенова смотрел как на “хозяина”, считал его начальником — “хозяином”. При Колчаке воевал с партизанами.

Обвинитель. Из кого состояли партизанские отряды?

Унгерн. Из забайкальских казаков и крестьян.

Обвинитель. Знали ли Вы, что Семенов порол рабочих и крестьян и железнодорожных служащих?

Унгерн. Слышал.

Обвинитель. Когда Колчак был свергнут, где Вы были?

Унгерн. В Даурии.

Далее из вопросов обвинителя выяснилось, что Унгерн около Акши воевал с партизанскими войсками Лебедева. Затем он ушел в Монголию. По дороге сжигались деревни, убивались крестьяне, рабочие.

Обвинитель. Вы приказывали сжигать деревни?

Унгерн. Да, это по моему приказанию делали войска.

Обвинитель. Когда Вы ушли на Мензу, Вы уничтожали деревни и села, Вам известно было, что трупы людей перемалывались в колесах, бросались в колодцы и вообще чинились всякие зверства?

Унгерн. Это неправда.

Обвинитель просит огласить показания члена Народного собрания ДВР Цыпулова.

Зачитываются показания Цыпулова. Из показаний выясняется, что 6-го сентября близ реки Онон около монгольской границы прошел отряд Унгерна под начальством некоего бурята, которым сожжены дотла много деревень и которым чинились насилия над мирными жителями, убивались не только мужчины, но женщины и дети. Отряд Унгерна был встречен отрядами восставших крестьян и отброшен назад в Монголию. Далее выясняется, что Унгерн сжигал, по его словам, только “красные большевистские деревни”. Унгерн уверяет, что деревни, которые он сжигал, обыкновенно бывали без жителей — пустые.

Обвинитель. Куда же девались жители?

Унгерн. Разбегались.

Обвинитель. Не считаете ли Вы, что одно Ваше имя наводило на них страх, и при приближении Вашем они разбегались?

Унгерн. Вероятно.

Из дальнейших расспросов видно, что Унгерн в борьбе за Ургу пользовался монголами. По его словам, он боролся с революционными китайскими войсками, которые были в то время в Урге.

Обвинитель. Когда занята была Урга, происходили убийства и грабежи?

Унгерн. Да, сначала бились войска с войсками, а затем уже жители монголы с китайцами.

Обвинитель. Отдавали ли Вы приказ прекратить самочинные обыски за всех — кроме евреев? Что Вы хотели этим сказать? Хотели ли Вы уничтожить всех евреев?

Унгерн. Да, я объявил всех евреев вне закона.

Обвинитель. Кто приказал расстрелять служащих Центросоюза?

Унгерн. Я.

Обвинитель. Почему?

Унгерн. Они служили Советской власти.

Зачитываются показания о расстрелах в Монголии и на русской стороне, где рисуется его зверское отношение к китайцам. Там он признается, что целиком сжег Ургу. Далее Унгерн заявляет, что убить священника Парнякова он приказал потому, что тот был председателем какого-то комитета. На вопрос обвинителя: "Какого комитета?" Унгерн не может точно ответить.

Обвинитель. Известно ли Вам, что Сипайло грабил, насиловал мирных жителей и бил их колотушками, истязая их таким образом?

Унгерн. Мне было известно.

Обвинитель. Было ли Вам известно, что он присваивает имущество и деньги попадавших ему в руки жертв?

Унгерн. Нет.

Обвинитель. Должно быть, тогда он грабил для Вашей казны, которой нужны были средства для того, чтобы содержать войска?

Унгерн. Да, возможно.

Обвинитель. Какие Вы применяли наказания?

Унгерн. Расстрел и повешение.

Обвинитель. А палки?

Унгерн. К населению не применял, а к солдатам — да.

Обвинитель. Сколько Вы палок давали в наказание и как Вы били этими палками: по ногам или по телу?

Унгерн. Били палками по телу, давали до ста ударов палками.

Обвинитель. Сажали Вы на лед людей?

Унгерн. Да, когда стояли в палатках.

Обвинитель. Вы это применяли к населению?

Унгерн. Нет, к солдатам — арестованным.

Обвинитель. А женщин Вы истязали таким образом?

Унгерн. Нет.

Обвинитель предлагает зачесть прежние показания Унгерна, но Унгерн вдруг вспоминает, что одна женщина была действительно посажена.

Обвинитель. На раскаленную крышу сажали?

Унгерн. Да.

Обвинитель. Такие меры Вы применяли как наказание, или как пытку?

Унгерн. Как наказание.

Далее обвинитель задает ему несколько вопросов, из которых видно, что Унгерн является сторонником палочной системы во всех без исключения армиях. Обвинитель просит Унгерна рассказать, в чем заключается план Срединного государства. Выясняется, что Унгерн для организации Срединного государства входил в связь с Чжан Цзолинем. Как убежденный монархист, он считал бы необходимым ввести объединение всех монархистов, если бы ему было приказано свыше государем императором.

Обвинитель. В чем заключается план Срединного государства?

Унгерн. Срединное государство — это Китай.

Обвинитель. Но Вы же хотели объединить Китай до Каспийского моря. Кого же Вы хотели объединять?

Из ответов Унгерна выяснилось, что в его план входило создать Срединную империю из объединения всех монгольских кочевых племен, имеющих особые интересы, против оседлого населения. Объединение это должно было возглавляться Хутухтой. За это Унгерн был награжден Хутухтой саном “ван” и пожалован был “курмой”, трехглазым павлиньим пером и желтыми поводьями, как знаками отличия.

Обвинитель. Знаете ли Вы, что Япония также старается объединить всю Монголию и стремится к такой же Срединной империи для борьбы с Россией?

Унгерн. Нет.

Далее зачитывается показание о Селенгинской операции, из которой видно, что Унгерн стремился соединиться с японскими войсками и действовать совместно с ними против Советской России.

Обвинитель. Считаете ли Вы себя защитником монгольской расы?

Унгерн. Нет.

Оглашаются показания, из которых видно, что, по мнению Унгерна, желтая раса жизненней, чем белая, и восточная культура стоит устойчивей и выше, чем западная. В Монголии он воевал только с революционными китайцами, успех видит в полном соединении всех монгольских племен “Чихаре”, для чего писал Далай-ламе. Освободив Ургу, он ушел в Унхон выгонять китайцев из Монголии, разбив китайцев под [Чойрын-сумэ], он двинулся снова в Ургу. К монгольскому правительству относился довольно презрительно. Ко времени возвращения его в Ургу в его войсках насчитывалось 4–5 тысяч человек. Расстрелы и убийства производились им самим, чтобы не было, по его выражению “хвостов”. Он имел дело с видными белогвардейцами — Кайгородовым, Казагранди, Казанцевым, [Бакичем], Анненковым. С ними он пытался установить связь для объединения всех действий против Советской России. Далее Унгерн говорит, что Семенов писал ему несколько раз, а он ему ответил всего один раз, так как считает планы Семенова “мыльным пузырем”.

Обвинитель. У Вас были японские солдаты?

Унгерн. Да, были, сначала человек 60.

Из дальнейшего видно, что Унгерн завязывал связь также с хунхузами, приглашая их для совместных действий, по его словам, для борьбы с революционным Китаем. Он также оглашал легенду о том, что барон “Иван”, который должен освободить Монголию, это он самый — барон Унгерн.

Обвинитель. Вы писали, что три тысячи лет тому назад образован коммунистический интернационал в Вавилоне, Вы верите в это?

Унгерн. Да, вся история это показывает.

Из дальнейших вопросов выяснилось, что Унгерн ушел из Урги для того, чтобы двинуться на Светскую Россию, а также потому, что в Урге нечем было кормиться его войску. Средства все были исчерпаны, монголы к нему охладели, и он принужден был двинуться к границам Советской России, где попал в плен.

Обвинитель просит сделать перерыв. Суд объявляет перерыв на 15 минут.

В дальнейшем продолжается диалог между обвинителем и Унгерном, где последний, говоря об организации сил против Советской власти, признает, что буряты

к нему не присоединились, но не присоединились и селенгинские казаки, на которых он рассчитывал, зная, что в прежнем они относились к Советской власти отрицательно. Рабочих в его армии не было ни одного, а крестьян было очень мало. Надежды на приход в Читу японских войск не оправдались, потому его поход не удался.

Характерны его ответы по вопросам о религии и нравственности. Он признает себя верующим человеком, христианином (лютеранин), и на вопрос, как у него вяжется понятие о религии, как основе нравственности, с такими жестокостями, как убийство неповинных ни в чем бурят, китайцев и даже детей, обвиняемый отвечает, что “это грех”. На вопрос же, как он мог писать, что он послан самим Богом для спасения Монголии, Унгерн говорит, что “писал это для красного слова”.

Далее обвиняемый, отвечая на вопросы обвинителя, сообщает, что в начале похода на Советскую Россию в его распоряжении было тысячи две войск. Целью похода было восстановление монархии, причем царем он имел в виду посадить Михаила Романова, хотя и не знает, где он, жив ли. Революцию барон абсолютно не приемлет и считает причиной революции евреев и падение нравов, которым евреи воспользовались. Он отрицает, что когда-либо говорил или писал, что “рабочие и крестьяне зажирили и с них надо жир спустить”. Детализируя свое представление о монархии, обвиняемый говорит, что к власти должен быть допущен только один класс аристократии. Царь опирается в своей власти на аристократию и крестьян, но ни крестьяне, ни рабочие в управлении принимать участие не могут: “рабочие должны работать”. Земля должна быть передана вновь от крестьян к помещикам. Ни крестьяне, ни рабочие не могут иметь права организации, читать газеты и проч.

На вопрос, как обвиняемый попал в плен, он отвечает, что выдали монголы, которые изменили ему и связали его дорогой, когда он уходил от своих войск. Среди его офицеров создался заговор против него, и в него стреляли офицеры в палатку из маузера. Дальше он признает, что когда уходил, то стреляли в него и из пулемета солдаты пулеметной команды, но они — “красные”, из бывших пленных. Рассказав историю своего пленения монголами и сдачи его последними разъездам Щетинкина, обвиняемый объясняет печальный конец своей деятельности “судьбой”.

Обвинитель задает вопрос: “Не рассматриваете ли Вы исход Вашего похода, как исход всей авантюры последнего времени всех других сторонников той же идеи, и не считаете ли, что это была уже последняя попытка?”

Унгерн. Да, последняя. Полагаю, что я уже последний.

На этом заканчивается опрос Унгерна обвинителем. На вопрос суда, издавал ли он приказ о необходимости уничтожить всех красных и даже подозреваемых в сочувствии красным, Унгерн отвечает утвердительно.

Защита в лице тов. Боголюбова задает обвиняемому ряд вопросов о том, не болел ли он нервным расстройством, а также, не было ли среди его родственников такого рода больных. Унгерн отвечает отрицательно. Защитник заявляет, что, несмотря на то, что обвиняемый отрицает свою болезненность, все материалы по процессу, все материалы предварительного следствия убеждают, что мы имеем дело не только со своим политическим противником, но и душевнобольным. Так как процесс имеет историческое значение, то он должен быть проведен с исчерпывающей полнотой и быть исторически объективным. Потому защита просит суд о назначении судебно-медицинской экспертизы для суждения о степени нормальности обвиняемого.

Суд, после совещания, отклоняет ходатайство защиты. Сам обвиняемый не находит нужным дополнить чем-либо судебное следствие. Объявляется перерыв на 15 минут.

(Продолжение следует).

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 200 (560), 17 сентября 1921. С.4.

Речь обвинителя т. Ярославского

Товарищи судьи и вы, все здесь присутствующие, товарищи!

Суд над бывшим бароном Унгерном является не только судом над личностью барона Унгерна, он является судом над целой огромной полосой, которую мы пережили, он является судом над целым классом общества, который привык властвовать, который от этой власти не может отказаться и хочет ее удержать, хотя бы для этого надо было истребить половину человечества. Этот класс до тех пор не откажется от власти, пока во всем мире не будут у него вырваны последние остатки этой власти. И барон Унгерн, который сидит здесь, на скамье подсудимых, является только, может быть, наиболее откровенным, наиболее искренним выразителем тех стремлений, которые питали и питают до сих пор тысячи баронов, бежавших из России в разные капиталистические страны. Дворянство — класс, который когда-то в течение нескольких веков нераздельно властвовал, дворянство, вытесненное в последнее время в значительной степени новым классом — классом буржуазии финансовой и промышленной, это дворянство все еще достаточно сильно для того, чтобы подвергнуть иногда целые народы опасностям войн, для того, чтобы целые народы держать в постоянном страхе этих войн, для того, чтобы бросать миллионные массы, когда это нужно интересам этого дворянства, в бой и губить их на полях многочисленных сражений. Мы знаем и ни для кого не секрет, что многие войны, которые велись за последнее время, как, например, Русско-японская война, которая покрыла горами трупов сопки Маньчжурии, велась также и в интересах промотавшегося дворянства, прокутившего свои родовые имения и пытавшегося вернуть свои поместья новыми авантюрами и получением новых концессий.

Дворянства, к которому принадлежит барон Унгерн, давно уже нет. Это дворянство смешало свою кровь с кровью денежного мешка, с кровью тех самых финансистов-банкиров, которых, быть может, искренно ненавидит барон Унгерн, но которые на самом деле являются сейчас главными вдохновителями бесчисленных баронов Унгернов, Врангелей и других баронов, терзающих тело не только русского народа, но терзающих тело народов всего мира. Мы знаем, что и война 1914 года, которая сейчас еще держит в тисках весь мир, которая принесла неисчислимые страдания народам всего мира, эта война была точно также затеяна, в значительной степени, дворянскими кругами и теми финансовыми кругами, которым нужно было расширить свое империалистическое господство. Дворянство приняло в этой войне самое активное участие, ибо оно, несомненно, точно также за последнее время получало лакомые куски от той добычи, которую завоевывали империалисты разных стран.

Барон Унгерн, как сообщают о нем его друзья и английские газеты, принадлежит к одному из самых аристократических родов прибалтийских баронов. Когда-то его пред-

ки участвовали в Крестовых походах и шли отвоевывать Гроб Господень. Мы знаем, что эти походы сопровождались ужасными грабежами; эти рыцари не только истребляли и огнем и мечом магометанские народы и села, но они грабили христианские храмы и храмы Византии и подбирали все на своем пути. Мы знаем, такие походы совершали бароны в течение 800 лет. 800 лет властвования баронов Унгернов в Прибалтийском крае еще и сейчас осталось в сознании прибалтийских крестьян, благодаря той палочной дисциплине, которую эти бароны приняли по отношению к крестьянам. 300 лет считает барон Унгерн службы в России, он насчитывает много павших на полях сражения, но он нам не сказал, сколько он насчитывает властителей, которые властвовали в течение этого долгого времени над русским народом. Мы знаем, что не было более эксплуататорской породы, как именно прибалтийские бароны, которые, в буквальном смысле, как паразиты, насели на тело России и в течение нескольких веков эту Россию сосали. Мы знаем, как бароны Ренненкампы прошли по кровавым полям Сибири, как бароны Сиверсы истребляли русский народ в 1905 году.

Барон Унгерн получил аристократическое воспитание. Он говорит, что он беднее последнего мужика, но это не помешало ему получить образование и в Павловском училище, и ему сходили с рук такие вещи, которые другим не сходили. Барон Унгерн попадает в 1908 году в Забайкалье, он потом в течение долгого времени связан с Забайкальем, с Монголией, с Тибетом и вообще с Востоком — он отрывается от Запада. Как он проводит время? Нелицеприятный свидетель, барон Врангель дает о нем такой отзыв: при всей его храбрости, при всем том, что он обладает знанием людей, умением господствовать над людьми, знает психологию подчиненных — и это отмечается в самом приказе — барон Унгерн имеет пороки: постоянное пьянство, и в состоянии опьянения он совершает поступки, роняющие честь офицерского мундира. Барон Унгерн приговаривается в 3-м годам крепости за то, что он побил комендантского адъютанта за то, что тот ночью ему так быстро не представил квартиры, причем барон Унгерн не производит следствия, почему ему не предоставили квартиры; как можно ему, барону Унгерну, не предоставить квартиры? Он бьет его по лицу, потому что он привык бить людей по лицу, потому что он — барон Унгерн, и это положение позволяло ему бить по лицу подчиненных, тех самых крестьян, которые не имеют права принимать участие в государственных делах, которых обязанность только работать на баронов Унгернов и им подобных. Барон Унгерн не помнит, сколько раз он бил людей по лицу, но он бил много раз, так как это была его дворянская привилегия до 1917 года. В 1917 году дворянские привилегии кончаются, все родовые имения баронов Унгернов и других баронов переходят к крестьянам, к ним же переходят 82 проц. всех конфискованных земель. Советская власть исполняет свое обещание, и на завтрашний день имения баронов, которые являлись самой основой их власти и эксплуатации, переходят к крестьянским массам, и с этого момента всякие усилия баронов Врангелей, баронов Унгернов, Семеновых, Колчаков, Деникиных, как бы они ни назывались, разбиваются об этот основной факт, что в России, которая была все время дворянской страной, где 30 тысяч дворян одно время держали в своих руках сотни миллионов крестьян — в этой России дворянство, как класс, уничтожено Октябрьской революцией 1917 года, и с этого времени Советская Россия в бароне Унгерне приобретает своего врага.

Нет меры казни, которую бы барон Унгерн не считал дозволительной по отношению к коммунистам, советским работникам и к красным вообще. Барон Унгерн даже не доискивается, не расследует, действительно ли это красные: достаточно было сказать, что это красные, чтобы расстрелять, повесить и сжечь деревню дотла, вырезать детей так, чтобы хвостов не осталось. Барон Унгерн, очевидно, мечтал о том времени, когда ему удастся устроить генеральную резню евреев. Он пишет генералу Молчанову такие подробности:

“Вы помните, когда мы под дождем беседовали об этом важном вопросе, — и вот теперь, узнав о том, что Вы начинаете действовать, я обрадовался тому, что Вы сами можете выполнить свои планы и истребить евреев так, чтобы не осталось ни мужчин, ни женщин, ни даже семени от этого народа”. Но разве он вырезает только одних евреев? Он вырезает целые русские селения и уходит, не оглядываясь, назад из Даурии, он уходит “кормиться” на монгольские хлеба, он уходит — и там колодцы наполняются трупами, там мельничные колеса перемалывают живых людей, там сгорают дети, женщины, расстреливаются старики и 80-летние старухи его палачами. Он этим не интересуется. Он берет к себе в помощники Сипайло, который теперь арестован и тоже предстанет перед судом народа. Этот человек, который колотушками бьет людей по голове и бросает их в колеса парового винта, это тот Сипайло, который является олицетворением кровавых пыток, и он берет его себе в подручные и не интересуется тем, что делает Сипайло. Он переписывается с Хутухтой, с Богдо-ханом, с деникинским правительством, с отпрысками императорской династии Цин, он переписывается с Букейхановым, с Чжан Цзолинем и т.д., но тем, что гибнут целые десятки тысяч людей, он не интересуется. А сколько погибло невинных детей, сколько их вымерло во имя того, чтобы снова бароны могли поставить свою пяту на крестьян и рабочих, — он этим не интересуется, для этого есть у него сподручные, которые занимаются этой грязной работой. Он дает приказ, в котором говорится о том, чтобы вырезать всех детей, чтобы хвостов не осталось, ибо даже детей он боится. Он знает, что эти дети-хвосты, которые останутся, потом, когда удастся на момент, может быть, сломить Советскую власть, восстанут против барона Унгерна, и он хочет, чтобы даже семени не осталось, чтобы эти дети не могли вспомнить ужасов барона Унгерна впоследствии.

Барон Унгерн убивает священника Парнякова, за что? Он даже не интересуется: он “был председателем чего-то”, председателем какого-то комитета; может быть, комитета помощи голодающим или комитета помощи брошенным детям? Унгерн этим не интересуется — Парняков был “красным” или “сочувствовал красным”. Здесь на суде он дает показания, которого он еще нигде не давал: он теперь вспоминает, что Парняков, кажется, служил китайским шпионом. Христианин, верующий в Бога, отправляет другого христианина — священника Парнякова на тот свет, так как он красный. Служащие Центросоюза тоже расстреливаются потому, что Советское правительство давало им много денег, и ему выгодно эти деньги забрать в казну на содержание бандитов, вырезающих население, и для того, чтобы избавиться от таких людей, которым Советская власть доверяет. Вырезаются служащие городской управы, и по этому поводу барон Унгерн говорит: они не сразу всех вырезают, причем вырезались они “за красноту”. Вы не найдете никаких документов,

а к нам попали все материалы, которые были в Урге о бароне Унгерне, которые бы обвиняли этих людей в преступлениях. Там расстреливались купцы, и барон Унгерн представляет дело так, как будто он убивал кулаков. Нет, дело заключалось в гораздо более простом расчете: у купцов отбиралось имущество, которое шло на содержание этих банд. Нужны были колоссальные средства, их не было, и барон Унгерн сказал, что он должен был уйти из Урги, чтобы кормиться в другом месте. Деньги были истрачены, громадные караваны пушнины были отправлены и он говорит, что ни одной копейки он не получил.

Но пусть барон Унгерн убежден, что евреи — виновники революции и поэтому он их вырезает. Ну, а все служащие Центросоюза и Городской управы и те все жертвы, которым числа нет — они за что истреблены? Унгерн ни перед каким богом и совестью не может ответить, за что были зарезаны эти тысячи людей. Кому они мешали? В чем была их вина? Ни на один из этих вопросов Унгерн никогда никому не мог бы ответить. Барон Унгерн — религиозный человек, я в этом нисколько не сомневаюсь, и это подчеркивает то, что религия никогда не спасала никого от самых величайших преступлений, и я — здесь, как общественный обвинитель, как коммунист, как человек, который много отдал сил для борьбы именно с дурманом религии — считаю своим долгом на суде подчеркнуть, что барон Унгерн, как и многие из баронов, не только формально, а и на самом деле религиозные люди. Они считают, что не только нужно устанавливать целый ряд обрядов, они верят в какого-то Бога, верят в то, что этот Бог посылает им баранов и бурят, которых нужно вырезать, что Бог указывает ему звезду, Бог велит вырезать евреев и детей, Бог велит вырезать служащих Центросоюза, — все это делается во имя Бога и во имя религии. Бог приплетается ко всем преступлениям, религия приплетается для оправдания какого угодно чудовищного дела. Вы просмотрите эти бесчисленные письма, которые посылает Унгерн Его Святейшеству Богдо-хану и другим людям другой веры: он их уверяет в том, что Бог один, что большевики — это люди, которые пришли для того, чтобы уничтожить всякую религию и всякие нравственные устои. А вот он, барон Унгерн, является защитником религии, как представитель аристократии, барон Унгерн является защитником веры, правды и добра. В чем заключается это добро барона Унгерна и дворянская правда, которую защищал барон Унгерн? В том, чтобы через горы трупов, через перемолотых в жерновах людей, через вырезание населения, через сожжение деревень и городов, пойти и снова установить в Монголии кочевое царство Чингисхана, восстановить маньчжурскую династию Цин, чтобы оттуда, с Востока, начать оздоровление сгнившей под тлетворным влиянием западной науки и культуры Европы и поставить снова кого-нибудь из царей. Он воскрешает Михаила Романова и с его знаменем он идет для того, чтобы поставить на престол Михаила Романова.

А что будет дальше после восстановления Михаила Романова? Должна быть военная диктатура, должно быть возвращение помещикам их земель, должна быть восстановлена власть помещиков, власть дворянства. Крестьяне не должны иметь никакой власти в государстве, ибо они должны только работать, рабочие никакого участия в управлении государством принимать не могут, никаких организаций рабочих не должно быть, солдаты должны только повиноваться, ни о чем не думать,

ни читать газет и не знать, что делается в стране. За каждое нарушение дисциплины и веры дает до ста палок, и он говорит, что солдаты все выносят и хорошо относятся к этому наказанию. Вот какую правду восстанавливает барон Унгерн, вот та высшая справедливость, тот свет, который должен был воссиять с Востока и носителем которого должен был явиться барон Унгерн, который отыскал даже какое-то предсказание монгольское, что сам Бог предвещал пришествие этого спасителя рода человеческого. И вот он, барон Иван, или барон Роман, ниспослан нам для того, чтобы восстановить эту попорченную богопротивными большевиками их бароновскую правду. Для этого, конечно, мало тех средств, которые они имеют, и национальная ненависть — антисемитизм, который, как говорил еще Карл Маркс, всегда был религией дураков и глупцов, антисемитизм, которым пользовались контрреволюционеры и негодяи всех времен выдвигается как одно из орудий, которым легче всего можно в наши дни затуманить умы народов. Но это только ширма, не в этом дело: дело заключается в установлении совершенно определенного правопорядка и совершенно определенного экономического строя.

Отсюда должно было идти восстановление монархии, и барон берется монархию восстановить. Правда, он сам как будто бы придает себе очень маленькое значение. То, что мы здесь слышали, характеризует барона вовсе не как корыстного человека. И если я обвиняю со всей искренностью и горячностью барона Унгерна, как носителя именно этих взглядов, я не хочу сказать, что барон действовал во имя личных корыстных расчетов, хотел себе добыть имение, нагрabить денег.

Барон Унгерн каким-то чудом пронес через целые сотни лет остатки баронов далекого времени, которые воюют, нанимаются то к одному, то к другому хозяину. Сейчас он у атамана Семенова, носит его погоны, ему подчиняется, а когда от него Семенов отказывается, пишет китайскому генералу Чжан Цзолиню: я без хозяина, Семенов меня бросил. Он ищет другого хозяина и служит монгольскому правительству. Это, как говорят сами дворяне — “честная шпага”, которая “честно” служит монгольскому правительству, защищает его. Он дурного мнения о Хутухте, но пишет низкопоклонные письма, проникнутые восточным раболепием. Богдо-хан его ласкает, как сюзерены ласкали своих вассалов-баронов, он дарит ему трехочковое павлинье перо, зеленый паланкин, желтые поводья и, конечно, вправе расстреливать и вешать через барона. Но когда золото прожито, все съедено и приходится двинуться, барон Унгерн говорит, что нехорошо, когда войска сидят на месте, потому что они должны всегда двигаться, воевать.

Это другая сторона правды, которую нам приносит восстановление бароновского феодального порядка. Какое это государство, которое не ведет войны?! И барон идет кормиться в другое место. Но на Востоке генерал Чжан Цзолинь, и он говорит: “Я не могу двинуться на восток потому, что там столкнусь с китайскими революционерами”, Чжан Цзолинь — его третий хозяин, он его слушается и идет на северо-запад, на Советскую Россию, благо тут хозяина нет, тут — подчиненные Казагранди, которого он вынужден расстрелять, потому что он плохо воюет и, кроме того, совершает поступки, которые мешают присоединиться населению к барону. У него есть Кайгородов, Казанцев, Анненков, Бакич и др., которые не дают строить советское хозяйство, мирную жизнь, создавать благосостояние населения. С ним он поддер-

живает связь. Если мы вынуждены в течение длинного времени держать людей в казармах, расходовать средства, не можем восстановить хозяйство, то виною этому бароны Унгерны, потому что они хотят восстановить свою бароновскую правду.

Что у барона есть за душой? Ничего. Какая у него политическая система? Никакой. Ничего, кроме того, что нужно восстановить палку и поставить Михаила Романова. Надо спустить жир с рабочего, вырезать евреев и детей, чтобы не было хвостов. Вот вся его тактика. На что он рассчитывает? На сочувствие бурят, казаков, крестьян? Никаких у него данных нет, никто не присоединяется, он не имел времени шевелить своими бароновскими мозгами над причинами этого. Для него это слишком серьезный материал, чтобы он мог задумываться над этим. Он идет “на счастье”, веря в свою правду. Пришел на Селенгу и там развоевался, немало вырезал селений, покрошил людей. Но никто к нему не присоединился. У него фантастические представления о силах, потому что он верит в данные обещания.

Теперь он заявляет, что никаких связей не было с Чжан Цзолинем, Семеновым, Японией. Откуда у него сведения о том, что японцы двигаются, Чжан Цзолин помогает? Правда, данные не совсем точные: Япония взяла не Читу, а помогала совершить переворот во Владивостоке. Но мы прекрасно знаем, что белогвардейцы часто выбалтывают свои планы. Японцы обещали занять Читу, Верхнеудинск, но обстановка изменилась. Японцы вынуждены вести переговоры в Даурии с ДВР. Этих обстоятельств не могут учесть белогвардейцы, как они не могли их учесть, когда хотели взять Петроград и Москву. Трагедия барона Унгерна заключается в том, что он также не сумел сочетать свои маленькие силенки с той огромной силой, на которую он шел, против которой он поднимался и которая, несомненно, сумеет раздавить не только последнего барона Унгерна, но и всякого барона, который захочет восстать против рабочих и крестьян.

Здесь перед [нами] сегодня стоит задача сказать в своем приговоре, как мы оцениваем такие преступления баронов Унгернов. Трудно сомневаться в том, каков будет приговор революционного Трибунала. Ревтрибунал мог бы ответить барону Унгерну, как верующему, словами Евангелия: “Какой мерой вы меряете, такой и вам отмерят”, по словам его приказов от 21 мая [19]21-го года о применении к врагам только смертной казни. Но приговор, который будет сегодня вынесен, должен прозвучать, как смертный приговор над всеми дворянами, которые пытаются поднять свою руку против власти рабочих и крестьян. И пусть здесь этот приговор будет вынесен.

Что можно сказать в защиту барона Унгерна? Лично он — просто несчастный человек, вбивший себе в голову, что он спаситель и восстановитель монархии, что на него возложена историческая миссия. Может быть и так. Мы знаем, что история ставила над нами таких же людей, с такими же самыми свойствами, какие есть у барона Унгерна, которые царствовали над нами. Мы знаем, что в среде Романовых было немало людей, которые как раз обладали недостатками, о которых говорил защитник, что это неуравновешенные люди, душевнобольные, но мы знаем другое. Мы знаем, что все дворянство, с исторической точки зрения, является в настоящее время совершенной ненормальностью, что это отживший класс, что это большой нарыв на теле народа, который должен быть срезан. Ваш приговор должен этот нарыв срезать, где бы он ни появился и чтобы все бароны, где бы они ни были, знали, что их постигнет участь барона Унгерна.

От редакции. Речь защитника Боголюбова и приговор будут опубликованы в очередном номере.

“Советская Сибирь”. № 201 (561), 18 сентября 1921. С.3.

Узкое длинное помещение “Сосновки” залито до краев темным, сдержанно-взволнованным морем людей. Скамьи забиты битком, густо стоят в проходах, в ложах и за ложами. Ломятся под напором желающих широкие двери. Все не могут войти и, потому, за стенами здания — шум, окрики и недовольный ропот толпы. Внутри — душно и тесно. Слабо горят немногочисленные электрические лампочки, бросая полосы бледного света на потемневшую глубину летнего театра. Тысячи горящих человеческих глаз с пристальным вниманием обращены на сцену. Они смотрят и видят сегодня здесь не обычный фарс, не легкую феерию, даже не скорбно-унылую пьесу Островского. Они видят здесь кусочек захватывающей исторической драмы, с необыкновенной силой отражающей ту великую ломку, которую сейчас переживает мир.

Сегодня суд над бывшим бароном Унгерном. За столом, покрытым красным сукном, сидит Чрезвычайный революционный трибунал. Ни расшитых галунами мундиров, ни холеных ногтей, ни сияющих тщательно промытых лысин. Все просто и сурово: обветренные лица, мозолистые руки, крепкие, мускулистые груди; кожаная куртка, бараний тулуп, высокие сапоги. Такова высшая власть, призванная быть верховным судьей. Это — власть настоящего, и она должна произнести приговор над властью прошлого, последний эпигон который занимает место на помосте впереди трибунала.

Унгерн высок и тонок; волосы у него белокурые и густо обрамляют его небольшое, малоподвижное лицо; длинные усы свесились книзу, на голове — небольшой хохолок; одет он в желтый монгольский халат, сильно потертый и встрепанный, и в монгольские ичиги, перевязанные ремнем; поверх халата на плечах генеральские погоны с буквами “А.С.” (атаман Семенов) и Георгиевский крест на левой стороне груди. Держится Унгерн ровно и спокойно, только руки все время засовывает в длинные рукава халата, точно ему холодно и неудобно; на вопросы отвечает прямо и определенно, хотя не всегда умеет формулировать, как следует, свои мысли; смотрит больше вниз, перед собой, не подымая глаз даже тогда, когда говорит с обвинителем. На всей фигуре белогвардейского атамана, на его позе, жестах, словах, выражении лица лежит какой-то отпечаток вялости и пассивности. И, глядя на него, невольно задаешь себе вопрос: как мог он командовать партизанской армией? Как мог он быть знаменем и вождем многих сотен и тысяч людей?

Впрочем, наружность часто бывает обманчива, а наружность Унгерна сейчас в особенности. Он знает, что судьба его решена, и это не может на нем не отражаться. Еще большее значение имеет то, что он находится в странной, непривычной для него атмосфере. Унгерн — человек военный и ни в малой мере не политический, а сейчас он в чисто политической обстановке. Это громадное собрание, этот революционный трибунал, эти речи и вопросы обвинителя и защитника — как все это непохоже на вздошенные ряды, на свист пуль в бою, на шумную оргию после успешного набега! И это смущает Унгерна больше, чем стоящая перед ним смерть.

Он невольно теряется и не знает, как себя вести. Но Унгерн не всегда таков, о, конечно, не всегда. Даже сейчас, моментами, когда он подымает лицо, из глаз его нет-нет, да и сверкнет такой взгляд, что как-то жутко становится. И тогда получается впечатление, что перед вами — костер, слегка покрытый пеплом. Но вырвите Унгерна из этой переполненной людьми залы, посадите на коня, поставьте во главе отряда — и он сразу, точно по мановению волшебного жезла, преобразится. Он весь загорится жизнью и покажет себя. Еще как покажет!

Впрочем, об этом сейчас поздно говорить. Хищная птица попала в тенета и теперь, как драгоценная музейная редкость, может служить лишь объектом для политического воспитания широких масс рабочих и крестьян.

Бывает и в наши дни, что по какой-то случайной игре природы рождаются люди, тело которых густо покрыто волосами. Эти люди напоминают вам о далеком прошлом человека, когда, подобно зверю, он жил в лесах и расщелинах гор. Бывает, что рождаются люди, у которых не тело, а душа покрыта волосами. Такой человек с волосатой душой — Унгерн. Он весь в прошлом и, слушая его слова и рассказы о нем, невольно удивляешься, как могло это странное существо появиться на свет в 1887 г. на одном из островов Эстляндского побережья.

Унгерн происходит из старинного аристократического рода. Он с гордостью заявляет, что его род насчитывает не меньше 1000 лет, и что предки его участвовали в Крестовых походах. Потом Унгерны переселились в Эстляндию и стали править вновь завоеванной страной. С переходом Эстляндии к России они поступили на службу к новому господину, и 72 представителя их рода сложили свои головы во имя Романовых. Во имя кого сложит свою голову 73-й? О чем Унгерн говорит? Во что он верит? Это типичная философия темного средневековья. Прежде всего, Унгерн — чистый абсолютист. Страной должен управлять монарх. Он опирается на аристократию и дворянство, и власть его может быть ограничена лишь державной волей крупного землевладения.

— А крестьянство? — задает вопрос обвинитель.

— Крестьянство должно возделывать землю, — отчеканивает обвиняемый.

— А рабочие?

— Рабочие должны работать.

— Должны ли крестьяне и рабочие участвовать в управлении государством?

— Нет, не должны.

— Могут ли они иметь свои организации?

— Нет, не могут.

— Что надо сделать с землей, которую русские крестьяне взяли у помещиков?

— Ее нужно вернуть прежним хозяевам.

Как видим, программа цельная и строго выдержанная. Нет никаких недоговоренностей. И за это Унгерна можно только благодарить. Он открыто высказывает то, о чем другие думают. Он говорит:

— Семенов провозгласил Учредительное собрание, но это все равно: Учредительное собрание должно привести к монархии. И потому я работал с Семеновым.

Нельзя не признать, что Унгерн прав. Политический опыт последних четырех лет с несомненностью подтверждает его заключение.

Но Унгерн не только чистый абсолютист. Как типичный барон XIII ст., он полубандит, полусолдат.

— Войско всегда должно воевать – отвечает Унгерн на вопрос обвинителя.

— Во имя чего?

Такой вопрос Унгерну кажется совершенно непонятным. Это только в последние 30 лет выдумали, будто бы воевать надо за какую-то идею. Раньше идей не знали, а воевали очень хорошо.... Долой современные выдумки! Войско должно служить своему “хозяину”, а “хозяин” — тот, кто ему платит. Солдат должен быть послушен и делать все без рассуждений и вопросов. Для поддержания дисциплины нужны крутые меры. Просвещение для армии вредно, чтение газет солдатами излишне. Солдатам не нужно даже знать, что делается в стране. Приказано стрелять — стреляй. Приказано сжигать — сжигай. Вот и все. Что сверх того, то от лукавого.

В полном соответствии с этой философией Унгерн носит на плечах погоны атамана Семенова, а потом, брошенный Семеновым, горестно пишет Чжан Цзолиню: “К сожалению, я теперь без хозяина”, и упрашивает маньчжурского маршала взять его к себе на службу. В полном соответствии с той же философией он вводит казни и пытки в собственном отряде: бьет солдат палками, сажает на лед, на раскаленную крышу и т.д. И при этом имеет мужество утверждать, что солдаты воспринимают все эти меры воздействия, как должное.

Методы ведения войны, применявшиеся Унгерном, невольно переносят нас в эпоху Крестовых походов. Он сжигает дотла большевистские деревни, вырезает поголовно целые селения, избивает коммунистов с женами и детьми, дабы, как он выражается, “хвостов не оставалось”, размалывает в мельничных колесах пленных противников и т.д. и т.д. Когда Унгерн занял Ургу, трупы китайцев и русских неделями валялись по улицам и всюду висели на столбах и городских зданиях. Нет счета жертв, нет имени зверства, в которых дошел этот аристократический бандит, род которого насчитывает целое тысячелетие.

Унгерн не был бы, конечно, духовным сыном XIII столетия, если бы в нем не горел ярким пламенем огонь антисемитизма. Евреи — вот олицетворение Сатаны, евреи — вот источник и начало всякого зла на земле. 3000 лет назад они вышли на историческую сцену и с тех пор неустанно вели свою страшную разрушительную работу среди человечества. Еще во времена древнего Вавилона они положили основание красному интернационализму (имеется в виду библейская легенда о смешении языков при постройке Вавилонской башни), в последующие века они систематически отравляли сознание христианских народов ересью и лжеучениями, они создавали волнения, вызывали революции, низвергали царей и государства. Унгерн объят каким-то мистическим ужасом перед разрушительным всемогуществом еврейской нации, при каждом удобном случае стремится одним сокрушительным ударом стереть главу иудейского змия. Так, придя в Ургу, он объявляет евреев вне закона и устраивает их поголовное избиение вплоть до старух и грудных детей. Это не мешает ему, конечно, заявлять себя верующим человеком и верным сыном Христианской церкви. Впрочем, когда и где религия была в состоянии предупредить хотя бы одно преступление?..

Само собой разумеется, что при такой духовной конституции Унгерн оказывается беспомощнее ребенка в понимании происходящих сейчас событий. Он совершенно растерян, оглушен, подавлен, он не может найти никаких концов. Когда Унгерна спрашивают, чем, по его мнению, объясняется революция, он отвечает:

— Виноваты евреи.

И затем прибавляет:

— За последние 15 лет народ сильно испортился. Крестьяне и рабочие зажирили. С жиру и собака бесится.

Выше этого понимание Унгерна не идет. И так как бурная волна современности все-таки неотступно требует себе какого-то объяснения, а революционная идеология вызывает потребность в контр-идеологии, то слабый рассудок Унгерна стихийно ударяется в своеобразный исторический мистицизм.

Он противопоставляет Восток Западу. Запад сгнил, белая раса разложилась, она отравлена ядом беспокойства, неудовлетворенности, вечной погони за чем-то новым. Здесь господствуют финансисты и рабочие, а оба эти класса людей, пожалуй, одинаково ненавистны Унгерну. Иное дело Восток. Его культура старше, его народы здоровее, они более пригодны для государственного строительства и производительной работы. В них больше устойчивости и неподвижности.

И Унгерн объявляет себя патриотом Востока, сторонником желтой расы. Он мечтает о создании большого кочевого царства от Амура до Каспийского моря, о воскрешении в век пара и электричества былой славы Чингисхана. Мистика и здесь приходит на помощь Унгерну. Он верит в свою судьбу. В каких-то монгольских преданиях он находит авторитетное указание на то, что барону Ивану предназначено воссоздать великую центрально-азиатскую державу. Монгольские монахи уверяют его, что этот барон Иван именно и есть он, Унгерн. Правда, Унгерна зовут не Иван, а Роман, но это почти одно и то же. И вот потомок крестоносцев, восставших против неверных за “Веру Христову”, берется за организацию неверных против “Веры Христовой”. Он пишет письма к маньчжурскому принцу, к киргизскому Букей-хану, к Далай-ламе тибетскому, он принимает титул “вана” (высший княжеский титул в Монголии), получает в подарок от маньчжурского принца зеленый паланкин и павлинье перо, а от Хутухты — желтые поводья и расписной халат (тот самый, что сейчас болтается на его тонкой фигуре). Он готовится расправить крылья в пустынных степях Центральной Азии, воскресить кусочек средневекового мира, сыном которого он себя чувствует и существование которого в Европе больше невозможно.

Но в этот момент судьба изменяет Унгерну. Рука пролетарской революции хватается за шиворот и ставит на судебный помост перед этим, в сапоги и овчину одетым, трибуналом. Игра кончена. Карта бита. И это не случайность, а железная необходимость. Прошлое не возвращается, и в век Ленина смешно говорить о Чингисхане.

— Я — последний! — заявляет Унгерн, отвечая на вопрос обвинителя, остались ли еще в Монголии крупные белогвардейские вожди. Да, последний, и при том не только в Монголии. Унгерн — последний эпигон средневековья, последний цельный, законченный тип барона-бандита XIII столетия.

Н. Майский

Речь защитника Боголюбова

После великолепной и совершенно объективной речи обвинителя и заслушивания судебного материала, многим присутствующим в этом зале, может быть, покажется излишним защищать барона Унгерна. Быть может, многие спросят, какая может быть защита подсудимого, на протяжении долгого времени оставлявшего за собой кровавый след страдающего на своем революционном пути русского народа, обвиняющегося в избиениях, пытках женщин и детей. Но исполнение тяжелых обязанностей защиты является вынужденным: по закону, там, где есть государственный обвинитель, там должен быть и защитник. Того требует принцип равноправия сторон.

Сам подсудимый, столь прямолинейно разрешавший вопросы бытия и смерти, конечно, не нуждается в защите. Человек, во время долгой своей военной карьеры подвергавший себя возможности постоянно быть убитым, фаталист, который на свое пленение смотрит как на судьбу, конечно, лично не нуждается в защите. Но в защите нуждается, в сущности, говоря, та историческая правда вокруг имени барона Унгерна, особенно в таком большом процессе, который вкрапливается в великую книгу о великой борьбе русского народа за лучшее будущее, которая создалась. Какова же историческая правда и соответствует ли она во всех своих частях тому заключению, тому материалу, который мы имеем по делу? Когда мы зачитываем пп. 1 и 2 обвинительного акта, получается впечатление, что мы в лице подсудимого, бывшего начальника Конно-Азиатской дивизии барона Унгерна как будто бы видим идейного серьезного противоборца России, проводника захватнических планов Японии, выразившихся в попытках создания Срединной империи, свержении власти дальневосточного правительства в Забайкалье, в организации свержения Советской власти в России и, в частности, в Сибири, в восстановлении монархии Михаила Романова. Но при самом внимательном изучении следственного материала, мы должны снизить бар. Унгерна до роли простого, мрачного искателя военных приключений, одинокого, забытого совершенно всеми даже за чертой капиталистического окружения. Я не буду вспоминать материала заключительного обвинения.

Каким же на самом деле проводником захватнических планов Японии и организатором свержения Советской власти представляется барон Унгерн? Я возьму некоторые выдержки. “Белогвардейские газеты меня больше ненавидят, чем красных”, — говорит Унгерн. В этом определении Унгерн преувеличивает. Если бы мы имели возможность проследить зарубежную русскую прессу, то мы увидели бы, что там им не интересуются, не придают и не придавали значения, не считали соратником в борьбе с Советской Россией. Вот почему барон Унгерн пишет: “Я, к сожалению, в настоящее время без хозяина, Семенов меня бросил”. И, оставаясь без хозяина, оторванный от культуры и философии современного человечества, окруженной недоношенными бредовыми идеями допотопного абсолютизма и средневекового феодализма, он делает попытки писать письма и воззвания к различным лицам, но в большинстве случаев не получает никакого ответа. В это время, как устанавливается допросом 1–2 [сентября] в Иркутске, связи с Семеновым и советским тылом он не имел, о международном положении был осведомлен плохо, с Чжан Цзолинем не был знаком, о продвижении японцев знал понаслышке, в Кон-

ной дивизии имел до 3 тыс. человек в лучшие дни. При таких обстоятельствах барон Унгерн повел наступление на Советскую Россию. Все это — сумбур, большое воображение мрачного искателя военных приключений.

Какими планами, чем руководился бар. Унгерн в своих выступлениях? Их нет, и как иркутский протокол отмечает, здесь “война без плана, без разведки”. Никаких источников средств, инженерных частей, полевых радио не было, не было разведывательной службы.

Каков состав его дивизии? Она собрана из отбросов шестнадцати национальностей, с 50 лицами во главе, подле Троицкосавска с низкопробным офицерским составом, который он позволял себе бить лично. Такая часть была ничтожна, и следует бредом больного признать попытку двинуться на окрепшую Советскую Россию, особенно после того, как не выдержали могучие армии Деникина, Колчака, Врангеля и т.д. Объясняется его продвижение на Советскую Россию очень просто. “Когда, — говорит он, — войска стоят долго, — заметны признаки разложения. Движение для войска полезно, и если есть работа — деморализации быть не может”. Другим фактором начатого наступления было то, что русским беженцам приходилось воевать с китайцами, им это не нравилось, им хотелось идти в свою сторону, в Советскую Россию. Двигался он потому, что необходимо было куда-нибудь двигаться, и русские войска были ненадежны. А из допроса Унгерна от 27 августа видно, что переход к активным действиям против Советской власти в ДВР был следствием тяжести его дивизии для Монголии. Несмотря на его заявление о своих принципах, о своих монархических убеждениях, ненависти к коммунизму, к евреям, тем не менее, основным мотивом для движения было то, что деваться было некуда, что ради достижения дисциплины в своих частях, ради военщины, которая нравилась барону Унгерну, нужно было двигаться.

И судебное следствие и обвинительная речь отметили совершенно правильно, что барон Унгерн, как политический деятель, абсолютно ничего не представляет собою. Он ничтожество. У него не было определенных государственных целей, не было стремлений к захвату власти. Сам Унгерн в отношении государственного устройства иронизирует: “Нужно только завоевать все Забайкалье: правительства найдется сколько угодно”. Этот больной фанатизм, подогретый религиозно-мистическим представлением о своем добре и зле, своеобразная теория о плюсах и минусах, о которых он говорит на предварительном следствии, под плюсами разумея свои действия, а под минусами коммунизм, евреев — все это вместе создавало в нем религиозно-мистическое, маниакальное представление о действительности, и в этой сфере он спокойно совершает целый ряд ужасных убийств при посредстве своих соратников, не предотвращая их. Можно ли представить, будь то барон Унгерн или кто-нибудь другой, чтобы нормальный человек мог проявить такую бездну ужасов? Конечно, нет. Если мы, далекие от науки и медицины люди, присмотримся во время процесса, то мы увидим, что помимо того, что сидит на скамье представитель так называемой аристократии, плохой ее представитель, перед нами ненормальный, извращенный психологически человек, которого общество в свое время не сумело изъять из обращения. И несомненно, что подсудимый Унгерн есть больной продукт больного общества. Его психика и его деяния есть тяжелые последствия

проклятого рабского многовековья. Со всеми своими деяниями он пред вами предстал в ожидании мудрого и справедливого приговора.

Каков же должен быть ваш приговор? Конечно, здесь не может быть вопроса: в этом отношении обвинительная речь прямо и твердо указала, какой должен быть приговор. Но я бы сказал: для такого человека, как Унгерн, расстрел, мгновенная смерть, является самым легким концом его страданий. Это будет похоже на то [со]страдание, которое мы отказываем больному животному, добывая его. В этом отношении барон Унгерн примет с радостью это милосердие. Если бы мы не находились в кольце капиталистического окружения, не вели бы борьбы, было бы правильнее не лишать жизни барона Унгерна, а заставить его в изолированном каземате вспоминать об ужасах, которые он творил. Поэтому простору выбора Революционного трибунала я предоставляю подсудимого.

Председатель Трибунала т. Опарин. Подсудимый Унгерн, Вам предоставляется последнее слово. Что Вы можете сказать в свое оправдание?

Унгерн. Ничего больше не могу сказать.

Трибунал удаляется для вынесения приговора. После перерыва объявляется приговор.

Приговор

1921 года, сентября 15 дня, именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Чрезвычайный Революционный трибунал в составе: председателя — председателя Сибирского отдела Верховного трибунала ВЦИК т. Опарина, членов тт. Габишева, Гуляева, Кравченко и Кудрявцева Ивана, при секретаре т. Смирнове, рассмотрев в открытом судебном заседании дело о бывшем генерал-лейтенанте бароне Романе Федоровиче Унгерн фон Штернберге, обвиняемом в вооруженной контрреволюции и зверствах, признал, что всеми данными дела, судебным следствием и сознанием Унгерна по настоящему процессу устанавливается:

Во-первых, попытка Унгерна вооруженными силами, составленными из поданных Монголии и царских служаков, проклинаемых населением России, свергнуть существующий советский строй на пользу захватнических планов Японии, причем основой для проведения этих планов Японии в будущем послужило бы созданное Унгерном Срединное азиатское государство. В этой попытке Унгерн не брезговал никакими средствами для достижения своей цели, прося помощи различными званиями и вступлением в сношения со всеми монархическими организациями и правителями Китая, Монголии, Кир[гизского] края, не забывая и главарей отдельных белогвардейских организаций, известных всему миру, прежде всего, своими зверствами над ни в чем неповинным населением России (воззвания к Анненкову, Кайгородову, Бакичу, Семенову и др.), обещая за помощь в выступлении против Советской России все, что ни пожелали бы эти изверги.

Во-вторых, устанавливается, что путь к этой попытке идет по рекам пролитой крови не только советских работников и их семей, невинных женщин и детей — не убиваемых, а истерзываемых и предаваемых самым бесчеловечным, известным нам только по глубокой истории, пыткам. Сжигались громадные села с женщинами и

детьми (село Укыр и др.), расстреливалось по сотням крестьянство (станция Мензинская). Применялись пытки такого рода (сажание на лед, раскаленную крышу, битье кнутами такое, чтобы летели куски мяса и т.д.), о которых при упоминании и, особенно, при зверском хладнокровии Унгерна, вполне сознавшегося в их применении, невольно вспоминается феодализм со всеми его грязными бесчеловечными правами феодалов.

На основании изложенного, Чрезвычайный Революционный трибунал в полном сознании своего революционного долга и руководствуясь социалистическим правосознанием, постановил: признать обвинение бывшего генерал-лейтенанта из дворян Эстляндской губернии барона Романа Федоровича Унгерн фон Штернберга, 35 лет, принадлежащего к партии монархистов, выразившееся, во-первых, в том, что он в период времени с начала 1921 года в пределах Монголии, состоя в должности начальника Азиатской конной дивизии, принимал активное участие в проведении в жизнь панмонгольского плана — создании Срединного азиатского государства, вступив для этого в сношения со всеми важнейшими монархическими кругами соседних государств и Кир[гизского] края, и рассылал письма и воззвания к разным главарям белогвардейских отрядов, хунхузским шайкам, а также отдельным политическим деятелям — Букейханову, Анучину и др.; во-вторых, в том, что тогда же и там же, собрав при содействии атамана Семенова, китайских, монгольских и японских монархистов армию из русских, бурят, монгол, китайцев и японцев с целью свержения Советской власти в России и, в частности, в Сибири и восстановления в ней монархии, с возведением на престол Михаила Романова, он занял Монголию и, сделав ее базой формирования и снабжения, повел наступление на Советскую Россию и Дальневосточную республику. Это наступление должно было явиться частью общего плана наступления на Советскую Россию с Востока; и, в-третьих, в том, что при означенном наступлении им истреблялись целые селения, избивалось все их население, производилась зверская расправа со всеми подозреваемыми в близости к большевизму, даже с женщинами и детьми, поголовное уничтожение евреев и даже пытки — доказанным, и приговорил бывшего генерал-лейтенанта барона Романа Федоровича Унгерн-фон-Штернберга, из дворян Эстляндской губернии, 35 лет, по партийности монархиста, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Приговор окончательный и ни в каком порядке обжалованию не подлежит. Приговор вынесен в 3 ч. 15 м. по московскому времени.

Председатель — Предсибревтрибунала ВЦИК Опарин. Члены: Габишев, Кравченко, Гуляев, Кудрявцев И.

“Советская Сибирь” (Новониколаевск). № 202 (562), 20 сентября 1921. С.2–4.

[О РАССТРЕЛЕ Р.Ф. УНГЕРНА]

По прямому проводу. Член Политкома. Москва, ЦК РКП, Молотову.

15 сентября [в] Новониколаевске [в] присутствии нескольких тысяч рабочих и красноармейцев состоялся суд над Унгерном, приговоренным [к] расстрелу, приговор приведен [в] исполнение. Н[ово]Николаевск, 16 сентября.

Секретарь Сиббюро ЦК РКП Ходоровский

РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 330.

[Роль Р.Ф. Унгерна в успехе Монгольской народной революции]

Один из видных советских дипломатов, А.А. Иоффе в одном из политических писем В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву, И.В. Сталину и другим руководителям писал: “Советизация Монголии не явилась результатом последовательного, продуманного и организованного плана. Если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан, несмотря на то, что там также был Бакич³⁰². Чичерин не оказал должного отпора местному головотяпству”.

РЦХИДНИ (теперь РГАСПИ), ф. 5, оп. 1, д. 145, л. 38. — Цит. по: Лузянин С.Г. 2003. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни. С.115.

МЕМОУАРЫ

П.Н. Врангель. Записки

Большинство офицеров Уссурийской дивизии и в частности Нерчинского полка во время Гражданской войны оказались в рядах армии адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. В описываемое мною время оба генерала, коим суждено было впоследствии играть видную роль в Гражданской войне, были в рядах Нерчинского полка, командуя 6-й и 5-й сотнями; оба в чине подъесаула.

Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план Гражданской войны.

Подъесаул барон Унгерн-Штернберг, или подъесаул “барон”, как звали его казаки, был тип несравненно более интересный.

Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли ужиться в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную стражу или забрасывались судьбою в какие-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, где остановка давала удовлетворение их беспокойной натуре.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать, овдовев, молодой вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном. С детства мечтая о войне, путешествиях и приключениях, барон Унгерн с возникновением Японской войны бросает корпус и зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненый и награжденный солдатским Георгием³⁰³, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом кончает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурский казачий волк, расположенный в Приамурье, но там остается не долго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и, несомненно, периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера вынуждены были оставить полк.

Возвращаясь в Россию, Унгерн решает путь от Владивостока до Харбина преодолеть верхом. Он оставляет полк верхом, в сопровождении охотничьей собаки и с охотничьим ружьем за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи, Унгерн около года проводит в дебрях и степях Приамурья и Маньчжурии и, наконец, прибывает в Харбин. Возгоревшаяся Монголо-китайская война застает его там. Унгерн не может оставаться безучастным зрителем. Он предлагает свои услуги монголам и, предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Монголии. С началом Русско-германской войны Унгерн поступает в Нерчинский полк, и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза раненный в течение одного года, он получает орден Св. Георгия, Георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже к чину есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания, — это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн-Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.

В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и, рядом с этим, поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и, рядом с этим, безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительности, и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть.

Врангель П.Н. 1991. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): Кн. 1. Б.м. (М. – Пенза). С.12–13.

А. Грайнер. Барон Роман Унгерн-Штернберг: жизнеописание³⁰⁴

Унгерн-Штернберг родился 29 декабря 1885 г. в г. Грац (Австрия), 17 сентября 1921 г. расстрелян большевиками в Новониколаевске. Его отцом был Теодор Унгерн-Штернберг, доктор философии — пятый, самый младший сын Роберта Унгерн-Штернберга, директора фабрики Даго-Кертеля, а матью — София Шарлотта Фрайн фон Вампфен.

Роман Унгерн-Штернберг вырос в семье своего отчима — барона Оскара Гейнинген-Гюне-Ерваканта. Его мать и отчим поженились в 1894 г., после развода родителей в 1891 г. Роман посещал Николаевскую гимназию в Ревеле. Несмотря на одаренность, мальчику не хватало прилежания, и он часто устраивал разные проделки.

В дальнейшем он страстно увлекся философией, и это увлечение повлияло на его характер. У него всегда была при себе какая-нибудь книга по философии, и для удобства он нередко разрывал ее на отдельные листы.

После подготовки Роман поступил в Санкт-Петербургский Морской кадетский корпус. Но его интересовали другие цели, поэтому он отказался от обучения в Морском корпусе и был уволен, чтобы участвовать в Русско-японской войне. Весной 1905 г. он поступил добровольцем в Двинский полк инфантерии, стоявший в Ревеле. В составе этого полка осенью он принимал участие в Восточно-Сибирской военной операции. После возвращения из армии барон поступил в Павловскую юнкерскую школу, которую закончил весной 1908 г. в чине офицера. Унгерн-Штернберг хотел служить в кавалерии, но как выпускник юнкерской школы он мог попасть только в казачий полк. По протекции 15 июля 1908 г. он поступает офицером в Нерчинский казачий полк. Перед Первой мировой войной в Монголии работали русские военные советники. К тому времени Унгерн-Штернберга повысили в должности, и он перешел на службу в Монголию. Находясь там около года, он много узнал об этой стране, ее обычаях и людях. Чтобы вернуться назад, барон прибегнул к помощи своего кузена, как говорится, “при ловкости можно стать императором Китая”. Он поступает на службу в Донской казачий полк в должности старшего офицера, а затем участвует в военной операции в Восточной Пруссии. Затем он служит в разных казачьих полках, например, в так называемой Дикой дивизии, а в 1914 г. воюет в составе кавалерийской бригады на Туркестанском фронте. Он был известен на весь фронт как отважный и бесстрашный офицер, готовый поделиться с однополчанами своим богатым опытом.

Однажды он держал пари с русскими офицерами, что проникнет в окоп противника. Его товарищи видели, как он подъехал верхом к окопу в форме австрийского офицера и стал по-дружески разговаривать с солдатами на венском наречии немецкого языка. Пари было выиграно.

На войне он был четырежды ранен. В сентябре 1916 г. в чине есаула с Георгиевским крестом 4-й степени и орденом Св. Анны 3-й степени он едет с Румынского фронта в Петербург на встречу георгиевских кавалеров. Там он поссорился с другим офицером из-за того, что тот, будучи навеселе, поднял на него руку. Для Унгерн-Штернберга это было очень рискованно, поскольку офицер оказался полковником — прославившимся впоследствии генералом Врангелем.

Герман Лютер — сын пастора Лютера из собора св. Екатерины в Эстонии — описал случай, который говорит о довольно суровом обхождении и манерах русских военных. Лютер был в то время поручиком и служил связистом при штабе генерала Леонтовича. Этот штаб располагался в имении фон Ковеля. При каждом удобном случае генерал говорил окружающим, что штаб посетит высокопоставленное лицо. На вопрос Лютера вахтенный офицер ответил, что это лицо — Роман Унгерн-Штернберг со своими казаками, прибывающий для командования разведкой. Уже в первый день после приезда генерал Леонтович сказал за столом, что в их кругу появился предатель и бросил еще несколько резких слов в адрес барона. Роман Унгерн вел себя как ни в чем ни бывало. Едва накрыли стол, как он обратился к генералу со словами: “Генерал, повторите, что Вы сказали”, дал ему несколько пощечин и вышел из комна-

ты. Все присутствующие офицеры, не говоря уже о самом генерале, схватились за оружие. Придя в себя, Леонтович тотчас отдал приказ об увольнении барона. Но поскольку тот был георгиевским кавалером, его не отдали под военный трибунал, однако золотую саблю Георгия, к которой он был представлен, Унгерн так и не получил. Этот случай получил огласку из-за запроса полковника Александра фон Ледер-Врангельсхофа, а также генерала Безобразова и стал причиной увольнения генерала Леонтовича в разгаре войны. Генерал Безобразов дал указание фон Ледеру отстранить Леонтовича от должности не как обычно — “голубым письмом” через почтового офицера — а телеграммой, как это делалось во всей армии.

Во время Февральской революции 1917 г. Роман Унгерн уехал в отпуск из Петербурга в Ревель, где был ранен саблей в колено. Многие офицеры и солдаты в Петербурге и Ревеле препятствовали большевикам. Осенью 1917 г. под руководством атамана Семенова в Восточной Сибири сформировалась антибольшевистская армия, куда и уехал Унгерн. Барон Альфред Мирбах³⁰⁵ вспоминал, что в приказном порядке в Сибирь, в том числе в Иркутск, ссылали множество балтийских немцев.

В октябре–ноябре 1917 г. Роман Унгерн-Штернберг в сопровождении 10–16 человек, вероятно, из Дикой дивизии, тоже оказался в Иркутске. Город был наводнен большевиками, поэтому барону для воплощения его планов требовалась особая осторожность. Поначалу удача ему изменяла, затем он попал под командование атамана Семенова. К тому времени между Колчаком, Деникиным и Врангелем стали возникать противоречия, связанные с трудностями обеспечения армии всем необходимым и падением воинской дисциплины. Все больше солдат выражало свое недовольство. В это время Роман Унгерн-Штернберг был полон больших ожиданий и детского азарта от военных действий. Однако армия белых генералов оказалась без помощи, обещанной англичанами и французами. Адмирал Колчак, воевавший в Сибири, был предан чехами.

Атаман Семенов, будучи непосредственным командиром Унгерна, отдавал ему необходимые распоряжения, но барон действовал достаточно самостоятельно. Планам Колчака и Семенова по освобождению Сибири не суждено было сбыться, подробнее об этом можно прочитать в воспоминаниях “Между белыми и красными” Эриха Дрингера, служившего в армии Колчака. После поражения белых под Читой барон Унгерн бежал с некоторыми из сослуживцев в Монголию. Унгерн остался в Монголии, в священной для них Урге — сердцеvine буддизма. В Китае жизнь Будды считалась божественной и все, думающие иначе, преследовались³⁰⁶. Унгерн быстро завоевал популярность среди монголов, они увлеклись его пылким темпераментом и охотно стали помогать ему в выполнении фантастических замыслов. Барон решил использовать буддизм для разрушения красного большевистского Интернационала и созидания в Центральной Азии новой империи. Это привело бы к новой исторической эпохе. Очевидно, что для претворения этих планов ему нужно было глубже познакомиться с буддизмом. За это стремление многие сочли его буддистом, о чем говорили и обвинители барона под большевистским трибуналом, незадолго до его смерти.

Духовных вождей буддизма вдохновила популярность барона, и они объявили настоящую войну. Могущественное движение всколыхнуло всю Центральную Азию.

Сотни лет жить на святом месте в покое, отгородившись от остального мира, найти путь к Нирване. Ради соприкосновения с жизнью Будды стоит воевать. Началась эпоха “военного буддизма”.

В величайшей спешке, но с удивительным успехом руководил Унгерн внутренними делами совершенно запущенной под китайской властью Монголии. Он нашел время обустроить в Урге промышленность и ремесла. Чтобы поправить бедственное финансовое положение, Унгерн женился на богатой монгольской принцессе Цзи³⁰⁷. Она была обязана венчаться по греческому восточно-христианскому обряду, и была наречена Еленой Павловной. Вскоре после женитьбы Унгерн посетил в развалинах крепости Каракорум гробницу Чингисхана, а в конце мая 1921 г. с укрепленной монгольской армией совершил поход за Байкал, где напал на большевиков. Унгерн повторил свое путешествие с европейцами, включая А.В. Грайнера, который описал его костюм как наполовину бурятский, а наполовину — русского генерала. Унгерн завораживал собеседников своей логикой и мыслями, совершенно фантастическими идеями. С офицерами он разговаривал великолепно, как настоящий барон, при этом постоянно повторяя о своих планах создания Монгольской империи.

В результате ему удалось организовать целое войско численностью около 100 тысяч человек³⁰⁸, хотя не хватало боеприпасов и современного оружия, а также стойкости, необходимой для ведения войны. Это напоминало насильственный поход на смерть. Он был намерен уничтожить большевиков одним сокрушительным ударом. Вступив на территорию Сибири, Унгерн одержал ряд побед, и его слава стала быстро расти. Монголия воевала по всей Центральной Азии, и ее народ с надеждой смотрел на барона. Монголы относились к нему с большим доверием. Но, в отличие от русских офицеров, они не отличались дисциплиной.

Унгерн с презрением относился к трусам и предателям. Он мог застрелить за проступок против воинской чести и дисциплины. За это его прозвали “белое страшилище Сибири”. Под “белыми” и, несомненно, под “красными” главарями скрывалась жестокость. Барон Унгерн-Штернберг был настоящим штабным офицером, неумолимо строгим и непоколебимым. В июле 1921 г. ночью он совершил дерзкое нападение на лагерь большевиков. Там он встретил своего бывшего офицера — предводителя красных в юнкерской школе и разговорился с ним. Барон не предполагал предательства с его стороны и поплатился за свое легкомыслие и доверие пленом. Унгерн был переправлен в Новониколаевск. После его пленения часть армии была разбита большевиками, часть возвратилась в Монголию.

Унгерн должен был защищаться в грандиозном судебном процессе самостоятельно³⁰⁹. Он категорически отрицал, что ему помогали японцы, и заявил, что боролся против большевиков не только из-за патриотических, но из-за религиозных убеждений. Цитируя Новый Завет, он называл большевиков “исчадием ада”. 17 сентября 1921 г. Унгерн был расстрелян в Новониколаевской тюрьме как противник “святого дела” великой революции. Этот необычный человек прожил короткую жизнь — всего 36 лет и оставил заметный след.

Азиатские народы приняли русский большевизм за новую антихристианскую европейскую религию с ужасными принципами. Это еще выше подняло авторитет буддизма. Все дальше и дальше, с отвращением и укором стали отходить азиаты от мате-

риальной и религиозной жизни Европы. И этот человек сыграл в таком отторжении свою роль. Он разбудил азиатские и центральноазиатские народы, настроив их против европейцев, как это было во времена империи Великий Моголов и Чингисхана.

[A. Greiner]. *Roman Baron Ungern-Sternbergs Lebensgeschichte*. — *Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24)* (перевод А.А. Лушниковой).

А.В. Бурдуков. В старой и новой Монголии³¹⁰

В конце августа [1913 г.] из Улясутая я решил проехать в Кобдо и оттуда вернуться в Мунджик. Все было готово к отъезду, я зашел к консулу, чтобы забрать несколько пакетов в Кобдо. Консул Вальтер попросил меня задержаться, обещая дать мне интересного спутника до Кобдо, который едет туда в поисках “смелых подвигов”. Вскоре переводчик принес пакет, проездной бланк мне и прибывшему спутнику, а также его завизированное удостоверение примерно такого содержания: “Такой-то полк Амурского казачьего войска удостоверяет в том, что вышедший добровольно в отставку поручик Роман Федорович Унгерн-Штернберг отправляется на запад в поисках смелых подвигов”.

Человек с этим оригинальным удостоверением только что прискакал из Урги и хотел, не останавливаясь, ехать дальше. Он был поджарый, обтрепанный, неряшливый, обросший желтоватой растительностью на лице, с выцветшими застывшими глазами маньяка. По виду ему можно было дать около 30 лет, хотя он в дороге и отрастил бородку. Военный костюм его был необычайно загрязнен, брюки протерты, голенища в дырах. Сбоку висела сабля, у пояса был револьвер, винтовку он попросил везти улачи³¹¹. Вьюк его был пуст, болтался только дорожный брезентовый мешок, в одном углу которого виднелся какой-то маленький сверток. Русский офицер, скачущий с Амура через всю Монголию, не имеющий при себе ни постели, ни запасной одежды, ни продовольствия, производил необычное впечатление. Действительно, не успели мы еще отъехать от города, как мой спутник начал пороть нашего улачи, чтобы тот быстрее скакал. Улачи припустил коней, и мы лихо понеслись по Улясутайской долине к монастырю Эбугун-хурэ, недалеко от которого находилась первая станция Алдар. 15 станций (450 верст), расположенных между Улясутаем и Кобдо, мы миновали за неполных три дня. Унгерн оказался неутомимым наездником. Хотя он был очень молчалив, мы все-таки разговорились. Он рассказывал, что не терпит мирной жизни, в его жилах течет, мол, кровь прибалтийских рыцарей, ему нужны подвиги. На востоке же была глубокая тишина, офицерство задыхалось от скуки. Сообщил он и об одном из своих “подвигов”. На пари он должен был перевалить какой-то хребет, пройти по тайге без дороги и проводника, проехать на одной лошади верст 400, имея при себе только винтовку, питаясь плодами охоты, и, наконец, переплыть на коне большую реку. Все это он выполнил в срок и пари выиграл. Но такие “подвиги” его мало удовлетворяли, он жаждал настоящих. И вот он прочитал в газетах, что в Кобдо война, и теперь он скачет туда добровольцем, для чего ему пришлось выйти в отставку.

По дороге он все время расспрашивал меня о Дамби-Джамцане и характере войны с китайцами, соображая, как бы ему поскорее попасть в Гурбо-Цэнхэр, чтобы начать громить китайцев совместно с Дамби-Джамцаном.

Унгерн занимал процесс войны, а не идейная борьба во имя тех или других принципов. Главное для него — это воевать, а с кем и как — неважно. Он повторил, что 18 поколений его предков погибли в боях, на его долю должен выпасть тот же удел.

Готовясь к службе в монгольских отрядах, он добросовестно записывал монгольские слова, пытаясь учиться говорить.

Мы все время скакали во весь дух, почти на каждой станции он дрался с улачами, и мне было стыдно перед монголами, что у нас такие невоспитанные офицеры, и я мысленно ругал консула, подсунувшего мне такого спутника. Сказать же что-нибудь этому сумасбродному человеку было просто опасно.

Особенно запомнилась мне ночная поездка от Джаргаланта до Хара-Ус-нур. По настоянию Унгерна мы выехали ночью. Сумасшедший барон в потемках пытался скакать карьером. Когда мы были в долине недалеко от озера Хара-Ус-нур, стало очень темно, и мы скоро потеряли тропу. К тому же дорога проходила по болоту вблизи прибрежных камышей. Улачи остановился и отказался ехать дальше. Сколько ни бил его Унгерн, тот, укрыв голову, лежал без движения. Тогда, Унгерн, спешившись, пошел вперед, скомандовав нам ехать за ним. С удивительной ловкостью отыскивая в кочках наиболее удобные места, он вел нас, кажется, около часу, часто попадая в воду выше колена и, в конце концов, вывел из болота, но тропку нам найти так и не удалось.

Унгерн долго стоял и жадно втягивал в себя воздух, желая по запаху дыма определить присутствие жилья: наконец, сказал, что станция близко, и мы поехали за ним. Действительно, через некоторое время вдали послышался лай собак. Эта необычайная настойчивость, жестокость, инстинктивное чутье меня поразили.

Рано утром на следующий день мы прискакали в Кобдо. Унгерн заехал к своему другу, казачьему офицеру Резухину, и на следующий день я встретил его в чистеньком обмундировании. Очевидно, он взял его у друзей, чтобы отправиться в нем к консулу и начальнику отряда.

Консул Люба и начальник русского отряда в Кобдо полковник Казаков отнеслись к добровольческой затее Унгерна отрицательно и не пустили его на службу к монголам, так что ему пришлось вернуться в Россию.

Бурдуков А.В. 1969. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука. С.100–102.

И.И. Серебrenников. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий в 1919–1923 гг.³¹²

Он [Унгерн] большую часть своей военной службы провел в Сибири, Маньчжурии, Монголии, в пределах Азии вообще. Отсюда, может быть, и возникла у барона некая азиатская умонастроенность и фатализм, любовь и приверженность к азиатской экзотике и философии, вера в то, что свет для мира засияет из Азии...

Кажется, непосредственно перед Великой войной³¹³ 1914 года барон жил в Кобдо, в Западной Монголии, где был прикомандирован, в качестве сверхштатного офицера, к конвою русского консула. Один из русских жителей Кобдо того времени рассказывал моему другу, что Унгерн держался там как-то “на особицу”, ни с кем не заводил близкого знакомства и пребывал почти всегда в одиночестве. Иногда он вдруг, ни с того ни с сего, в иную пору и ночью, собирал казаков и с гиканьем мчался с ними через весь город куда-то в степь.

— Волков гонять, что ли, ездил? Толком не поймешь. А потом вернется, запрется у себя и сидит один, как сыч. Но, сохрани Боже, не пил, всегда был трезвый. В нем что-то будто не хватало...

Один из начальников штаба барона Унгерна рассказывал о нем:

— Бог его знает, когда он отдыхает и спит. Днем-то за разными делами, то ездит по мастерским, то следит за учением и муштровкой казаков. А ночью объезжает все караулы, норовя приехать невзначай, в самые захолустные и дальние. А то вдруг среди ночи требует доклада по делам, какие и в ум не придут. Вот тут и разворачивайся, как знаешь! Ведь он шальный, и в “раже” теряет голову, ничего не разбирает... <...>

Я предчувствую, — говорил обуреваемый сомнениями барон своему офицеру, — что мне осталось еще немного земных шагов, и я хочу сделать свой последний выстрел. Я сижу в Монголии, как паук... Моя армия простирается отсюда до Алтая. Она обращена лицом к Сибирской магистрали. По первому моему зову могут подняться двадцать тысяч монгол. На днях я отдал приказ о боевом выступлении в Улясутае и Кобдо. Вы же отправляйтесь в Хайлар и передайте моему брату: пусть он немедленно сообщит старику Чжан Цзолиню, чтобы он или сам сел на китайский трон, или посадил на него Пу И, если же он этого не сделает, я пойду на него войною...

Посланец ускакал в Хайлар, передал генералу Чжан Куню просьбу барона Унгерна, но вскоре был арестован здесь. Подкуп стражи помог ему, однако, убежать из-под ареста.

Серебренников И.И. 1936. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий 1919–1923. Харбин: изд. М.В. Зайцева. С.69–100.

[Л.Н. Пунин. Из воспоминаний о Первой мировой войне³¹⁴]

Унгерн-Штернберг, приказав спешиться у лесничества Антен, двинул эскадрон в направлении на мызы Бледнек и Катлан. Дойдя до окопов противника, партизаны наткнулись на работавших там немцев. Часовой, заметивший разведчиков, был убит. На чехле его каски стояла цифра — “12”, сверху которой был помещен зеленый крест. Подобные каски носили люди 12-го ландштурменного батальона.

Германцы открыли огонь из своих окопов. Унгерн-Штернберг, рискуя каждую секунду быть раненым или убитым, сделал чертеж окопов неприятеля и со своим эскадроном начал отходить к лесу. Пройдя болото Заляйс-Пурс и приближаясь к холмам, он был встречен ружейными залпами из германской засады, вышедшей в тыл эскадрону. Сотник, как истинный вояка, не растерялся и бросился в атаку в классическом унгерновском стиле — сломя голову. За ним последовали партизаны эскадрона.

Из дневника Льва Николаевича:

“24 января. Разведка крайне успешна <...> 3-му эскадрону досталось особенно. Ему при возвращении домой (в город Кеммерн — *О.Х.*) пришлось выдержать бой с засадой немцев на бугре между болотом Заляйс-Пурс и нашими окопами. Немцев было около роты при двух офицерах. Они, не подпустивши наших казаков поближе к себе, дали залп. Минута оцепенения. Георгиевский кавалер, командир эскадрона сотник барон Унгерн-Штернберг с обнаженной шашкой бросился на “ура”. С гиком и воем, с шашками наголо понеслись уссурийцы, нерчинцы и приморцы на втрое сильного противника. Немцы такого напора не выдержали и бежали, оставив убитых <...>”.

10 февраля атаман Пунин вместе с поручиком Ставским и подпоручиком Зуевым возглавил очередную разведку в направлении Одинг – Парун. Разведка дала исключительные результаты — был детально счерчен и крокирован весь участок. <...>

В февральских боях отряда принимал активное участие сотник барон Унгерн-Штернберг — один из наиболее лихих, храбрых офицеров отряда Пунина. Вояка до мозга костей, он, по словам, барона Врангеля, жил войной, совершая столь же быстрые, сколь и дерзкие набеги в тыл германцев.

Так, 16 февраля Унгерн-Штернберг и прапорщик Козубовский, недавно попавший в отряд, с 11 казаками-партизанами из Уссурийской конной бригады произвели успешную разведку в районах мыз Пенау и Одинг – в местах расположения 4-го батальона 57-го и 29-го ландверных полков.

В время перехода болота Тируль, Унгерн-Штернберг отправил лошадей с коноводами обратно к позициям отряда (Кеммерн), так как заметил идущих по лесу правее себя немцев. Коноводы карьером проскочили мимо них, но были обнаружены. Германцы открыли огонь им вслед, от которого коноводы благополучно ушли. Унгерн-Штернберг со своей партией залег и наблюдал, куда направятся германцы. Вскоре выяснилось, что они двигаются с северного края болота Тируль в направлении к деревне Силен. Загаившиеся у неприятеля на фланге партизаны, пропустив обе их колонны, бросились в атаку. Казаки-уссурийцы внесли панику в ряды противника, захватили двух пленных, но сами чуть не заплатились жизнью — оправившиеся от шока германцы мгновенно открыли убийственный огонь. Лишь благодаря своей малочисленности, а следовательно, максимальной мобильности, партия Унгерн-Штернберга удачно ушла от преследования.

Пленными оказались унтер-офицер Фридрих 16-й роты 4-го батальона и рядовой Иосиф Деткоу 14-й роты того же батальона. Оба из 57-го ландверного полка. В тот же день состоялся их допрос, произведенный атаманом Пуниным и Унгерн-Штернбергом. <...>

С 18 по 23 февраля эскадрон Унгерна фон Штернберга продолжал вести разведки у болота Тируль. В столкновении с германцами был ранен сорвиголова Унгерн-Штернберг, в связи с чем 27 февраля от 110-й пехотной дивизии была назначена специальная медицинская комиссия для освидетельствования здоровья офицера. После полученного ранения сотник на время покидает отряд. Временным командиром третьего эскадрона был назначен корнет Домбровский.

Таким образом, приказ командира 43-го корпуса был успешно выполнен — германцы оказались вновь напуганными лихими демонстрациями, взят “язык”.

Л. Тамаров. Воспоминания офицера

Сибирский экспресс, идущий на восток, подходил к Чите. В вагоне 1-го класса два купе занимала кампания на четырех человек — матроса Кудряшева, одного подполковника, интендантского чиновника и харбинского еврея. Ежедневные кутежи советского сановника и его компании, вызывающее и оскорбительное отношение к пассажирам вагона и, особенно, к женщинам возмущало всех — но ничего нельзя было сделать, так как железная дорога находилась уже во власти большевиков, и сановный матрос чувствовал себя, как дома.

31-го декабря вечером поезд был в Чите. Здесь веселая кампания уже начала встречу нового, 1918-го, года. Шампанское лилось рекой, и пассажиры вагона пережили немало неприятных минут. Пьянство продолжалось до станции Карымской, и перепившийся Кудряшев забыл здесь пересест в поезд, идущий по Сретенской ветке, чтобы ехать во Владивосток по Амурской железной дороге, так как Семеновской заставы в Даурии боялись, как смерти.

После обильного возлияния, крепко спал “помощник министра” в своем купе, а быстро идущий поезд уносил его все ближе к Даурии. Радовались этому все пассажиры поезда. Уж очень им насолила эта кампания в пути, и пассажиры, вместе с одним иностранцем, послали в Даурию атаману Семенову телеграмму о следовании в поезде важной советской персоны. Поезд с грохотом подкатил к Даурскому вокзалу и остановился. Все пассажиры с нетерпением ждали развязки. Через четверть часа после прихода поезда, в вагон комиссара вошел высокий стройный офицер, блондин, с породистым строгим лицом, в сопровождении группы других офицеров. Это был барон Унгерн-Штернберг.

— Это ты помощник комиссара по морским делам? — грозно спросил он “товарища” матроса, и стальной, пристальный взгляд больших серых глаз впился в Кудряшева.

И куда только девались спесь и важность вчерашнего хама! Все исчезло — и перед железным бароном стоял жалкий, раболепствующий трус.

— Так точно, я, — смертельно побледнев, ответил Кудряшев.

В его документах значилось, что он ехал во Владивосток за покупкой технических материалов для Балтийского флота. Барон Унгерн, посмотрев документы, сделал так знакомый его приближенным, характерный, резкий жест рукой, круто повернулся и пошел из вагона...

— А эту сволочь — проходя мимо, указал он на остальную кампанию Кудряшева, — выпороть и выгнать вон!

Офицеры приказали комиссару идти с ними. Вся группа, во главе с бароном Унгерном, двинулась по снегу, в сторону от линии железной дороги. Кудряшев сразу понял, в чем дело, и, обезумев от страха, ползая на коленях, стал умолять барона о пощаде, целовал офицерам ноги, обещая подданной службой рядовым у Семенова загладить свою вину.

Но матросам уже никто не верил. У всех еще свежи были в памяти матросские зверства над офицерами, а Кудряшев, хваставшийся в вагоне перед пассажирами тем, что он подписал и лично привел в исполнение 400 смертных приговоров над

офицерами в Гельсингфорсе, каковые будто бы были утоплены в проруби, — менее чем кто-либо другой мог рассчитывать на пощаду.

Подойдя к ближайшей от станции Даурия горке, вся группа остановилась. Семь казаков отделились и отошли от “помощника морского министра” на несколько шагов. Раздалась команда и семь винтовок одновременно взглянули своим единственным страшным взглядом на Кудряшева.

— Пли! — и треск ружейных выстрелов слился с криками о пощаде. Все было кончено.

Свыше двухсот тысяч рублей, конфискованных у Кудряшева, пошли на выплату жалованья чинам отряда. Еще был отобран и чек на четыре миллиона рублей, переведенных на его имя во Владивостокское отделение Государственного банка, но так как чек был именной, то он остался неиспользованным для отряда.

На заре Белого дела: атаман Семенов — в авангарде антибольшевистского движения на Д.В.: Тамаров Л. Воспоминания офицера, глава 5. Из газеты “Наш путь”. № 10 (96), 14 января 1934. — ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 4, л. 107.

В.А. Кислицин. В огне Гражданской войны

Из Борзи моя дивизия перешла на станцию Даурия, где я сменил части барона Унгерна. С бароном Унгерном я близко познакомился еще тогда, когда жил на ст. Борзя. Он часто приезжал ко мне в своем поезде. Мы много и дружески беседовали с ним. Это был честный, бескорыстный человек, неопикуемой храбрости офицер и очень интересный собеседник. В Даурии я сдружился с ним еще больше. Бывало, он сидит у меня до тех пор, пока не придет моя жена, или кто-нибудь из дам. При их приходе он тотчас же старается встать и попрощаться: терпеть не мог женщин. Безумно смелый человек, он страшно стеснялся дам.

Неприхотливость и нетребовательность барона Унгерна к личным удобствам были изумительными. В Даурии он отдал в мое распоряжение всю свою квартиру, а сам перебрался в какую-то комнатку. Вообще, он был большим оригиналом по натуре. Например, на чердаке своего дома в Даурии он держал почему-то волков...

На службе это был очень строгий и требовательный начальник. Особенно строгим он был по отношению к офицерам. Рыцарь и идеалист по натуре, он требовал рыцарства и от окружающих его офицеров. Всякая бесчестность, трусость или корыстолюбие вызывали в нем взрыв негодования, и тогда он был страшен в своем гневе для провинившегося. Его отношение к солдатам отличалось большой заботливостью об их нуждах. Как человек редкой бескорыстности, он не тратил на себя почти ничего, и все отдавал на свою дивизию. Сам он ходил в рваных, заплатах шароварах и старой шинели.

Все время барон Унгерн звал меня идти вместе с ним в задуманный им поход в Монголию. Он предлагал мне командовать над нашими соединенными силами и говорил:

— Ты будешь командиром корпуса. Я подчинюсь тебе и буду тебя слушать и все исполнять. Иди только с нами.

Я не верил в успех задуманной операции, да, кроме того, и не считал возможным отрываться от армии атамана Семенова, считая своим долгом разделить то, что пошлет судьба войскам обожаемого нами вождя. По всем этим соображениям я не согласился с предложением барона Унгерна.

Накануне своего похода барон пришел вечером ко мне, отдал обручальное кольцо своей жены-китайки и золотой портсигар. Все это он просил меня хранить у себя. Я отказался лично брать эти вещи на хранение. При бароне, я позвал моего помощника генерал-майора Саблина и начальника штаба дивизии полковника Мельникова и передал им вещи барона для хранения в денежном ящике штаба дивизии.

Кроме того, отправляясь в поход, барон оставил мне передаточную записку на все свое имущество, находившееся в его квартире. Эта записка хранится до настоящего времени. Она гласит так:

“Обстановку моей квартиры, собственность Азиатской конной дивизии, передаю начальнику 1-ой сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии генерал-лейтенанту Кислицину. Генерал барон Унгерн. 15 августа 1920 г. Даурия”³¹⁵.

Эта краткая записка барона Унгерна о передаче мне его собственного имущества является еще одним доказательством бескорыстности и исключительной честности и идеализма барона. Даже на обстановку своей квартиры он смотрел, как не на свое имущество, а как на собственность Азиатской конной дивизии.

Во мнении этого идеалиста и горячего патриота, все силы и все средства должны были направляться в этот трагический период России только на борьбу с большевиками. Ничего для себя. Все для России. Отсюда становятся понятными и нетребовательность барона к удобствам, и почти полный отказ его от собственности, и его жестокость к корыстолюбцам и лицам, небрежно относящимся к обязанностям.

Что бы ни говорили о жестокостях барона и его сумасбродствах, надо признать, что это был выдающийся человек. Таких на редкость честных и преданных идее Белого движения людей было слишком мало!

Все имущество, находившееся на квартире генерала Унгерна, мною было передано по описи генералу Саблину и полковнику Мельникову. После в квартиру барона въехал генерал Артамонов.

Прощаясь со мной, генерал барон Унгерн еще раз просил меня принять командование над его отрядом. Он обещал обеспечить мою жену золотом так, чтобы она ни в чем не нуждалась. Я отказался. Простились мы с ним очень сердечно: расцеловались, а барон даже прослезился. Больше я этого честного, бескорыстного воина уже не видел. Он погиб от руки наемных красных убийц.

Незадолго до отправления барона в поход, в церкви его дивизии, а затем на квартире Унгерна, было совершено бракосочетание его помощника — генерала Жуковского. Генерал барон Унгерн был посаженным отцом, а я шафером.

После отъезда генерала барона Унгерна в Монголию, в Даурию прибыл наш дорогой гость, атаман Семенов.

В.И. Шайдицкий. На службе Отечества

ОТДЕЛЬНАЯ АЗИАТСКАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ

По прибытии в Читу, мы — офицеры стали обивать пороги всевозможных штабов, прося, как нищие, милости, о приеме нас — кадровых и боевых офицеров на службу. Не достигши результатов, мы стали действовать по одиночке и каждый “по способности”. Однажды, я вошел в штаб походного атамана (с отчаяния — к казакам) и подпер стену в коридоре, рассматривая окружающее и соображая в какую дверь постучаться. На меня, наконец, обратил внимание проходивший генерал-майор и спросил: “Капитан, что Вы здесь делаете?”, я ответил: “Пришел наниматься, Ваше Превосходительство!”, он что-то удивленно промычал и пригласил в свой кабинет и стал расспрашивать обо мне. Когда, он, видимо, удовлетворился полученными сведениями обо мне и мысленно составил аттестацию, сказал: “Я — генерал Акцинов, представитель барона Унгерна при атамане, хотите к нему?” — “Хочу” — “А Вы что-нибудь уже слышали о нем?” — “Слышал и думаю, что как раз мне, как кадровому офицеру и подобает быть у него” — “Приходите завтра получить предписание; к барону также едет подполковник, князь Вяземский, получивший назначение помощником командира по строевой части 1-го Конного полка”. — “Покорно благодарю Ваше Превосходительство, но должен напомнить, что я пехотный офицер” — “Ничего, важно Ваше желание служить у барона”. Много в этот день я услышал о бароне, когда стал специально собирать о нем сведения у офицеров, и заснул с большой тревогой на сердце: “Что день грядущий мне готовит?” — в обстановке Гражданской войны, в далекой холодной Сибири, в каком-то карикатурном внешнем облике всех и всего, моей будущей службы в кавалерии (я знал только, что команды подаются не отрывисто, как в пехоте, а протяжно, дабы дошли до ума лошади через сидящего на ней всадника), и все это покрывалось с “таким” личностью барона. Господи, благослови! И Господь услышал меня, благословил и направил.

Приехал я в Даурию в начале февраля 1920 года, явился в штаб дивизии и с некоторым трепетом вошел в кабинет барона и рапортовал ему о прибытии. Я встретился с пронзившим меня до пят взглядом сильных глаз, который я выдержал и сам упорно смотрел ему в глаза — этот долгий и молчаливый поединок решил на все будущее время мою судьбу. Я приобрел полное доверие у барона, не один раз доказавшего это на деле, особенно в одном, весьма тяжелом боевом положении на границе Монголии. Он приказал мне принять учебную сотню формируемого конного отряда, впоследствии переименованного в Конный полк.

Даурия стала опорным пунктом между Читой и Китаем, и дивизия несла охрану длинного участка железной дороги от ст. Оловянная включительно до ст. Маньчжурия включительно. Состав дивизии: Комендантский эскадрон в 120 шашек, 3 конных полка, Бурятский конный полк, 2 конных батареи и Корейский пеший батальон. Дивизия была весьма дисциплинированная, одета и обута строго по форме (защитные рубахи и синие шаровары), офицеры, всадники и конский состав довольствовались в изобилии, жалованье получали в российской золотой монете, выплачиваемое аккуратно. Всем служащим и рабочим линии железной дороги Оло-

вянная–Маньчжурия жалованье, также золотом, выплачивалось бароном. Ежедневно выдавалось по одной пачке русских папирос и спичек. Если попался пьяный, расстреливался немедленно, не дожидаясь вырезвления. А кто подавал рапорт или докладную о разрешении вступить в законный брак, отправлялся на гауптвахту до получения просьбы о возвращении рапорта. Питался барон бараниной и пил самый лучший китайский чай и ничего другого не пил и не курил. Женат был на китайской принцессе, европейски образованной (оба владели английским языком), из рода Чжанкуй, родственник которой — генерал, был командиром китайских войск западного участка Китайско-Восточной железной дороги 2 от Забайкалья до Хингана, в силу чего дивизия всегда базировалась на Маньчжурию. Он свободно говорил также на монгольском и бурятском языках.

Родные однокашники! Вышедшие в артиллерию, в саперы, в понтонеры, или те, кто потом перевелся в конную пограничную стражу — вспоминаете, как вам приходилось тяжеленько? Ну, а мне еще тяжелее: состав офицеров — разношерстный, кадровый я один, всадники совсем не те солдаты, которых я знал в мирное время и в Великую войну, условия службы весьма тяжелые и над всем этим — барон, к которому все питают лишь одно чувство — страх, ибо он пользуется неограниченной властью над жизнями своих подчиненных и всех тех, кто появляется на подвластной ему территории. Пришлось мне взяться за изучение кавалерийской службы, в чем очень помог младший офицер одной из сотен, в прошлом подпорщик 3-го драгунского Новороссийского полка.

Через месяц барон назначил меня помощником командира по строевой части — стало легче, но пришлось взяться за офицерский состав. Из Даурии, имея сеть разведок по всему округу, барон производил налеты на красные станицы и поселки, улавливая партизанские красные банды среди сопок Забайкалья. Первый полк дивизии стоял в буддийском монастыре у ст. Оловянная, охраняя большой железнодорожный мост через р. Онон и оседлавая разветвление дорог. Однажды ночью красные партизаны напали на монастырь и застали полк врасплох, который понес большие потери. Поездами (составы всегда были готовыми к отходу на путях станции) были переброшены две сотни из моего полка и комендантский эскадрон. Красных мы нагнали и имели успешный бой, после чего вернулись на ст. Оловянная и с одним полком погрузились в эшелоны для следования в Даурию, оставив на охране бронепоезд. На путях стоял длинный эшелон из вагонов 1-го класса и международного общества, задержанный бароном до отправки своих частей. Наблюдая за жизнью в вагонах, из которых никто не выходил, зная, что барон поблизости, я стоял на перроне. Ко мне подошел барон и спросил: “Шайдицкий, стрихнин есть?” (всех офицеров он называл исключительно по фамилии, никогда не присоединяя чина) — “Никак нет, Ваше Превосходительство!” — “Жаль, надо всех их отравить”. В эшелоне ехали высокие чины разных ведомств с семьями из Омска прямо за границу³¹⁶.

По возвращении в Даурию, барон назначил меня командиром полка (март месяц), а прежний уехал в Маньчжурию. Военный городок Даурия у самой станции представлял большое количество прекрасных трехэтажных кирпичных казарм, здания офицерских квартир, церковь, конюшни и пр. и пр. Во время Великой войны здесь помещались военнопленные турки, частично оставшиеся еще при мне, и я

имел вестовым симпатичного турка, варившего мне кофе. Наша дивизия занимала весь городок, только в артиллерийских мастерских шла интенсивная работа для всей артиллерии. Остальные казармы были заколочены. Четыре казармы на углах были превращены в форты, все окна и двери замурованы, а в верхнем этаже и на крыше установлены пулеметы, большое количество гранат, патронов, одна пушка и прожектор на форт. Гарнизон не покидал своего форта, сообщение с землей было по лестнице, спускаемой с крыши. Одновременно с назначением командиром полка, барон назначил меня еще и начальником обороны Даурии. На таких ответственных должностях, имея единственным начальником над собой барона, принимая участие также и в налетах на красных партизан, если в экспедицию уходил мой полк полностью, я непрерывно был в общении с моими всадниками и гарнизоном фортов. Часто по ночам, как всегда я делал в мирное время в Ярославском полку, навещал казармы и беседовал с не спавшими солдатами и этим устанавливал искренние и доверчивые отношения между мной и ими, что на деле и будет доказано в критическую ночь на фронте. Ежедневно я обходил форты и развлекался с солдатами улаживанием в сферу света прожектора тарбаганов, кои лучом света прожектора загнипнотизировывались, поворачиваясь мордой к источнику света, и замирали.

Как-то съездив в Читту, чтобы встретиться с моими “французами”, осевшими там, по возвращении моем при представлении барону, он спросил, что видно и слышно в столице. Без задней мысли я сказал: “Моя правая рука до сих пор болит от отдания чести множеству каппелевских штаб-офицеров”. (За переход через Байкал, участников Ледяного похода произвели в большинстве случаев, дав два чина). При моем уходе, барон приказал мне тотчас же самому написать представление в чин подполковника и сдать в канцелярию дивизии. Представление на самого себя я быстро составил, так как все приказы и даты еще сохранились в памяти. Имея большое старшинство за ранения в чине капитана по Высочайшему приказу, я применил все приказы по В.В. о льготных производствах за пребывание на фронте, что имел в запасе для производства в подполковники, также со значительным старшинством в этом чине. Как оказалось позже, барон прибавил: “с зачислением по армейской кавалерии” и представил меня в чин полковника за отличие по службе и по занимаемой должности. Но не так быстро я все это получил, и продолжал командовать полком в чине капитана, имея в своем полку помощниками по строевой и хозяйственной части подполковников.

Отдельная Азиатская конная дивизия, строго говоря, не имела штаба дивизии, ибо нельзя же назвать штабом сумму следующих должностных чинов: барон, казначей — прапорщик, комендант станции — поручик, интендант — полковник со своим большим управлением, его два ординарца — офицеры и генерал-майор императорского производства, окончивший Военно-юридическую академию, представлявший из себя военно-судебную часть штаба дивизии в единственном числе и существующий специально для оформления расстрелов всех уличенных в симпатии к большевикам, лиц, увозящих казенное имущество и казенные суммы денег под видом своей собственности, драпающих дезертировать, всякого толка “социалистов” — все они покрыли сопки к северу от станции, составив ничтожный процент от той массы, которой удалось благополучно проскочить через Даурию, наводящую

ужас уже от Омска на всех тех, кто мыслями и сердцем не воспринимал чистоту Белой идеи. Расстрелы производились исключительно всадниками комендантского эскадрона под командой офицеров эскадрона по приказанию командира этого эскадрона — подполковника Лауренца (кадрового офицера Приморского драгунского полка), который в свою очередь получал на это личное приказание барона.

Однажды вошел ко мне лихой всадник Комендантского управления и доложил: “Ваше Высокоблагородие, так что барон требует”. Явившись к нему, я услышал нечто необычное, впервые введшее меня в волнение: “Уничтожить поезд и всех, кто в нем” — это смысл приказа барона, который всегда отдавал очень коротко, предоставляя подчиненным начальникам понять приказ и проявить инициативу в действиях, и не терпел, если спрашивали разъяснений, но на этот раз, обдав меня своим острым взглядом, дал и объяснение: “Завтра из Читы будет проходить поезд генерала Жаннена³¹⁷ в Маньчжурию”, а также и детали: “Форт у восточного семафора снабдить максимумом оружия и патронов, от меня две сотни пешими, цепью разместить по выемке железнодорожного полотна, а одну мою сотню в конном строю держать укрыто. Мне быть на форту”. Полотно железной дороги у восточного семафора, выходя из выемки, делает крутой поворот влево на насыпь, и в этом месте должны были быть вынуты все гайки из стыков рельс. Выйдя из штаба дивизии, я направился к месту завтрашнего “действия”, подробно осмотрел местность, наметил расположение цепей и конного резерва, а главное — избрал район “месива”, и соответственно с ним высоту прицела и точку прицеливания. Не знаю, получили ли приказы о сем другие начальники частей дивизии, как никто из них никогда не узнал о полученном мною приказании — в нашей дивизии языком не болтали. На следующий день, пред тем, как я собирался вызвать к себе командиров сотен, начальник дивизии впервые отменил свой приказ — атаман Семенов по прямому проводу умолил барона не совершать этого акта мести. Вскоре барон отомстил за это атаману при моем невольном участии.

В июне Дальневосточная армия с Азиатской дивизией широким фронтом повела наступление против красных частей и партизан, прижимая их к “Стрелке” на северо-востоке, в угол, образуемый рекой Амуром и Китайской границей. Наступление не удалось — красные прорвались обратно, и армия вернулась в исходное положение.

Азиатская конная дивизия в полном составе, оставив в Даурии лишь неспособных к походу для охраны имущества, была переброшена на ст. Борзя, откуда в составе всей армии приняла участие в генеральном наступлении. Сразу же дивизия вступила в упорный бой с красными частями. Корейский пеший батальон, ведя стремительное наступление под командой своего доблестного командира подполковника Ник. Фед. Ким (кадровый офицер Сибирского стрелкового полка, православный, окончил Иркутское военное училище в 1912 г.), захватил станицу, но был в ней окружен. Конными частями дивизии красные были отброшены и остатки батальона освобождены, но дальнейшее свое существование, из-за громадных потерь, батальон прекратил и ставшиеся чины его отпущены по домам. Подполковник Ким, оставшись невредимым, получил назначение от барона в Харбин. Сбив первое препятствие, дивизия продолжала уже без боев поход, имея лишь мелкие стычки в своих разъездах.

Однажды на походе меня вызвал барон и приказал с полком форсированным маршем отправиться в Даурию и, собрав там все остатки дивизии, защищать военный городок от попытки взятия его каппелевцами, причем показал мне письмо атамана Семенова, только что им полученное, в котором он приказывает не допускать никого в Даурию. Я доложил, что моя первая сотня — лучшая из сотен, вся из европейских солдат и с прекрасным офицерским составом — находится в дальних разъездах. Он приказал выступать без нее и бросил: “Действуйте энергично”. “Слушаюсь!” — и с тяжелым сердцем, с тремя сотнями, я выступил в Даурию. Прибыл во время, когда только что подошел эшелон с 8-м Камским адмирала Колчака полком и двумя бронепоездами: один из них с экипажем из каппелевцев — “Всадник”, другой старый атамановский — “Забайкалец”, на котором начальниками пулеметного и артиллерийского вагонов были мои друзья по Франции — немного отлегло.

Я послал своего адъютанта передать командиру полка, что в Даурии есть начальник гарнизона — я, назначенный бароном. О приказе атамана барону я, естественно, не имел права никому объявлять. Явился ко мне командир полка и на основании приказа Командующего армией предложил мне сдать ему Даурию и войти в подчинение — я отказал, ссылаясь на устные инструкции начальника дивизии. Начались бесплодные переговоры между нами: он из эшелона, я из своего штаба, предупредив его, что запрещаю выход из эшелонов даже отдельным людям. Из бронепоезда “Забайкалец” пришли мои друзья, предупредившие, что их бронепоезд будет нейтральным, а в случае необходимости, — станет на мою сторону. Мобилизовав на месте все, что можно, подкрепив форты, я в конном строю и с песнями прошел на виду камцев. Создалось весьма тревожное настроение и запахло возможностью открытия военных действий. Неожиданно меня — по моей фамилии — вызвали к прямому проводу штаба армии. От командующего армией — генерала Лохвицкого, ротмистра Жадвойн — офицер штаба (мы хорошо были знакомы во Франции) передал приказ сдать Даурию командиру Камского полка. Я отказал, ссылаясь на приказ моего непосредственного начальника, к которому предложил обратиться с данным приказом. Так продолжалось дня два. Как-то ночью от меня перебежал в эшелон капитан Смирнов, начальник части пулеметной команды бывшей со мной; я потребовал от камцев выдать мне дезертира, в чем получил отказ. По прямому проводу из штаба армии мне сообщили, что отдан приказ командиру Камского полка взять Даурию огнем, открыв боевые действия в такой-то части, а неофициально — просьба генерала Лохвицкого ко мне, как к своему в прошлом офицеру и знакомому по дому во Франции, подчиниться приказу. Зная хорошо барона, я не мог нарушить его приказа и, в особенности, исполнить другой приказ, противоречивший данному им. После долгого раздумья, я обещал генералу Лохвицкому через 2 суток (кажется так) уйти из Даурии и чтобы камцы до моего ухода не выходили из вагонов. Мое условие было принято.

За эти дни, я непрерывно посылал донесения барону, которые доставляли верхами буряты, и я ожидал от него распоряжений. Вызвав от нашего коменданта ст. Маньчжурия генерал-майора Казачихина железнодорожные составы, я погрузил свой отряд, забрал обмундирование и обувь из складов, снаряды для пушек, сахар, табак, чай из нашего интендантства, попросил коменданта ст. Маньчжурия о

высадке на ст. Мациевская (первая от китайской границы на русской земле), перевозочных средств, уехал из Даурии и выгрузился на Мациевской. Перед своим отъездом я написал подробный рапорт главнокомандующему — атаману Семенову и командировал жену одного из офицеров с моим вестовым для вручения пакета лично атаману, что ею и было исполнено. Первую дневку я сделал в ст. Абагайтуй, где гарнизоном стояла японская рота. Завязав дружбу с японским самураем, я оставил ему на попечение весь свой груз, а сам с отрядом налегке отправился на присоединение к дивизии. На следующей ночевке я получил ответ от барона на мои рапорты: прибыл подполковник Лауренц с одним из личных ординарцев барона, комендантский эскадрон и 2-я батарея. Признаться, душа ушла в пятки... и я приготовился к контратаке.

Но вышло все наоборот: Лауренц передал мне благодарность барона (редчайшая штука от него) и сказал, что возглавляет ныне соединенный отряд, и что по приказанию барона он будет брать Даурию с боем. Мы выступили и, находясь на разъезде, что в трех верстах от нашего города, был выслан офицерский разъезд осветить обстановку в сторону Читы. Воинские эшелоны и бронепоезда вошли в Даурию, где я увидел генерал-майора Дашкевич-Горбатского и генерального штаба полковника Канабеева. Начальнику разъезда генерал заявил: “Я прибыл сюда по приказанию атамана для ликвидации инцидента. Каппелевцы ушли, а Вас прошу войти”. Мы прошли церемониалом мимо генерала; по моему настоянию, я с полковником Канабеевым осмотрели состояние фортов, а вечером в собрании приветствовали миссию ужином с песнями.

Через несколько дней, по сведениям от бурята, красные партизаны появились недалеко от нас, в силу чего я непрерывно находился на северном форту и выслал усиленные разъезды. Под утро один из разъездов донес мне, что подходит колонна дивизии с самим бароном. Так как вечером, по диспетчеру из Читы, мне дали знать, что атамановский поезд с броневиками идет в Маньчжурию, я приготовил одну сотню в пешем строю, для почетного караула на наш вокзал, к проходу поезда ранним утром. К назначенному времени сотня выстроилась и я с полковником, при подходе поезда стали на правый фланг. Командир сотни подал команду для встречи, и в это время на перрон верхом на Машке (дивная верховая лошадь, светлосерой маски — подарок атамана) появился барон. Отдав приказание убрать бегом сотню и нам самим скрыться, он спрыгнул с лошади и крикнул коменданту станции, чтобы поезд не останавливался и вскочил в вагон атамана. Через несколько часов атаман возвратился обратно — он отвозил даму сердца — цыганку Машу и простился с ней окончательно. Выскочивший из поезда барон подошел к Лауренцу и ко мне и, всматриваясь в мои глаза, сказал только: “Спасибо, Шайдицкий”!

В июле японское командование заявило об эвакуации ими Забайкалья в месячный срок. Русское командование учло, что с уходом 5-й японской дивизии, нельзя будет удерживать территорию в тех границах, которые существовали при японцах, а посему решило всю армию сосредоточить к востоку от р. Онон с тем, чтобы, базируясь на Маньчжурию, удержать за собой юго-восточную часть Забайкалья, имея сильный арьергард в Чите, и вывезя из нее все склады. Барон не пожелал подчиниться этому приказу и объявил об уходе своей дивизии в Монголию, с целью объединить и присоединить к себе разрозненные части отрядов атаманов Дутова и Анненкова,

генерала Бакича и всевозможных белых партизанских партий. Даурия передавалась в распоряжение Армии, и первыми вошли эшелоны Читинского военного училища с вагоном золота. Это золото, при оставлении русской территории, атаман роздал войсковым частям, сообразуясь со списочным составом каждой части.

Должность начальника укрепленного района я сдал генерал-майору Тирбаху и попросил у барона отпуск на несколько дней в Читу. В это время начались признаки дезертирства из дивизии, идущей куда-то в неизвестность, когда вся армия собирается в кулак и ждет перемирия с большевиками. Исчезло и некоторое количество офицеров, и моя просьба об отпуске была очень рискованной; при малейшем намеке, что я ищу прямого способа оставить дивизию (а не тайком исчезнуть), могло бы печально кончиться для меня. Но возникла еще большая опасность, когда на его вопрос “зачем”, я сказал: “Ваше Превосходительство, я очень нехорошо чувствую себя, что генерал Лохвицкий может неправильно понять мои действия, и я хочу объяснить ему законность моих действий, дабы сохранить наши отношения — для меня это важно”. Как и впервые встретившись в феврале, так и сейчас в августе, мы долго смотрели в глаза друг другу: “Хорошо, через пять суток быть здесь”. — “Слушаюсь, покорно благодарю, Ваше Превосходительство”.

Вернулся я в срок, но дивизии уже не застал. Только барон один знал, что дивизия выступит на рассвете следующего дня, в канун которого я был у него. Барон был у себя. Представившись, он подвел меня к окну, указал на далеком горизонте одинокую сопку на границе с Монголией и сказал: “По компасу на продолжение створа. Я оставил для Вас конвой в одном взводе с двумя пулеметами Шоша и при двух офицерах. Ваши лошади здесь. Увидимся в Акше”. Я искренно поблагодарил и откланялся. Занося ногу в стремя, я сделал последнюю затяжку папиросы, запас их дал вестовому и предложил гг. офицерам последовать моему примеру, ибо в Монголии курить будет нечего и курящие будут мучиться. Через двое суток я нагнал дивизию на походе, шедшей под командой генерала Резухина — помощника барона, бывшего командира 1-го полка, вернувшегося после очень тяжелого ранения, полученного под Оловянной.

Прибыл в г. Акшу — 4-й отъезд Забайкальского казачьего войска. К границе Монголии, где были красные части, в поселок у брода р. Онон в 35 верстах от Акши, был выделен в авангард один полк, сменявший еженедельно и без смены, 2-я батарея под командой капитана Дмитриева (из подпрапорщиков артиллеристов мирного времени за боевые отличия). 1-й батареей командовал капитан Попов (кадровый офицер из артиллерийского училища). Дивизия отдыхала и занималась в ожидании приезда начальника дивизии. В дивизии находился японский эскадрон из добровольцев, который после взятия Урги исчез. Барон находился в Даурии, устанавливая снабжение дивизии и пути сообщения с Маньчжурией и устраивая там тыловые базы. Подошла моя очередь сменить полк в поселке, где я и расположился. Красные части из-за Яблонового хребта начали действовать в нашем районе. Разъезды и внутренние караулы были от одной и той же сотни, несущей службу посуточно. Лошади полка и батареи были на островке, посередине реки на пастбище, 1-я сотня состояла из солдат Сибирской армии, 2-я и 3-я из иногороднего сословия Забайкалья и их села были по ту сторону Яблонового хребта. 4-я сотня — смешанная с вьючными пулеметами.

Однажды на рассвете меня разбудил дежурный офицер по поселку и доложил, что 2-я и 3-я сотни ушли за Онон к большевикам. Подняв тревогу и приказав выставить охранение от 1-й сотни, я установил, что 2-я и 3-я сотни решили отправиться домой “по хорошему”, для чего они тайно постановили: уйти во время несения службы 2-й сотни, вахмистр которой был энергичный. Офицеров полка не трогать, а до ухода сотен, держать под караулом и в случае, если они захотят вырваться, то просить их не делать этого до снятия караулов у хат; офицерских и заводных лошадей не брать, кроме личного оружия, взять только легкие пулеметы Шоша, по одному на взвод. По следам на земле обнаружилось их направление, и каким строем они шли: по “три”, то есть тем строем, который был запрещен в нашей дивизии. Мне оставалось лишь одно: послать донесение генералу Резухину, по приказанию которого в тот же день я был сменин другим полком. В длинной беседе с истинным офицером и прекрасным человеком — генералом Резухиным, мы коснулись всех вопросов, не договаривая лишь о конце всей этой истории для меня лично: расстрел казался неизбежным и я приготовился к расставанию с жизнью, но дорогой ценой. Офицеры 1-й сотни горячо просили меня дать согласие на их план: вместе со всей сотней “драпануть” в Дальневосточную армию, расположившуюся по первоначальному плану и заключившую с большевиками договор о перемирии на станции Хадак-Булак. Я решительно и резко ответил отказом.

В один из вечеров раздался звон колокольчиков: барон приехал и остановился у генерала Резухина. Жутко вспоминать мое тогдашнее состояние. После полуночи явился от барона всадник комендантского эскадрона, требовавший меня к себе. С этой минуты я весь напрягся, собрал все свое самообладание, постарался успокоить нервы, перекрестился и вышел из дома на улицу. Впереди шел всадник, но вел меня не к дому генерала Резухина, а в другом направлении. Я “водил вокруг себя глазами и ушами”, прислушиваясь в полной тишине и темноте в станице к малейшему шуму, отстегнув кобуру револьвера, переместив ее по поясу к животу, чтобы быстрее вынуть и даже немного вынул клинок шашки из ножен, как полагается это делать по предварительной команде “шашки вон”. Всадник вошел в дверь дома и, всматриваясь по сторонам улицы, я вошел за ним, но она оказалась дверью на балкон, идущей вдоль всего дома со стороны сада, дверь же в дом находилась в конце. Вошел в коридор — темно, всадник открыл другую дверь и, войдя в нее, я оказался в комнате; дверь за мной закрылась, всадник остался по ту сторону. Я увидел барона, рапортовал ему о приходе и быстро, осмотрев комнату, стал вплотную к стене, подальше от дверей и окон. Сидя на стуле с ногами (обычная его поза), он пил чай (тоже обычный напиток) и, быстро окинув меня стальным взглядом, сказал: “Рассказывайте”. Ему нужно было всегда говорить коротко и ясно, и я в кратких словах доложил, будучи уверенным, что он все детали уже знает от генерала Резухина. “Сколько вы истратили?” — “165 рублей на подбивку подошв к сапогам всадников”. Перед выходом из Даурии в Монголию, барон раздал 5 мешков с золотыми русскими монетами, каждый в сумму 10.000; трем командирам полков и двум командирам батарей на расходы по усмотрению начальников частей. Жалованье выплачивалось, как и раньше, дивизионным казначеем по расчету: командир полка и батареи — 40 зол. руб., помощники — 35, командиры сотен — 30, младшие офицеры — 25, все унтер-офицеры — 15, всадники — 15 на двух. Деньги командирам были выданы без расписок, доку-

ментов в расходовании их не требовалось — все строилось бароном на этике офицера. На мой ответ, барон вспыхнул: “Вот оттого и сбежали у Вас, что Вы не “завели” людей, которым надо было платить, и Вы бы все знали, что делается”. На это уже я вспыхнул и сказал: “Ваше Превосходительство, я кадровый офицер и не могу подкупать своего солдата”. Наступило молчание, барон встал и стал ходить по комнате. Висячая лампа стала качаться, я вдавился еще больше в стену и следил за каждым его жестом, вслушиваясь в тишину, царившую в доме и за домом. Вот-вот, мне казалось, войдут всадники комендантского эскадрона и меня схватят.

Барон остановился передо мной почти вплотную, моя рука невольно потянулась к револьверу, он видимо понял мой жест, а может быть, мне показалось, что он заметил это (возможно, что сейчас мне это причудилось при воспоминании), но он быстро отошел от меня и сел на стул в своей позе и сказал: “Передайте 1-ю сотню Циркулинскому, 4-ю разделите (между полками — так я понял)”. — “Слушаюсь, куда прикажете передать обоз?” — “Тоже ему” — “Ваше Превосходительство, как поступить с золотом?” — “Казначею дивизии”.

И, набравшись храбрости, чувствуя, что непосредственная опасность миновала, я говорю: “Ваше Превосходительство, зачислите меня в какую-либо часть хоть всадником”. — “Чего Вы каетесь, я не Богородица, отправляйтесь к Циркулинскому”, — и, не получая разъяснения, я спрашиваю: “В качестве кого?” — “Советником”. Решив до конца все выяснить, я еще задал вопрос: “Ваше Превосходительство, куда назначаете моего помощника по строевой части подполковника Кузнецова и адъютанта штабс-капитана Бенардского?”. — “Оставьте при себе”. Только теперь я почувствовал, как я был нервно напряжен и от истраченной энергии и воли, я почувствовал, что стал “обмокать” — почувствовал большую усталость. Спросил, могу ли уйти и, получив разрешение, все же с осторожностью вышел на улицу и... ахнул. У самых дверей стоял командир 1-й сотни поручик Плясунов, около него я увидел своего вестового с моим конем, а вдоль заборов и домов по обе стороны улицы вся сотня на седлах. Оказалось, что вслед за мной подошла вся сотня к дому барона на случай, если со мной что-либо случится. Этот случай, конечно, не мог не дойти до барона, но он не давал повода думать иначе.

Барон решил поймать моих беглецов и вместе с сим ликвидировать красный отряд комиссара Рая, преграждавшего нам путь в Монголию. Барон с 1-м полком, комендантским и японским эскадронами и с 2-мя батареями повел наступление в лоб на станицу Кыра, находившуюся за рекой в предгорьях хребта, а 2-й полк Циркулинского с моей 1-й сотней пустил через малый хребет в обход станицы. С Циркулинским у меня всегда были прекрасные отношения (войсковой старшина Оренбургского казачьего войска), и в этой операции мы дружно дополнили один другого. Перейдя хребет по тропочкам, спустились к речке и, сидя в седлах, под сильным огнем красных, переправились через нее и захватили с боя станицу, взяв многих пленных. Благодаря нашему маневру, открылась дорога и барону. Въехав в станицу, он приказал ликвидировать пленных, сам с комендантским эскадронам промчался догонять моих дезертиров, но не настиг — они уже перешли главный хребет.

В Кыре мы остановились на продолжительный отход. Барон отдал приказ: по усмотрению командиров частей уволить тех офицеров и всадников, которые не смо-

гут по физическому своему состоянию продолжать поход в Монголию, не испрашивая его утверждения; я уволил от службы одного поручика, весьма слабого здоровьем. Однажды барон вызвал меня и сказал ошеломившую меня новость: “Назначаю Вас моим представителем при атамане, отправляйтесь и передайте ему привет и будьте в его распоряжении. Пришлите мне всех Ваших “французов”, они нужны здесь”.

Поблагодарив, я спросил, куда назначаются Кузнецов и Бенарадский, на что получил ответ: “Возьмите с собой и делайте что хотите”. Перед отъездом, я собрал офицеров своего и 2-го Конного полков и устроил ужин, чтобы их слить между собой и распрощаться со всеми. При прощании с бароном, он на клочке бумаги (как всегда это делал) написал мне сумму в золоте, какую должен был выплатить мне казначей дивизии (какую, не могу вспомнить, но крупную) и, увидев у меня Цейсовский бинокль, полученный мною в училище при производстве в офицеры, сказал: “Он не нужен Вам больше, дайте мне”, и я ему преподнес. Он взял другой клочок бумаги и написал на ней 300.00 золотом (других денег у нас не было), и, несмотря на мой отказ взять эту бумажку, так как я делаю ему подарок, он сказал: “Я подарков не принимаю”.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БАРОН РОМАН ФЕДОРОВИЧ УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ ФОН ПИЛЬКАУ

По окончании Павловского военного училища в 1908 году, вышел в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. В 1910 году после дуэли перевелся в 1-й Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк. В 1913 году Военное министерство командировало группу кавалерийских офицеров инструкторами в Монголию. В число их стремился попасть барон Унгерн, но ему было отказано, вследствие чего он вышел в запас и самостоятельно отправился в Монголию. Около года он пробыл во Внешней и Внутренней Монголии, завязал крепкие сношения с ламами и с самими монголами, изучил их язык и, пройдя степями и через хребты гор, неожиданно появился в начале лета 1914 года в г. Благовещенске.

В описываемое время, далеко на западе — в Туркестане, в г. Джаркент, генерального штаба полковник Краснов командовал 1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеевича полком. В 1916 году полк получил шефа: Его Величество. В полку двумя сотнями командовали будущие герои Гражданской войны в Сибири: атаман Семиреченского казачьего войска — генерал-лейтенант Анненков и генерал-майор Волков; полковником, возглавлявшим офицерское выступление по ликвидации социалистического правительства в Омске 18 ноября 1918 года, приведшее к власти адмирала Колчака. Личным ординарцем командира полка полковника Краснова состоял старший урядник Глебов, при мобилизации назначенный, в звании вахмистра, старшим ординарцем к командующему 2-й армией генералу Самсонову. Из окружения он выскочил с несколькими чинами штаба. Великую войну он окончил с “полным бантом” и чином подъесаула, а Белую борьбу — в Сибири и на Дальнем Востоке — в чине генерал-лейтенанта, в должности начальника Сводной казачьей дивизии. В Шанхае, по его инициативе, при всемерной поддержке отдела Русского общевойскового союза, по проекту военного инженера полковника Александра Ивановича Яроне, в прошлом

строителя порта и крепости императора Александра III в Либаве, был выстроен дивный храм-памятник во честь государя императора Николая II и его августейшей семьи. От фундамента до креста на главном куполе вся работа проходила под непосредственным руководством Фаддея Львовича Глебова, с его личным участием в качестве простого рабочего. По окончании 2-й Великой войны он там и умер.

С объявлением войны в 1914 году, барон самостоятельно поехал на театр военных действий и там вступил в 54-й Донской казачий полк. Когда Уссурийская конная дивизия пробывала на фронт, барон перешел на службу в 1-й Нерчинский Е.И.В. Наследника Цесаревича полк Забайкальского казачьего войска и был назначен начальником партизанского отряда. В первые же месяцы войны, почти одновременно с сотником Семеновым — будущим атаманом, оба были награждены за боевые отличия орденом Св. Георгия. Характерно, что барон исчезал из полка, когда его часть уходила в тыл, и вновь появлялся в своем полку, когда он возвращался на позиции.

К концу войны, барон и Семенов были переведены в 3-й Верхнеудинский полк своего войска на Кавказский фронт.

После революции оба пробрались на территорию своего войска и вместе приступили к формированию особого Маньчжурского отряда, во главе которого стал есаул Семенов, на территории Маньчжурии. При продвижении отряда на Читу, барон остановился на ст. Даурия, около которой в мирное время стоял большой гарнизон, и укрепился. Впоследствии его отряд развернулся в отдельную Азиатскую конную дивизию, начальником которой он и стал.

В Монголии барон почитался “земным богом”, в армии и у населения – свирепым или сумасшедшим, а за Забайкальем — легендарным бароном. В своей дивизии слово “барон” произносилось с каким то таинственным полусшепотом, но в среде офицеров он имел прозвище “дедушка” — объяснения этому имени я так и не добился, ибо по возрасту он не подходил под это определение.

В казарме, занимаемой штабом дивизии с его личной квартирой, была одна комната, в которой находились все отобранные им от проезжавших разных лиц через Даурию, в драпаниии своем за границу, всевозможные драгоценности, а также со складов, в которых было спрятано множество различного имущества, незаконно присвоенного, например, меха, сахар, табак и пр. и пр. В эту комнату однажды я был позван бароном по поводу поданного мною рапорта о разрешении вступить в первый законный брак. Я подал этот рапорт, когда был еще помощником командира. Результат нашей беседы, вернее моего рассказа о себе и о невесте, который он заставил меня изложить, превзошел самые смелые надежды: оставив меня одного после моего доклада, он вышел и вернулся с пачкой денег. “Подарок на кольца”, — как он выразился, добавив, что дает мне свой салон-вагон с паровозом для поездки на ст. Маньчжурия и письмо священнику храма “с приказанием” обвенчать нас: была пятница третьей недели Великого поста 1920 года. В Маньчжурии стоял наш бронепоезд “Казак”, к командиру которого, полковнику Москаленко, я обратился со странной, но необходимой, просьбой: сделать наряд двух шаферов. На поезде жила жена командира и ее подруга — жена штаб-офицера штаба атамана, и они организовали нам пышную свадьбу на поезде. Барон, всегда отстоящий далеко от дамского общества и избегавший его, в данном случае был тем же дикарем; он только подавал мне советы, то

отправить жену в Маньчжурию, где имелась комната для нее, ввиду приближения красных банд к Даурии, или, когда было в округности все спокойно, привезти ее.

До сих пор я не могу найти ту исключительно добрую причину, которая побудила его отправить меня в тыл под видом командировки к атаману в то время, когда он так нуждался в офицерах, о чем часто мне говорил. По воле Божией я был освобожден бароном от того кошмара в Монгольском походе, который он, несомненно, предчувствовал и от которого, остается предположить, он хотел меня избавить — за что я глубочайше ему благодарен. Мир праху его и вечная память!

После моего отъезда из дивизии, барон выступил на столицу Монголии — Ургу, с целью взять ее у китайцев с боем, для устройства в ней своей постоянной базы в действиях в Монголии и в вылазках на русскую землю. В китайский новый год — в феврале — в звуках хлопучек и во вспышках фейерверков в честь наступающего нового года, щедро расточаемых китайцами с целью испугать небесного дракона и отогнать его от луны, которую он готов вот-вот пожрать, в более сильных их проявлениях, примешалась пулеметная стрельба и артиллерийский огонь Азиатской конной дивизии. Китайский гарнизон капитулировал, и барон вступил в столицу и объявил ее своей базой. В непрерывных походах по Монголии для очищения ее как от китайских войск, так и от просочившихся красных банд, собирая и всасывая в себя все белые отряды, отрядики и отдельные белые партии, выскакивающие из Сибири от преследования большевиков, барон исколесил Монголию и объединил все находящееся на ее территории белое русское воинство. Двумя колоннами (одна под его, другая — генерала Резухина командованием), он повел наступление на русскую землю в направлении г. Троицкосавск, с целью отрезать Забайкалье от остальной Сибири. Потерпев крупное поражение, барон отступил внутрь Монголии. Эта первая его неудача поколебала веру в него, вызвав разочарование в целях похода, а главное, до дивизии дошли сведения, что Дальневосточная армия прекратила борьбу на русской земле и интернировалась в Китае. Переживая очень остро эти события, барон начал проявлять жестокость и разделялся с чинами дивизии, хоть и по заслугам, но чрезвычайно свирепо. Расстрелы, сжигание на кострах, сидение в морозы голым на крыше, порка — все это вызвало озлобление, и среди офицеров стал назревать заговор об убийстве своего начальника. Участилось дезертирство, доходящее до ухода целыми группами, но всех их кончили в степи буряты или монголы, имевшие на этот счет приказ барона — своего живого Будды. Об этом приказе никто из убежавших не знал и посему, удирая из дивизии, обрекали себя на смертную казнь.

Наконец, “офицерский” заговор назрел: генерал Резухин был убит офицерами единственно за то, что он был лояльным по отношению к барону и являлся его заместителем. Несколько прямых покушений на барона не удались, когда, наконец, его поймали и, связав по рукам и ногам, оставили на дороге, в виду приближающейся колонны красных. То, что было раньше Азиатской конной дивизией — оставшаяся группа разделилась на две части, под командой своих старших начальников вышла в Маньчжурию: одна в Хайлар, другая на линию Южно-Маньчжурской железной дороги. Часть чинов этих групп осталась в Харбине, другая пробралась в Приморье, где еще продолжалась борьба с красными. Завладев таким ценным призом, как генерал Унгерн, красные посадили его в клетку, поставили на железнодорожную платформу

и возили на показ по Забайкалью и Сибири, в форме генерала и с Георгием на груди. В это время полковник Ким снарядил из Харбина корейцев на разведку о судьбе барона в Сибирь, которые, вернувшись, рассказали, что в Новониколаевске в театре был устроен публичный суд над генералом. На суде, на котором в публике были эти корейцы, барон издевался над судьями и большевистской властью до тех пор, когда один из комиссаров подошел сзади к генералу и выстрелил в затылок.

Вечная память идейному борцу за Белую идею и истинному Воину!

Шайдицкий В.И. 1963. На службе Отечества. Сан-Франциско. С.394–406, 408–411.

Г.М. Семенов. О себе: ВОСПОМИНАНИЯ, МЫСЛИ И ВЫВОДЫ

3-й Забайкальской отдельной казачьей бригадой, в состав которой входил полк, командовал мой троюродный брат, в то время генерал-майор, Дмитрий Фролович Семенов. Его штаб находился в г. Урмия³¹⁸.

Предполагаемое в то время наступление на Кавказском фронте, из-за которого я перевелся на этот фронт, не развивалось, но я не сожалел о своем приезде в Персию, ибо все же лучше было нести службу на передовых позициях, чем, имея дело с предателями родины, заниматься уловлением дезертиров в тылу армии. <...>

Первые же дни революции показали невозможность для офицерского состава справиться с развалом в армии, который еще усугублялся выделением из полков лучших элементов для формирования так называемых ударных частей при штабах дивизий, корпусов и армий. В полках оставались солдаты, вовсе не желавшие воевать и постепенно расходившиеся по домам, и офицерский состав, который чувство долга заставляло оставаться на своем посту до конца. Видя полный развал, охвативший армию, я вместе с бароном Р.Ф. Унгерн-Штернбергом решил испытать добровольческие формирования с тем, чтобы попытаться оказать давление на русских солдат если не моральным примером несения службы в боевой линии, то действуя на психику, наличием боеспособных, не поддавшихся разложению частей, которые всегда могли быть употреблены как мера воздействия на части, отказывающиеся нести боевую службу в окопах.

Получив разрешение штаба корпуса, мы принялись за осуществление своего проекта. Барон Унгерн взял на себя организацию добровольческой дружины из местных жителей — айсаров, в то время как я написал в Забайкалье знакомым мне по мирному времени бурятам, пользующимся известным влиянием среди своего народа, предлагая им предложить бурятам создать свой национальный отряд для действующей армии и этим подчеркнуть сознание бурятским народом своего долга перед революционным отечеством. Слова “революция”, “революционный” и прочие в то сумбурное время оказывали магическое действие на публику, и игнорирование их всякое начинание обрекало на провал, так как почиталось за революционную отсталость и приверженность к старому режиму. Правда, не исключалась возможность под флагом “революционности” вести работу явно контрреволюцион-

ную. Среди широкой публики мало кто в этом разбирался; важно было уметь во всех случаях и во всех падежах склонять слово “революция” — и успех всякого выступления с самыми фантастическими проектами был обеспечен.

В апреле месяце 1917 года к формированию айсарских дружин было приступлено. Дружины эти под начальством беззаветно храброго войскового старшины барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга показали себя блестяще; но для русского солдата, ошалевшего от революционного угара, пример инородцев, сражавшихся против общего врага, в то время как русские солдаты митинговали, оказался недостаточным, и потому особого влияния появление на фронте айсаров на положение фронта не оказало. Фронт продолжал митинговать и разваливаться. <...>

После соглашения с монголами, ввиду предстоящего формирования из них охранных частей для западного участка линии КВЖД, я назначил барона Унгерна комендантом города Хайлара, приказав ему привести в порядок русские части, квартировавшие там. В Хайларе находились части Железнодорожной бригады и конные части корпуса Пограничной стражи. Не только солдаты этих частей, но и большинство офицеров их были совершенно разложены большевизмом, и во многих случаях именно офицеры являлись инициаторами и руководителями во всех революционных нововведениях во внутренней жизни строевых частей и в их внешних политических выступлениях. Поэтому назначение барона Унгерна комендантом города было встречено упорным сопротивлением, чуть ли не полным бойкотом со стороны офицерского состава, не желавшего подчиниться вновь назначенному коменданту города. Небольшая часть офицеров, понимавшая обстановку и готовая помочь барону, встретила противодействие со стороны старой комендатуры, подыгрывавшейся под настроения распушенной солдатской массы. Одним из выдающихся офицеров местного гарнизона являлся штаб-ротмистр Межак; он не только не поддавался разлагающему влиянию большевизма, но и сумел сохранить свою сотню, единственную часть в Хайларе, имевшую в то время воинский облик. Штаб-ротмистр Межак со своей сотней добровольно подчинился барону и предоставил себя в полное его распоряжение.

В середине января 1918 года я получил от барона Унгерна донесение о необходимости принятия решительных мер в отношении преступного поведения некоторых офицеров гарнизона. В связи с этим я вынужден был поехать в Хайлар, чтобы согласовать вопрос с монгольскими властями. Вопрос был быстро разрешен, и ночью я решил произвести разоружение старого хайларского гарнизона, несмотря на то, что в нашем распоряжении находился только наскоро сформированный дивизион Монголо-бурятского полка, укомплектованный баргутами. Мы имели основание также рассчитывать на содействие конной сотни штаб-ротмистра Межака.

Было установлено, что в день предполагаемого разоружения комитет гарнизона должен был иметь заседание около 11 часов вечера. Это время мы и решили использовать для разоружения казарм. Численность гарнизона достигала 800 штыков, мы имели 250 конных баргут и одну сотню штаб-ротмистра Межака. Здесь уже наша уверенность в успехе была полной, не то, что было 19 декабря на станции Маньчжурия, когда мы в числе семи человек разоружили 1500 человек.

Разоружение было произведено бароном Унгерном в течение не более двух часов времени настолько безболезненно, что гарнизонный комитет, заседавший в

это время, даже не подозревал о случившемся. Разоруженные на утро следующего дня были эвакуированы через станцию Маньчжурия в глубь России.

Хайлар мы успели занять раньше, чем туда подошли китайские части. Они концентрировались в первую очередь на границах, полагая, что в тылу их расположения уже никто не сможет распоряжаться. Поэтому захват нами Хайлара китайцами был воспринят крайне нервно.

Желая утвердить свое влияние до Хингана, я вскоре командировал барона Унгерна со 150 баргутами для занятия станции Бухэду. Там уже находился китайский гарнизон, и барон Унгерн был встречен китайцами внешне очень радушно и даже приглашен на обед к начальнику гарнизона. Но пока он обедал, его баргуты оказались разоруженными, а самого его арестовали. Находясь в Хайларе, я был немедленно извещен о случившемся. Мне пришлось прежде всего успокаивать баргутских начальников, которые факт разоружения нашего отряда рассматривали как начало враждебных действий между китайцами и нами, а затем придумывать способы для освобождения барона Унгерна и обратного получения отобранного у его отряда оружия. Каких-либо вооруженных сил в своем распоряжении я не имел, взять хотя бы небольшое количество людей из Маньчжурии не решался, так как ожидал, что китайцы воспользуются случаем и не допустят обратного моего возвращения в Маньчжурию, что лишило бы меня базы и имущества, приобретенного мною после разоружения 720-й дружины. Оставалось применить снова хитрость и психологическое воздействие, что мне удалось уже однажды в Маньчжурии при разоружении дружины. Я взял два товарных вагона и платформу. На платформу я поставил скат колес с осью от казенной обозной двуколки, положил на него длинное круглое полено, приблизительно соответствующее длине тела орудия, и закрыл его брезентом. С этим “броневиком” я выдвинул команду баргут под командой моего офицера к станции Бухэду, а начальнику гарнизона ее одновременно послал ультимативную телеграмму, в которой сообщил о посылке броневика, которому приказано разгромить все Бухэду, если к его приходу мой офицер и солдаты не будут освобождены и отобранное оружие возвращено. Спустя два часа после этого я получил сообщение, что офицер и солдаты уже на свободе, оружие им возвращено и весь инцидент вызван недоразумением, о котором начальник гарнизона станции Бухэду весьма сожалеет. Вслед за тем и сам барон Унгерн сообщил мне, то он освобожден и оружие баргутам возвращено, но ввиду наличия сильного китайского гарнизона в Бухэду он не считает возможным оставаться там далее. На другой день барон со своим отрядом и с посланным на выручку ему “броневиком” вернулся в Хайлар.

Успех самых фантастических наших выступлений в первые дни моей деятельности был возможен лишь при той взаимной вере друг в друга и тесной спайке в идеологическом отношении, которые соединяли меня с бароном Унгерном. Доблесть Романа Федоровича была из ряда вон выходящей. Легендарные рассказы о его подвигах на Германском и Гражданском фронтах поистине неисчерпаемы. Наряду с этим, он обладал острым умом, способным проникновенно углубляться в область философских суждений по вопросам религии, литературы и военных наук. В то же время он был большой мистик по натуре, верил в закон возмездия и был религиозен без ханжества. Это последнее в религии он ненавидел, как всякую ложь, с которой боролся всю свою жизнь.

В области своей военно-административной деятельности барон зачастую пользовался методами, которые часто осуждаются. Надо, однако, иметь в виду, что ненормальность условий, в которых протекала наша деятельность, вызывала в некоторых случаях неизбежность мероприятий, в нормальных условиях совершенно невозможных. К тому же все странности барона всегда имели в основе своей глубокий психологический смысл и стремление к правде и справедливости.

Помню такой случай: в хайларском гарнизоне был некий доктор Григорьев, который с самого прибытия барона в Хайлар поставил себя в резко враждебные отношения к нему и не останавливался перед чисто провокационными выступлениями с целью дискредитировать барона. Мною было отдано распоряжение о беспощадной борьбе с большевиками и провокаторами, на основании которого после одного особенно возмутительного выступления доктора Григорьева барон его арестовал, предал военно-полевому суду, сам утвердил приговор и сам распорядился о приведении его в исполнение, вследствие чего Григорьев был расстрелян. Когда все было кончено, барон поставил меня в известность о случившемся. Я потребовал, чтобы в будущем барон не допускал подобных вопиющих нарушений судопроизводства и без моей санкции не производил никаких расстрелов, но Роман Федорович, который специально приехал из Хайлара, чтобы выяснить этот вопрос, упорно доказывал мне, что в данных условиях не всегда возможно придерживаться буквы закона; обстановка требовала решительности и быстроты в действиях, и в этом отношении, в условиях зарождавшейся Гражданской войны, всякая мягкотелость и гуманность должны быть отброшены в интересах общего дела.

Наряду с тем Роман Федорович был искренне верующим человеком, хотя взгляды его на религию и на обязанности человека в отношении ее были достаточно своеобразны. Барон был твердо убежден, что Бог есть источник чистого разума, высших познаний и Начало всех начал. Не во вражде и спорах мы должны познать Его, а в гармонии наших стремлений к Его светоносному источнику. Спор между людьми, как служителями религий, так и сторонниками того или иного культа, не имеет ни смысла, ни оправданий, ибо велика была бы дерзновенность тех, кто осмелился бы утверждать, что только ему открыто точное представление о Боге. Бог — вне доступности познаний и представлений о Нем человеческого разума.

Споры и столкновения последователей той или иной религии между собой неизбежно должны порождать в массах, по мнению барона, сомнения в самой сути существования Бога. Божественное начало во Вселенной одно, но различность представлений о Нем породили и различные религиозные учения. Руководители этих учений во имя утверждения веры в Бога должны создавать умиротворяющее начало в сердцах верующих в Бога людей на основе этически корректных отношений и взаимного уважения религий.

Вероотступничество особенно порицалось покойным Романом Федоровичем, но не потому, однако, что с переходом в другую религию человек отрекается от истинного Бога, ибо каждая религия по своему разумению служит и прославляет истинного Бога. Понимание Божественной Сути разумом человеческим невозможно. “Бога нужно чувствовать сердцем”, — всегда говорил он. <...>

В начале января большевики усиленно начали вооружать Красную гвардию и рабочих Забайкальской железной дороги. Вообще, оружие свободно раздавалось

всем, кто стоял за Советскую власть. Необходимо было устранить грозившую опасность и в то же время показать населению и союзникам силу отряда. По этим соображениям, барону Унгерн-Штернбергу приказано было 11 января сделать набег на станцию Оловянная для разоружения красногвардейцев; в распоряжение барона были даны прапорщики Сотников и Березовский и 23 человека команды. Отряд обезоружил железнодорожное депо и исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Отобрано было 175 винтовок и 4 ящика патронов. 13 числа отряд благополучно вернулся в Маньчжурию. <...>

После отъезда генерала Войцеховского, на пост командующего армией мною был назначен генерал-лейтенант Лохвицкий, взявший начальником штаба к себе генерала Акинтьевского. Новый командующий армией быстро подпал под влияние группы генералов-оппозиционеров и повел политику отчуждения меня от моих коренных частей, составлявших 1-й корпус Дальневосточной армии под командой генерал-лейтенанта Д.Ф. Семенова и Азиатскую конную дивизию генерала барона Унгерна. Для достижения поставленных им себе целей генерал Лохвицкий предложил мне ввести некоторые части Сибирской армии в состав 1-го корпуса. Я не только согласился с этим, включив все пришедшие с запада казачьи части в состав 1-го корпуса, но и пошел еще дальше, влив остатки 1-й кавалерийской дивизии в состав моей Маньчжурской дивизии (О.М.О.) и назначив начальником этой дивизии генерал-лейтенанта Кислицина, пришедшего в Читу с частями Сибирской Армии.

Вскоре после этого генерал Лохвицкий потребовал от меня удаления из армии генерала барона Унгерна, поставив вопрос так: или он, Лохвицкий, или барон. Я предложил Лохвицкому поехать в отпуск и сдать армию командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту Вержбицкому. Генерал Вержбицкий не принял решительных мер против интриганов, и искусственно раздуваемая в армии рознь между “капельщиками” и “семеновцами” не прекратилась при нем. <...>

Итак, невозможность продолжать борьбу на родине, вследствие отсутствия поддержки со стороны уставшего от войны населения, вследствие прекращения возможности иметь нужные для борьбы ресурсы, наконец, вследствие небезопасности коммуникации по КВЖД, поставили меня перед необходимостью перемещения базы борьбы с Коминтерном с российской территории в Монголию³¹⁹.

Кадр монгольской армии в Забайкалье мною уже был создан и состоял из Азиатского корпуса под командой генерал-лейтенанта барона Унгерна. Был также заготовлен некоторый запас вооружения для развертывания новых формирований в Монголии. Все работы по подготовке Азиатского корпуса к походу в Монголию пришлось держать в строгой тайне, и о задуманном мною плане знал ограниченный и особо доверенный круг лиц.

Идею этого движения полностью разделял духовный глава Внутренней Монголии Богдо Наинчи-хутухта, который агитировал среди монголов за поддержку моего плана. Впоследствии китайцы жестоко отплатили ему за эту поддержку: будучи обманым образом завлечен китайцами к себе, он был расстрелян ими без всякого суда. В осуществлении моего плана близкое участие принимал и представитель княжества Хамба, который одновременно являлся и посланцем ко мне Далай-ламы, а со многими прочими представителями теократической власти в Монголии, Тибете и Синьцзяне было достигнуто взаимное понимание.

Самое трудное было обеспечение финансовой базы похода и существования корпуса в Монголии в первое время, до занятия им Калгана. С занятием этого пункта монголами мы включили в наше движение крупные китайские группировки, имевшие своей целью реставрацию монархического строя в Китае. Монголия же должна была приобрести полную политическую самостоятельность и искать союза с Китайской империей для совместной с нами борьбы с Коминтерном. В финансовом отношении Азиатский корпус был снабжен, конечно, недостаточно, но я не мог отпустить в распоряжение барона Унгерна более семи миллионов золотых рублей.

Обстановка последних дней моего пребывания в Забайкалье была настолько тяжела, что предполагаемое движение Азиатского корпуса необходимо было тщательно скрывать не только от красных, но и от штаба армии. Тем не менее, удалось сделать все, что было возможно, при ограниченных наших ресурсах и при тех труднопреодолимых пространствах, которые отделяли нас от руководящих центров ламаистских владык, с сохранением полной тайны. В интересах той же маскировки истинных целей движения, после выхода последних частей корпуса из пограничного района Акша–Кыра я объявил о бунте Азиатского конного корпуса, командир которого генерал-лейтенант барон Унгерн вышел из подчинения командованию армии и самовольно увел корпус в неизвестном направлении³²⁰.

В самом начале движения барон Унгерн имел успех и быстро занял столицу Северной Монголии — Ургу. Однако с занятием Урги и установлением непосредственной связи с правительством Хутухты начались недоразумения между монголами и бароном, которые были вызваны диктаторскими тенденциями последнего. Такое явление вполне могло иметь место, так как прибывший в мае 1921 года из Урги князь Цэвэн жаловался мне, что барон Унгерн совершенно не желает придерживаться вековых традиций монгольского правящего класса, игнорируя их со свойственной ему прямолинейностью. С этим надо было серьезно считаться, но особой угрозы факт этот пока не представлял, так как Азиатский корпус фактически был предназначен к роли авангарда моего движения, ибо вслед за ним должен был выступить я с остальными кадровыми частями Дальневосточной армии.

Красная Москва забила тревогу. Подготавливая движение в Азию для революционизации ее путем овладения Монголией и Синьцзяном, красные должны были приложить все старания к полной ликвидации частей барона Унгерна, и потому ими были приняты в этом направлении все меры подкупа и провокации, помимо отправки навстречу барону крупных частей Красной армии. Движение барона Унгерна не встретило сочувствия также со стороны политических представителей иностранных держав в Китае, Монголии и Синьцзяне, которые не понимали агрессивных планов Коминтерна в отношении материка Азии и рассматривали поход барона Унгерна с точки зрения чистой авантюры.

После выступления Азиатского корпуса и занятия им Урги я стал готовиться к походу вслед за ним. Для этого необходимо было по возможности безболезненно вывести из боя части 1-го корпуса генерала Мацеевского, которые составляли казачьи полки и полки моего старого особого Маньчжурского отряда. Постепенно я начал стягивать их к границам Маньчжурии, чтобы впоследствии их можно было легко перебросить в район Хайлара, где к ним должны были присое-

диниться китайские части генерала Чжан Куню для того, чтобы совместно двинуться на Ургу. Одновременно части Сибирской Армии должны были быть эвакуированы в Приморье. К 20 ноября я должен был вывести армию на маньчжурскую территорию и надолго проститься с родным мне Забайкальем.

Однако в последний момент обстановка сложилась так, что мне внезапно пришлось изменить свой план. Я вынужден был отказаться от намерения идти в Монголию и принял решение перебросить свою ставку и всю армию целиком в Приморье. В Приморье, как я точно знал, находилось на складах свыше шестидесяти тысяч винтовок с большим количеством патронов к ним, а также предметы воинского снаряжения и обмундирования. Все это могло быть использовано для нужд Дальневосточной армии.

Приняв это решение, я должен был немедленно известить барона Унгерна и генерала Чжан Куню об изменении принятого нами плана и о внесении вытекающих из этого корректив в выполнение намеченных операций. Кроме того, я инструктировал барона, каким образом ему следовало поддерживать добрые отношения с монголами, чтобы не оттолкнуть их от себя и тем самым не провалить всей намеченной кампании.

Конечно, если бы я предполагал, что мне с кадровыми частями 1-го корпуса не удастся последовать в Монголию немедленно вслед за Азиатским корпусом, я учел бы особенности характера барона Унгерна, прямолинейность и непосредственность которого затрудняли установление надлежащих взаимоотношений с монгольскими вождями. Может быть, пришлось бы выбрать другое лицо для возглавления экспедиции, но, считая корпус Унгерна лишь авангардом своих сил, я не придавал особого значения этим качествам, рассчитывая, что руководство экспедицией и сношения с монголами будут находиться в моих руках и что я сумею надлежащим образом оказывать влияние на Романа Федоровича. Теперь же, с изменением плана, приходилось ограничиться лишь письменными указаниями ему, и я весьма опасался, что это могло оказаться недостаточным³²¹. Поэтому я командировал несколько своих офицеров к барону и сам предполагал вернуться к проведению в жизнь своего плана так скоро, как только обстоятельства это позволят. Я был уверен в том, что нам не придется долго задержаться в Приморье, ибо политика Японии в то время была уже ясна и можно было с уверенностью предполагать, что она выведет свои войска из пределов российской восточной окраины прежде, чем нам удастся закрепить свое положение в Приморском крае.

Исходя из изложенных соображений, я приказал забайкальским частям корпуса генерала Мацеевского оставаться пока в Хайларе, за исключением одной бригады, которая должна была быть переброшенной вместе с остальными частями корпуса в Приморье, что было согласовано с генералом Чжан Куню, с которым в то время должен был считаться сам глава трех восточных провинций маршал Чжан Цзолинь.

Сам же я принял решение по прибытии в Приморье немедленно совершить переворот во Владивостоке, удалив оттуда так называемое Земское правительство (Антонова) ради сохранения находившихся в городе ценностей и обращения их на нужды продолжения борьбы с Коминтерном. Заручившись содействием некоторых китайских военачальников в Северной Маньчжурии, я получил уверенность в том, что мне удастся раньше, чем экспедиционные силы Японии оставят русскую территорию, эвакуи-

ировать все ценное из Приморья в Хайлар. Кроме того, я предполагал, что амурские и уссурийские казаки уйдут вместе со мной и добровольцами Дальневосточной армии из Приморья. Имея влиятельных сторонников в Мукдене, Пекине и Халхе, можно было снова попытаться осуществить план движения от Хайлара на Ургу. <...>

[После разгрома Унгерна] Монголия оказалась для Китая все равно потерянной, и ответственность за это ныне возлагалась на меня, ибо ближайшим поводом к вводу красных войск в Халху послужила борьба с Унгерном и ликвидация его движения на Байкале.

Атаман Семенов. 2002. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ. С.66–314.

Случайный. В осажденной Урге (впечатления очевидца)

Кажется, за все время существования древней столицы Монголии впервые в ее окрестностях и по ней раздавались выстрелы из современной нам пушки... Казалось, что эти гулкие звуки выстрелов и следовавшие за ними разрывы снарядов возвещают всем, что безвозвратно миновала пора тихой, мирно-унылой и однообразной жизни безбрежных пространств Монголии. Даже здесь, в этой как будто нарочито созданной тишине и безмятежности, отныне был положен конец спокойному существованию усталого и истомленного русского эмигранта. Революция вторглась и в беспредельные монгольские поля и холмы и своим ревом нарушила торжественный покой монгольских кочевий, необозримых степных пространств и цепей холмов... Так с ноющей в сердце тоской думалось под аккомпанемент пушечной пальбы, продолжавшейся почти целый томительный день первого боя под Ургой. Как это произошло?

В № 1–2 “Русского Обозрения”, в статье “К событиям в Монголии”, изложены причины, в силу которых монгольское восстание, рожденное в национальной вражде монгол по отношению к китайцам, должно было неминуемо разразиться под влиянием вызывающей политики Маленького Сюя. Но восстание монгол, как и вся история их самоопределения, тесно переплелась с русским вопросом.

В период революции симпатия монгол, раньше принадлежавшая русским вообще, перешла всецело на “белых”. Монголы считали “красных” своими врагами, потому что красные “кончили” того “Белого Царя”, под покровительством которого находилась молодая, неопытная монгольская независимость. В Монголии сразу оказали поддержку Семенову, с первых дней его выступления, и до сих пор остаются преданными друзьями забайкальского атамана и его сподвижников.

Китайцы, наоборот, радовались победам красных. Они развязывали им руки в Монголии, открывали им вновь свободу действий в этой стране, а они боялись и ненавидели тех, с кем приходили призраки прежней русской силы. Отсюда проистекало различное отношение к бежавшим в Монголию многочисленным “белым”: монголы относились к ним радушно и приветливо, китайские же власти — с плохо скрытой враждебностью. Первые видели в них своих естественных будущих союзников и помощников, вторые склонны были рассматривать беглецов, как замаски-

рованных, на время притихших врагов. Китайские власти повсюду в Монголии разоружали перешедших на монгольскую почву белых и зачастую арестовывали некоторых из них, бывали случаи выдачи некоторых из беженцев красным.

Китайская администрация в Монголии с лихорадочной поспешностью вводила всюду свою администрацию, свои суды и таможеню, усиливая свои гарнизоны, и малейшее проявление недовольства по поводу внедрявшихся новых порядков подавляло самыми суровыми репрессиями. Многие из непокорных монгольских князей были посажены в тюрьму, где подвергались жестоким пыткам; та же участь постигла и лам (духовенство). В сентябре месяце господа, состоявшие при Богдо-гэгэне в качестве советников, бывшие министры Монгольского национального правительства Манлай-ван и Хатан-Батор-ван были заключены в тюрьму. Сам Богдо-гэгэн содержался под строгим наблюдением, хотя и был окружен внешним почетом.

Во время многих путешествий по необозримым пространствам Монголии, пишущему эти строки из многочисленных бесед с простыми монголами, князьями и ламами, играющими очень крупную роль в общественной жизни номадов, приходилось неоднократно слышать пламенные речи о том, что зимой, когда будет холодно, к чему китайские солдаты не привыкли, начнется “большая война”. В течение лета монголы усиленно скупали оружие. Тогда говорили, что в середине лета состоялся тайный съезд некоторых монгольских князей, лам и националистов, на котором вопрос о восстании против китайцев был решен в положительном смысле, и оно было назначено на зиму.

В беспредельных степях Монголии во время летних путешествий царствует такой покой и умиротворяющая тишина, что, слушая гортанную возбужденную речь о том, как монголы зимой будут воевать с китайцами — трудно было поверить, что эта величественная тишина и покой могут быть нарушены пулеметной и орудийной стрельбой.

Но время шло, а слухи и разговоры (в Монголии нет иных способов общения между людьми) становились все упорнее, а к осени последовали и первые признаки, предвестники будущей бури. Кажется, в конце июля или в начале августа китайскими властями в Урге были получены тревожные известия о том, что с севера движется какой-то русский отряд. В Урге тотчас же было введено осадное положение, а в Маймачене-Кяхтинском — военное. Жителям последнего стало известно, что на Ургу движется отряд Семенова. В действительности оказалось, что всего ехало 120 человек забайкальских казаков без оружия, уволенных в Чите со службы. Однако все казаки были задержаны, лошади и имевшееся у них имущество и деньги отобраны, а сами они арестованы. Их продержали до середины октября и под конвоем отправили в Кяхту для передачи красным; за время же заключения казаков гоняли на принудительные работы. Китайские власти склонны были рассматривать этих людей, как передовой отряд Унгерна или Семенова. И в самом деле, вскоре же получились точные данные, что Унгерн вторгся в пределы Монголии и имеет намерение занять Ургу.

К середине октября м.г. определенно было выяснено китайцами, что неизвестный отряд русских, монгол и бурят движется по направлению к Урге. 23 октября в Урге китайскими властями было получено первое сообщение, что отряд Унгерна — впервые определенно было указано имя — находятся в 120 верстах и движется на Ургу. Столица Монголии была объявлена на осадном положении, и движение по

улицам разрешалось только до 7 часов вечера. Затем последовала амнистия заключенным в тюрьме китайцам, которые все были мобилизованы. На следующий день разведка донесла, что неприятель приблизился на 60 ли (китайская мера длины).

После мобилизации амнистированных, китайские власти, для усиления гарнизона, обратились к китайскому купечеству с просьбой выделить из своего служилого персонала, то есть приказчиков и рабочих, надежный и способный элемент для усиления гарнизона. По рекомендации и поручительству торгующих китайцев посылались служащие, которые проходили ускоренный курс обучения военному делу.

После этого китайская администрация приступила к конфискации лошадей у русских. Первоначально лошадей брали не всех, а только тех, которые признавались годными, и даже была сделана слабая попытка выдавать квитанции в принятии коней. Но это был только момент, а затем все пошло самым “нормальным” порядком. Сначала отбирались все, без исключения, лошади, потом и экипажи получше; сначала делалось это властями, а потом уже любым китайским солдатом, которому почему-либо приходило в голову отобрать для себя коня или экипаж. Отобраны были лошади, между прочим, у местного отделения Центросоюза, где было свыше 50 коней. Вслед за реквизицией лошадей, точно тем же порядком, то есть без выдачи каких-либо документов и подсчета количества взятого, произведено было отобрание у местных русских жителей заготовленного ими сена. Грузить и возить сено заставляли самих русских, без различия общественного положения, под конвоем китайских солдат. Внешний вид Урги в эти дни напоминал военный лагерь. Бешено скакали по улицам конные солдаты, и носились взад-вперед автомобили с высокопоставленными офицерами.

На рассвете 26 октября мирно спавшие жители Урги проснулись от глухих, но близких раскатов артиллерийской стрельбы, возвестивших, что действительно лихорадочная суетня китайцев в предшествующие дни и разговоры о наступлении на Богдо-хурэ оказались не лишены основания. До этого никто почти не верил в возможность осады Урги, тем более что о “враге” от китайцев толком ничего нельзя было узнать.

За несколько недель в Урге появился какой-то таинственный автомобиль, прибывший из Хайлара, якобы за инженерами, желавшими оборудовать в Монголии противочумную станцию. Машина была выкрашена в защитного цвета краску. У китайцев приехавшие возбудили подозрение, но, когда их хотели заарестовать, то оказалось, что автомобиль вместе с пассажирами куда-то скрылся; говорили впоследствии, что это были разведчики Унгерна, и что они уехали тайно в его сторону.

Итак, 26 октября раздались первые пушечные выстрелы. С наступлением сумерек, когда ярко горел закат, все стихло, и наступила тишина, еще больше, чем гул выстрелов, навевавшая тревожное и мрачное настроение. Мирные жители, после тревог за минувший день, с приходом темноты почувствовали себя еще более беззащитными и одинокими. Позднее говорили, что бой в этот первый день шел в районе Маймачена-Ургинского, причем наступление велось с юго-востока, и атакующие первоначально будто бы достигли окрестностей городка. Наступление вел передовой отряд Унгерна, по определению китайцев, человек в 200–250. Атака, по уверению китайского командования, была отбита, что, впрочем, имело подтверждение в том, что, достигнув кульминационного развития к 10–11 час. дня, артиллерийский и ружейный огонь потом стал менее энергичным и постепенно удаляющимся.

Ночь прошла совершенно тихо; не было ни пушечной, ни ружейной стрельбы. Последующие два дня также ничего особенного не принесли. Почти всюду царило полное спокойствие, если не считать слабой ружейной стрельбы. Это обстоятельство несколько облегчающе повлияло на состояние духа русских резидентов. На улицах не было движения, лишь носились верховые китайцы; под горой тянулись обозы с разного рода кладью для войск. На сопках, окружающих Ургу с севера, в районе русской колонии, видны были растянутые цепи китайских солдат. На склоне, противоположном атакующим, установлены были две пушки, а недалеко от них, в стороне, в складке между двух сопек, был раскинут майхан (монгольская палатка), где обогревались китайские солдаты.

По поведению солдат в цепях безошибочно можно было судить, что на сопках все спокойно и пока благополучно для защитников Урги. Но китайские войска весьма оригинально использовали период этого затишья.

С раннего утра 29 октября, под предлогом реквизиции сена, огромная масса конных солдат, группами человека по три–четыре, скакала по Урге, главным образом, по русской колонии, вторгалась в квартиры, где под предлогом обыска с целью обнаружения оружия, они забирали одежду, постельные принадлежности, до простынь включительно, костюмы, полотенца, драгоценности. Мародеры, при входе в квартиру, подвергали обыску людей, у которых, в случае обнаружения, забирались деньги, золотые и серебряные вещи, снимались с рук часы, кольца и браслеты. Малейшее сопротивление вызывало угрозу применить силу оружия. Так, например, при отобрании у одного русского, г. Ю., золотого фамильного браслета, солдат отстегнул от винтовки штык, чтобы вместе с браслетом отсечь руку. Плач, крик родных прекратился, когда браслет удалось, к счастью, снять и тем спасти руку. Все забранное, как, например, одеяла, простыни, укладывалось на седло, а поверх сидел солдат-грабитель и так ехал открыто по улицам.

Не успевали уехать одни мародеры, как уже въезжала в ограду дома компания других: одни из дверей, другие в двери. Первоначально еще делали вид, что ищут оружие, но потом грабеж принял уже совершенно открытый характер, без всякой попытки хоть как-нибудь и чем-нибудь прикрыть его. Имели место факты, когда шедшего перепуганного русского, пытавшегося укрыться от грабежа вне дома, у знакомых, останавливали прямо на улице, извлекали содержимое из его карманов, снимали верхнюю одежду либо шапку. Странную и дикую картину можно было наблюдать на улицах русской колонии: масса вооруженных конных солдат группами разъезжала от одного дома к другому, таща на седле либо в руках кучу забранных вещей. Тут было все: от полотенца до пальто и шуб.

Стояло необыкновенное оживление. Вокруг же Урги за этот день не раздалось ни одного выстрела, хотя бы ружейного; это значительно упростило “работу” мародеров. Толпой разнузданных солдат была разгромлена контора Центросоюза. С внешней стороны квартира конторы имела вид помещения после основательного погрома. Столы были взломаны, шкафы тоже, и все находившееся в них в беспорядке раскидано по помещению. Касса взломана, несгораемый ящик исковеркан, вся серебряная монета и доллары забраны, а на полу валялась огромная масса пятирублевых романовок.

Квартира управляющего конторой г. Лаврова³²², в присутствии семьи его, подверглась такому же разгрому. Надо сказать, что сам г. Лавров еще до этого дня за три, после нелепейшего обыска, был почему-то арестован и содержался в ямыне. При обыске г. Лавров сам выдал все имевшееся у него охотничье оружие, на которое имел разрешение от ургинских китайских властей. По словам присутствовавших при обыске китайских властей, обыск и арест управляющего конторой был вызван тем, что накануне в помещении Центросоюза происходило какое-то сборище. В действительности же, в этот день контора, опасаясь за сохранность своих ценностей и желая обеспечить служащих на время осложнений, производила выдачу им жалования вперед.

Вечером разыгрался крупный грабеж богатой квартиры барона Фитингофа, бывшего управляющего делами золотопромышленного общества “Монголор”. Грабеж этот был прекращен энергичным вмешательством двух американских граждан, живших против дома “Монголор”. Американцам удалось одного из мародеров задержать, и, благодаря этому, часть похищенного была спасена. Задержанный солдат был передан китайским военным властям, которые впоследствии сообщили американцам, что солдат этот казнен по приговору военно-полевого суда.

Такому же полному грабежу подверглась квартира служащего фирмы Гершевич, Огурцова. Кто-то из этой квартиры вышел на улицу в тот момент, когда недалеко проезжало несколько китайцев. Вышедший, испугавшись едущих, быстро скрылся обратно в помещение. Этого было вполне достаточно, чтобы солдаты открыли по квартире Огурцова ружейную пальбу; помещение было простреляно в нескольких местах. Все находившиеся в нем, к счастью, отделались лишь испугом, так как сразу же сообразили, что необходимо укрыться в подполье. Уже сидя в подполье с детьми и женщинами, они могли в щель наблюдать, как в дом вошли несколько солдат и стали ружьями ломать сундуки, выбрасывая на пол все содержимое и забирая то, что было поценнее. Был устроен настоящий разгром. Обитатели, однако, были счастливы, что хоть остались живы.

В самом Хурэ за этот день были аналогичные картины. Здесь точно так же грабежу подвергались исключительно русские. Как на наиболее крупное ограбление, укажем на “посещение” квартиры местного жителя, монголофила-бурята Бадмананова и торгующего Носкова, из которых каждый в отдельности пострадал на десятки тысяч китайских долларов. Результатом пережитого за этот день явилось то, что русские признали свое положение трагическим и прямо безвыходным. Всеми овладели самые мрачные предчувствия и ожидания неизмеримо худшего. Думалось уже не о спасении вещей, ценностей, а о том, как бы сохранить жизнь.

Спустившаяся на землю ночь прекратила грабеж, но усилила чувство страха и тревоги. Ночь проведена была беспокойно, никто почти не спал и не раздевался, все ждали чего-то ужасного. Однако все обошлось благополучно. Ночь прошла в полной тишине и спокойствии: не слышно было ни выстрелов, ни появления где-нибудь мародеров. С наступлением утра все немного приободрились, и сразу же были предприняты кое-какие шаги для самозащиты.

Группой русских, по преимуществу из состава служащих Центросоюза, с соблюдением строжайшей тайны, удалось подать упомянутым уже американским гражданам письменные заявления о происшедшем всеобщем погроме русских, с прило-

жением списка похищенного и с просьбой не отказать принять какие-либо меры к ограждению безопасности проживающих в Урге мирных русских. Со своей стороны, находившиеся в Урге “упраздненные” русские консулы в Монголии сделали аналогичные шаги. Кстати, заметим, что со стороны китайских солдат были попытки ограбить и консульских чинов, но здесь они встретили самый решительный отпор, и ограбление не состоялось, правда, лишь на этот раз.

Американцы приняли самое живейшее участие в судьбе русских; особенно энергично принялся за это дело м-р Мильсен, неизменно заступавшийся за русских перед китайскими властями за все это ужасное время осады. Они съездили в ямынь, где имели объяснения с военными властями по поводу происшедшего. В ямыне им сказали откровенно, что власти бессильны что-либо сделать, так как солдаты будто бы совершенно вышли из повиновения своему начальству. Все же американцами было обещано, что власти примут все возможные меры к тому, чтобы в будущем происшедшее не повторялось. И действительно, впоследствии за все время событий такого сплошного всеобщего и равного для всех русских грабежа уже не было. Но отдельные случаи по-прежнему имели место, вроде, например, того, что солдат у повстречавшегося ему русского снимал без всякого разговора шапку либо шубу и уезжал себе дальше.

Все пережитое за день 29-го октября научило кое-чему русских, приобретших у себя на родине за время революции хороший навык приспособляться ко всяким обстоятельствам. Было установлено, что менее всего от грабежа пострадали те квартиры, где находилось больше жильцов; совершенно не были разгромлены почему-либо пустующие помещения. Отсюда было сделано заключение, что на время событий следует русским группироваться. Так и поступили. Отдельные попытки робко являвшихся солдат, под предлогом отобрания оставшейся клячи-лошади или розыска спрятанного оружия — а такие случаи все же бывали — парализовались именно этим неожиданным для китайца появлением из всех щелей многочисленных обитателей квартиры.

Многие здания в русской колонии опустели. Конечно, нечего и говорить о том, что все предпринятое русскими в ограждение своей безопасности, если и имело какое-либо значение, то разве лишь психологическое, в чем пришлось вскоре же убедиться. В этом отношении чрезвычайно характерный случай произошел в магазине некоего г. Волкова, спустя уже несколько дней после всеобщего погрома. В момент появления в лавке громил-солдат, у г. Волкова сидел его хороший знакомый офицер-китаец, к которому, естественно, хозяин и обратился с просьбой оградить его от ограбления. Офицер, однако, хранил полное безучастие в то время, когда солдаты тащили из магазина, что им хотелось; он не принял ровно никаких мер ни к предупреждению грабежа, ни к поимке грабителей, хотя, до входа их в помещение, заметивши появление мародеров, предупредил Волкова и помогал ему кое-что прятать. При этом офицер открыто говорил, что эти солдаты всех грабят, так как “шибко хунхузы”. По уходе “хунхузов”, офицер объяснил свое поведение боязнью расправы со стороны солдат, если бы он попытался препятствовать грабежу.

Впоследствии, уже после прекращения боев вокруг Урги, имел место еще один крупный грабеж. На этот раз из кладовой Центросоюза был вывезен весь чай и овес, якобы для нужд войск. Происходило это в присутствии гражданских и военных чинов, и конторе Центросоюза даже предложено было командировать для присутствия при

реквизиции кого-либо из служащих. Но толку из этого никакого не вышло, чины побыли немного и уехали, а оставшиеся солдаты закончили начатую “реквизицию” самым обыкновенным грабежом. Случаи, подобные рассказанному, повторялись все время.

Одновременно всех без исключения русских жителей стали выгонять на принудительные работы. Обычно делалось это таким образом. Все дома, где обитали русские, обходили солдаты с оружием и выгоняли всех на работы по подвозу на позиции пищи, по погрузке на возы сена и доставки его на место. Работы производились под конвоем солдат. Со двора Центросоюза ежедневно выгоняли служащих и рабочих на подобного рода работы. При выдворении на работы двух русских офицеров, живших в помещении русско-монгольской типографии, китайский солдат произвел выстрел в потолок. Какая это тяжелая и обидная для национального достоинства картина, когда несколько десятков русских людей, в большинстве интеллигентные, из сил выбивались, нагружая сено, под караулом китайских солдат! Вряд ли что-либо подобное когда-либо имело место за все время истории наших сношений с Китаем... Последовали и аресты русских, по преимуществу из беженцев-офицеров. Кроме упомянутого Лаврова, просидевшего всего три дня, арестовали ряд офицеров, приехавших только что из Западной Монголии.

К самому началу осады из Улясутая к Урге подошел караван, на котором ехало до двадцати подобных беженцев с женами и детьми. Осведомившись о том, что в Урге неблагоприятно, позванные лиц пытались вернуться обратно и в юртах переждать события, но их всех доставили под стражей в ямынь, где они подверглись неслыханному издевательству со стороны солдат, обыску, а потом были заключены в тюрьму, которая не отапливается зимой совершенно. Все эти люди содержались в тюрьмах в ужасных условиях до самого занятия Урги бароном Унгерном, причем все хлопоты об облегчении их участи или освобождении ни к чему не привели³²³.

Но трагична была судьба группы других беженцев, приехавших в Ургу дня за два до событий. Их заключили под стражу в бывших казармах, где стояли русские войска в былое время; казармы эти находились в долине реки Толы. Среди этих лиц находились лица, причастные к Центросоюзу и имевшие при себе большие суммы ценностей. Это обстоятельство и решило, видимо, судьбу несчастных.

Вот имена этих жертв, с которыми китайцы из караула покончили ночью, предварительно надругавшись над женщинами. И.В. Бабушкин — бывший земский деятель в Перми, глава Урянхайской экспедиции Центросоюза, политический эмигрант, проживший во Франции четыре года и вернувшийся только после революции, 30-ти лет от роду; С.Ф. Чувашев — председатель Ирбитской земской управы, финансист, бывший казначеем в Урянхайской экспедиции, 48 лет; А.В. Златин — главный представитель Центросоюза в экспедиции Бабушкина, бывший учитель немецкого языка в Пермском училище, 35 лет; В.В. Солдатов — из Минусинска, судовладелец, 50 лет; И.С. Ишкин — переводчик, 45 лет; М.К. Трубинов — коммерсант, 47 лет; К.Э. Сурков — студент Пермского университета, служивший химиком в Урянхайской экспедиции; Е.С. Букашкина — девушка 20-ти лет, служившая секретарем экспедиции; подполковник А.И. Журавский, бывший секретарем Керенского и служивший добровольцем во французской армии; жена полковника Журавского Пелагея Михайловна; М.Н. Никифоров и жена его Нина Дмитриевна; д-р Рахманов из Москвы; д-р Доброхотов из Казани.

Сведения эти были получены благодаря тому, что двоим русским удалось бежать. Однако, один из них, Д.И. Семенов, служивший счетоводом в экспедиции, был вынужден возвратиться в Ургу, так как заблудился и боялся умереть с голоду. Он был немедленно заключен в тюрьму, где находился, вероятно, до падения Урги; Семенов страдает туберкулезом, и был закован в кандалы.

Первый слух о гибели этих лиц распространился среди резидентов на следующий же день после ужасной ночи, когда люди эти были замучены. Исходил он от китайцев-солдат. Об этом русские постарались сразу же сообщить американцам, но, ввиду происходивших боев, предпринять что-либо им не удалось.

Третьего ноября группа китайских солдат ворвалась в избушку, принадлежавшую русскому консульству, где помещалось девять русских офицеров, приехавших из Улясуата за несколько дней до осложнений в Монголии. Поводом к вторжению послужило то обстоятельство, что в соседнее с избушкой (находится на окраине) здание, занимавшееся китайскими солдатами, попало несколько артиллерийских снарядов, что повлекло жертвы. Это дало основание китайцам заключить, что живущие в избушке русские сигнализируют. Всех заарестовали, предварительно жестоко избив прикладами, и со связанными назад руками отвели в тюрьму. За офицеров попробовал заступиться бывший русский консул в Улясуате г. Хионин, знавший их лично, но он был грубо удален и получил несколько ударов прикладом.

Несколько дней спустя, у китайцев испортился автомобиль, который они вынуждены были бросить в сопках на позиции. Чтобы исправить машину, ими был взят русский шофер Центросоюза, который по дороге заметил шесть трупов русских, в числе коих, по описаниям, находился труп ветеринарного врача Христофорова, его ямщика и прислуги-женщины. Уже после боев Центросоюз просил через американцев съездить осмотреть тела, но китайские власти заявили, что они это делают сами. Все трупы так и остались в степи, и их доели монгольские собаки. Таким образом, положение русских становилось все печальнее и печальнее.

1 ноября русские резиденты пережили ужасную панику, вызванную тем, что один бой-китаец, со слов якобы военных, заявил, что в эту ночь всех русских будут убивать, как явных сообщников наступающих. Женщины плакали, мужчины ходили унылые. Об этих словах китайца было сообщено американцам, от которых к вечеру получили успокоительные уверения, к счастью, оправдавшиеся.

2 ноября из Кяхты прибыл отряд китайцев, человек в 500, с пулеметной командой. Отряд двигался стороной от главной дороги, тропами, полный паники и страха, но нападения на него в пути не было. С прибытием отряда выяснилось, что всюду по Монголии, в районе, тяготеющем к Кяхте и Урге, поселения русских резидентов-земледельцев китайскими солдатами разграблены, хозяйства разорены, много людей пострадало, а всех мужчин с лошадьми заставили перевозить солдат и различную кладь. Подобная же участь постигла и бурят. В Урге сосредоточилось множество таких несчастных русских. Участь их всех была ужасна, они не имели, на что жить, не имели отдыха и, как самые настоящие батраки, работали под конвоем китайских солдат. На произвол судьбы были брошены семьи, дома и разоренные хозяйства. Многие большие поселения русских, что успели образоваться за период времени монгольской самостоятельности, погибли совершенно безвозвратно. В Урге

эти несчастные ходили по русским домам и просили милостыню, так как жить было нечем. Практиковался китайцами и такой способ. Все лошади и экипажи отбирались, а самих возчиков-хозяев заковывали и отправляли в тюрьму.

Некоторое время спустя, уже после окончания боев, в Ургу прибыло еще несколько отрядов из Кяхты. Все эти войсковые части расквартировывались в домах русского консульства или же в домах русских частных лиц. Вскоре вся русская колония была “ликвидирована” путем обращения ее в воинский постой. При этом следует сказать, что обитатели занимавшихся зданий выдворялись без всяких излишних разговоров, и общей участи в этом отношении не избегли съехавшиеся в Ургу из разных пунктов Монголии бывшие русские консулы, их семьи и чины упраздненного ургинского Генерального консульства. При выдворении их из занимавшихся ими помещений, они так же были ограблены, как и простые русские резиденты. При занятии здания русского Генерального консульства, китайскими солдатами была разгромлена домовая церковь, иконы сброшены на пол, разбиты, поломан весь иконостас и престол.

Все выдворенные лица переселились в дом общества “Монголор”, которое пустовало и не могло быть “реквизировано”, так как находилось под защитой американского флага. Туда же перешли и бывшие русские консулы. Люди, охваченные каким-то непостижимым страхом, бежали в этот дом “экстерриториальности”, таща на себе всякого рода домашний скарб, либо перевоза его на оставленной, еле-еле переставляющей свои ноги, заморенной лошади.

Между тем, прекратившиеся было бои возобновились с новой силой 31 октября, когда атакующими была сделана вторая попытка к овладению Ургой. Наступление на этот раз было поведено с северной стороны. Атака носила сильный и упорный характер, причем осаждающие сразу же достигли больших успехов, приблизившись на очень короткое расстояние к Урге. Защитники последней утерали все позиции, в их распоряжении находилась лишь последняя цепь сопков, преграждающих свободный путь в русскую колонию.

Гул орудийной стрельбы, сильнейший ружейный и пулеметный огонь достигли наивысшего напряжения часам к девяти утра, причем пули наступающих уже попадали на улицы колонии. Китайские солдаты кучками и одиночку оставляли свои позиции и сбегали с холмов к майхану, где толпой группировались. Передавали, что в тот момент в Маймачене все было приготовлено к отступлению. В этот критический час положение было спасено подвигом какого-то китайца-офицера. Последний, в момент общего смятения, на автомобиле подъехал к толпе солдат около майхана, быстро всех их построил и с обнаженной саблей увлек обратно на позиции.

Пишущий эти строки со двора, где находился, лично мог наблюдать всю описанную картину. Когда двигавшаяся цепь перевалила гребень сопков, началась отчаянная и беспорядочная ружейная стрельба, продолжавшаяся несколько минут. Затем ясно определилось, что перестрелка, нося, в общем, такой же упорный характер, значительно удалась. К вечеру же все смолкло. Впоследствии оказалось, что означенный офицер в самом начале контратаки был убит, и весь успех этого дела приписал себе генерал Као, который, как говорили тогда в Урге видные китайцы, в описанный момент уже сидел в экипаже, готовый вполне к бегству.

После этого боя наступающие уже не могли, по-видимому, вернуть утраченного, и больших успехов в последующих столкновениях они уже не смогли достигнуть. 3 ноября бои возобновились на том же направлении и продолжались целый день, причем достигнутые первоначально успехи атакующих к вечеру были вполне ликвидированы.

Это была последняя слабая попытка атаковать Ургу. С раннего утра 4 ноября началась сильная орудийная стрельба, продолжавшаяся с небольшими перерывами до позднего вечера. До этого дня артиллерийская канонада никогда не носила такой силы. Вся обширная площадь, где раскинулись колония в Богдо-хурэ и Маймачен, с прилегающими поселениями и дорогами находилась в сфере действительного беглого огня артиллерии. Наивысшего развития огонь достиг к полудню, когда буквально опасно было появление на улице. Все жители с замиранием сердца прислушивались к канонаде, попрятавшись в укромных местах. Появившийся на нижней дороге караван верблюдов сразу же был обстрелян и потерял двух убитых животных, всадник, ехавший по дороге, лишился лошади; снаряды попадали в казармы и дома, занятые постоем китайских солдат. Все часовые и китайская охрана куда-то исчезли.

Обращало внимание отсутствие в этот день ружейного огня, что указывало жителям, что пехота не принимает участия в операциях. По этой же причине наступление ночи было встречено с тайной тревогой: все ожидали, что ночью будет поведена решительная атака. Однако ночь прошла в совершенной тишине, и наступивший день также. Полное затишье продолжалось. За эти дни русскими резидентами было пережито немало тревог и опасений за свою судьбу. Создались всевозможные предположения о действительных причинах вдруг прекратившихся боев. Жители стали вылезать из своих укромных мест во дворы и заглядывать на окружающие сопки, места боевых столкновений, где было замечено, что цепи солдат сняты, майханы убраны. Наконец, ссылаясь на китайские источники, заговорили, что наступление всюду отбито, и отходящий неприятель преследуется.

10 ноября во всей Урге было расклеено объявление на трех языках от управления генерал-губернатора Внешней Монголии. Из этого объявления жители впервые узнали о ходе военных операций и о том, что атакующие отбиты с большими потерями (до 400 чел. убитых, 3 пушки взяты и пр.) и к 4-му числу были отброшены на пять уртэ (до 150 верст).

Кто являлся “врагом”, как говорилось в объявлении, к сожалению, не было указано. В объявлении говорилось затем о суровых мерах, принятых китайскими властями против грабежей, а также излагался порядок заявления претензий о возмещении убытков от мародерства. При этом жители предупреждались, что за представление ложных сведений об убытках виновные будут подлежать суровой ответственности. Насколько известно, заявлений о претензиях не последовало, кроме, кажется, одного, со стороны Центросоюза.

Вскоре по прекращении боев, в Урге стали циркулировать слухи о приезде нового генерал-губернатора г. Чэнь И, якобы русофила, что связывалось с надеждами на улучшение положения русских, в смысле предоставления возможности желающим выехать. В будущем надежды эти до некоторой степени оправдались, и многие успели выехать до новых осложнений под Ургой.

После осады Урга с внешней стороны стала неузнаваемой. Как религиозный и политический центр Монголии, столица Богдо-гэгэна постоянно имела вид чрезвычайно оживленного поселения. Монголы массами приезжали ежедневно в нее верхами по религиозным своим надобностям либо по торговым делам. По бесчисленным китайским лавкам, на базаре, всюду в местах торговых сделок шла бойкая купля-продажа. По улицам номады гнали стада овец и рогатого скота.

Не то было теперь. Урга больше напоминала военный лагерь: всюду солдаты, бешено скачущие на лошадях, снуют военные автомобили, тянутся бесчисленные обозы с провиантом и другими припасами для армии, важно и размеренно шествуют караваны верблюдов, тоже с грузом военного назначения. Всеми этими грузами занимаются новые помещения, расквартировываются вновь пришедшие войсковые части из Калгана. Огромные гурты баранов и стада быков ежедневно прибывают из монгольских степей, под охраной китайских солдат, для продовольствия китайского гарнизона.

Мирные же жители редко показываются на улицу, и с большой опаской. Монголов, кроме живущих в местных монастырях, совсем не видно. Все монгольские кочевья, после начала событий, с момента ареста Богдо-гэгэна откочевали со своими солдатами от Урги на 100–150 верст, изолировав, таким образом, свою столицу.

По улицам и дорогам всюду валяются трупы дохлых, замученных лошадей, иногда в одном месте по несколько сразу. Около них стада противных и отвратительных монгольских собак, никогда, вероятно, до сих пор не имевших столь обильной пищи.

По прекращении боев всплыло кое-что любопытное из дней осады. Так, например, говорили, что китайские власти одно время склонны были начать переговоры с противником. Они пытались нащупать почву у русских, возможно ли в этом случае их содействие. Предполагалось, что в мирной делегации будут участвовать некоторые русские и монголы, разумеется, по указанию китайцев. Называли даже состав делегации. От Хутухты китайцами якобы было даже получено письмо-обращение к монгольским повстанцам с призывом отказаться от борьбы, на которую Богдо-гэгэн не дает благословения. “Живой Будда” — Хутухта накануне событий был лишен свободы и заключен под стражу при ямыне, автомобили его были реквизированы, склады и священный для каждого монгола его дворец, с богатейшей хранильницей единственных в своем роде предметов монгольского религиозного культа, разграблен китайцами-солдатами.

Подобного рода действия китайских властей, не вызывавшиеся, к тому же, необходимостью, ожесточили монгол, и борьба их с китайским владычеством стала превращаться в священную войну. В Урге по многочисленным монгольским монастырям начались торжественные моления о спасении Монголии. Китайцы запретили эти моления, и положение приняло еще более запутанный и обостренный характер. В будущем подобные меры обещали мало хорошего для китайского господства в стране Богдо-гэгэна. Таким путем пропасть, оказавшаяся между китайцами и монголами, лишь увеличивалась без надежды исчезнуть. Это отлично впоследствии понял г. Чэнь И, настоявший, после длительной борьбы с военными властями, на освобождении хутухты из-под ареста³²⁴.

Тем же безрассудством и безумной жестокостью отличались административные действия китайцев в отношении русских беженцев-офицеров, монгол и их лам

и князей. До 150 человек русских было заключено в тюрьму, представлявшую собой скверное, темное, не отапливаемое зимой помещение; все эти люди посажены были без малейшего основания, им не предъявлялось ровно никакой вины, кроме того, что они — русские и беженцы. В сутки им давали дважды муку и холодную воду для приготовления пищи. Некоторые были закованы в кандалы на голое тело. Свиданий не допускалось, все предназначавшееся для передачи узникам попадало, по большей части, в распоряжение стражи. Среди заключенных вскоре же развилась эпидемия тифа, против которой ровно ничего не предпринималось. Но все же, надо отдать справедливость, над русскими не было пыток.

Зато монголов и бурят часто подвергали пыткам, в результате которых наступала смерть. Чтобы понять это, достаточно будет небольшого перечня практиковавшихся пыток. Вот эти пытки: 1) конский волос вводится в мочевого канал истязуемого; 2) вырываются ногти на руках и ногах; 3) делается до 300 ударов через каждые десять минут; и 4) в жестяную банку, с отверстием с одной стороны садят крысу; опрокидывают эту банку на голый живот жертвы, а сверху накаливают. Крыса, ища спасения, кидается на живот и рвет его зубами и лапами³²⁵.

Понятными поэтому будут слова упоминавшегося г. Лаврова, что сидел бы он под арестом “совсем ничего”, если бы не душу раздирающие крики пытаемых в соседней комнате монголов. Подобная система управления страной могла лишь сеять в населении семена ненависти и озлобления против тех, кто ее практиковал. Ввиду этого, не было ровно ничего удивительного в том, что некоторые русские, пробравшиеся из степей Монголии в Ургу после боев, рассказывали, что там идет сильное брожение, монголы лихорадочно готовятся для нового нападения, всячески помогают отошедшему отряду Унгерна, безвозмездно доставляя продовольствие, фураж и лошадей. Внутри страны монголы ответили на китайские жестокости сплошным уничтожением земледельцев, колонистов-китайцев, их хозяйств и имущества.

В середине ноября в Ургу из Кяхты приехало несколько русских, занимавших там некоторое общественное положение. Прибыли они в Ургу потому, что Кяхта была занята красными. Из рассказов этих лиц выяснилось, что Кяхта была занята красными внезапно, без единого выстрела, так как китайский гарнизон стал очень малочисленным. Случилось это 13 ноября утром, когда многие жители Кяхты еще находились в постелях. Отсюда многим и пришлось попасть прямо в тюрьму в Троицкосавске.

По-видимому, у красных все уже было намечено заранее, и план действий точно определен. Все важные пункты были быстро заняты заставами, которые заградили все входы в ворота китайского городка Маймачена, в видах пресечения возможности скрыться через них беглецам из Кяхты. Пулеметная же команда красных прошла через Маймачен на базар и оттуда вернулась другой улицей. Некоторые из русских эмигрантов были задержаны красными на улицах Маймачена. В Кяхте, месте скопления эмигрантов, красными учинен был настоящий разгром. Надо заметить, что слобода Кяхта почти не видала большевиков за все время революции. В слободе население было зажиточное, и красные в Троицкосавске давно имели сильное желание “наказать” “черносотенную” Кяхту.

И действительно, “поработали” они здесь всюду, не стесняясь грабежом. Арестованы же были почти все кяхтинские коренные жители, не говоря уже о многочислен-

ных эмигрантах. Достоин внимания, что даже женщины не избежали ареста, хотя за ними, даже по “распространительному” большевистскому толкованию, никакой вины не числилось, кроме единственной — что данное лицо проживало в Кяхте. “Взятием” Кяхты руководил Барсук, известный по перевороту в Иркутске, где он заявил себя необычной свирепостью, а также тем, что лично “раздевал” адмирала А.В. Колчака.

По соглашению с маймаченскими китайскими властями, разъезды красных вместе с китайцами проникли в Монголию до р. Иро (90 верст от границы), где побывали на заимках русских колонистов, совместно разграбили их и заарестовали несколько человек казаков, бежавших из Забайкалья. В Урге, в связи с этим, большевистскими агентами распространялись слухи о состоявшемся соглашении между красными и китайцами, в результате коего в Богдо-хурэ якобы приезжает большевистский консул Макстенек и 300 человек красных его конвоя. Из арестованных в Кяхте офицеров-эмигрантов 14 человек было расстреляно немедленно, другие же отправлены через Верхнеудинск, кто в Иркутск, кто в Читу. Таким образом, пограничные китайские власти руками красных избавили себя от опасного, по их мнению, элемента русских беженцев, значительный процент которых составил из “дезертировавших” солдат и офицеров “буферной” армии.

Окрыленные столь неожиданным успехом и сообразив затруднительное положение в Монголии китайцев, красные сделали официальное предложение последним о совместных действиях против восставших монголов. В то время такое предложение китайские власти, по-видимому, сочли для себя неподходящим, так как оно не дало результатов. Но, независимо от этого, сам по себе факт предложения красных не может терять своего пикантного значения. Красные, патентованные защитники и освободители поработанных маленьких народностей — рвутся в бой, чтобы оказать китайцам поддержку в деле подавления восстания монголов за самостоятельность и независимость, за их национальное будущее!

Однако значение предложения красных о помощи не исчерпывается указанным обстоятельством; оно носит более глубокий и широкий характер по своим конечным неизбежным последствиям, в случае, если бы намерения красных были реализованы.

Не нужно забывать, что монгольское движение есть результат столкновения двух враждебных сил: воинствующего китайского национализма и здорового национального самосознания монгол — необходимости отстоять свою самобытность. “Пробуждение национализма (у китайцев) обещает монголам, — говорится в одном труде — усиление беспощадной колонизации ее китайцами. Этот национализм сотрет Монголию с лица земли и превратит ее в страну сельских хозяев и овцеводов-китайцев, действующих при помощи монгольских рабочих. Но этот же национализм обращен и против белых, приняв резко выраженную форму антиевропейского движения, которое грозит и русским в Монголии” (Боголепов и Соболев. “Очерки русско-монгольской торговли”, 1911, с. 483).

Так вот в каком деле хотели оказать помощь красные, что не удалось не по отсутствию или недостаточному их желанию, а по иным причинам и даже вопреки их настойчивым предложениям. И только в последнее время большевики сознали свою роль и, по приказу из Москвы, круто повернули курс своей политики в монгольском вопросе.

Ныне судьбы Монголии — в руках самих монгол, но самостоятельными силами монголы не смогут отстоять независимость, им не по силам будет сложная и трудная задача по развитию и устроению государственной жизни обширной и первобытной страны. В упомянутом труде профессора Боголепов и Соболев, задумываясь над будущностью монгольской страны и над тем, какими гарантиями возможно обеспечить ее неприкосновенность, выдвинули идею устройства из Монголии буфера между Китаем и Россией, под покровительством последней.

Случайный. 1921. В осажденной Урге (впечатления очевидца) // "Русское Обозрение" (Пекин). № 5. С.148–199.

[В.Ю. Сокольников. Воспоминания³²⁶]

Город [Урга] делится на курень, факторию и Маймачен. Я остановился в курени [описывается весна 1921 г.]. Столица Монголии — резиденция Его Святейшества, Богдо-хана, духовного и светского властелина страны — широко разбросана в котловине по берегу реки Толы. Хурэ — ряд громаднейших монастырей, среди которых, как бельмо на глазу, высились европейские дома базара. Здесь же, в Хурэ, находились почти все учреждения города. Население — пестро, но главную массу, после монгол, составляли китайцы.

Русских в Урге, как я услышал, насчитывалось до 1600 человек. Колония объединялась консулом и Городскою думою. К описываемому времени консул Орлов³²⁷ уже покинул город, а во главе Думы до прихода Унгерна в Ургу стоял некто Чайванов, бурят, иркутский адвокат и большевик. Городская Дума состояла также из большевиков, и таковые главенствовали всюду. В местном кооперативе председательствовал священник Феодор Парняков, тоже большевик, и т.д.

Кроме русских флагов, в Урге реяли греческий, датский, американский, английский и бельгийский. Торговля была, главным образом, в руках китайцев. Россия в это время ничего не давала, ничего отсюда и не получала. Дума занималась собственными делами и коготков не выпускала. Единственным ее порывом к общественной деятельности была помощь, которую она оказывала заключенным в тюрьму русским. Беженцы, которым удалось избежать содержания под стражею, голодали; среди них было до 200 офицеров, влачивших жалкое существование. После проезда в Пекин Юрина (бывшего штабс-капитана Дзевялтовского), большевики в Урге подняли голову, и над думою был выброшен флаг Дальневосточной республики. Начались притеснения инакомыслящих... Всему этому положил конец барон Унгерн-Штернберг, генерал-лейтенант, начальник Азиатской конной дивизии армии атамана Семенова.

Общая обстановка, с отходом наших армий на Дальний Восток, для частей атамана Семенова сложилась так, что дивизия барона Унгерна — через казачьи станицы Забайкалья Акшу и Кудару — принуждена была отходить на реку Керулен, в восточной части Монголии. Отсюда, в последних числах октября месяца 1920 года, эта дивизия подошла к Урге, с целью освобождения Богдо-хана.

Подход барона к Урге явился неожиданностью для русских. Наступление его дважды между 24 и 28 октября было неудачно. Китайский гарнизон Урги, силою в 10–12 тыс. человек, атаки отбил. Угроза окружения заставила Унгерна отойти к Керулену, где он и стал проводить зиму, постоянно тревожа тракт Урга – Калган и готовясь к новому наступлению. По некоторым сведениям, у Унгерна было всего 800 бойцов. Монголы завязали с Унгерном горячие сношения. Ненависть их к китайцам и жажда освобождения были так сильны, что монгольские князья в Урге откровенно говорили китайцам, что им скоро придет конец, и не дальше, как в дни Цаган Сара (Нового Года).

Хотя и слабо, но монголы начали помогать барону. Был сформирован монгольский полк. В начале февраля 1921 года началось новое наступление на Ургу. Взятие этого города 8 февраля³²⁸ оказалось неожиданным как для китайцев, так и для русских. Китайский гарнизон в десять тысяч человек бежал из города, оставив множество трупов на поле сражения... Богдо-хан, незадолго до взятия города, был похищен из своего дворца сотнею удальцов из стаи Унгерна. Китайцы бежали двумя путями, огибая Ургу с востока и запада. Части Азиатской дивизии, выброшенные для преследования, удачно справились с китайцами, двигавшимися в направлении на Гирин. Отряд же есаула Хоботова, после ряда удачных дел под Кяхтою, был окружен соединенными китайскими и большевистски настроенными монголо-бурято-русскими силами. Освобождение этого отряда произошло, говорят, после блестящего боя на Цаган-Цэдэн. Это было незадолго до Пасхи.

Занятие Урги дало Азиатской дивизии много добровольцев и мобилизованных. Большевизм пал. Русские ожили. <...>

Поездка на автомобиле доставила мне большое удовольствие. Сила машины и ловкость шофера были изумительны. Крутые подъемы, глубокие овраги не останавливали нас, и около восьми часов вечера мы догнали колонну. Войска шли в блестящем порядке, и я как-то невольно перенесся мыслью к доброму старому времени. Равнение было, как на параде. Не было отсталых. Длинная колонна из конницы и артиллерии мощно оставляла за собой версты, идя на неведомое: победить или умереть! Яркая одежда полков: монгольского, китайского, бурятского рябила глаза...

Мы мчались к желтой точке, маячившей в стороне от колонны, туда, где находился сам барон. Он нас заметил и галопом понесся на нас. Барон — стройный, худощавый блондин, с энергичными глазами, живой, бодрый. Мы представились. После короткой беседы барона с незнакомым мне офицером, был принят и я. Наш разговор и искреннее желание барона оказать возможную помощь отряду Кайгородова расположили меня к нему. Я был, положительно, в восторге от него. Моя поездка с целью иметь свидание с бароном оказалась не напрасной. Мне было оказано внимание, доверие и охотное желание удовлетворить всем, что можно дать. Требования перекрещивались. Наши сногшибательные цифры уменьшались во много раз, но я получал все.

— А что представляет из себя полковник Путинцев? Вы, видимо, знаете его? — спросил меня барон.

— Да, — ответил я, и подробно рассказал, что знал, о полковнике и его родных.

— Нынче нельзя верить и сыну родному, — перебил меня генерал — мне он кажется подозрительным, и я беру его с собою...

Я пытался хорошо аттестовать полковника, своего случайного спутника, но генерал уже отдал соответственное распоряжение, и скоро вещи Путинцева были переложены из автомобиля в подъехавшую тележку. Случай этот еще более оттешил доверие барона ко мне. Мне он говорил комплименты, выражал пожелание иметь меня у себя начальником штаба. По вопросу о предстоящем походе барон высказался так:

— Я не страшусь неудачи. Есть у меня к юго-востоку от Урги уголочек. Если большевики набьют мне морду, уйду туда и там отсижусь. Ударят раз, два, тридцать, но рано или поздно ударим и мы. От неудач унывать не будем. Вы находитесь от нас далеко. Действуйте так, как кажется вам лучшим, но скорей, скорей... на Россию! Я вам даю все. Будет у меня успех, дам еще. Но имейте в виду мое правило: “Бери с боя все сам”. Этого не забывайте. Дай Бог успеха! Начинайте! Указаний от меня никаких, кроме приказа моего.

Мы расстались уже поздно ночью. Автомобиль увез генерала, и я со Щербатовым остался ждать его в степи. Часов около 12 ночи автомобиль прибыл и привез обратно Путинцева.

— Спасибо большое Вам, — сказал мне полковник — Вы спасли меня, можно сказать, от смерти. Шпионом чуть ли не сочли меня... В войско въехать не позволили и приказали немедленно же возвращаться вспять...

Разговорились. Оказывается, Путинцев имел в кармане предписания от атамана Семенова, но предъявлять их барону не рискнул. Я упрекнул его за малодушие, показал приказ барона № 15, где черным по белому было сказано: “Я подчиняюсь атаману Семенову”, но в душе подумалось: “Пожалуй, вышло бы хуже”. За время пребывания моего в Урге у меня создалось впечатление, что атаман Семенов признается здесь только на бумаге. О ссоре барона с атаманом и о полном разрыве их говорили все, хотя и очень осторожно.

В Ургу мы попали лишь утром на следующий день, так как ночью запутались и попали не на прямую дорогу да, кроме того, засадили один раз машину в болото. Самоотверженный шофер выручил из беды, провозившись в грязи часа два, и положив под колеса свою шубу и тужурку. <...>

На пятый день пребывания моего в Урге, барон Унгерн по телеграфу отдал приказание Сипайлову чествовать прибывших обедом. На обеде, кроме нас и Сипайлова, присутствовал еще инженер дивизии Войцехович, пожилой уже человек. Обед затянулся долго, и темою разговора на нем было — како веруеши? Ответы мои и моего спутника, видимо, удовлетворили собеседников. <...>

Дивизия Унгерна шла напролом с девизом: “Да здравствует император Михаил II!”, и грозила небывало суровыми карами коммунистам и их семьям... Хотелось крикнуть: “Не спешите! Закрепитесь прочно здесь, в Монголии. Соберите все, что могут дать средства ваши, по части разведки духа народного; сговоритесь по всему фронту, установите короткую связь... и тогда — с Богом, за работу во славу Императора, громко провозглашая его имя при удаче”...

К.И. Лаврентьев. Взятие г. Урги бароном Унгерном³²⁹

Настоящие воспоминания не готовились для печати как литературный труд. Не претендуя на литературность изложения, я поставил себе задачей записать то, “что видели мои глаза” и то, что явилось одним из актов той белой борьбы, которая продолжается и поныне, и каждый отдельный этап ее должен быть где-то увековечен и кем-то сгруппирован, это, несомненно, впоследствии и будет сделано. И эти мои записки я вкладываю в то многое, как частицу, что собирается на Западе. Там нужным воспользуются, ненужное — выпустят; исправят и литературную часть, если это будет необходимо. Во многих местах моих воспоминаний чувствуется излишек фамилий действующих лиц, описание мест с излишней подробностью, это потому, что записками этими пользовались другие, пережившие со мною всю унгерновскую эпопею и знакомые и с лицами, упоминаемые мною, и с местами, где происходили события.

Выйдет ли когда их труд в обработанном виде и с моими данными для точности их труда — мне неизвестно.

Харбин, октябрь 1925 г.

УРГИНСКИЕ СОБЫТИЯ 1921 ГОДА

Взятие Урги

Окончательному взятию Урги бароном Унгерном предшествовали два неудавшихся его наступления: первое в ночь с 26 на 27 октября н.ст. 1920 г., второе — почти незамеченное, как продолжение первого, через две недели, и последнее, удавшееся, 28 января 1921 года ст.ст. Время, прошедшее со второго наступления до последнего, отряд барона Унгерна провел на реке Керулен, верстах в 500 от Урги.

Состояние отряда, со слов офицеров, участников этого похода, было подавленное. Неудавшееся наступление после второго раза, потеря в первом бою значительного офицерского состава (была офицерская рота), неопределенность цели наступления — действовали тяжело на массы отряда. Угнетала и материальная сторона: одежда приходила в ветхость, питаться должны были, чем попало, вся надежда всегда возлагалась на проходящие китайские караваны по Калганскому тракту. Но приходилось, говорят, пользоваться так: нужна пища, а в караване попадают какие-нибудь сладости, или предметы, ни для питания, ни для одежды не подходящие. Так что иной раз при изобилии сладостей не было куска хлеба и, в особенности, в этом последнем ощущался полный недостаток, или вернее, временами, продолжительное время было полное отсутствие хлеба. Мясо, конечно, через монгол всегда можно было достать в изобилии, так что голодовкой такое время назвать нельзя. Нападение на караваны не всегда проходило благополучно; сопровождали их китайские солдаты и были изрядные с ними стычки, в одной из которых был даже ранен генерал Резухин.

Перейду теперь к личным переживаниям в Урге. После первого неудавшегося наступления начался поголовный грабёж китайскими солдатами русского населения, прошедший, к счастью, без человеческих жертв. Обобранные были все, не ис-

ключая и иностранцев, или укрывавшихся под иностранными флагами. Грабеж продолжался приблизительно до половины ноября, стих и вновь вспыхнул во время последнего наступления. Время тянулось как-то жутко. Частыми посетителями квартир бывали китайские солдаты, от которых с трудом можно было узнать, что где-то, кто-то двигается на Ургу, но кто это — определенно не говорилось.

Пугали и тем, что идет какая-то банда грабителей, разбойников, хунхузов и нам, уже в достаточной степени и обобраным, и напуганным, было не легче ожидать еще кого-то, неизвестного, идущего уже может быть не за остатками нашего, с позволения сказать, “имущества”, а за нашей грешной душой, носящейся вне российской территории. В последнее время, частенько солдаты доспрашивались у каждого: “Ваша красна или бела?” и черт знает, что доводилось отвечать, ибо из предыдущих визитов этих молодцов, когда они обчищали наши квартиры, ясно устанавливалось, что и среди их частей были и “красна” и “бела”. Так, например, весь ургинский грабеж производился войсками конной части, что-то вроде наших казаков, носящими название “ма-дуи”, с желтыми петлицами, и эти части ничуть не подчинялись офицерам других частей с красными петлицами, и последние их изрядно побаивались.

Ко времени взятия Урги я квартировал у псаломщика А.М. Гольцова на русской концессии в доме рядом с бывшим домом священника. Вряд с этим домом площадь, через нее — старое Российское консульство. В доме священника был штаб какого-то китайского полка, жили офицеры; в старом консульстве помещались тоже воинские части. Те и другие — краснопетличники. “Ма-дуи” были расквартированы в Китайском Маймачене — верстах в четырех от русской концессии.

Население нашей квартиры состояло из следующих лиц: хозяин квартиры Гольцов с женой, дочерью и сыном, пишущий эти строки, Г.Ф. Ефремов — бухгалтер отд. Центросоюза, офицер из Кобдо, из конвоя консула Хионина — поляк Габер-Влынский, переводчик из Кобдо А.С. Гаськов, штабс-капитан И.И. Сементовский, иркутянин. Поручик Габер-Влынский был впоследствии убит в одном из сражений отряда Унгерна с китайцами. Сементовский по одной версии убит, будучи в батарее Унгерна, по другой — перешел к красным.

Посещения солдат, конечно, всегда отзывались неприятно, ибо их помыслы были неизвестны, а благодаря только что пережитым грабежам, всякое с их стороны благожелательное отношение встречалось с вполне понятным недоверием.

Как я сказал, рядом был штаб и, конечно, кишел солдатами, солдаты были в старом Консульстве. Добавлю, что вся русская концессия была наполнена ими. Они были и с другой стороны от нас, в помещении бывшей типографии, и напротив нас, в чьем-то частном доме, и в домах Центросоюза и еще где-то. Оставалось не занятым ими здание (бывшее) общества “Монголор” (барона Фитингофа), где помещалось выехавшее Российское консульство. В этом здании скопилось полно русской аристократии, ургинской, конечно, как в более безопасном месте, на всякий случай. Туда нашему брату укрыться было нельзя...

Исключая эту сельдяную бочку, нас, русского населения, осталось на концессии очень мало, и мы как бы были вкраплены в солдатскую массу и, конечно, пикнуть не смели. Частенько забегали солдаты с ближайших постов, обмерзлые, голодные. Поставит такой бедняга винтовку где-нибудь к стене и просит “чифань”.

Попоишь его чаем, отогреешь, но добиться, конечно, от него ничего не удавалось. Бывали часто у нас два китайских офицера. Один из них молодой пекинец, христианин Ли, мало-мальски знавший по-русски, очень интеллигентный, добрый, дававший кое за кого поручительства в тюрьму, правда, не достигавшие цели. Другой, Ли Чжуан, видимо вышедший из солдат, старый знакомый Гольцова по гарнизону в Урге, в свою очередь тоже всегда старавшийся оказать какую-нибудь любезность. Этот был ранен в первом наступлении в ногу, видимо, боевой, фронтовик. Но ни от первого, ни от второго, чего-либо достоверного узнать не удавалось. Много страдали от неимения путного переводчика. Перед последним наступлением оба эти офицеры выехали куда-то с частями, и больше я их не видал.

Канун взятия Урги был таков: пришли по обыкновению два–три солдата из соседнего дома и говорят: “Пухо, много, много русских хунхузов в 200 ли и нам не удержаться”. Поговорили — ушли. К вечеру идет старшинка (фельдфебель) с двумя солдатами и делает нам наряд: ехать за реку Толу, в Богдо-ула для заготовки и привозки дров для них. Такая командировка к ночи, да при создавшихся обстоятельствах мало обещала хорошего, надо было отделяваться, но как? У Гольцова, парня здоровенного, был к счастью флюс и завязанная щека — значит больной. Меня пощадил, как старика (у меня тогда была седенькая бородка и, в достаточной степени, стариковский вид), Габер куда-то сбежал, Гаськова не было — так дело и разошлось, а то бы, вероятно, это была наша последняя ночь.

Утро принесло уже кое-где ружейную трескотню и отдаленный грохот трехдюймовки. Урга, оказывается, была обложена бароном (конечно демонстративно) со всех сторон. К полудню мы из окон могли наблюдать творящуюся перестрелку у дворца Богдо-гэгэна и не могли понять, что, собственно, творится. Пальба все время усиливалась, и все в одном месте. Оказывается, часть из отряда барона — 60 тибетцев, отбили у китайской стражи находившегося под арестом Богдо-гэгэна, выкрали, так сказать, его, и это послужило началом конца, так как монголы только и соглашались принять активное участие, если Гэгэн будет с ними.

Вечер этого дня уже довелось провести при закрытых дверях и окнах, а ночь в подполье, так как по нашему домишку, в конце концов, прошуршала очередь из пулемета. Оказывается, в это время события разыгрались так: дом общества Монголор был захвачен налетевшей казачьей частью Унгерна человек в 25–50, а в одной стене имелась пробоина от трехдюймового снаряда, к счастью, в этой комнате никого не захватившего. С приходом казаков радость обитателей этого общежития не поддается описанию: казаков растаскали по многочисленным комнатам и стали угощать по русскому обычаю, офицеров наконьячивать, а о китайцах забыли. Те же, в свою очередь, оправившись, окружили здание и повели наступление из канавы, что перед консульством. Казаков охватила паника, а так как они были разрознены по огромному зданию, то и стали спасаться, покидая спешно гостеприимный дворец. Вообразите положение обитателей.... Как-то скоро они сообразили и все с детишками, коих было немало, спустились в подвал дома. И счастье: их не нашли или не стали искать — не до того, должно быть, было: здание разграбили до основания, перебили все, что можно было бить, но и самим нужно было, видимо, уходить, так как части барона Унгерна повели атаку на Маймачен, и оттуда уже показав-

лись первые бегунцы. Ма-дуи, грабители, человек, кажется, 500 под командою генерала Ма были уведены из Маймачена ранее наступления Унгерна и в него не попали. Этот поток захватил по пути и остальные части, стоявшие на русской концессии и в Монгольской Урге, и эта ночь была последней для 10–12 тысячного гарнизона Урги (лично я эту цифру не поддерживаю, слишком много).

Вернусь к нашему жилью: ночь, проведенная в подполье, занятом человеками 10–12, так как к нам присоединились соседи с детьми, была тоже необычайной. Что мы нашли в этом убежище? Спасти от мародеров-солдат было нельзя; ребята все время режут и ясно дают знать об необычайных посетителях подземелья. От снаряда — тоже плохое укрытие; а просто изображали из себя страусов... Рассвет, а затем и проглянувшее солнышко в щели ставней заставило мало помалу приглядеться на улицу: что же дальше, за кем Урга? Вопросы далеко не праздные.

Пригляделись — тащатся какие-то китайские арбы с солдатами, торопятся. Где-то дают знать себя верблюды. Верным показателем должны быть соседи, Китштаб. Взглянули туда — пусто. Двери, окна — отворены. Во дворе никого. Мало помалу вылезли на улицу. На дворе штаба стояла амбарушка и вдруг она вспыхивает, горит положительно вся, как-то моментально. Тушить? Взгляд падает на близлежащую сопку. На ней ясно виднеется орудие. А если оно бахнет по этому видимому сигналу — огню? Да и чья это пушка? Кто около нее? Пока рассуждали — в амбаре начали рваться патроны, видимо, в очень большом количестве. Зрелище и жуткое, и красивое: положительно, веером летят гильзы. Тоже началось и в старом консульстве, но там с прибавкою разорвавшихся нескольких снарядов. Пушка на сопке выпустила куда-то снаряд и снялась.

Амбар разгорелся, как следует, вблизи сложено сено, близки и наши постройки. Нужно спасти оставшееся от китайского грабежа, чем и занялись, перетаскав кое-что гольцовское в соседний двор — своего уже ничего не было. Что же дальше? На концессии ни души. Неужто мы одни? Где же китайцы? Где соседи — Штаб? Ушли? Тогда как же не прикончили нас, или хотя не ограбили? Ведь это так близко, почти из дверей в двери. И вдруг взгляд наш падает к Богдо-улу, к реке Тола, где белые казармы на болоте. Оттуда двигается цепь, человек в 20–25. Кто это? Последние солдаты-мародеры, оставшиеся покончить с нами, произдеваться и обобратить? Где остальной русский народ? Никого кругом! Тишина...

Цепь торопится, идет правильно, сохраняет интервалы, то заляжет, то сделает перебежку. На душе у каждого из нас неизбывный страх и такого момента не дай Бог пережить никому. Режут женщины, поддерживают дети, нервничают мужчины; а цепь все ближе и ближе. Теперь уже видны фигуры ясно: народ рослый и, видимо, дисциплинированный. Нет, это не китайцы... Но кто? И вот выскочили у дома, где квартировал И.П. Какоулин, забайкальцы во главе с есаулом Хоботовым, монголы и буряты. Вооружены, винтовки на изготовке; есаул с маузером в упор: “Руки вверх!” Есть китайцы? Вылетел я к нему через забор и ясно заявил, что я казак, а относительно китайцев сказать ничего не можем, ибо и сами не знаем, есть ли они, или нет.

Положение стало выясняться: китайцы утекли, но могли быть и засады. Со слов прибывших, в Ургу входят уже части барона Унгерна; Маймачен взят, надо заботиться о русских арестованных, заключенных в Ургинской тюрьме. Сейчас же кинулись к

тюрьме, и спустя каких-нибудь полчаса показалась целая толпа выпущенных арестованных; среди них много оренбуржцев, между прочим, два брата полковники Доможировы. Ко мне из арестованных сразу зашел поручик Инфантьев с другим офицером, своим приятелем, остальные разбрелись кто куда. Для главной массы было приготовлено помещение в Центросоюзе, где был приготовлен чай и готовился обед.

Тяжко было смотреть на этих освобожденных из ужаснейшего заключения: исхудавшие до неузнаваемости, обносившиеся до невозможности прикрыть тело. Некоторые положительно не могли двигаться, иные хватались за кусок хлеба, в то же время непроизвольно освобождаясь от одежды — так она на них истлела. Со слезами на глазах, с растерянностью от неожиданного освобождения, охваченные воздухом, не видя его с октября, а многие и более (группа бакичевцев в 58 человек была арестована в день первого наступления), они производили впечатление откопанных из могилы мертвецов и вызвали такой порыв ненависти к виновникам их заключения и такую жалость к себе, что присутствовавший при встрече генерал-лейтенант И.Н. Никитин упал в обморок при виде их.

Положение их в последние дни усугублялось еще тем, что они чувствовали, что в Урге что-то творится, а что — неизвестно, и какова будет их участь — тоже не знали. Говорят, им была приготовлена отравленная стрихнином каша, но накормить так и не успели. Освобожденные рассказывают, что кашу эту съели бы с удовольствием, так как все питание их состояло из двух китайских пампушек в день на каждого. В это же время разнесся слух, что между китайским генералитетом перед наступлением, в трудную минуту, было совещание, на котором некоторые генералы (или один из трех, командир знаменитых “ма-дуй”) настаивали на уничтожении европейского населения поголовно, другие не согласились, и якобы тогда-то эти “ма-дуи” и покинули Ургу. Достоверность этого кошмарного совещания, конечно, подлежит сомнению.

Вернусь еще к заключенным и теперь освобожденным. Зимой они просидели в нетопленной тюрьме. Питание невозможное по содержанию и скудное до невероятия. Одно время была налажена передача продуктов каким-то комитетом и частными лицами. Между прочим, участие в этом принимал Михаил Иванович Кучеренко, живший в помещении Ургинского общественного управления, где школа; большевик, член, кажется, Управы. Я у него часто бывал, так как там квартировал И.Я. Чибизов, преподаватель Ургинского училища (Реального или Коммерческого — не помню). У него же, Кучеренко, я встретил освобожденных из-под ареста перед Рождеством трех или четырех дам, жен офицеров-бакичевцев. Одна из них с двумя детьми, другая вышла из заключения с обеими обмороженными ногами и кое-как двигалась. И вот эти передачи, в золотниках на каждого вареного мяса, понемногу хлеба — по их словам, почти не достигали заключенных, их перехватывала стража и съедала. Из-за этого они и прекратились.

Отрицательную роль, чисто провокаторскую, со слов многих, в помощи заключенным играл священник о. Федор Парняков, и якобы тормозил или не хотел принять участия в переводе их в теплое помещение, о чем хлопотали многие, но безрезультатно. О. Парняков был, в конце концов, при Унгерне зарублен в подвалах Комендантского управления. Я видел только его кресты, переданные в Церковь. Погиб и М.И. Кучеренко в числе других большевистских деятелей Ургинской упра-

вы. Были обнаружены списки этих горе-деятели по подписям на всякого рода постановлениях и никто, кажется, из них не уцелел. Жаль мне этого Кучеренко; доброй души был человек и по недоразумению большевичил, почти шутя, но и этого в то время было достаточно для безапелляционного решения.

Говоря об освобожденных, не могу пройти молчанием о затерявшейся еще группе беженцев из Урянхая, человек, кажется, 15–16. Дело было так: накануне первого октябрьского наступления в Ургу въезжала группа от Бакича, кажется, 58 человек, и наехала на китайские посты. Их препроводили в город, а затем в тюрьму, где они и досидели до январского освобождения, за исключением, кажется, генерала Комаровского, которому ампутировали ногу, обмороженную во время передвижения в Ургу; поэтому его и выпустили из тюрьмы ранее. Может быть, был и еще кто освобожден, припомнить не могу.

В день наступления разнесся слух, что задержана еще группа из Урянхая (беженцы из Урянхайского кооператива, как впоследствии выяснилось, захватившие с собою довольно порядочно ценностей в пушнине и серебре). Эти лица были помещены не в тюрьму, а в казарму, где жили китайские солдаты (Белая казарма — бывшая, кажется, Монгольского дивизиона с русскими инструкторами в свое время). Она находилась на пути из концессии к реке Толе, на поле, как-то отдельно, выделяясь своим белым мазаньем. Я был заинтересован в этих беженцах, так как среди них могли быть знакомые урянхайцы или минусинцы. Начал допытываться у бывавших у нас китайских офицеров об участии задержанных. Ответы получались довольно неопределенные и явно не отличались искренностью.

Скоро разнесся слух, что кто-то из задержанных сбежал из-под охраны, у кого-то обнаружили при обыске револьвер и что за это их всех казнили. Все это было допустимо в той обстановке, но точно установить происшедшее не удалось. Дело только открылось весной. Среди освобожденных арестованных попали тоже два урянхайца, как-то отбившиеся от задержанной партии, наши минусяне: молодой человек, телеграфист Лукьянов, виновник побега из Урянхая; он уследил телеграфное распоряжение о ликвидации по-чекистскому способу урянхайских кооператоров и сказал им о грозящей участи, что и вызвало побег; другой — Федоров, бывший после освобождения в отряде барона под другой фамилией. От них-то я и узнал состав бежавших, но не знал их участи. А участь была печальная: в день моего отъезда из Урги в марте месяце 1921 г., когда уже были заселены лошади и приготовлены выюки с оружием для нашей партии, отъезжавшей в Улясутай, ко мне пришел этот самый Федоров и известил, что у белой казармы откопано 11 трупов, разысканных действительно в свое время бежавшими из-под охраны и что среди этих трупов мой добрый знакомый, бывший помощник минусинского городского головы Василий Власович Солдатов. Трупы приготовлены к погребению, и я приглашался на таковое. Исполнить я этого не мог из-за неимения времени, а успел передать просьбу об участии Ивану Яковлевичу Чибизову, бывшему председателю минусинской городской думы.

Унгерновщина

Итак, Урга взята. Нарастал вопрос о собственной голове: от большевиков спасенной, от китайского произвола оставшейся, а вот уцелеет ли теперь — сказать

трудно, ибо мы, а нас не мало — были центросоюзники, а это те люди, которые, по весьма основательным слухам, нещадно уничтожались отрядом барона Унгерна.

Первый день входа победоносных войск был в каком-то тумане, голова отказывалась реагировать на происходящее и лично я не могу сказать, чтобы понимал с точностью события, как равно и мечты о грядущем, пожалуй, не было; двигались как-то бессознательно, чуть не стучались лбами друг с другом. Но слов утешения, проявления какой бы то ни было радости было и не слышать, и не видеть, зато был ясно виден пожар в монгольской части Урги, и кое-где хлопали одиночные выстрелы. Разнесся слух, что сам “дедушка”, как звали барона в отряде, въехал в Ургу, остановился обедать у барона Витте, где встретил старого знакомого генерала Комаровского и барона Тизенгаузена и что с обедом торопится, спеша лично выехать в монгольскую часть Урги, где идет грабеж частями его отряда и, главным образом, монголами, и что без его участия это остановить трудно. А грабили и избивали действительно с ожесточением, в особенности, этим отличались монголы, обозленные на китайцев; а русские занялись растаскиванием брошенного и избиванием евреев.

Наступал вечер; оставаться дома было жутко. Забегали кое-куда казаки в погоне за евреями и большевиками, и то там, то здесь слышались одиночные выстрелы. Ко всему неясно было положение и с китайцами: ушли ли они совсем или притаились до ночи; ведь на ихней стороне были все преимущества: с ними пушки, их много, а окружающие сопки давали им возможность на такой реванш, что жутко становилось за наступающую ночь.

Я двинулся к спасительному дому общества “Монголор”, где остановились казачьи части барона: меня потянула привычка к своим, к родным казакам. А на душе кошки скребут, чувствуешь, что вот эти свои-то, родные, и не поймут тебя; ты явишься для них ненавистным центросоюзником и пуля тебе обеспечена. Так или иначе, я к ночи был среди населения этого дома, и кого только тут не было! Во дворе давка от сгрудившихся коней и всадников: одни приезжают с затороченной добычей из монгольской Урги, другие подъезжают из отставших; тут собираются в разъезд, здесь приезжают из разъезда и докладывают об уходящих китайских частях. Узнаю многих из сослуживцев по Центросоюзу: они уже “в полной боевой” на лошадях и торопятся на уничтожение всех тех, кои им были известны как большевики по житию в Урге.

Одного сразу успели повесить где-то близко от здания. Это был пропойца-мужичонка, в свое время что-то показавший на одного из этих центросоюзников, по большей части бийчан, из Бийской контрразведки и отряда особого назначения, служивших кучерами, кузнецами, поденщиками и работавших на других работах в Центросоюзе. Узнают меня. Вижу отношение, не внушающее опасений — видимо, великолепно знают, кто я. Но это свои, здешние, а вот каковы приезжие? Спрашиваю: нет ли наших, енисейцев? Трудно разобраться, да и не до того каждому. У всех не лицо, а какой-то кусок грязи от пережитой зимы и загар от пороха, от боев. Пролезаю в дом. Благодушествует поручик Жданов — ранее вместе сидели за конторским столом в Центросоюзе. Теперь его и не узнаешь, как рыба в воде и рассуждает по-другому. Приютил меня. В общем, уверяют, что наступления китайцев ждать нельзя, идут ходом, их преследует какая-то часть барона Унгерна. Укладываемся спать. В комнате густо, вповалку. Среди других — два иудея: Мариупольский и

Рябкин. Спится беспокойно, каждый стук двери в огромном здании заставляет вздрагивать, напоминая снаряды; шум и гам во дворе действуют на нервы.

Утро следующего дня пригнало меня на старую квартиру. В монгольской Урге еще кое-где дымится пожарища, на концессии попадаются трупы китайских солдат, лошадей, брошенные двуколки. Сформировывается комендатура в Китайском Маймачене, и приглашаются все прибыть туда для регистрации. Одновременно регистрируют и в доме “Монголор”. Иду туда, записываюсь. Но мне этого мало — надо явиться к барону Унгерну по должности члена Войскового правительства. Потянулся пешочком в Маймачен, и тут только ясно представилась картина боев: по обе стороны дороги трупы китайских солдат, или как их называли монголы, гаминов. Чем ближе к Маймачену, тем их больше, виднеются и вдали. Идти как-то жутко: мало ли кому из-за пригорочка понравится и тебя тут же успокоить...

В Маймачене настроение фронтовое — движутся какие-то наши части, толпятся убитые горем китайцы с виноватыми физиономиями, валяются трупы лошадей, трупы китайцев, узкие улицы завалены каким-то хламом. С трудом разыскиваю комендантскую, записываюсь и прошу разрешения на свидание с бароном. Указывают штаб — его фанзу, но “дедушки” дома нет и застать его неизвестно когда возможно.

Короче сказать, в этих путешествиях прошло дня четыре, в которые довелось узнать, что много центросоюзников уже на службе в отряде, как бывшие строевики, но некоторых уже нет в живых, выведены в расход. Так, расстрелян в первую голову некий Цветков, оказавшийся одним из комиссаров фронта в “великую бескровную” и в свое время подписавший корниловский приговор. Расстрелян кобдосец — забыл его фамилию, приехавший в Ургу с каким-то поручением Центросоюза и оставшийся здесь, явный коммунист. Лежал на бережке около дома, где квартировал Иннокентий Прокопьевич Какоулин, убитый А.М. Рябкин. Бежал и хотел скрыться у Ин. Пр-ча, да так здесь и получил пулю. Убита была какая-то еврейская семья служащего Центросоюза. Ужасное положение было юриста Мариупольского: несмотря на его явно правое настроение и занимаемую им должность в свое время в Омске, в Военно-следственной комиссии, откуда он и бежал от большевиков — облик его был его врагом. Но об этих в будущем.

И вот в один из дней я опять в штабе барона в Маймачене, где любезно был принят начальником штаба полковником Дубовиком и мне предложено дожидаться барона. Дело было вечером. Жду... Вдруг вбегает в штаб его адъютант есаул Бурдуковский³³⁰ (забайкалец) и рассказывает такое приключение: барон ехал на автомобиле из Урги в Маймачен и в кривых и узких улицах Маймачена автомобиль наехал на какой-то столб, поломался. Барон осердился, по обыкновению отдул шофера “ташуром”, всыпал Бурдуковскому, по пути какому-то дежурному офицеру и всем приказал рассаживаться на крыши (любимый род наказания). Сам рассерженный прошел к себе в фанзу. И вот в такой-то сугубо неприятный момент я и должен был представляться. Делать нечего, надо было идти и помнить, что ты центросоюзник и весьма возможно, что возврат тебе будет не домой, на квартиру, а в подвал, на лед, в общество Я.Г. Глазунова, о котором мне сказали в штабе, что “тут уже есть какой-то ваш минусинский коммерсант, попавшийся с жидами на автомобиле и захваченный бароном”. Неприятно и до сего времени.

Вхожу. Офицер докладывает. Навстречу появляется генерал, в монгольской шубе, с Георгием. Представляюсь и спрашиваю Его Превосходительство, не имеет ли он сведений о нашей Енисейской бригаде, в свое время проследовавшей на восток. Приглашает садиться, приказывает подать чай и начинается допрос, причем глаза этого человека не забыть вовек: они буквально смотрят насквозь и малейшее увиливание от них в сторону, чувствуется, будет грозить тебе самыми неожиданными последствиями.

Прежде всего, барон известил меня, что бригаду нашу он знает, был с ней связан в боевых операциях на востоке, и что наши енисейцы с ним просились сюда, но уже было поздно их взять и что, между прочим, у него два казака-енисейца в отряде (какая память!), которых он немедленно и приказал отыскать и представить мне, но шутливо предупредил, чтобы я их у него не взял, так как они хорошие боевые ребята. Меня это нимало смутило, к тому же заставляя штаб разыскивать этих ребят ночью — было и затруднительно. Я отблагодарил и предоставил себя в распоряжение генерала. Первым его вопросом было: как попали сюда, в Ургу?

— С Центросоюзом, Ваше Превосходительство!

Вот тут-то и был момент, когда я помянул “Царя Давида и всю кротость его”, ибо глаза сиятельного собеседника вмиг потупились, и стало жутко. “Да, — говорит — у меня уже есть один ваш центросоюзник, сидит, некто, называющий себя Глазуновым, он большевик?”

— Никак нет, Ваше Превосходительство! Если бы не этот Глазунов, и я не имел бы возможность представляться Вашему Превосходительству, и те, кто уже в настоящее время с винтовками и на седлах в Вашем отряде. Он нас, целую группу офицеров, вывез от большевиков, и я его знаю давно.

Думаю, не будь этого разговора, дела Якова Григорьевича были бы очень плохи и я невольно, мне кажется, стал его спасителем. Барон, видимо, поверил мне. Разговор опять перешел на наше войско и я, воспользовавшись моментом, доложил наши войсковые задачи о переселении в Урянхайский край, очень его заинтересовал и просил дать возможность нашей бригаде выбраться сюда, для соединения с его отрядом, так как для этого был самый подходящий момент: путь был свободен. Получив на это согласие, просил о своем назначении к его услугам. Он мне дал задачу не по силам: связаться с иркутянами (иркутскими станицами), узнать их настроение и сделать ему доклад. Я указал на невозможность этого выполнения в моих силах в настоящее время, тогда получил приказ время от времени являться к нему, для чего взять от есаула Хоботова (начальника строевой части) лошадь и седло, навещать его уже не пешком и сделать ему доклад о своем войске по борьбе с большевиками.

В конце концов, он поставил меня в известность, что лица, остающиеся у него в отряде, всецело должны подчиняться его задачам, а именно: восстановление монархии в лице Михаила Александровича, нещадная борьба с коммунистами до уничтожения не только их, но и их семейств, а также уничтожение всех евреев. “Мой выход, — говорит — с востока связан несходством моих взглядов с оставшимися там генералами, которые начали “розоветь”, это мне не по пути”.

На этом наша беседа, длившаяся приблизительно с час, и окончилась, и я отключился, почувствовав, что я жив. Ночевать пришлось в штабе, уже как равноправному члену отряда и разговаривать посмелее, причем конечно не преминул на всякий случай

разговор направить в русло, клонящееся к благополучному существованию Глазунова, рассказав о данном мною заверении барону в непринадлежности Глазунова к большевизму. А ведь как он зло засыпался с компанией, которую подобрал себе для поездки с отчетом! Из этой компании, знаю, убит Марксон. Теперь, думаю, время припомнить, почему Центросоюз не был поголовно истреблен отрядом. А мысли эти были и в голове барона, о чем он впоследствии говорил, а также и у его исполнителей.

Дело в том, что перед самым последним наступлением из Урги на прививочный пункт выехал В.В. Христофоров, ветврач с рабочими, из которых были двое забайкальцев. Один Сальников, другого фамилию не помню. И вот эти-то казаки с прививочного пункта удрали и пробрались к барону, где доподлинно и доложили обо всем составе отряда Центросоюза, зная каждого из служивших. Это сыграло решающую роль. Судьба Христофорова мне неизвестна, вернее всего он убит, но кем? Была версия — китайцами. Говорят и так: попал барону, тот ему предложил вступить бойцом, на что якобы В.В. ответил отказом, тогда он ему напомнил об его якобы комиссарствовании когда-то в Ван-хурэ или другом месте, и судьба его была решена.

Настало время ничегонеделания, и при имени лошади с седлом я имел возможность побывать везде и познакомиться с публикой.

Формирование частей

Барон занялся переформированием частей. С ним пришли насколько помню: забайкальцы, Тибетская сотня, Бурятская сотня, Уфимский полк — татары со своим командным составом, немного японцев (человек 20), чахары и солоны со своими князьями (это была самая отчаянная часть, великолепные наездники) и примкнувшие после освобождения Богдо-гэгэна монголы. Батарея, кажется, из 2-х пушек (между прочим, при первом наступлении пушки эти обе или одна из них были бароном потеряны в боях и потом вновь взяты у китайцев), подтянулся большой госпиталь и интендантство. Последнему предстояла крупная работа, так как имущества, оставленного китайцами, были горы.

Прежде всего, и главное, барон взялся за артиллерию, так как отбитых пушек у китайцев называли до 12; правильность не удостоверяю. Во всяком случае, артиллерийские заботы у него были на первом плане, и его посещения батарейцев было и днем и ночью, как равно и другое детище — оружейный завод. Начал формироваться монгольский полк, сформировалась образцовая Архиповская сотня, создались две комендантские команды в Урге и Маймачене. Началась общая регистрация и добровольческая запись. К регистрации потянулись все, и даже я видел нашего ревизора-коммуниста А.Ф. Бизгачева, присланного в Центросоюз из Иркутска, который зарегистрировался и скрылся, как в воду канул, чем ввел в немалую заботу многих, у кого семьи были в Иркутске (впоследствии выяснилось, что он в Иркутск пробрался). Регистрация дала, как говорили, 800 человек бойцов. Сколько поступило и в какие части — сказать трудно: поступать торопились, спасая себя, выдавая за полезных делу. Но не дремали и те, кто знал записавшихся большевиков: участь их была печальна, служба не спасала...

В батарею старались приспособить интеллигенцию, так, например, в ездовые попал секретарь Центросоюза Душенин, вахмистром капитан И.И. Сементовский,

туда же были зачислены братья Борис и Александр Волковы и многие из бывших в Урге офицеров. Комендантская команда, в большинстве своем, была из центросоюзников и на долю их выпала самая кошмарная “работа”. В общем, из Центросоюза, по нашему подсчету, было на службе в отряде более 30 человек, причем большая часть в комендантской команде.

Барон из Маймачена переехал в Ургу, оставив в Маймачене генерала Резухина. Таким образом, получалось два штаба: главный в Урге, начштаба после полковника Дубовика был Ивановский, и в Маймачене — начштаба полковник Тарновский. Комендатура в Урге состояла из коменданта — есаула Безродного и его двух помощников, Жданова и Васильева. Первый из Центросоюза, второй с Запад (кажется, отряда Бакича). Полковник Сипайлов возглавлял контрразведку. Мобилизации пока не было, как равно барон не торопился принимать к себе из засевших в Урге: полковника Островского, полковника Зезина, генерала Ефтина, генерала Никитина, генерала Комаровского, барона Тизенгаузена и других, ограничиваясь своим командным составом и, видимо, доверяя более последнему. Некоторые части отдыхали, другие, сформировавшиеся вновь, были всегда в походах: части китайцев, ища выхода, не находили его и одни продвигались к Кяхте, другие сгруппировались около Урги и этим беспокоили барона. К тому же оставался еще китайский гарнизон на Чойрын-сумэ — по пути к Калгану, верстах в 250 от Урги, численностью что-то в 2000 человек при двух пушках.

В самой Урге налаживались монгольские министерства, и составлялась плановая работа по благоустройству Монгольского государства. Готовились к коронации “Многими Вознесенного” Богдо-гэгэна. Барон Витте назначался по-старому советником по монгольским делам. Бывший премьер Дерберовского правительства на Дальнем Востоке, И.И. Лавров, испытав предварительно связанным посещение штаба и впоследствии освобожденный по настойчивой просьбе трех баронов (Витте, Тизенгаузена, Фитингофа) был назначен по приведению в порядок налогово-финансового аппарата, как специалист (был зав. Центросоюза). Застрявшего в Урге харбинского центросоюзника Немирова придали, кажется, в помощь Лаврову. Коммерческого агента Ургинской комендатуры А.И. Заплавного вскоре отправили с полковником Оренбургского войска В.Н. Доможировым на связь с Бакичем, но они доехали до Улясутая и ничего не сделали.

На этом факте следует остановиться. Бакич с отрядом в 6000 человек в это время был на реке Эмеле (Синьцзянская провинция). Связь, предпринятая бароном, имела существенное значение, и Доможирову были даны и средства и поддержка Богдо-хана в специальном указе, на предмет перевозки всего отряда в Ургу. Люди Бакича положительно голодали и, перейдя в Шара-сумэ, переели там всех собак. Положение было ужасное, ждали выхода и, явись этот выход завершением связи с Ургинским отрядом — составила бы большая воинская часть, вполне боеспособная, надежная и испытанная в боях и походах, и могла в корне измениться вся обстановка в ургинской эпопее. Но Доможиров, доехав до Улясутая, далее не поехал, а послал кого-то, не исполнившего задания и не пробравшегося к Бакичу, сам же занялся каким-то формированием в Улясутае около себя штаба, стал делать замысловатые костюмы и просто пьянствовать, и наш приезд с Казанцевым в апре-

ле 1921 года застал еще его там, и кое-как мы его спровадили обратно. Барон же был прав, командировав его: полковник Оренбургского войска, пожилой, солидный, едет выручать своих же оренбуржцев, так как они были преобладающей частью в отряде Бакича, и вот ошибся в выборе. Как он впоследствии его за это не кончил — не знаю.

Между прочим, с этой же командировкой Заплавного связан и другой случай, изменивший мою обстановку на предшествовавшее время. По взятии Урги бароном, ко мне поступило письмо из Дзаин-шаби от председателя нашего Войскового правления И.Г. Казанцева, в котором он просил выручить его оттуда, где он живет почти уже год, бежав из Иркутска с принудительных работ. Я обратился к барону, и он при отъезде Заплавного дал ему поручение заехать в Дзаин-шаби, выдать Казанцеву некоторую сумму денег и отправить его в Ургу для свидания со мною. Так это и было сделано. Казанцев выехал и привез с собой еще 10 офицеров (в том числе были оренбуржцы — два брата Пановы), которые впоследствии все и служили у Унгерна. А сам он, представившись через меня Унгерну, внес предложение о формировании отдельного Урянхайского отряда и поддержал мою просьбу о вызове нашей бригады с востока.

Первое было исполнено, а связи с войском так сделать нам и не удалось: события неумолимо отбрасывали нас на запад...

Переобмундирование

Прибывшие в Ургу части барона Унгерна после трехмесячной стоянки в степи достаточно пообносились. Урга дала возможность приодеться. В разбитых монголами китайских магазинах было набрано немало всякого рода материалов, по преимуществу шелковые вещи, готовые китайские курмы и халаты, всевозможные меха. Через некоторое время можно было видеть и гг. офицеров, и казаков, и других воинов, с ног до головы преобразившихся в смесь монголо-китайского обмундирования по преимуществу, конечно, легко-шелкового: с черное море шаровары всех тонов и цветов, широчайшие блузы, легкие на меху курмочки, легкие меховые китайские халаты. Конечно, на всех были погоны присвоенной части.

Помню вечер, когда я ночевал в штабе после представления барону. Его адъютант Бурдуковский любовно разбирался с приобретенными где-то мехами: тут были и ценные лисицы и соболя, тут были и куски шелку, все это в довольно внушительном чемодане. Мечтал бедняга, вероятно, доставить удовольствие семье в Забайкалье.... Попало ли что из этого домой? Сам Бурдуковский впоследствии был выведен в расход бароном³³¹. Помню кяхтинца — офицера Немчинова. Громадного роста мужчина, в широчайших красных шелковых штанах и такой же рубахе. Вид какого-то не то палача, не то ухаля-купца...

Не прошла эта переобмундировка для многих благополучно: когда внезапно был издан приказ барона двинуться частям на Чойрын-сумэ, многих это застало в шелковых одеждах и многие пообморозились, вспоминая резонно: “Вот стояли на Керулене в рваных шубенках и были целы, а тут без носов и пальцев...”

Единственным бессребреником был сам барон. От начала до конца я его видел в старом монгольском халате с генеральскими погонами и с Георгием, а в его фанзе походная кровать — вот и вся обстановка и весь его наряд. И от лиц, близких к нему, всегда и впоследствии слышал, что его мало интересовали какие-либо ценности лично

для себя, а если таковые и приобретались как военная добыча (в том числе после казненных) и передавались ему, он их моментально или дарил кому-либо, или раздавал знакомым и сослуживцам. Не то, конечно, преследовали разного рода есаулы безродновы: эти прибирали к рукам все попадавшееся, но сослужило ли это все собиравшееся богатство им пользу — сказать трудно. Многие погибли, другие погибают сейчас...

Охрана китайских граждан

Первой заботой барона по взятии Урги было охранить торговый люд, не покинувший своих предприятий от возможных ограблений. Так, например, к китайской торговой части в Урге, занимающей несколько улиц, была сразу приставлена охрана, и все поместья китайцев в этой части сохранились. Был создан совет китайских торговых старшин и выяснены фирмы, у которых владельцы не сбежали, или оставили своих заместителей. Такие фирмы сохранились от разграбления. В добычу монголам достался громаднейший ургинский базар, где потом я был, и там, как говорится, все под метелку очищено. Конечно, пострадало немало не охранявшихся фирм, а также все еврейские предприятия пошли частью на расхищение, а впоследствии на реквизицию.

Горькая участь постигла некоторых китайских купцов, кинувшихся со страху в побег с отступающими китайскими военными частями. Их обирали в пути сами китайцы, а, возвратившись обратно в Ургу, что сделали некоторые, узнав, что им обиды не наносится, застали свои брошенные предприятия тоже уже не существующими. В общем, много китайцев из бегов возвращались, многих приводили заставы, и порядок был таков: их предъявляли старшинам, те за них ручались, и таковые водворялись вновь на житье. Пробовали некоторых запугивать. Так, например, помощник коменданта Васильев угрожал китайцам револьвером, те пожаловались, и ему было сыпано 250 ташуров, и он насилу отлежался в лазарете. Вторично этому господину насыпали еще столько же за запугивание одной учительницы с целью гнусного предложения — вытерпел и это и в день нашего отъезда из Урги он, еле сидя на седле, выступал с частями в поход.

Военный завод

В Урге существовал какой-то еврейский кожевенный завод, между прочим, приходивший последнее время в упадок. Этот завод был сразу восстановлен Унгерном и пущен в ход самым усиленным темпом. На нем выделяли великолепную кожу, что-то вроде лайки, и из нее шили тужурки и брюки прекрасного покроя, разных цветов, причем этой одеждой предположено было одеть весь отряд. Работа, что называется, кипела. Сюда же были приданы швейные машины и работницы за плату для шитья рубах и вообще воинского белья из разных материалов. Выделялась кожа других сортов, шились сапоги, заготавливались овчина для зимнего обмундирования.

Заведующим этим заводом был назначен бывший караульный у евреев-владельцев, беженец Гордеев, благообразный старик, как говорили, бывший коммерсант из России. Ему была выдана от Унгерна доверенность на это дело и в помощь целый штат, причем в роли караульных были: И.Я. Чибизов, наш минусинец, инспектор Высшего начального училища и бывший бийский нотариус А.И. Марсов,

тоже человек с университетским образованием. Складами заведовал торговавший ранее в Монголии В.А. Шилов, а в конторе был центросоюзник Никитин и многие, которых не помню. Тут же принимал участие в работе Попов, бывший представитель какой-то датской фирмы в Урге. Между прочим, в контору же был помещен сын бывшего почтмейстера Бурдуковского, молодой человек, а второго его брата расстреляли, как говорят, “за длинный язык”. Старик Бурдуковский был не у дел и страшно грустил о младшем (кажется) сыне. Каково же было служить брату!

Участь Гордеева была тоже печальна. В день нашего отъезда из Урги было известно, что его расстреляли в компании со старичком уральцем (была торговля в Урге уральскими камнями и часовой магазин, фамилию не помню). У них обнаружили какие-то ворованные вещи, кажется, сахар, утаенный со складов завода. Кто виноват? Барон ли, сказавший: “Пока будете воровать — буду вешать”, или жадность в этих старичках припрятать на черный день? Бог им судья.

Русско-монгольская типография

На русской концессии в Урге существовала русско-монгольская типография, созданная Консульством. В дни нашего проживания с отрядом Центросоюза она бездействовала, а при китайском засилье, после неудавшихся первых наступлений барона была занята под жилье китайскими солдатами.

После занятия Урги бароном в штабе генерала Резухина был начштаба полковник М.Г. Тарновский, к которому я обратился с просьбой куда-либо втолкнуть меня на дело, так как шляться, когда все чем-то заняты, было противно. Вот через него-то я и получил предложение очистить эти помещения от оставшегося китайского хлама и собрать по возможности типографию: оставшийся шрифт и машины, а также другие принадлежности. За это я и принялся, предварительно взяв из штаба наряд на работы китайцев. Мне прислали что-то 5–6 человек из Маймачена и сумму денег билонным серебром для расчета с ними. Все китайцы, назначавшиеся в это время на работы по очистке улиц от трупов и завалов и на другие поденщины, получали плату. Этими силами я кое-как освободил здание типографии и дворовые постройки от разного брошенного при бегстве солдат имущества, вывезши его в склад интендантства несколько возов. Это с одного двора, что же было в общем?..

Принялся выворачивать машины, сваленные одна на другую, их было, кажется, три: большая ротаторная, маленькая и бостонка и пресс для резки бумаги. Начал собирать шрифт, которого оказалось много не только рассыпанным в помещении, но и на дворе и на улице, по преимуществу новый, не держанный, монгольский, блестящий. В помощь пригнал ребяташек-добровольцев и, таким путем, вновь заполнились целые ящики. Надо было разложить по кассам, а также перевернуть машины, поставить, как следует, и посмотреть их пригодность. Достал слесаря, машиниста, нашел двух наборщиц-учениц и крайне пожалел о неимении специалиста наборщика: был один, в свое время ухаживавший за этой типографией, как за детищем и привезший, кажется, эти машины в Ургу — М.И. Кучеренко, но он уже был в числе трупов. Так или иначе, пообчистил все, привел в порядок и самое помещение и получил приказ дело это передать тоже безработному — бывшему троикосавскому городскому голове Смолеву, что и сделал. Меня же попросили прибыть в интендантство и там помочь по канцелярии.

Труды свои по типографии я увидел значительно позже, будучи уже в 1921 году в Кобдо, при полном хозяйничанье красных в Урге, а в Кобдосском районе в это время шла борьба с отрядами товарища Байкалова, и от него были посланы в отряд Кайгородова воззвания и газета красных монгол, печатавшиеся в Ургинской типографии на монгольском языке. Впоследствии был разгромлен какой-то отряд красных, и были захвачены бумаги в портфеле комиссара и среди них тоже агитационная монгольская литература Ургинского издательства.

Интендантство

Интендантом был при мне какой-то дальневосточник — коммерсант Котельников, помощником его Рерих, очень интеллигентный человек, живший ранее в Урге. Кроме этих, начальствующих лиц — небольшой штат: какой-то старичок на ордерах и делопроизводитель, молодой человек, чиновник военного времени, бывший в отряде барона еще в Акше, где все интендантство при наступлении красных погибло. При складах вахмистр и офицер, фамилии его не помню, он приехал при мне в Ургу, кажется, самарец по рождению. Отдельным собирателем китайского имущества из разных оставленных китайцами частей заведовал какой-то Баранов. Работа было тьма, причем интендантство ведало и финансовой частью, так, например, выплатой жалования чинам отряда. Жалование было по особым установленным ставкам, оставшимся еще тоже от выработанных в Акше. Ставки эти не помню, были они очень небольшие, исчислялись в серебряных рублях и были в свое время списаны мною для руководства в дальнейшем при формировании нашего отряда.

Между прочим, для серебряного рубля, а также билонного (мелкого) серебра в Урге Советом старшин был установлен курс, как эквивалент мексиканского доллара. Серебра появилось много в обращении. Семьям военнослужащих выдавались денежные пайки, на что было обращено особое внимание барона; к удовлетворению семейств денежным и пищевым довольствием он был очень взыскательным.

Первое мое посещение интендантства поставило меня в очень недоуменное положение: при такой массе работы и такой штат. На мой вопрос: имеются ли книги для наличности всего принятого, и каков остаток на данное число — как раз помню, таковой остаток муки и фуража запрашивался штабом — мне никто и ничего точного сказать не мог. Во дворе были горы наваленного обмундирования, бунты мешков с хлебом, в складах горы мануфактуры — никакого точного учета. На мое предложение просить более помощников для приведения всего в известность и систематической записи по книгам, мне сказали, что барон враг всякого бумагомарания, и не дальше как вчера, при посещении им интендантства, вопрос этот был поднят, и вызвал у барона выражение: “Сидите, пока сидите, все равно вся ваша бумажная работа ни к черту не годна и в один момент может свестись на нет”. Конечно, я эти выражения сгладил, им же они были сказаны в довольно резких словах, весьма понятных, но для писания не идущих. И глубоко он был прав.

В будущем мне довелось быть самому интендантом большого интендантства, и сколько было недоразумений из-за разных пустых бумажных формальностей, требования расписок, соблюдения норм, все эти “документы” подшивались, нумеровались, а в одну ночь не стало ни интендантских громадных складов, ни требований, ни ордеров, и сами мы остались “вне нормы”...

Всего в ургинском интендантстве я провел ровно один день, а пришедши на завтра, мне уже не довелось там остаться, меня вызвали к приехавшему нашему председателю Войскового правления Казанцеву, и он попросил меня отчислить для специальной работы по задачам, входившим в наши войсковые цели, а именно, сформирования собственного отряда в Северной Монголии и выход в Урянхайский край в течение весны 1921 года. Между прочим, могу сказать, что в день нашего выезда из Урги, отрядный интендант Котельников сидел на крыше, усаженный бароном за неудачу каких-то точных сведений, а заведовать этой частью был назначен кяхтинец — фамилию не помню, приехавший из Кяхты вместе с расстрелянным позднее г. Хитрово. Как покончилось его управление, не знаю, а до предсказанного бароном конца интендантскому бумагомаранию оставалось очень небольшое время.

Мобилизация

Как я и упоминал ранее, в Урге была регистрация, были добровольческие поступления в отряд, но не было мобилизации, что очень интересовало многих, так как в таких случаях всегда привыкли именно к мобилизации. Барон не торопился с таковой, видимо, переформировывая части, а жители частью успокоились, частью недоумевали. Но вот настал и это момент. Было вывешено объявление, что к 2 час. дня такого-то числа все лица, не служащие в частях, до 50 или 53 лет, должны прибыть на площадь в указанное время, где и будет мобилизация.

Я грешным делом призадумался: мобилизовать меня, как выборного от войска — нельзя, но располагать на милость победителей тоже не приходилось и, пока я об этом раздумывал (до приезда еще Казанцева) и чем-то был занят, было уже более 2-х часов, к моему ужасу, а пока я оседлал своего россинанта и приехал к месту явки — там ни души. Положение “пиковое”. По общему порядку такие лица зачисляются “безо всяких”, плюс наказание за неявку. С этими мыслями я с понурой головой двинулся к штабу и внезапно встречаюсь с бароном, он тоже верхом. Едва успел откозырять и на его вопрос, далеко ли я направляюсь, я ему доложил ужас моего положения и совершенно неожиданно получил распоряжение ехать в штаб и взять удостоверение о том, что я член Войскового правления и никакому призыву в войска не подлежу. Приезжаю в штаб, и диву дался: удостоверение за подписью барона уже готово. Как он все-таки был в этом отношении толков и обязательен. Так, например, в Урге засела группа поляков в 11 человек, которые тоже ждали, что их мобилизуют, и получили от барона ответ, что они польские подданные, мобилизовать он их не намерен, да и не имеет и права, так как ведет борьбу с китайцами, в которой Польша ни с какой стороны участия не принимает, почему им было предложено выехать на восток, что они и сделали.

С общей мобилизацией произошло дело так: на площадь собралось не более 200 человек. Это все, что осталось от 800 человек, зарегистрировавшихся и не служивших. Прибывших барон лично разбил на группы, семейных не взял, служащих иностранных фирм тоже, и осталось мобилизованными очень немного. Причем были такие вопросы:

- Семейный? — Да, семейный. — Где семья? — В России.
- Направо: остаешься свободным.

— Семейный? — Да. — Где семья? — Здесь. — Служить.

Или: — Многосемейный — освобожден.

Так протекла пугавшая многих мобилизация в один час, а может быть, и того менее, при личном участии барона.

Возведение на престол Богдо-гэгэна, или коронация

Называли это, по крайней мере, коронацией. Как происходил самый церемониал, я не видал, да и старался не видеть, чтобы не попасть в кашу пышной церемонии в моей рваной шубенке, хотя по погонам мог пробраться поближе к этому зрелищу.

Приготовления начались задолго, и нам было известно точно о дне и часе этого торжества, ибо Гольцов, где я квартировал, был капельмейстером существовавшего еще до китайского засилья духового оркестра Богдо-хана, и оркестр этот был сформирован им. При печальном существовании Богдо-гэгэна в последнее время и вообще во время управления Ургой китайцами — музыка была уже другая...

И вот этот оркестр выплыл опять наружу. Начались сыгровки, а также контакт с оркестром барона, имевшимся при батарее. Начался съезд монгольских князей. Подготовка русских и монгольских частей к торжеству, причем весь русский командный состав должен быть в монгольских одеждах, с монгольскими шапками, по чину. Надо сказать, что все русские командиры после взятия Урги получили монгольские чины, а некоторые и княжеские достоинства. Сам же барон значился вторым лицом после “Многими Вознесенного” и носил какой-то мудреный монгольский титул.

Торжественная процессия должна была растянуться от дворца Богдо-хана до Златоглавой кумирни — в северной стороне Урги. Это солидное расстояние, по моему, около версты было занято шпалерами войск с находящимися в наличности двумя оркестрами. Ни проезда, ни прохода поперек этого живого забора из концессии в Ургу не было, и ротозейничавшая публика разгонялась монгольскими охранниками попросту палками.

Было уже около четырех часов дня, и мне было необходимо попасть в Ургу, почему я, предполагая, что все уже кончилось, пошел туда пешком. Оказывается, попал в самое время проезда Богдо-хана к дворцу. Вернуться не хотелось и я стал пробираться сквозь шпалеры. Погоны помогли, но, к моему ужасу, я встретился вплотную с бароном, ехавшим верхом на лошади и в столь странном одеянии, что я его не узнал, почему не отдал чести и...обомлел. За это не миловали... А одеяние на нем было действительно необычное: что-то золотисто-алое, с шапкой, украшенной лентами, с какими-то один на другом халатами и курмами одна ниже другой. Бог помиловал, барон, видимо, забыл про меня или не до того ему было, и никакой каре я не подвергся.

Мистицизм барона

После бегства китайцев из Урги, в соседнем с нами помещении, где стоял штаб какой-то китайской части с очень интеллигентными китайскими офицерами, в числе оставленного ими имущества были книги, вернее небольшая библиотечка, с изданиями на китайском и английском языках чисто военных брошюр, карт, картограмм и т.п. и между ними была нами, соседями, обнаружена книга совершенно но-

вая, в хорошем переплете: “Великое в малом” профессора Нилуса. Как известно, книг этих осталось очень мало в обращении, ибо они скупались по весьма высокой цене евреями с целью изъять их из обращения, как обличающий материал, в котором указывались все протоколы сионских мудрецов, предсказывавших все теперь происшедшее по заранее обдуманному и проработанному плану на их конгрессах за границей.

Этой книгой моментально воспользовался один из беженцев, бывший казанский нотариус Юшков, человек с высшим образованием и знакомый с этой литературой, какими-то путями, специально с целью пролезть в добрые к барону, он достиг у него аудиенции, и что там было — покрыто мраком неизвестности, но ему было поручено составить нужные из книги выписки, размножить их на машинке и дать им специальное назначение по частям отряда, а также и лично барону.

Результат всего сказался значительно позднее, так, будучи уже в Улясутае, получили мы знаменитый приказ барона № 15 от 21-го мая 1921 г., в котором указывалось время выступления всех частей из Монголии против большевиков, а в конце приказа точные выдержки из книги, с указанием на известные главы, кажется, пророка Исайи, о воцарении Михаила через столько-то дней и о падении большевизма через столько-то дней, конечно, в чисто библейских выражениях. Об этих же указаниях говорится и в книге профессора Оссендовского, причем весь приказ, его литературную часть в то время молва приписывала именно этому профессору, бывшему тогда в Урге при штабе и, сопоставляя его сочинение “Звери, люди и боги”, нельзя отказать в истинности предположений. На массы приказ этот произвел определенное впечатление: жив, мол, великий князь Михаил Александрович, об этом указывает барон, и мы идем за него. У нас, например, и знамя в отряде было с буквой “М”, а в Урянхае специальный отряд корнета Шмакова именовался “Отряд имени В.К. Михаила Александровича”.

Чтил барон и буддизм, о чем имеются обширные указания у того же Оссендовского, и монгольские ламы, которыми наполнена Урга, с утра до вечера в отдельной комнате при штабе барона молились и за него и за освобождение им Урги. Та какофония, которой они услаждали слух барона, трубя во всякого рода дудки, рожки и неистово колотя в барабаны, далеко разносилась по ургинским улицам. И все его бесстрашие в боях, поистине не имеющее предела, было последствием его веры в Провидение, хранящее его для великих задач Белого дела...

Ургинская церковь

В Урге при Генеральном консульстве была церковь. Помещалась она в здании бывшей ургинской школы переводчиков (старое консульство). Священником был о. Феодор Парняков, иркутянин. Псаломщиком — А.М. Гольцов и церковным старостой полковник М.Г. Тарновский, ныне здравствующий в Харбине.

Во время общего китайского грабежа в ноябре месяце 1920 г. не миновала эта участь и церкви. Была снята с Евангелия массивная серебряная крышка, само Евангелие разорвано и валялось тут же в церкви. Были похищены церковные сосуды, а также и Св. Антиминс, впоследствии найденный где-то в мусоре. Самая обстановка церкви мало пострадала и когда наступило затишье после грабежей, по настоянию Гольцова вход в церковь был опечатан при китайцах, и в таком виде она оставалась до прихода отряда барона.

Священник о. Федор Парняков был казнен Унгерном, и открывать церковь пришлось тому же псаломщику Гольцову, который, между прочим, с наступлением Великого поста по просьбе верующих совершал некоторые службы, доступные псаломщику (чтение часов, великопостные молитвы и т.п.).

Между прочим, в церкви этой была высокочтимая икона Богоматери (“Сподручница грешных”, если не изменяет память) и вот перед этой иконой и читались акафисты “Божией Матери Всех Скорбящих Радости”. Существовало какое-то предание, что при имени каких бы то ни было русских отрядов в Монголии, икона эта должна сопровождать их в походах и находиться в какой-либо части отряда. Исполняя, видимо, это, по приказанию барона, в одно прекрасное утро икону эту приказано было торжественно перенести в артиллерийскую бригаду. И действительно, при очень торжественной обстановке, при участии частей войск, с оркестром музыки, под стройное пение сформировавшегося хора — икону перенесли в специально устроенное помещение при бригаде, где был прочитан акафист, при массе молящихся с возжженными церковными свечами, сделанными, кстати сказать, немногими из нас вручную.

После этого все из участников церемонии, офицерский состав и случайные гости были приглашены на трапезу к командиру бригады, полковнику Шестакову и “торжество затянулось далеко за полночь”... Впоследствии, мне известно, что для этой достаточно большой иконы были сделаны специальные дроги, и она сопровождала отряд барона в его выступлениях. Где она сейчас, после трагического конца отряда — сказать не могу.

В конце марта 1921 г. или начале апреля при моем проезде в Улясутай по пути в Дзаин-шаби я встретился со священником о. Николаем, оренбургским казаком, следовавшем в Ургу по вызову барона для священнослужительства, и не знаю — какая постигла его участь в дальнейшем, так как в мае уже предназначалось падение Урги, и все части были выведены на фронт, может быть, с ними ушел и о. Николай.

В отряде был и официальный мулла для мусульман, коих в составе уфимцев было большое количество. Не помню фамилии этого молодого муллы — милая, симпатичная личность. В свое время окончивший в Уфе мусульманскую семинарию, он продолжал учиться и в Урге у русских учителей, будучи в то же время учителем мусульман.

Последняя служба казненного о. Федора Парнякова была на Рождество 1920 г., и не в церкви, а в здании училища, в то время уже внутри изукрашенного красными флагами, социалистическими надписями и плакатами (последствия проезда председателя Дальневосточной республики Дзевялтовского). Был о. Федор в Крещенье со святой водой у нас и как будто бы чувствовал свою участь, говоря: “Это, вероятно, мое последнее посещение”. Так оно и вышло. Бог ему судья...

Как я попал в Монголию

Окончив все то, что сохранила мне память после великих скитаний и мытарств по степям и горам Монголии и по тысячеверстному пути на арбах, пешком и по рекам Китая и что не связано, вошло в мои записи — хочу сказать несколько слов, как я стал невольным свидетелем всего происшедшего, унесшего не одну сотню жизней в бою с большевиками и в суровых условиях службы у барона Унгерна.

В конце августа 1919 г. в Енисейском казачьем войске состоялся 6-й Чрезвычайный войсковой круг, на котором был избран войсковым атаманом Генерального штаба генерал-майор В.Л. Попов и четыре члена Войскового правления, в числе их и я, казак станицы Минусинской. Выборы совпали с открывшимся на Минусинском фронте походом большевистских вождей Щетинкина и Кравченко, бывших в то время в Урянхайском крае.

Попустительством ли наших военных руководителей, фатальным ли счастьем большевиков или чем-либо другим — тому судья история, как будто не угрожавший выходом, щетинкинский отряд из Урянхия стал надвигаться на Минусинск и, наматывая на себя массы, как снежный ком, докатывался уже до города, где было в то время наше Войсковое правление. По приказу атамана и с согласия членов Войскового правления, нужно было вывести войсковые ценности из города, что и было отправлено со мною на пароходе по Енисею, пока до с. Абаканского, в 100 верстах от города. Дальнейшие события заставили не только меня, но и все Войсковое правление перебраться в Красноярск, как административный центр губернии, куда и прибыли мы с последними пароходами уже в октябре.

Ноябрь месяц начал приносить тяжелые вести с запада, и к декабрю поток большевизма стал надвигаться к Красноярску с двух сторон: и со стороны Минусинска, и со стороны Омска, пока ограничиваясь отступающими частями и беженцами, но было видно, что Ачинск будет пунктом, где это все столкнется. Нужно было подумывать не только о собственной шкуре, но и о том, что же станет со станицами: минусинские (верховские) все уже начисто разграблены, очередь оставалась за красноярскими (низовыми), а их большинство. Был создан совет из станичных стариков и предложено провести и осуществить давнишнюю мечту: переселение в Урянхайский край всего войска. Наметилась эвакуация, но какая она должна быть? Ясно — гужевая. Магистраль уже была забита всеми видами отступающих.

Вот с это-то целью и был командирован в Иркутск атаман войска генерал Попов для обследования путей и плана переброски войска. В это же время в Иркутске была казачья конференция, выехавшая из Омска. На помощь и авторитет этой конференции и были наши расчеты. А время не ждало...

22 декабря по ст. ст. я погрузился в чешский эшелон с тремя теплушками, наполненными ранеными офицерами и семьями военнослужащих и, не доезжая Иркутска, почти после 2 месяцев пути гг. чехи нас высадили и оставили на произвол судьбы.

Довелось изыскивать новый способ передвижения: купил у чехов лошадей из одного эшелона, сформировал казаков, бродивших от армии, идущей на Иркутск, посадил на лошадей их и свою, и другие бывшие со мной семьи, а сам остался в залоге у чехов, за неуплаченную сумму за лошадей, по уговору и в надежде рассчитаться там, где встречу своего атамана или Войсковое правительство, которое обогнало меня в пути.

Но не так все вышло: казаки мои были на станции Белектуй разбиты красными партизанами, там же застрелился генерал Сибирского войска Волков, присоединившийся в пути к нашим казакам, а моя семья попала в плен к красным и была начисто обобрана. 2 февраля по ст. ст. я прибыл в Иркутск, кое-как разыскав арестованную семью, выручил из-под ареста и узнал о том, что члены нашего Войско-

вого правления в Иркутске, в городе власть большевиков, а наш генерал-атаман у них на службе... Горько было!..

Наш состав Войскового правления с председателем Казанцевым еще работал легально вместе с иркутским Войсковым правлением. Над Иркутским казачьим полком болтался уже красный флаг.

Цель была такова: сформировать отряд частью в Дзаин-шаби, в Улясутае, в Улангоме и других местах русских поселений в Монголии; выйти за хребет Танну-Ола, где к нам примкнут подхребтинские крестьяне; оружие же взять у местных монгольских (урянской) нойонов, чему способствовать обещал Хамбо-лама, русофил, в свое время бывший в Омске у адмирала Колчака, а в наше время проживавший в Керенском дацане. Связь с ним имелась, а также должны были встретиться с агаманом нашего Урянхайского отдела О.И. Сиорпасом, у которого было знакомство и популярность среди русского населения в Урянхае и среди некоторых урянхайских нойонов (князей), а также дружба и с Хамбо-ламой (верховный лама, популярнейший среди лам Урянхая). По предположению, которые дал нам Сиорпас, силы наши могли составиться в районе намеченных пунктов в 1000 человек, с которыми, пользуясь весенним временем, не могущим дать большевикам из-за распутицы подкрепления в Урянхай из Минусинска, мы должны при удаче выйти на водный путь Енисея, захватить флотилию и отрезать железнодорожный путь у Ачинска выходом на магистраль. В это же время помощью барона вытянуть нашу бригаду с Востока и присоединить к нам.

План был одобрен, причем у барона, видимо, имелось предположение в случае его неудачи в походе на Иркутск — выйти тоже на Урянхай, о чем он Казанцеву сказал при прощании.

Начались наши хлопоты со сборами и формальностями, а также с получением оружия. На первый случай нам дали 300 винтовок, патроны, денег на расходы и охрану в пути следования — 30 человек монгол. Казанцев представился военному министру — великому князю Жамболон-вану, через него получили указ Богдо-хана, в котором говорилось, что “белый генерал Казанцев уполномочен именем “Многими Вознесенного” на право где бы то ни было мобилизовать монгол, пользоваться безоговорочным доставлением проводников, лошадей, верблюдов и содержанием от монгол, как для себя, так и для перевозочного состава”. Для пущей важности, проводить нас через Монголию до Улясутая были прикомандированы два влиятельных князя — монгольские чиновники. От Унгерна было предписание — всем подчиняться распоряжениям Казанцева, имеющего цель создания отряда на борьбу с большевиками, и дано право мобилизации всего русского населения в пределах от Урги до Кобдо, причем базой для формирования устанавливается место по выбору Казанцева, где он и является в качестве высшего военного начальника, с подчинением ему всех проживающих в районе формирования без различия чинов и заслуг и с ответственностью за слушание со всею строгостью, вплоть до применения военно-полевого суда.

Протолковавшись со всеми этими приготовлениями к отъезду ровно две недели, побывав кое-где у начальствующих лиц для связей и знакомств, посетив грозу всего отряда и населения полковника Сипайлова в один из дней, числа не помню, мы выехали из Урги, и одновременно вышел отряд Унгерна для борьбы с собравшимся ядром китайцев. В Урге остался только Сипайлов с небольшой комендантской ко-

мандой и больше ни одного военного. Да и из команды был, кажется, только вестовой. Это я считаю одной из отчаяннейших ошибок барона: после всех репрессий, после всего озлобления — оголеть Ургу, не считаясь ни с чем. Надежда на монгол небольшая, а темные силы всегда найдутся, что и сказалось впоследствии.

Между прочим, во время нашего пребывания в Урге, барон съездил для свидания с полковником Казагранди в Ван-хурэ в баснословно короткий срок на автомобиле, используя день и ночь, и вернулся страшно огорченный, не увидав его. Впоследствии, как говорят, была вторая попытка на свидание и тоже не увенчалась успехом, и так я не знаю: свиделись ли они на сей земле...

Путешествие наше с выюками оружия и патронов было тоже делом довольно рискованным. Первые пять-шесть уртонов (станций) доводилось ехать в крайне осторожной обстановке: кругом бродили отряды китайцев, ищущих выход из разбитого положения и от преследования войск барона. Наша же охрана в 30 человек монгол, половина хромых, слепых и калек давала повод к неприятному переживанию, в особенности на 3-м уртоне, где при ночевке были слышны выстрелы сражающихся китайцев с бароном. Все же мы благополучно добрались до Дзаин-шаби, где должно было начаться первое наше формирование. И каково же было разочарование по приезде: все население, могущее носить оружие, было взято полковником Казагранди и угнано в Ван-хурэ, и назавтра должны были выехать и все оставшиеся.

По точному смыслу полномочий Казанцева, мы должны были всю не отправившуюся часть захватить с собой, но сколь ни соблазнительно это было, Казанцев сделать не решился. Так и остались пока что в одиночном порядке, причем самим довелось предъявить документы коменданту Дзаин-шаби, дабы не быть арестованными. Первое впечатление вышло не из приятных: сфера полномочий, видимо, не так точно была разграничена, и знал ли барон о мобилизации, сделанной Казагранди — не знаю, как и о том, числился ли отряд этот в войсках барона или был самостоятельным отрядом Казагранди. В дальнейшем это, видимо, сыграло большую роль в судьбе Казагранди и его взаимоотношениях с Унгерном.

Отдохнувши дня два и воспользовавшись двумя обедами, устроенными гг. офицерами в честь нашего приезда и знакомства, двинулись в дельнейший путь. 9 апреля по ст. ст. 1921 г. прибыли в Улясутай, где застали уже сформированный отряд под начальством полковника Михайлова, причем в самой неустойчивой обстановке: кто тянул в Китай, кто в Урянхай, кто на запад, кто на восток. Там захватили профессора Оссендовского и нашего урянхайского атамана Сиорпаса. Вечером собрали наличный состав офицеров, и Казанцев объявил свои полномочия, а приказом 11 апреля 1921 г. образовался: “Отдельный Урянхайский отряд войск генерала барона Унгерна”.

Итак, мои несложные воспоминания из того, “что глаза мои видели” окончились образованием “отряда Казанцева”. Деятельность этого отряда, несомненно, охватывает тоже эпопею унгерновщины, ибо и сам отряд носил имя этого борца с большевиками, и действовал его директивами, и подчинялся ему. Из периода деятельности этого отряда и из дел, с которыми он соприкасался, достойны особого внимания и должны быть установлены фигуры этой эпопеи, как сам Казанцев, также есаул Ванданов, начальник Монгольского отряда есаул Безродный, начальник

карательной экспедиции в Улясутае, погибшие братья Филипповы, полковник Полетико, Михайлов, статский советник Рыбаков, капитан Зубов и др. Из ныне здравствующих: полковник Доможиров В., колонист Бурдуков — коммунист³³², сыгравший роль в гибели отряда через восстание Монгольского полка в Улясутае. Да и многие, кто участвовал в Тарлакшинском бою с большевиками, или получившие пулю в сопках Улясутая от экспедиции Безродного.

Но, так или иначе, это другая страница истории Урги и описать ее надо и долго, и со справками в руках, кои, хотя не на бумаге, но в памяти надо систематизировать, и возьмусь ли за это — Богу весть. В свое время, на тихих стоянках Монголии и в зимовках Китая мною это записано и оставлено у полковника В.Ю. Сокольникового, живущего сейчас в Тяньцзине. То же, что мною записано под одним словом “Урга”, большею частью есть неоспоримые факты, ибо это я видел сам, почему на многие вопросы, как например, о судьбе того или другого лица — я ответить уклонился, не будучи прямым свидетелем, а, зная через других лиц, причем каждый передавал свое — за верное, я же на совесть чужих подтверждений не особенно падаю, или, по крайней мере, опасаясь верить. Так, например, конец Казагранди знаю только со слов, конец барона Унгерна общеизвестен — расстрелян большевиками. Сам участником никаких казней не был.

Теперь хотелось бы оглянуться назад и вдуматься: что это был за поход, какие его были задания, и что из всего вышло, а также поискать причины неудач и возможностей для обратного, то есть удачного исхода всей компании.

Прежде всего, навязывается вопрос: была ли все это авантюра, как многие думают, или серьезное идейное дело? Мне кажется, что если называть авантюрой, то нужно назвать этим все отряды, не только Унгерна, но и Бакича, Кайгородова, Казанцева, Казагранди, Шубина, Остроухова, Шишкина, Анненкова и им же несть числа...

Нет, так относиться нельзя. Все они преследовали цель — борьбу с большевиками, а время было такое, что в могущество и долголетие большевиков никто не верил и верить не хотел, почему все отряды и не оставались на местах, а старались выйти к границе в бой. И это как раз всех и погубило. Сосредоточь все эти отряды внутри Монголии, в секторе с благоприятным радиусом для связи и поддержки и — беспокойству большевиков не было бы пределов, а в Монголии большевизм еще бы подождал некоторое время.

А то извольте: Бакич с 6000 в Шара-суме, Кайгородов с 400 — Кобдо, Казанцев с 300 — Улясутай, Казагранди с 400 — Ван-хурэ, Шубин с 200 в тайге у иркутских станиц вблизи Тунки, Анненков — в Гучэне и Унгерн с 5000 или 6000 в Урге. И все по приказу выступают одновременно в разных местах. Посмотрите на карту и увидите, что это за разнобой... Находишь эти 12000 бойцов под единым командованием и наступай по единому направлению хотя бы к тому же Урянхаю, дело могло бы закончиться иначе, и Минусинский уезд мог сыграть большую роль с выходом через Ачинский уезд на магистраль. А ведь на конец 1920 и 1921 года все живое у большевиков из Сибири было угнано в Польшу.

Конечно, это мои предположения, оспаривать которые могут многие, а также учитывать пути снабжения оружием и боевыми припасами такого количества отряда, но это уже дело другого рода, но не безнадежное: восток все это мог дать в

достаточном количестве. Были и другие пути к приобретению. Во всяком случае, мне горько пришлось разочароваться в форме партизанских отрядов, обремененных семьями и обозами и испытавших тяжкую участь пленения, казней и издевательств большевиков.

Такие же люди, как Унгерн — великие люди, и мало их осталось, с сильной волей и непобедимым уверением в возвращении нашей Родины к ее лучшему, светлому будущему.

Честь и слава герою, не боявшемуся смерти, преданному своими же людьми...

Лаврентьев К.И. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин, 1925 (из архива баронессы М.Д. Врангель, № 57, папка № 8). — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Maria Wrangel' Collection, Folder 16, Box 14, p. 1–43.

Н.Н. Князев Легендарный барон (отрывки из воспоминаний о генерал-лейтенанте бароне Унгерне)³³³

8 августа текущего года исполнилось четырнадцать лет с момента выступления Азиатской конной дивизии из Даурии в памятную монгольскую экспедицию. Развернута была первая страница одной из самых героических глав в истории Белого движения.

Начальник Дивизии барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг не пожелал сложить оружие в 1920 г., и с выходом в Монголию нашел новые пути для продолжения борьбы с коммунистами, захватившими к тому времени все Забайкалье.

Барон Роман Федорович родился в состоятельной прибалтийской помещичьей семье, ведущей род от рыцарей Ордена меченосцев. На рубеже XII и XIII веков они покинули родную землю во имя идеи насаждения великих истин христианства среди диких куроннов, ливов и эстов. Правда, в качестве приемов воздействия на язычников-дикарей применены меч и огонь, но что же делать — такова была та эпоха и величайших порывов самоотречения и, вместе с тем, жестокосердия. Подобно многим владетельным особам средневековья, предки Р.Ф. блеск и славу своего имени поддерживали довольно обычными для того времени приемами. Р.Ф. рассказывал, что бароны Унгерн фон Штернберги, обитавшие на о. Эзеле, были отважными мореплавателями. Кроме того, огнем ложного маяка, построенного на скалах вблизи замка, они привлекали корабли на прибрежные рифы. Застрявший на камнях корабль в дальнейшем становился легкой добычей предприимчивого феодала.

Эти исторические справки не излишне привести в биографии барона для более целостного представления о его личности. И сам Р.Ф. с явной охотой говорил, что он ощущает в своей душе голос крови пиратов-предков, и его облик в целом сделается нам понятнее, если мы подойдем к нему, как к потомку этих рыцарей-меченосцев.

Общее образование Р.Ф. получил дома, немецкий и русский языки были для него в одинаковой степени родными, но мысли отвлеченного характера легче и полнее он

излагал по-французски. Что же касается английского, то и на этом языке он, видимо, читал свободно; по свидетельству одного лица, в беседе с ним барон прибегал к цитатам из английских источников. Военное образование барон начал в Морском корпусе. Из старшей гардемаринской роты он перешел в Павловское военное училище и, по окончании такового, вышел в Забайкальское казачье войско. На Дальний Восток барон попал по влечению. Нужно припомнить, что в 1907 г. (год производства его в хорунжие) еще не вполне замолкли звуки недавно прогремевшей войны.

Пыл и страсти боевых столкновений еще, может быть, не унялись тогда в сердцах недавних участников событий. И вот, барон, как бы инстинктивно, тянется туда, куда влечет его жажда подвига. Р.Ф. получил назначение в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. Через некоторое время он приписан к Цаган-Олуевской станице 2-го отдела. Этим шагом он как бы порывает связь с Европой, делаясь действительным членом в семье народов уже тогда мистически влекущей его Азии.

К этому времени относится первое посещение им Монголии. В 1911 г. он вынужден был покинуть полк, с переводом в 1-й Аргунский казачий полк. Причиной ухода из Аргунского полка послужила ссора с сотником М., со взаимными оскорблениями, за которыми последовал отказ М. от дуэли. В первый день Св. Пасхи барон Унгерн выехал к месту новой службы в Амурскую область. Весь путь (900 верст) он проделал верхом в сопровождении лишь своей охотничьей собаки, следуя по кратчайшему направлению через Большой Хинган охотничьими тропами. Проводника-орочена отпустил с первой же четверти пути — у того пала лошадь. Барон как бы умышленно выбрал самое безлюдное направление, и поэтому добывал себе в пути пропитание исключительно охотой. Путешествие это, видимо, четко врезалось в память забайкальцев и амурцев. Некоторые офицеры вспоминают до сих пор смелую “прогулку” барона.

Но вот новые места — Амурская область — изучены, яркость впечатлений поблекла, и Р.Ф. снова потянуло назад в Забайкалье. Влекла его туда возможность перейти на постоянное жительство в безбрежные просторы Монголии (один из полков Забайкальского казачьего войска в 1913 г. был переведен в Монголию на стоянку в связи с отделением Монголии от Китая), где ему смутно мерещились картины былого величия этого народа конников, и восставал суровый образ Чингисхана, посылавшего в пылящуюся даль свои несметные орды.

Перевод не состоялся, потому что командир Амурского полка не согласился отпустить барона из своей части. На эту меру Р.Ф. ответил рапортом об увольнении в запас. Никакие внешние препятствия не могли побороть его настойчивых устремлений к монгольским степям. Вскоре он появился в г. Кобдо, где расположен был в то время дивизион 2-го Верхнеудинского полка. При одной из сотен, в которой состоял младшим офицером его друг Б.П. Резухин, барон занял должность как бы нештатного офицера.

Р.Ф. посетил все значительные пункты Халхи; побывал, вне сомнения, во многих буддийских монастырях; сделал интереснейшие знакомства с некоторыми представителями аристократии и духовенства, а главное — до краев наполнился теми настроениями, которые дают и волнистые дали Монголии, и ее причудливые храмы, и стада многотысячных дзеренов, спокойно пасущиеся на зеленых коврах необъятных падей, и люди ее, как бы ожидающие могучего толчка, чтобы пробую-

даться от векового сна и даже, может быть, дымки над юртами и монотонное, медлительное скрипение повозок какой-то монгольской семьи, перекочевывающей в беспредельность...

К тому периоду острого ознакомления с Монголией относится, вероятно, и следующий шаг, совершенный Р.Ф. по пути освоения им этой страны, а именно — принятие религии Монголии, ее ламаизма.

Наступил 1914 г., занесенный грозными письменами в историю человечества. Весна этого года пришла в обычном уборе из изумрудно-зеленых трав, вся разубранная цветами. Ничто, как будто бы, не предвещало грядущих событий.

Проникшийся поэзией Монголии, барон поседлал коня, свистнул собаку и отправился в свои полуохотничьи, полуэтнографические исследования. Около двух месяцев скитался Р.Ф. между Кобдо и Ургою. Можно предположить, что именно в тот период своей жизни он услышал голос подлинной, мистически привлекавшей его внимание Монголии. Облик конников монголов оказался “созвучным” любимой его мечте о возвращении к рыцарским временам. Ведь рыцарство, в его представлении, прежде всего, было народом конников. И если представить, что для его сурового сердца все прекрасные проявления человеческой природы, то есть истинная воинская доблесть, честность и идейная преданность своему долгу достигали высоты идеала лишь в рыцарскую эпоху, то нам понятна станет вся тайна очарования Монголии, глубоко затронувшая его душевный мир.

Возможно, что тогда уже барону мерещился новый Чингисхан, который поведет пробудившихся конников-монголов на подвиги славы и чести. Ему, вероятно, было известно, что дух каждого народа отражается в его эпической поэзии. Монгольская же поэзия, полная героических мотивов, в этом отношении представляет значительный интерес, и рано или поздно, но сулит народам Монгольского племени большое и славное будущее.

Известия о вспыхнувшей на Западе войне были для барона зовом из мира грозной действительности. Р.Ф. спешит вступить в казачьи ряды. В Чите он выясняет, что Забайкальцы получили распоряжение оставаться на местах. Одиночным порядком барон едет на фронт и поступает в один из действующих полков Донского казачьего войска. Очень скоро он выделяется своей доблестью, и еще в кампанию 1914 г. удостоивается государем императором награждения орденом Св. Георгия IV степени.

Вследствие обычной его натуре скромности, барон никогда не рассказывал о своих подвигах. На расспросы же товарищей по полку неизменно отвечал, что ему нечего рассказывать на эту тему — “ведь ты там не был и с обстановкой незнаком”, добавлял барон. В Забайкальской дивизии, куда барон Унгерн перевелся вскоре после вступления этой дивизии в действующую армию, было глухо лишь известно, что Р.Ф. заслужил орден за взятие с сотней донцов какой-то высоты на Австро-Германском фронте. Слышно было, что подвиг этот являл собою случай выдающегося героизма.

Совершенно, даже до странности, равнодушный к остальным наградам, барон ценил только орден Св. Георгия, как высокое и при этом исключительно военное отличие, и самым тщательным образом избегал каких бы то ни было представлений к наградам. Рассказывают, что перед расстрелом в Новониколаевске он изгрыз зубами свой орден, который, как известно, коммунисты не сняли с груди барона.

Разведка ли, наступление, или партизанский налет в тылу у немцев — барон повсюду и всегда на первом месте. Интересная черточка: за время службы на фронте в должности младшего офицера сотни, Р.Ф. никогда не уходил с полком в резерв; он примыкал к какой-либо части, остающейся в боевой линии и тогда лишь возвращался в свои ряды, когда полк снова вступал в соприкосновение с неприятелем. С получением сотни, барон вынужден был прекратить такие отлучки из полка.

В войне 1914–1917 гг. барон получил семь ранений.

Он был крайне волевым человеком с ярко подчеркнутым властолюбием, твердостью и настойчивой прямолинейностью, и по справедливости считался одним из храбрейших офицеров дивизии. Барон Унгерн был как бы создан для войны. Он силен, отважен до дерзости, вынослив и не имел в тот период своей жизни решительно никаких интересов вне узко-военной сферы деятельности. Его не влекло никуда с позиций, он был незнаком с чувством утомления и мог подолгу оставаться без сна и пищи, как бы забывая о них. В этой именно обстановке нашли лучшее применение его врожденные особенности, унаследованные от воинственных предков.

В строевом отношении барон был безупречен. Он проявлял широкую заботливость о казаках и конском составе. Его сотня и обмундирование лучше других, и его сотенный котел загружен всегда, может быть, несколько полнее, чем это полагалось согласно нормам довольствия. В хозяйственных же вопросах Р.Ф. был “бичем Божиим” для всех, кому только ни приходилось в этой области соприкасаться с ним. В Великую войну барон имел достаточное количество столкновений с чинами хозяйственной части, вследствие неизбежных в его обиходе перерасходов, а также отчаянно бранился с интендантством в случае недостаточности или недоброкачества фуража. Некоторые случаи оканчивались рядом неприятностей для барона по службе. Но зато в эпоху Гражданской войны, когда все зависело от него самого, Р.Ф. имел в Даурии обильно снабженную интендантскую часть, работавшую без перебоев. Из собственного, временами печального, опыта он знал, во что может обратиться хозяйственная часть у нерадивого командира, поэтому тщательно следил за гг. интендантами. Известен случай, не анекдот, когда барон заставил интендантов съесть в его присутствии всю пробу недоброкачественного сена.

Для большей наглядности нашего представления о бароне Унгерне нужно отметить чрезвычайную замкнутость его характера (черта, вредная в таком деле, как общение с людьми), а также отсутствие у него личных привязанностей и полное равнодушие к предметам даже первой необходимости. Во всем этом, даже в его небрежности в одежде, для чуткого ума ясно звучали горделивые ноты сознания своего превосходства.

В обстановке еще мирного времени, барон не имел никаких вещей, кроме надетого на нем платья. Если же тот или иной предмет из его обмундирования приходил в естественную ветхость, Р.Ф. брал вещь у кого-либо из гг. офицеров: протестовать против такой экспроприации, конечно, не следовало: ведь взамен утраченного можно было занять у барона значительную сумму (он получал от матери 500 руб. ежемесячно). Нам понятно станет, что Р.Ф., носивший несколько грубоватую армейскую личину, был весьма развитым и вдумчивым офицером, если мы припомним, что он всегда любил одиночество и, следовательно, имел достаточно досуга для чтения самообразовательного характера.

Особенно тщательно Р.Ф. избегал женщин. Если он и женился в 1920 г. на дочери одного из сановников маньчжурской династии, то, нужно полагать, что брак этот имел для него скорее какой-то политический смысл, чем явился не преодоленным им физическим влечением к женщине. Кроме того, брак их был союзом, так сказать, на известной дистанции: муж жил в Даурии, а жена — на ст. Маньчжурия. Через полгода этого своеобразного замужества “баронесса”, богато вознагражденная, была возвращена в ее отчий дом.

Барон искренне считал женщину злым началом в мире, и эта врожденная неприязнь, основанная на подлинном аскетизме его природы, доходила порой до мелочности. Во время командования Азиатской конной дивизией Р.Ф., например, неизменно увеличивал меру взыскания каждому провинившемуся, если только женщина ходатайствовала за него. По докладу Сипайлова, в Урге высечено несколько женщин за сплетни, а одна из сестер милосердия, весьма почтенная в прошлом дама, получила даже 150 ташуров. Правда, последний случай, носивший исключительный характер, нужно рассматривать в связи с наказанием прапорщику Чернову. За убийство в лазарете нескольких раненых всадников с целью ограбления, Чернов был сожжен на медленном огне в обстановке мрачного парада перед всей дивизией.

Такова, видно, судьба многих драматических эпизодов, что они как бы сдобрены у Романа Федоровича анекдотом. И в данном случае в равной степени с сестрой милосердия, не донесшей о преступлении Чернова, пострадал и ее почтенный муж за то, что “не привил ей твердых моральных основ”, как выразился барон.

Мировую войну барон Унгерн закончил в чине есаула, и в период Гражданской войны дольше, чем остальные начальники отдельных частей Дальневосточной армии, носил свои есаульские погоны. Некоторые неудобства, сопряженные с незначительным чином при командовании созданной им в Даурии Азиатской конной дивизией, побудили его принять чин полковника и, затем, чин генерал-майора. Что же касается чина генерал-лейтенанта, то этой наградой атаман Г.М. Семенов воздал должное трудам и подвигам барона и чинов его дивизии, проявленным при взятии г. Урги.

В настоящую задачу не входит обзор деятельности Р.Ф. Унгерна в Забайкалье до выхода его из Даурии в августе 1920 г. Можно лишь заметить к общей характеристике барона, что и в те критические дни он не прятал свои монархические убеждения, подобно страусу, под крыло душеспасительной идеи Учредительного собрания. Пусть порой не дипломатична такая линия поведения, но что делать: барон создан был из негнущегося материала.

Борьбу с большевиками барон вел с момента зарождения антибольшевистского ядра атамана, тогда еще есаула Г.М. Семенова, и понимал свою задачу как борьбу до своего последнего вздоха. Он постоянно напоминал своим подчиненным, что после революции гг. офицеры не должны помышлять об отдыхе и еще меньше того — об удовольствиях, взамен этого каждый офицер должен иметь одну непрестанную заботу — с честью сложить голову, и лишь смерть одна избавляет офицера от долга борьбы с коммунистами. Такова была бескомпромиссная формула барона, в которой заключалась вся его житейская философия.

В нескольких статьях любопытнейшего приказа № 15 от 5 мая 1921 года, барон Унгерн выражает основные положения политической и боевой программы своей деятельности на территории Сибири. В них и прямо указывается и всячески подчеркивается, что Р.Ф. чрезвычайно высоко расценивал факт непрерывности своей борьбы с большевиками.

Объясняя в начале приказа о своем подчинении атаману Семенову и, как должно понимать, о согласованности своих действий с директивами атамана, барон далее устанавливает, что командование всеми вооруженными силами Сибири перешло к нему, “как военному начальнику, не покладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком фронте”. Из того же “программного” приказа № 15 явствует и второе положение — понятие о суровой дисциплине, которое барон кладет во главу угла всякого военного начинания. Таковую именно дисциплину он создал и всемерно поддерживал в своих даурских воинских частях. Задачу эту барон разрешил самым радикальным образом: воспитывая подчиненных в должном духе, одновременно тщательно охранял свое “войско”, как он любовно называл свою дивизию, от проникновения туда разлагающих влияний извне. В этих целях Р.Ф. избегал слияний с другими частями Дальневосточной армии, предпочитая видеть свой отряд на некотором расстоянии от собратьев по оружию.

Благодаря неусыпным заботам своего начальника, Азиатская конная дивизия стояла на значительной высоте в смысле дисциплины и выучки. Боевые же качества этой части были вне критики. Основным недостатком дивизии был низкий культурный уровень и разношерстность ее офицерского состава. Правда, все офицеры имели большой боевой опыт и личную храбрость, но интеллектуальное развитие типичного для дивизии офицера было чрезвычайно низко. Этим недостатком в особенности страдал старший командный состав, выдвинутый самим бароном из низших чинов. Считая таких людей всецело ему обязанными, Р.Ф. вполне на них полагался и верил только им. До взятия Урги барон имел самое незначительное количество офицеров интеллигентного типа с военно-училищным образованием. В Урге в дивизию влилось по мобилизации нескольких десятков культурных офицеров, пробиравшихся на Дальний Восток от генерала Бакича из-под Чугучака, а также и из других частей армии адмирала Колчака.

По понятным причинам, обе группы офицеров — и вышедших с бароном из Даурии и мобилизованных в Урге — чувствовали известную взаимную отчужденность. Естественно сложившиеся разновидности “даурцев” и “ургинцев” так и не слились друг с другом до момента развала дивизии. Враждебность даурцев питалась также и от того источника, что сам барон крайне недоверчиво взирал на офицеров — ургинцев, считая их людьми чуждыми, как ему казалось, духу его дивизии. В тяжелые минуты случалось барону верить командование дивизионом и даже полком кому-либо из образованных офицеров, но порядок тот допускался лишь как мера временная. По миновании надобности такой офицер возвращался в строй на свое прежнее место командира сотни или помощника командира полка. Интересно, что и за ошибки или же неуспех операции барон взыскивал иной раз не с командира, а с кого-нибудь из интеллигентных старших офицеров полка, совершенно справедливо полагая, что хорошо разбирающийся в обстановке офицер должен был сво-

временно принять все решительные меры к достижению успеха, может быть, вплоть до оказания надлежащего давления на своего командира.

Даже “кадровые даурцы” вызывали осторожное к себе отношение со стороны барона, если только они не подходили под среднюю его мерку. Приводимый ниже случай прекрасно иллюстрирует высказанную мысль. Дстойнейший, казалось бы, даже с точки зрения самого Р.Ф. даурец, ротмистр 3-н как-то назначен был генералом Резухиным на должность временно командующего 1-м полком; барон отставил это назначение — “больно грамотен”, лаконически пояснил он.

С представлением о дисциплине всегда соединяется вопрос о наказаниях — так сказать, о каре... Карать Р.Ф. действительно умел, в чем нужно отдать ему беспристрастную оценку. Согласно вышеупомянутого приказа № 15, наказания могли быть двоякого рода — дисциплинарные взыскания или же сметная казнь. В качестве мер дисциплинарного воздействия барон Унгерн применял арест, усугубленный сидением на крыше или дереве — в походной обстановке, и в леднике или же минированной динамитом гауптвахте — на стоянке в Даурии; применялось весьма широко спешивание на походе, телесные наказания и смещение на положение всадника в дисциплинарную сотню. Вопрос о смертной казни поставлен был бароном на солидную, так сказать, ногу, и мыслился как смертная казнь “разнородных степеней”. Параграф 10 приказа гласит: “В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что по причине совершенного упадка нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться прежними законами, не предполагавшими существования преступлений, подобных совершаемым в настоящее время. Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия — “правда и милость” — изменились; теперь должны царствовать правда и беспощадная “суровость”. Единичным начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла навсегда и до конца, и о том, что неуклонность в суровости суда ведет к миру, к которому мы все стремимся, как к высшему дару Неба”...

В целях поддержания дисциплины Р.Ф. чрезвычайно ополчался против пьянства. Нужно было видеть, к каким уловкам прибегали любители алкоголя, чтобы не попасться на глаза барону! Но никакая предусмотрительность не гарантировала вполне от внезапных ревизий начальника дивизии, не знавшего различия между днем и ночью с оттенками погоды. Даже на походе, когда дивизия растягивалась верст на десять, барон, ездивший только лишь наметом, имел способность появляться там, где его менее всего ожидали.

Особенно же сурово Р.Ф. карал недобросовестность в денежных вопросах. Но и здесь, как и в других делах, многое определялось особой интуицией барона: он мог простить растратчика значительной суммы (прапорщик Козырев прокутил 10000 р. золотом и был прощен), но мог повесить и за сравнительно незначительную недобросовестность (заведующий Ургинским кожевенным заводом Г-в повешен на заводских воротах за сокрытие аванса в 2000 р. золотом, который он, видимо, намеревался провести по отчету как билонное серебро, по номиналу).

Очень только жаль, что денежные средства, столь необходимые во всякой войне, часто шли в бездонные карманы разного сорта гадалщиков и буддийского ду-

ховенства. По заметкам из сохранившейся записной книжки полковника К-на, состоявшего одно время начальником штаба барона, траты на монастыри были чрезвычайны. В один, например, из монастырей Р.Ф. дал крупнейшую сумму пред уходом на Троицкосавск. Возможно, что эти деньги сданы были на хранение, или же, может быть, барон оплачивал ими какую-нибудь сложную политическую игру. В той же записной книжке отмечены и другие, менее крупные пожертвования монастырям “за молитвы” — 2000 р., 8000 р., 4000 р.

Об особой, наводящей на размышления, интуиции барона стоит поговорить. Взгляд его холодных серых глаз как бы просверливал душу. После первой же встречи с бароном для большинства делалось очевидным, что в глаза ему не солжешь. Чувствовалось, что он прекрасно учитывает и сказанное ему и недоговоренное, и что эти глаза в любой момент могут вспыхнуть безудержным гневом. К той же области относится и особая способность барона угадывать коммунистов, ярко проявлявшаяся при разбивке пленных красноармейцев. Обычно эта процедура происходила в таких тонах: барон медленно проходил вдоль шеренги построенных перед ним пленных, каждому внимательно заглядывал в глаза. По известным ему признакам, бывало, отберет партийцев-большевиков, быстрым движением ташура вышлет их вперед на несколько шагов, а затем, спросит у оставшихся в строю: “Если кто-нибудь из них не коммунист — заявите!” Нужно заметить, что отбор барона был до странности безошибочным...

Теперь надлежит перейти к очень тяжелому вопросу о палочной дисциплине в дивизии. В минуты или высшего напряжения своей начальнической энергии или же почти отчаяния при виде того, что никто его не понимает, никто не проявляет должной жертвенности, видя вокруг себя лишь шкурнический, как ему казалось, страх, барон приходил в чрезвычайное раздражение и тогда готов был побить даже и генерала Резухина. Не удивительно, что все чины дивизии боялись барона больше, чем самой смерти. Забегая несколько вперед, нельзя не обмолвиться, что бароновский ташур (ташур — это бамбуковая палка, аршина полтора длины, утолщающаяся к низу; барон имел ташур не менее двух дюймов толщиной) был одной из существенных причин развала всего дела барона и гибели его самого (если только он действительно погиб).

Такая линия отношения барона к офицерам, которую он проводил к повседневной практике, не могла не вызывать острой оппозиции со стороны некоторых лиц, как уже испытывавших побои, так и не имевших никакой склонности к тому, чтобы пострадать в ближайшем будущем. Начальник дивизии как бы забывал, что офицер, побитый в присутствии нижних чинов, уже не будет являться авторитетом для последних. Вопреки завету Чингисхана, что плох тот начальник, который ташуром добивается послушания подчиненных, и утратившие уважение офицеры должны будут, в свою очередь, добиваться повиновения лишь с помощью подобного же ташура.

Конечно, ташур временами необходим: в той или иной форме он употребляется во всех армиях мира — и в боевой обстановке, и на походе. И у монголов есть ташур, несмотря на их расовую невозмутимую сдержанность, но, по их понятиям, совершенно немисливо ударить нойона (начальника, офицера) или же тайджи (дворянина). По этим соображениям монголы молчаливо не одобряли некоторых поступков барона, а у иных из них, как это впоследствии выяснилось, появлялось

временами сомнение, бурхан ли он, то есть, бог ли барон Унгерн (в том, что он тот или иной перевоплощенец, никто из монголов не сомневался).

В Забайкалье, когда Дивизия входила в состав Дальневосточной армии, барон был несколько иным человеком, чем впоследствии в Монголии. Прежде всего, он весьма считался с авторитетом атамана; затем, немаловажно было и то, что в даурский период почти постоянно возле барона находился кто-либо из числа таких лиц, к которым он относился с известным, если не сказать уважением, то вниманием, и к голосу которых он прислушивался в той или иной мере. Их советы, поданные в надлежащий момент, а иногда и приятельские выговоры, служили для него сдерживающим началом. В Монголии же Роман Федорович имел самое ничтожное “окружение”, робко заглядывавшее в барские глаза с подбострастием весьма дурного тона, и каждую выходку своего начальника дивизии принимавшее с благоговейным восторгом. Как ни странно, храбрейший генерал Резухин, сверстник и старый приятель барона, совершенно немел в его присутствии. Таким образом, распуская свои нервы все больше и больше, Р.Ф. день ото дня расширял круг лиц, над которыми он производил свои эксперименты.

Бегство командующего, 15 офицеров в 22 всадников 2-го полка из-под Урги после второй неудачной попытки взять этот город, поколебало в бароне остаток формального, еще сохранившегося в нем уважения к офицерскому званию. В связи с этим случаем, положение офицеров в отряде сразу и значительно ухудшилось.

Чрезвычайно и, опять-таки, по-унгерновски любопытно, что барон не расстреливал за проявление самообороны против его ташура, но даже как будто бы с того момента начинал считаться с теми офицерами, которые имели смелость в самый острый для них момент схватиться за револьверы. К сожалению, вспоминается не более двух–трех таких случаев... Да они и не могли быть частыми, вследствие полной неожиданности подобных экзекуций: барон налетал почти всегда внезапно, как шквал, на намете и несколькими быстрыми ударами по голове сшибал с коня.

К концу лета 1921 года ожесточение барона стало нарастать с каждым днем, потому что военная обстановка приняла катастрофический характер, повсюду он стал замечать неискренность, только голый страх перед палкой, и ясно почувствовал, что его личный воинский идеал уже враждебен сердцам усталых от войны людей. Даже Б.П. Резухин при переходе через Модонкульский голец дня за два до своей печальной кончины вслух мечтал — хоть месяц бы пожить под крышей, а чистая постель рисовалась ему в виде недостижимого идеала земного благополучия.

Совершенно естественно, что барон, у которого одна за другой рушились все иллюзии, вдруг узрел себя в состоянии крайнего одиночества. Обычная трагедия слишком гордых или слишком уже доверчивых сердец...

Довольно!.. Пора закрыть эту страницу, полную мрачного драматизма... Личность барона Унгерна столь красочна в своих проявлениях, что, отвлекшись в одну какую-нибудь сторону — например, драматическую — рискуешь потерять всякую объективность. Вот почему так часто и в рассказах и воспоминаниях о нем барон представляется нам или чудовищем жестокости, или идеальнейшей фигурой всего Белого движения. Но под каким бы углом зрения не рассматривать барона Унгерна, нельзя не признать, что он в высокой степени обладал талантом сообщать своим офицерам и солдатам героический порыв.

Второе и третье наступление на Ургу — разве это не сплошной героический порыв горсти плохо одетых, почти не вооруженных людей, устремляющихся к победе сквозь зимнюю стужу, навстречу режущему монгольскому ветру? Или в какой, например, воинской части было мыслимо, чтобы оружие в мгновение ока затаскивалось на вершину крутой, безлесной сопки, чтобы с такой неожиданной позиции нанести врагу максимальное поражение? Или разве возможно было бы без особого, по-унгерновски импульсивного воздействия, то невероятное напряжение сил, которое проявлено Азиатской конной дивизией при переходе через Модонкульский и Цежинский гольцы и таящиеся между ними заболоченные долины верховьев р. Желтуры — переход по охотничьим трапам, по которым проведен обоз, в количестве свыше 200 подвод, 20 орудий, раненые... Барон не разрешал себе ни минуты отдыха в продолжении этого суточного перехода. Повсюду одним своим появлением он вливал новые силы и восстанавливал утраченный было темп движения. О трудности этого перехода свидетельствовал красный “минусинский” партизан Щетинкин. Его 500-сабельный отряд, при одном орудии и с тремя лишь подводами, застрял на неделю между гольцами в болотистой тайге и основательно поголодал.

Много примеров высокого героизма можно было бы привести из повседневной жизни дивизии, вся боевая служба которой — это блестящий ряд проявления отваги и величайшего напряжения сил в борьбе с превосходящим по численности и таким жестоким врагом, как коммунисты. И как трагически ясно, что этот дух особой, нечеловеческой стойкости сообщался одною только личностью — бароном Унгерном. Не стало его — и те же храбрейшие из храбрых бросали обозы, пушки, пулеметы, раненых, неудержимую лавиною устремлялись на спасительный восток.

Многие скажут, что это был лишь “героизм ташура”, но такое объяснение страдает совершенно излишней примитивностью... Чтобы держать воинскую часть на высоте непрерывного подвига, начальник ее должен являть образец самоотверженного служения своему долгу. С этой точки зрения Роман Федорович был подлинным вождем, чрезвычайно импонировавшим русским, а в особенности — монголам, и своею внешностью, и сурово-повелительными манерами, и своим аскетизмом.

Им дано бесконечное количество примеров личной отваги, бдительности и постоянной готовности подвергнуть себя опасности, хотя бы только во имя выручки отдельных своих подчиненных. Барон неоднократно спасал свои разведывательные части то от засад, внезапно как бы вырастая перед разъездом в непосредственной близости от противника, то прогоняя своего слишком упорного разведчика из зоны жестокого обстрела. В период опасных маршей Дивизии, барон следовал впереди головного отряда, а в бою находился в том пункте, где положение всего серьезнее.

Такой же самоотверженности он ищет в каждом офицере и всаднике дивизии. “Это ведь так просто”, — вероятно, думалось барону — “нужна только честность до конца, победить большевиков или же умереть с оружием в руках”. Но и здесь, как повсюду, простое на взгляд — на деле оказывается чрезвычайно трудным... Рано или поздно, барон Унгерн должен был почувствовать, что он более чем одинок на своей идеологической вершине, что он изолирован на ней. Кто из нормальных, по житейской терминологии, людей мог бы идти на добровольную жертву в ногу с бароном? Распутывая яркие нити, из которых соткан был причудливый рисунок

натуры барона, мы подошли к вопросу о том, нормален ли был он с точки зрения психопатологии.

Воды р. Селенги, в бассейне которой разыгрались главнейшие события лета 1921 года, отражавшие в ту пору нахмуренные лица странных по виду и чуждых им людей, очищенные от всего, что принесла река захваченного с собой в суетливом ее пробеге, давно уже успокоены в глубинах таинственного Байкала... Многие и многие из сподвижников барона, прокатившиеся бурным потоком по просторам Монголии, перешагнули уже грань вечности. Но оставшиеся в живых не в силах еще забыть своих красочных переживаний, волнующих их и до сего времени...

По прошествии многих лет и в обстановке мирной жизни так просто анализировать события минувшего. Отгремевшие грозы некоторым даже покажутся лишь летними облачками в далекой лазури их молодости... Но в 1921 году, когда верный своей идее борьбы до конца, барон решил схватиться со всей 5-й советской армией, у многих появилась мысль о бесцельности такого, в сущности, самоубийства, и непрестанно вновь и вновь восставал вопрос: кто же он, наш начальник дивизии?

“Луч Азии” (Харбин). 1934. № 3. С.12–16.

Если проникнуться чувствами гг. офицеров Азиатской конной дивизии, которых вопрос о ненормальности барона Унгерна касался весьма непосредственно, то легко можно будет себе представить, что люди эти станут искать ответа на свои сомнения, и в первую очередь обратят свои взоры на только что тогда опубликованный любопытный документ барона, его приказ № 15, о котором упоминалось уже в предыдущем номере журнала “Луч Азии”. Этот приказ красочен и отнюдь не банален. Вне сомнения, приказ № 15 является крупнейшим из литературных произведений барона, выделявшегося из среды военачальников крайним лаконизмом речи. Приказ разделен на три части. <...>³³⁴

Поступки повседневности, идеология барона, заключительная часть его приказа, в которой он приобщает всех чинов Дивизии к его собственной мистике, может быть за полным отсутствием иных, более реальных утешений — все это, вместе взятое, давало богатый материал для определенных уже выводов об умственных и душевных способностях барона. Приходится ответить: да, он был безумцем, но, конечно, не в том примитивном смысле, как это представляется всем лицам, враждебно относящимся к его имени. В своем “безумии” он почти порвал со всякой действительностью, пытаясь поднять людей на борьбу с Третьим Интернационалом с помощью одного только лозунга “Победите или умрите”... Он был или безумцем, или же, может быть, он принадлежал к величайшим идеалистам и мечтателям всех эпох.

Идеи Романа Федоровича были, поистине, грандиозны в такой мере, что выполнение их не по плечу не только отдельному человеку, но даже усилиям целой нации. Можно сказать, что барон стоял на грани почти гениальности и безумия.

В 1919–1920 гг. генерал Унгерн вполне выявил сокровеннейшие свои мысли в беседах с г. С.-Р., которого чрезвычайно ценил за светлый ум и благородное сердце. Барон утверждал, что с некоторого времени человеческая культура пошла по ложному и вредному пути. Вредность барон усматривал в том, что культура нового

времени в основных направлениях перестала служить для счастья человечества — возьмем ли ее, например, в области технической или новейших форм политического устройства, или же, хотя бы, в сфере чрезмерного углубления человеческих познаний, потому что Р.Ф. считал величайшей несуразностью, что вновь открытые глубины этих познаний не только не приблизили человека к счастью, а, пожалуй, отдалили и в будущем еще больше отдалят от него.

Таким образом, культура, как ее обычно называют — европейская культура, дошла до отрицания себя самой и из величины подсобной сделалась как бы самодовлеющей силой. На поставленный ему собеседником вопрос о том, в какую же именно эпоху человечество жило счастливо, Р.Ф. ответил, что в конце средних веков, когда не было умопомрачительной техники, люди находились в более счастливых условиях, хотя это и звучит как парадокс (вспомним, что в ту эпоху и рыцарство было таковым, в любимом для барона Унгерна смысле). Для двадцатого века уже ясно, что развитие техники идет в ущерб счастью рабочего, потому что машина вытесняет его шаг за шагом. Борьба за существование обостряется, говорил далее барон, развивается чудовищная безработица и, как результат изложенного процесса, повышаются социалистические настроения. Барон Унгерн полагал, что Европа должна вернуться к системе цехового устройства, чтобы цехи, то есть коллективы людей, непосредственно заинтересованных как в личном труде, так и в производстве данного рода — в целом, сами распределяли бы работу между сочленами на началах справедливости.

Невольно поражаешься и осведомленности и как бы прозорливости барона в социально-политических вопросах, потому что взгляды, высказанные им в 1921 г., близки к новейшему понятию о “цехизме”, появившемуся в английской литературе значительно позднее. Можно было думать, как это и полагает г. С.-Р., что основы учения о “солидаризме”, зародившегося во Франции в 1906 г., были барону не чужды. Равным образом Роман Федорович тогда уже предвидел роль того политического направления, которое ныне носит наименование “фашизма”, и является самообороной общества против растущего коммунизма.

Назревший уже конфликт между личностью и культурой разрешался бароном в совершенно “унгерновском” стиле, а именно: вся европейская культура, ушедшая по неправильному пути, заслуживает лишь того, чтобы смести ее с азиатских степей до берегов Португалии! На развалинах Европы нужно начать новое строительство с тем, чтобы, пользуясь опытом минувшего, не повторить уже ошибок прошлых веков. Смелый вождь, как говорил дальше барон, может совершить это “оздоровление” Европы при помощи народов-конников, то есть казаков, бурят, татар, монголов, киргизов, калмыков и т.д. Только среди природных конников в наш меркантильный век, по мнению барона, еще хранится искорка того огня, который вдохновлял таких же конников, средневековых рыцарей, на подвиги высокого героизма.

Барон Унгерн далее пояснял своему собеседнику, что собственно монголы, то есть халхинцы, баргинцы и тибетцы, ближе всего подходят для означенных целей. По-существу, они стоят на той же ступени культурного развития (может быть, только в иных формах), которое было в Европе в конце XIV и начале XV вв. Этот, именно, исторический момент барон считал как бы отправным в деле созидания обновленной культуры. Ему казалось, что в 1920 г. уклад семейных и общественных от-

ношений и государственное устройство Монголии во многих чертах подходили на феодально-цеховую Европу.

Эту свою грандиознейшую идею, имевшую в своей основе спасение мира от коммунистической опасности, Роман Федорович начал претворять в действительность тотчас же после занятия им Урги и формирования Монгольского правительства. Он вступил в деятельную переписку с наиболее видными светскими и духовными феодалами Внешней и Внутренней Монголии, а также одновременно сделал попытку завязать отношения с теми китайскими генералами, которые были известны ему своей преданностью идее монархической формы правления в Китае.

Вероятно, к этому же времени относится обоюдная попытка барона завязать отношения с близким ему по духу Джа-ламой (по-тибетски Тенпей Чжалценом), этой самой колоритной фигурой Монголии на фоне первой четверти двадцатого века. Джалама, носивший религиозное имя Амурсаны, как перерожденец этого монгольского вождя восемнадцатого века, в 1921 г. уже воздвигал свой совершенно фантастический город Тенпей-Чжалцен-байшин в горах Ша-цун-шаня в юго-западной Монголии. Имя Джа-ламы могло бы переплестись в необычайный орнамент с именем барона Унгерна, если б суждено было соединиться для совместных действий этим двум наиболее ярким перерожденцам Монголии последних столетий.

Впоследствии, после крушения всего дела, начатого бароном, выяснилось, что монгольские правительственные круги и такой, например, умный политик, как Джалханца-хутухта, не оценили всей широты колоссального размаха барона и поставили ему в вину сношения с китайскими генералами. Этот поступок барона, конечно, был неосмотрителен: Роман Федорович не мог не знать, что монголы, столь искренне ненавидевшие все сколько-нибудь китайское, почувствуют охлаждение и к нему, коль скоро установят его связь с китайскими генералами. Но бесстрастные исторические исследователи должны питать благодарность к барону Унгерну за его попытку привлечения на свою сторону упомянутых генералов, потому что благодаря этому обстоятельству в печать проник любопытнейший документ, обрисовавший всю программу барона. Речь идет о письме к генералу Чжан Куню, который в 1921 г. командовал войсками Маньчжуро-Хайларского района.

В этом письме, датированном 5 мая 1921 года, барон заявляет, что он вошел в сношения с киргизами Букеевской орды, имеющими исторические притязания на территорию от Иркутска до р. Волги. Что же касается генерала Чжан Куню, то ему предлагается из Пекина действовать в направлении на Тибет и Китайский Туркестан (к сожалению, благодаря, может быть, плохим переводам фраза не вполне ясна), подчеркивая необходимость восстановления императорской династии, в целях спасения Китая от революционной заразы. “Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами”, — писал барон — “как только я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — преданных мне людей, я перенесу свои действия в Монголию и союзные с ней области для окончательного восстановления династии Цинов, в чем вижу меры борьбы с мировой революцией”.

Перед монгольскими же владельческими особами барон Унгерн ставил три главных цели: 1) военного и финансового объединения самостоятельных аймаков в

виде добровольного союза под благословением Богдо-хана; 2) сплочение монгольского народа всего корня; и 3) оборона военная и моральная от растущего разлагающего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности.

Основной своей целью барон, таким образом, имел борьбу против разложившегося, безнравственного Запада, являющегося носителем идеи мировой революции; но в первую очередь Р.Ф. устремляет свою энергию на борьбу с коммунистами в России.

Первый уже шаг грандиозного плана барона требовал для своего осуществления тщательного и осторожного к нему подхода. Предварительно необходимо было использовать все блестящие возможности, которые открывались перед бароном в Монголии, где он принят был как желанный освободитель, перерожденец могучего батора (богатыря) прежних времен и даже гения войны. Воспользовавшись этим, следовало создавать армию из мобилизованных монголов и русских добровольцев. Одновременно не излишне было бы также позаботиться об упрочении политической позиции вновь народившегося тогда самостоятельного Монгольского государства. И, только укрепив всеми доступными способами свою монгольскую базу, барон Унгерн имел бы основание ринуться вперед на своего кровного врага — коммунистов в России.

Роман Федорович, вероятно, так именно и понимал свою задачу, и не его исключительная вина в том, что развязка монгольской трагедии наступила слишком быстро. Интересно также подметить, что по какой-то странной случайности барон имел из России только ту информацию, которая толкала его на самые активные действия в Забайкалье. Все перебежчики из большевистского стана повествовали в один, что называется, голос о восстаниях в Забайкалье и Сибири и о страстном чаянии казаков поскорее примкнуть к барону. Трудно сказать, была ли это определенная провокация со стороны красных комиссаров, которым, конечно, важно было создать прецедент для вторжения в Монголию, или же осведомители барона выражали лишь сильно преувеличенные надежды их собственных сердец.

Никто не знает, шел ли Р.Ф. в русские пределы с такой действительно фанатичной уверенностью в быстром и решительном успехе, как это было выражено в вышеприведенном приказе № 15 и сквозило в его речах. Только фактом подчинения барона приказанию старшего начальника и можно объяснить, что он, всегда свято считавшийся с гаданиями, в данном случае действовал вопреки вполне ясным предсказаниям, может быть, в первый раз в своей жизни.

Дня за два до выхода Романа Федоровича из Урги в неудачнейшую троицкосавскую экспедицию, самый приближенный к нему из божественных перерожденцев, известный в Дивизии под именем Маленького гэгэна, молился и гадал о предстоящем походе. С испуганными глазами он тогда же сообщил результат гадания. У него вышло, что поход будет неудачен, что будет почти убит один из больших нойонов (начальников), а все дело барона окончится крахом — предсказание, сбывшееся во всех деталях: под Троицкосавском тяжело ранен и попал в плен достаточно большой нойон — чахарский князь, а остальное — общеизвестно...

От Даурии до боев под Ургой

Лето 1920 г. во всем Забайкалье протекало в обстановке, неблагоприятной для Белой армии. До тех пор, пока армия эта боролась лишь с силами местных большевиков и партизанскими отрядами, войска атамана Г.М. Семенова крепко держались в Забайкальской области и вдоль линии Амурской железной дороги. Но с подходом весной 1920 г. к левому берегу р. Селенги 5-й советской армии положение семеновцев резко изменилось, потому что большевистские войска наполнились регулярными частями Красной Армии, переправленными на правый берег Селенги под видом добровольцев (на правой стороне этой реки была так называемая “ДВР”, якобы совершенно независимая от РСФСР). Под давлением превосходящих сил противника немногочисленная Дальневосточная армия начала стягиваться к железной дороге Чита–Маньчжурия и отходить вдоль нее к границе.

Барон Р.Ф. Унгерн своевременно учел неустойчивость положения в Забайкалье и еще в июне 1920 г. предпринял подготовительные шаги к походу в Монголию. С этой целью он обратил внимание на город Акшу, лежащий приблизительно в 300 верстах западнее ст. Даурия на р. Ононе. Этот населенный пункт расположен вблизи монгольской границы и связан трактовой дорогой с г. Ургой. Здесь барон заблаговременно создал базу запасного интендантского имущества и огнеприпасов. Генерал Унгерн ревностно охранял свою дивизию от общения с другими частями Дальневосточной армии. “Нужно уходить, пока еще не разложилось мое войско” (любимое наименование своей дивизии в устах барона), — заявил он, когда отступающая армия стала уходить из Даурии.

По распоряжению начальника дивизии, генерал Б.П. Резухин 8 августа 1920 г. выступил из Даурии в Акшу с тем, чтобы там ожидать дальнейших распоряжений. В отряд генерал-майора Резухина вошли: 1-й Татарский и 2-й Анненковский конные полки, имевшие в своих рядах всего лишь, в общем, 6 сотен (4 татаро-башкирских и 2 русских), затем, отдельный Бурятский дивизион (2 сотни), комендантский дивизион из 1 казачьей сотни и 1 эскадрона, 3-х орудийная батарея из 75 мм французских пушек облегченного типа и 13–14 тяжелых пулеметов.

Не могу не коснуться здесь вопроса о способе перевозки пулеметов в частях барона Унгерна. Эта нелегкая для конницы задача была разрешена бароном чрезвычайно практично. К передней оси, взятой от тарантаса, приделывалось легкое длинное дышло; на этом весьма подвижном ходу устанавливалась небольшая платформа, на которой укреплялся пулемет и укладывался некоторый запас заряженных лент. Везли пулемет посменно два всадника, которые становились с обеих сторон дышла и брали на передние луки своих седел поперечно привязанную к нему палку (давнур). Такой способ перевозки пулеметов чрезвычайно удобен на походе и просто неоценим во внезапно вспыхнувшем бою, так как пулемет на этой обстановке всегда готов к стрельбе, стоит только отбросить давнур с седла и заложить в пулемет лежащую здесь же с патронами ленту.

20 августа в Акшу прибыл барон. Он привез с собою: японскую добровольческую сотню, вторую такую же 3-х орудийную батарею и еще 7 пулеметов. Привез он также полученные от атамана деньги на расходы по экспедиции, по некоторым данным, около 360 тысяч золотом. Общий подсчет сил, выведенных из Даурии, давал

следующие цифры: 1045 всадников, 6 орудий и 20 пулеметов Максима и Кольта. Отряд имел значительный артиллерийский парк и несколько тысяч винтовок. О своих дальнейших планах барон никого не осведомил — таково уж было свойство его характера. В Акше отряд не задержался. Барон подчинил себе стоявший в этом городе 12-й казачий полк (2-х сотенного состава) и с этим полком и частью своего отряда отправился в экспедицию по ликвидации отрядов красных партизан, скопившихся в верховьях рек Чикоя и Ингоды. Он доходил до Булыринских минеральных источников, находящихся примерно в 250–300 верстах от г. Акши на юго-запад. Экспедиция эта была быстро и успешно закончена, и около 15 сентября барон пришел в поселок Алтанский (80 верст юго-западнее Акши, где к тому времени сосредоточились все подчиненные ему люди). В названном поселке генерал Унгерн простоял до 30 сентября в ожидании точной информации о положении в районе железной дороги.

Все приготовления к большому походу были закончены, полку было приказано возвращаться в Акшу, якобы для охраны оставленных там дивизионных складов. Невольно тут напрашивается вопрос: почему, имея такой численно слабый отряд, барон отсылает от себя две сотни? Ответ, вероятно, заключается в том, что казаки 12-го полка, принадлежавшие к категории мобилизованных, не подошли по духу к отряду Унгерна, с его исключительно добровольческим контингентом и установившимися традициями. Барон, как мы видим, хорошо учитывал опасности, могущие возникнуть от внедрения в его воинскую часть чуждого элемента — и будущее показало, что он был прав.

Впоследствии, выйдя уже на широкий путь, в Урге он вынужден был прибегнуть к мобилизации. И что же из этого вышло? Унгерн не смог перевоспитать на свой лад бывших колчаковцев и, в конечном результате, неизбежное столкновение двух традиций привело к гибели самого барона.

12-й полк покинул поселок Акшинский на рассвете 30 сентября. Через несколько часов в западном направлении выступил дивизион прапорщика Галданова, на которого барон возложил задачу пройти по русской территории вдоль границы до ст. Мензинской.

Теперь начали определяться дальнейшие намерения барона. Можно было уже догадываться, что он собирается выйти через Монголию вновь на русскую сторону. Понятно стало, что только что законченный им поход от Акши к Булыринским источникам имел целью обезопасить свой будущий правый фланг от натиска местных красноармейских сил. Барон не мог вести отряд тем путем, где должен был идти Галданов, потому что в приграничном районе нет колесных дорог. В тот же день, 30 сентября, барон Унгерн вышел из Алтанского во главе отряда из 940 всадников. Каждый всадник имел по 250 патронов и вез заручную винтовку (лишние винтовки были заготовлены для будущих добровольцев). Кроме того, в обозе следовало по 150 патронов на каждого бойца.

1 октября отряд перешел монгольскую границу, р. Букурун, и стал углубляться внутрь страны, двигаясь на юго-запад. Через степь Балуктуй дошли до реки Болджи (левый приток р. Онона), переправились через эту реку; затем прошли Ханкорским перевалом через один из отрогов Яблонового хребта и 5 октября вышли в верхнее течение р. Онона. Далее барон перевел свой отряд на правый берег Онона и пошел вверх по

р. Борха (правый приток Онона). Перевалив через горы Борха-даба (отроги Яблонового хребта), отряд вышел на р. Керулен, несущую свои воды в озеро Далай-нор.

Поход этот мог бы стать более приятным, если бы у отрядников имелась теплая одежда. Под небом Монголии и летом-то требуется шуба, чтобы провести ночь на воздухе, а в октябре месяце и подавно уж давал себя чувствовать острый холодок. Трудно объяснить, почему барон, проявлявший всегда исключительную заботливость по отношению к своим всадникам, на этот раз не снабдил отряд теплой одеждой. Вероятно, он или не находил возможным обременять обмундированием свой обоз, или же ошибся в каких-то расчетах.

Днем монгольская степь и речные пади были изумительно красивы. На фоне блеклых осенних тонов раскрывалась целая симфония запахов степных трав, уже тронутых увяданием. Время от времени из ближайшей пади вдруг веяло бодрящей свежестью или, Бог весть откуда донесенным дымком.

Чем дальше отходили от Алтанского, тем пересеченнее становилась местность и звонкоголосее делались речки. Спускаясь вдоль по течению р. Керулен, отряд как-то подошел к китайским фанзам и остановился на ночлег. Несмотря на охранение, которое сразу же было выставлено у фанз с той целью, чтобы никто из отряда не заходил к китайцам, один из младших офицеров раздобыл в китайской лавке добрую порцию ханшина. По случаю столь приятного события, в сотню к нему явилось несколько приятелей из других частей. Через агентуру барону стало известно обо всем, может быть, уже с соответствующими прикрасами, и он мгновенно загорелся гневом и поспешил лично “накрыть” выпивающую компанию. По сигналу “барон” некоторым из гостей удалось скрыться, но часть из них все же попала в поле зрения строгого начальника. В особенно неприятном положении оказался один из захваченных, который к моменту появления барона крепко спал в палатке. Барон чрезвычайно рассердился на всех, а спавшего приказал выкупать в реке для вытрезвления.

Кроме того, четырех захваченных им за пирушкой барон отослал на противоположный берег р. Керулена. Наказанным не разрешено было взять шинелей, но позволено разжечь на ночь костер. Весь дневной переход они двигались параллельно с отрядами. Только вечером им позволено было возвратиться в свои части. Позвав к себе старшего из них, барон спросил: “Ну что, думается мне, кружка горячего чаю будет теперь для Вас вкуснее ханшина?” И добавил: “Ну, то-то же, ступай и не пей больше!”

Барона невозможно вводить в обычные рамки, потому что он сам являл собою фигуру, резко выделяющуюся на общем фоне русской революции, казалось бы, изобиловавшей самыми разнообразными типами. По этой причине, для того, чтобы вычертить исторически-правильный облик Унгерна, нужно рассказывать обо всех мелочах, так как именно в них ярче всего и проявились оригинальные свойства его натуры.

16 октября отряд пришел на р. Дзун-Тэрэлдж (незначительный приток Керулена) и остановился здесь лагерем. Из сопоставления некоторых обстоятельств на этой стоянке выяснилось, что Р.Ф. Унгерн имеет намерение пройти на станицу Мензенскую, до которой от данного пункта насчитывалось около 110 верст с тем, чтобы через станицы Бичуринскую, Шарагольскую и Кударинскую выйти затем к г. Троицкосавску. Разведка, высланная в мензенском направлении, соединилась с дивизионом Галданова и по возвращении доложила о трудности перехода через горную область Хэнтэй и о непригодности для артиллерии дорог в мензенском направлении.

Изложенное обстоятельство несколько осложнило задачу барона... Но не в его характере было отказываться от раз принятого решения. Единственный путь вперед в обход Хэнтэя шел через Ургу. “Тем лучше”, — сказал барон — “пройдем этим путем!” Со стоянки на р. Дзун-Тэрэлдж, Унгерн послал бурятский дивизион (2 сотни) на Мензу, возложив на эту маленькую группу невыполнимую, как оказалось потом, задачу: пройти по причикойским станциям (вдоль р. Чикоя) и присоединиться к отряду в Троицкосавске. Дивизион был тотчас же рассеян дэвээрорцами, лишь вышел на русскую границу, и почти целиком погиб. Только несколько казаков-бурят из состава этого отряда возвратились под Ургу, чтобы известить барона о печальной судьбе своих станичников.

Что же касается барона, то он спустился с отрядом по р. Керулену до Акшинского тракта и этой дорогой пошел к Урге. Приблизившись к столице Монголии, барон Унгерн через монголов вступил в переговоры с начальником гарнизона, генералом Чжаном, о беспрепятственном пропуске его отряда через Ургу по Троицкосавскому тракту. В ожидании ответа китайского генерала, Унгерн приказал разбить бивуак на р. Барун-Тэрэлдж, притоке р. Толы, в 30 верстах от Урги. Переговоры эти примерно сводились к следующему:

На запрос барона о пропуске через Ургу последовало требование сообщить детально, какой именно русский генерал подошел с вооруженным отрядом и что ему нужно. Барон приказал посланцу из Урги доложить, что подошел генерал барон Унгерн, монархист, который дерется со всеми социалистами, к какой бы национальности они ни принадлежали. В этом ответе звучал уже прямой вызов по адресу генерала Чжана, потому что Унгерн не мог не знать, что ургинские власти связаны с южно-китайскими революционно-политическими группировками. Далее, барон поручил сообщить, что идет на Троицкосавск через Ургу, по причине отсутствия других дорог, ведущих в этом направлении. В пути же он предполагает сделать кратковременную остановку в Урге для пополнения запасов продовольствия за справедливое денежное вознаграждение. Ответа китайцев не последовало...

“Луч Азии” (Харбин). 1937. № 34/6. С. 7–9.

НАЛЕТ НА УРГУ

Бивак на р. Барун-Тэрэлдж (30 верст на восток от Урги) предназначался лишь для кратковременной остановки отряда. Люди жили в палатках. Не было еще ни юрт, ни землянок, невзирая на то, что уже стояла поздняя осень. Неудобства и лишения, связанные с пребыванием в лагере, не приспособленном к холодному времени года, порождали у унгерновцев стремление к Урге, которая манила своею близостью и сулила, как казалось тогда, все житейские радости.

Протекла долгая неделя в ожидании ответа от начальника ургинского гарнизона, но вместо разрешения на вход в город, через монголов поступило известие о спешной подготовке китайцев к обороне. Полученные сведения утвердили барона Унгерна в решении немедленно захватить Ургу силой, хотя предпринимаемая операция ни в какой еще степени не была им подготовлена: и местность никому неизвестна, и не имелось данных о противнике.

А между тем, как это выяснилось впоследствии, ургинский гарнизон состоял из двух бригад пехоты и 2–3 конных полков, изобильно снабженных пушками и пулеметами. По мнению бывшего Кобдосского генерального консула А.П. Хионина, который осенью 1920 г. проживал в ургинской консульской резиденции, численность гарнизона достигала 11000 солдат. К моменту же взятия Урги бароном количество гаминов (монгольское название солдат Китайской республиканской армии) возросло до 15–16 тысяч.

Унгерн полагал, что неожиданность нападения является лучшей гарантией успешности предпринимаемого налета на Ургу. Вечером 26 октября 1920 г. боевая часть отряда в составе 9 сотен, при 4 орудиях и 10 пулеметах, снялась с бивака. Перевалив ряд хребтов (местность в этом районе чрезвычайно пересеченная), унгерновцы вышли к верховьям р. Хуин-гол, впадающей в р. Толу верстах в десяти выше Маймачена. Здесь отряд разделился на две группы. 1-й Татарский полк (3 сотни) с 1 орудием и частью пулеметов, во главе с генерал-майором Резухиным, получил задание спуститься по Хуин-голу и напасть на китайцев с востока, одновременно с тем, как отряд барона набросится на них с севера.

Появление генерала Резухина в пункте, лежащем непосредственно на восток от Маймачена, было прямой угрозой флангу и тылу ургинского гарнизона и прерывало сообщение по Калганскому тракту. Одного лишь этого обстоятельства казалось барону достаточным, чтобы внести нервность в ряды китайцев. Расчет барона был неплох. Со столь слабыми силами, как 3 сотни Резухина и 6 у него, он мог взять город лишь в том случае, если бы своим решительным ударом ему удалось основательно напугать противника. Группа Резухина на рассвете 27 октября заняла гору Баян-Дзурх (В 3–4 верстах на восток от Маймачена), но дальше не продвигалась; да этого и не требовалось по обстановке, потому что Резухину вскоре же стало понятно о неудаче барона. Резухин держался на Баян-Дзурхе весь день 27 октября, ведя редкую ружейную и артиллерийскую перестрелку с гаминами, которые занимали ряд смежных возвышенностей. Лишь 28 октября 1-й Татарский полк присоединился к отряду барона, когда последовало от него соответствующее приказание.

Что же касается группы, возглавляемой самим бароном, то с р.Хуин-гол она перешла горами в падь речки Улятуйки (протекающей через восточную часть г. Урги — Маймачен) и направилась вдоль ее течения. Осенняя резкая сырость энергично пробиралась под легкие дождевики и подержанные английские шинельки, в которые унгерновцы были тогда обмундированы. Барон приметным образом торопил отряд. Вопреки обыкновению спешивать всадников через каждый час и вести затем лошадей не менее версты — “в поводу, шагом марш!” — на сей раз он почти уже два часа идет в конном строю.

Унгерн, конечно, впереди, он следует с разведывательным взводом... Как-то вдруг заметно стало, что узкое ущелье горной речки расширилось... Но едва ли кто-нибудь в отряде знал в тот момент, что мы уже у цели. “Трах, трах, трах! Та, та, та!” — отозвалась тут же в горах вспыхнувшая впереди беспорядочная стрельба, вскоре прекратившаяся столь же неожиданно, как она возникла. Это китайская рота, находившаяся в заставе, обстреляла нашу главную сотню и разбежалась, словно испугавшись эха своих же собственных выстрелов.

Через несколько минут барон остановил отряд, а сам утонул в темноте. Было ровно два часа ночи. Унгерновцы в конном строю спокойно ожидали дальнейших распоряжений своего начальника. Послышалась команда: “не курить!”, и от головы походной колонны прокатилась до замыкающего ее взвода. Кое-где сдержанно разговаривали. Минут через двадцать послышался голос барона. Он вновь тронул отряд и повел его куда-то вправо, на сопки. Указав позицию для пушек, он кратко бросил: “Стреляйте!” уехавшему рядом с ним командиру батареи. В один миг орудия были на намете и приготовлены к стрельбе. Но куда же стрелять? Капитан Попов подлетел к барону и попросил распоряжения о том, в каком направлении и по какой цели вести огонь. В ответ на вопрос Унгерн протянул руку, как будто бросил ее, в ту сторону, куда он в данный момент напряженно смотрел, словно силясь преодолеть взором охвативший его со всех сторон мрак. “Туда!” — приказал он со свойственным ему лаконизмом. Ночное небо прорезали быстрые вспышки орудийных выстрелов. Вслед затем гранаты гулко громыхнули где-то внизу, и звуки разрывов эхом прокатились по невидимым горам. Китайцы ничем не реагировали на наши выстрелы.

Было настолько тихо в этом море ночной темноты, что в отряде Унгерна никто даже и не подозревал о близости населенного города, притаившегося тут же, почти под ногами. Барон молчаливо и неподвижно стоял в продолжении некоторого времени неподалеку от батареи, вероятно, в ожидании ответного сигнала генерала Резухина. Слишком, конечно, большим испытанием было бы для него оставаться в бездействии до наступления рассвета. Потому, убедившись в том, что Резухин его не слышит, Унгерн отправился на разведку — как всегда, один.

В продолжении тех 2–3 часов, которые протекли с момента исчезновения барона до начала рассвета, командиры сотен, что называется, самоопределились, то есть каждый из них занял какую-либо позицию с намерением, как тогда ночью казалось, образовать общий фронт. На деле же получилась иная, и совершенно грустная картина: в темноте сотни разбрелись по сопкам, утратив всякую связь между собою. Никто не знал, где находится барон, и какие должны последовать от него распоряжения. Поэтому ни один из начальников частей не решался проявить собственную инициативу. Унгерн же в то время носился на своем скакуне по неведомым ему окрестностям города, разыскивая сперва китайцев, затем генерала Резухина и, наконец, свой отряд.

Спустившись с сопки, на которой он поставил батарею, барон вскоре подъехал к стене города Маймачена. Продвигаясь вдоль таковой, он добрался до какого-то проезда и через это отверстие проник внутрь города. У одного из домов его окликнул часовой. Барон вихрем налетел на гамина, сбил его с ног ударами своего увесистого ташура и ускакал. Из Маймачена генерал Унгерн направился на розыски отряда генерала Резухина, но в темноте потерял ориентировку и заблудился. Впоследствии, когда сделалось возможным воспроизвести всю картину этого неудачного налета, выяснилось, что в 2 часа ночи отряд барона врезался в расположение сторожевого охранения китайцев, находившихся в окопах перед городом.

За ночь китайцы организовались и, с наступлением рассвета, бросились с трех сторон на унгерновский отряд. Разрозненно действовавшие сотни начали отходить, неся большие потери. После того, как отступивший отряд перевалил через

первый от Маймачена гребень гор, он, по счастью, оказался в мертвом пространстве, и там, в сравнительно спокойной обстановке, тотчас же оправился от неожиданного конфуза. Часть сотен, с пулеметами, ушла вперед, чтобы организовать отпор гаминам на следующем гребне гор, а остальные потихоньку отступили вслед за ними.

Батарея, выдвинутая бароном слишком далеко вперед, почти к самой радиостанции, сразу же очутилась в критическом положении. Прежней дорогой идти было невозможно, потому что ей некуда стало отходить: падь речки Улятуйки полна была бешено стрелявших китайцев, а сзади находился обрывистый склон горы, на который не поднимешь даже орудий под огнем противника.

Одну пушку успели все же вывезти сравнительно благополучно под прикрытием огня двух других орудий и конной контратаки комендантского эскадрона, если, конечно, не принимать во внимание, что побита была почти вся орудийная запряжка и смертельно ранен следовавший с орудием поручик Матвеев. Две оставшиеся на позиции пушки капитан Попов приказал вывозить по очереди. Первую из них он повел сам с намерением во что бы то ни стало пройти к речке, но тотчас же попал под жестокий пулеметный обстрел, где погибли и лошади и ездовые, а сам капитан Попов упал с перебитым бедром подле своего орудия. Ко второй пушке не удалось даже подать передков. Третий офицер батареи, подпоручик Виноградов, стрелял на картечь до последней возможности. Его спас самоотверженный поступок вестового, подавшего своему офицеру лошадь в тот момент, когда китайские солдаты были в 15–20 шагах от пушки. Вестовой бросил в них ручную гранату и, воспользовавшись замешательством врагов, посадил раненого Виноградова в седло.

Комендантский эскадрон дважды бросался в конную атаку на гаминов, чтобы облегчить положение батареи. Первое орудие вывезено было при содействии именно этого эскадрона. Большого сделать было нельзя. Эскадрон понес большие потери, в частности, все офицеры были ранены.

Барон в бою почти не участвовал. Он разыскал свои части лишь по стрельбе и прискакал слишком поздно, когда сотни его перевалили через гору. Возвращаясь к своим, барон проехал возле брошенных пушек и видел зверски добитого китайцами капитана Попова. Благополучно проскочив через неприятельские цепи, он догнал отряд в следующей пади. Все тревожно насторожились, когда заметили барона, потому что не знали еще, как он будет реагировать на потерю пушек, но он не произнес ни одного упрека. Когда отряд остановился, Унгерн выслушал доклад о бое.

Барон был явно огорчен потерей пушек. Несколько раз подряд в раздумье он повторил заданный самому себе вопрос: “Из чего же теперь мы будем стрелять?” Но, в общем, он остался вполне удовлетворен действиями своих артиллеристов и даже похвалил их за то, что успели привести в негодное для стрельбы состояние одну из брошенных пушек. Бомбардиру, который имел дерзость снять прицельные приспособления с пушки “под самым носом у китайцев”, барон немедленно выдал награду в размере 300 руб. золотом.

После описанного боя, барон отвел свой отряд верст на пятнадцать от Урги. Учитывая ту, весьма вероятную, возможность, что китайцы станут преследовать его отряд, барон без промедления отправил раненных в заимки русских колонистов, находящиеся верстах в пятидесяти на восток от Урги, где р. Баян-гол впадает в

р. Толу. В этом пункте, отстоявшем в полупереходе на северо-восток от Урги, барон пробыл семь дней.

На следующий день после неудачного боя выяснилось, что китайцы не только далеки от мысли о преследовании, но даже не ведут разведки перед своими позициями. На основании этого донесения, барон отправил к Урге телеги, чтобы подобрать брошенные в момент отхода артиллерийские снаряды. Все 104 снаряда, пролежавшие два дня в небольшом леске менее чем в двух верстах от окопов противника, были разысканы и возвращены в артиллерийский парк отряда.

“Луч Азии” (Харбин). 1937. № 35/7. С. 7–9.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА УРГУ

Недельную стоянку вблизи Урги барон Унгерн использовал для приведения своего отряда в должный порядок и для разведки местности. Людской состав унгерновских частей в каждый данный момент был достаточно тренирован для боя, и с этой стороны все обстояло благополучно, но барону настоятельно требовалось срочно обновить и пополнить конский состав своих частей. Так как коней в том районе было чрезвычайно мало, то приходилось добывать таковых с превеликими затруднениями и, при этом, платить монголам столько, сколько они запросят. По изложенным причинам барон Унгерн покупал в то время лошадей по цене от 80 до 100 руб. золотом, каковая цифра превышала в 5–6 раз действительную стоимость монгольского коня.

Генерал Унгерн все свое время отдавал тогда разведке. Он лично обследовал все окрестности Урги и разведкал позиции гаминов. Им было установлено, что передовые китайские позиции находятся на втором от города гребне гор, который значительно поднимается над первым. Но и этот последний гамины, в свою очередь, изрыли окопами. Третья же линия оборонительных позиций тянулась вдоль всей северной окраины города. Хорошо также прикрыты были окопами долины рек Улятуйки и Сэлби.

Барон был весьма тонким разведчиком. Очень часто — и в войне с красными в Забайкалье, и с китайцами в Монголии — разъезды устанавливали, что барон прежде них уже побывал в расположении противника, а затем, в каком-нибудь укрытом месте, поджидал своих людей для того, чтобы спасти их от подготовленной засады или же предупредить вообще об опасности.

Достаточно характерен для данного положения рассказ хорунжего Порядкова о разведке им долины р. Сэлби. По-своему искусно пользуясь руслом речки и складками местности, хорунжий добрался до китайских фанз, стоявших в полутора верстах от того пункта, откуда начинаются уже пригородные юрты. Но лишь только он тронулся со своими казаками дальше по направлению к городу, китайцы жестоко обстреляли его перекрестным огнем из окопов, каковые в изобилии нарыты были ими по обоим склонам пади. Порядков остановился в нерешительности, не зная, в достаточной ли степени выполнил он возложенную на него задачу и может ли он возвращаться. В этот критический для него момент он услышал знакомый голос и, оглянувшись, увидел барона, который стоял возле фанзы и жестами подзывал его к себе. “Езжай назад, а не то ранят”, — приказал барон подскакавшему к нему хорунжему.

Что же касается сил противника, то барон Унгерн в то время не имел о них точных данных, да и не в его характере было особенно интересоваться силами врага. Монголы явно преувеличивали цифру китайских войск. По их подсчету, в Урге стояло не менее 20 тысяч гаминов. В действительности же, как мы помним из предыдущей главы, силы генерала Чжан Цзинькуя равнялись двум бригадам пехоты с некоторым количеством конницы, при 40 орудиях (из этого числа 4 пушки имели калибр в 3 дюйма, а остальные все были конно-горными орудиями, 2 1/2-дюймового калибра) и 100 станковых пулеметах системы Гочкиса.

В ночь на 2 ноября барон вновь повел отряд на Ургу, пополнив ряды всеми нестроевыми и теми ранеными, которых возможно было привлечь для боя. На сей раз барон имел план овладения горой Мафуской и смежными с ней возвышенностями, командующими над ямынем и консульским поселком. С рассветом 2 ноября отряд барона занял исходное для боя положение. Унгерн наметил фронт от Троицкосавского тракта на восток общим протяжением до трех верст. Когда китайцы обнаружили перед собою противника, они открыли огонь, быстро разгоревшийся в селой трескотней по всему фронту.

Наступление начал 2-й Анненковский полк на правом фланге отряда. Полк медленно продвигался по гребню гор, которые возвышаются между Троицкосавским трактом и долиной р. Сэлби, и параллельно с этим выбивал противника из окопов в пади названной речки. В центре велись энергичные атаки на базальтовую сопку, являющуюся командной высотой во втором кряже гор, и затем, когда высота эта была занята нами, то барон повел наступление на гору Мафуску. За два дня боя 2-го и 3-го ноября китайцы повсюду сбиты с позиций и в некоторых пунктах отошли на последнюю перед Ургой линию своих окопов. Левый фланг барона лишь оборонялся от обходных колонн противника, путем постепенного вынужденного растягивания в направлении на восток. Таким способом, на второй день боя фронт удлинился до семи верст, поглотив все резервы барона. На третий день боя, то есть 4 ноября, барон нашел возможным снять некоторые части со своего левого фланга и перебросить их для решительной атаки на правом фланге.

Наступление это предпринято было в весьма энергичном темпе и по первоначально увенчалось полным успехом. Китайцы были сбиты с тех возвышенностей, на коих они еще держались до последнего момента, и отброшены за Да-хурэ к самому Куреню. Если бы у барона нашелся тогда еще один дивизион, чтобы бросить таковой для довершения достигнутого успеха, то город был бы взят. Но в том-то и несчастье, что унгерновские резервы давным-давно совершенно истощились, запас патронов пришел к естественному концу, пулеметы замерзли и люди измотались до степени полного истощения. Поэтому, когда китайское командование бросило в контратаку свежий батальон, бароновцы были отбиты и начали отходить в падь р. Сэлби.

После этой неудачи Унгерн уже не пытался вновь атаковать своего противника. В 2 часа утра 5 ноября начался общий отход от Урги, и к вечеру того же дня отряд возвратился на свой первый бивуак на р. Барун-Тэрэлдж. Когда подсчитали потери, то установили, что отряд потерял свыше 100 человек одними только убитыми. Не менее 200 оказалось ранеными и еще больше того — обмороженными, то есть потери барона равнялись примерно 65 процентам наличного состава его час-

тей. Особенно чувствителен был урон в офицерском составе, из которого выбыло за дни боев 40 процентов одними убитыми. На ургинских сопках остались лучшие боевые офицеры, участники Гражданской войны.

Причина поражения барона Унгерна кроется отнюдь не в численном превосходстве сил противника, но скорей в полной неподготовленности нашей к борьбе с суровой природой. В ноябрьские холода, сопровождаемые монгольским режущим ветром, голодные, полузамерзшие люди дрались с величайшим напряжением сил. Но холодные дни и, еще более, жуткие ночи на сопках без костров сломили героический порыв бойцов. И в этом ничего нет удивительного, потому что одеты все были отнюдь не по сезону. В лучшем случае, всадники и офицеры имели по шинельке, вывезенной из Даурии. Что же касается тех из чинов отряда, которые потеряли шинели на походе или в первом бою под Маймаченом, то они вынуждены были довольствоваться одной лишь гимнастеркой. И обувь отрядников, изодранная об острые камни, давно уже не исполняла своего прямого назначения. Крайнему истощению сил бойцов способствовало также и то обстоятельство, что бой шел в безводной местности (за исключением сравнительно небольшого участка р. Сэлби). В продолжении всех трех дней боя, люди не только вынуждены были отказаться от удовольствия согреть себя горячим чаем, но во многих пунктах фронта в подлинном смысле не имели ни глотка сырой воды, чтобы освежить пересохшее до спазмы горло.

Таким образом, если первое наступление барона на восточную часть Урги — Маймачен носило чисто случайный, эпизодический характер, то второе наступление, направленное на западную часть города, по своему упорству и напряженности походило на жест отчаяния...

Многое можно было бы рассказать яркого из области отдельных боевых эпизодов, описанного лишь в самых общих чертах второго наступления на Ургу, но историка будет интересовать, главным образом, личность самого Унгерна и все то, в чем проявлялась его любопытнейшая индивидуальность. Опуская поэтому подробности трехдневных боев, в которых барон проявлял живейшее и непосредственное участие, остановлюсь лишь на случае с прапорщиком Козыревым, иллюстрирующем своеобразную фразеологию барона Унгерна.

Пулеметный офицер, прапорщик Козырев, который имел в своем подчинении два действовавших еще пулемета системы Кольт, на третий день боя неоднократно впадал в тяжелое положение, иной раз, может быть, вследствие своей горячности. Барон заметил это и, как всегда серьезно, предупредил Козырева: “Смотри, если тебя ранят — повешу!” Во время отхода, после неудачной атаки на Да-хурэ и Курень, Козырев был ранен в живот. Увидев его сразу же осунувшееся лицо и окровавленный живот, барон опустил голову и тихо поехал прочь... Козырев выжил, но ранение, полученное им, барон имел тогда все основания считать смертельным.

“Луч Азии” (Харбин). 1937. № 36-8. С.19–20.

С большой смелостью и искусством прошла Азиатская конная дивизия по русской территории [в походе из Монголии на Сибирь]. Опрокинула или обошла все преграды, подготовленные тремя пехотными (в то время пехотная дивизия имела девять полков) и двумя кавалерийскими дивизиями Красной армии. Этот шести-

сотверстный кавалерийский рейд по Первому отделу Забайкальского казачьего войска еще никем, к сожалению, не освещенный, может служить памятником дерзкой отваги генерала барона Унгерна, лихого начальника конной части.

Итак, снова Монголия... С глубоким разочарованием уходил барон из Забайкалья. Он на опыте теперь убедился в неправдоподобности сведений о восстаниях, и где же тысячи обещанных добровольцев? В станицах он чаще наблюдал скорее растерянные, чем восторженные лица местного населения, робко жавшегося к своим домам.

Горечь разочарования в неудаче своей попытки поднять восстание, в Первом и Втором отделах, не сломила его энергии к продолжению борьбы с коммунистами. Чрезвычайно лишь жаль, что тяжелые переживания, всегда выявлявшиеся у барона в форме повышенной раздражительности, в дни отхода в Монголию соединились с какой-то озлобленностью против своих офицеров. Усилились репрессии разного рода, и стали исчезать по несколько человек на каждом бивуаке... После же того, как дивизия ушла от барона, обнаружилось, что он уже вручил своему палачу Бурдуковскому “для исполнения” два списка с сорока восемью фамилиями офицеров “ургинцев” и некоторых “даурцев”, которых, видимо, считал ненадежными или же непригодными к продолжению борьбы с красными в новых, особенно тяжелых условиях.

Скверно было и то, что Монгольское правительство к тому времени приняло явно антибароновскую ориентацию. В тот исторический момент, о котором идет речь, руководители монгольской политики еще не видели различия между “белыми” и “красными”³³⁵. Те и другие были для них “просто русскими”. Поэтому никого не должно удивлять, что и министры и сам Богдо-хан так легко изменили баторуперерожденцу барону джанджину (титул барона), переметнувшись в красные объятия. Но они жестоко поплатились за свою неосмотрительность...

Возвращаясь на монгольскую территорию, барон заявил, что страна эта потеряна для него как база и что все главнейшие пункты Халхи уже заняты или же в скором времени будут заняты красными отрядами. Куда же в таком случае направлялся барон в тот момент, когда произошел развал дивизии? Вне сомнения, его деятельный ум выискивал возможности к тому, чтобы перезимовать в каком-то районе, не слишком удаленном от русской границы, чтобы с наступлением весны снова схватиться с большевиками.

Личная трагедия барона, уход его частей, разыгралась вблизи тракта, ведущего из Тункинского в Улясутай, на границе Халхи и Урянхайского края.

Географическое положение и направление путей не позволяют сделать точного заключения об истинных намерениях барона, можно лишь вывести несколько более или менее вероятных предположений, из коих первое: по южному берегу оз. Хубсугул Р.Ф. направлялся в Урянхай. Некоторые данные, полученные путем опроса последних пленных, уже тогда говорили за то, что красное командование готовило барону ловушку в этом крае. Впоследствии же подтвердилось, что большевики учли, с одной стороны, упорный характер барона, не позволяющий ему отказаться от борьбы и отойти на восток, а с другой то, что именно Урянхай привлечет внимание барона своею крайней дикостью и кажущейся изолированностью. Поэтому красные во второй половине августа месяца стягивались к границам Урянхая, с намерением задуть отряд барона еще до наступления холодов.

Барон мог бы направляться и в Тибет. Но эта комбинация едва ли была приемлема для него потому, что отрывала бы от России и заставляла бы отказаться на долгий срок от борьбы с коммунистами. И, наконец, третье предположение говорит за то, что, уклонившись на юго-запад от оз. Хубсугул, барон Унгерн предполагал сделать попытку удержаться в Улясутайском районе и в случае неудачи отойти, хотя бы к Джа-ламе. Верный своему обычаю барон никого не посвятил в свои планы. Что же касается чинов его дивизии, то большинство из них было совершенно убеждено в том, что барон ведет их в Урянхайский край, то есть на верную гибель.

И вот, вечером 19 августа 1921 г. группа из трех офицеров и шести всадников пулеметной команды обстреляла ставку барона. Он бежал к монгольскому дивизиону хорунжего Ш-ва, стоявшему в стороне от общего бивуака.

Выступление “инициативной группы” имело по первоначально сепаратный характер, так как мало кто тогда отдавал себе отчет в происходящем. Но выстрелы эти сыграли решительную роль в судьбе барона. С того момента дивизия вышла из-под его управления и безудержно покатила на восток.

Примерно, через час после покушения на него Р.Ф. догнал уходящие части и с присущим ему мужеством пытался остановить их, чтобы вновь овладеть массой, но было уже поздно... Он снова натолкнулся на выстрелы, потому что в тот психологический момент перед слишком уже многими забрезжили вдали теплые, гостеприимные огоньки Маньчжурии, ставшей внезапно такой желанной, такой возможной... Нервы бойцов не выдержали столь длительного напряжения. Требовался отдых более основательный, чем зимовка в дебрях Урянхая, сулящая одни новые лишения и опасности. Преследуемый тремя всадниками, барон ускакал в темноту ночи, а его дивизия продолжала начатый отход и сравнительно благополучно дошла до Хайлара.

Последние сведения о бароне Унгерне привезены были командиром монгольского дивизиона, хорунжим Ш-м³⁶, который догнал дивизию в пути, через неделю после ухода ее от барона. По рассказу хорунжего, Роман Федорович в ту ночь благополучно возвратился в свою ставку на месте последней лагерной стоянки дивизии. Преследователи, видимо, отстали от барона (какая же лошадь в дивизии могла угнаться за знаменитой Машкой барона?) и, потеряв направление в темноте, выехали прямехонько на красных.

— Когда барон сошел с лошади, — рассказывает дальше Ш-в, — он гневно сбросил с головы фуражку и сказал, что ему жаль ушедших с офицерами казаков, потому что в Маньчжурии они будут обречены на полуголодное существование.

Остаток той ночи Р.Ф. провел у костра, передумывая навязчиво возвращавшуюся мысль о трагичности создавшегося положения. На утро у него созрело какое-то решение...

Так называемый отдельный Монгольский дивизион хорунжего Ш-ва в тот момент состоял не менее чем из пяти сотен, и таким образом, достаточно походил на отряд, с которым что-то можно сделать. С вновь вспыхнувшей энергией Р.Ф. взялся за реорганизацию остатка своего “войска” и, чтобы сразу же привлечь к себе сердца, приказал накормить монгол мясом сверх всяких норм (нормальная суточная дача равнялась 4 ф. на человека). Мысли же Р.Ф. были заняты вопросом о том, каково положение в идущей в арьергарде бригаде генерала Резухина. Барон хотел во что бы то ни

стало связаться с последним и утром 21 августа послал к нему трех русских офицеров, приказав тому из них, кто проскочит через стягивающееся кольцо красных, сообщить Резухину о намерении барона отходить на юго-запад, с верными ему монголами и бурятами, и передать приказание пробиваться на соединение с ними. При бароне осталось только два русских офицера и несколько вахмистров-урядников.

По странной случайности, красные, находившиеся все время неподалеку, не нащупали лагерь барона. Дальнейшее известно лишь из советских источников.

В “Вестнике Монголии” за 1924 г., издававшемся в Урге, помещены воспоминания одного из красных командиров о борьбе с бароном Унгерном. По рассказу этого автора, на третий день после развала Дивизии, то есть 21 или 22 августа, в пути, монгольский князь Биширельту-гун подъехал к барону и попросил его дать спичку. Когда тот опустил руку в карман, Биширельту схватил барона и стащил его с лошади. По заранее, видимо, условленному плану, к князю тотчас же подскочило несколько монголов, которые набросились на генерала и связали его. Это послужило сигналом к убийству всех русских чинов монгольского отряда, самого же Р.Ф. убить не посмели, потому что он считался богом, да и выгоднее было торговаться об амнистии в обмен на живого барона Унгерна, чем на его труп.

Вот каким предательским способом попал барон в руки тов. Щетинкина. Но и в плену его поведение было безукоризненно мужественным. Один из красных командиров, проживающий ныне в Харбине, рассказывает, что он был очевидцем встречи барона со Щетинкиным и с теми офицерами, которые покушались на его жизнь. На приветствие бывшего подьесаула Щетинкина, знакомого с ним еще по Германской войне, Р.Ф. ответил в свое характерном стиле:

— Пошел ты! Ты был Щетинкиным, а теперь ты — подлец, и решительно показал Щетинкину спину. Встреча в Троицкосавске с его офицерами была столь же неприятна для последних, и весьма поучительна для многочисленных зрителей...

Версия “Вестника Монголии” страдает одной существенной неточностью, которая дала некоторым лицам и кругам основание усомниться в самом факте пленения барона. В Маньчжурии среди сподвижников и друзей барона и теперь еще не заглохли рассказы о том, что в Верхнеудинске и Иркутске, под именем барона Унгерна, в клетке привезен был не подлинный барон, а лишь лицо похожее на него. Дело в том, что такой существенный персонаж сцены пленения барона, как Биширельту-гун, уехал в свой хошун (княжество) примерно двумя неделями раньше, чем разыгались описываемые события. Но князь этот, действительно, служил у барона прежде и, номинально, даже возглавлял ту воинскую часть, с которой барон остался после событий 19 августа. Посему, может быть, ошибка красного повествователя не столь уже тяжка и означает лишь, что он недостаточно внимательно отнесся к имени монгола, выдавшего барона партизану Щетинкину.

Скудость сведений, проникших из-за советского рубежа и, с другой стороны, то интересное явление, что само имя барона Унгерна, все дела его и кончина, настолько обросли уже причудливыми завитками легенды, что не позволяют, даже и бывшему сподвижнику барона, тщательно разобраться в противоречивом материале и придти к определенному выводу на затронутую тему. Если здесь имела место “бугафория”, то разыграна она красными достаточно правдоподобно, начиная от

костюма и кончая весьма “стильными” для барона ответами на суде в Новониколаевске. “Красная газета” в свое время поместила примерно следующую запись в отчете о суде над бароном:

В. — Кто вы? О. — Генерал-лейтенант, барон Унгерн фон Штернберг. В. — Сколько Вам лет? О. — Тридцать девять. В. — Нам известно, что Вы гордитесь своим родом. Скажите, сколько лет Ваш род жил в России? О. — Двести лет. В. — Что же за этот срок Унгерны сделали для России? О. — Семьдесят два убитых на войне. В. — Почему Вы попали в плен? О. — Меня предали мои офицеры...

Бережно закрывая главу с характеристикой барона и некоторыми биографическими данными о нем, приходится отметить чрезвычайно показательное явление, что никто не мыслит барона в эмигрантской обстановке. Каждому, знавшему барона и верящему, что он жив, Ром. Ф-ч может представляться лишь в образе монаха одной из горных тибетских обителей, где он ищет нирваны для своей мятущейся средневековой души, или же выжидает благоприятного момента к тому, чтобы снова поднять священное желтое знамя со знаком Чингисхана (свастика), ставшее для бывших его сподвижников и монгольского народа символом борьбы с коммунистами.

Тридцать тяжелых лет, прожитых под красной пятой, сделали то, что барон Унгерн стал любимой темой монгольского эпоса. По становищам монгол, в особенности там, где властвуют большевики, бодро звучат песни, в которых импровизаторы повествуют о том, что барон-джанджин чутко спит в недоступном для простых смертных убежище, где-то в самых глубинах Тибета. В близкий, уже заранее предначертанный день, этот могучий батор, огромный, как гора, пробудится и мгновенно, страхнув ненавистное красное иго, поведет сплотившиеся вокруг него народы всего монгольского корня на подвиги небывалой еще Славы и Чести.

“Луч Азии” (Харбин). 1935. № 5. С. 12–16.

Д.П. Першин. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхасской) Монголии в первой трети XX века³³⁷

<...> В начале осени 20-го года, как говорили, среди ургинской молодежи все же кое-как шла агитация большевизма. Господа Кучеренко, Гембаржевский, Балыков и другие мало-помалу просвещали ургинцев по части большевистской науки. Но в это время куда-то с ургинского горизонта скрылся один из крупных насадителей большевизма в Урге, некий Чайванов — адвокат, бурят из Иркутска. Он, как человек, получивший юридическое образование, имел вес среди обывателей, и к его словам прислушивались, хотя, надо сказать, что доходившие до ургинцев слухи из Иркутска об его адвокатских плутнях заставляли многих к его словам относиться с осторожностью. Какую-то двусмысленную роль играл местный священник при консульской церкви о. Федор Парняков, назначенный сюда из Иркутска, где он со-

стоял видным членом в Союзе русского народа и считался черносотенцем. Здесь же, в Урге, он вел совсем другую политику, особенно в связи с положением, занятым его сыном в Иркутске, где последний играл большую роль среди большевиков. Здесь же, в Урге, у о. Федора Парнякова были странные отношения к китайским властям, а именно тем, которые ведали полицейской частью. Рассказывали, что к нему обращались некоторые за содействием относительно освобождения тех или иных арестованных русских и, при его содействии, эти последние освобождались. Вообще, про него говорили разное, и он не пользовался авторитетом среди прихожан. О его печальной судьбе будет сказано ниже.

В Урге застряли многие, пробиравшиеся с Руси в Китай. Среди них находился кяхтинский комиссар А.Д. Хитрово³³⁸. В последние годы, когда в Маймачене не было вице-консула, он временно относил и вице-консульские обязанности. Про него определенно говорили, что он был сторонником и оказал содействие к вводу китайских войск в Кяхту, то есть в русские пределы, да и сам он этого не отрицал, говоря, что “атаманщина” (то есть присные атамана Семенова) залила кровью Троицкосавские казармы, где были убиты сотни ни в чем не виновных людей, и это кровопролитие необходимо было остановить, и таковое остановить можно было только военной силой, а потому Троицкосавская дума и разрешила китайцам занять каменные казармы, которые служили тюрьмою, и где какой-то шалый, сумасшедший сотник убивал заключенных без суда и следствия. Вообще же А.Д. Хитрово к атаманщине относился отрицательно, считая ее одной из причин гибели как правительства Колчака, так и смерти доблестного адмирала. Кроме Хитрово, застряли в Урге и многие беженцы из военных, пробиравшихся в Китай от большевиков. Из числа последних следует назвать почтенного боевика — генерала И.С. Ефтина, командовавшего одним из фронтов войск Колчака и участника в Русско-японской войне. Назовем еще полковников Снегодского, Островского, Франкмана, капитана Филатова и других, фамилии которых запамятовал. Нужно ли говорить, что все эти беженцы хватили немало горя и разных невзгод, но все они честно выполнили свой долг, отставивая честь и спасение России от большевистской напасти.

В это страшное для Урги время все агитаторы большевистской группы, все до единого, попрятались по своим норам и смирнехонько сидели, выжидая событий, стараясь оставаться незаметными, но ургинцы и думать про них позабыли, живя только слухами, которые, с одной стороны, шли из китайских административных и военных кругов, а с другой доносились, конечно контрабандно, через монголов, из тех мест, где засел белый отряд, явившийся сюда прогнать китайцев и восстановить попорченную ими автономию и власть Богдо-гэгэна, но слухи эти были часто настолько противоречивы, что из них составить что-либо определенное было трудно.

Вполне определилось, что к Урге почти вплотную подошел русский белый генерал барон Унгерн, с довольно значительным отрядом. Он шел с войском со стороны р. Онона. К монголам он относился дружелюбно и говорил, что идет в Ургу на выручку Богдо, чтобы избавить его от китайского плена и восстановить его в правах хагана. Он также говорил, что вместе с атаманом Семеновым на востоке Забайкалья он защищал от большевиков русские интересы и, прослышав про насильственные деяния Сюй Шучжэна в Халхасской Монголии и убедившись от верных людей в правдивос-

ти слухов, он сформировал войско и идет на защиту интересов монгольской независимости. Монголы, пробравшись в Ургу тайком, говорили, что везде по дороге монголы барону оказывали содействие, чем могли, как в деле набора молодых людей, так и реквизицией лошадей, а также и в снабжении продовольствием. Барон, когда брал, что ему надо было от населения, то за это всегда расплачивался золотыми монетами и не допускал, чтобы его солдаты насильничали и обижали бы мирных жителей.

Население очень хорошо относилось к белому генералу, а один состоятельный тайджи (столбовой дворянин) Цэвэн-тэргун оказал ему значительную поддержку. Многие из монголов добровольно присоединились к войску генерала и с его солдатами подступили к Урге. Конечно, более подробных и точных сведений нельзя было и ожидать от информаторов-добровольцев, да и сами они много не знали. Одно было только ясно: что население сочувственно и дружественно относится к барону Унгерну. Из административных и военных кругов Урги шли вести о раздорах начальства между собой, что там, несмотря на приближение неприятеля, царит полный разлад, и между властью имущими идет полное разногласие. Туда, надо думать, уже просочились кое-какие слухи из Алтан-Булака, что там готовится какая-то военная экспедиция на Ургу с участием монголов, которые являются полномочными лицами от Богдо-гэгэна. <...>

Среди пятнадцатитысячного ургинского гарнизона было беспокойно. С одной стороны, недостаточность в продовольствии и пронизывающий до костей холод с ветрами, к которому китайцы-южане не свычны, а с другой — малообещающие перспективы на военную добычу, которую китайские воины всегда имеют в виду, ибо они по натуре хунхузы, а по китайской пословице “на гвозди идет только худое железо, в солдаты идет только худой человек”. Поэтому-то, когда убедились, что от монгола-кочевника нечем поживиться, то и в настроении солдат произошла большая перемена в сторону общего недовольства. А тут еще к тому же и разные нехорошие слухи, доходившие до солдат через китайских купцов, черпавших таковые от добровольцев монголов-разведчиков о том, что он — легендарный герой-воитель, что заговорен от пуль и ранений и что монгольские ламы ему помогают своими молениями, с добавлением всевозможных фантастических небылиц.

С осени 1920 года барон Унгерн уже расположился со своей дивизией вокруг северо-восточных склонов горного массива заповедной горы Богдо-ула в районе каменноугольных копей Налайха. По темным ночам на восточной вершине этой горы-кряжа казаки дивизии Унгерна зажигали гигантские костры, а изредка с вершины этой священной горы обстреливали Ургу из орудий, снаряды которых иногда долетали до Консульского поселка столицы Монголии. Эти горящие на большой высоте гигантские костры ярко пламенели на темном фоне неба, а их красные, зловещие отблески на снежном покрове священной горы настраивали панически китайских солдат, которые везде и всюду видят демонов и всякую нечисть.

В первой половине зимы произошло чрезвычайное событие, буквально взбудоражившее всю Ургу: и монголов, и китайцев-резидентов, и русских. По городу разнесся слух, что государь Монголии, сам Богдо-хаган, Джебцзундамба-хутухта арестован. По чьему распоряжению и по какой причине, никто ничего не мог сказать, но факт оставался фактом — сам Богдо находился под арестом и уже переве-

зен из своего дворца с ближайшей свитой в один из пустующих домов на “Половинке”. Это было для ургинцев равносильно громовому раскату при ясном небе, и все ждали каких-то исключительных событий. Но ничего не случилось. Богдо сидел и, видимо, посажен был надолго, ему носили из дворца пищу и все, что хотел, даже, говорят, его не лишали ни вина, ни ел. Никто не понимал цели его ареста. Предполагали, что генералы хотели показать свою власть и значение: что вот-де арестовали самого бога и все ничего, все в наших руках и все с наших рук сходит.

Это сделано будто бы для назидания всем, кто выражает против китайских властей недовольство: уже если не поцеремонились с самим Богдо, то об остальных говорить не приходится. А гарнизон, видя это, пусть убедится, что пред военной силой пасует и само божество, и значит, ничего страшного ни в ламских молениях, ни в их стонущих и ревущих трубных звуках. Насколько правдоподобно такое пояснение, сказать трудно, но оно вероятно, так по крайней мере объясняли многие. Вся эта история об аресте Богдо закончилась тем, что Богдо, проведя под арестом 50 суток, был переведен обратно в свой дворец. Только после ареста Богдо число стражи у его дворца было увеличено и доведено до 350 солдат.

Однако арест Богдо не успокоил гарнизона, а наоборот, у солдат возникло опасение, что арест святителя, хоть и ламайского, все же даром не пройдет и за это последует в той или иной форме то или другое возмездие. Нужно после этого только ожидать предвестников грядущих событий, а они непременно проявятся. Пожалуй, так и вышло. В Ургинском гарнизоне паника еще увеличилась, и вот по какому случаю. Среди бела дня в город, находящийся на военном, даже осадном положении и, во всяком случае, в состоянии усиленной охраны, везде и всюду кишачий солдатами, приехал самолично Его Превосходительство сам барон Унгерн. Он посетил усадьбу, где проживал главный представитель власти сановник Чэнь И, и преспокойно вернулся в свой лагерь.

Рассказывают, что однажды в яркий, солнечный зимний день барон Унгерн в монгольском одеянии, как всегда, в красно-вишневом халате, с ташуром (плетью) в руке, в белой папахе, на своей быстроногой белой кобыле средним аллюром спокойно проехал по главной дороге на Половинку к дому, где проживал сановник Чэнь И. Въехав во двор, барон не спеша слез с лошади, и, подозвав рукой одного из солдат, которые в качестве охраны всегда находились во дворе, приказал ему за повод держать коня, а сам потихоньку обошел кругом дома, вернулся к лошади, внимательно осмотрел все кругом и затем, подтянув подпруги седла, сел верхом и не торопясь выехал со двора и направился обратно по направлению Консульского поселка в свой стан. На обратном пути, проезжая мимо тюрьмы, он заметил часового, спящего у ворот тюрьмы. Такое нарушение дисциплины возмутило барона, и он, слезши с коня, наградил спавшего часового несколькими увесистыми ударами ташура, то есть камышовым чернем плети. Перепуганный часовой со сна ничего не понимал, растерялся, а Унгерн (по-китайски он знал немного) пояснил ему, что часовому на карауле спать нельзя и что за такое нарушение дисциплины он, барон Унгерн, самолично его наказал. Затем, не торопясь, барон поехал дальше. Перепуганный часовой поднял тревогу, но барон был уже далеко...

Свидетелем всего этого был арестованный монгол, который находился в это время у тюремного тына и через щель талей все это видел и слова барона слышал.

Конечно, посещение Урги бароном Унгерном, да еще на положении усиленной охраны, не могло остаться в секрете и произвело в ургинском гарнизоне целую сенсацию и, несомненно, не послужило к успокоению суеверных китайских солдат.

Но особенно деморализующе подействовало на китайский гарнизон, и без того нервно настроенный, похищение среди бела дня Его Святейшества самого Богдо-гэгэна из его дворца на глазах его охраны — стражи, состоявшей в числе более чем трехсот штыков. Выше было сказано, что Богдо после пятидесятидневного ареста в пустующем доме был обратно переведен в его дворец, к которому был приставлен строгий и надежный караул в триста солдат с лишком.

Для того чтобы яснее представить всю картину похищения Богдо, следует немного ознакомиться с топографией местности, где находилась резиденция Его Святейшества. Против Хурэ — центрального монастыря столицы, расположенного при устье долины, где протекает речушка Сэлби, идет в виде моста гатированная прямая дорога на юг через широкую долину р. Толы, протекающей у подножья громадного массива, поросшего хвойным лесом, священной горы Богдо-ула. Дорога эта упирается в берег Толы, где высятся два дворца Богдо — зимний и летний, с целым рядом небольших строений, играющих роль различных служб — людских, амбаров и проч. Таким образом, дворцы Богдо находились на виду, но отдельно от города. Между городом и ими проходила широкая долина речки, теперь покрытой льдом, на берегу которой и расположились дворцы. Против них на другом берегу круто поднималась ввысь священная гора Богдо-ула, вершина которой достигала 5100 футов над уровнем моря, сплошь покрытая зеленеющими хвойниками. Против дворцов с Богдо-улы спускалась маленькая долина-ущелье, по которой возможно, хотя и не без труда, пробраться к вершине горы. Среди безлесных, каменистых, зимой бесснежных и вообще унылых окрестностей Урги только один массив Богдо-ула, протянувшийся на полсотни верст с запада на восток, и ласкал глаз своими хвойниками, между которыми белели пятна снега, задержанного лесом. Вся долина р. Толы была совершенно открыта со всех сторон — в ней не видно было ни единого кустика и ни одного строения.

Таким образом, со стороны долины чем-либо прикрытого подступа к дворцам Богдо совершенно не имелось, а горные кручи каменистого кряжа Богдо-улы исключали всякую возможность незаметно пробраться со стороны горы к резиденции гэгэна, а сама резиденция, особенно днем, всегда была на виду всей Урги, как на ладони. При таких топографических условиях выкрасть Богдо из дворца, находящегося под стражей в триста с лишком солдат, было делом чрезвычайно трудным, если не сказать — невозможным.

Но для барона это оказалось делом вполне возможным. Недаром же он сидел более четырех месяцев со своей дивизией к юго-востоку от Урги около Налайхи и наблюдал за Ургой. Добровольцы-монголы всегда были к его услугам — он был популярен среди монголов. Через них он знал, что делалось в Урге и каково там было настроение и самочувствие китайского гарнизона. Для Унгерна выкрасть Богдо являлось крайней необходимостью по той простой причине, чтобы Богдо не оказался заложником в руках китайских властей. А если бы Богдо оказался заложником у китайцев, то последние могли бы в своих целях требовать многое от монголов, впрямь зная, что монголы ради Богдо пойдут на все возможные уступки.

Унгерну через добровольцев шпионов-монголов было известно и о недовольстве, и о паническом настроении у ургинского гарнизона. Барон также знал и о расположении, и о численности ургинского гарнизона, и о том, что военным снаряжением — оружием, патронами и проч. китайские войсковые части хорошо обеспечены и даже с избытком. Что касается некоторой нехватки у китайцев в продовольствии, то, правда, его не густо было, но не настолько, чтобы гарнизон испытывал голодовку. При недостаточности хлебных припасов большой поддержкой могло быть и мясное довольствие, которое хоть и избегается китайскими солдатами, но в случае необходимости могло вполне заменить хлебное питание. Мяса же во всех видах китайские власти всегда имели возможность достать или путем реквизиции, или же покупкой, хотя бы принудительной, у монголов, так как запасов серебра в банках, открытых Маленьким Сюем, имелось в достаточном количестве.

Барон, учитывая свое положение и положение китайцев, приходил невольно к заключению, что его положение было несравненно затруднительнее китайского. Не говоря уже о том, что у китайцев численность войск чуть не в десять раз превосходила число солдат барона, но самое главное, у последних было с избытком все воинское снаряжение — оружие, патроны и проч., тогда как у Унгерна во всем этом чувствовался большой недостаток. При таком неравенстве сил казалось невозможным из этой борьбы выйти победителем, да при том еще выбить неприятеля, сидящего в укрепленном месте. Ведь защищающийся по большей части находится в лучшем положении относительно нападающего. Но Унгерн был до мозга костей прирожденным воякой и притом талантливым военачальником. Для него чем труднее была задача, тем с большей охотой он брался за решение таковой. Так было и в данном случае. Когда он шел в Ургу, то прежде всего заручился дружественным отношением к себе населения и через приятелей-монголов узнавал, что и как в Урге происходило. А когда стоял лагерем около Налайхи, то в течение более чем четырех месяцев барон изучал со всех сторон неприятеля, а в особенности его психику.

С характером китайских войск он познакомился тогда, когда еще служил в Богдо офицером в составе консульской охраны, да и в бытность свою в Маньчжурии барон не упускал случая знакомиться с иррегулярными воинскими частями баргутской кавалерии, да и с китайскими пехотными частями. Он прекрасно знал и офицерский состав китайской пехоты, все их положительные и отрицательные качества, а особенности психику китайских “генералов”. Словом, он сосредоточил все свое внимание на бытовой стороне, а главным образом на психике китайской солдатской массы, на слабых струнках которой он и решил сыграть, и играл на этих струнках все время, пока стоял лагерем близ Урги около Налайхи. Ему большую службу сослужили добровольцы-шпионы монголы, которые про него самого и его казаков, особенно мусульман-башкирцев, рассказывали китайцам-купцам разные небылицы, а эти последние в свою очередь с прикрасами пересказывали солдатам гарнизона.

А многие из китайской солдатни были охотники до разных гаданий и обращались за этим к ламам-гадателям, которые этим пользовались. Они запугивали солдат карами Богдо, который всемогущ и жестоко может покарать гарнизон за его арест. А этим кострам, горящим по ночам на вершине Богдо-ула, тоже придавалось особое таинственное значение. Об этом говорили, что барон там приносит жертвы

духам-хозяевам гор, чтобы они наслали всякие беды на тех, кто оскорбляет Богдо, высокого покровителя и хозяина всех здешних мест. Поездку барона в Ургу ламы-гадатели комментировали как чудо, указывая, что без особого заговора от пуль и особенного покровителя чудодейственной силы барон не рискнул бы поехать один в неприятельский стан, если бы не надеялся на своего духа-покровителя, который охраняет его, и наслал затмение на всех, кто мог или хотел его задержать или убить. Несомненно, что всем этим обстоятельствам и рассказам, а также и продолжительным сидением-осадой вблизи Урги, как бы в ожидании откуда-то подкреплений, барон подготовил себе почву для облегчения успешного занятия Урги.

Самое важное в деле похищения Богдо из его дворца — нужно было суметь не только хорошо организовать похищение, но главное, найти подходящих людей, которые бы могли внезапно, быстро и без заминки выполнить это трудное и ответственное дело.

Нечего и говорить, что идея похищения Богдо-гэгэна, конечно, принадлежала самому барону Унгерну, как и схема самой организации этого дела.

Через надежных и преданных ему монголов-приятелей нужно было найти человека, который мог бы непосредственно руководить похищением Богдо-гэгэна. Такой человек был найден в лице одного буряты, некоего Тубанова, который был известен как отчаянный парень, сорви-голова, готовый пойти на все, что угодно, лишь бы это было выгодным для него. Он был сыном одной популярной бурятки “Тубанихи”, занимавшейся шитьем верхних костюмов “на монгольский манер” для русских и бурят, давно жившей в Урге и пользовавшейся доброй репутацией. Сынок же, как раз наоборот, пользовался очень и очень дурной славой, был известен, как заядлый картежник и “художник” по всяким темным делам. Уже одна его внешность мало говорила в его пользу. На плечах плотной и коренастой фигуры сидела круглая, коротко стриженная голова с удивительно отталкивающей физиономией, всегда смотревшей исподлобья. Из косога разреза глазных щелей угрюмо глядели черные злые волчьи глаза. На скуластом, изжелта-темном лице выделялся большой нос и особенно обращали внимание толстые негритянские губы широкого рта с выражением недовольной гримасы. Из-за вздутых ярко-красных губ торчали вперед, сверкая белизной, большие зубы лопатой, подчеркивая резко выраженный прагматизм лица. Все в нем носило характер и преступности, и решительности, и смелости, и наглости.

Этот-то тип и был выбран бароном вожаком-исполнителем этого труднейшего предприятия. По слухам, Тубанов уже несколько раз успел побывать в стане барона для получения от него инструкций и детальной разработки плана похищения. В качестве своих помощников-сотрудников Тубанов пригласил живших в Урге “тубутов”, то есть тибетцев. Колония тибетцев жила совершенно изолированно в особом квартале вблизи Захадыра, занимаясь торговлей разными тибетскими произведениями, а главное — ростовщицеством. Из этих-то “тубутов” Тубанов выбрал голову около шестидесяти человек, самых закаленных, отважных и с детства привычных лазить по горам у себя на родине, а главное, фанатически настроенных ламаистов, которые ради дел веры, в данном случае ради спасения Богдо могли пойти, что называется, “на рожон” и совершить чудеса храбрости. Несомненно, выбор был сделан крайне удачно, и никто кроме тибетцев не мог бы лучше осуществить возло-

женную на них задачу, тем более что они ненавидели китайцев как угнетателей Тибета и насильников в отношении Далай-ламы.

“Тубуты” умели держать язык за зубами и, живя изолированно, замкнуто, они сумели сохранить в тайне от всех предварительную подготовку к предприятию, а их обособленность от всех очень помогла им во всех подробностях изучить по ночам все закоулки, тропы, тропинки и всякие прикрытия в виде выступов горы Богдо-улы по тому пути, по которому они на руках должны будут перенести похищенного Богдо-гэгэна из его дворца через горные кручи на ту сторону горного массива в монастырь Маньчжуши-ламы, на южной стороне которого и был расположен монастырь этого ламы. Тибетцев особенно одушевляла мысль, что они помимо богоугодного и религиозного подвига способствуют при этом и национальному делу, так как Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта был родом тибетец — стало быть, их земляк, а это было большим стимулом в их рвении при выполнении их задачи.

Кроме этой, так сказать, технической стороны предприятия, барону Унгерну предстояло наладить и вырешить вопрос о согласии, если не самого Богдо, то его окружения, от которого, главным образом, и зависело решение вопроса о его похищении, так как в этом случае сам Богдо играл пассивную роль, а весь центр тяжести был в руках его камарильи, с которой сговориться было нелегко. И с этим делом хорошо справился барон. Когда и каким образом он это устроил, неизвестно, но во всяком случае согласие было получено. Оставалось только успешно привести весь план в исполнение, а эта рискованная и трудная задача, зависящая от целого ряда случайностей, бароном во всех деталях была проверена и все было предусмотрено, как это потом и оказалось на деле в конечном результате.

Рассказывать все подробности похищения Богдо было бы долго и утомительно, хотя многие из этих подробностей скорее походили на сказку, чем на действительность, но тогда они были полны живого интереса и вызывали и удивление, и восхищение. Теперь все эти подробности позабыты, изжиты, да и временем сглажены, но одно резко запечатлелось в памяти — это циркулировавший среди большинства ургинцев и сплошь среди китайского гарнизона рассказ о том, что в деле похищения Богдо не обошлось без вмешательства какой-то сверхъестественной силы. “Помилуйте”, — говорили одни, а им вторили и другие — “ведь на виду всего города в богдонский дворец, который отовсюду на виду, как на ладони, среди бела дня проникли похитители, обезоружили, а где надо было и перебили, внутреннюю и наружную стражу, забрали Богдо и вынесли его на руках из дворца, а затем перенесли его на руках же через высоченную и труднодоступную, крутейшую гору, причем большая часть караула бездействовала, а часть разбежалась. Ну, скажите — не чудо ли это?!.. Нет, тут не обошлось без вмешательства какой-то особой силы. Тут не иначе как “отвод глаз”, другим объяснить нельзя”.

Такие рассуждения слышались и среди русских, и среди китайцев, и среди монголов, и все эти сказки только вызывали у слушателей чувство удивления, смешанного со страхом.

В действительности же все сводилось к следующему. Во дворце Богдо было точно обусловлено время появления похитителей, и как только последние в ламских костюмах пробрались ко дворцу, то об этом был подан условный знак, и тогда на

внутреннюю стражу-охрану бросились богдонские, тайно вооруженные ламы и стражу эту обезоружили и связали. Похитители же, ворвавшись во дворец, взяли на руки уже подготовленного к побегу, тепло одетого слепого Богдо и понесли его по определенному заранее потайному пути на гору Богдо-ула до того места, где их уже ожидала свежая смена. Тут Богдо взяла на руки уже другая смена и донесла до следующей и т.д., пока путем смен одних с другими не донесли Богдо до монастыря Маньчжушри, где Богдо уже был под охраной казаков барона в полной безопасности.

Часть же тибетцев, до зубов вооруженных, как только Богдо вынесли из дворца, открыла частый огонь из скорострельных магазинных ружей по наружной страже дворца, чтобы помешать ей преследовать похитителей Богдо. От неожиданности нападения стража обратилась в бегство. Поднялась тревога, перестрелка. Наступила сумятица. Отступившая, обратившаяся в бегство стража, однако, скоро вернулась назад к дворцу и начала обстреливать тибетцев, но Богдо уже и след простыл... Когда же его хватились, он был уже далеко, вне доступа погони, которой, впрочем, и не было, так как китайским солдатам взбираться на горную кручу по бездорожью не было никакой охоты, да и бесполезно: из них никто не знал, как и куда идти, тем более что каких-либо тропинок и следов не было, да они и засады боялись. Тибетцы же, обстреливающие стражу, их было с десятков, отступили к западному храму, верстах в двух или около того от резиденции Богдо, где они и засели так крепко, что сумели продержаться в нем более трех суток, пока китайцы не убрались из Урги.

Автор мемуаров случайно из окна своей квартиры в цейсовский бинокль в день похищения Богдо около четырех часов дня наблюдал какое-то движение на Богдо-ула (в переводе значит Святая или Священная гора), но не обратил на это особого внимания, полагая, что движущиеся точки по склону горы были не что иное, как охранники-монголы, обходившие дозором гору. Причем, эти движущиеся точки были лишь заметны только на снеговых прогалинах, где не было леса. Потом оказалось, что эти точки означали похитителей Богдо. Похищение Богдо произошло дня за три до взятия Урги бароном...

Вся эта эпопея похода и взятия Урги бароном Унгерном показывает, мало того, что барон был храбрый солдат, но он был еще талантливый и дальновидный военачальник, который с горстью всякого сброда, вымуштрованного им на свой образец, с ничтожными средствами и жалким военным снаряжением совершил тысячевестный тяжелый поход и взял штурмом город, где сидел пятнадцатитысячный гарнизон, хорошо вооруженный, а барон имел в своем распоряжении только дивизию (?) в полторы тысячи казаков! Во всяком случае, его эпопея ургинского похода говорит за то, что Унгерн был, несомненно, выдающийся и талантливый, что бы не сказать более, военачальник, бесконечно преданный своей идее и долгу воина-бойца за дело, которое он считал правым.

Автор — не военный человек; но ему кажется, если бы в борьбе с большевиками было бы в качестве предводителей два–три или несколько больше таких Унгернов, то, может быть, колесо фортуны и повернулось бы не в сторону большевизма. Прежде всего, он был бессребреник и, безусловно, честный человек, преданный долгу и не преследующий личных интересов. Он своим личным примером во всем служил образцом для своих соратников и к самому последнему из них, если он считал его честным

хорошим воякой, барон относился с теплым братским чувством, не гнушался им и готов был разделить с ним последнее, но в то же время, как человек долга, он был строгий и беспощадный поборник дисциплины, что для него было воинским “символом веры”. И за все это его рядовые соратники любили и ценили “дедушку” барона.

Барон был замкнутой натурой, и мало кто, даже из ближайшего к нему командного состава, понимал и разбирался в его стратегии или способе, избранном им для ведения войны в Монголии, где его стратегия, безусловно, заслуживает внимания. Ведь это был, пожалуй, гениальный способ, следуя которому, барон с ничтожными силами и средствами сумел овладеть городом, в котором отсиживался неприятель, в десять раз превышающий численностью силы барона. Эту стратегию, как часть тактики, следовало бы назвать “унгерновской”. Эта тактика-стратегия стояла в том, чтобы путем непрерывного (постоянного) запугивания и угнетения психики неприятеля довести последнего до состояния паники и безнадёжности и затем сокрушить его. Все это происходило, так сказать, на глазах у всех, кто находился тогда в Урге. Может быть, этот способ мог быть применен только к таким азиатским войскам, как китайские, но чтобы додуматься до него и применить его на практике, надо быть, несомненно, талантливым, наблюдательным и вообще незаурядным человеком, а таковым именно и был барон, хорошо изучивший психику, “свычай и обычай” китайского солдата.

Все несчастье барона заключалось в том, что его по большей части окружали шкурники, чуждые ему по духу и далекие от его целеустремлений. Он был одинок. Он мало доверял так называемым “интеллигентам” (в кавычках) и держался всегда в стороне от всех. Рассказывали, что когда он служил в Кобдо, где был прикомандирован сверхштатным офицером, а раньше служил в какой-то казачьей части, то вел себя так отчужденно и с такими странностями с сослуживцами, что офицерское общество будто бы хотело исключить его из состава общества офицеров да, говорят, офицерство не могло найти за ним фактов, марающих честь мундира. Кто-то из кобдовцев говорил автору (автор не упомнит, кто именно), что Унгерн там жил “на особицу”, ни с кем не якшался и пребывал всегда в одиночестве, а то вдруг, ни с того, ни с сего, ину пору и ночью “соберет казаков и через весь город с гиканьем умчится с ними куда-то в степь, волков гонять, что ли, толком не поймешь, а потом вернется, запретя у себя и сидит один, как сыч. Но оборони Бог, не пил, всегда был трезвый. Не любил разговаривать — все молчал. В нем чего-то будто не хватало”. Так, помнится, об Унгерне рассказывал кобдинец, некто Кряжев³³⁹. Затем автору тоже кобдинцы сообщали, что, как только объявили Великую войну, то барон на войну немедля уехал и там за храбрость получил офицерского Георгия. <...>

Трудно передать то потрясающее впечатление, какое произвело всюду в Урге похищение Богдо. Даже как-то не верилось, а меж тем это был неоспоримый факт. Особенно остро эту чувствовалось русскими резидентами, которые могли ждать всего от дикой, теряющей всякую дисциплину, китайской солдатчины, состоящей из всякого сброда. Вот-вот казалось, какой-нибудь непредвиденный малейший случай, и эта хунхузня всех русских вырежет поголовно. Для нее был удобный момент пожить напоследок всем, чем возможно — “хоть час, да наш”. Каждый из этой солдатской массы думал, что если запастись чем-либо ценным, то так или сяк, а все же будет надежда как-нибудь добратся до границ Китая. Это, видимо, было превалирующим лейтмотивом

среди гарнизона. Была одна надежда, что командный состав гарнизона из чувства самоохраны будет стремиться, елико возможно, держать в своих руках дисциплину, так как в противном случае в первую голову при мятеже гарнизона они первые будут жертвами солдатчины. Такой уж был обычай, таково было обыкновение китайской солдатни поступать так со своими командирами-офицерами в случае крушения армии...

Но была еще одна надежда у резидентов Урги, что барон не упустит благоприятного момента и сделает стремительный натиск на неприятеля, чтобы дать ему опомниться от событий последних дней. Этого мы, ургинцы, ждали с замиранием сердца. Этот момент барон не упустил и тем спас ургинцев.

На другой день после похищения Богдо к автору зашел сильно взволнованный мистер Чжан. По его лицу было видно, что случилось что-то необычайное. Мистер Чжан обратился с просьбой к автору дать ему, если возможно, лошадь и экипаж. На это пришлось ему ответить, что ему, Чжану, хорошо известно о том, что лошадь автора была мобилизована или, вернее сказать, конфискована китайскими властями, а что касается экипажа, то таковой к его услугам, но он по своей громоздкости совершенно не годится для легкой езды, так как требует пару добрых коней. Об этом мистер Чжан тоже знал, тогда я обещал ему строить дело с экипажем через одного знакомого, а относительно лошади ничего обещать не мог. Мало-помалу, но все же удалось мистера Чжана вовлечь в разговор, из которого можно было заключить следующее. Дисциплина в гарнизоне еще держится, хотя и расшатана. Сделано спешное распоряжение приготовиться к отступлению из Урги, но затрудняет нехватка в подводах и лошадях. Когда и как произойдет отступление, еще ничего не известно. Настроение в общем неутешительное — опасаются скорого нападения барона на Ургу. Следует избегать каких-либо конфликтов с солдатами. <...>

В Урге наступила удивительная тишина — на улицах никого не видно, многочисленные солдаты, всегда наводнявшие улицы, точно тараканы, куда-то попрятались, лавки и места торговли позакрывались, без крайней нужды никто на улицах не показывался. Эта тишь казалась угрожающей и вызывала чувство тревоги и опасения какой-то грядущей неизбежности. Все были настороже.

У автора население в доме было значительное, кроме пяти человек, всегда живущих, жило еще десятка полтора “беженцев”, прибывших в Монголию из Западной Сибири с Колчаковского фронта. Они явились в Ургу в тяжелом положении. Пришлось их приютить и, по возможности, питать. Среди них были генерал, полковники и обер-офицеры. Публика, выдавшая виды и много пережившая. Унгерн из них никто не знал, но слышали о нем многое, но ничего определенного о нем никто не знал. В это тревожное время невольные обитатели моей квартиры, а квартира вместе с банком помещалась в двух домах, учредили на всякий случай постоянное дежурство и днем, и ночью, которое не относили только автор и почтенный генерал Ив. Степ. Ефтин, бывший командующий одним из фронтов колчаковских войск, а ранее участник Японской войны и командир сводного казачьих войск батальона при государе императоре. Этот хороший старик и заслуженный боец по весне 1921 года умер у меня на квартире от ран, полученных в Японскую войну, после неудачной операции, сделанной врачом дивизии Унгерна, и был погребен в Урге с воинскими почестями³⁴⁰.

Автор вместе с другими в эти дни занимались припрятыванием по тайникам и укромным местам имевшийся налицо провизии – муки, мяса и проч., а также и сена с дровами, все это прятали мы во дворе обширной усадьбы банковского двора на случай, если китайские солдаты явятся к нам во двор для мародерства и грабежа. Приходилось быть готовыми ко всему. Мои случайные гости-беженцы часто в это время собирались в столовой и проводили время за обсуждениями текущего момента и как его пережить. Они, видимо, были совершенно не осведомлены ни о намерениях, ни о заданиях барона Унгерна, ни вообще о дальневосточных делах.

Они хорошо знали многое относительно положения отряда генерала Бакича на крайнем западе Монголии, кое-что слышали о партизанских отрядах, оперирующих в Кобдосско-Улясутайском районе Западной Монголии — Кайгородова, Казанцева и Кузнецова, а также об отряде Казагранди, появившемся из Тункинского края Иркутской губернии, но для них Унгерн был фигурой, совершенно неизвестной. Они знали, что он белый и только, а поэтому с понятным интересом ждали дальнейших событий, которые для них могут иметь большое личное значение в будущем. Они находили, что похищение Богдо сделано с большим умением и является большим козырем для барона, если он решился занять Ургу. Но они совершенно не знали и не представляли той удивительной тактики барона, которую он вел во время осады Урги, воздействуя постепенно и постоянно на угнетение психики неприятеля и доведения таковой до состояния паники и безнадежности. Они не знали также и о тех незначительных силах и средствах, коими барон располагает и, конечно, не могли предполагать, что похищение Богдо явилось крайней настоятельной необходимостью, дабы Его Святейшество при штурме Урги не оказался бы заложником в руках противника. А случись это, то есть окажись Богдо заложником у китайцев, то все планы барона были бы нарушены и вся его экспедиция могла получить совершенно другое направление, так как Монгольское правительство, чтобы сохранить жизнь и благополучие Его Святейшества, пошло бы в лице лам на какие угодно компромиссы и уступки китайским властям, даже вплоть до отказа от всякой автономии, так как, какое бы правительство ни было в Халхе, значение и авторитет Богдо останется неизменным. А значит, и его окружение из лам все же останется у власти. Вот поэтому-то и важно было, чтобы Богдо не оказался заложником Китая, а был бы под воздействием русских, которые отстаивали бы и монгольскую автономию, и сдерживали бы ламский элемент от излишнего клерикализма. Хотя следует сказать, что ламы не стали бы действовать заодно с китайцами.

Среди этих, теперь мирно беседующих беженцев находился полковник Островский, который впоследствии, вступив в число командного состава дивизии Унгерна, возмущившись жестокостями барона, вместе с другими, образовал против него заговор, результатом которого было то, что барон изменнически был схвачен монгольским князем Бишерельту-гуном и выдан большевикам.

Хорошо помнится день 2 февраля 1921 года. Обыкновенно в это время и китайцы, и монголы готовятся к празднованию Цаган Сара, то есть наступлению Нового Года, готовятся загодя и с большим тщанием, не жалея ни трудов, ни затрат, ставя ребром последний сбереженный грош. А теперь вместо предпраздничной суеты царил злоеющее молчание, а на улицах никого не было видно. Через знако-

мых монголов и бурят доносились до нас вести, что гамины, так звали китайских солдат гоминьданских, то есть революционных войск, рыщут по всем домам, отбирая, где найдут, лошадей и телеги. В воздухе как будто пахло сплошным подготовлением к отступлению из Урги, но когда таковое произойдет, этого никто не знал.

У всех самочувствие было корявое. Свербила навязчивая мысль: ну, а что как при уходе из Урги вся эта орава китайского сброда примется за грабежи и убийства мирных жителей, как это у них было введено в обычай во всех случаях — и при наступлении, и отступлении, и при победе и при поражении, лишь бы пограбить? Одна оставалась надежда на заборы да на крепкие заборы. А у большинства, как на грех, и заборов-то, и заборов-то не было мало-мальски сносных, в том числе и у нас. А об оружии и говорить нечего, таково у большинства и в помине не было, загодя все было отобрано китайцами-гаминами. Как ни странно, все знали, что в это время всякое может быть, а на всякий случай даже не озаботились обеспечить себя хотя бы крепкими замками да прочными воротами, дверями да ставнями. У большинства все эти приспособления защиты и охраны существовали, как говорится, “на честное слово” — хороший натиск, и их как не бывало. Все здесь пахло русским “авось”. Приходилось надеяться только на милосердие Божие да на “ничего, сойдет” и на поговорку “Бог не выдаст — свинья не съест”.

На этот вечер все обитатели домов нашей усадьбы собрались у автора на совещание и так решили: смена караула должна быть через каждые три часа, не дремать и держать на карауле себя построже, запастись хорошими стягами-дубинками, ворота, насколько возможно, забаррикадировать и зорко наблюдать с вышки около ворот за улицей. Никого не пускать во двор, а в случае какого-либо насилия или какой-либо сумятицы или шума на улице, или же каких-либо передвижений солдат по Хурэ, немедленно всех разбудить. Рекомендуются спать не раздеваясь и иметь около себя теплую одежду и обувь. Автор же лично просил будить его при каждой смене караула, а тем более при каждом подозрительном шуме на улице. Все обещали исполнять наказ в точности.

Помню, утомленный всеми этими переживаниями, заснул. Сквозь сон слышу — будят. Соскакиваю с постели, спрашиваю: “Что случилось?” Отвечают: “Китайцы отступают, идите скорее на двор, сами увидите”. — “Почему не разбудили?” Да, оказалось, что очередной караул — доктор Рябухин да хорунжий Баландин заснули и проспали момент отступления. Это было “добросовестное” выполнение наказа: “Не дремать и караул держать построже”.

Это было часов в восемь с половиной утра 3 февраля 21 года. День памятный! Вхожу на двор и с крыльца вижу: вся площадь против главного монастыря Хурэ и весь склон горы подле другого большого монастыря Гандан, где идет на север большая Кяхтинская дорога, и все пространство между этими монастырями было усеяно, как “мурашами”, отступавшими в беспорядке войсками “гаминов” — храбрых республиканских китайских солдат. В бинокль было видно, что многие “гамины” бежали без теплой обуви и одежды, без продовольствия (без котомок) и, конечно, гибли дорогой массажи от холода и голода. Люди, лошади, телеги — все перемешано. Все это в панике, молча, обгоняя друг друга, спешно двигалось вперед. Среди этой беспорядочной кучи изредка виднелись обозы, видимо, с оружием и провиантом. Потом говорили, что на рассвете по Кяхтинской дороге проехало несколько автомобилей, надо полагать, с

начальствующими лицами. Также, как после выяснилось, большая часть “гаминских” войск отступала по Кяхтинской дороге, а меньшая направилась к югу — по дороге к Калгану. Отдельные же группы “гаминов” разбрелись по монгольским кочевьям, грабя и убивая всех, кто попадался на пути. Впрочем, большинство монголов откочевало с трактов, осталась только беднота, у которой и грабить-то было нечего.

Усадьба автора была рядом с площадью, по которой сплошной массой двигались толпы, двигались молча, торопливо, не обращая ни на что и ни на кого внимания. В этих толпах чувствовалось только одно стремление поскорее выбраться из города и уйти подальше вперед. Это была стихийная паника. Нашему домашнему “бдительному” караулу не было никакой надобности “держаться построже охрану”, так как на нашу усадьбу с плотно закрытыми на болты ставнями в домах никто из “гаминов” и внимания не обращал — они шли спешно вперед и вперед. Для нас уже не чувствовалось никакой опасности, но на всякий случай мы все же зорко следили за охраной заборов и ворот — ведь в этой массе отступавших могли найтись и любители чужой собственности, хотя бы только по части продовольствия и теплой одежды. Но таковых не оказалось — паника была слишком велика. Около полудня толпы отступающих значительно поредели, а скоро они и совсем сошли на нет, даже и одиночек не наблюдалось. Только тогда все мы вздохнули спокойно — главная опасность миновала, и стали ждать дальнейших событий. Даже нас и на еду потянуло, а поэтому занялись вопросом питания: чаепитием и проч.

Все с нетерпением ждали известий с Консульского поселка, то есть с восточной части Урги. И вот около трех часов дня 3 февраля 1921 года со стороны “Половинки” в бинокль заметили группу всадников, тихо приближавшуюся в нашу сторону. По коням, папахам и оружию мы разобрали, что это русские казаки и, отворив ворота, мы все вышли к ним навстречу со своими дубинками, чтобы салютовать нашим оружием их приход и узнать подробности о взятии Урги. Сначала казаки было заподозрили в нас людей с враждебными намерениями, увидя наши дубинки, но скоро поняли, что мы в их лице приветствуем избавителей, но на наше приглашение зайти к нам отдохнуть, сказали, что они едут по служебному поручению осмотреть город и убедиться, все ли спокойно, и проследовали дальше. Мало-помалу на улицах стали появляться прохожие, а в домах открывались ставни в окнах, до того закрытые накрепко на болты.

Перед закатом солнца из монастырских храмов Хурэ послышались ревущие, протяжные, густые звуки богослужебных гигантских труб, и их стонущие аккорды уже не нагоняли уныния, а скорее возвещали о радости бытия и торжества жизни. После двухмесячного с лишком вынужденного молчания трели “бишкурвов” — храмовых кларнетов в холодном воздухе звучали громко и победно. В соборном храме уже отправлялось соборное очередное служение с множеством лам. Как ни интересно было узнать последние новости о занятии Урги, но за сведениями об этом не к кому было обратиться — все сидели у себя по домам и ждали распоряжений.

На следующий день утро тоже не принесло никаких новостей. Видно было, как через площадь шли большей частью пешие монголы “бичечи” — писаря к своим ямыням — присутственным местам, да проезжали туда и сюда группы казаков. Около четырех часов дня над базаром, по-монгольски “Захадыр”, взвились большие клубы дыма, и базар загорелся. Туда народ повалил валом. Пожар базара, сплошь

застроенного небольшими деревянными строениями, грозил сжечь весь город, да по счастью, не было ветра. Соседнее с базаром население энергично взялось за тушение пожара под руководством старожилы Урги Н.М. Сулейманова³⁴¹, и только благодаря его распорядительности пожар отчасти удалось локализовать. Этот пожар послужил сигналом любителям легкой наживы (откуда они только и взялись), которые начали мародерствовать вовсю и прятать награбленное в укромные места. А пограбить на горевшем базаре было что: в лавках и лавчонках товаров было немало. Начались убийства... Эксцессы... Распространились слухи, что будто бы барон на три дня предал город своим казакам огню и мечу. Как-то этому не верилось, но выдавали за верное, что казаки начали избивать евреев — называли фамилии убитых евреев. Рассказывали, что образовывались шайки для ограбления двух китайских банков, в коих хранилась масса серебра и всяких ценностей.

Китайские торговые фирмы обращались к представителям русской колонии, прося о защите от грабежей и насилий. Очевидцы подтверждали, что они самолично видели, как барон остановил двух женщин-монголок, тащивших награбленное, и немедленно отдал распоряжение повесить их тут же на месте и оставил их висеть в петлях впредь до распоряжения, и при этом объяснить, что со всеми мародерами будет так поступлено. Автор, проезжая мимо, видел этих несчастных повешенных, обмотанных вокруг тела украденными материями.

Базар всю ночь еще продолжал гореть, но благодаря энергии и толковому распоряжению Сулейманова, была надежда на его скорое прекращение. С тяжелым чувством провели вторую ночь после ухода китайцев, ожидая, что-то скажет третий день, но и третий день не принес утешения. Убийства евреев не прекращались, были случаи убийства и женщин. Кто мог, те скрывались или попрятались, но и это мало помогало — их находили и... К автору раза два приходили казаки и спрашивали, не живут ли тут евреи и, получив отрицательный ответ, они без обыска удалялись. Генерал И.С. Ефтин просил меня временно укрыть у меня в квартире еврея — зубного врача Гауэра с женой и племянником, малым лет 20-и. Это были мои знакомые и хорошие люди. Автор, конечно, без разговоров дал согласие. “А после, когда пройдет суматоха”, — сказал генерал Ефтин — “мы общими силами воздействуем на Унгерна, чтобы спасти Гауэру жизнь, тем более что он — хороший зубной врач, нужный для дивизии барона”. Так и порешили, в конце концов, нам удалось Гауэра выходить от когтей смерти.

Вечером на третий день ко мне являются уполномоченные от старшин русских ургинцев и просят меня, чтобы я вместе с генералом Ефтиным и Сулеймановым поехали к Унгерну и от лица всей русской колонии добились бы того или другого разрешения барона на целый ряд неотложных вопросов в интересах русской ургинской колонии. Конечно, пришлось согласиться, причем, было решено, чтобы назавтра, то есть на четвертый день, вместе с Ефтиным и Сулеймановым в качестве депутатов поехать к барону в его временную ставку в Маймачене и получить от него то или иное решение на представленные вопросы. Всех вопросов было более десятка. Всех их не упомяну, но некоторые из них имели остроту текущего момента и подлежали немедленному разрешению, но о них и других вопросах будет упомянуто ниже сего, а именно тогда, когда депутация будет о них делать доклад барону.

От уполномоченных, а также от заезжавших к автору лиц командного состава дивизии барона автор узнал некоторые подробности о взятии Урги, и вся история ее взятия в общих чертах сводилась к следующему. Барон с ранней осени, то есть с сентября месяца со своей дивизией подошел к Урге и начал всякими способами изводить неприятеля, что на языке военных тактиков носит название стратагемы, то есть военной хитрости, ведь и известный древний полководец Фабий Кунктатор³⁴² тоже брал хитростью, а именно изводил неприятеля своей медлительностью и доводил его этим до белого каления и затем уже с утомленным неприятелем расправлялся, как хотел. Барон, конечно, варьировал способы стратагемы сообразно выгодным для него обстоятельствам. <...>

Насколько барон умел хранить в тайне то, чего не хотел, чтобы знал не только неприятель, но и другие, довольно сказать, что мы, русские в Урге, несмотря на хорошие связи с монголами, решительно ничего не знали о бароне, если это касалось числа его военных сил, их снаряжения и проч., и проч. Мы были уверены, что он чуть не купается в золоте, тогда как фактически у него был более чем ограниченный запас такового, как это оказалось потом в Урге<...>.

Барону в открытую никак нельзя было действовать, чтобы не обнаружить убожество своих сил и снаряжения. Ему хорошую службу сослужили даже две пушки, орудия, давно просящиеся на покой. А из них, когда производилась пальба с вершины Богдо-ула, то получалось впечатление, что барон располагает значительной артиллерией, а если и не бомбардирует Хурэ и другие монастыри, то только якобы щадит монгольские святыни, и благодаря этому не причиняет пока вреда и китайскому гарнизону. Продолжительное же его бездействие и стоянку около Налайхи на юго-восток от Урги объяснили китайцы тем, что он ждет подкрепления и когда таковое незаметно (секретно) и тайно подойдет к Урге, то барон внезапно штурмует Ургу и, значит, и гарнизон. О тайном подходе подкрепления Унгерну уже доносили китайскому штабу шпионы-монголы, конечно, они это делали по приказанию барона.

Также в китайских командных сферах циркулировали слухи, вероятно, навеянные теми же шпионами, что для подкрепления сил Унгерна уже недалеко подходят значительные отряды, которые кольцом охватят Ургу, штурмовку же последней предоставят исключительно только одному барону. И вот, сопоставляя все эти сведения, доставленные шпионами-монголами, затем персональный приезд верхом в самый центр Урги самого барона и, в особенности, похищение, организованное бароном, Богдо-гэгэна — все это, вместе взятое, приводит к заключению командный состав, что нужно ждать, по мнению китайского штаба, каждый день штурмовки Урги с того дня, как только секретно подойдет ожидаемое Унгерном подкрепление. Ввиду всего этого китайский штаб решил начать с утра 3 февраля отступление из Урги китайского гарнизона в спешном порядке, чтобы не оказаться зажатым в кольцо ожидаемым подкреплением.

В принятии такого решения только нужно удивляться наивности и легкомыслию китайского штаба, который при наличии хорошо вооруженного 15-тысячного гарнизона, не имея определенных данных о силах неприятеля и не видя ни разу со стороны неприятеля даже попыток его активных выступлений, и только на основании апокрифических слухов, совершенно непроверенных, об идущем подкреплении

нии барону, решил отступать от Урги, которая и не могла даже и считаться в осаде, так как с трех сторон была открыта, и только на юго-востоке находился стан неприятеля. Ясное дело, что таковое неосновательное отступление только можно было объяснить деморализацией и паникой, царящих в войске гарнизона, причем, можно было подозревать, что и о дне отступления из Урги гарнизона барон был предупрежден, так как день отступления китайцев был и днем наступления на Ургу Унгерна. Дни точно совпадали, приходясь в одно и то же число.

Знакомцы автора из командного состава дивизии рассказали, что барон отобрал из всей дивизии ударный отряд, состоявший из трех сотен башкир и небольшой части наиболее отважных казаков, и приказал этому отряду сделать внезапное стремительное наступление сначала на предместье Урги — Маймачен, находящийся от Консульского поселка в четырех верстах, а затем, по выбытии из Маймачена китайцев, идти на Ургу и, если там окажется неприятель, то быстрым натиском выбить его оттуда. Этот авангардный отряд поддерживали и другие части дивизии барона. У наступающих бароновцев ощущался огромный недостаток патронов, приходилось, как говорили, на винтовку не более десяти патронов. Поэтому барон приказал в случае полного израсходования патронов идти в рукопашную с холодным оружием, причем на противника делать такой сокрушительный натиск, что называется, не давая ему опомниться.

Дело взятия Урги началось с того, что авангард барона, прежде всего, сокрушил сторожевые посты гаминов на востоке от Урги, которые, не ожидая столь скорого наступления барона, мирно предавались отдыху и кейфу у себя в лагере. Ургинский Маймачен был взят почти без всякого труда, и лишь только некоторое сопротивление бароновцы встретили у “Оврага” при входе в Консульский поселок, где засевавший в овраге незначительный отряд гаминов отчаянно отстреливался, пока не был перебит. Разведчики, посланные в Ургу-Хурэ после взятия Консульского поселка узнать о положении неприятеля, сообщили барону, что весь китайский гарнизон с утра оставил город вместе со всеми начальствующими лицами и двинулся по направлению к северу по Кяхтинской дороге, а в Урге кроме очень небольшого числа китайских торгующих фирм никого из китайцев в городе не осталось.

Сам барон со своей дивизией и штабом пока временно расположился в Маймачене, где оказалось много пустующих помещений, в которых дивизия расположилась удобно.

После долгого затишья, особенно в последнее время, Урга снова оживилась. На улицах и площадях появились люди — русские, монголы, китайцы, хотя последних было очень немного и это был по большей части пожилой народ из ремесленников и торгующих. Откуда-то появились, хоть и немногочисленные, всадники-монголы в чаянии, очевидно, поживы. Сгоревший наполовину Захадыр-базар кое-где от глеющих головешек еще курился легкими струйками дыма. По пути в Консульский поселок на “Половинке” около зданий болтались на веревках три трупа повешенных женщин-мародерок. Можно было наткнуться и на небольшую группу казаков, рыскающих по Хурэ с возбужденными лицами, отыскивающих евреев... Во многих домах окна еще были с закрытыми ставнями из опасения мародерства казаков. Среди ургинцев ходили слухи, что ищут лиц, прикосновенных к больше-

визму и их ждет суровая кара. Ямыни — присутственные места монголов, малопомалу открываются. Китайский торговый центр между монастырями Хурэ и Ганданом, где находились усадьбы главных и богатых китайских фирм, закрыт, и торговли в нем не производится. Если что требуется купить, то нужно по особой рекомендации в магазины фирм попадать по черному ходу и тайком через ворота усадеб. Наружные входы в магазины с улиц были закрыты, и не без основания, так как уже наблюдалось несколько случаев вымогательства товаров казаками барона.

В монастырях началось отправление очередных богослужений, сопровождаемых обычными резкими звуками духовых и ударных инструментов, то есть звуками гигантских труб, кларнетов, рожков, барабанов, медных тарелок и проч.

Предстояло назавтра, то есть на четвертый день после взятия Урги бароном, ехать к нему депутацией от ургинских граждан. Решено было членам депутации сначала к 10 часам утра собраться в Консульском поселке и затем вместе отправиться к барону в Маймачен. К назначенному времени я поехал в Консульство и вижу — за Половинкой посреди улицы под конвоем двух казаков верхами идет какая-то знакомая фигура. Подъезжаю. Оказывается, что это консульский доктор бурят Цыбыктаров³⁴³ конвоируется в Маймачен на расправу к барону за большевистский уклон. Приглашаю доктора сесть ко мне в экипаж, казаки против этого ничего не имеют. Доктор, сильно расстроенный, рассказывает, что кто-то на него донес и он теперь за речи, произносимые им на собрании в Урге в присутствии конвойной команды казаков, должен понести кару. Доктор просит меня о заступничестве, так как знает, что я в числе депутации еду к Унгерну. Я обещаю ходатайствовать за него перед бароном, тем более что и старшины ургинцев, узнав еще вчера о его обвинении, тоже просили меня за доктора заступничество сделать от их имени. Кроме того, я хорошо знал доктора Цыбыктарова и, состоя вместе с ним в комитете в качестве товарища председателя, знал, что он под влиянием паров Бахуса часто болтает зря то, куда его пьяный язык заведет, а, в сущности, он был добрый малый с обычным уклоном русского интеллигента. У Цыбыктарова была семья: четыре подростка-дочери, а жена, еврейка, прошлый год умерла, много страдавшая от его пьянства.

Подъезжаем к Консульству, так именовался этот поселок для сокращения. Тут меня встречают и говорят, что барона в Маймачене сегодня нет, а когда будет, неизвестно, а чтобы я приехал вместе с депутацией завтра утром, а может быть, и сегодня вечером можно будет видеть барона в помещении ургинских старшин и чтобы, на всякий случай, я там был. Конечно, на все пришлось согласиться. Вечером пришлось прождать его у старшин до глубокой ночи, но он так и не приехал. Так сегодня и не удалось ходатайствовать за Цыбыктарова. На следующий день утром, уже в пятый день взятия Урги, наша депутация, все вместе, выехала в Маймачен к Унгерну.

Маймачен, предместье Урги в четырех или пяти верстах от Консульства, а от Хурэ в семи–восьми верстах. Маймачен был складочным пунктом китайских оптовых фирм, и в нем же находилась и резиденция китайского сановника со времени установления монгольской автономии, а теперь он являлся войсковым станом унгерновской дивизии. Всюду казаки, лошади, телеги и опять казаки в самых разношерстных одеяниях, которые и обмундировкой никак нельзя было назвать. То, что это были именно казаки, на это указывали головные уборы-папахи да оружие — шашки, ружья.

А лица, Боже мой, каких только физиономий тут не было! Это была смесь различных рас, племен и всяких помесей, начиная с великороссов, сибиряков и кончая башкирами, киргизами, татарами и бурятами. Или, как выразился один из сподвижников барона, на вопрос, кто больше преобладает в числе воинов Унгерна, ответил: “У нас всяко, разно”, и этим сказал все. Сам Унгерн — происхождением тевтон-германец, его помощник Резухин — русак православный, его интендант в Урге — татарин-суннит Сулейманов, его заместитель в Урге — бурят-буддист Жамболон; его палачи: один главный — русский, православный Сипайлов, другой из казаков, обыкновенный мерзавец Безродный и третий Бурдуковский, судя по роже, помесь хохла с инородцем, по призванию — пьяница и по ремеслу — убийца. Всеми грязными делами — убийствами и проч. ведали эти трое, сам барон этого не касался, к ним, этим трем, он относился с презрением, но они как палачи ему были нужны.

Командиры его полков, по численности скорее роты, были хорошие вояки и пьяницы, но обладали военной смекалкой и знали и понимали, что такое была дисциплина. Они на людях, в обществе почти не показывались. Весь состав его сподвижников представлял конгломерат из обломочных, то есть конгломератных пород, сцементированных знаком войны и вообще авантюризма во всех его видах.

Когда мы приехали, то всякого народа, жаждущего видеть барона, было “хоть отбавляй” — и монгольские князья, и ламы, и простые монголы, и русские, словом, всех рангов и состояний. Мы через его адъютанта и начальника его штаба добились, что нас он примет через час. А тем временем мы с начальником штаба беседовали и рассматривали помещение штаба и жилья Унгерна. То и другое помещение не представляли даже намека на какой-либо комфорт, удобства, чистоту и уют. Комнаты были нестерпимо грязны, холодны и неуютны. Довольно сказать, что стекло заменяла рваная бумага, наклеенная на переплеты китайских решетчатых рам, и уличный холод свободно проникал внутрь помещения, а чугунная печь только дымила, а тепла от нее было мал. Все помещение состояло из двух комнат. Меблировку составлял лишь кан — род низких полатей, подогреваемых снизу, первобытный стол, табурет и скамья. Такие же хоромы, по словам начальника штаба, занимал и барон. Начальник штаба болел флюсом, его раздутая щека была повязана какой-то грязной тряпкой. Он, видимо, сильно страдал. При нас ему принесли пищу, которая состояла из подозрительной лапши да нескольких пампушек. Разговорились. Он кадровый офицер, полковник, и отбыл свой стаж на войне. Спит и видит, как бы поскорее выбраться из “этого ада”, как он отзывался о своей службе у барона. Работы много, людей нет, за все он ответствен, а условия жизни тяжелые. Просвета не видно. “При малейшем случае удеру, куда глаза глядят, — говорил он — благо этот случай скоро представится”.

Появляется адъютант и говорит: “Пожалуйста, барон ждет”. Идем, входим в помещение, аналогичное первому. Перед нами стоит довольно высокая, худощавая фигура в короткой кофте монгольского покроя, довольно замызганной, вишнево-красноватого цвета, с Георгием в петлице и белыми генеральскими погонами на плечах. Одевание странное, чтобы не сказать более. Мы рекомендуем, он быстро здоровается кивком головы и, не приглашая садиться, так как и сесть все равно было не на что, спрашивает: “В чем дело?”

Я, как докладчик, вынимаю шпаргалку и по ней докладываю барону. После каждой реплики, требующей ответа, делаю значительную паузу и жду ответа барона. Он внимательно выслушивает и после паузы немедленно кратко отвечает в том или другом духе, смотря по вопросу. Доклад содержал более десятка различных пунктов. Некоторые из них, наиболее существенные, хорошо помню, а потому о них сообщу. Помнится, что первый пункт касался пожаров, мародерства и вообще грабежей и насилий над мирными жителями, производимыми подозрительными людьми, а также отчасти и его казаками, а в связи с этим пунктом, для прекращения этих эксцессов старшины просят разрешения барона организовать им, старшинам, добровольную охрану из благонадежных русских жителей Урги, чтобы эта охрана следила за благочинием и вообще спокойствием города и принимала бы меры предупреждения и пресечения против всякого рода покушений на чужую собственность и личную безопасность. На эти пункты барон ответил, что он уже дал приказ своим чинам принять неотложные меры против пожаров, мародерства и проч., а по содержанию изложенного относительно организации добровольной охраны с целью предупреждения и пресечения разного рода преступлений против частной собственности и личной безопасности, то он с этой целью назначает в Хурэ коменданта, на которого и возлагает наблюдение за всем, что грозит городу в смысле нарушения в нем благочиния, личной безопасности и покушений на чужую собственность и проч., а поэтому он находит излишним в Урге организацию добровольной охраны.

После этого афронта относительно отклонения организации старшинами добровольной охраны, приходилось делать ему щекотливый доклад о евреях, так как хорошо сделалось всем известным тотчас же после взятия Урги, что барон, как юдофоб, не препятствует казакам проявлять в отношении евреев всякие насилия вплоть до убийства, даже женщин-евреек. С первых же фраз докладчика, отзывавшихся доброжелательством к евреям, Унгерн, перебивая речь, отрывисто, резко, повелительно произносит одно только слово: “отставить”, дополняя его отрицательным жестом руки. Это надо было понимать, что еврейского вопроса касаться нельзя и разговор об этом оставить. После короткой паузы барон нервно произносит: “А дальше что?”

Приходилось говорить о докторе Цыбыктарове. После первых же о нем фраз Унгерн перебивает речь короткой фразой: “Он умер”. Видя, какое тяжелое впечатление это печальное известие произвело на нас, барон вскользь, как бы обращаясь к нам, говорит: “В Чите на собрании я слышал, как он распинался за коммунистов и за всякие свободы”. После этого был еще ряд мелких вопросов, которые барон разрешил в положительном смысле. Аудиенция кончилась, но Унгерн обращается к Сулейманову, спрашивая его: “Вы магометанин?” и, получив утвердительный ответ, задал ему ряд вопросов относительно того, могут ли мусульмане его дивизии отправлять в Урге свои религиозные нужды и есть ли здесь мулла, и еще ряд вопросов, касающихся мусульман. Пока барон разговаривал с Сулеймановым, предлагая ему, как заместителю муллы, совершить для мусульман его дивизии все нужные службы, я занялся подробным рассмотрением фигуры и лица барона Унгерна.

На коротком туловище с длинными, “кавалерийскими” ногами в сапогах-бурках, сидела на довольно длинной шее небольшая голова блондина-тевтона с черепом брахицефального типа. Светлые блондинистые волосы слегка курчавились и, видимо, тре-

бовали стрижки. Из-под высокого лба и светлых бровей смотрели водянистые, голубовато-серые глаза с ничего не говорящим выражением, каким-то безразличным. Под довольно правильным прямым носом торчали довольно не холёные, приличной длины усы, слегка прикрывавшие сжатые губы. Все его лицо было достаточно ordinarily с сильно выраженным тевтонизмом и остзейского типа, но отнюдь не прусского, и если бы он был одет в хороший модный костюм, хорошо выбрит и тщательно причёсан, то вся его породистая стройная фигура с врожденными сдержанными манерами была бы вполне уместна в фешенебельной гостиной среди изящного общества. Говорил он деловито, был скуп на слова и, видимо, совершенно не заботился о впечатлении, им производимом на других. В нем не замечалось и тени какого-либо позёрства.

Походная жизнь и привычка повелевать, жить в условиях узко-военной среды все же наложили на него некоторый отпечаток армейской солдатчины, хотя и едва заметной. В общем, он производил впечатление замкнутой натуры. По отзывам лиц, к нему близко стоящих, он быстро поддавался минутным вспышкам, особенно если это касалось нарушений дисциплины и служебного долга и, главным образом, шло вразрез с его монархическими идеями. В питье и пище был умерен и нетребователен, в особенности в отношении последней. Был бессеребренник и отличался безусловной честностью.

Легендарная фигура барона Унгерна была довольно известна на Дальнем Востоке и восточном Забайкалье. Это был человек, который и по своему характеру, и навыкам, и действиям как-то не укладывался в рамки современной жизни. Он обладал многими положительными качествами — безумной храбростью, бескорыстием и полной нетребовательностью в материальном отношении к другим и самому себе, и чистоплотностью в своих отношениях к людям. Он готов был жить и жил, как самый простой казак его отряда, и нередко проявлял заботливость и трогательную доброту к соратникам. Но в то же время он бывал временами безумно, как-то по-средневековому безжалостно жесток и до крайности суеверен, тоже по-средневековому. Он все искал общения с потусторонним миром, и его почти всегда сопровождали ламы-гадатели, и их предсказаниям он верил и ничего не предпринимал, предварительно не погадавши у своего ламы-зурухайчи³⁴⁴.

Впоследствии под разными предлогами приходилось расспрашивать его сослуживцев об отношениях барона к атаману Семенову, и все они большей частью обходили этот вопрос, говоря, что они или мало об этом знают, или барон — другой человек, не схожий с Семеновым, а некоторые, загадочно пожимая плечами, говорили: “Барон с Семеновым по одной дороге не пойдет, дороги у них разные, путь барона прямой, а у того другой...”

В Урге барону приходилось туго, его отряд нуждался буквально во всем необходимом, до мелочей, но ни от кого не было слышно, чтобы барон за чем-либо обращался к Семенову... Про Семенова еще в бытность его в Чите ходили слухи об его безумных тратах на какую-то цыганку, не то Машу, не то Сашу, говорили о том, что он, например, пригнул у себя отбывшего арестантские роты, некоего артиллериста Малиновского, который пропустил несколько сот тысяч золотом русских денег, захваченных Семеновым у Колчака, причем этот Малиновский держал метрес — “да не одну, трех разом”, да еще и о многом другом говорили, да лучше и не гово-

ритель... Семенов и теперь живет безбедно — имеет виллу в Японии и дачу около Дайрена на курорте, и живет так много лет, а он ведь был гольш-офицер из забайкальцев... Вероятно, что у Унгерна и Семенова пути были разные. После, по сведениям бухгалтерских счетов после русской разрухи, бухгалтеры выяснят все: и расходы, и приходы, и тогда будет видно, куда ушло русское золото, живые свидетели еще остались... Одно можно сказать: у барона была традиция, которой он держался, ну а Семенов — смотря по обстоятельствам... Пришлось говорить о Семенове, говоря об Унгерне, но без сравнений обойтись нельзя — сравнительный метод ведь необходим.

После аудиенции у Унгерна нам пришлось ждать Сулейманова, который пошел к башкирам разговаривать с ними по мусульманским религиозным делам, а поэтому в ожидании его мы зашли к начальнику штаба. Тут мы вспомнили, что относительно судьбы зубного врача Гауэра ничего не выяснили у барона. Генерал Ефтин хотел было зайти к барону, но тут приехали к барону монгольские князья и пришлось опять ждать. Однако генералу Ефтину скоро удалось добиться приема у Унгерна и удалось доложить барону о Гауэре. После указаний генерала Ефтина на то, что зубной врач крайне необходим как ургинцам, так и его дивизии, в которой есть немало страдающих зубами, барон, хотя и дал согласие, чтобы казаки не трогали Гауэра с семьей, но письменного распоряжения получить у барона не удалось, так как его опять отвлекли — приехали какие-то князья. Поэтому генерал Ефтин по приезде домой написал, что на основании устного приказа барона, данного ему, Ефтину, он, генерал Ефтин, приказывает казакам, а также всем, кому ведать надлежит, не трогать зубного врача Гауэра и не наносить ни ему, ни его семье какого-либо ущерба и вредительства. Этого было достаточно, чтобы Гауэр с семьей был в безопасности.

По взятии Урги барон немедленно отправил значительный отряд на север по кяхтинской дороге для преследования отступающих китайских войск-гаминов. Вскоре и сам туда же выехал. К отряду барона присоединилась и часть монголов, как, например, партизана героя Внутренней Монголии Тогтохо-тайчжи. Отряды Унгерна, настигнув гаминов, нещадно их истребляли. Гамины, видя полную безвыходность своего положения, решили биться до конца, оказывали отчаянное сопротивление бароновским отрядам, но поделаться ничего не могли ввиду того, что бароновцы, по указанию монголов, занимали по горам лучшее командное положение и поэтому находились в выгодных условиях по сравнению с китайцами. Вскоре приехавший из Урги барон уже сам руководил преследованием китайцев и, говорят, истребление несчастных китайцев было ужасающее — никому пощады не было. Самое слово “гамины”, то есть республиканские, барон считал хуже всякой ругани и не переваривал его.

Считали, что по дороге на Кяхту было убито от четырех до пяти тысяч человек. Часть же отступавших на север гаминов, поняв, что отступление по Кяхтинской дороге только ухудшит их положение, решила повернуть сначала несколько на запад, а затем на юг и, обойдя Ургу с запада, пробраться на автомобильный Калганский тракт. Так и сделали. Кавалерийская часть гаминов успела добраться до пределов Северного Китая. Унгерн же, истребив китайцев по Кяхтинской дороге и узнав, что часть их повернула на юг и, обойдя с запада Ургу, пошла на Калган по автомобильному пути, решил, спешно вернувшись в Ургу, с ожидавшим его там отрядом направиться по пути в Калган, чтобы догнать отступающий отряд гаминов

по этому пути. Около Чойрын-сумэ он их настиг, пехотинцев-гаминов, и, разбивши их наголову, захватил значительную добычу. Тем и закончилась вся эпопея, затеянная Маленьким Сюем (Сюй Шучжэном), стоившая больших денег и с десятков тысяч человеческих жизней.

Итак, барон, взяв искусно Ургу почти без пролития крови и истребив тысячи людских жизней — мог ли хоть одну минуту допустить, что все время действовал только на руку большевикам и все время подготавливал удобную почву для занятия ими не только Урги, но и всей Внешней Монголии, и притом с таким удивительным для них счастьем, что большевикам все это не стоило ни одной человеческой жизни? Поистине, этим безбожникам, видимо, помогал сам сатана — ведь не светлые же духи и не сам Царь вселенной им помогали... <...>

И Внешняя Монголия большевикам тоже крайне была нужна как база, из которой они могли действовать и на Северный Китай, и на Маньчжурию, и на Синьцзян. Словом, Халха была тем прекрасным мостиком, по которому Коминтерн мог беспрепятственно шествовать на Дальний Восток, не исключая и Тибета с Синьцзяном.

И вот эту-то трудную задачу для большевиков удачно разрешал барон Унгерн. Прежде всего, он выдворил из Урги гоминьданский китайский гарнизон, который сами большевики выдворять оттуда не имели никаких оснований, ибо это касалось только взаимоотношений сюзерена к своему вассалу и могло рассматриваться, как внутреннее дело между Китаем и его автономной частью. Что касается вопроса о нарушении сферы влияния в Монголии России, то большевики еще не установили себе права на наследие прав Российской империи, а с Китаем же еще не вступили в дипломатические отношения.

Теперь же, когда в Урге уже не было китайских войск, а место их в Урге занял самовольно “белобандит барон Унгерн”, и когда от имени ургинского Богдо-гэгэна просит помощь большевиков Народно-революционная партия, то тогда у большевиков руки развязаны, и они считали своим долгом оказать помощь правительству революционной Монголии и содействовать, хотя бы при посредстве военной силы, удалению “белобандита Унгерна” из Урги. И тут большевикам повезло. Им барона из Урги не пришлось выдворять, он сам Ургу оставил и очистил место большевикам. Как это случилось? Дальнейшее повествование расскажет об этом.

Преследование пеших гоминьдановских частей, повернувших с кяхтинской дороги на юг в сторону Калгана, заняло у барона значительное время. Вместо него в Урге оставался его помощник Резухин, который, впрочем, мало вмешивался в дела административно-полицейского характера, а ведал чисто военными делами. Вовсю действовала комендатура во главе с Сипайловым и Безродным. Подвал громадного дома Прокина³⁴⁵, который предназначался для открытия в нем универсального магазина Второва, являлся тем страшным узилищем, где попавшие туда ждали своей участи, по большей части увозились оттуда за город на расстрел, а бывало и так, что некоторые и жизнь кончали в подвале Прокина. Прежде всего, в этот подвал попадали все, заподозренные в большевизме, мародеры и все любители чужой собственности.

После ухода из Урги китайцев ими было оставлено два банка — Китайский и Пограничный с большими запасами серебра, отчасти золота и большим количеством русских кредиток, главным образом, “романовских”, которые, хотя и утрати-

ли свою ценность, но все же считали, что они впоследствии, хоть и по низкому курсу, а будут приниматься. Несмотря на все строгости, значительная часть серебра и золота была украдена и зарыта в потайных местах. Нераскраденная же часть денег в золоте, серебре и в кредитных, по распоряжению барона, была взята и спрятана в разных укромных местах за городом.

Кем и где были спрятаны эти клады, понятно, держалось в секрете, но говорили, что эти клады увозились далеко, за сотни верст, а те несчастные, которые их закапывали, расстреливались тут же, чтобы не могли выдать местонахождение кладов. Но одно из таких местонахождений было обнаружено через некоего француза Персандера, который впоследствии, уже при большевиках, приехал в Ургу с одним компатриотом из Китая специально за кладом, о чем ему было известно от одного унгерновца, прятавшего клад. Он был настолько наивен, что согласился в Пекине указать по приезде в Ургу под честное слово заместителя Полпреда место, где зарыт клад. В Урге с Персандером разыграли комедию. На место, где находился клад, Персандер вместе с судебным следователем Шлихтом выехал на казенном мотокаре, но, не доезжая местонахождения клада Шлихт заставил Персандера подробно рассказать и описать место клада, и когда последний все это рассказал, то Шлихт, высадив Персандера из кара, приказал ему тут его ждать, а сам Шлихт сначала осмотрит место, где находится клад, а затем вернется. Шлихт после долгого отсутствия вернулся и сказал, что никакого клада не нашел. Бедный Персандер, конечно, остался при пиковом интересе, а все было забрано Полпредством с присными³⁴⁶. После этого уже вдолге (больше месяца) автор записок был случайно в Сонгино (20 верст от Урги) около большого утеса и видел тут валявшиеся пачки “романовских” денег на многие десятки, а может, сотни тысяч рублей. Конечно, “романовки” ничего не стоили и их не стоило брать, а золото, серебро и драгоценности были взяты. Остался наказан только француз, приехавший с Персандером из Китая и истративший на поездку и проч. пару тысяч долларов, а то и больше. На замечание автора, зачем он рассказал, то Персандер ответил, что иначе не давали пропуск в Ургу, а затем заместитель Полпреда заверил “честным словом”, что Полпредство кладом не воспользуется. В Урге оставалось одно из двух: или указать местонахождение клада, или отправиться к праотцам, а жизнь все же дороже всякого клада.

Автор знал лично и другую жертву стяжания серебра. Это был один из полковых командиров Унгерна, пользовавшийся общими симпатиями. Его лукавый попутал завладеть приличной суммой банковского серебра и зарыть под полом одного из домов в Урге. И вот когда этот командир был в походе на Кяхту вместе с бароном, то последнему на командира донесли. При спросе об этом, виновный сознался, барон тут же приказал его на дереве повесить. Из-за этих банковских ценностей со многими кончили.

В Урге свирепствовали Сипайлов и Безродный и, говорят, их жертвы нужно считать многими десятками. Следует иметь в виду, что Унгерн никого не щадил, если находил виновным, но относительно барона многое сильно преувеличивают, да и он сам не мог входить во все подробности криминальных деяний разных лиц, у него не было времени, он главным образом заботился о боевой дееспособности своей дивизии, а потому почти всю его деятельность поглощали заботы о пополне-

нии воинского снаряжения таковой – патронах, снарядах, довольствии и проч., и проч., а в гражданских делах оставлял только право санкционировать то или другое решение, ему представляемое на утверждение, причем считал, что если доклад будет сделан или пристрастно, или вопреки истине и справедливости, то виновный в этом отвечал своей головой, а рисковать этим едва ли бы кто решился. Такой способ он находил более надежным и действительным. Но, несмотря на это, его именем нередко прикрывались разные Сипайловы и Безродные, и во многих их деяниях барон был совершенно неповинен.

За маловажные проступки он лично расправлялся с виновным, не откладывая возмездия в долгий ящик — “ташуром”, то есть рукояткой монгольской плети, которая (у барона) представляла из себя камышовую (бамбуковую) палку длиной около аршина с четвертью и даже больше при толщине больше дюйма в диаметре. Сама же плеть была вроде крысиного хвостика, и она, конечно, не могла причинить какую-либо боль, а имела скорее символическое значение и служила украшением для рукояти, которая являлась уже серьезным карательным орудием и могла быть средством устрашения. Часто барон после возмездия “ташуром” виновного сажал “на крышу” того дома, где находилась его резиденция и штаб. Это наказание считалось довольно серьезным и страшило очень многих.

Довольно покатые крыши китайских фанз (домов) делаются обычно из глины, хорошо сглаженной сверху, а потому скользких, и сидеть на такой крыше нужно было очень осторожно, иначе соскользнуть с таковой легко, ибо у нее каких-либо закраин нет, да и падать оттуда почти с двухсаженной высоты крайне неприятно и рискованно — можно разбиться. Поэтому сидящие на крыше частенько держатся друг за друга, чтобы не упасть. В походе крышу заменяло в лесу дерево, где виновные сидели на ветвях, а в степи какое-нибудь возвышение, место вроде холма или оврага, по краю которого усаживали виновных. Не раз, проходя мимо штаба, приходилось видеть целые десятки людей, сидящих на крыше, ровно стая голубей. Они жались друг к другу, ежились и кутались в халаты, чтобы как-нибудь спастись от холода с пронзительным ветром, а скользкая и нахолодавшая крыша еще усугубляла их мучения. Одежд и проч. иметь на крыше не разрешалось. Пища подавалась в корзине, которую на крышу затачивали на веревке. Некоторые незадачливые высидывали по неделе и даже больше — это при холодном ветре монгольской зимы, пронизывающем до костей.

Монгольская Урга сосредоточилась в монастырях — Гандане и Хурэ, ютясь в кельях-юртах со своим своеобразным укладом ламской жизни. Богдо со своим окружением обособился в своей дворцовой усадьбе в 2 верстах от Урги на отлете – в стороне у подошвы Священной горы. Остальная же городская Урга жила и дышала только Унгерном, жадно лоя все, что исходило от него. В первые дни особенно пострадали евреи — их преследовали казаки, и если они не успевали спрятаться, то уже пощады не ждали. Сколько было убито евреев, сказать трудно. Называли разные цифры, но можно думать, что душ пятьдесят или вроде этого. Русских же убито было значительно больше. Всех жертв барона насчитывают до полутора-двухсот человек, но и это число, вероятно, преувеличено.

Одной из первых жертв барона был священник консульской церкви в Урге о. Федор Парняков. Автору неизвестно, какое ему было предъявлено обвинение, но

все его поведение во время пребывания китайцев-гаминов в Урге не говорило в его пользу. У него с китайскими властями, ведающими полицейско-политической частью, были все время какие-то сношения, имеющие подозрительный характер. К нему нередко обращались кое-кто из русских за содействием относительно лиц, сидевших в заключении, и когда он брался хлопотать об освобождении, то всегда безуспешно. Когда знакомые автора обратились к нему по поводу освобождения автора из места заключения, хотя последний и не просил их об этом, то о. Ф. Парняков сказал, что это дорого будет стоить. Также указывали и на его сношения с сыном, который играл большую роль у большевиков в Иркутске. Можно думать, что это последнее обстоятельство было причиною его смерти. По взятии бароном Урги о. Парняков первые дни скрывался и жил не у себя в квартире, а затем, когда появился, то Безродный его арестовал и отправил в подвал дома Прокина, где его и зарубили шашками, как об этом рассказывали очевидцы.

Затем вскоре по взятии Урги был арестован бывший кяхтинский комиссар полковник А.Д. Хитрово. Он пробирался из Кяхты через Ургу в Китай, и в Урге застрел вследствие того, что проезд в Калган был уже прегражден сторожевыми частями барона и по калганской дороге никто не брался провезти его в Китай. Хитрово был взят из квартиры одной крупной китайской фирмы, жившей в доме Коковина, крупного коммерсанта в Кяхте. За день или за два до ареста полк[овник] Хитрово заходил к автору и беседовал с ним по поводу текущих событий. А.Д. Хитрово высказывался вполне отрицательно относительно деяний “атаманщины” и, в частности, против действий атамана Семенова, которые он находил вредными в деле борьбы с большевизмом, и считал Семенова виновным в противодействии адмиралу Колчаку и захвате у него золота, отправленного последним через Харбин в Японию. Кроме этого Хитрово негодовал на Семенова за то, что Семенов послал в Троицкосавк какого-то типа своего производства, фамилию его не упомяну, которому предоставил право жизни и смерти всех, находившихся в так называемых троицкосавских “Красных казармах”³⁴⁷. Этот тип в этих казармах, расположенных между Троицком и Кяхтой, со своими приспешниками-палачами изрубил шашками несколько сот ни в чем не повинных людей. Избиение этих несчастных было настолько ужасно и кроваво, что кровь убитых буквально залила весь пол в Красных казармах. Все были деяниями этого мерзавца настолько возмущены, говорил Хитрово, что, чтобы оказать ему хоть какое-нибудь противодействие, городское управление Троицкосавска решило просить китайские войска занять эти казармы.

В решении вопроса занятия Красных казарм китайскими войсками из гарнизона Маймачена приняло участие и городское Троицкосавское самоуправление, которое единогласно высказывалось за допущение китайского маймаченского гарнизона в Красные казармы, находя, что это единственный способ прекращения бесчеловечной резни. “Я, — говорил Хитрово — тоже находил, что решение городского Троицкого самоуправления было целесообразно, так как не было другого способа остановить бесчеловечные действия этого негодяя, о чем и высказывался некоторым представителям Городской думы”. Это все, что автор слышал от Хитрово об этой тяжелой кровавой истории в Красных казармах. Затем, когда уже большевики заняли Забайкалье, то они возбудили дело против членов Троицкого городского самоуправ-

ления о впуске ими китайского гарнизона в Красные казармы, и результатом этого было то, что по приговору большевиков были преданы казни за это один или два из представителей городского самоуправления. Палач Семенова, проливший в Красных казармах столько крови, кончил свою жизнь в Урге, куда бежал из Троицкосавска. В Урге, услышав о его приезде, один из братьев Запариных, ярый большевистствующий, нашел этого негодяя и убил его, тут же в его квартире. Этот садист-семеновец был родом из Якутска, воспитанник Якутского реального училища, был призван в войска во время Великой войны и, волею судеб, в конце концов, пристроился к атаману Семенову, от имени которого и убивал невинных людей в Красных казармах.

Подробностей о том, что было с Хитрово после его ареста бароновскими палачами, не знаю, был ли он допрошен и было ли ему предъявлено какое-либо обвинение, ничего не известно, и об этом ничего не мог узнать, кроме того, что Хитрово был увезен за Ургу, в окраину долины Сэлби и там из револьвера застрелен. <...>

Сеятели большевизма в Урге, Кучеренко и Гембаржевский, как говорится, не находили себе места и искали случая, где бы им пристроиться в безопасности, чтобы сберечь свои шкуры. Они поспешно записались в качестве добровольцев в дивизию барона, но и это их не спасло. Их прошлая деятельность была скоро обнаружена, и они кончили свою жизнь в руках палачей. Остальные сотоварищи сеятелей большевизма сумели скрыться из Урги. Один из них, бурят Аюши Балыков, сначала пристроился в качестве доставщика сена в интендантство Унгерна, а затем под этой маркой проник в сторону Кяхты за Хару, в район Алтан-Булака, где и присоседился в лагере Народно-революционной партии, а потом, по занятии Урги большевиками, вернулся в Ургу обратно.

Многие большевистствующие успели перекараситься и так ловко, что сошли если не за антикоммунистов, то за буржуев первой степени. Следует отметить одну оригинальную меру, принятую для ограждения китайских фирм от мародерства со стороны казаков-бароновцев. По просьбе доверенного китайской фирмы, обычно в фирму командировался кто-либо из известных властям русских и, получая в фирме комнату и довольствие, проживал там, наблюдая, чтобы никто не мог без денег брать из магазина фирмы товары, и вообще не проявлял каких-либо насилий. Эта мера оказалась действительной, и мародерство не проявлялось больше ни в каком виде. <...>

Итак, барон Унгерн стал хозяином положения. Монгольские власти, как и всегда пред силой, держали себя пред бароном подобострастно и беспрекословно исполняли все его требования. Казна у барона была пуста так же, как и у монголов. Нечем было платить даже за самое необходимое. Настоятельно требовались деньги для оплаты расходов на текущие нужды. Тогда монголы, по настоянию барона, выпустили внутренний “краткосрочный” заем на двести пятьдесят тысяч долларов. Долго обсуждался вопрос: где и как печатать банкноты? Печатать банкноты в местной типографии, как обычный заказ типографским путем, находили неудобным, да кроме того и подходящих шрифтов на монгольском языке в типографии не находилось. Тогда решили изготовить банкноты “домашне-типографским способом”, или “кустарным” (назовите, как хотите), и изготовление банкнот было поручено инженеру-мелиоратору В.И. Лисовскому³⁴⁸, который подобным делом и вообще литографским никогда не занимался. Однако ему волей-неволей, а приходилось

делать, как мог и как умел. Нужно ли говорить, какой печальный вид представляли эти банкноты! Начиная с бумаги и кончая рисунками и красками — все было ниже всякой критики. Они напоминали лубочные картинки, изготовленные в самой захудалой литографии. Зато монгольскому самолюбию льстило то, что на них были изображены четыре вида их домашних животных: баран, бык, конь и верблюд, хотя, надо сказать, что рисунки были сделаны аляповато и настолько схематично, что только школьники первых классов так рисуют животных. Банкноты 10-долларовые были с изображением баранов, 25-долларовые — быка, 50-долларовые — коня и 100-долларовые — верблюда. Вскоре при новом правительстве они были изъяты из обращения и, к чести монголов надо сказать, что все эти банкноты были оплачены серебряными долларами полностью. Внутренний заем с выпуском банкнотов, и притом своевременно погашенный, это был единственный и первый случай на памяти истории в жизни кочевников Центральной Азии.

Так или иначе, но этими банкнотами были заткнуты, хоть временно, все кричащие нужды Монгольского автономного государства. Барона же, как говорили тогда, отчасти поддерживали серебряные деньги и слитки серебра, брошенные в двух китайских банках при бегстве китайцев из Урги. Покончив с грехом пополам с денежным вопросом, барон спешит завершить поставленную себе цель своего похода на Ургу: восстановить автономию Внешней Монголии, погранную Сюй Шучжэном.

В спешном порядке, что называется “на курьерских”, в монгольских сферах готовятся во второй раз садить на трон Богдо-хагана Джэбцундамба-хутухту, “Многими Возведенного” на тот же трон в конце 1911 года, в 1920 году свернутого с этого трона Маленьким Сюем, и затем уже в 1921 году опять вновь посаженного на этот трон стараниями барона Унгерна.

Опять в Хурэ, главном монастыре Урги, дудят в священные трубы и неистово бьют все ударные инструменты — барабаны, цаны и проч. Эта какофония происходит уже по случаю восшествия Богдо на утраченный трон. Вершат хуралы — служения соборные — ламы, а рыкающие звуки двухсаженных труб на весь Хурэ вещают о святости и непобедимости воплощения, на коего не действуют никакие китайские козни. И вот 15 числа первого весеннего месяца 11-го года эры “Многими Возведенного”, то есть в марте 1921 года, в Златоверхом дворце — Шара-ордо, при многочисленном сонме ламства, в блестящих желтых одеяниях вновь возводится на престол, пред тем сверженный с такового, восьмое перерождение Джебцундамбы. На почетном месте в ряду первейших лам восседает и сам барон Унгерн вместе со своим помощником генералом Резухиным, в княжеских одеждах, пожалованных Богдо. Барону с помощником жалуются Его Святейшеством и почетные княжеские звания первых степеней в воздаяние его заслуг пред монгольской страной.

Для укрепления автономного строя в Халхе по инициативе барона и близком его участии формируется пять министерств Монгольского правительства: внутренних и иностранных дел, военное, юстиции и двора Его Святейшества. Председателем Совета министров пред тем, как только стала выявляться китайская политика Маленького Сюя, состоял влиятельный хутухта из Западной Монголии — Джалханца, единственный из высоких лам, имевший на шапке золотой знак вачира, то есть золотое изображение перуна-скипетра, поражающего насмерть врагов

веры. Этот хутухта-воплощенец был ловкий и хитрый лама, отлично учитывающий все политические события, творящиеся в Монголии. Он, между прочим, состоял эмиссаром от монголов по Урянхайскому краю и работал против России. Вот это-то Джалханца-хутухта, как только понял, что дело с монгольской автономией клонится к развалу, постарался удрать к себе в монастырь, там отсиживаться и ждать лучшей погоды, а вместо председателя Совета министров оставил пока на волю судеб. В составе монгольского правительства еще оставался деловой и неглупый человек Цэрэндоржи, но это был чиновник китайской выучки и всегда держал “нос по ветру” и, если ему было выгодно, то мог продать что угодно и кого угодно “ни за грош, ни за копейку”. При бароне он старался держаться в тени и барон его не знал, а когда после кто-то рассказал барону о нем и его вывертах-выкрутасах, то барон выразился: “Жаль, что об этом не знал раньше, а то повесил бы”.

Таким образом, из наличного состава Монгольского правительства не было ни единого человека, на котором бы можно было остановиться. Все были люди бесцветные, на которых положиться было нельзя. Председателем Совета министров за отъездом Джалханцзы в Западную Монголию был избран один из крупных воплощенцев — Маньчжушри-лама, почтенный и популярный в народе святой перерожденец, но державшийся всегда в стороне от мирской суеты и всецело погруженный в дебри философии ламаизма, в делах политических и государственных плохо разбиравшийся и всегда их избегавший. Между тем, барон, прогнав китайцев и Урги, водворив на трон Богдо и сформировав Монгольское автономное правительство³⁴⁹, если не всецело от него зависимое, то, во всяком случае, благоприятно к нему относящееся, считал, что им в Урге заложена прочная база для его дальнейших операций, тем более что его дивизии было обещано подкрепление цыриками (солдатами) монгольского князя Бишерельту Сундуй-гуна на случай его похода на Советскую Сибирь.

Главное несчастье барона Унгерна было в том, что он был одинок и вблизи его не было людей, знающих и осведомленных о том, что происходило за тесным кругом вне его походной жизни. Ахиллесовой пятой Унгерна была плохая информация или, вернее, отсутствие таковой, и он мало знал о том, что делалось за Байкалом и на границе Монголии, не говоря уже про Иркутскую губернию и Западную Сибирь. Барон, например, мало знал или почти ничего не знал о работе группы лиц Народной революционной партии в Алтан-Булаке. Между тем, эта партия, тайно скрывшаяся из Урги при режиме Маленького Сюя, с соизволения Богдо, приняла на себя миссию освобождения Монголии от китайского засилья и вошла поэтому в контакт с Советами и, следовательно, была явно враждебной целям и идее барона Унгерна в его борьбе с большевизмом.

Под эгидой Советов и Коминтерна 22 числа первого весеннего месяца (март) 1921 года в Алтан-Булаке созывается первый съезд Монгольской народно-революционной партии, который и организует Временное правительство, образуется финансово-экономический ямынь (управление), о чем говорено было выше сего. Нужно ли говорить, что вся работа по образованию правительственного аппарата Внешней Монголии велась под суфлерством и по указаниям советских инструкторов и при содействии забайкальских бурят, уже приобщившихся к советской власти. Вообще, в деле подчинения Внешней Монголии Советам значительную роль сыграли буряты,

которым Советы создали, хотя и бутафорскую, но все же республику, слывшую под именем “Бурятской”, во главе со столичным городом Верхнеудинском. Возглавляли эту, с позволения сказать “республику”, разные большевистствующие “брацкие”, как например, Ербанов³⁵⁰ и тому подобная братия. Этим-то заправилами Бурятской республики вменено было в обязанность воздействовать на бурят, проживающих в Монголии и имеющих там значение. Словом, все было разыграно по нотам. <...>

Итак, революционный Алтан-Булак обеспечил свое житие, хорошо спевшись с Советами и предав в руки большевиков судьбу своей страны, скорее по неведению своих вожаков-монголов, чем по умыслу. Все эти монголы — Бодо, Данзан, Сухэ-Батор и другие были только игрушками в руках бурят, на которых воздействовали “товарищи большевики”, сулящие бурятам, монголам и всем, всем, всем рай земной, этим всем, не подозревавшим, что этот рай должен превратиться в Варфоломеевскую ночь для неприемлющих большевизм...

Большевики загодя все предусмотрели и все учли. Все эти проезды и наезды через Монголию и в Монголию “товарищей” Дзевялтовских, Майских³⁵¹ были неспроста, и только потом выяснилось их значение. Цепкие руки большевиков крепко держали в своих руках “творцов” Монгольской революции — наивных монголов, слепо верящих большевистским утопиям и бредням “в золотой век марксизма”. Монголия для большевиков была лакомым куском, и при том легко достающимся, почти без всяких хлопот... Ведь Монголия сулила прямую дорогу в людный Китай, где ожидалась обильная жатва для Коминтерна. Скоро все это оправдалось на деле: через разных фынов, “христианских” и нехристианских генералов проникла через Монголию в Китай бездна разных инструкторов коммунизма, пропаганды, всякого оружия и проч. <...>

В этом-то политическом конфликте этот господин случай и сыграл решительную роль. Тут действуют все случайные элементы: и Маленький Суй, и Унгерн, и революционные монголы, а между тем, по последствиям в политической жизни Дальнего Востока результат суммы этих случайностей играет и посейчас продолжает играть громадную роль. Советы, благодаря ему, проникают в Китай, а главное, в Халхе, то есть Внешней Монголии обосновывают базу, имеющую в политической жизни Дальней Азии исключительное значение как хороший стратегический пункт, из коего можно угрожать и беспокоить, и тревожить все смежные с ним страны — и Китай, и Маньчжоу-го³⁵², и Японию, и Синьцзян, и бывшую Внутреннюю Монголию, и даже далекий Тибет. Халхасская база — это ключ для континентальных стран Центральной Азии, и Япония, конечно, будет стремиться выдворить Советы из таковой.

Несмотря на то, что китайцы уже окончательно оставили Ургу и большая часть их гарнизона была уничтожена бароном, алтанбулакские большевики и монгольские революционеры все же продолжают (говоря про 1921 год) сидеть в Алтан-Булаке смиренхонько, держась выжидательной политики. Те и другие теперь через монголов и бурят прекрасно осведомляются обо всем, происходящем в Урге, и дают время “выдохнуться” Унгерну, так как хорошо знают о его критическом положении, да и сам Унгерн начинает понимать, что рассчитывать на успех, хотя бы относительно, в западном Забайкалье ему не приходится, а подумывает, и очень серьезно, о своем отступлении в Западную Монголию, где сосредоточены партизанские отряды и Бакича, и Казанцева и других. По крайней мере, он об этом определенно

говорил автору записок, когда выяснял политико-экономическое положение Западной Монголии со стороны возможности там получить довольствие для его дивизии.

Тем не менее, у барона все же еще теплилась какая-то маленькая надежда на Забайкалье, рассчитанная “на авось”, и на “смелым Бог владеет”... В то время, когда в Алтан-Булаке Временное монгольское революционное правительство, подбадриваемое и поддерживаемое большевиками, начинает чувствовать под собой кое-какую почву, барон Унгерн твердой опоры у себя под ногами не находит. Для него, как военного и по духу, и по профессии, ясно до очевидности, что с теми средствами, какими он располагает, далеко не уйдешь. Прежде всего, чувствовался громадный недостаток в людском составе и военном снаряжении. Ведь с “дивизией”, не насчитывающей даже и полторы тысячи сабель, да к тому же еще и недостаточно вооруженной, многого не сделаешь. Главная забота барона была обеспечить себя патронами, но как он в этом отношении ни бился и чего-чего ни придумывал — ничего не выходило. Кто-то даже всерьез предлагал отливать стеклянные пули. В интендантском складе была пустота. И в вещевом, и в пищевом довольствии чувствовали острый недостаток. На складе находилось много ненужного, китайских закусок и проч., доставшихся в виде военных трофеев после ухода китайцев, но существенного не хватало. Но барон не привык дремать и всегда искал выхода из создавшегося положения.

Прежде всего, он постарался обеспечить воинских чинов относительно хлебного довольствия и обмундирования. Хлеб в зерне он добыл с долины Хары, где находились амбары с запасами зерна, снятого с урожаев государственных и частных запашек. В Урге на скорую руку была сооружена паровая мельница, которая могла перемалывать достаточное количество муки для солдатского довольствия и для запаса сухарей на случай похода. Были устроены мастерские: портняжная, сапожная, шорная и иные, которые все же давали все необходимое для войсковых частей, хотя и не в избытке. Даже был пущен в ход восстановившийся кожевенный завод неким Гордеевым. Этот дока оказался большим практиком и быстро вошел в доверие барона, и барон начал ему поручать ведение многих хозяйственных дел, но этот дока проворовался и был пойман и изобличен в мошенничестве, за что немедленно был повешен на воротах завода. А соучастник его по мошенничеству, некий Тигильцев, часовщик и скупщик ценных камней, тоже был повешен. Все, кто знал какое-либо мастерство и мог быть приспособлен к чему-либо, все работали по мере способности и пригодности. Работа шла дружно и споро.

Роль хозяйственника играл, и удачно, Федор Коковин, один из братьев большой торговой кяхтинской фирмы. Барон знал автора записок как директора Монгольского Национального банка, однажды в конце февраля приглашает его к себе, и между ними происходит приблизительно такой разговор.

Барон: “Вы единолично вели торговые дела банка, главным образом, в Улясутайском и Кобдоском районах, и кроме того, и иркутский генерал-губернатор Князев поручал Вам поездки по Монголии для ознакомления с русско-монгольской торговлей, и поэтому состояние торгового дела в Монголии Вы должны хорошо знать. Ввиду этого я поручаю составить Вам доклад о способах скорейшей реализации находящегося там в моем распоряжении всякого монгольского сырья, а также и товаров. Сделать это нужно возможно скоро, так как от этого во многом зависит успех моего дела”.

Автор: “Благодарю за доверие, но прежде всего мне необходимо ознакомиться подробно со списком сырья, где оно находится, какого рода оно и какого качества, в каком количестве и в чьих руках оно находится на хранении. Но должен предупредить Вас, барон, что скоро будет год, как я оторван от западно-монгольского района и не имею оттуда никаких сведений и, кроме того, вот уже почти три года, как банк ликвидирован, и с этих пор вообще не вел там никаких дел”...

Барон (перебивая): “Все равно, сообщите то, что знаете... Мне это необходимо знать и как можно скорее”.

Автор: “Все сделаю, что могу, но считаю нужным предупредить Вас, в Ваших же интересах, о том, что я почти три года торговых и вообще банковских дел не веду и за это время многое изменилось, и торговая конъюнктура теперь сложилась иная, а поэтому, чтобы невольно не сообщить Вам неверных сведений и избежать возможных ошибок, прошу Вашего разрешения собрать под моим руководством от Вашего имени живущих в Урге сведущих лиц совещание, на котором эти лица должны будут ответить на поставленные им вопросы, причем, конечно, их ответы будут проверены мной и после того Вам доложены. О способе реализации сырья выскажется совещание и укажет лиц, на коих возможно там будет возложить и самые способы реализации”.

С этими доводами барон, хотя и с неохотой, но все же согласился и поручил мне скорее составить доклад, причем заметил: “Вижу, что Вы желаете сложить с себя всякую ответственность, но, да делайте, как знаете”. Дальнейший характер аудиенции носил вид частной беседы, причем автору удалось выговорить, что доклад будет заключать только главнейшие положения о способах реализации сырья, но все частности будут доложены ему, барону, мной словесно. Коснувшись текущих событий, пришлось сказать барону, что почти все Забайкалье в руках большевиков, и они там хозяйничают вовсю, и что они перетянули на свою сторону бурят, состряпав им Бурятскую республику, причем большевики располагают и значительными военными силами.

— Да, это, пожалуй, так, — сказал барон — но большинство бурят не большевики.

— Конечно, не большевики, — пришлось ответить — но буряты запуганы сообщениями, боятся всего и поневоле подчиняются своей головке, которая всецело в руках большевиков.

— За Байкалом кроме бурят есть и казаки, настроенные не по-большевистски, — говорит барон — а впрочем, если Забайкалье безнадежно теперь, то думаю после похода на Кяхту отступить в Западную Монголию, где уже действуют белые отряды, и вместе с ними я буду бороться с общим врагом, тем более что и монголы хотят действовать заодно со мной, со стороны Богдо в этом отношении будет поддержка.

Я, конечно, считал неудобным возражать против оптимистических надежд барона, а тем более касаться вопроса об Алтан-Булаке, о котором ему, вероятно, было кое-что известно. Автор ушел от барона под впечатлением, что барон недостаточно информирован о том, что происходит за Байкалом, а в частности в Алтан-Булаке — этим “золотом ключе” большевиков для Монголии.

Пока автор возился совещаниями относительно возможности реализации монгольского сырья для барона Унгерна и составлением доклада, в Урге шла спешная работа во всех мастерских по снабжению всем необходимым бароновских вои-

нов, которые были главным образом расквартированы в ургинском Маймачене. В военных кругах барона шли бесконечные разговоры о заготовке патронов, не приведшие однако ни к каким положительным результатам. Особенный переполох среди ургинцев произвела мобилизация, сделанная бароном из русских жителей Урги для пополнения его дивизии. Как теперь помню, около полудня на Широкой улице около главной площади Хурэ собралось человек полтора-двести ургинских резидентов. Тут были люди разных возрастов, состояний и положений, лет до сорока с лишним. Адьютант барона всех спешно расставлял в ряды. И лишь только из ставки барона на той же улице показалась в белой папахе фигура Унгерна верхом на лошади, адъютант скомандовал: “Смирно!”, и все выстроились в ожидании прибытия барона. Он, спешившись, обходил ряды и, спросив каждого о летах и проч., делал отметку через адъютанта о том, зачислить или нет в ряды дивизии или же зачислить в запас для работы в тылу. Годных для пополнения дивизии оказалось очень немного, менее полсотни человек, в этом числе несколько полковников из числа беженцев, которые были сразу приняты в командный состав.

Спешно готовились к выступлению на Кяхту. В это же время или немного ранее в Ургу прибыл Оссендовский и занял положение нечто вроде советника у барона. Какие советы он давал барону, было неизвестно, но видимо, он в бароне подогревал веру в оккультизм и прочие потусторонние сферы. В конце концов, Оссендовский выехал из Урги в Маньчжурию на автомобиле барона с какими-то важными заданиями и с деньгами. Но какие результаты получились от поездки Оссендовского, осталось неизвестным, кроме того, что Оссендовский благополучно добрался до Харбина.

Закончив с совещаниями сведущих лиц и с докладом, пришлось поехать к барону и доложить о результатах работы комиссии. Не приводя здесь подробностей доклада, следует сказать, что ни одна из надежд барона не была поддержана докладом, начиная с того, что на доставку сырья из Кобдосского района до Маньчжурии и его реализацию в лучшем случае потребовалось бы времени не менее полугода, причем под знаком сомнения находился также важный при этом вопрос: нашелся ли бы в Маньчжурии на это сырье денежный покупатель? Кроме того, требовались средства по сбору и доставке сырья до места назначения. Словом, все сводилось к тому, что “игра не стоит свеч”. Конечно, барон докладом остался недоволен и при этом резко выразил свое неудовольствие. Я же сказал барону, что по долгу чести не считал возможным скрывать от него неприятную истину и вводить в заблуждение обещаниями, на воде вилами писанными. В заключение аудиенции барон сказал, что он кое с кем посоветуется, ближе ознакомится с докладом и, если нужно будет, то за мной пошлет.

Из живших у меня беженцев-военных, коим я рассказал о свидании с бароном и о резюме доклада, говорили мне, что я напрасно как-нибудь не смягчил заключение доклада, и что я могу ждать для себя очень неприятных последствий.

Прошло около двух недель после моего доклада, как вдруг адъютант барона мне сообщает, что барон меня требует к семи часам вечера. Приезжаю. Жду приема. Проходит восемь, девять и десять часов, обо мне, видимо, забыли. В приемной барона холодище ужасный, народу — непротолченная труба. Нигде не могу добыть себе чашки чая, чтобы сколько-нибудь согреться. Наконец в двенадцатом часу я прошу адъютанта барона обо мне доложить, а то принужден буду, не повидав баро-

на, уехать. Адъютант обещает доложить и, наконец, в первом часу ночи приглашает пройти в кабинет барона, если таковым можно назвать крайне неприглядную, большую, нетопленную комнату со столом и двумя-тремя стульями. Вхожу. Барон, видимо, не в духе, чем-то озабочен. Приглашает садиться. Молчание, которое прерываю я, говоря, что очень холодно и нигде не мог с семи часов вечера добиться чашки чая, чтобы обогреться. Барон приказывает подать чай и говорит, что в моем докладе есть преувеличения в ценах на провоз и преуменьшение цен на сырье на месте и при продаже его с доставкой в Маньчжурию. На это я возражаю, что пусть тот, кто это говорит, возьмется сам доставлять сырье по ценам ниже моих приведенных и продать выше моих цен на сырье в Маньчжурии, да при том следует иметь в виду, что мной все цифровые данные приведены с крайней осторожностью и, надеюсь, близки к истине. Говорить все возможно, а если коснется дела, то получится другое. Доложенное мной есть результаты, что продуманы многими сведущими лицами. Хуже бы было, если бы нельзя было выполнить обещанное, и оно бы расходилось с действительностью, а это привело бы к печальным и непоправимым последствиям для дела. Легкомыслие в серьезных делах недопустимо и всегда губительно отражается на конечных результатах оперируемого дела, и всегда ведет к краху.

Затем пришлось ему привести целую цепь соображений, имея в виду исключительные условия доставки и продажи сырья в Маньчжурии, и на том доклад закончил. Длинная пауза. После долгого молчания барон говорит: “Вижу, Вы человек осторожный и... осмотрительный...” Опять пауза. Барон быстро и другим тоном говорит: “Я слышал, что Вы занимаетесь буддизмом и дружите с Маньчжушри-ламой. Не сообщите ли чего-либо интересного в этом отношении? Очень этим интересуюсь, и хотел знать...”

Я вижу, куда барон клонит, и после молчания отвечаю приблизительно так: “Вас неверно осведомили. Буддизмом как философией не занимаюсь, так как не имею для этого настоящей подготовки, а тем более — оккультной его стороной. Я интересуюсь только его иконографией, так как для занятия буддизмом всесторонне не знаю языков — ни санскрита, ни других, без которых изучать его немислимо... Местные же зурухайчины — простые ворожеи, гадатели, а не ученые-буддисты, им нельзя верить. Маньчжушри-лама, действительно, ученый буддист, но он гаданиями не занимается. А если желаете познакомиться с иконографией буддизма, а она представляет большой интерес, то Вы, когда пожелаете, со мной вместе посетите один или два ламайских храма, и я, что знаю, могу рассказать относительно изображения будд, бодхисатв, хубилганов и проч. Я бы и теперь мог в общих чертах кое-что рассказать, если бы не было так поздно. Я всегда в Вашем распоряжении, и когда будет у Вас время, с удовольствием поделюсь тем, что знаю”.

Вернулся от барона около двух часов ночи и застал всех, живших у меня беженцев, в столовой, сильно встревоженными моим долгим отсутствием в течение более чем шести часов. Свою тревогу они объясняли уже бывавшими у барона случаями, а именно: барон вызывает к себе и обычно после бурного объяснения с приглашенным им, в лучшем случае последнего отправляет “на крышу”, а говорят, бывало и так, что отдает приказ его “ликвидировать”. “Этого мы боялись, так как слышали, — говорили мои гости — что Ваш доклад его сильно нервировал, а это могло вызывать у него

аффект, доводящий его до невменяемости, что кончалось иногда очень печально для приглашенного бароном. Вот это нас и тревожило”. Они приводили в пример судьбу одного беженца, бывшего ревизора контрольной палаты, который отклонил предложение барона остаться у него на службе в качестве контролера, настоятельно просил содействия барона поскорее отправить его в Харбин, не обращая внимания на слова барона, что его служба в дивизии очень желательна. Проситель убедительно настаивал скорее его отправить. Рассказывают, что на это барон сказал: “Будет по-Вашему, раз Вы отказываетесь служить патриотическому делу — борьбе с большевиками”. И отпуская просителя, отдал приказ его немедля “ликвидировать”. Так ли это было, сказать трудно, но мало вероятно, чтобы только из-за одного отказа просителя остаться на службе у барона он приказал просителя “ликвидировать”.

У барона были случаи оговора людей, совершенно невиновных, кончившиеся печально. Знаю такой случай. Один убежденный антибольшевик бежал от большевиков из Сибири через Урянхай. Его побег был изумительным по смелости, полный всяких лишений и опасностей, и его спасло только присутствие духа и умение находить выход из всяких положений в минуты трудности. Добравшись до Урги, этот смельчак в бароновских кругах открыто и прямо избличал некоторых из сподвижников барона, командированных им в Западную Монголию, в неблагоприятных поступках и пристрастии. Этот-то смелый молодой человек (его фамилию забыл) обо всей своей эпопее бегства из Сибири и своих злоключениях подробно лично доложил барону, причем, также рассказал барону и о неблагоприятных поступках посланных им, бароном, лиц на запад. Барон был сильно заинтересован всем сообщенным этим беженцем-смельчаком и ввиду его болезненного состояния от перенесенных им трудностей пути лично поручил доктору дивизии наблюдать за его излечением и поправлением. Вскоре я приехал к доктору, чтобы навестить этого беженца-смельчака и вручить ему для восстановления сил бутылку хереса, и что же?.. Мне говорят, что смельчака уже не существует на свете — он “ликвидирован” по приказанию барона. За что? Почему? Точно не удалось узнать, но, судя по намекам, его оговорили присные барона. Одно только могу сказать, что все рассказы этого смельчака дышали правдой и убедительностью.

Много рассказывали о его сумасбродствах и жестокостях, но верить всем этим рассказам без проверки было бы опрометчиво и несправедливо. Вокруг имени барона уже слишком много отмечалось различных рассказней и небылиц. И ему многое приписывается, совершенное его именем его палачами Сипайловым, Безродным и Бурдуковским и другими их присными. Вина барона, безусловно, была в том, что он держал около себя этих живодеров, не умея обуздать, обезвредить их. Держать их в узде можно было разве только под постоянным страхом расправы с ними за их провинности, да и это не всегда бы помогало. Заслуживающие доверия очевидцы рассказывают про такой случай во время похода барона из Забайкалья на Ургу.

К нему с начала похода поступил на службу доброволец из полицейских приставов, малый деловой и способный. В его руках все горело и всякое дело у него шло, как по маслу. Он скоро сделался любимцем барона, который очень ценил его за деловитость и исполнительность. Этот бывший пристав вошел в полное доверие барона, вскоре попался в каком-то наглom мошенничестве и был уличен. Это случи-

лось где-то по Онону. Барон был так возмущен его наглостью и бессовестностью, что приказал его сжечь живым и объявить при этом, что со всяким будет так же поступлено, кто будет мошенничать и плутовать. Приговор был объявлен и обвиняемому, последний против такого приговора, видимо, ничего не имел, а только добивался узнать, кто именно на него донес. И вот, когда его предавали сожжению, высоко привязав к дереву, и когда снизу уже поджигали громадный костер, то он все время матерился по адресу тех, кого считал виновными в доносе на него, и грозил им, что он придет “с того света” рассчитаться с ними, но по адресу барона не произнес ни одного слова ни порицания, ни хулы. При сожжении этого типа барон не присутствовал, как и всегда при исполнении смертных приговоров лиц, им присужденных. Когда костер начал разгораться и в дыму костра этого полицейского едва видно было, — говорил очевидец — то заживо сжигаемый все еще матерился и грозил с того света придти к доносчикам и с ними сосчитаться, пока дым его не задушил и пламя костра не охватило тело... Таковы бывали типы из сотрудников барона...

Унгерн особенно не переносил тех, кого считал скаредом и эгоистом, потерявшим чувства сострадания и жалости к людям, испытавшим лишения, и также к тем, у кого спало чувство патриотизма. На этой почве разыгралась в Урге печальная история с одним из ургинцев, который проявил эти качества в особо резкой форме. Проживал в Урге некий М.Л. Носков, человек с хорошими средствами и владелец многих домов, доверенный богатей еврейской фирмы Бидермана, работавшей в Лондоне, где сам Бидерман на пушном рынке считался “королем сурка”. Вот к этому-то Носкову однажды и явились беженцы, прибывшие из Западной Сибири, голодные, холодные и скудно одетые. Они просили Носкова дать им приют и покормить их хоть несколько дней, пока они не устроятся. Носков отнесся к ним негостеприимно, отвел им нехотя плохое и холодное помещение, а питал их только одной картофелью — это при полном-то достатке мяса в Урге. И надо сказать, что пред этим чуть ли не по поручению барона был кто-то из унгерновцев и просил его ссудить кассу дивизии барона серебром и вообще оказать помощь, как делу патриотическому, так как барон идет с дивизией в Сибирь для борьбы с большевиками и крайне нуждается в денежной поддержке. Носков в этом категорически отказал, ссылаясь на то, что он не имеет права раздавать кому-либо фирмовские деньги, а своих денег не имеет. Это и негостеприимный прием беженцев привел к тому, что Носкова взяли в подвал и там стали вымогать у него деньги. Носков уперся и не хотел сказать, где у него спрятаны деньги и серебро, при этом, как говорят, он резко выражался про унгерновцев и про барона, результатом чего было то, что его в подвале забили палками, а труп выбросили за город.

Покойный М.Л. Носков был заметной фигурой в Урге как представитель крупнейшей фирмы, а затем как энергичный работник, не брезговавший ничем, чтобы повыгоднее купить товар, а при случае и поприжать продавца-монгола. Маленький, шупленький, по утрам “еще черти в кулачки не бьют”, а “шорт” (так звали Носкова монголы за то, что он всегда употреблял это слово при разговоре с ними) уже носился по ургинскому базару, вынюхивая случай, где бы купить походнее сырье и вообще всякий товар, привозимый монголами. А так как у “шорта” всегда было в наличии серебро, то монголы всегда попадали к нему в сети, как бабочки на

огонь, и, в конце концов, у Носкова почти весь рынок был в руках. “После Носкова на рынке не пообедает”, — говорили другие торговцы про “шорта”.

Его биография интересна. Он с Урала, уроженец Ирбита, где во время ярмарки работал за гроши в качестве легкового извозчика и был постоянным возницей в фирме Бидермана, где и присмотрелся к сырьевому и пушному делу. При содействии доверенного фирмы он попадает в Ургу в качестве простого рабочего и тут, благодаря своему старанию и энергии, а главное изворотливости, добирается до положения служащего, а затем главный распорядитель фирмы Бидермана в Монголии делает его бессменным доверенным фирмы в Урге, где Носков становится уже в положение хозяина и ведет дело по своему усмотрению, причем получает хорошие проценты со сделанных им оборотов. Вознаграждать его фирма не скупилась, и будь Носков не так прижимист и скуп, да имей более широкий взгляд на дело и хоть немного образования, он был бы громадной коммерческой силой, которая и пушное, и сырьевое дело ургинского рынка держала бы в своих руках. Фирме он был настолько предан, что даже не пожалел жизни и “положил свой живот”, чтобы фирма не пострадала ни единым долларом и, несмотря на битые палками, при его слабом сложении, не выдал бароновцам места, где он сохранял фирмовое достояние.

В Ургу хоть и просачивались кое-какие вести из Алтан-Булака, что там с большевиками дело Народно-революционной партии налаживается, но какой вид носит это “налаживание” и в чем оно выразится, об этом в Урге ничего было не известно, даже в сферах, окружающих Богдо-гэгэна.

Унгерн торопливо готовился к походу на Кяхту, и у него все сводилось к тому, чтобы возможно лучше обеспечить себя военным снаряжением и людьми, но ни то, ни другое барону не удавалось. Правда, со стороны монголов была обещана поддержка в виде незначительной воинской части, находящейся под командой хошунного князя Бишерельту-гуна, но отряд этого князя был очень невелик, его цирики по-европейски были совершенно не обучены, и ждать от этой кучки недисциплинированных монголов какой-либо серьезной помощи было нельзя, они при первой же боевой неудаче все бы разбежались. Да и преданность их барону находилась под большим сомнением. Так, по крайней мере, цириков Сундуй-гуна аттестовали сведущие военные, знавшие повадку монгольских солдат.

Со стороны Маньчжурии в интендантство барона никаких поступлений не было — ни в виде военного снаряжения, ни в виде обмундирования и вообще всего нужного для ведения военного предприятия. Хорошо еще, что сам барон устроил в Урге свои мастерские, которые заготовили в достаточном количестве и белье, и обувь, а то его казаки остались бы босиком, или же им бы пришлось шеголять в неудобных монгольских гутулах (сапогах), непригодных ни для кавалеристов, ни для пехотинцев. Вообще же обоза, идущего при солидно обставленных войсковых частях, какой в этих случаях обычно полагается, у барона не было, он шел походом “налегке”, ограничиваясь лишь самым необходимым.

Везде и во всем в дивизии барона чувствовалась нехватка. Многие военные, уже испытавшие “грозу военной непогоды”, только покачивали головами и выражали сомнение (конечно, тому, кто не станет болтать) относительно успешности бароновского предприятия. “Нужно быть безумным, чтобы рискнуть с такой не-

большой кучкой людей, притом недостаточно вооруженных и недостаточно снабженных всем необходимым, вступить в бой с регулярными войсками. Или барон надеется, — говорили они, — на помощь населения Забайкалья, или на какую-либо помощь извне, а может быть, даже и на тех же солдат из большевистских войск, будто бы желавших перекинуться на сторону барона, но на все это надеяться нельзя. Ясно, он идет “на авось” — к верному провалу”. Слова эти в скором времени оправдались, несмотря на отчаянную храбрость его казаков...

Готовясь к наступлению на Кяхту, барон незадолго до выступления отправляет в Мензу, пограничную забайкальскую станицу с Монголией, сотню казаков, сформированную наскоро из всякого сброда под начальством Тубанова — того самого бурята, который выкрал с тибетцами Богдо-гэгэна из его дворца на глазах всего китайского гарнизона, занимавшего тогда Ургу. С какой целью барон посылал в Мензу эту сотню, в которой, впрочем, далеко не насчитывалось до сотни сабель, об этом никто не ведал. Говорили, что Тубанов послан туда прозондировать почву: не пахнет ли большевизмом в приграничном Забайкалье и, если не пахнет, то склонять мензинских казаков идти на помощь барону, когда он придет за Байкал. А в случае, если же Тубанов обнаружит в Мензе большевистский уклон, то со всеми в этом замеченными расправиться “огнем и мечом”, как с изменниками русскому делу и Родине. Конечно, Тубанов был отчаянный головорез и решительный не по разуму проходимец, но он никак уже не годился к выступлению в роли политического разведчика и посланца для образования партизан во имя защиты России и ограждения ее от заразы большевизма. Кроме того, Тубанов и не нюхал, как инородец, военной службы и вообще не знал военного дела и, тем более, не мог быть командиром хотя бы и этой “сотни”.

Нужно ли говорить, что натворил Тубанов в Мензе? Это был ряд не поддающихся описанию насилий и диких выходов с убийствами и грабежами, которые заставили мензенцев отнестись отрицательно и к миссии барона Унгерна, и к его отношению к населению. Кончил Тубанов свою жизнь в Урге, уже при большевиках, когда они выяснили все его преступные деяния в Мензе и приговорили к расстрелу. Тубанова не спасло заступничество пред большевиками и самого Богдо-гэгэна. Тубанов был расстрелян.

Приготовляясь к наступлению на Кяхту (Алтан-Булак), барон оставлял вблизи Урги нечто вроде заимок, где под наблюдением офицеров нестроевого состава находился на выпасе конский запас оправлявшихся от похода утомленных лошадей, а в самой Урге оставалось кое-какое интендантское имущество, не взятое бароном при выступлении в поход. Многих удивило оставление бароном в Урге если и не заместителем вместо себя, то, во всяком случае, доверенного и уполномоченного им лица, с которым должно было сношаться Монгольское правительство по делам Унгерна. Это был заурядный бурят по имени Жамболон, оказавший барону какую-то важную услугу. Этому Жамболону барон испросил у Богдо громкий титул “вана”, вроде светлейшего князя, и шутники иронически звали его вместо Жамбол-вана просто Жамболваном, что, говорят, более к нему подходило. Таким образом, Жамбол-ван являлся начальником, хотя и небольшого отряда, но играющего роль защитника и охранителя Урги. Впрочем, этот бурят в отсутствие барона ничем себя не проявил, а когда услышал о неудачах барона под Кяхтой, то постыдно бежал на восток Халхи, где и был настигнут большевиками и убит.

Это назначение Жамболона показывает на недостаток у барона подходящих и заслуживающих доверия людей. У барона в качестве начальника штаба был образованный юрист, некто Ивановский, который “под шумок” говорил, что он задыхается в тяжелой атмосфере, окружающей Унгерна, и что Унгерну в трудную минуту не на кого опереться, и барон чувствует сильно это одиночество. Надо сказать, что многие должны с глубокой признательностью помянуть Ивановского, который очень многим спас жизнь, пользуясь для этого всякими случаями, часто рискованными и лично для него.

В это время ход происходящих событий (в районе Урга – Алтан-Булак) сложился таким образом. В то время, когда Унгерн сидел в Урге, занимаясь восстановлением монгольской автономии и готовясь к походу на большевиков в Забайкалье, а в случае неудачи — и к отступлению в Западную Монголию в Улясутайско-Кобдосский район для соединения с партизанскими отрядами Казагранди, Казанцева, Кузнецова, Кайгородова и Бикича, чтобы вместе с ними сделать попытку наступления на большевиков в Сибири, в это время Алтан-Булакские народовольцы, пользуясь широко именем Богдо-гэгэна ургинского, хоть и самовольно, уже успели войти в тесный контакт с Советами, получив от них в помощь Кубанскую конную дивизию, занялись широкой пропагандой среди населения монгольских караулов и хошунов в Прикяхтинском районе, пользуясь для этого большевистским опытом Октябрьской революции. Таким образом, Народно-революционная партия, уже успевшая сформировать Временное монгольское правительство, обеспечила себя войсковыми частями, вооружением для завербованных ими солдат (от большевиков) и довольствием (от населения). Для привлечения населения на свою сторону революционная партия по примеру большевиков пользовалась всем, включительно до угроз и, в конце концов, образовала монгольскую бригаду под командой Сухэ-Батора.

Барон же Унгерн буквально во всем нуждался, начиная с людского состава и кончая военным снаряжением. Он, видимо, только в последнее время стал понимать сложившуюся не в его пользу политическую конъюнктуру за Байкалом, где большевики чувствовали себя уже хозяевами положения, и, не довольствуясь Забайкальем, они зарно глядели на Внешнюю Монголию, чужая в ней свою добычу. Они с особой готовностью Кубанской дивизией обеспечивали тыл Временного монгольского правительства при продвижении такового в Ургу, якобы в качестве охраны от белых. Ведь под этим соусом “охраны” Временного правительства был, в сущности, ввод советских войск на территорию Монголии. А перед Китаем они могли легко разыграть роль невинности, ссылаясь на бесчинства белого бандита барона Унгерна, якобы только это могло принудить их ввести в Ургу войска, так как “белый бандит Унгерн” кровью подавляет монгольское революционное движение, и они должны были стать на защиту незащитных монголов-революционеров, тем более в стране, которая находилась в сфере их влияния, как заместители России.

Этим ловким шагом большевики сделали то, что сумели вплотную присосаться к Внешней Монголии и вскоре начали из этой обширной страны, в четыре раза по площади большей Франции, извлекать громадные материальные выгоды, прикрываясь, как щитом, сферой влияния, где без всяких хлопот ввели большевистский режим и создали в Монголии удобную базу для целей Коминтерна, откуда коммунистическая пропаганда, никем не задерживаемая, попадала в многолюдный Китай и другие дальневосточные страны, что теперь уже стало несомненным фактом.

Выступление барона из Урги на Кяхту прошло как-то незаметно, многие об этом даже и не знали. В Урге из бароновцев в качестве защитника остался с маленьким отрядом только бурят Жамболон да кое-кто из заведующих интендантскими мастерскими и палач Сипайлов с маленьким штатом. Как и всегда, рассказывались разные нелепости. Говорили, что барон отдал распоряжение Сипайлову “кончить” целый ряд ургинских резидентов по особому списку, переданному Сипайлову, за то только, что они не проявили должного патриотизма в отношении материальной поддержки миссии барона, причем говорили, что в этом списке видели и имя автора сих записок. По другому варианту говорили, что барон вернется в Ургу и кто добровольно не заявит ему о своей готовности чем-либо быть полезным ему, то таковой, как непатриот, будет предан смерти.

К этому же времени, кажется, относится и убийство Сипайловым датского подданного Олофсена. Дело происходило так: в Урге остался проживать после закрытия иностранной фирмы “Андерсен Мейер” доверенный фирмы датчанин Олофсен, кичившийся тем, что он, как иностранец, лицо неприкосновенное. Рассказывают, что вскоре после ухода барона из Урги на Кяхту, на квартиру Олофсена, проживавшего у некоего Попова, приезжает Сипайлов и говорит ему, что его требует барон, который сейчас находится на Боротае, и что он, Сипайлов, должен сопроводить его на автомобиле к барону. Видя, что от поездки нельзя уклониться, Олофсен едет с Сипайловым. Отъехав верст двадцать от Урги, Сипайлов приказывает автомобилю остановиться под предлогом, чтобы выпить чая. Все вышли из мотора, и когда все уселись для чаепития, то на Олофсена сзади на шею была наброшена удавка с двумя концами, и двое палачей, затянув удавку, задушили Олофсена, не дав ему, что называется, пикнуть. Так рассказывают про смерть этого датчанина. Сипайлов за это был предан суду в Харбине, осужден и отсидел в тюрьме несколько лет.

Когда Унгерн двигался с дивизией по дороге в Кяхту, в Урге наступила тишина и относительное спокойствие. В середине мая или около того был совершен русскими на площади Хурэ молебен о даровании победы барону, а в монастырских храмах Хурэ и около монастыря на площади ламы также совершали громогласные хуралы (молебны) о том же.

Все были в ожидании вестей от барона, а он двигался, не торопясь, вперед с большими остановками. На р. Харе, на государственных запашках он запасался хлебным провиантом, и тут же и на речке Иро барон оставил отряд в триста сабель под командой Немчинова для ограждения дороги на Ургу на случай, если туда двинутся красные. По дороге он приказал повесить одного из своих командиров полков, молодого бравого казачьего офицера, за то, что этот офицер при обыске китайского банка в Урге скрыл большой запас серебра, что было доказано, и об этом вдогонку барону было послано донесение. Виновный сознался и кончил жизнь на суку придорожного дерева.

В Кяхте рядом с Алтан-Булаком Унгерна с дивизией уже поджидают советские красные войска, которым хорошо было известно о продвижении войск барона и о том, что делалось и происходило в Урге, а Урга ничего не знала о том, что делается в Золотом ключе, или Алтан-Булаке, в переводе на монгольский язык. Урга не знала, что Золотой ключ-источник дал житие новому революционному консти-

туционному правительству Северной Монголии с монахом-государем на престоле, причем Урга не знала, что здесь, в этом Золотом ключе, были налицо все главари нового режима в Халхасской Монголии, которые уже успели поделить все правящие места в государственном аппарате страны номадов. Урга не знала, что Временное революционное правительство уже разрешило целый ряд всяких неотложных вопросов и вошло в тесный контакт с советской Москвой, договорившись с Москвой относительно военной помощи, и, наконец, самое главное — Урга не знала, что вместо автономной Монголии устанавливается независимая конституционная монархия с Богдо-хаганом во главе. Обо всем этом Урга узнала только 5–7 июля 1921 года, когда Временное правительство с ЦК партии и советско-монгольскими войсками вступило в столицу Монголии. Итак, все вышло по пословице “без меня меня женили”, — мог сказать Богдо. Это был редкий в истории случай, когда глава государства не имел ни малейшего представления о том, какого рода роль ему предназначается изображать в качестве верховного правителя страны, в которой он царствовал бессменно, хотя и не правил.

Унгерн подходил к Кяхте и шел, как говорится, “на ура”. Впереди и сзади у него сторонников не было. Он был, как перст, один. Забайкальские буряты справляли медовый месяц своей опереточной республики во главе с Ербановым и особой масти большевистствующими бурятами, которые и дышали только Советами. Унгерну о Забайкалье, конечно, нечего было и думать, а тем более ждать там какой-либо поддержки. Теперь для него все ясно было, но он все-таки сделал неудачную попытку наступления на Кяхту и, конечно, был отброшен. Он рассчитывал и Кяхту с Алтан-Булаком и Троицкосавском взять быстрым натиском-налетом, но потерпел неудачу. Чтобы сберечь свои силы для дальнейшего, барон отступает от Кяхты в юго-западном направлении на Селенгу, чтобы этим путем пробраться в Западную Монголию, где мечтал объединить под своим командованием все белые отряды, которые находились друг от друга в значительных расстояниях и между собой ничем не были связаны и действовали вразброд, как кому Бог на душу положит. <...>

Большие планы у барона имелись на монголов, чтобы при посредстве князей произвести среди монгольского населения мобилизацию и, кроме того, привлечь еще и ламство, из коего мобилизовать молодежь, так называемых хувараков-послушников. В этом отношении он сильно рассчитывал на Богдо-гэгэна, коему даже отправил посланца со специальным посланием и приглашал его к нему приехать на свидание в Улясутай и, конечно, на это даже ответа не получил. Кроме того, барон также надеялся и на помощь Максаржава и Дажалханца-хутухты. Первый из них после ухода из Урги Маленького Сюя был назначен военным министром, а второй — председателем Совета министров. Максаржав Хатан-Батор-ван, отправленный в Улясутай для успокоения западных монгольских аймаков, обратил свое оружие не против них, а против мирных русских торговцев, не большевиков, а потому слывших за белых. В Улясутае и окрест его под видом усмирения якобы белых этот палач устроил жестокое избиение с грабежами безоружных, много лет живущих русских торгующих. Считают, что в Улясутайской резне было убито около 150 русских, в том числе были женщины и дети. Про это беспричинное избиение русских рассказывают сплошные ужасы, не поддающиеся описанию. Не за это ли бессмыс-

ленное избиение невинных людей Временное правительство назначило Максаржава военным министром? А может быть, еще и потому, что Временное революционное правительство теперь ориентировалось на красных, то есть на большевиков, для которых избиение белых буржуев, хотя и никакой политике не причастных, все же являлось показателем гражданской доблести?

Джалханцза-хутухта, хотя и не сложил с себя звание председателя Совета министров, но из своего отдаленного монастыря никуда и носа не показывал, считая за лучшее быть от греха подальше. Впрочем, этот перерожденец в недалеком будущем посчитал за лучшее оставить свою земную оболочку на грешной земле и поспешил воплотиться среди безгрешных бодисатв, чтобы вновь явиться на грешную землю в другом, обновленном виде. Автор близко знал этого “святого” и гащивал в его обители, которая являла последнее слово роскоши, доступной степнякам. Тут были и дорогие часы с серебряным боем, показывающие фазы луны, и механические с заводом шарманки, и ценные вазы из Пекина, и многое, многое другое, чего и не перечить. Но гордостью его была одноместная карета прекрасной работы лучшего петербургского мастера. Забавно было видеть, когда этот дорогой экипаж тащила пара монгольских лошадок, запряженных давнуром, то есть тащила при помощи укрепленного поперек оглобель длинного шеста, концы которого закладывались впереди луки седла, за которым сидел возница-всадник, и таким образом пара всадников мчала вскачь экипаж, в котором важно восседал “святой перерожденец”.

Этот хубилган был эмиссаром Автономной Монголии по урянхайскому вопросу. Задача Джалханцза-хутухты заключалась в том, чтобы Урянхай настроить так, чтобы весь урянхайский народ заявил русскому (царскому) правительству о том, что все урянхайцы желают быть присоединенными к Автономной Монголии. При этом надо сказать, что урянхи никогда не были ни в подчинении, ни во владении и вообще никакого отношения к Внешней Монголии не имели, а халхасцы стали Урянхай считать своим владением ввиду того, что китайский уполномоченный на Кяхтинском (русско – китайско – монгольском) совещании 1915 года при определении территории Внешней Монголии сказал, что он считает земли, находившиеся в ведении улясутайского цзяньцзюня (командующего войсками), за территорию Халхи. Ввиду этого монголы заключают, что Урянхай, как находившийся в ведении Улясутайского цзяньцзюня, стало быть, должен быть причислен к Халхе, хотя последний никогда и ни в каких отношениях не находился в соприкосновении с Внешней Монголией, и тем более в подчиненных, имея свою администрацию и управление, вполне независимые от монголов, а общего у урянхайцев и монголов была буддийская религия секты гэлугпа³⁵³, то есть Цзонхавинской реформы, но совершенно не подчиненной в духовном отношении ургинскому Богдо-гэгэну.

Вот этот-то Джалханцза-хутухта, на основании этой обмолвки китайского уполномоченного на Кяхтинской конференции и сманивал, в качестве эмиссара ургинского Богдо-гэгэна, урянхайцев закрепить себя за Внешней Монголией, но урянхайцы не внимали этим доводам Джалханцзы-хутухты и упорно молчали. К слову сказать, что сей последний имел высшую награду, какой только мог располагать в духовном отношении Богдо ургинский, а именно: шапку Джалханцза-хутухты украшал золотой вачир, то есть священное изображение духовного жезла-скипетра или

перуна, который имел могущественную силу прогонять и отменять все нечистое, злое и враждебное от верных поклонников милосердного Будды.

Вот на эту-то фигуру воплощенца сильно надеялся барон Унгерн, не зная того, что “святой перерожденец” посчитал за лучшее от него спрятаться, как говорят, “в кусты” и не вмешиваться ни в какие ургинские передряги и события, придерживаясь пословицы “Я ничего не знаю, моя хата с краю”. <...>

Барон после неудачного наскока на Кяхту быстро отошел с дивизией на юго-запад в сторону Селенги, где неподалеку от хошуна Бишерельту-гуна устроился временным лагерем, чтобы разработать и определить план дальнейших действий, а также связаться с белыми отрядами, находящимися в Монголии. Пока же он был только связан с отрядом Казагранди, стоящим в Дзаин-шаби, с которым постоянно сносился через нарочных. <...>

Алтанбулакцы под эгидой большевиков хорошо учли положение барона Унгерна, и когда этот последний, теснимый частями Кубанской дивизии, тревожимый отрядом Щетинкина, все еще находился в районе Селенги, выступили на Ургу под прикрытием военных сил своей бригады и Кубанской. На Боротае и Харе они заставили отряд Немчинова отступить на запад, который и двинулся на соединение с дивизией барона.

Поход на Кяхту был “лебединой песней” эпопеи барона Унгерна, которая быстро закончилась для него печальной развязкой. Что было возможно барону во время его похода на Ургу и во время взятия им последней с разгромом китайского гоминьдановского гарнизона, то оказалось совершенно необоснованным и утопичным при реализации замысла продвижения барона Унгерна в Западную Монголию, где он надеялся найти себе соратников в лице белых отрядов, а также уповал и на помощь монголов. Во всем этом проглядывала полная неосведомленность барона о сложившейся конъюнктуре политических событий, и все говорило о том, что барон “не спросясь броду да сунулся в воду”. Прежде всего, у него не было в достаточном количестве воинского снаряжения — патронов, оружия и всего того, что является необходимостью в воинском деле, не было даже достаточного обмундирования, не имелось также запасов провианта, да и вообще много другого, необходимого даже при условиях партизанской войны, а главное — не было денежных средств, без которых даже в Монголии не обойдешься.

Трудно сказать, на что надеялся барон, чтобы прокормить и содержать свою дивизию, не говоря уже о том, откуда бы он мог добыть патроны и прочие предметы военного снаряжения, особенно если бы его дивизия пополнилась добровольцами из других белых отрядов и беженцев. Рассчитывать на местное кочевое население, которое малоллюдно, да и само вело полуголодный образ жизни, было совершенно невозможно. А если бы осуществился его проект относительно мобилизации из монголов, то ведь эта безоружная и голодная, плохо одетая орда была бы только тяжелым балластом в партизанской войне и, конечно, не могла бы никоим образом содействовать успеху его предприятия. Да и много других вопросов крикливо напрашивалось на разрешение, но на которые едва ли бы мог быть получен сколько-нибудь удовлетворительный ответ. Все это показало, что замышляемое предприятие барона предпринималось “на авось” и строилось не на прочном фун-

даменте, а на песке, и грозило в прах рассыпаться при первом же столкновении с беспощадной действительностью. После кяхтинской неудачи у барона была главная мысль пробраться как-нибудь через Урянхайский край в среднюю Сибирь, то есть Минусинский край, в русскую гущу Енисейской губернии, а затем оттуда в Западную Сибирь, чтобы среди сибирского крестьянства поднять антибольшевистское движение, но эта затея барона ясно показывала, что он совершенно не знал о том, что творилось в Сибири, где большевики уже укрепили свои позиции и стояли уже твердой ногой.

А сибирское население? Оно отчасти спасовало под натиском большевизма, а отчасти и само примкнуло к нему. Прибывшие в Ургу из Западной Монголии беженцы, и частью из Сибири, сообщали малоутешительные известия: они говорили, что напрасная затея идти через Монголию в Сибирь для борьбы с большевиками, где они уже плотно засели и имеют в достаточном количестве и солдат, и всякое военное снаряжение, и все, что полагается в благоустроенном войске, да и само сибирское население желает только покоя и не пойдет ни в какую “заваруху”, а тем более на поддержку явившихся из Монголии белых отрядов — и малочисленных, и плохо вооруженных, и дышащих, что называется, на ладан. Эти отряды и сами-то бегут из Сибири в Монголию, теснимые красными, причем ссылались на Казагранди, отступившего из Иркутской губернии от красных в Монголию. В составе дивизии Унгерна в командный состав попали и беженцы из Сибири и Западной Монголии, которые на проект Унгерна идти на Урянхай для борьбы с большевиками в Сибири смотрели скептически и находили его не выдерживающим критики.

Все это, вместе взятое, и жестокости барона, в особенности с офицерским составом, и недостаток и нехватка довольствия и снаряжения, и неудачи под Кяхтой, и проект барона идти на Урянхай породили деморализацию среди его командного состава. Началось брожение, результатом которого явился заговор против жизни барона и его ближайшего помощника и единомышленника Резухина. Особенно же все были против похода на Урянхай. Большинство склонялись к необходимости немедленного отступления на восток — в Маньчжурию, под защиту маршала Чжан Цзолиня, несменяемого главы трех маньчжурских провинций и яркого противника большевизма и большевиков. Многие очень надеялись, что Чжан Цзолинь может предложить русским службу в своих войсках, как боевикам, испытавшим и знающим практику войны и военного дела. Имелось также в виду и то, что в Маньчжурии, и в частности в Харбине, образовалась значительная группа белых русских, которая охотно поддерживает белых беженцев и по мере возможности помогает им так или иначе там устроиться. Эти соображения, несомненно, были гораздо заманчивее, чем непродуманный и рискованный план похода через Урянхай в Сибирь, не обещавший к тому же никакого успеха. А поэтому мысль движения на восток в Маньчжурию нашла полную и единогласную поддержку среди всего командного состава.

Но пока Унгерн жив, он ни за что не расстанется со своей идеей похода на Урянхай, так как в Монголии ему уже не представлялось никаких резонов оставаться. Отряды белых малочисленны, а главное слабо вооружены, не обеспечены продовольствием и снаряжением и вообще не представляют сколько-нибудь серьезной военной силы. Расчет на поддержку со стороны монголов оказался эфемер-

ным, тем более что Максаржав совершил измену и предался красным. А Богдогэгэн даже ничего не ответил на приглашение барона приехать в Улясутай. По всему было видно, что монголы по одной дороге с Унгерном не пойдут и не желают идти, и барон это понял. В сторону Маньчжурии на восток барон Унгерн ввиду расхождения и разногласия с атаманом Семеновым не пойдет и, кроме того, у него в Маньчжурии не имелось влиятельных связей, что видно было из того, что когда в бытность его в Урге он “бился, как рыба об лед” ища патронов и предметов военного снаряжения, из Маньчжурии даже обещания снабдить его таковым не получил. При личном докладе автора записок на предложение его обратиться в Маньчжурию за тем или другим, барон только безнадежно махнул и ничего не ответил. Такова была ситуация создавшегося положения.

Заговорщики, хорошо зная характер и навыки барона, отлично понимали, что если он останется жив и узнает о заговоре, о котором уже знали и нижние чины, скрыть заговор не представлялось возможным, то последуют такие кровавые репрессии, о которых и подумать было страшно. Для заговорщиков оставалось только одно, другого исхода не было — это убить барона и его помощника Резухина, а затем взять в свои руки командование и направиться в Маньчжурию на милость Чжан Цзолия. План отступления — похода на восток заговорщиками был уже разработан, и все говорило, что если заговорщики не упустят момента, не растеряются и будут действовать согласно, то им благополучно удастся добраться до Маньчжурии, тем более что во главе заговора стояли боевые соратники Унгерна, а путевого довольствия и военного снаряжения было достаточно, чтобы отбиться от войсковых частей большевиков, если последние вздумают их преследовать.

Нужно было только торопиться с выполнением плана и не терять больше ни одной минуты, так как дивизия барона уже начала стесняться частями Кубанской дивизии большевиков, партизанским красным отрядом Щетинкина и вновь сформированными в Алтан-Булаке монгольскими частями бригады под начальством Чойбалсана. Безвыходность положения унгерновской дивизии была очевидной. С севера на бароновцев ожидалось наступление большевиков со свежими войсковыми частями, а им в подмогу были отряды Щетинкина и Чойбалсана. Да, кроме того, стало известным, что со стороны Алтан-Булака против барона ведется энергичная пропаганда среди монгольского населения, которое сильно побаивалось, как бы ему не пришлось продовольствовать войсковые части дивизии барона. Монголы на своей шее испытали по недавнему опыту продовольствия китайских солдат Маленького Сюя, что значит иметь дело с военной бандой. Поэтому от монголов дружественного отношения к бароновцам ждать было нельзя. Да, видимо, и сам Унгерн начал понимать безвыходность своего положения, показателем чего ему служил отступивший с Хары и Боратая под напором большевиков отряд в триста сабель под командой Немчинова. Ему приходилось убедить себя, что в Урге идут вооруженные большевики вместе с монгольской, вновь испеченной бригадой. Значит, все его усилия были направлены лишь к тому, чтобы в Урге приготовить для большевиков укромное местечко и создать оплот большевизму. Об этом его уже информировали посланные для разведки агенты барона. Все эти сведения сделались известными и заговорщикам, ибо “шила в мешке не утаишь”. А поэтому они не теряли даром времени и быстро распределили между собой роли.

Образовались две группы. Одна, руководимая офицером Сементовским, должна была кончить Унгерна, а другая, во главе с полковником Хоботовым, полковым командиром, испытанным бойцом, должна была убить генерала Резухина, войсковая часть которого стояла отдельно от части дивизии, находившейся непосредственно под командой барона.

Барон, видимо, почувал что-то неладное и принимал меры предосторожности. Так, на ночь он не оставался в своей палатке, а отправлялся верхом в соседний лесок, где и переночевывал, а в палатке укладывал спать своего денщика. Последний в одну из ночей, принятый за барона, и пал жертвой заговорщиков. Заговорщики, не зная, что Унгерн на ночь уезжает в лес, где и ночует, расстреляли вместо барона спавшего в палатке денщика, будучи уверены, что прикончили Унгерна, а последний, услышав выстрелы, раздавшиеся в стороне палатки, конечно, понял, для кого они предназначались, поспешил скрыться на всякий случай из своего лесного убежища. Видимо, Унгерн был уже кем-то предупрежден о грозившей ему опасности, а может быть, и видел создавшееся вокруг него настроение, а поэтому-то и оставлял на ночь свою палатку. Утром, чуть свет, заговорщики, убежденные, что Унгерн ночью убит, спешно выстроили свой отряд, об этом оповещенный, чтобы идти на соединение с отрядом Резухина, где полковник Хоботов Резухина прикончил, о чем и дал немедля знать своим соучастникам, как вдруг пред фронтом казаков неожиданно-негаданно появляется верхом на своем коне Унгерн и повелительно командует: “Смирно!”

От неожиданности общая растерянность и молчание. Казаки, вышколенные железной дисциплиной, замирают на местах. “За мной!” — продолжает командовать Унгерн и скачет вперед. За ним послушно следуют казаки. Проскакав немного, барон опять командует: “Смирно!” Отряд останавливается в ожидании дальнейшей команды. Тут пред недвижно стоящим фронтом начинается нещадное избивание бароном офицеров отряда, которые под ударами его желтого “ташура” (камышовой рукоятки монгольского кнута), облитые кровью, падают один за другим со своих седел. Барон неистовствует. Вот он подскакивает к капитану Макееву, замахивается на него “ташуром”, но еще не успевает ему нанести удара, как Макеев делает несколько револьверных выстрелов в барона. Происходит момент замешательства. В отряде происходит движение: избитые и другие офицеры начинают оправляться и приходиться в себя. Барон, хоть и остался невредимым, но видит, что им момент упущен, быстро поворачивает коня и ускакивает прочь от отряда.

На другой день, когда отряд начинает строиться в боевой походный порядок, пред отрядом вдруг появляется опять барон Унгерн. Ему даже удается выстроить во фронт часть казаков, но тут стоявшая на одном из флангов фронта пулеметная команда внезапно открывает по Унгерну огонь, и ему опять приходится спасаться вскачь от направленного на него огня... Он мчится к не遠деке стоявшему соседнему отряду монгольского князя Бишерельту Сундуй-гуна, тот самый отряд, с которым он вышел из Урги и на поддержку которого он рассчитывал, не зная того, что этот князь Сундуй-гун уже снюхался с революционным Временным правительством Алтан-Булака и большевиками и обещал им предать барона.

Прискакав в ставку Сундуй-гуна, Унгерн требует, чтобы этот последний отправился вместе с ним в сопровождении отряда солдат на усмирение взбунтовавшихся в

отряде его дивизии офицеров, ручаясь при этом за повиновение рядовых казаков отряда. Сундуй-гун, по-видимому, соглашается помочь барону и приказывает своим цирикам ехать вместе с ним в отряд барона, находившийся всего в нескольких верстах от его ставки, но вместе с этим Сундуй-гун предупреждает цириков, чтобы они были наготове и, по его зову, помогли бы ему справиться с бароном и связать его. И вот барон, эскортируемый князем Сундуй-гуном и цириками, едут в отряд дивизии на усмирение взбунтовавшихся офицеров. Впереди эскорта барон едет рядом с монгольским князем. Князь Сундуй просит у барона спичек, чтобы закурить папиросу, и когда барон полез в карман за спичками, в этот момент Сундуй-гун обхватывает барона сзади выше локтей поперек туловища и валится вместе с бароном на землю. Подскакавшие на зов Сундуй-гуна цирики схватывают барона и связывают его по рукам и по ногам, и в таком виде передают Щетинкину, находящемуся где-то неподалеку и, видимо, поджидавшему пленения барона. Под строгой охраной барон доставляется Щетинкиным в Алтан-Булак, где и передается большевистским властям.

Рассказывали очевидцы, что во время доставления барона в Алтан-Булак Щетинкин берег его “пуще глаза” и во время переправ через реки перетаскивал барона на своих плечах, причем с боков монголы поддерживали за туловище этого оригинального всадника. В Иркутске с бароном большевики носились, как с “писаной торбой”: и повсюду на автомобиле его возили, и, точно хвастаясь, показывали ему ряд присутственных мест, где их бюрократическая машина шла полным ходом. Барон на все с любопытством смотрел и часто, выходя из учреждений, резко и громко замечал: “Чесноком сильно пахнет, зачем у вас столько жидов?”

Суд над ним был показательным процессом, происходил в Новониколаевске, и барон Унгерн был приговорен к смерти, к чему он отнесся совершенно равнодушно. Много неправдоподобного рассказывали про него во время суда, но все говорили, что он во время суда и следствия держал себя с большим достоинством и все время подчеркивал свое отрицательное отношение к большевизму и большевикам, в особенности к большевикам-евреям.

Так закончил свою эпопею барон Унгерн — фигура, во всяком случае, незаурядная, от которой веяло каким-то средневековьем. Он, как рыцарь, стойко и бесстрашно стремился к преследуемой им цели.

Спустя долгое время после его расстрела в Новониколаевске, по Сибири упорно циркулировала легенда, дошедшая и до Урги, о том, что барону каким-то образом удалось в ночь пред расстрелом при помощи преданных ему лиц убежать из тюрьмы, а большевики, чтобы избежать этого афронта, вместо барона будто бы расстреляли очередного смертника, каковых у них всегда в запасе было довольно, барон же скрылся куда-то в укромное место, где и формирует конспиративно белый отряд, чтобы поднять против большевиков знамя восстания для спасения России. Верящие в эту легенду говорят, что барон опростился и примкнул к тайной дружине “Сынов России”, и только тогда хочет поднять “белое знамя”, когда для этого наступит удобный момент, а именно: когда народ успокоится и поймет, что большевизм был напущен на народ тайными врагами России, работавшими под эгидой масонства, ибо масоны боялись России как оплота православия и монархизма, как символа единения и силы. Масоны боялись развивавшейся мощи России, которая объединяла все немасон-

ские народности, сживавшиеся с Россией и жившие в ней в тесном содружестве между собой. Над разрухой России работала одна народность, которая проникала всюду и сеяла плевелы раздора по указаниям из-за рубежа из главного центра масонства. Масонство боялось, что его раздавит достигнувшая полной мощи Россия, ибо Россия и масонство несовместимы. “Недаром же, — говорил барон — большевизм, как контрабанда и зараза, привезен в Россию в запломбированных вагонах, и первым делом большевизма было создать похабный Брестский мир”.

В такой приблизительно редакции циркулировала легенда о спасении чудом от казни барона. Далее говорили, что и Колчака погубили те же большевики-масоны, действовавшие по указаниям масонов, которые вместе с этим руководили и поведением “друзей-союзников”, присланных в Омск, из которых некоторые, может быть, и сами были причастны масонству. Таковы по Сибири ходили легенды, забредшие и в далекую Монголию. Эти-то легенды показательны тем, что с именем Унгерна всегда связывалось не личное его честолюбие, не желание нажиться и стать у власти, а определенное стремление борьбы с большевизмом для спасения России, даже его жесткость объясняли только крайней необходимостью поддержки дисциплины и чтобы имя его соратников не было замазано интересами наживы и кармана. Кто был замечен в этом, тот не жди от него пощады. В этом отношении он всегда служил личным примером, как и в отношении своих личных удобств. Автору его шоферы не раз рассказывали, что когда ему приходилось наткнуться на какую-либо жестокою экзекуцию над в чем-либо провинившимся и он слышал стоны наказуемых, приказывал скорее проезжать мимо, чтобы не видеть и не слышать страданий виновного. Лично он никогда ни при какой экзекуции не присутствовал. При вспышках же гнева барон лично расправлялся “ташуром”, то есть бил объект его гнева камышевой рукоятью плети, и тогда он уже не знал удержу, впадая в какой-то раж и бешенство. О такой “ташурной расправе”, кажется, одной из последних, я рассказу со слов пострадавшего главного доктора дивизии барона, привезенного в Ургу на излечение.

Я услышал, что в Ургу доставлен находившийся в походе при дивизии заболевший главный врач (фамилию запамятовал, но помню, что он из Перми, сын начальницы женской гимназии и фамилия его была немецкая)³⁵⁴. Поехал навестить его и, кстати, снабдить его бутылкой или двумя хереса или портвейна для укрепления сил. Приезжаю к доктору и застаю его в постели в довольно печальном положении: исхудавшего, лежавшего недвижно со сломанной ногой.

— Что с вами? — спрашиваю. “Жертва ташура”, — отвечает доктор и, приблизительно, рассказывает следующее: “После значительного перехода пришлось делать прием больных, коих оказалось немало, и когда закончил таковой, то сказал фельдшеру, что если кто еще окажется нуждающийся в помощи, так как, видимо, все серьезные больные были уже приняты, то пусть завтра утром явится на прием, а сегодня я не могу — устал, голоден и хочу отдохнуть, а в случае чьего-либо приказа фельдшеру оказать до утра помощь. Сажу в палатке в ожидании ужина, зашли ко мне офицеры — сидим, болтаем. Слышу, кто-то за палаткой разговаривает с моим денщиком. Кликнул денщика, спрашиваю: “Кто там? Денщик докладывает, что казак пришел и так как опоздал на прием, то просит принять его. Я через денщика

отдаю распоряжение, чтобы казак завтра утром явился ко мне на прием, а если что нужно сейчас, то пусть обратиться к дежурному фельдшеру, а я прием закончил, да у меня в палатке ничего нет нужного для приема больных, все это имеется в госпитальной палатке, где находится сейчас дежурный фельдшер. Мой денщик, как я слышал из палатки, все растолковал казаку, как я говорил, и казак ушел, сказав, что завтра зайдет на прием. Но прошло несколько минут, как в палатку врывается барон, сам не свой, с криком: “Вы тут бражничаете, кейфуете, а больной помощи не находит!”

Я не успел рта раскрыть, как на меня посыпались градом удары ташура и такие, что я потерял сознание и очнулся, когда фельдшер привел меня в чувство. Оказалось, что у меня перелом ноги и всякие следствия избия ташуром, а в результате он меня настолько обинвалидил, что отнoсить службы не в состоянии и для моего поправления необходимо госпитальное лечение и особенно серьезен перелом ноги, требующий продолжительного поправления и ухода. Думаю, что дней через десяток буду с трудом на костыле ковылять, а тут, видимо, предстоит дальнейший путь до Маньчжурии — не знаю, как и быть. Ехать могу с трудом и то в спокойном экипаже”.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что по всем видимостям поход на Кяхту обещает неудачу и барону придется волей-неволей отступить в Западную Монголию. “А мне, — сказал доктор — как-нибудь добираться до Маньчжурии. Одно худо, инвалид я стал, и хоть и лошади есть, и кое-какой экипаж, но нет человека, который бы стал со мной возиться. А этот долгий путь требует вполне здорового человека, а не такого, как я, инвалида, во время пути требуется хороший догляд за всеми средствами передвижения, за лошадьми и проч., да и за мной...” — заключил доктор уныло. Следует заметить, что доктор барону был нужен как врач и как человек, с которым он считался и к которому хорошо относился, причем, доктор был единственный врач на дивизию, так как остальной врачебный состав были фельдшера, да и тех было мало. Эту дикую расправу с доктором единственно можно было объяснить только психической ненормальностью барона, который под влиянием несерьезной причины, в данном случае, случайной встречи с казаком, который, вероятно, заявил барону об отказе доктора принять его в неурочный час, барон вышел из себя и, потеряв контроль над сдерживающими центрами, не выслушав объяснений доктора, избил его ташуром до потери последним сознания. Может быть, при этом играли роль и неудачи барона, и вообще сложившееся общее положение безнадежности, и доктор был, что называется, только “козлом отпущения”. Приводя этот случай, автор хотел сказать, что наряду с разумными и продуманными действиями барона прорывались неоднократно такие аффекты, с которыми ему место только в психиатрической лечебнице, а не во главе партизанского отряда. Доктор вскоре уехал из Урги по направлению Маньчжурии и добрался ли он до последней, никаких вестей не было. По слухам, доктор был где-то, не доезжая Маньчжурии, убит с целью ограбления, так как он с собой вез незначительную сумму денег золотом. В Харбине и вообще в Маньчжурии доктора никто из бывших в Урге не встречал и не видел. Вероятно, он дорогой погиб.

На этом я о бароне кончаю. Полная фамилия барона — Унгерн-Штернберг, а по имени и отчеству, помнится, назывался Борис Петрович.

[Першин Д.П.]. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX-го века. 1933. — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, D. Pershin Collection, Box 1, Folder: Baron Ungern, p. 115–289.

К. Гижицкий. Через Урянхай и Монголию³⁵⁵

<...> Мы двигались сквозь проливной дождь. Мы прошли дальше, и через пару часов остановились в лагере полевой жандармерии. Отсюда, предъявив документы, пошли в сопровождении нескольких солдат лично к командиру дивизии барону Унгерну, называемому здесь “Дедушка”. Через каждый шаг мы встречали здесь отделения конных монголов в строях, которые отдавали нам честь и уступали дорогу.

Наконец, мы очутились на большой поляне над берегом Селенги, окруженном столетними соснами, где начинались майханы и пылали костры. В стороне стояла небольшая палатка, над которой развевалось на ветру шелковое желтое знамя со знаками Чингисхана — это было место жительства генерала. В становище господствовало движение: можно было наблюдать несколько десятков офицеров и ординарцев, разносящих приказы в разные стороны. Спустя минуту есаула Безродного вызвали к генералу, но через полчаса есаул прибежал быстро позвать меня к командиру дивизии.

В палатке сидел мужчина среднего возраста, блондин, наполовину раздетый, перед костром, на котором стоял латунный чайник. Из-под высокого лба на меня смотрели ясные светящиеся глаза, холодные, как лед. С левой стороны палатки я заметил старого ламу, державшего на открытой ладони гадательные китайские монеты. Барон Унгерн смотрел на меня неподвижным взглядом, а я, предупрежденный есаулом Безродным, делал то же самое. По прошествии нескольких минут барон обратился ко мне с вопросом: “Почему Вы поехали в Монголию, вместо того чтобы возвращаться домой?” — “Во первых, у меня нет средств, чтобы заплатить за лошадей, во вторых, меня отправили в Улангом не по моей воле, а затем меня отправили в Улясутай”, — был мой ответ. “А почему Вы воевали с большевиками в Урянхае вместо того, чтобы пробираться на восток?” — спросил Унгерн. Я отвечал, что, как военнослужащий, я слышал об обязанности вредить неприятелю, который грабил и уничтожал мою Родину. Барон минуту посидел в молчании, почесал сильными пальцами лоб и, протягивая мне руку, сказал: “Спасибо! Хотел бы, чтобы все те, кто меня окружают, были такие как Вы!” Он хлопнул в ладоши и позвал подбежавшего начальника штаба: “Этот человек будет жить в штабе, другие распоряжения позже”.

Так закончилась первая моя встреча с кровавым генералом, перед которым дрожали большевики. <...>

Бунт в дивизии

Когда я проснулся, был ясный день, бригада тянулась пешком вдоль нескольких монгольских юрт, в которые часто шли наши солдаты, вынося оттуда продукты и бараньи шкуры. Меня это очень удивило, поскольку никогда до этого барон не допускал таких злоупотреблений. Около полудня ко мне приблизился офицер табора С. и спросил о здоровье. Я был ему очень признателен, так как в последнее время все от меня отвернулись, принимая меня за потерянного, согласно решению врача. Одним верным товарищем был ординарец Михайлов, который переносил все мои капризы, выполнял желания разгоряченной фантазии.

Командировочное удостоверение К. Гижцого, выданное Р.Ф. Унгерном (из кн.: Gizycki, 1929).

Когда во время разговора я с сожалением вспоминал, что “дедушка”, то есть Унгерн, не дает нам столь желанного отдыха, С. взорвался смехом и выкрикнул: “Люди, вы с неба упали? Ведь Унгерн убит, Резухин убит, первая бригада ждет нас над Селенгой, бросаем проклятую Монголию, идем на Дальний Восток до Владивостока”. Мне казалось, что у меня галлюцинации или С. пьяный. Правда, это подтвердили и другие офицеры.

Окончательный переворот случился ночью с 17 на 18 августа деморализованными солдатами, которые опасались 100-тысячной армии большевиков больше богатой энергии своего начальника, и решили убить его, ища для себя лучшей доли. Переворот осуществила группа заговорщиков — офицеров штаба, с полковниками Львовым, Евфаритским и Т. во главе, которые умело использовали недовольство и усталость солдат. Сначала была задумана передача хозяйства генералу Резухину при условии начала марша на восток, демобилизации там войска, и раздачи кассы в дивизии, а Унгерн должен был быть отстранен или убит. Ждали только выхода в Монголию, поскольку пребывание в России грозило арестом большевиками.

Когда в Монголии этот проект был представлен Резухину, последний это предложение не только отбросил, но и ударил ташуром одного из офицеров. Тогда раздалось несколько выстрелов, которые легко ранили генерала. Резухин, позвав коня, хотел выбежать из палатки, но один из офицеров выстрелил ему из нагана в висок, уложив на месте. После смерти генерала вторая бригада двинулась к Селенге. Первую бригаду поставил в известность один из тайных связных. Тотчас после совещания был выслан сотник Д. с приказом убить Унгерна, но не имел отваги исполнить покушение и исчез. Заговорщики сами имели намерением убийство и уже дали соответствующий приказ, чтобы особые отряды спрятались для смерти барона. Для убий-

ства Унгерна было выбрано 10 человек, вооруженных маузерами. Но они, не имея смелости убить его открыто, издали стреляли по палатке, над которой развевалась большая, желтая, шелковая дивизионная хоругвь со знаками Чингисхана. По ошибке попали по другой палатке и убили только двух ординарцев. Эти выстрелы и вызвали непонятную мне панику, которую генерал старался потушить, лично объезжая обоз.

Именно тогда мы встретились последний раз. Унгерн после расставания со мной призвал революционизированных к послушанию, объясняя, что их движение на восток является ошибкой: где-то там тоже идет борьба с большевиками, но армии Меркулова нечего есть. При этом он заявил, что теперь имеет намерение зимовать в удобном месте, чтобы весной направиться к Врангелю.

Барон был полностью проинформирован о намерениях заговорщиков, имена которых громко выговаривал “Львов! Евфаритский”! Однако оба полковника спрятались под повозкой. Увидев это, Унгерн крикнул: “Вылезайте из-под возов. Это не место убежища для офицера”. Полковники, трясясь от страха, не услышали приказ. Унгерн, окинув взглядом свежий труп хорунжего дивизии Бурдуковского, двинулся к табору. В то же время есаул Макеев сделал два выстрела из нагана вслед отъезжающему, но промахнулся. Барон буркнул: “Мерзавец”, и возвратился к дивизиону монголов. Снова послышались залпы, направленные в генерала; конь Унгерна — по-видимому, раненый — помчался в сторону леса, унося всадника, за которым бросилось вдогонку несколько офицеров, в том числе Евфаритский и Львов, как бы желая наградить себя за недавнюю трусость. Барон пропал, но и его преследователи не вернулись в дивизию.

Барон составил себе славу необычайно смелого человека. Офицеры сами понимали всю подлость подобного поступка по отношению к своему начальнику. Хозяйство теперь принял полковник О. Бригада состояла из двух казачьих полков, дивизиона бурятов, трех горных батарей, пулеметного дивизиона, моего отряда, таборов, стад рогатого скота и госпиталя. Провианта было очень мало, так как основная часть возов была оставлена на биваках во время переворота. На первой стоянке был собран совет командиров, в числе которых находился и я. Было отменено наказание битьем, осталось одно наказание — стояние под саблей. Собрание было бурным, но не рассматривало интересы бригады, а лишь удовлетворяло личные амбиции.

Наша бригада шла к Селенге, где должна была встретиться со второй бригадой и оттуда, избегая большевиков, должна была идти на восток. Дойдя до реки, мы узнали от монгольских конюхов, что какое-то войско переправилось через реку на расстоянии 20 верст. Мы предположили, что это наши. Во время переправы через быструю реку мы понесли большие потери. Целый день напряженно искали подходящий брод. В результате в самом мелком месте довольно удачно преодолели течение. Ко всему этому на нас напал большевистский полк. Выслали против него один полк, отряд Арисака с поручиком и пулеметом. Бой длился 4 часа. Пули падали в воду, ранив и убивая людей и коней. В спешке переворачивались возы, тонули ценные вещи. Пошла на дно казна дивизии, удалось спасти одну часть золота, серебра и бижутерии. Затонуло 100 шкурок соболя, 50 шкурок выдры, 5000 шкурок горностая и 10000 шкурок белки. Затонуло 75 пудов пороха, 4,5 фунта цианистого калия, значительная часть динамита, разные хирургические инструменты, перевязочный материал, несколько пудов опиума и много других вещей. Сильно ослабших

раненых перевозили на плотах, сбитых из возов. Пушки переправлялись на канатах, причем утонуло 1 орудие и 18 пулеметов. Осталось их еще 22.

Мое имущество было размещено на лошадях, а сам я, не чувствуя усталости, поплыл за любимым вещевым мешком. На половине реки я так устал, что начал звать на помощь, потому что силы совсем покидали меня. Тогда ординарец, сопровождавший груз, отпустил его и поплыл ко мне. Верный Михайлов потом пробовал спасти и коней, но напрасно. Ремни перекрутились, сумы опустились под брюхо лошадям, и они утонули со всем моим скарбом. Таким образом, мы потеряли 4 лошади и целое состояние в серебре и золоте, золотую фигуру Будды, ценное клише и фотографии, дневник, личные бумаги, а что самое важное — старые книги на пергаменте, забранные из монастыря, а также документы, касающиеся большевистской акции, полученные от Унгерна. Единственную радость могла оставить мысль, что таких пострадавших было в этот день много. В любом случае, остались превосходный пистолет Маузера, лорнетка Цейса, сабля и седло. Это давало мне возможность жить в безопасности.

Довольно удачно переправился поручик В., который, управившись с большевиками при помощи картечи, потерял только несколько человек. Переправа та стоила жизни 80 солдатам, два миллиона рублей в золоте и стадо утонувших коней. Мы теперь двигались на юг через горы и степи. Иногда выходили к поселкам и монастырям, где ламы передавали вести об Унгерне и большевиках. Одни говорили, что Бишерельгу-гун хотел откупиться от большевиков, выдав в их руки спящего генерала, другие говорили, что барон ушел в Улясутай, а потом в Тибет к Далай-ламе.

В этих версиях могла быть какая-то искра правды, хотя монголы используют средства примитивные на взгляд нашей почты, обмениваясь между собой важной информацией, и в таких случаях информация распространяется по всему краю. Распоряжения правительства и почту, переданную с письмом, весь день везут посланцы в вышитых кафтанах. Кафтан с вышитыми иероглифами на плечах является наилучшей обороной от нападения, и гарантирует помощь со стороны местных жителей. О скорости этой почты свидетельствует легенда: хан Бату узнал о болезни и смерти Угэдэя, сына Чингисхана, в течение 8 дней, хотя расстояние между ними было 7000 км — между ханской столицей Каракорум и войском хана Бату в Венгрии. Монголы между тем умеют хранить тайны, главным образом, когда речь идет о чужестранцах.

Богдо-гэгэн, по-видимому, проинформированный об участии Унгерна, издал тайный приказ помогать войску барона, большевиков же ввести в заблуждение о перемещении бригад. Проинформированные о планах красных, мы избегали их крупных отрядов. Кроме того, нам была выделена помощь в смысле животных и в доставке проводников на конях. Безднаказанность наших солдат, грабивших улусы и юрты, быстро пробудила недоверие людей, которые стали прятать свое добро при нашем приближении. Возглавивший бригаду полковник О. четко отдал суровые приказы, поскольку солдаты потеряли страх быть наказанными. Одновременно, чтобы покончить с этим грабежом и разбоем, собрание военного совета установило смертную казнь. Через пару дней после этого ламы из Котурья-хурэ донесли о новом грабеже. Было начато следствие и, по выявлении виновных, суд половину их приговорил к смерти. Перед лицом выстроенного войска преступники вынуждены были отдать награблен-

ные предметы ламам и, по срывании погон, были расстреляны. Вышеупомянутый приговор понравился ламам, а среди солдат восстановил чувство ответственности. Тотчас снова, как и раньше, монголы стали давать лошадей, мясо и молоко. <...>

Gizycki K.. 1929. Przez Urjanchaj i Mongolje. Lwow – Warszawa: wyd. Zakladu Nar. im. Ossolinskih. P.145–208 (перевод Р.В. Новицкого).

Д.Д. Алешин. Азиатская Одиссея³⁵⁶

“Войско” барона состояло из нескольких единиц. К каждой из этих частей было отдельное отношение. Наиболее близок его сердцу был Чахарский отряд под командой Баир-гуна, молодого и красивого монгольского князя. Этот отряд получал все привилегии, лучшую амуницию и снаряжение, а также лучшую из доступной пищи. Барон всегда держал чахар отдельно, а ночью они занимали господствующее положение над остальным лагерем на расстоянии примерно в милю или две.

Достаточно странно, что этот самый отряд, в свою бытность в Забайкалье, однажды взбунтовался, перебил всех своих русских офицеров и дезертировал в Монголию. Только половина вернулась домой в провинцию Чахар, остальные были убиты китайцами на самой границе. Это случилось у Маймачена, напротив русской Кяхты. Китайских солдат было слишком мало, чтобы сражаться с целым отрядом чахар, поэтому они пригласили их на торжество в память о доблестном побеге от барона и его ненавистных казаков. Когда гости опьянели, китайцы начали общую резню. Из примерно пяти сотен чахар три сотни были зарезаны, тогда как остальные сумели спастись. Когда барон бежал в Монголию, он пригласил чахар, уже профессиональных разбойников, присоединиться к нему в его рискованных предприятиях. Слишком хорошо зная его как бесстрашного бандита, они охотно встали под его знамя.

Вторыми по благосклонности были буряты, командир которых, капитан Степанов, недавно был казнен за то, что слишком поздно привел своих людей на ночной бивуак. Его место занял капитан Сухарев. Бурятам во время мобилизации платили 175 золотых рублей в качестве начальной субсидии. Третьим по благосклонности был Татарский отряд под командой генерала Резухина. Его имя означает “резун”, и он, конечно, был головорезом. Резухин был близким другом барона с начала его военной карьеры. Он очень завидовал водительству барона и позже, когда положение барона стало более слабым, он дезертировал, спасая собственную ничемную жизнь³⁵⁷. Следующим был Японский эскадрон под командой полковника Хироямы. Этот отряд содержался очень плохо, и их полковник, в конце концов, дезертировал в Ургу к китайцам, которые немедленно повесили его.

Русские отряды были в полной немилости. Они состояли в основном из мобилизованных дельцов, которые до этого мирно жили в Монголии. То, на что барон не отваживался в отношении своих азиатов, он охотно делал со своими соотечественниками. Именно тут его террор становился наихудшим. Комендантский эскадрон под командой полковника Лауренца состоял из палачей, а полковник Сипайлов был гением в изобретении самых страшных убийств. Среди всех них вестовой Бурдуковский был самым веселым.

Далее, там были монголы, взятые из народа. Состав этого отряда постоянно менялся, поскольку монголы массами дезертировали, и все время надо было мобилизовать новых людей³⁵⁸. На самом дне баронской военной касты были бывшие русские военные. Их держали в стороне, как парий, как класс духовно, морально и физически неприкасаемых. В прошлом все они были офицерами русской императорской армии. Поскольку они представляли класс, который столь позорно изгнал барона из армии и заставил его еще раз бежать обратно в Монголию³⁵⁹, он получил возможность проявить свою сильную ненависть к ним. Барон унижал их до звания рядовых и помещал под командование подлых, неграмотных людей, выдвинутых с низшего уровня на командные должности. Эти люди имели собственные счеты со своими бывшими командирами, впавшими в немилость. Мораль бывших офицеров была сломлена столь сильно, что они даже не жаловались. Два фунта мяса и одна шестнадцатая фунта муки составляли их суточный рацион. Развилась цинга, и многие оставались в госпитале до тех пор, пока главный врач, доктор Клингенберг, не начал жаловаться на работу своего персонала. Он намекнул барону, что людей от болезни можно освободить. Итак, с его разрешения, Клингенберг отравил всех больных в госпитале. В результате все, кто плохо себя чувствовал, отказывались от необходимого лечения, предпочитая мирно умирать в своих юртах³⁶⁰.

Бывшие русские офицеры одевались в лохмотья, привязывая к подошвам кусочки кожи. Небритые и грязные, циничные и коварные до жестокости, они были потерянными для мира. Смерть всегда была желанна для них, и они сражались, как дьяволы. Хотя ими всячески пренебрегали, они были цементирующей силой, которая объединяла всю армию. Без них монгольская авантюра была бы совершенно несбыточной, а барон уподобился бы мыльному пузырю, что он и обнаружил позднее, но слишком поздно, чтобы спасти себя самого. <...>

Месяц январь подходил к концу, и в это время распространились новости, что мы скоро пойдем на Ургу. Барон выбрал для атаки 1 февраля, в соответствии с предсказаниями лам. С целью определить стратегию и тактику, барон посоветовался со многими знаменитыми монгольскими монахами. Его главный пастух и ближайший друг, бурят Жамболон, был одним из самых доверенных советников.

Жамболон из обычного пастуха достиг положения главного суперинтенданта скота в Даурии. Он вдавался во все детали, которых столь много в этом деле. После генерала Казачихина, казначея в войске барона, скрывшегося со всеми деньгами, барон доверил Жамболону хранение своих личных фондов, состоявших из двадцати фунтов веса золота в слитках. Барон верил, что оно было потеряно, когда он был вынужден бежать из Даурии, но Жамболон безопасно переправил золото в Монголию вместе со скотом барона. В награду он был произведен в офицеры. Будучи в Монголии, Жамболон стал незаменимым в поиске и налаживании контактов с нужными людьми. Вдобавок он не только бегло говорил на родном языке, но мог читать и писать по-монгольски. Естественно, он быстро продвигался и, наконец, стал личным советником барона.

Жамболон также хорошо разбирался в предсказании будущего. Барон был чрезвычайно невежествен в военной науке; он пренебрегал своим войском; он не знал, как выбрать позицию или как определить нужный момент для атаки³⁶¹. Его личная храбрость была лишь помехой для его подчиненных, так как он был всегда на ли-

нии фронта, вмешиваясь в детали сражения, в результате чего координация всех подразделений была невозможной. Чтобы избежать своего невежества и колебаний, барон советовался с предсказателями будущего. Жамболон был для этого подходящим человеком. Много бараньих лопаток было сожжено в пепел, и появляющиеся на них трещины интерпретировались для установления того, где следует ставить отряды и как выступить на врага.

Однажды барон послал шпиона, чтобы выяснить условия в Урге, а затем убил его ударом своей бамбуковой палки, когда человек вернулся с новостями, которые не были приятны его начальнику. В гневе барон сам поскакал в Ургу, избил пару китайских солдат на сторожевом посту врага, выяснил то, что хотел узнать, и вернулся невредимым домой в ту же ночь. <...>

Я никогда не забуду ужасный смотр, которому мы подверглись, когда прибыли на призывной пункт. Минуты тянулись как века, и мы все были на грани нервного срыва. Здесь я впервые увидел барона, и уже никогда не сожалел, что не видел его до того.

Он был высокий и тощий, с худощавым белым лицом аскета. Взгляд его водянисто-голубых глаз был твердым и пронзительным. Он обладал опасной силой читать мысли людей. Твердая воля и непоколебимая решимость владели этими глазами до такой степени, что свидетельствовали о зловещем безумии. Я почувствовал холодную дрожь, пробежавшую по моей спине, когда увидел их. У него были необычно длинные руки и ненормально маленькая голова на паре широких плеч. На его широком лбу был ужасный сабельный шрам, который пульсировал красными венами. Его белые губы были плотно сомкнуты, и длинные белокурые усы беспорядочно свисали над узким подбородком. Один глаз был немного выше другого. На нем была грязная папаха, короткий, шелковый, китайский жакет вишнево-красного цвета, синие военные штаны и высокие бурятские сапоги для верховой езды. В правой руке он держал свой знаменитый бамбуковый хлыст, другого оружия у него не было.

Смотр он проводил лично. Он останавливался перед каждым отдельно, прямо глядел в его лицо, задерживал пристальный взгляд на несколько секунд, и затем рявкал: “В войско”; “Назад к скоту”; “Ликвидировать”. Все мужчины с физическими дефектами расстреливались, пока не остались только годные к военной службе. Он убил всех евреев, независимо от возраста, пола и пригодности. Сотни неповинных людей были “ликвидированы” к тому времени, как окончился смотр³⁶².

Полурыцарь, полубандит по происхождению и собственному нраву, барон жил яркой жизнью непрерывных и захватывающих приключений. В ранние тридцать лет он был уже стариком в своих верованиях и наклонностях. Если бы он родился в Средневековье, несомненно, он стал бы знаменитым завоевателем. Однако в XX веке он был неуместен. Его мечта о создании Срединной азиатской империи, с сильными ордами азиатов под его командой, не подходила к нашей эре. Его буддистские учителя учили о реинкарнации, и он сильно верил, что, убивая ничтожных людей, он делал им только хорошее, так как они станут более сильными существами в своей следующей жизни. Эти учения о “высшем человеке” делали его безжалостным и к себе, и к другим. Ему говорили, что он сам — возродившийся Цаган Бурхан, или бог войны³⁶³, и в своем неуравновешенном уме он уверился в том, что он был спасителем мира.

22 января по старому Григорианскому календарю мы ушли с р. Керулен на Ургу. Согласно предсказанию знаменитого Хушиктен-ламы из монастыря Бревен-хийд, атаку надо было провести на пятый день первой луны, или 1 февраля, когда Живой Будда — Богдо-гэгэн-хутухта, будет освобожден из своего дворца в Урге, куда он был помещен под арест китайцами. <...>

В своем движении Унгерн направил отряды так, чтобы они остановились в разных местах, согласно старым монгольским предсказаниям. Для простых кочевников это казалось чудесным, и они могли лишь предположить, что барон — действительно воплощенный бог войны, посланный на землю с какой-то великой миссией. Когда он провозгласил священную войну за Желтую веру³⁶⁴, в сердцах монголов не осталось сомнений. Они присоединялись к нему охотно и слепо. <...>

Два дня и ночи люди скакали на своих лошадках, пока и всадники, и животные не устали. Плато, ведущее к Урге, которое им предстояло пересечь, известно своими зимними бурями. Даже когда бураны кончались, резкий ветер пронизывал до костей. Наступление было медленным и болезненным. Много раз пропадали люди, а целые отряды смешивались из-за густого снегопада. Наконец, барон объявил день отдыха. <...>

Мы двигались еще три дня, и 29 января достигли Убулуна с его древним монастырем Дзун-хурэ. Теперь мы были примерно в тридцати милях от нашей цели. Костры были запрещены, и даже чахар немилосердно били, когда они пытались приготовить себе пищу. Их командир получил большинство ударов, после чего его отправили вниз присоединиться к остальным несчастным, которые разбили лагерь на сопках вокруг Урги. Поздно ночью наши аванпосты захватили два автомобиля, нагруженных еврейскими беженцами, которые шли на прорыв из Урги, спасая свою жизнь; среди них был предприниматель из Швейцарии, по имени Стефан. Всех линчевали с большим весельем, а их собственность перешла в казну “войска”. В ту же ночь командир японского эскадрона, полковник Хирояма, бежал, но барон его настиг, сообщив китайцам, что Хирояма послан в Ургу как русский шпион. Естественно, полковник был казнен.

На следующий день мы были в окрестностях Урги, и войсковые предсказатели были снова очень заняты. Каждый отряд имел своего собственного ламу-предсказателя по чтению зигзагов на обожженной бараньей лопатке. Некоторым отрядам предлагались дополнительные службы: гадание по картам, ладоням, кристаллам и движущимся кастрюлям. Я был одним из тех медиумов, кто обладал чудесной силой рассказывать прошлое, настоящее и будущее. Я предпочитал кастрюлю, так как ее поле было шире. Вы закрываете глаза и через ресницы смотрите, как движется кастрюля и останавливается точно там, где Вы хотите ее остановить. Я был столь популярен, что другие отряды брали меня напрокат.

В войске был один человек, который крайне отстал от времени. Это был полковник Дубовик, который был достаточно безумен, чтобы приготовить детальный план будущей кампании. Было очень забавно слышать, будто наши детальные предсказания недостаточны, и мы смеялись над ним.

Чтобы сэкономить время, амуницию и трудности, барон послал китайцам ультиматум о капитуляции, щедро обещая включить их в свое войско. В ответ китайцы

арестовали всех русских в Урге и бросили их в тюрьму. Среди этих несчастных было несколько сот забайкальских казаков. Более того, русские золотые прииски, богатое отделение Центросоюза, консульское здание и русский собор были разграблены. Живой Будда, симпатизировавший русским, был оштрафован и уплатил 200 тыс. долл. контрибуции своим заклятым врагам — китайцам.

Перчатка была брошена и вызов принят. Мы подготовились к бою. Барон издал необычный приказ: разделить войско ночью на группы по три человека, и эти группы должны сложить большие костры на холмах вокруг Урги. Надо согласиться, зрелище было великолепное. Оно создавало впечатление, что там почти сотня тысяч русских, тогда как наше войско насчитывало только 17 сотен человек. Китайцев было 12 тысяч³⁶⁵. Как мы узнали позже, они отправили специального посланника в Пекин за подкреплениями. Таким способом они собирались окружить нас и атаковать одновременно с фронта и тыла, чтобы истребить людей барона.

Мы были готовы вступить в бой, так как в Урге было все, чего нам не хватало: пища, одежда, амуниция и теплые сухие помещения для сна. Кроме того, нам надо было свести с ними старые счеты за те унижения и страдания, которые они нанесли нам прошлой осенью. Мы должны были наступать по трем направлениям. Хоботов с его пятью сотнями должен был следовать по р. Тола прямо на китайские казармы и вступить в бой с основными силами противника; генерал Резухин с его 350 людьми должен был атаковать с юга и блокировать отступление китайцев по единственному караванному пути, ведущему в Калган; Тубанов с 250 людьми и 60 тибетскими воинами должен был взобраться на священную гору Богдо-ула в тылу врага со специальным заданием — освободить Живого Будду из его дворца, который был занят китайцами. Наши резервы состояли из двух монгольских отрядов Найденвана и двух сотен чахар. Хорошо, что мы поставили их сзади, так как они обратились в паническое бегство в начале боя³⁶⁶.

Ночь 31 января была очень холодной. Сильный ветер мешал войску, так что мы были вынуждены спешиться. Пешком мы достигли наших позиций в 11 часов. Там мы провели много времени, ожидая артиллерию, которую медленным шагом везли быки. Наконец, когда они прибыли, китайцы обнаружили нас и открыли жестокий огонь из своей артиллерии и пулеметов. Чахары и монголы в панике покинули нас. Таким образом, наша внезапная атака завершилась провалом, и мы потеряли свои резервы. Каждый отряд теперь должен был полагаться на собственную находчивость, так как никто не хотел спасать других, когда начался бой.

Сбежавшись в цепь, мы оказались позади врага у Верхнего Маймачена, пригорода Урги. Китайцы вынуждены были отступить в свои окопы у Нижнего Маймачена. Между тем, Хоботов также наступал в своем секторе, захватив две единицы артиллерии и две сотни ружей. Он немедленно повернул захваченную китайскую батарею против китайцев. И наша группа, и группа Хоботова сражались отчаянно, чтобы отвлечь внимание врага от тыла, где Тубанов выполнял главное задание этого дня. Согласно монгольским предсказателям будущего и ученым гадателям, Живой Будда должен был быть освобожден от китайцев в первый день боя, 1 февраля, и мы должны были сделать это предсказание реальностью любой ценой. Имелось распоряжение, чтобы Будда был среди нас для того, чтобы, как мы ожидали, вся

Монголия обратила к нам все ресурсы. Однако вскоре мы утратили иллюзии. Тубанов успешно выполнил задание: он застал врасплох китайцев, налетев на них у дворца. <...> Свыше тысячи китайцев³⁶⁷ там были убиты Тубановым, который захватил несколько пулеметов и много амуниции, включая важные для нас ручные гранаты. Все это новое снаряжение было использовано в главной битве за Ургу.

Поздно утром мы потеснили врагов так сильно, что они оставили свои позиции и отступили в крепкие Булунские казармы, здание Русского консульства и в непреступную крепость русской золотопромышленной компании. Группа из примерно двух тысяч китайцев тайно дезертировала и ушла на север, намереваясь достичь красной России и быть интернированной Советами. Теперь за нами была полная победа — но предсказатель сказал, что мы должны покорить врага 4 февраля. Поскольку было лишь первое число месяца, мы должны были ждать еще два дня в бездействии. Таковы были приказы барона. Остаток дня был проведен в укреплении наших позиций, собирании и погрузке наших раненых на телеги для отправки в тыл. Он находился в 35 милях севернее фермы Сухарева. Представьте страдания этих несчастных, которые совершили это ужасное путешествие на ужасных двухколесных телегах по полному бездорожью. Многие замерзли насмерть прежде, чем достигли госпиталя.

Ночью кто-то на нашей стороне из окопов пустил ракету в небо. Китайцы немедленно открыли беспорядочный и бешеный огонь. Жутко застрочили пулеметы. Искушение было слишком велико и, вопреки приказам, мы ринулись в бой. Барон был тоже увлечен безумным импульсом, и мы увидели его скачущим галопом на его белой лошади впереди наших линий и направляющим нас на колючую проволоку врага. В то время как мы вступили с китайцами в штыковую схватку, наша кавалерия атаковала их с тыла. Загорелся огонь в Маймачене, китайском квартале города. Квартал осветился многочисленными кострами, зажженными нашими добровольцами в Урге, которые уже не надеялись пережить это суровое испытание. Теперь мы смогли увидеть, что достигли самих стен, за которыми оборонялся противник. Ручные гранаты вскоре разрушили ворота, окна и двери, и началось общая резня. Жестокость уличных боев можно легко себе представить по самому факту того, что выжило лишь восемьсот китайцев.

Обезумев от мести и ненависти, победители начали грабить город. Пьяные всадники скакали по улицам, стреляя и убивая по своему вкусу, вламывались в дома, вытаскивали имущество на грязные улицы, одевались в дорогие шелка, найденные в магазинах. Перед китайскими банками были сделаны ряды, где каждый имел право сунуть свою кровавую руку в длинные ящики и взять то, что ему принесет удача. Некоторые были настолько удачливы, что вытаскивали золотые монеты и слитки, некоторые были менее удачливы и получали серебро, а многие находили только бумажные деньги и банкноты, которые они немедленно выбрасывали на улицу как бесполезные. Это им казалось большой забавой, вроде лотереи: никто не знал, что он вытащит. Но каждому разрешалось испытать свое счастье только один раз. Шутки и смех заглушали даже шум вторжения. Это была сцена, достойная хорошего художника: дикие люди, со свежей кровью на своих руках, одежде и обуви, стоящие в ряд перед банковскими сейфами и ожидающие своей очереди. Свет от мно-

жества костров делал их лица бронзовыми. Замечательно, что никто не обращал ни малейшего внимания на свои раны; я не знаю, было ли слишком большим возбуждение, или они уже привыкли к порезам и кровоподтекам. Вероятно и то и другое.

Произошел драматический инцидент, когда были открыты китайские тюрьмы и освобождены русские заключенные. Движимые голодом, они бросались на пищу и хватали зубами сырое мясо, как дикие звери. Безумные от счастья, они целовали всех всадников, какие им попадались. Однако когда один из них попросил лошадь, чтобы воспользоваться ею, если русские отступят, он был застрелен на месте. Ведомая доктором Клингенбергом, толпа напала на евреев, и все они погибли в мучениях. Унижение женщин было ужасным: я увидел, как один из офицеров вбежал в дом с бритвой и предложил девушке покончить с собой прежде, чем на нее нападут. Со слезами благодарности она просто поблагодарила его, а затем перерезала себе горло. Некоторые люди укрылись в доме г-на Гуппеля, американского гражданина, а другие бежали к монгольскому князю Тогтохо; но и тот, и другой были вынуждены выдать своих друзей под страхом собственной смерти. Пьяная толпа нашла новое развлечение — убийство людей на улицах ударом прямо в лицо толстой деревянной колодой. Там был один казак, который убивал своих собственных людей направо и налево, пока не был застрелен. Кадет Смирнов выбрал удушение старых женщин, поскольку ему было приятно видеть их трепет в тисках своих пальцев, когда он ломал им шею. Г-на Олсена, датчанина, таскали по улицам на веревке, привязанной к дикой лошади, пока он не умер. Это было сделано потому, что он выразил неодобрение насилиями, свидетелем которых стал. Был и другой иностранец, по имени Олай, который тоже погиб ужасной смертью, так как Клингенберг нуждался в его медицинских запасах. Многие женщины вместе со своими дочерьми предлагали себя на продажу, чтобы спасти жизни своих мужей и братьев, но в результате бывали обмануты более или менее часто.

Три дня и три ночи прошли в кровавом кошмаре: барон выполнял свои обещания³⁶⁸. Но рано утром четвертого дня он издал приказ, что тот, кто будет пойман на воровстве частной собственности или жестоком обращении с населением, будет повешен, а тот, кого застанут за выпивкой, будет наказан бамбуковыми палками: 100 для офицеров, 50 для рядовых, 25 для гражданских. И, действительно, тех, кто не узнал о приказе и продолжал грабеж, сразу вешали на воротах магазинов, в которые они вошли. Полковник Сипайлов, новый комендант Урги, послал своих людей искать преступников. Полковник Лауренц, который был начальником комендантского эскадрона, был обвинен в бесчестном поведении и приговорен к расстрелу. Лейтенант Макеев должен был выполнить приказ. <...>

Серию казней, которые барон наложил на своих собственных людей и население в целом, пришлось резко остановить, когда монголы сообщили, что с юга подходят китайские подкрепления. Эти отряды, численностью в несколько тысяч человек, еще не знали, что Урга уже попала в русские руки, и поэтому не приняли необходимых мер предосторожности. Одна группа была очень близко, а другая в нескольких сотнях миль в пустыне Гоби между Калганом и Ургой. На севере ситуация тоже была тяжелой, так как тем китайцам, которые отправились в Россию, было отказано в разрешении на вход, и они были вынуждены повернуть назад, пытаясь достичь Китая с юго-запада.

Барон послал своего соперника, генерала Резухина, навстречу первой группе, идущей с юга. Генерал совершенно обезумел и, когда он встретил китайцев примерно в 25 милях от Урги, он приказал своим казакам пленных не брать, а перебить всех. Было истреблено свыше тысячи человек. Между тем, барон двинулся на Чойрын-сумэ через Мангут, где он сменил лошадей на верблюдов, и быстро пошел к Сайр-усу, где встретил вторую китайскую группу, шедшую из Калгана. Его отряды под командой Баригина и Дугар-Мэрэна победили китайцев во внезапной ночной атаке, причем лишь немногие спаслись от смерти, безумно бежав в пустыню. Их отступление через Гоби было исполнено трудностей, и позже, когда я достиг Китая, я слышал, что множество людей замерзло насмерть или умерло из-за отсутствия воды и пищи, и лишь самые счастливые, наконец, вернулись домой в Калган. Там они сообщили, что встретили дьяволов из ада и, конечно, не смогли противостоять их атаке.

Теперь у барона появилась новая проблема, так как китайцы с севера быстро приближались. Они собирались вырваться от него около Удэ, по р. Хара-усу. Однако когда они достигли этого места, то обнаружили, что окружены русскими. Последовало сражение, которое длилось три дня и ночи, но, наконец, две тысячи китайцев сдались. Поскольку барону были нужны подкрепления, и поскольку в его войске уже было восемьсот китайцев, он даровал жизнь новым пленникам. Они сдали свое оружие и амуницию, и сами встали лагерем в долине. Глядя на их костры ночью, я удивлялся, как горстка казаков могла победить такое множество. Утром мы обнаружили, что обмануты. Костры горели всю ночь, но лагерь был пуст: китайцы бежали в пустыню. У нас не было времени для завтрака, так как барон приказал нам сесть на лошадей и догнать китайцев. Мы настигли их через несколько часов, и легкая победа была наша. Все офицеры и другие начальники были расстреляны на месте, а остальные окружены сильным эскортом и препровождены в Ургу, где образовали отдельный отряд. Для того чтобы защитить себя от русских коммунистов, барон послал 2-й и 3-й полки на север до р. Иро, чтобы они действовали как аванпосты.

Будучи человеком крайне энергичным и решительным, барон Унгерн заявил о полной реорганизации Монголии. Он создал кабинет министров³⁶⁹, ввел валюту и бумажные деньги, организовал налогообложение и импортные пошлины, и начал муштровывать монгольскую армию. Открылась военная школа, где сто молодых мужчин из лучших монгольских семей изучали военное дело. Барон также ввел производства, открыв несколько магазинов и обучил монголов, как применять новые методы в изготовлении их собственной одежды, кож, седел и инструментов. На одном из командных холмов он приказал установить радиостанцию, с помощью которой он мог бы связываться со своими союзниками. Казагранди был в Улясутае, Казанцев в Кобдо, Кайгородов на Алтае, а далее на запад — Бакич, Дутов, Анненков и бурят Тапхаев. <...>

К этому времени я добился понимания и доверия своих начальников, которые рекомендовали меня как связного и наблюдателя в отряд Казагранди. Я должен был уехать через три или четыре дня, как только будут подписаны мои документы. <...>

В прекрасных квартирах русского консульства, оборудованных со всем европейским комфортом, три барона обсуждали пути и способы спасения бедной России от коммунистов. Эти господа были: Его Превосходительство, барон Роман Фе-

дорович фон Унгерн-Штернберг, главнокомандующий всеми войсками; барон Тизенгаузен, управляющий русскими золотыми приисками в Монголии; и барон Берг, управляющий русскими угольными шахтами, также в Монголии. Госпожа Архангельская, гражданская жена Тизенгаузена, присутствовала на правах хозяйки.

Было единодушно решено, что русским людям надоели радикалы, и они мечтают о реставрации монархии, с великим князем Михаилом в качестве царя. Но бедняги не имеют вождей. Следовательно, барон Унгерн, который уже проявил себя как непревзойденный воин и государственный деятель, должен вернуться в Сибирь, где он легко поднимет народ на новую революцию. Не было сомнения, что его меч объединит всех русских, которые соберутся во множестве под его знаменами, как только барон заявит о своих намерениях. Таким образом, начальный размер войска барона не имеет значения. Необходимо только зажечь только искру восстания на как можно более широком фронте — и через несколько месяцев все уже будут в святой Москве. Поэтому было решено заранее проинструктировать все разрозненные военные группы русских в Монголии об одновременном наступлении на Советскую Россию на фронте в несколько тысяч миль, начиная от Забайкалья и кончая далеким Туркестаном. Новая война была должна начаться ранней весной, когда погодные условия будут более благоприятными и по дороге на север сможет пастись скот. Между тем, зимой войско должно быть заново обмундировано, перевооружено и хорошо натренировано. Конечно, необходимо поддерживать железную дисциплину. Таким образом, полковнику Сипайлову будут развязаны руки в управлении гражданским и военным населением в Урге.

Новость об этом собрании быстро распространилась среди нас — к нашему полному удовлетворению, поскольку наши прежние грехи оправдывались на почве патриотизма.

К концу февраля я готов был отбыть из Урги в Ван-хурэ. Поскольку дорога была тяжелая и путешествие опасное в это время года, я пошел посоветоваться к монгольскому другу. Кочевники очень искусны в собирании информации любого типа, которой они любят придавать видимость предсказания судьбы, к великому удивлению слушателя. Я не хотел терять эту возможность быть проинформированным, и потому попросил моего друга предсказать мою судьбу. Монгол обжег баранью лопатку и прочитал зигзаги. Он не сказал мне ничего нового; с другой стороны, меня многое огорчило. Он сказал мне, что смерть от двух людей ждет меня по дороге; они должны стрелять мне в спину. Потому он советует мне поехать кружным путем через Дзаин-шаби. Этот путь будет на три дня длиннее, но он должен быть безопасным. Он также посоветовал, чтобы я сначала пригласил на прощание своих друзей, а потом вернулся в его юрту и остался у него на ночь и следующий день. Затем, в темноте второй ночи, я могу уехать в Дзаин-шаби. План показался разумным, и я согласился. Я последовал совету монгола. Как я узнал позже, полковник Сипайлов, будучи другом полковника Казагранди, послал двух своих казаков в сопки с приказом убить меня. Естественно, они не могли найти меня, так как я все еще был в Урге. Мой друг монгол сообщил мне за ужином, что эти люди по возвращении получили по пятьдесят палок каждый.

Я покинул Ургу тайно и в темноте и поехал по горным хребтам к Ван-хурэ. Сначала мне очень хотелось вернуться, но здравый смысл подсказывал мне ехать к

Казагранди. Популярность барона была столь велика, что монголы должны были очень хотеть поймать меня и выдать Сипайлову, подозревая в дезертирстве из “войска” цириков Богдо (рыцарей бога). Кроме того, рано или поздно, я вынужден буду спуститься в долины для пополнения запасов пищи. Тогда я встречу людей, которым надо будет давать объяснения.

Я достиг Ван-хурэ примерно через 10 дней. Полковник Казагранди принял меня холодно, но он не нанес мне вреда, так как я был человеком барона. Напротив, он назначил меня адъютантом своего Хытхылского полка, предоставив мне почетную должность управления муштровкой его казаков. Мои гражданские друзья, детей которых я учил несколько месяцев назад, теперь были все мобилизованы и служили на разных должностях. Один из них чуть не потерял жизнь, не очень удачно польстив Казагранди. В ярости полковник нанес ему несколько сильных ударов хлыстом. “В следующий раз я предлагаю, чтобы Вы принесли пудру для лица и губную помаду для моих всадников!, — воскликнул он — Вон отсюда, ты, крыса, и смотри, чтобы я больше о тебе не слышал”. Ветеринара, доктор Якобсона, который лечил меня некоторое время назад, оскорбляли каждый раз, поскольку он имел еврейское происхождение. Его не расстреляли, так как кроме него не было докторов. Для полковника было несущественно, что знания Якобсона ограничивались болезнями скота, ведь людей начальник тоже считал скотом. Прелестная дочь и жена доктора были назначены медсестрами при нашем госпитале, но занимались в основном шитьем изысканного шелкового обмундирования для командира. Они доказали, что особенно опытни в вышивании воинских знаков различия из чистого золота. <...>

Я достиг Мурэн-хурэ рано утром, накормил лошадей и отдохнул до полудня, а затем продолжил мое путешествие на запад. Еще через два дня я приехал к Тапхаеву, и был немедленно удостоен аудиенции. <...> Я задержался у Тапхаева до конца апреля. Насколько позволяли мои знания и опыт, я помогал ему организовать первые национальные воинские части Монголии. Монгольские патриоты доставляли ему материалы и деньги в надежде, что однажды они смогут сами защитить себя от захватчиков и достичь подлинной независимости суверенной страны. Все время Тапхаев тесно общался с полковником Кайгородовым на Алтае, который был настоящим воином и благородным человеком, последним, кто оставил Белое движение в России. Кайгородов ненавидел барона даже больше, чем Советскую власть, с которой он боролся столь доблестно во время революции. <...>

13 мая 1921 г. барон разослал по Монголии знаменитый приказ № 15. Хотя “приказы” ранее не издавались, и хотя он был издан тринадцатого, этот приказ получил номер 15 и был датирован 25 мая. Это было сделано потому, что ученые ламы, после положенной медитации, обнаружили, что эти числа — счастливые и, таким образом, должны обеспечить успех³⁷⁰. Для того, чтобы получить разъяснения, барон нанял семь тысяч лам за 20 тыс. мексиканских долларов, чтобы они провели для него тщательные службы в храмах и призвали ему на помощь все свои мистические силы.

К тому времени он получил письмо от своего атамана, генерала Семенова, в котором утверждалось, что он, Семенов, тоже должен наступать на Россию по трем направлениям: генерал Сычев должен придти с р. Амур, генерал Савельев — из Уссурийского края и генерал Глебов — из Гродеково. Сам Семенов собирался наступать на Верх-

неудинск, где он просил барона соединиться с ним. Разумеется, он не забыл упомянуть своих друзей-японцев, но в неопределенных и двусмысленных выражениях.

27 мая барон построил свое войско для последнего смотра. В тот же день он покинул Ургу и повел своих людей на север. Он приказал полковнику Сипайлову перебить всех русских в городе, чтобы никто из свидетелей его правления не покинул город³⁷¹. В Урге остались лишь небольшие силы, командиром которых был Жамболон. Он немедленно вмешался, и невинные люди были спасены. Сипайлов был трус, потому он смиренно подчинился. С самого начала группа Жамболона показала, что она противостоит беззаконию, жестокости и грабежу, которые держали Ургу в страхе в течение долгих жутких месяцев. Жамболон не верил в успех предприятия барона и поступал соответственно. Например, он отправил Сипайлова с несколькими единицами артиллерии в надежде, что его схватят и повесят красные. Однако судьба уготовила другой, более страшный конец для этой порочной твари. Позже, когда он бежал в Маньчжурию, его узнали китайцы, которые отправили его в свою ужасную каторжную тюрьму до конца дней.

Барон послал Резухина в тыл Троицкосавску, который находится на русской территории напротив Кяхты, у самой границы. Сам он двигался двумя колоннами через Куй-Бирота и Дзулсика, перешел реку Хара и труднопроходимые горы Манхотай, и, наконец, остановился у Кяхты. Одновременно другие белые отряды с монгольской территории также вошли в Россию. Казагранди был примерно в 40 милях к западу от барона. Я присоединился к казачьему полку Сухарева в начале кампании, и снова оказался под командованием зверского Казагранди. Но Сухарев ненавидел полковника и держал своих людей в нескольких милях от него, поэтому я чувствовал себя в безопасности.

Когда мы достигли Кяхты, мы получили первые плохие новости. Князь Баиргун, командир отряда чахаров, покинул свою позицию около Ибицька и один напал на советские войска. По-видимому, он думал, что коммунистов так же легко победить, как и китайцев. Однако он потерпел жестокое поражение. Мы не только потеряли целое соединение, но глупая атака обнаружила наше расположение и наши планы в отношении врага. Барон злился, но не мог возместить ущерб. Он посетил раненых, и, поскольку персонала в госпитале было недостаточно, многие люди оказались неперевязанными. В ярости он схватил доктора Клингенберга, бросил его на землю и начал избивать бамбуковой палкой, пока не сломал доктору ноги, и последний стал полной развалиной. Таким образом, единственно возможная медицинская помощь была нарушена в самом начале кампании.

Для того чтобы усилить то небольшое, что осталось от чахаров, барон послал за князем Пунцагом, правившим областью Ван-хурэ. Когда князь прибыл, он попробовал выразить сомнения в отношении борьбы с регулярной армией большевиков, которая была снаряжена всеми необходимыми для современной войны машинами. Барон рассвирепел и приказал закопать князя живым, что и было сделано³⁷².

Отказ теперь означал уничтожение. Было велено начинать сражение, пока мы еще держали инициативу в своих руках. Соответственно, мы вторглись в Россию и подошли к богатой деревне Булуктай, где мы собирались получить много хлеба и муки после победы. Чтобы окружить это место, был послан Нечаев. Он повел атаку

в нужное время, а мы опаздывали. Внезапно барон понял ситуацию и послал нас вперед на помощь Нечаеву. После двух часов безумной скачки мы достигли фронта и обнаружили, что Нечаев уже занял деревню. Большинство жителей бежали в панике, что убедительно показывало ошибочность воззваний барона насчет теплого приема русскими крестьянами. В ярости он приказал собрать оставшихся жителей в большой сарай, который поджег со всех сторон, так что все погибли в мучениях. Во время массовой казни барон молился Будде.

Теперь он отправился “освободить” другой район от проклятого ига коммунистов. Теперь это была деревня Киран. Отряд красных, который остановился там, был слишком слаб, чтобы противостоять нам. Соответственно, коммунисты отступили, оставив нам еще и Усть-Киран. Обе деревни были полностью брошены, и мы встали там лагерем для заслуженного отдыха. Было слишком раннее время года для каких-либо маневров, и потому коммунисты не ждали нас в Россию столь рано. Короткими переходами мы легко могли бы наступать на Верхнеудинск и взять этот стратегический пункт без осложнений³⁷³. Однако мы потеряли эту возможность, так как барон держал нас в бездействии три дня в Киране.

Рано утром четвертого дня мы получили то, что нас ожидало: красная конница вышла на сцену и вызывала нас на сражение. Оно длилось шесть часов, и красные отступили. Мы преследовали врагов — делали как раз то, чего они хотели от нас: мы вошли в лес, где они сконцентрировали сильный пулеметный отряд и артиллерию. Мы были в середине леса, когда красные открыли смертельный огонь. наших людей косило с ног, как траву косой. Люди и лошади громоздились вместе в кровавые кучи. С большим трудом офицеры подавили панику, и люди начали доблестно сражаться. Целый день они сражались с сильно превосходящим противником, и поздно вечером белое войско вырвалось из ловушки. Утомленные, мы разбили лагерь в долине в шести или семи милях от Кяхты. Барон приказал нам атаковать этот город следующим ранним утром. За два часа до того, как мы подготовились к наступлению, красные открыли активные действия на нашем левом фланге, окружая наши ряды и атакуя с тыла. В большой панике, полусонные и полуодетые, наши люди бежали сломя голову. Мы оставили позади одну из наших батарей и много пулеметов. Сам барон был ранен в пах.

Тем не менее, основная часть войска старалась замедлить движение и встретить врага в сопках. Однако коммунисты теперь атаковали наш правый фланг, нарушили там наши боевые порядки и вновь зашли в тыл. Мы обнаружили, что полностью окружены. Белые бросили тяжелые боеприпасы, артиллеристы отпрягли лошадей от пушек, персонал госпиталя бросил своих раненых, служба бросила весь обоз, амуницию и продовольствие, и все безумно бросились в сопки к Кирану, молниеносно проскочили это место и, наконец, достигли Красновки, где остановились передохнуть.

В ту ночь мы обнаружили, что нам нечего есть, поскольку мы потеряли все запасы. Нам было нечего есть, кроме наших ружей, поскольку вся амуниция досталась врагу. Мы потеряли артиллерию и важные транспортные средства. Но, что еще более трагично, наши медики бросили свое имущество и даже бинты, и теперь наши раненые должны были заботиться сами о себе. Особенно примечательно, как мало знал барон стратегию. Он был побежден гораздо более слабым врагом, у ко-

того было вдвое меньше артиллерии и людей. Таким образом, тайны бараньих лопаток были побеждены здравым смыслом коммунистов.

Мы не могли больше сражаться. Мы постыдно бежали назад в Монголию, где было гораздо проще и выгоднее бороться с беззащитными китайскими купцами и русскими дельцами³⁷⁴. На нашем пути была р. Иро и, поскольку мы боялись потерять время на постройку мостов или наведение нормальных понтонов, нам было приказано переправиться через реку на своих лошадях. Отряд за отрядом начал прыгать с высокого берега в быстрые воды. Китайские отряды тоже заставили совершить этот опасный трюк, и очень многие из них утонули. Кое-кто нашел узкие монгольские лодки, грубо сделанные из обычных неотесанных бревен. Китайцы попросили барона разрешить им использовать эти лодки. Он согласился с условием, что тот, кто предпочтет лодку своей лошади, получит десять бамбуков. Многие сочли это более приемлемым. Было очень забавно видеть, как китайцы строятся рядами, с безразличием получают свои десять бамбуков, прыгают в лодку и переправляются через реку в сухости и безопасности. Смех над нашими желтыми товарищами не мог помочь нам. Мы впервые поели в 14 часов на противоположном берегу реки безвкусным сладким мясом свежезабитых лошадей.

Войско двинулось к Хуйтэн-гол и, достигнув Урмуктуя, повернуло на запад к Дархи-хийд на Орхоне. Там мы соединились со свежими силами генерала Резухина. Туда подошли также два монгольских полка из Урги. У барона вновь появилось его самомнение. Он повесил полковника Архипова за то, что этот благородный человек запас сотню фунтов золота тайной прибылью, а также сжег живьем доктора Энгельгардт-Езерского, который недавно бежал из Советской России. Ужасную казнь осуществил корнет Степаненко. Большинство людей не обратили внимания на это зрелище, поскольку они привыкли к таким вещам, но среди нас был свежий человек, по фамилии Петковский, которого так ужаснуло зрелище человека, жарившегося живьем, что он прыгнул в реку и утопился³⁷⁵. Простая душа, он предпочел скорее умереть, чем оставаться среди “белых рыцарей”. Генерал Резухин распорядился основной частью запасов, и барон в течение нескольких дней вновь экипировал свое войско, после чего приказал вновь выступить против красных. Однако, получив от них урок, он отправил в Улясутай всю казну, все лишние запасы и амуницию, а также все вещи, которые отобрал у китайских и русских купцов. Капитан Баранов с двумя сотнями казаков должен был охранять транспорт.

Барон распорядился также спрятать его серебро на дне р. Орхон около монастыря Эрдэни-Дзу, поскольку знал, что его там не тронут. Согласно старой легенде, дикие джунгары однажды атаковали Халху. Когда они достигли монастыря Эрдэни-Дзу, бог Дзу встретил их со своими львами, и джунгары в панике бежали. Затем Монголия стала китайской провинцией, и поэтому император Юнчжэн взял дело в свои руки. Он даровал р. Орхон титул тушэ-гуна, или князя пятой степени, с жалованьем в четыре сотни лан серебра в год. Этот серебро каждый год привозили из Китая и бросали на дно реки. Подсчитано, что за последние два с половиной столетия серебра накопилось около 60 тысяч фунтов веса. Вместе с дополнением от барона, река содержит подлинное сокровище.

Мы снова двинулись на Россию, на этот раз вдоль р. Селенга. Коммунисты не ожидали нас после того, как нанесли полное поражение белым войскам под Кях-

той. Таким образом, мы легко захватили деревни Цэжей, Атаман-Никольская и Нарынская. И снова русские крестьяне не проявили энтузиазма по поводу нашего прихода. Напротив, все убежали в леса и сопки. Мы отдохнули в Торейской после того, как выбили оттуда коммунистов. За исключением нескольких сот человек, все красные погибли в яростном сражении. Мы расстреляли всех пленных.

Теперь мы повернули на восток, на Верхнеудинск, где генерал Семенов обещал встретить нас. У Гусиного озера 35-й коммунистический кавалерийский дивизион³⁷⁶ дал нам бой, но был полностью разгромлен, оставив нам двести пленных и одну батарею³⁷⁷. Пленников заставили выкопать большие братские могилы, у которых их выстроили. По ним был открыт пулеметный огонь, и они попадали в свежую могилу. Счастливые умерли сразу, но тех, кто был ранен, закопали живыми, когда наполняли могилу землей. Красных медсестер отдали солдатам, изголодавшимся по женскому телу. Все они умерли после бесконечных унижений.

Поскольку мы потеряли много лошадей, барон реквизировал всех доступных животных, за которых крестьяне получили свидетельства к оплате “когда мы достигнем Москвы”. К этому времени мы обнаружили, что три кавалерийских полка красных быстро двигаются с севера и три с востока, тогда как юг блокирован знаменитым дивизионом Щетинкина, состоявшим из сибирских горных стрелков.

Вскоре произошел отчаянный бой, в котором мы держались два долгих дня и ночи против превосходящих сил противника. Мы надеялись, что Семенов и его три генерала должны во время прийти к нам на помощь, но, увы, Семенов передумал, обнаружив, что красные — серьезный противник. Вскоре налетел воздушный флот и начала бомбить нас. Поскольку у нас не было зенитных орудий, мы были беззащитны против аэропланов. Мы начали отступать в Монголию. На своем пути мы убивали в деревнях всех раненых красноармейцев, которых могли найти, а также крестьян, которые предоставляли свое гостеприимство страдальцам. Капитан Хребтов был особенно опытен в этом истреблении беззащитных людей.

Наконец, мы достигли нашей второй родины — Монголии. Войско было в печальном состоянии. Восстановить военную машину теперь было невозможно, так как наши лишние запасы и амуниция уже были в Улясутае. Более того, стало все более трудно обеспечивать людей питанием и одеждой, поскольку все русские и китайские фирмы были разрушены предыдущими реквизициями и мобилизацией персонала. Урга была захвачена красными, как и Ван-хурэ, Дзаин-шаби и Улясутай. Что случилось с нашим транспортом и двумя сотнями казаков, никто не знал. Барон решил двигаться в Урянхай, где он мог бы соединиться с генералом Бакичем в Чугучаке — известном месте, где русские офицеры продавали своих жен китайцам и таким способом содержали себя³⁷⁸.

Время шло, а мы, тем не менее, скакали к Мурэн-хурэ. Буряты и забайкальские казаки стали массами дезертировать. Все монголы попрятались, и страна выглядела пустой. Барон, с головой, свесившейся на грудь, молча скакал впереди своих войск. Он потерял свою шапку и обмундирование. На его голой груди, на ярко-желтом шнурке, висели многочисленные монгольские талисманы и различные амулеты. Он выглядел как перевоплощение первобытного обезьяночеловека. Люди боялись даже взглянуть на него. Примерно в семидесяти милях от Мурэн-хурэ мы

узнали, что это место занято красными так же, как и Хытхыл. Мы попали в новую ловушку, поскольку за нами следовали значительные силы коммунистов. Тогда офицеры послали двоих из своей среды к генералу Резухину, предлагая ему командование, так как уже никто не верил барону. Резухин ответил ста бамбуками каждому. Это стало последней каплей — терпение людей истощилось. Одной темной ночью наиболее верный Оренбургский отряд внезапно открыл огонь из пулеметов по палатке Резухина. Он был ранен. Как только капитан Нудатов начал перевязывать рану своему генералу, к ним сзади подошел казак и застрелил Резухина. В ту же ночь полковник Евфаритский навел свои пулеметы и послал несколько очередей в палатку барона. Барон выскочил наружу, вскочил на свою лошадь и ускакал в темноту. На сцену выбежал “Чайник”³⁷⁹ и остановился в изумлении, когда казак занес над его головой шашку. “Меня? Что ты делаешь?”, — спросил он, но в следующее мгновение клинок опустил на его голову, а остальные разрядили в его тело свои ружья. Барон внезапно вернулся в лагерь, и все остановились, как вкопанные, парализованные страхом. Они привыкли бояться его и подчиняться ему за долгие кровавые месяцы, и сейчас, когда он вновь появился перед ними, они стояли беспомощные, как дети. К счастью, капитан Макеев спас положение. Он схватил свое оружие и выстрелил. Барон поднял на дыбы свою лошадь и рванулся прочь в темноту, к своим самым верным бурятским полкам. Но, увы, они встретили его диким залпом. Теперь он повернул к монголам, но они ускакали галопом от своего Цаган Бурхана. Окровавленный, изнуренный и беспомощный, барон фон Унгерн-Штернберг сполз с седла и упал на землю без сознания. Тем временем, по лагерю распространился мятеж. Все палачи и доносчики были арестованы и зарублены шашками разъяренных казаков. Когда месть состоялась и ярость остыла, полковник Костромин принял командование и немедленно повернул войско к югу. <...>

А что же барон? Монголы не решились убить Цаган Бурхана, своего бога войны. Кроме того, они твердо верили, что он не может быть убит. Не получили ли они только что доказательства этому? Не только русские казаки стреляли в барона, но целый бурятский отряд выпустил несколько залпов в него, и что в результате? Пули не причинили вреда Цаган Бурхану. Теперь несколько сот монгольских всадников лежали на земле, обсуждая ситуацию. Наконец, они решили послать самых храбрых из них к изнуренному барону. Когда они добрались до бога войны, то с почтением связали его веревками и оставили там, где он лежал. Затем они галопом умчались в разные стороны, чтобы Цаган Бурхан не знал, за кем гнаться³⁸⁰. О чем думал барон в ту одинокую ночь? Страшная боль от веревок вместе с жаждой, голодом и холодом должны были вызвать в его возбужденном уме страдания, на которые он обрекал других. В темноте скрывалась смерть, поскольку местность кишела волками. Вероятно, он вспоминал свою собственную свору волков в Даурии, которой он скармливал некоторых из заключенных. Ворочаясь в мучениях, он должен был пережить несколько смертей до того, как взойшло солнце. Когда утро сменилось днем, жгучие лучи солнца должны были безжалостно жечь его голову и терзать невероятной жаждой. Я представляю, как снова и снова он впадал в горячку и ему виделось, что его самого привязывают к столбу и сжигают живьем, как он сжег многих за свою жизнь.

Между тем, небольшой разведывательный разъезд красных спустился в долину. Они заметили, что на некотором расстоянии кто-то лежит. Он слабо стонал, двигая лицом по траве в попытке избавиться от муравьев, которые поедали его живьем. Красные приблизились и спросили: “Кто ты, незнакомец?”. Барон пришел в чувство и крикнул в ответ в своей громоподобной манере: “Я — барон Унгерн!”

Разведчики развернули своих лошадей столь резко, что животные встали на дыбы. В следующее мгновение они бросились назад безумным галопом, поскольку такова была репутация барона за террор и жестокость, что все люди боялись его. Однако коммунисты вскоре вернулись. Они поняли, что глупо бояться человека, связанного по рукам и ногам. Теперь они спешили, развязали генерала, стерли насекомых с его лица и дали ему пить. Они слишком хорошо поняли только одно: что они получают славу и великую награду за передачу этого человека в руки пролетарского правительства. Они должны будут присутствовать на судебных заседаниях, их имена и фотографии, как героев, должны будут напечатать. Не только эти простые души, но и остальная красная команда хотела получить свою долю аплодисментов. В результате барон имел все удобства, какие мог пожелать. Его даже привезли в Верхнеудинск на первоклассной частной машине “пулльман”.

Позже, когда он был привезен на суд, все горько разочаровались, поскольку барона обвиняли не как воина и вражеского вождя, а как обычного бандита³⁸¹. Он был обвинен в убийствах и приговорен к смерти. В качестве жеста любезности, ему позволили умереть перед расстрельной командой, а не от петли. Когда новость о казни барона достигла Живого Будды, он приказал провести службы во всех храмах Монголии. Под аккомпанемент бронзовых цимбал и огромных барабанов, была прочитана последняя молитва о бароне фон Унгерн-Штернберге, перерождении великого Чингисхана и бога войны. <...>³⁸²

Alioshin D. 1941. Asian Odyssey. London – Toronto – Melbourne – Sydney: Cassell and Co., Ltd. P.219–268 (перевод С.Л. Кузьмина).

А.С. Макеев. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии³⁸³

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая книга моих воспоминаний абсолютно не является каким-либо выпадом против Белого движения, что может заключить непродуманная мысль поверхностного читателя, это есть фотографический снимок того, в каких иногда формах проявлялось Белое движение на этапах бело-красной борьбы. Прошли годы и ныне вы не найдете ни одного унгерновца, который бы не сохранил теплую память о своем жестоком и, иногда, бешено свирепом начальнике.

Барон Унгерн являлся исключительным человеком, не знавшим в своей жизни никаких компромиссов, человеком кристальной честности и безумной храбрости.

Он искренне болел душою за порабощаемую красным зверем Россию, болезненно чутко воспринимал все, что таило в себе красную муть и жестоко расправлялся с заподозренными. Будучи сам идеальным офицером, барон Унгерн с особой щепетильностью относился к офицерскому составу, который не миновала общая разруха и который, в некотором своем числе проявлял инстинкты, совершенно не соответствующие офицерскому званию. Этим людям барон карал с неумолимой строгостью, тогда как солдатской массы его рука касалась очень редко.

Будучи сам абсолютным бессребреником, барон Унгерн ставил в основу своих походов полную защиту мирного населения и последнее, ближе ознакомившись с унгерновцами, ценило это. Создав первоклассную по дисциплине и боеспособности Азиатскую конную дивизию, барон Унгерн всегда говорил, что или все они сложат головы, или доведут борьбу с красными до победного конца. Ни то, ни другое не осуществилось, барон трагически погиб и причиной этого был он сам. Отдавшись стихийным порывам жестокой борьбы с красными, он постепенно превратился в маньяка и сделал то, что боготворившая его дивизия принуждена была подняться против него бунт.

На фоне жестокой гражданской борьбы барон Унгерн невольно переступил черту дозволенного даже в этой красно-белой свистопляске и погиб. Так должно было быть и так об этом говорила та карма, о которой часто упоминал сам начальник Азиатской конной дивизии. Многие в его гибели и в гибели первоклассной боевой дивизии сыграли и некоторые окружающие, которые, по какому-то таинственному закону, всегда окружали тех идейных вождей, которые появлялись на фоне Гражданской войны за белую идею. И эти обреченные вожди прекрасно учитывали гнусную роль своих преступных помощников, но, опять-таки, каким-то роком, не могли отбросить их от себя, как моральную падаль, заражающую воздух.

Прошли года, и голос тех унгерновцев, которые на себе испытали жестокие удары бароновского ташура, тепло говорят о своем погибшем начальнике. А это указывает на то, что барон Унгерн-Штернберг был исключительный по идее и водительству человек и, если бы не неумолимая судьба, он сыграл бы со своими азиатскими всадниками крупную роль в борьбе с красными за Русь Православную.

Автор

УНГЕРН О СЕБЕ

— Мое имя окружено такими ужасными легендами, что человеку трудно разобратся, где правда и где вымысел или клевета, рожденная страхом и ненавистью. Семья баронов Унгерн-Штернбергов принадлежит роду, ведущему свое начало еще со времен Атилы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров.

Мои воинственные предки принимали участие почти во всех европейских столкновениях и войнах — были, конечно, и крестоносцами. Один из Унгернов сражался под начальством Ричарда Львиное Сердце и был убит под стенами Иерусалима... Даже трагический крестовый поход детей не обошелся без нашего участия, и в нем погиб Ральф Унгерн — мальчик одиннадцати лет. В XII столетии, когда орден меченосцев появился на восточном рубеже Германии, чтобы вести борьбу против язычни-

ков — славян, литовцев и латышей, между ними находился и мой прямой предок — барон Гальза Унгерн-Штернберг. Там был организован орден немецких рыцарей для распространения христианства огнем и мечом среди покоренных народов.

Генрих Унгерн-Штернберг, прозванный “Топором”, был странствующим рыцарем и победителем во многих турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. Он погиб в Кадисе, где нашел достойного противника, который разрубил его шлем вместе с головой. Барон Ральф Унгерн был пиратом и грозой кораблей, плававших в Балтийском море. Барон Петр Унгерн, также рыцарь-пират, владелец замка на острове Даго, из своего разбойничьего гнезда господствовал над всей морской торговлей того времени в Прибалтике. В начале XVIII столетия был известен некий Вильгельм Унгерн, занимавшийся алхимией и прозванный за это “братом сатаны”. Морским разбойником был и мой дед; он собирал дань с английских купцов в Индийском океане. Английские власти долго не могли его схватить, а когда его, наконец, поймали, то выдали Русскому правительству.

Я тоже морской офицер, но Русско-японская война заставила меня бросить специальность и перейти в Забайкальское казачье войско. Всю свою жизнь я посвятил войне и изучению буддизма. В Забайкалье я пытался создать орден военных буддистов, но безуспешно. Великий дух мира поставил у порога нашей жизни карму, которая не знает ни милости, ни злобы... Я имел намерение организовать в России орден военных буддистов. Для чего? Для защиты нормального эволюционного процесса и процесса человечества и для борьбы с революцией, ибо я убежден, что эволюция приближает нас к божеству, а революция — к зверю. Но мне предстояло работать в России, где крестьянство неграмотно, дико, грубо и поэтому ненавидит всех и все, не умея дать себе отчет, за что именно. Мужик подозрителен; у него нет никаких светлых идеалов, в то время как русская интеллигенция отдала свою душу мнимым идеалам, не имеющим никаких шансов на осуществление. Русские интеллигенты обладают способностью к критике, но не к творчеству... У них нет никакой воли и они только говорят, говорят, говорят... Как и русские мужики, они ни к чему не привязаны. Их любовь, их чувства — одно воображение... Их мысли, настроения роятся и умирают вместе с брошенными на ветер словами, не оставляя никакого следа...

Вот поэтому-то мои единомышленники очень скоро стали нарушать постановления ордена военных буддистов. Да, ордена мне организовать не удалось!.. Но все же я собрал вокруг себя триста человек изумительных смельчаков и храбрецов, выказывавших свое геройство на Германском фронте, а позже — в борьбе с большевиками. К сожалению, теперь из них уцелели лишь немногие.

Еще во время войны мы стали замечать постепенное разложение нашей армии и могли предвидеть революцию. Эта опасность породила мысль выработать план, по которому все монгольские племена, еще не забывшие своих старых верований и обычаев, должны были быть слиты в одно азиатское государство.

Некоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и, быть может, даже жестокость, не понимая того, что мы боремся не с политической партией, а с сектой разрушителей современной культуры... Разве итальянцы не казнят членов “Черной руки”?.. Разве американцы не убивают электричеством анархистов-бомбометателей?.. Почему же мне не может быть позволено также освободить мир от тех, кто убивает душу народа?.. Против убийц я знаю одно средство — смерть.

ЧЕРНАЯ ТЕЛЕГА

Было начало августа 1920 года. По приказу барона Унгерна, полки Азиатской конной дивизии — Анненковский и 1-й Татарский — выступили в 1-й Забайкальский отдел для борьбы с красными. Анненковским полком командовал войсковой старшина Циркулинский и Татарским — генерал-майор Борис Петрович Резухин.

В Даурии — цитадели барона — остались китайская сотня под командованием подпоручика Гущина, японская сотня капитана Судзуки и обоз. Над всем этим резервом начальствовать стал знаменитый человек-зверь — подполковник Леонид Сипайлов. Человек, в котором совместились все темное, что окутывает человека: садизм и ложь, зверство и клевета, человеконенавистничество и лесть, вопиющая подлость и хитрость, кровожадность и трусость. Сгорбленная маленькая фигурка, издающая ехидное хихиканье, наводила ужас на окружающих. После ухода полков и занятия ими красной Акши, барон улетел на аэроплане туда же. Сипайлову было приказано забрать все снаряды, винтовки, патроны и с охраной идти на Акшу.

В конце августа выступили. Обоз был огромный. На 89 подводках везли снаряды, на 100 арбах — муку и шли еще подводки с другим имуществом. Подрядчиком всего этого передвижения был татарин Акчурин. В транспорте шла знаменитая “черная телега”. Это была кибитка, в которой было уложено 300 тысяч золота и масса драгоценнейших подарков для монгольских князей. Там были вазы, трубки, статуи — все чрезвычайно ценное, как по качеству, так и по исторической древности. Каждые десять подводок сопровождал один баргут, а, кроме того, в числе обозников было 25 русских солдат, прибежавших перед отходом из Маньчжурской дивизии. Китайская сотня шла впереди, японская же позади.

Транспорт тронулся и в течение семи дней шел спокойно и благополучно. Бивуак седьмого походного дня расположился, как и раньше. Китайская сотня впереди, за горой, верстах в четырех и японская при транспорте. Так было лучше, ибо верность китайцев была шаткая. Но приехал командир китайской сотни подпоручик Гущин и испортил все настроение. В спокойном эпическом тоне он доложил Сипайлову, что у него в сотне что-то неладное.

— Мой вестовой достал сведения, что китайцы хотят поднять восстание, нас офицеров перебить, потом напасть на транспорт и захватить “черную телегу”, — говорил он.

Невероятного здесь ничего не было, от китайцев ожидать этого было можно, а потому приступили к контрмерам. Всех русских обозников и баргутов вооружили и стали ждать, что будет. Предупредили японского командира, но последний отнесся к такому известию с большой иронией, указав, что китайцев бояться более чем смешно. Гущину предложили с офицерами на ночь переехать в транспорт, но он категорически отказался, заявив, что “может быть ничего и не будет, а, кроме того, офицерам уходить с поста непозволительно”. Больше его не уговаривали, и он уехал к своим китайцам. Легли спать, а в три часа ночи поднялась тревога.

Со стороны китайского бивуака слышалась стрельба. Восстание началось, нужно было ждать нападения, и нужно было спасать “черную телегу”. Трех офицерам и одному солдату, конвоировавшим ее, было приказано немедленно же уезжать в степь, остановиться на первой заимке и ждать там приказаний. “Черная телега”

умчалась. Русские и баргуты заняли позицию, и не прошло десяти минут после этого, как через табор промчались конные. Это были китайцы. По ним открыли огонь, и они скрылись в ночной темноте. А ночь была темной — глаз выколи, почему стали ждать рассвета и только тогда вести наступление на китайский бивуак. Рассвело. С громким “ура” бросились в китайскую ложину, и тут же с правого фланга понеслось “банзай”. Это пошли в атаку японцы. Со стороны бивуака зажужжали пули, а вскоре в сторону степи помчались пять всадников. Впоследствии оказалось, что это были казаки с ближайшей заимки, которые, услышав стрельбу, прискакали на помощь русским, а в утреннем тумане приняли нас за врага. Китайский бивуак представлял хаотичную картину, и офицерская палатка была свалена. Подошли к ней и в ужасе остановились. Гуштин лежал мертвым с вытянутыми руками, а рядом с ним, уткнувшись лицом в землю, лежал его субалтерн-прапорщик Кадышевский. Этот был ужасен. В него, в упор, всадили несколько пуль, и внутренности несчастного расплозлись по земле во все стороны. Тут лежали зверски убитые четыре русских солдата и один бурят. Два солдата успели спастись, и один из них Р., раненый в мошонку, рассказывал, что все заснули, часовой также задремал и не видел, как поднялись китайцы. Здесь же, на заимке, был убит пулей в сердце бурят. Он сидел около печки на скамейке, и когда вошли в помещение, казался жив, но на вопросы не отвечал. Когда же его похлопали по плечу, бурят повалился. Моментальная смерть. В погребке заимки нашли еще раненого солдата. Печальное было утро. Убитых привели в порядок, вырыли братскую могилу, прочли над ними молитву и похоронили. И стали искать знаменитую “черную телегу”. Где она? Что с нею, когда ночью в степи были слышны разрывы гранат? Нашли случайно. Подъехали к заимке Токмакова, наглухо закупоренной, и там нашли “черную телегу” офицеры-конвоиры, которые решили на заимке отбиваться, если подойдут хунхузы. Транспорт двинулся в Кыру, где был Унгерн. О восстании он знал уже от бурят и щедро наградил всех за спасение “черной телеги”.

МАРШ ЗА РЕЧКУ!!!

Муку к барону Унгерну в Кыру привезли с большими трудностями и громадными расходами. Перевозка пуда муки обошлась 2,50 золотых рубля, почему этот продукт в отряде ценился на вес золота. Из Кыры обоз с мукою был отправлен в Алтан. Обоз вел один чиновник, и мука погубила его. Переправлялись через какую-то речку и всю муку подмочили. Барон озверел. Орал на свой штаб, избил ташуром вестового Бурдуковского, а потом приказал: “За подмоченную муку чиновника пороть, а потом утопить в этой же речке”. Несчастного выпороли и утопили. Унгерновский кошмар начинался в новой обстановке.

Дивизия должна была идти в станицу Мензу, где сосредоточились красные, но так как прямой путь туда был возможен лишь только одиночным всадникам и пешеходам, барон решил идти через Монголию. Вышли в поход и вскоре пришли в Алтан, где и расположились на дневку. Здесь была окончена судьба алтанского священника. По докладу казаков, этот священник очень критически относился к беглым, что для барона было достаточно. Правда, он отнесся к священнику на допросе деликатно и лишь приказал ему немедленно покинуть поселок, но о дальнейшем

умолчал. Несчастный деревенский попик быстро выехал из поселка, а вслед ему поскакал ротмистр Забиякин с особым приказом Унгерна. Он нагнал священника и застрелил его в телеге.

Вышли на Мензу, пошли по Монголии. Барон отдал приказ по дивизии: “Чинам отряда усиленное довольствие, но спиртные напитки запрещаются под страхом жестокого наказания”. Унгерновский приказ — больше чем приказ, но русская натура тоже штука крупная!

На втором переходе дивизия остановилась около большой и глубокой речки. Развели костры, стали жарить баранину и отдыхать. Японцы шли на особом положении, и им разрешалось выпивать в походе китайскую водку — хану, чем не преминули воспользоваться и наши. Интендант дивизии капитан С.Д. Россианов, сотник К.И. Парыгин и хорунжий Пинигин раздобыли каким-то образом “ханушки” и загуляли. Слышит барон из своей палатки, что очень весело на бивуаке и доволен — у людей настроение хорошее, пока урядник Терехов не донес ему, что господа офицеры хану пьют.

“Сотника Парыгина, капитана Россианова и хорунжего Пинигина!!!” — разнеслось вечером по лагерю, и у многих на сердце похолодело. Такие приглашения никогда не сулили хорошего. В широченных шароварах подходил к нему сотник Парыгин и хорунжий Пинигин. Россианова найти пока не могли. Он спал где-то под кустом. Диалог начался с полутонов. “Вы водку пили?” — сумрачно спросил Унгерн. Молчат. “Для лысого черта я отдаю приказ или для вас? Офицеры сами нарушают дисциплину! Безобразия! Преступление!.. Расстреляю, как собак бешеных!” — уже орал барон. Провинившиеся молчали, и лишь дрожали пальцы их у козырька фуражек. “Марш за речку, марш!” — заорал Унгерн. А был сентябрь месяц, вода в речке была холодна, да и вечер был прохладный. “Ваше Превосходительство, простите!” — пытались умолять жертвы. “Марш или сейчас на месте пристрелю!” Офицеры медленно пошли к речке. Они оглядывались, но, видя лишь размахивание ташура, шли дальше. Весь лагерь смотрел на эту дикую невиданную картину. Подошли к речке, еще раз оглянулись. Сотник Парыгин первый вошел в воду. Вот несчастные по пояс, вот по горло в воде, вот уже поплыли на другую сторону, и в лучах заходящего солнца лишь отблескивали на плечах серебряные погоны.

Но картина продолжалась. Около Унгерна стоял несчастный капитан Россианов. Он дрожал как в лихорадке, и последний запах ханы уже давно испарился из его головы.

“Ты — с.с., интендант! Мошенник! Ты водку вздумал пить. Приказ нарушать, я ж у тебя все алкоголистические соки вытяну. Я из тебя сделаю трезвенника, алкогольная шкура... Я тебя приведу в христианский вид!” — “Ваше Превосходительство! Ей Богу, больше ни рюмочки не выпью... Вот крест святой”, — уныло защищался интендант.

“Бурдуковский”, — уже ревел Унгерн, и когда этот забайкальский “квазимодо”, чудовище лицом и душою явился, барон приказал ему: “Связать!”

С довольным видом “квазимодо” бросился за веревками и стал связывать руки капитана. “Балда, как вяжешь!.. Под мышки вяжи”, — гремел барон. “А то эта интендантская пьяная крыса плавать не умеет... И тащи его в речку. Ну, марш в речку.”

ку!..” Интенданта потащили в речку, а он все время не переставал молить и утверждать, что ни рюмочки больше не выпьет. Сволокли капитана в воду и он осторожно пошел к середине речки. Потихоньку чертыхался, а когда вода стала ему по горло, представление приняло трагикомический характер. Вся дивизия во главе с Унгерном стояла на берегу, а барон продолжал отдавать приказания: “Нырйай, пьянчужка!” Интендант нырйал. “Еще нырйай!” Опять нырнул. “Еще нырйай!” Интендант нырнул еще, и на поверхности воды показались пузыри. “Бурдуковский, вытаскивай его, а то еще утонет интендантская крыса!”

Бурдуковский потащил за веревку и вытащил из глубины, как рыбу, несчастного капитана. “Ну, марш к приятелям за речку!” — кричал барон, и Россианов с большим трудом доплыл до берега и присоединился к компании. Со всех ручьями текла вода, а наступала ночь, и холод становился острым и пронизывающим, “Зажгите костер, пьяницы!” — кричал им барон. “Ваше Превосходительство, здесь нет ни сучочка!” — неслоь оттуда. “Послать им туда топлива. Чтобы эта пьяная кампания не сдохла, дежурному офицеру делать им переключку через каждые десять минут”, — отдал он приказ, круто повернулся и ушел в палатку. Наступила темная ночь. Лагерь спал, а над его сонным затишьем через каждые десять минут громко неслоь: “Капитан Россианов? — Я! — Сотник Парыгин? — Я! — Хорунжий Пинигин? — Я!” Так прошла ночь. На утро провинившимся офицерам подали лошадей, и дивизия выступила дальше. Нарушать приказ барона больше никому не хотелось.

ПЕРЕД УРГОЙ

Азиатская дивизия барона Унгерна шла форсированным маршем по Монголии, направляясь к станции Мензинской. Долгое время шли лесом, который горел страшным лесным пожаром, и только узкая полоска — дорога оставалась пощаженной языками пламени. По сторонам дороги, тут и там, валялись обуглившиеся трупы лошадей — погибшие монгольские стада, палил жар, было душно, и поход казался адом. Не доходя двух переездов до стыка — поворота на Ургу и Мензу, в дивизию прискакали два монгола. Они доложили барону, что в ургинской тюрьме китайцы, по соглашению с красными, держат в кошмарных условиях сто русских офицеров, женщин и детей. Барон загорелся. Дивизия остановилась, а через полчаса в сторону Урги поскакали полковник Хатакиама и полковник Лихачев. Но что произошло с ними в дороге — знал только барон, они вернулись, и вместо них в Ургу, к китайскому губернатору, знаменитому Го Сунлину, помчались монголы с приказом от Унгерна: немедленно же освободить арестованных. Дивизия направилась на стык. Там ждали ответа пять дней, но китайский генерал не отвечал, и Унгерн отдал приказ: “На Ургу! Освободить переметные сумы. Обозу остаться на месте. Поход переменным аллюром”.

Быстро подскочили к Урге, заняли ургинские высоты и два раза вели наступление 24 и 26 сентября. Наступления окончились неудачно, так как при колоссальном превосходстве противника в числе, оружии, при морозе и при спешном наступлении, унгерновцы цели не достигли.

Погибли люди, много было раненых и обмороженных. В лобовой атаке был ранен в грудь командир Анненковского полка войсковой старшина Циркулинский,

а комендант дивизии подполковник Лауренц — в руку. Дивизия после неудачи отошла на 60 верст в сторону Хайлара — на восток. Командиром Анненковского полка был назначен поручик Царегородцев, в офицерскую сотню которого был отправлен есаул М. (автор настоящих воспоминаний) за то, что отправил письмо Унгерну с просьбой откомандировать его из обоза. Полк принял есаула М., как чина унгерновского штаба, с большим неудовольствием и подозрением. Офицеры полка что-то замыслили и обращались с новоприбывшим с осторожностью. Дивизия же переживала тяжелые дни. В течение 20 дней ни у Унгерна, ни у простого всадника не было ни соли, ни муки. Барон ходил свирепый, а интендантские чиновники прятались от него, как мыши от жестокого кота. Но барон и здесь вышел из положения. Он отправил сотню хорунжего Хоботова на тракт Урга–Калган с приказом: все караваны задерживать и отправлять в дивизию. И скоро в дивизии появилось все, начиная от шелка и кончая монгольскими ножами, жареными курицами и шампанским.

В эти дни в дивизию пришли тибетцы. Сотня под командованием хорунжего Тубанова. Командир их был бурят, окончивший в Верхнеудинске четыре класса среднеучебного заведения, а остальные — самые настоящие тибетцы, воинственные и свирепые люди, на прекрасных лошадях и хорошо вооруженные. Интересный народ были эти тибетцы, и русские ходили смотреть, как они пьют и едят из особой посуды: из человеческих черепов, края которых были заделаны в золото и серебро.

Барон сумрачно молчал, а дивизия тревожно ждала, пока не разразилось новое несчастье. В Анненковском полку офицеры таинственно между собой шушукались, и вид был у них очень подозрительный. Барон в это время уехал в обоз, и за него остался генерал Резухин. Есаул М. подошел к нему и говорит: “Слушай, Ваше Превосходительство, а у нас в полку что-то неладное. Ты смотри, прими это к сведению, а то как бы плохо не было...” — “А, иди ты к чертовой бабушке! Надоели вы мне все. Вечно что-нибудь выдумают”, — пробурчал Резухин и отвернулся.

Наступила ночь, приехал барон, и все как будто успокоилось. Но утро было зловещим. Офицеры Анненковского полка во главе с командиром поручиком Царегородцевым поседлали лошадей и бежали. Остались одни солдаты, да часть офицерской сотни, которая была в заставе.

Есаул М. влетел в палатку к Унгерну. Последний сидел вместе с Резухиным и о чем-то беседовал. “Ты чего влетел как сумасшедший? Тебя кто просил?” — обратился он к М. “Ваше Превосходительство, офицеры Анненковского полка бежали!” — резко доложил тот. “Что-о. Бежали!? А ты что смотрел? Ты где был?” — заревел барон. “Ваше Превосходительство, я докладывал генералу Резухину, но он не стал слушать”, — оправдывался М. “Так. Что же ты, старая калоша, мне ничего не доложил?” — обернулся барон к генералу. “Прости, Ваше Превосходительство, забыл”. Унгерн заметался по палатке. Гроза надвигалась, и страшно стало М. и Резухину. “Ну, ты проворонил, ты и исправляй. Что будешь делать?” — резко крикнул барон Резухину. Тот опустил голову и молчал. “Послать немедленно тибетцев в погоню и приказать, чтобы они живыми или мертвыми всех мерзавцев привезли. А ты, М. прими временно полк. Ну, марш из палатки оба”, — мрачно и резко сказал Унгерн и сел на походную кровать. Бежавших всех перебили, а пять захваченных живыми — выпороли и повесили. После этого полк не представлял прежней цель-

ной единицы. Через несколько дней командиром был назначен полковник Лихачев, а офицерский состав был пополнен из Татарского полка.

Рок же несчастья уже висел над дивизией, и черные новости выплывали одна за другой. Унгерновский адъютант поручик Ружанский по подложному документу получил в интендантстве 15000 золотых рублей и бежал, но был пойман и расстрелян вместе с женой. Унгерн смотрел на всех зверем, и люди боялись попадаться ему на глаза. Унгерновский террор входил в силу. Стоял тихий вечер. Шел крупными и тяжелыми хлопьями снег, когда по лагерю разнеслось: “Есаул М., к начальнику дивизии!..” Фигура в бараньей шубе шерстью наружу, страшная и встревоженная, прокатилась к палатке Унгерна. “Честь имею явиться, Ваше Превосходительство!” — “Ты грамотный?” — “Так точно, грамотный!” — “Ну, так книгами ведать будешь. Понял? Адъютантство, значит, примешь. Ружанский убежал, так ты вместо него. Да смотри, канцелярию у меня не разводить. Ну, вались. Палатка рядом”.

НА КОСТРЕ

Дивизия выступила на Керулен. Керулен — глубокая речка, впадающая в озеро Далай-нор. Здесь остановились на зимовку и построили зимний бивуак. Быстро монголы навезли юрты, обоз пополнился из калганских караванов, которые часто пригоняли на бивуак, построили сотенные помещения из леса, построили прекрасную баню, провели по лагерю идеально чистые дорожки и начали варить мыло, в котором дивизия имела недостаток. До обеда вели занятия.

В один из холодных дней, рано утром, барон приказал оседлать лошадь и один, даже без вестового, уехал. Никто не знал, куда он потерялся, но Унгерна не было десять дней. Дивизия начала волноваться. Без “дедушки”, как его звали, та обстановка, в которой находилась дивизия, вызывала тревогу. Штаб предполагал, что барон уехал в Хайлар, но это были только догадки. Среди всадников начались лишние разговоры; старший командный состав был озабочен, пока, как всегда было у Унгерна, последний также незаметно появился, как и уехал.

Вечером около его палатки послышался звук копыт и тяжелый сап лошади. Барон соскочил с коня и резко спросил есаула М.: “Что нового?” — “Ничего, Ваше Превосходительство, кроме того, что волновались все. Вас потеряли” — “Ну, пойдем, пройдемся. Посмотрю, все ли в порядке”. Везде было чисто. Дежурные на местах. Лошади на пастбище, а быки в загоне. Кроме одного. Проклятый вышел на заднюю площадку, разлегся там и хвостом попал в то место, где оставил свою визитную карточку. Барон подошел к волу. Задумчиво толкнул его ногою, вол хотел встать, но не мог. Хвост у него примерз к карточке. Барон недовольно буркнул, ушел к себе и приказал адъютанту есаулу М. жалования за очередной месяц не платить. “Плохо за быками смотрел”.

Вскоре после приезда Унгерна к нему съехались монгольские князья. На съезде решили выступить против китайцев и спасти Богдо — “живого бога”, находившегося у них в почетном плену. Князья объявили мобилизацию цириков — солдат, а один из князей, имевший типографию, разослал по всей Монголии воззвание князей.

Дело начиналось, а с ним шли и новости. Все раненые, обмороженные и женщины находились от дивизии отдельно. База для них была построена в 200 верстах

от Хайлара, и комендантом ее был назначен прапорщик Чернов, бывший начальник полиции одного из городов Западной Сибири. Это был красавец мужчина и человек крутого нрава. Трагедия началась в обозе. Из Урги, Троицкосавска и других пунктов на Керулен ежедневно прибегали офицеры, их жены, семьи, шли штатские и военные. Военные зачислялись в дивизию, семьи отправлялись в обоз. Однажды в лагерь приехал с женою статский советник Голубев. Жена у него была замечательная красавица, а сам он — человек с большим самомнением и авторитетом. Унгерн принял его вежливо, беседовал с ним, чем Голубев, не знавший бароновского характера, решил воспользоваться и стал давать советы политического и иного характера. Барон долго крепился, потом не выдержал и приказал Голубева выпороть: “Выпороть Голубева. Он из интендантства, а, следовательно, мошенник”. Голубева повели на истязание. Жена, взволнованная и возмущенная, влетела к Унгерну в палатку, и... ее барон приказал также выпороть. Выпороти. Несчастную женщину после этого отправили в обоз, а мужа назначили рядовым в полк.

В обозе женщина вылечилась, и за ней стал ухаживать комендант. По правде, они были великолепной парой. Оба красивые, статные. Кончилось тем, что госпожа Голубева переселилась в юрту Чернова. Барону об этом донесли, но он промолчал и лишь усиленно наблюдал, что будет дальше. А дальше было не за горами.

Чернов по натуре был человек жестокий и самодур. Он не терпел возражений и на этой почве расстрелял двух казаков. Унгерну донесли. Было произведено негласное дознание, из которого барон узнал, что в поощрении самодурства виновна и госпожа Голубева. Чернов был вызван в дивизию. Он приехал, но барона не было. Есаул М. устроил его у себя в палатке и так как не знал в чем дело, то пошел доложить о приезде прапорщика генералу Резухину. “На лед эту сволочь!” — приказал генерал, а сам отправил конного к барону. Унгерн прислал Бурдуковского с приказом: “Выпороть Чернова и сжечь живьем”.

Среди лагеря рос огромный столетний дуб. Его ветви широко расстились над землей, и этот дуб стал участником страшного дела. Вокруг него разложили громадные кучи сухого хвороста, обильно полили “ханюю” и стали ждать. В это время вблизи совершалась жестокая экзекуция. Чернова били. Ему дали 200 бамбуков; тело его превратилось в кровавые лоскутья. Голубева привели к дубу. Привязали и подожгли хворост. Весело защелкали сухие ветки, и огненное пламя высоко взметнулось к вершине. На казнь пришла смотреть вся дивизия, но через несколько минут почти все ушли. Жгутые нервы унгерновцев не выдержали страшной картины. Было жутко и противно за человека, за его дела и ум. Около казни остались немногие. Среди них: торжествующий “квазимодо” — Бурдуковский, ротмистр Забиякин и хорунжий Мухаметжанов — личные враги сжигаемого.

Чернов горел, но, испытывая жесточайшие муки, он не произносил ни одного слова, и ни одного стога не вырвалось у него из груди. Но, когда огненные языки стали лизать его туловище, а кожа на ногах завернулась, как завертывается подошва, брошенная в огонь, и сало полилось и зашипело на ветках, несчастный поднял голову, вперился страшный, жуткий взгляд на нескольких зрителей человеческих мук, людей-садистов, отыскал среди них Мухаметжанова, выпрямился и через весь костер, с вышины, плюнул хорунжему в лицо. Плевков угадал в цель. После этого жи-

гаемый вперил свой взгляд в ротмистра Забиякина, долго смотрел на него и потом бросил: “А за тобой, Забиякин, я сам приду с того света и там создам такой эскадрон, что самому барону страшно будет”. После этого силы оставили его, голова сжигаемого опустилась и он, по-видимому, впал в бессознание. Скоро веревки перегорели, и труп несчастного упал в костер. Он обуглился, а волосы на голове превратились в череп негра — курчавый из черного пепла барашек. Труп Чернова “бурдуковские” выбросили в овраг.

РАСПРАВА

После страшной казни прапорщика Чернова прошло несколько дней. Барон был уверен, что в расстреле казаков принимала косвенное участие госпожа Голубева, и приказал вызвать ее из обоза в дивизию. Госпожа Голубева приехала. Эта отважная женщина-красавица не льстила себя надеждой на что-либо хорошее, но из чувства гордости и женского достоинства приехала на казнь. Барон приказал поместить ее в юрту к японцам. Те были ошеломлены, поражены ее красотой, и любезность их была бесконечной. Прошло часа два. Барон вызвал к себе мужа Голубевой и сказал ему: “Ваша жена ведет себя непристойно. Вы должны сами наказать ее”. “Как наказать, Ваше Превосходительство?” — “Дадите ей 50 бамбуков”. Голубев замер, а барон обратился к адъютанту: “Ты будешь наблюдать, и если муж плохо будет наказывать свою жену, повесить их обоих. Понял? Идите”. Голубев шел пошатываясь. Потом остановился и говорит: “Есаул! Мы были с Вами в хороших отношениях. Помогите мне. Дайте мне револьвер, и я сейчас же застрелюсь”. “Бросьте говорить глупости. За эти Ваши слова и меня барон повесит”, — ответил тот. Описывать жестокую картину экзекуции не стоит, она жутка, безнравственна, но несчастная женщина выдержала казнь без стоны и мольбы. Молча встала и, пошатываясь, пошла в поле.

Потрясенный зрелищем, адъютант приказал вестовому взять ее под руку, а сам с докладом отправился к барону: “Ваше приказание выполнено!” — “Хорошо, послать ее на лед, пусть там еще посидит”, — сказал он. — “Ваше Превосходительство, да она и так еле жива”. “Молчать и исполнять то, что я говорю. Не сдохнет!” Адъютант понуро зашагал к жертве: “Слушайте, мадам, меня Вы простите, но что я могу у него сделать, когда каждую минуту жду Вашей же участи. Барон приказал Вам идти на лед”. Женщина молча пошла к реке. Дошла до середины, зашаталась и упала. Адъютант поднимал ее и уговаривал встать: “Мадам, подержитесь немного еще. Вы же замерзнете”. Но женщина не поднималась, и офицер бросился к барону: “Ваше Превосходительство, она стоять не может. Замерзнет еще”. — “Ну, ты раскис от юбки. Скажи ей, что если она не будет ходить, то еще 25 бамбуков получит. Ну, марш, юбочный угодник!” Женщина, шатаясь, ходила по льду, а адъютант стоял на берегу и смотрел. Его нервы, привыкшие ко всему, не выдерживали картины истязания женщины. Прошел час, и из юрты Унгерна послышался крик: “Есаул М.!” Тот бросился на зов. “Ну, как она? Ходит?” — “Так точно!” — “Ну, черт с ней. Еще замерзнет. Прикажи ей выйти на берег, набрать хворосту и разжечь костер”. Есаул М. быстро вышел, крикнул своего вестового и приказал ему набрать сухих дров, разжечь огонь, предупредив его, чтобы делал он это так, чтобы барон не знал. Вестовой бросился в лес и

скоро наташил оттуда хворосту на пять ночей. Среди темной ночи пылал огромнейший костер, а около костра видна была одинокая фигура женщины. Прошла ночь.

Утром барон вызвал адъютанта, расспросил, как наказываемая женщина провела ночь, и приказал: “Голубеву я назначаю сестрой милосердия в госпиталь. Пусть старательным уходом за ранеными заглаживает свое преступление и пусть туда идет пешком”. “Ваше Превосходительство, так ведь госпиталем заведует Сипайлов”, — сказал адъютант. “Ну, так что же?” — резко спросил барон. “Да так, ничего, сами понимаете, Ваше Превосходительство”. “Ну, ну, я покажу этому старому ослу”, — промышчал барон и вышел из юрты. “Мадам, барон назначил Вас сестрой милосердия в госпиталь. Вы туда пойдете пешком, но я вышлю туда же подводу, как бы за продуктами, и Вы на ней поедете, но смотрите по сторонам — барон приказал Вам идти пешком. Госпиталем заведует Сипайлов”.

“Боже мой, опять ужас!” — заплакала женщина. “Ничего Вы не бойтесь, я сам проеду и кое-что передам этому типу”. Прошло несколько дней, и М. поехал снова в госпиталь. Голубева работала и передала адъютанту, что Сипайлов к ней относится так, как будто ее не замечает. “Да это так и должно быть, потому что я пригрозил ему от имени барона. Вот он и тих”. “Да, но вот от Бурдуковского я получила записку. Читайте”. М. взял обрывок бумажки и прочел: “2 января приходите ко мне на свидание, на то место, где заворачивает речка, к 10 часам вечера, а если не придете, то поговорим. Женя Бурдуковский”. “Квазимодо” действовал. М. забрал у Голубевой бумажку и помчался к барону. “Ваше Превосходительство, долго эта сволочь будет проявлять свои низменные инстинкты?” — возбужденно сказал он Унгерну, зная, что последний органически не переваривает эту сторону человека. “Что такое?” — угрюмо промышчал тот. “Да смотрите, что проделывает Бурдуковский!” — и он передал барону записку. “Ах, животное, ах, подлец, что он делает... Бурдуковского!!!” — заорал барон, и когда “квазимодо” влетел в юрту, Унгерн начал полосовать его ташуром. В полубессознательном состоянии вытащили бароновского “личарду” и унесли в соседнюю юрту.

ВЗЯТИЕ УРГИ

Унгерн решил взять Ургу и отдал приказ о выступлении с Керулена. К моменту нового похода в Азиатскую дивизию влилась прибывшая сотня войскового старшины П.Н. Архипова, бежавшего от китайцев и по дороге сформировавшего из казаков сотню в 90 человек. С этой сотней прибыл к Унгерну и доктор А.Ф. Клингенберг. Перед выступлением Унгерн отдал строгий приказ о полном запрещении употреблять спиртные напитки, что заставило полковника Лихачева с частью офицеров справить поминки по алкоголю и напиться до положения риз. А в этот момент приказано было седлать, строиться и выступать. Лихачева с трудом разбудили, но хмель еще не вышел из его головы, когда он подъехал к выстроенному полку и скомандовал: “Полк, за мной марш!” и помчался как угорелый. Полк поскакал за ним, потерял всякий строй и такой конной кучей наскочил на Унгерна. “Стой, мерзавцы”, — заорал тот, и этот оклик привел в себя всю массу скачущих неизвестно куда всадников. “Слезай!” — раздалась бароновская команда. “Командир полка и все офицеры пешим порядком марш!” Дивизия выступила, а позади нее шел коман-

дир Анненковского полка и офицеры. Дорога была сплошной каменной щебенкой, по которому они шли два перехода. В конце последнего Лихачев подошел к генералу Резухину и доложил: “Ваше Превосходительство, я больше не могу, и если мне прикажут еще идти дальше пешком, я застрелюсь”. Барон отправил Лихачева в обоз, а полк здесь же расформировал, влив его в Татарский полк. Дивизия двигалась, и в это время в нее прискакал хорунжий Немчинов. Из Урги он прямо явился к барону и доложил ему: “Ваше Превосходительство, я приехал, чтобы убить Вас. Меня послали для этой цели китайцы. Делайте со мной что хотите, но вот Вам цианистый калий и деньги — две тысячи, которые дали мне китайцы как задаток”. Барон остался спокоен. Взял цианистый калий, деньги вернул Немчинову и приказал ему оставаться при нем. Унгерн задал ряд вопросов прибежавшему о положении в Урге, и последний рассказал ему, что этот красный город, в отношении русских, управляется красной управой, во главе которой стоят коммунисты: священник Парняков, как председатель, и его заместитель, еврей Шейнеман. Русские офицеры, их жены и дети, по ходатайству и сношениям с китайской военной властью, все заключены в тюрьму и находятся в ужасных условиях. Тюрьма не только не отапливается, но стоит вся с выбитыми окнами, и те лохмотья, которые имеют арестанты, служат им даже не подстилкой или покрывалом, а для затыкания окон от мороза и ледяного ветра. Особенно страдают женщины и ни в чем неповинные дети, а когда один из них застыл от стужи и голода, тюремная администрация выбросила его трупик за тюрьму, и мертвого ребенка съели собаки. Кроме этого, китайские заставы ловят бегущих из Урянхайского края офицеров-одиночек и семейных и передают их в Ургу. О задержанных запрашивается красная управа, которая, узнав, что это офицеры или офицерские семьи, уведомляет китайские власти, что лучшее место для этих людей — китайская тюрьма. Китайцы бросают несчастных туда, куда рекомендуют русские коммунисты. Когда барон выслушал этот рассказ, он весь побелел от гнева и резко сказал присутствующим старшим офицерам: “Я не делю людей по национальностям. Все — люди, но здесь я поступлю по-другому. Если еврей жестоко и трусливо, как подлая гиена, издевается над беззащитными русскими офицерами, их женами и детьми, я приказываю: при взятии Урги все евреи должны быть уничтожены — вырезаны. Это им заслуженная месть за то, что не скрутили рук своей гадине. Кровь за кровь!”

Подходили к Урге. Азиатская дивизия шла в составе тысячи человек, включая сюда обозных, интендантских и прочих “мертвых” бойцов. Барон окружил Ургу мелкими частями со всех сторон, для чего разослал сотни, а при себе, в главных силах, оставил: бурятский дивизион, татарскую сотню, русскую сотню, два орудия и несколько пулеметов. Этими силами повели наступление на Ургу со стороны Калганского тракта. Наступали весело и быстро. В одно мгновение сбили китайцев с первых позиций и двинулись на Верхний и Нижний Маймачен. Здесь китайцы жестоко сопротивлялись два часа, но были разбиты и бежали, оставив массу винтовок и маузеров. У унгерновцев были раненые. Наступление не прерывалось, и 1 февраля 1921 года все командные высоты над Ургой были взяты. Отряд расположился на священной горе Богдо-ула. Верстах в четырех была Урга. Барон смотрел на этот знаменитый город, который он решил взять.

В этот момент на взмыленном коне подскакал тибетец и передал Унгерну донесение от хорунжего Тубанова. Тот коротко писал: “Я выкрал Богдо-гэгэна из дворца

и увез на Богдо-улу”. Барон загорелся от радости и крикнул: “Теперь Урга наша!” Оказывается, что тибетцы открыто подошли к дворцу Богдо, находящемуся у подножья священной горы, лихим налетом, с дикими криками напали на тысячную китайскую охрану, и, пока китайцы в панике метались по дворцу, дикие всадники ворвались в последний, нашли там “живого бога”, вытащили его наружу, положили через седло и ускакали. Налет был лихой, а то обстоятельство, что “живой бог” был спасен из китайского плена и находился при дивизии, имело громадное значение. Скоро весть об освобождении Богдо-гэгэна обошла все части, и на священной горе послышались раскаты русского могучего “ура”.

Наступил новый день. Барон вызвал поручика Тастухина и приказал ему зажечь в створе Богдо-улы и радиостанции два громадных костра. Вечером же было приказано всему отряду разжечь костры на горе из расчета один на трех. Этим обманывали китайцев. А в 12 часов ночи весь отряд, держа направление по огненному створу, пошел в направлении на радиостанцию на горе Мафуска, обошел ее справа, спешился и быстро двинулся в наступление на гору и на китайские казармы.

Первые китайские части были моментально сбиты. Через высокую стену казарм перелезли два всадника, отогнали караул, открыли ворота и унгерновцы с бешеным “ура!” ворвались в китайский гарнизон. Там стояло восемь рот, которые попытались было сопротивляться, но от неожиданности и растерянности не выдержали и бросились в сторону Маймачена. На рассвете унгерновцы повели наступление на Маймачен, но были встречены адским огнем и отошли. Барон стал проводить другой план. Две сотни он отправил в лоб, а остальные в конном строю бросились во главе с генералом Резухиным к южным маймаченским воротам, ворвались в город, и здесь, пройдя сажен двести, изо всех домов, с крыш и из переулков были осыпаны градом пуль и забросаны ручными гранатами. Генерал Резухин спешился и начал уличный бой. Бой самый жестокий и самый упорный. Засевших в кумирнях и домах китайцев забрасывали гранатами или поджигали, так как дрались китайцы ожесточенно. Сам знаменитый Го Сунлин успел бежать на автомобиле и прорвался в Калган. Штаб его остался, засел в доме и в течение нескольких часов засыпал пулями снежные улицы. Наконец дом подожгли, а китайский штаб полностью перестреляли.

Пока в Маймачене шел уличный бой, сотни Архипова и Хоботова ворвались в Ургу и освободили тюрьму — главную цель похода на этот город. Освобожденные были найдены в жутком положении. Тюрьма не отапливалась, окна в ней были выбиты, и русские женщины, дети и офицеры были найдены в полузамерзшем состоянии. Они были на грани смерти и, когда узнали о свободе, плакали, смеялись и целовали Хоботову ноги.

Китайский гарнизон Маймачена и Урги состоял из восьми тысяч, войска были прекрасно вооружены. К вечеру 3 февраля 1921 года Маймачен и Урга были совершенно очищены от китайцев. Урга была взята.

БАРОН В УРГЕ

Приказ барона Унгерна был строг и точен: “За мародерство, за насилие над жителями — смертная казнь”. В отношении же коммунистов и евреев, барон приказал их вешать, а имущество, оставляя себе треть, сдавать в казну. Коммунисты

были уничтожены все, но несколько евреев барон помиловал. В их числе был некий Вольфович, монгольский переводчик Унгерна, которому при поимке разрубили руку, но он остался жив, а двух всадников, его ловивших, выпороли.

Более жестоко было поступлено с бурятом-урядником. Он в одной из китайских лавок взял кусок синей далимбы — ценностью в 80 центов. Барону донесли об этом, и он приказал его повесить. Труп бурята долгое время висел на воротах главной кумирни Маймачена, покачивался, и его страшное лицо и кусок взятой далимбы под мышкой долго наводили на всех жуткий страх, зато мародерство было сразу же прекращено.

Прошло дня три, и барон отдал приказ всем русским явиться для регистрации в комендантское управление. Явилось очень мало, тогда Унгерн нервно покрутил свой ус, и на следующий день по всему городу были расклеены объявления: “Всем мужчинам явиться на городскую площадь 8 февраля в 12 часов дня. Не исполнившие этого будут повешены. Барон Унгерн”. Коротко и более чем ясно. Явилось более 150 русских, которые немедленно были распределены по частям. Генералам же Комаровскому и Никитину, оказавшимся в Урге, барон приказал немедленно выехать из города. “Это совершенно бесполезные и ни к чему непригодные люди”, — сказал он.

После того, как китайцы наглядно убедились, что с приходом унгерновцев не только порядок был не нарушен, а восстановлен ими до идеальной высоты, и что тяжелые налоги китайской власти частью совершенно уничтожены и частью снижены наполовину, а городская жизнь потекла по нормальному мирному руслу, китайское коммерческое общество решило отблагодарить барона Унгерна пышным банкетом. Но барон никогда не бывал на банкетах и других торжествах, связанных с его именем, а потому отказался и от этого китайского чествования. На банкете китайцы говорили благодарственные речи и называли барона Унгерна своим спасителем и защитником от произвола китайских властей.

После проведения мобилизации Унгерн получил сведения, что из Калгана двигается в Ургу большой караван верблюдов с подарками к новому китайскому году для ургинского китайского гарнизона. Караван идет под охраной отряда в триста человек. Барон взял с собой небольшую часть и немедленно поехал навстречу. Караван был уже в 20 верстах от города. Китайцы вступили в бой и дрались свирепо. Барон наблюдал за разыгрывающимся боем и приказал есаулу М. ехать целиной к бурятской части и приказать ей идти в атаку. Посланный завяз в глубоком снегу и только через два часа добрался до бурят, которые уже без приказа атаковали китайцев. Есаул отдыхал у коноводов, когда к нему подъехал генерал Резухин, сказал, что уезжает в Ургу, и шажком поехал в указанном направлении. М. ничего не понял, а через полчаса к нему подъехал артиллерийский офицер, который объяснил, что Резухин ранен и отрядом командует подьесаул Парыгин. А через десять минут туда же прискакал барон, крикнул: “Где Резухин?” И получив ответ, что ранен, спросил: “Куда ранен?” — “Не могу знать, Ваше Превосходительство”. “Ты вечно ничего не знаешь”, — заорал барон и со всего размаха ударил своего адъютанта ташуrom по голове. Тот упал и долго лежал без чувств, а когда пришел в сознание, то слышит, что барон возится с ним и бормочет: “Черт, неужели я убил его?” Адъютант встал и, покачиваясь, пошел с бароном на позицию. “Ты куда?” — заорал ба-

рон — “Хочешь, чтобы тебя убили? Марш назад!” Вот и разберись. Только что сам едва не убил, а теперь тревожится, чтобы не убили.

Караван попал в руки унгерновцев. С грузом до шампанского и шелка включительно.

Унгерн спешно усиливал свою Азиатскую конную дивизию. Было сформировано четыре полка, командирами которых были назначены, произведенные в есаулы: 1-м Татарским — Парыгин, 2-м — Хоботов, 3-м — чиновник Яньков и 4-м Монгольским — войсковой старшина Архипов.

Урга уже начинала жить в нормальной и спокойной обстановке. Жителям барон шел навстречу; магазины, лавки торговали бойко, из Монголии шли непрерывной цепью торговые караваны, и ургинские базары шумели. Панические настроения Унгерн ликвидировал вначале, когда расстрелял подполковника Дроздова, распространявшего тревожные слухи. Больше никто не решался сомневаться в устойчивости ургинской жизни.

Штаб начал подыскивать для Унгерна помещение, и скоро есаул М. и корнет Смиренский нашли роскошно обставленный дом богатого еврея. Барон пришел посмотреть. Остался доволен, но когда узнал, что квартира еврейская, пришел в бешенство и в соседнем дворе приказал поставить себе юрту. А вечером посадил адъютанта за машинку и продиктовал приказ: “Глупее людей, сидящих в моем штабе, нет. Не давать им продуктов в течение трех дней”.

Жизнь в Урге восстанавливалась. Полицмейстером и комендантом Урги был назначен знаменитый подполковник Л. Сипайлов, о деятельности которого будет разговор впереди. Комендантом Маймачена был назначен прапорщик Степаненко, бывший жандармский унтер-офицер. Есаул М. был назначен в помощь Сипайлову.

Дивизия отдыхала, а интендантство в специально устроенных мастерских спешно шило для всех из синей чесучи тарлыки³⁸⁴, унты, офицерам сапоги, всем кожаное обмундирование. Барон был тих, доволен, и дивизия стала понемногу забывать о страшных днях порок и других жестоких наказаниях. Но дивизия была составлена из людей, прошедших “огонь, воду, медные трубы и волчьи зубы” и без наказания жить не могла. Барон провинившихся офицеров и солдат сажал на крыши домов. Любопытную картину представляла в то время Урга. В районах расположения воинских частей, тут и там, по крышам, разгуливали, сидели и стояли офицеры. Некоторые просидели на крышах по месяцу, а знаменитый хорунжий Тубанов, командир Тибетской сотни, после своего подвига окончательно распоясавшийся, влез на крышу, просидел там неделю и... снова стал человеком.

В это время Унгерн вел переговоры с монгольскими князьями. Вскоре он выпустил политический приказ № 15. В нем точно говорилось: “С моей Азиатской конной дивизией иду на жестокую и беспощадную борьбу с красными под знаменем: За Царя Михаила Александровича”. В этом духе он подготовлял дивизию к выступлению, но свое интендантство, которое органически не терпел, не забывал, и в приказе было сказано: “Стыдно офицерам сидеть в обозах, нестроевых и комендантских командах, в интендантстве и прочих подобных учреждениях, а потому, чтобы отличить доблестных воинов от этих людей, всем тыловым чинам приказываю надеть погоны поперек плеча”. Этот знаменательный приказ произвел бурю. Многие интендантские

чины немедленно же подали рапорта об откомандировании в строй, и отдельным из них Унгерн наложил резолюцию: “Разрешаю погоны носить продольные”.

Добрался Унгерн и до Ургинской управы, которая была большевистского толка, и которую освобожденные из тюрьмы офицеры и их семьи считали прямым виновником их мук и страданий. Произведя расследование, барон приказал весь состав городской управы расстрелять, успел бежать только товарищ председателя управы еврей Шейнман, председатель же управы священник Парняков не избег общей участи. На допросе священнику был задан вопрос: “Как Вы, служитель Бога, работаете с безбожниками и преступниками?” На это арестованный коротко, но твердо ответил: “Я был служитель культа, который сейчас уже умер, а потому работал с большевиками”. Расстрел был произведен за городом.

КОРОНАЦИЯ ПОВЕЛИТЕЛЯ МОНГОЛИИ

Урга пышно и торжественно готовилась ко дню коронации Богдо-гэгэна, освобожденного от китайцев. Для монголов это событие имело значение не меньшее, чем для русских коронация императора. В Ургу съехались все монгольские князья; город наполнила многоликая и красочная монгольская масса, прискакавшая на своих степняках даже из далеких и глухих углов Монголии. Коронация была назначена в конце февраля месяца. Накануне ее Азиатской конной дивизии был дан приказ: “В 3 часа ночи поседлаться, одеть новую форму, быть при оружии, при оркестре музыки и выступить из Маймачена в Ургу, где построиться шпалерами от дворца Богдо до главной кумирни”.

По левой стороне улицы выстроились части дивизии, по правой — монгольские и бурятские войска. Простояли в томительном ожидании три часа и до десяти часов утра были распущены. Монгольские ламы решили, что в эти часы коронация состояться не может, так как боги против этого, и Богдо за слушание грозит несчастьем. Ламы сидели во дворце и ворожили, и только в десять часов утра из дворца показались конные вестники. Одетые в парчовые красочные костюмы, с трубами, из которых раздавались резкие звуки, вестники давали знать, что Богдо скоро будет. Войска замерли, а тысячи народа превратились в каменные изваяния. За вестниками показалась пышная по яркости красок процессия, за которой храпящие лошади везли колесницу-треугольник из огромных бревен. В середине колесницы стояла высокая мачта с колоссальным по размерам монгольским флагом, отблескивающим своими золотыми нитками. Над замершей площадью раздалась громкая команда: “Азиатская дивизия, смирно, равнение направо, господа офицеры!”

В золотой коляске ехал на коронацию Богдо. Он был в золотой парче с темными очками на глазах. Музыка заиграла “встречу”, монгольские дудки подхватили, плача, рыдая, злясь и торжествуя. Они отгоняли от Богдо злых духов. Вокруг золотой коляски скакали монгольские князья в пышных восточных одеждах, с конусообразными шапочками, украшенными перьями, на головах, конусы шапочек были из драгоценных камней — по рангу владельцев. Барон и генерал Резухин присоединились к свите Богдо и уехали в кумирню на коронацию. Религиозная церемония в храме шла четыре часа; генерал Резухин вскоре вернулся и на эти часы распустил дивизию. Он был возведен в сан “гуна” — монгольского князя³⁸⁵.

Офицеры разошлись по знакомым, и часть из них здорово хлебнула зелена вина по случаю торжественного дня. Генерал Резухин, недовольный тем, что Архипов и есаул М. не пригласили его в знакомый им дом, простоял на площади, а когда те вернулись, и М. попросил у генерала не становиться в строй, так как сильно пьян, Резухин с усмешкой отказал.

Скоро раздалась команда — ехал Унгерн. Вид его был необычен. Барон был одет в монгольское княжеское платье, в шапочке с пером и сидел на прекрасном степняке, поводья у которого были желтые — знак высокого княжеского чина всадника. Фигура Унгерна, так близко знакомая всем, всегда одетая в простую форму, сейчас напоминала разноцветного попугая и невольно вызывала у всех улыбку. Барон и сам был смущен непривычным нарядом, но старался не показать вида. Он скакал прямо к правому флангу, где был есаул М. Барону донесли, что есаул пьян. Подъехав к флангу, Унгерн спокойно соскочил с лошади, взял у командира полка толстый ташур и подошел к своему адъютанту. Дивизия замерла, ожидая расправы. Барон резко спросил: “Ты пьян?” — “Никак нет, Ваше Превосходительство, только рюмочку перед обедом выпил!” — с побелевшими губами ответил адъютант. “Ну, то-то”, — задумчиво произнес барон и пошел вдоль фронта. Бедный есаул, ожидавший крутой расправы, был настолько ошеломлен необычно ласковым обращением барона, что у него от умиления за бароновскую доброту на глазах показались слезы.

Прошло полчаса, и послышалась громкая бароновская команда: “По местам смирно. Слушай на кара-ул!” Снова заиграла музыка, и между шпалерами войск и тысяч народа проехал Богдо-гэгэн, коронованный в неограниченные повелители Монголии. Все монголы и буряты встали на правое колено, русские взяли “на караул” и громкое “ура” покрыло своим гулом городскую площадь и окрестности. Во дворце начался пышный праздник. Все офицеры Азиатской дивизии были возведены за взятие Урги в ранги монгольских чиновников от 1-го до 6-го класса. Празднование коронации продолжалось несколько дней. Монголы торжествовали — они имели теперь своего императора.

Ночная жуть

Барон Унгерн, фактически, не нарушал нормальной колеи жизни населения Урги, стоя на защите жителей, но с врагами расправлялся жестоко и своих подчиненных не щадил. В этом правой незаменимой рукой барона был знаменитый человек-зверь, садист и палач Л. Сипайлов, которого вся дивизия именovala “Макаркадушегуб”. В Урге барон назначил его полицмейстером, и этот полицмейстер оставил после себя длинный до бесконечности кровавый след. Помощником полицмейстера, как сказано было выше, был есаул М., адъютантом Сипайлова — поручик Жданов — человек сипайловского стиля, делопроизводителем — чиновник Паньков — смиренный и молчаливый парень, палачами и опричниками были: Герман Богданов, солдат без трех пальцев на правой руке, Сергей Пашков, он же Смирнов — специалист по удушению и Новиков. Это была сипайловская гвардия, которую видавшая виды дивизия боялась и сторонилась.

При занятии Урги всех коммунистов передушили и кончили всех евреев. Но десять евреев увернулись от расправы, укрывшись в доме одного монгольского кня-

зя³⁸⁶. Дом пользовался неприкосновенностью, но Сипайлов не унывал и учредил за ним наблюдение. Около дома беспрерывно дежурили сипайловские опричники, и “Макарка-душегуб”, в конце концов, добился своего. Прошло несколько дней, беглецы успокоились и в один мелко-дождливый вечер вышли за ворота княжеского дома подышать свежим воздухом. Это стоило им жизни. Сипайловские люди схватили их, и в одно мгновение они очутились на гауптвахте. Бедные люди посерели, они знали, что жизнь их кончена, но вряд ли они могли представить, как жестоко закончится их жизненная эпопея.

Через полчаса на гауптвахту приехал Сипайлов с “молодцами” и пойманных стали по очереди душить. Сквозь дверной засов просовывали петлю, накидывали ее на шею очередного, и Пашков изощрялся в удушении людей. Трупы несчастных бросали в китайскую арбу и вывозили за город на съедение собакам, которых в окрестностях Урги бродили тысячи. Так погибли в Урге последние евреи, если не считать одной несчастной еврейки, которая за свою красоту попала в руки Сипайлова. Ее участь была более чем незавидна, и если взять на весы ее смерть и то, что она пережила, — и то смерть была бы лучше и привлекательнее. Но на кровавом фоне фигурами мучеников были не одни евреи — на унгерновский эшафот часто всходили и его близкие подчиненные.

Есаул М. получил у Унгерна разрешение отпраздновать новоселье, позвал в гости офицеров и знакомых горожан и отдыхал в кругу мира, хоровых песен и задушевных разговоров. Неожиданно дверь комнаты резко распахнулась, и на пороге показалась ехидная, хихикающая, сгорбленная фигура “Макарки-душегуба”. Он не был гостем, так как офицеры избегали его присутствия, а потому его появление произвело на всех жуткое впечатление. “Есаул М., срочно к начальнику дивизии, хи-хи-хи...” — забормотал он “Зачем?” — спросил М. “Не знаю, цветик мой, не знаю”, — снова забормотал Сипайлов, ехидно посмотрел на всех и торжественно удалился. Настроение у всех упало. В 12 часов ночи вызов не предвещал ничего хорошего, но хотя дамы и уговаривали есаула немедленно бежать из Урги, но он взял два револьвера и помчался к Унгерну. Барон кричал на Сипайлова, потом ударил его по лицу, выгнал, а потом резко спросил М.: “Лауренца знаешь?” — “Так точно, знаю!” — “Его сейчас же кончить. Сам кончи, а то эта сволочь Бурдуковский еще будет над ним издеваться. Ну, иди!”

Подполковник Лауренц — преданный слуга Унгерна, сидел на гауптвахте, в месте, откуда люди живыми не уходили. Он был эвакуирован, как раненый, и когда прибыл в обоз, то приказал фельдшеру Лагунову, от имени барона, отравить всех раненых, как лишнюю обузу дивизии. Фельдшер перепугался, бежал в Ургу и здесь доложил Унгерну. Бурдуковский с несколькими солдатами нагнал Лауренца по дороге в Хайлар и привез его в дивизию. Барон лично допросил арестованного, и тот до выяснения его дальнейшей судьбы сидел на гауптвахте.

С тяжелым сердцем вошел М. на “тубу”. Лауренц спал. Есаул разбудил его и сказал: “Вас требует Унгерн. Но он приказал Вам связать руки, так как боится, что Вы можете броситься на него”. Лауренц быстро вскочил с нар, вытянулся и бросил: “Не узнаю барона. Ну что же, вяжите”. Связали, и М. с Лауренцем сели в коляску. Ехали молча, но когда коляска быстро проскочила мимо квартиры Унгерна, где еще

был виден свет, Лауренц резко повернулся к М. и спокойно сказал: “Вы меня везете кончать?” — “Так точно, господин полковник”, — едва слышно промолвил есаул. Лауренц немного помолчал и потом, как бы взяв себя в руки, спокойно стал говорить. “Вот возьмите фамильное кольцо и передайте его ротмистру Исаак. Он знает моих родных, быть может, проживет больше меня и передаст кольцо”. Лауренц снова замолчал, а потом спокойно продолжал: “А мой револьвер, который Вам так нравился, возьмите себе на память обо мне”. В голосе осужденного не дрожала ни одна нотка, и казалось, что эти люди едут не убивать один другого, а в ночной ресторан поужинать и посмотреть новую программу. Ночь была бешеная. Крутил ветер, кругом было темно, как в могиле, и зловеще заливались за городом собаки. Они ждали себе пищу — новый человеческий труп. “А барону передайте, что я ему служил верой и правдой и исполнял только его приказания”, — еще добавил смертник.

Выехали за город. Кучер повернулся и спросил: “Прикажете остановиться, господин есаул?” — “Да”. Лауренц сошел с коляски и спросил: “Вы меня рубить будете или стрелять?” В ответ на это есаул М. дрожащей рукой направил револьвер в голову подполковника и выстрелил. Несчастный упал и простонал: “Какой Вы плохой стрелок, добивайте же скорее, ради Бога!..” М. трясла лихорадка, он снова выстрелил и снова не добил. “Не мучайте, убивайте же!” — стонал расстреливаемый. “О, Боже!” А М. палил в него и не мог попасть ему в голову, пока очумелый от ужаса кучер не соскочил с коляски, подбежал к извивающемуся на земле Лауренцу, приставил к его голове револьвер и выстрелил. Подполковник замер. М. вскочил в коляску и сумасшедшим голосом заорал: “Скорей, скорей, в город, в город!!!” Лошади помчались от страшного места. Остервенело выли собаки. Ночная жуть ургинской жизни говорила об ужасах.

Унгерн прослушал доклад лицом к стене и не сказал ни слова.

УРГИНСКИЕ НОЧИ

Страшные ночи переживала столица монгольского царства. Все продолжалось после жутких часов расстрела Лауренца.

В Урге в ту пору жил один корейский доктор по фамилии Ли. Его обвиняли в близком сотрудничестве с коммунистами, и Сипайлов взял его на особый учет. Доктор жил в европейской части города, в деревянном доме из трех комнат с кухней. С ним жили три человека прислуги. Поздней ночью к доктору заявился Сипайлов с верными палачами — Чистяковым, Пашковым, Богдановым и еще двумя другими опричниками. Из офицеров он взял с собой есаула М., “по приказу барона”. Дом спал; двери осторожно открыл один из чинов комендантской команды, дежуривший у доктора. Начался тщательный обыск, результатом которого было немного денег, разобранный браунинг и сто штук патронов к нему. Во время обыска, по приказу Сипайлова, как бы для допроса, уводили прислугу по очереди в одну темную комнату и здесь душили. Пашков-Смирнов — специалист по такой казни, все делал так, что доктор не только ничего не слышал, но ничего и не подозревал. М. делал обыск в кабинете у доктора. Там стоял один шкаф, который кореец просил не осматривать, а когда ему было приказано открыть шкаф, доктор бросился на колени, плакал и умолял “не отворять!” Это уже было подозрительным, и шкаф был сорван с замка.

И все участники обыска были поражены, даже сам “Макарка-душегуб” не мог скрыть своего смущения. В шкафу стояла ванночка аршина полтора длиной, в ней лежала девочка месяцев одиннадцати. Девочка была одета в розовое платьице, лежала, как живая, и была вся убрана искусственными цветами. Девочка — дочь доктора — была забальзамирована. Кореец бросился к ней, упал на колени перед трупиком дочурки и горько, горько плакал. Смущенный Сипайлов вышел в другую комнату, вызвал туда двух палачей и доктора. Сипайлов начал с доктором разговор, во время которого один из опричников сзади набросил на шею несчастному доктору веревку, а Сипайлов схватил его за руки... Доктор зашептал, как будто, молитву, но через минуту был уже трупом. В одно мгновение все трупы задушенных были брошены на арбу и вывезены далеко за город. На другой день полицмейстер Урги Сипайлов объявил приказ, в котором говорилось, что корейский коммунист доктор Ли со слугами бежал из города и что кто укажет их местопребывание или доставит властям, получит крупную награду.

“Макарка-душегуб” торжествовал. Он был доволен, так как садистические наклонности он снова удовлетворил. Но с М. вышло хуже. На утро с ним начались нервные припадки, и когда к нему прибежал обеспокоенный Сипайлов, есаул набросился на него, повалил на пол и стал душить. Побитого полицмейстера еле отняли от впавшего в безумие М., а барон приказал больного отправить в госпиталь. Его повел в больницу вестовой, который не заметил, что есаул надел на себя шапку. И это едва не стоило жизни Унгерну. Последний выходил из госпиталя и на крыльце встретился с есаулом. Тот в одно мгновение выхватил клинок и бросился на барона, но последний успел скрыться в одной из комнат, а офицера обезоружили и поместили в отдельную комнату при госпитале. Долгое время М. пролежал в больнице, а когда вышел, то объяснил Унгерну, что у него припадки с Германской войны, после контузии. Сказать правду — стоило жизни.

Дуся

Много жуткого и страшного принес женщинам унгерновский палач Сипайлов. Барон их не любил, но в их обществе он, как потомок древних рыцарей, был не только вежлив, но любезен и увлекателен, как собеседник. Зато Сипайлов обращался с ними “по-сипайловски”. Как-то вечером есаул М. зашел в гости к сестре своего друга войскового старшины Архипова и застал ее в слезах. Молодая девушка подала ему записку от Сипайлова, в которой последний приказывал ей прийти к нему поздно вечером на квартиру для допроса. Возмущенный М. бросился с запиской к адресату, и между ними произошел такой разговор: “Ты почему вызываешь ночью на допрос девушку?” — “Она замешана в большевизме”. — “Где данные?” — “У штабс-капитана Безродного”. — “Ну, так слушай! Если ты ее вызовешь ночью на допрос, я сейчас же доложу барону, а он, сам знаешь, что за такие штуки с тобой сделает” — и М. круто повернулся, а на ходу добавил: “Да не забудь, что Архипов скоро возвращается с похода. Он с тобой разделается”.

Наутро М. пошел к Безродному — парню года 23, но достойному соратнику Сипайлова. Тот брился и на резкое требование, есть ли данные о большевизме Любы Архиповой, сказал: “Посмотри в ящике стола!” — “Там ничего нет!” — “Посмотри

в другом”. “Там тоже нет”. “А, впрочем, на кой черт данные, когда я говорю!” — иронически воскликнул Безродный. “Негодяй!” — крикнул М., схватил графин, запустил им в молодого чекиста и выбежал из дома.

Наутро с полком пришел из похода Архипов и, узнав, что грозило его молоденькой и хорошенькой сестре, бросился к Сипайлову. Перепуганный палач отрекся от всего и указал, что все это проделал Безродный. Архипов полетел к барону; тот успокоил его, а в ответ на требование разрешить дуэль с юным негодяем, отправил Безродного в Улясутай. Ему было поручено поймать там полковника Полетико со штабом и расстрелять их. По полученным сведениям, Полетико вел работу с большевиками. Безродный быстро скрылся из Урги, и скоро жуткие вести докатились обратно. Этот юный зверь вырезал почти поголовно все русские селения, как Барун-хурэ, Ван-хурэ и др. Ограбил и, когда догнал на походе дивизию, — имел бриллианты, соболяшки шкурки и другие ценности. Избежавшие смерти от его рук передавали такую жуть, что поверить этому можно, лишь ближе увидев оскал человека-зверя, садиста-палача. Много молодых женщин бралось им на потеху и после убивалось. Но и его патрон не дремал.

В один чудный ургинский вечер, когда всем не только хотелось жить, братски проводить ночные часы и тихо любить, Сипайлов пригласил к себе на ужин монгольского военного министра Ваську Жамболона, бывшего старшего унгерновского пастуха, есаула М., Парыгина и ротмистра Исаака. Сипайлов жил в верхнем этаже большого барского дома, а в нижнем этаже у него жила захваченная наложница-еврейка. Но в его квартире жила и другая женщина, которую он взял себе под видом горничной. Она была миловидна, лет 24 и уже пережила большую драму. Казачка, родственница атамана Семенова, после взятия бароном Урги, она шила на всех офицеров, пока ее не захватил себе Сипайлов.

У Сипайлова был накрыт роскошный стол. Подавала казачка Дуся, мило всем улыбалась, а когда Сипайлов и офицеры разошлись от выпитого, стали петь и танцевать, Дуся весело подхватывала знакомые напевы, щеки ее покрывались густым румянцем, и она, спохватившись, быстро убежала. Сипайлов был в ударе. Пел, плясал, беспрерывно всех угощал и казался таким милым и приветливым хозяином, что даже забывалось, кто он и как его фамилия. Наконец перешли к ликерам и кофе. Началась мирная беседа, во время которой Сипайлов часто отлучался. Наконец он вошел в комнату с веселым и торжественным видом, потирая руки и, по своему мерзко хихикая, важно сказал: “Господа, я вам приготовил подарок за честь посещения моего дома. Идемте!” И он провел гостей к себе в спальню, показал на мешок, лежащий в углу комнаты и добавил: “Смотрите-ка, хи-хи-хи!” Гости недоумевали, а один из них развернул мешок. В нем была задушенная Дуся. Кошмар, который никто не ожидал и не мог представить себе. Хмель из голов сипайловских гостей мгновенно испарился, и они бросились из дома “милого хозяина”. Вслед им неслось ехидное хихиканье “Макарки-душегуба”.

ПРОЩАЙ, УРГА. СМЕРТЬ АРХИПОВА

В один ясный и солнечный майский день во всех полках Азиатской дивизии нежно запели военные трубы: “Всадники, други, в поход собирайся...”

Барон Унгерн решил кончить мирное житье в Урге и начать боевую жизнь — сломить красных или сломить голову себе. Ко дню выступления все чины дивизии были заново прекрасно обмундированы, снаряжение пригнано, кони выкормлены и выстояны, артиллерия подобрана, обоз отобран и рассчитан на дальний путь, калечь оставлена, и всадники вымуштрованы. Утром вся дивизия выстроилась на площади; священник отслужил напутственный молебен. Раздалась команда: “По коням!” Азиатская дивизия выступила на Троицкосавск справа рядами. Она представляла красочное и нигде невиданное зрелище. Все всадники и офицеры были одеты в шелковые темно-синие монгольские тарлыки, в шелковых фуражках, при шашках, винтовках и ташурах. Ташуры — особые бамбуковые палки, каждый упирал одним концом в стремя, а на другом конце лежала рука. На плечах ярко выделялись погоны, украшенные трафаретами из чистого серебра: двуглавый орел, а под ним номер полка. За плечами развивались шелковые разноцветные башлыки: зеленый у татарской сотни, желтый у забайкальской, ярко-алый у бароновского штаба и др. Дивизия потянулась по городским улицам и вышла за город, на троицкосавскую дорогу. Гремел прекрасный оркестр под управлением капельмейстера И.Д. Чиждова, игравший марши, а когда музыка умолкала, лилась подголосная, заунывная, как степь, казачья песня, то лихая, то остро-печальная. На улицы высыпали все горожане, которые уже свыклились с унгерновцами, а у ворот домов грудились женщины и девушки, махали платочками и многие, многие плакали. Не один всадник смахивал стыдлившую слезу со щеки, так как жизнь брала свое, и за время стоянки много драм, романов и трагедий произошло в сердцах унгерновцев и ургинок. Уходили в неизвестную даль, шли на неведомое, и мало кто надеялся вернуться из унгерновского похода.

Барон сиял. Он был весел и, сопровождаемый штабом, сам красочно, по-азиатски, одетый, громко бросил горожанам: “Не поминайте, господа, лихом, прощайте!” Широким наметом он проскакал вдоль медленно плывущей и покачивающейся дивизии, коротко бросая: “Здорово Татарский, здорово Забайкальцы, здорово Монгольский...” — “Здравия желаем, Ваше Превосходительство!!!” — неслось дружное в ответ.

В Урге остался лишь Сипайлов со своей опричниной, чины комендантской команды и полковник Лихачев с монгольским военным училищем.

Шли до четырех часов. В это время дивизию на автомобиле нагнал сотник А.К. Еремеев — старый адъютант барона, оставшийся еще в Даурии и теперь неизвестно откуда появившийся. Он вошел в раскрытую палатку Унгерна и больше часа, не отрывая руку от козырька, о чем-то докладывал начальнику дивизии. Дивизия переговаривалась: “Зачем приехал Еремеев, долго ли пробудет? Что с ним сделает барон?” Еремеев много зла причинил унгерновцам еще в Даурии и в Хайларе, и они его ненавидели. Наконец, Еремеев вышел из палатки и покатил обратно. За ним посыпалась густая брань и далекие пожелания унгерновцев. Они с ним прощались навсегда.

Дивизия шла, но связь с Ургой все еще не хотела порываться. На следующий день дивизию нагнал на автомобиле Сипайлов с несколькими своими приближенными. Черная тень “Макарки-душегуба” все еще не хотела расставаться с дивизией, и у многих тяжело стало на душе. Сипайлов пробыл с полчаса. О чем-то доложил барону и умчался назад. “Макаркин” след скоро отыскался. В дивизии от сипайловского шофера уже узнали, что накануне он задушил полковника Лихачева за

то, что последний, якобы, напился пьян и зарубил шашкой собаку. Это была официальная причина — для Унгерна, а действительная — Сипайлов свел с Лихачевым старые счеты. Узнали и дальше, что “Макарка-душегуб” приезжал с докладом, что он обнаружил преступление Архипова. Якобы Архипов скрыл золото и серебро: серебра пуд 15 фунтов, а золота пуд, и оставил их в Урге, у приятеля. Сипайлов этим свел счет за сестру Архипова. В это время Архипов был помощником старшины Парыгина. Несчастный не знал о своем близком и страшном конце и спокойно ехал с полком. Дивизия стала на ночевку. Архипов прислал к есаулу М. записку: “Приходи. Есть хорошая закуска и хороший коньяк”. Архипов помещался вместе с Парыгиным и, когда М. вошел в палатку, то нашел там полный кавардак. Все было перевернуто вверх дном, закуски лежали на земле; Архипова не было. Предчувствуя недоброе, М. бросился искать его, и скоро ближайšie казаки рассказали ему, что в палатку вскочил Бурдуковский с помощниками, связали Архипова и увели в ближайший лесок. Есаул М. бросился туда. . . . Лес зловеще шумел. О чем-то негодуяще торопливо говорили его листья, а на одной высокой осине, густо озаренной багровыми лучами солнца, медленно качался труп войскового старшины Архипова. На плечах его тускло поблескивали серебряные погоны. . . . Глаза его были страшно выкачены наружу, и чернел далеко высунутый язык. . . . Жуткое зрелище! М. схватился за голову и бросился бежать от страшного места. Через час вся дивизия уже знала о страшной кончине Архипова и глухо негодовала. Войсковой старшина Архипов считался одним из лучших офицеров, которого казаки считали старшим братом. Сипайлов был уже далеко.

ЗАРЫЛИ ЗОЛОТО

Азиатская дивизия шла скорым маршем на красный Троицкосавск. На одном из привалов в дивизию прискакал прапорщик татарской сотни Валишев, который доложил Унгерну, что его разъезд на запад от дивизии задержал караван в 18 верблюдов с русской охраной. Это был караван с золотом, который адмирал Колчак послал в полосу отчуждения, в г. Харбин в Русско-Азиатский банк. Барон немедленно же вызвал к себе есаула М. и приказал ему: “Возьмешь двадцать бурят, примешь от Валишева караван и, когда он придет сюда с верблюдами, разъезд отошлешь, а сам зароешь ящики с “патронами”. Понял?” — “Так точно, понял!” — “Ну, иди!”

Дивизия немедленно же снялась и вышла дальше, а есаул М. с бурятами остался. Скоро подошел караван, и Валишев с разъездом быстро поскакал догонять дивизию. Ящики сгрузили. Они были в банковской упаковке, с печатями и пр. Когда же один ящик упал с верблюда на камни и разбился, в нем оказался мешок с золотом. У бурят заблестели глаза, но мысли взять ни у кого не было. Страх перед бароном был сильнее. Местом для сокрытия золота выбрали небольшое ущелье, судя по выбоинам и шурфам — выработанный прииск. Там золото зарыли и утрамбовали землю. Есаул М. с бурятами уже садился на коней, когда впереди показалось облако пыли, и вскоре на взмыленных лошадях прискакал Бурдуковский с конвоем. У М. дрогнуло сердце. Этот унгерновский “квазимодо” всегда появлялся, как вестник зла и темного ужаса. Так было и здесь. Бурдуковский коротко бросил есаулу М.: “Есаул, немедленно к начальнику дивизии, а буряты останутся со мной”. М. быстро уехал, а Бурдуковский обезоружил бурят, отвел их версты две в сторону и расстрелял.

Дивизия шла на Троицкосавск, куда 4 июля должен был с левой стороны Селенги подойти с бригадой генерал Резухин, чтобы общими силами сбить красных с этого крупного стратегического пункта. Резухин вышел из Урги ранее дивизии на несколько дней. Дивизия шла переменным аллюром, а в авангарде шел монгольский дивизион Найден-гуна. Этот молодой монгольский начальник принес первое несчастье. Он, без приказа Унгерна, решил молодецким налетом сбить красных и захватить Троицкосавск, бросился в атаку, потерял массу убитых и раненых и был отброшен с троицкосавских сопок.

Была ночь темная, дождливая и ветреная. Дивизия не могла разжечь костров, мокла и дрожала от холода. Барон уже получил вести о поражении монгол и ходил по лагерю злой, как потревоженный сатана. В лагерь прискакали раненые монголы, и один из них случайно попался на глаза Унгерну. “Ты чего?” — спросил барон. “Та, Ваше Превосходительство, та я это, ранен”. — “Ну, так иди к доктору”. — “Та это, он не хочет меня перевязку делать”. “Что!!?” — заорал барон. “Доктора Клингенберга ко мне!” — пустил он по лагерю. Прекрасный хирург и дивный администратор, доктор Клингенберг, создавший в Урге образцовый госпиталь, доктор, относившийся к своим обязанностям идеально честно, подошел к барону. “Ты, мерзавец, почему не лечишь раненых?!” — закричал Унгерн и, не прослушав объяснений, ударил ташуром по голове бедного доктора. Доктор упал. Тогда барон стал бить его ногами и ташуром, пока несчастный не впал в бессознательное состояние. Унгерн быстро ушел в палатку, а Клингенберга унесли на перевязочный пункт. Дивизия мрачно молчала, но о состоянии доктора в эту ночь никто не говорил. Только наутро к Унгерну пришла сестра милосердия и сказала: “Разрешите эвакуировать доктора?” — “Почему?” — резко спросил барон. “Вы ему вчера переломили ногу, и его положение очень серьезно”, — со страхом объяснила сестра. “Хорошо. Отправьте его в Ургу, и сами поезжайте с ним”, — коротко бросил Унгерн. И вот, вследствие бессмысленной лжи монгола и полного нежелания начальника дивизии разобраться в том, что он ему сболтнул, унгерновцы остались совершенно без медицинской помощи. А впереди надвигались крупные события.

РАЗГРОМ. ОГНИ ТРОИЦКОСАВСКА ПОТУХЛИ

Шел беспрерывно дождь, дул страшной силы ветер, дорога превратилась в жидкое и вязкое месиво, и дивизия не успела подойти к Троицкосавску к назначенному сроку — 4 июня. Барон подошел к городу только 6 июня, но генерал Резухин выполнил приказ. Он подошел в срок, повел атаку, но так как имел слишком небольшие силы, успеха не имел и отошел.

Азиатская дивизия подошла к Троицкосавску и сразу же начала бой. Красные укрепились вокруг города на сопках и встретили унгерновцев бешеным огнем. Но унгерновцы шли и шли, а впереди них, там и тут, показывался барон Унгерн с ташуром. При его появлении бешеное “ура” несло с предгорий, и сотни Азиатской дивизии быстро поднимались на горные хребты и гнали красных, как стадо, в лощину. К одиннадцати вечера все сопки были в руках унгерновцев, но огонь не прекращался. Там и тут красные пытались переходить в контратаку, но успеха не име-

ли. Внизу горел огнями заманчивый Троицкосавск. Дивизия, оставив на сопках заставы, отошла в лощину. И отдыхала ровно сутки. Поздним вечером красные повели снова наступление и сбили унгерновское сторожевое охранение с одной из сопкок. Нужно было восстанавливать положение, и барон приказал всем спешиться, оставить лошадей, артиллерию и обозы в лощине, построил дивизию, встал впереди нее с ташуром и пошел в контратаку. Зачмокали пули, затрещали красные пулеметы, но унгерновцы во главе с бароном с бешеным “ура” быстро достигли вершины и сбили красных. Те побежали, но не в направлении города, а в сторону от него.

Было четыре часа ночи. В темной мгле лощины, где лежал Троицкосавск, кое-где, изредка, вспыхивали огоньки, и все ждали, что Унгерн прикажет продолжать наступление на город и освободит тамошнее население от красного ига. Нервы у всех были приподняты, в душе каждого ликовала буйная радость, и никто не чувствовал усталости. Но барон в первый раз пожалел своих соратников и приказал сойти с сопкок, вернуться в исходное положение, в лощину, в узкую щель, и ложиться спать. На горах был оставлен с китайским дивизионом Парыгин. Это погубило все, это привело к жестокому разгрому Азиатской дивизии.

Было 5 часов утра 8 июня 1921 года. Большая часть унгерновцев уже спала, некоторые укладывались на землю, остальные сидели, курили и делились впечатлениями боевого дня. Часть красных, бросившаяся от города в сторону, наткнулась на китайцев, крикнула “ура”, и китайцы в панике побежали с гор. В один момент красные были уже на вершине, поставили пулеметы и открыли ураганный огонь по узкому ущелью. Пули сыпались как дождь, рыли землю, с жалобным визгом рикошетировали от камней, и их злоеющее завывание дополняли разрывы гранат. Гранатами красные забрасывали ущелье. Унгерновцы не ожидали нападения. Они лежали на земле вповалку, кто, где и как повалился спать, части были не собраны, огонь был внезапный, и среди них началась паника. Люди, которые видели многое, прошли огненное горнило Германской и Гражданской войн, окончательно растерялись и стали бросаться из стороны в сторону. Паника становилась стихийной. Везде сыпался свинцовый град, яростно и жалостно ржали лошади, свистели осколки, и в предутренней мгле место узкого горного ущелья казалось адом. Все бежали, не отдавая себе отчета, куда, и когда есаул М. проскакивал мимо палатки Унгерна, он мельком успел заметить, что в ней на земле лежали груды серебра. Барон собирался передать наградные деньги приехавшим из Монголии князьям. Барона в палатке не было.

Выход из ущелья, яростно посыпaeмый ружейным огнем, представлял собою кашу людей, дико вздымающихся на дыбы лошадей, перевернутых орудий, повозок, разбросанных лопат и дико орущих верблюдов... Унгерновцы проскакали проход и уходили в сторону Урги. Вместо ожидаемой победы и занятия Троицкосавска, полный разгром, полный крах начатого наступления. Все бежали и только после, через несколько верст, военным или степным инстинктом, сгруппировались в три беспорядочные кучи и... начали отступать. С одной группой шел Унгерн, с другой — Парыгин и с третьей — Марков, командир 4-го полка. Каждая группа ничего не знала о существовании остальных и шла по воле стихии, руководствуясь не определенным направлением, а темным инстинктом людей, потерпевших крушение. Шли как бы в направлении на Ургу. Красные быстро учли свою победу и

еще быстрее заходили в тыл, резали дорогу отступавшим. В каждой деревушке, из каждого леска унгерновцев встречали оружейные залпы и пулеметный огонь. Отступавшие, как безумные, кидались врассыпную, потом как-то прорывались, снова сходились в группу и снова быстро уходили от места неожиданной бойни. Шли без всякого строя и без определенных начальников, как говорится, “справа по кучам”. К марковскому отряду неведомыми путями присоединилась повозка с малым денежным ящиком, и все злились на эту обузу, которую боялись бросить и которую нужно было везти с собою. В горном ущелье дивизия оставила четыре орудия, весь обоз, всех верблюдов и дивизионную икону, которую возили в экипаже тройкой лошадей. Разгром был полный; впереди была неизвестность.

РАЗБИЛИ КРАСНЫХ

Отступавшая группа войскового старшины Маркова к часу ночи взобралась на дабан — хребет и остановилась пораженной. Внизу, в лощине, горели костры. Это был лагерь. Лагерь, конечно, красных, так как о том, что это были свои, никто не думал, предполагая, что марковская группа отходит быстрее остальных. Усталость брала свое, и решили, не разводя огня, ночевать на хребте. Несмотря на предполагаемую близость врага, все погрузились в сон, как камни в воду. На рассвете есаул М. с несколькими всадниками поехал в разведку и спустился в лощину. Вчерашнего лагеря уже не было. Он ночью снялся и ушел. На месте остались обрывки шелковых халатов, предметы унгерновского обмундирования, и вдаль шел след орудия. Это были унгерновцы. Марковская группа бросилась нагонять их, но те шли быстро, в свою очередь, предполагая, что их нагоняют красные. Марков с отрядом нагнал передовую группу только на р. Хоро-гол.

Здесь был барон Унгерн. Он был зол и ни с кем не говорил. Он лишь отрывисто бросил: “Сколько людей? Где Парыгин?” И тотчас же отправил разведку искать парыгинскую группу. Она ушла на запад, и только через пять дней отряд Парыгина присоединился к барону. Дивизия была собрана. Она осталась без обоза, пообщипанная, но людской состав был цел. Зато Унгерн был ранен в заднюю часть тела пулей. У него было слепое ранение, одна из мучительных ран, но он не слезал с лошади и ни стоном, ни ругательством не выдавал адской боли.

Красные не дремали и накапливались около унгерновского лагеря. Но Унгерн уже пришел в себя и, несмотря на то, что дивизия технически не представляла прежней силы, решил “набить морду” красным. Откуда-то появившийся простенький автомобиль он приказал обшить картоном, размалевать под цвет броневика, и каждую ночь тот обстреливал красных из пулемета и возвращался обратно. Наконец барон решил разбить скопившиеся массы красных. “Надоели”, — ругнулся он и приказал в вечерние сумерки быть готовыми к бою. Красные занимали все окружающие возвышенности, выжидая и готовясь к атаке.

Унгерновцы начали наступление в четыре часа дня и к вечеру, в сумерки, сбили со всех сопот противника. Наступила темная непроглядная ночь. Сотни, спустившиеся за отступающими красными в долину, потеряли между собой связь и разбрелись в разных направлениях. Красные отступали в панике, но унгерновцы поте-

ряли их в темноте. Стрельба шла во всех направлениях, и точно выяснить, где сейчас красные и где свои, не представлялось возможным. Барон вызвал есаула М. и приказал ему: “Поедешь и найдешь 3-ю сотню и прикажешь ей выставить сторожевое охранение”. М. поехал на выстрелы, но последние залпами и редкой перестрелкой слышались повсюду. Есаул ехал по ложине, пока не наткнулся на какую-то часть, медленно едущую по предгорью. “Какая сотня?” — крикнул М. “Третий эскадрон”, — послышался ответ. “Что за черт, почему эскадрон?” — подумал есаул и подскочил к хвосту колонны. Приблизившись вплотную к первому всаднику, он с трудом разобрал, что у него на голове шлем. “Красные”, — пронизала его голову мысль, и он, не подавая вида, рысью поехал вдоль колонны. “Но что за черт, как будто бы другие едут”, — подумал, присмотревшись, есаул и снова приблизился к рядам. “Эти в фуражках”. “Какая сотня?” — тихо спросил он. “Третья сотня”, — послышался ответ. “А где командир?” — “В голове”. Есаул М. поскакал туда и подъехал к передовому всаднику. “Это кто едет?” — спросил он. “Ротмистр Забиякин”, — громко ответил спрашиваемый. Это была разыскиваемая сотня. М. быстро рассказал Забиякину о том, что к его сотенному хвосту присоединились, по ошибке, красные, и тот быстро передал по сотне приказание, в одно мгновение повернул всадников и открыл огонь в упор по красным кавалеристам. Некоторые из них повалились с лошадей, а остальные вихрем метнулись в сторону и исчезли в ночной темноте. Бой кончился этим эпизодом. Красные были разбиты и согнаны с сопки. Унгерновцы, утомленные многочасовым боем, заснули как убитые. Барон простоял здесь еще несколько дней и решил идти на соединение с генералом Резухиным.

ШТАБ ДИВИЗИИ НА КУСТАХ

Барон Унгерн решил выступить на соединение с генералом Резухиным, находящимся в районе р. Селенги. К моменту выхода дивизии с места стоянки, с р. Хоро-гол, были получены печальные новости. Урга была занята красными, и унгерновцы теряли не только свою базу, но и тыл. В бушующем красном море они оставались одни, как ладьи среди морских волн.

Дивизия переменным аллюром пошла к Селенге. За один переход до этой реки вперед выехали квартирьеры и с ними комендант бригады есаул М. Ехали быстро, погода была чудесная, из ложин тянуло живительной прохладой, и офицеры вели разговор о том, что теперь будет делать барон. Как наказывать провинившихся? В Урге он сажал на крышу, в Забайкалье — на лед, в пустыне Гоби ставил виновных на тысячу шагов от лагеря, гауптвахты нет... Офицеры смеялись и говорили, что в нынешней обстановке Унгерн ничего не выдумает. Но он выдумал.

Квартирьеры прибыли на бивуак, разбили его и стали ждать дивизию. На другой стороне был виден лагерь Резухина, который уже перекинул через реку пешеходный мостик. Настроение было у квартирьеров чудесное, пахло сосною, ароматом цветов, но после разбивки лагеря с предгорий потянул легкий ветерок, и по всему бивуаку распространился тяжелый запах. Что-то гнило, где-то была падаль. Начались поиски, и скоро нашли на участке 4-го полка павшую корову. Лопат не было, и стали ждать прихода с дивизией обоза. Дивизия подошла, обменялись с резухинским лагерем радостным встречным “ура”, а барон ушел к генералу Резухину. Корову же

спешно зарывали. Мрачный и злой возвращался Унгерн с противоположного берега и в таком угрюмом состоянии подъехал к району 4-го полка. Есаул М. сидел в палатке босой и с тревогой наблюдал за бароном. Тот поднял голову, понюхал воздух, еще раз понюхал и заорал: “Дежурного офицера!” Беда начиналась, и у М. защемило сердце. Офицер подскочил к Унгерну. “Вонь!!!” — снова заорал барон. Офицер молчал. “Бурятов ко мне!” — закричал тот. Явились буряты. “Выпороть! 25!” — приказал Унгерн, и не успел бедный дежурный опомниться, как ему уже всыпали 25 ташуров. И только когда он встал, то сказал барону: “Ваше Превосходительство, я не виноват. Старшим был комендант бригады”. “Есаула М. к начальнику дивизии!!!” — понеслось над лагерем. У есаула замерла душа. Он быстро надел мокрые сапоги и пошел к Унгерну. “Вонь!!!” — грозно сказал. “Так точно, вонь, Ваше Превосходительство”, — ответил есаул. “Заразу разводить!.. Понятия о санитарии не имеешь!! Пакость разводишь!” — уже кричал барон. “Ваше Превосходительство, корова павшая. Ее зарывают...” — “Молчать!” — заорал на весь лагерь Унгерн и ударил М. по руке. “Ваше Превосходительство, не смейте драться!” — крикнул М. и побледнел. “А, не смейте... Я тебе покажу... Я тебе устрою именины...” И барон закидался, не зная, как наказать дерзкого. И вдруг крикнул: “Марш на куст!”

Около палатки барона, шагах в десяти, стояло дерево, ветви которого были от земли не менее чем сажени на полтора. М. бросился к нему, стал быстро взбираться на дерево, скользил обратно, падал и снова начинал взбираться. “Если ты сейчас же не залезешь, я пристрелю тебя, как котенка”, — спокойно-грозно сказал барон, и есаул в мгновение ока уже сидел на первом суку. “Выше!” — приказывал Унгерн. М. лез выше и, наконец, забрался почти на самую вершину, где ветви были тонкие и гнились под ним.

У барона сердце еще не отошло. Он пристально обозрел позицию коменданта, отошел к палатке и заорал: “Адъютанта ко мне!” Штаб-ротмистр Павильцев появился перед Унгерном. “Ты чего тут у меня канцелярию развел? Это тебе министерство, что ли?.. Марш на куст!!!” Адъютант залез на соседний куст. “Начальника штаба ко мне!!!” — снова разнеслось по бивуаку. Войсковой старшина Львов предстал перед бароном. “Непорядки кругом... Никакого наблюдения. Никакой осмысленной работы. Марш на куст!” Начальник штаба взобрался на следующее дерево. “Безродного ко мне!!!” — опять понеслось по лагерю. Скачками подлетел штабс-капитан Безродный и, получив приказание: “Марш на куст!!!”, — быстро очутился на дереве, рядом с другими. “Бурдуковский”, — орал Унгерн, и когда тот прибежал на его зов, барон уже бесновался: “Ты почему до сих пор донесение не представил?” — “Да, Ваше Превосходительство, я же писать не умею”, — жалобно отвечал тот. “А, ты писать не умеешь, ну так я тебя образую...” И, схватив ташур, начал сам всыпать своему верному личарду-палачу.

Офицеры сидели на кустах, как воробьи на ветках. Сидеть было тяжело. В мягкую часть впивались сучки, ветер покачивал ветви, а перед глазами был шумный лагерь, откуда кучки людей с большим любопытством наблюдали новую позицию, занятую штабом дивизии. Прошел час, два, наступил вечер. В лагере сыграли “зорю”, отвели поверку, и бивуак постепенно стал затихать. Штаб же продолжал сидеть на кустах и ждать освобождения с неудобной позиции.

Барон разделся, голым сходил на реку, выкупался и вернулся обратно в палатку. Он зажег свечку, взял книжку, лег и стал читать. Офицеры сидели на ветках. Прошел еще час. Барон потушил свечу и лег спать. Положение становилось все более печальным. Сидеть было мучительно, и есаул М. стал стонать. Он громко охал, стонал, шумел ветками и изредка бросал сучки в унгерновскую палатку. Барону это мешало спать, он ворочался на походной кровати, но М. продолжал жаловаться на судьбу и бросал в палатку сучки и ветки.

Наконец Унгерн не выдержал, встал, вышел из палатки, голым подошел к дереву и тихо сказал: “Макеев!” — “Я, Ваше Превосходительство!” — донеслось в ответ с куста. “Слезай и иди спать”. Есаул сорвался с дерева и упал. “Ты ушибся?” — спросил барон. “Не извольте беспокоиться, Ваше Превосходительство”, — мрачно ответил тот и быстро пошел от дерева. Остальные же просидели до обеда следующего дня.

ЖИВОТНЫХ БИТЬ НЕЛЬЗЯ

Десять дней стояли на р. Селенге. Подошли обозы, пригнали монгольский скот, и жила Азиатская дивизия в полном достатке. Был июнь месяц, таинственно шумел лес, с гор тянуло прохладой; струи Селенги были чистые и холодные. Купанье шло целыми днями. Настроение у всех было хорошее, и только Унгерн ходил злой и молчал. На нем сильно отразился разгром под Троицкосавском и нелады с генералом Резухиным.

Среди реки находился небольшой островок, и однажды казаки увидели, что в тальнике этого острова появился маленький козленок. Он жалобно блеял, потеряв мать, и третья сотня шумной ватагой поплыла к островку, поймали бедного козленка и притащили его через реку. Казаки решили подарить гураненка барону, и вахмистр с двумя казаками повел козленка к палатке Унгерна. Барон собирался куда-то ехать и стоял около поседланной лошади. “Ваше Превосходительство, от 3-ей сотни гураненка”, — сказал вытянувшись вахмистр. “Для чего?” — резко спросил Унгерн. Казаки смешались и, наконец, враз заговорили: “Ваше Превосходительство, Вы его прикажите зарезать, и у Вас славное жаркое будет...” — “Болваны, разве беззащитных бить можно? Людей нужно бить, а не животных. Отпустите козу”, — гневно бросил барон. Ошеломленные казаки отпустили козу; она вихрем взметнулась над лагерем, бросилась в реку и поплыла вдоль нее. Барон долго смотрел вслед отпущенной козе, потом вздохнул, опустил голову и ушел в палатку. До утра он не выходил из нее.

Вся дивизия была поражена этим случаем, и горячо обсуждали слова Унгерна. Душу его понять никто не мог. Дивизия продолжала стоять, пока над ней не стали кружиться аэропланы и бросать бомбы. Во время бомбардировки один казак был ранен в голову. Аэропланы стали появляться каждый день, и, так как на крыльях последних виднелись красные круги, Унгерн решил, что аппараты японские. Он приказал готовиться к походу на Верхнеудинск. И, несмотря на то, что в дивизии осталось две пушки, мало снарядов, и вообще, дивизия технически уже не представляла прежней силы, а на Гусином озере, недалеко от Верхнеудинска, стояли крупные части красных, барон решил разбить их и занять Верхнеудинск.

Поход начался, сопровождаемый аэропланами, которые все еще считали японскими. Пока в один из походных дней, в степи, на взмахи белыми простынями,

аэропланы снизились, покружились над дивизией, потом быстро взметнулись ввысь и начали ураганную бомбардировку унгерновцев. Аэропланы были красные. После этого дивизия приняла походный порядок — “справа рядами на дистанцию двух лошадей” и этим спасалась от бомбардировки.

Степь кончилась, и снова втянулись в лес и здесь уткнулись в бездонное болото-трясину. Для обхода требовалось десятки верст, и Унгерн решительно приказал: “Шашки вон! Рубить лес, делать гать”. Заговорил неистовым шумом лес, падали деревья, скреплялась и быстро воздвигалась гать. И по этой опасной, колышавшейся гати перевезли пушки, обозы, перевели лошадей. Это стоило большого труда, мучений и опасностей, но трясина шириной в шестьсот шагов была пройдена.

Пошли вверх по р. Селенге, пока не попали в скалы и обрывы, где дороги уже не было, а вилась узкая тропинка для пешехода и одной лошади. Разведка дороги донесла Унгерну, что пройти здесь невозможно, но барон, обозвав разведчиков дураками, приказал артиллеристам двигаться по узкой тропе, а обозам идти в обход. Артиллерия проходила горную щель необычным способом. Одно колесо орудия и зарядных ящиков шло по тропинке, а второе веревками и баграми люди держали на весу. Было более чем рискованно и опасно, но пушки проскочили щель, и дивизия переменным аллюром двинулась к Гусиному озеру. Наступила ночь. Горели на небесном своде сибирские звезды, пахло кедром, сосною, воздух был мягок и освежающ, как глоток воды из холодного горного источника. До Гусиного озера оставался переход. Дивизия остановилась на ночевку. Завтра будет сильный бой, и многие уже не увидят мерцающих звезд и не будут дышать чистым таежным воздухом. Завтра бой.

ГУСИНОЕ ОЗЕРО

Бой под Гусиным озером для красных был первым ударом, который дал барон Унгерн, расплачиваясь за свой разгром под Троицкосавском. Азиатская дивизия подходила к нему ночью, проводя переход так, чтобы к утру атаковать сильные части красных, сосредоточенные в этом месте.

Ночь была темной и безоблачной. Сотни шли друг от друга на дистанции в 600 шагов, связываясь маяками. Но головная сотня забыла про последние, и 2-я татарская сотня в кромешной темноте свернула на другую дорогу и ушла в сторону. Барон остановил дивизию, еще больше помрачнел от такого скверного предзнаменования и послал монгол искать пропавшую сотню. Долго стояли, пока потерявшиеся татары не примкнули к дивизии. Быстро пошли дальше, и когда ночной сумрак стал прорезываться первыми робкими белесоватыми полосками, впереди послышались выстрелы. Унгерновская разведка подошла к дацану — монастырю у Гусиного озера и была обстреляна красной заставой. Барон вихрем метнулся вперед, быстро обскакал окрестность, вернулся и бросил сотни в разных направлениях, указав им один срок времени для начала конной атаки. Часовая стрелка указала роковую минуту, и сотни бросились с громким “ура” в атаку. Они были встречены свинцовым ливнем, замешались, бросились обратно, потом быстро привели себя в порядок и снова кинулись на красные позиции. Но красные сосредоточили такой ружейный, пулеметный и орудийный огонь по атакующим, что снова лобовая атака

не удалась. Барон приказал спешиться и приготовиться к атаке в пешем строю. Две унгерновские пушченки, которые как цепные и до свирепости обозлившиеся собаки, нащупав красную батарею со второго снаряда и скоро сбив одно из ее орудий, продолжали клевать батарею противника своими снарядами. В этот момент Унгерн бросил три сотни в конном строю на левофланговую сопку, которую занимала красная пехота. С бешеным “ура” понеслись унгерновцы на сопку, и не прошло нескольких минут, как их конные фигуры уже показались на ее гребне, и в лучах восходящего солнца стали блестеть обнаженные клинки, которыми, как капусту, рубили красных пехотинцев азиатские всадники. И в это же время заклинилось одно красное орудие, сбиты с позиции были остальные, а спешенные унгерновцы уже появились перед позицией красных. Красные не выдержали и бросились бежать, но в тылу у них показался с сотнями командир 3-го полка. Клинки унгерновцев засвистели в воздухе.

Красные бросились к Гусиному озеру, часть их кинулась в него, часть уже стояла на коленях с поднятыми руками, и только некоторые образовали редкие кучки и отстреливались до последнего патрона. В плен не брали и настолько опьянели от гула выстрелов, что удержать всадников от поголовного истребления красных не представлялось возможным. В озере, тут и там, показывались головы, около них булькали пули, и они навеки скрывались под водой. И кто не был убит, тот утонул в этом сибирском озере, на высоком берегу которого задумчиво смотрел в озерную гладь монгольский дацан, где люди ищут Бога, где славят мир и любовь среди людей и всего существующего.

Бой кончился. Красные были уничтожены, и в руки Унгерна попала богатая военная добыча: пять горных пушек образца 1915 года, много пулеметов, винтовок, патрон и пр. В плен были взяты лишь раненый красный фельдшер и сестра милосердия. Их хотели помиловать, но они оказались ярыми коммунистами, ругались, не отвечали на вопросы, а особенно вызывающе держала себя красная сестра, которая тоже была ранена в ногу. О них доложили барону. Он выслушал и приказал зарубить.

Настроение унгерновцев было приподнятое. Старая обида за Троицкосавск, укор военной душе, была смыта, и дивизия ликовала. Крупная часть 5-ой советской армии знаменитого Блюхера была полностью уничтожена.

Быстро прошел остаток дня, и вечером лагерь представлял красочную картину. Везде горели костры, их пламя отражалось на задумчивой зеркальной глади озера, тут и там гремели песни, наигрывала гармошка, слышался раскатистый смех, тишину вечера прорезывали возгласы, и с торжеством и смаком поедалась уха из наловленной в озере разнообразной рыбы. Наутро Азиатская дивизия с песнями выступила по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. На Гусином озере снова застыла тишина и покой, и только несколько братских могил с крестами говорили о том, что накануне здесь был бой, и унгерновцы оставили в земле своих боевых товарищей.

“Ком-ячейка 106”

После второго перехода от Гусиного озера Азиатская дивизия остановилась на дневку. Барон приказал дать большой отдых лошадям, людям, подтянуть обозы, привести в порядок оружие и оставаться на месте пять дней.

За это время унгерновцы впервые прошли по советским деревням. Крестьяне жались от страха, а некоторые деревни были сплошь оставлены, и дома в них наглухо заколочены. Красные усиленно агитировали, что унгерновцы — звери в образе людей, всех убивают, насилюют и чуть ли не едят человечину. Но этот страх продолжался недолго. Первая же деревня по известному деревенскому “радио” опровергла “ужасы” унгерновцев, так как последние за все платили русским серебром, никого не обижали и в деревнях, чтобы не нарушать порядка жизни населения, не останавливались. В деревнях оставался лишь унгерновский комендант, который и следил за тем, чтобы никто из крестьян обижен не был. Это повлияло на дальнейшее, и в последующих походах на околицу деревень обязательно выходили бабы с ведрами молока, с сибирскими шаньгами, жареной утятинной, лакомствами. Они радушно угощали унгерновцев и от денег отказывались, но барон приказывал платить, и тогда комендант за все отсыпал серебром старосте. Барон к обидчикам жителей относился свирепо, и горе было тому, кто попытался бы взять что-либо у сибирского крестьянина без разрешения или денег.

Итак, дивизия остановилась на отдых, но отдыхать не пришлось. Барон получил донесение, что навстречу ему спешно послан особый коммунистический отряд — “Ком-ячейка 106” с приказом уничтожить унгерновцев. “Ком-ячейка” была технически прекрасно обставлена, и люди в ней были испытанные бойцы. В момент донесения коммунистический отряд находился в 120 верстах от унгерновского лагеря. Барон вспылил: “Эта коммунистическая рвань хочет меня уничтожить?! Ну, я покажу этим красноротым! Трубач, играй поход!” И над утомленным лагерем весело запела серебристую мелодию труба: “Всадники, други, в поход собирайся...”

Наутро, в пять часов, дивизия выступила переменным аллюром и двинулась навстречу красным. Поход был тяжелый. Много коней не выдерживало и их тут же, на рыси и намете, меняли, и всадники перескакивали на заводных из монгольского табуна. На рассвете подошли к заветной деревне, где остановилась “ком-ячейка”. Разъезд, врезавшийся на деревенскую окраину, захватил здесь в плен трех красных телефонистов. Они вели линию. Телефонисты точно указали барону, что весь коммунистический отряд в шестьсот человек находится на противоположной окраине этой деревни и спит. Унгерн приказал спешиться и несколькими колоннами через спящую деревню и по кустарнику повел наступление. Подошли. Красные спали вповалку на траве, а вдалеке белела палатка комсостава. Винтовки были в козлах, и около них сонно маячили два дневальных. Унгерновцы дали залп по красному лагерю и с громким “ура!” бросились туда. Коммунары заматались. Часть из них бросилась к винтовкам, но там уже стояли унгерновцы и били в лоб меткой пулей. Некоторые красные становились на колени, некоторые пытались убежать, но, видя, что плотное кольцо уже сомкнулось, испуганно сдавались. Однако из палатки штаб ушел. Барон не предусмотрел этого, спешив всех своих людей. Комсостав в одних портках бросился к коновязи и на неоседланных лошадях ускакал в тайгу. Пока была сформирована погоня, от убежавших и след простыл. Красных убитых было мало. Все были взяты в плен, и Унгерн приказал коменданту 3-го полка штаб-ротмистру Хребтову всех построить, выбрать из них коммунистов и евреев, последних приказано было повесить. Хребтов приказание исполнил и доложил об этом барону.

“Я сам еще посмотрю”, — сказал тот. Солнце уже высоко взошло, когда красный отряд снова был построен, а кругом него стояли унгерновцы и с интересом наблюдали за редким зрелищем. Красные тянулись. Вдали показался Унгерн. “Смирно, равнение налево!” — заорал комендант. Барон медленно подошел, зорко окинул замерших красных и резко бросил: “Здорово, коммунисты!” — “Здравия желаем, Ваше Превосходительство!” — дико, но дружно ответили те. Унгерн пошел вдоль строя и пристально смотрел в глаза каждому из пленных. Те же пожирали его глазами, и от напряжения лица их становились пунцовыми.

На левом фланге барон остановился, смерил глазами стоящего красноармейца и коротко сказал: “Ты жид?” — “Никак нет” — “Покажи паспорт!” — “Ваше Превосходительство, паспорт в штабе”, — залепетал красный. “Да не тот паспорт, другой, природный”, — сказал барон. “Ваше Превосходительство, у меня в детстве была операция!” — замолил посеревший пленный — “Ваше Превосходительство, я Вам как собака служить буду... Ваше Превосходительство, я у палатки Вашей спать буду, охранять буду, ой, ей-ей, как пес верный...” — “Хребтов, ты почему жида на развод оставил?” — грозно спросил Унгерн. “Ваше Превосходительство, он не похож на жида, я и ошибся”, — ответил тот. “Всыпать коменданту 25!” — крикнул барон, и тут же перед ошалевшим от испуга красным строем коменданта выпорол. “А этого повесить... У которого операция...” — коротко добавил барон. Осмотр произвел на Унгерна хорошее впечатление, и он обратился к красным: “Хотите у меня служить?” — “Так точно, Ваше Превосходительство!” — дружно гаркнули те в ответ. “Ну, мне вас всех не нужно, а вот тридцать человек я сам выберу”, — сказал угрюмо Унгерн и, отобрав тридцать человек, приказал есаулу М. сделать из них образцовых солдат. Остальным выдали на три дня продуктов и оставили на месте. Они не хотели оставаться, эти красные, и долго еще бежали около унгерновского коня, хватались за стремя и просили барона взять их в отряд. Ругали коммунистов и говорили, что их они все равно кончат. Но барон своего решения не изменил. Красные остались и, понурих головы, уныло смотрели вслед уходящей грозной дивизии.

“Во всякой организации свои порядки!”

После одного перехода Азиатская дивизия остановилась на отдых. Пленный коммунистический отряд вел усиленные занятия. Старшим у них был назначен бравый солдат, бывший старший унтер-офицер царской службы. Едва всходило солнце, как над лагерем уже неслись его зычные и отрывистые команды: “По порядку рассчитайсь!.. Чего брюхо вылупил, как беременная баба? Чего голову опустил, чи ты старая кобыла, што ли?..” Коммунисты маршировали, шеренгой проходили с отдаванием чести, и коммунистический унтер обращал на это особое внимание. “Во фронт, ты, красная калека, как становишься?.. Это тебе совдепия, што ли? Смотри, как старые солдаты ходили и во фронт вставали... Видал, миндал, Михрют Советеевич?” — и унтер демонстрировал свое искусство. А потом переходил, как он определяет, к “здоровканию”. “Отвечать как сотенному командиру!” — орал он и немедленно басил: “Здорово, орлы!” — “Здравия желаем, господин есаул!” — неслось в ответ. “Отвечать как начальнику дивизии!” — опять заводил он. “Здорово, братцы!” — “Здравия желаем, Ваше Превосходительство!” — гудели коммунисты,

но в их дружный ответ вплетались инициативные возгласы: “господин генерал”, “гражданин генерал”, “гражданин начальник дивизии”, и унтер входил в раж. “Коммунистическая сволота, политграмоту выучили, а здороваться не умеете!.. Какой вам генерал господин, когда они Ваше Превосходительство... Какой тебе, советская сопля, гражданин начальник, когда у генерала превосходительный чин есть...”

Так шли занятия, и скоро бойкий унтер наострил так своих коммунистов, что и старому солдату было любо на них смотреть. Конец же занятий с красными протекал в словесности и в наставлении “уму разуму” своих подчиненных. Он говорил им внушительно: “Никогда не забудь, робя, что у каждой организации есть свои порядки, и ты не моги их сокрушать, потому военно-полевая служба, военно-полевой закон — чик и нету человека...”

Хорошо занимались пленные коммунары и через несколько дней уже были в приятельских отношениях с унгерновцами, но изредка прошлое вырисовывается и повелевает. Есаул М., разбираясь в документах штаба полоненного коммунистического отряда, случайно наткнулся на партбилет бравого унтера. Есаул был ошеломлен, убит и испуган ответственностью перед Унгерном. Есаул вызвал к себе красного взводного, и тот рассказал ему, что его призвали на службу коммунисты, назначили его, как старого унтер-офицера, взводным, а потом предложили записаться в партию. Отказ грозил смертью и лишениями семье. Он стал партийцем. Так это было или нет, но есаулу было жаль бравого солдата, да и себе грозила опасность от барона. Он побежал к генералу Резухину и, когда с трудом доказал ему лихость и ценность красного командира, тот вместе с ним пошел к Унгерну. Барон был мрачен. Он сидел на корточках у печки и ковырял в золе трубкой (ганзой). “Слушай, барон! Вон у есаула красный партиец командует, а ты ничего не знаешь”, — сказал Резухин. Унгерн, было, вскипятился, но когда ему подробно рассказали, что из себя представляет красный унтер и как ведет занятия, он расхохотался, отошел и приказал позвать красного взводного. “Ну, брат, теперь твоя жизнь у тебя в руках”, — говорил ему есаул М. Унтер побледнел, но быстро взял себя в руки, смазал голову салом, начистил сапоги, надел фуражку набекрень и отправился... за жизнью или смертью.

“Разрешите войти, Ваше Превосходительство”, — громко сказал он и, получив короткое: “Войдите!”, — откинул полы палатки, лихо стукнул каблуками и отчетливо стал рапортовать: “Ваше Превосходительство, старший унтер-офицер такого-то полка по Вашему приказанию прибыл”.

Барон долго с ним беседовал, тон его вопроса был сух и строг, но когда он получил спокойный ответ о числе ран у унтера на Германской войне, коротко спросил: “Ты старший унтер-офицер Императорской службы?” — “Так точно, Ваше Превосходительство” — “Ну так теперь будешь младшим урядником, а хорошо служить станешь, произведу в вахмистра”, — сказал барон. “Рад стараться”, — загремел военнопленный, лихо повернулся и весело вышел из палатки.

Через пять минут было видно, как он рвал чистые портянки и делал себе на погоны нашивки-лычки. Среди красных это произвело громадное впечатление, и они в будущем оправдали то доверие, которое оказал им барон. Бесстрашно дрались они с красными, и после, когда все кончилось крахом, ни один из них не остался в окоmunаренной стране. Все они ушли с унгерновцами.

В Урянхайский край

После ликвидации коммунистического отряда “Ком-ячейки 106”, Азиатская конная дивизия не оставалась на отдыхе, еще несколько раз сталкивалась с красными и вела с ними жестокие бои. Унгерн действовал маневром и, держа путь на Верхнеудинск, где он, согласно общему плану, должен был разорвать красный тыл и, заняв город, связаться с семеновскими частями из Читы, бил красных везде наголову. И продвигался дальше, пока на одной из стоянок ему крестьяне не донесли, что против дивизии посланы многочисленные и отборные части 5-й Краснознаменной советской армии.

Барон решил не ждать нападения, а самому перейти в последнее, а потому вышел со своей дивизией красным навстречу, оставив на стоянке, в резерве, 4-й полк. Красные во много раз превосходили числом, артиллерией и пулеметами бароновцев, и конные атаки последних давали лишь потери, но сломить врага не могли. Бой шел целый день, не прекращаясь ни на минуту, и Унгерн носился среди своих разбросанных сотен, как демон ада и мести. Красные цепи не доходили до унгерновских позиций, они немедленно сметались, а барон уже вырывал с позиций одну или две сотни, вел ее в обход и с тыла или фланга в конном строю обрушивался на красных. Те отходили на свои линии, барон бросался снова в атаку, но сил было мало, и снова начинался маневренный бой. Четвертый полк все еще оставался в резерве.

Офицеры полка сошлись в одну из палаток и занимались спиритизмом. На опрокинутом ящике, по бумаге, двигалось спиритическое блюдечко и открывало тайны. Руководил всем сеансом медиум, а офицеры задавали вопросы. Они спрашивали: “Как идет бой?” Блюдечко отвечало: “Много потерь, много убито офицеров, но успешно”. “Барон Унгерн убит или нет?” — задавался вопрос. “Нет”, — был ответ. “В июле месяце он будет убит?” — “Нет”, — снова выводило буквы блюдечко. И добавило: “От дивизии он уйдет”. — “А вызовет сейчас нас барон или нет?” — спросил один из офицеров. “Вызовет”, — был категорический ответ. “А ну его к черту, это блюдце, все врет”, — с раздражением сказал один из офицеров и стал раздвигать полы палатки, чтобы выйти. В это время в ночной тишине послышался конский топот, который все приближался и скоро замер у палатки. “Где командир полка?”, — послышался голос — “Приказание от барона Унгерна”. И это был приказ полку срочно выступить на помощь дивизии. Было двенадцать часов ночи. Блюдечко было право. Полк крупной рысью скрылся в ночной темноте и скоро вошел в гущу боя.

Стало немного отзаривать, и барон снова бросил на красные позиции свои сотни в конную атаку. Бароновцы снова были встречены свинцовым ливнем и ударами на картечь. Они отхлынули. А красные бросились с криками в контратаку и снова легли у унгерновских позиций. Начался день: бой продолжался беспрерывно. Накалялись орудия, жгли руки винтовки, взмыленные лошади тяжело и с шумом поводили втянутыми боками. Конные атаки производились на сопки, в лощины, лошади скакали по кочкам, взбирались на кручи, и некоторые сотни не слезали с коней. К красным же все время подходили новые подкрепления, и силы их превосходили унгерновцев уже в десяток раз.

Вечером барон заявил: “Плевать, морду красным мы расшибли, но драться больше не будем. Не для чего, нам нужно идти спешно на Верхнеудинск”, и приказал развести по всему фронту костры на десять человек один. С треском запылали листовничные головешки, заревом осветилось все темное пространство, и унгерновской позиции, казалось, не было конца. А в это время Азиатская дивизия уже переменным аллюром шла по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. А в одной из зеленых, пахучих дикими травами и цветами лощин, верстах в полуторах от красной позиции, была вырыта братская могила, где были навеки зарыты тридцать боевых соратников. Из них было 18 офицеров. Над могилой чернел крест. Сотни проходили мимо нового кладбища, и ночную тишь резала команда: “Смирно, равнение направо, господа офицеры!” Дивизия отдавала почившим навеки боевым товарищам военный долг: честь и печаль.

Раненых было более 80 человек: тяжелых — с ранами в живот, грудь, в лицо, и легких. Дивизия не имела тыла, кругом были красные, но вести за собой раненых она не могла. Их положили на монгольские арбы, запряженные быками, и отправили в направлении Ван-хурэ без охраны, так как бойцы были все на счету. В числе тяжело раненых везли младшего урядника Глеба Лушников из Троицкосавска, георгиевского кавалера Японской войны, который, несмотря на преклонный возраст и богатство, поступил в дивизию добровольцем. Он был ранен в живот. Раненые не доехали до Ван-хурэ. По дороге на них напали красные и всех до одного человека перерубили.

Унгерн спешно шел к Верхнеудинску. К вечеру дивизия спешила у верстового столба, на котором было отмечено, что до заветного города оставалось всего 60 верст. И в этот момент к барону подскакало несколько крестьян из ближайших деревень, сопровождаемых разведчиками-бурятами. Унгерн отошел с ними в сторону, и крестьяне поведали ему горькую правду: все Забайкалье находится в руках красных, и об атамане Семенове ни слуху, ни духу. Унгерн был поражен и взбешен. План его общей операции с атаманом Семеновым рухнул. Свистел ташур в бароновских руках, когда он подходил к дивизии и бил себя по сапогу. “По коням!” — резко бросил он, круто свернул с дороги на Верхнеудинск и рысью повел утомленную дивизию на разбитых лошадях на юго-запад — в Урянхайский край.

ОФИЦЕРОВ БОЛЬШЕ БИТЬ НЕ БУДУ

Настроение у Унгерна резко изменилось. Он стал зол, как лютей цербер, смотрел на всех зверем, и говорить с ним было опасно. Каждую минуту вместо ответа можно было получить в голову ташур или быть тут же выпоротым. Экзекуции над офицерами стали эпидемическим явлением, шли ежедневная порка, избияния, и страх обуял всю дивизию. Никто не был уверен за свой следующий час, а барона офицеры стали бояться как чумы, черной оспы, как сатаны. На него боялись смотреть, и когда он приказал одному из обозных чиновников приехать и дать справку, последний настолько был перепуган таким свиданием, что заседал коня, убежал в тайгу... и пропал.

Обстановка становилась невыносимой, и уже стали поговаривать, что барон потому зверствует, что хочет перейти к красным. Дивизию одолевали мрачные фан-

тазии, и с таким моральным фундаментом поход в неведомый Урянхайский край никому не улыбался. А Унгерн продолжал бесноваться, надеясь на то, что Монгольским полком командует его ординарец Очиров, а неграмотный бурят Галданов “заворачивает” дивизионом, и потому он гарантирован от каких-либо выступлений со стороны офицеров. Его отношение к последним было хуже, чем к врагам, и барон сменил бурят — “пастухов у табуна” скота — и вместо них поставил пастухами офицеров, например, провинившихся за то, что у одного верблюд ноздрю порвал, у другого уздечка была не в порядке и т.п. С длинными бичами гнали офицеры скот, и это была такая неприятная для всех картина, что смеялись лишь “квазимодо” Бурдуковский, их начальник, да палачи Перлин и др. Бурдуковский же грубо издевался над подчиненными офицерами, лично наказывал их, несмотря на то, что среди последних был командир конно-горной батареи царского времени, заслуженные капитаны и поручики. Но такова уж подлая человеческая натура, а потому и здесь нашелся среди офицеров доносчик, штабс-капитан Мысяков, бывший студент Казанского университета, за свою шпионскую работу назначенный помощником... Бурдуковского. Дивизия глухо роптала, у забитых террором людей стало просачиваться наружу возмущение, и настроение всех представляло пороховую бочку, у которой фитиль еще не подожжен. Едва поднималось солнце, как дивизия уже выступала в поход, а барон продолжал еще час-другой спать и уже после нагонял части. Коменданты же должны были ехать в версте от хвоста дивизии и наблюдать за отстающими.

Однажды вечером барон приказал отправить в разведку двух бурят и забыл об этом, а когда утром нагонял дивизию, то встретил этих бурят позади колонны. В этот момент дивизия остановилась и поджидала барона. Комендант есаул М. сидел вместе с группой офицеров и вел наболевший разговор об озверении начальника дивизии. К офицерской группе подскакал казак и доложил М.: “Господин есаул, Вас начальник дивизии требует”. Это было уже опасно, это грозило поркой или расстрелом. Есаул встал, поставил револьвер на боевой взвод и сказал громко: “Если барон меня сейчас ударит — застрелю!” Офицеры сумрачно молчали.

Есаул М. поскакал навстречу барону. Верстах в четырех от дивизии, на дороге, стоял барон и с ним дежурный офицер подполковник Титов. Увидев скачущего М., барон демонстративно засучил рукав. Есаул увидел эти жуткие приготовления, круто осадил лошадь, вынул из кобуры револьвер, заложил его за пояс и легкой рысью стал подъезжать к Унгерну. “Слезай с коня!” — крикнул барон и вырвал у есаула повод. М. слез. “Ложись!” — приказал Унгерн. Есаул побледнел, задрожал и пронзительным голосом сказал: “Ваше Превосходительство, довольно! Я не позволю себя бить... Довольно издеваться... Я офицер царской армии, а не Ваш холуй... Я не позволю!” И есаул взялся за ручку револьвера.

Барон пристально посмотрел на офицера, кинул ему повод и бросил возглас: “Ишь, разжалобил!”, поставил коня на дыбы и начал бить его ташуром... и помчался. За ним бросился дежурный офицер. М. остался один. В голове его бродила мысль: “Ну, теперь все равно кончит, а куда ехать... кругом красные...” И он шажком поехал к дивизии. Версты через полторы он нагнал Унгерна. Барон махал ему рукой и кричал: “М., иди сюда!” Есаул подъехал и взял под козырек. “Что же ты ничего не смотришь. Непорядки!.. Опять два бурята отстали...” — говорил он спокойно. “Ваше

Превосходительство, так ведь этих бурят Вы сами же послали в разведку, вот они и нагоняли дивизию”, — угрюмо ответил М. “Разве? Зря бы я тебя выпорол”. Есаул промолчал. “Ну, как у нас в дивизии?” — спросил барон. “Плохо, Ваше Превосходительство, в Урянхай никто идти не хочет... Да пошли бы, но Вы же каждый день избиваете так офицеров, что даже солдаты и те возмущены... Что им, приятно видеть своего командира полка или сотни всего Вами избитого... С синяками или выпоротого...” — резко ответил М. “Гмм... А чего они на востоке делать будут? Локти кусать? А Урянхай богат, там можно обосноваться и оттуда начать налеты на красных...” — крикливо заговорил Унгерн и добавил: “А офицеров пороть больше не буду... Буду прямо посылать с пленными красноармейцами к красным...”

Дивизия тронулась дальше, к озеру Хубсугул, где сгруппировались крупные советские части.

Последняя капля

Тревожное время переживала Азиатская конная дивизия барона Унгерна. Люди ее замолкли, стали угрюмы, и над вечерним лагерем уже не неслись бодрые хорошие песни, не видно было барахтающихся на зеленой мураве казаков, не сыпалась солдатская брань, и лишь вечерняя поверка еще говорила, что дух воинской части не пропал. Когда вся дивизия выстраивалась на поляне, и после команды: “На молитву”, “Шапки долой!” в поднебесную высь неслись разноязычные молитвы, чувствовалась мощь и духовная близость. В одном углу торжественно и стройно пели: “Спаси, Господи, люди Твоя”, в другом конце заунывно тянули татары: “Иль Алла...”, рядом пели молитву отдающей стариною и тоской степи буряты, в голос бормотали китайцы, и громко пели японцы свой национальный гимн... Эта картина мольбы к Богу на всех языках в глухой тайге или на берегу степной реки была величественна, исключительно своеобразна и незабываема.

А потом лагерь угрюмо замирал, и лишь изредка брякали шашки и винтовки проходящих на смену застав и караулов сторожевых частей. Дивизия жила последние дни, и это инстинктом чувствовал самый последний из диких монголов. А барон продолжал зверствовать, и его палач Бурдуковский ходил ошалелый от ежедневной кровавой работы... Но ему, этому забайкальскому “квазимодо” все было мало, и он докладывал Унгерну в открытой палатке: “Ваше Превосходительство, чего с этими офицерами-пастухами возиться будем... Скотишка мало осталось, а эту падаль надо кончить, Ваше Превосходительство!” — “Так ты тогда сними с них сапоги, отбери все офицерские вещи и, когда дивизия выйдет, кончи их... Ну, иди!” — слышался спокойный голос барона. “Слушаю, Ваше Превосходительство!” — прохрипел Бурдуковский и с самодовольной рожей вышел из бароновской палатки. Комендант дивизии есаул М. тихонько отошел от палатки и в раздумье пошел по лагерю. Было ясно, что участь несчастных 28 офицеров-пастухов была решена. Бурдуковский со своими палачами свяжет, задушит или зарубит их. М. пошел в конец лагеря, где разместились офицеры-пастухи. С них уже Бурдуковский снимал сапоги, и лица у офицеров были серые. Они понимали, что это значит.

Как подстегнутый есаул бросился к командиру 4-го полка войсковому старшине Маркову и только хотел с ним поговорить о том, что он слышал, как в командир-

скую палатку принесли офицерские сапоги и вещи. М. молчал. Марков вызвал вахмистров и приказал им раздать по сотням вещи. Те забрали и ушли, но через полчаса вернулись и доложили: “Господин полковник, всадники отказались брать офицерские вещи. Говорят, что с убитого красного они возьмут, но со своего офицера никогда... И разговоры идут очень плохие”. — “Слушай, иди и доложи об этом барону. Быть может, он опомнится”, — сказал есаул Маркову. Но тот наотрез отказался, и М. пошел к начальнику пулеметных команд подполковнику Евфаритскому, а по дороге снова заглянул на обреченных офицеров. Картина была потрясающая. Все они были босы, в одних рубашках, порванных штанах, сидели кружком, молча и мрачно резали сырую коровью кожу на четырехугольники, углы которых связывали кожаными полосками. Они шили себе онучи, надеясь, что, быть может, еще какое-нибудь чудо спасет их от неминуемой смерти, и они переход останутся живыми. Кошмар непередаваемый, картина, полная тоски.

— Слушай, Евфаритский, больше терпеть нельзя! — заикаясь, говорил М. — Надо кончать с произволом барона, иначе он нас всех передушит...

И есаул рассказал, что он видел. Евфаритский созвал секретное совещание, на которое пришли поручик В. Виноградов, доктор Рябухин, войсковой старшина Львов, поручик Озеров, штаб-ротмистр Частухин и др. Решили сделать переворот, арестовать барона и выгнать его из дивизии, командование передать генералу Резухину и двигаться на соединение с войсками атамана Семенова, на восток. Во главе заговора встал Евфаритский, популярный и уважаемый в дивизии офицер. В эти дни генерал Резухин стоял с бригадой в 20 верстах, так как крупно поссорился с Унгерном и шел отдельно. Заговорщики уже знали, что 3-я и 4-я сотни собирались бежать самостоятельно на восток, а потому их предупредили, а так как вся разведка была в руках у есаула М., то скрыть на день или на два заговор можно было безопасно. Опасаться нужно было лишь монгольского полка, который считал барона Унгерна своим “богом войны”, да бурятского дивизиона. А потому, чтобы гарантировать себя от монгол, было решено, что на другой день, после совета, поручик Виноградов в двенадцать часов ночи откроет огонь из орудий по монгольскому расположению. Монголы, конечно, бросятся в бегство, а чтобы прервать связь Унгерна с Резухиным, то от верных сотен было выставлено сторожевое охранение. Так и было сделано. Барон не получал от Резухина донесений, а Резухин от барона, и такое положение продолжалось сутки. В это время Евфаритский спешно заканчивал подготовку к перевороту, как вдруг, со стороны резухинской бригады прискакал казак и передал на заставе, что генерал Резухин и несколько его офицеров убиты.

В резухинской бригаде был сделан переворот, и один из популярных и любимых вождей Азиатской дивизии, боевой генерал, верный для всех унгерновцев боевой товарищ и всегдашний заступник перед бароном, был застрелен несколькими офицерами. Заговорщики растерялись; это спутало все их планы.

УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА РЕЗУХИНА

Бригада генерала Резухина шла от Унгерна отдельно, в двадцати верстах позади, что произошло после крупного разговора, закончившегося полуразрывом. Но о чем говорили бригадный и начальник дивизии, никто не знал, и лишь делали предпо-

ложения, что Резухин не выдержал зверской психопатии Унгерна и встал на защиту офицеров. Факт же был налицо — дивизия шла двумя колоннами, причем на таком расстоянии, чтобы, в случае нажима со стороны красных, действовать сообща.

Когда генерал Резухин брал себе бригаду, Унгерн предложил ему любые полки, и он выбрал полки — Татарский Парыгина и 2-ой Хоботова. Парыгин и Хоботов были произведены бароном в полковники из младших обер-офицерских чинов. В боевом отношении они были хороши, но как командиры полков совершенно не отвечали своему назначению. Да барон и не требовал этого, так как в походах и боях лично управлял не только полками, но и сотнями. Унгерновцев не удивляла резкая метаморфоза, когда в командиры полков Унгерном назначались его ординарцы. Все они были лишь полковые представители, но не полковые командиры в прямом и лучшем смысле этого слова. Но выдвижение Парыгина и Хоботова на высшие командные должности и производство их в полковники прошло по особому ходатайству бригадного командира, что впоследствии этими начальниками было забыто.

Генерал Резухин, как мы уже говорили, пользовался огромной популярностью среди унгерновцев, непререкаемым военным авторитетом и, главное, любовью, которая у нижних чинов, да и у многих офицеров доходила до институтского обожания.

Итак, Резухин шел позади и во время последней остановки расположился лагерем в двадцати верстах от Унгерна. В штабе у него находился штабс-капитан Безродный, догнавший дивизию после своего жуткого преступления, когда он вырезал все русское население от Урги до Улясутая. Настроение в бригаде также было подавленное. Поход на Верхнеудинск не удался, кольцо красных сжималось, в продуктах уже был недостаток, шелковые тарелки превратились в лохмотья, приближалась зима, и идти в неведомый Урханский край, где около озера Хубсугул поджидали унгерновцев крупные советские части, многим не улыбалось. Настроение большинства было — повернуть назад, на восток, к атаману Семенову, который являлся спасительным маяком, несмотря на то, что о нем не поступало никаких вестей.

Это настроение особенно господствовало среди офицерского состава, который барон методически убивал и запарывал. И в резухинской бригаде всплыл офицерский заговор, во главе которого был Хоботов, войсковой старшина Слюс, полковник Кастерин и др. В заговор был посвящен и Парыгин, но некоторые детали переворота ему переданы не были, так как этот командир полка считался большим и личным другом генерала Резухина, а потому мог, по приятельскому чувству и долгу боевого товарища, предупредить последнего. Этого, конечно, не могло случиться, так как Парыгин не принадлежал к категории офицеров-рыцарей и собственную шкуру и честолюбие ставил выше дружбы и товарищеского долга и даже намеком не предупредил Резухина — друга и командира о грозящей ему опасности. Он поступил так же, как с приятелем Архиповым, о казни которого знал заранее. Парыгин умыл руки и стал ждать, сам в активное число заговорщиков не вступая. Наконец заговор созрел и был приведен в исполнение.

В палатку Резухина ввалилась толпа предателей-офицеров во главе с Хоботовым, Слюсом, Кастериным и др. Они резко заявили, что бригада дальше не пойдет, а возвращается на восток, и ему предлагают присоединиться к общему решению и вести бригаду. Генерал Резухин спокойно выслушал истеричные выкрики и потом

хладнокровно ответил, что на это он не согласен, что он считает позором бросать даже Унгерна в нынешней обстановке, когда враг все более и более сжимает кольцо и когда всем нужно напрячь силы, чтобы пробиться и выйти, хотя бы и в Урянхайский край... Бросить же боевого товарища, первую бригаду, он считает нечестным и отказывается от предложения... Генерал добавил о том, что прекрасно понимает нынешнюю обстановку и общее настроение, болеет за всех душою, но изменить воинскому долгу, чувству святого товарищества не может. Так ответил Резухин и получил за это пулю в грудь. Момент был жуткий. Генерал покачнулся, но гордо встал, прижал руку к простреленному месту, выбежал из палатки и заскочил в палатку к младшим офицерам, веря, что там найдет спасение. Он глубоко ошибся, и, когда пошел к этим офицерам, прапорщик-оренбуржец выхватил из кобуры револьвер и несколькими выстрелами в упор убил боевого и любимого всеми генерала.

Бригада “перевернулась”, как говорили казаки. Начались убийства негодных, и следующего после генерала Резухина застрелили штабс-капитана Безродного. Труп его выбросили в речку. Командование бригадой принял Хоботов и немедленно приказал собрать все ташуры, которые под громкое “ура!” сжег, как наследие Унгерна. Потом он вызвал Парыгина и предложил ему подчиниться, на что последний поспешно согласился. Взбунтовавшаяся бригада выступила на восток, но не прошло и несколько дней, как среди ее командного состава начались интриги за власть, и два полка рассыпались по тайге и степям. Часть из них была перебита красными, часть сама перешла к последним, а остальные, группами в пять, десять и двадцать человек, сумели выйти на станцию Маньчжурия и на Хайлар. Позднее некоторые добрались до Гродеково, а остальные осели в полосе отчуждения. Так закончила свою эпопею половина Азиатской конной дивизии.

МЕСТЬ ЗА ПОРУГАННУЮ ЧЕСТЬ

В гористой местности, у холодного ручья, на широкой зеленой долине доживала последние часы знаменитая Азиатская конная дивизия барона Унгерна. Много она пережила и переиспытала, но чаша ее изумительного по долготе терпения, наконец, переполнилась, и возмущение, страх, гнев и боязнь широкой волной вылились из нее, и она, покончив с Унгерном, покончила и с собой. Убийства и самоубийства слились в одно целое и нераздельное.

После обстрела из орудия Монгольского полка заговорщики решили идти в составе Евфаритского, есаула М. и еще нескольких офицеров к Унгерну и потребовать от него ухода из дивизии, а в случае бароновского несогласия — застрелить его. И после убить Бурдуковского, штаб-ротмистра Белова, Перлина и бароновского ординарца Бушмакина и тем самым очистить дивизию от унгерновского кошмара.

Переворот был назначен на 17 августа 1921 г., но утром Евфаритский передал есаулу М., что выполнение заговора отсрочивается, так как близко красные. М. поверил, ушел к себе в палатку и погрузился в тревожную дрему, от которой его разбудили два орудийных выстрела и редкая ружейная стрельба. Есаул выскочил из палатки, сел на лошадь и поехал по лагерю. Майханы, согласно плану заговорщиков, во всей дивизии уже были сняты, и люди готовы к походу. Но никто не знал,

почему стрельба, и предполагали, что выстрелы были направлены по появившейся где-нибудь группе красных. Весь унгерновский лагерь, по неведомому приказанию, снялся и направился на восток. Навстречу М. быстро ехал Евфаритский с револьвером за поясом. “В чем дело?” — бросился к нему М. “Да вот, переворот устроили”. — “А где барон?” — “Черт его знает, где! Подошли мы к его палатке и открыли огонь, да в темноте ошиблись и обстреляли майхан восточей. Барон выскочил и орет: “Вы чего тут, сволочи, делаете? Что за стрельба?..” — “Ну, кто-то из наших не выдержал и выстрелил по нему.... А барон сразу же бросился в чашу и исчез.... Ранен он или просто где-нибудь скрывается, ни черта неизвестно...” — рассказывал возбужденный Евфаритский. “Ну а кто же принял командование?” — “Да пока никто”, — отвечал главарь заговора. “Маркову нужно принять... Он командир полка”. Поехали к Маркову, который с полком тянулся в одной дивизионной колонне. Марков сначала наотрез отказался принять командование, но когда ему заговорщики рассказали картину бегства барона и намекнули на его арест, он согласился.

В это время к группе офицеров подъехал доктор Рябухин, которому было предложено убить Бурдуковского. Доктор изъявил на это горячее желание, стрелой покосился к Бурдуковскому... Любезно поговорил с ним и отъехал в сторону. У доктора не хватило духа. Дивизия же продолжала двигаться, не зная, куда и зачем, но чувствовалось всеми, что-то большое, а потому люди ехали молча и мрачно. Дивизия переживала жуткий момент.

Есаул М. подъехал к Бурдуковскому и спросил его: “Куда мы идем?” — “Не могу знать. Все едут и я тоже”, — растерянно ответил тот. “А где начальник дивизии?” — “Я тоже не знаю. Я вот с быками еду”, — объяснил, разводя руками, забайкальский “квазимодо”. Дивизия вышла на открытое место, где не было ни одного дерева, и которое молодая луна смутно освещала потоком своих слабых лучей. Колонна остановилась. Полки оказались в голове и в хвосте, посредине обоз, артиллерия и пулеметные команды. Часть Монгольского полка с Очировым также оказалась в дивизионной колонне. Остальные же монголы бежали. Сумрачен был командир батареи Дмитриев — офицер из солдат, малограмотный, и бароновский наушник. Человек, из-за которого погибло немало людей. Он смотрел волком, но молчал и ехал со всеми.

Прошло полчаса. Дивизия стояла и не знала, кто ею командует и что будет дальше. Переворотные 3-я и 4-я сотни вышли на бугор и там рассыпались цепочкой, как бы заняв позицию против красных и... против барона Унгерна. Заговорщики пока решили произвести чистку. Они группой приехали в красную сотню, которой командовал штабс-капитан Белов, арестовали его и Перлина, связали им руки и бросили в одну из арб. Сотню штабс-капитана Белова принял доблестный и примерный офицер — хорунжий Псиол, который был в этой сотне на должности младшего офицера. Нужно было покончить с главными палачами — Бурдуковским и Бушмакиным, которых решили поручить пулеметчикам с военным чиновником-амурцем Павлом Федоровым. Последнему приказали, что как только к пулеметчикам подойдет Бурдуковский — “Руби!”

Пулеметчики вышли на бугор и остановились там, напоминая своим смутным очертанием группу начальников, осматривающих позицию. В это время есаул М. крикнул по колонне: “Бурдуковский!” — “Я”, — ответил последний и подошел к

есаулу. “Иди, тебя зовет начальник штаба” — “А где он?” — спросил “квазимодо” — “Да, вон видишь, на бугре стоит” — “Ну, так я сейчас на коне...” — “Да не надо коня. Иди скорее так”, — решительно говорил ему М. Бурдуковский, спеша и задыхаясь, побежал на бугор. М. ехал позади него, держа наготове револьвер. Бурдуковский подбежал к пулеметчикам и, увидев, как блеснул над его головой клинок Федорова, крикнул: “Меня то!” — и повалился на землю. Федоров снес полчерепа унгерновскому палачу.

Очередь оставалась за Бушмакиным. Есаул М. поехал разыскивать его и нашел этого второго палача в обозе, при бароновских вещах. “Бушмакин!” — крикнул ему М. “Ну чего там?”, — ответил тот и лениво подошел к М., держа руку на рукоятке маузера. “Бушмакин, ты арестован”, — резко сказал ему есаул. “Меня только “дедушка” может арестовать”, — запальчиво бросил тот и стал вытягивать из кобуры револьвер. Видя это, есаул ударил его по руке, вырвал маузер и яростно крикнул: “Иди, сволочь кровавая!” и, выхватив клинок, снес ему череп. Есаул был взбуроражен, с ненавистью смотрел, как лилась кровь из головы убитого, и вытирал о траву шашку... Вдруг весь лагерь вздрогнул и замер.

Зычный бароновский голос потряс тишину летней ночи: “Бурдуковский, Очиров, Марков!!!”, гремело по лощине и гулким эхом отдавалось в горах. И жуткий страх овладел всей дивизией, и самые храбрые из бойцов задрожали и растерялись. Некоторые во главе с начальником штаба полковником Островским залезли под телеги, многие уткнулись лицом в траву, и гробовая тишина наступила в предгорной долине, и даже лошади перестали фыркать и заострили свои уши. Барон вихрем промчался на лошади, и его громкий голос продолжал бить в барабанные перепонки перепуганных людей... Есаул М. также растерялся, с трудом поймал лошадь и тихо поехал разыскивать Евфаритского. Он подъехал к пулеметной команде... Барон же продолжал скакать вдоль колонны и кричать: “Бурдуковский! Бурдуковский!”, пока в ответ не прорезал ночную тишину иронический голос: “Бурдуковский пошел к начальнику штаба!”

Люди постепенно приходили в себя, и, когда Унгерн кричал: “Сволочи, куда идете? Что делать будете на востоке?..” в колонне уже кое-кто невнятно бормотал ругательства. А барон все еще кричал: “Бурдуковский, Очиров, Марков!!!” Он ездил вдоль колонны, пока не наткнулся на командира батареи Дмитриева. “А, и ты тоже!” — заорал он — “Старый дурак, куда поехал?..” — “Не могу знать, Ваше Превосходительство... Все идут и я тоже”, — растерянно прохрипел Дмитриев. “Поворачивай обратно, старый черт”, — приказал ему барон и поскакал к полку. “Садись!” — подал команду артиллеристам Дмитриев. Батарея начала заворачивать.

Есаул М. подскочил к нему: “Не смей! Оставаться на месте!” — крикнул он. “Мне начальник дивизии приказал”, — угрюмо прохрипел Дмитриев и продолжал отдавать приказания. “Оставаться на месте, я Вам приказываю! Я начальник дивизии!” — резко бросил ему М., и, видя, что батарея уже уходит, приказал пулеметчикам навести на нее пулемет. “Ленту заложить, господин есаул?” — спокойно спросил урядник. “Заложь, и если батарея не займет старого места в колонне, открывай огонь!” — “Слушаюсь!” — сказал пулеметчик, вложил ленту и навел пулемет на батарею. Артиллеристы остановились и соскочили с лошадей.

Есаул М. поехал разыскивать офицеров, и в этот момент перед ним выросла конная фигура барона Унгерна. Луна вышла из облаков и на мгновение осветила его лицо. Оно было страшно. Безумные глаза светились, блестели, один ус был опущен вниз, другой поднялся вверх... Барон сидел в седле без подушки; лошадь его била копытом землю. Есаул М. осадил коня, а барон уже кричал: “А ты что здесь делаешь, слепая курица? Ташура захотел?” — “Ваше Превосходительство”, — забормотал тот в ответ, потом приподнялся на седле, выхватил револьвер, направил его на Унгерна и спустил курок. Осечка! Барон увидел это. Он моментально поднял на дыбы кобылу, повернул ее на задних ногах и скакнул в темноту. Вслед ему загремель есаульский выстрел... Потом другой, третий, четвертый, пятый... Барон Унгерн уже скрылся, а по нему защелкали ружейные выстрелы, и несколько раз стукнул пулемет. Барон Унгерн исчез в темноте ночи.

КОНЕЦ БАРОНА УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГА³⁸⁷

Там, где совершался последний акт трагедии Азиатской конной дивизии, была гористая пересеченная местность, где лесные рощи сменялись небольшими лугами, где журчали горные ручьи, и были овраги, заросшие густым кустарником.

В начале бунта дивизии, как уже сказано, одно из орудий заговорщиков обстреляло Монгольский полк, и большая часть монгол метнулась в ночную мглу и исчезла в складках местности. Барон Унгерн, преследуемый пулями своих подчиненных, ускакал в том же направлении, куда бежали монголы. Гордый, властный человек, вероятно, переживал душевную бурю... Его предали. Его дивизия открыла по нему, ее начальнику, огонь. Его подчиненные выгнали его, как ненужную и опасную собаку, как бешеного волка... Его, жестоко боровшегося с красными, оставили одного в красном кольце, под угрозой винтовок своих и мучительной смерти от советских... Барон Унгерн метался на этом роковом монгольском участке, как дикий затравленный зверь... Его знаменитая серая кобыла Машка пулей перелетала овраги, врзалась в лесную чащу, вихрем неслась по лощинам, и пена клочьями летела с ее боков.

Барон метался до рассвета. И когда первые солнечные лучи брызнули на землю, он заметил на одной из опушек леса большую конную группу. Были ли это свои, чужие ли, — он не знал, но доведенный душевным состоянием до полного безразличия, чередующегося с припадками бессильного бешенства, он помчался на опушку... Там были убежавшие монголы. Их степные глаза, не уступающие по зоркости кабарге или степному орлу, быстро различили, что к ним скачет гроза и смерть азиатских всадников — сам барон. Монголы замечались, загорготали на своем диком наречии, в панике схватились за винтовки и открыли по приближавшемуся Унгерну беспорядочную стрельбу. Пули тоскливо выли около него, рвали землю, но барон не обращал на это внимания и бешеным наметом приближался к монголам. Монгол обуял страх. Монгольская легенда, что барона Унгерна не берут пули, что он — “бог войны”, бросилась в их первобытный мозг, и картина резко изменилась. Монголы соскочили с лошадей, пали на землю, и утренний рассвет огласился их жалобными мольбами — простить и помиловать их, поднявших руку на “бога войны”.

Барон остановил лошадь, медленно слез с нее, пристально и долго смотрел на лежащих и стоящих на коленях монгол и резко бросил им: “Дикие собаки, я прощаю вас, но горе вам будет, если вы не исправитесь!” Монголы в страхе забормотали клятву, бились лбами о землю, но Унгерн круто повернулся, отошел в сторону, сел на кочку и приказал позвать к нему старшего из монгол. И когда тот, подобострастно кланясь, приблизился, барон приказал принести ему воды и майгало – монгольскую водку. Он осушил целый жбан воды, выпил майгало и приказал поставить себе майхан — палатку. Отдав приказание о том, чтобы все отдыхали, барон вошел в палатку, бросился на кошму и уснул мертвым сном.

Это был его последний сон среди своих азиатских всадников. Монголы учли момент, учли то, что барон принесет им в дальнейшем гибель, и начали совет. Группа старших монгол, сидя на корточках под громадным дубом, шепотом решала, как спастись. Убить Унгерна нельзя — он “бог войны”, и смерть его не берет, но освободиться от него нужно. Монголы выработали план... К палатке барона змейками поползло несколько самых отважных храбрецов, бесшумно вползли в палатку, накинули на голову Унгерна тарлык (монгольская верхняя одежда), в одно мгновение скрутили ему веревками руки и ноги и, отдавая поверженному “богу” поклоны, бесшумно исчезли. Монгольская конница села на коней и умчалась в сторону Монголии.

Барон лежал без движения, он временами впадал в тяжкое забытие, и снова жуткая действительность вползала змеей-медянкой в его голову. Шумел лес, весело пели птички, стрекотали кузнечики, и большой черный жук с любопытством ползал по Унгерну, недоумевая, что это за колышущаяся гора. Солнце перевалило за полдень, и издали слышались звончатые звуки копыт... Кто это? Свои враги или чужие враги? Это был разъезд 5-ой Краснознаменной советской армии. Разъезд осторожно подъехал к палатке, три человека спешили и с винтовками на изготовку открыли полу палатки. Внутри ее лежал связанный человек, голова которого была закутана старым монгольским тарлыком. Красные вошли, сорвали тарлык и отшатнулись.

На них смотрело помятое красное лицо с рыжими усами и небритым подбородком. Взгляд человека был темный, как жуткая ночь, и страшен, как взор помещанного. На плечах виднелись старые помятые генеральские погоны, а на груди поблескивал белый Георгиевский крестик. “Эй, товарищ, ты кто?” — крикнул ему старший разъезда. “Я — начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг”, — громко и отчетливо ответил связанный человек. Красные обалдели. Им привалило неслыханное счастье. Разъезд заволновался, памятуя слова советского приказа: “В случае взятия в плен начальника Азиатской конной дивизии барона Унгерна надлежит обращаться с ним бережно, охранять его как драгоценную вещь и немедленно доставить в штаб армии”.

Красные развязали Унгерна, обыскали его, но у него, как всегда, ничего не было — ни оружия, ни денег, ни документов. Барон встал, шумно вздохнул, потянувшись, пристально посмотрел на красных и пошел к лошади. Красные смотрели на него с ужасом и с каким-то проникнутым уважением. Они окружили его и медленно двинулись, соблюдая все меры предосторожности, в сторону озера Хубсугул. А на пятой версте разъезд переходил быструю речку, и барон умышленно или нечаянно сорвался с лошади и упал в глубокий водный поток. Красные с трудом выловили его из воды и

доставили в штаб Красной армии. Все они были строго наказаны за то, что плохо охраняли и берегли пленного барона Унгерна, едва не утонувшего в горной речке.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПО КРАСНЫМ

Итак, первая бригада Азиатской конной дивизии со своим начальником бароном Унгерном разделалась. Под свист пуль он бежал в лесную чащу, а три офицера-“пастуха” бросились за ним в преследование... и не вернулись. Их судьба неизвестна до сих пор.

В первые моменты после изгнания барона, фактически бригадой управлял есаул М. Он немедленно же назначил командиром 4-го полка вместо бежавшего войскового старшины Маркова ротмистра Забиякина и командиром одной из батарей боевого офицера капитана О., переменил командный состав в полках и остановился на вопросе, кто же займет место барона Унгерна. Вопрос был чрезвычайно сложный и опасный.

Дивизия громко разговаривала, вспоминая детали промелькнувшего, как в сказке, события, и среди возбужденных голосов особенной залихватой трелью слышался говорок доктора Рябухина, восклицавшего: “Ну, если бы я увидел его, — от моей пули он не ушел бы...” А у самого весь тарлык был в траве и грязи. Доктор, кажется, отсиживался под арбой, как и многие другие. М. ездил по лагерю и кричал: “Где начальник штаба?!” — “Я здесь!” — наконец послышался голос полковника Островского, и его голова испуганно показалась из-под телеги. “Господин полковник, барон Унгерн бежал. Марков, Львов и другие скрылись, подполковник Евфаритский также бежал, а потому принимайте бригаду. Вы старший...” Островский еще более испугался, занервничал и стал отказываться: “Я не знаю, могу ли... Да и как я приму?...” — говорил он. “Да так, принимайте и больше никаких. Вы начальник штаба”. Островский нехотя согласился, но спросил: “Что же я должен делать?” — “Вести бригаду на восток, а если догоним резухинскую, то ее расхлестать за убийство генерала Резухина”, — был резкий ответ.

Через полчаса унгерновцы двинулись на восток и после маленькой остановки продолжали свой быстрый восточный отход, пока не подошли к р. Селенге. Шли с мерами охранения, и когда стали подходить к реке, в арьергарде уже послышалась стрельба. Унгерновцев настигали красные. Река была непроходима, брода не было, и это осложняло обстановку. Экстренно был созван совет, на котором было решено по дну переправить орудия, стоя на лошадях и держа носилки в руках — раненых, обоз и все лишнее. Оставить все двадцать пулеметов, бойцов, занять высоты и ждать красных, памятуя, что если им сейчас не дать отпор, их преследование будет бесконечно. Так и было сделано. Местность представляла полукольцевую горную расщелину, поднимающуюся лугом к перевалу и круто спускающуюся оттуда к реке. Сотни заняли позиции, на особых местах установили пулеметы и стали ждать свистка-приказа: “Огонь всеми!” Стали ждать.

Солнце ясно освещало лощину и темневшую вдаль опушку леса, на которой тянулась змеею дорога. Вот показался наш арьергард, прошли последние дозоры, и снова стало тихо и мертво. Прошло полчаса, час. На опушку леса выскочил всадник, метнулся шагов на десять кругом, зорко огляделся и пулей умчался в лес. Минут че-

рез десять из опушки выкатился и весь головной разъезд. Долго стоял он на лесной окраине, потом отправил в тыл одного всадника, а сам медленно двинулся вглубь лощины, к перевалу. За ним из леса вытянулась конная группа, которая также медленно и осторожно, уступами, стала подвигаться по горной долине. И скоро из лесной опушки показалась бесконечная колонна пехоты. Весь отряд красного штабс-капитана Щетинкина вполз в лощину и поднимался на перевал. Красные видели отдельную группу унгерновского штаба, но их глаза не различали притаившихся за скалами и серыми камнями остальных унгерновцев, не видали закрытые травой смертоносные дула пулеметов... Конные красные махали шапками, фуражками и шашками унгерновской группе, последняя оживленно отмахивалась, а есаул М. ожесточенно крутил над головою свой красный штабной башлык. Красные недоумевали: в чем дело? Сдаются или идут на переговоры? Наконец их конники не выдержали, из их группы выскочило несколько человек, промчались сажень пятьдесят, вздыбили лошадей и закричали: “Товарищи комиссары, вперед на переговоры!”

И в ответ на это с горы, из унгерновской группы, раздался острый и длинный свисток..., и затарахтели свинцовым разговором унгерновские пулеметы и винтовки. Начался не бой, а расстрел белыми красных. Отдельных звуков слышно не было — все слилось в один сплошной и мощный гул-стрекот, а в лощине уже начался ад. Вздымались на дыбы лошади и падали, кричали люди и тоже падали, все смешалось в одну массу, в один живой мечущийся клубок; кони с храпом носились по зеленой лощине, а отдельные люди бежали, падали, вставали, оставались на месте и ползли к опушке леса... А лесная чаща уже стонала и похрустывала от ломаемых пулями веток, и жалостно трепетали листьями деревья.

Отряд Щетинкина был уничтожен почти полностью. Из отряда спаслись лишь единицы. Разгром красных был закончен в десять минут, и полукольцевое горное ущелье огласилось ликующим “ура!” унгерновцев. Через час бригада спокойно переправилась вплавь через реку и на противоположном берегу устроилась на продолжительный отдых.

НА ВОСТОК

После жестокого разгрома большевистского отряда Щетинкина под рекой Селенгой, унгерновская бригада перешла через реку и остановилась на отдых на несколько дней. Стоял жаркий и обильный жизнью природы июль месяц, душистые травы дополняли воздух своим бесконечным ароматом, река была чистая, светлая, вода в ней была холодная, и унгерновцы отдыхали душой и телом. От вечного страха перед Унгерном, от его ташура, от мыслей о расстреле, о разгромленных наголову красных и жили думами о востоке и о том, что впереди ждет отдых и короткий мирный перерыв. Песни, смех и веселый разговор нарушали круглые дни селенгинскую окрестность, набирались силами всадники и лошади, и думки о том, что произошло, и как избавились от жестокого барона, уже уплывали в дымке других походных интересов.

Командование бригадой принял начальник штаба барона Унгерна полковник Островский, человек вялый, малорешительный и далекий от инициативы. Он принял бригаду по старшинству, так как военная субординация еще крепко жила в офи-

церских мозгах. Впоследствии этот полковник перешел на службу к красным, но вряд ли они в его лице приобрели ценную личность.

Отдых закончился, и бригада в стройном порядке выступила на восток. А с выступлением начались непорядки. Унгерновцы, привыкшие к тяжелому ташуру барона и к мысли, что за всякий беспорядок, за нарушения воинской дисциплины, он без особых разговоров повесит на первой осине, решили распоясаться, тем более новый начальник авторитетом и уважением не пользовался. По пути, тут и там, маячили монгольские юрты, ходил скот, и более ретивые пытались “грабануть”. Монголы, хорошо не учитывающие, кто идет, красные или белые, грабители или настоящие солдаты, при приближении колонны бросали свои юрты и спасались бегством. Этим начали пользоваться отдельные всадники, а среди них первенствовали артиллеристы Дмитриева, который сам был не лишен желания бесплатно поесть то, чего не было в обозе. Положение становилось серьезным, и бригаду ждал полный развал и дезорганизация. Полковник Островский растерялся, но на выручку пришел есаул М. Он решительно взял в руки эмблему бароновской власти — ташур и начал действовать. Как только из колонны вылетала группа мародеров и мчалась к монгольской юрте, ее догонял есаул, и жестокие удары по головам и лицам сыпались на “молодцов”. Некоторые пытались протестовать, но ташур делал свое дело, и мародерство через несколько дней прекратилось.

Шли унгерновцы в буквальном смысле слова раздетыми. Шелковые тарлыки превратились в одни лохмотья, ноги вылезли из ичиг, а июльские ночи в Монголии были холодные и пронизывающие. Остро чувствовалась и недостача в продуктах. Нужно было находить выход: или грабить монгол, или достать все необходимое другим путем. Положение спасали монгольские монастыри. Они попадались по дороге, и некоторые из них были не только безмерно богаты, но и велики, как крепости.

В монастырях-крепостях, окруженных высокими стенами, жило по пятьсот и по тысяче монгольских лам, и этот монгольский священный класс помог унгерновцам. Монахи плохо знали, что из себя представляют унгерновцы, и наглухо затворялись в своих крепостцах, но когда специально командированные офицеры с небольшим нарядом казаков приезжали к ним и почтительно просили за деньги снабдить их бригаду одеждой и продуктами, ламы, удостоверившись, что это не красные и не степные бандиты, охотно шли навстречу. Скоро бригада не только приоделась, но и частенько смаковала особое монгольское лакомство “урму” — молочную пенку, несколько раз сложенную и высушенную на солнце.

Так шли дни. Бригада шла по ночам, храня силы лошадей, и постепенно продвигалась к заветному пункту, к Хайлару. Поход был тяжелый, степь казалась необъятной, и лишь далекие горы немного освежали и немного украшали общий унылый ландшафт. В один из походных дней, на стоянке, к полковнику Островскому пришел командир остатков Монгольского полка полковник Очиров и доложил: “Хосподин полковника! Я хочу Вас просить... тожно мы, монголы, куда пойдём к русским. Чиво мы там делать будем... Уж Вы лутче нас отпустите, может, мы чиво и сделаем с красными...”

Монголы уже не представляли боевой ценности, причины их просьбы были основательны, и командир бригады разрешил им остаться. Монголы радовались, а

когда к вечеру бригада села на коней и стала вытягиваться в походную колонну, по обе стороны ее стояли монголы и сердечно провожали боевых соратников. Некоторые из монголов, в знак почтения, становились на одно колено, другие совершенно плашмя ложились на землю. Очиров стоял, вытянувшись в струнку, и держал руку под козырек до тех пор, пока мимо него не прошла вся колонна. Прощанье было грустное, и ручеек печали еще долго оставался в душе унгерновцев. С монголами было пережито немало.

Ночь в Монголии наступает быстро, сразу. Все светло, и вдруг темное покрывало окутывает степь, и всадник видит лишь смутный силуэт впереди едущего. В ночной темноте тихо. Лишь похрапывают лошади, да издали изредка раздается уныло-тоскливый вой степного волка, и где-то далеко спросонья заблеет овца. Далекие звездочки холодным светом блестят в опрокинутой черной небесной чаше, холодноватый ветерок зашевелит травой и обдаст людей; изредка ночную тишь прережет резкий голос всадника, обиженного на свою споткнувшуюся лошадь: “Но, ты, зараза!” Колонна длинной змеею ползет по степи, и оживляют ее лишь редкие всадники, с громким звуком подков и тяжелыми лошадиными вздохами подскакивающие к голове колонны с донесением из разъездов и дозоров.

Тишина. В голове мелькают, как россыпь белого песка, далекие воспоминания о родных, о встречных лицах; всадник изредка клюет носом, подбодрится, и снова его мозг работает в том направлении, где была юность, маячило счастье, и была радость. О будущем думать не хотелось. Оно было неизвестно, и думы о нем отгонялись, как бродячие собаки от богатого стада теплых мыслей.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО БУРЯТ

Тускло шли дни, в походах проходили ночи. Отсутствие прежнего начальника барона Унгерна давало себя знать и, время от времени, дивизия проявляла себя в том, о чем не подумала бы при Унгерне. Волновались татары, которых было много, и особенно злобно по отношению к русским держали себя татары-артиллеристы. Шли какие-то таинственные разговоры, назревал заговор, и скоро сотенные разведчики донесли, что во главе заговора стал командир татарской сотни прапорщик Валишин. Заговорщики решили перебить русских офицеров и идти на восток более свободно, подразумевая под этим грабеж окрестного монгольского населения.

Бунт назначен был на одну из последних августовских³⁸⁸ ночей, кажется, в ночь на 28-е. Русские офицеры знали о заговоре, и у командира бригады состоялось экстренное совещание. На привалах были приняты особые меры охранения, и русские ждали, когда выступят татары, но кровавой бойне помешал случай. Не было бы счастья, да несчастье помогло! В ночь на ожидаемое восстание, часов около девяти вечера, с окружных сопок затрещали ружейные выстрелы, и по унгерновцам посыпались свинцовые шмели. Красный монгольский отряд произвел внезапный налет, но унгерновцы не растерялись, в одно мгновение были на лошадях, и сотни по собственному почину бросились в контратаку. Красные монголы бежали как зайцы, как перепуганные шакалы.

Прошло несколько часов, и последняя разведывательная сотня вернулась из разъездов и донесла: монголы ускакали. Бригада осталась на дневку, и, так как на

татар и остальных произвело впечатление внезапное появление общего врага, лишней раз подчеркнув, что только в плотной спайке и единении унгерновцы успешно закончат тяжелый поход, командный состав решил немедленно разрешить вопрос с татарами. Это сложное и опасное дело было поручено коменданту есаулу М. Он взял в руки ташур, заткнул за пояс на боевом взводе маузер и вызвал к себе в палатку прапорщика Валишина. Тот быстро пришел и, чувствуя недоброе, был бледен, а рука его, держащая под козырек, дрожала.

Есаул, демонстративно помахивая ташуром, резко сказал: “Ну-с, прапорщик Валишин, время подошло и, если у Вас есть мужество, начинайте ваше черное дело. Начинайте стрелять и рубить русских офицеров”. — “Никак нет, господин есаул! Это недоразумение, и Вам неправильно донесли на меня и моих татар”. — “Тогда я Вам скажу, что это очень правильно и, если бы не вчерашний красный налет, Вы попытались бы сделать то, что задумали. Я все знаю и знаю даже, как распределены роли, как-то, что первый татарский взвод должен был перебить офицеров забижского полка, второй... Э, да что говорить, когда все известно. Ну, начинайте прапорщик, а мы попробуем дать ответ. Начинайте!”

Валишин угрюмо молчал, а около палатки уже сгрудилась группа татар с несколькими своими урядниками. Они тревожно прислушивались и о чем-то шептались. М. громко продолжал: “Стыд и позор! В такое чрезвычайное время, когда каждый должен думать одно: друг за друга — Вы идете на предательство. Позор, и лучше Вы собирайте сейчас же всех Ваших предателей и убирайтесь от нас к чертовой матери! Сволочи нам не нужны, мы и одни дойдем, а вот как вы дойдете и как вас, грабителей, встретят на востоке — мы посмотрим...” И крикнул: “Вахмистры и урядники татарской сотни, ко мне!” Те подошли, отдали честь и выстроились в одну шеренгу. “Честно и прямо вас спрошу: Почему вы хотели перебить русских офицеров? Какая вам от этого польза? Ну, ограбите вы мирных монгол, а потом что? Куда с награбленным пойдете?”

Татары заволновались, и скоро официальный разговор перешел в дружественную форму. И татары, устыдившись своих темных замыслов, чистосердечно рассказали, что их будировали дмитриевские артиллеристы, сыграли на их темных инстинктах, но теперь они каются и дают слово солдата, забыть о прежнем и дружно разделить со всеми общую участь.

Прапорщик Валишин от сердца попросил прощения, есаул в ответ сказал горячую речь о цели похода, пожал руку прапорщику, и татарский заговор растворился в чувстве дружбы и взаимопомощи. Но в дивизии было не все благополучно. Вызывал сомнение командир бурятского дивизиона Галданов и его буряты. У них шла какая-то тайная работа, а потому есаул М., подбодренный успешной ликвидацией татарского заговора, вызвал к себе Галданова. И прямо задал ему такой вопрос: “Правда, Галданов, буряты хотят бежать в свои хошуны?” — “Никак нет, хосподин есаул! Циво так, мы, буряты, идем все к атаману Семенову... И куда мы без него, потому народ мы темный, а где уж нам одним без него жить”, — горячо говорил бурят. Есаул поверил ему, но на всякий случай два бурятских офицера были переведены в русские сотни.

В ночь на 2 сентября³⁸⁹ бригада шагом резала ночную темноту, и было в ней тысяча всадников. Тревога за бурят и татар отпала, и унгерновцы ехали спокойно,

охраняясь лишь тыловым и головным дозорами. Бурятский дивизион шел в середине колонны, и была кругом мертвая тишина степной монгольской ночи, которая лишь изредка нарушалась звоном копыта о камень и редким похрапыванием лошадей. И снова мерцали звезды, и снова люди думали не о настоящем, как вдруг ночную тишь прорезал резкий и гортанный крик-команда: “Ияба... Ияба” (за мной! — в вольном переводе с бурятского). И стук сотен подков разрезал, как ножом, ночное спокойствие, и бурятские сотни бешеным наметом исчезли в ночной непроглядной мгле. Ошеломленная дивизия, без команды, остановилась и замерла. Так прошло минуты три, четыре, пока не раздался окрик командира бригады: “Орудие на позицию! Огонь по изменникам!” Вслед бежавшим ухнуло несколько оружейных выстрелов, умчались снаряды в далекую степь, бросилась туда же дежурная сотня, и снова все затихло. Дивизия спешила и приготавливалась к отпору, но никого не было, и ничего в степи не было слышно. Через полтора часа разведывательная сотня вернулась. Она не нашла бежавших бурят. Они сгнули в степи.

Суд на походе

После измены бурят и их позорного бегства Азиатская дивизия, в которой теперь осталось 600 всадников, 21 пулемет, 5 орудий, много верблюдов и табун заводных лошадей, прошла переход и остановилась. От бежавших бурят в залоге осталось трое: один прапорщик и два урядника. Буряты посерели на лицо и дрожали, когда их привели к М. Они хорошо помнили беспощадный суд барона Унгерна и считали, что также, по-бароновски, будет поступлено с ними. Начался допрос, который лишний раз подтвердил, что заложники имели слишком большое отношение к измене, в чем они, в конце концов, и сознались, потом бросились на колени и стали просить о пощаде.

Августовский день был солнечен и жарок. Степь горела и дымилась на солнце, и в далеком мареве ее виднелись очертания гор, и четкой линией на горизонте вырисовывался длинный горный хребет. Есаул говорил: “Вы, буряты, были для нас братьями. Между нами все делилось пополам, и не было в Азиатской дивизии разницы между русскими, монголами, татарами и бурятами. Но вы, буряты, совершили подлую измену и вы, трое, принимали в ней участие. Что делать с вами? Что вы заслужили по законам войны?” Буряты валялись на земле и плакали. Есаул продолжал: “Ваше счастье, что грозная рука барона уже не может протянуться над вами. Ваше счастье, что мы идем к миру, а не на войну. Мы даруем вам жизнь, но без наказания вы остаться не можете. Раздевайтесь!” — грозно приказал он. Буряты завывали, как степные собаки у трупа покойника. Они думали: “смерть”, но разделались догола и выстроились в одну шеренгу. “Справа по одному, рысью к сопкам марш!” — резко скомандовал офицер. И буряты понеслись. В бегстве они бросались из стороны в сторону, считая, что сейчас в затылок им вопьются злые свинцовые пули. Они бежали и скоро стали точками в степи, а потом исчезли из поля зрения. Когда они скрылись, дивизия забыла о них, как о чужих покойниках. Но буряты добрались до хошунов, и прапорщик в 1925 г. был начальником советского пропускного пункта на 86-м разъезде.

Ночью Азиатская дивизия подходила к Калганскому тракту. Была темная ночь. Тракт таинственно и зловеще говорил о многом. О том, что красные сторожат проход через него унгерновцев, и силы их справа и слева огромны. Головная сотня под командой ротмистра Исаак бесшумно срезала на тракте телеграфные столбы, и гулко процокали копытами унгерновские кони через окремневшую дорожную полосу. Силуэты черных всадников потонули на восточной стороне Калганской дороги, и ни один выстрел не разбудил сновидений монгольской степи. Дивизия пошла форсированным маршем и через два дня, когда придорожные Калганские горы исчезли в синеве неба, остановилась на трехсуточную дневку. Последний вражеский Рубикон был пройден. Впереди были китайцы и смутное в представлении монгольское лицо атамана Семенова — унгерновская надежда, вера и спасение. На дневке подкормились, подчинились, дали отдых лошадям, и снова команда: “По коням!” И снова замаячила в монгольской степи змеевидная колонна всадников. Дивизия шла на Далай-нор, а по дороге сделала привал у быстрой, как зеркало, речушки.

Неведомая Монголия! Влекущая купчиха, богачка гордая и таинственная! Сколько несметных богатств скрывают твои недра, какие узоры возможностей заплетены в твоих необъятных степях, горах, реках и озерах. Чем порадуешь ты мир через полстолетия, большим или меньшим, чем сейчас твоя миниатюрная речушка — унгерновских казаков?! А они стояли по берегам этой монгольской речки с обнаженными шашками, страстно и пристально гляделись в изумрудную глубину ее и резкими взмахами клинков резали водные струи. Там гуляли и резвились двух- и трехаршинные рыбины — ленки, щуки и мелочь хариусы. Целых два часа шла битва людей с увертливыми рыбами, а потом, как опалы и рубины, заблестели около речушки казачьи костры. Казаки варили уху. Гостеприимная монгольская речка оставила у себя в гостях унгерновцев на целые сутки, и только на следующую ночь дивизия вытянулась двухшереножной ниткой и направилась к озеру Далай-нор. К нему подошли на рассвете. Завывал по степи ветер, и пугливо прядали ушами лошади, когда в яростный ветреный порыв вметалось заунывное завывание, а всадники завернули башлыками свои глаза и уши от песка и мелкого камня пустыни. Чуть забрезжили на востоке первые световые полосы, дивизия подошла к озеру. Далай-нор бушевал. Гневался, и его свирепые волны, как горы, наваливались одна на другую и с яростным шумом обрушивались на песчаный берег. Кружился в воздухе песок, желтые облака его падали в озеро, но не могли насытить его гнев, и он продолжал поднимать брызги и пену на своей водной поверхности.

Дивизия спешила, расседлалась, а когда взошло солнце, озеро сменило гнев на милость, улыбнулось неведомым пришельцам и успокоилось. Степной тайфун умчался дальше. Здесь дневали сутки. На военном совете было решено на китайской земле оружия китайцам не сдавать. Если же силы китайцев будут большими и если будет невозможно силою оружия пробиться на восток, к атаману Семенову, то только тогда пойти на уступки. А уступки — продать оружие и выговорить право свободного и бесплатного проезда в Приморье. И здесь же было решено вступить в командование остатками дивизии войсковому старшине Андрею Костромину. Он близко знаком с командующим китайскими войсками генералом Чжан Куню, который был названный брат барона Унгерн-Штернберга. Андрей же Костромин был у Чжана офицером для связи от атамана Семенова.

ПЕРЕГОВОРЫ С КИТАЙЦАМИ

Азиатская конная дивизия остановилась. Впереди, недалеко, уже вилась китайская граница, а по ней стояли китайские заставы. Унгерновцы решили есаула М. отправить в Хайлар парламентаром, к генералу Чжан Куню. Договориться с ним или о полном беспрепятственном пропуске в Приморье, к атаману Семенову, или о сдаче китайцам, по особой расценке, оружия, лошадей, верблюдов и обоза и, в представленных китайцами эшелонах, по железной дороге проехать туда же. Поручение было щекотливое и опасное. Истинной обстановки никто не знал, где русская Белая армия — было неизвестно, да и существовала ли она в действительности, никто об этом не ведал.

Есаул М. снял с себя вооружение, сел на лошадь и один скрылся в степях. Ехать было опасно, но задача была боевая, и выполнить ее было нужно. Этого ждало шестьсот человек. Есаул ехал переменным аллюром и скоро выскочил на китайскую заставу, которая переполошилась и долго не могла успокоиться. И только, когда офицер показал, что у него нет оружия, и с трудом объяснил, что он от русского войска едет на переговоры к Чжан Куню, на лицах китайцев показались довольные улыбки, и начальник заставы отправил сопровождать есаула двух конных.

В вечерние сумерки въехали в Хайлар. Заливисто брехали из подворотен собаки, редкие тени прохожих бороздили улицы, и унылые фигуры полицейских еще более оттеняли тоскливый городской ландшафт. О М. доложили Чжан Куню и через десять минут его ввели в губернаторский кабинет. Старик сухо принял парламентарера и, когда офицер объяснил ему, что унгерновцы направляются к атаману Семенову и в этом просят содействия, Чжан Куню холодно сказал: “Сдайте все оружие, и тогда будем говорить о дальнейшем”. — “Этого сделать мы не можем. Мы воинская часть армии атамана Семенова и должны прибыть к нему с оружием”, — заявил есаул. “Все части Семенова сдавали нам оружие, и вы должны это сделать”, — лаконично ответил старик. “Нам неизвестно, было ли это так, но если вы настаиваете, — мы можем вам оружие продать, а, кроме этого, вы дадите нам эшелоны и бесплатно отправите до Пограничной”, — говорил М. “Если мне будет нужно ваше оружие, я его от вас отберу”, — отрезал Чжан Куню, крикнул стражу и приказал ей отвести есаула в комнату, обыскать и держать под домашним арестом.

Обстановка становилась более серьезной, чем предполагал оптимистически настроенный унгерновский офицер, но китайцы к неофициально арестованному относились благодушно, накормили его и даже принесли ханшины — китайской водки. Есаул выпил ханы, немного подбодрился и стал думать, что дело выходит скверное, и он поступил неправильно. Нужно было разрешаемый вопрос поставить в ультимативной форме и не просить, а требовать. Но было уже поздно.

На следующий день, в восемь утра, к М. вошел губернаторский адъютант, капитан, прекрасно говорящий по-русски. М. сразу же обратился к нему и заявил: “Капитан, передайте генералу, что я не простой офицер, а парламентар от Азиатской конной дивизии и требую к себе подобающего отношения. Наши силы не маленькие, и если наши требования не будут выполнены, мы свое право достанем силой оружия”. Адъютант выслушал, переспросил и быстро вышел. Через час есаула повели к губернатору. Тот был вежлив и предложил садиться. Он тихим голосом сказал офице-

ру: “Пропустить с оружием мы вас не можем. Этого не позволяют наши законы. Что же вы хотите?” — “Мы уважаем ваши законы, но тогда купите у нас все оружие и отправьте нас бесплатно по железной дороге в Пограничную”, — спокойно ответил М.

— Сам я этого сделать не могу. Вы подождите, а я переговорю по прямому проводу с Чжан Цзолинем, — сказал Чжан Куню и встал.

— Хорошо, генерал, но должен Вас предупредить, что через 48 часов кончается ультиматум, и по истечении этого срока Азиатская дивизия двинется на Хайлар. И я прошу Вас, чтобы не было недоразумений — поторопитесь, — в свою очередь объяснил есаул, поклонился и вышел из комнаты.

Через полчаса М. в сопровождении адъютанта уже был в городе. Он купил себе белье, а потом пригласил китайского офицера вместе пообедать. В ресторане они засиделись. Китаец отказывался пить, но есаул твердо разъяснил ему: “Капитан, если Вы хотите меня оскорбить, Вы не будете пить. Если же Вы считаете меня как друга, Вы выпейте со мной”. А через два часа они уже весело возвращались в штаб. Есаул посвистывал, а китайский офицер шел впереди, производил ногами узоры, творил загогулины и громко пел какую-то песню.

Несколько раз, прислоняясь к забору, он кричал: “Капитан, твоя, моя — игоян, братка... Моя тебе песни пой!” — “Девяти девушка надин я, куды девушка, туды я...” Бодро и весело вернулись в штаб, а через некоторое время есаул, приведший себя в порядок, снова сидел у генерала в кабинете и вел горячий торг. На вопрос пять тысяч за орудие, по тысяче за пулемет, и пр. Чжан Куню ответил, что они только дадут пособие, то есть офицеру по сто долларов и казаку по пятьдесят.

Бесплатно отправят до Пограничной по железной дороге, а до посадки представят бесплатный русский стол. “Арестов производить не буду и во внутренний распорядок унгерновцев не вмешаюсь”. Условия были подходящи, — могло быть хуже, и есаул согласился. После этого началась дружеская беседа и, когда генерал узнал о трагической участи барона Унгерна, по его старческим щекам потекли слезы, и он сказал: “Извините меня, но мне так больно слышать об этом. Барон Унгерн был прекрасный человек и мой большой друг”.

На следующий день навстречу Азиатской дивизии выехало несколько автомобилей. В первом ехал Чжан Куню с есаулом М., во втором — штабные офицеры, и в остальных везли подарки унгерновцам: колбасы, ветчину, хлеб, водку, пиво, сигареты. Дивизия уже форсированным маршем шла по китайской земле. Унгерновцы, заметив автомобили, решили, что сложный вопрос разрешен благоприятно, и войсковой старшина Костромин подал громовую команду: “Азиатская дивизия, смирно! Господа офицеры!” Чжан Куню сошел с автомобиля и церемонными поклонами встречал проходящие части. Дивизия прошла и остановилась на бивуак. Чжан Куню пошел в палатку к офицерам, поднял бокал шампанского за дружбу и счастье, поздравил казаков с окончанием тяжелого похода и уехал.

ПОЕХАЛИ В ПРИМОРЬЕ

Унгерновцы, довольные успехом переговоров и близким окончанием похода, на радостях, гуляли три дня. Привезенных Чжан Куню подарков в виде водки не

хватило, и автомобили несколько раз мчались в Хайлар и обратно, подвозя подкрепления. Дивизия гуляла, и пьяными ходили не только унгерновцы, но и окрестные китайские заставы.

Картинки трехдневной стоянки были любопытны и красочны. Казаки шатались в обнимку с китайцами и разговаривали об обуявших их чувствах. “Друга! У меня восемь коней в табуне бегунцами были, а ты, идолово хайло, разве чувствуешь это!.. Эх ты, образина! Давай поцелуемся”, — горячо говорил пьяный казак китайскому солдату, еще более пьяному, и лез целоваться. Татары заунывно пели свои песни, а то быстро вскидывались и схватывались за шашки... Более добродушные из них лежали вповалку с китайцами и усердно угощали друг друга разведенным на восемьдесят градусов спиртом. Китайцы ухмылялись, краснели от выпитого спирта до красноты спелого помидора и только покрикивали: “Русские люди, шанго!” И были довольны так, как, наверное, никогда в жизни. Пир шел на зеленой мураве на всю монгольскую степь, и только лошади не участвовали в этом празднике крепкого русского вина и настроения русской души, бесстрастно наблюдая и выслушивая лишь страстные уверения в любви их хозяев, лежащих у них под ногами и орущих: “Серко! Ты слышишь? Ты слышишь, зараза, что ты у меня один на свете остался... Один, а ты пойми! Пойми, потому ты да я — сироты злосчастные!” И хозяин начинал всхлипывать, а то и просто реветь, как ребенок, у которого отняли конфетку.

В командном составе водка также наделала хлопот и недоразумений и, продолжай она литься еще один-два дня — много бы греха на землю прибавилось. Освирепевший от едучей влаги, войсковой старшина Костромин зло задел полковника Островского, и тот не выдержал. Началась бурная сценка, и Костромин крикнул: “Эй, казаки! Расстрелять полковника Островского!” Полковник, учитывая общий разгул, понимая, чем это кончится, бросился в палатку офицеров 3-й сотни. Он считал ее своею. Командир сотни немедленно же вызвал сотню и рассыпал ее цепью около палатки. Татарская сотня с казаками рассыпалась также в цепь, и еще одно мгновение, и началась бы страшная резня. Но помогли командиры сотен. Они повели “дипломатические” переговоры, и пока “послы” ходили от одного к другому, пьяный хмель окончательно окутал головы подчиненных, и цепи заснули. А на утро уже не думали о расстрелах, ни об уязвленных самолюбиях. Дивизия строилась и вытягивалась на Хайлар.

И долгожданная мечта первого и последнего унгерновца — Хайлар — осуществилась. Для остатков Азиатской дивизии китайцы на окраине отвели помещение, кормили их и не вмешивались в распорядок внутренней жизни частей до момента отправки. Унгерновцы прожили в этом городе 12 дней, и спешно были отправлены после случая с М. По доносу, он был арестован китайцами, и весть об этом в одно мгновение дошла и до унгерновцев. Они уже были безоружны, но, несмотря на это, быстро собрались и подошли к штабу. Войсковой старшина Костромин и доктор Рябухин вошли в штаб и категорически заявили Чжан Куню, что если М. немедленно не будет освобожден, унгерновцы сейчас же обезоружат китайцев и сами наведут нужные порядки. Через десять минут М. был освобожден, и унгерновцы вернулись в казармы. А на другой день для них был подан эшелон, приехали китайцы и выдали деньги: по пятьдесят долларов офицерам и по 45 — казакам. Китайцы оста-

вались китайцами и сумели нажать на офицерском пособии по пятьдесят и на солдатском — по пять долларов. Унгерновцы решили согласиться, вернее, плюнуть на это, не начинать скандала и ехать в Приморье. Унгерновский эшелон тронулся. По условию, которое до Харбина китайцы точно выполнили, ни на одной из станций к эшелону не подходили китайские солдаты, да последние предпочли даже на станциях и не показываться во время прохода унгерновской части. Эшелон-поезд шел со скоростью курьерского.

Конец Азиатской конной дивизии

Поезд с унгерновцами, как сорвавшийся с привязи дикий конь, помчался в Харбин, зацепился за станцию Харбин-Старый и остановился. За время железнодорожного пробега это была первая в несколько часов остановка, и унгерновцы решили достать еды — продуктов, хлеба, чаю, и поесть. Нужно было и выпить, для чего от станции немедленно же потянулись фигуры посыльных. Большинство офицеров вместе с войсковым старшиной Костроминым уехали в город. Через час-полтора над Старым Харбином уже плыли заунывные казачьи песни, в районе станции захлебывалась от восторга гармошка, и ножные выкрутасы выделявали несколько танцоров. Около эшелона стояла толпа харбинцев, с большим интересом наблюдая за редким зрелищем; некоторые из них прикладывались к бутылочным горлышкам и оживленно беседовали. Вблизи не было видно ни одного китайского солдата.

Так прошло несколько часов, и некоторые, наиболее усердные к бушующей влаге, уже громко храпели у себя в вагонах, приняв живописные позы группами и в одиночку. Наиболее стойкие в “битве с алкоголем” продолжали сражаться с бутылками; дорожка от станции к первой гастрономической лавочке заметно утаптывалась и расширялась. За начальника отряда оставался есаул М. Он сидел у себя в вагоне и наблюдал, чтобы веселье не вышло из границ дозволенного. Бежали часы. Харбин окутывали уже сумерки, и в этот момент, с громкими возбужденными и возмущенными криками, прибежали к эшелону несколько казаков. “Китайцы окружают эшелон! Китайские цепи идут!” — послышались громкие голоса, и в одно мгновение эшелон поднялся на ноги. Даже мертвецки пьяных что-то стихийное подняло на ноги и, не успев есаул М. что-либо сообразить, как унгерновцы построились и с бешеным “ура!”, держа в руках вместо оружия бутылки и палки, бросились к поселку. Шагах в ста от эшелона протянулась цепь китайских войск. В мгновение ока она была смята, и унгерновцы отнимали у китайских солдат винтовки, а остальные мчались за убежавшими.

Атака была короткая, и через десять минут к есаулу принесли 60 винтовок. Унгерновцы вооружились ими и выставили впереди вагонов охранение. Через сорок минут на автомобиле примчался с офицерами войсковой старшина Костромин. Его в городе нашли китайцы, потребовали в штаб войск и передали, что унгерновцы напали на китайские войска, а потому он должен принять меры или будет крупное столкновение. Костромин волновался. Китайские же власти были испуганы тем, что произошло в Старом Харбине, и через полчаса к эшелону подошел паровоз, свирепо гукнул, подцепил состав и помчал его дальше на восток.

Унгерновцы приехали на станцию Пограничная. Здесь их встретили военные представители генерала Глебова, как начальника гарнизона семеновской группы в Гродеково, и представители меркуловского правительства. Те и другие приглашали унгерновцев влиться в их части. Приемщики работали хорошо и не скупилась на обещания. Меркуловцы давали слово, что унгерновская часть не будет расформирована, глебовцы упирали на то, что унгерновцы принадлежат к коренным семеновским войскам. Унгерновцы решили присоединиться к семеновским частям и для этого командировали ротмистра Исаак и есаула М. в Гродеково, к генералу Глебову. Офицеры выехали. Глебов принял их радушно и обещал не расформировывать. В Пограничную была подана телефонограмма, и скоро унгерновский эшелон подошел к Гродеково.

Семеновцы встретили унгерновцев с восторгом, а командный состав дал прибывшим офицерам банкет. Торжественная встреча прошла, и наступили будни. Прошло пять–шесть дней, а приказаний о дальнейшей судьбе унгерновцев не поступало и начальника над ними не назначалось. На седьмой день унгерновцам приказали построиться для смотра. Смотр производил генерал Провохенский. Он обошел фронт и начал разбивку. По двадцать и по тридцать человек назначались в различные гродековские части. Генерал Глебов не выполнил своего обещания — оставить унгерновцев отдельной войсковой частью. Боевые соратники боевой Азиатской конной дивизии принуждены были расстаться и расплыться среди приморских частей. Таким образом, легендарная Азиатская конная дивизия генерал-лейтенанта Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга перестала существовать. Но чины ее, в рассеянии сущие, помнят заветы своего строгого начальника и по первому зову Матушки-Руси встанут в ряды Российской армии, чтобы продолжать борьбу со слугами III Интернационала.

ЛЕГЕНДЫ О БАРОНЕ УНГЕРНЕ

Легенда 1-я

Шумит и гудит красный Новониколаевск. Толпами валит в Ревтрибунал народ. Почему же так взволнован город? Что случилось? А случилось нечто важное. Сюда доставлен плененный гроза Монголии — генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг. Сегодня над ним суд. Сегодня Революционный трибунал, руководствуясь своей “совестью”, вынесет приговор этому страшному человеку. Долго коммунисты уговаривали барона принять должность коменданта г. Петрограда. Но гордый начальник непобедимой Азиатской конной дивизии с презрением отклонил все предложения слуг III Интернационала.

Красным сукном затянута передняя стена зала. Как-то неуклюже болтается портрет сифилитика Ленина, смотрящего на строгих судей с горбатыми носами и с акцентом, который указывает на определенное происхождение этих вершителей судеб своих политических врагов, попавших в их цепкие руки. Зал полон. Больше никого не пропускают. Несмолкаемые разговоры и сплошной гул стоит в помещении. Но вот все вдруг стихло. Можно было слышать, как пролетит муха. Это ввели Унгерна... На нем монгольский тарлык, на плечах генеральские погоны с трафаретом “А.С.”, на груди скромно белеет Георгиевский крестик, полученный им еще

при государе императоре за лихую разведку в тылу неприятеля во время Великой войны. Из уважения к его храбрости большевики не содрали с плеч погон и не сорвали с груди беленький крестик. Начинается допрос.

“Ваше имя, отчество и фамилия?” — задает вопрос судья. “Я начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг”, — был громкий ответ. Высокая стройная фигура, большой открытый лоб, гордо поднятая голова, как всегда один ус опущен, другой торчит вверх, волосы взлохмачены. Во время всего допроса держится с достоинством. “Признаете ли Вы Советскую власть?” — “Нет”. — “Почему?” — “Потому что благодаря тактике и действиям коммунистической партии систематически уничтожается моя Родина. Потому что Закон и Порядок исчез с лица Русской Земли”. — “Ваши политические убеждения?” — “Монархист”. — “Почему Вы пороли своих подчиненных?” — “Это иногда помогает”. — “Раскаиваетесь ли Вы в своих действиях против РСФСР?” — “Нет”.

Был задан еще ряд незначительных вопросов, после чего трибунал уходит на совещание. Прошло томительных 15–20 минут, и с торжественным видом выходит Ревтрибунал и занимает свои места. Секретарь громко, но, несколько волнуясь, читает постановление трибунала: “Бывший генерал Р.Ф. Унгерн-Штернберг за то, что выступал против правительства РСФСР с оружием в руках, командуя Азиатской конной дивизией, и тем наносил вред и ущерб РСФСР, приговаривается к высшей мере наказания – к смертной казни через расстрел”. По залу пронесся гул, не то недоумения, не то возмущения. Ни один мускул не дрогнул на лице “бога войны”, ни одним движением он не выдал своего волнения при чтении приговора.

“Гражданин Унгерн, довольны ли Вы приговором Ревтрибунала?” — задает последний трафаретный вопрос председатель. Воцарилось молчание. Присутствующая публика боялась громко вздохнуть. И эту тишину прорезал громкий и отчетливый голос барона: “Да”.

Окруженный чекистами, бывший повелитель Монголии с гордо поднятой головой твердым шагом отправился в свою одиночку ждать приведения в исполнение приговора палачей русского народа. Зал дрогнул от аплодисментов, но было только непонятно, кому аплодируют. “Судьям” или так стойко и гордо держащемуся начальнику Азиатской конной дивизии.

Рассвет. Приговоренному к смертной казни барону Унгерну не спится. Он ждет своих палачей. Проходит много томительных минут, пока, гремя винтовками, не вваливаются вооруженные с ног до головы чекисты. Унгерн перекрестился и вышел из камеры. Моросил мелкий осенний дождь. Унгерн, окруженный толпой чекистов, садится в грузовой автомобиль. Унгерн связан. Резкий гудок автомобиля прорезал тишину спящего города, и грузовик тронулся. Какая-то старушка осенила себя крестным знаменем и ускорила шаги от этого страшного места. Спустя полчаса за городом послышался залп, а немного позже этот же грузовик, но без Унгерна, вернулся обратно.

Легенда 2-я

Монотонный гул идет по монгольскому дацану, то монахи просят Небо, чтобы боги спасли их страну от нашествия красного дьявола. Много горя видел монгольский народ во время нашествия красного зверя, много горя он испытал и во время

владычества китайцев. Но появился всадник на белом коне, высокий, стройный и могучий, и спас монгольский народ от владычества ненавистных китайцев, и посадил этот всадник на трон законного повелителя монгольского народа, живого бога — Богдо-гэгэна. Этот таинственный всадник имел небольшое, но сильное и непобедимое войско. И назвали этого всадника монголы Джанджин-нойон³⁹⁰ — бог войны. Прошло много лет, расплылись воины белого всадника по земле Русской, и только он, Джанджин-нойон, ушел в Монастырь и присоединился к монгольским ламам и молится вместе с ними о спасении всего человечества от нашествия красного кровожадного зверя.

Макеев А.С.. 1934. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: Книгоиздательство А.П. Мальк и В.П. Камкина. 144 с.

А.С. Макеев. Ночной визит

Столица Монголии — Урга — расположена в большой пади. С западной стороны ее — Богдо-ула, священная гора, покрытая густым сосновым бором. У подножья ее протекает быстрая и светлая, как хрусталь, небольшая речка Тола. Богдо-ула кишит дикими зверями — там охота запрещена. Там медведь важно разгуливает среди валежника и бурелома; хитрая лиса хохочет над людьми, для которых она недосыгаема; резвые козы вихрем проносятся по склонам священной горы; со степенной важностью идет на водопой стадо диких кабанов, переговариваясь между собой о привольной жизни на Богдо-уле; тысячи белок резво прыгают по сочным ветвям монгольского бора. И всем этим четвероногим обитателям не страшен жестокий человек на Богдо-уле. Они спокойны за свою жизнь. Они — под охраной богов! Они неприкосновенны!

С востока Урга закрыта скалистыми, высокими, серыми горами. Там пусто. Только изредка покажется пернатый обитатель гор — орел. Расправив свои громадные крылья, он величественно парит над столицей Монгольского государства. Скалы эти неприступны — даже легендарная Азиатская конная дивизия барона Унгерна, и та разбилась о них при первом наступлении на Ургу. Урга уже давно взята бароном, и дивизия отдыхает после неравных боев с противником. Жители этой столицы малокультурны, и среди них до сих пор царят невежественные обычаи, искоренить которые почти невозможно. Особенно жутко в Урге по ночам. На окраинах города множество полудиких собак, которые задают жуткие концерты. Питаются они, главным образом, трупами умерших монгол. Монголы не хоронят своих, а выбрасывают их трупы на окраины — таков старинный монгольский обычай. По вечерам вечно голодные, остервенелые собаки с жадностью набрасываются на трупы, и к утру от них остаются только одни кости. Чем чище обглодан труп, тем счастливее родственники умершего, так как это значит, что душа покойного угодна богам и заняла там достойное место. Собаки в Монголии также неприкосновенны, и горе тому, кто убьет собаку!

После длительного отдыха, унгерновцы усиленно готовятся к походу. Интендантство в спешном порядке обшивает дивизию. Шьются новые тарлыки. Выделяется кожа для сапог. Ремонтируется снаряжение. Приводится в порядок оружие.

Жизнь кипит! В комендантском управлении масса работы: нужно закончить допросы и произвести дознания с лиц, замешанных в измене Родине. И все это надо успеть сделать до того, как Унгерн покинет Ургу.

Среди чинов Азиатской конной дивизии были, как и везде, люди, которые занимались мелкими интригами и доносили Унгерну о всевозможных проступках и погрешностях чинов отряда. Барон особенно не терпел пьянства и карал за это виновных со всею строгостью военных законов, стремясь совершенно искоренить пьянство в своей дивизии. Нередко можно было видеть, как Его Превосходительство “обнюхивал” кого-нибудь из офицеров... Горе тому, от которого разило сивухой! Если барон учует запах спирта, виновный немедленно отправляется на крышу, где ему предоставляется полная возможность поразмыслить несколько дней о вреде пьянства, любуясь на окрестности с ургинских “небоскребов”. Но доблестных унгерновцев это не смущало. Благодаря изворотливости вестовых, офицеры и на ургинских крышах устраивались довольно комфортабельно и даже умудрялись организовывать у себя пикники с достаточным количеством “возлияний”. Нередко с крыш неслась залихватская отрядная песня, и эхо Богдо-улы вторило проштрафившимся унгерновцам.

Есаул А., занимавший в это время должность помощника коменданта Урги, также был на подозрении у барона, так как услужливые соратники не раз доносили барону, что А. пьянствует по ночам после занятий. Неудивительно, конечно, что после нервной и напряженной работы в комендантском управлении есаул иногда перед ужином пропускал одну-две рюмки живительной влаги. Его же “друзья” раздували это в сугубое пьянство и доносили барону. И вот Унгерн задался целью накрыть “ночного пьяницу” на месте преступления.

Усталый А. благодушествовал у себя дома, развалившись на диване, с каким-то душепотрясающим романом в руках. Мелкий весенний дождик нудно барабанил в окна ургинских домов. Часов в одиннадцать послышался шум мотора, и около квартиры есаула остановился автомобиль. Не прошло и минуты, как раздался резкий стук в двери. Вестовой подскочил к двери и спросил: “Кто там?” В ответ на это прозвучало крепкое ругательство, и высокий тенор потребовал немедленно открыть дверь. То был барон... Ошеломленный столь неожиданным гостем, есаул выбежал в коридор встречать Унгерна. Вид у есаула был довольно непрезентабельный: он был в ночных туфлях, гимнастерка расстегнута, волосы взъерошены. Высокая, худощавая фигура барона с ташуром в руке предстала перед испуганным офицером, так как ночной визит начальника дивизии не предвещал ему ничего хорошего.

“Ты что делаешь?” — прозвучал грозный голос. — “Книжку читаю, Ваше Превосходительство”, — ответил робким голосом испуганный есаул. “Ну-ка, дыхни!” — прозвучал приказ. И несчастный есаул, что было мочи, начал “дыхать” на своего начальника. Не учуяв сивухи, барон многозначительно пробормотал: “Ну, то-то!.. Водка есть?” — “Никак нет”, — ответил неуверенным голосом А. “А там кто живет?” — указывая на соседнюю дверь, спросил Унгерн. “Там тоже я живу, — прозвучал глухой ответ — там моя столовая”. — “Ну-ка, пойдем, я посмотрю...”, — и барон вошел в соседнюю комнату. А в ней стоял довольно большой буфет, и в буфете был целый винный погребок... Чего только там не было! И коньяк, и всевозможные ликеры, и бутылки шампанского, и, главное, в большом графине, настоящий на ванили, разведенный спирт...

Барон быстрым шагом направился к буфету и открыл дверцы. Есаул был ни жив, ни мертв... “Ну-с”, — барон повернулся с торжествующим видом, как будто он нашел ценный клад. “А это что такое?” — спросил он, пристально глядя на свою жертву. “Это... это — разведенный спирт, Ваше Превосходительство”, — пробормотал, заикаясь, побледневший есаул. Барон, улыбаясь в ус, внимательно рассматривал найденный клад. Взгляд его упал на бутылку с пиперментом, который, кстати сказать, был любимым его напитком. “Что это? Пипермент?..” — “Так точно.” — “А ну-ка, нацеди чашечку!” — Есаул немедленно открыл бутылку с зеленой влагой и налил полную чашку мятного ликера. Барон сел за стол. “Слава Богу! — подумал есаул — Гроза, как будто, миновала...” — “Не прикажете ли чего-нибудь закупить?” — предложил осмелевший хозяин. “Нет, не надо... А что есть?” — спросил барон, наливая вторую чашку зеленой жидкости. “Ветчина в консервах... Горошек зеленый...” — предлагал гостеприимный хозяин. “Ветчина? Хм, — сказал в раздумье барон — Ну, давай”. Мигом появилась ветчина с горошком.

Третья чашка ликера привела барона в хорошее расположение духа, и он удостоил есаула милостивой беседой. Таким образом, почти в течение часа бутылка с ликером была опустошена. Барон быстро встал. Сказал “спасибо”, протянул есаулу руку и вышел. Барон, по-видимому, был удивлен, что при наличии такой массы спиртных напитков есаул, этот “ночной пьяница”, был совершенно трезв, и от него даже не пахло сивухой.

Вскоре послышался шум мотора, и автомобиль двинулся к дому барона, освещая своими фарами грязные улицы монгольской столицы. А на крыше ургинского “небоскреба” кто-то тоненьким тенорком выводил: “Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он...”

Макеев А.. 1940. Ночной визит // “Рубеж” (Харбин). № 19. С.3–4.

Н.М. Рибо. История барона Унгерн-Штернберга, рассказанная его штатным врачом³⁹¹

Ограниченный размер моей статьи не позволяет дать полное и исчерпывающее описание моего девятимесячного пребывания в рядах барона Унгерна, со дня взятия им Урги и до той ночи, когда он бежал от своего отряда. Поэтому я вынужден ограничиться весьма кратким очерком, практически простым перечислением событий, которые непосредственно подготовили и определили судьбу как самого барона, так и всего его дела.

Я был откомандирован из моего полка для работы в госпитале в Урге и вернулся в этот город 6 апреля 1921 г. Это было спустя несколько дней после ликвидации безуспешного китайского нападения на Ургу. В порыве отчаяния китайцы неожиданно бросились назад к столице Монголии после полного провала их попытки пробиться через советский кордон в Забайкалье и Маньчжурию. Примерно через неделю после моего возвращения, когда я был занят в перевязочной госпиталя, туда

неожиданно вошел барон Унгерн, только что вернувшийся из своего победоносного похода на Чойрын-сумэ. Его сопровождал главный врач Ф. Клингенберг. Поприхватив меня лишь кивком головы, барон подошел и, сурово фиксируя меня своим воспаленным взглядом, спросил:

— Это правда, что вы убежденный социалист?

— Нет, это неправда, Ваше Превосходительство, — ответил я, выдерживая его взгляд.

— Чем Вы это мне можете доказать?

— В рядах Вашей дивизии служат несколько моих приятелей-селян, оренбургских казаков, которые давно знают меня. Они хорошо знают, что я делал на Урале после возвращения с фронта, и каково мое отношение к крайним партиям и большевизму. Тот факт, что я был личным врачом атамана Дутова и главным штатным врачом генерала Бакича после того, как он был интернирован в Китайском Туркестане, также является достаточной гарантией моих политических взглядов. Я прибыл в Ургу из Чугучака по официальному разрешению генерала Бакича; я сопровождал в пути туда от Шара-сумэ больного и изувеченного генерала Комаровского, который Вам хорошо известен и может сообщить Вам о моей политической репутации.

— В таком случае, почему Вы пытались смягчить приговор бывшему комиссару Цветкову и доктору Цаганжапову, известным социалистам, которых я приказал кончить?

Казалось, барон хотел залезть мне в душу, фиксируя меня своим тяжелым пристальным взглядом и нервно постукивая по полу своим ташуром — длинной тростью. Я чувствовал, что моя жизнь висит на волоске, и решил удержаться на этом волоске.

— Живя в Урге перед тем, как Вы заняли ее, — твердо отвечал я — я неоднократно встречался и беседовал с Цветковым и Цаганжаповым. Из своих разговоров с ними я вынес уверенность, что они оба были врагами большевиков и искренне любили Россию. Естественно, когда я узнал об их аресте и приговоре, который угрожал им как большевикам, я счел своим долгом сказать полковнику Архипову и коменданту Безродному, что я думал об этих людях, и просить их доложить Вам мое свидетельство.

Барон на минуту задумался, наконец, отведя глаза от моего лица.

— Хорошо, — в конце концов бросил он, — я не особенно доверяю Дутову и остальным из этой шайки. Все они кадеты и шли в одной упряжке с социалистами... Во всяком случае, — он внезапно сорвался на фальцет, — я не потерплю никакой преступной критики или пропаганды в моих войсках! Запомните это и знайте, что у меня повсюду глаза и уши! Через два дня Вы отправитесь в Ван-хурэ для организации санитарной службы и госпиталя в отряде полковника Казагранди!

Стукнув своим ташуром по полу, барон вышел так же стремительно, как вошел. В тот же день начальник штаба барона и мой друг, бывший юрист К.И. Ивановский, сказал мне, что он понял из нескольких замечаний барона насчет меня, что своими прямыми и точными ответами я на время спас себе жизнь.

После одиннадцатидневного, скучного и утомительного путешествия, затрудненного весенней распутицей, которая только что началась, я, наконец, достиг Ван-хурэ с караваном из шести верблюдов, отрядом казаков и монгольскими проводниками. Это место было буддистским монастырем с довольно большим поселком рус-

ских колонистов и китайских купцов вокруг него, которые торговали с монголами из окружающих хошунов (районов); одновременно это была резиденция князя хошуна. Здесь нашел убежище полковник Казагранди со своим отрядом из 200 человек. Этот отряд возник весной 1920 г., когда полковник Казагранди с горсткой офицеров и военных кадетов, бежавших от большевиков из Иркутска, организовал партизанский отряд и в течение нескольких месяцев воевал с новым советским правительством, скрываясь в тайге к югу и востоку от Иркутска. Когда оставаться в тайге стало слишком трудно и рискованно, отряд, постоянно пополнявшийся новыми беженцами из Восточной Сибири, ушел в окрестности озера Хубсугул. Позже, выбитый и оттуда, Казагранди двинулся дальше на юг, на монгольскую территорию и провел осень и зиму в невзгодах и лишениях в верховьях рек Эгийн-гол и Селенга. Только благодаря поддержке и помощи нескольких русских колонистов, разбросанно живших в том районе, отряд сумел выстоять и не погиб от голода и страшного зимнего холода. Наконец, в середине февраля 1921 г. Казагранди, продвигаясь все дальше на юг со своим отрядом, обосновался в Ван-хурэ. Узнав о занятии Урги бароном Унгерном, он решил установить с ним связь и позже перешел, в качестве командира отдельной части, под команду барона.

При первой встрече Казагранди произвел на меня впечатление порядочного, образованного и интеллигентного офицера. Он никогда раньше не встречался с Унгерном и жадно расспрашивал меня о нем как личности; он особенно старался узнать, насколько точны слухи о безумном характере барона и его невероятной жестокости. Зная, что угрожает мне за откровенность, критику или неодобрение, я отвечал на его вопросы очень уклончиво и осторожно. Через несколько дней барона самого ждали в Ван-хурэ, и я посоветовал Казагранди быть терпеливым и дожидаться личного знакомства с ним, чтобы диагностировать характер барона. Казагранди не скрыл от меня, что правая рука Унгерна, старый личный друг и помощник по командованию, генерал Резухин, вызывает у него сильнейшую антипатию. Резухин командовал одной из бригад (2-й и 3-й полки) дивизии, как раз той бригадой, которая, только что отбив атаку китайцев на Ургу и подавив восстание чахаров в своих собственных рядах, теперь через Ван-хурэ выдвигалась в район нижней Селенги примерно в восьмидесяти верстах от русской границы. Во время его пребывания в Ван-хурэ поведение Резухина было, как обычно, грубым и высокомерным; а по отношению к Казагранди он принял крайне пренебрежительный и повелительный тон. Выслушивая жалобы последнего, я только мог мысленно улыбаться, зная, что Резухин был только бледной тенью барона, хотя очень хотел подражать ему поступками и характером. Казагранди был очень удивлен полученному приказу об отправке в бригаду Резухина из Ван-хурэ ветеринара Гея, известного старого члена сибирского кооператива Центросоюз. В тот момент я не мог решиться открыть Казагранди истинный смысл этого. Мои земляки, оренбургские казаки, которые составляли часть отряда, специально посланного Резухиным в Ван-хурэ, чтобы сопровождать Гея с семьей в штаб бригады, не утаили от меня полученный ими секретный приказ: Гей и его семья должны быть уничтожены на первом же привале своего путешествия из Ван-хурэ. Казаки были рады, что Казагранди временно задержал отъезд Гея, дожидаясь персонального визита барона и Резухина в Ван-хурэ,

а также учитывая болезнь одного из детей Гея. Казагранди и Гей были связаны долгой и тесной дружбой. Гей, очень добросердечный человек и враг большевиков, снабжал мясом армию адмирала Колчака; когда же отряд Казагранди отступил в селенгинскую тайгу и Монголию, Гей был в числе первых, кто доставлял им пищу, одежду и все необходимое. Его жена обшивала офицеров и ухаживала за больными. Гей более чем кто-либо помог отряду поселиться и организовать в Ван-хурэ, поскольку пользовался большим и влиянием среди монгольских князей, особенно на Вана, князя Ван-хурэ. Позже я узнал от самого Резухина, что, хотя Гей и был наказан будто бы “за спекуляцию”, в действительности его смерть и смерть его семьи были желательны барону, чтобы завладеть скотом и деньгами, которые считались принадлежащими Центросоюзу и находящимися во владении Гея и которые, как было доказано позже, не существовали.

Вечером того же дня Казагранди попросил меня осмотреть заболевшую маленькую девочку Гея и дать заключение, сможет ли она вынести в тряской телеге путешествие в несколько сот верст. Мой осмотр не оставил у меня сомнений, что маленькая девочка страдает острым воспалением тонкого кишечника и нуждается в абсолютном покое на протяжении, по крайней мере, двух или трех недель. Я немедленно доложил это Казагранди. Кроме того, делая свой доклад, я уже не мог больше сдерживать антипатии при мысли о той судьбе, которая ожидает эту чудесную семью, состоявшую из двух женщин — жены Гея и ее матери — и троих малолетних детей, и я забыл всякую предосторожность. Я не только сообщил Казагранди о цели, с которой Гей и его семья вызваны в штаб Резухина, но и рассказал ему обо всех тех ужасах, свидетелем которых я вынужден был быть со времени занятия Урги бароном Унгерном. Я рассказал ему, что творилось в Урге в первые три или четыре дня после вступления войск барона: множество изнасилованных и замученных женщин, убитые дети и изрубленные на куски старики; дымящиеся руины села Мандал, все население которого было истреблено только за то, что не пожелало выставить добровольцев в ряды барона во время осады Урги. Я не скрыл от Казагранди, что помимо своей беспощадности и нечеловеческой жестокости барон крайне мстителен и никогда не забывает обиды; что причиной убийства полковника Хитрово, который до революции был пограничным правительственным комиссаром в Кяхте, человека старого и немощного, было исключительно его неодобрение зверств, учиненных Унгерном перед тем, как он покинул Даурию. Я объяснил, что отношение барона ко всем, кто не был с атаманом Семеновым во время Гражданской войны и не связан с забайкальскими застенками, отличается крайним недоверием и обидной подозрительностью. В глазах шайки преступников, дегенератов и мерзавцев, которых он взял из Даурии для участия в своей монгольской авантюре, обозначение “колчаковец” было уничижительным прозвищем, ругательством. Его помощники и прихвостники, начиная с Резухина, садиста Сипайло, прирожденного уголовника Безродного, и кончая главными мучителями и палачами Бурдуковским и Пермьяковым, — все старались превзойти своего повелителя и хозяина в жестокости и зверствах. Когда наш разговор подошел к концу, Казагранди выглядел очень расстроенным и взволнованным. Он признался мне, что испытывает теперь тяжелые сомнения относительно разумности своего решения связать свою судьбу себя и своего отряда с бароном; пока

он не видел выхода из существующей ситуации. Все же он собирался приложить все усилия, чтобы в будущем как можно больше ослабить свою зависимость от Унгерна.

Для госпиталя мне отвели большой пустой дом, прежде занимаемый китайской лавкой, и там я разместил пятьдесят коек, половина которых сразу же была занята ранеными и больными из отрядов Казагранди и Резухина. Для меня самого посреди двора поставили большую юрту (палатку). В ней была железная печка, так как ночи стояли еще холодные, временами даже морозные.

Точно не помню, но в первую или в следующую ночь, проведенную мною в этой палатке, Казагранди прислал мне записку с просьбой разрешить некоему лицу, которого я еще не видел в Ван-хурэ, переночевать у меня. Незнакомец оказался немолодым человеком со слабым голосом, мягкими манерами и маленькой седой бородкой. Он представился как профессор Ф. Оссендовский. Я никак не мог предполагать, что даю пристанище будущему автору книги “Звери, люди и боги”, которая привлекла такое большое внимание в Америке. Господин Оссендовский оказался весьма приятным и увлекательным собеседником, и за неизбежным стаканом чая я провел с ним в беседах большую часть ночи. Он поведал мне о лишениях и трудностях, перенесенных со времени его бегства от большевиков из Сибири по пути через Урянхайский край в Улясутай. Он упомянул об ужасах, пережитых им в последнем, и о своем намерении ехать в Ургу и далее на Дальний Восток, в Китай и, в конце концов, в Польшу. Он сказал, что из всех попутчиков, выехавших с ним из Улясутая, в Ван-хурэ прибыл только капитан Филиппов, остальные по дороге были задержаны карательной экспедицией под командой Безродного, которого барон отправил из Урги в Улясутай с чрезвычайными полномочиями, чтобы чинить суд и расправу. Если г-н Оссендовский простит меня, я признаюсь, что не могу припомнить ни одного слова, касающегося его попытки проникнуть в Тибет, о чем он сообщил в своей книге столь красочно и детально. Что же до страха, который он выразил перед бароном и знаменитой встречи с ним — это я помню очень хорошо.

Г-н Оссендовский собирался остаться в моей палатке еще на одну ночь, но вместо него у меня остановился генерал Резухин, который весьма неожиданно и очень поздно прискакал с Селенги. Я узнал от него, что он приехал повидать барона, чье прибытие ожидалось в следующие два или три дня. Он также сказал, что решил ходатайствовать перед Унгерном о моем переводе в его собственную бригаду, поскольку Казагранди с его маленьким отрядом не так сильно нуждается во враче, как он. Во внезапном приступе откровенности после нескольких глотков из своей фляжки Резухин рассказал мне, что по прибытии барон проведет совещание с ним самим и Казагранди относительно предстоящего “похода на Россию” и начала широкомасштабной войны против Советской власти. Сразу после этого, узнав от меня, что Казагранди из-за болезни ребенка отсрочил отправку семьи Гея в его штаб, Резухин впал в ярость, осыпая проклятиями Казагранди и упрекая даже меня за согласие осмотреть больную маленькую девочку и дать заключение о ее состоянии. Он приказал вызвать начальника конвоя, вестового Гордеева, бывшего университетского студента, и когда тот вошел, набросился на него. Он кричал, что он, Резухин, его непосредственный начальник; что он, Резухин, является заместителем барона, и Гордеев не должен был слушать “какого-то” Казагранди, который ведет себя, как “сентиментальная девица из колчаковского-

го пансиона”; что Гордеев будет сурово наказан за неисполнение приказа; что он повторяет свой приказ: немедленно увести Гея с семьей в сопки и поступить с ними, как было велено. Имущество доктора Резухин приказал ему оставить нетронутым.

Уже когда наступил вечер следующего дня, вечер Пасхи, адъютанты Резухина были заняты в одном из пустовавших сараев около моего госпиталя тем, что рылись в вещах убитого Гея, тщетно стараясь найти деньги и драгоценности, которых не существовало. Я скорее рад, что ограниченный размер этой статьи не позволяет мне сообщить отвратительные подробности ужасного убийства невинных детей и женщин этой семьи, как они были переданы мне участниками этого дела.

Мне неизвестно содержание беседы, которую имел Резухин с Казагранди утром того же дня, но во время Пасхальной Всенощной последний выглядел очень бледным и расстроенным. Когда церковная служба закончилась, Резухин, не обменявшись пасхальными поздравлениями с Казагранди, отклонил его приглашение прийти к нему домой на пасхальный ужин и подчеркнул свое желание идти спать.

На следующий день барон, наконец, прибыл в Ван-хурэ. Я переселился из моей палатки в госпиталь, в то время как барон с Резухиным заняли мою палатку. Казагранди был первым, кого принял барон, и они оставались наедине довольно долго. Наконец, когда Казагранди вышел, были уже сумерки, и перед входом в юрту собралась небольшая кучка людей, дожидавшихся приема Унгерном. Среди них я заметил Оссендовского и Филиппова. Оссендовский был первым, кого позвали. Он несколько раз торопливо осенил себя крестным знаменем перед тем, как откинуть служивший дверью войлочный полог. Минут через пятнадцать Оссендовский появился снова, повеселевший и ободренный, и в палатку допустили капитана Филиппова. Все мы в госпитале, всего четырьмя шагами отделенном от войлочной стенки палатки, четко слышали голос барона, хриплый от ярости, визгливый и упрекавший Филиппова в том, что он говорит ложь; барон не верил ни слову из сказанного Филипповым; тот был, разумеется, большевистский агент и шпион, прибывший в Монголию с единственной целью разложить отряды барона революционной пропагандой. Не прошло и пяти минут, как адъютант Резухина, капитан Веселовский с несколькими палачами связали Филиппову руки, отвели его в соседний огород и изрубили в куски своими шашками.

В ту же ночь в моей палатке состоялось совещание между бароном, Резухиным и Казагранди по выработке плана наступательной кампании против советских сил. Как мне говорил впоследствии сам Резухин, предложенный им план был отвергнут бароном. Он предложил, чтобы его бригада была увеличена за счет присоединения к ней отрядов Кайгородова из Кобдо, атамана Казанцева из Улясутая и Казагранди и доведена, таким образом, до численности дивизии, образовав ударную группу, которая будет выдвигаться по левому, или западному берегу р. Селенги через Селенгинск и Мысовую. Сам барон со всеми силами, которыми он командовал в Урге, должен двигаться по западному берегу р. Орхон на Кяхту, Троицкосавск, Верхнеудинск и далее в Забайкалье. План Казагранди, в конце концов, принятый бароном, состоял в том, что каждый из этих отрядов должен действовать независимо: Кайгородов должен вести кампанию в Кобдоско–Бийском районе и вдоль р. Катунь; Казанцеву предстояло идти через Урянхайский край к верховьям Енисея и

Минусинску; Казагранди должен занять поселок Модонкуль в верховьях р.Джида и оттуда пробиваться или постепенно выходить к озеру Хубсугул и на другие дороги, ведущие к Иркутску. Резухин должен двигаться к Байкалу по рекам Желтура и Джида и по западному берегу Селенги. По плану Казагранди, барон должен был взять то же направление, что и по плану Резухина. Естественно, надежда на успех покоилась исключительно на убежденности вождей в том, что произойдет широкое восстание населения против Советской власти и что будет огромный приток добровольцев. Как показало будущее, такая убежденность не имела под собой никаких оснований.

8 мая барон снова отбыл в Ургу, предварительно приказав выслать “карательную экспедицию” во главе с младшими казачьими офицерами М. и Т. в район озера Хубсугул. Там проживало несколько семей богатых русских поселенцев. “Карательная экспедиция” имела приказ перебить их и конфисковать их имущество, скот и ценности. Как я имел возможность убедиться позже, М. и Т. блестяще оправдали свои полномочия. Они истребили все богатое и зажиточное население в Дархате и Хытхыле. Они убили Шпигеля, новатора распространения грамотности в Монголии, хорошо известного во всем Хытхыльском районе, и всю его семью. Они не щадили ни женщин, ни детей. Они не привезли назад много добычи, поскольку большую часть скрыли и зарыли по дороге, надеясь через какое-то время вернуться и разбогатеть на этом.

Утром 9 мая Резухин тоже ускакал на Селенгу со своим отрядом, а спустя несколько часов, передав свой госпиталь д-ру Дезорцеву, я последовал за Резухиным. 15 мая мы прибыли в лагерь его бригады на Селенге, примерно в пятнадцати верстах вверх по течению от того места, где в нее впадает речка Баян-гол. Люди уже строили постоянный мост через Селенгу, который был закончен в течение следующих нескольких дней. Я поинтересовался временем, когда мы можем ожидать начала кампании, чтобы иметь возможность завершить подготовку моего полевого госпиталя и санитарных отрядов. На это Резухин признался, что он не знает. Это зависит, сказал он, от нескольких лам-прорицателей, без предварительного совета с которыми барон никогда не предпринимает каких-либо важных шагов и которые с неразлучны ним. Позже, когда барон присоединился к нам после своего поражения под Кяхтой, эти бесстыдные, грязные, невежественные и кривоногие пифии служили мишенью насмешек, сарказма и большого веселья всего отряда. Сам Резухин не очень доверял их пророческому дару и в своем близком кругу неоднократно выражал сомнения в правильности их постоянного пребывания при бароне.

Наконец, 30 мая от Унгерна прибыл вестник с приказом немедленно выступить и действовать согласно плану, намеченному для бригады. Мы получили также копии знаменитого “Приказа № 15”, в котором указывались цели и задачи нашей борьбы с большевиками. Приказ был очень длинен. Основной лозунг был старый: “За Веру, Царя и Отечество!” В параграфе 9 говорилось просто: “Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями; все их имущество конфисковывать”. Нормальному человеку весь этот документ должен был казаться продуктом помраченного сознания извращенца и человека, страдающего манией величия и возбужденного жаждой человеческой крови. Большинство из нас, “колчаковцев”, восприняли приказ именно так. Даже Резухин был слегка смущен его содержанием.

На следующий день мы выступили по направлению к р.Желтуре и станции Желтуринской. 26 мая при Худаке мы неожиданно атаковали и разгромили отряд красных бывшего есаула Щетинкина, который проводил там рекогносцировку. Мы захватили десятки пленных, большинство из которых тут же зарубили шашками, штаб отряда и одно орудие. Только Щетинкину с несколькими всадниками удалось проскользнуть у нас между пальцами и скрыться в тайге. Наши потери составили двое убитых и около десятка раненых. В двуколке, следовавшей за отрядом красных, мы обнаружили несколько галлонов самогона. Хоботов, который был произведен в полковники и назначен командиром нашего 2-го полка за храбрость, проявленную им при взятии Худака, но который был совершенно неграмотным, тупым и грубым забайкальским казаком, не смог удержаться и решил отпраздновать нашу победу выпивкой из запасов этой жидкой военной добычи. Резухин, чью палатку отделял от моего госпиталя только узкий ручеек и несколько кустов дикой вишни, вызвал Хоботова для доклада. Его интуиция старого пьяницы с первого взгляда подсказала ему, что этот тип не в состоянии делать какой бы то ни было доклад. Мы услышали безумную нецензурную брань, затем несколько ударов ташура по крепкому черепу командира, и пятью минутами позже увидели смущенное, распухшее и окровавленное лицо высоко над нашими головами. Резухин подверг его обычному наказанию: виновный должен был забраться на высокую сосну, стоявшую над ручьем, и целую ночь провести на одной из ветвей, в постоянной опасности свалиться с высоты тридцати пяти или сорока футов и покалечиться.

Но то, что произошло позже в эту ночь, было уже не акробатическим фарсом, а настоящей драмой. Кто-то донес, что староста соседней бурятской деревушки — тайный большевистский агент и шпион. Староста был схвачен и доставлен в штаб для допроса. Его попытки сослаться на то, что его зять и два племянника служат добровольцами в одном из наших полков, не спасли его от обычного наказания. По приказу Резухина, он был подвергнут принятой пытке. Его били палками до потери сознания, и мы, будучи неподалеку, в течение нескольких часов слышали душераздирающие крики и стоны. Эти стоны и крики казались особенно ужасными и кошмарными в долине, наполненной благоуханием цветов дикой вишни, степных лилий, диких гиацинтов и шиповника, под теплым звездным небом майской ночи. Никто из моих людей в госпитале, включая раненых, не мог уснуть, и на лицах вокруг меня я видел растерянность, ужас, или бессильное негодование. Не сумев добиться от этого человека никакого признания, Резухин приказал положить его голым на тлеющие угли лагерного костра. Мы услышали нечеловеческий вопль, и затем все стихло. Полубезумный замученный человек потерял сознание. Поскольку попытки снова привести его в сознание, обливая холодной водой, были безуспешными, Резухин приказал своему адъютанту и палачу Веселовскому оттащить безжизненное тело подальше в кусты и там покончить с ним. Веселовский, уже устав, передал приказ другому ординарцу и пошел спать в свою палатку. Рано утром часовые обнаружили, что обгоревшее и ободранное тело ползет вдоль дороги, и послакали докладывать Резухину. Тот приказал кончить и закопать старика, а Веселовский за неисполнение приказа провел три ночи до нашего выступления на той же сосне, где до этого сидел Хоботов.

30 и 31 мая мы предприняли несколько безуспешных попыток захватить станцию Желтуринскую. Ее красный гарнизон защищал ее очень храбро и умело, а тем временем красная кавалерия бросилась в неожиданную атаку и чуть не взяла в плен самого Резухина с его штабом, когда он управлял боем с вершины холма. Здесь мы понесли весьма серьезные потери убитыми и ранеными. В ночь на 1 июня мы отступили от Желтуринской и разбили лагерь примерно в тридцати верстах от нее. Затем мы прошли около сорока верст ночью под проливным дождем и, наконец, вышли к поселку Боссийский на р.Джиде. Маленькая горстка красных в окопах отчаянно защищала подступы к поселку, но наши части окружили их и, имея большой численный перевес, истребили до последнего человека. Оборванные и голодные жители поселка на коленях встретили Резухина на площади перед оскверненной и закрытой церковью. Резухин ответил на их приветствия требованием немедленно выдать всех коммунистов и членов сельсовета. Услышав робкие объяснения, что все, кто был связан с сельсоветом, скрылись при первых выстрелах, Резухин впал в ярость. В своем гневе он начал с того, что приказал повесить управляющего местной кооперативной лавкой, очень старого и больного на вид человека. Не раньше, чем вмешался полковник Костерин, объяснивший генералу, что тот ошибается, принимая лавку потребительской кооперации за советское учреждение, и после того, как люди в толпе торжественно поклялись, что старик не был коммунистом, была снята петля, которую наши буряты уже накинули ему на шею. Село не могло выставить нам никаких добровольцев, поскольку все способные носить оружие были или мобилизованы большевиками, или же до лучших времен отосланы в Мысовую и Читу. В тот же вечер после короткого боя мы заняли село Новые Энхоры, а через час красные были выдворены и из Старых Энхор. Здесь была схвачена учительница местной школы, поскольку она была коммунисткой, по данным контрразведки. Резухин приказал ее зарубить, но перед смертью она была изнасилована почти всеми нашими контрразведчиками.

Перейдя вброд реку Джиду, мы провели ночь в сопках на ее западном берегу, а утром были атакованы отрядом красных, которые еще не знали о взятии Энхор и направлялись туда. После недолгого боя красные были рассеяны нашей конницей, многие убиты, а остальные бежали в сторону Желтуры. Когда стемнело, мы снялись с лагеря и, двигаясь параллельно Джиде вниз по течению, рано утром неожиданно напали на спящие аванпосты противника. После жаркого боя мы захватили Дэристуйский дацан и высоты к западу и северу от него. Красные отступили в беспорядке к Сосновке, оставив в наших руках свыше сотни пленных, около десятка пулеметов, много винтовок и патронов.

Прежде чем преследовать врага и продолжать наступление, Резухин собрал что-то вроде военного совета, на котором я тоже должен был присутствовать. В нем приняли участие командиры обоих полков, а также командир Монгольского дивизиона, командир Бурятской сотни и такие заместители полковых командиров, как полковники К. и О.³⁹² Оба они были старыми боевыми офицерами, один из них командовал полком на Великой войне, имел Георгиевский крест, был несколько раз ранен, и был образованным и опытным офицером. Он был приставлен заместителем к Хоботову, но в действительности командовал полком — ситуация, которая

вполне устраивала и Хоботова, и Резухина. Полковник О., тоже кадровый офицер, окончивший Академию Генерального штаба, вернулся с войны в чине подполковника и занимал ответственный пост в армии Колчака. Он был назначен заместителем к командиру 3-го полка, бывшему сельскому приставу, теперь казачьему полковнику, буряту Очирову. Оба эти офицера были мобилизованы Унгерном в Урге, куда они прибыли вместе со мной из отряда генерала Бакича. С обоими я был связан узами тесной дружбы, продолжающейся и по сей день.

Резухин сообщил всем нам — собравшимся, что, по его информации, красные сконцентрировали крупные силы с мощной артиллерией в районе Сосновки; что вслед за нами движутся красные гарнизонные отряды, пришедшие с Желтуры и с верховьев Джиды; что у него нет известий от барона, но, по словам бурят, пришедших из-за Селенги, он встретил неудачу. Согласно тем же слухам, Казагранди после успешного занятия поселка Модонкуль, был вскоре выбит оттуда наступающими красными и отступил далеко на юг, на монгольскую территорию. Я доложил, что у нас ранено около 120 человек, многие из них — тяжело. Запряженные полудикими монгольскими лошадьми арбы без рессор были единственным транспортным средством госпиталя. А поскольку они взбирались по каменистым дорогам, вообще не пригодным для повозок, воздух оглашался стонами и воплями раненых, чьи страдания от тряски по камням и рытвинам были слишком велики, чтобы заглушить их какими-то инъекциями наркотиков. Если они будут оставлены в таких условиях, большинство их неизбежно умрет. Поэтому я настаивал на эвакуации всех тяжелораненых в Ургу, чтобы обеспечить нормальный госпитальный уход. Резухин также спросил мнение собравшихся о том, что делать с захваченными в плен красными солдатами. Конечно, среди них не было командиров, потому что все командиры, начиная с взводных и выше, как правило, расстреливались на месте. Мнение полковников К. и О. заключалось в том, что из этих пленных, которых было около двухсот, нужно сформировать пехотную команду и во время переходов перевозить ее на подводах. Резухин, хотя и не без труда, позволил убедить себя в том, что это достаточно разумный план, чтобы ему последовать; однако он боялся вызвать гнев барона. Последний обычно предпочитал допускать пленных красных лишь к нестроевой службе: они служили санитарями, денщиками, обозными и т.д. К вечеру наш отряд отступил назад по той же дороге, по которой мы пришли. Однако Резухин, опасаясь, что нас могут атаковать сразу с фронта и с тыла, решил опять перейти вброд Джиду и продвигаться по ее правому берегу к Селенге и станице Цаган-Усуевская. Успешно переправившись через реку, которая была в этом месте весьма глубокой, мы прошли около четырех верст к востоку и из-за темной ночи и внезапно застигшей нас бури остановились на ночь у подножия сопки, отделявших нас от Селенги.

Рано утром на следующий день, 8 июня, большой отряд красной пехоты, двигавшийся с Желтуры, появился на левом берегу Джиды и, заметив нас, открыл по нашему лагерю артиллерийский огонь. Благодаря значительному расстоянию наши потери были невелики. Поспешно отступив к расположенным поблизости песчаным холмам, мы подошли под вечер к Цаган-Усуевской, где планировали провести ночь. Вскоре, однако, нас атаковал крупный отряд советских сил, и мы были вынуждены продолжать наше отступление ночью, дальше на юго-запад, стараясь держаться па-

раллельно Селенге, хотя большую часть времени были отрезаны от нее горами и трудно проходимой тайгой, и нас неотступно преследовали красные. Трудность этого отступления усиливалась отсутствием воды и невыносимой жарой, поскольку родников в ближайшем лесу мы достигли спустя двадцать восемь часов после того, как покинули Цаган-Усуевскую. Не менее двадцати раненых умерло по дороге от изнурения и от мучений, вызванных жаждой. Сотни лошадей, обессиленных настолько, что не могли двигаться, были оставлены красным. Но и последние должны были быть изнурены условиями, в которых они вели преследование. Наконец, они прекратили давление на наш тыл, дав нам возможность спокойно отдыхать всю ночь и весь день 9 июня. Вечером 9-го мы остановились в лесистых холмах примерно в 15 верстах от Селенги, и я получил приказ подготовить тех раненых, которых я отберу, к переправе через реку и дальнейшей эвакуации в Ургу, на расстояние около 400 верст.

На следующий день после обеда, когда я докладывал Резухину, что раненые готовы к эвакуации, неподалеку послышалась ружейная и пулеметная стрельба, и пули запели вокруг нас свою безошибочную песню. Это был авангард красных, которые, подойдя к краю лесного оврага, вдоль которого мы разбили лагерь, окружили сотни 2-го полка и неожиданно атаковали их. Завязалась кровавая рукопашная схватка, в результате чего мы понесли довольно большие потери убитыми и ранеными, хотя красные были отброшены назад в соседние сопки. Среди наших раненых был полковник Костромин, который лично действовал пулеметом и огнем в упор опустошал ряды красных. Когда настала ночь, под прикрытием темноты и грозы, необычайно сильной даже для этой страны, мы двинулись по оврагу и вышли по нему в широкую долину Селенги. Наконец-то раненые, предназначенные к эвакуации, были переправлены через реку. Во время переправы, проходившей на двух случайно найденных лодках, Резухин, придравшись к какой-то мелочи, набросился на одного из санитаров, которые сопровождали раненых, и жестоко его избил, серьезно повредив ему один глаз и выбив несколько зубов. В ответ на мою попытку вступить за избиваемого, Резухин закричал, что в следующий раз, если я вмешаюсь в его действия, он меня пристрелит. В том состоянии физического и морального истощения, в котором тогда находилось большинство из нас, я, помню, пожалел, что угроза генерала не была немедленно приведена в исполнение.

Однако угроза Резухина произвела несколько иное впечатление на тех, кто был свидетелем этой сцены. После обеда в тот же день, когда наш отряд, защитившись неглубокими окопами со стороны сопки, откуда могли появиться красные, и с тыла окруженный Селенгой, спокойно стоял лагерем в долине, многие из офицеров и казаков, моих сограждан по Оренбургскому казачьему округу, заходили в мою палатку, чтобы выразить свое сочувствие относительно последнего инцидента. Все они искренне выражали возмущение и отвращение к той системе террора по отношению к противнику и грубого деспотизма и побоев по отношению к подчиненным, которую Резухин принял в подражание своему кумиру Унгерну. Оренбургские казаки заявили, что, когда они дезертировали из рядов Красной армии под Кяхтой и пришли в составе двух сотен к Унгерну во время осады Урги, они понятия не имели, что меняют одну тиранию на другую; что даже командиры Красной армии не позволяли себе бить казаков по лицу и унижать их человеческое достоинство — действия, которым они теперь являются свидетелями на протяжении месяцев.

Вечером 11 июня Резухин, действуя согласно теории, что красные не посмеют спуститься в долину и вступить в открытый бой, вел нас лесами вдоль Селенги и за соседними сопками, оставив позади нас небольшое охранение для наблюдения и прикрытия. 12 июня красные силами 310-го и 311-го пехотных полков спустились в долину и повели широкое наступление на те силы, которые остались в наших окопах. Услышав наши сигналы тревоги, главные силы отряда поднялись на сопки, чтобы встретить врага, в то время как те, кто находились в окопах, покинули их и отступили к реке, намереваясь соединиться с главными силами. Одним из первых был ранен в плечо генерал Резухин, вследствие чего он передал командование полковнику Островскому. Красные выдержали сильный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь с вершин сопки и продолжали упорно и методично продвигаться по долине, отражая фланговые атаки нашей конницы. Уже их передняя цепь залегла у самого подножья первой сопки, ожидая, когда соберется побольше их людей, чтобы нанести нам решительный удар, когда полковник Островский решил использовать нашу пехоту, созданную из пленных красных. По команде «В атаку!» они с неистовыми криками «Ура!» и «За Россию!» сверху обрушились на красных, карабкавшихся по склону, сметая их в штыковой схватке, и через десять минут цепи красных, прорванные и смешанные, побежали, преследуемые нашей конницей и уничтожаемые нашей шрапнелью. Их правый фланг медленно отступал под прикрытием эскадрона красной кавалерии. Этот эскадрон тотчас был атакован 5-й сотней оренбургских казаков. Опрокинутый после яростной кавалерийской схватки, он расстроил ряды собственной пехоты и привел ее в замешательство. Разгром красных был полным и сокрушительным. Нам досталось свыше 200 пленных, два орудия, около десяти пулеметов и целый бригадный госпиталь, правда, без врачей и санитаров, которые благоразумно исчезли, бросив все на произвол судьбы.

Отступив примерно на 15 верст от места сражения, мы провели около двух дней, приводя в порядок и подсчитывая наши живые и вещественные трофеи. Резухин, казалось, был недоволен нашим успехом и, по словам полковника Островского, даже упрекал последнего за отсутствие умения вести бой, сожалея, что его рана помешала ему лично возглавить войска. Естественно, я знал лучше кого-нибудь другого, что его легкое ранение — навывлет сквозь мякоть плеча — не могло с необходимостью помешать ему остаться в строю и командовать войсками. Было совершенно ясно, что причина его недовольства лежит в том выдающемся успехе, которого мы достигли не только без помощи его стратегических талантов, но, напротив, скорее даже благодаря тому, что он не сумел их проявить. Его приказ произвести чистку среди пленных, результатом чего стал расстрел более чем сорока из них, вновь вызвал сильное, хотя и скрытое, недовольство лучших элементов нашего отряда. Затем три дня мы двигались большими переходами к нашему лагерю в Монголии возле моста через реку Селенга. Красные нас не преследовали, хотя мы отметили две или три попытки их авиаторов сбросить бомбы на наши движущиеся колонны.

Я не могу обойти молчанием один эпизод тех дней, несущественный сам по себе, но имевший важные последствия. По дороге нас встретил специальный курьер из Урги, который доставил Резухину почту от Сипайло, коменданта Урги. Как мы узнали впоследствии, пакет содержал в себе приказ «ликвидировать» конника

2-го полка Спицына, широко известного старожила Монголии и купца из Урги; он был призван на службу Унгерном после взятия этого города. Основанием для приказа послужило то, что, по сведениям Сипайло, брат Спицына был большевистским комиссаром в Хайларе в 1918 г. Спицына, очень интеллигентного и приятного человека, очень любили его товарищи по сотне и полку. Он показал себя очень храбрым солдатом и даже был легко ранен в бою под Энхорами, где действовал пулеметом. Резухин отдал приказ немедленно, прямо на марше, вызвать его из рядов, отвести в сопки и там расстрелять. Никто так и не понял истинной причины того, что к Спицыну подъехали двое всадников из комендантской команды, и все вместе поскакали к опушке ближайшего леса. Однако один из людей командира, очевидно, не сумел сдержаться и шепнул словечко находившимся возле казакам. Когда информация распространилась, в полку поднялись всеобщее возмущение и ропот, достигшие даже командира полка Хоботова. Делегация офицеров во главе с Хоботовым и раненым полковником Костроминым подскочила к Резухину, который ехал во главе отряда. Костромин от имени всей делегации обратился к генералу с просьбой отсрочить приговор. Резухин, хотя и был обеспокоен всеобщим недовольством до такой степени, что даже утратил свой обычный грубый и повелительный тон, тем не менее, не посмел противиться приказу Сипайло. Да было уже и слишком поздно отзываться им, поскольку двое экзекуторов уже вернулись с докладом, что приказ исполнен прежде, чем делегаты успели закончить переговоры с Резухиным.

15 июня, на расстоянии дневного перехода до нашей базы на Селенге, мы, наконец, получили долгожданные новости от барона. Он кратко извещал Резухина о своем поражении под Кяхтой 9 июня. Вся его артиллерия и большая часть пулеметов были потеряны. Правда, красные захватили лишь несколько пленных, так как унгерновцы рассеялись по окрестным лесам и постепенно возвращались в свои части. Барон отступил на монгольскую территорию. Противник его не преследовал, и немедленно после приведения бригады в надлежащий вид Унгерн намеревался идти к Селенге на соединение с Резухиным. Представляется, что главной причиной поражения были те самые ламы-предсказатели. По их мнению, барону не следовало до определенного дня пускать в ход свою артиллерию и пулеметы. Он решил последовать их совету, но красные атаковали его раньше назначенного дня. В итоге пушки были взяты вместе с пристяжными лошадьми и верблюжьими упряжками, а пулеметы захвачены с двуколками, на которых они стояли.

29 июня во главе двух своих полков, 1-го и 4-го, Монгольского дивизиона, двух сотен китайцев и полуроты японских добровольцев барон подошел к мосту через Селенгу и принял командование над всеми силами. Прибывшие с ним части так же, как его штаб, расположились лагерем на правом, восточном, берегу реки, среди холмов и болот, кишящих змеями. Почти ежедневно были случаи змеиных укусов и, хотя никто не умер, жертвы несколько дней сильно страдали от воспаления и лихорадки, после чего развивался упорный паралич поврежденной части. Интересно было наблюдать, что этот яд оказывал гораздо более сильное действие на лошадей, многие из которых умирали от змеиных укусов. Следуя совету своих лам-прорицателей, Унгерн полностью запретил убивать змей. Однако люди безжалостно истребляли пресмыкающихся, несмотря на запрет. Барон решительно отка-

звался перевести свои части на нашу сторону, на левый берег реки, где был лагерь бригады Резухина, и где змей было очень мало. Каждую ночь играли тревогу, и даже медицинский персонал принимал участие в учениях. По сигналу трубы все мы должны были поспешно седлать лошадей, бросаться в реку и плыть через нее. Во время этих ночных переправ погибали многие монголы, поскольку, пугаясь глубины, они хватались за головы лошадей, топили их и самих себя. Эти дикие развлечения сумасшедшего маньяка прекратились не раньше, чем этому положил конец летний разлив Селенги. Наконец, налеты вражеских аэропланов, которые становились все более частыми и вызывали большие потери, особенно лошадьми, вынудили барона сконцентрировать все наши части в лесах на левом берегу. Однако он сам со своим штабом оставался на правой стороне, и связь с ними поддерживалась на лодках после того, как однажды ночью вода поднялась на десяток футов и снесла мост, построенный с такими мучениями. В те дни Унгерн свирепствовал без снисхождения. Он приказал сжечь заживо студента-медика Езерского, присланного Сипайло из Урги, потому что Сипайло доложил, что, по сведениям его контрразведки, прежде чем прибыть в Ургу, Езерский занимал какую-то должность в советском комиссариате здравоохранения в Иркутске. Старый русский поселенец в Монголии, Демин был затребован из Ван-хурэ, чтобы наладить снабжение дивизии мясом. Уверенный, что его везут в войско Унгерну на расстрел, Демин по дороге сам бросился с коня в Селенгу и утонул на глазах у своего конвоя. После того, как конвойные доложили о случившемся барону, они были безжалостно биты палками и оставлены голодными на несколько дней.

Меня заставили каждый день переправляться через реку, которая теперь разлилась на несколько верст, в ветхой дырявой лодке для ежедневного доклада, и после маневрирования между бесчисленными островками высаживаться у сопки, где располагался барон со своей личной комендантской командой. Когда я делал доклад, я часто слышал вопли тех, кого били палками по его приказу; сосны вокруг были усыпаны людьми, которые должны были просидеть там иногда по 24 часа и больше — офицеры и казаки, зачастую перед тем избитые. Многие из них понятия не имели о том, за что наказаны. Резухин на другом берегу старался не отстать от своего хозяина в суровости наказаний. Части пребывали в подавленном и озлобленном настроении. Всюду слышался ропот, а также угрозы покончить с этим “каторжным режимом”. Все те, в ком еще жило чувство человеческого достоинства и способность к протесту, толпились у палаток моего госпиталя для доверительных бесед. 15 июля пришла новость, что Урга взята красными. У многих наших офицеров и конников там остались дома, семьи и жены. На вопрос одного из офицеров о судьбе их близких, Унгерн цинично ответил, что “настоящий борец не должен иметь никаких близких”, потому что от тревоги за них убывает храбрость.

Атаман Сухарев, забайкальский казак, с небольшим отрядом его земляков-забайкальцев был в это время послан в Монголию, якобы с целью найти Казагранди и вручить ему приказ о передаче командования самому Сухареву. Вслед за тем последний должен был немедленно идти на соединение с главными силами барона. После отъезда Сухарева стало известно, что он получил приказ убить Казагранди и вернуть ему офицеров. Как мы узнали позже, Сухарев надлежащим образом освободил

себя от этой задачи: он напал на спящего Казагранди ночью и зверски убил его и офицеров, которые пытались его защищать. Затем, однако, Сухарев не привел отряд Казагранди к барону, а повел его через Внутреннюю Монголию в Китай. На границе Мукденской провинции китайские власти приняли их за банду хунхузов, Сухарев был убит в бою с ними, и вместе с ним погибла большая часть отряда.

Конец Унгерна и всей его авантюры мог бы наступить гораздо раньше, если бы он не повел вновь дивизию в поход и сражение. В ночь на 17 июля он начал наступление по тому же маршруту, по которому месяцем раньше мы двигались под командой Резухина. Однако утром 18-го, на небольшой речке Бали-гол, что на самой границе Монголии, мы встретили большие силы красных, имевших много орудий и хорошие окопы на окружающих сопках. Бой продолжался два дня и, несмотря на сильные и частые атаки некоторых из наших частей, как конных так и пеших, передовые позиции красных остались незаблемыми. Наши потери убитыми и ранеными, особенно среди офицеров, были очень большими. Оренбургские казаки потеряли не менее половины своего состава. Среди смертельно раненых был капитан Веселовский, адъютант Резухина, заплативший своей жизнью за взятые им жизни других — таинственный белокурый человек со стальными глазами из “Зверей, богов и людей” Оссендовского. Смертельно ранен был также командир монгольских сил, известный исследователь Монголии, богатый купец и уважаемый старожил Урги и Кяхты, Глеб Лушников. Сильно пострадали Бурятский и Татарский полки. Сам Унгерн был легко оцарапан пулей в ягодицу³⁹³. Граната, упавшая рядом с амбулаторией, ранила фельдшера и нескольких санитаров.

Ночью 20 июля мы отступили на юг, к горному хребту, который отделяет Селенгу от верховий Джиды. На следующий день Унгерн сам оказал помощь раненым, послав их за реку Селенгу в Ван-хурэ, область, которую, как он знал, занимали красные. Перед санитарным транспортом был десяток миль в сторону от Селенги. Он был окружен, обстрелян из пулеметов, и большинство раненых было убито. Оставшихся взяли в Ван-хурэ — но уже как пленников красных.

Между тем, наша дивизия начала переходить дикие горы, первозданные леса, непроходимые дебри и болота. Люди мостили гати и переносили пушки на своих спинах, и 23 июля спустились к станции Цэжинская и заняли ее без сопротивления. 25-го мы взяли Торей и Атамано-Николаевскую; утром 28-го мы встретили передовые силы красных, которые занимали село Дмитриевское на небольшой речке Про; красные были выбиты и отступили на север к Гусиному озеру. 30-го мы атаковали Гусиноозерский дацан. Его защищали два пехотных батальона и батарея из четырех орудий. Чтобы отвлечь артиллерийский огонь от тех частей, которые уже начали окружать противника, Унгерн приказал обозу и госпиталю двигаться по открытой дороге, прямо на виду у врага. В результате сотни незамеченными подошли к дацану из-за сопки, в то время как госпиталь потерял несколько человек убитыми и ранеными шрапнельным огнем. После часового рукопашного боя среди монгольских юрт и храмов дацан был нами взят. Нам достались около 400 пленных и все орудия. Офицеры Красной армии предпочли самоубийство плену с неизбежными пытками и застрелились на глазах у победителей. Командир одного из батальонов застрелился, стоя уже по шею в воде Гусинового озера. Немедленно после боя Унгерн

распорядился построить пленных и, проходя вдоль их рядов, “по их лицам и глазам” определял, кто из них является красными добровольцами и коммунистами, а кто достаточно “надежен” для того, чтобы вступить в наши ряды. Свыше сотни человек было отнесено им к первой категории; комендантской команде Бурдуковского было приказано их немедленно уничтожить. Как позже выяснилось от их оставшихся в живых товарищей, большинство убитых пленных были крестьянские парни, мобилизованные красными в Томской и Иркутской губерниях.

Достигнув северной оконечности Гусиного озера, дивизия разбила лагерь на день. Унгерн еще не решил, что делать дальше. Его ламы советовали ему продолжать идти на север и атаковать Мысовую на озере Байкал, но пленные и буряты сказали, что красные полностью подготовились не только к отражению такой атаки, но даже к захвату в плен всей дивизии без малейшего шанса вырваться. Высоты по обеим сторонам широкой долины, ведущей к Мысовой, были укреплены и заняты красной конницей. Следом за нами, как мы вскоре обнаружили, шли два советских полка, преследуя нас с броневиками и сильной конницей. В это время все командиры частей почувствовали, что должны войти в секретные переговоры с вестовым Цаганжаповым, бурятом и предсказателем будущего, и с его помощью заставить барона отказаться от его безумного предприятия. Этот уважаемый человек, ссылаясь на текст древних священных книг, по его словам, хранившихся в монастыре, убедил Унгерна, что дальнейшее наступление на Байкал будет означать гибель и что нам необходимо отступить в Монголию. Таким образом, 3 августа мы повернули назад на Иро и Дмитриевку³⁹⁴. Однако сразу, по оставлении первой из этих деревушек, наш авангард был атакован двумя броневиками и должен был бежать на юго-восток в сопки. Основные силы дивизии вынуждены были поспешно броситься в дикую тайгу и горы на юго-запад от Иро. Поэтому головные сотни полковника Зубакина оказались отрезаны от нас красными и непроходимой тайгой. Наше отступление через дикую, ненаселенную территорию без дорог, по горам, болотам и первозданному лесу выглядело как бегство и продолжалось до 12 августа, когда, наконец, мы сумели оторваться от красной конницы, тревожившей наш тыл, снова соединиться с сотнями, которые были отделены от нас, и подойти с запада к р.Эгийн-гол, маленькому притоку Селенги. Переносить лишения, которые выпали на нашу долю в те дни, было выше человеческих сил. Мы не имели хлеба и соли и питались мясом скота, который, вместе с табунами лошадей, реквизируемых у населения, перегонялся через тайгу с двух сторон от нашей дивизии. Когда мы спустились к Селенге между станицами Атаман-Николаевской и Цэжинской, один бурят чуть не убил добровольца Берга, которого он принял за Унгерна; он нанес ему сабельную рану в череп и челюсть. Бурят был сожжен живьем, и барон с этого времени старался держаться на расстоянии от рядов и сосредоточения людей.

Во время нашего движения вдоль левого, а затем правого берега Джиды, красные беспрестанно старались нам мешать, но всякий раз были отброшены и очищали нам путь, отступая в сопки. Когда мы подошли к Эгийн-голу, то разделились: после переправы через реку Резухин с 1-м и 2-м полками остался прикрывать наш тыл. Остальные части дивизии, включая артиллерию, под командой барона двигались впереди на расстоянии двух переходов, держа направление на юго-запад и

параллельно Селенге. Во время этого отступления Унгерн свирепствовал, как никогда прежде. Пронсясь бешеным галопом вдоль рядов отступающей дивизии, которая растянулась длинной вереницей сквозь лес, он бил беспощадно каждого, кто попадался ему на глаза в седле или на телеге, не делая исключения для тех легкораненых, кто ехал верхом. Хоботов и Марков, командиры двух его полков, ходили с перевязанными головами после того, как Унгерн избил их своим ташуrom, или палкой; то же самое произошло с полковником Дмитриевым, командиром нашей артиллерии. На одном из привалов он жестоко избил полковника Тарновского, бывшего командира снайперского полка в Южной армии адмирала Колчака. Резухин старался обогнать своего хозяина в жестоком битье, особенно после того, как сам был избит Унгерном, заставшим его спящим возле лагерного костра. Как правило, Унгерн избивал лишь тех людей, кто пришел с ним из Даурии и кто был, как он однажды заметил мне, полужверями, не способными жить и воевать, пока их не бьют. Вышеупомянутый полковник Тарновский был, если память мне не изменяет, единственным исключением. Как правило, если “колчаковец” был найден виновным, то Унгерн приказывал ему спешиться и в полной экипировке идти десятки миль, а по прибытии в лагерь залезть на дерево и оставаться там без пищи и сна; или же он разжаловал его в “пастухи”, то есть удалял его из строя и заставлял перегонять лошадей и скот. В дивизии быстро нарастали глухое недовольство, ропот и ненависть к барону и его приближенным. Усилилось дезертирство, и были случаи прямого неповиновения. Тем не менее, преобладали внешний порядок и дисциплина в общей надежде на то, что после полного провала своего наступления барону не остается ничего другого, как повернуть на восток и попытаться пробиться в Маньчжурию и далее в Приморский край. Это было желание подавляющего большинства отряда, не исключая и пленных красноармейцев, среди которых практически не было случаев дезертирства. С другой стороны, те, кто бежали в Ургу или перебежали к противнику, практически все были из старых боевых товарищей Унгерна из Даурии и Забайкалья.

За день до того, когда мы, то есть Унгерн со 2-й бригадой, отделились от Резухина, я был после полуночи разбужен в своей палатке кем-то, кого в темноте долго не мог узнать. Затем я узнал Ивана Маштакова, оренбургского казачьего офицера, которого незадолго до этого Унгерн назначил к себе в штаб. Взволнованным шепотом Маштаков рассказал мне, что он только что подслушал разговор между бароном и Резухиным, из которого понял, что барон хочет вести дивизию через пустыню Гоби в Тибет с тем, чтобы поступить на службу к Далай-ламе в Лхасе. На робкое возражение Резухина, что дивизия вряд ли способна пересечь пустыню и будет обречена на гибель от недостатка воды и продовольствия, барон цинично заметил, что людские потери его не пугают и что это его окончательное решение; что ни ему, ни Резухину нельзя появляться в Забайкалье или Приморье из-за их прежней деятельности в тех местах. Маштаков добавил, что он уже виделся и переговорил с надежными офицерами в расположении войск, и они вместе решили убить Унгерна, предложить командование Резухину при условии, что он поведет дивизию на восток. Если же Резухин не согласится, или будет себя вести так, как Унгерн, то следует убить и его, а командование доверить одному из старых полковников. Ввиду намерения Унгер-

на уйти утром и выступить с большей частью дивизии, люди бросили жребий, и Маштакову выпало убить Унгерна этой же ночью, когда он уснет в своей палатке после совещания с ламами, которые занимали почти все его время на лагерных стоянках. Предметом последнего визита Маштакова ко мне было его желание предупредить меня и раненых в госпитале, чтобы среди них не началась паника в случае схватки с Бурдуковским и его комендантской командой, большая часть которой, в случае сопротивления, должна быть уничтожена. Там же и тогда же, в моей палатке, при свете умирающего лагерного костра мы тщательно проверили его “маузер”; Маштаков пожал мне руку и скользнул во тьму так же бесшумно, как вошел. Естественно, я больше не мог спать и начал ходить среди палаток и подвод, где раненые проводили ночь, напряженно прислушиваясь и стараясь различить звук выстрелов сквозь шум и плеск быстрого Эгийн-гола, который бежал по своему каменистому ложу. Примерно треть мили отделяла меня от палатки барона.

Внезапно я заметил нескольких всадников с двумя или тремя навьюченными лошадьми, которые появились из-за одной из палаток, медленно двигаясь в направлении ближайших ивовых зарослей, покрывавших песчаный берег реки. Я заинтересовался и, сделав несколько шагов, окликнул переднего всадника. Это был помощник по госпиталю Чугунов, за несколько дней перед тем жестоко избитый бароном, и с ним пятеро пожилых людей, мобилизованных в Урге в качестве санитаров. Они собирались дезертировать. О намерениях Чугунова я догадывался и раньше и находил их вполне логичными; его попытка меня не особенно удивила, я лишь предложил ему отложить бегство на несколько дней, так как в отряде скоро могут произойти события, после которых его будет покинуть гораздо легче всем, кто желает. Лучше всего было бы отложить побег еще и потому, что мы знали несколько случаев, когда красные монголы, схватив наших дезертиров, убивали и обирали их без какой-либо попытки передать их русским советским властям. Чугунов посоветовался со своими спутниками и сказал, что они доверяют моему совету и готовы остаться в дивизии еще несколько дней (однако эти люди дезертировали спустя всего лишь два дня, ускользнув из лагеря в лес среди бела дня; позднее я узнал, что они благополучно добрались до Урги).

Убийство барона и задуманный переворот не состоялись в ту ночь. Вернувшись к палатке Унгерна, Маштаков обнаружил, что он все еще проводит свой совет с ламами и несколькими бурятскими старейшинами, и охрана получила строжайший приказ никого не допускать. Маштакову осталось лишь уйти, не исполнив своего плана, в том числе и потому что уже рассвело, и лагерь начал просыпаться. На следующее утро Маштакову было приказано вернуться в свой полк.

Когда части, бывшие с Унгерном и мой госпиталь вытянулись по узкой дороге через лес, меня нагнали полковник Евфаритский, начальник пулеметной команды, и поручик Виноградов, артиллерийский офицер. Оба были моими близкими друзьями, но с Евфаритским, кроме того, мы были еще и земляки и знали друг друга еще со школы. Они подтвердили все рассказанное мне Маштаковым прошлой ночью, считая это результатом того, что войска в целом не желают оставаться далее в Монголии, а еще того меньше — идти на верную гибель в Гоби и Тибет; что всеобщая ненависть к барону с его дисциплинарными методами и, равным образом, всеобщее стремле-

ние пробиться в зону Китайско-Восточной железной дороги и Приморский край привели к заговору среди офицеров, который распространился на целых несколько сотен и частей. Они сказали, что наиболее боеспособные части оренбургских казаков, татар и бурят в любой момент готовы поддержать заговорщиков военной силой; что пулеметчики и артиллеристы тоже участвуют в заговоре; что общий настрой усталых и измученных людей озлобленный и крайне решительный. После того, как мы уйдем, те офицеры, что оставались с Резухиным, должны были потребовать, чтобы он повел нашу бригаду через Селенгу и, если он откажется, применить насилие, а при необходимости и убийство. Хоботов, который был всей душой с заговорщиками, должен был повести их после этого и под контролем других офицеров, и попытаться достигнуть Селенги. Части нашего авангарда, которые были с Унгерном, должны были быть извещены немедленно, как только совершится переворот, и в первую ночь после этого должны были покинуть Унгерна с его монгольским отрядом и комендантской командой, в расположении которых он в последнее время всегда ставил свою палатку, постаравшись соединиться с 1-й бригадой и вместе двигаться к переправе через Селенгу. Если же барон попытается этому помешать или начнет нас преследовать, мы должны были вступить с ним в бой и попытаться убить его, а также его ближайших подручных из комендантской команды.

Два дня мы спокойно двигались вперед, не имея никаких новостей о том, что произошло позади нас в бригаде Резухина. 16 августа мы остановились; мы прошли Джаргалантуйский дацан и находились теперь в широкой долине, прикрытой двумя грядами лесистых сопок. Это место было примерно в двух сотнях верст северо-западнее Ван-хурэ и примерно четыреста верст северо-восточнее Улясутая, в верховьях Селенги, и примерно в 12 или 15 верстах от нее. Вечером я пошел навестить полковника Островского, которого незадолго перед тем барон взял в свой штаб. Его палатка стояла в нескольких шагах от палатки Унгерна, которая была обращена в сторону монгольского отряда под командой князя Бишерельту-гуна неподалеку от лагеря. Я нашел Островского сильно измученным и подавленным. Барон, разгневанный исчезновением в прошлую ночь из его штаба почетных гостей, бурятских старейшин и монгольских лам, которых он собирался держать как заложников, приказал Островскому пешком проделать тридцативерстный переход, выругал его и по прибытии в лагерь заставил залезть на сосну, откуда Островский был возвращен лишь незадолго до моего прихода. Он сказал мне, что от Резухина ничего не слышно, и что барон этим сильно встревожен; он думал, что контратаковавшие красные могли перехватить посланцев Резухина, и пребывал в состоянии большой нерешительности, что предпринять. Весь день 17 августа Унгерн провел, советуясь со своими ламами-прорицателями. Он выслал группу разведчиков приблизительно в том направлении, где мог находиться Резухин, но те вернулись с пустыми руками и одним раненым, натолкнувшись на красные разъезды верстах в восьми от нас, сразу за дацаном.

Этой ночью сначала по соседству с госпиталем, а затем в сопках, состоялась встреча заговорщиков, офицеров и многих солдат-ветеранов, которые присоединились к ним. Было решено, что на следующую ночь по сигналу тревоги мы оседлаем коней и начнем двигаться назад к Селенге. Специально сформированный отряд должен был прикрывать отступление этих частей и встретить Унгерна ружейным и

пулеметным огнем, если он попробует преследовать нас. Участники совещания гарантировали надежность своих частей в случае конфликта с Унгерном или красными. Их будущий командир тоже был избран — полковник Евфаритский, которому вследствие этого поручили проработать дальнейшие детали переворота. Я должен был известить начальника дивизионного обоза В.К. Рериха, старшего брата хорошо известного художника Н.К. Рериха и моего товарища по оружию с тех времен, когда мы оба служили в южной армии атамана Дутова. Я сделал это, повергнув его тем самым в состояние благоговейного страха и оцепенения.

Вечером 18 августа к Унгерну был доставлен татарин-казак из бригады Резухина, который блуждал среди наших бурятских часовых. Как я обнаружил значительно позже, полковник Костромин послал его ко мне и Евфаритскому с запиской, сообщая нам, что Резухин убит этой ночью, что его бригада покинула лагерь и поспешно движется в направлении одного брода на Селенге, где они собираются ждать нас три дня. На тот случай, если первого гонца постигнет неудача, по тому же пути будет позже послан другой — оренбургский казачий офицер Калинин, который передаст нам все на словах и в деталях. Когда казак-татарин встретился с нашими бурятами, он сумел уничтожить записку; но так как он очень плохо говорил по-русски, то не смог объяснить бурятам, говорившим по-русски еще хуже, ту версию, которую ему придумали на случай неожиданностей: что он заболел и поэтому был послан ко мне. Поставленный перед Унгерном, он потерял всякую сообразительность и, хотя ничего не выдал, тем не менее сказал, что ночью там был бой и что он бежал через тайгу и горы и был задержан нашими часовыми.

Очевидно, барон начал что-то подозревать. Он велел арестовать казака-татарина и наутро подвергнуть его пыткам, что было приказано Бурдуковскому. Командир 4-го полка Марков, принадлежавший к числу заговорщиков, присутствовал при этой сцене и немедленно известил Евфаритского. За пятнадцать минут почти все заговорщики вновь собрались в госпитале. Но прежде чем они начали обсуждать, что теперь делать, второй гонец, Калинин, вместе с его раненым братом, который был в госпитале, вошли и кратко рассказали нам все, что имело место у Резухина.

На следующий день после того, как мы с бароном ушли, Костромин, Хоботов и командир 1-го полка Парыгин явились к Резухину и прямо посоветовали ему, указывая на преобладающее в частях настроение, принять командование и вести бригаду на восток. Резухин отвечал безумными проклятиями и выгнал делегатов, угрожая страшной расправой после соединения с бароном. Той же ночью бригада оседлала лошадей для посадки и была готова выступить, когда Резухин со своей комендантской командой Безродного попытался остановить ее, приказав арестовать и расстрелять командиров. Из рядов открыли огонь и Резухин, раненый в ногу, упал, затем вскочил и побежал в лагерь китайской части, которая еще не успела сесть на коней, требуя фельдшера и перевязки. Безродный и большинство его контрразведчиков разбежались и спрятались в лесу; позже они попали в руки красных и были расстреляны ими. Раненого Резухина, лежавшего на земле и фельдшера, который перевязывал его ногу, окружила толпа. Внезапно какой-то казак вышел вперед, склонился над Резухиным и со словами: “Довольно ты попил крови, теперь подавись своей” в упор выстрелил из своего “маузера” и разнес голову Резухину.

Толпа тотчас рассеялась и вскочила на коней; но полковник Костромин приказал вырыть могилу и закопать тело Резухина прежде чем они выступили. Гонец посоветовал нам немедленно кончить барона или же бросить его и идти к бродам на Селенге.

После того, как мы наспех выслушали рассказ Калинина и обменялись мнениями, был принят план Евфаритского: попытаться застрелить барона, убив также Бурдуковского, ординарцев-эксекуторов и тех людей из комендантской команды, кто был наиболее предан Унгерну. Это следовало сопроводить обстрелом лагеря комендантской команды из пушек, что должны были сделать наши артиллерийские офицеры. Мы планировали временно арестовать старого полковника Дмитриева, если он воспротивится заговорщикам. Приказав всем командирам частей быть готовыми к выступлению при первых выстрелах, направленных против барона, Евфаритский с четырьмя офицерами и пятью людьми из пулеметной команды отправился осуществлять план. Было около полуночи. В чернильной темноте холодной ночи мы начали быстро седлать и запрягать лошадей. Люди работали без огней, настороженно прислушиваясь, чтобы не пропустить звука судьбоносных винтовочных выстрелов. Не менее часа прошло в ожидании. Я обсуждал с ранеными офицерами в госпитале, что нам делать, если наши планы провалятся, когда, наконец, до нас донеслись приглушенные звуки револьверной стрельбы, а затем раздались четыре орудийных выстрела, чей огонь прерывистым светом озарил мрачную лесную долину. Это был подпоручик Виноградов, практически в упор, с расстояния в полверсты, обстрелявший комендантскую команду Бурдуковского, люди которого в панике разбежались. Теперь поднялся весь лагерь, и в следующие пять минут части потянулись к дороге вдоль долины, направляясь назад к дацану. Впереди шел 3-й Бурятский полк под командой войскового старшины Очирова; затем Забайкальская и Татарская сотни 4-го полка полковника Маркова, а за ними примерно шестьдесят телег, составлявших госпиталь. Обоз, артиллерия, пулеметчики и пехота из бывших красноармейцев были в тылу. Большинство людей пребывало в неведении, что происходит. Никто из нас не знал, чем кончилась попытка застрелить Унгерна, и в темноте и суматохе трудно было отыскать кого-либо из стрелявших.

Наконец, из темноты появился один из офицеров пулеметной команды, ушедших вместе с Евфаритским, подсказал ко мне в возбуждении. Он сказал мне, что когда они подошли к палатке Унгерна и позвали барона, вместо него выглянули Островский и Львов. Оказалось, что еще накануне вечером барон поменялся палатками со своим штабом и теперь находился в соседней. Не сумев распознать в темноте человека, один из заговорщиков выстрелил в Островского, но промахнулся и был остановлен другими прежде, чем выстрелил снова. На звук выстрела Унгерн с двумя ламами выскочили из соседней палатки и были встречены градом пуль. Барон упал на четвереньки и быстро пополз в соседние кусты, окружавшие Монгольский отряд. Заговорщики несколько раз выстрелили наугад по кустам и приказали штабу садиться в седла и немедленно следовать за бригадой. Затем они поскакали обратно, каждый в свою часть. Теперь к нам присоединились полковники Евфаритский, Островский и Львов из штаба, а также некоторые другие заговорщики. Ни один из них не мог сказать с уверенностью, что случилось с бароном и что он может предпринять далее, если остался жив. Части были приведены в порядок и поспешно продолжали путь. Меня

нагнал есаул М[акеев] и несколько всадников, кольцом окруживших Бурдуковского, унтер-офицера его команды Мельского и нескольких ординарцев барона. Арестованные, как я заметил, были разоружены и, казалось, пребывали в совершенном недоумении, что будет дальше. Я понял, что их уводят на смерть, но не сумел найти в своем сердце никакого чувства сострадания к этим насильникам женщин и душителям детей, которые своей жизнью должны были заплатить за то, что были палачами при главном садисте и маньяке, оставшемся позади. Бурдуковский узнал меня.

— Доктор, куда они меня ведут? — крикнул он.

— Туда, куда ты увел столь многих, — не смог удержаться я от ответа ему.

Когда мы приблизились к дацану, части остановились на привал, построившись в форме каре в небольшой ложбине. Мы решили дожидаться рассвета, так как невысказанно было дальше двигаться в темноте, которая становилась все гуще. Сотня людей и большое число пулеметов были выставлены в оцепление перед нашим тылом, с обеих сторон достигая подножия сопки, чтобы предупредить возможность внезапного появления барона. Прошло не более получаса; я стоял возле госпитальных телег, беседуя с группой офицеров, когда послышался стук копыт и сдавленный шепот: “Барон! Барон!”, прокатившийся эхом повсюду вокруг нас.

Это был Унгерн. Он объехал с одного края заградительную цепь в нашем тылу и вновь неожиданно появился среди своих сил. Офицеры, окружавшие меня, поспешно бросились в сторону, на бегу выхватывая револьверы и щелкая затворами карабинов. Полковник Островский и раненый полковник Костромин (позднее он командовал русской бригадой у Чжан Цзолия и был убит в сражении под Шанхаем) тоже достали свои маузеры. Я вытащил мой старый “кольт”, решив скорее выпустить себе мозги, нежели подвергнуться пыткам, которые ожидали всех нас, если мы попадем в руки Унгерну. Унгерн, не имея возможности четко видеть в темноте и не получая ответов на свои вопросы: “Кто это? Какая часть?” — подъехал, наконец, к колонне 3-го полка и, натолкнувшись на его командира Очирова, дико взвизгнул:

— Очиров, куда ты идешь? Что ты задумал?

Не получив ответа, он закричал опять:

— Я приказываю тебе привести полк назад в лагерь!

— Я и мои люди не пойдем назад. Мы хотим идти на восток и защищать наши собственные бурятские кочевья. Нам нечего делать в Тибете, — твердо и спокойно ответил Очиров.

Затем Унгерн поскакал к 4-му полку и начал убеждать людей, стоявших молчаливой массой, не уходить, а остаться и продолжать войну. Переменяя свои угрозы страшными ругательствами, он говорил им, что от голода они будут глотать кости друг друга, что красные истребят их всех до одного завтра же. В ответ он получил все то же упрямое грозное молчание. От 4-го полка Унгерн поскакал к артиллеристам, грубо скомандовав им немедленно возвращаться в оставленный лагерь, но ни один не шевельнулся. Издали он крикнул мне:

— Доктор, поворачивайте госпиталь и раненых! И затем:

— Рерих, я приказываю Вам повернуть обоз!

Было по-прежнему тихо. Наконец, он развернулся лицом к пулеметной команде, расположившейся у подножья сопки. Его лошадь столкнулась с таковой есаула М., и в тот же самый момент есаул М. выстрелил в барона в упор; белая кобыла Унгерна,

подарок его старого друга атамана Семенова, одним прыжком вскочила на вершину сопки и унесла Унгерна прочь от огня пулеметов, который теперь преследовал его, обратно в его долину и к его монголам, откуда он так неожиданно появился.

Нам не суждено было больше встретиться с генералом бароном фон Унгерн-Штернбергом. Сразу после его исчезновения наши части выступили на северо-восток, к переправе через Селенгу. Мы не смогли соединиться с 1-й бригадой, поскольку ее полки форсировали реку намного выше нас, затем были жестоко потрепаны и измотаны по дороге в Маньчжурию в боях с монголами, и только небольшие их остатки с трудом смогли достичь зоны Китайско-Восточной железной дороги, где они встали лагерем и рассеялись. К вечеру 19 августа, достигнув западного берега Селенги, мы тотчас начали переправляться на большой остров в середине реки. Несколько красных эскадронов, которые нагнали нас, попытались атаковать наш тыл и помешать нашей переправе, но попали в западню в узком ущелье, ведущем к реке, и понесли тяжелые потери от огня наших пулеметов и артиллерии, который сбил их с окружающих скалистых высот. Они поспешно отступили и больше не пытались нас атаковать. Здесь наш отряд нагнали двое русских офицеров из Забайкалья, Ш. и С. Они были из монгольской части князя Бишерельту-гуна и рассказали нам о бароне. После тщетной попытки заставить нас вернуться он поскакал обратно с легкой раной в боку и, измученный, лег в княжеской палатке вздремнуть и отдохнуть. На другое утро монголы подкрались к нему, когда он еще спал, связали его и, оставив там, ускакали на юг. Через несколько часов его нашли и захватили красные разведчики³⁹⁵. Как известно, в ноябре того же года барон был судим и расстрелян по приговору Военно-революционного трибунала в Новониколаевске в Сибири. Офицеры, которые убежали от монголов при появлении Унгерна, целый день скрывались в лесистых сопках, наблюдая за тем, что происходит внизу; а когда наступила ночь, они прямо по горам вышли к Селенге и присоединились к нам.

В первую же ночь нашего пребывания на острове прошел суд над особо ненавидимыми палачами из числа контрразведчиков и ординарцев барона. Одиннадцать человек были приговорены к смерти и немедленно расстреляны.

Интересна судьба наших главных заговорщиков: напуганные ночным появлением барона среди дезертирующей бригады, полковник Евфаритский, полковники Львов, Марков, подпоручик Сементковский и некоторые другие бежали, страшась гнева барона и думая, что наш план сорвался. Из них всех только Марков с одним из своих офицеров позже присоединился к нам; остальные все потерялись, будучи или убиты монголами, или казнены по приговору красных трибуналов.

После переправы через Селенгу наш отряд под командованием полковников Островского и Костромина выступил в многодневный поход на юг, пытаясь обойти Ван-хурэ с запада и переправиться через реку Орхон у этого района. Мы обошли Ургу с юго-запада и, спустившись до границ пустыни Гоби, обманули бдительных красных, которые ждали нас к северу и востоку от Урги.

В Дзаин-шаби, в верховьях Онона, Очиров со своими бурятами покинул нас и двинулся на северо-запад. Мы также позволили всем, кто хотел, уйти в Ургу, которая была в руках у красных. Пройдя Ургу с юга, отряд затем повернул к северу, был атакован силами красных на р. Керулен, разгромил их и продолжил двигаться на северо-

восток к озеру Буир-нур. Здесь мы опять встретили большой отряд красных монголов с русскими инструкторами. Враг вновь был разбит и рассеян. На озере Далай-нор мы встретились с представителем китайского губернатора Хайлара, высланным к нам для переговоров о разоружении. 6 октября 1921 г. отряд, состоявший из восьмисот человек при пяти орудиях и шестидесяти пулеметах, наконец, вступил в Хайлар и сдал оружие китайцам при условии, что желающие будут отправлены по Китайско-Восточной железной дороге в Приморский край, который тогда контролировало правительство братьев Меркуловых. Тех, кто желал бы отправиться туда, оказалось около шестисот человек, и через несколько дней они специальным эшелоном были доставлены во Владивосток, чтобы до конца сражаться на этом последнем клочке русской земли, который еще оставался свободным от красной власти.

Riabukhin (Ribo) N.M. The Story of Baron Ungern-Sternberg Told by His Staff Physician. — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, CSUZXX697-A, 42 p. (перевод С.Л. Кузьмина).

К. Носков. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921-й год³⁹⁶

События в Кобдо

Слухи о событиях в Урге быстро докатились до Улясутая и Кобдо. Возбуждали и тревожили всех. Китайцы, зная реальное положение дел, тщательно скрывали истину, делали успокоительные заверения, но без результата. Тревога росла. Появились слухи о каких-то таинственных сношениях китайских властей (в частности, в Улясутае) с прибывшими в Монголию агентами Советского правительства, убеждавшими, будто бы, китайцев в их собственных интересах выдать всех русских беженцев в руки красных. <...>

Жуткие дни переживал Улясутай. <...> Ван Сяоцун, учитывая политическую обстановку момента, согласился на предложенные ему условия мирного соглашения, предусматривающего разоружение китайского гарнизона и эвакуацию Улясутая. 11 марта 1921 г., после бурных и страстных прений, соглашение было подписано сторонами. Китайские власти выговорили право на свободный и почетный проход через территорию Монголии с личным вооруженным конвоем в 17 человек. Договор не был выполнен. Китайцы, выступившие 16 марта из Улясутая, на пути были нагнаны русско-монгольским отрядом под командой поручика Стригина, обезоружены и ограблены. Ответственность за нарушение Улясутайского договора, несомненно, должна пасть на барона Унгерна. Представитель барона, полковник Доможиров, явился с небольшим отрядом под Улясутае. Через посланного, он потребовал именем грозного барона немедленного разоружения китайского гарнизона, ареста китайских властей и отправки их в Ургу. Неповиновение воле барона казалось безумием... Рассказы о зверской жестокости приводили в трепет... Чуждый жалости и сострадания, барон беспощадно карал смертью за самые ничтожные проступки. Его жестокость граничила с каким-то чудовищным садизмом... Он наслаждался страданиями своих жертв. Рассказывают страшные эпизоды, от которых волосы на голове становятся дыбом. <...>

Русское население Улясутая и сайд были глубоко возмущены действиями Стригина. Многие из офицерства горячо протестовали против действий Михайлова и Стригина. Часть захваченного имущества под давлением этой группы протестантов была отобрана, сдана на хранение в монгольский ямынь³⁹⁷ для передачи впоследствии собственникам. Споры и разногласия, связанные с этими событиями, породили недовольство монгол их союзниками — белыми, которое потом, становясь все более и более острым под влиянием нелепой политики барона и его последователей, привело, наконец, к открытому выступлению против их избавителей и отдало Монголию в руки красных.

24 марта представитель верховной власти барона Унгерна, полковник Доможиров, приехал в Улясутай. Он не представил никаких письменных правомочий от барона, и Михайлов отказался передать ему высшую власть в городе. Между ним и Доможировым началась глухая борьба за власть. Оба апеллировали к грозному барону. Барон разрешил спор, оставив обоих претендентов, и отправил в Улясутай казака Енисейского казачьего войска, выборного войскового атамана Казанцева, снабдив его чрезвычайными полномочиями, как командующего Улясутайским районом. Недели за полторы до прибытия в Улясутай Казанцева, в одно апрельское утро, в город въехала группа вооруженных всадников. Это были гвардейские офицеры: полковник Полетико и братья Филипповы. Они назвались представителями Центральной организации белых в России. С появлением этих лиц положение сделалось еще более запутанным. Полетико также претендовал на доминирующую роль. Повторилась старая, давно знакомая, родная русская картина: интриги, несогласия, а за ними — развал. Полетико обрушился с беспощадной критикой на политику Унгерна и Семенова, называя их авантюристами. Странную и малопонятную роль играл во всех этих взаимных интригах и спорах профессор Оссендовский, бывший начальник осведомительного отдела при штабе Верховного главнокомандующего адмирала Колчака. Трезво, умно разбираясь в положении русских в Монголии, называя себя иностранцем, тщательно отграничивая себя от русских, он вел какую-то сложную, запутанную политическую интригу, ссоря очень искусно всех претендентов на высшую власть в Улясутае. <...>

Теперь приехавший, неизвестный никому человек³⁹⁸, именем грозного барона требовал абсолютного повиновения его единой воле. И все подчинились... Почему так случилось?.. Это психологическая загадка, на которую я не сумею ответить. Многие понимали опасность положения, которое проф. Оссендовский остроумно сравнивал с мышеловкой. Сознавали, что с приездом Казанцева, мышеловка должна захлопнуться окончательно. У многих мелькала мысль об аресте Казанцева — ведь, он был, в сущности говоря, со своими несколькими преданными ему людьми, совершенно бессилён; грозный барон так далеко... Фактически, Улясутай был вне сферы достижения его карающей руки. Но все приняли случившееся, как непреложный закон судьбы, против которого всякая борьба бессмысленна, бесполезна. Как много теряют иногда люди только оттого, что в нужный момент они недостаточно решительны и гибнут сами, увлекая за собой других.

ОТЪЕЗД ПОЛКОВНИКА МИХАЙЛОВА И ДРУГИХ

Приезд Казанцева сразу положил конец всем интригам и сделал положение ясным. Прежним хозяевам положения оставалось или подчиниться беспрекослов-

но Казанцеву, или уехать из Улясутая. Им предоставлен был выбор. Они предпочли последнее и погубили себя. <...> Из Улясутая выехали все сливки русского общества: полковник Михайлов с женой, Полетико, братья Филипповы, бывший акмолинский губернатор Рыбаков, капитан Зубов — племянник бывшего председателя Государственной думы Родзянко, бывший предводитель дворянства Писсаржевский и проф. Оссендовский. По дороге в Ургу, близ Дзаин-шаби, они встретили отряд капитана Безродного, посланного бароном Унгерном для “установления порядка” в районах Улясутая и Кобдо. Барон, знавший о деятельности этих лиц по односторонним отчетам полковника Доможирова, дал Безродному соответствующие инструкции. Двенадцать человек из группы Михайлова были беспощадно зарублены и в их числе он сам с женой. Один из Филипповых послан в Ургу, где его постигла та же участь перед входом в палатку свирепого барона. Рыбаков, Зубов и Писсаржевский были привезены Безродным в Улясутай, и здесь первые два погибли от руки палача, а последний — при восстании монгол.<...>

ВОЗВРАЩЕНИЕ В УЛЯСУТАЙ, ПРИКАЗ № 15

Между тем, в Улясутае появились новые лица. Прибыл с особым карательным отрядом правомочный представитель барона Унгерна, капитан Безродный и, одновременно с ним, монгольский отряд в семьсот человек оборванных, босых цириков во главе с есаулом русской службы Вандановым, и монгольским князем Хатан-Батором. Мне пришлось видеться с последним и, конечно, мне тогда и мысли не приходило в голову, какую роковую роль должен был впоследствии сыграть этот молчаливый человек в моей судьбе. Он мало говорил, больше слушал с каким-то озабоченным, сосредоточенным взглядом, в котором, временами, казалось, вспыхивали какие-то злоеющие огоньки, говорящие о решимости, коварстве и жестокости. Они привезли знаменитый приказ Унгерна № 15, в котором наряду с диспозицией проектируемого наступления на большевиков из разных пунктов Монголии, указывались меры и кары в отношении врагов России: коммунистов и евреев. <...>Этот приказ является продуктом трехдневного мышления проф. Оссендовского.

ТЕРРОР В УЛЯСУТАЕ

Страшный приказ немедленно вошел в жизнь. Еще по дороге в Улясутай, как я уже говорил, Безродный расправился с полковником Михайловым и его спутниками. В Улясутае одной из первых жертв террора был монгольский сайд Чултунбейлэ. Голова его скатилась под ударом шашки самого Безродного. Потом началась кровавая вакханалия. Погиб бывший губернатор Рыбаков, зарублен капитан Зубов с женой и пятилетней дочерью. Палачи не щадили ни пола, ни возраста. Беспощадно были истреблены все бывшие служащие Центросоюза, как большевики, и все, кто носил еврейскую фамилию, или кого считали лицом еврейского происхождения. Дня не проходило без убийств. В числе казненных были лица, принимавшие активное участие в борьбе с большевиками, бежавшие от их преследования за границу и, по злой иронии судьбы, нашедшие смерть от рук тех, кого они считали своими единомышленниками. Никакие прежние заслуги не спасали от руки палача.

До отъезда Безродного обратно в Ургу, главная роль во всех этих убийствах принадлежала ему. С неприятным, отталкивающим лицом, бычьими тупыми глазами, взгляд которых заставлял вас как-то съеживаться, — он был прирожденный палач. Достойным сподвижником его был начальник контрразведки отряда, прапорщик Шалашов, человек крайне темного прошлого. Шалашов проявлял садизм в изобретении утонченных страданий для жертв, попавших в его руки. Убивали ночью... Рубили шашками... Было приказано не трогать патронов на эту “сволочь”. Несчастные жертвы выгонялись на место казни раздетыми, связанными веревками один за другим. Вязал обычно сам Шалашов; по какому-то сатанинскому внушению, он связывал близких людей вместе, чтобы видом смерти дорогого человека еще более углубить мучения жертвы. Рубили по очереди, на глазах всех остальных приговоренных, ожидавших своей участи. Трупы казненных не зарывались, а оставлялись на месте казни на съедение собакам. Менее чем в течение месяца было убито так 42 человека, почти 20% всего русского населения Улясутая вместе с отрядом.

Это было жуткое время. Никто не мог сказать: будет ли он жив завтра? Не ворвутся ли к нему ночью вооруженные люди и не уведут ли его в страшный трибунал к Безродному и Шалашову? Дрожали за свою участь... Всюду мерещились шпионы, подслушивающие каждое неосторожное слово. Терроризованные люди перестали доверять своим лучшим друзьям. Говорили шепотом, резко обрывая каждую критическую фразу о действиях Безродного или самого атамана. Террор совершенно подавил психику, убил всякую инициативу и превратил людей в бессловесное стадо. Одним словом, в Улясутае создалась атмосфера одного из самых худших большевистских “чека”.

Трудно сказать, сознавал ли сам атаман Казанцев весь творившийся ужас; во всяком случае, он оставался пассивным. Может быть, Тарлакшинский разгром³⁹⁹ парализовал его энергию и волю... Перед его умственным взором все время мерещился Унгерн, готовый тяжело покарать его за неудачу под Тарлакшином. “Тарлакшин” — это слово горело огнем в его мозгу. “Почему так случилось? Кто виноват?..” — была постоянная мысль атамана. Он искал виновников поражения и... нашел. “Виноват пропавший без вести на поле битвы поручик Поползухин — командир отряда, он изменник, он предал отряд красным”... Так думал атаман. Но Поползухина нет, его нельзя покарать за предполагаемую измену... И искупительной жертвой за него падает его беременная жена, неграмотная, простая женщина. Когда атаману докладывают о ее беременности, он цинично замечает, что-де ничего путного от будущего ребенка, отец которого — большевик, ждать нечего. Беременную, большую женщину за несколько часов до родов стаскивают с постели и убивают.

ПОДГОТОВКА КО ВТОРОМУ ПОХОДУ

С отъездом Безродного террор пошел на убыль. Дышать стало свободнее. Во исполнение приказа барона, стали готовиться к новому походу в Урянхай. Веры в успех было мало. Тарлакшинский разгром подействовал отрезвляюще на экзальтированные головы новых завоевателей. Жгучие сомнения закрадывались в душу каждого. Но приказ барона в ясной и категорической форме требовал снова идти в Россию через Урянхай. Ослушание казалось невыносимым, и началась усиленная

подготовка к походу. Потери в людях были пополнены. Вопрос о недостатке оружия был разрешен очень просто. Бароном из Урги был отправлен в Кобдо к Кайгородову транспорт оружия. По дороге, в Улясутае, большая часть этого оружия была задержана Казанцевым для вооружения своего отряда. Оправдываясь в своих действиях перед бароном, Казанцев обвинял Кайгородова в нелояльном отношении к Унгерну, в стремлении к самостоятельности и нежелании подчиниться барону. В действительности, это так и было.

Кайгородов, пользуясь отдаленностью Кобдо от Урги, мало считался с директивами грозного барона. Громовые приказы не выполнялись. Люди, которым в Улясутае или в Урге грозила бы верная смерть, как большевикам, благополучно сидели в Кобдо, занимали иногда ответственные посты в отряде. Не только лица, носящие еврейские фамилии, но даже самые подлиннее евреи оставались нетронутыми и были в рядах отряда. В то время как “белые Урга и Улясутай” шли на борьбу с большевизмом под знаменами погибшей монархии, брат покойного русского императора Михаил был провозглашен государем Всея Руси, Кайгородов и его штаб, считаясь с настроениями сибирского крестьянства, держались выжидательной тактики, совершенно не выявляя своей политической физиономии. В Улясутае гремело “ура” и провозглашалось многолетие в честь нового державного хозяина земли русской, его имя поминали при церковных богослужениях. Гордо реяло над отрядом шелковое желтое знамя с двуглавым орлом. Кобдо хранило молчание. Только трехцветный флаг, эмблема старой русской разрушенной государственности, скромно висел над штабом отряда, ничего не говоря определенного о политических взглядах людей, собравшихся под его сенью. <...>

Охлаждение, начавшееся между монголами и их освободителями — белыми, чуть ли не в медовый месяц их альянса, быстро перешло в открытую вражду. Красная пропаганда дала блестящие результаты. Несмотря на всю свирепость безродных репрессий, красная крамола не была подавлена. Как это ни странно, действительные агенты Советского правительства остались живы и продолжали свою разрушительную работу. Самым выдающимся из них был, бесспорно, колонист Бурдуков. Великолепно владеющий монгольским языком, уважаемый чуть ли не всей Монголией, человек далеко не заурядных способностей, он был опасным оружием в руках красных. Бурдуков был арестован по распоряжению Казанцева, но, по просьбам монгол, был пощажен и содержался в лагере Ванданова, дрожа за свою участь, ожидая со дня на день смерти. Конечно, он сделал все, что было в его силах, для спасения своей жизни. Бунт чахар (солдат Ванданова) означал для него спасение от почти неизбежной гибели. <...>

Носков К. 1930. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин. С. 1–35.

Голубев. Воспоминания⁴⁰⁰

Появившаяся в печати книга г. Оссендовского “Звери, люди и боги”, выпущенная с большими погрешностями как в фактах, так и в хронологии их невольно заставила автора настоящей книги разобрать материал за время 1920–1921 года, обработать его и отдать на суд читателей. Преследуя лишь единственную цель —

дать глубоко объективный материал, подкрепленный целым рядом официальных документов, автор просит читателей доверчиво относиться ко всему изложенному в книге. Материал обобщен автором, который на протяжении года находился в составе Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта барона Унгерн-Штернберга, почему и изложенные в книге факты не являются результатом получения их от третьих лиц, а непосредственным свидетельством очевидца. Предлагаемая книга — не литературно-художественный роман, а историческая летопись за указанный выше период времени. Эта летопись — канва к будущему историческому труду исследования эпохи расцвета стихийной, самобытной, безгранично-властной атамановщины.

В годы испытаний, ниспосланных свыше на Россию, по окраинам ее всплыли лица, именовавшие себя спасителями отечества. В большинстве случаев это были лица с большими характерами, носители прекрасных идей, но без всякого сдерживающего начала. При первых успехах они опьянялись властью и во имя законности и правопорядка творили неслыханные злодеяния. <...>

Своими безрассудными, ни на чем не основанными убийствами Унгерн за короткий промежуток времени не только восстановил против себя правительство Монголии, забайкальское население, но даже и часть своей дивизии, что и положило конец его походу. Окрыленный успехом в боях с китайцами, Унгерн силами своей дивизии, насчитывавшей в то время уже до пяти тысяч человек различных рас, решил начать освободительное движение против власти Советов. Но, как и нужно было ожидать, бои с территории СССР быстро перекинулись в Монголию, и по прошествии 4–5 месяцев Монголия была уже в полном подчинении СССР и очищена от белых отрядов⁴⁰¹.

Вывод из этого ясен. Понадеявшись на свои слишком незначительные силы или, вернее, полагаясь на “бараньи лопатки” (гадание монгольских лам) более чем на здравый смысл, тактику и стратегию — Унгерн явился драгоценным пособником к занятию Монголии красными и укреплению в ней СССР. СССР сделал непоправимую ошибку, расстреляв его в Новониколаевске. Ему должны были при жизни поставить монумент с надписью: “Благодарный СССР — Унгерну за открытие ворот в Монголию”.

Казалось бы, что отрицательные результаты разгула атаманины, видимые с наглядной очевидностью, должны служить в будущем достаточным фактором к полному прекращению подобного явления. Нужны наглядные примеры государственной гуманной власти, а не проявление большевизма справа, который есть кровь от крови и плоть от плоти большевизма слева. Огонь огнем не потушишь.

Автор. Пекин, 1926 год.

Герой настоящей книги — генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг — родился в 1887 году в богатой, родовитой семье остзейских баронов. После домашней подготовки он был определен в Морской кадетский корпус, который и окончил одним из первых. Проплавав положенное для стажа время, он вышел из состава флота в звании гардемарина и в 1909 г. перешел в армию, в 1-й Аргунский казачий полк, стоявший в Цурухае. В полк он был принят в чине хорунжего. Совершенно не знавший кавалерийской езды, рубки, джигитовки, Унгерн,

благодаря своей энергии и прекрасному учителю его — командиру второй сотни Оглоблину (ныне генерал), быстро изучил езду и рубку и считался в полку одним из лучших — как наездников, так и рубак.

Уже в то время он сильно увлекался Монголией и часто проводил время среди монгол на охоте, особенно на лисиц. В своих поездках, естественно, он сталкивался с религиозным бытом монгол, что и положило основание к изучению им буддизма, от которого он не отказывался на протяжении всей своей жизни.

Несмотря на то, что Унгерн был прекрасно воспитанный, тихий, застенчивый, молодой человек, особенно стеснявшийся в присутствии дам, он был очень беспокойный офицер, причинявший массу неприятностей командному составу. Его пристрастие к спиртным напиткам не знало границ. И в опьяненном состоянии он становился другим человеком, совершенно нетерпимым в обществе. Обладавший незаурядной храбростью, самоотверженностью, он в то же время совершил поступок, который в корне отвергал все его достоинства как человека, так и офицера.

В одну из очередных попок в офицерском собрании Михайлов, большой приятель Унгерна, поссорившись с ним, назвал Унгерна “проституткой”. На оскорбление Унгерн промолчал. Присутствовавшие при инциденте гг. офицеры полка были удивлены молчанием Унгерна, а еще более тем, что и в ближайшие три дня Унгерн не потребовал ни удовлетворения, ни простого извинения от Михайлова. Возмущенные гг. офицеры потребовали суда чести над Унгерном и над Михайловым. Суд чести, состоявший из офицеров Оглоблина, Шестакова, Серебрякова, Зимина потребовал объяснений от Унгерна: почему он не реагировал на оскорбление? Унгерн и на суде не дал никакого ответа. По постановлению суда чести Михайлов и Унгерн были исключены из полка, а так как они были молодые офицеры, то, чтобы не портить им совершенно карьеры, им предложили выбрать полки, в которые они должны были бы перевестись. Михайлов вышел в отставку и служил крестьянским начальником, а Унгерн перевелся в 1-й Амурский полк, который стоял в Благовещенске. Из полка Унгерн выехал на осле, в сопровождении собаки и ручного сокола, пребывание которого на плече Унгерна оставило несмываемые следы. Прodelав путь около 1000 верст при всяких лишениях, Унгерн прибыл в Благовещенск и зачислился в полк.

Но и в новом полку ему не удалось долго удержаться. Привычка к спиртным напиткам не оставляла его и он, проделав целый ряд поступков, причинявших командному составу много неприятностей, был исключен из полка с испорченным послужным списком за дуэль по пьяному делу, окончившуюся серьезным ранением его в голову⁴⁰². Исключенный из полка и вышедший в отставку, Унгерн вновь предпринял путешествие, отправившись в Кобдо, где служили его приятели сотник Резухин и подьесаул Лихачев. Прибыв в Кобдо и остановившись у них, Унгерн не мог при своем подвижном характере вести спокойную жизнь и вступил в шайку хунхузов, с которой и странствовал по степям Монголии. Через короткое время он принял командование шайкой, как более опытный из всех. Скитаясь по степям, Унгерн ближе и ближе знакомился с учением буддистов и становился в их рядах добросовестным членом. В 1912 г. он со своим отрядом хунхузов помогал халхасам осуществить их независимость, успешно оперируя против китайцев. После ликвидации китайского протектората и объявления независимости Монголии, Унгерн вновь

удалился со своим отрядом в степи, где и продолжал грабить китайские караваны, а также и кочевников⁴⁰³. Цель его была не нажива, так как он был совершеннейшим бесребреником, а проявление отваги, связанной с риском ежеминутной смерти. Кровь предков, полурыцарей-полуразбойников, вечно кипела, отягощая большой мозг, призывая Унгерна совершать поступки, времена которых канули в пыли веков, отошли в область легенд.

Объявление войны Германии застало его в Монголии⁴⁰⁴: он оставил малое поле деятельности и ринулся на войну со всем жаром пылкой, мятежной души, искавшей приключений. Унгерн был зачислен в 1-й Нерчинский полк (с тем же чином хорунжего), которым командовал барон Врангель. Прекрасное знание немецкого языка, отвага, желание подвигов, безумная храбрость быстро выдвинули Унгерна из рядов офицерства. За короткое время он получил все боевые награды до ордена Св. Георгия 4-й степени в том числе, в дальнейшем, при новом ряде подвигов он получал уже производства.

Вечный задира, смутьян, бесшабашный офицер, он часто отправлялся охотником на разведку и не возвращался неделями. Не единичные случаи были, когда Унгерн ходил резать проволочные заграждения противника, и во время одного такого дела он был сильно ранен и остался висеть на заграждении. И только любовь всадников к нему, как к беззаветно храброму офицеру, спасла его от верной смерти на проволоке неприятельских окопов. С войны он вышел в чине подьесаула.

Когда подьесаул Семенов, по поручению Керенского выехал в Забайкалье для формирования азиатских частей, Унгерн примкнул к нему. Успешно оперируя против красных в 1918 г., он не только создал себе славу непримиримого противника красных, но все благополучие Семенова, его временная царская слава и могущество должны быть отнесены по справедливости на счет Унгерна, как единственного военачальника, обладавшего действительно реальной силой, способной бороться. <...>

С Германской войны вышел уже не прежний юноша Унгерн, вечно причинявший неприятности командному составу, но уже возмужалый воин, герой, не только прекративший приносить жертвы Бахусу, но даже и наказывавший за подобные поступки своих подчиненных. Видимо, буддизм и война сделали свое дело, понудив и Унгерна заняться нравственной чисткой как своей особы, так и своих подчиненных, где он для дела не щадил даже своих самых близких друзей, беспощадно убивая и казня их. Из него выработался твердый, жесткий начальник, не знавший чувства жалости и сострадания. <...>

Кровавая вакханалия безвременья с особенной силой вылилась в Даурии. Как рядовой офицер, прошедший стаж только лишь до командира сотни, слабо разбиравшийся в юридических и административных делах, Унгерн все органы управления низвел до уровня канцелярии казачьей сотни и возвысил роль гауптвахты со всеми ее отрицательными сторонами гражданской войны до значения органа верховного управления. Кошмарные истязания, чинимые в ней, указывали на полное отсутствие морального начала у ее руководителей. <...> С наступлением ночи в камеры врывались чины комендантской команды, схватывали заключенных, связывали, бросали на подводы и вывозили в степь или в сопки, где и убивали. Подлинно убивали. Приведение в исполнение смертных приговоров по закону совершенно

отсутствовало. Стреляли ночью, в спины и добивали ударами прикладов или докалывали шашками и штыками. Нередко были и такие случаи, когда недобитые жертвы кровавого разгула скрывались и делали достоянием общественной гласности происшедшее. Одна из таких случайно спасшихся, во время расстрела партии в пятнадцать человек, К.Д. Урм, добралась до Харбина, где и дала показание товарищу прокурора Пограничного суда г. Грабовскому. Из этого протокола видно, как протекало следствие в Даурии и как приводились в исполнение убийства по приказаниям. Дело велось слишком откровенно, цинично. Достаточно было приказания Унгерна, чтобы убивали целые партии подследственных. <...> Трупы убитых в Даурии обыкновенно оставались непогребенными и служили пищей волкам и одичалым собакам. На таких своеобразных кладбищах можно было найти лиц обоих полов, всех возрастов и рангов.

Совершенно не считаясь в своих кошмарных убийствах ни с какой властью и не беспокоясь об ответственности в будущем, Унгерн все свои преступления проводил с циничной откровенностью. Судебная власть, получая сведения о новых злодеяниях Унгерна, составляла протоколы и подшивала их к делу “О бароне Унгерне”. Такими протоколами дело и кончалось, так как привлечь его к ответственности было некому. Атаман Семенов, непосредственный начальник Унгерна, покоившийся в то время на лаврах в Чите, больше предавался атаманскому разгулу, чем восстановлению порядка в крае. А, кроме того, в Чите творилось то же самое, что и в Даурии. Разница была лишь в том, что в Чите тренировались в зверствах над заключенными преимущественно юнкера Читинского юнкерского училища, среди которых процветали кокаинизм, морфинизм и непробудное пьянство. Эти юные герои, пройдя достаточный стаж при конюшнях Читинского юнкерского училища, где обыкновенно пытали заключенных и приводили в исполнение смертные приговоры, точнее просто убивали — быстро доходили до штатных офицерских чинов и даже до генеральских.

Гауптвахта Даурии, конюшни Читинского юнкерского училища, броневая дивизия служили не только орудием политической мести, но там совершались акты сведения личных счетов, захват имущества и денег. <...> Никто не был гарантирован, при проезде через Даурию, в личной неприкосновенности. При остановке поездов в направлении Читы или Маньчжурии в вагоны врываются чины комендантской команды и производили обыск. Звонкая монета и имевшие в то время обращение бумажные “романовские” деньги конфисковались, а их обладателей арестовывали и отправляли на гауптвахту. Во время обысков совершенно не считались с положением обыскиваемых.

<...> Семенов, фактически, если бы даже и хотел прекратить вечное беззаконие входившего к нему в подчинение начальника дивизии, то не смог бы этого сделать потому, что Унгерн имел единственную боеспособную часть в составе корпуса Семенова. Не получая денежной поддержки от своего командования, Унгерн для изыскания средств на продовольствие, обмундирование и покупку вооружения использовал проходящие поезда. Весь груз проходивших поездов строго контролировался и все нужное для гарнизона конфисковалось. Совершенно ненужные грузы, шедшие на частные адреса, продавались с торгов, и вырученные суммы поступали в кассу дивизии. Протесты центров не служили к прекращению подобных явлений

лихолетия. Реквизиции и конфискации проводились под лозунгом прекращения спекуляций и маскировались чувством долга перед родиной. Составления актов по реквизиции и отчетов в израсходовании поступивших сумм не велось. Унгерн считал всех нечестными людьми, в то же время был страшно доверчив и недалекновен. И когда от него бежал с большими деньгами сильно проворовавшийся генерал Казачихин, Унгерн был страшно поражен. Не представлялось возможности выяснить сумму, увезенную Казачихиным, так как не было в делах денежного журнала.

Несмотря на то, что Унгерн всю свою военную службу провел в строю, он прекрасно был ознакомлен с хозяйственной частью и обращал на нее большое внимание. Части его имели прекрасное обмундирование, оружие и отличное питание. Норм в выдаче обмундирования в Даурии не существовало. Достаточно было какому-нибудь солдату попасть на глаза Унгерну в неопрятном виде или в порванном обмундировании, как ему выдавалось новое. Вставая с рассветом, Унгерн оббегал казармы поселка, заходил в кухни, пробовал пищу, наблюдал за чистотой. В своих прогулках он не забывал навещать и конюшни, где также следил за чистотой и кормом лошадей. Найдя однажды овес недостаточно доброкачественным, Унгерн отправил на гауптвахту интенданта и приказал его кормить купленным овсом. <...>

Окруженный своей опричниной, бесконечно преданной ему, Унгерн, требуя полного подчинения в своих частях и проводя жесткую дисциплину, сам являлся нарушителем ее, не подчиняясь центральной власти. После размолвки с Семеновым вследствие связи Семенова с кафешантанной певицей Машей, Унгерн его просто третировал. И когда Семенов послал запрос Унгерну о предполагавшейся экспедиции, то Унгерн по существу не ответил, а послал ответ шифром совершенно о другом. Получив странный ответ, совершенно не имевший отношения к запросу, Семенов телеграфировал вновь и указал, что шифр полученной телеграммы ему не понятен. Унгерн приказал повторить телеграмму уже без шифра, но с тем же текстом: “Афонасьева повесь. Проститутку Машку отправь обратно. Унгерн”. При полной невозможности дословно передать телеграмму, текст ее несколько изменен. Ибо Унгерн, несмотря на свое баронское происхождение, называл вещи своими именами. Адъютант начальника гарнизона, есаул Макеев, был поставлен в очень щекотливое положение. Ему пришлось телеграмму подать с железнодорожного телеграфа, и после передачи ленту взять себе. На эту телеграмму Семенов разъяснений уже не требовал.

С момента падения правительства адмирала Колчака, остатки его армии, принявшей название “каппелевцев”, при невероятно тяжелых условиях совершили переход через всю Сибирь и прибыли в Забайкалье. Имея командный состав, стоящий в нравственном отношении выше командного состава забайкальских частей, и сами получившие иное воспитание — они принесли с собой иную дисциплину, не опирающуюся на истязания. Командный состав быстро сменялся, назначались следственные комиссии по выяснению зверств, чинимых в Забайкалье и т.д. Унгерн, имевший за собой достаточно беззаконных поступков, за которые он должен был дать ответ и, предчувствуя близкую гибель Белого движения на Востоке, стремился найти новую работу своей неограниченной энергии.

Для этой цели, как сырой материал, он намеревался использовать Монголию, у которой в то время были сильно натянутые отношения с Китаем. Чтобы использо-

вать это положение, Унгерн послал в Монголию своих агентов. Учитывая борьбу партий в Китае, Унгерн использовал и это положение. Партия Аньфу, боровшаяся с генералами Чжан Цзолинем и Чжан Куню, была на краю гибели. Унгерн, войдя в переговоры с этими генералами, получил от них задание разбить китайские войска партии Аньфу, находившиеся в Монголии и ожидать поддержки для наступления на СССР⁴⁰⁵. Монголы также намеревались освободиться от покушений китайцев и восстановить⁴⁰⁶ свою независимость, почему охотно шли навстречу Унгерну. По всей Монголии велась скупка оружия и патронов. Монголы представляли себе, что Унгерн является исключительно их помощником, а не вождем “русского белого движения”. Имея выход, Унгерн намеревался выполнить план образования Великого Монгольского государства. <...>

Долго ожидаемая гроза разразилась над Унгерном. Командующий армией генерал Лохвицкий, собиравший материал для предания суду Унгерна, получил заявление от жены поручика Теребинина, что ее муж расстрелян на ст. Даурия и она осталась с детьми без всяких средств, почему и просила выдать ей пособие. Новое злодеяние Унгерна было последней каплей, переполнившей чашу терпения командующего армией. А так как Унгерн был в то время в экспедиции, то генерал Лохвицкий приказал телеграфировать его начальнику штаба в Даурию — генералу Евсееву прибыть в Читу для объяснений со всем материалом по делу убитого поручика Теребинина. Евсеев оставил телеграмму командующего без ответа. Лохвицкий послал вторую телеграмму, которая также не имела успеха. Не получив ответа на свои две телеграммы, Лохвицкий послал третью, в которой указал Евсееву, что если он не желает добровольно прибыть для объяснений в Читу, то его привезут при помощи воинской силы. Несмотря на такое обещание, Евсеев вновь оставил телеграмму без ответа. Лохвицкий приказал послать в Даурию две роты солдат, арестовать Евсеева, доставить в Читу и произвести выемку документов. Генерал Евсеев рапортом донес Унгерну о предполагавшихся событиях. Прибывший для следствия и назначенный впоследствии начальником гарнизона генерал Дашкевич-Горбатский, по прибытии в Даурию, арестовал генерала Евсеева и препроводил его в Читу. Выемка документов со всей ясностью доказала беззакония, чинимые Унгерном при ближайшей поддержке Евсеева, который после приведения в исполнение приговоров, или после простых убийств, без выполнения проформы суда составлял обвинительные акты и приговоры не имевшего места суда. В Чите генерал Евсеев, как сообщник Унгерна, был предан военно-полевому суду, судим, и был приговорен к смертной казни. Оставшись недовольным решением суда, он апеллировал Семенову, который заменил смертную казнь бессрочным тюремным заключением.

Рапорт же Евсеева Унгерну достиг своей цели. Унгерн, узнав, что в Даурию введен гарнизон “капелевцев”, бросил фронт, не поставив никого в известность, и двинулся в Даурию. Полковник Лауренц совместно с другими офицерами выработал план действий, по которому должны были воинской силой выбить из Даурии гарнизон “капелевцев”. Главным возбудителем этому предложению было то, что с приходом частей “капелевцев” в Даурию в ней произошли резкие перемены. Следственная комиссия под председательством подполковника Саляева произвела разбор дела содержащихся на гауптвахте; большинство дел было прекращено, и уз-

ники получили свободу. Все суммы Азиатской конной дивизии, числившиеся “трофеями”, были перечислены на счет армии. Офицерам и стрелкам разрешено было переходить в свои части, что сильно отразилось на гарнизоне Даурии. Желая сохранить и количественный состав своей дивизии, и все находившиеся в Даурии огромные запасы продовольствия, обмундирования, снаряжения и боевых припасов — был выработан план нападения на Даурию, но так, что сам Унгерн оставался совершенно в стороне, а действовали как бы некоторые его части по собственному побуждению. Но вследствие того, что и в частях Азиатской конной дивизии были благоразумные люди, кампания захвата воинской силой Даурии не удалась. Следующий бесхитростный рапорт капитана Дмитриева, старого артиллериста из канониров, полуграмотного, но высоко честного, говорит следующее.

“Начальнику Даурского гарнизона. Рапорт. Доношу, что по окончании боев на реке Аргуни, где было артиллерией действовать нельзя, получил от начальника отряда генерала Унгерна письменное приказание с батареей вернуться назад в распоряжение Аргунского и узнать, если перешел штаб корпуса Семенова в Нерчинский завод, то мне выбрать в этом месте поселок, где хороший корм для лошадей, но этого сделать не удалось, так как ко мне в Аргунский полк подошел полковник Лауренц и погнал меня в поселок Горбуновка и поехал сам со мной. Простояв так два дня, приходит туда наш отряд вместе с начальником отряда, который расположился в поселке Чалбуча (Кожевная). 27 июня около 18 требует меня генерал барон Унгерн к себе на квартиру. Я явился к нему. Он мне говорит, что “Я тебя хочу отправить в Даурию”. Я спросил: “Как, одного или с батареей?” Он говорит: “С батареей, потому что здесь мне теперь артиллерии много”. Я ему сказал: “Слушаю”. Он мне говорит: “Артиллерию красным не сдашь?” — “Не думаю”. Он говорит: “Ну, так вот, собирайся и завтра с комендантской командой отправляйся”. Наказ такой был, чтобы “лошадей не загонять, а к приходу в Даурию, чтобы как можно лучше поправить и переделать оружейные передки. Чтобы я мог вас взять на вторую операцию”. После спросил меня: “Нет ли золота?” Я ответил, что у меня лично нет, а в батарее, наверное, есть. Он говорит: “В полках лошади расковались, и нет подков и гвоздей, а китайцы продают только на золото”. Я тогда приказал в батарее расковать всех малых лошадей, собралось 44 пары подков и 30 руб. золота, и отправил к генералу Унгерну, а сам с батареей 28 июня в 11 часов дня отправился вместе с комендантской командой из поселка Горбуновка. <...> [Сотник Еремеев] стал меня спрашивать: “Так твоя батарея верна барону?” Я говорю: “В чем дело?” Он говорит: “Спрашиваю, верна?” Я ему ответил: “Батарея против барона ничего не имеет” <...> “Ну, так вот в чем дело. У нас в Даурию приехал новый начальник гарнизона, собирает митинги, семейства притесняет, грабит, пьянствует, гауптвахту распустил. Солдаты и офицеры разбегаются — так во что бы то ни стало, эту сволочь нужно выбить, и чтобы начальником гарнизона подполковник Лауренц”. Я понял, что тут хотят что-то устроить без ведома высшего начальства. <...>⁴⁰⁷ Сотник Еремеев несколько раз говорил, что под барона посланы убийцы.

7 июля 1920 г. подпись: капитан Дмитриев”

<...> Этот же рапорт указывает на то, как низко стояли гг. офицеры у Унгерна в нравственном отношении. Одно выражение сотника Еремеева: “Все нажитое раз-

грабили” указывает на далекие времена средневековья-рыцарства, во время которых грабежи не считались позором. В XX веке у Унгерна грабили своих же близких и все награбленное считалось военными трофеями. Когда о предполагавшихся событиях стало известно в штабе армии, была назначена следственная комиссия. Производил дознание штаб-офицер для поручений при начальнике Азиатской конной дивизии полковник Евтин, который в рапорте своем на имя начальника гарнизона указал, какое смущение вызвало его сообщение подполковнику Лауренцу о слухах занятия Даурии военной силой. Объясняя свои действия в походе тем, что он не знал истинного положения в Даурии, а только лишь руководствовался слухами об изменившихся условиях в гарнизоне, почему он и полагал, что в Даурии власть советов, которую намеревался ликвидировать. <...> Реабилитировав себя окончательно и вновь заняв должность коменданта поселка Даурия, Лауренц не удовлетворился этим и возбудил дело против полковника Саяева, указывая на [него] как на главного виновника предполагавшихся событий. <...> Саяев был смещен и предан суду. <...>

Хотя сам Унгерн и не был привлечен к ответственности и вновь выиграл дело с занятием Даурии, но это ему лишний раз показало, что круг вокруг него смыкается все более и более. Правильно предположив, что в ближайшее время круг должен был сомкнуться, и тогда для него не могло быть выхода, он решил заранее ликвидировать Даурский гарнизон и начать новую кампанию. Для этой цели он, в первую очередь, перевел в г. Акшу часть своего интендантства, а для охраны его две даурские сотни. Дивизии было объявлено, что она ведет новую экспедицию в районы Акши, Мензы и т.д. Все, что не мог поднять его неприхотливый обоз, он сжег. Перед оставлением гарнизона он отдал приказ закопать все трупы и кости расстрелянных, раскиданные по степи и сопкам. Несколько дней продолжалась работа эта, но всех следов не успели устранить. Забыли проверить чердак дома, где жил сам Унгерн и, когда пришедшие части “капеллецев” начали обыскивать помещения, то на чердаке дома Унгерна нашли несколько живых волков, массу объединенных скелетов людей, обрывки платья, черепа и несколько скелетов волков. Следствие выяснило, что Унгерн занимался и римскими развлечениями, отдавая на растерзание волкам живых людей⁴⁰⁸. <...>

Перебросив дивизию в район Акши и Мензы, Унгерн в спешном порядке произвел переформирование и вооружение ее, и в середине сентября 1920 г. выступил в направлении Урги. Дивизии было объявлено, что она идет в наступление на Верхнеудинск через Монголию. <...> Чтобы пройти в возможно короткий срок намеченное расстояние, Унгерн избрал прямую линию и двигался по ней, несмотря на колоссальные преграды, встречавшиеся на пути. В лесах прорубались просеки, болота закладывались бревнами, валежником, землей и по наложенным импровизированным мостам карьером продергивали орудия. Сопки не чинили препятствий, и там, где не могли вывозить лошади — вытягивали люди, подгоняемые железной волей Унгерна, не останавливавшейся ни перед какими жертвами для достижения задуманной цели. Чтобы избавить дивизию от большого обоза, Унгерн имевшиеся у него запасы оружия распределил по людям дивизии. Изнуряемые двойной тяжестью, люди дивизии шли без малейшего ропота, осознавая, что шли на великое, святое дело, дело освобождения пострадавшей России. <...>

Опубликованный список состава ЦК, после Октябрьской революции 1917 г., содержавший достаточное количество еврейских фамилий, пустил глубокие корни

ненависти в сердце Унгерна. После бунта еврейской роты в Нерчинском заводе, сформированной стараниями наложницы атамана Семенова, у Унгерна окончательно сложилось убеждение, что всякий еврей — большевик. От такого приятного решения он не отступал и приказывал избивать даже младенцев, сообщая, что, когда они вырастут, то все равно будут большевиками. Когда генералу Артамонову попал в плен еврей взбунтовавшейся еврейской роты, то Унгерн, узнав о том, предложил Артамонову взамен пленного еврея броневой автомобиль, который в то время было очень трудно достать. Такова была ненависть Унгерна к евреям. Но Артамонов отклонил предложение Унгерна. Он взял за пленного с его родственников громадный выкуп и отпустил его на свободу, даже дал возможность проехать безопасно в пределы Маньчжурии. Вообще же сформированная еврейская рота служила мишенью всяческих поношений, издевательств и насмешек со стороны командного состава. <...>

Китайцы не чинили препятствий продвижению Унгерна, так как не имели в степях Монголии своих гарнизонов, а монголы, поставленные в известность своими князьями о продвижении Унгерна, как освободителя их от гнета китайцев, всячески помогали ему. Кроме того, Унгерн сразу по выходе в Монголию завоевал симпатию монгол тем обстоятельством, что за все поставляемое ему монголами платил на месте золотом, хотя и установил свои цены⁴⁰⁹. <...> Желая показать монголам, что он действительно Цаган-Бурхан, опустившийся с тибетских гор для освобождения угнетенного монгольского народа, а не простой смертный человек, Унгерн даже стоянки своей дивизии устанавливал в таких местах, о которых говорилось в монгольских сказаниях и которые у монгол считаются священными. Зная своевременно о таких местах, Унгерн тем самым укреплял в монголах толки, что он действительно “перерожденец”. Первая стоянка стояла на реке Тэрэлдж, при впадении ее в реку Толу, в 45 верстах выше Урги — бывшее место Большого Куреня, который стоял там в 1733 г. Остатки города, сохранившиеся до настоящего времени, представляют ряд неглубоких рвов и невысоких холмов, образовавшихся от груд сырцового кирпича. Выросший ряд деревьев на берегу реки, на месте бывшего города, дал ламам повод заключить, что в этом месте впоследствии будут битвы и пройдут строи солдат. Старинное предсказание лам Унгерном было использовано и оправдано. <...>

Вечные воины и грабители, чахары (китаизированные монголы), предчувствуя добычу, прислали к Унгерну послов с предложением своих услуг как воинской силы для борьбы с кем угодно, лишь бы это было выгодно. Двух мнений у Унгерна быть не могло: ему нужны были солдаты, а к тому же, зная чахар за неустрашимых людей, он охотно предложил им вступить в отряд отдельной воинской единицей, со своим командным составом и предоставил им право во время блокады Урги оперировать на Калганском тракте, как на наиболее выгодном пункте, по которому неминуемо проходили все караваны, направлявшиеся в Ургу. Вскоре чахары явились в двухсотенном составе и заняли указанный участок, с которого сняли русскую часть. Моральная чистота отряда не трогала Унгерна, увлекшегося идеей, и, принимая чахар к себе на службу, он прекрасно был осведомлен о том, что большинство из прибывших к нему чахар были остатки отряда генерала Левицкого, при котором в свое время находился и глава предполагавшегося великого Монгольского государства — Нэйсэ-гэгэн⁴¹⁰. Несколько офицеров из дивизии Унгерна, остав-

шиеся в живых после избиения на Гусином озере, узнали среди прибывших чахар своих старых знакомых, от рук которых они случайно спаслись. Неприязни ни с одной из сторон не было. Люди сошлись для одного и того же дела и в знак дружбы курили из одной трубки. Пополнив дивизию монголами, бурятами и чахарами, Унгерн послал письма в Тибет Далай-ламе, в которых призывал его к священной войне и советовал ему поднять знамя борьбы за желтую веру через подчиненных ему лам. Далай-лама через несколько месяцев действительно послал ему человек 60–70 тибетцев, отборнейших воинов.

Полагая, что сил для одержания победы над китайцами достаточно, Унгерн объявил дивизии о наступлении на Ургу, но, желая парализовать могущие быть различные толки, сообщил, что он воюет не с Китаем, в котором уже монархия, а уполномочен ликвидировать китайские революционные войска в Монголии, после чего Китай обещал ему поддержку при наступлении на СССР. Для поднятия же духа у своих подчиненных, он обещал отдать им Ургу на трехдневный грабеж. Под таким лозунгом его дивизия могла бы идти даже в ад, если бы это было нужно. Древний норманнский хищнический дух, покоившийся долгое время, вырвался в этом обещании наружу. <...>

Наконец, числа 22 октября 1920 г., китайским генералом Чу Лицзяном было получено письмо от начальника отряда, генерал-майора Унгерн-Штернберга, в котором он предлагал китайскому гарнизону сложить оружие и впустить его с отрядом в Ургу, обещая принять весь китайский гарнизон к себе на службу и уплатить неполученное ими жалование, в противном случае обрекал Ургу на уничтожение. В своем письме он указал, что в Китае была уже монархия и гарнизону, в случае сопротивления, ожидать помощи было неоткуда. Чу Лицзян ответил отказом, объяснив свой отказ теми соображениями, что он не имел приказа от своего непосредственного начальника, и сдать как гарнизон, так и оружие без его предписания не мог и должен с оружием в руках защищать вверенный ему город. Китайские солдаты получили освещение вопроса несколько в другом свете. Им было сообщено, что сборный отряд, имевший в своем составе русских, чахар, бурят, тибетцев и монгол, шел истребить вообще всех китайцев в Монголии. <...>

Получив неблагоприятный ответ, Унгерн вновь послал письмо китайскому командующему и указал в нем, что китайское командование примет всю вину за ту кровь, которая прольется под Ургой. Советовал ему пока образумиться и не делать напрасной бойни. В конце письма он сообщил, что дает три дня на обсуждение вопроса и, если получит ответ аналогичный первому, то поведет свои войска в наступление и будет бомбардировать Ургу. Китайский командующий второе письмо оставил без ответа. В Урге было введено осадное положение и с часу на час ожидали наступления. Жителям запрещалось выходить на улицу без пропусков китайского командования. Солдаты врываются в дома и вод предлогом поисков оружия грабили все, что представляло для них ценность. “Монголор” (дом золотопромышленной компании) был разграблен полностью, причем у жившего там барона Тизенгаузена не оставили ни одной пары белья. <...> Отделение Центросоюза было разграблено до основания. Причем находившиеся там “романовские” бумажные деньги были развеяны по всему двору. Управляющий же конторой Центросоюза г. Лав-

ров был заключен в тюрьму. Дворец Богдо также был разграблен, и в нем погибли образцы монгольского культа. Кроме того, Богдо уплатил 200000 мекс. долларов контрибуции, а сам был подвергнут домашнему аресту. Здание русского консульства, церковь — все было разграблено. В церкви китайские солдаты учинили святотатство, разломав иконы и иконостас, опрокинули престол и загадили священные предметы. Лошади поголовно были реквизированы у населения, а их владельцы под конвоем выгонялись на работы. <...> Бежавших с запада из армий Дутова, Бакича, Анненкова задерживали, бросали в тюрьмы с женами и даже грудными детьми. А особенно почему-либо не понравившихся китайцам расстреливали. Всего расстреляно китайцами под Ургой до 40 человек. <...>

Во время боев за обладание Ургой, Унгерн показывал дивизии пример личной храбрости, объезжая ряды своих соратников верхом на белом коне в передовых цепях. Воспользовавшись вечерней темнотой, он прорвался в Ургу, заскочил в расположение Русского консульства, избил ташуром китайского часового, пытавшегося его застрелить, и благополучно выскочил обратно. В дивизии об этом подвиге Унгерна говорили до выхода из Монголии, передавая его с различными вариантами. <...>

Даже странно, почти на каждой стоянке дивизии были убийства. Как будто бы Унгерн, как потомок язычников, для исполнения своих желаний приносил жертву за жертвой Молоху⁴¹¹. Его знаменитое выражение: “Земля крови хочет”, — вошло в поговорку у его соратников, купавшихся в невинной крови. Унгерн, действительно, обильно поил землю кровью, мало заботясь о том, что он может погубить невинных. На это у него был свой афоризм: “Мертвый безопаснее живого”. <...>

Обоз с ранеными при гробовом молчании выступил на Акшу. <...> Деньги, отпущенные Унгерном на содержание лазарета, в пути пропивались Черновым и его командой. Питание было отвратительно... Люди положительно голодали... Мука, шедшая с обозом для больных и раненых, не выдавалась, а им давали лишь одно сырое мясо, из которого они сами должны были готовить себе пищу. В большинстве случаев мясо съедалось полусырое, немного подогретое на огне. Командный же состав в то время имел в своем распоряжении всевозможные продукты из разграбленных китайских майханов. Чернов, Лауренц и команда более заботились о грабеже лежащих по дороге китайских майханов, чем о помощи больным и раненым всадникам. <...> После первого расстрела, который как бы развязал руки, Чернов превратился в зверя. <...> При дальнейшем продвижении Чернов и Лауренц устроили заговор на жизнь раненых и больных, у которых, по их предположениям, были деньги. <...> Чернов непробудно пил. Люди ехали голодом, боясь об этом говорить. <...> В моменты пьяного разгула Чернов бил на все стороны. <...> Через несколько дней стоянки в Бревен-хийде, было получено донесение о занятии Акши красными. Направление для дальнейшего следования лазарета потребовалось изменить. По приказанию Лауренца, решили ехать на Маньчжурию, но, чтобы не попасть к красным, которые, по слухам, шли на Маньчжурский тракт, приказано было ехать без задержек. А так как обоз с ранеными не мог быстро передвигаться, то Чернов с Лауренцем решили отравить всех тяжело раненых. <...> Они приказали выполнить это злодеяние фельдшеру Логунову. но Логунов, рискуя своей жизнью и жизнью своей жены, не решился выполнить этого приказа. <...> Унгерн отвел свою

дивизию на отдых к реке Керулен и приказал обоз с больными и ранеными вернуть для соединения с дивизией, где значение его сводилось к рамкам околотка.

Неудачи при наступлении на Ургу показали Унгерну, что сил для занятия Урги у него слишком недостаточно, почему он и послал по всей Халхе бурято-монгольское отряды для задержания всех проезжих и живших русских и бурят. <...> “Мобилизационные” отряды, не имевшие в своем составе ни одного по-русски грамотного человека, часто впадали в непоправимые ошибки при проверке документов. Были случаи, когда заведомых дезертиров пропускали на восток, не чиня им препятствий, а имевших заграничные паспорта схватывали и отвозили под конвоем к Унгерну. <...> Чахары среди дивизии Унгерна, по своему независимому положению, вольной, богатой, сытой жизни занимали первое место. За ними шли буряты, дальше русские, в категорию которых входили татары и башкиры, затем японцы, и последнее место занимали монголы⁴¹². <...>

Разницы между офицером и солдатом не было никакой. <...> Люди, близко знавшие друг друга, боялись между собой разговаривать, так как никто не был уверен в том, что его приятель не доложит Унгерну о разговоре. Единственное исключение составляла сотня офицерского имени атамана Анненкова полка. Почти все ее офицеры были сослуживцами по западным армиям, близко знавшими друг друга. У них, в юрте командира полка, часто происходили совещания о создавшемся положении и они не находили другого выхода, как только бежать от Унгерна на восток в свои старые части... <...> Унгерн для поимки их ночью же отправил чахарскую сотню⁴¹³. Чахарам было приказано уничтожить всех бежавших, за исключением могущих попасть в плен, которых приказано было доставить в штаб. Побег вызвал не только бешенство Унгерна, но и поголовно всех забайкальцев, входивших в дивизию. <...>

“Смерть дезертирам-предателям!” — проносился по лагерю крик возмущения унгерновцев. Так понимали поступок унгерновцы, так поймут и вообще не имевшие понятия о службе в частях Унгерна. <...> Попав путем насильственного захвата, во время отступления, в части Унгерна из частей армии адмирала Колчака, они увидели, что условия службы были совершенно другие. Полное отсутствие суда, а вместо него дисциплинарное взыскание в виде плетей, ташуров, просто пощечин, отпускаемых лично Унгерном, сидение на льду, на крыше, на дереве, купание в холодное время года в реке на веревке и пр. — все это, естественно, возбуждало во вновь захваченных чувство глубочайшего негодования, брезгливости и отвращения. Слово “офицер” у Унгерна отсутствовало. Составив себе кадр офицеров из своих бывших денщиков, вестовых, ординарцев, Унгерн постепенно забывал, что есть и другого типа офицеры. <...>

Проскакав верст 200–250, они разделились на две группы и бежали разными дорогами, желая запутать совершенно свои следы. При дальнейшем следовании, не чувствуя за собой погони, они стали уже менее бдительны, что и привело их к преждевременной смерти. На одной из остановок, когда стреноженные лошади паслись, а ряд в 18 человек мирно спал, налетели чахары и угнали табун. Разбуженные выстрелами, люди отряда схватили винтовки, бросились к табуну, но, видя, что лошадей нет, поняли, что их настигла погоня. Решив дорого продать жизнь, они заняли сопку. Чахары, ожидая рассвета, окружили сопку. Три дня держались бегле-

цы, посылая пулю за пулей в наступающих на них чахар. Разница в положении, конечно, выяснилась не в пользу беглецов. Чахары имели превосходство в численном составе людей и обладали большим запасом патронов. Перебив почти всех, чахары захватили трех человек, раненых добились, а пленных увезли к Унгерну. Над привезенными к Унгерну жестоко и долго издевались. Унгерн во что бы то ни стало хотел добиться того, чтобы они ему рассказали весь заговор, так как полагал, что заговор был более обширен. Но, не добившись ничего, приказал их повесить. Искалеченные, истерзанные полутрупы были принесены к реке и повешены на береговых кустах, где была прорубь, из которой брали воду и поили лошадей. Унгерн хотел устрашить этим поступком дивизию. Остальных людей бежавшего отряда чахары догнали в разное время и также убили. Командира полка поручика Царегородцева погоня настигла в 60 верстах от Маньчжурии и там убила; в доказательство чего доставлена была Унгерну печать полка. <...>

Во время отдыха Унгерн разрешал дивизии веселиться. Веселье было несложное: карты и пьянство. Обыкновенно процветала игра в “очко”, как называлась у солдат игра в “двадцать одно”. Причем проигравшиеся до последних вещей играли уже под “Ургу”, то есть, рассчитывая на взятие и грабеж Урги, они как бы давали обеспечение уплаты проигрыша. Пить можно было сколько угодно, но только не быть пьяным у начальства на глазах. Некоторые ухитрялись заводить “любовь” с монголками и бурятками, с которыми встречались при поездках за сеном и дровами. <...>

Было сообщено, что в Бревен-хийде арестован прапорщик Чернов и доставлен в штаб. Как оказалось, ехавшие с лазаретом каким-то образом дали знать Унгерну, что Чернов их не кормил, хотел отравить и т.д. Унгерн приказал его арестовать. Он хотел наказать его по-особенному, не терпя конкурентов в своих изощрениях. Предварительно он приказал его пороть до потери сознания, сам же придумывал ему соответствующее наказание. Нужно отдать ему справедливость – выдумал по заслугам. Он приказал его... живым, после порки сжечь на костре. <...> Любителей сильных ощущений нашлось много, и вскоре вся поляна была запружена офицерами и всадниками. <...> Многие, знавшие Чернова по его заслугам, заботливо приносили для костра кто полено, кто охапку сухой травы, а кто просто выражал ему свое напутствие отборной бранью. Приказано было зажечь костер... <...> Страшная брань целым потоком полилась из его полубогорелых уст... Он ругал Унгерна, Бурдуковского и всех присутствовавших при его казни... Но бранить начальство не полагалось и, чтобы умерить поток его брани, опустили веревку... <...> Несмотря на то, что вся дивизия не жалела Чернова и сознавала, что он казнен по заслугам, при виде страшной казни каждый предположил, что и его смогут так же сжечь на костре. <...>

Чтобы отнять у дивизии свободное время, Унгерн придумал вести постройку домов, а также и бань для каждой сотни самостоятельно. Где-то достали пил, топоров, и работа закипела. С раннего утра стук стоял на бивуаке. Рубили деревья, которые на себе же перетаскивали к месту построек; кололи из них доски, копали землю — словом, работа шла полным темпом. Работа сменялась ученьем, ученье работой, и так изо дня в день. Головы были заняты только лишь отдыхом. Уставшие за день люди, с трудом дождавшись поверки, замертво падали в юртах на землю и немедленно засыпали. В такой обстановке время прошло до Нового года. В дивизи-

зии появились новые разговоры: что-то выдадут к празднику? К Новому году выдали на каждого человека в дивизии по 1/4 ф. сахара, по 1/2 пачки табаку, фиников по 1/2 ф. и “магайло” на пять человек одну бутылку. Последнее обстоятельство особенно огорчило всех. Рухнули надежды крепко напиться. Впрочем, это было по-правому, так как непьющие продавали свои порции по пяти руб. золотом и, несмотря на такую высокую цену, у них покупали. Всю ночь раздавались по лагерю пьяные песни. Был один день в году в дивизии, когда можно было погулять открыто, без боязни попасть “на лед”. <...>

Во время стоянки на Керулене израсходовали весь запас муки, который требовалось пополнить. Купить было негде, караваны китайцев, из-за опасения попасть в руки чахар, не ходили. Единственное место, где можно было пополнить запасы — селение Мандал, было в руках китайцев, почему Унгерн и решил сделать на них набег. Взяв с собою сотню войскового старшины Архипова, две чахарские сотни и одну пушку, он выступил в поход. Подойдя к Мандалу ночью, без выстрела, налетом выбил из него китайцев, которые в панике разбежались, так как совершенно не ожидали набега, и, погрузив муки, сколько смог поднять его обоз, возвратился на Керулен. С возвращением Унгерна из набега, он запросил, что из обмундирования требовалось в полки? Раздетые полки представили свои требования в таких цифрах, что даже при всем желании Унгерна удовлетворить их, собрать указанного количества было негде. Поэтому полки получили все в очень ограниченном количестве, а на две трети люди были буквально раздеты. <...>

Сам Унгерн, нельзя сказать, чтобы многим лучше был одет своих всадников. Серая офицерская шинель на меху до половины, с обожженными полами, на голове грязная, когда-то белая папаха, на ногах сапоги, а иногда меховые. В походах он также промерзал до костей, и на стоянках его можно было часто видеть скорчившимся у костра, без палатки, где он разогревал застывшие члены. Вообще, он совершенно не следил за собой. Можно с уверенностью сказать, что умывался он не более одного раза в неделю, а белье менял только уже тогда, когда от него оставались одни лохмотья. Стирать же белье никогда не отдавал. Есть предпочитал всегда прямо руками. Из такого поведения Унгерна можно заключить, что он просто не замечал окружающего его неудобства, и оно ему казалось обыкновенным. <...>

Окончательно подготовившись к походу, дивизии выдали продукты на 15 дней. Кругом кипела работа: варили мясо, жарили лепешки, ходили в баню, стирали белье. Закончив такие приготовления, 22 января н.ст. 1921 г. Азиатская конная дивизия выступила со своей зимней стоянки на р. Керулен и двинулась в направлении Урги. Дивизии было объявлено, что она идет в третье и последнее наступление, так как Урга должна пасть. Уверенность во взятии Урги породило гадание Хушиктен-ламы⁴¹⁴. Обожествляемый лама вычитал по книгам тибетской мудрости, а рядовые ламы — гаданиями на бараньих лопатках, что наступление должно вестись на пятый день первой луны, что по европейскому календарю совпадает с первым февраля н.ст. Тот же лама якобы сообщил, по каким направлениям должно вестись наступление и что Богдо-гэгэн-хутухта в первый же день наступления будет освобожден из-под китайского ареста и встретится с Цаган-Бурханом, то есть с Унгерном. Многие смеялись над гаданием, но, привыкшие к таким своеобразным способам определения судеб, были уверены в несомненности взятия Урги только лишь по гаданиям лам. <...>

Простояв до 26 января со сменой лошадей, дивизия была сильно взволнована необычайным, казалось бы, обстоятельством. Бежал к китайцам в Ургу командир японской сотни полковник Хирояма. Унгерн, возмущенный таким поступком японца, приказал перепороть всех живших в юрте вместе с бежавшим, а также и дневальных. Несмотря на то, что все японцы носили офицерские погоны, их выпорол, а сотня была расформирована. Погоня, высланная за бежавшим, не дала никаких результатов. Унгерн полагал, что бежавший мог выдать китайцам план наступления, в разработке которого Хорояма также принимал участие, поэтому он принял меры через монгол, чтобы китайцы расстреляли бежавшего, как военного шпиона от Унгерна. По непроверенным сведениям, Унгерну удалось его комбинация.

Сменив лошадей, 26-го вечером дивизия двинулась в поход и 29 января подошла к местечку Убулун, что верстах в 30 от Урги. Когда дивизия подошла к Убулуну, поступило донесение от чахарской заставы с Калганского тракта, что задержаны два автомобиля и на них восемь человек. Унгерн приказал немедленно выехать двум офицерам, умевшим обращаться с машинами и, если возможно, вывезти их в штаб. Офицерам было приказано всех евреев, если таковые окажутся на взятых автомобилях, убить на месте — а также и служащих Центросоюза, остальных же доставить в штаб. Автомобили были задержаны. <...> Один из автомобилей удалось вывезти в штаб. На Убулуна была последняя стоянка перед наступлением на Ургу. <...>

По выработанному плану начальником генерального штаба полковником Дубовиком, дивизия для наступления на Ургу была разбита на три колонны. Первая, правая колонна (относительно Урги) под командой есаула Хоботова, имевшая пять конных сотен, должна была наступать по долине реки Тола и Калганским трактом. Вторая, средняя колонна под командой генерал-майора Резухина, имевшая три с половиной сотни и одно орудие, должна была наступать по калганскому тракту на Верхние, Нижние Мадучены и на Маймачен. Если бы колонна Хоботова соединилась с колонной Резухина, то должна была, подчинившись последнему, получить новое задание от него, смотря по боевой обстановке. Третья, левая колонна под командой Тубанова, имевшая две с половиной сотни, должна была наступать через гору Богдо-ула на дворец Богдо и вывезти его. Такая мера была предпринята для того, чтобы, имея Богдо, в случае поражения, возможно было основать столицу Внешней Монголии в каком угодно хурэ. Кроме того, Тубанову было дано задание поднять восстание в тибетской слободе г. Урги, чтобы вызвать панику в лагере осажденных. За исключением поименованных частей, имелся резерв, подчиненный князю Найден-вану, две чахарские сотни. <...>

Китайцы, заметившие приближение противника, встретили дивизию ружейным и пулеметным огнем, вследствие чего монгольская и чахарская сотни бросились врассыпную и их с большим трудом собрали и привели в порядок. <...> Спешенная колонна Резухина, цепями, без перебежек наступала на сопки, которые после короткого, но упорного боя, были заняты и китайцы медленно отходили к Нижним Мадучанам. В колонне Хоботова к тому времени были взяты уже трофеи два орудия и до двухсот винтовок. Труднее пришлось сотне, наступавшей на окопы по долине по совершенно открытой местности. Китайцы защищали свои позиции с большим подъемом. <...> Только благодаря тому обстоятельству, что Хоботов вы-

шел китайцам в тыл, они оставили окопы и начали отступать, группируясь у Нижних Мадучан. <...> Воспользовавшись общим замешательством китайцев, тибетцы колонны Тубанова лихим налетом, через гору Богдо-ула, после короткой ружейной перестрелки ворвались во дворец Богдо-гэгэн-хутухты, схватили его и, отстреливаясь, тем же путем ускакали в лагерь. Гадание Хушиктен-ламы исполнилось. Правитель Внешней Монголии Богдо и русский Цаган-Бурхан Унгерн встретились в первый день наступления на Ургу. Свидание укрепило Унгерна, укрепило и дивизию. <...> После взятия окопов, ведя бои с китайцами и выходя им в тыл, были заняты и Нижние Мадучаны. Этой операцией закончился первый день наступления на Ургу. Китайцы залегли на последних сопках, преграждавших доступ к Урге... Уставшие люди дивизии Унгерна всю ночь не смыкали глаз, так как китайцы не прекращали огня. С утра 2 февраля дивизия, имея перед глазами город, отданный ей на трехдневный грабеж, ожидала дальнейшего наступления, чувствуя богатую добычу. Но приказа о наступлении не было. В таком положении прошло 2-е и 3 февраля.

В ночь с 3-го на 4 февраля дивизия была брошена в последний бой. Китайцы были быстро сбиты с сопки и на их плечах части Унгерна ворвались в Маймачен. Часть людей, забыв о китайцах, бросилась грабить китайский банк, а часть, особенно чахары — китайские лавки. Застигнутые, загнанные в узкие улицы Маймачена, китайцы легли в них, защищаясь с оружием в руках. Маймачен горел, подожженный руками победителей. Увлеченные грабежом были вдруг атакованы и потеснены, но подоспевшей сотней положение было быстро восстановлено, и китайцы были окончательно выбиты из Маймачена. Часть их отступила к Худжир-Булунским казармам, часть же — к Урге и закрепилась в Русском консульстве и “Монголоре”. С утра 4 февраля шел бой за обладание Ургой. Автомобиль, задержанный с бежавшими из Урги, был использован при наступлении на Ургу. На нем был установлен пулемет и он, пользуясь ночной темнотой, без шума подъезжал близко к китайцам и, открыв фонари, выпускал по растерявшимся китайцам очереди из пулемета и, потушив фонари, быстро исчезал. Консульство было быстро очищено от китайцев и они отступили в Ургу. <...>

Коротким ожесточенным боем китайцы были окончательно выбиты из Урги и в нее ворвались войска Унгерна. От снарядов и подожженная руками грабителей, горела Урга. Пьяные офицеры и всадники дивизии гонялись на лошадях по улицам, добывая живых гаминов и подвернувшихся под руку евреев. От половины торгового квартала остались лишь горы мусора. Грабеж шел необычайный... Но не всем разрешалось грабить безнаказанно, и многие поплатились за свое развлечение жизнью. <...> Гадание Хушиктен-ламы исполнилось: Урга была очищена от китайцев 5 февраля. <...>

Атаман Семенов, услышав о взятии Урги частями Унгерна, произвел его в генерал-лейтенанты, несмотря на то, что в своих официальных приказах по армии уведомил о том, что Унгерн, как не подчинявшийся распоряжениям командующего армией, отрешается от командования дивизией, и его часть, как не входившая в состав армии Семенова, должна была рассматриваться как вольница, за действия которой он, атаман Семенов, не отвечал. Из Приморья же, не имевший власти начальника части, объявленной вольницей, Семенов произвел в следующий чин. Кроме того, тот же Семенов послал Богдо письмо приблизительно следующего содержания:

“Ваше Святейшество, мои войска под командой генерал-лейтенанта барона Унгерна освободили Вас от китайского пленения. Урга пала. Вы возведены в прежнее величие. Достойными наградами Вы отблагодарили мои войска, со своей стороны, я отблагодарил их своими наградами. Я же, как начальник всех войск, такой награды не получил, а потому прошу Ваше Святейшество о награждении меня соответствующим званием и присылке на то грамоты, а кроме того, прошу выслать мне доверительную грамоту на ведение переговоров с иностранными державами.

Вечно пребываю к Вам в искренней дружбе, Ваш друг и помощник, походный атаман всех казачьих войск Г. Семенов” (подлинное письмо находится у бывшего начальника штаба дивизии Унгерна г. Ивановского в г. Владивостоке).

Когда прочитали это письмо Хутухте, он пришел в бешенство и оставил Семёнова без ответа. <...>

Части дивизии Унгерна, ворвавшись в Ургу, в первую очередь бросились искать китайские банки. <...> Терроризированные китайцы забирались на чердаки своих лавок и отсиживались там по нескольку дней без пищи, боясь спуститься, чтобы не попасть под пули или палки. Кто же из дивизии Унгерна раньше бывал в Урге и знал, где находятся еврейские квартиры, те в первую очередь врываются туда и, не боясь ответственности, убивали мужчин, насиловали женщин и девушек и, потом убив их, грабили квартиры до основания. Такое занятие, достойное рыцарей с больших дорог, нашло подражателя в лице служителя гуманитарных идей Пирогова, доктора Клингенберга, старшего врача дивизии Унгерна. Бежав от красных из г. Верхнеудинска в Кяхту, он открыл прием по своей специальности и, за отсутствием врачей в Кяхте, быстро приобрел обширную практику. В Кяхте же он встретился с семьями богатых евреев, с которыми он был близко знаком еще по России, запросто бывал у них и знал их материальное положение. Когда красные захватили Кяхту, он бежал на восток через Монголию, но наткнулся на один из “мобилизационных” отрядов Унгерна и попал к нему в дивизию, где благодаря своей немецкой фамилии был назначен главным врачом дивизии.

Зная, что богатые евреи, не сочувствующие большевизму, покинут Кяхту при их приближении и будут искать спасения в Урге, из которой уже не смогли выехать, Клингенберг, со взятием Урги, нанес своим старым знакомым визиты. Узнав их квартиры, он взял с собой несколько всадников и посетил поочередно всех. Когда он входил в квартиру, то хозяева, увидев его с солдатами, выражали искреннюю радость, так как, терроризированные боями, китайскими бесчинствами, убийствами и грабежами, сидели в своих квартирах, ожидая смерти. В лице его они видели своего избавителя. Но радость их пропадала при первом его вопросе о деньгах и ценностях. Под дулом револьвера ему немедленно передавали все, что он требовал, так как оставалась надежда на сохранение жизни. Но и эти надежды были тщетны. Как только ему передавали деньги и ценности, он делал знак солдатам, и те понимали его без слов. Мужчин убивали на месте, а женщин и девушек насиловали на его глазах, после чего он их отравлял. Мало того, что он отнимал деньги и ценности, он даже захватил много мужских и дамских костюмов, а также лучшую обстановку в свою квартиру при русском консульстве... Евреи должны были быть убиты в первый день взятия Урги от стариков до грудных младенцев включительно. Дивизия старалась в выполнении приказа с большим рвением.

В своих стараниях они дошли до того, что чуть не убили Вольфовича, “собственного жида” Унгерна. Он попал на глаза пьяным казакам и его предательский нос выдал национальность. Казаки долго гоняли его по улицам, намереваясь зарубить. Но он, благодаря своим резвым ногам, успел ускользнуть от них и перепрыгнуть через забор, имея несколько незначительных следов от ударов шашек. В тот же день он пожаловался Унгерну, который приказал найти виновных и для примера наказать. Конечно, они не только были найдены, но сами заявили, что “жид от лошади ушел”. Когда им объявили, что будут пороть, то они, подумав, что в пьяном виде нагрубили командиру полка, спокойно пошли под палки. Но когда узнали, что пороть их приказано за Вольфовича, то один из них, Салтанов, возмущившись подобным приказанием, просил разрешения доложить Унгерну, что подобного порядка никогда не было, чтобы пороли за жида. Заявление Салтанова было передано Унгерну, и он приказал его бить ташурами, но уже не за Вольфовича, а за неповиновение, по 50 ударов ежедневно, и продолжать наказание до особого распоряжения. Салтанов был взят и отправлен в подвал к Сипайлову, где его и пороли ежедневно. <...> Инквизиция над Салтановым продолжалась 2 месяца, пока Унгерн случайно не вспомнил о нем. <...> Салтанова так наказывали, что он потерял рассудок. <...>

Присяжный поверенный, еврей Рябкин, укрылся в доме американского подданного Гуппель. Через несколько дней Гуппель выдал его коменданту города Урги Сипайлову и Рябкин был убит... Этот поступок прекрасно охарактеризовал демократического американца...

<...> Несмотря на обдуманную “вспышку народного гнева”, Унгерну не удалось в Урге убить сразу всех евреев. Всего осталось в живых четыре семьи. <...> При взятии Урги “кара” постигла не одних только евреев, но также и другие национальности. <...> Во время избиения сводились счеты не только с евреями и большевиками, но и со своими личными врагами... <...> Общая кара не миновала и штаб дивизии. Когда прибыли в Ургу, то штаб отвел Унгерну лучшую квартиру, ранее занимаемую евреями. Унгерн, узнав об этом, отправил весь штаб на крышу, а в приказе отдал, “что глупее людей, как у него в штабе, он нигде не встречал”... Жить в квартире не стал, а приказал себе поставить юрту, в которой и жил до выхода из Урги. <...>

Разогнав свой штаб за отвод ему бывшей еврейской квартиры, Унгерн нажил себе новую заботу. Ему нужен был начальник штаба. Барон Тизенгаузен, в одной из бесед с Унгерном, узнав, что ему нужен был начальник штаба, сообщил, что знает хорошего человека, и назвал фамилию. Проживавший в Урге беженец, присяжный поверенный К.И. Ивановский, был несказанно удивлен, когда получил из штаба Унгерна бумажку с приказанием явиться в штаб. Вечером того же дня он прибыл в штаб. В помещении штаба был полумрак и холод, единственная свеча слабо освещала присутствовавших. Унгерна не было, а находились в юрте какой-то полковник и несколько офицеров. Через час приехал Унгерн и пришел в юрту. Видимо, от поездки он сильно озяб и прятал руки в рукава шинели. Не имея возможности рассмотреть всех присутствующих в юрте, он спросил, кто пришел и по какому делу? Когда очередь дошла до Ивановского, он назвал свою фамилию и сообщил, что прибыл по приказанию из штаба.

Услышав фамилию, Унгерн спрашивал его, не “жид” ли он или поляк? Ивановский заверил его, что он настоящий русский, и в подтверждение своих слов, как

лучший аргумент для доказательства того, что он был русским, привел тот факт, что его отец был профессором Казанской духовной академии. Успокоившись, что перед собой имел настоящего русского человека, Унгерн спросил Ивановского, какое он получил образование, грамотный ли он и умеет ли писать? По-видимому, ответы Ивановского показались ему удовлетворительными, и он был доволен, но взял свечу и начал ею обводить вокруг лица Ивановского, желая его рассмотреть, а особенно глаза, которым Унгерн придавал громадное значение. Когда он проделал манипуляцию со свечой несколько раз, Ивановский, не выдержав, рассмеялся, улыбнулся и Унгерн. Он поставил свечу обратно и приказал Ивановскому явиться на другой день утром в штаб и захватить с собой бумаги, карандашей, ручку, чернила, так как у него ничего не было закуплено.

Таким образом, состоялось назначение начальника штаба. Утром на следующий день Ивановский явился в штаб. Как только он вошел, Унгерн попросил у него денег. Растерянный Ивановский достал из кармана последнюю 5-долларовую бумажку и, скрепя сердце, передал Унгерну. Унгерн, взяв бумажку, потребовал больше. Окончательно растерявшийся и сконфуженный Ивановский пояснил Унгерну, что у него больше не было денег, а достать в незнакомом городе он не мог. Унгерн, поняв, в чем дело, бросил ему 5-долларовую бумажку, выругал его и сказал, чтобы он нашел мешок с золотом и дал ему из него денег. Ивановский нашел мешок с золотом под кроватью Унгерна, пересчитал наличность, составил акт, о чем и доложил Унгерну. Вместо благодарности, Унгерн вновь его назвал дураком и сказал, что и без “дурацких актов” будет знать, кто украдет у него.

Вступив в должность начальника штаба, Ивановскому с первых же дней не повезло. Унгерн приказал сформировать ему подобие штаба и быстро сам же его ликвидировал. <...> Да фактически работы в штабе было и не так много, ибо Унгерн вообще не любил бумажной волокиты. Главная работа у него сводилась к гауптвахте, где его неопределимому помощнику, Сипайлову, коменданту Урги, было много работы. <...> Шпионаж был развит до крайних пределов. Агенты Сипайлова находились не только в строевых частях, но даже не были забыты и раненые, где за ними следили старший врач дивизии Клингенберг и сестра милосердия Швецова, которые многим сократили жизнь... <...>

Унгерн не закрывал глаза и на состав своей дивизии, далеко не лестно характеризуя ее. Будучи в хорошем расположении духа, в беседе с бароном Тизенгаузеном, на предложение его влить офицерский состав из числа кадровых офицеров и передать им командные должности, Унгерн сначала не дал прямого ответа, а предварительно охарактеризовал дивизию. По его словам, он прекрасно понимал, что окружавшие его люди не были людьми, как это принято понимать, а жалкое подобие людей, скорее толпа голодных, кровожадных шакалов, рыскающих в поисках добычи. Моральная чистота им была незнакома. Одни были жулики, другие пьяницы, третьи развратники, четвертые просто уголовные преступники, пятые вздорные люди или просто дураки. По словам, он ждал того момента, и желал его скорейшего приближения всей душой, чтобы пополнить дивизию элементом чистых светлых людей. Из своей дивизии, с выходом в СССР, он обещал не оставить ни одного человека, прекрасно понимая, что с бандой уголовного сброда возможно

было ходить только лишь в Монголии и пользоваться ими, как тараном для разрушения, ибо сознавал, что им, как потерянным людям, терять было нечего.

Сипайлову же обещал с выходом в СССР приготовить такую казнь, какой он никогда не применял к своим жертвам на практике. Что же касалось передачи командных должностей кадровым офицерам там же в Монголии, то Унгерн много боялся в данном случае, а прежде всего, что они недостаточно были бессердечны и не в состоянии были бы наводить ужас, как воспитанные на нем старые офицеры из вестовых, денщиков, всадников. А ужас был необходим, ибо его банду возможно было удержать в повиновении только лишь сплошным ужасом. Поэтому он кадровых офицеров и держал в черном теле, тренируя их с рядовых всадников у себя в дивизии. Мобилизованные в Урге уже, генерал Снегодский, полковник Генерального штаба Зезин и штаб-ротмистр Габрик были отправлены рядовыми в тибетскую сотню.

Вообще, Унгерн обладал всевозможными странностями, которые указывали на постоянно нарушенное душевное равновесие. Например, он не выносил присутствия женщин и старался совершенно избегать их общества, а если попадал в него случайно, то чувствовал себя крайне принужденно. К женщинам же, служившим у него в дивизионном лазарете, относился как к всадникам, и за их упущения по службе не стеснялся с ними в выражениях. Но в Урге при случайной встрече с гражданской женой барона Тизенгаузена, г. Архангельской, Унгерн серьезно заинтересовался ею и, пожалуй, даже увлекся. Почти ежедневно он искал случая заехать к барону, поговорить за чашкой чая, или посоветоваться с ним о делах гражданского управления. Долгое время в присутствии г. Архангельской он краснел, молчал и затруднялся в ответах. Со временем его застенчивость прошла, и он был уже веселым собеседником. Но, чтобы его увлечение не послужило достоянием разговоров дивизии, или не заметила сама г. Архангельская, он очень часто вместо себя посылал начальника штаба — Ивановского. Заметив же, что Ивановский с охотой выполняет поездки к Тизенгаузену, подозрительно присматривался к нему и даже ревновал. <...> Г. Архангельская же, будучи от природы неглупой, обладавшая хитростью, находчивостью и в достаточной степени разбиравшаяся в людях, быстро сообразила все “за” и “против” увлечения Унгерна, старалась во время разговора с ним незаметно переводить тему на интересовавшие его вопросы, а главным образом на буддизм, который она специально стала изучать. Унгерн был в восторге от подобных разговоров. <...>

Унгерну доставляло неизмеримое удовольствие, когда монголы видели в нем что-то неземное, Цаган-Бурхана, “перерожденца”. А может быть, он и действительно верил в то, что он “перерожденец”? Власть, могущество, сила — все было в его руках, железных руках. Несокрушимая энергия и железная, жесткая дисциплина создала его славу... Без дисциплины не было бы и славы, величия... Его мысли поддерживали, и очень умело, прибывшие в штаб инженер Войцехович и профессор гуманитарных наук Ф. Оссендовский. Узнав, чем страдает Унгерн, Войцехович при поддержке Оссендовского укреплял его большую фантазию. А однажды, придя в штаб, при выходе Унгерна, изобразил на своем лице одухотворенное выражение, обратив взгляд в экстазе на Унгерна. Увидев его в таком настроении, Унгерн попросил объяснить причину его праздничного вида. Узнав, что Войцехович видел хороший, знаменательный сон, Унгерн, нервно потирая руки, требовал скорейшего рас-

сказа. Войцехович рассказал ему следующий сон. <...> Занятый своими мыслями, как сквозь сон, слушал Унгерн Войцеховича и вообразил, что в действительности приобрел очень ценного человека и приказал ему приступить к работе. <...>

Во время одного разговора, когда у Унгерна было хорошее настроение, тема незаметно перешла на загробную жизнь. Унгерн спросил по этому поводу мнения Ивановского. Ивановский, не подумав, ответил, что загробную жизнь считает басней, абсурдом и пережитком отдаленной мифической эпохи... Не успел он договорить, как Унгерн вскочил на ноги, весь загорелся недобрым огнем, назвал Ивановского дураком и сказал, что он слишком плохо думал о таком вопросе, так как жизнь не только в том, чтобы пить, есть, развратничать, пьянствовать и после такой праздной жизни спокойно умереть, не отдавая отчета за свою жизнь. Каждый, по мнению Унгерна, после смерти должен дать ответ за свои поступки царю ада — Яме. Унгерн до того был взбешен, что обещал с Ивановского с живого снять кожу, расстрелять его, повесить и т.д. В конце концов, желая его наставить на путь спасения, он сообщил Ивановскому, как говорил о таком вопросе Будда. <...> Когда Унгерн кончил, то Ивановский сказал ему, что в перерождение он верует и в загробную жизнь также, отвечать за свои поступки, конечно, будет, но он не верил в загробную жизнь, о которой сказано в Писаниях, то есть в библейский рай и ад. И тоном обиды сказал Унгерну, что он никогда не даст высказаться, а уже начинал сразу браниться. Успокоившийся и повеселевший, Унгерн назвал его еще раз дураком и окончательно успокоился.

Воспользовавшись таким обстоятельством, Ивановский решил выяснить вопрос, которым все страшно интересовались, то есть, чем руководствовался Унгерн, не считаясь ни с какими законами и, войдя в Монголию, обрушился на китайцев? Многие полагали, что им руководили чисто эгоистические цели самосохранения, так как он давал дивизии чинить всяческие беззакония, насилия, бесчинства, грабежи и пр. Задав такой вопрос, Ивановский, сначала не получая на него ответа, читал себе уже отходную молитву, как вдруг Унгерн заговорил совершенно спокойно, смотря мимо него.

Он сообщил, что приход его в Монголию не случайный. По его словам, такая мысль возникла у него в 1911 г. Он носил идею восстановления в Китае маньчжурской династии, в глубине своей души выстрадал кровью ее осуществление, и подобная идея стоила ему целого ряда мучительных бессонных ночей. В свою идею он свято верил и думал о ней на протяжении целого ряда лет, что когда-нибудь его мечта, его взлелеянное детище, примет реальную форму. Он полагал, что половина работы им была уже закончена. Китайские мятежники изгнаны из пределов Внешней Монголии и могут считаться окончательно раздавленными, в Китае же должна быть монархия с маньчжурской династией. Кроме того, он намеревался восстановить Монголию и видеть ее правящую, а не униженную, Востоком и Западом. По его мнению, страна, давшая несколько веков назад Чингисхана и его непобедимые полчища, не должна сойти с политического горизонта, а должна постепенно приходить к прежнему величию. В такую мечту он верил и вложил цель своей жизни. <...>

Чтобы ознаменовать взятие Урги, Унгерн предложил Богдо-гэгэн-хутухте вновь проделать тот же ритуал, при котором он был возведен в сан хана Внешней Монголии, и выполнить его как можно пышнее... <...> Огромная толпа народа при виде их

повелителя и бога в порыве энтузиазма падала ниц, что сильно задерживало движение процессии. <...> Унгерн сказал речь, в которой обрисовал былую славу монгол и пожелал, чтобы под мудрым водительством Гэгэна монголы вновь заняли прежнее положение, для чего рекомендовалось работать совместно с Россией, но не той, которая вылилась в “еврейскую республику под четырьмя буквами СССР”⁴¹⁵, а с той Россией, представителем которой являлся сам Унгерн. При таком положении он гарантировал Богдо, что ему не нужно будет страшиться каких-либо попыток к занятию Монголии китайцами. Его речь была покрыта криками радости дивизии и монгол. Гэгэн благодарил Унгерна за помощь освобождения от китайцев и обещал работать в дружном, тесном сотрудничестве, проводя все лучшие начинания, как для монгол, так и для русских. <...>

После проведения церемонии возведения Богдо-гэгэна-хутухты в прежнее звание хана Внешней Монголии, Унгерн стремился помочь ему в установлении во Внешней Монголии того порядка, который существовал в России при “Белом Царе”, которого монголы боготворили, считая его как единственного монарха, помогавшего мелким народностям в обеспечении их благополучия и, притом, совершенно бескорыстно. <...> Унгерн разъяснил Хутухте, что благополучие его зависело от двух условий: экономического и военного. В отношении экономического вопроса дело обстояло очень просто: было приказано приступить к печатанию собственных банкнотов, которые имели преимущество в хождении даже перед серебряным мексиканским долларом. Следующая мера для пополнения государственного казначейства сводилась к установлению промысловых налогов, податей и пошлины. <...>

Второе условие — военное, было разработано значительно полнее и лучше, ибо специалистов военного дела было много. В эту меру входило три пункта: 1) мобилизация — для формирования воинской части; 2) обучение монгольской молодежи военному делу, и 3) обучение мобилизованных. С выполнением первого пункта дело обстояло очень просто: Богдо приказал пригнать нужное количество людей для формирования кавалерийской бригады, что и было выполнено хошунными и аймачными начальниками. К сожалению, мобилизация вылилась в количественную, но не в качественную. Большинство пригнанных были совершенно непригодны для несения службы или по врожденным физическим недостаткам, или вследствие зараженности их сифилисом. После первого освидетельствования их возвращали в ямыни для замены их свежими людьми. Второй пункт был уже значительно сложнее по выполнению. Монгольская молодежь, в большинстве случаев, с пеленок облачается в желтые одежды, то есть принимают обеты монашества, которые, конечно, запрещают владеть оружием⁴¹⁶. С большим трудом удалось собрать сто человек, которых и посадили изучать воинскую науку. Для этой цели было открыто военное училище. Начальником его был назначен войсковой старшина П.И. Лихачев, преподававший прежде в Читинском юнкерском училище. На его обязанности лежало обучение вверенных ему монгол воинскому делу, чтобы они могли занимать в своих частях командные должности.

В отношении третьего пункта было еще сложнее, так как фактически обучающихся не было, ибо все ранее подготовленные вахмистры частью разъехались, частью же служили в сформированных монгольских полках. Юнкера же только что

сами приступили к изучению воинских наук и прохождению строевой службы. Поэтому командиром отдельного дивизиона был назначен хорунжий Немчинов, владевший монгольским языком. Для большего успеха в деле обучения юнкеров и рядовых, были переведены на монгольский язык русские уставы. Причем из них было исключено все то, что по местным условиям было совершенно лишнее. Дело с обучением в военном училище и в отдельном монгольском дивизионе шло довольно гладко до тех пор, пока Унгерн не вышел из Урги для наступления на СССР.

С уходом же дивизии, начальник юнкерского училища Лихачев сильно запил; и во время запоя бил вверенных ему юнкеров, совершенно не считаясь с их монгольскими чинами. Кроме того, многие из юнкеров были родовитыми князьями. Однажды же приказал им повесить против своей юрты китайского купца, пришедшего просить у Лихачева уплаты денег за взятый им товар. После такого поступка юнкера через свое правительство обратились к Унгерну с жалобой на Лихачева и просили его обуздать. Унгерн с ответом не задержал и приказал Лихачева задушить. Лихачев был задушен в квартире Сипайлова и в мешке вывезен за город. После Лихачева начальником училища был назначен прапорщик Толмачев из старых вахмистров, бывший инструктор в монгольских частях с 1913 г. При нем дело пошло значительно лучше и спокойнее. В дивизионе же дело обстояло не благополучно. <...> Главное достоинство дивизиона заключалось в том, что он заменил русские части в несении гарнизонной службы в г. Урге. <...>

Своей громадной энергией Унгерн добился того, что его дивизия в середине мая была перевооружена, обмундирована, вновь подтянута и готова выступить к дальнейшим победам, о которых ему трубили ламы. В то же время, атаман Семенов писал Унгерну о своем выступлении с армией, состоящей из трех групп: Амурской — генерала Сычева, Уссурийской — генерала Савельева и Гродековской — под командой генерала Глебова. Выступление предполагалось при поддержке японцев или без таковой в конце июня старого стиля. Если бы, по письму Семенова, он не договорился о переброске войск по Китайско-Восточной ж.д. с маршалом Чжан Цзолинем, то повел бы свою армию походным порядком из Приморья. К этому времени Семенов настаивал на выступлении Унгерна против СССР. Все части атамана Семенова, громко называвшиеся различными группами, едва насчитывали в своем составе до 4 тысяч человек вместе с командным составом и громадными штабами.

Передвижение же походным порядком для соединения с Унгерном было пустым звуком. Побуждая Унгерна выступить в начале июня, Семенов, если бы даже и имел действительное намерение двинуться в Монголию, что вообще остается на его совести, то мог бы дойти или к полному разгрому Унгерна, или к его большим победам, ибо, чтобы пройти расстояние от станции Гродеково, где стояли его воображаемые части, до Урги, проходя только 35 верст в сутки, потребовалось бы два месяца безостановочного движения; Семенов уверял Унгерна в оказании ему поддержки, а Унгерн своим занятием Урги показал на Востоке, что были еще русские части, способные к операциям, и на них во всякое время можно положиться. Фактически, конечно, было больше “мертвых душ”, чем частей. В Приморье дискредитированный Семенов был уже на закате былой славы и на пути к самоликвидации. Несмотря на “переворот”, в котором он принимал участие, его не допустили к власти, которой он добивался. В своем письме к Унгерну он жаловался, что переворот,

так дорого стоивший ему деньгами и лучшими людьми, вышел неудачно, ибо его обошли купцы Меркуловы — люди сомнительной репутации. С образовавшимся правительством у Семенова были натянутые отношения, побудившие его оставить Приморье. Унгерн, по получении писем от Семенова и поверив ему, спешно заканчивал приготовления к походу.

Для выступления против СССР нужно было иметь лозунг, во имя которого проводилось “белое” движение, чтобы оно не носило характера единичного выступления. <...> Унгерн решил объявить борьбу во имя царя Михаила Александровича. Видимо, сам Унгерн был глубоко уверен в том, что великий князь Михаил Александрович не был убит в Перми, а действительно был увезен верными ему людьми на восток. Дивизия также свято верила в существование великого князя, определив его местонахождение во Владивостоке, на японском броненосце. Унгерн уверял дивизию, что Михаил Александрович должен был прибыть в Монголию для принятия общего командования в наступлении на СССР. От такого убеждения их ничто бы не заставило отказаться. Для лозунга требовался соответствующий приказ, который намеревались предварительно распространить по СССР. <...> Унгерн, Ивановский, Оссендовский, Войцехович, Тизенгаузен, Архангельская были авторами приказа, равного которому не помнит русская история. <...> Приняв реальную форму, приказ получил наименование № 15, хотя был выпущен 13-го числа. Номер 15 не был и очередным номером исходящего журнала. Получил он свой номер оттого, что, по монгольским представлениям, в 1921 г. самое счастливое число было 15. Датирован 21 мая также для того, чтобы и это число совпало с цифрой 15, как выходило по монгольскому календарю. Числа же 13-го совершенно не употребляли в дивизии ни в каких бумагах, так как Унгерн, при его мнительности и суеверии, полагал, что от “13” исходят все несчастья. <...>

Перед выходом из Урги для наступления на СССР, Унгерн приказал Жамболону умертвить всех оставшихся в Урге русских, не считаясь ни с чином, ни со званием. Но так как среди оставшихся русских был начальник штаба, а также несколько человек, специально оставленных Унгерном для обслуживания нужд дивизии, и госпиталь с ранеными, то распоряжение обращено было в шутку. Приблизительно 27–28 мая ст. стили дивизия Унгерна в 9 часов утра, растянувшись стройными рядами от Маймачена до Урги, проходила через русскую колонию и постепенно исчезла в направлении тракта на Кяхту. Мерно громокая, шагом проезжала артиллерия, имея у себя в обозе громадную икону, взятую из Русского консульства. Вновь сформированные китайские части оставляли желать много лучшего; посаженные на лошадей, они имели весьма печальный вид. Прошли обозы 1-го и 2-го разрядов, проехала комендантская команда, все скрылось за горами, улеглась поднятая ими пыль — и в Урге наступила тишина. Перестали гудеть рожки автомобилей, не слышно стало конского топота, пьяных песен, и город обратился в тихий аул, затерянный в степях. Только одни ламы вечерами нарушали тишину дикими завываниями священных труб, приглашавших верующих к выполнению служебных обязанностей...

Не прошло и пяти дней, как с фронта от Унгерна начали поступать приказы, и в одном из первых было распоряжение убить Лаврова и семью Мариупольских. Получив такой приказ, в копии Сипайлову, Жамболон, во время разговора с баро-

ном Тизенгаузен, передал ему содержание приказа и просил совета, как поступить с ним? Тизенгаузен предложил обратиться за покровительством к Богдо. Сипайлов для выполнения приказа несколько раз ездил к дому, где жили Мариупольские, но безуспешно и, в конце концов, ему передали, что Мариупольские уехали на покос; они бежали на восток. С уходом дивизии на фронт, отношение монгол к Унгерну резко переменилось и они начали следить за действиями Сипайлова, что было с ведома Жамболона. Жамболон объяснил свой поступок по отношению к Сипайлову ужасом монгол, вызванным от окружавшей его крови. По словам Жамболона, кровь лилась на всем протяжении шествия Унгерна, по временам разливаясь в громадные потоки, как это было в Урге, поэтому он послал Унгерну телеграмму, отредактированную начальником штаба Ивановским, следующего содержания:

“Лаврова кончить не могу. Он очень нужный человек и хороший работник. Служит не для протеста проведения Ваших распоряжений, а, наоборот, на всех собраниях Монгольского правительства поддерживает в монголах уважение к Вам и вносит успокоение между монголами и нами, которые на почве постоянно виденной крови начинают подозрительно присматриваться к нам. У Лаврова личные счеты с Сипайловым из-за досок (Лавров жаловался на самовольный захват Сипайловым досок с постройки монгольского ямы), а также из-за того, что Монгольское правительство отказало Сипайлову в засвидетельствовании актов на проданные дома Абузову и Урманчеву. Своим вмешательством в монгольские дела Сипайлов породил неудовольствие монгол русскими, а его непристойное поведение грозит окончательным разрывом с монголами. Прошу мне верить, не слушая никаких наветов. Знайте, что Ваше имя мне дорого и свято. Я должен был предупредить монгол, чтобы они ничего не делали Сипайлову без моего ведома, а он думает, что все это делается Лавровым.

Чин-ван Жамболон”.

На эту телеграмму Жамболон вскоре получил следующий ответ от Унгерна:

“Как хотите, поступайте с Лавровым — знайте, он Вам сядет на шею. Что касается монгол — то плюю я на них. Я им восстановил Богдо, дал оружие и припасы, а они не могли дать мне хороших коней: дали мне каких-то кляч, и сейчас в походе я вынужден их откармливать. Мариупольских задушить.

Барон Унгерн”.

Одновременно с этой телеграммой Унгерн приказал отправить к нему Сипайлова. Но, не принятый Унгерном, Сипайлов быстро возвратился обратно в Ургу. Перед его приездом все были уверены, что он ехал со специальной миссией кого-либо убить, а может быть, и всех, так как никто не знал, что он не принят Унгерном. Чтобы обеспечить себя от такой возможности, Вольфович — “собственный жид” Унгерна — предлагал убить Сипайлова, для чего выработал такой план. Он должен был выехать вперед, а ему вслед должны были послать Сипайлова. Но, так как каждый боялся другого, то от плана Вольфовича отказались. Выбрали другое предложение. В штабе было известно, что Сипайлов имел много денег и ценностей, награбленных в Урге. Они намеревались найти все и представить Унгерну, чтобы он убедился, что и самый верный его человек был таким же грабителем, как и другие, понесшие уже за грабежи наказания. Узнав, что ящик с ценностями хранится у фотографа Щапова, они явились провести обыск, но неудачно: Сипайлов ящик перевел в другое место. Тогда штаб решил отправить Сипайлова в Ван-хурэ для со-

провожения пушек, предполагая, что он сможет по дороге попасть в руки красных. По приезде Сипайлова с фронта, его отправили сопровождать пушки в Ванхурэ, но сдать его красным не удалось, и он, бросив пушки, бежал на восток. В заговоре против Сипайлова участвовали: Ивановский, Коковин, Войцехович, Вольфович и Жамболон. <...>

После выхода Унгерна на Троицкосавск, в Ургу прибыл от атамана Семенова полковник Валентин Алексеевич Овчинников, который имел задание от Семенова, после передачи пакета Унгерну, выехать на запад и поднять там восстание киргиз, а также других инородцев. В случае удачи предприятия, он назначался командующим западной группой. Не застав Унгерна, он был принужден выехать к нему на фронт. Унгерн приказал ему ожидать распоряжений в Урге. Но неудачи на фронте, а затем и оставление Урги, принудили Овчинникова возвратиться на восток. По прибытии восток, он уже к Семенову с докладом не ездил. Так и не суждено было осуществиться плану Семенова с восстанием инородцев на западе... <...>

Выступив с дивизией из Урги, Унгерн направил бригаду генерала Резухина в тыл Троицкосавска, сам же двумя колоннами, его и полковника Маркова, двинулся по уртонской дороге через уртоны Куй, Бирота, Дзальзиха, а перейдя р. Хара и переправившись через гору Манхотай, повел дивизию по долине реки Букулей. На одном из бивуаков к нему приехал из Ванхурэ монгольский князь Пунцаг, который во время разговоров с Унгерном недостаточно хорошо выразился о поведении частей Унгерна, а также упрекнул и его в напрасном кровопролитии. Унгерн ничего не ответил ему, но приказал корнету Степаненко без всякого шума удавить князя, снять платье, сжечь, а труп закопать в землю. Степаненко блестяще выполнил данное ему задание.

Из долины р. Букулей дивизия перешла в долину р. Могой, чтобы ближайшим путем пройти к Булуктаю, как к хорошему хлебному району, где рассчитывали сделать запасы. Буряты, почувствовав близость родных Тунгуйских степей, не желавшие воевать, разбегались. <...>

Неудачи под Троицкосавском между 5–12 июня 1921 г. заставили барона Унгерна изменить тактику и отойти на монгольскую территорию, причем, чтобы обеспечить себе отступление, он оставил на р. Иро чахарский дивизион под командой Джамба-гуна, вызвал из Урги отдельный монгольский дивизион, несший ранее в Урге гарнизонную службу, и спокойно отступил. Получивший приказание срочно выступить на фронт, отдельный монгольский дивизион, все время несший лишь гарнизонную службу, плохо обмундированный и вооруженный, был срочно переформирован, вооружен и 17 июня выступил из Урги. <...> Люди дивизиона, слабо подготовленные к военным действиям, со дня выступления из Урги начали разбегаться. Приказы о расстреле не приводили ни к каким результатам, а ташуры усиливали дезертирство. Когда дивизион проходил через Цохор-Цузан, то он встретился с обозом раненых, которые сообщили о неудачах дивизии и отступлении Унгерна на запад. Услышав о поражении Унгерна, монголы дивизиона в местечке Биротай отказались следовать на фронт, объясняя свой отказ, что они не были на молитве у Богдо и не имели дождевиков. Командир дивизиона, хорунжий Немчинов, построив дивизион, попробовал уговорить их, но все было напрасно. Монголы упорно отказывались следовать. Тогда Немчинов вывел из строя двух монгол, избил их пашкой и арестовал. После такой меры дивизион двинулся на фронт.

На урhone Урмуктуй дивизион встретился с отступавшим Унгерном. На следующий день, когда дивизион готовился выступать в поход, прискакал Унгерн. Узнав из рапорта, что дивизион отказывался двигаться на фронт, он лично хотел поговорить с ним. Улыбаясь, Унгерн сообщил, что сам двигался под дождем, не имея дождевика. По его словам, дождевиков было очень много в Троицкосавске, поэтому, в случае получения их дивизионом, Унгерн просил прислать и ему один дождевик. Указав дивизиону, что он должен являться защитником границ Внешней Монголии, а значит, и защитником Богдо, Унгерн предлагал к порученному делу относиться с должным пониманием возложенной ответственности, сражаясь осмотрительно, так как большевики обладали всеми средствами к борьбе. Но, желая смягчить силы большевиков, добавил, что дивизиону бояться нечего, так как все подходы к р. Иро были минированы не только одними взрывчатыми веществами, но даже в фугасах были заложены удушливые газы. Для того же, чтобы дивизион безропотно подчинялся командному составу, Унгерн арестованных Немчиновым двух монгол приказал расстрелять. Поблагодарив за службу командиров и пожалев, что они оставались, а не шли с дивизией, Унгерн, пожелав успеха, ускакал к дивизии, которая проходила, громыхая артиллерией. Дивизион двинулся на р. Иро, где и вошел в подчинение Джамба-гуну. Русские офицеры, находившиеся в чахарском дивизионе как в ссылке, были переведены в монгольский дивизион.

Сделав промеры на переправе и обследовав местность, монгольский дивизион расположился в трех верстах от чахарского дивизиона. Следующая переправа на р. Иро, откуда можно было ожидать появления красных, находилась между дд. Карнаковкой и Лихотовкой, отстоявшими от стоянки дивизиона в 18 верстах. Охранялась она частями чахарского дивизиона, ввиду чего требовалось много времени на переброску команд, почему Джамба-гун приказал монгольскому дивизиону перейти на стоянку в д. Лихотовку и нести охрану переправы. На третий день стоянки в Лихотовке дивизион получил приказание отступить на р. Хуйтэн, куда бежал чахарский дивизион, сбитый с переправы красными, бросив палатки, обоз, скот. Монгольский дивизион отступал с разведкой в полном порядке. Чахары через три дня круглыми путями прибыли на Хуйтэн. Аэропланы красных летали над лагерем, сбрасывая бомбы, но вреда от них причинено не было.

В шесть часов утра следующего дня было донесено, что по тракту двигались три колонны, по 100 человек каждая. Дивизионы заняли позицию и ожидали приближения противника. Вышедшей красной сотне была послана в обход сотня монгольского дивизиона. Из боя она не вышла — ее отрезали, часть людей перебили, а большая часть была взята в плен. Было предположение, что со стороны красных наступали 3–4 сотни, а оказалось, что они ввели в бой до трех кавалерийских полков. Одна колонна их наступала по тракту, а две шли в обход дивизионов. По ходу боя было видно, что на р. Хуйтэн удержаться было невозможно, о чем и было сообщено в Ургу. Начальник штаба сообщил, что им выслано подкрепление в размере одной русской сотни и пушки. После 5–6 часов боя, дивизионы в панике бросились отступать и, не задерживаясь, в большинстве одиночным порядком, бежали в разные стороны. Обозы, верблюды, табуны скота и лошадей — все было брошено по дороге. Задержать несущееся азиатское стадо воинов было невозможно даже на такой естественной позиции, как гора Манхотай. Команда не слушалась, несмотря

на то, что командиры стреляли по бежавшим. Казалось, что все было потеряно и цирики Богдо потеряли своего повелителя...

Красные в полуверсте провожали ружейным и пулеметным огнем до г. Манхотай, где закрепились, сделав пробег в 50 верст. На переправе у р. Хара отступавшие встретились с полковником Циркулинским, назначенным начальником обороны г. Урги. Он шел под прикрытием русской сотни и пушки. Встреча заставила дивизионы задержаться. Когда они увидели подошедший свежий отряд с пушкой, паника их исчезла. Приступили к сборке аргала, и вскоре в котелках закипел чай, а командный состав приступил к выпивке. Полковник Циркулинский на военном совещании заявил, что отступать ни в коем случае не будет, и попрекнул командиров частей в неуместной переоценке сил противника, объясняя неудачу недостаточной храбростью их. Ночь прошла спокойно.

В три часа утра дозоры сообщили, что долиной от Манхотая двигалась непрерывной лентой колонна красных, и вверх по р. Хара, в обход, двигалась вторая колонна. Дивизионы были спокойны: с ними была пушка. Колонна красных остановилась. Впереди нее выделились две сотни, рассыпавшиеся в густые цепи. Уверенные в успехе, красные были как на смотре. Когда колонна приблизилась на расстояние 2,5–3 версты, по ней был открыт огонь из пушки. Но снаряды, не достигая цели, падали, не разрываясь. Оказалось, что пушка была японская, а снаряды от русской, подпленные в мастерской дивизии. После этого стало ясно, что бой вновь будет проигран, но была еще надежда расстреливать красных на более близком расстоянии, так как полагали, что артиллерия у них не была еще подвезена. Но такое предположение не оправдалось. Послышалось два тупых коротких удара, и снаряды, со свистом разрезая воздух, разорвались над сопками, засыпая защитников Богдо свинцовым дождем. Слуги Богдо, не ожидавшие появления у красных артиллерии, дрогнули и начали стекаться к лошадям, но полковник Циркулинский быстро восстановил положение, и оборона продолжалась. Под прикрытием артиллерии, красные переправились через р. Хара, сбили заставы и продолжали наступать на голые сопки. Вскоре в отряде Циркулинского вышли все патроны к пулеметам. Присланные патроны с собственного завода из Урги не подходили, так что отряд остался с одними берданами. Замолкнувшие пулеметы еще более ободрили красных. Не замечая поражения от огня винтовок, красные повели наступление еще ожесточеннее, чувствуя впереди богатую добычу. Дивизион Джамба-гуна, не выдержав натиска противника, разбежался. Монгольский дивизион также начал разбегаться. Красные оказались в мертвом пространстве. В дело были пущены ручные гранаты, но и они не остановили наступающих. Циркулинский приказал отступать... Пушка, надетая на передки, карьером слетела с сопки и уходила на Биротай. 14 часов продолжался неравный бой. Заняв сопки, красные не преследовали отступавших...

Участь Урги была решена: подкреплений не было. К Урге отступала уже не воинская часть, а дезорганизованная группа, так как дисциплина уже не существовала. Дивизион чахар, снявшийся с позиции до окончания боя, доскакав до Биротая, построился и кратчайшими путями двинулся в свои кочевья. Монгольский дивизион, частью расплывшийся, также сгруппировался у Биротая и ожидал отступления. Из Биротая сообщили начальнику штаба инженеру Войцеховичу о том, что

дело проиграно и Ургу должны оставить без боя. Циркулинский просил Войцеховича принять меры к эвакуации раненых и семей военных, а также заготовить подводы. Войцехович обещал сделать все и просил отступить в порядке... Пушка была брошена по дороге к Урге. Вошедшая в Ургу отступавшая группа была удивлена при виде массы вооруженных монгол. Они несли охрану города и в то же время уводили в ямы всех военных русских. Многих обобрали до верхнего платья включительно... Монголы у одиночных требовали разрешения на выезд. Русские, желавшие выехать из Урги, метались из одного конца в другой в поисках лошадей. Все надеялись на помощь Монгольского правительства, но оно отказало в ней...

Начальник штаба инженер Войцехович, начальник штаба присяжный поверенный Ивановский, поверенный по монгольским делам заместитель Унгерна Жамболон-ван, интендант Коковин бежали на захваченных автомобилях на восток, взяв с собой всю наличность золота и серебра. Никто не был извещен в Урге об отступлении. Войцехович, угрожая револьвером чиновнику телеграфа Чибизову, приказал никому не говорить об оставлении Урги. Бегство было так стремительно, что в квартире у одного из начальников штаба нашли приготовленную в дорогу и оставленную провизию. Отряд был возмущен отвратительным поступком штаба и обещал расправу... В военном госпитале была кошмарная картина. Раненые, оставленные на произвол судьбы бежавшим старшим врачом Клингенбергом, метались и просили, чтобы их вывезли из города... Молили, грозили, и все было напрасно — лазарет почти весь остался с находившимися в нем ранеными. Раненых к тому времени насчитывалось до 120 человек, из которых до 20 человек было офицеров. Жители Урги с нескрываемой радостью провожали жалкие остатки унгерновских войск. Ламы же устроили шествие по поводу изгнания злых духов... Так провожали монголы остатки войск обожествленного ими Цаган-Бурхана – Унгерна.

6 июля вечером, при гробовой тишине, выходили из Урги остатки русских воинских частей, отколовшихся от дивизии Унгерна. Через несколько дней движения отряд нагнал интендантство, которое и подчинил. Таким образом, численность отряда достигла 50–60 человек. На одном из уртонов было получено распоряжение ожидать Жамболон-вана. Ожидавший именитого князя, каким он был в Урге, приказавшего называть себя “Ваше Сиятельство”, начальник отряда Циркулинский приказал выстроить отряд, а дежурного офицера заставил рапортовать Жамболон-вану, называя его “Ваше Сиятельство”... Каково же было общее изумление, когда показались на дороге телеги кочевника-буряты и он сам, заместитель Унгерна, трясся в старом халате, в белой монгольской шляпе, на отвратительной лошаденке... Приняв рапорт и поздравившись с отрядом, Жамболон-ван прошел в юрту, у которой Циркулинским был выставлен почетный караул. После обеда Жамболон-ван сообщил, что он сложил полномочия заместителя Унгерна и, как частный человек, ехал на восток, или намеревался остаться в Монголии. Отряду же рекомендовал идти на восток и около Хайлара или Маньчжурии расплыться, так как, по его мнению, судьба Унгерна уже решена. Материальной помощи отряду он оказать не мог.

Простояв с Жамболоном два дня, отряд тронулся на восток. По дороге оставлен был в юрте больной спутник, беженец из СССР г. Наумов, бывший начальник уголовного розыска г. Тюмени. Оставили потому, что никто не хотел оказать ему

помощи, запрячь коня и усадить его в телегу... Каждый думал о себе, не желая видеть нужды другого... Ехавший с отрядом главный врач, нагнанный по дороге, с сестрой милосердия Швецовой, отнимал постоянно у отряда несколько лошадей для собственной подводы и делал это так, что на некоторых уртонах раненым не было для тележек лошадей, и они принуждены были проходить уртон пешком. Возмущенный подобными поступками, Циркулинский предложил Клингенбергу ехать на собственных лошадях, не отнимая подводы от раненых. Но Клингенберг, чувствовавший себя правой рукой Унгерна, не пожелал подчиняться распоряжению и продолжал действовать по-прежнему. На одном из уртонов, где было очень мало лошадей, недалеко от соленого озера, почти примыкавшего к озеру Буир-нур, Клингенберг уехал с ночлега раньше отряда, взяв для своей телеги пару лошадей с уртона, чем лишил возможности раненых ехать на подводах.

Узнав о нарушении распоряжения, Циркулинский приказал его догнать и вместе с сестрой милосердия Швецовой и вестовым расстрелять. Когда был отдан приказ, войсковой старшина и прапорщик Козырев поскакали догонять повозку доктора. Нагнав его, они отобрали у него револьвер и объявили арестованным. Козырев же со свойственной ему циничностью объявил, что их расстреляют. Доктор из имевшейся у него аптечки принял несколько таблеток морфия. Козырев, увидевший, что доктор принимал яд, сказал ему, что он мог отравиться, а его приказано было расстрелять, и отобрал аптечку. Клингенбергу и Швецовой было предложено выйти из повозки, а мальчику-вестовому, которого также было приказано расстрелять, приказали, не оглядываясь, ехать к видневшимся вдали юртам. Клингенберг просил подождать прибытия Циркулинского, чтобы выяснить о расстреле, но Козырев и Тыханов сообщили, что они должны выполнить приказ. Клингенберг, поддерживаемый Швецовой, опираясь на костыль, двинулся в степь... По дороге Клингенберг насвистывал шансонетку, а Швецова выясняла причину расстрела. Когда они отошли от дороги шагов на 25, их остановили, Швецова обняла Клингенберга, поцеловала, и они встали на колени. Раздался два выстрела и они, пораженные в затылок, упали на землю...

По прибытии отряда на озеро Буир-нур, полковник Циркулинский приказал все вещи, оставшиеся после расстрелянных, раздать солдатам отряда, которые, получив их, продавали... По-видимому, главной причиной расстрела было то обстоятельство, что Клингенберг и Швецова, пользовавшиеся большим доверием Унгерна, состояли в контрразведке и были в близких отношениях с Сипайловым. Они неоднократно были причиной наказаний и даже расстрела людей, мирно болтавших у них за рюмкой водки. Это, пожалуй, и было главным фактором к убийству их в Монголии. Несмотря на это, их расстрел тяжелым камнем лег на душу каждого, бывшего в отряде...

Подошедший к озеру Буир-нур отряд расположился в 3–4 верстах от рыбалки Вадакова. На другой стороне протоки стоял полковник Рожнев с офицерами: Сюсиным, войсковым старшиной, ротмистром Нор, сотником Пляскиным, шофером. Рожнев сообщил, что он командирован атаманом Семеновым в Монголию для формирования белых отрядов. На первое время у него были деньги, отобранные у Коквина, Войцеховича и Ивановского — около 3 тысяч долларов в монете и 28 фун. золота в слитках. На такие деньги он намеревался проводить формирование. Только уже в Приморье выяснилось, что Рожнев бежал с гауптвахты, где содержался за убийство офицера, и никаких полномочий от Семенова не имел. Полковник Цир-

кулинский получил от него 14 фун. золота и до 2 тысяч долларов. С такими средствами он захотел сформировать отряд и предполагал в дальнейшем соединиться с Унгерном. Но, чтобы разгрузить отряд от телег, приказал всем женщинам выехать на восток, выдав каждой по 100 руб. золотом.

Простояв несколько дней, подошел к Буир-нуру отряд под командой хорунжего Эпова в 8–10 человек. Циркулинский пытался подчинить его, но Эпов не подчинился и перешел к полковнику Рожневу несмотря на то, что Циркулинский обещал его расстрелять. Отряд, состоявший наполовину из офицеров, случайно попавших к Унгерну, не хотел продолжать начатую Унгерном авантюру и, желая выехать на восток, объявил Циркулинскому, что ему не доверяет. Вспыливший Циркулинский приказом о расформировании распустил отряд, предложил желавшим поступить добровольцами к войсковому старшине Рожневу, а не желавшим приказал выдать деньги в размере 25 долл. и раненым по 50 долл.

Во время передачи кассы отряда Циркулинского Рожневу, подъехал к отряду полковник Сипайлов с 5–8 солдатами комендантской команды. Но это уже был не прежний заносчивый комендант г. Урги, перед которым все трепетало. Он не говорил уже о своей славе, не кичился ужасными изобретениями пыток, не гордился близостью к Унгерну; прибыл жалкий старик, перепуганный насмерть всем случившимся и желавший лишь добраться до семьи. От Унгерна он отрекался и называл его кровопийцей, сумасшедшим человеком, который своими затеями погубил массу народа и втянул в убийства его, Сипайлова, по природе гуманного, мягкого человека. Оба отряда, одинаково презиравшие и ненавидевшие Сипайлова за его злодеяния, устроили так, что вечером Сипайлов был вызван из дома и по распоряжению Рожнева арестован. Нужно было видеть всем чинам дивизии Унгерна некогда всемогущего Сипайлова в обстановке оз. Буир-нур, чтобы увидеть, какое это было жалкое, ничтожное существо. Как только ему объявили об аресте, он повалился в ноги перед Рожневым, хватал его за руки, ноги, целовал их, плакал. Картина была мерзкая. Сипайлов полагал по-своему: если арест, то и смерть. Во время своего ареста он чувствовал холодную сталь револьвера у затылка или шелест петли у своей шеи: методы его обычных убийств. Всю ночь он простоял у палатки Рожнева под дождем и ожидал конца, молясь Богу, которого вспомнил, вероятно, в первый раз за всю преступную жизнь...

Когда же его на следующий день освободили от ареста, он не верил и боялся отойти от палатки, полагая, что его нагонит пуля. Немного опомнившись, он нанял лошадей и в сопровождении корнета Смиренского, снабженный рекомендательным письмом к Шевченко, двинулся на Хайлар. Но ему не суждено было видеть семью. Китайское командование в Хайларе, через возчиков-татар узнало, что Сипайлов находился на Буир-нуре и собирался пробираться в Хайлар, а затем и в Харбин. Приблизительно зная его направление, были высланы для его поимки разъезды, и один из них наткнулся случайно на Сипайлова. Еврей Жуч, руководивший разъездом, подъехал к Сипайлову в то время, когда Смиренский ловил лошадей, а Сипайлов собирал остатки пищи в сумы. Подъехавший Жуч, знавший Сипайлова в лицо, желавший выиграть время, пока не подошел разъезд, спрашивал Сипайлова, кто он и куда едет. Сипайлов говорил что-то нелепое, а свой револьвер, чтобы его не заметил Жуч, бросил в траву. Когда китайцы были близко, Жуч вынул револьвер и на-

правил его на Сипайлова. Сипайлов поднял руки и сдался, причем, все же желая отказать от своей фамилии, но, не отрицая связи с дивизией Унгерна, всячески поносил его... Жуч при помощи китайцев сильно избил Сипайлова. Смиренский также был взят без сопротивления. Человек десять отряда также были арестованы одиночным порядком и отправлены в тюрьму. <...> Все они были из армии Дутова, пробиравшейся на восток из Чугучака. <...>

Отряд, сформированный полковником Рожневым из остатков отрядов Циркулинского, Эпова, самбэйского отряда Тысханова, построенный на новых началах, стоял лагерем у оз. Буир-нур, завязывая связи с Маньчжурией и Хайларом по привлечению добровольцев... Простояв дней десять, отряд неожиданно был окружен китайским кавалерийским полком. О сопротивлении не могло быть и речи, так как отряд Рожнева не имел достаточно винтовок и патронов. Китайцы, не начиная военных действий, предложили отряду сдать оружие и интернироваться, обещая проезд в Приморье. Всех, сложивших оружие, под охраной отправили в Хайлар, где и заключили в тюрьму для предания суду. После разбора дела, большую часть перевели в Цицикар, где был устроен лагерь военнопленных, в котором и содержали их до 19 февраля 1922 г. Сипайлов же и корнет Смиренский были отправлены в Харбин, где они фигурировали на суде по обвинению их в убийстве датского подданного Олсена. Сипайлов был приговорен к пожизненному⁴¹⁷ заключению, а Смиренский к 2 годам тюремного заключения, с учетом предварительного заключения. <...>⁴¹⁸

Копия⁴¹⁹ Копия № 1

Препровождается г. прокурору Читинского окружного суда для сведения, с уведомлением, что подлинная переписка по указанному в прилагаемой при сем копии делу одновременно с сим препровождена мною г. Военному прокурору Приамурского военно-окружного суда на распоряжение ввиду указания в таковой на совершение бароном Унгерном прест.предусм. 141 и 145 ст. Воин. уст. о наказаниях 15 июня 1920 г. № 3528.

Г. Харбин. Подл. подп. прокурор Пограничного окружного суда Н. Сечкин

Копия с копии

Протокол.

1920 г. июня 3 дня гор. Харбин. Товарищ прокурора Пограничного окружного суда Грабовский на основании поручения прокурора того же суда прибыл в помещенье Харбинской городской больницы, где допрашивал находящуюся на излечении в названной больнице нижепоименованную: Ксения Григорьевна Урм, 40 лет, приписана к Меторской волости, дер. Верхне-Буланки Минусинского уезда, Енисейской губернии, живу в гор. Харбин, Госпитальный городок, неграмотная.

Три недели тому назад, числа точно не помню, но было это во вторник, я арестована была береговой полицией гор. Харбина как подлежащая высылке из пределов Маньчжурии. Со мной вместе арестованы были Авдотия Кротова и моя квартирантка Агния Астыкова. <...> В Даурию мы приехали в среду утром. Конвоировали нас милиционеры. По прибытии поезда на ст. Даурия, вагон наш отцепили и поставили в тупик, после чего явилось человек 20 казаков под командой офицера, которые приняли нас от милиции и увели в Красные казармы на гауптвахты. Там нас пять женщин посадили в отдельную камеру, мужчин же оставили вместе, после

чего явился офицер худой, черный, высокий, в полковничьих погонах, и по его распоряжению всех мужчин по очереди били-пороли бамбуками. Офицера этого называли бароном. Нас не пороли, а только когда кончили пороть мужчин, то привели нас, допрашивал нас “барон”, спрашивал, как, за что арестована, после этого нас всех женщин и мужчин посадили вместе в одну каталажку. Ночью явился офицер с казаками и 15 человек из нас, в том числе 12 мужчин и 3 женщин, меня, Астьякову и одну девушку, фамилии не знаю, перевели в другую камеру. Мы уснули, поздно ночью явились казаки, перевязали всех, посадили на телеги — нас, женщин, на одну телегу, мужчин на другую и увезли в сопки. Конвоировали нас верховые казаки и китайцы, впереди ехал указанный выше барон в черной бурке. Увезли нас верст семь. По приказанию барона остановили нашу телегу, нас развязали, мне дали покурить, после чего казаки приказали нам идти вперед, мы втроем пошли, сзади нас раздался залп и мы все попадали. Казаки продолжали стрелять по лежачим. Я почувствовала боль в плече. Казаки стреляли еще долго, вблизи нас тоже слышны были выстрелы, туда увезли мужчин. Я пролежала до рассвета, подняла голову, кругом было тихо, казаков не было <...> Я направилась к полотну железной дороги, добралась до путевой будки между Даурией и Шарасуном, в будке было двое мужчин, видимо, стрелочники, они меня потащили в соседнюю будку, там женщина сделала мне перевязку и пошла дальше от будки к будке, ночью меня устроили в вагон поезда и я добралась до Маньчжурии, а затем до Харбина. На гауптвахте в Даурии у нас всех забрали деньги и вещи, казаки записывали вещи. У меня взяли казенными деньгами тысячи четыре, у других тоже были деньги. <...> Я была под судом всего один раз за кражу. Жила я в Харбине два года. Меня уже два раза высылали в Читу и там освобождали. <...> Никаких протоколов о допросе нас всех не составляли. Когда нас вязали казаки перед отправкой на расстрел, и мы просили их помиловать нас, то казаки ответили нам: “Не будете носить больше красных флагов”. У меня имеется три раны. Все сказанное мною правдиво и показание я давала с предупреждением об ответственности по 920 ст. Уст. Угол. суд. Неграмотная. Товарищ прокурора Грабовский <...>

Приложение № 6. Командир Даурских стрелковых сотен. 6 июля 1920 г. № 345/Л. Даурия. Секретно. Начальнику гарнизона г. Даурия.

Рапорт

Согласно Вашего личного приказания, доношу, исполняя Вашу телеграмму за № 34 и, встретив на ст. Мацевская отряд Азкондивизии, я слышал следующие слухи:

1) Воспользовавшись отсутствием Азкондивизии, пришел какой-то отряд, зашел в Даурию, захватил все имущество в свою пользу. 2) “Лавочка барона лопнула” — каппелевцы решили уничтожить барона и всех “баронят”. 3) В случае подхода частей Азкондивизии, эти части будут разоружены, будут преданы суду, а при неповиновении — разоружать силой оружия. Для этого уже потребованы какие-то полки. Из Читы в Даурию пришли 5 броневики и т.п. 4) Кто оставался в Даурии, уже арестованы и преданы суду. Арестованы уже ген. барон Унгерн и др. лица. 5) В Чите что-то неблагополучно. Генерал Акантиевский и Ко подкапываются под власть атамана и уже скоро переворот. У власти будут эсеры.

Прибыв на ст. Мацевская, я объяснил гг. офицерам и некоторым солдатам истинное положение дел в Даурии. Сообщил, что прибыл в Даурию ген. Дашкевич-

Горбатский (новый начгар Даурии), который уже начал разбор дела полковник Салаева и его отряда, что слухи вздорные и распускаются врагами, что если полковник Салаев и вел себя нетактично и превышал власть, то он уже смнен. Мои слова успокоили отряд, а по прибытии в Даурию я, увидев действия начгара ген. Дашкевич-Горбатского, он окончательно успокоился. О каких-либо военных приготовлениях, о взятии Даурии силой оружия в отряде разговоров не было.

(подпись) Полковник Куренков <...>

Голубев. 1926. Воспоминания. Пекин (рукопись). — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, DK254/U7G662, p. 1–354.

Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции

<...>Так называемое Даурское правительство, потерпев поражение от Красной армии, перестало существовать. Один из приближенных атаманов Семенова — барон Унгерн под натиском войск ДВР вынужден был отойти в Монголию. Он знал, что монголы недовольны хозяйничанием китайских милитаристов. Поэтому Унгерн развернул против них военные действия, рассчитывая, что, ликвидировав власть китайских милитаристов, ему удастся укрепиться в Монголии и получить необходимые резервы, мобилизовав которые он смог бы продолжать борьбу против Советской республики.

Унгерн вторгся в Монголию через ее северо-восточную границу. Продвигаясь вдоль р.Ульзы, он дошел до р.Онона, не встретив никакого сопротивления. Чтобы скрыть продвижение своих войск к столице, Унгерн вел свои войска через горы, тянувшиеся по обоим берегам Онона. Унгерн выдавал себя за родственника русского царя и свое вторжение в Монголию прикрывал демагогическими заявлениями о желании освободить ее от гнета китайских милитаристов.

Мэрэн Дугарчжаб, тайжи Лувсан-Цэвэн из Тушетуханского аймака, бурят Жамболон, баргут Лувсан и другие верные лакеи барона рыскали по хошунам, вербуя в его отряды монголов и беженцев-бурят. К нему стекались также русские белогвардейцы, бежавшие в Монголию. Армия Унгерна росла. 19 сентября 1920 г. отряды Унгерна внезапно подошли к Урге и вступили в бой с войсками китайских милитаристов. Последние, заподозрив Богдо и его сановников в измене, отдали распоряжение об аресте Богдо. Арест Богдо чрезвычайно взволновал как светское население, так и духовенство Урги и ее окрестностей. Весть об аресте Богдо молниеносно распространилась по всей стране. Авторитет Богдо среди монгольского населения тогда был очень велик. Подвергнув его аресту, оккупанты вызвали негодование всего населения Монголии. <...>

В районе Урги солдаты китайских милитаристов реквизировали продовольствие, отнимали у аратов лошадей, целыми гуртами прямо с пастбищ угоняли овец и рогатый скот. Жителям Урги был запрещен выезд из города. На улицах обыскивали прохожих, отбирая при этом деньги и ценности. В монастыре Дамба-Даржа, расположенном севернее Урги, солдаты Чэнь И собрали всех лам монастыря и ок-

рестных аратов и, обвинив их в поддержке войск Унгерна, открыли по ним стрельбу, а затем разграбили монастырь. Монастырь Шадоблин был также ограблен, главный лама убит, а здание монастыря разрушено. <...>

Унгерну при помощи демагогического обещания восстановить автономию Монголии удалось намного увеличить численность своих войск. В конце последней зимней луны (январь 1921 г.) он предпринял новое наступление на Ургу. Полк под командованием баргута Лувсана и тибетца Саджи-ламы получил задание проникнуть в Зеленый дворец, захватить Богдо и доставить его в монастырь Маньчжушри. Актом освобождения Богдо барон Унгерн рассчитывал укрепить свой авторитет среди монгольского населения, стать близким человеком к Богдо, захватить власть в свои руки и превратить Монголию в плацдарм для военных авантюр против Советской России.

Утром 24 января 1921 г. отряд белогвардейцев под командованием Лубсана, пробравшись во дворец, захватил Богдо и его жену Эхэ-Дагини и доставил их в монастырь Маньчжушри, находившийся за пределами Урги. В это время барон Унгерн наступал на Ургу с востока. По приказу Унгерна впереди шли плохо вооруженные монгольские цирики, а уже вслед за ними шли белогвардейцы в виде вспомогательной силы. Обманутые бароном Унгерном, пылая ненавистью к китайским милитаристам, монгольские цирики смело шли в атаку. Войска милитаристов, укрывшиеся в горах на север и восток от Гандана, не выдержав натиска, бежали на север. Таким образом, 3 февраля 1921 г. город был полностью очищен от войск китайских реакционеров.

Чэнь И и высшие чины армии милитаристов на автомобилях бежали в Кяхту. Отступавшие на север войска китайских милитаристов разрушали все на своем пути, сжигали уртонные станции вместе с аратами, выполнявшими уртонную повинность.

Ургу заняли унгерновские банды. <...> Вновь созданное “автономное” правительство только по названию было монгольским, фактическим же правителем Монголии являлся барон Унгерн. Указы Богдо заменялись приказами Унгерна. Сам же Унгерн действовал по указке японской военщины. Якобы от имени “монгольского правительства” Унгерн отправил декларации о восстановлении автономии Монголии президенту Китайской республики, народному комиссариату иностранных дел Советской России и военному губернатору восточных провинций Китая Чжан Цзолиню, являвшемуся агентом Японии. Одновременно Чжан Цзолиню было послано секретное сообщение, содержащее обещание передать Монголию его войскам.

Вся деятельность барона Унгерна в Монголии была направлена на то, чтобы усилить белогвардейские банды, сосредоточенные в Улясутае, Кобдо, Улангоме и других пунктах Монголии, увеличить численность армии, предназначенной для будущего наступления на Советскую Россию. Белогвардейцы насильно мобилизовали в свои отряды молодежь халхасских аймаков, отбирали у населения скот. Белогвардейцы без суда и следствия расстреливали и вешали монголов, казавшихся им подозрительными, стремясь путем террора задушить в самом зародыше стремление народа к сопротивлению. Страна стонала под гнетом белогвардейцев. Богатая скотом Монголия в течение короткого времени была разорена. Над монгольским народом нависла угроза голодной смерти.

Анван. Восстановление автономии при бароне Унгерне

<...> В сопровождении нойона Тувдорж-вана, Анван приехал в Да-Хурэ и остановился в своем дворе. Потом пришел Тувдорж-ван. <...> На следующий день их принял барон Унгерн. Барон Унгерн расположился в китайском торговом дворе, имел несколько больших красных юрт, пользовался уважением. Тувдорж-ван и Анван коленопреклоненно поздоровались с ним. Барон Унгерн — человек худой, с курчавой желтой бородой, лицо морщинистое, одет в новый, желтый, шелковый халат, на ногах ичиги. Глаза глубоко посаженные; движения резкие; человек, внушающий страх; речь быстрая; быстро гневается. Барон Унгерн беседовал с ними о состоянии гаминов, о народно-хозяйственном состоянии хошуна, о погоде, за руку попросился и окончил аудиенцию. <...> Через 2 дня Анвана позвали в Министерство иностранных дел и назначили помощником чиновника. Во время работы в новой власти он не увидел улучшения положения народа. <...> В это время усиливалась агитационная работа со стороны Народной партии под руководством Сухэ-Батора и Чойбалсана. Выпускались различные листовки, журналы, карикатуры, показывающие истинное лицо гаминов и белых. <...> В это время очень возвеличивали барона Унгерна — что он является перерожденцем пятого Богдо, и что он освободит и избавит народ от гнета гаминов. Но это было агитацией и пустыми слухами от высокопоставленных лам, распускаемыми среди народа для того, чтобы возвеличить имя барона Унгерна среди некоторых недостаточно сознательных верующих буддистов из народа, которые вдохновлялись бы вновь появившимся пятым Богдо, который давно умер. <...> Что чувствовал народ после восстановления автономии бароном Унгерном? Ничего: “Вышел из волчьей пасти, а попал в рот тигра”. <...> Хурэ превратился в кладбище трупов. В этом старались не только белые, но и монголы, служившие в его войсках. Главнокомандующий барон отправил меня, Анвана, в Улясутай, чтобы разузнать о состоянии гаминов. И я отправился в середине весны на машине с шофером, и еще по приказу барона с нами ехал Нямжав-бэйсэ. <...> Новости о Народной партии и партизанских отрядах меня очень радовали, и я очень хотел примкнуть к ним, но боялся послушаться приказа барона ехать в Улясутай. <...> Когда Анван вернулся в Да-Хурэ и встретился с главнокомандующим бароном Унгерном, тот был очень недоволен его поездкой: “Когда в Улясутае нет гаминов, почему тебя так долго не было? Ты никчемный человек”, — так он меня ругал. Я очень испугался, а главное — боялся, что меня повесят. Потом, уходя, он сказал: “Сейчас в западном крае будет Джалхан-цза-хутухта, ван Максаржав, и все решится”. <...> Через 2 дня меня вызвал барон Унгерн и спросил: “Можно ли разместить солдат в твоём подворье?” Я сказал: “Да”. Но этого не произошло. Они внезапно ушли на запад, оставив в Хурэ Жамболона и Цэвэн-тэргуна. Потом я услышал радостную новость о том, что их уничтожили наши народно-революционные войска вместе с Советской Россией. <...>

Наваннамжил Г. 1956. Увгун бичээчийн угуулэл. Улаанбаатар. С.235–250 (перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг).

Е.М. Ярославский⁴²⁰. Барон Роман Унгерн фон Штернберг

<...> 13 сентября в Новониколаевске состоялся гласный суд Чрезвычайного Сибирского ревтрибунала над бароном Унгерном, чье имя стало во всей Даурии, Монголии и далеко за пределами олицетворением кровожадной жестокости, неслыханных зверств. Один из соратников Колчака, сподвижник и “подчиненный” Семенова, организатор поголовных убийств целых селений — все во имя восстановления монархии, убежденный фанатик монархической идеи, мистик, возомнивший себя основателем и восстановителем новой Серединной империи, садист, истреблявший детей во имя восстановления царей — барон Унгерн был в конце-концов выдан его же сторонниками, связанный по рукам войсками РСФСР, и предан суду. <...>

В архиве бывшего второго отдела Забайкальского казачьего войска в г. Акше найден следующий документ: “Есаул барон Роман Унгерн Штенберг родился в 1887 году... храбр, ранен четыре раза..., хорошо знает психологию подчиненных, в нравственном состоянии имеет пороки — постоянно пьянство, и в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира, за что и был отчислен в резерв чинов”. Барон отрицает это и говорит, что был в 1917 году осужден в крепость на три года за то, что побил в городе Тарнополе комендантского адъютанта. <...>

Вступив в Ургу, барон Унгерн отдал приказ 12/II-21 г.: “Воспринимаю производство самочинно без разрешения коменданта города арестов (кроме евреев), обысков и реквизиций”. Евреев просто-напросто вырезывали, охотились за ними. <...>

Из Урги барон Унгерн начинает завязывать сношения со всеми выдающимися монархистами Монголии, Китая, Тибета, разыскивает их в Киргизском крае, сносятся с остатками семеновцев и колчаковцев, вдоль нашей русско-китайско-монгольской границы, с Казагранди, Кайгородовым, Казанцевым, Анненковым, Бакичем, посылает письма бывшему эсеру Анучину, рассчитывая на его помощь в деле организации краевой власти (последнее барон упорно отрицал, уверяя, что кто-нибудь сделал это от его имени без его ведома), пишет письма, воззвания, манифесты.

Основная мысль всех этих находящихся у нас на руках документов — та, что надо восстановить Серединное царство великого монгола Чингисхана, объединив все ветви монгольского народа от Китая до Каспия под главенством маньчжурского хана и отсюда, с востока, начать восстановление царей, восстановление монархии. Барон считает эту идею собственной, самостоятельной, между тем это панмонгольский план — только отражение плана Японии; барон искренно воображал только или делал вид, что он действует самостоятельно, между тем как Япония своеобразной изоляцией барона в Монголии делала его слепым орудием своих панмонгольских планов, заставляя его идти на Советскую Россию (чтоб “кормиться”, как наивно признавался Унгерн) и таким образом координировать действия с действиями Японии на Дальнем Востоке, в Китае, в Корее и в Приморье. <...>

“Большие государства были созданы не трудящимися классами, а властью аристократов. Последние сто лет буржуазия начала душить. И верхние задушены, и нижних задушила. Аристократия имеет лозунг жить и жить давать другим. (Барон

сказал по-немецки: “Значит, буржуазия — это самое вредное, самое вредное, самое вредное. Это как раз то, что пошло — финансисты, банкиры — это самое зло.”).

Барон решительно отрицает даже малейшее участие во власти рабочих и крестьян. “Человек, который пишет о власти, и сам даже горничной не имеет, не может властвовать”. Поэтому единственной властью в государстве, способною управлять Россией, барон считает абсолютную монархию, опирающуюся на аристократию. Масса не может управлять государством, буржуазия — тоже не может... Государство и церковь должны быть едины. Государство удерживает в повиновении, а духовную сторону держит церковь. Скажем, как при Людовике, который держал Францию в руках, а церковь держал в руках папа. Конечно, помещичья земля должна быть возвращена помещикам. Помещичье хозяйство сохраняется, крестьяне владеют землей на основах хуторской системы. Какая роль должна быть рабочих в государстве? Никакой. Это самые несчастные люди. Они должны только работать”. Эти мысли барон развивает в письмах к монгольским князьям, китайским цзяньцзюням и ванам. <...>

Многое он теперь отрицает, особенно связь с японцами и помощь от них, но документы теперь изобличают барона. Правда, информация у барона была очень плоха, разведка еще хуже. На допросе в Иркутске 4 сентября Унгерн объяснял, что о движении японцев имел такие сведения: японцы будто бы заняли Читу, Петровский завод и наступают на Верхнеудинск. Унгерн намеревался присоединить к себе якобы восставшее население, переправиться на помощь японцам. Унгерн ответил, что японцы покорили бы его. Противоречия между своей агитацией за восстание против большевиков и создание русской монархии, с одной стороны, и завоевание России Японией, с другой — Унгерн не видит, так как не считает себя русским патриотом, а наоборот, сторонником желтой расы. Позже Унгерн понял ложность его положения: население не восстало, к нему никто не присоединился, а японцы совсем не наступали. Именно в совершенно не оправдавшемся расчете на восстание внутри повел наступление на Советскую Россию барон Унгерн. <...>

Война, которую повел Унгерн с революционной частью Китая, изолировала Монголию. Положение, которое создалось, рисует откровенно один из его сподвижников — Кайгородов в письме к командующему всем монгольским войском Жамболону: “Замер приток сюда товаров первой необходимости для монголов. Во многих местах уже нет чаю, нет табаку, и забота, нужда глядит на нас с лица монгола, но отнюдь не бодрость и задор. Нужда убивает здесь дух патриотизма и всякую энергию, а вместе с тем толкает на преступления”. <...>

Больших трудов и забот стоило доставить пленного Унгерна до Иркутска и затем до Новониколаевска. Особенно трудно было вести его мимо селений, где он прошел еще недавно со своей истребляющей ордой кочевников, оставив кровавый след. Красноармейцы армии хорошо знали своего противника. В красноармейских клубах еще задолго до этого инсценировался “суд над Унгерном”. При этих инсценировках роль Унгерна выявлялась со всех сторон. В “Красном стрелке” — газете, издаваемой для красноармейцев, мы находим любопытное стихотворение крестьянина-красноармейца Потанина — “Совет барону Унгерну”. Привожу из него наиболее интересное место:

“Но баронушка ошибся — не помог ему и бог, и попался коммунистам, что за черт... А где же бог... Но, как видно, бог заспался, что барону не помог, чтобы власть

советов пала и вернулся царь и поп. Но послушай-ка, баронушка, я совет вам добрый дам, как Советскую власть свергнуть и на шею сесть нам. Мы тебя держать не будем, зря кормить крестьянский хлеб, а направим по этапу, к богу в камеру наверх. Ты к нему вот там явись, рапорт щегольский отдай и доложь, что здесь ты видал, все подробно, не скрывай. Что-де русские рабочие уже царя не хотят знать, да забыли и про бога, не хотят и поминать. Что-де тех, кто не работает — в шею гонят батогом: не дают, как прежде было, одним жить — другим страдать. Что-де русские крестьяне всех помещиков своих разогнали, как лентяев, не работают на них. Что-де пастырь над народом уж не так, как прежде — власть не дают ему, как раньше, много врать и сладко жить. Словом, все, что здесь твориться, расскажи ему, не скрой; ну тогда он разозлится и заступится горой. Сбросит власть крестьян-рабочих и поставит их в тупик, а тебя, как атамана, царским троном наградит”. <...>

Ярославский Ем. 1922. Барон Роман Унгерн-фон-Штернберг. Петроград: Госиздат. С.1–16.

В.Я. Зазубрин⁴²¹. О том, кого уже нет (Унгерн)

На допросе в Штабарме. Он сидит в низком мягком кресле, закинув нога на ногу. Курит папиросы, любезно предоставленные ему врагами. Отхлебывает чай из стакана в массивном подстаканнике. Говорит спокойно, не торопясь.

— Раз войско мне изменило, я буду откровенен. — Режет глаза белый офицерский Георгий, генеральские погоны. Халат яркий, золотистый, лиловый кушак из материи. Острыми концами гнутся мягкие монгольские сапоги. Папиросы очень хорошие, барон не курил таких. Затягивается с удовольствием. Голос тихий. Он знает — его судьба уже решена. Терять нечего. Последние минуты жизни дороги. Не сон ли это? Вместо вонючей и грязной тюрьмы — уютный кабинет, мягкая мебель. Вежливые, интеллигентные собеседники. Один — старый офицер генерального штаба. И это враги? Да, враги. Вежливо, но настойчиво, временами с ласковыми снисходительными советами, старый генштабист умело ведет допрос.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, 34 лет, из Эстляндской губернии, с острова Даго. Окончил Павловское военное училище. Судился два раза при царе — за пьянство и избивание какого-то адъютанта. Лоб у барона высокий, со шрамом. Сабельный удар справа налево. На поединке получил. Усы длинные, висячие, казачьи. Борода бурой щетиной лезет из подбородка. Прическа, косой ряд белокурых волн, не совсем в порядке. И это он? Смертная казнь разных степеней. Ведь это совсем обиженный богом и людьми человек. Забитый, улыбающийся кроткой, виноватой улыбкой. Какой он жалкий. Но это только кажется. Это смерть, держащая его уже за ворот княжеского халата. Это она своей близостью обратила тигра в ягненка. Когти спрятаны, но они еще острые и они есть.

“Зачем вы выбрали неудобный узкий горный коридор для действий своей конницы?” — “Да, да, неудобный. Это моя ошибка”, — Барон торопливо соглашается — “Но было соображение”. И это мимоходом. На секунду огоньки мелькнули в

больших голубоватых глазах. Он знал, что делал. Сухая тонкая рука скелета с длинными пальцами и такими же плоскими желтыми ногтями с траурной каемочкой жадно тянется к коробочке с папиросами. Допрашивающий — воплощенная любезность. Глаза предупредительно улыбаются: “Пожалуйста, пожалуйста”. Но в крепкой, плотной фигуре в черной гимнастерке, в прямой, упругой спине, в безукоризненной военной выправке — сталь. Холодная и неумолимая. Ягненок хитро ведет свою линию. Кого выгораживает. Кого пачкает.

“Были у вас перебежчики от нас, бывшие офицеры?” — “Ни одного. Ни одного”. Утверждение категорическое, безапелляционное. “А комиссары наши, как вели себя у Вас?” — “Из комиссаров были очень хорошие служаки. Хорошо работали”. Кругом вспыхивают улыбки. “Да?” — “Большинство наших комиссаров все бывшие унтер-офицеры. Настоящие унтер-офицеры старых учебных команд. Хорошие бойцы”. — “Но ведь Вы же всех коммунистов уничтожали?” — “Безусловно.” — “Ну, а комиссары ведь коммунисты?” Барон уклоняется от ответа. “Коммунистов я с семьями, чтобы хвостов не оставалось, лишнего балласта”.

Это уже не первый допрос. Барон выжат уже как лимон. Он сказал очень многое. Крепкая фигура в черном поднимается с кресла. “Ну-с, сегодня Вы поедете дальше”, — встает и барон. Враги раскланиваются. У Унгерна усы растрепаны, бессильно опущены вниз. Начальник штаба, все с той же любезной улыбкой, трогает свои острые, холеные, задорно лезущие вверх. “Вы разрешите Вас снять?” А тон такой, что об отказе не может быть и речи. “Пожалуйста, пожалуйста, хоть со всех сторон”.

После фотографии Унгерн на четверть часа в моем распоряжении. Сажусь на стул, рядом, напротив. “Я хочу поговорить с Вами не как следователь, я не хочу Вас допрашивать. Я знаю, допросы Вас утомили и, наверное, надоели Вам. Я беллетрист, немного историк. Меня интересует только нравственная сторона, идейное обоснование Вашей борьбы.” Кажется, удачно. Барон улыбается. Но он недоверчив немного к человеку с красной звездой на груди. Наверно, какой-нибудь “товарищ” безграмотный.

“А вы человек образованный?” — барону нужно знать, с кем имеет дело. — “Немного по печатному разбираю”. — “Ну, я готов”. — “Скажите, почему Вы ссылаетесь на Священное Писание? Зачем нужен был Вам Апокалипсис? Вы искренне верили?” — “Безусловно. Вот Вы знаете Конфуция? Да у него, как и у вашего Ленина, как в коммунизме, ничего нет о Боге, о загробной жизни, все только о том, как бы здесь устроить и установить порядок. Учение Конфуция — религиозное учение. Учение вашего Ленина и коммунизм — тоже религия. Я полагал, что с религиозной идеей и такой сильной, как ваша, можно бороться только тем же оружием — религией. Коммунизму я противопоставил христианство”.

“Но ваш террор? Разве это по-христиански? С семьями, с детьми?” — “Это не террор. Это обычай Востока. У китайца, у монгола — враг, глава семьи, неотделим от членов семьи. Убить одного мало восточному человеку, надо всех. Я должен был угождать своим желтокожим солдатам. Это я делал для них. Хотя, в конце концов, это была моя ошибка. Так не надо бы”. Клубы дыма стоят над бароном. Он делает долгую затяжку. Сосредоточенно молчит некоторое время. “Моя идея — создать кочевую монархию от Китая до Каспийского моря. Я за монархию. Без послушания нельзя. Николай I, Павел I — идеал всякого монархиста, нужно жить и управлять

так, как они управляли. Палка прежде всего. Народ стал дрянной, измельчал физически и нравственно. Ему палку надо. Вообще белые никуда не годятся. Я за желтых. Желтые несомненно победят. У меня жена китайка. Я за желтых.” — “Кто писал, составлял Ваши приказы?” — “Я приказывал”, — неожиданно у барона провалось прежнее, вольное. Сжались сухие кулаки. Глаза провалились под нависший тяжелый лоб — “Я приказывал”.

Да, ты приказывал. Не щадил... На секунду почувствовался настоящий Унгерн. Сильный, с огромной инициативой, несомненный организатор, боевик, сорви-голова и палач. Палач божьей милостью, по призванию, вдохновенный.

— Вас просят в Ревсовет!

Наша беседа окончена. Барон торопливо вскакивает, оправляет, запахивает халат. На лице прежняя виноватая, тихая улыбка. Смерть напоминает о себе. Барон, придавленный ею, ступает тяжело, немного откидываясь назад... Теперь его уж нет.

Зазубрин В.Я. 1972. О том, кого уже нет (Унгерн). // Литературное наследство Сибири. Т.2. Новосибирск. С.34–36.

Ф. Оссендовский. Звери, люди и боги⁴²²

ГЛАВА XXXIII. “СМЕРТЬ В ЛИЦЕ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА БУДЕТ СТОЯТЬ ЗА ТВОИМИ ПЛЕЧАМИ”

“Кровавый генерал” Унгерн приехал совершенно незамеченный передовыми постами Казагранди. После беседы с последним, барон потребовал Филиппова и меня к себе. Казагранди сам принес мне этот приказ. Я хотел отправиться тотчас же, но Казагранди задержал меня с полчаса.

— Ну, помогите Вам Бог! Идите! — сказал он, наконец, отпуская меня. Не могу сказать, чтобы это напутствие меня очень утешило. Я захватил с собой револьвер, а за обшлаг рукава спрятал цианистый калий.

Барон остановился в юрте военного врача. У входа меня встретил капитан Веселовский с казачьей шашкой и наганом без чехла, заткнутым за пояс. Он первым вошел в юрту, чтобы доложить обо мне. “Войдите!” — сказал он, вернувшись из палатки. Входя в юрту, я переступил лужу еще не засохшей крови, не успевшей впитаться в землю. Я постучал в дверь юрты. Чей-то высокий тенор мне ответил: “Войдите”.

Не успел я переступить порога, как навстречу мне кинулась какая-то фигура в красном монгольском халате, встряхнула мою руку нервным пожатием и также быстро отскочила обратно, растянувшись на кровати у противоположной стороны палатки.

— Кто Вы такой? — истерически крикнул лежавший человек, впиваясь в меня глазами. Тут повсюду шныряют большевистские шпионы и агитаторы...

Этого момента было достаточно, чтобы разглядеть очень похожее на византийскую икону изможденное лицо со светлыми растрепанными волосами и торчащими рыжеватыми усами; Особенно выделялся огромный лоб, нависший над холодными серыми глазами, которые впились в меня, как глаза тигра. Хотя мои наблюдения продолжались не более секунды, но я сразу оценил психологическое состояние мое-

го собеседника. Мне было ясно, что передо мной находится очень опасный тип, готовый ежеминутно на всякие непоправимые поступки. Однако опасность не могла заглушить во мне чувство оскорбленного достоинства и я, молча, смотрел на него.

— Садитесь! — крикнул он, теребя свои усы и указывая на стул перед собой.

Чувство обиды накалило во мне все сильнее и, не садясь, я ответил:

— Барон, Ваш тон я считаю для себя оскорбительным. Мое имя достаточно известно, чтобы у Вас не могло быть повода позволить себе такое отношение ко мне. Сила на Вашей стороне, и Вы можете делать со мной что угодно, — но заставить меня разговаривать с Вами в таком тоне Вы не можете.

Барон вскочил с постели, удивленно оглядел меня с головы до ног, не переставая теребить усы и, очевидно, сдерживая дыхание. Я старался сохранить наружное спокойствие и обводил глазами юрту. Тут только я заметил тихо сидящего в углу генерала Резухина и раскланялся с ним. Он ответил на поклон. Когда же я перевел глаза на барона, то он уже сидел с опущенной головой и закрытыми глазами, бормоча что-то себе под нос и потирая лоб. Вдруг он поднялся и, глядя вверх меня, сказал:

— Уйди! Ты мне больше не нужен!

Я невольно обернулся и увидел за собой белое лицо незаметно вошедшего капитана Веселовского, который тоже в этот момент повернулся и исчез за дверью с обнаженной шашкой в руке.

— Да, — подумал я, — смерть в лице белого человека стояла за моими плечами... Но ушла ли она теперь бесповоротно?.. Барон стоял некоторое время молчал, потом сел и заговорил порывисто и несвязно:

— Прошу меня извинить... Поймите: кругом столько предателей... Я никому не могу верить, — нет больше честных людей... Все имена фальшивы, звания присвоены, документы поддельны... И слова и глаза врут... Все зачумлено большевизмом. Я только что приказал зарубить полковника Филиппова, который выдавал себя за представителя русской белой организации, а в подкладке его одежды нашли два большевистских шифра... Когда мой офицер занес над ним шашку, он крикнул: “Товарищ! За что Вы меня убиваете?” Кому же я могу верить?..

Барон замолк. Я тоже молча глядел на него.

— Я прошу у Вас извинения, — снова заговорил он. — Я не только человек, но и начальник больших сил. Я устал, и голова ломится от забот и огорчений, не будьте на меня в обиде...

В голосе Унгерна действительно звучало искреннее отчаяние. Когда он дружески протянул мне руку, я решился заговорить.

— Но что же прикажете делать мне, барон? У меня нет ни фальшивых, ни настоящих документов... Я могу сослаться лишь на Ваших офицеров в Урге, которые, думаю, не откажутся сказать, что знают меня хотя бы по имени не как агитатора большевиков...

— Не надо, не надо! — прервал меня барон. Все ясно и так! Я верю Вам и считаю теперь правдой все, что писал про Вас Нарабанчи-хутухта. Скажите лучше: чем я сам могу Вам служить?..

Вместо ответа я рассказал ему подробно, как я и мой друг-агроном бежали из Советской России, чтобы попасть на родину, как к нам присоединилась партия

польских солдат в надежде попасть в Польшу, и как мы путешествовали до сих пор. Я просил его помочь мне добраться до какой-нибудь гавани.

— О, с удовольствием — сказал он возбужденно, — я помогу Вам всем, чем смогу. Завтра же я отвезу Вас на своем автомобиле в Ургу, там переговорим о дальнейшем.

Я откланялся и вышел. Дома я застал полковника Казагранди чрезвычайно взволнованным.

— Ну, слава Богу! — сказал он, выслушав меня. — Слава Богу!

Радость эта была, конечно, очень трогательна, но мне все же казалось, что Казагранди, если б он этого хотел, мог бы значительно больше сделать для своего гостя.

Волнения этого дня не прошли для меня даром. Я чувствовал себя совсем разбитым и постаревшим на несколько лет и, взглянув в зеркало, убедился, что я поседел еще сильнее. Я долго не мог заснуть, а когда забывался, то меня мучили кошмары: за мной повсюду следили холодные глаза капитана Веселовского, и из лужи крови выплывало красивое лицо Н.Н. Филиппова, а среди этих видений звучал полный отчаяния высокий тенор Унгерна. Наконец я забылся тяжелым сном, но ненадолго: барон Унгерн разбудил меня. Он пришел извиниться, что не может взять меня в свой автомобиль, так как принужден ехать с князем Дайчин-ваном. Но он приказал предоставить мне своего белого верблюда и двух казаков-проводящих. Сообщив мне об этом, он так быстро исчез, что я даже не успел поблагодарить его. Я уже больше не мог заснуть; оделся и курил трубку за трубкой, думая о том, что гораздо проще и легче бороться с большевиками на трясине Сейби и пересекать снежные вершины Улон-Тайги, где злые демоны убивают путешественников, чем жить здесь, среди безумных кошмаров во власти рока, и чувствовать, что за каждым движением барона Унгерна скрыта какая-то трагедия, олицетворяемая неотступно следующими за ним безмолвным, белолицым Веселовским и смертью.

ГЛАВА XXXIV. УЖАСЫ ВОЙНЫ

На рассвете следующего дня два казака привели мне великолепного белого верблюда, и мы тронулись в путь. Кроме казаков меня сопровождали два монгольских солдата и лама. Для поклажи мы получили еще двух верблюдов, на которых нагрузили разборную палатку и съестные припасы. Все шло как будто гладко, но меня не покидала мысль, что барон, быть может, приказал прикончить меня в пути, чтобы не делать этого на глазах моих друзей в Ван-хурэ... Ведь только пуля в спину и конец!.. Вот почему я все время держал наготове свой револьвер и следил за тем, чтобы казаки были рядом или впереди меня.

Около полудня до нас донеслись гудки приближающегося автомобиля, а вскоре мы увидели мчащегося барона Унгерна с князем Дайчин-ваном в сопровождении двух адъютантов. Барон очень любезно раскланялся со мной и крикнул: “Увидимся в Урге!..” — “Ну, слава Богу!” — подумал я, “значит, мне суждено добраться до Урги и можно пока успокоиться, а там найдутся друзья, там мой могучий агроном, а дальше... будет видно!

Любезный привет барона произвел, очевидно, впечатление на казаков. Они стали относиться ко мне очень внимательно и старались всячески меня развлекать: вспоминали тяжелые бои с большевиками в Забайкалье и Монголии и рассказыва-

ли о сражении с китайцами близ Урги, где у китайских солдат были найдены большевистские паспорта и литература. При этом они восторженно отзывались о храбрости и хладнокровии Унгерна во время боев, когда он спокойно курил трубку и пил чай под огнем передовых позиций.

— И ведь ни одна пуля не задела его!.. — восхищались они. Особенно поражал их один случай, когда во время сражения его шинель, седло и седельные сумки были пронизаны семьюдесятью пулями, а барон остался невредимым. Этим чудом они и объясняли громадное влияние своего начальника на монголов. С гордостью рассказали они, как во время объезда позиций перед сражением близ Урги барон своей бамбуковой палкой (ташур) убил китайского офицера и двух солдат. Казаков восхищало, что их генерал не имеет ничего, кроме смены белья и запасной пары сапог. В общем, из их рассказов вырисовывался человек очень спокойный и даже веселый в сражениях и страшно строгий и угрюмый в короткие дни затишья на фронте. Я, в свою очередь, рассказал казакам о своем бегстве из Сибири. За этой беседой мы не заметили, как прошел день. Верблюды все время шли хорошей рысью, и мы, вместо обычных 18–20 миль, прошли около пятидесяти. Мой верблюд — громадное животное с чудесной густой гривой, подаренное Унгерну одним из князей внутренней Монголии — шел лучше всех.

Перейдя реку Орхон, мы натолкнулись на труп китайца, лежавший поперек дороги навзничь с раскинутыми руками. Это был первый след бывших тут сражений. За Бургутским перевалом мы вступили в долину р. Толы, вверх по течению которой лежит Урга. Тут уже вся дорога была сплошь покрыта трупами и усеяна котелками, шапками, рубашками и шинелями, брошенными во время бегства китайскими солдатами. Дальше дорогу пересекало болото, по берегам которого лежали груды конских, верблюжьих и людских трупов; около них валялись обломки и обрывки воинского снаряжения. Казаки рассказали мне, что в этом месте тибетцы перерезали дорогу китайскому продовольственному отряду. <...>

В сумерки на 4-ый день мы подошли к берегу Толы и долго не могли решиться перейти ее вброд. Я рискнул, наконец, спуститься наудачу и сразу счастливо попал на мелкое место. Остальные благополучно перебрались за мной. За эту удачу надо благодарить судьбу. Верблюды не умеют плавать в глубоком месте, как лошади, а ложатся на бок, отдаваясь течению и предоставляя всадника самому себе. После переправы мы разбили палатку и улеглись отдыхать.

На следующий день, пройдя миль пятнадцать, мы опять должны были пересечь поле, где происходила битва за независимость Монголии. Здесь произошло третье по счету сражение. На этот раз войска барона Унгерна встретились с шестью тысячами китайцев, спешивших из Кяхты на выручку войск генерала Чэнь И в Урге. Китайцы были разбиты наголову; четыре тысячи их сдались в плен. Но, сдавшись, они решили бежать ночью. Барон Унгерн послал за ними в погоню забайкальских казаков и тибетцев. Результаты этой стычки мы видели теперь перед собой. Большинство трупов были преданы земле, но еще до сих пор, среди остатков брошенной амуниции, валялось около полутора тысячи непогребенных, со страшными ранами от сабельных ударов. Проезжающие монголы избегали это поле ужаса и смерти, а потому тут было полное раздолье для волков и одичавших собак, которые грыз-

лись между собой из-за добычи. Мы спешили поскорей оставить за собой ужасное место жертвоприношения ненасытному богу войны и скоро подошли к неглубокой быстрой речке. Монголы, увидав ее, соскочили с верблюдов и, зачерпывая шапками воду, стали жадно пить. Это была священная речка, протекающая около резиденции “Живого Будды”.

— Святая Богдо-ула! — воскликнул лама, — престол богов, охраняющих нашего “Живого Будду”.

Богдо-ула — громадный горный узел, связывающий между собой три могучих хребта: Джебгил, идущий на юго-восток, Гангын — на юг и Хэнтэй — на север. Этот священный кряж, покрытый густым девственным лесом, является собственностью “Живого Будды”. Леса полны всевозможными животными, считающимися здесь неприкосновенными. Охота на них воспрещена. Монгол, нарушивший запрещение, карается смертью, а иностранец — немедленной высылкой. Даже простой переход через Богдо-улу воспрещен под страхом смертной казни. Запрет этот безнаказанно был нарушен только бароном Унгерн-Штернбергом, который с пятьюдесятью казаками пробрался ко дворцу “Живого Будды” и похитил его от китайцев, державших там, в плену, первосвященника Урги.

Глава XXXV. В городе живых богов, тридцати тысяч Будд и шестидесяти тысяч монахов

<...> Из ущелья выехал на маленьком монгольском коне коренастый человек в мундире с полковничьими погонами. Из-под густых бровей холодно глядели неприятные бесцветные глаза. Проезжая мимо, он снял фуражку, чтобы вытереть пот с совершенно лысой головы. Мне сразу бросилось в глаза странное строение его черепа... Несомненно, это был человек с головой, “как седло”, о котором мне говорил предсказатель на последнем “уртоне” перед Ван-хурэ.

— Кто этот офицер? — спросил я, когда он проехал мимо нас. Казаки ответили мне шепотом: “Комендант Урги — полковник Сипайлов!”

На фоне калейдоскопической смены событий в Монголии, полковник Сипайлов был, несомненно, самой страшной и темной личностью: когда-то техник, а затем жандарм, он еще при царском режиме начал довольно быстро выдвигаться. Сипайлова нельзя было назвать человеком нормальным: его тело постоянно судорожно извивалось и вздрагивало. При разговоре у него вырывались какие-то странные, неприятные звуки, на губах появлялась пена, лицо искажалось и передергивалось. Сипайлов был психически больным человеком, и барон Унгерн дважды назначал врачебные комиссии для установления его ненормальности, неоднократно предлагал ему подать в отставку и отдохнуть. Унгерн надеялся таким путем избавиться от своего злого гения; но все было напрасно.

Сипайлов был садистом; впоследствии я узнал, что он самолично приводил в исполнение смертные приговоры и, отдаваясь этому ужасному занятию, весело смеялся и напевал. Вся Урга была полна самыми ужасными слухами, связанными с его именем. Говорили, что Сипайлов — палач, хватающий свою жертву и ни за что

ее не выпускающий. Своей славой необычайно жестокого человека барон Унгерн обязан, главным образом, Сипайлову.

Из слов самого барона мне стало ясно, что и он побаивается этого безумца, который всегда ему мешает и ежеминутно может с ним покончить. Унгерн боялся Сипайлова; боялся не как человека, а из суеверного страха. Дело в том, что еще в Забайкалье какой-то кудесник предсказал барону, что он неминуемо погибнет, лишь только отстранит от себя Сипайлова. Сипайлов беспощадно относился к большевикам и ко всем лицам, с ними связанными. Он им мстил. Большевики жестоко пытали его в тюрьме, а, когда ему удалось от них бежать, умертвили всю его семью.

Я поселился у одной русской фирмы, где меня немедленно разыскали мои прежние попутчики из Улясутая. Свидание наше было очень радостное, так как они сильно беспокоились за меня, в связи с событиями в Ван-хурэ и Дзаин-шаби. Поболтав некоторое время с приятелями, я вымылся в бане, побрился и, приняв, наконец, более или менее человеческий образ, вышел пройтись по городу и базару. <...>

Над зданиями развевались русские, китайские и монгольские флаги, а над одним из домов — звездный флаг Америки. На близлежащих палатках и юртах пестрели тоже флаги разных цветов и форм: четырехугольные и круглые — указывали на стоянки князей или знатных лиц; треугольные — на жилища больных оспой, проказы; шапки, повешенные на шестах, говорили о том, что в юрте находится покойник. Но, несмотря на эти *memento mori*⁴²³, общая картина, залитая яркими лучами солнца, производила красочное и жизнерадостное впечатление. Тут же изредка попадались солдаты дивизии барона Унгерна: русские в синих поддевках, монголы в красных кафтанах с желтыми нашивками на рукавах, знаками свастики Чингисхана и инициалами “Живого Будды”, и китайцы, из которых Унгерн сформировал два полка. Эти полки составились из 2000 китайских бойцов, просивших после поражения их армии о принятии на службу “живому Будде”, и поклявшихся служить ему верой и правдой. Эти китайцы носили на погонах и шапках серебряный знак китайского дракона.

Мы прошли уже весь базар, когда из-за угла показался несшийся нам навстречу автомобиль. В нем сидел барон Унгерн, одетый в желтый монгольский кафтан с синим кушаком. Несмотря на большую скорость хода, барон меня узнал сразу, приказал остановить машину, сам сошел ко мне и предложил мне посетить его в его юрте. Его жилище, обставленное очень скромно, расположено было во дворе какого-то китайского торгового предприятия. Главная квартира барона помещалась в двух близлежащих юртах, а прислуги — в маленькой фанзе. Когда я напомнил Унгерну о его обещании помочь мне добраться до какого-нибудь порта на Тихом океане, он долго смотрел на меня своими яркими глазами и наконец произнес по-французски:

— Моя работа здесь скоро кончается. Через десять дней я начну действия против большевиков в Забайкалье. Очень прошу Вас до той поры остаться здесь. Я столько лет вынужден был находиться вне культурного общества, всегда один со своими мыслями. Я бы охотно поделился ими, если бы имел случай побеседовать с Вами не в качестве “кровавого бешеного барона”, как меня называют мои враги, и не в качестве строгого “дедушки”, как меня величают мои офицеры и солдаты, а в качестве обыкновенного человека, много пережившего и еще больше страдавшего. Барон задумался, а затем продолжал:

— Я обдумал все для Вашего дальнейшего путешествия и постараюсь Вам все устроить. Но я очень прошу Вас остаться здесь на эти девять дней.

Что мог я возразить ему? Я согласился. Барон с благодарностью пожал мне руку и приказал подать нам чаю.

ГЛАВА XXXVI. ПОТОМОК ПИРАТОВ И КРЕСТОНОСЦЕВ

За чаем, по просьбе Унгерна, я рассказал ему о себе в своем путешествии все, что могло его интересовать. Мой рассказ, видимо, взволновал моего слушателя.

— Ну, — сказал он — теперь я расскажу Вам про себя. Мне хочется, чтобы Вы знали, с кем имеете дело. Мое имя окружено такими ужасными легендами, что человеку трудно разобраться, где правда и где вымысел или клевета, рожденная страхом и ненавистью. Если Вы когда-нибудь вздумаете описать Ваше путешествие по Монголии, то, безусловно, уделите несколько строк Вашему пребыванию в юрте “кровавого генерала”.

Барон рассказывал не особенно связно, часто задумываясь и замолкая. Он непрерывно курил и бросал фразы, часто без окончаний, словно не успевая выразить быстро мчащиеся мысли.

— Семья баронов Унгерн-Штернбергов, — начал он — принадлежит к роду, ведущему свое начало еще со времен Аттилы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров. Мои воинственные предки принимали участие почти во всех европейских столкновениях и войнах — были, конечно, и крестоносцами. Один из Унгернов сражался под начальством Ричарда Львиное Сердце и был убит под стенами Иерусалима... Даже трагический крестовый поход детей не обошелся без нашего участия, и в нем погиб Ральф Унгерн — мальчик одиннадцати лет. В XII столетии, когда орден Меченосцев появился на восточном рубеже Германии, чтобы вести борьбу против язычников — славян, литовцев и латышей, между ними находился и мой прямой предок — барон Гальза Унгерн-Штернберг. Там был организован орден немецких рыцарей для распространения христианства огнем и мечом среди покоренных народов. В битве при Грюнвальде, когда немецкие рыцари были разбиты поляками и литовцами, пали и двое из семьи Унгерн-Штернбергов. Это был очень воинственный род рыцарей, склонных к мистике и аскетизму. В XVI и XVII столетиях бароны Унгерны владели замками в Латвии и Эстонии, и с их жизнью связано немало сказаний и легенд.

Генрих Унгерн-Штернберг, прозванный “Топором”, был странствующим рыцарем и победителем во многих турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. Он погиб в Кадиксе, где нашел достойного противника испанца, который разрубил ему шлем вместе с головой. Барон Ральф Унгерн был пиратом и грозой кораблей, плававших в Балтийском море. Барон Петр Унгерн, также рыцарь-пират, владелец замка на острове Даго, из своего разбойничьего гнезда господствовал над всей морской торговлей того времени в Прибалтике. В начале XVIII столетия был известен некий Вильгельм Унгерн, занимавшийся алхимией и прозванный за это “братом сатаны”. Морским разбойником был и мой дед: он собирал дань с английских купцов в Индийском океане. Английские власти долго не могли его схватить, а когда его, наконец, поймали, то выдали русскому правительству, которое сослало его в Забайкалье. Я тоже

морской офицер, но русско-японская война заставила меня бросить специальность и перейти в Забайкальское казачье войско. Всю свою жизнь я посвятил войне и изучению буддизма. Буддизм был привезен нам из Индии нашим дедом, и к этому учению примкнул мой отец и я. В Забайкалье я пытался создать орден военных буддистов для беспощадной борьбы с развратом революции... но безуспешно...

Тут барон замолк и принялся пить чашку за чашкой крепкий и черный, как кофе, чай.

— Разврат революции!.. Разве об этом кто-нибудь подумал серьезно, кроме французского философа Бергсона и великого ученого Таши-ламы в Тибете?..

Продолжая свой рассказ, внук морского разбойника стал цитировать Св. Писание, буддийские книги, научные теории, художественные произведения, перечисляя ряд имен деятелей науки и литературы, сопоставляя научные теории Европы и религиозные воззрения ламаистов. Речь его перескакивала то с русского на французский, то с немецкого на английский языки.

— В буддийских и древних христианских книгах говорится о времени, когда вспыхнет война между добрыми и злыми духами... Мир будет побежден “проклятием”, которое уничтожит культуру, мораль и сделает невозможным человеческое существование... Оружие этого проклятия — революция!.. Во время всякой революции миром правит не умудренный опытом творческий интеллект, а грубая сила разрушений, вызывающая на поверхность самые низменные инстинкты и страсти, отдаляя человечество от всего божественного и духовного. Великая европейская война показала с полной очевидностью, что человечеству необходимо подняться к высшим идеалам... Но вот пришло это “Проклятие”, предсказанное Христом, Апостолом Иоанном, Буддой, первыми христианскими мучениками и предвиденное Данте, Леонардо да Винчи, Гете и Достоевским... Оно явилось, чтобы задержать прогресс человечества и преградить нам путь к божественному.

Революция — это грозная болезнь, и когда Германия, а за ней Европа заключили договор с Москвой, они обманывали себя и весь мир. Великий дух мира поставил у порога нашей жизни карму, которая не знает ни злобы, ни милости... Расчет будет произведен сполна, и результатом будет голод, разрушение и гибель культуры, славы, чести и духа, гибель государств и народов среди бесчисленных страданий... Я вижу эти ужасные кошмары развала человеческого общества.

Тут рассуждения Унгерна были прерваны вошедшим в юрту адъютантом, который в почтительной позе остановился у входа.

— Почему Вы врываетесь в комнату без доклада? — крикнул генерал.

— Виноват, Ваше Превосходительство! Наши аванпосты захватили на границе большевистский патруль. Он доставлен сюда.

Барон поднялся. Глаза его сверкали, а лицо передергивалось.

— Привести их сюда, к моей юрте! — приказал он. — Идите!..

Просто не верилось, что минуту назад лилась вдохновенная речь, и раздавался задушевный голос этого самого человека. Все разом утонуло в безграничном гневе, охватившем барона. Барон надел шапку, взял в руки ташур, с которым никогда не расставался, и вышел быстро из юрты. Я последовал за ним. Перед юртой стояло шесть красных солдат, окруженных казаками. Унгерн остановился перед ними и

несколько минут стоял, неподвижно уставившись на пленных. Лицо генерала имело очень сосредоточенное выражение.... Затем он повернулся, опустился на ступеньку фанзы и долго сидел в раздумье, потирая лоб. Наконец решительно поднялся и, подойдя опять к арестованным, стал прикасаться ташуром к их плечу:

— Направо! — приказал он одному. — Налево! — командовал другому.

Таким образом, он распределил пленных на две группы: в одной оказалось двое, а в другой четыре человека.

— Общайте тех двух. Это должно быть комиссары, — приказал барон; затем, обратившись к остальным четверым, он спросил:

— Вы ведь мобилизованные большевиками крестьяне?..

— Так точно, Ваше Превосходительство! — ответили солдаты дрожащими голосами.

— Пойдите к коменданту и скажите, что я приказал зачислить вас в мои войска. Солдаты удалились.

У двоих, стоявших налево, были действительно найдены документы, доказывавшие, что они коммунисты-комиссары Государственного политического управления. Генерал нахмурился и сказал, угрюмо взглянув на своих офицеров:

— Бить палками до смерти! — затем повернулся и вошел в юрту.

После описанной мной сцены, дальнейший наш разговор не клеился, и я скоро отклонялся. После ужина ко мне на квартиру пришло несколько офицеров. Мы вели оживленную беседу, как вдруг услышали гудок автомобиля. Разом все умолкли.

— Генерал проезжает где-то поблизости, — сказал один из офицеров странно изменившимся голосом. Затем беседа возобновилась, хотя и ненадолго... В комнату влетел приказчик фирмы и крикнул:

— Барон, барон!..

Унгern вошел и остановился у порога. Лампы еще не были зажжены, хотя уже стемнело. Несмотря на это, барон немедленно узнал всех. Он подошел к хозяйке дома, поцеловал ей руку и сердечно поздоровался со всеми нами; подсел к столу и взял предложенную ему чашку чаю.

— Я хотел бы похитить у Вас Вашего гостя, — сказал он, обращаясь к хозяйке дома, а затем спросил меня:

— Не желаете ли прокатиться со мной на автомобиле? Я покажу Вам окрестности города.

Когда, надевая пальто, я по привычке сунул в карман револьвер, барон рассмеялся:

— Оставьте эту игрушку! Вы здесь в полной безопасности, а, кроме того, Вам следовало бы помнить предсказание Нарабанчи-хутухты, что счастье всегда Вам сопутствует...

— Хорошо, — ответил я, тоже смеясь — я отлично помню это пророчество, хотя и не знаю, что подразумевал под словом “счастье” хутухта. Ведь может стать-ся, что и смерть он почитает за счастье?..

Мы вышли. У ворот нашего дома стоял большой “Фиат” с ярко горевшими фонарями. Пока мы усаживались, офицер, заменивший шофера, сидел, не двигаясь.

— На радиостанцию! — приказал барон.

Мы понеслись. В городе еще царила обычная восточная сутолока, и на фоне вечеряющего неба картина казалась еще своеобразнее и красивее. Мы пронеслись мимо караванов верблюдов, торжественно поднимавших головы; мимо монгольских, бурятских и тибетских всадников, мелькавших в расступающейся перед нами толпе. Деревянные колеса повозок отчаянно скрипели и медленно двигались под ослепительным светом больших дуговых ламп, получавших ток от электрической станции, которую привел в действие Унгерн тотчас же после занятия им Урги, вместе с телефоном и беспроводным телеграфом. В Урге, по его приказу, были очищены и дезинфицированы все улицы и площади, что, наверное, было произведено впервые со времен Чингисхана. Унгерн построил мосты через р. Тола и Орхон, создал газету, больницу, ветеринарную лабораторию, школы и организовал автобусное сообщение между отдельными частями города. Им же был принят целый ряд мер к защите торговли, причем он беспощадно вешал русских и монгольских солдат, если они были замешаны в грабеже китайских или других иностранных фирм. Так однажды были арестованы комендантом два казака и монгольский солдат за кражу водки из китайской лавки. Когда арестованные предстали перед бароном, он сам отвез их на автомобиле с поличным на место кражи. Возвратив торговцу похищенное, он приказал монголу повесить на перекладине ворот обоих казаков, а затем велел коменданту тут же повесить и монгола. Это был, во всяком случае, суд справедливый и скорый; но китайский купец вскоре прибежал с просьбой убрать повешенных, так как никто не стал ходить к нему в лавку.

Мы быстро миновали торговую часть города и въехали в русский поселок. Несколько русских солдат стояли с разодетыми монголками около места, по которому мы проезжали. При нашем приближении солдаты вытянулись во фронт и как бы вросли в землю на месте, а женщины бросились было бежать, а затем остановились и также по-солдатски встали во фронт, сделав под козырек, как и их кавалеры из далекой России. Барон расхохотался: — Какова дисциплина?.. Даже монгольские бабы отдают мне честь.

Автомобиль летел, как стрела, и мы скоро выехали в степь. Ветер свистел и старался сорвать с нас одежду и шапки; но Унгерну этого было мало, и он постоянно покрикивал шоферу: — Быстрее, быстрее... Ходу!..

Мы оба долго молчали.

— Вчера я велел выпороть своего адъютанта за то, что он влетел ко мне и прервал нашу беседу.

— Вы могли бы ее закончить теперь, — ответил я.

— О, конечно, если Вам не надоела моя история! — Впрочем, дослушать осталось немного. Я говорил уже Вам, что я имел намерение организовать в России орден военных буддистов. Для чего?.. спросите Вы. Для защиты нормального эволюционного процесса и прогресса человечества и для борьбы с революцией, ибо я убежден, что эволюция приближает нас к божеству, а революция — к зверю. Но мне предстояло работать в России, где крестьянство неграмотно, дико, грубо и поэтому ненавидит всех и вся, не умея дать себе отчета, за что именно. Мужик подозрителен и всегда кулак; у него нет никаких светлых идеалов, в то время как русская интеллигенция отдала всю свою душу мнимым идеалам, не имеющим ника-

ких шансов на осуществление. Русские интеллигенты обладают способностью к критике, но не к творчеству... У них нет никакой воли и они только говорят, говорят, говорят... Как и русские мужики, они ни к чему не привязаны. Их любовь, их чувства, — одно воображение... Их мысли, настроения рождаются и умирают вместе с брошенными на ветер словами, не оставляя никакого следа...

Вот поэтому-то мы, единомышленники, очень скоро стали нарушать постановление ордена военных буддистов. Я ввел безбрачие, отказ от женщин, удобств и излишеств, согласно учению желтой расы, а чтобы дать возможность русскому человеку тешить свою буйную натуру, я допустил свободу потребления алкоголя, гашиша и опиума... Теперь я вешаю своих солдат и офицеров за употребление вина, а тогда мы все допивались до белой горячки... Да, ордена организовать мне не удалось!.. Но все же я собрал вокруг себя триста человек изумительных смельчаков и храбрецов, выказывавших свое геройство на Германском фронте, а позже в борьбе с большевиками. К сожалению, сейчас из них уцелели лишь немногие.

— Станция беспроволочного телеграфа, Ваше Превосходительство! — доложил шофер.

— Поезжай туда! — приказал генерал.

Эта довольно мощная радиостанция находилась на невысоком, плоском холме. Китайцы при отступлении ее разрушили, теперь она была вновь исправлена инженерами Унгерн-Штернберга. Генерал пробежал глазами перехваченные телеграммы из Москвы, Пекина, Читы и Владивостока и передал их мне, а зашифрованные опустил к себе в карман, не читая.

— Это донесения от моих агентов, работающих во Владивостоке, Чите, Иркутске и Харбине. Эти смелые и ловкие люди — все евреи; они мои настоящие друзья. В моей армии есть один еврей — офицер Вольфович, он командует правым крылом. Жесток, как черт, но умен и отважен... Теперь пора обратно.

Мы помчались по старой дороге, погрузившись сразу в полную тьму ночи. В бешеной езде мы перепрыгивали через камни, рытвины и ручьи, но я успел все же заметить мелькающие вдали огоньки, которые тоже как будто передвигались.

— Это волки! — объяснил мне Унгерн. — Волки досыта накормлены нашим мясом и мясом наших врагов...

Затем он вернулся к своему рассказу:

— Еще во время войны мы стали замечать постепенное разложение нашей армии и могли предвидеть неизбежность измены союзникам и опасность революции... Эта опасность породила мысль выработать план, по которому все монгольские племена, еще не забывшие своих старых верований и обычаев, должны были быть слиты в одно азиатское государство. Это государство должно было состоять из отдельных автономных племенных единиц и находиться под моральным и законодательным руководством Китая, как страны со старейшей и высшей культурой. В этот союз азиатских народов должны были войти: китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки. Союз должен был стать сильным физически и нравственно, и путем выявления своей индивидуальности, своей философии и своего политического курса создать оплот против революции. Если бы безумное и слепое человечество захотело продолжать кровопроли-

тие и угрожало бы тем самым божественному началу человеческой природы, мешая моральному развитию, то наше азиатское государство должно бы было положить этому конец и создать длительный, непоколебимый мир. Наша пропаганда имела во время войны большой успех среди туркмен, киргизов, бурят и монголов...

— Стой! — крикнул вдруг барон. Автомобиль резко остановился. Генерал выскочил и просил меня следовать за ним. Мы шли по степи, а мой спутник, вытянув вперед голову, как будто чего-то искал.

— Ах! — пробормотал он, — его уже больше ведь нет...

Я удивленно взглянул на него. Барон продолжал:

— Тут стояла юрта богатого монгола — поставщика русского купца Носкова. Носков этот был ужасный человек и заслуженно носил прозвище “черта”. По пропискам Носкова китайские власти секли беспощадно его должников-монголов и сажали их в тюрьмы. Так был разорен Носковым и монгол, о котором я говорю. Когда же у него отобрали все, что он имел, монгол перебрался отсюда миль за тридцать дальше, но Носков разыскал его и там и опять захватил у него остатки имущества и скота, обрекая его и семью его на голодную смерть... Когда я занял Ургу, ко мне пришел этот монгол в сопровождении еще тридцати разоренных Носковым людей; они требовали его смерти. Я повесил “черта”⁴²⁴...

Снова понесся автомобиль в степную ночь, и снова зазвучал резкий и нервный голос барона:

— Россия стала, благодаря большевикам, изменницей по отношению к Франции, Англии и Америке. С Германией был подписан Брест-Литовский договор, и страна погрязла в хаосе революции... Мы решили двинуть Азию на Германию... Наши посланцы проникли в Монголию, Тибет, Туркестан и Китай... Но так как в это время большевики стали убивать всех русских офицеров, то мы вынуждены были заняться, в первую очередь, борьбой с ними и вступить в Гражданскую войну, оставив на время наши паназиатские планы... Однако мы еще не теряем надежды впоследствии поднять на ноги всю Азию и вернуть земле мир и Бога... Смее думать, что я лично много способствовал этой идее, освобождая Монголию... Барон на минуту задумался:

— Некоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и, быть может, жестокость, — заметил он печально — не понимая того, что мы боремся не с политической партией, а с сектой разрушителей всей современной культуры... Разве итальянцы не казнят членов “Черной Руки”?.. Разве американцы не убивают электричеством анархистов-бомбометателей?.. Почему же мне не может быть позволено также освободить мир от тех, кто убивает душу народа?.. Мне — немцу, потому что крестоносцев и рыцарей-разбойников?!.. Против убийц я знаю только одно средство — смерть!.. — Поворачивать!.. — приказал он шоферу. Через полтора часа мы уже подъезжали к Урге.

ГЛАВА XXXVII. СРЕДИ ОФИЦЕРОВ УНГЕРНА

Недалеко от въезда в город Унгерн заметил стоящий около маленького домика автомобиль.

— Что это значит?.. Поезжай туда! — приказал генерал.

Наш автомобиль остановился. Дверь из дома распахнулась, и несколько офицеров выскочило из нее, пытаясь скрыться.

— Смирно! — скомандовал генерал, — все обратно в дом!..

Офицеры повиновались. Унгерн пошел за ними, опираясь на свой ташур, а так как дверь оставалась открытой, то я мог видеть и слышать все, что происходило внутри.

— Беда им!.. — прошептал шофер. — Офицеры знали, что Унгерн уехал за город со мною, а так как эти поездки бывали обыкновенно продолжительны, то они и решили повеселиться часок-другой на свободе... Теперь он велит избить их до смерти палками...

Я заметил, что один конец стола был заставлен бутылками и коробками от консервов... За столом сидели две молодые женщины. При входе генерала они вскочили... Я слышал высокий, резкий голос барона:

— Ваша родина погибает... А вы не можете понять и почувствовать этого... Вы позорите русское имя!.. Мерзавцы и дикари — вам нужны женщины и вино в такое время?.. Полтора палок каждому из вас!..

Затем голос его упал до шепота:

— А вы, сударыни?.. Вас не касается гибель русского народа?.. Вам это безразлично? Вам нет никакого дела до ваших мужей, которые, быть может, уже лежат на фронте, сраженные пулей... Нет! Вы не женщины! Знайте, что еще раз — и вы будете повешены!..

Барон вышел из дома и приказал несколько раз подать сигнал автомобильным гудком... Тотчас же прискакали патрульные казаки.

— Отведите этих господ к коменданту. Я потом распоряджусь, что с ними сделать.

Мы ехали молча до самой юрты барона. Он был, видимо, возбужден и тяжело дышал, закуривая и бросая одну папиросу за другой.

— Поужинайте со мной! — предложил он. Был приглашен еще начальник штаба, очень молчаливый, сдержанный, но очень благовоспитанный человек, видимо, чем-то угнетенный. Было подано горячее китайское блюдо, за которым последовало холодное мясо и компот. Конечно, был и неизбежный чай. Барон был очень рассеян. С большой осторожностью я стал говорить о провинившихся офицерах, пытался оправдать их поведение чрезвычайно тяжелыми условиями, в которых им приходится жить.

— Все они никуда негодны. Деморализованы до последней степени и утонули в грязи... — бормотал генерал.

Начальник штаба помогал мне, как мог и, в конце концов, барон разрешил ему позвонить коменданту, чтобы освободить офицеров.

Весь следующий день я провел с моими друзьями, странствуя по улицам и наблюдая оживленную суету города... Неутомимая энергия барона заставляла быть дельными всех его окружающих; появляясь всюду и за всеми наблюдая, он не вмешивался в работу своих подчиненных, предоставляя каждому выполнять свое дело. Вечером меня пригласил к себе в гости начальник штаба, у которого я встретил много интеллигентных офицеров. Я опять должен был рассказывать о своем путешествии, а затем начался общий оживленный разговор. Среди этой беседы внезапно появился полковник Сипайлов. Он вошел, что-то напевая себе под нос. Наш

разговор прервался, все замолкли, и было очевидно, что каждый искал случая улизнуть подобру-поздорову. Сипайлов передал хозяину дома какие-то документы и затем обратился ко мне:

— Я пришло Вам сейчас рыбного пирога и горячего супу. К ужину это будет недурно!

Когда Сипайлов вышел, хозяин дома с отчаянием сказал:

— Только революция могла нас заставить работать с таким извергом рода человеческого!..

Вскоре появился солдат и принес нам обещанный Сипайловым суп и рыбный пирог. Когда посланный нагнулся, чтобы поставить на стол блюда, хозяин шепнул мне:

— Обратите внимание на его лицо!

После ухода солдата, когда затихли его шаги, хозяин дома сказал:

— Это палач Сипайлова, он своими руками вешает или просто душит приговоренных к смерти.

Затем, к моему крайнему изумлению, он вылил весь суп в ведро, а пирог выкинул за забор.

— Сипайловское угощение может быть и очень вкусно, но может стоить и жизни. В доме этого господина вообще опасно что-либо пить и есть.

Естественно, что после таких разговоров, я возвратился домой в самом угнетенном состоянии. Мой квартирный хозяин еще не спал и встретил меня у дверей с испуганными глазами. Мои друзья тоже ожидали меня здесь.

— Слава Богу, — воскликнули они. — С Вами ничего не случилось?..

— В чем дело? — спросил я в свою очередь.

— Послушайте, — ответил мой хозяин, — когда Вы ушли, пришел солдат от Сипайлова и забрал Ваш багаж, заявив, что это Вы за ним прислали... Но мы-то знаем, что это означает: сначала Вас обыщут, а затем...

Я тотчас же сообразил, что мне грозит опасность. Ведь Сипайлов мог положить в мои вещи все, что ему угодно, а потом возбудить против меня обвинение. Мой старый друг-агроном немедленно отправился со мной к Сипайлову, к которому, впрочем, я вошел один, оставив друга на улице. Навстречу мне вышел тот же солдат, который приносил сегодня ужин. Сипайлов принял меня тотчас же. На мой протест он заявил мне, что произошло недоразумение и вышел из комнаты, прося меня обождать одну минуту. Но прошло пять, десять, пятнадцать минут, а никто не появлялся... Я стал стучать в дверь — ответа не было. Тогда я решил уйти и отправиться к Унгерну. Я двинулся к выходу, но дверь оказалась запертой, другая тоже... следовательно, я попал в ловушку! Я собирался уже было призвать на помощь моего друга, когда заметил на стене телефон и тотчас же позвонил Унгерну. Через несколько минут он появился передо мной сам в сопровождении Сипайлова.

— Что это означает? — спросил он его угрожающим тоном и, не дожидаясь ответа, так ударил Сипайлова ташуром, что тот упал как подкошенный. Генерал приказал вынести мои вещи, и мы вышли вместе. Барон привел меня в свою юрту и сказал:

— Живите у меня. Я очень рад этому событию, — прибавил он с улыбкой, так как я теперь могу сказать Вам все, что мне хотелось.

— А Вы разрешите мне описать все, что я здесь слышал и видел?.. — обратился я с вопросом к барону. Он задумался на минуту, а затем ответил:

— Дайте мне Вашу записную книжку!

Я передал ему свой альбом с путевыми набросками; он туда вписал: “После моей смерти. Барон Унгерн”.

— Но я старше Вас, и, вероятно, раньше Вас умру, — возразил я. Он закрыл глаза, опустил голову и тихо сказал:

— Нет, нет!.. Еще только сто тридцать дней, и все будет кончено... А затем — Нирвана! Боже, как я устал от забот, огорчений и ненависти!..

Мы долго молчали... Я заметил, что в лице Сипайлова я приобрел теперь смертельного врага и что мне надо немедленно бежать из Урги... Было уже два часа ночи... Барон Унгерн вдруг поднялся со своего места:

— Пойдемте к милостивому и великому Будде, — сказал он задумчиво. На лице его была горькая, печальная улыбка, а глаза блестели. Мы вышли... Нам подали автомобиль.

ГЛАВА XXXVIII. ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДДЫ

Мы оставили автомобиль у ограды монастыря и попали в настоящий лабиринт узких переулков, из которых едва выбрались к самому большому храму в Урге. Это было огромное здание с тибетскими стенами и окнами, покрытое очень вычурной крышей в китайском стиле. У входа горел единственный фонарь. Обитые железом и бронзой тяжелые двери были заперты, но Унгерн ударил в висевший рядом большой гонг, и со всех сторон сбежались перепуганные монахи. Увидав “страшного” барона, все пали ниц, боясь поднять головы.

— Встаньте! — сказал генерал, — и впустите нас в храм...

Как и в большинстве ламаистских храмов, тут висели все те же многоцветные флаги с молитвами, символическими знаками и изображениями святых, с потолка же спускались шелковые ленты с изображениями богов и богинь. По обеим сторонам алтаря стояли низкие красные скамейки для лам и хора. Мерцающие лампы бросали обманчивый свет на золотые и серебряные сосуды и подсвечники, стоявшие на алтаре, позади которого висел тяжелый, желтый, шелковый занавес с тибетскими надписями. Когда ламы отдернули этот занавес, то в полумраке, едва освещаемом лампадой, показалась золоченая статуя сидящего на лотосе Будды. Лицо Бога было спокойно и равнодушно, и только скользящие блики света оживляли черты огромного лица. По обеим сторонам статуи стояли тысячи мелких изображений Бога, принесенных в дар храму верующими паломниками.

Согласно ритуалу, барон ударил в гонг, чтобы обратить внимание Бога на свою молитву и бросил пригоршню монет в большую бронзовую чашу. Затем этот потомок крестоносцев, прочитавший всех философов Запада, закрыл лицо руками и стал молиться. На кисти его левой руки я заметил черные буддийские четки. Унгерн молился около 10 минут; окончив молитву, он повел меня на другой конец монастыря. Дорогой он мне сказал:

— Я не люблю этот храм — он новый и был сооружен недавно, когда ослеп “Живой Будда”. Прошло слишком мало времени, чтобы на лике Бога запечатлелись все слезы печали, надежды и благодарности молящихся. Мы пойдем с Вами в древнюю часовню пророчеств.

Это было небольшое, почерневшее от времени, походившее на башню, здание с круглой, гладкой крышей. Двери часовни были открыты. По обеим сторонам дверей стояли вертящиеся молитвенные колеса. Над дверьми находилась медная доска с изображением знаков зодиака. В часовне оказались два монаха, певшие молитву. Они не обратили на нас никакого внимания. Генерал подошел к ним:

— Бросьте кости о числе дней моих! — сказал он. Монахи принесли две чаши со множеством мелких костей. Барон наблюдал, как они покатались по столу, и вместе с монахами стал подсчитывать.

— Сто тридцать... Опять сто тридцать. — Генерал Унгерн отошел к алтарю, у которого стояла старая индийская статуя Будды, и снова принялся молиться.

Когда начало светать, мы отправились осматривать храмы и часовни, посетили медицинскую школу, башню астрологов, а кстати, и двор, где банди — ученики церковной школы упражнялись в борьбе; в другом месте молодые ламы учились стрелять из лука. Некоторые из высших священнослужителей угощали нас горячей бараниной, чаем и диким луком. Возвратившись в юрту барона, я пробовал уснуть, но не мог — слишком много вопросов мучило меня. Где я? В какую эпоху живу? Смутно ощущал я как бы незримое соприкосновение с какой-то великой идеей, грандиозным планом, неопируемыми человеческими страданиями.

После обеда генерал вызвался представить меня “Живому Будде”. Я знал, что добиться этой аудиенции довольно трудно, и поэтому очень обрадовался представившемуся случаю. Автомобиль скоро доставил нас к воротам выкрашенной белой краской большой стене, окружавшей дворец “Живого Бога”. Двести лам в желтых и красных рясах поспешили нам навстречу, приветствуя джанджина (генерала) почтительным шепотом: “Хан — бог войны...”

Ламы повели нас через большую палату, жесткие, прямые линии которой несколько смягчались полумраком. Тяжелые резные двери вели во внутренние покои дворца. В глубине палаты находился трон, покрытый желтыми шелковыми подушками; обивка спинки трона была красная с золотой каймой. По обеим сторонам стояли желтые шелковые ширмы с резными рамами из китайского черного дерева. Рядом с тронном помещались витрины с различными художественными изделиями Китая, Японии, Индии и России. Перед тронном находился низкий длинный стол, за которым сидело восемь благородных монголов. Председателем их был почтенный старец с умным, энергичным лицом, и большими пронизательными глазами; он напомнил мне изображения буддийских святых, с глазами из драгоценных камней, которые я видел когда-то в Императорском музее в Токио. Эти статуи находятся в отделе, посвященном буддизму, где можно видеть древние статуи Амиды, Дауничи-Будды, богини Каннон и веселого старого Хотэя.

Это был Джалханца-хутухта, председатель монгольского Комитета министров, человек, пользующийся огромным почетом и влиянием далеко за пределами Монголии. Остальные присутствующие были министры, ханы и высшие князья Халхи. Хутухта предложил барону место рядом с собой; для меня было принесено европейское кресло. Через переводчика барон Унгерн довел до сведения Кабинета министров, что он в ближайшие дни покидает пределы Монголии и поэтому призывает министров самим защищать свободу, добытую им для потомков Чингисхана, ибо

душа великого хана продолжает жить и требует от монголов, чтобы они снова стали народом могучим и самостоятельным, соединив в одно целое среднеазиатские государства, которыми некогда правил Чингисхан. Генерал встал, все последовали его примеру. Он торжественно простился с каждым в отдельности, а перед Джалханцза-хутухтой низко склонил голову. Хутухта возложил на него свои руки и благословил его.

Из зала Совета мы отправились к построенному в русском стиле дому, где обитал сам “Живой Будда”. Этот дом был окружен толпой желтых и красных лам, прислужников, советников Богдо, чиновников, ясновидящих, врачей и фаворитов. От входной двери этого дворца к наружной стене его тянулся красный канат, конец которого свисал с другой стороны стены. К этому канату на коленях приближались толпы странников, чтобы, передавая стоящему тут монаху шелковый хадак или кусочек серебра, дотронуться руками до конца каната, другой конец которого находится в руке Богдо. Это прикосновение устанавливает непосредственную связь со святым, возрожденным “живым богом”. Пилигримы верят, что по этому канату из верблюжьей шерсти и конского волоса передается струя благодати на молящихся. Каждый монгол, дотронувшийся до этого мистического каната, получает на шею красную тесемку, как знак паломничества к святым местам и общения с богом.

Мне очень много приходилось слышать о Богдо-хане до того, как удалось его видеть. Говорили, что он склонен к алкоголю — виновнику его слепоты, зачастую предается пьянству вместе со своей женой, любит внешние проявления западной культуры. Передавали, между прочим, что жена его принимает от его имени многочисленные депутации и послы.

В комнате, служившей Богдо рабочим кабинетом, находились два ламы-секретаря, днем и ночью охраняющие ларец с государственными печатями. Комната была чрезвычайно проста: на низком китайском лакированном столике лежал письменный прибор Богдо и завернутая в желтый шелк шкатулка с печатями, полученными им от Китайского правительства и Далай-ламы; рядом стояло низкое кресло и бронзовая жаровня с железной трубой; на стенах виднелись знаки свастики, тибетские и монгольские надписи; за креслом находился маленький алтарь с золоченой статуей Будды, перед которой горели две восковые свечи; пол был устлан пушистым желтым ковром.

Когда мы вошли, “Живой Будда” молился в маленькой часовне, помещавшейся в соседней комнате. Вход в нее запрещен всем, кроме самого Богдо-хана и одного ламы, Кампо-гелонга, обязанного следить за порядком в храме и присутствовать на молитвах самого “Живого Будды”. Один из секретарей сообщил нам, что Богдо был с утра очень взволнован. В полдень он отправился в часовню. До нас доносились слова молитв, произносимых главой желтого учения, а немного позже послышался другой, незнакомый голос. По объяснению лам, в часовне происходила беседа между Буддой земным и Буддой небесным.

— Мы немного обождем, — предложил барон, — быть может, он скоро выйдет.

В ожидании выхода “бога” генерал рассказывал мне о Джалханцза-ламе; он говорил, что, когда хутухта спокоен, он кажется обыкновенным человеком, но когда взволнован, или погружен в свои мысли — его голова излучает сияние.

Через полчаса секретари-ламы стали проявлять признаки страха и прислушиваться к тому, что происходило в часовне; вдруг они пали ниц: дверь медленно отворилась — вошел властитель Монголии, “Живой Будда”, Его Святейшество Богдо Джебцундамба-хутухта — хан Внешней Монголии. Это был старый, дородный человек со строгим, гладко бритым лицом, напоминавшим кардиналов католической церкви. Одет он был в монгольский халат из желтого шелка с черной каймой. Глаза слепца были широко открыты и выражали застывшее удивление и страх. Он тяжело опустился в кресло и прошептал:

— Пишите...

Один из секретарей тотчас же взял бумагу и китайскую кисточку для письма и стал записывать то, что говорил ему Богдо о своем спутанном и неясном видении в часовне. Богдо закончил следующими словами: “Все это я, Богдо-хутухта-хан, видел, когда говорил с великим мудрым Буддой, который был окружен добрыми и злыми духами. Мудрые ламы, хутухты, кампо, марамбы и святые гэгэны, дайте ответ на мои видения!” Закончив, он обтер пот со лба и спросил, кто находится в комнате?

— Хан джанджин, барон Унгерн и с ним иностранец, — ответил коленопреклоненный секретарь.

Генерал представил меня Богдо, приветствовавшему нас наклонением головы. Генерал и Богдо говорили шепотом. В открытую дверь была видна часть часовни: большой стол с несколькими раскрытыми книгами, жаровня с накаленными угольями и корзина с лопатками и внутренностями барана, необходимыми для предсказаний. Вскоре барон поднялся и склонился перед Богдо. Тибетец возложил барону на голову свои руки, произнося молитву; потом, сняв с себя тяжелую иконку, повесил ее на шею барону.

— Ты не умрешь, а возродишься в высшем образе живого существа. Помни об этом, возрожденный бог войны, хан благодарной Монголии!

Мне стало ясно, что Живой Будда благословляет “кровавого генерала” перед его смертью. В следующие два дня я три раза посетил “Живого Будду” с одним из его друзей, — бурятским князем Жамболонем. Эти посещения я опишу в четвертой части моей книги⁴²⁵.

Барон принял все необходимые меры для дальнейшего моего путешествия к Тихому океану. До северной Маньчжурии я и мои спутники должны были ехать на верблюдах. Так как я из Улясутая уже известил Французское посольство в Пекине о предполагаемом моем приезде и имел при себе письмо Улясутайской торговой палаты, в котором выражалась мне благодарность за то, что мной был предотвращен китайский погром в городе, то я решил пробраться до ближайшей станции Китайско-Восточной железной дороги, чтобы оттуда ехать в Пекин. Моими спутниками должны были быть датский купец Олофсен и ученый торгут-лама, направлявшиеся также в Китай.

Никогда в жизни я не забуду ночи с 19 на 20 мая 1921 г. После ужина барон Унгерн предложил мне посетить Жамболона, с которым я познакомился в первый же день моего пребывания в Урге. Его юрта была расположена на высоком деревянном помосте, за русским поселком. Два бурятских офицера встретили нас у входа и ввели в юрту. Жамболон, человек среднего возраста, высокий и худой, с необыкновенно длинным лицом, был до войны простым пастухом; однако он вместе с

бароном Унгерном сражался на Германском фронте, а позже и против большевиков. Он был бурятским великим князем, потомком бывших бурятских царей, свергнутых с престола русским правительством за попытку защитить независимость бурятского народа.

Вскоре после нашего прихода слуги принесли чай и блюда с орехами, изюмом, финиками и сыром.

“Это последняя ночь, Жамболон! Ты обещал мне...” — “Я об этом помню. Все приготовлено!” — ответил бурят. Ровно в двенадцать часов Жамболон встал и вышел из юрты.

— Я хочу, чтобы мне еще раз предсказали мою судьбу, — как бы оправдываясь, объяснил барон, — мне еще рано умирать; в интересах нашего дела мне еще следовало бы пожить.

Жамболон вернулся в сопровождении женщины средних лет, маленького роста, одетой, как цыганка. По восточному обычаю, она низко поклонилась, присела перед жаровней и устала на барона. Ее лицо было блее, уже и тоньше, чем у большинства монгольских женщин; на нем особенно выделялись черные и зоркие глаза. Впоследствии я узнал, что это знаменитая бурятская гадалка и пророчица, дочь цыганки и бурята. Она медленно вытащила из-под кушака мешочек и вынула из него несколько маленьких плоских костей и горсть сухой травы. Потом, бросая время от времени траву в огонь, принялась шептать отрывистые, непонятные слова. Юрта понемногу наполнялась благовонием. Я ясно чувствовал, как учащенно билось мое сердце, и голова окутывалась туманом. После того, как вся трава сторе-ла, она положила на жаровню кости и долго переворачивала их бронзовыми щипцами. Когда кости почернели, она принялась их внимательно рассматривать. Вдруг лицо ее выразило страх и страдание. Она нервным движением сорвала повязанный вокруг головы платок и забилась в судорогах, выкрикивая отрывистые фразы.

— Я вижу... Я вижу бога войны... Его жизнь идет к концу... Ужасно!.. Какая-то тень... Черная, как ночь... Тень... Сто тридцать шагов остается еще... За ними тьма... Пустота... Я ничего не вижу.... Бог войны исчез...

Барон Унгерн склонил голову. Женщина упала на спину с распростертыми руками, потеряв сознание. Она в обмороке, но мне показалось, что под ее закрытым веком блеснул зрачок живым огнем. Два бурята вынесли бесчувственное тело. Наступило длительное молчание. Наконец барон встал, и, ходя по юрте, что-то бормотал. Вдруг он остановился и быстро заговорил:

— Умру... Я умру... Но это ничего!.. Ничего!.. Дело уже начато и не умрет. Я знаю пути, по которым пойдет оно. Племена потомков Чингисхана проснулись. Никто не потушит огня, вспыхнувшего в сердцах монголов. В Азии образуется громадное государство от Тихого и Индийского океана до Волги. Мудрое учение Будды проникнет и на север, и на запад. Это будет победа духа. Родится вождь-победитель, более сильный, чем Чингисхан и Угэдэй; он будет умнее и милостивее султана Бабура, он сохранит в своих руках власть до того счастливого дня, когда владыка мира выйдет из своих подземных владений на свет Божий. Зачем, зачем мне не дано быть в первых рядах бойцов за буддизм!? Зачем так решила карма?.. Но так должно быть! Россия должна сначала очиститься от позора революции, очиститься

кровью и смертью, а все те, которые признают коммунизм, должны погибнуть со своими семьями, чтобы их потомство было стерто с лица земли!

Барон поднял руку над головой, как бы приказывая и завещая что-то кому-то невидимому. Забрезжило утро.

— Мое время пришло! — сказал генерал. — Я сейчас выступаю из Урги.

Он быстро и крепко пожал нам руки.

— Прощайте навеки! Я умру ужасной смертью. Но никогда мир еще не видел такого террора и такого моря крови, как он увидит теперь!..

Дверь юрты захлопнулась. Барон исчез. Я его никогда больше не видел.

— И мне пора идти, так как и я сегодня тоже покидаю Ургу.

— Я знаю это, — ответил князь, — барон по некоторым соображениям оставил Вас здесь. Я дам Вам в качестве четвертого спутника монгольского военного министра. Это необходимо для Вас...

Жамболон произнес последнюю фразу, напирая на каждое слово. Я не спросил его о причине, так как уже привык к тайнам, столь обычным в этой таинственной стране добрых и злых духов.

ГЛАВА XXXIX. ЧЕЛОВЕК С ГОЛОВОЙ, КАК СЕДЛО

Напившись чаю в юрте Жамболона, я отправился на свою квартиру, чтобы собрать свои немногочисленные пожитки. Там я уже застал торгута-ламу.

— С нами поедет и военный министр. Это необходимо.

— Хорошо, — ответил я и направился к дому Олофсена, чтобы захватить своего датского попутчика. Но последний неожиданно сообщил мне, что принужден остаться еще на несколько дней в Урге. Это решение оказалось для него роковым, так как через месяц я узнал, что он был убит Сипайловым, оставшимся комендантом Урги после ухода Унгерна.

Военный министр, молодой низкорослый монгол, присоединился к нашему каравану. Отъехав приблизительно миль шесть, мы увидели мчавшийся за нами автомобиль. Лама боязливо завернулся в свой плащ; я чувствовал, что приближается опасность, и приготовил револьвер. Вскоре автомобиль остановился около нас. В нем сидел улыбающийся Сипайлов со своими двумя палачами — Чистяковым и Ждановым. Любезно с нами поздоровавшись, Сипайлов спросил:

— Вы ведь лошадей сменяете в Каза-худуке? Я не знаю дороги туда, а мне нужно догнать посланного в том направлении гонца. Надо ли проехать через виднеющийся там перевал?

Военный министр указал ему путь и сообщил, что мы доберемся к вечеру в Каза-худук. Автомобиль умчался. Когда он исчез из виду, военный министр послал одного из монголов посмотреть, не подстерегает ли нас автомобиль где-нибудь за перевалом. Монгол пришпорил лошадь и ускакал. Мы медленно следовали за ним.

— В чем дело? — спросил я. — Объясните мне, пожалуйста.

— Жамболон вчера узнал, что Сипайлов решил догнать Вас в пути, чтобы убить, — сказал военный министр, — он подозревает Вас в том, что Вы восстали против него барона Унгерна. Жамболон об этом доложил барону, который распорядился принять все меры для Вашей безопасности.

Монгол вернулся и сообщил, что автомобиль исчез из виду.

— Мы теперь изменим направление, — сказал военный министр — полковник будет нас напрасно ждать в Каза-худуке.

Мы свернули в Ундур-дава на север и ночью прибыли в лагерь какого-то князя. Здесь мы распрощались с военным министром, получили прекрасных свежих лошадей и продолжали отсюда наше путешествие на восток. Человек с головой, как седло, от которого меня предостерегал предсказатель около Ван-хурэ, остался далеко позади нас. Через 12 дней, прошедших без всяких приключений, мы достигли первой станции Китайско-Восточной железной дороги. Оттуда я поехал в Пекин с комфортом, показавшимся мне невероятной роскошью. Живя в прекрасной гостинице и пользуясь всеми удобствами, я никак не мог забыть моего девятидневного пребывания в Урге, в обществе барона Унгерна, “возрожденного бога войны”.

Газеты сообщали о кровавом продвижении барона Унгерна по Забайкалью. Таким образом, воспоминания мои постоянно освежались. Даже теперь, по прошествии семи месяцев, я никак не могу забыть этих ночей, ночей полных безумия, гипноза и бурных чувств ненависти и злобы. Предсказания оправдались. Приблизительно через 130 дней после описанных мною событий, барон Унгерн, преданный своими офицерами, был взят в плен большевиками и, как сообщили газеты, казнен в конце сентября.

Барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг!.. Как кровавый вихрь мстительной кармы, двигался он по Центральной Азии... Что оставил он? Строгий приказ, заканчивающийся откровением святого Иоанна. “Да не станет никто поперек дороги мстителям, готовящим гибель растлителю и убийце души русского народа! Революция должна быть уничтожена во всем мире. О ней нас предупреждало откровение святого Иоанна: “И женщина была одета в пурпур и усыпана золотом, драгоценными камнями и жемчугом; в руке она держала золотой кубок, наполненный ужасом и нечистью ее блуда. На лбу ее были написаны слова тайны: Великий Вавилон — мать всякого блуда и всех ужасов на земле. И я видел женщину, опьяненную кровью святых и апостолов Иисуса”.

Это — человеческий документ, документ русской, а быть может, и всемирной трагедии. А в монгольских юртах и у костров бурят, киргизов, калмыков и тибетцев пастухи создают уже легенду об этом потомке крестоносцев и морских пиратов: “С севера пришел белый воин. Он помог монголам разбить цепи рабства, и цепи упали на освобожденную землю. Этот белый воин был возрожденный Чингисхан. Он возвестил о приходе величайшего из монголов, который распространит по всей земле благородное учение Будды и славу, и власть потомков Чингисхана, Угэдэя и Хубилая. Так будет!”

Азия проснулась, и сыны ее теперь не боятся смелых слов. Для всеобщего мира будет счастьем, если они пойдут по следам великих созидателей — Угэдэя и султана Бабура, но горе белой расе, если мир увидит “злых демонов, а впереди их — разрушителя — нового Тамерлана”.

С.Е. Хитун. Дворянские поросята⁴²⁶

<...> В МОНГОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЕ

<...> В сентябре [1920 г.] мы были в ста верстах от Урги. Дни стали короче и холоднее. Запасы муки почти иссякли. Но конец пути был недалек. Какой-то путешествующий монгольский князь подъехал к нашему привалу; он нам рассказал, что только что был в Урге, где несколько дней тому назад было крупное сражение между солдатами китайского гарнизона и какими-то русскими, пришедшими с севера. Русские потерпели поражение и отступили в горы. В результате местные русские колонисты подверглись преследованию. Князь видел, как русских, скованных цепью, шея к шее, вели в тюрьму... Он добавил, что белое восстание в России и в Сибири было подавлено красными, и что адмирал Колчак расстрелян в Иркутске.

Все эти сведения мало нас тревожили. Мы не чувствовали себя ответственными за действия тех пришедших с севера воинственных русских. Мы ведь сможем доказать, что наш длинный путь вел на восток с запада, а не с севера. В двух верстах от Урги наш караван был окружен эскадрой китайской кавалерии, который внезапно появился из рощи на берегу р. Тола. Обыскивая нас, солдаты отняли у нас все наши оставшиеся деньги. Я видел, как дернулась кверху голова хорунжего И. от сильного удара в рот, нанесенного китайским солдатом, когда русский отказался отдать свое обручальное кольцо. Можно было подумать, что мы находились в руках хунхузов в военной форме, но оказалось, что это был отряд Ургинского гарнизона.

Взяв нас под стражу, солдаты просто погнали нас к городу. Верблюды с нашими скромными пожитками были конфискованы и остались позади. Наш верный друг — монгол-проводник “напутствовал” нас в последний раз своим: “Пояем расотка катаца”⁴²⁷. Это прозвучало насмешливо и трагично... Мы шли посредине улицы, подгоняемые криками китайских солдат, которые победоносно гарцевали по сторонам. Пестрая толпа китайцев, монголов и тибетцев стояла молча, глядя на нас, пожалуй, больше с удивлением, нежели со злобой: очевидно, наша группа с женщинами и двумя детьми не производила на них впечатления опасных разбойников. И вдруг несколько китайцев, точно ужаленные, почти завизжали, указывая... на меня и на мои китайские полуботинки. Толпа заволновалась, зашумела и, мне показалось, шатнулась в моем направлении. Ясно донеслись слова: “хунхуза, хунхуза”. Я стиснул зубы, и весь похолодел в ожидании самосуда. Но это было уже у ворот тюрьмы.

Во внутреннем дворе тюрьмы, за деревянным частоколом футов двадцати высотой, китайский чиновник каждому из нас задал те же вопросы: “Как зовес-си (имя)? Куда ходишь? Дяньги есси?”. Разделив на две группы, нас повели в тюрьму. В том же дворе мы все обратили внимание на несколько длинных, деревянных ящиков, похожих на удлиненные собачьи будки, наглухо закрытые, за исключением круглых отверстий; из одного из них высунулась по шею взлохмаченная голова монголки и спокойно провожала нас глазами.

Нас, двадцать два человека, замкнули в пустой камере размером 10 на 12 футов; мы опустились на холодный пол, потрясенные и изнеможенные. Но все-таки, несмотря на крайнюю усталость, холод, голод и возмущение, мы себя уверяли, что

“все выяснится”, “не может быть иначе”, “мы ни в чем не виновны”, “нужно дать знать об этом кому-то”. Вдруг легкий стук в стену из соседней камеры заставил всех нас сразу вскочить. Мы услышали слегка приглушенные русские слова:

— Меня зовут Федор...

Затаив дыхание, мы вслушивались. То было довольно длинное повествование.

—...Я был в числе шестнадцати человек, посланных Сибирским правительством, точнее — Центросоюзом в Монголию для закупки скота. Мы пустились в путешествие на верблюдах, большая часть которых была навьючена серебром и мануфактурой для уплаты за скот. Мы направились к Урге. В нескольких верстах от города нам повстречался русский колонист, который рассказал нам, что какой-то русский генерал со своей “дикой дивизией” наступал на столицу Монголии — Ургу. Его план был захватить город и основать “Среднеазиатскую империю” и повести наступление против большевиков в Сибири... Китайские власти в Урге очень встревожились, гарнизонные солдаты окружили город окопами и проволочными заграждениями и много русских жителей были брошены в тюрьму только потому, что они были одной национальности с честолюбивым генералом.

Но мы продолжали наш путь, нисколько не беспокоясь. Наша группа была мирной делегацией, явившейся в эту сторону по приглашению монгольских торговых фирм для товарообмена. Уж мы-то ни в коем случае не могли быть ответственны за планы и действия наступающей на город “дикой дивизии”. При въезде в город нас остановил китайский конный патруль и сразу же, без всяких вопросов, не заглянув в наши письменные полномочия, отнял у нас не только все мешки с серебром, но и наши личные вещи. Нас вели глухими улицами через город, чтобы не привлечь внимания населения. В версте от китайского поселка Маймачен нас всех замкнули в каменном бараке.

К концу дня нам удалось подкупить стражу и послать одну из наших спутниц, Фаню, в город купить какой-нибудь еды, а главным образом связаться с русским консулом. Поздно ночью, когда мы спали, целая банда вооруженных китайцев, освещая себе дорогу керосиновыми лампами и свечами, ворвалась к нам в барак. С дикими, непонятными для нас возгласами, они согнали нас в один угол и стали связывать нам руки веревками. Вытолкнув нас в темный двор, они сразу же стали расстреливать в упор. Я слышал (голос Федора дрожал) трескотню выстрелов, крики ужаса, стоны раненых.

Федор замолчал, молчали и мы... Молчали, поняв, что наши надежды на свободу погибли.

— Во время расстрела, — снова начал Федор, — я метнулся в темноту и побежал к кустам на берегу реки, где, освободив руки от веревки, бросился в ледяную воду, переплыл реку и снова бежал к горе, покрытой лесом. Я полз на четвереньках через густые заросли, карабкался все выше на крутую гору, пока не выбился из сил и лег. И тут я слышал, как ясно доносились пушечные выстрелы с восточной стороны Урги. Я понял, что русский генерал повел наступление на город. Может быть, канонада и заставила китайцев прекратить погоню за мной.

Утро застало меня на верхушке горы. Отсюда я видел всю картину упорного, жестокого сражения между китайцами и русскими. На следующее утро длинная

линия повозок потянулась с запада в город; это были временно эвакуированные, китайские обозы возвращавшиеся в Ургу, а русские отступили в горы... Четыре дня я бродил по этой, как я потом узнал, священной горе — Богдо-ула, где было много дичи, но без оружия я не мог раздобыть себе пропитания. Голод и холод мучили меня. Глубокие царапины и порезы на руках, ногах и теле кровоточили. Налетевший снежный шторм сделал мои страдания совсем невыносимыми. Я решил спуститься и сдать на милость китайских властей. Китайский патруль привел меня в ямынь. Там я рассказал китайским чиновникам все, как было. Они были сконфужены. Я судил об этом по их деланным улыбкам в мою сторону, переглядываниям и перешептываниям. Но все же, по окончании моей исповеди, меня отправили в эту тюрьму. Я здесь уже три недели. Они могут расстрелять меня в любой день, потому что я остался единственным свидетелем истребления ни в чем неповинных людей китайскими солдатами и преступной небрежности китайских властей.

— Вас же, — продолжал Федор, — арестовали по подозрению, что вы — остатки дивизии того генерала. Китайцы решили, что он послал вас в качестве шпионов, а женщины и дети — это чтобы придать вашей группе вид мирных беженцев. Один из тюремного персонала, монгол, горячий патриот и ненавистник китайцев, помогает мне держать связь с Фаней. Она все еще в Урге и старается помочь мне и, я уверен, также теперь и вам.

В эту ночь из нас никто не спал. Весь следующий день мы пробыли без пищи и питья. Исповедь Федора окончательно убила все наши надежды. Преобладало молчание, изредка прерываемое малозначащими словами. Бушевавшая снаружи метель усугубляла мрачное настроение заключенных, чувствовавших свою обреченность. [На] второй день утром в коридоре раздался шум и громкие голоса; это вывело нас из оцепенения. Мы все молча сгрудились к двери. Кто-то из стариков молился.

— Хорин хайир (двадцать два), — прокричал тюремщик и, отомкнув нашу дверь, внес деревянное ведро горячей воды и небольшой мешок муки. Каждый из нас получил по чашке горячей воды и по горсти поджаренной муки (толкан). Если смешать горячую воду с мукой, получится жидкая каша. Она и была нашей ежедневной пищей. Вечером давали только ведро горячей воды.

На третий день тюремщик вызвал из нашей камеры “четверку” — сибирского фабриканта и его трех молодых спутников. Вне себя от радости, они пытались zapomнить все мольбы и просьбы остающихся. Прошел час, и мы, возбужденные этим радостным событием, все еще продолжали обсуждать его возможные последствия. Как вдруг, под звон и лязг цепей, наша “четверка” была втолкнута обратно в камеру. Каждый из них был скован по рукам и по ногам. Их лица были искажены от внутренних страданий, их трясло, как в лихорадке, они всхлипывали и стонали. Пораженные их горем, мы как окаменели... Первым пришел в себя сибирский миллионер-фабрикант. Дрожащим голосом и прерываясь, он нам рассказал, что пока их заковывали в кандалы, китайский чиновник грозил кулаком перед носом у каждого из них, выкрикивая: “Урянхай, русский человек, (он брал себя за горло) китайский человек”. Это значило, что русские душили китайцев. Сразу же, обратясь к сибирскому интеллигенту Федору, мы получили объяснение.

В 1912 году в Урянхае русские поселенцы, в большинстве своем уголовные преступники, отбывшие тюремное наказание, во время спора о границах полей с китайскими колонистами, поголовно их вырезали. Китайцы это, конечно, не забыли и восемь лет спустя отомстили нашей несчастной “четверке”.

Дни шли за днями. Мы получали порцию муки по утрам, глотали липкую кашу, не замечая ни вида ее, ни вкуса. Затем следовало обязательное и довольно долгое занятие — истребление вшей. Беспольные жалобы и ворчание сменялись мечтами и надеждами. Часть нас сидела на полу, часть стояла, прислонившись к стенам, жалуясь друг другу на холод, грязь тюрьмы, на несправедливость китайцев. Кто-нибудь из нас вспоминал, с глубоким вздохом, те вечера, когда мы, еще свободные, счастливые, сидя у костра, ели такие вкусные поджаренные лепешки, янтарный суп из молодого барашка и запивали чаем, по-монгольски, с молоком яка.

Это было сигналом к тому, чтобы воображение узников начало изощряться в самом подробном описании любимых, лучших аппетитных кушаний, их вида, запаха и вкуса. Исхудавшие и ослабевшие от голода и жажды, мы, холодные, грязные, лохматые, с горящими глазами обсуждали воображаемые сытные обеды, которые были перед нашими глазами так же близко, как и мираж в песках пустыни. А в пять часов вечера опять раздавалось “Хорин хайир” и тюремщик вносил ведро с горячей водой. С наступлением темноты, страдающие от жажды, негромко просили у монгола за окном: “Угоч, угоч!”, и он бросал в камеру снежки. Кто сосал этот снег, а кто им умывался.

Зимние дни коротки. Темнота в камере наступала, как только солнце спускалось за двадцатифутовый частокол, окружавший тюрьму. Была выработана система укладки спать: ноги одного лежат на ногах его соседа и только до полуночи, затем положение меняется и остается таким до утра. Закованные в цепи, фабрикант и его спутники занимали много места, потому что никто не мог выносить неудобства и тяжести их цепей на своих ногах, к тому же, они, обремененные этим грузом, ворочались и металась во сне. Чтобы сэкономить место, “параша” подвешивалась на ночь к решетке окна и закрывала единственный доступ свежего воздуха.

По истечении трех недель, Федор обрадовал нас, сообщив, что Фаня уговорила местных русских колонистов посылать нам в тюрьму продовольственную передачу. Разрешение от китайских властей обещано, но пока не дано.

Прошел месяц. Однажды вечером наш друг-монгол внезапно появился в окне и, бросив в камеру буханку хлеба, исчез в темноте. Завесив окно тряпками, мы зажгли единственный огарок свечи и, возбужденные, ждали дележа. Когда полковник Ф. разрезал хлеб, то внутри нашел записку: “Нас, женщин и детей, освободили три недели назад благодаря настойчивым хлопотам нашего дорогого друга — Фани; она упростила представителей иностранных торговых фирм в Урге посетить вас в тюрьме, надеясь, что это повлияет на китайцев и заставит их если не освободить вас, то хотя улучшить условия вашего заключения”.

Хлеб разделили; его медленно и долго жевали и, потом, подбодрившись, обсуждали приятные новости. Но дни шли за днями, не принося нам ни перемен, ни новостей. Один за другим, одиннадцать из нас заболели. Распростертые на холодном полу, они бредили и металась, и отняли у нас еще больше места. Нам при-

шлось спать сидя. В некотором отношении мы им завидовали: человека с высокой температурой вши не тревожат. К тому же больные в бреду наслаждались свиданиями с родными и вкусными обедами и, конечно, не беспокоились о будущем. Болезни, холод и мрак согнали бы нашу недолговечную бодрость навсегда, если бы не пример выдержки и мужества полковника Дроздова; он был терпелив и спокоен как всегда, несмотря на незаживающую рану в боку.

— Унывать нечего, пока у нас есть наш ангел-хранитель Фаня, — приговаривал он, промокая полуодеревеневшим шерстяным чулком гной из раны между выпиленных ребер.

Фаня сдержала свое обещание. Она убедила русских колонистов подкармливать своих соотечественников в тюрьме. Мы стали получать регулярно раз в неделю по одному фунту хлеба, лук и соль. Больные в нашей камере все выздоровели, но не так благополучна была соседняя камера, где умер бывший комендант города Кобдо, полковник Л. Уцелевший участник трех войн, не уцелел в монгольской тюрьме; он погиб от гангрены отмороженных ног. Его тело было вынесено на свалку, где его съели собаки. По местным верованиям, это означало, что умерший был хороший человек. Трупы людей, неугодных богам, псы оставляют нетронутыми.

Смерть полковника вывела нас из пассивности и апатии. Ожидает ли такой же конец каждого из нас? Не лучше ли, пока есть еще силы, попытаться вырваться отсюда? Но как?

Мы обсуждали различные планы, но все они казались такими невыполнимыми, пока поручик Б. не признался нам, что у него в рукаве ватной куртки зашит, в разобранном виде, маленький браунинг и одна обойма к нему... Это было очень важное открытие. Предложения, как использовать это единственное оружие при нашей попытке к бегству, нас оживили. Большинство из нас, бывших военных в прошлом, не раз заглядывали в лицо смерти, а те, кому это не приходилось, всецело поддались общему настроению. План, предложенный владельцем браунинга, был принят.

Каждое утро нас вели через коридор на двор тюрьмы для переклички, где мы выстраивались в одну линию. Мы ждали, пока двое из нас (строго по очереди) вынесут парашу (несколько шагов в сторону), опорожнят и возвратятся в строй. Тогда чиновник, в присутствии двух китайских часовых, начинал выкликать наши фамилии. Получалось у него это крайне растянуто и неразборчиво. Поэтому на выклик обыкновенно выходило двое. Чиновник, подозревая обман или насмешку, с перекошенным от злости лицом кричал что-то солдату, тот замахивался прикладом и загонял обоих обратно в шеренгу. Перекличка начиналась снова. Снова, пожимая плечами, нерешительно, выдвигались из линии двое, а то и трое... Наконец, почувствовав свою несостоятельность, чиновник стал попросту пересчитывать нас.

Наш план побега был приурочен к утренней перекличке. Бабин, вынося парашу с Аршиновым, как бы поскользнувшись, опрокидывает ее под ноги китайцу-часовому. Воспользовавшись замешательством последнего, Бабин стреляет из браунинга ему в голову. Тем временем капитан Аршинов хватает винтовку часового и вместе с Бабиным нападает на второго часового. Вестовой Дроздова, Архип — борец и гиревик взял на себя обязанность “позаботиться” о чиновнике. Мы все бросаемся в караульное помещение, где, по словам нашего друга монгола, спят после ночного

караула двое других солдат. Так как тюрьма находилась на пустыре между Ургой и Маймаченом, то, пока весть о нашей побеге дойдет до властей, мы будем далеко. Федор нас уверил, что, как только мы очутимся за воротами тюрьмы, он нас проведет ему известными путями на ту же, ему знакомую священную гору Богдо-ула...

Как дикий зверь, загнанный в угол, бросается на охотника первым, чтобы только уйти, так и мы решили броситься на наших тюремщиков первыми. Где-то на краю рассудка все это рисовалось бредовой мечтой. Но эта мечта была такой желанной, что скептиков не оказалось. В одно ближайшее утро мы услышали нечто новое, необыкновенное: кто-то подметал коридор — этого никогда не случалось раньше. Не успели мы обсудить причины такого события, как послышался шум шагов и иностранная речь. Наша дверь широко распахнулась. Пришло трое... Бритые, чистые, в меховых шапках, в дорожных шубах. Они сразу же подались немного назад, когда мы все — двадцать два волосатых, бородатых оборванца, вдавились в дверной проем.

Трудно было определить, кто кричал. Кричали мы все. Кричали люди без страны, без защиты, взывая к закону, к справедливости, к людям своей расы. Тут были возгласы на немецком и на французском языках, но всех покрывал высокий тенор есаула И., который “строчил” по-русски:

— Харбин, Товарная 20, моя сестра, моя сестра — Харбин.

И только когда краснощекий американец поднял ладонь вверх — все утихло. Тогда полковник Франкман на французском языке пытался описать наше ужасное положение. Американцы кивали головами, но их глаза все еще выражали не то испуг, не то непонимание. Вдруг один из них “загорелся” и, глядя на меня, крикнул: “Америкэн?”. Но сразу же и погас, когда я отрицательно замотал головой. Я почувствовал, точно я кого-то обманул и был уличен. На мне была куртка американского солдата, мне ее выдали из интендантства взамен моей износившейся гимнастерки.

В ответ на слова Франкмана, полуседой американец, пересыпая ломаные французские слова английскими, сказал, что они все в негодовании от ужасных условий нашего содержания в тюрьме, о чем немедленно заявят местным властям и, что через два-три дня они отправляются в Пекин, где, конечно, сообщат о нас русскому консулу. Эти обещания иностранцев воскресили нас. Появились улыбки, новые планы, начались новые обсуждения. Мы терпеливо ожидали вестей о нашем освобождении. С большой щедростью мы набавляли сроки поездки американцев — несколько дней на возможные починки мотора, шин или задержка из-за плохой погоды.

Прошло три недели. Сначала пришло недоумение, а потом и сомнение. Были ли это только слова подбадривания от людей, сильно тронутых нашими незаслуженными страданиями? А может быть, все ходатайства о нас не имели никакого влияния на местных сатрапов.

Внезапно освободили полковника Франкмана. Его как военного инженера китайцы заставили сконструировать все легкие и тяжелые укрепления для защиты Урги против барона Унгерна. Это звучало парадоксом: русский в Монголии, вынужденный китайцами выступить против своих же русских, победа которых обеспечивала бы нашу свободу... Все же мы были рады его освобождению. Каждый из нас на свободе был бы полезен нам, оставшимся, а к тому же, грузный полковник занимал много места на полу камеры.

Перед Рождеством (1920 года) нам повезло. Монгольский князь, арестованный за критику действий китайцев в его стране, подарил три барана для всех узников нашей тюрьмы. Как и всегда, с криком: “Хорин хайир”, тюремщик внес деревянное ведро, наполненное супом из пшена и баранины. Первый раз за почти три месяца мы были сыты, согреты и счастливы... Мы даже запели. Сначала славу монгольскому князю, а потом церковные тропари, пока китайский часовой не застучал прикладом в железную ставню окна.

На Рождество мы помылись снегом, подхваченным на перекличке. В нашей пищевой передаче мы нашли сахар и двойную порцию хлеба. Сидели тихо, разговаривая вполголоса о прежнем и о своих. И вдруг, на звук женского голоса во дворе, все бросились к окну. Только какой-то взрыв или пламя может заставить людей так стремительно метнуться и залепить это единственное отверстие в темнице. Пожилые и старики остались позади.

— Да говорите же, черт побери, что там такое?! — раздался истерический возглас старика-полковника, изнемогавшего от неведения и любопытства.

— Фаня во дворе! — бросил кто-то из присосавшихся к окну.

Мне был виден нежный профиль девушки в серенькой шубке, в шапке с наушниками и в валенках. Она что-то кричала по направлению окна соседней камеры. Китаец-часовой, крича, тянул ее за рукав в сторону караулки; она немного отступила, теперь я видел лицо. Ее пунцовые губы быстро шевелились, красивые, темные глаза все еще были устремлены на тюремное окно. Слышно было только, как кричал Федор в соседней камере:

— Слышу, слышу, — но когда, когда? Как только девушка исчезла со двора, мы повернулись друг к другу.

У всех лица сияли радостью, смешанной с какой-то торжественностью, точно после совершенной какой-то победы; широко открытые глаза, где были тени удивления, одобрения и восхищения как бы подтверждали наши возбужденные восклицания:

— Бесстрашная! Прямо через караулку пробежала к нам во двор!

— Героиня, одним словом, героиня!

— Молодая, красивая, и какая настойчивая... Уперлась, китаец чуть шубку с нее не стащил, а все-таки не ушла, пока о чем-то не известила Федора.

— Она была, как подарок нам на Рождество.

Федор, дрожащим от волнения голосом сказал, что в конце концов, Фаня уговорила русских в Урге подать прошение в ямынь о том, чтобы взять заключенных на поруки. И теперь разрешение на это было дано. Почти всю ночь напролет, мы возбужденно, перебывая друг друга обсуждали эту новую, первую, настоящую радостную весть. Только к утру взволнованные узники улеглись на покой и можно было с уверенностью сказать, что все они заснули на этот раз с улыбкой на губах и с образом этой самоотверженной еврейской девушке в мыслях...

На следующий день Федор передал нам имена шести русских колонистов, которые обязались перед китайскими властями взять нас на свою полную ответственность и иждивение. Трех заключенных и меня взял г. Хитрово, которого мы не знали, но к нему немедленно почувствовали глубокую благодарность и уважение за смелость, с которой он покровительствовал нам, якобы врагам китайцев.

В середине января (1921 года) нас вывели на тюремный двор и, наконец, за ворота тюрьмы. Глаза, привыкшие к полумраку тюремной камеры, слепило солнце. Опьяненные радостью свободы и свежим, морозным воздухом зимнего утра, мы шли, шатаясь от головокружения и слабости. Нас понукали криками, а иногда и прикладами, но нас это уже не трогало. Мир вне тюрьмы был так прекрасен! И эта его красота, точно сейчас открытая, доступна пониманию только освобожденного узника (я это уже однажды испытал после одиночного заключения в Таганской тюрьме в Москве в 1918 году).

На улицах было мало встречных. Но те, кто попадался нам навстречу, глядя на нас, прямо застывали от изумления: они привыкли видеть европейцев свободными, чистыми, бритыми, хорошо одетыми, а тут шли какие-то белые волосатые, грязные в лохмотьях, с видом полузверей. Нас ввели в дом, который раньше служил баней для местных русских. Эта была довольно просторная комната с бревенчатыми стенами, с большой угловой кирпичной печью и низким, закопченным потолком. Три ступенчатых полки служили нам местом для отдыха. Теперь мы могли ходить, сидеть на полках и спать на полу вытянувшись, без опасения ночью брыкнуть кого-нибудь в лицо. Поручик Бабин, отточив свой перочинный нож о печные кирпичи, сбрил нам усы и бороды, и мы стали неузнаваемы друг для друга. В тот день “кто Вы?” было дежурным вопросом.

Сытые, бритые и обмытые, мы могли выходить во двор, окруженный высоким забором, за которым лениво прохаживались китайские часовые, а вечером, снова поев супа с бараниной, сидели у горячей печки и тут... Тут уже не было никаких, никаких сомнений, что абсолютная наша свобода близка... Но мы ошиблись. На третье утро нашего пребывания в бане, взвод озлобленных китайских солдат ворвался к нам, выпихнул нас наружу и, понукая, подталкивая, торопливо погнал нас назад в тюрьму. По раздавшимся тяжелым пушечным выстрелам, мы сразу догадались о причинах возвращения нашего в тюрьму. Барон Унгерн возобновил осаду Урги...

Тюремщики спешно растолкали нас по разным камерам. Капитан Л., русский колонист и я попали в маленький цементный каземат, стоявший близко от ворот. Окно было закрыто наглухо ставней. Из темного угла на свет зажженной мною спички, смотрели испуганные лица трех монголов в остроконечных шапках. Стены были мерзлые, цементный пол был мокрым. На расспросы колониста трясущийся монгол гортанным шепотом нам рассказал, что они в поисках убежавших лошадей в горах натолкнулись на русский лагерь. Отняв у них весь табак, унгерновцы их отпустили; один казак-бурят сказал им, что отряд перенес очень суровую зиму в горах, испытывая лишения во всем, в то время как огни Урги были так близки и манящи. Теперь у них единственный выход — это взять город, во что бы то ни стало. Возвращаясь с гор, монголы были арестованы китайцами по обвинению в шпионаже для русских.

Время ползло особенно медленно в этой холодной сырой темноте. Мы не различали дня и ночи. На осклизлом полу нельзя было сидеть, к промерзшим насквозь стенам нельзя было прислониться. Услышав, что монголы что-то жуют, мы обнаружили, что один из них прятал у себя на груди, под кафтаном, баранью ногу. Им пришлось с нами поделиться... Оставшуюся одну китайскую сигарету выкурили все по одной затяжке, хотя в темноте это было трудно контролировать.

Звуки выстрелов полевой и тяжелой артиллерии приближались. По нашим расчетам, бой шел в 5–7 верстах от города. Затем канонада прекратилась. Мы были в панике. Неужели русских опять отбили? Но, очевидно, это была только артиллерийская подготовка, потому что, совсем недалеко, быть может, в версте от нашей тюрьмы, затрещали пулеметы. Им отозвались взрывы ручных гранат и отдельные винтовочные выстрелы. Эти звуки разгоревшегося боя также быстро утихли, как внезапно возникли. Из этого мы заключили, что одна из сражающихся сторон — проиграла, но которая? Мы этого не знали. И тут вдруг какой-то приглушенный гул стал надвигаться в нашу сторону. Первая наша мысль была о том, что это отступающие разъяренные китайские солдаты идут прикончить нас, прежде чем город попадет в руки наступающих русских. Всем была памятна судьба спутников Федора. Шум приблизился, и мы как бы почувствовали, как земля гудела под колесами тяжелой артиллерии. Теперь мы знали, что китайцы оставляют Ургу.

...Радость сменилась тревогой... Мы молчали и слушали. Шум и гул прошли мимо. Все замерло. Могильная тишина царила на тюремном дворе и в нашей камере. И, когда наше нервное напряжение достигло той точки, когда оно должно было прорваться или в истерическом визге, или в зверином вое, послышались шаги по хрустящему снегу, удары металла о металл и вдруг вырвавшееся резкое “ура” — где-то совсем рядом с нами. Мы бросились к окну... И тут же отпрянули от него... Кто-то сильными ударами сбивал нашу железную ставню. Яркий свет нас ослепил. В окне, вглядываясь в темноту нашей камеры, стоял широкоплечий казак с желтыми погонами Забайкальского войска.

— Двери, двери, открой двери! — кричали мы.

Через открытую дверь мы вывалились в тюремный двор. Сверкающая белизна снега как бы запятналась сразу появлением невообразимо грязных фигур двухсот лохматых освобожденных узников. Они плакали и смеялись, обнимали казаков и друг друга, молились и ругали китайцев. Торопясь, все устремились к открытым наружным воротам; проходя через караульное помещение, каждый набивал себе карманы булочками из мешков, забытых убегающими тюремщиками. Пустая улица перед тюрьмой сразу заполнилась выпущенными из тюрьмы, которые растерянно озирались, не зная, куда же идти и что делать.

Наши попытки остановить скачущих мимо казаков были напрасны. Бой все еще продолжался на окраине города. Мы отлично знали, что первое, что нам нужно — это лошади. В случае если китайцы все же отобьют атаку, мы смогли бы отступить с дивизией барона и тем избежать тюрьмы в третий раз. Наш полковник Дроздов, блуждая по улицам Урги, наткнулся на всадника — офицера; он его остановил и просил помочь достать лошадей и оружия для только что освобожденных из тюрьмы офицеров. Всадник-офицер оказался генералом Резухиным, правой рукой барона Унгерна; он посадил несчастного Дроздова на крышу и там же расстрелял его “за распространение паники”. (Быть посаженным на крышу без пищи и воды было одно из наказаний, применявшихся в унгерновской дивизии). Так неожиданно трагически окончилась жизнь бывшего инспектора артиллерии Южной армии адмирала Колчака. Я не видел тела убитого полковника Дроздова, но лица, заслужившие моего доверия, говорили об этом убийстве, как о неоспоримом факте.

В числе нескольких освобожденных из нашей группы, я отправился в сторону Маймачена — китайского пригорода, который был взят первым. Пройдя некоторое расстояние, капитан Л. и я от слабости и возбуждения решили остаться и отдохнуть у костра сторожевого охранения, где сидели несколько казаков. Удивленные нашим видом, они только качали головами; выслушав нас, напоили чаем, накормили поджаренным тут же на костре мясом и снабдили табаком.

Вскоре всадник в белой папахе и на белой лошади подскочил к костру, спешился и подошел к нам. Это был высокий, худощавый, но широкоплечий человек в грязном полушубке без погон, но с офицерским Георгием на груди. Серые глаза на его малом лице быстро и внимательно нас оглядывали; из-под висящих вниз, редких, рыжеватых усов, меж тонких губ, торчали передние зубы. Он был без оружия. На его руке висел ташур — бамбуковая палка, употребляемая монголами, погонщиками верблюдов. На поясе висели две гранаты. На вопрос, кто мы, — мы вкратце изложили пережитое.

— Так вы все большевики! — выкрикнул он высоким тенором. Мы как-то пропустили это замечание мимо ушей, но все же отрицательно мотали головами.

— Я слышал, что большинство ваших оренбургских офицеров занялось торгашеством!

Этот странный человек вселил какое-то непонятное беспокойство. Окинув нас еще раз испытующим взглядом, он умолк. Мы молчали тоже, ожидая следующего вопроса. Но при звуке пулеметной очереди где-то вблизи, он легко вскочил на коня и, подняв его с места в галоп, скрылся из глаз.

— Сам, барон, — ответил один из казаков на наш вопрос, кто был этот необыкновенный всадник.

В течение следующих шести месяцев, барон Унгерн фон Штернберг — новый правитель Монголии, промчался как грозный смерч над этой мирной страной; он затемнил красочную панораму монастырей с живыми богами, пророками ламами, заменив все это видом пушек, пулеметов и мортир, и вместо торжественного священного спокойствия породил громовые раскаты войны...

Мы потерялись среди этого военного сумбура, потеряли других... Потеряли Фаню, нашу путеводную звезду, которая неустанно вела нас от апатии, мрака и отчаяния на путь к жизни, вселяя в нас бодрость и надежды своей неиссякаемой энергией в заботах о нас, совершенно незнакомых ей двадцати двух людях.

— Фа-ня! Где Вы? Откликнитесь! Хорин хайир Вас ждут...

В военном сумбура. В Монголии с Унгерн-Штернбергом

Просидев 104 дня в монгольской тюрьме, мы, офицеры бывшей Южной армии адмирала Колчака, были освобождены казаками дивизии барона Унгерна так же внезапно, как были туда посажены китайцами при нашем въезде в Ургу в октябре 1920 года.

Генерал-лейтенант барон Унгерн граф Штернберг Фрейхер фон Пильхен-Пильхау родился в 1878 году. Происходил он из рода остзейских рыцарей, пришедших в XIII веке. Образование получил в Санкт-Петербургском Морском корпусе, после

окончания которого был произведен в чин мичмана. Морская жизнь не понравилась барону. Его манил Дальний Восток с неограниченными возможностями; он хотел познакомиться с буддизмом, который так глубоко захватил одного из его предков, что он, сменив католицизм на буддизм, поселился в Индии, перенеяв все нравы и обычаи этой страны.

Барон поступил в 1-й казачий Аргунский полк в чине хорунжего, в Цурухае, около Монголии. Здесь он стал энергично изучать до тех пор ему незнакомую кавалерийскую службу и вскоре стал одним из лучших наездников полка. Он часто бывал в Монголии, где казаки закупали провиант и лошадей для своего полка. Во время этих поездок барон познакомился с мистическим учением буддийских лам.

Первая мировая война застала барона уже в чине сотника. На фронте он проявил исключительную храбрость: часто ходил на вылазки, перерезывал проволочные заграждения, проникал глубоко в тыл немцев, приводил с собой пленников и добывал ценные сведения о расположении частей противника. Однажды он был обнаружен врагом, и раненый повис на проволоке, которую резал. Его спасли подошедшие казаки. За исключительную храбрость он был награжден орденом Св. Георгия.

Накануне ликвидации Белого движения в России и в Сибири, барон со своей Азиатской дивизией (850 сабель) ушел в Монголию с тем, чтобы, захватив столицу ее — Ургу, создать там военную базу для дальнейшей борьбы с большевиками. После третьей атаки Урга была занята казаками, а выгнанный девятитысячный китайский гарнизон ушел вглубь Китая.

Кроме безумной отваги барона, необходимо указать на другую положительную черту его характера: он вел почти аскетическую жизнь, пренебрегая возможным комфортом, и пользовался только необходимыми, самыми простыми жизненными удобствами. К деньгам он относился почти с пренебрежением. Будучи вождем Белого движения в Монголии, барон Унгерн вел борьбу с большевиками умело, упорно и успешно. Доказательством этого являются слова советского корреспондента в советском журнале: "...Унгерн затем безжалостно обезглавил советское революционное подполье в Монголии" (В. Масленников. "У книжной полки". "Знамя" № 6, стр. 241, 1969 г.).

Барона до болезненности угнетал упадок воинского духа и дисциплины среди офицерства. Подтверждением этого может послужить следующее происшествие. Как только казаки дивизии Унгерна освободили нас, офицеров Оренбургской армии (до этого армии Колчака) из монгольской тюрьмы, мы, опьяненные свободой и свежим морозным воздухом, выбежали за ворота тюрьмы. Капитан Л. и я направились в сторону уже освобожденного от китайцев Маймачена, пригорода Урги. Обесиленные стодневным пребыванием в полутемной камере, мы смогли доплестись только до костра первого сторожевого поста. Два казака с желтыми погонами Забайкальского Казачьего войска с удивлением глядели на нас — грязных волосатых оборванцев. Выслушав описание нашего долгого заключения, они снабдили нас табаком и кусками сырой баранины, которую мы тут же поджарили на веретеле.

Мы обернулись на звук топота копыт и увидели всадника в белой папахе на рослой лошади. Он спешил к костру. Для его высокого роста и широ-

ких плеч голова казалась маленькой; полушубок на нем был грязен, на груди висел офицерский Георгиевский крест; он был без оружия, но с двумя ручными гранатами на поясе, а на правой руке висел таштур.

— Что за люди? — глаза его нас зорко ощупывали.

— Мы офицеры бывшей Оренбургской армии, только что освобожденные из тюрьмы. Мы повторили нашу историю, не переставая жевать мясо, которого мы не видели около четырех месяцев.

— Так вы же большевики!? — воскликнул он высоким голосом, в котором была и тень вопроса. Понимая это как полушутку, мы только отрицательно мотали головами. Рты были заняты...

— Это вы занимались коммерцией в Чугучаке? — он сделал паузу, — и торгашеством?

В этих словах легко было уловить осуждение и презрение. Незнакомец обвинял нас в том, в чем мы оба были невиновны, хотя знали, что такие “коммерсанты” встречались в Чугучаке на базаре. Он продолжал молча нас разглядывать, мы тоже молчали, ожидая следующего вопроса. В это время недалеко раздались пулеметная очередь; он сорвался с места, легко вскочил на коня и ускакал в сторону раздавшихся выстрелов.

— Сам дедушка, барон, — ответил казак на наш вопрос, кто был этот георгиевский кавалер.

Мобилизованные нашими освободителями, мы получили китайскую одежду (за неимением ничего другого), чтобы сменить наши износившиеся в тюрьме, грязные покровы. Странно было видеть военных в долгополых китайских халатах с погонами полковников, капитанов и поручиков; это продолжалось до тех пор, пока не сформировалось интендантство, которое постепенно заменило халаты вновь сшитой формой забайкальского казачества. Каждый из нас сразу же был направлен в ту часть дивизии, которая соответствовала его роду оружия.

...Как бывший начальник автомобильной команды штаба Южной Оренбургской армии, я был назначен в только что сформированную автомобильную команду штаба дивизии генерала Унгерна. Постепенно нас, шоферов (в большинстве бывших офицеров), одели в куртки, подбитые мехом. Мне выдали что-то вроде короткого полушубка из какого-то редкого, золотистого, пушистого, мне неизвестного меха. Очевидно, реквизиция среди местного населения шла полным ходом, а по военному выражению — была данью от “благодарного населения”.

Капитан Л. и я были назначены на постой к русскому колонисту К., который много лет работал для иностранной меховой фирмы в Урге. Все мы устроились в одной большой комнате. Сам хозяин спал на кровати, а его жена, очень полная женщина, рядом с той же кроватью, но на полу, уверяя нас, что так ей больше простора. Она нам рассказала про Ургу, про то, что напротив их дома открылось было кафе-ресторан (она его называла “кофе-ресторан”), но из-за недостатка посетителей оно закрылось.

— Кофею издесъ не пьютъ, а хучь бы чайная, дык и мой бы захаживал, — говорила она с искренним сожалением о неудавшемся коммерческом предприятии и сразу же вслед за этим неоднократно упоминала про каких-то девушек: чернень-

кую и беленькую, которые очень бы понравились нам, ее постояльцам. Ее муж, смуглый, с черными усами, с медлительной речью, недоумевал, как это мы могли выжить после ежедневной голодовки в тюрьме; он однажды заблудился в степи и целый день ничего не ел, так это было “просто ужасно”.

Когда я пришел домой в моей, только что приобретенной меховой куртке, его внезапно округлившиеся глаза уставились на куртку, а потом и на меня. На мой настойчивый вопрос о том, что его так расстроило, он приглушенным голосом сказал мне, что “на прошлой неделе на перекладине ворот своего же дома, по приказанию коменданта города Урги, полковника Сипайлова, был повешен русский купец-колонист, часовщик. На груди повешенного висела вывеска — за спекуляцию и укрывательство большевиков — и на этом мертвом купце была вот эта самая рысья куртка, что на Вас”, — закончил он почти что полупшепотом. Я посмотрел на сразу ставшую ненавистной куртку и расстроился. Капитан Л., выслушав все это, сразу же разогнал мое грустное настроение, сказав:

— Разве Вы не знаете, что все картежники только и мечтают о возможности приобрести хоть кусок веревки от удавленника, приносящий удачу и выигрыш, а у Вас целая пушистая теплая куртка — это же гора счастья.

Это прозвучало легкомысленно, но как-то помогло. Эта “суеверная подсказка” вдруг родила во мне надежду на спокойную и счастливую жизнь впереди. По моей просьбе, в интендантской швальне наружный мех куртки перекрыли кожей, после чего ургинские горожане перестали испуганно таращить глаза на мою куртку, напоминавшую им о трагической гибели несчастного купца.

Из двух десятков автомобилей, захваченных у китайцев, мы с трудом пустили в ход половину этого числа. Несколько автомобилей в хорошем состоянии были даны “добровольно, во временное пользование” иностранными подданными г. Урги, это временное пользование превратилось в постоянное, так как законные владельцы таинственно исчезли... И возвращать эти автомобили было некому.

Однажды капитан Ф., закончив свой автомобильный наряд для Унгерна, вернулся на автомобильный двор и, созвав нас, офицеров, в угол, сказал дрожащим шепотом:

— Дерется!

— Кто? Где? Почему? — посыпались вопросы.

— Барон, ташуром (ташур — 3–4 фут. 1 дюйм диаметром бамбуковая палка, употребляемая монголами, чтобы погонять скот. Вместо кнутов и нагаек она вошла в употребление в унгерновской дивизии). Меня... По голове...

— За что? За что? — повторяли мы в нетерпении.

— Занесло на льду... боком сшиб китайскую двуколку... Заставил поднимать... Сам помогал.

— Как, бить офицера палкой? Как он смел?

— Да капитанские погоны на тебе были ли?

— Братцы, надо что-то предпринять, это так оставить нельзя!

— Зови Бориса! Он пришел с бароном из Даурии. Он нам даст совет, что сделать, чтобы предотвратить это позорное обращение с офицерством...

Мы все были возмущены до степени восстания. Глаза сверкали, щеки горели; слова под напором летели... Пришел Борис, высокий, широкоплечий, молчаливый,

с лицом белого негра. Выслушав спокойно наши отрывистые, нервные протесты, он, пожевав губами и по очереди обведя нас своими выпуклыми глазами, сказал:

— Напрасно волнуетесь, господа, дедушка (несмотря на то, что Унгерну было немного больше сорока лет, его приближенные звали его, с его одобрения, дедушкой) зря не бьет, вспылит и ударит; вас не застрелит, он знает свой характер и поэтому никогда не носит револьвера... Он помолчал.

— Что касается оскорбления... — глаза Бориса сузились и, слегка покачивая головой, он продолжал: — Хуже оскорблений, чем вы и все русское офицерство перенесло от своей же солдатни, которую науськали на вас их комиссары, представить трудно... На вас плевали, погоны срывали, вас били и убивали. Чтобы спастись от этого, вы бегали, прятались, меняли свой облик, свою речь, а иногда и убеждения... Здесь вы под нашей защитой. Здесь вы в безопасности от распушенной солдатни, которая, подстегиваемая выкриками Троцкого: “Ату их!”, охотилась за вами, а вы... вы бегали, скитались, прятались на чердаках, в подвалах, сеновалах и в стогах сена...

После некоторой паузы и в спокойном наставительном тоне добавил:

— Свое недовольство спрячьте! Недовольные были... Шестидесят человек из офицерского полка тайком ускакали на Восток..., а попали еще дальше — на тот свет... Дедушка послал в погоню торгутов, которые перестреляли беглецов всех... До единого.

Борис помолчал, обвел нас глазами и с легкой улыбкой продолжал:

— А что дедушка иногда любит “протянуть” ташуром, так это началось с тех пор, как кто-то сравнил его с Петром Великим и с его дубинкой... Кладите рукавицу в шапку — пусть бьет, больно не будет... — И зашагал прочь, выделяясь среди других своим малинового цвета монгольским кафтаном, на котором желтели есаульские погоны, и в папахе, которая еще более увеличивала его и без того саженный рост. Мы переглянулись и молча разошлись. Наша новая, неприятная страница жизни началась.

Только наша неотступная мечта о мирной “штатской” жизни дала нам силы и волю перенести все трудности перехода Каркаралинских, Тургайских и Иргизских степей⁴²⁸, заставила сушить своими легкими сырые землянки китайского лагеря, понудила на унылое трехмесячное “качание” на верблюдах к сердцу Азии — Урге, где нас арестовали китайцы и заперли в монгольской тюрьме... И, наконец, освобождение. Но мирная жизнь осталась призраком и снова настала военная страда.

Китайцы, вытесненные из Урги дивизией генерала Унгерна фон Штернберга, сначала направились к Кяхте, но, по каким-то причинам обстрелянные большевиками, повернули к югу, пробиваясь к Среднему Китаю. Два их полка были отрезаны конницей Унгерна, взяты в плен и влились в дивизию, как вновь прибавленная боевая часть.

При переправе через реку Селенгу Унгерн, раздраженный медлительностью китайцев, приказал казакам загонять китайских солдат ташурами в воду. Тридцать китайцев, не умевших плавать, утонули... Остальные, приуныв, разбежались под покровом ночи по сопкам, а затем и вслед за прежде ушедшими своими главными силами в глубину Китая. Остался только один эскадрон китайцев, мобилизованных из местных ургинских жителей. Говорили, что до взятия Урги к дивизии барона присоединился отряд японцев под командой их подполковника. Японцы участия во

взятии Урги не принимали и таинственно исчезли. Были слухи о том, что подполковник возглавлял отряд политически-разведывательного назначения.

Начальником штаба дивизии был ускоренного выпуска Генерального штаба (г. Томск) капитан Д. Он долго не пробыл в этой должности. Его выдержка, хладнокровие и медлительность вывели из терпения барона, который сослал капитана рядовым в Чахарскую сотню. Его заместил старик В-ий — инженер путей сообщения — “лукавый царедворец”; он действовал успокоительно на горячего барона своими льстивыми словами. Это, говорили, он вбил Унгерну в голову идею о его, барона, сходстве с Петром Великим, Вой-ий также умело ушел в сторону, упросив Унгерна освободить его от должности начальника штаба, ссылаясь на то, что из-за ишиаса он на своем коне не поспевает за скакуном барона. Инженера заместил присяжный поверенный из Владивостока Ив-ий⁴²⁹. Он ладил с бароном, но иногда тоже “посиживал” на крыше — правда, на короткие сроки, так как он был нужен в Управлении штаба.

Говорили, что атаман Семенов, узнав о взятии Урги, сообщил:

— Мой Унгерн покорил Монголию, за это я произвел его в генерал-лейтенанты.

— Мой, мой, — повторял барон с негодующим смешком — попробуй, возьми сам Монголию!

Этим он отвергал всякую зависимость от атамана и подчеркивал собственную идею и стратегию захвата; тем не менее, погоны генерал-лейтенанта с вензелем атамана Семенова он все-таки надел на свой монгольский брусничного цвета бушлат.

Большинство офицеров дивизии Унгерна были “сфабрикованы” самим бароном. Преобладали подьесаулы, хорунжие, произведенные из подпрапорщиков, урядников, строевых казаков. Все они были типа сорвиголов и были преданы барону не столько по любви к его личным качествам, сколько за ту вольную жизнь, которой он их вознаграждал за их храбрость, отвагу и преданность.

В первый день после взятия Урги очередь станичников у китайского банка не прекращалась — кто сколько мог, набивал свои карманы китайскими долларами, японскими иенами, русскими червонцами, царскими серебряными рублями; бумажными деньгами пренебрегали. Когда же возобновилось преследование врага — горе было тому, кто нарушил военную дисциплину. Наказания были жестокие, как физические (50–100 ударов ташуром, расстрел), так и моральные, особые по дикости их изобретения: сидеть на льду и поддерживать костер на берегу реки, сидеть на крыше, — конечно, и в том и другом случае без пищи и питья.

Барон стоял горой за своих бойцов. После поражения под Кяхтой, обходя ночью поле, он увидел раненых, лежащих на земле, в то время как единственный врач К.⁴³⁰ спал в юрте. Разъяренный Унгерн ворвался в юрту, подскочил к спящему доктору и одним ударом ташура сломал ему ногу.

Кроме постоянного состава офицеров, в дивизии были и те штаб- и обер-офицеры, которые примкнули одиночками или группами, спасаясь от большевистского преследования в Сибири. Около пятидесяти офицеров бывшей Оренбургской армии было мобилизовано Унгерном. Все эти “чужаки” — и как не проверенные политически, и как боевой элемент — уважением унгерновцев не пользовались.

Во время какой-то тревоги на окраине Урги, на автомобильный двор прискакал комендант штаба дивизии, хорунжий Бурдуковский, с громким требованием

предоставить ему немедленно автомобиль. Шоферы были в разгоне. Дежурный офицер, оренбуржец, штабс-капитан Л. сразу же стал наливать воду в радиатор ближайшего автомобиля (воду на ночь выпускали по случаю заморозков) эта процедура показалась “до черта” медленной горячему хорунжему. Он локтем бьет по шее штабс-капитана, тот “клюет” носом прямо в радиатор. Бурдуковский, видя окровавленный нос и губы, понял, что это уж совсем усложняет заправку автомобиля. Он садится на коня, осыпая ругательствами капитана, и скачет на улицу... Этот инцидент был доложен начальнику авто-команды полковнику М. Он обещал расследовать. Мы знали, что из его расследования ничего не выйдет. Бурдуковский, бывший денщик Унгерна, был его любимцем.

Однажды выпала моя очередь подать автомобиль барону. Он вышел в сопровождении монгола, одетого в яркий желтого цвета шелковый халат. На его голове была круглая, черного бархата, шапочка с темно-красным шариком и павлиньим пером, указывающим на его княжеское достоинство. Барон занял заднее место, а князь сел со мной и указывал дорогу. Вскоре мы въехали в Маймачен, пригород Урги, и начали крутиться в лабиринте узких улиц, пока не въехали во двор, где на деревянном помосте (признак богатства) стояла белого войлока юрта. Судя по количеству монгольских цириков — солдат — около юрты, я решил, что здесь живет большой чин Монгольского правительства. Мои пассажиры скрылись в юрте, я же пыхтел, заворачивая свой длинный “Чандлер” на ограниченном пространстве двора, потом обошел автомобиль кругом, оглядывая шины, которые нужно было изредка подкачивать ручным насосом. Вскоре барон вышел, а за ним хозяин юрты, высокий, стриженный, с круглым кирпичного цвета лицом, одетый в красного шелка халат. Они оба низко кланялись друг другу, и я вдруг опешил, когда увидел, как этот “бог войны”, “грозный барон” пятился на полусогнутых ногах от приседающего монгола, с самой вежливой и дружественной улыбкой...

Когда барон повернулся к автомобилю и поймал мой растерянно-изумленный взгляд, его лицо передернулось и превратилось в каменную маску, с глазами, как горящие угли. Я знал, что он не простит мне того, что я видел его в таком необыкновенном для него “размякшем” виде. Назад мы ехали вдвоем. Барон изредка ерзал на заднем сидении. Приближаясь к Урге, мы увидели всадника монгола, который гнал табун лошадей вдоль дороги.

— К табуну! — услышал я приказ барона. Я свернул с дороги и тихонько направил автомобиль к табуну. Дикая лошадь рванула в сторону и скрылась за облаком пыли... Моя голова дернулась вперед от удара ташуром и я выпустил руль из рук.

— Остановись! — заорал барон. Растерянный, я послушно остановил и даже заглушил машину.

Он вылез и крупными быстрыми шагами пошел к всаднику... и немного “отошел”, когда услышал желаемый ответ от испуганного монгола: да, эти лошади были для его торгутского полка... Молча, мы оба ехали назад в штаб, где барон так же молча вылез и скрылся за дверью. А я возвращался домой со звоном в ушах от сильного удара по голове и сам себя ругал: как это я забыл... Забыл вложить рукавицу в мою меховую шапку...

Прощал ли Унгерн кого-нибудь, когда-нибудь, и оставлял ли без наказания за неисполнение его приказа? Да, и я могу это подтвердить следующим эпизодом.

Вскоре после занятия Урги, начальник авто-команды, полковник М. пришел на автомобильный двор и вызвал механика.

— Сандро, — сказал он, бледный, мигая встревоженными глазами, — барон приказал приготовить для поездки на север все имеющиеся в городе автомобили, и если хоть один из них не дойдет до конца путешествия, то он лично застрелит меня там же на месте.

Все молчали. Каждый из нас понял, какой смертельной опасности подвергался полковник. Из двух дюжин автомобилей, которые были захвачены в Урге, только одна треть их была на ходу, другие же были разобраны и служили запасными частями для ремонта. В общем же все автомобили были в механическом отношении ненадежны, в особенности для длинных перегонов на предательских монгольских дорогах — вернее, монгольском весеннем бездорожье...

После бессонной ночи и тяжелого труда, к утру, мы приготовили пять автомобилей годных и готовых для поездки. Эти автомобили выстроились вдоль дома, где помещался штаб. Разогреваемые, гудящие моторы, громкие перекликания шоферов с последними напоминаниями о том, чтобы не забыть... Суетливые и немного неуклюжие, робкие монгольские князья в шелках и в своих тяжелых гутулах (сапоги с острыми носами кверху) занимали места в автомобилях, не забывая своих седел. Все это создавало атмосферу готовности, деятельности и планированного порядка.

Унгерн, по-видимому, был в хорошем настроении. Он стоял, высокий, худощавый, в белой папахе, в коротком монгольском бушлате с генеральскими погонами на широких плечах и Георгиевским крестом на груди, и улыбался сквозь редкие рыжие усы своими тонкими губами, показывая передние торчащие зубы, слушая перебирающего свои длинные четки старика-ламу. Очевидно, барон был доволен тем, что этот автомобильный отряд произвел впечатление на монгольских князей, взволнованных предстоящей поездкой.

С ревом моторов, так как глушителей не было, эта кавалькада из пяти автомобилей быстро промчалась по улицам города, пугая на своем пути лошадей, верблюдов, ослов и зазевавшихся пешеходов. В поле, по бокам дороги, протоптанной верблюжьими караванами, еще лежал снег. Здесь и там, у самой дороги, лежали одиночные, парами и группами, трупы китайцев, большинство раздетых и без обуви. Это были убитые из арьергарда, защищавшего отступление китайцев из Урги.

Автомобиль с текущим радиатором стал кипеть, перегрелся и остановился в 30–35 верстах от Урги. Два монгола со своими седлами пересели в мой автомобиль. “Бьюик” Унгерна был следующим, который сдал. Он не смог взять крутую гору; его шофер-немец, на больших оборотах мотора включал конус, автомобиль подавался рывком вперед на несколько футов, икал и глох... Другой, “Додж”, попробовал подтолкнуть его и сорвал себе заднюю полуось. Лицо барона хмурилось и передергивалось, но он угрюмо молчал, сдерживаясь в присутствии монгольских князей, а может быть, шоферы своими честными попытками и тяжелой работой в преодолении ненормальных условий дороги убедили его в том, что виновных не было.

Немец взял мой “Додж”; осененный счастливой мыслью, он подвернул автомобиль и... задним ходом легко взобрался на вершину горы. Некоторые из монгол набились со своими седлами в два автомобиля и с бароном на переднем сидении,

со своим шофером-немцем укатили. Только три молодых князя с их седлами остались на макушке горы в ожидании лошадей. Мы же, три шофера в “Бьюике” барона, повернули назад в Ургу, таща на буксире “Доджа” с сорванной полуосью и с четвертым шофером за рулем. В долине, в которой еще лежал снег, нам пришлось остановиться — у автомобиля на буксире спустила шина, и вдруг мы были ошеломлены и напуганы, когда кто-то выстрелил три–четыре раза в нас. Пули просвистели мимо, но мы спрятались за кузова автомобилей.

С дальнего косогора спускались в долину несколько всадников. Они остановились настороженно, а потом скрылись в соседнюю рощу, когда мы дали по ним залп из наших четырех винтовок. Мы не знали, кто были эти горцы — остатки ли китайских шаек (гаминь) или заблудившийся патруль дивизии барона. Выяснить это было для нас опасно. Я сомневаюсь в том, что автомобильная шина могла быть сменена быстрее, чем эта, которую меняли мы — четыре шофера, подстегиваемые жужжанием пуль поверх наших голов... А затем задние колеса нашего “Бьюика” подняли целое облако снежной пыли — так мы рванули с этого места домой.

Позже, вечером, когда мы сидели за обеденным столом в нашем бараке, явился немец. Платиновые контакты прерывателя в магнето забились медными стружками от плохо пригнанной крышки. Барон, потомок прибалтийских немцев, даже не рассердился на своего шофера-немца, когда ему пришлось пересечь в последний, оставшийся на ходу “Форд”. Немец, только после часов подробного исследования причин остановки мотора, смог вернуться домой. Мы даже рассмеялись, когда вскоре явился капитан Е-ф, его “Фордянка” не могла закончить путешествие — мост был снесен разлившейся рекой, и последние 12 верст до фронта барон и монгольские князья проскакали верхом.

Итак, не только один, но и все пять автомобилей не дошли до конца пробега и... никто не был наказан.

Раза два по вызову и наряду штаба дивизии, я возил цин-вана Жамболон⁴³¹, который занимал большой пост в Монгольском правительстве и в то же время был посредником между живым богом Богдо-хутухта-гэгэном и бароном. Я слышал, что в прошлом Жамболон (смесь бурята с монголом) был скотопромышленником около русской границы. Он бегло говорил по-русски. Унгерн пригласил его к себе в дивизию, зная, что этот ловкий делец будет служить ему, как носитель и как проповедник среди религиозных монгол новой идеи и плана барона о возвращении на монгольский трон Богдо-хана, в то время находившегося под домашним арестом по распоряжению китайских властей, оккупировавших Монголию. За это монголы должны будут помочь Унгерну образовать военную базу, откуда начнется поход против большевиков.

Очевидно, Жамболону понравилось, как я его возил, потому что в приказе по автокоманде, наряду с указанием об откомандировании автомобиля великому князю цин-вану Жамболону, шофером был назначен я. Юрта, в которой жил Жамболон, была поставлена на деревянном помосте с перилами. Она была покрыта белым войлоком и украшена разноцветными лентами. Внутри стены и пол были покрыты дорогами персидскими коврами. В середине юрты на полу, вместо обычного очага, стояла круглая, кафельная печка; на низком резном столике помещалось изображение Будды и другие религиозные реликвии; на двуспальной кровати

лежала горка расшитых золотом подушек; на этажерке, украшенной яркими медными шарами — граммофон.

Юрта, в которой я жил с сержантом его личной охраны, была установлена на земле. Мы оба спали на железных кроватях. В юрте, соседней с нашей, помещалась охрана, денщики и наш повар-монгол. Автомобиль “Додж”, выпуска 1918 года, как я потом узнал — реквизируемый у корейского доктора, стоял между юртами, на ночь закрытый войлоком.

Приготовление к поездке сопровождалось энергичной работой очень заинтересованных моих подручных монгол, выбранных и обученных мною из чинов стражи. Двое следили за шинами: норма — 150 раз качнуть каждую спустившую воздух шину ручным насосом. Один следил за уровнем бензина в баке и масла в моторе; следующий кипятил воду для радиатора и, наконец, еще несколько энтузиастов полировали капот и кузов. Самому сильному приходилось крутить заводную ручку (самопуска не было). Этот силач крутил лихо, постоянно откидывая свою длинную косу, которая вот-вот наматывается на заводную ручку...

Я заводил мотор; не привязанные монгольские кони дрожали, поджимали зады и жались к юртам, дети разбежались. Выходил Жамболон, высокий, сутулый, сухощавый, с тонкими чертами красивого, оливкового цвета лица, одетый в брусничного цвета, шелковый, с длинными рукавами халат, поверх которого была застегнута голубого шелка безрукавка. Его бархатная круглая шапочка с темно-красным шариком наверху была украшена тремя павлиньими перьями, — это свидетельствовало о его титуле вана. Жамболон, не открывая дверки, заносил свою ногу в красного сафьяна ичиге через борт открытого автомобиля, плюхался на сиденье, и его “Пошел, паря!” было сигналом к движению.

Главным визитом было посещение Богдо-хана в одном из его трех дворцов, двухэтажных деревянных домов, выкрашенных в зеленый, красный и белый цвета, в которых по очереди жил Богдо, в зависимости от предсказаний лам. Пока Жамболон совещался с хутухтой, я допускался в нижний этаж дворца, где на полках были собраны нужные и ненужные предметы европейской культуры: граммофоны, пианино, химические аппараты, хирургические инструменты, коллекции часов, ружья, револьверы, пистолеты различных времен и конструкций. Из граммофонных пластинок мне был приказ от Жамболона — брать только марши и польки. Чтобы убить время, я слонялся по двору, заходил в гараж, где находились три автомобиля с воздушным охлаждением марки “Франклин” и один “Форд” с китайским паланкином вместо кузова; и когда мне было больше не о чем говорить с разодетым в шелка, но в европейских ботинках с крагами, личным шофером Богдо-хана, я шел в зверинец.

Чтобы дойти до клеток диких зверей, до белого слона и до белых, необычайной величины, дромадеров, надо было идти по деревянному тротуару. С двух сторон на меня бросались громадные псы. Они, все прикованные, стояли на задних ногах, подерживаемые натянутыми цепями, из открытых пастей изрыгая страшный лай и пену. Оступиться на тротуаре было очень опасно. Город Урга был окружен кучами отбросов. На эту свалку монголы выносили умерших. Собаки были священными санитарами: по ритуалу, умерший должен быть съеден собаками, если он угоден богам. Собаки тысячами жили на этих кучах в диком состоянии. По ночам лай этой тысячи

тысяч собак сливался в шум, подобный резкому воющему ветру во время морского прибоя. Горе заблудившемуся пешеходу ночью на этой свалке. Самые крупные экземпляры этих собак-людоедов и были представлены в этом коридоре.

Довольно часто по дороге домой мы останавливались в деревянном бревенчатом доме купца-бурята. За чайный стол с самоваром приглашался и я. Жамболон “приглядывался” к пригожей молодой, “сдобной” дочери бурята. Мне говорили, что его эти “ухаживания” увенчались успехом. У нашего автомобиля, за отсутствием батареи, огня не было. По вечерам Жамболон посещал бурятку на коне.

К молодому монголу, начальнику стражи — циріку, моему компаньону по юрте, приходила стройная, грациозная, краснощекая монголка. Их деловитая, без обаяний, без поцелуев и без стыда, любовь вначале меня шокировала, но потом... превратилась в забавный и волнующий спектакль, которого я стал дожидаться даже с нетерпением. Пока монголка оглядывала меня своими нескромными глазами-щелками с головы до ног, ее любовник перевел мне ее предложение... Соблазн был велик. Но в моих путешествиях по Азии (Монголии), я встречал безносых женщин, у которых висел маленький передник, подвязанный за уши и закрывавший ужасную дыру, которая заменяла разрушенный сифилисом нос. И только недавно я привез русского доктора К. и подслушал через войлочные стенки юрты его лекцию Жамболону об опасности и последствиях шанкра, а затем денщик вынес ведро с кусками окровавленной ваты. Я не был уверен в том, что эта монгольская “газель” не разделяет свое любовное ложе и с нашим шефом.

Я был доволен “новой страницей” моей жизни. Вместо вилки я подносил пищу ко рту палочками, вгрызался в только раз вскипяченную ножку барашка и отрезывал кусок от нее моим острым ножом как можно ближе к моим губам, пил зеленый чай с овечьим жиром и молоком яка, курил монгольский табак из длинной трубки и, кроме того, завел себе табакерку с нюхательным табаком с тем, чтобы предложить “понюшку” табака монголу-другу, который в свою очередь даст мне насладиться тем же из его табакерки.

Я научился приветствовать моих монгольских друзей, выставляя (протягивая) вперед мои руки ладонями вверх, на которые приветствуемый клал свои руки, если он чувствовал себя выше меня по своему положению. Но как бы верх вежливости — он мог подвести свои руки под мои, желая показать этим, что он признает мое превосходство над ним. И пока происходил процесс этого “рукоприложения”, мы, промодулировав наши голоса в тонах самых дружественных, мягких и уважительных, говорили друг другу: “Сайхум байна!..”

Здесь я научился любить монгол. Они, потомки Чингисхана, унаследовали характерные черты, только в обратном смысле их значения: вместо воинственных, грубых, жестоких победителей-деспотов — предков, они стали скромными, робкими, миролюбивыми, религиозными, часто эксплуатируемыми разными обманщиками и самозванцами.

КОРОНАЦИЯ БОГДО-ХАНА

Незадолго до коронации, Унгерн приказал начальнику авто-команды приготовить автомобиль в виде подарка Богдо-хану. Этот подарок должен был быть выкра-

шен в священный для монголов желтый цвет. Из немногих автомобилей команды был выбран 4-цилиндровый “Шевроле” выпуска 1916 года, с коробкообразным кузовом и плоской крышей, а так как при работе его мотора муфточки клапанных толкателей звенели почти так же, как бубенчики, то автомобиль был назван нами “табакеркой с музыкой”. Опыта в покраске автомобилей ни у кого не было. Красили, подкрашивали, закрашивали все в команде, стараясь хоть немного подравнять грубые мазки кистей, которые упрямо не желали исчезать под покровом новых мазков. Но автомобиль стал желтым.

Чтобы предстоящая коронация Хутухты получила мировую огласку, Унгерн отправил застрявшего в Урге писателя Оссендовского послом в Пекин, в иностранную миссию.

— Это мы с Вами будем страдать, пересекая Гоби? — спросил меня тучный, с эспаньолкой и испуганными глазами Оссендовский. Но я ему сказал, что его повезет прапорщик Л. и что будет не страдание, а сплошное удовольствие. Они доехали до Харбина благополучно. Успел ли этот польский профессор-писатель что-нибудь сделать в смысле международного оглашения об образовании Среднеазиатской империи в Монголии — неизвестно. Вскоре он опубликовал свою книгу “Боги, люди и звери”, в которой фантастически неправильно описал некоторых людей, принимавших участие в унгерновской эпопее.

Вторым гонимым за пределы Монголии к атаману Семенову был послан безногий генерал К-ий. Ему местный фельдшер в Кобдо ампутировал (пилой плотника) ступни отмороженных гангренозных ног. О его передвижении в сторону ст. Даурия и о его судьбе там мы ничего не знали.

До взятия Урги бароном, Монголия была под протекторатом Китая. Правитель Монголии — живой бог, Хутухта, Богдо-гэгэн, был лишен трона и по приказанию генерал-губернатора Сюй Шучжэна, находился под домашним арестом в его дворце. Перед последней (третьей) атакой на Ургу, барон послал гонимых в Тибет к Далай-ламе, призывая его к священной войне для защиты Желтой Веры. В ответ ему прислали отряд, состоящий из 100 торгутов (воинственное племя). Во время последней атаки на Ургу, этот же отряд выкрал Богдо-хана из его дворца и умчал в горы. В благодарность за его освобождение и взятие Урги, Хутухта дал барону титул хана. Барон же, в свою очередь, чтобы еще более склонить монгол на свою сторону, целью которой было образовать Среднеазиатскую империю для борьбы с большевиками, провозгласил день коронации Богдо-хана и возвращение ему его отнятого трона.

В день коронации вся дивизия Унгерна растянулась от дворца Хутухты и до центра города, где возвышался храм Майдари с его 80-футовыми башнями, выстроенными в тибетском стиле — там хранился трон гэгэна. Процессия открывалась ламами, которые шли парами и несли тугие свертки из леопардовых шкур, ими они отгоняли богомольцев, бросавшихся под ноги несущим паланкин с полуслепым, в темных очках, Богдо-ханом. За ними шли 12 пар телохранителей (гетуи) и 6 флейтистов. Замыкали шествие члены Монгольского правительства, ламы и толпа. Войска взяли на караул. Оркестр играл монгольский гимн.

Барон на белом коне, с золотой уздечкой, одетый в темнокрасный шелковый монгольский халат, с Георгиевским крестом на груди и генерал-лейтенантскими

погонами на плечах, произнес речь на монгольском языке, в которой он напоминал о былой славе монголов, потомков Чингисхана, и закончил ее заверением, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Богдо-гэгэна. Церемония коронации и горячее моление были произведены в храме Майдари. Мне говорили, что этот религиозный экстаз колоссальной толпы, заполнившей храм и запрудившей все наружное пространство вокруг него, поддерживался священнослужителями – ламами, которых было 15 тысяч в одной Урге.

Однажды, перед самой Пасхой, я был назначен вспомогательным шофером для поездки в сторону Кяхты. Шофером автомобиля (“Бьюик” 1918 года) был Николаев, старый колонист города Урги, отец многочисленного семейства. Он никогда на военной службе не был, а занимался перевозкой пассажиров от Урги до Калгана на своем автомобиле. Его мобилизовали в дивизию Унгерна вместе с его автомобилем. Для этой предстоящей поездки выбрали его, за его знание и опыт в езде по монгольским дорогам; меня же полковник М. выпросил у Жамболона только на пару дней, потому что все шоферы команды были в разгоне. Нашим пассажиром был начальник штаба дивизии, бывший присяжный поверенный г. Владивостока, Ив-ий.

Дорога от Урги на север, в сторону Кяхты, была в очень плохом состоянии, — это было время распутицы. Мы ехали по узкой долине, зажатой между рекой Тола с одной стороны и монгольскими гольцами с другой. Было много препятствий в виде сломанных мостов, разлившихся ручьев, ям, наполненных грязью, и местами сыпучего песка. Попадались крутые подъемы, на которые надо было взбираться, повернув автомобиль задним (самым цепким) ходом, и даже в этом случае помощник шофера должен был стоять на подложке автомобиля с большим камнем в руках, чтобы успеть подложить его под колесо скатывающегося назад автомобиля в том случае, если перегруженный мотор внезапно заглохнет.

Довольно часто, прежде чем переезжать раздувшийся ручей, я вылезал из автомобиля и шел по воде, выискивая самое мелкое место с твердым дном. Если вода была выше колпаков на колесах, то мы обворачивали магнето резиной от разрезанной старой камеры и отработанные части газа из выхлопной трубы выводили резиновым шлангом кверху. (Выхлопная труба автомобиля, оставленная под водой, глушит мотор моментально). Только после всех этих приготовлений Николаев решался переезжать воду. Немудрено, что к концу второй половины дня, мы проехали всего около ста верст и остановились у брошенного уртона (небольшой поселок, иногда станция для смены лошадей).

Обгорелые юрты, разбитые глиняные горшки, кирпичи и стекло, брошенные и втопанные в грязь, высохшие, потрескавшиеся овечьи шкуры — все это указывало на недавнее какое-то насилие и разрушение. Весь этот печальный вид привел нас в настороженно-беспокойное состояние, к тому же наш автомобиль застрял в грязи. Заднее левое колесо провалилось в глубокую яму. Автомобиль так круто накренился на левую сторону, что правое заднее висело в воздухе. Пришлось оставить мотор работать на малом холостом ходу, потому что перед автомобиля задрался кверху и было бы очень неудобно крутить заводную ручку, чтобы завести выключенный мотор.

Мы все разошлись по сторонам, ища что-нибудь, чтобы подложить под утонувшее колесо. Из живых существ в этом гиблом месте оказался только длинноногий,

страшно исхудалый, черный щенок. Он смотрел на нас издали, но не лаял. За ближайшей полуобгорелой юртой лицом вниз лежал труп монголки. Я повернул застывшее мертвое тело на спину. Убитая была молодой и большой. На левой стороне ее лба была небольшая дыра с обожженной кожей вокруг. Очевидно, выстрел убийцей был сделан в упор. Ив-ий сказал нам, что отступавшие китайские солдаты расстреливали монгол беспощадно за поддержку их освободителя, “белого хана” — барона Унгерна.

Вывернутым столбом, который служил для привязи лошадей, мы подняли автомобиль, но тут же пришлось опустить его назад в яму, потому что мотор вдруг заглох, и потому, что правое заднее колесо все еще было над землей, мы вдвоем смогли (включив скорость), вращая его, завести мотор снова. Пришлось прибавить больше оборотов мотора, который забурлил. Щенок отбежал еще дальше, а мы забеспокоились о том, чтобы не остаться без бензина. Пока мы трудились, поднимая автомобиль, засыпая яму битыми кирпичами, камнями и кусками войлока от погорелых юрт, день подошел к концу. Огней на автомобиле не было. Ив-ий решил спать в автомобиле до рассвета. Мы подняли верх автомобиля, закрыли целлулоидовые боковинки, съели свои бутерброды и приготовились к ночи. Николаев и я на переднем, а Ив-ий на заднем сиденье. После краткого обмена мнениями о нашей дневной поездке, как о медленной и малоудачной, и высказав надежду, что вторая половина пути будет лучше, мы приготовились ко сну.

Мои высокие сапоги, которые не раз намокали и высыхали за прошедший день, жали горевшие ступни ног; на спине, несмотря на меховую куртку, чувствовался ночной холод ранней весны. Сон не шел. Кругом была тишина, только изредка тихонько скулил щенок, но вскоре перестал и шуршал чем-то, где-то невдалеке.

Только утром я согрелся, крутя заводную ручку автомобиля, масло в картере загустело от мороза. Пока заведенный мотор разогревался, я обошел уртон в последний раз, чтобы содрать куски войлока с разоренных юрт на тот случай, если мы опять засядем в грязь. Зайдя за юрту, я увидел, что щенок, который упирался своими передними лапами в шею мертвой монголки, сожрал половину ее лица. В омерзении я хотел ударить собаку камнем, но вспомнил о монгольском похоронном ритуале: мертвые, угодные богам, съедаются собаками. Невинная жертва мести, монголка, погибшая насильственной смертью, будет угодна любому богу...

Оставшуюся часть дороги мы проехали без задержек. У деревни Хорал, пока Ив-ий совещался с командиром полка, мы наполнили бак бензином, поели горячей пищи в полковой кухне и, подобрав начальника штаба Ив-го, тронулись в обратный путь, надеясь проделать его до конца дня, все еще засветло. Нам сказали, что у деревни есть мост через реку и что если мы, переехав его, поедем домой по другой стороне реки, то дорога будет лучше и короче. Мы последовали этому совету, и действительно дорога, утоптанная караванами, была настолько хороша, что мы иногда ехали со скоростью 40 верст в час. Все были в хорошем настроении. Предстоящая ночь — Пасхальная ночь. Ив-ий сказал нам, что при Русском консульстве есть православная часовня, в которой будет Пасхальная заутреня. Там будет вся русская колония и, конечно, добавил он — он надеется, что все мы встретимся там опять.

Темы наших разговоров были разнообразные, но все они были бодрые, веселые и забавные. Ив-ийский допытывался у Николаева, как это случилось, что только

один его нос был весь изрыт оспой, в то время как все его лицо было чисто и гладко и не носило никаких следов этой болезни. Мы все рассмеялись после того, как медлительный в своей речи Николаев рассказал нам, как он забыл химический порядок наполнения батарей-аккумуляторов и, наливая кислоту в воду, вместо того, чтобы это сделать наоборот, не успел отклониться, когда вскипевшая смесь брызнула на его нос⁴³². В полдень мы подъехали к довольно широкому, раздувшемуся от весенних вод, ручью, который впадал в реку Тола. Мы остановились. Я снял свою меховую куртку и пошел в сапогах в мутную воду. Дно было твердое. Я сделал шаг вперед и... очутился в яме по пояс в воде.

— Влево, влево! — кричал Николаев. Влево было мелко, но топко. Я с трудом вытащил ноги и чуть не оставил сапоги в тине. Пришлось идти вправо от ямы. Усмотрев верблюжьи следы на другой стороне ручья, я вскоре обнаружил направление линии брода. Осторожный Николаев бросил мне нарезанные с прибрежных кустов прутья, чтобы обозначить желаемый переезд, что я и сделал. Только после всего этого автомобиль благополучно переехал через воду. Дрожа, я разделся, выжал воду из моей одежды, вылил воду из сапог. Николаев искал сухих тряпок под передним сиденьем, чтобы я мог обернуть в них ноги вместо моих мокрых носков. Тряпок не было, но зато он нашел маленькую электрическую лампочку для автомобильных фар. Мы обрадовались. Теперь, имея хоть один освещающий передний фонарь, мы сможем приехать в Ургу даже с темнотой.

Но тут же пришло и разочарование. Лампочка была одноконтakтная, а гнездо в фаре требовало двухконтakтный патрон. Нам сразу взгрустнулось. После некоторого раздумья, Николаев, который считался у нас в команде хорошим механиком, не сдался и обнадежил нас, сказав, что, разрезав металлическую базу лампочки и зажав тонкую проволоку в разрез, мы добавим второй нам нужный контакт. Что он и сделал. Точно радующиеся малые дети у зажженной елки, мы радовались, глядя на немного тусклую в заржавленном рефлекторе, но все же светящую лампочку... Мы тогда не знали, сколько этот внезапный успех принесет нам страданий и горя.

Дорога была ровная и твердая. Мы ехали, не останавливаясь со скоростью 35–40 миль в час. Хорошее настроение продолжалось. Всем хотелось говорить. Ив-ий рассказал про маловероятный, но действительный случай, как лама-гадальщик и пророк, разглядывая линии, трещины и пятна на обожженной косточке совы, предсказал суеверному Унгерну абсолютную победу во всех его военных начинаниях, но за это барон должен был послать драгоценные подарки хану подземного царства, и что вход в это подземелье известен только ему — ламе одному. И как два казака, по приказанию Унгерна, выпороли бедного ламу ташурами за то, что он не мог найти этого входа в подземное царство.

В свою очередь Николаев рассказал о группе молодых монгольских князей, которые захотели учиться автомобильному делу — как управлять, а также получить знание о работе мотора. Полковник М., начальник авто-команды, посоветовавшись с кладовщиком команды, решил, что князья должны начать школу с самых начальных шагов — ухода за автомобилем и так как в команде был острый недостаток в исправных шинах и камерах, то, усадив князей, за отсутствием другого помещения, в задымленную баню, заставили их клеить латки на камеры и вставлять резиновые манжеты в пробитые покрывки.

Итак, князя голубой монгольской крови сидели на банных полках и при свете свечей клеили латки на уже много раз латаных шинах. Вскоре ученики запротестовали, заявив, что они хотят учиться управлять автомобилями. Полковник М. сразу же распустил эту школу, сказав, что вследствие недостатка исправных автомобилей в команде, он не может рисковать имеющимися на ходу автомобилями для обучения монгол; к тому же монголы не говорили по-русски. Так неожиданно закончилась неудавшаяся попытка потомков Чингисхана изменить способы передвижения — вместо коней машинами.

Темнота застала нас недалеко от Урги. Хотя одинокая светящая лампочка и помогала, но все же скорость нашего передвижения свелась к 15–20 милям в час. Сначала меня стало морозить, а потом, когда мокрая одежда стала действовать под меховой курткой, как согревательный компресс, мне стало жарко. “Это пустяки, — думал я — скоро дом и сухая перемена”.

Около 8 часов мы подкатили к дому штаба. У освещенного окна стоял маленький, лысый, с усами запорожца, полковник Сипайлов, подергивая щекой, он возбужденно показывал кому-то в комнате на перед нашего автомобиля. Ив-ий, поблагодарил нас за благополучную поездку и, поздравив нас с наступающей Пасхой, ушел. Николаев, быстро проехав пустые улицы, вкатил во двор автомобильной команды. После того, как мы доложили вкратце наши дорожные приключения полковнику М. и я стал готовиться сменить мою сырую одежду на сухую, позвонил телефон. Обоих шоферов, привезших начальника штаба Ив-го, требуют явиться в штаб немедленно, — сказал капитан Л., принявший приказ из штаба — Очевидно, Ив-ий доложил барону о ваших затруднениях в дороге и о том, как в конце концов поездка выполнила свое задание и окончилась благополучно. Я уверен, что вы оба получите хорошие наградные к Пасхе, — добавил он. Мы, Николаев и я, не имели в этом никакого сомнения. В спешке я даже оставил мою меховую куртку на своей кровати, и мы быстро зашагали к штабу.

— Не важно — будут ли это царские серебряные рубли, японские иены или китайские слитки серебра — все сгодится для покупки пасхальных подарков для моей жены и шестерых детей, — довольно оживленно проговорил, отдуваясь, шагавший Николаев.

Как только мы вошли в подъезд, из боковой двери штабного дома вырвался хорунжий Бур-кий⁴³³.

— За мной! — Он гаркнул и, не дожидаясь, зашагал вовнутрь двора. Он шагал высокий, широкоплечий, в папахе и в монгольском кафтане, с ташуром в руке. Опешенные, предчувствуя что-то недоброе, мы следовали за хорунжим. Прошли первый внутренний двор, где стояла большая, белого войлока юрта, в которой, как мы знали, спал барон, прививавший всем и самому себе монгольский уклад жизни. Во втором дворе Бур-ий подвел нас к лестнице, прислоненной к крыше навеса.

— Залезай наверх! — Он крикнул, показывая ташуром на крышу и шипящим сдавленным голосом:

— Сукины сыны! (Он не знал, что я офицер, я был в гимнастерке, без погон). Когда доставить важное донесение от дедушки на фронт — огней в автомобиле нету, а когда домой к Пасхе — они есть... А?

Мы окаменели. — Наверх! — уже заорал хорунжий и замахал ташуром так близко к нашим головам, что мы поспешили наверх... На почти плоской земляной крыше стоял с давно небритым лицом и грязными погонами артиллерист-фейерверкер. Понемногу приходя в себя, мы начали шептаться. Зашептал и он.

— Будучи дежурным, он проспал тот момент, когда верблюды, отпряженные от пушек, забрели на священную для монгол землю вокруг храма Богдо-хана и, потравив и затоптав ее, улеглись на ней. Барон, по словам фейерверкера, в начале своего правления в Монголии был особенно внимателен, подчеркивая свое покровительство и любовь к монголам. Только во время своих вспышек гнева он забывал эти добрые намерения. Мы вспомнили рассказ Ив-го о ламе, битом ташурами за его ложь о подземном храме. Поэтому, по мнению артиллериста, и наказание ему было скорее показное. Но все же он сидит здесь уже вторую неделю.

Наступила холодная ночь. Артиллерист спал, накрывшись своей длинной шинелью. Очевидно, он немного привык уже к этому наказанию за свое недельное пребывание на крыше. Николаев и я легли с ним рядом. Несколько плоских, высохших и грязных овечьих шкур, которые валялись на крыше, послужили нам и подстилкой и покрывалом. Я лежал на спине с закрытыми глазами и думал: вот мы, “без вины виноватые”, загнаны на крышу вместо заутрени... Думал о несправедливости судьбы, о тех страданиях, которые выпали на мою долю в такой короткий промежуток времени. Точно в полубредовом сне, передо мной пробежало мое недавнее прошлое.

Разгром красными нашей Южной Оренбургской армии адмирала Колчака... Мы бежим через Каркаралинские пустыни. Чехарда наших командиров — генерала Белова сменил атаман Дутов. Дутова заместил атаман Анненков, Анненков передал нас генералу Бакичу. Все это на бегу в Китай... Я выползаю на четвереньках из землянки на китайской земле навстречу весеннему солнцу. Распухший язык принуждает к молчанию, ноги полупарализованы, но я оживаю после сыпняка. Полторы тысячи верст на верблюдах к такому далекому сердцу Азии, к так манящей и желаемой Урге, где наступит конец скитаниям и начнется свободная, мирная, “штатская” жизнь... Арест и тюрьма в Урге. Тяжелое обвинение. Мы, якобы, остатки разбитого и отогнанного от Урги отряда барона Унгерна... 104 дня в монгольской темнице. Взятие Урги Унгерном и наша свобода, но... опять военная страда.

Наплывала нестерпимая тоска и страх перед неведомым будущим... Я лежал и старался не думать ни о чем... Вдруг из-под крыши внизу раздался страшный человеческий крик, заставивший вскочить нас троих... Крик перешел в визг по мере того, как удары становились чаще, громче, сильнее. Мы застыли в ужасе. “Будем ли мы следующими? — пронеслось у меня в мозгу. — О нет, только бы не это!”. Резкий крик перешел в плачущий, просительный, умоляющий, а затем затих. Только слышны были глухие голоса. Следующее, что до нас донеслось, это был звук приставляемой лестницы к нашей крыше. Это согнало нас в кучу, как пригнанный скот на бойне. Мы обнялись и передавали дрожь друг другу. На крышу поднялся молодой монгол в мятой шелковой куртке. Он дрожал, всхлипывал и изредка икал. Его лицо было покрыто полосами грязи, в одной руке он зажал свою остроконечную шапку с павлиньим пером, а другая поддерживала его спадающие штаны. Дав ему немного времени, чтобы успокоиться после порки, Николаев узнал искреннюю исповедь молодого князя.

Барон назначил его представителем группы молодых монгольских князей, распространявших его новые идеи о восстановлении независимой, новой, воскресшей Монголии и его призыв к монголам о помощи людьми и провиантом в борьбе против большевиков. Князю был дан автомобиль с шофером. Голова вскружилась у обрадованного такой почестью молодого монгола. Не удержавшись от некоторых соблазнов жизни, он напился ханшина и “закуражился”. Приказав шоферу целый день ездить по улицам Урги, он сам сидел в обнимку с монголкой, а в другой руке держал древко с желтым флагом с Чингисханской свастикой на нем. Приказ взбешенного Унгерна был: “всыпать” провинившемуся князю 50 ударов древком этого самого желтого флага и вытрезвить на крыше. Мы, Николаев и я, были глубоко уверены в том, что нам тоже не миновать бы порки ташурами, если бы не было недостатка шоферов в дивизии... После порки наказанный не мог сидеть шесть недель.

Рассвет застал нас на ногах, трясущимися от холода. Вся крыша была покрыта инеем. Внизу на кухне китаец-повар разводил огонь. Он вышел и, точно считая нас, молча посмотрел на нашу жалкую группу, потом скрылся. С нашей крыши вид был один и тот же, как вправо, так и влево: плоские земляные крыши, китайские пагоды, задымленные верхушки юрт. С гребня нашей крыши была видна часть главной улицы и выходящий на нее узкий переулок.

Николаев вдруг вздрогнул, воспрянул и заволновался. Вдали на деревянном тротуаре переулка стояла его жена и шестеро его детей. Они глядели печально на своего отца, который, стыдясь этой унижительной формы наказания, сдержанно и застенчиво махал им рукой, а его жена плакала, платком вытирая слезы. Когда я отвернулся, чтобы не видеть этой удручающей картины, я заметил, что китаец-повар украдкой швырял куски хлеба и холодный картофель к нам на крышу. Он исчез сразу же, услышав чей-то кашель в соседнем дворе. Фейерверкер подобрал картофель и хлеб и, разделив их на четыре части, сказал:

— Этот китаец-повар хороший парень! Он это делает каждый день. Вечером он ставит на крышу чайник с горячим чаем. Нам, сидящим здесь, не полагается ни пищи, ни питья, и если его поймают, то ему не миновать порки ташурами. “Какие бывают различные китайцы — промелькнуло у меня в голове, — китайцы, которые нас, невинных, били, морили и гноили в тюрьме, так не похожи на этого самоотверженного повара, втихомолку подкармливающего совершенно чуждых ему белых людей”.

Мы ели лежа, закрывшись шкурами. День тянулся. Мы сидели, стояли, ходили кругами, заглядывали во двор, где жизнь шла своим чередом, и прятались за кирпичную трубу, как только замечали, что кто-то смотрит на нас снизу. Нам было стыдно встретиться глазами с кем бы то ни было: будь то глаза любопытные, насмешливые, сочувственные или угрожающие. Молодой князь спал, вздрагивая, всхлипывая и вскрикивая во сне. А мы — в который раз — обсуждали наше несчастье и ругали маленькую электрическую лампочку.

Вечером семья Николаева опять выстроилась в переулке. Поджав губы, со скорбным лицом, он помахал им рукой, как бы извещая, что он жив и все еще на крыше. Когда стемнело, китаец-повар с ловкостью жонглера поднял на бамбуковой палке с гвоздем на конце горячий чайник и поставил его на нашу крышу. Затем он бросил несколько китайских пышек, которые мы быстро подхватили прежде, чем они ска-

тились вниз. Пили чай по очереди, обжигая губы, рот и горло — прямо из носика чайника, в надежде зарядить теплом тело на предстоящий ночной холод. Пышки рассовали по карманам с тем, чтобы съесть их безопасно под покровом ночи.

Ночью, когда мучительные переживания нашего унижительного ареста были особенно остры, я думал о бегстве... С крыши на крышу можно было пройти через весь город, так тесны были одноэтажные постройки в Урге. Но вспомнил судьбу бежавших “недовольных шестидесяти”, зная, что белый беглец всегда будет выдан монголами, которые это сделают из благодарности белому хану — генералу Унгерну, освободившему их от китайцев и посадившему их живого бога Хутухту снова на монгольский престол.

Я лежал, накрывшись вонючей овчиной, глядел в беззвездное ночное небо, слушал унылый, протяжный и гулкий вой тысяч и тысяч собак и думал: когда же будет конец нашему наказанию? Прощал ли барон кого-нибудь когда-либо и оставлял ли провинившегося без наказания? Ну да, прощал. Я вспомнил поездку пяти автомобилей на фронт, под Кяхту, когда все пять “вышли из строя”. Несмотря на угрозу Унгерна смертью Мит-у, если хоть один из пяти не дойдет, Мит-н жив и здоров и по сей день. Я передал это двум другим, с упованием и надеждой на скорое освобождение. Николаев угрюмо молчал. По каким-то причинам его семья больше не появлялась на тротуаре в переулке.

Степан (так звали фейерверкера) пожевал губами, почесался здесь и там, оглянулся в сторону двора, затем на храпевшего невдалеке князя и, пододвинувшись вплотную к нам двоим, зашептал своим простуженным голосом, который сипел и шипел как осенний ветер:

— Вы, братцы, новички в нашей Дикой дивизии. Я же попал в нее у города Акши, откуда начался захват Монголии бароном. Я участвовал во всех удачных и неудавшихся налетах, наступлениях, победах и поражениях. Я знаю, чем “дышит, живет и действует” отряд, его начальники и сам барон. Но все же мне неоднократно было сказано, что я не подхожу “по духу” Дикой дивизии... Как же это подойти? У барона его дивизия составлена из русских, татар, монголов, бурят, чахар, торгутов и китайцев. Ими командуют свои офицеры, произведенные бароном из своих казаков, урядников, старшин. Для них его воля — закон. Японский отряд был подчинен японскому подполковнику Хирояма. Они ушли до взятия Урги, а чахарский отряд для связи был под командой русского еврея из Харбина В.⁴³⁴... Ну, куда ж мне было подтасовываться в такую разношерстную, разноцветную “семью”?.. Обычно флегматичный Степан, вспоминая, оживился и его шепот стал более беглым.

— Дважды в октябре мы бросались на Ургу и оба раза были отбиты. Китайский девятитысячный гарнизон Урги был отрезан тысячью верст от своей родной земли — Китая, и защита города была для него вопросом жизни или смерти. Он защищался яростно... После отступления, барон увел свою дивизию на Тэрэльдж, где и зимовал в гольцах. Страшно вспомнить это время, — Степан замолчал, как будто собираясь с духом, чтобы передать нам об этом страшном времени.

— Правду надо сказать, что без вины никого никогда не наказывали. Но для виновных наказания были жестокими: порка ташурами, сиденье на льду реки, и в то же время надо было поддерживать костер на берегу, сидение на крышах земля-

нок без воды и пищи... 60 человек офицерского полка, недовольные Унгерном, бежали на восток... Беглецы проскакали 2–3 дня без преследования, так как их отсутствие было обнаружено только через двое суток случайно вернувшимся из госпиталя офицером, который нашел офицерские землянки пустыми. Унгерн послал сотню торгутов в погоню. Коварные азиаты-торгуты знали, как ослабить и обезвредить безмятежно спавших беглецов: под покровом ночи они угнали всех офицерских лошадей. Два дня шла перестрелка, окончившаяся смертью всех шестидесяти недовольных офицеров... Поручика Ч.⁴³⁵, который травил ядом своих же раненых в санитарном обозе, чтобы после их смерти присвоить их деньги, барон приказал пороть три дня ташурами, а потом сжечь его живьем. Всей дивизии было приказано бароном присутствовать на этом кровавом спектакле. Со связанными ногами и руками за спиной Ч-в был подвешен к дереву над горящим костром, и со страшными проклятиями и ругательствами Унгерну медленно умирал этот грешник на огне... Офицер, посланный полковником Казагранди (оперировал против красных в районе Улясутая) для установления связи с бароном, не выдержал этого аутодафе и взорвал себя своей же гранатой. Степан замолк. Вдруг Николаев так затрясся, что с него сползла овечья шкура, я ее натягивал на него снова. Его зубы щелкали. Стал дрожать и я... Степан, заметив, как он смертельно нас напугал своим рассказом, молчал...

Рассветало. Николаев откатился от нас в сторону. Из-под овечьей шкуры были слышны его рыдания, постепенно перешедшие во всхлипывания и вздохи. Потом он стал недвижим, как мертвец... А я, от отчаяния и безграничного горя своего, готов был завывать так же, как выли тысячи собак на свалке города Урги...

Последующие несколько дней были без перемен. Изнуренные от нервного потрясения, холода и голода, выговорившись, мы покорились нашей судьбе и апатично ждали ее решения. Шестой день начался каким-то необыкновенным движением и суетой на улице внизу. Мы слышали шум автомобильных моторов, звуки катящихся колес, то ли пушек, то ли тяжелых фургонов, громкие голоса вестовых на скачущих галопом лошадях и ездовых, подгонявших своих, так характерно “клекающих” при беге рысью, верблюдов. Было ясно, что мимо прошел какой-то большой военный отряд, после чего стало так тихо, что до нас четко доносились временами визгливые нотки разговора китайцев внизу на кухне.

Этот день был богат новостями. В полдень во дворе послышалось цоканье копыт кованой лошади, и к моему удивлению и моей крайней радости, почти у самой крыши появилось лицо Жамболона в его бархатной шапочке с павлиньими перьями. Сидя на своей рослой лошади, он оглядел меня печальным взглядом и вдруг обрадовал меня коротким приказом:

— Паря, поедешь за Гэгэном-хутухтой на Керулен! Потом он повернулся к подошедшему справа к его лошади коменданту штаба, хорунжему Бур-у.

— Никто — хорунжий грозил пальцем в воздухе, — никто не смеет отменить наказание, данное дедушкой, кроме... кроме его самого, а он отправился сегодня с дивизией под Кяхту.

Жамболон повернулся ко мне, глаза его сузились.

— Слезай, паря! Я буду ответный!.. — и повернул своего скакуна так круто, что Бурд-ий быстро прижался к стенке юрты.

Потом я бежал на непослушных ногах, задыхаясь от охватившей меня радости свободы — неопикуемой радости, радости понятной только освобожденному узнику, и которая вот уже в третий раз обласкала меня в моей молодой жизни. (Одинокое заключение в Таганской тюрьме в Москве в 1919 году, 104 дня в монгольской тюрьме — 1920–21 г. и арест на крыше в Урге — 1921 г.). Потом, в нашем шоферском общежитии, я жадно хлебал горячие щи, слушая сочувствия других и новости в команде. Потом, в дымной, но уютной жаркой бане, смывал следы недельного пребывания на крыше и липучую вонь овчины.

На следующее утро я выехал из Урги. Со мной в автомобиле было двое лам и семифутовый монгол-цирик (солдат). Они все раньше никогда не ездили в автомобиле — огненной телеге — и на всякий случай захватили с собой седла. Наша цель поездки была встретить Гэгэна-хутухту около монастыря на Керулуне и привезти его в долину у священной рощи, где будет совершен ритуал божественного поклонения ему кочующих в этой области монгол.

После пяти часов езды по довольно хорошо утрамбованной караванами степной дороге, мы увидели небольшое пыльное облачко на горизонте, которое быстро приближалось к нам навстречу. Мы остановились. Подкатила четырехколесная безрессорная повозка с паланкином. Никакой упряжки не было. Поперек переднего конца дышла колесницы был прикреплен саженный шест, который был в руках четырех монгольских всадников. Живой бог — Хутухта, в желтом шелковом халате, с обшитыми мехом рукавами, увешанный четками, был поднят ламами и посажен ко мне в автомобиль. Я приложил руку к фуражке, отдавая ему честь. Он же, улыбаясь, с поспешной готовностью приложил свою руку к виску. Я заметил следы оспы на его лице. Спокойные приветливые глаза светились мудростью. Я чуть услышал его “Сайхум байна!”. Что-то детское, веселое и извиняющееся блеснуло в его улыбке и глазах, когда заторопившийся, запыхавшийся лама принес из колесницы большой золотой таз к нам в автомобиль. Я не знал, для чего был этот таз, но, судя по многим радостным восклицаниям антуража бога, он был каким-то нужным сосудом. Кроме Хутухты в автомобиль уселись трое лам, и мы были готовы начать путешествие.

Как только я завел автомобиль, он, будучи без глушителя, сначала выстрелил, а потом так зарокотал, что смертельно испуганные лошади рванулись в стороны, точно их сдуло каким-то смерчем. Они подпрыгивали, становились на дыбы, бросались на передние ноги, чтобы подбросить в воздух задние, крутились и металась... Но ни один всадник не вылетел из седла, только упали и покатались их остроконечные шапки. И, как бы в одобрение и похвалу этим лихим всадникам, я услышал сзади добродушный, мягкий, довольный смешок Хутухты.

Катили быстро по дороге, которая шла степью. Изредка приходилось брать между колес норы тарбаганов и сбавлять скорость, чтобы не наехать на диких коз, которые упрямо перебежали дорогу впереди нас, вместо того чтобы умчаться в сторону необъятных лугов. Седоки сзади молчали. Для них скорость автомобиля была чем-то новым. Монголы любят быстроту своих передвижений. На лошадях они скачут. Тут они переживали эту неиспытанную ими прежде скорость. Это новое ощущение и видимость этой скорости были им приятны. Я судил это по тем коротким восторженным цоканьям, горловым восклицанием, которыми они обменивались.

Путешественнику по Монголии кажется, что вся эта необъятная, зеленая, до самого горизонта раскинувшаяся степь людьми необитаема. Но стоит автомобилю остановиться, как точно из-под земли появляются одиночки и даже небольшие группы монгол, которые держатся на безопасном для них расстоянии и смотрят на Вас молча. Они, оставаясь невидимыми, наблюдают за всем, что совершается на их земле, и с такой же быстротой эта весть о случившемся передается от юрты до юрты, от поселения до поселения, от уртона до уртона... И Вы можете быть уверены, что не зависимо от того, где будет Ваша следующая остановка, там Вас тоже встретят зрители-монголы. Мы, русские, называли это “монгольский телеграф”. Очевидно, он работал вовсю теперь, во время нашего движения.

Насколько хватал глаз, с обеих сторон дороги, от самого горизонта были видны скачущие наперерез нашему автомобилю монголы. Те, которые успевали опередить нас, бросались на землю и лежали расprostертыми, пока Хутухта не пронесся мимо. Один из этих скачущих пилигримов пытался даже состязаться в скорости с нами. Чтобы подбодрить его, я сбавил скорость. Скопив глаза, я видел вначале небольшую с раздутыми докрасна ноздрями голову лошади и изумительно быстрые выбрасывания ее передних ног. Я еще замедлил ход, она продвинулась вперед; мохнатая, казалось, она вся вытянулась в беге, бросая комки земли из-под копыт и неся на себе довольно крупного, в красном халате, с непокрытой стриженной головой ламу. Он стоял на стременах вполоборота, лицом в сторону мчавшегося автомобиля. Дав ему возможность взглянуть на Гэгэна, я увеличил скорость и под довольно оживленные победоносные восклицания — “Болно арат, болно!”⁴³⁶ моих пассажиров, мы оставили ламу в облаке пыли далеко позади.

На ночь мы остановились среди гор в долине. Вдоль реки были видны белые юрты. Одна из них была на деревянном помосте и украшена разноцветными лентами. К ней-то я и подкатил своего божественного пассажира — Хутухту. В центре юрты, отведенной мне, уже горел костер, на котором в котле варилось мясо. Лама и молодой послушник накормили меня ужином, состоявшим из баранины с рисом. Тут же был высушенный на солнце овечий и козий сыр. Все это я запивал зеленым чаем с молоком яка и закончил урюком и убенами.

После моей голодовки на крыше, этот обильный ужин просто “расprostер” меня на войлочной подстилке. Я закрыл усталые глаза. Пахло войлоком, лошадиным потом и чем-то копченым, но поверх этих запахов — и, побеждая их — через открытый полог юрты плыл ночной, слегка дурмящий аромат полевых цветов и трав... Это последнее меня и усыпило...

Я проснулся с восходом солнца, вышел из юрты и... остолбенел. Вся долина была покрыта юртами и монголами. Мне представилось, словно я очутился в стане древнего Чингисхана, с той только разницей, что здесь не было ни воинов, ни оружия, ни диких криков и насилия. Я шел точно во сне, среди белоснежных юрт, которые, как круглые шапки гигантских грибов, усеяли зелень долины, и среди них колоритные группы мирных, дружественных и набожных монгол. Они, спешившись, сидели на корточках, сняв свои остроконечные шапки, курили свои длинные трубки и внимательно слушали наставления ламы. Он, увидев меня, понес навстречу мне свои, вытянутые вперед ладонями кверху, руки на которые я положил свои.

Затем мы обменялись табакерками и, сделав вид, что “понюшка табака” — свершилась, вернули их друг другу. Этот же лама указал мне на другую сторону реки, говоря, что там скоро начнутся скачки на верблюдах.

Я никогда еще не видел этого увлекательного зрелища и, кстати, хотел проверить такой малоизвестный и маловероятный слух о том, что скачущий верблюд выбрасывает свои длинные ноги во все стороны, только не вперед. Поэтому я решил непременно отправиться через реку, как только заправлю автомобиль для обратной поездки в Ургу.

Проходя через небольшую лужайку у самой роши, я наткнулся на “цветник” — на группу монгольских женщин с подрумяненными лицами, в ярких, разноцветных, шелковых дэли — халатах, с серебряными украшениями в их тяжелых косах, в цветных гутулах с острыми, кверху задранными носками. Все они были настолько красочны, что я, глядя на них, залюбовался ими. Очутившись в фокусе стольких женских глаз, я даже почувствовал какую-то легкую волну приятного смущения. Но все же не спускал с них глаз, стоял и... улыбался.

Они же в свою очередь уже, очевидно, зная мою роль водителя “мохортырга”, который привез их лучезарного Хутухту, кричали мне хором и вразбивку: “Сайхум байна!” И потом, почти что тем же хором, смеясь, убеждали в чем-то молодую смуглолицую монголку. Из-под ее круглой, малинового цвета, шапочки выбивалась и лежала на ее лбу серебряная челка: серебряными галунами была расшита голубая грудь ее дэли, закрытая рядами многоцветных бус. Она шла ко мне, улыбаясь всем своим широким, смуглым, в румянце, лицом и, как маленькая радуга, приблизилась и протянула мне свои руки в длинных, красного шелка, рукавах, на которые я с поклоном возложил свои... и вдруг я вздрогнул. Она больно ущипнула у локтя мою руку и, сверкая озорными глазами, звонко рассмеялась. Возбужденный, смеялся тоже и я... И не мог отнять своих рук — края рукавов моей куртки были зажаты в ее смуглых кулачках, а она продолжала смеяться возбужденно, отрывистым серебряным смехом, который звучал в моих ушах, как щелканье соловья. Мои восторженные, а потом — и вдруг — “размякшие” глаза дали ей знать о ее силе и власти надо мной. Она стала серьезной, ее щелки-глаза вдруг округлились и в потемневших зрачках прочел я вызов...

Я опешил. В ответ на этот зов — остаться? А как же? Я перевел глаза на ту сторону реки. Там я увидел уже скачущих монгол-подростков на молодых верблюдах. В досаде на этот момент, требовавший внезапного решения, я, презирая себя за свою виноватую улыбку, ушел... ушел, пообещав вернуться. Расспрашивая про скачки и про место переправы на другую сторону реки, я немного задержался. Когда я вошел в мою юрту, в углу, на войлочной подстилке, на которой я спал прошедшую ночь, сидела улыбающаяся монголка. Возле нее лежала малиновая шапочка с серебряной челкой. Я не пошел на скачки.

Перед отъездом я снова прошел по стану. У плотно завешенного входа юрты Хутухты двое пожилых лам в желтых шелковых полукафтанах, принимали “хадаки” — подношения от коленопреклоненных богомольцев. Стопка из этих голубых шелковых платков уже доходила до пояса ламы, а он взамен касался лба пилигрима красной кистью шелкового каната, конец которого скрывался в юрте и, как предполагалось, был в руке самого живого бога — Гэгэна.

Солнце было уже высоко. Словно падающие серебряные бусы, доносились трели жаворонков из поднебесья. Я почувствовал радостный душевный подъем, точно я попал в какую-то удивительную волну, — она захватила и несет, передавая мне от этих восторженно-набожных, преисполненных благоговением почти до религиозного экстаза, монгол желание “весь мир заключить в мои объятия”. Это все было, как чудный сон. И вдруг... Мрачная мысль взметнулась в голове. Что-то ожидает меня в Урге? И я вспомнил, как хорунжий Бур-ий предостерегал: “Никто” — он грозил пальцем в воздухе, — “никто не смеет отменить наказание, данное дедушкой, кроме... кроме него самого”. В мрачном настроении я возвращался в Ургу; я не знал, нужно ли будет мне сесть снова на крышу и ждать личного распоряжения барона о моем освобождении из-под ареста? Или, я снова поступлю в полное подчинение Жамболону и, под его защитой, останусь на свободе?

Со мной ехал стриженный, сухенький, обвешанный четками, в красном халате, лама. Я обещал довести его до монастыря, расположенного в 10–15 верстах к западу от Урги. Сначала он сидел молча, перебирая четки, но монотонно жужжащий автомобильный мотор, очевидно, вызвал в нем желание к песнопению. Его приятный, хриловатый голос изредка, переходил в высокие ноты фальцета, и пение его напоминало “йодлинг” альпийских пастухов... Это действовало успокоительно на меня, и я переключился от подавленного настроения к бодрому, уверяя себя, что, несмотря на все временные несчастья, выпавшие на мою долю, впереди у меня еще много лет “ковать свою фортуна”.

С последних холмов, окружающих долину р.Тола, показалась широко раскинувшаяся Урга. Среди низких построек, выделялся двухэтажный, темно-красного цвета дом Русского консульства. В нем, как на малом острове среди бушующего океана, за все время упорных боев за Ургу укрывалась группа русских титулованных беженцев. Причиной их безопасности послужило то, что здание было в версте от города, по дороге к китайскому пригороду Маймачен, и то, что в нем все еще жил русский консул. Абсолютное невмешательство этой группы в дело нашего освобождения из тюрьмы, очевидно, послужило доказательством их лояльности к китайским властям и их не трогали...

Я ехал не торопясь, навстречу моему, такому неизвестному и, возможно, к такому грустному будущему. В моих мыслях неотступно был барон. Кто он был? Он не был сумасшедшим. Там, где приходилось проявить нормальные человеческие чувства — они у него были! Желание внимания, влюбчивость, ревность. После взятия Урги, в Консульстве был парадный обед, на котором присутствовал барон. Как мне передавали, он сидел рядом с женой бывшего вице-губернатора города О.

Не терпевший, по его собственным словам “баб”, он молчал и вел себя конфузливой букой, пока умница, черноокая аристократка, не приручила его своими разговорами о буддизме, его легендах, ритуалах и популярных сказаниях. Барон оживился, повеселел и, в свою очередь, говорил о переселении душ, о том, как он прислушивался к шуму ветра в лесу и в траве, о том, как он наблюдал полет птиц и вслушивался в их крики, и все это вошло в его мышление для самосовершенствования, наряду с христианством.

Слева, рядом с бароном, сидел его любимец, есаул Кучутов — сорвиголова, весельчак и обладатель приятного и мощного баса. Когда-то регент Иркутского

архиерейского хора уверял, что только отсутствие сценической внешности препятствует Кучутову заменить Шаляпина. У певца-буряты был торс циркового атлета, длинные, до колен руки и короткие, кривые ноги. Дима не горевал над своей внешностью; из бывшего молодого Иркутского дантиста он превратился в лихого наездника-казака. Они, вместе с Тубановым, во время атаки на Ургу ворвались во дворец и вынесли на руках Хутухту и, поддерживая своими могучими руками живого бога за его талию, между своих скакунов, умчали на священную гору Богдоула... За этот подвиг Богдо-хан дал им обоим звание гунов (князей) и по арабскому коню из своих конюшен.

По настойчивым просьбам присутствовавших на обеде, Дима, под мастерски подобранный и также мастерски сыгранный, аккомпанемент на рояле вице-губернаторши, спел застольную. Унгерн был заметно очарован хозяйкой, а она, в свою очередь, своими гостями, в частности, бароном и певцом Димой. Говорили, что барон потом часто передавал поклоны, через Диму, баронессе А.⁴³⁷, а тот, передавая поклоны, очевидно, не забывал себя, напевая любовные мотивы и... “переиграл”.

Однажды вечером, Унгерн, объезжая сторожевые посты, остановился у консульского дома; вдоль ряда привязанных, оседланных лошадей, он усмотрел буланого арабского коня, который, переступив повод передней ногой, запутался в нем так, что себя стреножил и стоял со своей мордой низко притянутой к своей передней ноге. А из окон второго этажа, Димин сладкий голос, под аккомпанемент рояля, слал в душную монгольскую ночь призыв: “О, милая, доверьтесь мне...”. Возревновавший барон послал наверх сопровождавшего его дежурного офицера по гарнизону с приказанием: есаулу Кучутову, за небрежность к казенному имуществу (коню), немедленно сесть на крышу. Напрасно Дима уверял, что его араб находится на подножном корму в табунах и что запутавшийся конь не его, а Тубанова — все же он переночевал на крыше...

Как только я въехал в Ургу, какая-то перемена привлекла мое внимание: скамейки, обыкновенно занятые свободными от нарядов солдатами, перед комендантским управлением, были пусты; самого коменданта, полковника Сипайлова дом, рядом, был заперт и оконные шторы спущены; беговая двуколка, на которой этот стареющий полковник-щеголь, в синем, мехом опушенном кафтане, пускал полной рысью чистокровного жеребца по улицам города, была прислонена, оглоблямиверху, у конюшни... Многие китайские лавки были закрыты... Редкие прохожие смотрели на мой автомобиль и на меня с какими-то настороженно-вопросительными взорами, точно спрашивая: “Кто ты и откуда?”

Переехав Ургу, я ссадил ламу, в верстах десяти к западу, у его монастыря. Там же я встретился с санитарным обозом. На передней телеге, с лицом белым как мел, лежал с забинтованной ногой, доктор К. Ко мне подошел фельдшер, сопровождавший этот обоз с ранеными, и попросил меня довести страдающего от тряски в телеге доктора и его самого в Ургу. Я знал фельдшера Струкова: он сидел вместе со мной в тюрьме, и, конечно, согласился. Я ехал медленно назад в город, чтобы дать себе возможность выслушать все то, что мне говорил, сидящий со мной на переднем сидении, фельдшер:

— Унгерн рассчитывал на дополнительную мобилизацию среди русского населения на пути его дивизии к Кяхте. Каково же было его изумление, когда первые две русские деревни, к которым он подошел, оказались пустыми. Разгневанный барон приказал сжечь всю, оставленную населением, деревню. Из крайней избы, спасаясь от дыма и огня, вылез кланяющийся в пояс седобородый старик. Унгерн приказал подарить ему лучшую избу — в следующей деревне; она оказалась тоже пустой, но ее не жгли, только для того, чтобы дать старику хороший выбор.

Красные, давно поджидавшие наступление барона, выставили пятидесятитысячную армию для его встречи. Хотя Унгерн и знал о таком численном превосходстве красных, но он все же решил прорваться в Троицкосавск и Кяхту, где, по донесениям, было сильное белое подполье. В первом же бою артиллерия красных, собранная со всего Иркутского военного округа и Забайкалья, картечью расстреляла значительную часть конницы барона, отбив его дерзкую атаку. Сам барон был ранен в ягодицу.

— Дура пуля — нашла же место, — ругался он, сидя боком в седле.

Дивизия под давлением красных отступила в гольцы к востоку, открыв дорогу на Ургу для большевиков. Эта крупная неудача имела большие последствия. Обходя ночью бивуак, Унгерн увидел раненых, лежащих рядами на траве, в то время как врач спал в палатке. Взбешенный барон вбежал в палатку и одним ударом ташура сломал ногу спящему... — Струков кивнул головой назад на полулежащего на заднем сиденье доктора К.

— После этого, барон спохватился и вдруг пообещал больше не пороть своих “трусливых овец — офицеров”. Но было поздно... “Трусливые овцы” набрались храбрости и, в одну темную ночь, открыли пулеметный огонь по палатке правой руки барона, генерала Резухина. Генерал был ранен и, в то время как его адъютант перевязывал его рану, один из офицеров бывшей Оренбургской армии, не могший простить Резухину расстрел полковника Дроздова (см. “В монгольской тюрьме”), выстрелом в затылок убил его наповал. В двадцати верстах к востоку, где стояла другая полудивизия, заговорщики употребили тот же прием “ликвидации” барона. Из-за темноты пулеметный огонь ошибочно изрешетил палатку вестовых. Барон выбежал, вскочил на своего коня и поскакал под защиту торгутской сотни... За ним гнался сотник М.⁴³⁸ и, по его словам, стреляя по Унгерну, кричал: “Остановись, дурак, трус”... Торгуты сочувствовали заговору; они, молча, навалились на барона и, связав его, уготовили самую страшную для Унгерна меру наказания — оставили его связанным на дороге, где он и был подобран разведкой наступающих красных. Барона возили по улицам г. Иркутска в клетке на телеге — напоказ жителям. На суде над ним в Новониколаевске Унгерн держался вызывающе и, если не молчал, то ругал своих судей, пытавшихся допрашивать его о его “преступных планах”. Там же он и был расстрелян...”. <...>

Я, назначенный на должность личного шофера вана Жамболона — посредника между бароном и Хутухтой, живым Буддой Монголии — остался в стороне от этого военного вихря и оказался наблюдателем той полупоэтической эпопеи. <...>

С. Лавров. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания)⁴³⁹

<...> За прошедшие 20 лет ко мне обращалось много лиц, прося дать материалы о событиях в Халхе 1920–21 годов, участником коих я поневоле очутился, но все просьбы я отклонял, так как у самого меня не выкристаллизовалась беспристрастная оценка многих событий. Историческая правда выясняется лишь спустя много времени. Участникам событий трудно отказаться от личных взглядов. <...> Горсточка героических людей в холодную зимнюю пору изгнала из Внешней Монголии 15000 китайских солдат, прекрасно снабженных и располагавших отличной техникой, с ними изгнала и весь хорошо налаженный китайский административный аппарат и возвратила власть в стране законным владельцам. <...>

После упразднения монгольской автономии в Урге было объявлено военное положение, и власть от Чэнь И перешла в руки китайских генералов. Чайванов и Ко пролезли в главный штаб и передали списки неблагонадежных русских. Генерал Го Сунлин отнесся к доносчикам с полным вниманием. <...> В последующие дни арестовано было человек 30 русских, в том числе Д.П. Першин, мой квартирант Щапов и др. Они содержались в тюрьме. <...> С ноября месяца 1920 г. по 1 февраля 1921 года на просторах Монголии китайскими солдатами было убито больше 100 чел. русских, пробиравшихся с запада от Кобдо в Хайлар. Имен их не знаю. <...> Вина за расстрел русских людей в Урге и ее окрестностях лежит, главным образом, на Чайванове, свящ. Парнякове и Ко. Они же были виновниками жестокого содержания русских в тюрьме. <...>

Написать сколько-нибудь правдивую биографию ген. Унгерна оказалось нелегко. Прочитал 5–6 биографий о ген. Унгерне, но все они, в основном, не отвечали истине. Сплошной вымысел в изложении Ф. Оссендовского и списанный у него есаулом Макеевым. Наиболее правдивая написана Н.Н. Князевым. Только послужной список, или данные брата ген. Унгерна — барона Константина Федоровича Унгерна могли бы дать верные биографические материалы, но послужной список погиб⁴⁴⁰, а с бароном Константином Федоровичем Унгерном автору не посчастливилось встретиться в эмиграции. В эмиграции (Шанхай) пребывает дальний родственник ген. Унгерна, барон Р. Унгерн-Штернберг, который имеет полную родословную дома “Унгариа” (изд. в 1940 г. в Риге). Барон Р. Унгерн был так любезен: уделил на справки несколько часов и прочел все, что касается Романа Унгерна, но, к сожалению, ему семейной хроникой отведено немного места. Биография в изложенной вариации в какой-то степени верна, но страдает целым рядом “провалов”, кои заполнить не удалось за неимением источников, или противоречивости таковых.

Примерно в начале XII века из Венгрии в Галицию переселились два родных брата де Унгариа. Оба они женились на родных сестрах славянского князя Ливов. Отсюда пошли два старейших рода Унгернов и Ливиных, впоследствии светлейших князей. Из Галиции де Унгариа с семьей переселились в Прибалтику. Во время

владения Прибалтикой Ливонским орденом, де Унгария становятся баронами Унгернами, а во времена владычества в Прибалтике шведов услужливый историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии “Штарнберг”, отыскав какое-то родство рода Унгария с чешским графом Штарнбергом. Основная кровь рода Унгернов – венгеро-славянская. С течением времени к ней в большой дозе примешалась кровь германская и скандинавская.

Во времена ливонских рыцарей в Прибалтике, многие из дома Унгернов переселились в Пруссию. Во времена шведского владычества Унгерны переселились в Швецию. Таким образом, в истории Пруссии и Швеции с XIII–XVII веков часто встречается фамилия Унгерн-Штернберг на высоких постах.

Основоположником русского дома баронов Унгерн-Штернберг является барон Рено. При завоевании царем Петром Прибалтики, барон Рено Унгерн оказывал царю большое содействие по освоению русскими вновь завоеванного края. С другой стороны, барон Рено Унгерн выговорил у царя Петра много привилегий для края, особенно для дворянства. Он был первым предводителем дворянства Прибалтийского края. У барона Рено было много сыновей, откуда и пошел большой дом баронов Унгернов. Все они владели в Прибалтике значительными земельными угодьями и даже островами в Балтике. Так, остров Даго принадлежал одной из ветвей баронов Унгернов. Все бароны Унгерны пользовались полным доверием и близко стояли к престолу русских императоров в течение двух веков до самого конца — 1917 года. Больших постов бароны Унгерны в России не занимали. Они предпочитали оставаться у себя в Прибалтике – на своей земле, занимая по выборам всякие посты, но часть баронов Унгернов служила в армии и в дипломатическом корпусе.

Барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг родился в декабре месяце 1885 г. в гор. Граце (Германия)⁴⁴¹, где временно проживала его мать. Все детские и юношеские годы прожил в Прибалтике у себя в имениях. Образование, по программе средней школы, закончил с домашними учителями. Научно-умственный багаж его к 17 годам был достаточным. Знал хорошо русский, немецкий, французский языки и удовлетворительно английский язык⁴⁴². Ум его способен был разбираться в сложных философских вопросах.

В 1903 году поступил в Морской кадетский корпус, в младший гардемаринский класс. Началась Русско-японская война. Гардемарин барон Унгерн с большим трудом выходит из Корпуса и поступает добровольцем в один из пехотных полков (?), отправляющихся на театр военных действий в Маньчжурию. По одним сведениям, доброволец Унгерн принимал участие в нескольких сражениях против японцев и был награжден знаком отличия военного ордена 4-й ст., по другим, более верным, полк, с которым прибыл барон Унгерн, достиг Маньчжурии лишь в конце лета 1905 года и не принимал участия в боях⁴⁴³. Полагаю, что последняя версия верна потому, что не видел на груди ген. Унгерна солдатского Георгия. Если бы он его имел, то уверен в том, что он с гордостью его носил бы.

В 1906 году с полком вернулся из Маньчжурии в Россию и, выйдя из полка, вернулся домой в разгар революционного движения в Прибалтике. Барон Федор Унгерн (отец ген. Унгерна) во время беспорядков был убит, что положило в сыне глубокою ненависть ко всякого рода “социализму”.

Время требовало, чтобы барон Р.Ф. Унгерн определился на жизненном поприще. В 1906 или 1907 году (?) он поступил в Павловское военное училище, которое, как свидетельствует барон Врангель, окончил с великим трудом. По специальному ходатайству, по окончании Павловского военного училища барон Унгерн был произведен в офицеры с зачислением по Забайкальскому казачьему войску и назначен в 1-й Аргунский казачий полк и, по прибытии в полк, приписан к Цаган-Олуевской станции II отдела Забайкальского казачьего войска. С зачислением в казачье сословие, хорунжий барон Унгерн как бы порвал связь и прибалтийскими баронами Унгернами. Какие мотивы заставили хорунжего барона Унгерна сделать столь серьезный шаг — не известно. Разгадку нужно искать в складе характера. В бытность в Маньчжурии и проезжая через Забайкалье, барону Унгерну приглянулись просторы и дебри Забайкалья, где мятущаяся душа и склонность к авантюрам могли бы найти выход.

Первые служебные шаги в полку хорунжего Унгерна были не блестящими: много пил, был буйным во хмелю, с товарищами близко не сходилась, не любил повседневной размеренной жизни. Безудержно вспылчивый, замкнутый, гордый, самолюбивый, в умственном отношении стоял выше среднего уровня офицеров-казаков, жил в стороне от полковой жизни. По пьяному делу оскорбил сотника М. и в ответ получил саблей удар по голове. Рана скоро зажила, но ранение в голову впоследствии вызывало головные боли. Оба виновника скандала должны были оставить полк.

Хорунжий Унгерн был переведен в 1-й Амурский полк, стоявший в г. Гродеково в Приморской области, куда отправился одиночным порядком, верхом, в сопровождении лишь охотничьей собаки. Путь почти в 1000 километров по горам и долам, без запаса продовольствия. Жизнь и условия службы в Амурском полку хорунжему Унгерну не понравились. Он стал писать начальству о переводе его в Верхнеудинский казачий полк, часть которого стояла в Кобдо (Монголия). Монголия привлекала хорунжего Унгерна. Вероятно, из-за некомплекта офицеров в Амурском казачьем полку в переводе хорунжему Унгерну отказали. Получив отказ, вышел в запас и уехал в Кобдо.

Совершенно невыясненным остается пребывание барона Унгерна в Кобдо. По одним сведениям, он имел какое-то касательство к службе дивизиона Верхнеудинского полка, в котором служил хорунжий Б.П. Резухин, с которым он дружил, по другим сведениям, он остается запасным офицером и живет своей свободной жизнью, разъезжая по Монголии.

Так или иначе, но барон Унгерн провел в Кобдо 1913 и 1914 годы до начала Русско-германской войны. За это время он хорошо изучил монгольский язык, завел большие знакомства с монгольскими князьями, гэгэнами и влиятельными ламами. Изъездил Халху вдоль и поперек, и по праву мог считать себя монголоведом. Не будучи ревностным сыном христианской церкви (лютеранской), как некоторые полагают, в период времени 1913–1914 г. он принял ламаизм, но официально не порвал с лютеранской церковью. Надо думать, что за эти годы в голове барона Унгерна созрела фантастическая идея восстановить великую Монгольскую империю и сложилось все его мистическое мировоззрение, которое грубо формулируется следующим образом: при помощи монгол-конников восстановить в Китае императорский престол; при помощи монгол и китайцев восстановить в Европе феодально-

рыцарский строй и народные массы объединить в цехи. Мистика Центральной Азии, монгольские мифы, сказания наложили неизгладимое влияние на всю последующую жизнь барона Унгерна.

В 1914 году, при объявлении Германией войны России, барон Унгерн из Кобдо спешит в Читу и затем, чтобы с первым отходящим казачьим полком поехать на театр военных действий. Но в Чите выяснилось, что забайкальские казаки не предназначаются к отправке в первую очередь, ввиду не определившейся позиции Японии, и когда забайкальцы пойдут на войну и пойдут ли еще — неизвестно. Барон Унгерн едет самостоятельно на запад и поступает в один из второочередных полков Донского казачьего войска, действующего на Австрийском фронте.

В первых же боях сотник Унгерн выказывает примерную храбрость. Он один из первых офицеров полка — георгиевский кавалер. На него сыпятся награды и ранения, по счастью не тяжелые. Время поправки он проводит не в прекрасных полевых госпиталях, а в обозе II разряда полка. Как только в состоянии был сидеть на коне, шел в бой и, раненый, вновь ехал в обоз II разряда.

Когда полк родного Забайкальского войска прибыл к месту военных действий — на Кавказский фронт, подьесаул Унгерн поспешил возвратиться в свое войско и был зачислен в Нерчинский казачий полк, действовавший в районе озера Урмии (Армения). Революция 1917 года и развал армии на фронте заставил офицеров думать об укреплении фронта посторонними, не русскими силами. Есаул Унгерн организовал из добровольцев-горцев отряд и с ними нес всю разведывательную службу впереди “митингующего” полка. Здесь, в Нерчинском полку, есаул Унгерн близко сошелся с есаулом Г.М. Семеновым — георгиевским кавалером. <...> Барон Унгерн и есаул Семенов, как монголоеды, при развале армии, естественно, подумывали о создании бурятско-монгольских конных корпусов, кои сумеют подпирать разваливающийся фронт. Идеологом этой идеи был есаул Унгерн, а Семенов взялся осуществлять идею. <...>

В июне месяце 1917 года есаул Семенов получил от военного министра большие полномочия на формирование бурято-монгольских частей войск и выехал в Забайкалье, вызвав с фронта есаула барона Унгерна, на что имел специальное разрешение. К моменту прибытия в Забайкалье обоих есаулов, большевистские эмиссары уже сумели обработать местное население, и спокойным уголком оставался район, прилегающий к ст. Маньчжурия. Сюда прибыл есаул Унгерн. Нужно было организовать надежную ячейку. За это время есаул Унгерн из военнопленных добровольцев, содержащихся в Даурских казармах, сформировал полицейскую команду и при ее помощи установил контроль на линии железной дороги от ст. Оловянная до ст. Маньчжурия. <...> Полковник (?) Унгерн приступил к формированию Азиатской конной дивизии. <...>

Идея восстановления в Китае монархии не покидала голову ген. Унгерна. Он едет летом 1919 года в Пекин для ознакомления с маньчжурскими группировками. Пребывание ген. Унгерна в Пекине ознаменовалось двумя событиями: первое — грандиозный скандал, учиненный им в старом Русском посольстве, и второе — женитьба на принцессе Цзи. За неимением подлинных документов, остается неясным как первый, так и второй случай. Первый послужил лишь к веселым рассказам, но второй — женитьба — не пустой звук. Исторически, осталось в семейной

хронике баронов Унгернов следующее: “ген. Р.Ф. Унгерн-Штернберг женат первым браком на принцессе Цзи, рожденной в 1900 г. в Пекине, и в браке именованной Еленой Павловной”, вот и все. Баронесса Елена Павловна жила на ст. Маньчжурия, в то время как супруг жил на ст. Даурия, когда не был в походах против большевиков. Изредка супруг навещал баронессу. <...>

[После захвата Урги] Ген. Унгерн поселился в самой Урге, в брошенной китайцами “импани”. Во дворе было поставлено три больших юрты. Одну занял сам ген. Унгерн, в другой поместилось человек 5–6 прорицателей и третья юрта предоставлена была для штаба ген. Унгерна. Каковой разместились в фанзах. <...>

Ежедневно через границу Монголии с Русью бежали русские люди, спасаясь от ГПУ. Все из бежавших, способные носить оружие, зачислялись на службу в Азиатскую конную дивизию или в самостоятельно действующие отряды, увеличивая противобольшевистские силы. <...>

[Пленение барона Унгерна]. Хорунжий Шеломенцев⁴⁴⁴ рассказывает. 19 августа части Бишерельту-гуна, после ночного панического бегства из лагеря, приводили себя в порядок на обширном лугу небольшой реки, впадающей в Селенгу. Часов в 10 утра мы увидели скачущего к нам на Машке ген. Унгерна. Соскочив с коня, с которого ключьями падала пена, он в великом раздражении ругал изменников, ушедших в Маньчжурию. Ругал виртуозно, как могут только ругаться строевые офицеры. Отойдя немного от гнева, он приказал хорунжему Шеломенцеву пригнать гурт скота и выдать монголам мяса столько, сколько они могут съесть, полагая, что мясо размягчит сердца монгол: он был уверен, что монголы не изменят ему и пойдут с ним в Тибет к Далай-ламе, на дружбу которого полагался, так как не раз переводил ему крупные суммы чистого золота.

Монголы с удовольствием ели мясо, выслушивали планы ген. Унгерна, но мысли их были другие. Было приказано подобрать с бивака, где ночевала предыдущую ночь 2-я бригада, все второпях брошенное имущество. К вечеру ген. Унгерн отошел от гнева и был настолько милостив, что предложил русским офицерам и всадникам, находившимся при монгольских сотнях в качестве инструкторов, кто желает, ехать в Маньчжурию самостоятельно, или догонять бригаду. Хорунжий Шеломенцев с двумя офицерами выразили желание ехать и были отпущены. Через два дня хорунжего Шеломенцева догнали три офицера и три казака, и они рассказали: 21 августа на походе к ген. Унгерну подошел пешим Бишерельту-гун и попросил у генерала спичку. Ген. Унгерн отпустил поводья на шею коня и стал шарить в кармане тарлыка, ища коробку спичек. Используя беспомощное положение на седле ген. Унгерна, Бишерельту-гун ловким движением стащил ген. Унгерна с седла. Монголы связали ген. Унгерна по рукам и ногам крепкими сыромятными ремнями, поставили палатку, положили в нее “бога войны”, укрыли тарлыком. Покончив с ген. Унгерном, монголы бросились избивать русских инструкторов и перебили всех, кроме тех трех офицеров с вестовыми, кои увидели первыми поступок монгол с ген. Унгерном и, предчувствуя беду, “стреканули” в кусты. Монголы, покончив расправу, сели на коней и исчезли в неизвестном направлении. <...>

Разные источники о последних минутах жизни ген. Унгерна почти тождественны. Как будто бы до суда с ген. Унгерном большевики обращались хорошо. В Ново-

сибирске его содержали не в грязной тюрьме, а в особом доме под усиленным караулом. Есть данные отметить, что большевики предлагали ген. Унгерну службу в красной кавалерии, но это предложение им было отвергнуто. <...>

Баронесса Е.П. Унгерн-Штернберг, внесенная в фамильную биографию (изд. 1940 г., Рига), вероятно, жива и, по-видимому, можно было бы пролить свет на легенду, но ни обстановка, ни средства не позволили этого сделать. Говорят, что она живет при дворе императора Пу И в Чаньчуне, на вдовьем положении.

Лавров С. 1942. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай (рукопись). — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 48014-10.V, p. 1–141.

В.А. Морозов. Записки об эмиграции. Воспоминания⁴⁴⁵

<...> К разряду партизанских отрядов следует, по-моему, отнести дальневосточные формирования — движение атамана Семенова и действия отряда барона Унгерна. Но семеновщина слишком большое явление, в свое время претендовавшее чуть ли не на государственную власть. О Семенове и семеновщине писалось много, хотя, по-моему, и односторонне. Я с семеновским движением познакомился весьма поверхностно лишь в 1920 году, когда после крушения омской власти⁴⁴⁶ попал вместе с отступающими войсками в Читу. Более полугода полк, в котором я служил, сражался с красными в Забайкалье, но все это время мы продолжали оставаться каппелевцами, и с семеновцами сторонились друг друга. В силу этого, я считаю себя не в праве касаться в своих воспоминаниях семеновской эпохи. Может быть, дальше, вспоминая походы по Забайкалью, я что-нибудь и скажу о семеновщине, но будет это, так сказать, рассказ о себе, семеновцы будут чем-то вроде обстановки, окружающих обстоятельств. А вот о бароне Унгерне мне хочется рассказать то, что я о нем слышал. Хочется потому, что о нем почти никто ничего не говорил, а если и говорили, то однобоко и пристрастно. А слышал я о нем следующее.

Барон Унгерн не является, конечно, коренным забайкальским казаком. Возможно, что он был так называемым приписным забайкальцем, а может быть, только служил в забайкальских частях. Такое положение возможно: достаточно вспомнить генерала Тирбаха, Н.С. Грассе. Но чем-то с Забайкальем он был связан. Говорят, что он был хорошо образован, и своей культурностью, да и другими качествами, был на голову выше атамана Семенова. Сравнить их не надо: Унгерн просто был культурным человеком и, как говорят, прекрасным офицером. Известно его желание не связывать свою линию с линией Семенова, хотя и действовали они почти в одном районе.

Вступая в борьбу с красными, Унгерн ничего не искал для себя: ни чинов, ни славы, ни богатства. Он был жесток, но жестокость его была, если можно так сказать, организованной и принципиальной. Он считал жестокость лучшим и неизбежным методом в Гражданской войне. В отряде его, как говорят, царил железная

дисциплина, и то, что мы называем жестоким, творилось не самочинно бойцами его отряда, но лишь по его приказанию. Он был беспощаден не только к врагу, но и к своим подчиненным, нарушившим его требования или распоряжения. В личной жизни, как говорят, он был почти аскет, или, во всяком случае, весьма нетребовательным человеком. Он боролся потому, что считал большевизм величайшим злом, губительным для России и, возможно, шел на тяжелые нравственные лишения, заставляя себя быть предельно жестоким во имя дела, во имя борьбы за Россию.

Таким обрисовали мне барона Унгерна лица, к мнению которых я привык прислушиваться. А лично у меня возникают вот какие мысли, когда я думаю об Унгерне, его отряде и борьбе. В каком чине был Унгерн? Есаул, полковник, генерал? Кто-нибудь, даже, наверное, многие знали, но никто никогда не упоминал об этом. Всегда говорили и говорят о бароне Унгерне и только. Не сказывается ли в этом бессознательное признание, что Унгерн хорошо знал, за что борется, что ведомая им борьба была, к величайшему удовольствию марксистов, классовой борьбой, борьбой привилегированных с широкими массами, нарушившими нормальное течение жизни?

Вопрос о классовом характере белой борьбы никогда не поднимался и таковой она не была, и барон Унгерн, надо думать, никогда не мыслил свою борьбу, как классовую, но всегда как обоснованную, с ярко выраженной целью и методами, как борьбу сына и солдата своей Родины с ее врагами. А, может быть, сохранение за ним титула было и есть как бы подчеркиванием его полного противостояния принципам революции и, в то же время, некоторого уважения к нему за “открытое забрало”, за честность и прямолинейность его действий. И, пожалуй, не случайность, что имя барона окружено некоей таинственностью и даже мрачной романтикой, что именно о нем, а не о ком другом такой чуткий поэт, как Арсений Несмелов, написал балладу. Думается, что не только баллада Несмелова, но и другие легенды создавались о “даурском бароне”.

Я лично только один раз издали видел барона. Было это летом 1920 г. Наш полк преследовал отступающих красных вдоль Аргуни и дошел до станции Записной. Как тогда говорили, дальше идет труднопроходимая тайга, красные должны отходить по воде, и преследование их становится очень затруднительным, в силу чего дальнейшее преследование возлагалось на части Унгерна, а наш полк отводился с этого направления. И вот, когда мы отходили от Записной, навстречу нам двигалась воинская конная часть, во главе которой ехал офицер. Мы встретились не вплотную, нас разделяло некоторое расстояние, и подробно рассмотреть друг друга мы не могли. И тогда мне сказали, что воинская часть — унгерновцы, а офицер — барон Унгерн. Больше я его никогда не встречал. А в описанной встрече характерно то, что на части Унгерна возлагалась задача, трудноисполнимая для других. И так случалось, надо думать, не раз, причем барону не приказывали, а он по своей инициативе приходил на помощь и брался за решение трудных задач. Легких тропок для себя и своих бойцов он не искал.

Хочется повторить то, что я уже написал где-то раньше. В 1920-х годах в харбинской газете (по-моему, в “Заре”) были помещены два портрета — Дзержинский и Унгерн, а посвященная им статья была озаглавлена “Люди ли вы?” Возможно, что Унгерн — это Дзержинский справа. Но... победителей не судят, и в то время

как имя Дзержинского изо всех сил покрывается ореолом, имя Унгерна предается анафеме и, что хуже всего, оклеветывается и уничтожается. Не является ли это “революционной справедливостью в действии”?

Морозов В.А. Собрание воспоминаний и дневников: Записки об эмиграции. Воспоминания, тетрадь 8. Автограф. 5 мая – 10 октября 1968 г. — РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 15, л. 25–28.

[Памяти единомышленника]

Осенью 1921 года, в глубине Сибири, пал от руки палачей барон Роман Николай Федорович Унгерн-Штернберг. В среде людей бурного времени его фигура — характерная и яркая.

В течение Мировой войны — легендарный герой Юго-западного фронта; всякий офицер, приехавший оттуда, рассказывал о его невероятных, по безумной храбрости, подвигах: он неделями пропадал в тылу у противника, корректировал стрельбу русской артиллерии, сидя на дереве над вражескими окопами и т.д. и т.д.; шутили, что полковой командир, слышав его голос, прятался под стол, зная заранее, что он опять предложит какой-нибудь сумасшедший план, и не представляя, как от него отделаться. У Романа было несколько солдатских и офицерских Георгиев и георгиевское оружие. Его письма к родным напоминали песни трубадура Бертрана де Борна: они дышали беззаветной удалью, опьянением опасностью, чарующей и грозной поэзией войны; он любил войну, как другие любят вино, карты и женщин; и эта страсть была его силой и его погибелью. После революции он, будучи войсковым старшиной Нерчинских казаков, был отправлен со своим полком в Сибирь, где один из восьми, положил начало перевороту, приведшему к власти Колчака. Иностранец, бывший в то время в Сибири, которому Унгерн спас жизнь, рассказывает: “Нас грабили матросы; я запротестовал, и меня уже поставили к стенке, когда внезапно поезд остановился, в вагон ворвались казаки, и красивый офицер очень высокого роста, похожий на испанского мавра, выстрелом из револьвера уложил целившегося в меня матроса. Я пожелал узнать имя моего спасителя, вся грудь которого была покрыта Георгиями — мне сказали, что это полковник барон Унгерн, есаул атамана Семенова”. Погиб барон генерал-лейтенантом. Рассказ о созданном им движении есть достояние истории. Человек, освободивший от китайской власти миллионы квадратных километров, чье влияние сказывалось не только во всей Внешней Монголии, но и в Тибете, неутомимый противник большевиков — был схвачен врагами в первых числах августа, а судим в Новониколаевске, начиная со 2 сентября старого стиля 1921 года. Его неожиданно окружили на смотру, связали и увезли китайцы, а свои солдаты не защитили, так как они хотели пробраться в Японию, а он собирался через Туркестан произвести новый набег — “устали”, по-видимому. Его обвиняли: 1) в попытке, в союзе с японцами, свергнуть Советскую власть на Дальнем Востоке, 2) в провозглашении царем Великого Князя Михаила Александровича, и 3) в массовых избиениях крестьян и рабочих. Судьи показали себя невеждами; им пришлось объяснять, что “Срединная империя” — просто Китай, и они воображали, что Роман скажет им, где находится Михаил Александрович, и объяснит, на чем

основано его убеждение, что Учредительное собрание провозгласит восстановление монархии; он заявил, что это подсказывает ему его инстинкт... Трудно разглядеть истину сквозь отчеты совдепских газет — метод исторической критики сразу раскрывает ряд натяжек, обманов: а) признания обвиняемого не отделены от предъявленных ему обвинений и показаний свидетелей; б) ему влагают в уста заведомую ложь: что один из его родственников был осужден с Мясоедовым; под Сольдау погиб кузен Романа — Фридрих, — бросившийся в огонь, не желая пережить поражение; Роман знал это и не стал бы лгать; в) в начале говорится: “Он признается во всем, кроме союза с японцами”, а далее излагаются от его лица условия и подробности этого союза; г) среди всяких “зверств” ему ставят в вину расстрел священника, председателя комитета, “а какого, он не помнит” — действительное и неоправдываемое зверство. Далее вдруг выясняется, что священник этот служил шпионом, выдававшим большевикам белых офицеров... Суд описывается довольно подробно. Роман, должно быть, явился им воплощением контрреволюции “в желтом китайском халате с генеральскими эполетами и Георгиями”. “Он очень спокоен, но имеет утомленный вид; ответы его — краткие и твердые”. Его для начала зачем-то подробно спрашивают об истории его фамилии — должно быть, тысячелетняя кровь имела для его палачей особый *bouquet*, как старое вино... “На допросах он отвечает охотно, считая, что все равно его карта бита”. По-видимому, он все время старался оправдать других, доказать, что все делалось по его приказу, что с его пленением восстание кончено, и армия его потеряла всякое значение. Он старался сосредоточить на себе их дикую ненависть и довести ее до иступления, чтобы его сразу убили... Он отказался от последнего слова обвиняемого, предпочитая умереть в молчании и не желая метать бисера перед свиньями... Ему было тридцать пять лет.

Аристократ нерусской крови и нерусского склада, он — обнаружение силы русской идеи. Служил, как мог, вложил, как сумел, в судьбы России — неутомимый враг на поле сражений пруссаков и австрийцев, покоритель необъятных пространств Монголии... Девиз рода Унгерн: “Звезда их не знает Заката”. Да сбудется сие.

Ignota. 1922. Роман Николай Унгерн-Штернберг // Русская мысль (Прага). № 1–2. С.330–331.

Комментарии

¹ В документах об обучении в Морском кадетском корпусе и послужном списке Унгерна за 1913 г. значится 10 января 1886 года. О причинах разночтений см. выше.

² Оригинал — копия, снятая с ошибками и приложенная к делам суда Ревтрибунала. В пояснении отмечено, что он найден в Акше, в делах бывшего 2-го отдела Забайкальского казачьего войска. Воспроизводится с пропуском краткого послужного списка. Подлинник не обнаружен.

³ Железнодорожная станция Маньчжурия.

⁴ В оригинале “Дзина”. П. Дзыно — крещеный китаец, переводчик дивизии Унгерна.

⁵ В оригинале — “хорчины”. Харачины — одна из народностей Внутренней Монголии.

⁶ Маша — цыганка, любовница Семенова.

⁷ Хунхузы — китайские разбойники, организованные в шайки.

⁸ В оригинале — “хорчинские”.

⁹ В оригинале — “торгуты”. Торгоуты — монгольская народность, живущая в Монголии (в основном на реках Чингиль и Булган-гол), Калмыкии и Китае (Внутренняя Монголия, Синьцзян, Цинхай и Ганьсу).

¹⁰ Дауры — народность в Маньчжурии.

¹¹ Баргуты — народность в монгольском районе Барга (Хуланбуир) в Маньчжурии. В 1912 г. Барга отделилась от Китая и временно примкнула к Халхе.

¹² Имеется в виду железнодорожная станция Маньчжурия.

¹³ П.П. Малиновский, генерал, в предреволюционные годы — русский военный советник при Правительстве Богдо-гэгэна (Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак).

¹⁴ Вероятно, Фушенга — вождь харачинов (Юзефович, 1993, цит. соч.).

¹⁵ Международная Мирная конференция открылась в январе 1919 г. в Париже. Семенов пытался направить на нее представителей “Великой Монголии” (Юзефович, 1993, цит. соч.).

¹⁶ Панкхурст — известная суфражистка (Юзефович, 1993, цит. соч.).

¹⁷ Ее мужем был Д.Л. Хорват — генерал, начальник Китайско-Восточной железной дороги с 1903 г. В 1918 г. объявил себя временным правителем Приморской области.

¹⁸ Датировка неясна. Возможно, имеется в виду 1920 г. По-видимому, это объяснение написано Казачихиным в заключении в Харбине, куда он попал за растраты.

¹⁹ В оригинале — “диваго”.

²⁰ В оригинале — “Вам пошлют думаги целю дкесть”.

²¹ А.К. Еремеев — сотник, бывший адъютант Унгерна, один из его агентов в Маньчжурии.

²² В оригинале — “дача”.

²³ В оригинале — “не больше”.

²⁴ Атаман Г.М. Семенов.

²⁵ Сведения Казачихина относятся к Даурии (территория России).

²⁶ Дальневосточной армии.

²⁷ В это время Урга еще не была взята Унгерном.

²⁸ Имеется в виду глава Буддийской церкви Монголии Джебцзундамба-хутухта VIII (1870–1924).

²⁹ Этот захват не инспирировался Японией.

³⁰ Информация сотрудника секции восточных народов Гочитского, командированного в Монголию. Гочитский (Ц. Дашипилон) (1895–1941) — в 1921 г. уполномоченный по снабжению Монгольской революционной армии, член ЦК МНРП, в 1930-х гг. работал в СССР.

³¹ Д. Бодо (?–1922) — будущий премьер-министр Временного народного правительства Монголии, в течение короткого времени служил секретарем у Унгерна.

Джалханцза-хутухта Дамдинбазар (1874–1923) — влиятельный лама из Западной Монголии, где ему принадлежали 28 монастырей и храмов. С 1921 г. до смерти Богдо-гэгэна — премьер-министр Монгольского правительства; поддерживал связь с МНРП.

Да-лама — административная должность правителя монастыря. По-видимому, имеется в виду правитель главного монастыря Богдо-гэгэна в Урге.

Цэцэн-хан — титул правителя Цэцэнханского аймака Халхи.

Хатан-Батор Максаржав (Хатан-Батор-ван) (1877–1927) — монгольский князь, один из борцов за независимость Монголии. Среди монголов считался прорицателем. В 1919 г. был заключен в тюрьму китайскими оккупантами в Урге, откуда его освободил Унгерн. Богдо-хан назначил его военным министром, а в мае 1921 г. снял с этого поста и назначил командующим Западного округа, то есть направил в Западную Монголию. Там Максаржав перешел на революционные позиции. После этого жестоко расправлялся с белыми и с теми, кого подозревал в сочувствии им. Взял города Улясутай, Кобдо и Улангом. С 1924 г. военный министр МНР.

Тогтохо-гун — монгольский князь, русофил, один из героев борьбы против китайского господства. Расстрелян в 1922 г. по обвинению в заговоре против коммунистов.

Ван, гун и т.д. — князья различных степеней. Степени князей в нисходящем порядке: хошой цин-ван, цзюн-ван, бэйлэ, бэйсэ, туше-гун, гун. Тайджи — дворянин. Почетные звания: эрдэни, дархан, тушэту, дайчин, цзасакту, дадай, ачиту, батор. Тусулакчи — помощник князя, дзахирахчи — помощник князя по военным делам, мэрэн — полковник, дзангин — поручик.

³² В оригиналах — “Сюй-Чий-Чен, Сю Ши-чен”. Сюй Шучжэн (“Маленький Сюй”) — генерал, один из лидеров японофильской группировки Аньфу в Китае. Упразднил автономию Внешней Монголии.

³³ Чахары — воинственная народность во Внутренней Монголии.

³⁴ Теперь бывший ПАНО, влившийся теперь в Государственный архив Новосибирской области (ГАО).

³⁵ Л. Вольфович — крещеный еврей, агент Унгерна в Маньчжурии. В Харбине поступил на китайскую службу, был переводчиком китайского языка. Его брат служил в Азиатской конной дивизии.

³⁶ Малецкий — прапорщик, агент Унгерна в г. Хайлар.

³⁷ Жуч — чиновник Азиатской конной дивизии, затем коммерсант в Маньчжурии. В возмездие за евреев, которых истреблял Сипайло в Урге, взял на себя командование одним из китайских разведов, отправленных для поимки Сипайло после ухода белых из Урги, и арестовал его. В 1932 г. некто Моисей Жуч командовал карательным отрядом чекистов, который вторгся в Баргу и истребил от 150 до 300 жителей в находившихся там казачьих поселках (Майер В. 2003. Славный сибиряк // Серебрянников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ – Ермак. С.5–45).

³⁸ В оригинале — “Чжан-куй-у, Чжан-куй-ю”. Чжан Куню — генерал-монархист, военный губернатор Хэйлунцзянской провинции Китая.

³⁹ Атаман Г.М. Семенов.

⁴⁰ В.М. Молчанов — произведен в офицеры в 1906 г. в Москве, в конце войны был подполковником и воевал на Рижском фронте. В 1918 г. возглавлял крестьянские отряды самообороны, боровшиеся против большевистских продотрядов. Впоследствии — генерал-лейтенант, вел борьбу с красными партизанами в Сибири и на Дальнем Востоке.

⁴¹ Сан-бэйсэ — пограничный хошун Цэцэнханского аймака на востоке Внешней Монголии. Имеется в виду описанный ниже в “Документах” грабеж населения от имени Унгерна.

⁴² А.Н. Никитин — сотник, агент Унгерна в Маньчжурии.

⁴³ Евтин — полковник, в 1920 г. заместитель начальника Азиатской конной дивизии, затем агент Унгерна в Маньчжурии; заведовал там складами дивизии.

⁴⁴ Тапхаев — сторонник Унгерна, имевший свой военный отряд, когда барон в октябре 1920 г. входил на территорию Монголии. Тогда же присоединился к барону.

⁴⁵ В оригиналах — “Чжан-цзо-лин, Чжан-золы”. Чжан Цзолин (1876–1928) — в начале 1900 г. предводитель шайки хунхузов, позже принят на службу в Китайскую армию. В 1917 г. объявил о независимости Маньчжурии от Пекинского правительства. Впоследствии генерал-ин-

спектор Маньчжурии, потом маршал. Пекинским правительством был назначен во главе планировавшейся военной экспедиции, ему был присвоен титул комиссара охраны Монголии, но в Монголию не пошел.

⁴⁶ Якимов — красный партизан.

⁴⁷ А.М. Краснощеков — председатель правительства Дальневосточной республики.

⁴⁸ Возможно, подполковник Лауренц — кадровый офицер Приморского драгунского полка, бывший начальник гауптвахты на ст. Даурия. В Монголии Унгерн заподозрил его в измене и приказал своему адъютанту Макееву расстрелять.

⁴⁹ Джо-ван, Эрдэнэ-гун — монгольские князья.

⁵⁰ В оригиналах документ начинается с § 2.

⁵¹ Этот оригинальный параграф приказа вызван тем, что штабные Макеев и Смиренский подыскали для антисемита-Унгерна богатый еврейский дом, от которого он отказался.

⁵² Хатан-Батор Максаржав в это время еще не был революционером. Он был сторонником Унгерна до июня 1921 г.

⁵³ Захват Урги китайцами был незаконным, поскольку, согласно Тройственному соглашению, без согласия России, нельзя было вводить китайские войска, а Россия была против.

⁵⁴ В действительности Урга была взята 22 февраля 1921 г. по новому стилю. Многими Возведенный — один из титулов Богдо-хана.

⁵⁵ Следует добавить, что главнокомандующим всеми вооруженными силами Халхи Богдо-гэгэн назначил Унгерна, а его заместителем — есаула-буряты Ж. Жамболона, как командующего монгольскими войсками.

⁵⁶ Эхэ-Дагини — титул жены Богдо-гэгэна.

⁵⁷ Шанцзодба — глава духовного Шабинского ведомства.

⁵⁸ Джанджин (монг.) — полководец.

⁵⁹ Дурбеты — народность, живущая на западе Монголии.

⁶⁰ Три Сокровища в буддизме — Будда, дхарма (учение) и сангха (община верующих).

⁶¹ Сайд (монг.) — министр, сановник.

⁶² Ф.А. Парняков (1870–1921) — окончил Иркутскую духовную семинарию, служил священником в разных местах в Сибири, с 1914 г. — священник Ургинской консульской церкви. Активно занимался просветительской деятельностью. Очевидцы обвиняют его в связях с красными и с китайскими властями Урги. Его сын, Пантелеймон — известный в Сибири революционер и советский деятель, комиссар просвещения Центросибири (Златкин И.Я. 1969. Комментарии // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М.: Наука).

⁶³ Я.Д. Янсон — министр иностранных дел в правительстве Дальневосточной республики.

⁶⁴ Баир-гун — один из руководителей антикитайского стихийного восстания 1907–1910 гг. во Внутренней Монголии. Был начальником штаба у Тогтохо-гуна. С приходом Унгерна в Халху организовал военный отряд и стал ему помогать и подчиняться. В начале июня 1921 г. пытался захватить Кяхту, но был разбит Сухэ-Батором.

⁶⁵ Юань Шикай (1859–1916) — политический деятель, милитарист, в 1911 г. был назначен на пост главнокомандующего, затем премьер-министра. В 1912 г., в после отречения Сунь Ятсена, стал президентом Китая, в дальнейшем установил режим военной диктатуры. В 1915 г. было объявлено о восстановлении монархии во главе с Юань Шикаем, но через 83 дня он скоропостижно умер.

⁶⁶ А.П. Кайгородов (1887–1922) — алтаец-теленгит, служил в полиции, в Первую мировую войну воевал на Кавказском фронте, затем формировал отряды из алтайцев для борьбы с красными. С 1919 г. — командующий войсками Горно-Алтайской области и Русско-Инородческим отрядом (всего до 300 человек). Был союзником Унгерна. Его попытки захватить в 1921 г. Кобдосский округ, а вместе с другими белыми командирами — всю Западную Монголию, окончились неудачно, ему пришлось бежать в советский Алтай, где он вел партизанскую борьбу. Убит в бою в российском Алтае.

- ⁶⁷ В оригинале — “Шарасун”.
- ⁶⁸ В оригинале — “Су-зи-джан”.
- ⁶⁹ В действительности, никаких практических мер в этом направлении принято не было.
- ⁷⁰ Узумчин — один из хошунов Внутренней Монголии на границе с Халхой.
- ⁷¹ Адресат письма не указан, но содержание говорит о том, что оно послано Чжан Куню.
- ⁷² В оригинале — “Тау Селин”.
- ⁷³ В оригинале — “Чун-ли джан”.
- ⁷⁴ В подлиннике — “сюверенитет”.
- ⁷⁵ В оригинале — “Лоренцу”.
- ⁷⁶ Лям Пань — вероятно, начальник гарнизона Шэньяна (Мукдена) — столицы Маньчжурии.
- ⁷⁷ В оригинале — “Джау-сун”.
- ⁷⁸ Между Маньчжурией и Монголией.
- ⁷⁹ В действительности Унгерн выбил гамингов из Урги самостоятельно.
- ⁸⁰ Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин предложил Б.З. Шумяцкому через верного человека устно ответить Богдо-гэгэну на эту ноту предупреждением, чтобы альянс с Унгерном был прекращен (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 78). В Ургу был послан бурят-лама, который потребовал от Богдо-гэгэна порвать отношения с Унгерном, в противном случае угрожал ему опасными последствиями (АВПРФ, ф. референтура по Монголии, оп. 3, папка 101, д. 9, л. 88).
- ⁸¹ Л.М. Карахан (Караханян) (1889–1937) — заместитель наркома иностранных дел РСФСР (1918–1920, 1927–1934), полпред РСФСР в Китае (1923–1926).
- ⁸² Это, вероятно, первое указание на грядущий экспорт не только революции, но и репрессий в Монголию, так как в “сношениях с контрреволюционерами” можно было обвинить значительную часть феодалов и духовенства.
- ⁸³ Эта нота не была получена Шумяцким, но найдена среди документов Азиатской конной дивизии в Урге. Предполагается, что она была заготовлена Унгерном в проекте, но не принята монгольскими министрами (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 78).
- ⁸⁴ В копии пропуск.
- ⁸⁵ Имеется в виду Народно-революционное правительство.
- ⁸⁶ В оригинале — “Чу-ли-джан”.
- ⁸⁷ В оригинале — “Сюй-си-джен”.
- ⁸⁸ Примечательно, что в этой ноте подчеркивается сюзеренитет над Монголией именно Срединной монархии (то есть Маньчжурской империи), а не Китайской республики (в Китае к тому времени уже произошла революция и была упразднена монархическая форма правления).
- ⁸⁹ Абрамсон — заведующий Китайским отделом секции Восточных народов Коминтерна.
- ⁹⁰ Имеется в виду Восточная секция Коминтерна.
- ⁹¹ В оригинале “Дамбижансон”. Дамби-Джамцан, или Джа-лама (?–1923) — военно-религиозный деятель Монголии. В августе 1912 г. вместе с монгольскими войсками брал г. Кобдо. Потом постепенно навязал свою власть части Кобдосского округа, делал набеги на Алтайский округ, где были сосредоточены китайские войска, угрожавшие Кобдо. Крайне жестоко обращался с монголами, казахами и китайцами, прикрываясь религиозной фразеологией. В апреле 1913 г. послал письмо Палта-вану с предложением объединить Кобдосский и Алтайский округа в единое государство, независимое от Халхи. Царское правительство, исходя из того, что Джа-лама был астраханским калмыком — то есть российским подданным (или выдавал себя за такового) — приказало стоявшим в Кобдо казакам арестовать его. Джа-ламу вывезли в Россию и заключили в тюрьму. После Февральской революции он вернулся в Кобдосский округ на границе с Китаем, стал создавать свое фактически независимое “княжество”. После революции 1921 г. в Монголии, из Урги были посланы сотрудники спецслужбы, чтобы пленить или убить его. Джа-лама был застрелен, ему отрезали голову, привезли в Ургу и некоторое время возили по Монголии, чтобы население убедилось в его смерти. Предпола-

гается, что в настоящее время эта голова находится в Кунсткамере в С.-Петербурге (Ломакина И.И. 2003. Грозные Махакалы Востока. М.: Яуза – Эксмо).

⁹² Урянхайский край — в настоящее время Тува.

⁹³ В оригинале — “Бань-шэн”. Паньчен-лама — второе лицо в иерархии Тибета после Далай-ламы.

⁹⁴ Город Лхаса, столица Тибета.

⁹⁵ Вероятно, район провинции Сычуань, граничащий с Тибетом.

⁹⁶ По-видимому, о. Ф.А. Парняков.

⁹⁷ По-видимому, Мэрэн Дугарчжаб, один из союзников Унгерна.

⁹⁸ Никольск-Уссурийский — сейчас г. Уссурийск.

⁹⁹ Бережков — коллежский советник, затем врач в бригаде Унгерна, далее переехал в Маньчжурию.

¹⁰⁰ В оригинале — “Кырымюн”.

¹⁰¹ Тейхаев — войсковой старшина Азиатской конной дивизии.

¹⁰² В оригинале — “Самбеса”.

¹⁰³ А. Костромин — войсковой старшина, представитель атамана Г.М. Семенова в Маньчжурии.

¹⁰⁴ Н.А. Каландарашвили — анархист, командир красного партизанского отряда в Восточной Сибири.

¹⁰⁵ Возможно, Ч. Цыдыпов — член Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири.

¹⁰⁶ Ванданов — бывший бурятский лама, есаул. Унгерн ему присвоил звание полковника. Вел слежку за Максаржавом. Когда последний в июле 1921 г. поднял восстание в Улясутае, Ванданов бежал, но был схвачен красными монголами и расстрелян по приказу Максаржава.

¹⁰⁷ Найман-ван — богатый и влиятельный князь Чжоудаского хошуна Внутренней Монголии. Имел военный отряд.

¹⁰⁸ Илийский край — территория в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

¹⁰⁹ В оригинале — “Чжан-куй-ю”.

¹¹⁰ Вероятно, имеется в виду подорожная на смену лошадей на почтовых станциях.

¹¹¹ Уртон — почтовая станция в Монголии.

¹¹² Улаа (монг.) — подорожная.

¹¹³ Солоны — народность во Внутренней Монголии.

¹¹⁴ Буир-нур — озеро в восточной Монголии.

¹¹⁵ Очевидно, один из агентов Унгерна в Маньчжурии (в рукописном подлиннике часть подписи вырвана — возможно, Алексеев).

¹¹⁶ В оригинале — “Джан-ку-ю”.

¹¹⁷ В оригиналах — “Симбес, Самбес, Самбеси”.

¹¹⁸ В оригиналах — “Югадзырь, Юсадырь, Его-цзури”. Югоцзур-хутухта — влиятельный высокий лама в Халхе. Его монастырь находился на юго-востоке Халхи вблизи Внутренней Монголии. В 1913 г. ургинские правители ввели свои войска во Внутреннюю Монголию с целью изгнания оттуда китайцев. Югоцзур-хутухта помогал халхасским войскам. Его монастырь стал складом оружия. Китайские войска захватили монастырь, а Югоцзур-хутухту увезли в Пекин. Под давлением царской дипломатии он был освобожден и возвратился в свой монастырь. Богдо-гэгэн назначил его командующим войсками восточной окраины Халхи.

¹¹⁹ В оригинале — “цинъ дюней”. Цзянцзюнь — военный губернатор в Китае.

¹²⁰ Очевидно, красными, от улаан (монг.) — красный.

¹²¹ Шэн Юнь — губернатор провинции Ганьсу при Цинской монархии. Проживал в 1921 г. в Тяньцзине, но никаких попыток реставрировать Цинскую династию не предпринимал.

¹²² В оригиналах — “Ару-харчен-ван, Ару-харчин-ван”. Ару-Харчийн-ван — богатый и влиятельный харачинский князь Чжоудаского хошуна Внутренней Монголии, антикитайски настроенный. Имел свой отряд всадников. В 1913 г. активно выступил за объединение всех монголов в едином независимом государстве.

¹²³ Из Тибета китайские войска были изгнаны в 1912 г. С этого времени до 1952 г. Тибет был независимым государством.

¹²⁴ В оригинале — “состояние”.

¹²⁵ “По старому маньчжурскому праву” — значит силой соединить внутренних и внешних монголов.

¹²⁶ В оригиналах — “Ли-джан-ку, Лю-джан-куй”. Ли Чжанкуй — военный губернатор Алтайского округа.

¹²⁷ В оригинале — “анархистами”.

¹²⁸ Вероятно, гора Сумеру буддийской религии.

¹²⁹ Хадак — особый шарф, который, согласно монгольской и тибетской традиции, преподносится в знак уважения.

¹³⁰ В оригинале — “Кукухото”. Сунит и Хух-хото — города во Внутренней Монголии.

¹³¹ Временное революционное правительство Монголии — создано 13 марта 1921 г. на съезде Монгольской народной партии в Троицкосавске.

¹³² Вероятно, эта поездка состоялась в 1919 г.

¹³³ Адресат письма не указан, определен по контексту.

¹³⁴ В публикации этого письма на английском языке (Letters captured from Baron Ungern to Mongolia. Reprinted from Peking and Tientsin Times (Original orthography and style maintained). 1921. Washington. 7 p.) данный абзац несколько другой. Вот его обратный перевод на русский язык: “С сожалением прибавлю, что многие люди, которые будто бы помогают мне, в Хайларе оказываются неспособными к этой службе из-за умственных недостатков. Потому я должен просить Ваше Превосходительство доверять только Малецкому и Еремееву, предварительно удостоверившись, что они исполняют мои инструкции и не действуют лично от себя”.

¹³⁵ Что за переговоры шли в это время на станции Маньчжурия, неизвестно (возможно, между какой-то группой белых и китайцами).

¹³⁶ Палта-ван — тарбагатайский князь. Его отец в 1912–1915 гг. проводил в Алтайском округе пророссийскую политику. Молодой Палта-ван (в 1921 г. ему был 21 год) учился в С.-Петербурге в гимназии и Пажеском корпусе. Унгерн надеялся, что молодой князь будет активно участвовать в создании Срединной (Маньчжурской) империи, но он ошибся. Письма Унгерна Палта-ван оставил без ответа.

¹³⁷ В оригинале — “Получаю”.

¹³⁸ Дунгане — китайцы-мусульмане.

¹³⁹ В оригинале — “Сун-я-це”. Первый президент Китая Сунь Ятсен (1866–1925) не был большевиком.

¹⁴⁰ Алба — налог, подать.

¹⁴¹ Лувсан-Цэвэн — князь монгольского пограничного хошуна Сан-бэйсэ, первым присоединившийся к Унгерну при его вступлении в Монголию.

¹⁴² Жамбал-нойон — Ж. Жамболон, бурят, командующий монгольскими отрядами. От Богдо-гэгэна получил титул вана.

¹⁴³ Цэндэ-гун — баргутский князь, богатый человек. В 1912 г. сыграл значительную роль в отделении Барги от Китая.

¹⁴⁴ Мацевский — генерал, сторонник Унгерна. В период Монгольской кампании не воевал, а находился в Маньчжурии.

¹⁴⁵ Цэрэг (монг.) — солдат.

¹⁴⁶ И. Шемелин — генерал-майор, атаман Амурского казачьего войска.

¹⁴⁷ Конкретный адресат письма неизвестен. Можно только сказать, что оно отослано в Маньчжурию, видимо, одному из агентов барона (судя по обращению, генералу).

¹⁴⁸ У Пэйфу (1874–1939) — китайский генерал, глава чжилийской группировки милитаристов. В 1920-е гг. ориентировался на Англию. В 1926 г. разбит Народно-революционной армией Китая.

¹⁴⁹ Чжан Сун — генерал-монархист. Пытался свергнуть республиканский строй в Китае и восстановить на троне маньчжурского императора Пу И.

¹⁵⁰ Найден-ван — чахар, один из князей Внутренней Монголии. “Был послан Унгерном по Калганскому пути для мобилизации южных халхасцев и чахар [для] операции [против] наступления китайцев со стороны Калгана. В данное время [1921 г.] стоит на границе ближней и внутренней Монголии. Одно время (в марте) Найден-ван был со своим отрядом белыми разоружен за грабежи халхасцев, а затем отправлен на юг” (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56).

¹⁵¹ Дзаин-шаби — сейчас г. Цэцэрлэг.

¹⁵² Худжирбулунские — монгольские войска, обученные русскими военными советниками в 1912–1917 гг. Название происходит от местечка Худжир-Булуи под Ургой. Там в 1911 г. китайцы построили казармы, в которых потом и проводилось обучение монгольских солдат.

¹⁵³ Насан-Тогтохо — сын Тогтохо-гуна, руководителя антикитайского восстания в 1907–1910 гг. во Внутренней Монголии.

¹⁵⁴ В оригинале — “Джамса Гун”.

¹⁵⁵ В оригинале — “вверенный”.

¹⁵⁶ В оригинале — “большой Узумчей”.

¹⁵⁷ В оригинале — “использовать и”.

¹⁵⁸ Маньчжуши-хутухта — лама, близкий к Богдо-гэгэну, знаток философии северного буддизма. Его монастырь находился на восточной стороне горы Богдо-ула, которая почиталась монголами священной. 1 февраля 1921 г. отряд тибетцев во главе с бурятом Тубановым по указанию Унгерна выкрал арестованного китайцами Богдо-гэгэна и перенес его через гору Богдо-ула в монастырь Маньчжуши.

¹⁵⁹ Письмо написано от руки карандашом, без подписи. Авторство определено по почерку, содержанию и стилю. Возможно, письмо не было отправлено, или по черновику был напечатан и отправлен машинописный текст, но копия отсутствует.

¹⁶⁰ В оригинале — “Гау Селинь”.

¹⁶¹ В оригинале — “дзядзиной”.

¹⁶² В действительности, Унгерн это письмо не писал, что он и показал на допросе (хотя большевики этому не поверили). Содержание и стиль письма показывает его несоответствие характеру и идеям Унгерна. Письмо известно только в машинописных копиях, поэтому определить авторство по почерку невозможно. Если учесть, что Анучин фальсифицировал письма В.И. Ленина и М. Горького к себе (Козлов В.П. 2001. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН), нельзя исключить, что он фальсифицировал и это письмо.

В.И. Анучин (1876–1942), этнограф и беллетрист, видный сибирский эсер. Один из авторов идеи “сибирского областничества”, в основе которой лежит федерализм будущего устройства России. Согласно В.П. Козлову (цит. соч.), 21 марта 1921 г. Томская губернская Чрезвычайная комиссия сообщила Ф.Э. Дзержинскому о том, что два дня назад Анучин обратился в ЧК и в Губернский партийный комитет в связи с тем, что некое доверенное лицо Унгерна доставило ему письмо последнего. Томская губернская ЧК немедленно провела оперативную работу по сбору сведений об Анучине. Оказалось, что он — человек способный, с большими познаниями, но склонен к прожектерству, неожиданным поступкам и с большим неудовольствием относится к тому, что ему пришлось сойти с политической арены. По распоряжению Дзержинского копии писем Анучина и Унгерна “для сведения” были направлены всем членам ЦК ВКП(б), в том числе Ленину, на хорошее знакомство с которым Анучин ссылался при встрече в ЧК. Одним из последствий этого стала постановка Анучина на учет в Томской губернской ЧК, которой он позже арестовывался и подвергался пыткам.

¹⁶³ Г.Н. Потанин (1835–1920) — известный русский географ, этнограф и путешественник по Центральной Азии. В 1919 г. выступил с призывом защищать Сибирь от большевиков, наступавших на Колчака (текст см.: Майер В., цит. соч., с. 30–31).

¹⁶⁴ Текст этого документа является кратким изложением концепции Шамбалы (см. ниже) и грядущей войны. Судя по датировке, он мог толковаться в контексте планировавшегося похода Унгерна на Советскую Россию.

¹⁶⁵ Просветленный — один из эпитетов Будды.

¹⁶⁶ Имеется в виду Будда будущего Майтрея (монг. Майдар).

¹⁶⁷ Шамбала — мистическая страна в буддийской традиции. Обычно трактуется как “скрытая” область, расположенная на север от Индии. Среди наиболее образованных лам бытует представление о Шамбале как внутренней реальности, открывающейся в процессе самосовершенствования.

¹⁶⁸ Бодхисаттва — в традиции северного буддизма — человек, достигший просветления, но добровольно отказавшийся от нирваны для того, чтобы помогать в обретении спасения всем живым существам, оставаясь самому в кругу перерождений.

¹⁶⁹ Ригдэн Дагпо Хорло-чэн — 25-й хан Шамбалы, при котором произойдет великая война между силами Шамбалы и антибуддистами, которая завершится поражением последних и новой эпохой распространения буддизма.

¹⁷⁰ Лалу — антибуддисты (прим. перев.).

¹⁷¹ Духов (прим. перев.).

¹⁷² В действительности, монголы не имели достаточно сил, чтобы без посторонней помощи изгнать китайских оккупантов.

¹⁷³ Хурэн — другое название Урги.

¹⁷⁴ Четыре последние фразы не соответствуют действительности.

¹⁷⁵ В оригинале — “огорчайших бездействий”.

¹⁷⁶ Нам неизвестно свидетельств о появлении в дивизии Унгерна такой литературы. Но агитаторы, по-видимому, работали и внесли определенный вклад в разложение войск. Вероятно, обострение подозрительности Унгерна во время похода на Сибирь было частично связано с этим.

¹⁷⁷ К. Грегори — подполковник, во время похода Унгерна в Монголию командовал сотней. После взятия Урги барон направил его в Пекин в качестве своего агента.

¹⁷⁸ А.М. Букейхан (Букейханов) — лидер казахской партии Алаш, кадет, председатель созданного в 1917 г. правительства “Алаш-Орды”.

¹⁷⁹ В оригинале — “Синсян”.

¹⁸⁰ Вероятно, Унгерн читал книгу: А.С. Нилус. 1911. Протоколы сионских мудрецов, и цитаты из Талмуда в книге: J. Ecker. 1884. Der “Judenspiegel” im Lichte der Wahrheit, eine wissenschaftliche Untersuchung. Paderborn.

¹⁸¹ Фу Шан — китайский офицер. Кому он служил, остается неясным.

¹⁸² По-видимому, речь идет о Ф. Оссендовском.

¹⁸³ Киргизами в то время называли и казахов, и киргизов. В данном случае имеются в виду казахи, граничащие с Монголией и живущие на западе страны. Данное письмо отражает взгляды Унгерна на единство народов Евразии “монгольского корня”. Эти взгляды, берущие начало от времен империи Чингисхана, имеют под собой реальное этническое основание. Однако, после распада этого государства, они постепенно стираются в сознании мусульманского населения Средней Азии.

¹⁸⁴ Светская власть Богдо-гэгэна не распространялась на Внутреннюю Монголию.

¹⁸⁵ В оригинале — “возлагаемой”.

¹⁸⁶ Маньчжурская Цинская династия не была кочевой. Народы (в оригинале “города”) Великого Монгола — народы, входившие в империю Чингисхана.

¹⁸⁷ В оригинале — “сведения”.

¹⁸⁸ Это письмо написано Унгерном от имени председателя Совета министров Монголии Джалханцза-хутухты. В конце мая 1921 г. Унгерн переслал его Джалханцзе и просил найти способ переправить киргизам (казахам). Но к этому времени Джалханцза уже налаживал прямые контакты с красными. По-видимому, это письмо так и не было отправлено казахам.

¹⁸⁹ Богдо-хурэ — г. Урга.

¹⁹⁰ Великий Монгол — Чингисхан.

¹⁹¹ Кабук-Саурский ван — один из князей в Синьцзяне. Это письмо ему не подписано. Судя по содержанию и стилю, оно написано Унгерном от имени какого-то монгольского сановника.

¹⁹² В оригинале — “Сюнь-ю-дянь”.

¹⁹³ Цзасакту-хан — титул правителя одного из аймаков Внешней Монголии.

¹⁹⁴ Гучэн, Чугучак, Кульджа — города в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

¹⁹⁵ С премьер-министром Ургинского правительства Джалханцза-хутухтой у Унгерна были хорошие отношения. Они дружески расстались в середине мая 1921 г. в Ван-хурэ — ставке Тушэту-хана. От Урги до Ван-хурэ барон и хутухта ехали в одной машине. Унгерн остался в Ван-хурэ для подготовки к предстоящему походу в советскую Сибирь, а Джалханцза-хутухта поехал дальше в район г. Улангом, где у него были обширные земли с монастырями. Его владения захватывали и часть Урянхайского края (Туву). Это письмо барон послал хутухте в конце мая, перед самым началом своего похода в Сибирь. Все, что предлагал Унгерн, для Джалханцзы уже не имело значения. Он не предпринял ничего, чтобы присоединить Кобдосский округ и Урянхайский край к Халхе, ликвидировать междоусобицу в них. Взяв отпуск, он приехал в свои владения для другой цели — укрепить связь с красными монголами и советским командованием.

¹⁹⁶ Цаган-Тунка — населенный пункт на границе Кобдосского и Алтайского округов.

¹⁹⁷ В оригинале — “Саин-Наинхановский”.

¹⁹⁸ В оригинале — “Улансавский”.

¹⁹⁹ В оригинале — “Гай-Селина”.

²⁰⁰ В оригинале — “Гуйхачэн”.

²⁰¹ Хухын-хутухта — настоятель монастыря секты небава (Цэцэнханский аймак), пытавшейся примирить буддизм с христианством и мусульманством.

²⁰² В оригинале — “Манза-шури-хутухта”.

²⁰³ И.Г. Казанцев — казак Енисейского казачьего войска; службу проходил с 1912 г. в Красноярской конной сотне в канцелярии и по хозяйственной части. С 1919 г. воевал с красными, был арестован. Бежал в Монголию и на западе страны, получив полномочия Богдо-гэгэна, организовал отряд и контролировал территорию в районе Улангом. В его отряде насчитывалось в разное время от 300 до 680 человек. Подчинялся Унгерну, координировал с ним боевые действия против красных. Предпринял безуспешные атаки на Урянхайский край. Проявил себя как весьма жестокий человек. По одним данным, был убит в августе 1921 г. около села Артамоновка в Урянхайском крае, по другим — погиб в декабре того же года при переходе советской границы.

²⁰⁴ Гэгэн (монг.) — святой, лама высшего ранга.

²⁰⁵ Ширэтуй — лама среднего ранга.

²⁰⁶ Захиракчи — помощник владетельного князя хошуна по военным вопросам.

²⁰⁷ В оригинале — “Куечоу, Юнан, Хунан, Очекианг, Счокианг, Фукенг”.

²⁰⁸ В оригинале — “противореческой”.

²⁰⁹ Текст приказа №15 был подготовлен Оссендовским и Ивановским.

Ф. Оссендовский (1878–1945) — журналист, приват-доцент Томского политехникума, потом министр финансов в армии Колчака. В Монголии встретился с Унгерном, который, видимо, много рассказал ему о своей биографии, походах и т.д. Унгерн дал ему деньги для передачи своей бывшей жене в Пекин, но Оссендовский добрался лишь до Барги (Michalowski W.St. 1977. Testament barona. Warszawa: Ludowa Spoldzielnia Wyd.).

К.И. Ивановский — бывший присяжный поверенный, проживавший в Урге как беженец, мобилизован Унгерном и назначен начальником штаба. Впоследствии жил в Маньчжурии; имевшиеся у него материалы использовали некоторые авторы мемуаров.

²¹⁰ Хурэ — буддийский монастырь в Монголии, шаби — монастырский поселок.

²¹¹ Этот пункт, не соответствовавший действительности, был написан специально для русских бойцов Азиатской конной дивизии.

²¹² Н.Н. Казагранди — командир 16-го Ишимского полка. В 1919 г. командовал белыми партизанами в Западной Сибири и на Урале, в 1920 г. ушел в Монголию в районе оз. Хубсугул, откуда предпринимал вылазки в Советскую Россию. Зимой 1920–21 гг. его отряд стал распадаться. Тогда он вошел в подчинение к Унгерну и получил от него и монгольских властей большие полномочия, его отряд стал увеличиваться, успешно воевал с китайцами. Летом 1921 г., по требованию казаков, Казагранди повел свой отряд на юг, через Гоби. Был арестован и расстрелян сотником Сухаревым по приказу Унгерна, подозревавшего его в измене. Казагранди был жестоким человеком. Однако его отряд не пользовался дурной славой, сопровождавшей другие белые отряды в Монголии: “Вокруг этого отряда витала даже небольшая доля романтики, как около замысла дерзкого, но честного” (Морозов. В.А. Собрание воспоминаний и дневников: Записки об эмиграции, тетрадь 8. — РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 15, л. 23).

²¹³ В действительности, глава XII.

²¹⁴ В действительности, 1335. Дан., XII, 1, 10–12.

²¹⁵ ЦГАКА — сейчас РГВА.

²¹⁶ Ганданские ламы — ламы главного монастыря Гандан Тэгчинлинг в Урге.

²¹⁷ В оригинале пропуск.

²¹⁸ В оригинале — “Дархиехие лама”.

²¹⁹ Расшифровка неясна.

²²⁰ На практике было как раз наоборот. Всю полноту власти в Монголии до революции осуществляло законное правительство Богдо-гэгэна — следовательно, никакого “баронского ига” не было. Зато красные с самого начала стали навязывать коммунистические порядки и государственное устройство. Например, уже 8 сентября 1921 г. агентство “Монта” сообщило из Урги о приеме в Монгольский молодежный союз представителей духовного сословия с целью разложения ламства и о необходимости изучать европейские науки для подрыва авторитета буддизма (РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 128–128об.).

²²¹ Возможно, слух об этих инструкциях был одной из причин, по которым некоторые белоэмигрантские авторы считали, что советские части в Монголии действуют совместно с войсками Китая. На практике же советские войска способствовали установлению контроля Народно-революционной армии Монголии.

²²² Унгерн не служил японцам и не захватывал власть в Монголии.

²²³ ЦПА ИМЛ — сейчас РГАСПИ.

²²⁴ Пропущенное здесь повторяет почти дословно телеграмму, приводимую выше (АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 317, д. 54775, л. 28).

²²⁵ Приводимое письмо — перевод с монгольского. “Оно было присланное Унгерном Богдохану, 19 июля с.г., перехвачено с посланным около Урги. Копия с перевода” (прим. перев.). Следовательно, по адресу оно не было доставлено.

²²⁶ В оригинале — “Жамбал-ван”.

²²⁷ В оригинале — “Манза-Шири”.

²²⁸ Красные [прим. перев.].

²²⁹ Шарик на шапке Богдо-хана, знак магической силы (прим. перев.).

²³⁰ По предположению Н. Майского, имеется в виду библейская легенда о смешении языков при постройке Вавилонской башни (“Советская Сибирь” (Новониколаевск), № 202 (562), 1921, с. 3).

²³¹ Титул теократического главы Монголии — Богдо-хан. Здесь, видимо, неточный перевод (Богдыхан — титул маньчжурского императора Китая).

²³² Прим. перев.; оригинал — перевод с монгольского.

²³³ В оригинале — “Куря”.

²³⁴ Унгерн никогда не собирался идти в Маньчжурию, ибо он там был бы арестован как враг Китая. В Маньчжурию хотели уходить многие его подчиненные.

²³⁵ Эти пропагандистские материалы выпускались в отряде Кайгородова — союзника Унгерна и адресовались белым отрядам, действовавшим в Монголии и Китайском Туркестане в 1920–22 гг. (из архива Сокольниковского, переданного Серебренникову в 1933 г.).

²³⁶ Однако военные действия МНРП развернула, в первую очередь, против китайских оккупантов.

²³⁷ Шумяцкий ошибался: Унгерн вел себя в отношении монголов честно и не стал использовать этот сценарий.

²³⁸ Далее подробно обсуждается необходимость ликвидации белых в Западной Монголии, усиление дипломатической работы с Китаем, помощь Монголии финансами и в организации управленческого аппарата.

²³⁹ Домыслы Шумяцкого о связях Японии с Унгерном не основаны на фактах и имели чисто пропагандистскую цель.

²⁴⁰ Имеется в виду приказ № 15. Этих слов там нет.

²⁴¹ Живой Будда — один из титулов Богдо-гэгэна.

²⁴² Описываются боевые действия и маршрут движения.

²⁴³ То есть об убийстве Резухина заговорщиками.

²⁴⁴ П.Е. Щетинкин (1885–1927) — выходец из крестьян, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. Член Компартии с 1917 г., в мае–августе 1921 г. начальник одного из отрядов, участвовавших в разгроме Унгерна; с октября 1922 г. начальник штаба погранвойск Сибирского ВО, с 1926 г. инструктор Государственной внутренней охраны МНР; убит при невыясненных обстоятельствах (Ломакина И.И. 1999. Комментарии // Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни). После пленения Унгерна, сразу известил об этом командование (то есть в первой половине дня 20 августа), судя по датировке телеграфного запроса помощника начальника штаба (см. ниже).

²⁴⁵ Бишерельту Сундуй-гун (1896–1937) был приемным сыном князя хошуна Барун-гуна Тушетуханского аймака, после смерти которого стал князем хошуна (Бишерельту — почетный титул). В 1913 г. в числе монгольских мальчиков был послан на учебу в Иркутск. В Азиатскую конную дивизию вступил с мобилизованными подданными своего хошуна. Арестовал со своими телохранителями Унгерна, что привело к пленению последнего отрядом Певцова, входившего в 20-й экспедиционный отряд Красной армии под командованием Щетинкина. После революции некоторое время служил в МИДе Монголии, в 1924 г. вступил в МНРП, но вскоре был исключен из-за принадлежности к дворянскому сословию. В 1930-е гг., когда были объявлены льготы партизанам-участникам революции, подал заявление о приеме в их число, поскольку арестовал барона Унгерна, но просьба была отклонена (Ломакина, 1999, цит. соч.). В описании Сундуй-гуна обстоятельства пленения Унгерна выглядят иначе, чем в других источниках. Его достоверность вызывает сильные сомнения, если учесть личную заинтересованность князя, служившего у белых и взятого в плен красными.

²⁴⁶ То же, что в предыдущем документе.

²⁴⁷ Продиктовано по телефону 26 августа 1921 г. Впервые напечатано в 1945 г. в “Ленинском сборнике”, XXV, затем в кн.: Ленин В.И. 1954. ПСС, изд. 5, т. 44: июнь 1921 – март 1922. М.: Политиздат. С. 110.

²⁴⁸ На следующем листе (л. 7) — рукописная запись телефонограммы Ленина.

²⁴⁹ То же, что в предыдущем документе.

²⁵⁰ Унгерн был предан суду не Врангелем, а командующим 8-й армией.

²⁵¹ А.С. Бакич — серб, генерал-лейтенант, командовал у Колчака корпусом. Зимой 1920 г. ушел в Синьцзян через казахские степи с большими потерями от морозов, болезней и голода. В Китае его корпус насчитывал 7 тыс. человек вместе с членами семей. Под г. Чугучаком корпус был интернирован китайцами. В мае–июне 1921 г. части Красной армии, с разрешения китайских властей, выбили Бакича из района Чугучака. После этого он совершил тяжелейший переход на Шара-сумэ, административный центр Алтайского округа, взял его, но

был выбит 11-й кавалерийской дивизией Красной армии, опять же с разрешения китайцев. Направился в Кобдосский округ, а оттуда в Урянхайский край. В г. Улангом его пленил Хатан-Батор Максаржав. Расстрелян в 1922 г. по решению советского суда.

Б.В. Анненков — из потомственных дворян Новгородской губернии. В 1908–1914 гг. служил в одном из Сибирских полков в Русском Туркестане, в 1914–1917 гг. воевал на Русско-германском фронте, затем возглавлял партизанский отряд, действовавший против красных в Западной Сибири. В 1919 г. ушел в Семиречье, в 1920 г. — в Синьцзян. Далее находился в разных местах Синьцзяна и провинции Ганьсу (в том числе, два года провел в заключении в г. Урумчи). В 1925 г. его хитростью передал в руки красных генерал Фын Юйсян. Расстрелян в 1926 г. в Семипалатинске.

²⁵² В оригиналах — “Чойры, Чойрин, Чокри, Чайрахал”. Чойрын-сумэ — крупный монастырь на караванном пути из Урги в Калган.

²⁵³ В архивах найдено два текста допроса Унгерна в Троицкосавске 29.08.21. Один из них является перепечаткой из газеты вопросов и ответов (оригинал этого номера найти не удалось), другой — краткое содержание ответов. Тексты существенно различаются по содержанию. Потому можно предположить, что это были разные допросы.

²⁵⁴ В.Г. Гей — старый член кооператива “Центросоюз”, ветеринарный врач, один из организаторов ветеринарного дела в Монголии. По приказу Унгерна был убит вместе с семьей по обвинению в спекуляции и сотрудничестве с большевиками.

²⁵⁵ “Неважно, какого цвета кошка — главное, чтобы она ловила мышей” (Дэн Сяопин, руководитель КПК и автор рыночных реформ “в рамках марксистско-ленинского учения”).

²⁵⁶ От бэлэн (монг.) — наличный.

²⁵⁷ В оригиналах — “Ван-Курень, Ванкурень”. Слово “курень” в оригиналах обычно используется для обозначения монастырских поселков, а также района Урги, называвшегося Хурэ.

²⁵⁸ Этот документ содержит не запись вопросов и ответов, а скомпонованный и отредактированный текст двух допросов. В нем встречаются противоречия и неверные сведения, возможно, вставленные позже. Во многом совпадает с материалами допроса 27 августа в Троицкосавске (см. выше).

²⁵⁹ Даго (Эзель) — теперь Хийумаа, Эстония.

²⁶⁰ Эти сведения не соответствуют действительности: Унгерн получил два месяца крепости; революция 1917 г. его не освобождала (см. выше в разделе “Документы”).

²⁶¹ В оригинале — “военной”.

²⁶² Таким образом, стараясь объединить народы Монгольского корня, Унгерн следовал собственному плану, а не панмонгольским лозунгам Японии, с которой сотрудничал Семенов. Об этом свидетельствует и тот факт, что Семенов отнесся к его планам отрицательно.

²⁶³ В оригинале — “Чайрах”.

²⁶⁴ А.И. Шубин — один из союзников Унгерна. Происходил из богатой крестьянской семьи Иркутской губернии, участник Первой мировой войны, вернувшись с фронта, служил урядником. В 1920 г. вступил в отряд Казагранди. После его ухода на восток, Шубин и еще 120 казаков остались в районе оз. Хубсугул. 16 сентября 1921 г. взят в плен красными на территории Монголии, 4 октября в Иркутске приговорен к расстрелу.

Тубанов — бурят, сын известной в Урге портнихи. Возглавил отряд тибетцев, освободивших Богдо-гэгэна, арестованного китайцами. Получил чин хорунжего, возглавил одну из сотен Азиатской конной дивизии. Позже скрывался в Урге. В 1922 г., несмотря на личное заступничество Богдо-гэгэна, был схвачен и расстрелян.

²⁶⁵ Возможно, имеются в виду слова пророка Даниила: “Под конец же времени сразится с ним царь южный, и царь северный устремится как буря на него с колесницами, всадниками и многочисленными кораблями и нападет на области, наводнит их и пройдет через них” (Дан. 11, 40); “И прострет руку свою на разные страны; не спасется и земля Египетская” (Дан. 11, 42); “Но слухи с востока и севера встревожат его, и выйдет он в величайшей ярости, чтоб

истреблять и губить многих. И раскинет он царские шатры свои между морем и горою преславного святилища; но придет к своему концу, и никто не поможет ему” (Дан. 11, 44–45).

²⁶⁶ Из других документов следует, что целью похода Унгерна в Россию была как раз реставрация монархии. Вероятно, он собирался использовать захватнические планы Японии на Российском Дальнем Востоке для ликвидации Советской власти, но присутствие Японии рассматривал только как временное (см. ниже в этом же документе).

²⁶⁷ Однако тремя фразами раньше дается ясная расшифровка того, что именно Унгерн понимал под “плюсами” и “минусами”.

²⁶⁸ В оригинале — “Оская”.

²⁶⁹ В оригинале — “имела”.

²⁷⁰ В оригинале — “населению”.

²⁷¹ В оригинале пропуск.

²⁷² В оригинале — “Дацан Гусиноозерском”.

²⁷³ В оригинале пропуск.

²⁷⁴ В оригинале — “у него”.

²⁷⁵ Эта догадка Унгерна оправдалась лишь наполовину: во Второй мировой войне США и Великобритания были союзниками против Японии.

²⁷⁶ Возможно, Унгерн первым понял идеалистическую суть коммунизма: несмотря на декларируемый материализм, в СССР главными стимулами общественно-экономического развития всегда были идейные факторы (чувство долга, энтузиазм, светлое будущее и т.п.).

²⁷⁷ В архиве имеется только эта часть документа без другой информации.

²⁷⁸ В оригинале “Михайлов” везде зачеркнуто, от руки вставлено “Бежанов”. Поэтому далее в документе везде заменено “Михайлов” на “[Бежанов]”.

²⁷⁹ В оригинале пропуск.

²⁸⁰ Монголы.

²⁸¹ В оригинале — “Ясентовский”.

²⁸² Евтин.

²⁸³ В.О. Каппель (1883–1920) — колчаковский генерал, командовал 2-й Сибирской армией, которая в конце 1919 – начале 1920 г. была разбита красными. Сам Каппель был ранен, провалился под лед, заболел воспалением легких и умер под Иркутском.

²⁸⁴ В оригинале пропуск.

²⁸⁵ В оригинале — “Хулустан”.

²⁸⁶ В оригинале — “Карандашвили”.

²⁸⁷ Имеется в виду Хоботов, казак, бывший урядник, служивший в Первую мировую войну под началом Резухина. В дивизии Унгерна стал полковником и командиром полка.

²⁸⁸ Речь идет о монголах, обученных русскими советниками.

²⁸⁹ Михайлов — белый подполковник, в Улясутае создал свою вооруженную организацию для защиты русских поселенцев. Не поддерживал Унгерна, хотел уйти в Китай, но по дороге был убит унгерновским вестовым Е. Бурдуковским.

²⁹⁰ К-д — кадеты, с-р — эсеры.

²⁹¹ В оригинале — “Свентовский”.

²⁹² Имеется в виду приказ № 15 от 21 мая 1921 г.

²⁹³ Имеются в виду белые отряды в Монголии.

²⁹⁴ В оригинале — “Хузурдуна”.

²⁹⁵ По-видимому, Унгерн имеет в виду начало Первой мировой войны. Но с лета 1911 г. в Халхе началось национально-освободительное движение. В 1913 г. руководители Халхи ввели свои войска во Внутреннюю Монголию. Бои с китайскими войсками шли целый год. Китайцы победили, халхасские войска вернулись на свою территорию.

²⁹⁶ Очевидно, в оригинале пропуск.

²⁹⁷ В оригинале (машинописной копии) допрос на этом обрывается, конец отчеркнут линией. Возможно, последняя часть пропущена.

²⁹⁸ Этот документ, как и один из предыдущих (ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60), содержит не запись вопросов и ответов, а скомпонованный и отредактированный текст допросов. Он сильно перекрывается, но не совпадает с ним и более точен.

²⁹⁹ Врангель не отдавал Унгерн под суд.

³⁰⁰ В действительности, еще до этого Унгерн был произведен в войсковые старшины, отбывал наказание за избиение адъютанта.

³⁰¹ В оригинале — “трумы”.

³⁰² В отличие от Внешней Монголии, в Синьцзяне была другая ситуация: там не было автономии, зафиксированной в международных договорах; белый генерал Бакич, в отличие от Унгерна, не упразднил китайскую власть, а подчинялся ей; на Советскую Россию он не нападал — напротив, советские войска были введены в Синьцзян по согласованию с китайскими властями, и Бакич спешно отступил в Монголию. Наконец, там не было сильной партии, борющейся за независимость.

³⁰³ Унгерн не был награжден солдатским Георгиевским крестом.

³⁰⁴ По-видимому, автор воспоминаний был участником последнего похода Унгерна в Забайкалье. Л. Юзefович (цит.соч.) пишет, что А. Грайнер посетил Даурию в качестве корреспондента американской газеты. Приводимый текст содержит некоторые неточности.

³⁰⁵ Барон А. фон Мирбах “с 1896 по 1904 г. служил полицмейстером Рижского округа. В 1905г. стал шефом Охранного отделения полиции (охранки) в трех южных промышленных округах Польши с городами Лодзь, Томачев, Побянице и Жирардов. За службу по охране общественного порядка удостоился орденов Св. Владимира 3 и 4-й степеней. Несмотря на то, что принц Ольденбургский начал Мировую войну, с участием барона был организован “Красный Крест” для помощи северо-западным районам. В 1915 г., без объяснения причин, он был выслан в г. Балаганск недалеко от Иркутска” (прим. автора).

³⁰⁶ В действительности, в Китае была веротерпимость.

³⁰⁷ В оригинале — “Пун-Тци”. В действительности, еще до похода в Монголию Унгерн женился на маньчжурской принцессе Цзи, а перед самым походом развелся с ней.

³⁰⁸ Это сильное преувеличение.

³⁰⁹ В действительности, Унгерну был назначен защитник Боголюбов.

³¹⁰ А.В. Бурдуков (1883–1943) — прожил в Монголии около 30 лет, занимаясь поставками промышленных товаров из России и закупками сырья, после революции работал в одном из отделений Центросоюза в Монголии. Занимался преподавательской деятельностью, собирал материала по экономике и этнографии Монголии. Оставил мемуары о своей жизни в Монголии.

³¹¹ Улач (монг.) — почтовый курьер.

³¹² И.И. Серебренников (1882–1953) — министр Сибирского временного правительства и правительства А.В. Колчака, впоследствии жил в Китае и США. Долго собирал материалы по белому движению в Сибири и за ее границами, опубликовал несколько книг. Данная книга недавно переиздана (Серебренников И.И. 2003. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ – Ермак). Подробнее биографию Серебренникова см. в предисловии к этому изданию (Майер В., цит. соч.).

³¹³ Великая война — старое название Первой мировой войны.

³¹⁴ Описываются партизанские действия казаков во главе с атаманом Л.Н. Пуниным на Русско-германском фронте, в частности, рейды по тылам войск противника.

³¹⁵ Некоторые историки пишут, что Унгерн ушел из Даурии 8 августа 1921 г. Но эта записка, написанная им самим, свидетельствует о том, что Даурию он покинул не раньше 15 августа 1921 г.

³¹⁶ Возможно, Унгерн считал бывших членов колчаковской администрации ответственными за разгром белых в Сибири.

³¹⁷ Жаннен — генерал, начальник Французской военной миссии при колчаковском Омском правительстве, командующий войсками западных союзников в Сибири. При наступлении красных на Иркутск, проживал в железнодорожном вагоне на вокзале, и пригрозил открыть

огонь по городу, если белые попытаются силой подавить начавшееся восстание. Позже, как и другие западные союзники белых, вел себя изменнически при аресте и выдаче Колчака красным чехословаками (Серебрянников, 2003, цит. соч.). Очевидно, за все это и решил отомстить Унгерн.

³¹⁸ Урмия — город на северо-западе Ирана.

³¹⁹ Базу для борьбы с Коминтерном было бы логичнее перенести в Маньчжурию (куда отступал и сам Семенов), чем в Монголию. Кроме того, поход в Монголию был решен Унгерном без совета с ним. Еще в августе 1920 г., когда части Народно-революционной армии Дальневосточной республики и сибирские партизаны гнали Семенова на восток, решили взять Читу, у Семенова был такой (согласованный с Унгерном) план, что Азиатская дивизия уйдет из Даурии, но будет наступать через Акши – Троицкосавск на Верхнеудинск. Но, когда Унгерн оказался в Монголии, он понял, что ему одному без поддержки сил Семенова (который все дальше и дальше откатывался на восток), не пробиться к Верхнеудинску. И он принял решение идти на Ургу.

³²⁰ Из объяснения Семенова остается неясным, зачем было засекречивать планы монгольского похода Унгерна. Последующие события также показывают, что в Монголии Унгерн действовал независимо от Семенова. По-видимому, Семенов не хотел признавать этого, ибо претендовал на верховенство среди белых на Дальнем Востоке.

³²¹ Семенов фантазирует, чтобы показать себя главным в делах Монголии. Унгерн не получал от него указаний или помощи.

³²² И.И. Лавров — заведующий Ургинской конторой Центросоюза, ранее — Иркутский губернский комиссар Временного правительства.

³²³ Один из беженцев этой группы, С.Е. Хитун, подробно описал этот случай (см. ниже, в этом разделе).

³²⁴ В действительности, китайцы перевели Богдо-гэгэна под домашний арест. Полностью же освободил его тибетский отряд Азиатской дивизии.

³²⁵ Эту пытку с крысой применяли и красные в европейской части России (Мельгунов С.П. 1990. Красный террор в России. М.).

³²⁶ В.Ю. Сокольников (1882–1963) — полковник, начальник штаба Кайгородова. Описываемая встреча произошла 23 мая 1921 г. Рукописи Сокольниковых были переданы Серебрянникову в 1933 г., частично опубликованы в книге: Серебрянников И.И. 1936. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий 1919–1923. Харбин: изд. М.В. Зайцева (переиздана в 2003 г.: Серебрянников, цит. соч.).

³²⁷ А.А. Орлов — востоковед, русский дипломатический агент в Урге в 1917–1918 гг. Указания Наркомата иностранных дел РСФСР игнорировал, налаживал контакты с царскими офицерами.

³²⁸ В действительности Урга была взята 2–3 февраля.

³²⁹ К.И. Лаврентьев — родился в 1874 г., казак станицы Минусинской, уроженец г. Красноярска. Член Войскового правления Енисейского казачьего войска (выбран на 6-м Чрезвычайном круге войска в августе 1919 г.). Был заведующим финансово-счетным отделением и отделом призрения. До выборов в войске — частная служба.

³³⁰ В действительности, адъютантом Унгерна был Макеев, Бурдуковский был вестовым.

³³¹ В действительности, Бурдуковский был убит военным чиновником П. Федоровым во время заговора против Унгерна.

³³² А.В. Бурдуков не был коммунистом.

³³³ Н.Н. Князев — поручик, служил в комендантской команде Азиатской конной дивизии (Лавров, 1942). Его воспоминания, выдержанные в духе апологетики Унгерна, выходили в журнале “Луч Азии”, который издавали семеновцы в Харбине. Полностью переработанный и расширенный вариант издан в 1942 г. отдельной книгой.

³³⁴ Здесь излагается содержание известного приказа № 15.

³³⁵ Приказ Богдо-гэгэна о борьбе с МНРП говорит о том, что правительство хорошо различало красных и белых.

³³⁶ Шеломенцев.

³³⁷ Д.П. Першин (1861–1936) — журналист и предприниматель, чиновник по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе, был в командировках и жил в Монголии с 1914 по 1927 г., затем переселился в Китай. Его мемуары хранятся в Гуверовском институте, США, копия имеется также в ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, дд. 4–5. Опубликовано отдельной книгой издательским домом Агни (Самара, 1999). Здесь воспроизводится та часть рукописи, которая относится к деятельности Унгерна.

³³⁸ А.Д. Хитрово (1860–1921) — кяхтинский пограничный комиссар, участник Кяхтинской конференции 1915 г. по Тройственному соглашению, где была зафиксирована автономия Внешней Монголии; автор статей по русско-монгольской торговле (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³³⁹ Возможно речь идет о П.И. Кряжеве, бийском мещанине, работавшем в Западной Монголии на разных факториях и скупавшем шерсть, скот, пушнину (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁴⁰ И.С. Ефтин (1855–1921). О том, был ли Унгерн виновен в смерти Ефтина, имеются противоречивые мнения (ср.: Юзефович, цит. соч.; Белов Е.А. 2003. Барон Унгерн фон Шгернберг. М.: Аграф.).

³⁴¹ Н.М. Сулейманов — разбогатевший предприниматель, владевший мыловаренным и кишечно-очистными предприятиями, а также добывавший полудрагоценные камни (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁴² Фабий Максим Кунктатор (275–203 гг. до н.э.) (“Медлительный”) — римский полководец времен Второй Пунической войны. Его тактика заключалась в том, чтобы измотать превосходящее войско карфагенян, избегая решительного сражения.

³⁴³ С.Б. Цыбыктаров (1877–1921) — окончил Читинскую гимназию, возглавлял больницу при Российском консульстве в Урге; основоположник европейской системы здравоохранения в Монголии. Был награжден Монгольским правительством.

³⁴⁴ Зурхайч (монг.) — астролог.

³⁴⁵ Т. Прокин — председатель совета общественного управления русской колонии, ургинский старожил (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁴⁶ Состав и история поисков кладов Унгерна, о которых Ж. Персандер сообщал советским представителям, описаны И.И. Ломакиной (1999, цит. соч., с. 240–242) по архивным материалам (АВПРФ, ф. 3, оп. 8, п. 122, д. 52).

³⁴⁷ Соломаха — комендант Красных казарм, зверски уничтожил содержащихся там красноармейцев и политзаключенных с Урала и из Западной Сибири (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁴⁸ В.И. Лисовский — инженер-мелиоратор, после установления народной власти в Монголии работал в Ученом комитете в Урге до 1927 г. (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁴⁹ Унгерн не формировал Монгольское правительство, это сделали сами монголы.

³⁵⁰ М.Н. Ербанов (1889–1938?) — один из руководителей борьбы за Советскую власть в Бурятии, в 1923–1927 гг. председатель СНК и ЦИК Бурят-Монгольского АО, с 1929 г. первый секретарь обкома; в 1937 г. арестован (Ломакина, 1999, цит. соч.).

³⁵¹ И.Л. Дзевялтовский-Гинтовт (1888–1925?) — активный участник Октябрьской революции 1917 г., член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), министр иностранных дел ДВР, глава первой миссии в Китай; пробыл в Урге больше месяца в 1920 г. (Ломакина, 1999, цит. соч.). Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович (1884–1975), в 1919 г. предпринял поездку в Монголию для сбора сведений экономического, политического и др. характера. До 1921 г. меньшевик, затем член РКП(б). С 1922 г. на дипломатической работе. Академик АН СССР.

³⁵² Маньчжоу-го — марионеточное государство во главе с последним китайским императором Пу И, созданное японцами на территории Маньчжурии и просуществовавшее до 1945 г.

³⁵³ Гэлугпа — одно из направлений северного буддизма, основанное Цзонхавой (1357–1419). Кроме Тибета, распространено в Монголии, Северном Китае и России (Калмыкия, Бурятия, Тува).

³⁵⁴ Речь идет о А.Ф. Клингенберге. В действительности, Клингенберг по дороге в Маньчжурию был расстрелян другими унгерновцами за доносы.

³⁵⁵ К. Гижицкий — польский офицер. Вместе с отступавшими белыми частями ушел из России в Туву, затем попал в дивизию Унгерна в Монголии, после ее разгрома ушел в Китай. В мемуарах он описывает перипетии своего путешествия.

³⁵⁶ Д.Д. Алешин — колчаковский офицер, с несколькими белыми ушел в Монголию из Сибири от красных частей. Там их встретил Мэрэн Дугарчжаб, один из союзников Унгерна, и предложил присоединиться к последнему. Поскольку отказываться было опасно, они согласились. Сам Алешин сначала попал в отряд Казагранди, там должен был быть расстрелян, но его спас комендант и с чужими документами послал служить Унгерну. Очевидно, в своих беллетризованных мемуарах Алешин опирается как на свои наблюдения, так и на чужую информацию, в частности, на мемуары А.С. Макеева (1934. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоизд. А.П. Малык и В.П. Камкина). Алешин относился к Унгерну резко отрицательно и, даже если сам не участвовал в заговоре против него, одобрял деятельность заговорщиков. Поэтому его книга содержит множество домьслов и необоснованных обвинений. Эта книга — хорошая иллюстрация, сколь чуждым элементом были мобилизованные колчаковские офицеры в Азиатской конной дивизии.

³⁵⁷ Судя по воспоминаниям Макеева (цит. соч.) и самого Алешина (см. ниже в тексте), Резухин до самой смерти остался верен Унгерну.

³⁵⁸ Монголов мобилизовало Ургинское правительство.

³⁵⁹ Унгерна из армии не изгоняли, с этим не был связан и его уход из Даурии в Монголию.

³⁶⁰ Адъютант Унгерна, Макеев (цит. соч.) описывает этот эпизод иначе: Лауренц от имени барона приказал фельдшеру Логунову отравить раненых, за что был расстрелян по приказу Унгерна.

³⁶¹ Если Унгерн был столь невежественным командиром, как же он взял Ургу и побеждал во многих боях?..

³⁶² Эти сведения не подтверждаются другими данными.

³⁶³ Цагаан бурхан (монг.) — “белый бог”, а не “бог войны”.

³⁶⁴ Желтая вера — буддизм. Унгерн провозгласил войну за восстановление монархий и Среднюю империю, а не за буддизм.

³⁶⁵ Действительное соотношение сил см. выше.

³⁶⁶ В других мемуарах, наоборот, говорится, что Унгерн поставил монголов вперед.

³⁶⁷ Судя по другим материалам, это явное преувеличение.

³⁶⁸ Судя по другим мемуарам, барон таких обещаний не давал и, напротив, старался остановить беспорядки.

³⁶⁹ В действительности, кабинет министров создал не Унгерн, а Богдо-гэгэн.

³⁷⁰ Это домьслы. Приказ, в действительности, датирован не 25, а 21 мая нового стиля. Раньше издавались и другие приказы (см. раздел “Документы”).

³⁷¹ Такого приказа не было, иначе он бы фигурировал в обвинениях против Унгерна, собранных красными после занятия ими Урги. Его наличие опровергает и Першин в своих мемуарах (см. выше).

³⁷² По Голубеву (1926. Воспоминания. Пекин. — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA, DK254/U7G662), причина была в недостаточно хорошем отзыве о частях Унгерна, за что этого князя задушили.

³⁷³ В действительности, на Верхнеудинск барон не пошел потому, что там его ждал сильный отпор красных (РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.).

³⁷⁴ В Монголию Унгерн отступил для перегруппировки войск, а не для грабежа купцов.

³⁷⁵ Голубев (цит. соч., л. 259–260) описывает этот эпизод несколько иначе: Петковский, прибывший к Унгерну из отряда Казагранди, увидев сожжение, попросил барона о возвращении обратно, но был выпорот и отправлен в японскую сотню. Во время конвоирования туда он бросился в реку и утонул в ней.

³⁷⁶ В действительности, дивизион 35-й Сибирской стрелковой дивизии.

³⁷⁷ По другим сведениям (Макеев, Рибо) все красные бойцы были убиты в бою, или же многие все-таки были взяты в плен, но расстрелян лишь комсостав и политработники.

³⁷⁸ Город Чугучак находится не в Урянхае (Тове), а Синьцзяне. Такую “славу” Чугучака почему-то не отметил В.И. Петров (2003. Мятежное “сердце” Азии. М.: Крафт+), детально описавший жизнь русских беженцев там.

³⁷⁹ “Чайником” называли Бурдуковского, вестового Унгерна. Алешин ошибочно называет его личным адъютантом барона (цит. соч., с.219).

³⁸⁰ Обстоятельства взятия барона в плен красными описаны Алешиным почти так же, как Макеевым (цит. соч.), хотя оба не видели этого. Оба опираются на один источник — рассказ хорунжего Шеломенцева (подробнее о нем см. комментарий 444).

³⁸¹ Из всех обвинений Алешин взял только те, которые ему были нужны. В действительности, Унгерна обвиняли также и в политических преступлениях: попытке свержения существующего строя и т.д.

³⁸² Монголы не считали Унгерна перерождением Чингисхана. Далее следует рассказ о том, как автор находился в отряде Сухарева, которому Унгерном было поручено убить Казагранди. Перевод этой части есть в книге Л. Юзефовича (цит. соч., с. 260–266).

³⁸³ А.С. Макеев — есаул, адъютант Унгерна, впоследствии активный участник заговора против него. Вероятно, повышенное внимание автора к жестокостям и вывод о том, что барон постепенно превратился в маньяка, призваны оправдать участие заговоре. Любопытно, что участников заговора — убийц генерала Резухина он называет предателями. Описывая жестокости Унгерна и его приближенных, Макеев уходит от вопроса о своем собственном участии в них, учитывая его должность адъютанта Унгерна и (о чем он сам пишет) помощника полицмейстера города Урги — Сипайло, самого жестокого палача в Азиатской дивизии. Главы из своей книги Макеев первоначально публиковал в издававшейся в Тяньцзине газете “Возрождение Азии”, за подписью Унгерновец (подборка этих статей есть в ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 3).

³⁸⁴ Тэрлэг — легкая монгольская одежда вроде халата.

³⁸⁵ В действительности, Резухин получил более высокий титул — цин-вана (князя первой степени).

³⁸⁶ Этот князь — Тогтохо-гун.

³⁸⁷ Эта глава основана не на личных наблюдениях, а на сведениях другого офицера — Шеломенцева (подробнее о нем см. комментарий 444), и выглядит довольно сомнительно. Здесь трудно разделить факты и домыслы автора, старающегося разделить ответственность за последствия заговора с монгольским отрядом (обстрелянным самими же заговорщиками). Более правдоподобна версия, изложенная самим Унгерном и пленившими его красными (см. выше, раздел “Документы”), так как в ней отсутствует личная заинтересованность сообщивших.

³⁸⁸ В оригинале — “июльских”.

³⁸⁹ В оригинале — “августа”.

³⁹⁰ Джанджин-нойон (монг.) — господин полководец, а не бог войны.

³⁹¹ Н.М. Рибо (Рябухин) (1891–1979) — участник Первой мировой войны, офицер оренбургских казаков, личный врач Дутова, один из активных участников заговора против Унгерна. Впоследствии жил в США (сведения М.Ю. Блинова). В своих воспоминаниях он старается оправдать участие в заговоре отрицательными качествами самого барона. В обратном переводе с английского эти мемуары были частично опубликованы Л. Юзефовичем (цит. соч., с. 240–260). Здесь дается новый, полный перевод.

³⁹² Костромин и Островский.

³⁹³ Н.Н. Князев (1942. Легендарный барон. Харбин. С.138–139) сообщает, что для лечения этой “царапины” тот же Рибо предлагал извлечь пулю, которую прощупал застрявшей возле позвоночника.

³⁹⁴ Это объяснение неверно. Причина отступления Унгерна — отсутствие поддержки населения, наличие превосходящих сил Красной армии у Верхнеудинска и невозможность воспользоваться наступлением японцев на Дальневосточную республику.

³⁹⁵ Это описание соответствует таковому в мемуарах Макеева и опирается на тот же источник (рассказ Ш. — Шеломенцева). Оно представляется сомнительным (см. выше).

³⁹⁶ К. Носков — поручик, начальник осведомительного отдела сводного Русско-Инородского партизанского отряда войск Горно-Алтайской области, подчинявшегося Унгерну, участник боевых действий в Западной Монголии. В результате ранения в одном из боев ослеп, смог выбраться в Маньчжурию и там издал свои мемуары, в которых детально описывает произвол, который от имени Унгерна творили его представители.

³⁹⁷ Ямынь (старомонг.) — присутственное место.

³⁹⁸ И.Г. Казанцев.

³⁹⁹ Имеется в виду бой у реки Тарлакшин в Туве, где казанцевский отряд под командованием поручика Поползухина был разгромлен красными.

⁴⁰⁰ По-видимому, автор служил в Азиатской конной дивизии почти год, а затем жил в Китае, где общался с русскими эмигрантами. Он пишет, что был непосредственным очевидцем описываемых событий. Однако из рукописи ясно, что многие события описаны с чужих слов. Некоторые сведения не соответствуют действительности. Хотя Голубев и заявляет, что его цель — дать “глубоко объективный материал” и написать “историческую летопись”, пафос книги направлен против Унгерна. В рукописи много места занимает детальное описание пыток и казней с указанием фамилий. Это в основном опущено — как и сведения, имеющиеся в других источниках.

Точных сведений о самом авторе нет. В документах и мемуарах сообщается о статском советнике Г.П. Голубеве, которого вместе с женой выпороли по приказу барона (Макеев, цит. соч.). Известны также есаул К. Голубев, в 1920-х гг. служивший в белых частях на Дальнем Востоке, и Н.П. Голубев (1887–1965), служивший старшим санитарным врачом по перевозке раненых к Китаю (сведения М.Ю. Блинова).

⁴⁰¹ В 1921 г. СССР еще не было, Унгерн воевал с РСФСР.

⁴⁰² Это неверно. Послужной список Унгерна не был испорчен (см. раздел “Документы”).

⁴⁰³ В 1912 г. Унгерн не мог быть в Монголии (см. раздел “Документы”).

⁴⁰⁴ В действительности, к тому времени Унгерн был уже в России.

⁴⁰⁵ Это неверно. Судя по документам, разгром китайских войск в Монголии Унгерн предпринял по собственной инициативе.

⁴⁰⁶ В оригинале — “ликвидировать”.

⁴⁰⁷ Пропущен фрагмент, где Еремеев и Лауренц объясняли, что “все наше нажитое разграбили”, что в Даурии совдеп и т.д., но солдаты и офицеры батареи от атаки отказались; затем Дмитриев был арестован на 2 сут. за пьянство, отправлен на ст. Маньчжурия, откуда Казачихин препроводил его в Даурию.

⁴⁰⁸ Эти сведения не подтверждаются другими источниками. Кроме того, известно, что сам Унгерн предпочитал не присутствовать на экзекуциях.

⁴⁰⁹ Согласно другим мемуарам, цены устанавливали монголы.

⁴¹⁰ Нэйсэ-гэгэн — религиозный и политический деятель Внутренней Монголии, которого атаман Семенов видел в качестве будущего главы Великой Монголии. С отрядом чахар ушел в Северную Монголию, где был схвачен китайцами и расстрелян.

⁴¹¹ Молох — божество у древних финикийцев, которому приносили человеческие жертвы.

⁴¹² Алешин (цит. соч.) дает несколько иную систему иерархии.

⁴¹³ По Макееву (цит. соч.), это были тибетцы.

⁴¹⁴ В оригинале — “Хутухтен-ламы”.

⁴¹⁵ В 1921 г. СССР еще не было, Унгерн воевал с РСФСР.

⁴¹⁶ Согласно обычаю, в монгольской семье хотя бы один мальчик должен был принять монашество.

⁴¹⁷ Согласно Б.Н. Волкову, Л. Сипайло был приговорен к 10 годам тюрьмы и был освобожден в 1932 г. Есть сведения, что в харбинской тюрьме Сипайло содержался отдельно от других заключенных, во избежание самосуда, и использовался в качестве главного провокатора (Залесский Б. [1932]. Маньчжурские записки. Л.).

⁴¹⁸ Здесь описано блуждание по Монголии полевого интендантства, при углублявшейся деморализации личного состава, и его уход в Маньчжурию, где многие брали фальшивые паспорта, заговор против Унгерна и судьба его бригады (по мемуарам Макеева), а также разгром других белых отрядов в Монголии.

⁴¹⁹ Автор рукописи в качестве приложения, по-видимому, приводит копии некоторых материалов расследования деятельности Унгерна в Даурии, проведенного каппелевцами. Они даются в сокращении (пропущена серия рапортов офицеров Азиатской дивизии о частных хозяйственных вопросах). Поскольку их надежность неопределенна, они не помещены в раздел “Документы”.

⁴²⁰ Емельян Михайлович Ярославский (настоящие имя, отчество и фамилия — Миней Израилевич Губельман) (1878–1943) — член Компартии с 1898 г. В 1917 г. — председатель Якутского совета; активный участник Октябрьской социалистической революции 1917 г. В 1918–1919 гг. назначается уполномоченным ЦК РКП(б) по проведению мобилизаций в Красную армию в разные губернии. С октября 1919 г. на партийной и журналистской работе, историк Коммунистической партии и атеизма. В 1921 г. член Военного совета Дальневосточной республики, секретарь ЦК РКП(б), редактор газеты “Советская Сибирь”, где публиковались материалы судебного процесса над Унгерном. Председатель Союза воинствующих безбожников и Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), редактор журнала “Безбожник”, автор многочисленных антирелигиозных книг. Один из организаторов разгрома религий в СССР. С 1939 г. академик АН СССР, член ЦК РКП(б). На процессе против Унгерна выступал в качестве обвинителя. Книга Ярославского, из которой приводятся выдержки, содержит в основном материалы допросов и судебного процесса. Эти материалы опущены, так как они полностью приводятся выше (см. раздел “Документы”). В книге Ярославского есть неверные сведения: в действительности Унгерн был приговорен к 2 месяцам крепости; Унгерн не был проводником японского панмонгольского плана — у него был свой план.

⁴²¹ В.Я. Зазубрин (настоящая фамилия — Зубцов) (1895–1938) — родился в Пензе. Участвовал в большевистском подполье, попал по мобилизации к колчаковцам, впоследствии, как писатель и журналист, участвовал в становлении советской литературы в Сибири. В конце жизни работал в Гослитиздате в Москве. Очевидно, после допроса Унгерна в Иркутске Зазубрин взял у него интервью. Однако неясно, насколько точно оно отражено в этом очерке: некоторые части интервью буквально отражают фразы из допроса (может быть, на нем присутствовал и Зазубрин). Очерк впервые опубликован в газете “Красный стрелок” от 21.09.1921. Печатается без сокращений.

⁴²² Об Ф. Оссендовском см. выше (комментарий 209). В своей знаменитой книге он описывает свой путь из Сибири в Маньчжурию через Туву и Монголию. К приводимым в ней сведениям надо относиться с осторожностью, так как к своим воспоминаниям автор добавил слухи и художественную фантазию. При редактировании текста учитывался последний русский перевод В. Бернацкой: Ф. Оссендовский. И звери, и люди, и боги. М.: Пилигрим, 1994.

⁴²³ Memento mori (лат.) — помни о смерти.

⁴²⁴ В действительности, М.Л. Носков он был замучен Сипайловым и его подручными.

⁴²⁵ Получить аудиенцию у Богдо-гэгэна было очень трудно даже иностранным официальным лицам, тем более — повторную аудиенцию. Поэтому слова Оссендовского вызывают сомнения. Однако не исключено, что эпизод этой встречи Унгерна с Богдо-гэгэном он от кого-то слышал.

⁴²⁶ Нам неизвестны публикации этой рукописи, хотя в эмигрантской газете есть статья С.Е. Хитуна. Рукопись, фрагмент которой публикуется здесь, насколько нам известно, имеется в одной библиотеке США (Western Washington University) и в Интернете, откуда и взят данный фрагмент. В своих мемуарах С.Е. Хитун (1895–1982) рассказывает о жизненном пути воспитанника дворянского пансиона, который в Гражданскую войну попал в белую Оренбургскую армию, отступал с ней через казахские степи в Сынцзян, а оттуда в Монголию, где был арестован китайцами, затем освобожден Унгерном и служил у него шофером.

⁴²⁷ “Поедем, красотка, кататься”.

⁴²⁸ Степи в Казахстане, при зимнем переходе через которые от голода и лишений умерло много военных отступавшей Оренбургской армии и гражданских лиц, ухивших с ней от красных.

⁴²⁹ К.И. Ивановский.

⁴³⁰ А.Ф. Клингенберг.

⁴³¹ В оригинале — “Джембулван”.

⁴³² Видимо, должно быть наоборот: вода вскипает, если ее лить в серную кислоту.

⁴³³ Е. Бурдуковский.

⁴³⁴ Возможно имеется в виду брат агента Унгерна в Харбине, Л. Вольфовича.

⁴³⁵ Чернов.

⁴³⁶ Болно арат, болно! (монг.) — Довольно, пастух, довольно!

⁴³⁷ Архангельская.

⁴³⁸ А.С. Макеев.

⁴³⁹ С. Лавров — офицер выпуска 1904 г., участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. В Гражданскую войну командовал 1-м Егерским полком Оренбургской армии, затем воевал в дивизии Унгерна. Рукопись содержит личные воспоминания автора, воспоминания других унгерновцев, критический анализ книг, вышедших до 1942 г. Здесь даны некоторые выдержки из этой рукописи, которую предполагается опубликовать отдельно.

⁴⁴⁰ В действительности, послужной список сохранился в архивах (см. выше: раздел “Документы”).

⁴⁴¹ В действительности, г. Грац находится в Австрии. Германия была указана автором потому, что в 1942 г. в нее входила Австрия в результате аншлюса гитлеровцами.

⁴⁴² В некоторых биографиях указывается, что барон Р. Унгерн учился в Лицее и из Лицея перешел в Морской корпус. <...> (прим. авт.).

⁴⁴³ Это зафиксировано в послужном списке.

⁴⁴⁴ Шеломенцев — хорунжий, служил инструктором в Монгольском дивизионе под командованием Бишерельту Сундуй-гуна. После бунта в дивизии, Унгерн отпустил его к отступавшим частям. В дороге Шеломенцева нагнали три русских офицера и три казака из Монгольского дивизиона и рассказали об обстоятельствах пленения. Этот рассказ лег в основу главной версии пленения барона, приводимой в различных мемуарах белых. Однако она вызывает ряд сомнений (см. выше). Другое, более реалистичное описание имеется в донесениях красных и в собственных показаниях Унгерна.

⁴⁴⁵ В.А. Морозов — офицер в войсках белого генерала Каппеля, с которыми он попал в Забайкалье. Приводимые воспоминания написаны им по памяти более чем 40 лет спустя после описываемых событий.

⁴⁴⁶ Имеется в виду правительство адмирала Колчака, размещавшееся в Омске.

Именной указатель

- Абрамсон 111, 627
 Абузов 543
 Авид 196
 Акинтиевский 293, 551
 Акунов В.В. 6, 42
 Акцинов В. 14, 277
 Акчурин 139, 140, 433
 Алексеев 119, 628
 Алешин Д.Д. 25, 44, 415, 430 640, 641
 Алтан-гэрэлэ 182
 Альбертсен 136
 Амида 574
 Амурсана 347
 Анван 554
 Андроник 38
 Анненков Б.В. ... 81, 119, 202, 212, 237, 243,
 248, 254, 262, 282, 286, 334, 422,
 529, 555, 605, 635
 Антонов 295
 Анучин В.И. 146, 148, 263, 555, 630
 Артамонов 11, 55, 56, 57, 276, 527
 Ару-Харчийн-ван 213, 126, 628
 Архангельская 423, 538, 542, 613, 644
 Архангельский 63
 Архип 584
 Архипов П.Н. .. 114, 205, 427, 441, 443, 445,
 450–453, 470, 492
 Архипова Л. 450–452
 Аршинов 584
 Астякова А. 550, 551
 Аттила 431, 565
 Афанасьев 121, 177, 220–234
 Афанасьев Ф.Н. 30
 Ахай-гун 195, 203
 Ачиту-ван 88

 Бабин 584
 Бабур 579
 Бабушки И.В. 302
 Бадманеанов 300
 Баир-гун 98, 99, 111, 425, 626
 Байс 209
 Бакашев 88
 Бакич А.С. 202, 215, 231, 237, 243, 248,
 254, 262, 264, 317, 322, 323, 334, 391, 400,
 422, 492, 500, 529, 555, 605, 624, 634, 637
 Баландин 374
 Балжинням-бэйсэ 195
 Балжиргарам Б. 26, 33, 42, 197
 Балеагов 134
 Балсанов 84
 Бальков А. 84, 362, 388
 Баль 48
 Баранов 226, 326, 427
 Баригин 422
 Баринов 209
 Барсук 308
 Барун-гун 634
 Батор-гун Джамц-бэйсэ 92
 Батор-гур Най-данчжиба 92
 Баттогтох С. 39, 42
 Багу 414
 Багуев 101
 Баярт 153
 Бежанов 220–234, 636
 Безобразов 268
 Безродный 22, 38, 322, 333, 334, 380,
 384–387, 396, 411, 450, 458, 471, 492,
 496, 510, 516–518
 Бейба 155
 Бекзеев 84, 174
 Беллино 103
 Белов 471, 472, 605
 Белов Е.А. 4, 10–24, 27, 28, 34, 35, 38,
 41, 42, 173, 639
 Бенарадский 285, 286
 Берг 111, 423, 506
 Бергсон А. 566
 Бережков 72, 117, 122, 137, 628
 Березовский 97
 Бержье Ж. 40
 Берман 1146 199
 Бернацкая В. 643
 Бидерман 397
 Бизгачев А.Ф. 321
 Билэгсайхан 153, 154
 Бимбаев 93
 Бирюков 88
 Бишерельту Сундуй-гун ... 32, 194–197, 361,
 373, 390, 398, 407, 408, 509, 513,
 619, 624, 634, 644
 Бишерельту-ван Доржцэрэн 90
 Блюхер В.К. 461
 Бобровский К. 57
 Богданов Г. 449

- Богдо-гэгэн Джэбцундамба-хутухта VIII .. 18,
21–26, 30, 84, 86, 90 – 92, 95, 98, 99, 104–
110, 125, 126, 133, 142, 143, 153, 156, 159,
161–163, 167–174, 180–183, 191, 202, 203,
107, 209, 212, 321, 322, 328, 332, 348, 359,
364–373, 377, 389, 390, 398, 399–403, 414,
418, 419, 430, 438, 442, 443, 446, 489, 533,
534, 539, 540, 624, 626–635, 638, 643
- Богдо-гэгэн V 554
- Богдо Наинчи-хутхута 293
- Богдо-хан – см. Богдо-гэгэн
- Богдыхан 143
- Боголепов 308
- Боголюбов 34, 249, 256, 260
- Бодо Д. 30, 83, 84, 106, 113, 391, 624
- Борисов Г. 93, 105, 199
- Борн Б. де 622
- Бородаевский 106
- Бородавкин 138
- Бочаров А. 7, 42
- Бронштейн 111
- Будда 404, 414, 539, 566, 573, 575
- Буин-Ульзы-захирагчи 116
- Букау 116
- Букашкина Е.С. 302
- Букейханов (Букей-хан) А.М. 159, 206,
230, 243, 252, 259, 263, 631
- Бурдуков А.В. 9, 42, 232, 270, 271, 334,
518, 626, 637, 638
- Бурдуковский 325
- Бурдуковский Е. 14, 22, 38, 116, 319, 323,
359, 380, 396, 415, 435, 436, 439, 441, 448,
453, 458, 467, 468, 471–473, 494, 508, 511,
531, 594, 595, 604, 612, 636, 638, 641, 644
- Буртман 82
- Бушмакин 471–473
- Вагнер Р. 39
- Вадаков 548
- Валишин 479, 480
- Вальтер А.А. 270
- Вампфен С.-Ш. 7, 266
- Ван Сяоцун 514
- Ван Чунян 167
- Ванданов 119, 333, 518, 628
- Ванчиков 84
- Варламов 66
- Василий 38
- Васильев 3226 324
- Вележев 220–234
- Веремеев 69
- Вержицкий 293
- Вертопрахов 53
- Веселовский 496, 498, 505, 560, 561
- Виноградов 32, 116, 355, 469, 508
- Витте П.В. 29, 318, 322
- Войцехович 311, 538, 539, 542, 544–548
- Войцеховский С.Н. 16
- Волгин 122
- Волков 331
- Волков А. 286, 322
- Волков Б.Н. 5, 322, 642
- Вольфович 536, 543, 569
- Вольфович Л. 39, 87, 129, 141, 144,
625, 644
- Вотяков 64
- Врангель П.Н. 9, 10, 42, 63, 200, 250,
251, 265–267, 637
- Врид 177
- Второв 384
- Вяземский 277
- Габер-Влынский 313, 314
- Габишев 34, 244, 262, 263
- Габрик 538
- Гайдар А.П. 38
- Гайлит 199
- Галданов 467, 480
- Галипов 88, 89, 101, 116, 117
- Галсан 84
- Гапон Ф.И. 86, 93, 95, 112
- Гаркушенко А. 39, 42
- Гаськов А.С. 313, 314
- Гауэр 376, 383
- Гвоздев — см. Шан Фугуан.
- Гей В.Г. 207, 493–496, 635
- Гембаржевский 632, 388
- Герасимович 205
- Гершевич 300
- Гете И.В. 566
- Гижицкий К. 16, 33, 44, 411, 412, 415, 640
- Гиршфельд 82
- Глазунов Я.Г. 319, 320, 321
- Глебов Ф.Л. 286, 287, 424, 487, 541
- Го Сунлин 18, 100, 101, 105, 108–110,
145, 166, 436, 443, 615
- Гоберник 87, 103, 136
- Гойнинген-Гюне М. 12
- Гойнинген-Гюне О.Ф. 7, 46, 49, 266
- Голубев 8–10, 15, 19, 23, 30, 42, 518,
552, 640, 642
- Голубев Г.П. 439, 440

- Голубев К. 642
 Голубев Н.П. 642
 Голубева 439–441
 Гольцов А.М. 313, 314, 329, 330
 Гомбожав 197
 Гомбо-одшин 83
 Гончаров Н. 87
 Гордеев 324, 393, 495, 496
 Гордон Л. 40, 42
 Городний Д. 57
 Гороховский 117
 Горький М. 630
 Гоу Хаушан 104
 Гочитский 624
 Грабовский 522, 551
 Грайнер А. 266, 270, 637
 Грайнер А.В. 269, 637
 Грассе Н.С. 620
 Грегори К. 159, 208, 631
 Гречко 64–66
 Григорьев 292
 Грюнштейн 198
 Гуляев 34, 244, 262, 263
 Гунтель 101
 Гуппель 421
 Гусев 197
 Гушин 433, 434
 Гюк Е.Р. 36, 42

 да Винчи Л. 566
 Давид 320
 Давыдов 177, 199, 210, 220 – 234
 Дайнов 77
 Дайчин-ван 209, 210, 561
 Да-лама 83, 825
 Далай 153
 Далай-лама 31, 37, 42, 114, 212, 236,
 248, 259, 414, 507, 528
 Дамба 153
 Дамби-Джамцан — см. Джа-лама.
 Дамдиндорж Д. 39, 42
 Дамдинсурэн 153
 Данзан С. 153, 155, 391
 Даниил 172, 635
 Данте 566
 Данцис 244
 Данчинов Г. 85
 Дарха-лама 166, 174
 Дауничи-Будда 574
 Дашжав 90
 Дашкевич-Горбатский 282, 524, 551, 552
 Дашцэвэг Ш. 90, 153
 Дезорцев 497
 Демиденко М.И. 5, 23, 39, 42
 Демин 504
 Деникин А.И. 251
 Деревцов И.А. 117
 Деткоу И. 273
 Детлинг А.И. 46
 Джа-лама 9, 10, 111, 271, 347, 360, 627
 Джалханца-хутухта Дамдинбазар ... 26, 83,
 90, 144, 166, 168, 186, 196, 205, 389, 390,
 403, 554, 574, 575, 624, 631, 632
 Джамба-гун 544, 545, 546
 Джамсаран 23
 Джамц-гун 142
 Джа-тусулакчи 116
 Джа-у 141
 Жебцзундамба-хутухта — см. Богдо-гэгэн.
 Джо-ван 89, 626
 Дзаин-гэгэн 183
 Дзевялтовский-Гинтовт И.Л. ... 309, 391, 639
 Дзержинский Ф.Э. 621, 622, 630
 Дзу 427
 Дзыно П. 66, 88, 122, 137, 138, 140, 624
 Дмитриев 156, 227, 283, 472, 473, 478,
 525, 642
 Доброхотов 302
 Догаржап 84
 Доксом 84
 Домбровский 273
 Домогацкий И. 56, 57, 64
 Доможиров В.Н. 316, 322, 334, 514
 Дондым 84
 Доржпалам 90
 Достоевский Ф.М. 566
 Дрингер Э. 268
 Дроздов 445, 584, 588, 614
 Дубовик 322, 418
 Дугар-Мэрэн — см. Мэрэн Дугарчжаб.
 Дуденевский 58, 63
 Дуся 450–451
 Дутов А.И. 81, 282, 422, 492, 529, 605
 Душенин 321
 Дэמיד 196
 Дэн Сяопин 635

 Евсеев 88, 524
 Евтин 87, 88, 103, 139, 222, 625, 636
 Евфаритский 32, 412, 413, 429, 469,
 471–473, 476, 508–513
 Егоров Н.Д. 13, 42

- Езерский — см. Энгельгардт-Езерский.
 Ербанов М.Н. 391, 402, 639
 Еремеев А.К. 76, 102, 119–122, 137,
 140, 452, 525, 624, 629, 642
 Ермаков 232
 Есаулов 48
 Ефремов Г.Ф. 313
 Ефтин И.С. 322, 363, 376, 383, 639
- Жадвойн 281
 Жамбалдорж 195
 Жамболон Ж. 23, 91, 133, 174, 332,
 399–401, 416, 425, 542–544, 547, 552,
 554, 556, 576–578, 597, 614, 626, 629
 Жамьян-гун 83
 Жанен 280, 637
 Жданов 318, 322, 447
 Жигмид-гун 83
 Жорон 153
 “Живой бог” — см. Богдо-гэгэн.
 Жигмиддорж 83
 Жуковский Е.Д. 14, 16, 76, 119, 276
 Журавская П.М. 302
 Журавский А.И. 302
 Жуч 87, 88, 119, 120, 218, 549, 550, 625
- Забиякин 439, 440, 457, 476
 Загорский 11, 56, 57
 Зазубрин В.Я. 557, 559, 643
 Зайцев 209
 Залесский Б. 642
 Запарины 388
 Заплавный А.И. 322, 323
 Захаров 232
 Зезин 322, 538
 Зимин 520
 Зиновьев Г.Е. 198, 264
 Златин А.В. 302
 Зоркальцев 66
 Зубакин 506
 Зубов 334, 516
 Зуев 273
 Зябликов А. 117
- Ивановский К.И. 27, 201, 322, 400,
 535–539, 542, 544, 547, 548,
 594, 601, 602, 632, 644
 Игнатович 63, 64, 66
 Иисус Христос 566, 579
 Ильинский 72
 Иннокентий 156
- Инфантьев И.Н. 316
 Иоанн 566, 579
 Иоффе А.А. 264
 Исаак 449, 451, 487
 Исая 329
 Ишидорожин 158
 Ишкин И.С. 302
- Кабанов 66
 Кабук-Саурский Ван 164, 632
 Кадышевский 434
 Казагранди Н.Н. 24, 28, 29, 171, 195, 205
 Казаков 9, 271
 Казанцев И.Г. 24, 28, 171, 208, 212, 216,
 223, 231, 231–233, 237, 248, 254, 322, 323,
 327, 332–334, 373, 391, 400, 422, 424, 496,
 515–517, 555, 632, 642
 Казачихин В.И. 75, 79, 80, 230, 416, 523,
 624, 642
 Кайгородов А.П. ... 24, 28, 99, 171, 202, 208,
 212, 214, 220, 223, 230–232, 237, 238, 243,
 248, 254, 262, 326, 334, 373, 422, 496, 518,
 555, 556, 626, 634,
 Какоулин И.П. 315, 319
 Каландарашвили Н.А. 118, 628
 Калинин 510, 511
 Каменев С.С. 82, 176, 198, 199, 219
 Канабеев 282
 Каннабих 205
 Канон 574
 Као 304
 Каппель В.О. 16, 636, 644
 Кара-Мурза С.Г. 41, 42
 Карахан Л.М. 85, 106, 151, 185, 627
 Кастерин 470
 Катерухин 21
 Керенский А.Ф. 31, 233, 238
 Ким Н.Ф. 280
 Кимов 80
 Кислицин В.А. 14, 15, 42, 275, 276, 293
 Кислов А. 28, 42
 Клингенберг А.Ф. ... 409–410, 416, 421, 425,
 441, 535, 537, 547, 548, 640, 644
 Князев 392
 Князев Н.Н. 8–10, 16–19, 30, 42, 335,
 454, 515, 638, 641
 Ковель 267
 Ковецкий 151
 Козлов В.П. 630
 Козлов П.К. 25, 42
 Козубовский 273

- Козырев 341, 358, 548
 Коковин Ф. 392, 544, 547
 Колобов И.И. 120, 122, 138, 139
 Колумбо 103
 Колчак А.В. .. 15, 39, 81, 246, 268, 281, 286,
 308, 363, 382, 409, 453, 515, 523, 580, 589,
 622, 632, 634, 637, 638, 644
 Комаровский 95, 318, 322, 444, 492
 Кондаков В. 92, 125
 Контеньев 71
 Конфуций 558
 Коровяков 121
 Коротков 88
 Косицын П. 49
 Косич 198
 Костромин А. 32, 118, 119, 122, 429,
 482–486, 499–502, 510–513, 628
 Котельников 140
 Кравченко А.Д. 34, 244, 262, 263, 331
 Краснов 286
 Краснокутский 75–80
 Краснощеков А.М. 88, 626
 Кржеминский 102
 Кротова А. 550
 Кручинин А.С. 25, 42
 Крыжановский 69
 Крылов И.А. 94
 Крымов 62
 Кряжев П.И. 371, 639
 Кудрявцев И. 34, 244, 262, 263
 Кудряшев 274
 Кузнецов 53, 223, 285, 286, 373, 400
 Куренков 552
 Кучеренко М.И. 316, 317, 325, 362, 388
 Кучутов С. 612

 Лаврентьев К.И. 25, 43, 312, 335, 638
 Лавров И.А. 300, 302, 322, 528, 542,
 543, 638
 Лавров С. 6–11, 23, 24, 43, 615, 620, 644
 Лагунов 448
 Лауренц 15, 89, 102, 117, 118, 280, 282,
 415, 421, 437, 448, 449, 525, 526,
 529, 625, 640, 642
 Лебедев 82, 201
 Левицкий 527
 Ледер-Врангельсхоф А. 268
 Ленин В.И. 34, 38, 42, 81, 83, 113, 147,
 151, 176, 198, 199, 259, 487, 624, 630, 634
 Леонтович 267
 Леткин П. 81

 Ли 314, 450
 Ли Чжанкуй 124, 128, 131, 141, 145,
 206, 207, 629
 Ли Чжуан 314
 Ливины 615
 Ливов 616
 Лисовский В.И. 388, 639
 Лихачев П.И. 73, 436, 441, 442, 452,
 520, 540, 541
 Лиховоз 57
 Логунов 529, 640
 Ломакина И.И. 23, 37, 39, 42, 624, 628,
 634, 639
 Лосол 153
 Лохвицкий Н.А. 281, 283, 293, 524
 Лу Паньгао 95
 Лубсан Балдан Еше 150
 Лувсан 153, 552, 553
 Лувсан Жансан 83
 Лувсан-Очир 196
 Лувсан-Цэвэн 19, 90, 92, 133, 552, 629
 Лузянин С.Г. 264
 Лукьянов 317
 Лун Дицзи 104
 Лушников Г. 466, 505
 Львов Г.Е. 32, 87, 118, 121, 136, 412,
 413, 458, 469, 476, 511, 513
 Люба В.Ф. 9, 271
 Любимов 198
 Людовик 556
 Лютер Г. 267
 Лям Пань 103, 627

 Ма Хуапай 98
 Майдари — см. Майтрея.
 Майер В. 38, 42, 625, 630, 637
 Майн-Рид Т. 266
 Майский И.М. 21, 42, 391, 639
 Майтрея 600, 601, 631
 Макеев А.С. 17, 28, 32, 33, 42, 407, 413,
 421, 429–491, 512, 523, 626, 638–644
 Маковкин 62, 63
 Максаржав — см. Хатан-Багор Максаржав.
 Макстенек О.И. 21, 93, 181, 308
 Малецкий 87, 88, 102, 120, 140, 625, 629
 Малиновский П.П. 70, 71, 382, 624
 Мальшева М.П. 42, 87, 97, 98, 113,
 114, 157, 158, 511, 513, 544
 Манлай-ван 83, 297
 Маньчжушри-хутухта 144, 168, 182,
 369, 553, 630

- Павлуновский И.П. 199, 220–234, 243
Палта-ван 131, 312, 627, 629
Панков 449
Панкхурст 70, 624
Пановы 323
Паньков 447
Паньчен-лама 114, 628
Парамонов 80
Парняков П.Ф. 626
Парняков Ф.А. 22, 247, 252, 309, 316, 626, 628
Парыгин К.И. 435, 436, 444, 445, 451
Пастухов 117
Пашков С. 447, 448, 449
Певцов 624
Пеняев 181
Перлин 467, 471, 472
Пермяков 494
Персандер Ж. 385, 639
Першин Д.П. ... 20–22, 25, 42, 362, 639, 640
Петерсон 54
Петковский 640
Петр I 593, 616
Петров 77, 78
Пешкин 119
Пинигин 435, 436
Пиншин 88
Писсаржевский 516
Пляскин 548
Плясунов 285
Повель Л. 40, 42
Погодаев А. 102, 104
Позднеев А. 23, 37, 42
Позерн 82
Познанский В.С. 42, 87, 97, 98, 113, 114, 157, 158
Полетико 334, 515, 516
Попов 70, 354
Попов В.Л. 331
Попов К. 355
Поползухин 517, 642
Порядков 356
Потанин 556
Потанин Г.Н. 147, 630
Почекунин 139
Провохонский 487
Прокин Т. 384, 387, 639
Псиол Д.И. 472
Пу И 272, 620, 639
Пунин Л.Н. 272, 637
Пунцаг 544
Пунцаг-До 83
Пунцагцэрэн 90
Путинцев 310, 311
Пушкарев 102
Равжир 153
Раддац 53
Рай 285
Рахманов 302
Резухин Б.П. ... 17, 24, 28–33, 183, 192–195, 202, 203, 209, 210, 213–217, 222, 223, 226–230, 239, 240, 271, 283, 284, 288, 312, 322, 336, 341–343, 349–354, 360, 361, 380, 384, 389, 405–407, 412, 415, 419–447, 454–459, 464, 469–471, 476, 493–511, 533, 560, 588, 614, 617, 634, 636, 641
Рейхберг 41
Ренненкампф фон Эдлер 8, 251
Рерих В.К. 510, 512
Рерих Н.К. 510
Рибо Н.М. 32, 226, 374, 469, 472, 476, 485, 491–641
Ригдэн Дагпо Хорло-чэн 151, 631
Ричард Львиное Сердце 431, 565
Родзянко М.В. 516
Рожнев 119, 542, 549, 550
Рокоссовский К.К. 28
Романов М.А. 27, 170, 213, 253, 255, 260, 263, 311, 320, 329, 445, 518, 542, 622
Россианов С.Д. 435, 436
Ружанский 438
Рукьер 136
Рыбаков 434, 516
Рябкин А.М. 181, 319
Рябухин Н.М. — см. Рибо Н.М.
Саблин 276
Савельев 87, 424, 541
Саджа-лама 553
Салтанов 536
Сальников 321
Салаяев 524, 526
Самсонов 286
Сан-бэйсэ 19, 88, 89
Сан-дзасак 89
Семенов Г.М. ... 11–17, 42, 66, 70–74, 81, 87, 88, 100, 116, 119, 121, 160, 201, 206–217, 221, 226–235, 238, 239, 246, 248, 255–268, 274–282, 289, 296, 309, 311, 339, 349, 382, 383, 387, 388, 424, 428, 451, 470, 482, 483, 515, 521–527, 534, 535, 541, 544, 548, 594, 600, 618–628, 635, 638

- Семенов Д.И. 303
 Семенов Д.Ф. 289, 293
 Сементковский 513
 Сементовский И.И. 313, 321, 407
 Сергеев 5
 Серебренников И.И. 9, 12, 39, 42, 184,
 271, 272, 311, 624, 625, 634, 637, 638
 Серебряков 520
 Сечкин Н. 550
 Сиверс 251
 Сиорпас О.И. 332, 333
 Сипайло Л. . 14, 38, 156, 217, 227, 229, 233,
 236, 247, 252, 332, 333, 339, 380, 384, 385,
 396, 401, 415, 421, 423, 424, 425, 433, 441,
 445, 453, 496, 502–504, 536, 537, 541–544,
 549, 563, 572, 578, 592, 604, 625, 641, 642
 Сипайлов Л. — см. Сипайло Л.
 Сиротин И. 219
 Складский 199
 Случайный 21, 22, 42, 296, 309
 Слюс 470
 Смиренский 445, 549, 550, 626
 Смирнов 281, 421
 Смирнов И.Н. 81, 83, 85, 96, 97,
 112–114, 177, 198, 234
 Смолев 325
 Снегодский 363, 538
 Соболев 308
 Содномдаш 153
 Сокольников В.Ю. 309, 334, 624, 638
 Солдатов 73
 Солдатов В.В. 302, 317
 Соломаха 639
 Сотников 97
 Спиржун 66
 Спицын 503
 Ставский 273
 Сталин И.В. 37, 198, 199, 264
 Степан 607, 608
 Степаненко 427, 544
 Стефан 418
 Стефен 136
 Стригин 514, 515
 Струков 613
 Судзуки 433
 Сулейманов Н.М. 376, 380, 381, 383, 639
 Сумья 153, 155
 Сундуй-гун — см. Бишерельту Сундуй-гун.
 Сунь Ятсен 133, 164, 165, 167, 626, 629
 Сурков К.Э. 302
 Сухарев 205, 415, 420, 425, 504, 633
 Сухэ-Батор Д. 24, 30, 84–86, 105, 109,
 110, 182, 391, 400
 Сычев 424, 541
 Сюй Шучжэн 18, 84–86, 105, 109, 110,
 363, 384, 389–391, 402, 406, 625
 Сюсин 548
 Тамаров Л. 274, 275
 Тамерлан 579
 Танаев 71
 Танг Магуй 69
 Тапхаев 29, 88, 422, 424, 625
 Тарновский М.Г. 322, 324, 329, 507
 Таскин 74, 88
 Тастухин 443
 Тау-линг 69
 Тейхаев 118, 628
 Терebinин 524
 Терехов 435
 Тигильцев 392
 Тизенгаузен 318, 322, 423, 538, 542
 Тирбах А. 283, 620
 Титов 467
 Тогтохо-гун .. 22, 83, 153, 383, 625, 626, 641
 Токмаков 434
 Толмачев 541
 Толстой 183, 226
 Томилин 71
 Трещев 11, 56
 Троицкий Л.Д. 33, 43, 176, 198, 209,
 219, 264, 593
 Трубинов М.К. 302
 Тубанов 21, 29, 213, 237, 368, 399, 419,
 420, 437, 442, 445, 533, 534, 613, 630, 635
 Тувдорж-ван 554
 Тухачевский М.Н. 38
 Тушэту-хан 141, 632
 Тымынза 120
 Тьртово 47
 Тысханов 548
 У Пэйфу 136, 218
 Угэдэй 414, 577, 579
 Ульцзя 142
 Унгариа 6, 615, 616
 Унгерн В. 432
 Унгерн Г. 432, 565
 Унгерн К.Ф. 615
 Унгерн П. 432, 565
 Унгерн Ральф 431, 565

- Унгерн Ф. 616, 623
 Унгерн-Штернберг А. 8
 Унгерн-Штернберг Гальза 565
 Унгерн-Штернберг Е.П. 16, 269, 278,
 618, 619, 620, 637
 Унгерн-Штернберг Рено 616
 Унгерн-Штернбергу Т.-Л.-Р. 266
 Урм К.Д. 522, 550–551
 Урманчиев 543
 Усачевский 15, 72
 Учида 242
 Уэда 206
- Фабий Максим Кунктатор 377, 639
 Фальский 168
 Фаня 582–586, 589
 Федор 581–586
 Федоров 30, 119, 317,
 Федоров П. 472, 473, 638
 Федотьев 88
 Феофан 38
 Филатов 363
 Филиппов Н.Н. 496, 515, 516, 559–561
 Филипповы 334
 Фитингоф 300, 313, 322
 Флавио 40
 Франкман 363, 585
 Фридрих 273
 Фридрих Великий 202, 241
 Фу Шан 134, 160, 631
 Фушенга 12, 624
 Фын Юйсян 635
- Хамбо-лама 332
 Хас-Батор 153
 Хатакиама 436
 Хатан-Батор Максаржав 22, 83, 90, 174,
 196, 230, 297, 402, 406, 516, 554,
 625–628, 634
 Хатан-Батор-ван —
 см. Хатан-Батор Максаржав.
 Хейдок А. 5
 Хионин А.П. 303, 313
 Хирояма 418, 533, 607
 Хитрово А.Д. .. 327, 363, 387, 496, 586, 639
 Хитун С.Е. 23, 44, 580, 614, 638, 643
 Хоботов 32, 200, 209, 210, 227, 241, 310,
 315, 320, 407, 419, 437, 443, 445, 470, 499,
 500, 503, 509, 510, 533, 636
 Ходоровский 199, 263
 Хорват 70, 624
- Хорват Д.Л. 624
 Хорошилова О. 44, 273
 Хотэй 574
 Хребтов 428, 462, 463
 Христина 6
 Христофоров В.В. 181, 303, 321
 Хубилай 579
 Хухын-хутухта 166, 632
 Хушиктен-лама 418, 532, 534
- Цаганжапов 492, 506
 Цао Кун 119
 Царегородцев 437, 531
 Цветков 492
 Церветков 181, 319
 Цзао Кунь 103
 Цзасакту-хан 165, 632
 Цзи — см. Унгерн-Штернберг Е.П.
 Цзонхава 639
 Цибикив Б. 39, 44, 174
 Цин 35, 129, 142, 143, 160–163, 252, 347
 Цинская династия — см. Цин.
 Циркулинский 30, 116, 122, 137, 222,
 285, 433, 436, 546–548
- Цогбадрах 90
 Цыбен 116
 Цыбыктаров С.Б. 22, 379, 381, 639
 Цыдыпов Ч. 88, 118, 122, 628
 Цыпулов 246
 Цэвэн 168, 294
 Цэвэн-тэргун 89, 153, 554
 Цэндэ-гун 134, 142, 629
 Цэрэндоржи 390
 Цэцэн-хан 83, 86, 625
- Чайванов В.Н. 362, 615
 Частухин 32, 469
 Черемисинов 194, 199
 Чернов 339, 439, 440, 529, 531
 Чечулин С. 199
 Чжан 372
 Чжанкуй 16, 278
 Чжан Куню 33, 87, 88, 100, 101, 119–121,
 130, 134, 135, 139–141, 144, 106, 107, 272,
 295, 347, 482–485, 524, 625
 Чжан Сун 103, 630
 Чжан Хуаньпынь 87, 88, 103, 121
 Чжан Цзинькуй 357
 Чжан Цзолинь ... 88, 102–104, 119–121, 128,
 134, 136, 141, 143, 167, 188–190, 206, 212,
 217, 222, 236, 239, 247, 252–260, 272, 295,
 405, 406, 483, 512, 524, 541, 553, 625

- Чжо 139
 Чибизов И.Я. 317, 324, 547
 Чижов И.Д. 452
 Чимид У. 93
 Чимэддорж 90
 Чингисхан ... 31, 35, 253, 259, 269, 337, 413,
 414, 430, 539, 555, 574, 575, 577,
 579, 599, 604, 632, 641
 Чистяков А. 156, 449
 Чичерин Г.В. 30, 82, 112, 151, 175, 176,
 180, 185, 186, 188, 190, 219, 264, 627, 631
 Чойбалсан Х. 21, 22, 44, 90, 113, 153,
 154, 552–554, 568
 Чу Лицзян 21, 100, 101, 109, 110, 528
 Чувашев С.Ф. 302
 Чугунов 508
 Чудский 54
 Чултун-бэйлэ 516
 Чумагин 167
 Чуцкаев 210, 220–234, 244
 Чэнь И 18, 21, 93–96, 109, 110, 129,
 130, 305, 306, 365, 552, 562, 615
- Шадрин 16
 Шайдицкий В.И. 14, 16, 44, 277, 289
 Шалашов 517
 Шаляпин Ф.И. 613
 Шан Фугуан 103
 Шанцзотба 83, 91, 626
 Шапошников 197
 Шароглазов И.Х. 69, 74
 Шарыстанов 75
 Шванковский 120
 Швецова 537, 548
 Шевченко 77, 78, 549
 Шейнеман 442, 446
 Шеломенцев 360, 619, 639, 641, 642, 644
 Шемелин И. 135, 629
 Шерлина Е. 198, 199
 Шестаков 209, 520
 Ши Угурда 121
 Шилов В.А. 325
 Ширендыб Б. 44, 90, 92, 152, 175, 177
 Ширниндамдин 90
 Шишкин 334
 Шлихт 385
 Шмаков 329
 Шорин В.И. 82
- Штарнберг 6, 616
 Шубин А.И. 24, 28, 212, 214, 230, 232, 237,
 334, 635
 Шумяцкий Б.З. 34, 97, 112–114, 158,
 174, 184, 186, 188, 189, 624, 627, 634
 Шэн Чэнцзай 98
 Шэн Юнь 123, 126, 628
- Шапов 543
 Щербатов 311
 Щетинкин П.Е. ... 29–33, 193, 194, 204, 208,
 209, 211, 241, 249, 331, 361, 404, 406, 408,
 428, 477, 498, 624, 634
- Эмасов Л. 39, 44
 Энгельгардт-Езерский 427, 504
 Эпов 549, 550
 Эповы 120, 121
 Эрдэни Доржи 182
 Эрдэни-гун 89, 626
 Эхэ-дагини 91, 626
- Ю Ин 116
 Юань Шикай 98, 627
 Югоцзур-хутухта Галсандаши 122,
 125–129, 141–144, 166–168, 628
 Юзефович Л. 4, 7, 8, 12, 16, 17, 23, 25,
 35, 44, 70, 624, 637, 639, 641
- Юмиаров 84
 Юнчжэн 427
 Юшков 329
- Якимов 88, 626
 Якобсон 424
 Яма 539
 Янсон Я.Д. 151, 626
 Янчжо 87, 88
 Яньков 445
 Яроне А.И. 286
 Ярославский Е.М. ... 4, 34, 250, 555, 557, 643
- Alioshin D. — см. Алешин Д.
 Ecker J. 631
 Gyzicki K. — см. Гижицкий К.
 Kendall H.H. 37, 44
 Michalowski W.St. 44, 70, 71, 632
 Sandag S. 37, 44

*Р.Ф. Унгерн в возрасте
семи лет
из кн.: Michalowski W.S. 1973.
Testament barona. Warszawa.*

*Р.Ф. Унгерн во время службы в
Даурии (?)
РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 60, л. 3.*

*Р.Ф. Унгерн в форме вольноопределяющегося 91-го
пехотного Двинского полка,
1907 г.
из кн.: Michalowski W.S. 1973.
Testament barona. Warszawa.*

*Р.Ф. Унгерн в мундире
Нерчинского
казачьего полка
из кн.: Michalowski
W.S. 1973. Testament
barona. Warszawa.*

ГМИСР, колл.: фото, № 19086/1356.

ЦМВС, фотофонд, 3/3Б981.

Р.Ф. Унгерн во время допроса в штабе 5-й армии в г. Иркутске

ЦМВС, фотофонд, 3/Б4489.

*Р.Ф. Унгерн в сопровождении П.Е. Щетинкина
ГМИСР, колл.: фото, № 1076/13-8-2.*

Р.Ф. Унгерн во время суда в Новониколаевске

из собрания М.Ю. Блинова и Новосибирского областного краеведческого музея.

Заседание суда над Р.Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г. ГМИСР, коллекция: фото, № 23086/100.

Группа офицеров и казаков Хамарского полка во главе с полковником Чупровым. Даурия, 1919 г. из собрания М.Ю. Блинова.

*Ф. Оссендовский
из кн....*

*С.Д. Россианов
из собрания М.Ю. Блинова.*

*В.И. Шайдицкий
из кн.: Шайдицкий В.И.
1963. На службе Отечества. Сан-Франциско.*

*Командир Монголо-бурятского полка
Д.Д. Николаев
из собрания М.Ю. Блинова.*

*Н.М. Рибо
из собрания М.Ю. Блинова.*

*С.Е. Хитун после производства в офицер-
ский чин.*

*Наградной крест за взятие Урги
войсками Р.Ф. Унгерна
по: Михайлов М. 1997. Знак отличия
Белого движения "Урга". – Нуми-
зматика и фалеристика". № 3.*

Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII

художник Б. Шарав. Из кн.: Цултэм Н.-О. 1984. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.

*Трон Богдо-гэгэна
(фото С.Л. Кузьмина).*

Джалханцза-хутухта Дамдинбазар

из кн.: Gizycki K. 1929. Przez Urjanchaj i Mongolje. Lwow – Warszawa: wyd. Zakladu etc..

Чжан Цзолин

из кн.: Демиденко М.И. 2004. Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета. М.: Яуза – Эксмо.

*П.Е. Щетинкин
ГМИСР, колл.: фото, № 35651/1.*

*Отряд Народно-революционной армии
ДВР в походе
Читинский областной краеведческий музей.*

*Юрта Д. Сухэ-Батора. Алтан-Булак
(в прошлом — Маймачен)
фото С.Л. Кузьмина.*

*Представители Народно-революционного правительства Монголии среди бойцов Красной армии — участников разгрома Р.Ф. Унгерна. Маймачен, 1921
ГМИСР, колл.: фото, № 4400/13.*

*Тогтохо-гун
из книги: Козлов П.К. 1920. Тибет и Да-
лай-лама. Пг.*

*Монастырь Чойджин-ламын-сум в г. Улан-
Батор
фото С.Л. Кузьмина.*

*Кяхта и Маймачен (вверху), Троиц-
косавск (внизу)*

*из кн.: А.И. Дмитриев-Мамонов, А.Ф.
Здьярский (ред.) 1900. Путеводитель по
великой Сибирской железной дороге. СПб.*

*Панорама г. Улан-Батор с горой
Богдо-ула на горизонте. 1983 г.
фото С.Л. Кузьмина.*

*Мундир Р.Ф. Унгерна (в котором он находился в плену у красных), поступивший от Реввоенсовета Туркестанского фронта в 1939 г.
ЦМВС № 2/2926 (фото С.Л. Кузьмина).*

Летний мундир Р.Ф. Унгерна, присланный председателю Минусинского уездного исполкома в 1921 г. К мундиру была приложена записка: “Прошу посылку эту поместить в Минусинском музее, как историческую память работы вверенного мне отряда, действия и состав которого будут высланы дополнительно в виде доклада; желательно было бы доклад опубликовать. Бумажку, которую посылаю с тужуркой, наклейте на нее. Начотряда военком Щетинкин. 30/IX 21 г. г. Ачинск”.

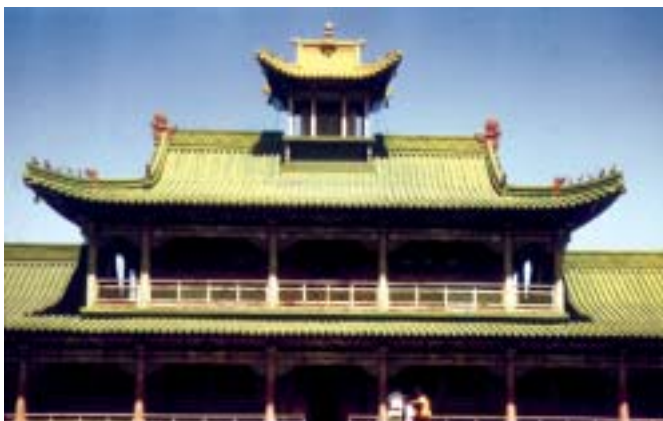
Минусинский региональный краеведческий музей, № 8470; ОФ 6502 (фото: Е.М. Лясковская).

*Долина р. Селенга в северной Монголии — район сражений Азиатской конной дивизии с красными
фото С.Л. Кузьмина.*

*Знамя Азиатской конной дивизии
из собрания М.Ю. Блинова.*

Один из храмов Зеленого дворца Богдо-гэгэна, откуда он был освобожден из-под домашнего ареста унгерновцами. Улан-Батор. 1991 г. фото С.Л. Кузьмина.

Развалины небольшого буддистского монастыря, разрушенного коммунистами. Северная Монголия, Селенгинский аймак, сомон Цаган-нур. 1983 г. фото С.Л. Кузьмина.

*Облигация первого внутреннего займа Монголии
фото из собрания М.Ю. Блинова.*

Содержание

Деятельность барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга и его роль в истории	4
Благодарности	45
ДОКУМЕНТЫ	46
Период до Гражданской войны	46
[Учеба Р.Ф. Унгерна в Морском кадетском корпусе]	46
[Документы Р.Ф. Унгерна перед отставкой в 1913 г.]	49
[Допрос Р.Ф. Унгерна 26 октября 1916 г. в Черновцах]	55
[Аттестации Р.Ф. Унгерна в Первую мировую войну]	62
[Приговор по делу Р.Ф. Унгерна в 1916 г.]	63
[Предписание об отправке Р.Ф. Унгерна в часть]	65
[Увольнение Р.Ф. Унгерна в резерв чинов в 1917 г.]	66
Период Гражданской войны в России и Монголии	66
[Письмо Р.Ф. Унгерна Г.М. Семенову 7 апреля 1918 г.]	66
[Письмо Р.Ф. Унгерна Г.М. Семенову 27 июня 1918 г.]	69
[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому 17 сентября 1918 г.]	70
[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому 11 ноября 1918 г.]	70
[Письмо Р.Ф. Унгерна П.П. Малиновскому 30 ноября 1918 г.]	71
[Наложение Р.Ф. Унгерном взыскания на офицеров]	71
[Награждение Р.Ф. Унгерна вторым орденом Св. Георгия 4-й степени]	72
[Наложение Р.Ф. Унгерном взыскания на врача Ильинского]	72
[Приказ Р.Ф. Унгерна об изучении монгольского языка]	72
[Приказы об освобождении от занятий по случаю монгольского и татарского праздников]	73
[Из приказа о создании Азиатской конной дивизии]	73
[Реквизиции, проводившиеся Р.Ф. Унгерном в Даурии]	74
Условия найма добровольцев в Азиатскую конную дивизию [в сентябре 1920 г.]	80
[Благодарность Р.Ф. Унгерну от станицы Мангутской]	81
[Дезертирство китайского отряда от Р.Ф. Унгерна]	81
[Телеграмма В.И. Ленину об опасности успехов Р.Ф. Унгерна в Монголии]	81
[Приказ В.И. Шорину о содействии Китаю в борьбе с Р.Ф. Унгерном]	82
[Политическое положение в связи с захватом части Монголии Унгерном]	83
[Оценка сил монгольских князей для восстановления автономии Монголии] .	87
[Письмо Л. Вольфовича Р.Ф. Унгерну от 24 ноября 1920 г.]	87
[Письмо Р.Ф. Унгерну о грабежах, производимых от его имени]	88
[Приказ по Азиатской конной дивизии после взятия Урги]	89
[Политические мероприятия Р.Ф. Унгерна после занятия Урги]	90
[Указ Богдо-гэгэна о присвоении Р.Ф. Унгерну и его сподвижникам монгольских титулов и степеней]	90

[Из указа Богдо-гэгэна о необходимости исполнения распоряжений Р.Ф. Унгерна, касающихся военных действий против китайских милитаристов]	92
[Объявление Р.Ф. Унгерна о мобилизации бурятов и эвенков]	92
[Рассказы русских беженцев из Урги в феврале 1921 г.]	93
[Чэнь И о причинах и последствиях победы Р.Ф. Унгерна]	93
[Просьба Чэнь И представителю РСФСР Ф.И. Гапону о помощи Китаю против Р.Ф. Унгерна]	95
[Информация председателю Сибревкома И.Н. Смирнову о телеграмме Чэнь И с предложением совместной борьбы с Р.Ф. Унгерном]	96
Информация И.Н. Смирнова Б.З. Шумяцкому о позиции Наркоминдела по вопросу привлечения Китая к борьбе с Р.Ф. Унгерном	97
[Донесение Баир-гуна Р.Ф. Унгерну]	98
[Письмо Р.Ф. Унгерна А.П. Кайгородову]	99
[Письмо Р.Ф. Унгерна Чжан Куню 16 февраля 1921 г.]	100
[Письмо Р.Ф. Унгерна Чжан Куню 2 марта 1921 г.]	101
[Письмо А. Погодаева Р.Ф. Унгерну]	102
[Письмо А. Погодаева Чжан Цзолиню]	104
[Первая нота правительства Монголии правительству РСФСР]	104
[Проект ответа правительства РСФСР на ноту правительства Монголии] ..	105
[Ответ правительства РСФСР на ноту правительства Монголии]	106
[Проект второй ноты правительства Монголии правительству РСФСР]	107
[Нота правительства Монголии правительству Китая]	108
[Укрепление положения Р.Ф. Унгерна в Монголии в феврале 1921 г.]	111
[Влияние освобождения Монголии Р.Ф. Унгерном на национально-освободительное движение в Тибете]	114
[Сводка о внутреннем положении в Забайкалье и Монголии на март 1921 г.]	114
[Письмо подполковника Лауренца Р.Ф. Унгерну 1 февраля 1921 г.]	116
[Письмо подполковника Лауренца Р.Ф. Унгерну 7 февраля 1921 г.]	117
[Письмо войскового страшины Тейхаева Р.Ф. Унгерну]	118
[Письмо А. Костромина Р.Ф. Унгерну]	118
[Письмо Г.М. Семенова Р.Ф. Унгерну 28 февраля 1921 г.]	119
[Письмо Р.Ф. Унгерна А.К. Еремееву 1 марта 1921 г.]	119
[Письмо А.К. Еремеева Р.Ф. Унгерну]	120
[Письмо Р.Ф. Унгерна А.К. Еремееву 26 марта 1921 г.]	121
[Письмо неизвестного лица Р.Ф. Унгерну]	121
[Первое письмо Р.Ф. Унгерна Югоцзур-хутухте]	122
[Письмо Югоцзур-хутухты Р.Ф. Унгерну]	125
[Письмо Р.Ф. Унгерна Ару-Харчийн-вану]	126
[Письмо Р.Ф. Унгерна Найман-вану]	128
[Письмо Р.Ф. Унгерна Чжан Куню 26 марта 1921 г.]	130
[Первое письмо Р.Ф. Унгерна Палта-вану]	131
[Второе письмо Р.Ф. Унгерна Палта-вану]	132

[Письмо Лувсан-Цэвэна Р.Ф. Унгерну]	133
[Первое письмо Р.Ф. Унгерна Цэндэ-гуну]	134
[Письмо И. Шемелина Р.Ф. Унгерну 7 марта 1921 г.]	135
[Письмо Р.Ф. Унгерна И. Шемелину 26 марта 1921 г.]	135
[Письмо Р.Ф. Унгерна неизвестному лицу]	136
[Письмо неизвестного лица Р.Ф. Унгерну]	136
[Доклад полковника Евтина Р.Ф. Унгерну]	136
[Письмо П. Дзыно Р.Ф. Унгерну]	138
[Первое письмо Р.Ф. Унгерна прапорщику Малецкому]	140
[Второе письмо Р.Ф. Унгерна прапорщику Малецкому]	140
[Письмо Р.Ф. Унгерна Найден-вану 10 апреля 1921 г.]	140
[Письмо Р.Ф. Унгерна Найден-вану 27 апреля 1921 г.]	142
[Второе письмо Р.Ф. Унгерна Цэндэ-гуну]	142
[Письмо Р.Ф. Унгерна Л. Вольфовичу]	144
[Письмо Р.Ф. Унгерна] начальнику отдельного отряда войск, действующих в провинции Цицикар	144
[Письмо Р.Ф. Унгерна Ли Чжанкую]	145
[Мнимое письмо Р.Ф. Унгерна В.И. Анучину]	146
[Ответ В.И. Анучина на мнимое письмо Р.Ф. Унгерна]	148
[Воззвание к гражданам России о восстании против большевиков]	148
[Условия найма добровольцев в Азиатскую конную дивизию в 1921 г.]	149
[Вербовка в Маньчжурии добровольцев в Азиатскую конную дивизию]	150
[Предсказание священнослужителя Лубсан Балдан Еше]	150
[Ослабление позиций Р.Ф. Унгерна в Монголии в марте 1921 г.]	151
[Из “Воззвания” к монгольскому народу, выпущенного членами кружка монгольских революционеров в Маймачене]	152
[Обращение ЦК МНРП о приеме в Коминтерн и борьбе с Р.Ф. Унгерном]	152
[Постановление об образовании Временного народного правительства Монголии]	153
[Обращение Временного народного правительства к населению Монголии]	154
[Циркуляр Министерства внутренних дел Ургинского правительства о борьбе против Временного народного правительства от 28 марта 1921 г.]	155
[Приказ Р.Ф. Унгерна о передаче в Азиатскую дивизию иконы Иннокентия Святителя]	156
[Приказ Р.Ф. Унгерна о борьбе с пьянством]	157
[Меры РКП(б) по разложению войск Р.Ф. Унгерна]	157
[Письмо Р.Ф. Унгерна В.М. Молчанову 18 мая 1921 г.]	158
[Письмо Р.Ф. Унгерна К. Грегори 20 мая 1921 г.]	159
[Письмо Р.Ф. Унгерна вождям казахов]	161
[Проект письма председателя Совета министров Монголии казахам]	162
[Письмо монгольского сановника Кабук-Саурскому вану]	164
[Письмо Р.Ф. Унгерна Цзасакту-хану 8 мая 1921 г.]	165
[Письмо Р.Ф. Унгерна Цзасакту-хану 15 мая 1921 г.]	165

[Письмо Р.Ф. Унгерна Джалханца-хутухте]	166
[Письмо Джалханца-хутухты уполномоченному Советского правительства]	168
[Второе письмо Р.Ф. Унгерна Югоцзур-хутухте]	168
[Приказ Р.Ф. Унгерна № 15 о наступлении на Сибирь]	169
[Из интервью Богдо-гэгэна после выступления Р.Ф. Унгерна на Сибирь]	173
[Причины расхождения монголов с Р.Ф. Унгерном]	173
[Из приказа командования 5-й армии в связи с вводом советских войск в Монголию]	175
[Руководство к действиям Красной армии на территории Монголии]	175
[Об отношении Экспедиционного корпуса к китайским войскам в Монголии]	176
[Обращение командования Экспедиционного корпуса к населению Монголии]	177
[Действия Красной армии и Народно-революционной армии Монголии против Р.Ф. Унгерна]	179
[Обращение ЦК МНРП к народу Монголии относительно Красной армии] ..	180
[Обстановка в Урге после занятия ее Красной армией]	180
[Из грамоты правительства Богдо-гэгэна после занятия Урги красными]	181
[Приказ Реввоенсовета Монгольской армии о разоружении населения]	181
[Письмо Р.Ф. Унгерна Богдо-гэгэну 19 июля 1921 г.]	182
[Планы и намерения Р.Ф. Унгерна после занятия Урги красными]	183
[Из сводки сведений по Русско-Инородческому партизанскому отряду белых войск Горно-Алтайской области со 2 по 20 августа 1921 г.]	184
[Тактика красных по разгрому Р.Ф. Унгерна]	184
[Итоги и значение разгрома Р.Ф. Унгерна красными]	186
[Оценка большевиками панмонгольских взглядов Р.Ф. Унгерна]	189
[Просьба Временного народного правительства не выводить части Красной армии из Монголии]	190
[Агрессивные планы Чжан Цзолина в Монголии]	190
[Обстоятельства пленения Р.Ф. Унгерна]	192
[Запрос о местонахождении пленного Р.Ф. Унгерна]	197
[Телеграмма о взятии в плен Р.Ф. Унгерна и окончании летней кампании 5-й армии]	197
Следствие и суд в Новониколаевске	198
[Решение Политбюро ЦК РКП(б) о суде над Р.Ф. Унгерном]	198
[Допрос Р.Ф. Унгерна 27 августа 1921 г. в Троицкосавске]	199
[Допросы Р.Ф. Унгерна 29 августа 1921 г. в Троицкосавске]	205
[Главные итоги первых допросов Р.Ф. Унгерна]	209
[Допросы Р.Ф. Унгерна 1 и 2 сентября 1921 г. в Иркутске]	210
[Регламент перевозки Р.Ф. Унгерна на пароходе]	219
[Телеграмма Л.Д. Троцкому об отправке Р.Ф. Унгерна в Новониколаевск] ..	219
[Рапорт о препровождении пленного Р.Ф. Унгерна]	219
Допрос Р.Ф. Унгерна 7 сентября 1921 г. [в Новониколаевске]	220

[О доставке Р.Ф. Унгерна в Новониколаевск, допросе и подготовке суда] ...	234
Результаты опроса Р.Ф. Унгерна в Штасибе, Штарме 5 и Штабе экспедиционного корпуса	234
[Ход суда над Р.Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г.]	242
[О расстреле Р.Ф. Унгерна]	263
[Роль Р.Ф. Унгерна в успехе Монгольской народной революции]	264
МЕМУАРЫ	265
П.Н. Врангель. Записки	265
А. Грайнер. Барон Роман Унгерн-Штернберг: жизнеописание	266
А.В. Бурдуков. В старой и новой Монголии	270
И.И. Серебренников. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий в 1919–1923 гг.	271
[Л.Н. Пунин. Из воспоминаний о Первой мировой войне]	272
Л. Тамаров. Воспоминания офицера	274
В.А. Кислицин. В огне Гражданской войны	275
В.И. Шайдицкий. На службе Отечества	277
Отдельная Азиатская конная дивизия	277
Генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг фон Пилькау	286
Г.М. Семенов. О себе: воспоминания, мысли и выводы	289
Случайный. В осажденной Урге (впечатления очевидца)	296
[В.Ю. Сокольников. Воспоминания]	309
К.И. Лаврентьев. Взятие г. Урги бароном Унгерном	312
Ургинские события 1921 года	312
Н.Н. Князев. Легендарный барон (отрывки из воспоминаний о генерал-лейтенанте бароне Унгерне)	335
От Даурии до боев под Ургой	349
Налет на Ургу	352
Второе наступление на Ургу	356
Д.П. Першин. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхасской) Монголии в первой трети XX века	362
К. Гижицкий. Через Урянхай и Монголию	411
Бунт в дивизии	411
Д.Д. Алешин. Азиатская Одиссея	415
А.С. Макеев. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии	430
Вместо предисловия	430
Унгерн о себе	431
Черная телега	433
Марш за речку!!!	434
Перед Ургой	436
На костре	438

Расправа	440
Взятие Урги	441
Барон в Урге	443
Коронация повелителя Монголии	446
Ночная жуть	447
Ургинские ночи	449
Дуся	450
Прощай, Урга. Смерть Архипова	451
Зарыли золото	453
Разгром. Огни Троицкосавска потухли	454
Разбили красных	456
Штаб дивизии на кустах	457
Животных бить нельзя	459
Гусиное озеро	460
“Ком-ячейка 106”	461
“Во всякой организации свои порядки!”	463
В Урянхайский край	465
Офицеров больше бить не буду	466
Последняя капля	468
Убийство генерала Резухина	469
Мсть за поруганную честь	471
Конец барона Унгерн-Штернберга	474
Последний удар по красным	476
На восток	477
Предательство бурят	479
Суд на походе	481
Переговоры с китайцами	483
Поехали в Приморье	484
Конец Азиатской конной дивизии	486
Легенды о бароне Унгерне	487
А.С. Макеев. Ночной визит	489
Н.М. Рибо. История барона Унгерн-Штернберга, рассказанная его штатным врачом	491
К. Носков. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921-й год ...	514
События в Кобдо	514
Отъезд полковника Михайлова и других	515
Возвращение в Улясутай, приказ № 15	516
Террор в Улясутае	516
Подготовка ко второму походу	517
Голубев. Воспоминания	518
Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции	552
Анван. Восстановление автономии при бароне Унгерне	554
Е.М. Ярославский. Барон Роман Унгерн фон Штернберг	555
В.Я. Зазубрин. О том, кого уже нет (Унгерн)	557

Ф. Оссендовский. Звери, люди и боги	559
Глава XXXIII. “Смерть в лице белого человека будет стоять за твоими плечами”	559
Глава XXXIV. Ужасы войны	561
Глава XXXV. В городе живых богов, тридцати тысяч Будд и шестидесяти тысяч монахов	563
Глава XXXVI. Потомок пиратов и крестоносцев	565
Глава XXXVII. Среди офицеров Унгерна	570
Глава XXXVIII. Перед лицом Будды	573
Глава XXXIX. Человек с головой, как седло	578
С.Е. Хитун. Дворянские поросята	580
В монгольской тюрьме	580
В военном сумбуре. В Монголии с Унгерн-Штернбергом	589
Коронация Богдо-хана	599
С. Лавров. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания)	615
В.А. Морозов. Записки об эмиграции. Воспоминания	620
[Памяти единомышленника]	622
Комментарии	624
Именной указатель	645